

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

	СТР.
I. Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. Проф. И. И. Малышевскаго.	1—27, 325—353
II. Культурныя переживанія. Профессора Н. Ѳ. Сумцова.	28—40, 378—427, 631—654
III. Кіевское городское управленіе въ 1786 г. III. (Окончаніе). Н. В. Молчановскаго.	47—63
IV. Русалка. (Этнографич. разсказъ). Ганны Барвинокъ. . .	64—109
V. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Проф. Д. И. Багалтя.	110—148
VI. Воспоминанія М. К. Чалаго.	149—187, 456—467, 709—726
VII. Нечистая сила. (Повѣсть). Переводъ съ польскаго. К. М.	188—220, 461—514
VIII. Два намѣстника. А. Е.	221—231
IX. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (Этнографическій очеркъ). М. К. Васильева.	354—376, 615, 640
X. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. М. И. Лилеева.	377—401, 597—614
XI. На «Вовчомъ хуторѣ». Дмитрія Марковича.	427—435
XII. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. А. А.	468—490
XIII. Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. Анад. Н. А. Трутовскаго.	585—596
XIV. Лирнѣвн. Валеріана Боржковскаго.	653—708
XV. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). Ф. Равиты.	727—751

- XVI. Документы Извѣстія и Замѣтки. Попытка къ уравне-
нію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. **А. Лобко**.
Изъ бумагъ **К. А. Лохвицкаго**. **Н. Н. Оглоблина**. Медико-
топографическая и этнографическая работы д-ра де-
ла-Флиза **Н. Б.** Церковная старина ириятинскаго
уѣзда. **Ап. Залѣскаго**. Жалоба новомлинскаго сот-
ника на новомлинскаго намѣстника. Сообщилъ **И. А.**
Л—но. Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губерна-
торѣ **Денѣ**. Сообщилъ **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ**.
Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г.
Мариэ —евича. Владиміръ-Волынское братства. **О. Л.**
Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ.
Л. П. Народный праздникъ св. мучениковъ **Макка-**
веевъ **Хр. П. Ящуржинскаго**. Изъ воспоминаній о
быломъ. (Со словъ рассказчика). **Л.***** Къ исторіи
Глушковской фабрики. Сообщ. **Н. А. Добротворскій**.
Вариантъ пѣсни о **Кармелюкѣ**. Пѣсня сахарно-завод-
ская. Малороссійская губернія. **П. Кितिцына**. Стран-
ное слово. **В. Б.** Десятилѣтіе каневской публичной
библиотеки (1878—1887 года). **В. Гаврыша**. Замѣтка
о саранчѣ, бывшей въ **Кіевщинѣ** въ 1861 г. **Бориса**
Познанскаго. Поѣздка въ **Кирилівку**. (Замѣтка къ
біографіи **Т. Г. Шевченка**). **Ю. Д. Тально-Гринцевича**.
Легенда о «**Петровомъ батогѣ**». **Ив. Манджуры**. У
гупуловъ. Къ біографіи **Тимофея Цыцуры**. Сообщилъ
Н. О. Изъ народныхъ рассказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.
Кравченка. Польскій театръ въ **Каменцѣ** въ 1860—
61 гг. 800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія
Пресвятой Богородицы въ **Кіево-Печерской лаврѣ**.
П. Г. . . . . . 232—292, 515—549, 752—780
- XVII. Для справокъ. . . . . 291—292, 550—552, 780
- XVIII. Библиографія. **Лучицкій И.** Сябры и сябринное земле-
владѣніе въ Малороссіи. Спб. 1839. **Ив. Новицкаго**.
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и
племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учеб-
наго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889. **А. Степовича**.
Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его куль-

турнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. Проф. Д. И. Багалъемъ. Харьковъ. 1889 г. **И. Каманина**. Н. Н. Любичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава. 1889 г. **И. Каманина**. Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городского общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ. 1889 г. **Ө. Н.** Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г. **А. Степовича**. Кіево Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историч. очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. **П. Голубовскаго**. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина**. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина**. Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 г. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава. 1889. **И. Новицкаго**. Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею. Томъ четырнадцатый (дополненіе къ III тому). **Ив. Н.** Иванъ Манджура. Степовы думы та сивы. **В. Г. Ж.** Toponicki. Mара do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской академіи наукъ) испр. и дополненное по новѣйшимъ изслѣд. **Ц. Неймана**. Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій рассказъ для народнаго чтенія) составилъ священникъ Павелъ Аѳонскій. 1889. Его же: Православныя святыни города Минска. 1889. **И. Каманина**. Casopis Musea království českého. 1888. Выпускъ III—IV. **А. Степовича**. Обзорніе газетъ и

IV

СТР.

журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ
концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю.
Россіи.. . . . . 293—324, 552—584, 781—810

Приложенія: 1) Мемуары, касающіяся исторіи ю. Россіи.

2) Алфавитный указатель личныхъ именъ къ наказамъ
малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

І Ю Л Ъ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXIV.

1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Происхождение русской великой кн. Ольги св. I—III. Проф. П. И. Малышевскаго. (1—27).
- II. Культурныя переживанія. XXXVIII—L. П. О. Сумцова. (28—46).
- III. Кіевское городское управление въ 1786 г. III. (Окончаніе). Н. В. Молчановскаго. (47—63).
- IV. Русалка. (Этнографическій разсказъ). Ганна Барвинокъ. (64—109).
- V. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. IV—V. Проф. д. И. Багалъя. (110—148).
- VI. Воспоминанія М. К. Чалаго. (149—187).
- VII. Нечистая сила. (Повѣсть). Переводъ съ польскаго. К. М. (188—220).
- VIII. Дѣла намѣстника. А. Е. (221—231).
- IX. Документы, Извѣстія и Забѣты. Попытка къ уравненію мѣры и вѣса въ Малороссіи XVIII в. А. Дюбо. Изъ бумагъ Н. А. Лохеицкаго. Н. Н. Оглоблина. Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра де-ла-Флиза. П. Б. Церковная старина пирятинскаго уѣзда. Ап. Залѣскаго. Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника. Сообщилъ П. А. Д—во. Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Дентъ. Сообщилъ П. В. Дворженскій - Богдановичъ. Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. Марка — евича. Владиміръ-Вольское братство. О. Л. Нейрологъ. (232—292).
- X. Для справокъ. (291—292).
- XI. Библиографія. Лучицкій И. Сябры и сябриное землевладѣніе въ Малороссіи. Шв. Новицкаго. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 7, 1888 г. А. Степовича. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. проф. Д. И. Багалъемъ. П. Камашина. Н. Н. Любовичъ. къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣтѣ. П. Камашина. Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городского общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Ф. Н. Обзорніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книгъ съшедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., насаяющіяся ю. Россіи (293—324).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землепадѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Отдѣльно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамиліяны бумажы Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. В. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левницкаго. Соціанство въ Польшѣ и Югозан. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Аина-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и уніа, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобретаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кл. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

ІЮЛЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Невицкаго, Михайловская улица, д. № 2.

Дозволено цензур. Київъ, 21 іюня 1889 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

русской великой княгини Ольги св.

I.

«О происхождении этой безсмертной жены, о мѣстѣ ея рожденія, возрастѣ, образованіи и многихъ другихъ небольшихъ обстоятельствахъ, которыя такъ хотѣлось бы знать,—*никто ничего не знаетъ*». Такъ выразился Шлецеръ при сличеніи лѣтописныхъ и житійныхъ извѣстій объ Ольгѣ въ своемъ знаменитомъ «Несторѣ», изд. въ 1805—1809 гг. на нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1809—1819 гг. въ русскомъ переводѣ Языкова ¹⁾). Прошли десятки лѣтъ усиленнаго труда надъ разработкою начальнаго періода нашей исторіи,—и замѣчаніе Шлецера пришлось повторить одному изъ наиболѣе свѣдущихъ и ученыхъ представителей этого труда М. П. Погодину, который выражается такъ: «о родѣ супруги Игоря, великой княгини Ольги, безсмертной по многимъ отношеніямъ, до сихъ поръ не сказано было ничего рѣшительнаго» ²⁾). Эти слова Погодина кстати поставлены эпиграфомъ къ новому ученому сообщенію объ Ольгѣ, предлагающему новое рѣшеніе вопроса о ея происхожденіи. Это сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, намѣстника Троицкой лавры, которому наука обязана уже многими, весьма цѣнными учеными открытіями, сообщеніями и изслѣдованіями въ области древней русской исторіи и письменности, преимущественно церковной. Оно предложено въ іюльской кн. «Русской Старины» за минувшій годъ ко времени бывшаго юбилея 900-лѣтія крещенія Россіи, въ статьѣ, существующей и въ отдѣльномъ изданіи, подъ заглавіемъ: *Откуда родомъ была св. великая княгиня*

---

¹⁾ Часть II, стр. 591.

²⁾ Изслѣд. замѣч. и лекціи по русской исторіи. т. III, стр. 88. М. 1846 г.

русская Ольга? На это сообщеніе уже было обращено вниманіе печати при обзорахъ статей, брошюръ и изданій, вышедшихъ по поводу юбилейнаго празднества, но обстоятельнаго сужденія о немъ, сколько помнится, не высказано. Передадимъ вкратцѣ сущность новаго сообщенія о св. Ольгѣ.

Занимаясь описаніемъ рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, о. арх. Леонидъ въ зауропломъ году нашель, въ одномъ историческомъ сборникѣ XV в., любопытный отрывокъ изъ древняго лѣтописца, гдѣ описываются въ сжатомъ видѣ событія русской исторіи съ 862 по 1174 г. (до смерти Андрея Боголюбскаго). Лѣтописецъ, по содержанію, можетъ быть названъ *владимірскимъ*, ибо въ немъ обращено особенное вниманіе на Владимір и его святыни. А время составленія его опредѣляется находящимся въ началѣ его «Родословцемъ» русскихъ князей, въ которомъ послѣднимъ упоминается сынъ Іоанна III Иванъ Младой, сконч. въ 1490 г., слѣдовательно, лѣтописецъ писалъ *въ исходъ XV в.* Неизвѣстный лѣтописецъ въ изложеніи событій слѣдуетъ, очевидно, указаніямъ нашей первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ годахъ оной, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя *дополненія и поясненія* нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника. Для примѣра приложень отрывокъ изъ лѣтописца, относящійся ко времени отъ Рюрика до Владиміра. Изъ этого отрывка взято ученымъ изслѣдователемъ для настоящаго сообщенія слѣд. мѣсто: *Игоря же жени (Олега) въ Болгарьхъ, поятъ же за него князюу, именемъ Ольгу. И бысть мудра вельми*. Далѣе затѣмъ описывается походъ Олега на Царьградъ.

Итакъ, по этому извѣстію, Ольга была родомъ *княжна изъ Болгаріи*. Изслѣдователь находитъ, что это извѣстіе наиболѣе достоверно. Этотъ выводъ уясняется и подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) На вопросъ о родѣ Ольги дается, повидному, утвердительный отвѣтъ въ лѣтописи подъ 903 годомъ, гдѣ говорится: «Игоревѣ же возрасию и хождаше по Олзѣ и слушаше его. И приведша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу». Этотъ Плесковъ обыкновенно отождествляется съ русскимъ Псковомъ, который въ лѣтописяхъ также называется Плесковомъ. Замѣна древняго названія Плесковъ новымъ названіемъ Псковъ начинается еще съ Лаврентьевскаго списка лѣтописи, гдѣ подъ 903 г. стоитъ именно отъ *Пскова*, тогда какъ въ Ипатьевскомъ — отъ *Плескова*. Изслѣдователь полагаетъ, что вариантъ отъ

Пскова вмѣсто Плескова едва ли можетъ быть приписанъ начальному лѣтописцу. Скорѣе онъ принадлежитъ писцу XIV вѣка, т. е. Лаврентію, списавшему лѣтопись въ 1377 г., когда названіе Псковъ было извѣстно лучше, чѣмъ Плесковъ, ставшее уже только книжнымъ и уступившее мѣсто новому названію Псковъ. При томъ переписчику не мудрено было и не разобратъ неизвѣстнаго ему слова, ибо подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ, какъ извѣстно, былъ «ветшанъ».

Но съ наибольшею рѣшительностью тождество Плескова съ русскимъ Псковомъ утверждается въ явившемся въ XVI вѣкѣ пространномъ житіи Ольги, приписываемомъ извѣстному іерею Сильвестру, гдѣ говорится, что св. Ольгу «произведе Плесковская страна, иже отъ области царствія русскія земли, отъ веси нарицаемыя Выбутской, близь предѣлъ нѣмецкія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Исследователь указываетъ на голословность этого извѣстія, сообщеннаго безъ всякихъ ссылокъ на какое либо письменное свидѣтельство, а только на основаніи мѣстныхъ преданій, никѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ. Въ частности, самая легенда о Выбутской веси, внесенная въ житіе, принадлежитъ къ циклу мѣстныхъ легендъ позднѣйшаго времени, когда св. Ольга уже сдѣлалась героинею народныхъ сказаній. Итакъ, устраняя позднѣйшій вариантъ Пскова вмѣсто Плескова и еще болѣе позднія прибавки пространнаго житія XVI в., мы остаемся при начальномъ извѣстіи, что Ольга была родомъ изъ Плескова.

2) Не оспаривая этого извѣстія, не слѣдуетъ однако удовлетворяться имъ и поискать разъясненія его, имѣя въ виду то обстоятельство, что въ началѣ X в. былъ лишь одинъ Плесковъ, городъ въ Болгаріи, по свидѣтельству Кодина, построенный Константиномъ В. близь Преславы ¹⁾, между тѣмъ, какъ о русскомъ Плесковѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

3) Бездоказательное мнѣніе о русскомъ Псковѣ, какъ родинѣ Ольги, могло быть принято, надо полагать, только потому, что доселѣ не имѣлось въ виду ни одного свидѣтельства о томъ, чтобы до написанія пространнаго житія Ольги, т. е. до XVI в. существовало у нашихъ предковъ иное мнѣніе объ этомъ предметѣ, поясняющее или дополняющее сказаніе о томъ начальной лѣтописи. Теперь существованіе такого мнѣнія утверждается какъ фактъ, выражаемый

¹⁾ Ссылка на Шафарика (т. II, кн. 1, стр. 361).

именно извѣстіемъ владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, гдѣ и былъ тотъ, въ началѣ X в. единственный Плесковъ, который позже ошибочно отождествленъ съ русскимъ Псковомъ. Такимъ образомъ совокупностію свидѣтельствъ начальной лѣтописи о Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, владимірскаго лѣтописца о происхожденіи Ольги изъ Болгаріи, при сопоставленіи ихъ съ указаніями на существованіе въ Болгаріи Плескова, положительно утверждается, что Ольга была родомъ изъ Болгаріи, изъ тамошняго города Плескова, и при томъ изъ княжескаго рода.

4) Утвердивъ таковой выводъ, изслѣдователь дѣлаетъ еще два предположенія: а) русскій Плесковъ, позднѣйшій Псковъ, основанъ Ольгою по памяти о ея родномъ болгарскомъ Плесковѣ, во время побѣдки ея по новгородской области, о которой сообщаетъ начальная лѣтопись и о которой сохранились мѣстные преданія, а потомъ народное чувство псковитянъ, пользуясь или побуждаясь тождественностію названія своего города съ названіемъ дѣйствительной родины Ольги, приурочило къ своему городу и самую родину Ольги, для возвеличенія его, какъ именно родины славной въ легендахъ и пѣсняхъ Ольги. б) Что касается до имени Ольги, то оно, въ замѣнъ прежняго славянскаго имени, могло быть дано ей Олегомъ, бывъ взято имъ отъ собственнаго имени.

5) Съ признаніемъ факта болгарскаго происхожденія Ольги получаютъ новое освѣщеніе слѣдующія два явленія нашей изначальной исторіи:

а) Присутствіе въ свитѣ Ольги, во время путешествія ея въ Царьградъ, пресвитера Григорія, родомъ, какъ оказывается, болгарина. Извѣстно свидѣтельство Константина Порфирогенета, что во время двухъ пріемовъ Ольги при дворѣ императорскомъ, въ свитѣ ея находился *πατῆρ Γρηγόριος*. О личности этого Григорія высказано было еще въ 1851 г. интересное мнѣніе кн. Оболенскимъ, извѣстнымъ издателемъ «Лѣтописца Переяславля Суздальскаго». Въ предисловіи къ этому изданію ¹⁾ князь Оболенскій сопоставляетъ слѣдующія два указанія на личность Григорія: первое въ самомъ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтописныхъ сводахъ Лаврентьевскомъ и Ицатьевскомъ, при выпискѣ изъ служившей источникомъ для нашей начальной лѣтописи хроники Георгія Амартола, читаются

¹⁾ Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго и предисловіе къ нему — во Временникѣ Имп. М. общ. ист. и др. 1851 г. кн. IX.

слова — *Георгій* рече въ лѣтописаніи, — въ лѣтописцѣ Переяславли Суздальскаго читается: *Григорій* рече въ лѣтописаніи. Второе: въ заглавіи древняго славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы, также извѣстной древнему нашему лѣтописцу, говорится: «книги завѣта Божія Ветхаго, сказующе образы Новаго, истинну сущу, преложенныя отъ греческаго языка на словенскій при князѣ болгарскомъ Симеонѣ, сынѣ Бориса, *Григоріемъ* пресвитеромъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей, повелѣніемъ того князюлюбца князи Симеона, наипаче же рещи боголюбца». Князь Оболенскій признаетъ, что Григорій переводчикъ Іоанна Малалы и Григорій Переяславскаго лѣтописца—одно и то же лице, т. е. что этотъ Григорій былъ переводчикомъ не только хроники Іоанна Малалы, но и хроники Георгія Амартола, такъ что нашъ начальный лѣтописецъ пользовался хроникою Амартола именно въ славянскомъ переводѣ Григорія пресвитера, славившагося своими переводными трудами при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (888—927). Ссылаясь на эти указанія и выводы князи Оболенскаго, архимандритъ Леонидъ съ своей стороны присоединяетъ новое указаніе на Григорія, какъ переводчика хроники Амартола. Именно, въ древнѣйшемъ извѣстномъ намъ спискѣ переводной Амартоловой хроники XIII в. ¹⁾ съ лицевыми изображеніями, есть изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ, а на подножьи престола есть почти незамѣтная, мельчайшая надпись: «многогрѣшный рабъ Божій Григорій» — надпись, прибавимъ, открытая и прочитанная о. Леонидомъ. Затѣмъ, подобно князю Оболенскому, о. Леонидъ отождествляетъ Григорія, переводчика Амартоловой хроники, съ Григоріемъ, бывшимъ при Ольгѣ св. Съ признаніемъ болгарскаго происхожденія Ольги уясняется переходъ къ ней въ Русь изъ Болгаріи болгарскаго пресвитера Григорія и его положеніе при ней. Переходъ этотъ послѣдовалъ тогда, когда Болгарія по смерти царя Симеона стала клониться къ упадку, и многіе признаки указывали на близкій конецъ ея. Съ такими выводами объ Ольгѣ и Григоріѣ гармонируетъ мнѣніе, что Ольга была тайною христіанкою еще до путешествія въ Царьградъ, что туда отправлялась она не для крещенія, а для чего то другаго, всего вѣроятнѣе, для того, чтобы испросить своему сыну царскій титулъ, какой имѣлъ въ свое время Симеонъ Болгарскій, при которомъ прежде, на своей родинѣ, служилъ Григорій пресвитеръ. Этотъ Григорій, знатокъ и греческаго языка и византійскихъ обычаевъ,

¹⁾ Этотъ списокъ, бывший въ троицкой, нынѣ—въ библиотекѣ московской дух. академіи.

былъ не только полезенъ, но и необходимъ для Ольги въ предстоявшихъ сношеніяхъ ея съ византійскимъ дворомъ, во время которыхъ Ольга держала себя съ достоинствомъ. б) Болгарскимъ происхожденіемъ Ольги — матери Святослава, объясняется усиленное желаніе его завоевать Болгарію и тамъ основать свою державу. Въ Болгаріи онъ видѣлъ страну, ему родную и считалъ себя имѣющимъ на нее болѣе правъ, чѣмъ византійцы. Даже то вѣроятно, что именно болгарскій пресвитеръ Григорій могъ внушить Святославу мысль завоевать Болгарію не для грековъ, а для себя.

Такое, въ главныхъ чертахъ, ученое сообщеніе достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, сосредоточенное на открытомъ имъ новомъ лѣтописномъ извѣстіи о родѣ Ольги. Интересъ извѣстія и выводовъ, устанавливаемыхъ чрезъ сопоставленіе его съ другими данными нашей начальной исторіи, понятенъ самъ собою. Выводы эти настолько смѣлѣе, что хотѣлось бы принять ихъ во всей ихъ совокупности ¹⁾. Удовлетворяя такому настроенію, присовокупимъ еще нѣсколько замѣчаній, могущихъ придавать правдоподобіе выводамъ, основаннымъ на новооткрытомъ извѣстіи владимірскаго лѣтописца. Прежде всего, пополнимъ сдѣланное о. архим. Леонидомъ указаніе на болгарскій Плесковъ. Въ Болгаріи существовалъ городъ *Плискува*, о которомъ имѣются извѣстія у византійскихъ писателей. Левъ Діаконъ, описавшій, какъ очевидецъ, войну нашего Святослава съ императоромъ Иоанномъ Цимисхіемъ въ Болгаріи, говоря о первой битвѣ между ними у Доростола, замѣчаетъ, что Цимисхій, направляясь отъ Преславы къ Доростолу, взялъ городъ, называемый *Πλίσχορζα* ²⁾. Кедринъ (XI в.) въ своей хроникѣ, говори о войнѣ Василя II Болгаробойца съ Самуиломъ болгарскимъ, сообщаетъ, что въ 1000 г. императоръ послалъ за Балканы войско подъ начальствомъ патриціи Θεодоракани и протоспафарія Никифора Ксифіи и взялъ города Великую и Малую Преславу и *Πλίσχορζα* ³⁾. Анна Комнина въ своей «Алексіадѣ», описывая походъ Алексѣя Комнина въ Болгарію, говоритъ, что императоръ пришелъ къ Вицинѣ и оттуда на разсвѣтѣ устремился на городъ *Πλίσχορζα*, взялъ его, потомъ пошелъ на крѣ-

¹⁾ Эти выводы, во всей ихъ совокупности или съ небольшими ограниченіями, уже и приняты нѣкоторыми рецензентами сообщенія о. архим. Леонида, въ числѣ ихъ и многоуважаемымъ г. Иловайскимъ (Историко-критическія замѣтки. Русскій Вѣстникъ. Декабрь. 1888 г.).

²⁾ Patr. Græci edit. Migne, T. 117, p. 857.

³⁾ Ibid. T. 131, p. 541.

посль Симеона ¹⁾. Кодиць (XIV в.) въ своемъ сочиненіи о началѣ Константинополя и византійской имперіи, упоминаетъ о войнѣ Константина В. съ скиѣами при Дунаѣ и замѣчаетъ, что, побѣдивъ скиѣовъ, Константинъ В. построилъ тамъ города Преславу, Дистру (Доростоль), Плискуву и Константину (нынѣ Кюстенджи) ²⁾. Что Константинъ В. велъ войну съ скиѣами при Дунаѣ, въ которой помогали ему херсоняне, это довольно извѣстный историческій фактъ. Преданіе же о строеніи Константиномъ В. городовъ въ придунайской Скиѣи, кромѣ поздняго писателя Кодина, встрѣчается у Льва Діакона, который, впрочемъ, упоминаетъ только о построеніи этимъ царемъ Дистры, т. е. Доростола ³⁾. Итакъ, болгарскій городъ Плискува, однозвучный съ Плесковомъ, существовалъ, считался у византійцевъ древнимъ городомъ въ Скиѣи придунайской, находился по южной сторонѣ нижняго Дуная между Преславою и Доростоломъ, къ сѣверу отъ первой и къ югу отъ послѣдняго. Болгарская Плискува была извѣстна и нашимъ стариннымъ книжникамъ, о чемъ имѣется свидѣтельство отъ XIV в., на которое и указываетъ въ статьѣ архимандрита Леонида и о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже ³⁾. Здѣсь же къ изложеннымъ даннымъ о болгарской Плискувѣ присовокупимъ слѣдующее. Во время Олега русская держава почти примыкала къ той области Болгаріи, гдѣ находился этотъ и сосѣдніе съ нимъ названные выше города. У лѣвой стороны нижняго Дуная жили угличы и тиверцы, съ которыми Олегъ воевалъ въ 885 г. и которые съ той поры находились подъ его властію или въ союзѣ съ нимъ, потому что въ 907 г. участвовали въ походѣ его на Грецію. При такой близости южной границы Олеговой Руси съ границею упомянутой болгарской области представляется допустимою мысль о возможности сношеній Олега съ нею, которыя въ свою очередь открывали возможность привести оттуда жену для Игоря. Припомнимъ еще, что Святославъ привелъ изъ Болгаріи плѣнную гречанку и за ея красоту отдалъ ее въ жены Ярополку, отъ котораго она досталась Владиміру. А у Владиміра были жены болгарыня и чехиня, о которыхъ слѣдуетъ думать, что онѣ приведены были первая изъ Болгаріи, вторая

¹⁾ Ibid. Т. 131, р. 541.

²⁾ Ibid. Т. 157 р. 464.

³⁾ Ibid. Т. 117 р. 854.

⁴⁾ Въ означенномъ свидѣтельствѣ названіе Плискува переименовано въ названіе *Плмска*. Переименованіе названія Плискува въ *Плесковъ* и на русскомъ говорѣ, конечно, вполне возможно. У болгаръ говорили *Преслава*, у насъ *Переяславль*.

изъ Чехин, хотя лѣтопись не отмѣчаетъ времени и обстоятельство, при какихъ онѣ приведены. Что могли дѣлать Святославъ и Владимиръ, то, повидимому, могъ дѣлать и Олегъ, конечно, при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Олегъ, опекунъ Игоря, могъ искать для наследника престола жены *княжескаго* рода и при томъ въ такой сосѣдней странѣ, населеніе которой было родственно съ населеніемъ бывшей подъ его властію Руси.

Само собою понятно, что приведенными данными о болгарской Плискувѣ и соображеніями о возможности приведенія Ольги изъ сосѣдней и единоплеменной Болгаріи—далеко еще не рѣшается дѣло. Предстоитъ такъ или иначе опредѣлить значеніе прямыхъ свидѣтельствъ о происхожденіи Ольги, къ которымъ теперь и переходимъ.

II.

Доселѣ были извѣстны слѣдующія свидѣтельства о происхожденіи Ольги:

1) Свидѣтельство начальной лѣтописи, говорящей, что Ольга была приведена изъ *Плескова*, какъ читается въ Ипатскомъ спискѣ, или изъ *Искова*, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Здѣсь возникаютъ три вопроса. Первый: есть ли послѣднее чтеніе, ясно отождествляющее Плесковъ съ Исковомъ, лишь позднѣйшій вариантъ, принадлежащій переписчику Лаврентію, писавшему въ 1377 г.? Въмѣстѣ съ достопочтеннымъ авторомъ новаго излѣдованія о происхожденіи Ольги и мы находимъ это вполне вѣроятнымъ, на основаніи тѣхъ же указаній и соображеній, какія приведены авторомъ, а также и другихъ, которыя обозначатся сами собой въ дальнѣйшемъ изложеніи. Но надо сознаться, что такой выводъ о чтеніи названія города, бывшаго родиною Ольги, почти не измѣняетъ дѣла. Съ признаніемъ за несомнѣнное, что чтеніе Плесковъ подъ 903 г. было начальнымъ чтеніемъ въ лѣтописи, возникаетъ второй вопросъ: что разумѣлъ лѣтописецъ, т. е. лѣтописецъ начала XII в., подъ тѣмъ Плесковомъ, изъ котораго, какъ онъ говоритъ подъ 903 г., приведена была Ольга? Безъ всякаго сомнѣнія онъ разумѣлъ *русскій* Плесковъ, т. е. позднѣйшій Исковъ. Лѣтописецъ стлично поясняетъ самъ себя, когда, сказавъ подъ 903 г. о приведеніи Ольги изъ Плескова, затѣмъ подъ 947 г. говоритъ о Плесковѣ, какъ городѣ, находившемся въ сосѣдствѣ съ новгородскою областію, потому что говоритъ о немъ при описаніи поѣздки Ольги въ эту область, давая понятъ, что она

посѣтила при этомъ *Плесковъ*, гдѣ «сани ея стоятъ до сегодня»¹⁾. Впрочемъ общеизвѣстно, что русскій Плесковъ носитъ это свое названіе и въ начальной лѣтописи, и въ ея продолженіяхъ по обоимъ спискамъ, и въ другихъ лѣтописяхъ до XIV в., когда въ перемежку съ нимъ выступаетъ новое названіе Псковъ, которое затѣмъ и утверждается²⁾. Но можетъ быть поставленъ и третій вопросъ: не могъ ли ошибиться самъ лѣтописецъ въ своемъ представленіи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги, которое усвоено отъ него и другими? Онъ писалъ въ нач. XII в., и могъ имѣть предъ собою болѣе древнюю записъ о приведеніи Ольги изъ Плескова, но, не зная о болгарскомъ Плесковѣ, отождествилъ его съ русскимъ Плесковымъ, существовавшимъ *въ его время*. Но на какомъ основаніи будемъ приписывать лѣтописцу подобную ошибку? Чѣмъ исправимъ ее? Если бы мы имѣли какое либо *болѣе древнее* или по крайней мѣрѣ современное или даже только близкое ко времени лѣтописца свидѣтельство, что Ольга происходила изъ болгарской Плесковы, а не русскаго Плескова, то и тогда могъ бы быть еще вопросъ о томъ: какое изъ двухъ современныхъ свидѣтельствъ достовѣрнѣе? А какъ такого свидѣтельства не имѣемъ, то не можетъ быть и рѣчи объ устраненіи яснаго свидѣтельства начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ родинѣ Ольги.

2) Тождественное значеніе съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи имѣетъ свидѣтельство «Проложнаго житія» Ольги XIV в., въ которомъ говорится: си блаженная Ольга, родомъ *Пльсковытъни*³⁾. Вообще не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что авторъ житія назы-

¹⁾ Въ статьѣ „Откуда была родомъ св. Ольга?“ замѣчается, будто выраженіе „а се сани ея въ Плесковѣ“ нѣтъ въ лѣтописи Переяслави Суздальскаго, что поэтому не было его и въ начальной лѣтописи. Но это случайный недосмотръ. Указанное выраженіе есть въ лѣтописцѣ Переяслави Суздальскаго, какъ есть и въ другихъ лѣтописяхъ. Что касается до самыхъ этихъ саней, то вопросъ о нихъ пока неваженъ; важны намъ пока не сани, а Плесковъ 947 г., поясняющій значеніе Плескова 903 г.

²⁾ *Плесковъ* часто пишется въ лѣтописи *Пльсковъ*, отсюда и образовалось сокращенное названіе Псковъ. Прямѣровъ подобнаго переименованія древнихъ названій городовъ есть довольно. Древній *Полотескъ* переименованъ въ *Полоцкъ*, *Видбескъ*--въ *Витебскъ* и т. под.

³⁾ Новѣйшее изданіе этого житія есть изданіе г. Соболевскаго въ его трудѣ „Въ память исполнившагося 900 лѣтъ со времени крещенія Руси“, помѣщ. въ „Чтеніяхъ въ историч. обществѣ Нестора Лѣтописца“ кн. II. отд. II стр. 67—68. Кіевъ 1888 г.

ваетъ Ольгу такъ по русскому, а не по болгарскому Плескову. Если бы у него существовало представленіе о болгарскомъ происхожденіи Ольги, то онъ скорѣе назвалъ бы ее *болмарыня*, какъ называетъ лѣтопись женъ Владиміра: *грекия, болмарыня, чехия*. Только при представленіи о русскомъ происхожденіи Ольги, авторъ житія могъ назвать ее *пльсковитяною*, т. е. назвать по городу, а не по странѣ не по національности.

3) Слѣдующимъ послѣ лѣтописи и древняго, краткаго проложнаго житія должно быть поставлено свидѣтельство втораго, или позднѣйшаго проложнаго житія ея, съ которымъ находятся въ связи еще болѣе позднее и пространное житіе ея, помѣщенное въ Магарьевской Четви-Минеѣ и въ Степенной книгѣ. Второе проложное житіе извѣстно въ рукописи XVI в., по которой оно издано преосвященнымъ Макаріемъ¹⁾. Начиная рѣчью о родѣ Ольги, житіе повѣствуетъ: «святая великая княгиня Ольга родися въ Плесковской странѣ в веси, зовомыи Выбуто. Отца же имѣяше некрещенна суца, такожь и мать некрещену отъ языка варяжска; и отъ рода не княжеска, ни отъ вельможъ, но отъ простыхъ быше человекъ. О имени же отца и матери писаніе нигдежь изъяви». Житіе Ольги, помѣщенное въ Магарьевскихъ Четви-Минехъ подъ 11 іюля, есть только болѣе распространенное повтореніе проложнаго житія. Но повторяя слово въ слово сейчасъ приведенное начало послѣдняго и въ частности то замѣчаніе, что «о имени отца и матери Ольги писаніе нигдѣ же не изъяви», минейное житіе прибавляетъ: «но токмо въ повѣстьхъ многихъ обнопашесе о рожденіи ея, яко Выбутская весь изнесе Святую и породи». Къ замѣчанію, что Выбутская весь находилась близъ Пскова, присоединяется: граду оному тогда не суцу»²⁾. Преданіе о происхожденіи Ольги изъ веси Выбутской пространно разработано въ новомъ житіи Ольги, которое помѣщено въ «Степенной книгѣ»³⁾, и приписывается одними изслѣдователями знаменитому при Грозномъ священнику Сильвестру, другими—священнику Василію, въ монашествѣ Варлааму, извѣстному своими житійными, часто баснословными, сказаніями, въ которыхъ обильно упражнялся онъ при архіеп. Макаріѣ въ Новгородѣ и Псковѣ⁴⁾. Распространяя извѣстіе пролож-

¹⁾ Истор. русск.церкви. Т. I. стр. 87 и приложение № 5. Изд. 2-е. Сиб. 1868 г.

²⁾ У Погодина, Изслѣдов. по русск. ист. Т. III. стр. 90 М. 1846 г. Таташевъ. II, 373.

³⁾ Ч. I. стр. 6—11.

⁴⁾ Сильвестру приписываетъ это житіе Погодинъ, ссылаясь на то, что въ одной рукописи житіе озаглавлено: „Житіе великія княгини Ольги, списано любо-

наго и минейнаго житія о происхожденіи Ольги, авторъ новаго житія выражается, что «святую Ольгу произведе плесковская страна, иже отъ области царствіи русской земли, отъ веси, именуемая Выбутской, близъ предѣлъ Немѣцкіи власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска и ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Затѣмъ слѣдуетъ подробный, очевидно, сочиненный, но не лишенный интереса по своей правоучительной подкладкѣ рассказъ о томъ, какъ послѣдовало первое знакомство Игоря съ Ольгою, заронившее въ молодомъ княжичѣ любовь къ ней, тогда простой дѣвушкѣ, и поведшее къ женитбѣ его на послѣдней ¹⁾. Въ приведенныхъ житійныхъ сказаніяхъ о происхожденіи Ольги отмѣтимъ слѣдующія стороны: а, установившееся представленіе о русской плесковской странѣ, какъ родницѣ Ольги. Безъ сомнѣнія, оно установилось на основаніи свидѣтельства начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова и даетъ видѣть, что подъ нимъ разумѣли именно русскій Плесковъ, или Псковъ, какъ разумѣлъ переписчикъ Лаврентьевской лѣтописи, писавшій въ 1377 г. и, безъ сомнѣнія и самъ начальный лѣтописецъ XII в. б) Но замѣна Плескова находившимся близъ него селомъ Выбутино есть уже плодъ собственнаго домысла авторовъ житійныхъ сказаній, который однакоже долженъ былъ имѣть въ чемъ либо для себя опору или поводъ. Такою опорой или поводомъ могло быть мѣстное устное или письменное преданіе. И оно существовало и при томъ было довольно давнимъ и распространеннымъ: минейное житіе XVI в. выражается, что въ *повѣстьхъ многихъ* обшопашеси, яко Выбутская весь изнесе святую (Ольгу) и породи. Откуда взя-

---

мудрымъ пресвитеромъ Сильвестромъ царствующаго града Москвы⁴. (ib. III, 89; IV, 40). Василию усвоить это житіе преосв. Филаретъ (Житія русск. свят. Июля. 11 день), имѣя въ виду страсть Василія къ баснословію, которымъ переполнено и это житіе.

¹⁾ Молодой Игорь былъ на охотѣ въ плесковской области на р. Великой. Замѣтивъ „ловъ желанный“ на другой сторонѣ рѣки, онъ позвалъ стоявшаго у того берега лодочника съ лодкой и велѣлъ перевезти себя на тотъ берегъ. Плавя въ лодкѣ, князь замѣтилъ, что лодочникъ—дѣвушка и—весьма красивая. Прельстившись на нее, Игорь позволилъ себѣ нескромныя рѣчи. Дѣвушка—то была Ольга,—умнымъ и смѣлымъ отвѣтомъ пристыдила молодого князя, грози вмѣстѣ съ тѣмъ, что она бросится въ воду и утопится, если онъ не уймется. Игорь тотчасъ унялся и уже не могъ забыть Ольги. Когда пришла ему пора жениться и думали отыскивать невѣсту ему, Игорь вспомнилъ о плесковской дѣвушкѣ—перевозчицѣ, и послалъ за нею Олега. Приведенная съ великою честію, Ольга стала женою Игоря.

лось это преданіе, обносившееся въ повѣстѣхъ многихъ, т. е. въ письменныхъ сказаніяхъ объ Ольгѣ? По всей вѣроятности, первую основу его послужили сохранившіяся въ Ник. лѣтописи двѣ записи о *Будутинь*, какъ селѣ Ольги, въ которое она сослала было мать Владимірову, Малушу, и которое, «умираючи завѣщала св. Богородицѣ», т. есть какой то Богородичной церкви ¹⁾. Весьма вѣроятно, что эти записи, хотя, встрѣчающіяся уже въ поздней лѣтописи, какова Никоновская, взяты изъ какихъ либо другихъ лѣтописныхъ записей. Что касается до самаго села Выбутина, то подъ нимъ обыкновенно разумѣютъ село *Любуты*, *Выбуты*, или же село *Буденинъ*: оба села извѣстны по близости Пскова и въ позднѣйшія времена и связываются въ мѣстныхъ преданіяхъ съ именемъ Ольги ²⁾. Наконецъ, поощреніемъ къ перенесенію родины Ольги съ Пскова на близъ лежащее отъ него село Выбутино служила мысль; высказываемая въ минейномъ житіи, что самый городъ Псковъ еще не существовалъ во время женитьбы Игоря на Ольгѣ, и развившаяся въ связи съ мыслию, проводимою въ Степенной книгѣ, что городъ этотъ основанъ уже Ольгою, когда она была уже христіанкою. Къ домыслу о Выбутской веси, какъ родинѣ Ольги, присоединяется въ житійныхъ сказаніяхъ XVI в. другой домыселъ—о томъ, что она происходила не изъ княжескаго, ни изъ вельможескаго рода, но отъ простыхъ людей. Если первый домыселъ могъ имѣть свою опору въ преданіи о Будутинѣ, какъ селѣ Ольгиномъ, то второй есть, безъ сомнѣнія, уже просто собственный, личный домыселъ одного изъ авторовъ сказаній, усвоенный послѣ него и другими. Онъ явился, какъ естественный выводъ изъ перваго домысла: если Ольга происходила изъ села, то она и была поселанка, простая сельская дѣвушка. Такой выводъ поощрялся и тѣмъ, отмѣчаемымъ въ житіяхъ обстоятельствомъ, что объ именахъ отца и матери Ольги «нигдѣ же писаніе изъяви». Слѣдовательно, это были люди безвѣстные, простые.

4) Однако же вмѣстѣ съ этимъ утверждается, что Ольга была «варяжскаго рода». Это утвержденіе не гармонируетъ съ мыслию о простонародномъ происхожденіи Ольги, ибо варяги принадлежали у насъ не къ простонародью, а къ высшему классу. Авторы житій или забыли объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, или, что вѣроятнѣе, вынуждены къ признанію Ольги варяжкою самимъ именемъ ея, од-

¹⁾ П. собр. русск. лѣт. IX, 135, 154.

²⁾ М. Евгенія, Исторія княж. псковскаго, стр. 10.

нозвучнымъ съ именемъ Олега, котораго считали варягомъ такъ же, какъ Рюрика и Игоря.

5) Слѣдующимъ затѣмъ свидѣтельствомъ о происхожденіи Ольги можетъ быть поставлено приводимое Татищевымъ свидѣтельство бывшаго у него въ рукахъ *раскольниковъ* списка лѣтописи, гдѣ сказано, что Ольга была приведена *изъ г. Изборска*. «И сіе право, прибавляетъ отъ себя Татищевъ, ибо Пскова тогда еще не было ¹⁾». Возможно, что Татищевъ повторяетъ здѣсь мысль самаго составителя раскольниковскаго списка лѣтописи, т. е. что самъ этотъ составитель, позволявшій себѣ, подобно авторамъ житійныхъ сказаній, вносить свои домыслы въ списываемую лѣтопись, перенесъ родину Ольги, съ Пскова на Изборскъ, извѣстный еще при Рюрикѣ.

6) Большею оригинальностью отличается показаніе о роляхъ Ольги такъ называемой Иоакимовой лѣтописи, оглашенной Татищевымъ. Теперь можетъ считаться установленнымъ, что эта лѣтопись, отнюдь не будучи тѣмъ, за что выдаетъ ее Татищевъ, не есть однако-же и выдумка Татищева, что сказанія, послужившія матеріаломъ для нея, были въ обращеніи у нашихъ старинныхъ книжниковъ еще въ XVI—XVII вв. Лѣтопись эта представляетъ собою одинъ изъ первыхъ опытовъ переработки нашей начальной исторіи въ своего рода славянофильскомъ направленіи съ помощью баснословія и съ подражаніемъ въ этомъ смыслѣ польскимъ лѣтописцамъ. Иоакимовская лѣтопись начинается первобытною исторію славянъ и славянскихъ князей отъ ближайшихъ потомковъ Іафета. Въ числѣ ихъ она знаетъ князей Славяна и Скѳа, изъ коихъ первый, послѣ многихъ походовъ и подвиговъ, возобладавъ на сѣверѣ, гдѣ создалъ великій городъ Славянскъ въ землѣ сѣверо-русскихъ славянъ. Въ теченіи многихъ столѣтій здѣсь владѣли сыновья, внуки и потомки Славяна. Изъ послѣднихъ наиболѣе прославился далекими походами и обширными завоеваніями Вандалъ, княжившій въ томъ же великомъ городѣ Славянскѣ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей — Избора, Владиміра, Столпосвята, изъ коихъ первый по смерти отца княжилъ въ томъ же великомъ городѣ и былъ также основателемъ Изборска. По смерти Избора и Столпосвята властвовалъ Владиміръ, потомкомъ котораго въ девятомъ поколѣніи былъ Буриной, простершій свою власть на всю Біармію до р. Кюмени въ странѣ Корельской, много воевалъ съ варягами, наконецъ побѣжденъ былъ и укрылся въ городѣ Бярмы, гдѣ и умеръ. Сынъ и преемникъ

¹⁾ Истор. росс. Ч. II, стр. 18 372

его Гостомысль много воевалъ съ варягами, покорившими и угнетавшими славянъ, русь и чудь, побѣдилъ и прогналъ варяговъ и потомъ заключилъ съ ними миръ, мудро и счастливо управлялъ страню, пользуясь любовію народа и уваженіемъ отъ сосѣднихъ странъ. У Гостомысла было четыре сына и три дочери. Сыновья одни погибли на войнахъ, другіе умерли дома. А дочери выданы въ замужество за сосѣднихъ князей. За какихъ именно князей онѣ выданы были—въ лѣтописи не показано, замѣчаетъ Татищевъ; но изъ дальнѣйшаго разсказа ея само собою видно, что старшая выдана за князя изборскаго, а средняя за князя варяжскаго. Предъ смертію Гостомысль имѣлъ пророчественное сновидѣніе, что послѣ него власть надъ славянами и союзными съ нимъ народами перейдетъ къ сыну средней дочери, при которомъ начнетъ разростаться могущество славяно-русской державы. По этому сновидѣнію онъ созвалъ къ себѣ старѣйшинъ отъ славянъ, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей и посовѣтовалъ призвать князя изъ варяговъ. Этимъ княземъ и былъ Рюрикъ, сынъ средней дочери Гостомысла, прпшедшій въ славянскую землю съ двумя братьями и съ родомъ своимъ...

Предъ смертію Рюрикъ, за малолѣтствомъ Игоря, передалъ управленію своему шурина варягу Олегу, князю Урманскому, который управлялъ именемъ Игоря сперва въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ. Когда Игорь выросъ, Олегъ женилъ его, взявъ ему жену изъ *Изборска*, которая была изъ *рода Гостомысла*, была именно *дочерію изборскаго князя*, женатаго на старшей изъ трехъ дочерей Гостомысла. Какъ славянка, она носила прежде славянское имя Прекраса, и названа Ольгою уже Олегомъ отъ своего имени ¹⁾. О приведенномъ повѣствованіи Іоакимовской лѣтописи, заканчивающемся извѣстіемъ о происхожденіи Ольги, достаточно замѣтить слѣдующее: а) баснословіе о предкахъ Гостомысла есть, повидимому, издѣліе самого составителя Іоакимовской лѣтописи, это бы онъ ни былъ. б) Но о Гостомыслѣ говорятъ такъ или иначе и другія изъ нашихъ позднихъ лѣтописей, какъ то Софійская I, Никоновская, Воскресенская, Тверская, съ тѣмъ только различіемъ, что однѣ изъ нихъ отдаляютъ существованіе его на многіе вѣка до начала русской исторіи, относя къ тому времени,

¹⁾ Татищевъ Истор. Росс. Ч. I, стр. 31—35 и 48 примѣч. 33. Сп. Ч. II, прим. 44, 58, 76. Надобно замѣтить, что въ изложеніи связаній Іоакимовской лѣтописи у Татищева не вездѣ ясно, что онъ передаетъ словами самой лѣтописи и что прибавляетъ отъ себя, въ видѣ догадки, поясненія и т. д.

когда славяне впервые поселились на Ильменѣ и избрали себѣ старѣйшиной Гостомысла, другія приурочиваютъ его къ началу нашей исторіи, когда онъ далъ совѣтъ союзнымъ славянофинскимъ племенамъ призвать князя изъ варяговъ. О Гостомыслѣ знаетъ и Стрыйковский, писавшій свою польскую хроніку во 2-й пол. XVI в. и пользовавшійся русскими лѣтописями, и что особенно важно, о Гостомыслѣ говоритъ и Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 г. и здѣсь ознакомившійся съ памятниками нашей письменности, въ томъ числѣ и лѣтописями¹⁾. Изъ этого видно, что преданіе о Гостомыслѣ было уже довольно распространеннымъ у нашихъ книжниковъ еще съ первой половинѣ XVI в. в) Не стоитъ одиноко въ Иоакимовой лѣтописи и указаніе на Изборскъ, какъ родину Ольги, указываемый, какъ ея родина, и въ раскольническомъ спискѣ лѣтописи, бывшемъ у Татищева. г) Затѣмъ все остальное, что говорится въ Иоакимовой лѣтописи о Гостомыслѣ и Ольгѣ, принадлежитъ исключительно этой лѣтописи. Только онъ знаетъ о трехъ дочеряхъ Гостомысла, въ частности и о старшей, женѣ изборскаго князя и матери Ольги. Она одна знаетъ прежнее славянское имя невѣсты Игоря— Прекрасы и то, что Олегъ переименовалъ ее въ Ольгу. Первый передатчикъ этихъ извѣстій Иоакимовой лѣтописи Татищевъ вполнѣ довѣряетъ имъ. Опираясь на извѣстія этой лѣтописи и защищая ихъ, Татищевъ опровергаетъ показанія Минен и Степенной книгъ, что Ольга была поселанка изъ Выбутской веси; порицаетъ, какъ ошибку, то, что въ Степенной книгѣ собственное славянское имя Ольги Прекраса понято, какъ прилагательное *прекрасная*. Есть довѣряющіе этимъ сообщеніямъ Иоакимовой лѣтописи и между позднѣйшими нашими и притомъ очень солидными историками. Такъ, преосвященный Филаретъ (Гумилевскій) въ своемъ житіи св. Ольги, помѣщенномъ въ книгѣ «Русскіе Святые» за іюль (подъ 11 іюля) выражается: «нѣтъ причинъ не принимать того показанія Иоакимовой лѣтописи, что Ольга была изъ рода Гостомысла, славнаго умомъ и вліаніемъ своимъ на племена славянскія, того самаго, по совѣту котораго, для прекращенія между родами неурядиць, былъ призванъ изъ вендской, славянской страны Рюрикъ—Соколь. По той же лѣтописи, Ольга называлась Прекрасою, по красотѣ лица и души, а Ольгою назвалъ

¹⁾ П. Собр. Р. Л. 83; VII, 262; (X, 3, XV, I с.). Снес. Карамз. Ист. Г. Росс. Т. I, гл. 4, стр. 69 и примѣч. 274 изд. Эйнера. Бестужева-Рюмина. О составѣ русск. лѣт. Прилож. стр. 1. Спб. 1868. Лейбовича „Сводная лѣтопись“, стр. 14. Спб. 1876 года.

ее по своему имени опекунъ Игоря—Олегъ, когда выдалъ ее за Игоря». Славянофильскія увлеченія историка, видныя и на этой небольшой тирадѣ, достаточно объясняютъ для насъ довѣріе его къ показаніямъ Іоакимовой лѣтописи, также славянофильствующей, и въ этомъ направленіи переработывающей нашу начальную исторію. Но вообще наши историки, имѣя въ виду баснословія Іоакимовой лѣтописи, далеки и отъ довѣрія къ показаніямъ ея о Гостомыслѣ и Ольгѣ. Болѣе довѣрія встрѣчало лишь одно изъ этихъ показаній, касающееся замѣны Олегомъ прежняго имени жены Игоря на имя Ольги. Послѣ Татищева это показаніе Іоакимовой лѣтописи принималъ Карамзинъ, выразившійся такъ: «имя свое Ольга приняла, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной княжнѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви ¹⁾». Погодинъ также мнѣніе Татищева и Карамзина объ имени Ольги призналъ несостоятельнымъ. «Эта догадка, замѣчаетъ онъ, не основана на историческомъ свидѣтельствѣ: и едва ли можно грубымъ необразованнымъ людямъ X столѣтія приписать такую учтивость, которая принесла бы честь XIX столѣтію. Вѣроятнѣе заключить слѣдуетъ, что имя сіе принадлежало ей (Ольгѣ) съ самаго начала, а не принято впоследствии ²⁾». Впрочемъ, какъ бы ни смотрѣть на тѣ частныя черты свидѣтельства Іоакимовой лѣтописи о происхожденіи Ольги, которыя составляютъ ея особенность, для насъ важна общая сторона этого свидѣтельства,—та именно, что Ольга производится изъ Руси, притомъ изъ Руси сѣверной, изъ области Плесковской или Псковской, въ которой находился и городъ Изборскъ.

Изъ представленнаго обзора бывшихъ доселѣ извѣстными сказаній о происхожденіи Ольги дается видѣть, что всѣ они *согласны въ общемъ—въ опредѣленіи рода Ольги*, т. е. въ томъ, что Ольга была родомъ *русская* и происходила именно изъ *сѣверной Руси*, изъ *Плесковской* области. Это согласіе, отмѣчаемое нашими историками ³⁾, указываетъ, безъ сомнѣнія, на то, что преданіе о такомъ происхожденіи Ольги было не только наиболѣе древнимъ, но и наиболѣе твердымъ и распространеннымъ, такъ что новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи ея оказывается пока совершенно одинокимъ. Что касается до частныхъ показаній о родѣ Ольги,

¹⁾ И. Г. Росс. Т. I, стр. 89. Изд. Эйнерлинга.

²⁾ Изслѣд. и проч. Т. III, стр. 91—92.

³⁾ Въ „Исторіи Россіи“ Соловьева говорится: изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно—что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей (Руси). Т. I, прим. 204.

представляемыхъ упомянутыми позднѣйшими извѣстіями и состоящими въ томъ, что одни изъ нихъ полагаютъ родиною Ольги вмѣсто Плескова Выбутино, другіи Изборскъ, одни считаютъ ее варяжкою простаго рода, другіи славянкою (по матери) княжескаго рода, — то эти показанія имѣютъ для насъ въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе. Такъ или иначе понимаемы, они могутъ имѣть значеніе только вспомогательныхъ данныхъ для рѣшенія общаго занимающаго насъ вопроса.

III.

Послѣ обзора бывшихъ доселѣ извѣстными свидѣтельствъ и сказаній о происхожденіи Ольги, сосредоточимъ вниманіе на исторіографическомъ значеніи новооткрытаго Владимірскаго лѣтописца, дающаго новое свидѣтельство о происхожденіи Ольги — не русскомъ, а болгарскомъ. Конечно, мы можемъ говорить о немъ на основаніи лишь тѣхъ свѣдѣній о немъ, какія сообщены въ статьѣ уважаемаго о. Леониды и того отрывка изъ лѣтописца, какой приложенъ къ статьѣ. Итакъ:

1) Владимірскій лѣтописецъ писалъ *въ исходѣ XV в.*, слѣдовательно, позднѣе не только начальной лѣтописи, но и обохъ древнихъ списковъ ея. Въ изложеніи событій онъ «слѣдуетъ указаніямъ нашей начальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній ея, встрѣчающихся на первыхъ годахъ, а мѣстами дѣлаетъ весьма важныя и любопытныя дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своего источника». Къ этому замѣчанію издателя (отрывка) лѣтописца присовокушилъ, что онъ *сокращенно* передаетъ и нѣкоторыя *нелегдарныя* извѣстія начальной лѣтописи. Словомъ, новооткрытый лѣтописецъ принадлежитъ къ разряду *позднихъ сокращенныхъ лѣтописей*. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на такъ называемую *Супрасльскую* лѣтопись въ двухъ частяхъ ея, представляющихъ *сокращенную повгородскую и сокращенную кievскую* лѣтопись¹⁾. Съ послѣднею онъ сходенъ и своимъ «родословцемъ» или перечнемъ князей, который во Влад. лѣтописи оканчивается сыномъ Іоанна III, Іоанномъ Младымъ, въ Супрасльской сыномъ послѣдняго Димитріемъ Но Владимірскій лѣтописецъ, судя по крайней мѣрѣ по имѣющемуся

¹⁾ Супрасльская лѣтопись, такъ названная по ~~князю~~ ^{Українськ} ~~князю~~, въ которой ~~она~~ ^{стена} была найдена, изд. княземъ М. О. Оболенскимъ. Москва. 1836 г.

на лицо отрывку его, обильнѣе Супрасльскаго лѣтописи *вариантами*, т. е. дополненіями и поясненіями къ извѣстіямъ своего источника. По отношенію къ тѣмъ извѣстіямъ *позднихъ* лѣтописей, какія не встрѣчаются въ древнихъ, существуетъ, между прочимъ, то правило критики, что, если эти извѣстія представляютъ собою *не пространныя сказанія*, а именно *краткія* извѣстія, то они могутъ быть принимаемы сравнительно съ большимъ довѣріемъ, ибо они могли быть *простыми выписками* отъ недошедшихъ до насъ *древнихъ лѣтописныхъ записей*, тогда какъ пространныя сказанія болѣе или менѣе отражаютъ на себѣ слѣды *сочиненности*. Но это правило имѣетъ настоящее приложеніе именно только при *сравнительной оцѣнкѣ* краткихъ извѣстій и пространныхъ сказаній, заключающихся въ *одной и той же лѣтописи*, лѣтописи обширной, какова напр. Никоновская. Но относительно позднихъ *сокращенныхъ* лѣтописей, въ которыхъ новыя сообщенія даются *исключительно* въ видѣ краткихъ извѣстій, вопросъ о происхожденіи ихъ, а слѣд. и степени достовѣрности ставится нѣсколько иначе: авторъ поздней сокращенной лѣтописи, работая, какъ авторъ, могъ *по своему* не только сокращать, но и *добавлять и пояснять*, хотя бы то въ видѣ самыхъ краткихъ оговорокъ, вариантовъ. Всегда ли онъ бралъ такія добавленія и поясненія изъ древнихъ источниковъ, или же бралъ ихъ изъ болѣе позднихъ, даже современныхъ ему, а мѣстами вносилъ и собственные домыслы? — Это еще вопросъ. Этотъ вопросъ приложимъ и къ Владимірскому лѣтописцу, — и тѣмъ болѣе, что онъ, какъ сказано, довольно обилень дополненіями, вообще вариантами, хотя и весьма краткими. Войдемъ въ ближайшее разсмотрѣніе ихъ.

2) Въ изданномъ отрывкѣ Владимірскаго лѣтописца находимъ *восемь вариантовъ*, подъ которыми разумѣемъ все то, что сообщаетъ онъ въ добавокъ къ извѣстіямъ или взамѣнъ извѣстій *начальной* лѣтописи, лежащей въ его основѣ. Укажемъ сперва на послѣдній изъ нихъ, интересный тѣмъ, что онъ сразу, ясно даетъ видѣть свой источникъ и такимъ образомъ до нѣкоторой степени вводитъ насъ въ представленіе вообще о составѣ источниковъ нашего лѣтописца. Говори о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ и народа въ Кіевѣ, лѣтописецъ прибавляетъ: *приде изъ Цареграда митрополитъ Леонъ*. Извѣстно, что о м. Леонѣ не говорятъ начальная лѣтопись. Единственное *лѣтописное* извѣстіе о немъ, какъ *первомъ* митрополитѣ, есть извѣстіе древней *Новгородской* лѣтописи, читаемое въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ, пространныхъ и краткихъ, перешедшее

во многіе позднѣйшіе списки и начальной лѣтописи, находящееся также и въ древнѣйшемъ спискѣ устава св. Владиміра, дошедшемъ также отъ Новгорода (въ спискѣ Кормчей конца XIII в.). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Владимірскій лѣтописецъ пользовался *Новгородскою* лѣтописью. Это обстоятельство могло бы хорошо рекомендовать нашего лѣтописца, давая предполагать, что онъ, при своихъ добавленіяхъ къ извѣстіямъ начальной лѣтописи, имѣлъ въ виду и древніе источники. Но пойдѣмъ къ другимъ вариантамъ.

Въ начальной строкѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: «Въ лѣто 63 (862) придоша *Русь*, Словены, Чудь, *Лопь*, Кривичи къ Варягамъ и спросиша себѣ у нихъ властей.» Вариантъ *Русь*, представляемая, какъ туземное племя, участвующее въ призваніи Варяговъ, принадлежитъ не исключительно новооткрытому лѣтописцу. Онъ встрѣчается въ продолженіи къ *Лѣтописцу ескорь* (краткому лѣтописцу) патр. Нибифора, существующему въ древнемъ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ *Новгородѣ* и сохранившемся въ рукописи конца XIII в. ¹⁾; встрѣчается также, въ той или другой постановкѣ, въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, въ Воскресенской лѣтописи, въ Степенной книгѣ, въ Іоакимовой лѣтописи и у Стрыйковскаго, который какъ извѣстно, пользовался русскими лѣтописями, въ частности новгородскими ²⁾. По всей вѣроятности, вариантъ о Руси появился первоначально въ новгородскихъ лѣтописяхъ и отсюда перешелъ въ другія. Но этотъ вариантъ, постановкою котораго поздніе лѣтописи входятъ въ противорѣчіе съ самими собою ³⁾, находится въ прямомъ противорѣчьи съ свидѣтельствомъ начальной лѣтописи, въ которой не Русь участвуетъ съ другими племенами въ призваніи князей, а сами эти племена посылаютъ въ варягамъ-руси — звать князей. Хотя означенный вариантъ восходитъ къ концу XIII в. (если, впрочемъ, это можетъ быть признано несомнѣннымъ), но онъ, на нашъ взглядъ, отнюдь не можетъ перевѣшивать свидѣтельства начальной лѣтописи о руссахъ, какъ варягахъ или норманнахъ, бывшихъ призванными, а не призван-

¹⁾ П. Собр. Р. Л. 1, 251. См. Попова „Обзоръ хронографовъ“ 1, 186; 11, 15.

²⁾ Указанія на этотъ вариантъ или выписки имѣетъ, гдѣ онъ встрѣчается, можно видѣть у гг. Иловайскаго (I. с.) Бестужева-Рюмина (О составѣ русск. лѣтописей до конца XIV в.; прилож. 1 стр. 1—4), Лейбовича (I. с.) 10 с. Первольфа (Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. II, стр. 433—434. Варшава. 1888 г.).

³⁾ Напр. въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго сперва говорится, что племена послали за море къ Варягамъ, къ *Руси*, а вслѣдъ затѣмъ въ числѣ послылавшихъ ставятся: *Русь*, Чудь, Словене и проч. Изд. кн. Оболенскаго, М. 1851 г. стр. 3.

шими,—свидѣтельства, подтверждаемаго цѣлымъ рядомъ другихъ свидѣтельствъ восточныхъ и западныхъ о руссахъ, какъ норманнахъ и многими другими признаками такого именно происхожденія руссовъ¹⁾. Итакъ вариантъ *Русь* въ лѣтописцѣ владимірскомъ даетъ поводъ думать, что онъ не всегда былъ довольно разборчивъ или счастливъ въ пользованіи источниками, по которымъ обрабатывалъ свою сокращенную лѣтопись²⁾.

Еще болѣе смущаетъ насъ второй вариантъ начальной строки этого лѣтописца, гдѣ въ числѣ племенъ участвующихъ въ призваніи князей ставится *Лонь*. Этой Лони, сколько мы знаемъ, нѣтъ въ данномъ мѣстѣ ни въ одной лѣтописи, и она принадлежитъ исключительно лѣтописцу владимірскому. Какъ бы ни объяснять происхождение этого варианта, но онъ, подобно варианту *Русь*, способенъ возбуждать новое сомнѣніе въ историческомъ значеніи вариантовъ этого лѣтописца, располагая къ мысли, что они были или собственными домыслами лѣтописца, или же такими домыслами другого какого либо книжника, которымъ онъ пользовался.

Слѣдующій затѣмъ вариантъ касается Аскольда и Дира, которые называются здѣсь *князьями*, тогда какъ въ начальной лѣтописи говорится, что они были именно *не князья, а боярина*. Конечно, Аскольдъ

¹⁾ Ослабляя значеніе свидѣтельства начальной лѣтописи указываютъ на то, что переводный крапкій лѣтописецъ патр. Никифора дошелъ къ намъ въ рукописи отъ конца XIII в., тогда какъ Ипатьскій списокъ лѣтописи отъ XIV или нач. XV, а Лаврентьевскій отъ 1377 г. Но вѣдь въ этихъ спискахъ имѣемъ мнѣ *тождественную начальную лѣтопись нач. XII в.* Защитники туземности и славянства начальной Руси тѣмъ менѣе могутъ ссылаться на позднія повгородскія свидѣтельства о Руси, участвовавшей въ призваніи князей, что сами же признають, что отечество Руси было не на сѣверѣ, а на югѣ (Розысканія о началѣ Руси г. Иловайскаго, стр. 300—301. 231). Впрочемъ этимъ отечествомъ Руси на югѣ русской земли были, по нашему убѣжденію, сперва Черноморье, съ тѣхъ поръ какъ осѣдлись здѣсь пришлые съ Скандинавскаго сѣвера руссы-норманны, а уже потомъ кіевская Русь, когда здѣсь утвердились, прибывшіе оттуда же варяго-руссы.

²⁾ Здѣсь мы расходимся во взглядѣ на вариантъ *Руси* съ многоуважаемымъ ученымъ историкомъ и изслѣдователемъ г. Иловайскимъ, который придаетъ важное значеніе этому варианту, сопоставляя его съ другими свидѣтельствами о Руси, какъ славянскомъ племени на сѣверѣ (Историко-критическіе замѣтки. Русск. Вѣстникъ 1888 г. Декабрь). Для насъ этотъ вариантъ есть слабая, а не сильная черта въ новооткрытомъ лѣтописцѣ. Перенесеніе позднѣйшими лѣтописцами Руси на сѣверъ въ составъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи варяговъ, имѣетъ, на нашъ взглядъ, такое же значеніе, какъ отождествленіе нѣкоторыми изъ сихъ лѣтописцевъ южныхъ, особенно черноморскихъ, руссовъ съ куманами...

и Дирь могли быть названы князьями, потому что, овладѣвъ Кіевомъ, вокняжились сами въ немъ, независимо отъ Рюрика. Поэтому то они называются князьями и въ нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Тамъ не менѣе обращеніе Аскольда и Дира въ князей выражаетъ только то, какъ понимали позднѣйшіе лѣтописцы, въ томъ числѣ п владимірскій, положеніе Аскольда и Дира въ Кіевѣ, иначе сказать: оно представляетъ собою собственный домысль ихъ, а не извѣстіе, почерпнутое изъ древнихъ источниковъ, въ которыхъ оно не встрѣчается и которымъ противорѣчить. Затѣмъ, минуя пова вариантъ объ Ольгѣ, укажемъ на три остальные. Послѣ разсказа объ Олегѣ, лѣтописецъ продолжаетъ: «но немъ нача княжити Игорь п воева Деревскую землѣ, *рекше Литву*». И далѣе: «Ольга съ сыномъ своимъ мсти кровь мужа своего и князи оуби Мала именемъ п *всю Литву* высече». Здѣсь мы видимъ замѣчательный образецъ, какъ позволяли себѣ поступать въ своемъ дѣлѣ составители сокращенныхъ лѣтописей: по своему соображенію опуская одни извѣстія въ древнихъ лѣтописяхъ, они, по своему же соображенію, вносили дополненія и поясненія къ древнимъ извѣстіямъ: ибо вариантъ *рекше Литву* и *всю Литву* высече есть уже, безъ всякаго сомнѣнія, собственный, хотя и крайне неудачный, домысль лѣтописца XV в., или другого автора, служившаго ему источникомъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ вариантъ о Святославѣ: «И начать княжити Святославъ нарицаемы *ленький*». Этотъ вариантъ встрѣчается п въ той части Супрасльской лѣтописи, которая называется сокращенною Кіевскою лѣтописью и писана ок. 1516 г., на которомъ она кончается. Здѣсь читаемъ: «сынъ же бысть у Игоря Святославъ *ленький* ¹⁾». Такъ какъ упомянутая Супрасльская лѣтопись немного моложе владимірскаго лѣтописца, то вариантъ *ленький* о Святославѣ не могъ быть взятъ послѣднимъ изъ первой, а обонми изъ общаго источника. Всего проще онъ есть самодѣльное обращеніе какимъ либо книжникомъ въ зинетѣхъ выраженія начальной лѣтописи о Святославѣ: *леко* ходя, аки пардусъ (подъ 964 г.).

О Святославѣ, въ извѣстии объ убіеніи его печенѣгами у пороговъ днѣпровскихъ, имѣется еще слѣдующій вариантъ: «Печенежски же князь пменемъ *Редета* окова лобъ Святослава и написа кругъ его

¹⁾ Супр. Лѣт. стр. 127. Замѣчено уже, что эта лѣтопись сходится съ Влад. лѣтописью и своимъ родословіемъ князей, перечень которыхъ кончается сыновьями Іоанна III и сыномъ Іоанномъ Младаго Дмитріемъ.

такъ: *чужихъ ища и свое поуби*. Вариантъ *Редера* вм. *Куря* древней лѣтописи, читается въ архангелогородскомъ спискѣ, а слова надписи въ болѣе пространномъ видѣ читаются въ русскомъ лѣтописцѣ, называемомъ *Львовскою* лѣтописью, по имени ея издателя Львова (1778 г.): «и сдѣлаша чашу и оковавше златомъ лобъ его и надписаша на ней тако: *Чужаго паче силы желая, своя поуби за премоую его несытость*»¹⁾. Интересно, что надпись приводится и у Стрыйковского—такъ: *ища чужаго, свое поубляешь*. Чтеніе Стрыйковского тождественно съ чтеніемъ у Владимірскаго лѣтописца, которое, конечно, древнѣе распротраненнаго чтенія въ Львовской лѣтописи. Возможно, что всѣ они имѣли одинъ и тотъ же источникъ и на этотъ разъ, вѣроятнѣе, уже южно или западно-русскій. Едва ли нужно говорить, что извѣстіе о надписи есть вымыселъ, построенный на читаемыхъ въ древней лѣтописи словахъ киевлянъ къ Святославу: *«ты, княже, чужая земли ищещи, и своая ся лишишь»*.

Послѣ обзора вариантовъ Владимірскаго лѣтописца, что можно сказать объ общемъ характерѣ ихъ? Къ большому сожалѣнію, за исключеніемъ варианта о м. Леонѣ, всѣ остальные варианты—не такого качества, чтобы могли располагать къ особенному довѣрію къ авторской или редакторской работѣ лѣтописца. Трудно освободиться отъ мысли, что выражаемыя этими вариантами дополненія, поправки, поясненія къ извѣстіямъ начальной лѣтописи представляютъ собою болѣе догадки, домыслы самаго лѣтописца или того источника, подъ вліяніемъ котораго онъ позволялъ себя пополнять, поспѣвать и поправлять извѣстія древней, начальной лѣтописи. Источникъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дополненій и поправокъ исходилъ, предположили мы, изъ Новгорода, которому вообще принадлежитъ первая честь новой передѣлки извѣстій и сказаній начальной Киевской лѣтописи, въ томъ числѣ и сказаній объ Ольгѣ, и въ которомъ духъ вольности и независимости связывался, повидимому, и на литературныхъ работахъ его книжниковъ. Въ другихъ вариантахъ можно предполагать вліяніе южно-западно-русскихъ книжныхъ источниковъ, хотя доискиваться болѣе точнаго разъясненія этихъ вліяній было бы едва ли выполнимою задачею.

При взглядѣ на такой характеръ вариантовъ т. е. дополненій и поясненій къ древнимъ извѣстіямъ, встрѣчаемыхъ въ лѣтописцѣ Владимірскомъ что остается сказать о томъ главномъ, занимающемъ

¹⁾ Лейбовича, Сводная лѣтопись стр. 65.

нась, вариантѣ, который заключается въ словахъ: *Иоря же жени въ Болгарьхъ, поятъ за него князю именемъ Ольгу?*

Правила критики заставляютъ судить о немъ не по тому единственно вѣрному варианту или дополненію, въ которомъ говорится о м. Леонѣ, а по цѣлому ряду остальныхъ вариантовъ, значеніе, отчасти и происхожденіе которыхъ было здѣсь уяснено. Иначе сказать: вариантъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, *по всей вѣроятности*, не взятъ изъ древняго источника, а есть плодъ собственнаго домысла владимірскаго лѣтописца или другаго близкаго къ его времени книжника, которымъ онъ пользовался, составляя свою сокращенную лѣтопись. *Полная одиночность* этого *поздняго* варианта, нигдѣ не встрѣчаемаго ни до, ни послѣ владимірскаго лѣтописца, склоняетъ къ первому выводу, то есть, что вариантъ этотъ есть *именно плодъ собственнаго* домысла лѣтописца, дающаго видѣть свою способность къ подобнымъ домысламъ на другихъ вариантахъ, каковъ напримѣръ: *Деревскую землю, речие Литву*. Необходимо однако же предположить, что лѣтописецъ имѣлъ какія либо, хотя бы то *косвенныя, основанія* для своего домысла. По всей вѣроятности, первымъ основаніемъ служилъ здѣсь тотъ памятникъ, на который уже указалъ достоуважаемый о. арх. Леонидъ въ своихъ объясненіяхъ на означаемый вариантъ и о которомъ было упомянуто выше: это—славяно-болгарскій переводъ греческой хронки Константина Манассія съ замѣтками при немъ переводчика. Стихотворная, обильная витійствомъ, но бѣдная содержаніемъ, хроника Манассія писана въ XII в., ок. 1144 г. Переводъ хронки сдѣланъ въ Болгаріи, а древнѣйшій, извѣстный у насъ списокъ перевода есть Синодальный (№ 38), писанный въ Болгаріи для болгарскаго царя Иоанна-Александра въ 1345 г.¹⁾ Замѣтки, присоединенныя болгарскимъ переводчикомъ къ своему переводу хронки, относятся къ болгарской исторіи въ связи съ византійскою. Въ ряду ихъ есть слѣдующая замѣтка, относящаяся къ войнѣ императора Василія II Болгаробойца съ Самуиломъ, царемъ болгарскимъ: «сей царь Василій

¹⁾ О хроникѣ Манассія, переводѣ его, замѣткахъ къ нему и спискахъ перевода съ этими замѣтками см. Черткова „О переводѣ Манассіиной лѣтописи“ въ Русск. Историч. Сборн. т. VI, кн. 1, М. 1843 г.; А. Попова. „Обзоръ хронографовъ русской редакціи“. Вып. 1, стр. 99—179. Вып. 2, стр. 6—7. Чертковъ, говоря, что дошедшіе до насъ списки перевода не старѣе первой половины XIV в., прибавляетъ: но самый переводъ сдѣланъ, вѣроятно, въ XII столѣтіи. Ни чѣмъ не подтверждается эта вѣроятность; вѣрнѣе предположеніе г. Попова, что и самый переводъ совершенъ въ первой половинѣ XIV в.

разбилъ Самуила, болгарскаго царя двукратно и взялъ города Бдинъ (Видинъ) *Плиску*, Преславъ великій и малый и прочіе города» ¹⁾. Хроника Манассіи въ болгарскомъ переводѣ и съ приписками болгарскаго переводчика досталась Руси, конечно, отъ Болгаріи, бывъ принесена какимъ либо, бывавшимъ въ Болгаріи, книголюбомъ, что могло быть спустя годы и даже десятилѣтія послѣ 1345 г. ²⁾. Со временемъ она пріобрѣла у насъ довольно большую извѣстность, такъ что стала однимъ изъ видныхъ источниковъ, которыми пользовались для своихъ литературныхъ трудовъ составители нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей и хронографовъ ³⁾. Въ частности, та приведенная нами выше замѣтка, въ которой говорится о городахъ, завоеванныхъ царемъ Василиемъ II въ Болгаріи, послужила для нихъ источникомъ, изъ котораго они могли знать о существованіи въ древней Болгаріи города *Плиски* или *Плискувы* ⁴⁾. Необходимо думать, что и нашъ владимірскій лѣтописецъ зналъ упомянутое извѣстіе о болгарской Плискѣ или Плискувѣ, что онъ напелъ возможность сопоставить его съ извѣстіемъ начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ *Плескова*, столько однозвучнаго съ болгарскою *Плискою*, а затѣмъ истолковать это русское извѣстіе въ томъ смыслѣ, что Плесковъ здѣсь разумѣется не русскій, а болгарскій, хотя такое толкованіе шло наперекоръ начальной лѣтописи, ясно дающей видѣть, что она разумѣетъ русскій Плесковъ. Подробное толкованіе могло произойти также просто, какъ толкованіе — *Деревскую землю, речіе Литву*, хотя оно стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ начальною лѣтописью, считающею древлянъ

¹⁾ Подлинный славяно-болгарскій текстъ этой приписки приведенъ у о. архим. Леонида, помѣщенъ также въ упоминаемыхъ сочиненіяхъ Черткова (стр. 118) и А. Попова (стр. 178).

²⁾ Возможно, что она принесена въ Русь еще при митрополитѣ Кипріанѣ, который былъ, вѣроятно, родомъ не сербъ, а болгаринъ, извѣстенъ своимъ книголюбіемъ, знакомствомъ съ произведеніями юго-славянскіи, болгаро-сербскіи письменности и наклонностію усвоить ихъ и нашей Руси.

³⁾ Многочисленныя выписки изъ хронографовъ и лѣтописей, сопоставленныя съ выписками изъ Синадальнаго списка перевода Манассіиной хроники и замѣтокъ къ нему, можно видѣть въ упомянутыхъ соч. Черткова и А. Попова.

⁴⁾ Здѣсь мы сближаемся съ мнѣніемъ по этому предмету уважаемаго о. архим. Леонида, который выражается такъ: „а что Плесковъ былъ древній городъ въ Болгаріи, ничего общаго съ нашимъ Псковомъ не имѣющій, они могли узнать изъ вышеуказаннаго нами славянскаго источника (переводъ лѣтописи Манассіи XIV вѣка)“⁴⁾. Стр. 219. Цитованная замѣтка не одинъ разъ приводится въ нашихъ хронографахъ и лѣтописяхъ.

славянскимъ, а не литовскимъ племенемъ ¹⁾). Въ поясненіе возможности у нашего владимірскаго лѣтописца конца XV в. того вывода или домысла, какой явился у него изъ сопоставленія русскаго извѣстія о Плесковѣ и болгарскаго о Плискѣ, укажемъ на довольно аналогичный примѣръ другого вывода или домысла объ отношеніи этихъ городовъ въ связи съ отношеніемъ ихъ обоихъ къ Ольгѣ. Еще задолго до нашего времени и до открытія Владимірскаго лѣтописца и сообщаемаго имъ мнѣнія о болгарскомъ происхожденіи Ольги уже высказывалась мысль, что русскій Плесковъ получилъ названіе отъ болгарской Плиски,—и главное, что это названіе дано первому *Ольгою*, бывъ взято отъ послѣдней. М. Евгеній, въ своей «Исторіи княжества Псковскаго», излагая разныя мнѣнія о происхожденіи названія Плескова, замѣчаетъ: «другіе думаютъ, что Ольга *въ путешествіи своемъ въ Константинополь*, замѣтивъ почему нибудь болгарскій городъ Плискову «за Дунаемъ бывшую и съ прочими болгарскими городами состоявшую послѣ во владѣніи сына ея Святослава, нарекла симъ именемъ и *свой городъ*» ²⁾). Если подобное мнѣніе могло возникнуть при отсутствіи всякихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы Ольга видѣла болгарскую Плискову, и при наличности ясныхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи о русскомъ Плесковѣ, какъ существовавшемъ еще до путешествія Ольги въ Царьградъ; то что удивительнаго и въ томъ, что нашъ владимірскій лѣтописецъ, увлекаемый созвучіемъ Плескова и Плискувы, додумался поставить послѣднюю на мѣсто первого и затѣмъ истолковать свидѣтельство начальной лѣтописи о приведеніи Ольги изъ Плескова, какъ свидѣтельство о ея болгарскомъ происхожденіи? Упомянутые м. Евгеніемъ представители того мнѣнія, что русскій Плесковъ, бывшій родиною Ольги, могъ получить названіе отъ болгарской Плискувы и что оно дано ему Ольгою, располагались къ такому выводу не только созвучіемъ этихъ названій, но еще и довѣряемъ къ *позднѣйшимъ сказаніямъ*, что русскій Плесковъ не суще-

¹⁾ Достоуважаемый авторъ „Историко-критическихъ замѣтокъ (Русск. Вѣстникъ, декабрь, 1888 г.) замѣчаетъ, что варианты, подобныя сейчасъ приведенному, свидѣлствуютъ только *объ искаженіяхъ*, которымъ подвергалась новооткрытая Владимірская лѣтопись. Съ своей стороны мы не находимъ никакого повода признавать здѣсь искаженія. Всею совокупностію своею они даютъ видѣть, что они—дѣло самаго автора данной лѣтописи. Во всякомъ случаѣ, если говорить объ искаженіяхъ, то ихъ нужно *доказать*. Иначе легко будетъ относить на счетъ искаженій, вставокъ и т. под. всякое выраженіе въ памятникѣ, не подходящее къ нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ относительно значенія свидѣтельствъ этого памятника.

²⁾ Ист. Кн. Пск. стр. 11. Кіевъ. 1831 г.

ствовалъ до замужества Ольги и что онъ основанъ Ольгою, уже христіанкою. Очень возможно, что нѣчто подобное было у нашего лѣтописца. Правда, тѣ мѣстныя новгородско-псковскія сказанія, которыя, перенося родину Ольги съ Плескова на Выбутино или Изборскъ, ссылались на то, что «града Плескова тогда не бысть», а основанъ уже Ольгою,—эти сказанія позднѣе владимірскаго лѣтописца. Но нѣкоторые изъ нихъ ссылаются уже на *предшествующія повѣсти многи*, слѣд. указываютъ на *болѣе раннее* происхожденіе подобнаго мнѣнія или преданія относительно Плескова. Возможно, что и владимірскій лѣтописецъ такъ или иначе усвоилъ себѣ мнѣніе, что русскій Плесковъ есть городъ уже позднѣйшій, основанный Ольгою, что, слѣдовательно, Плесковъ, изъ котораго она въ 903 г. была приведена въ жены Игорю, есть не русскій, а болгарскій, открытый имъ въ припискѣ къ хроникѣ Манассіи, что поэтому Ольга была родомъ—болгарка. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, для насъ важенъ собственно тотъ общій *наиболѣе вѣроятный* выводъ, что одиноко стоящее извѣстіе поздняго владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги есть *не извѣстіе*, почеркнутое изъ древняго источника, а *мнѣніе* самаго лѣтописца, сложившееся, всего вѣроятнѣе, подъ вліяніемъ болгарскаго извѣстія о существованіи въ Болгаріи древняго города, созвучнаго по названію Плескову начальной лѣтописи. Тѣмъ неотразимѣе становится то заключеніе, что одиночное извѣстіе владимірскаго лѣтописца далеко не можетъ перевѣсить значенія всѣхъ остальныхъ древнихъ и позднихъ извѣстій и сказаній о русскомъ происхожденіи Ольги.

Въ заключеніе настоящаго обзора и анализа извѣстій о происхожденіи Ольги остается указать еще на одно извѣстіе, также одиночное и столько же оригинальное, какъ и извѣстіе владимірскаго лѣтописца, и потому могущее служить назидательною иллюстраціею къ нему. Оно сообщается въ *краткой* лѣтописи, писанной послѣ 1606 г., надо полагать, въ Москвѣ и вошедшей въ составъ рукописнаго сборника XVII в., находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ¹⁾. Здѣсь, послѣ разказа о походѣ Олега на Царьградъ, говорится: «и *посемъ* женися князь Игорь Рюриковичъ во Плескове, поя себе *княжну* Олгу, *дщерь Тмутаракана, князя половецкаго*». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сообщеніе не есть извѣстіе, почеркнутое изъ ка-

¹⁾ Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. Библіотеки. А. Ф. Бычкова Ч. I. стр. 153—154. Спб. 1882 г.

кого либо древняго источника, а собственное мнѣніе, собственное измышленіе автора краткой лѣтописи, москвича XVII в. Какъ онъ додумался отыскать отца Ольгѣ въ Тмутараканѣ, князѣ половецкомъ, а женитьбу Игоря на ней перенести на время послѣ похода Олега на Царьградъ,—это можно оставить безъ выясненія, хотя бы такое выясненіе и казалось возможнымъ. Для нашей цѣли достаточно указать на самый фактъ смѣлаго домысла московскаго лѣтописца XVII в., представляющій собою новый примѣръ того какъ авторы *позднѣйшихъ краткихъ лѣтописей*, опускаая или сокращая пространныя легендарныя сказанія древнихъ лѣтописей, въ то же время не стѣснялись приносить къ нимъ *дополненія и поправки собственнаго сочиненія*, собственнаго авторскаго творчества и передавать ихъ въ совершенно положительномъ тонѣ. Словомъ, московскій лѣтописецъ XVII в. въ своемъ сообщеніи о половецкомъ происхожденіи Ольги представляется лишь болѣе смѣлымъ подражателемъ владимірскаго лѣтописца конца XV в. въ сообщеніи послѣдняго о болгарскомъ происхожденіи ея. Несравненно выше подобныхъ лѣтописцевъ стоитъ авторитетъ начальной лѣтописи, говорящей о русскомъ происхожденіи Ольги. Но въ вопросѣ о происхожденіи Ольги есть еще и другія стороны, въ разъясненіе которыхъ необходимо войти, какъ въ видахъ большаго освѣщенія главной стороны этого вопроса, т. е. болѣе твердо констатированія факта русскаго происхожденія ея, такъ и въ надеждѣ достигнуть нѣкотораго разъясненія начальной, загадочной судьбы этой русско-*плесковитыни*, или *псковитянки*, ставшей столько знаменитою въ нашей исторіи.

И. Малышевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

38.

Надписи на сволокахъ.

Наклонность украшать жилище обнаруживается уже у народовъ дикихъ и варварскихъ. Въ Новой Зеландіи деревянныя стѣны и потолокъ хижины украшаются рѣзбой или разрисованными спиралями и арабесками, причѣмъ чаще всего раскрашивается верхній конѣкъ (Firstbalken) или сволокъ (*Waitz, Anthropologie, 51*). Въ древней Греціи, по словамъ Гомера, стѣны украшались пластинками изъ свѣтлаго блестящаго металла, позднѣе, съ IV в. до Р. Х., фресками (*Магаффи, Древне-греческая жизнь, 18*). У римлянъ внутреннія стѣны домовъ даже самыхъ бѣдныхъ были ярко раскрашены (*Уэлькенсъ, Древне-римская жизнь, 40*). Въ древней Руси дома украшали снаружи и внутри рѣзбой, что съ наибольшей отчетливостью сохранилось въ великорусской сельской архитектурѣ. Съ особенной заботливостью украшались подволоки или потолоки. Большою частью они украшались рѣзбой изъ дерева и составлялись изъ отдѣльныхъ штукъ, щитовъ или рамъ. вмѣстѣ съ деревянною рѣзбою подволоки убирались чаще всего слюдою съ рѣзными украшеніями изъ жести. Деревянныя рѣзныя подволоки золотились и расписывались красками (*Забѣлинъ, Бытъ рус. цар. I. 117*).

Эстетическое чувство южнорусскаго народа издавна требуетъ наружнаго и внутренняго украшенія дома, что выражается или рѣзбой на балкахъ, находящихся на виду подъ крышей или на дверяхъ

¹⁾ См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 5 и 6, май и июль

и окнахъ, рѣзбой и надписью на сволокѣ внутри хаты, раскраской оконныхъ лутокъ, рамъ и ставней, рисунками на дверяхъ и на печи. Въ ряду этихъ украшеній особенно выдаются по архаичности рѣзные сволоки.

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ.“ кн. Святославъ видитъ нехорошій сонъ, что въ его теремѣ златоверхомъ доски безъ кнѣса, т. е. безъ сволока или матицы. Если теремъ былъ златоверхій, то, вѣроятно, и сволокъ былъ не простой, а съ какими нибудь украшеніями или надписями, тѣмъ болѣе, что онъ входилъ въ народныя повѣрья. И въ настоящее время народъ вѣритъ, что если приснится, что падаетъ сволокъ или доски безъ сволока, въ домѣ кто нибудь умретъ. Въ сербской пословицѣ: „Кад падне шлеме на теме“, т. е. когда упадетъ крыша (шеломя, конекъ) на голову напр. сыну послѣ смерти отца приходится заботиться о домѣ (*Потебня*, Слово о п. Иг. 90 *Огоновскаго*, Слово о п. Иг. 80).

Сволока съ рисунками и надписями были въ козацкихъ домахъ. Въ Никополѣ въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда двумъ запорожскимъ старшинамъ, сохранилась на сволокѣ слѣдующая надпись. „Создася домъ сей рабомъ божіимъ онфріемъ (т. е. Онуфріемъ) назаровичемъ куреннымъ васюринскимъ да куреннымъ перяславскимъ гавриломъ игнатовичемъ 1751 года іюля 12 дня“. На самой срединѣ надпись эта раздѣлена высѣченнымъ изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями: копьемъ и тростью. Сволокъ имѣетъ 19 арш. длины (*Эвартицкій*, Запорожье, II, 45). Въ другомъ старинномъ козацкомъ домѣ въ Никополѣ сохранился сволокъ длиной въ 8 аршинъ и толщиной въ 4 вершка съ слѣдующей надписью: „Изволоніемъ Бога Отца Искупителя и совершеніемъ Святаго Духа Амынь созданъ домъ сей стараніемъ Максима Калниболоцкаго 1746 году іюня“ (ib. 45). Оба эти домика построены были въ с. Покровскомъ, мѣстѣ послѣдней запорожской Сѣчи, и отсюда уже перевезены въ Никополь. Въ с. Покровскомъ сохранилось четыре сволока съ надписями, уцѣлѣвшіе еще отъ прошлаго столѣтія отъ запорожскихъ хатъ. У крестьянина Корнія Забары: „Благословеніемъ Отца и поспѣшествомъ Сына и совещеніемъ святаго Духа создася сей курень васюринскаго войска васюринскимъ обществомъ за атамана Антона Головка 1710 году мал 24 дня“. Этотъ сволокъ былъ

протянуть черезъ весь курень; но теперь урѣзанъ и имѣетъ всего лишь 9 аршинъ. У крест. Клима Пироговскаго: „Божіи(мъ) изволеніемъ і помощью создася домъ сей а стараніемъ якими игнатова товариша куреня вѣшестеблевскаго 1746 года мѣсяца іюня 9“. У крест. Митрофана Чернаго: „Благословеніемъ Отца, изволеніемъ Сына и содѣйствіемъ святаго Духа аминь: создася домъ сей а коштомъ пана Василя Григорьевича знатнаго товариша куреня менскаго 1747 года мѣсяца августа 13“. Хата стояла близъ запорожской церкви; въ ней, по преданію, запорожцы держали совѣты. У священника Георгія Ващинскаго; „Благословеніемъ Отца и изволеніемъ Сына и совершеніемъ святаго Духа создася домъ сей рабомъ божіимъ Григоріемъ Комишанемъ 1765 году мѣсяца мая 10“ (ib. 190, а рисунки на 44 стр.). Эти запорожскіе сволоки показываютъ, что обычай дѣлать на сволокахъ надписи о времени постройки хаты былъ весьма распространенъ въ Запорожьѣ, причѣмъ выработалась общая краткая форма надписи религіознаго характера.

Обычай дѣлать на сволокѣхъ надписи бытовалъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, въ частности въ слободской Украинѣ. Въ моемъ домѣ въ слободѣ Боромлѣ находится сволокъ съ надписью, перенесенный изъ стоявшаго на томъ же мѣстѣ маленькаго дома моихъ предковъ. Это дубовый брусъ длиной около 7 аршинъ (края вошли въ стѣну), шириной 5 вершковъ и толщиной 4 вершка. На сторонѣ, обращенной внизъ, къ полу, тянется вдоль всего бруса небольшой брусокъ съ нарѣзками черезъ вершокъ; а на сторонѣ, обращенной къ дверямъ, вырѣзано: „(о име)ни твоємъ жизньъ наша утверждается и совершается во вѣки“; далѣе слѣдуетъ крестъ съ словами и. н. ц. і. ника, а за нимъ: „создася домъ сей рабомъ божіимъ семіономъ михайловичемъ сумцемъ мая 2 дня 1776 г.“. Крестъ приходится посрединѣ сволока и украшенъ бордюрной вырѣзкой.

Въ настоящее время, если не ошибаюсь, въ Малороссіи уже не встрѣчается обычай вырѣзывать на сволокахъ надписи; но онъ сохранился еще въ Галиціи среди консервативнаго населенія гористаго Покутья. Для поддержанія потолка подкладываютъ въ хатѣ подъ него сволокъ, или поперечную балку, на которой вырѣзываютъ греческій крестъ, время построенія хаты, имя и фамилію домохозяина (*Kolberg*, I, 57).

Обычай вырѣзывать на сволокѣ (иногда на дверныхъ луткахъ) надписи говорить въ пользу стариннаго малоросса, выразившаго въ этомъ обычаѣ свое уваженіе къ грамотѣ, къ письму и свою склонность къ историческому обоснованію жилища, что обнаруживаетъ стремленіе жить на основаніи прочнаго и разумнаго единенія настоящаго съ прошлымъ.

39.

Ч о в е н ь .

Човномъ называется въ Малороссіи рыбацкая лодка первобытной т. е. глубоко архаичной формы. Это длинная колода, выдолбленная въ срединѣ, съ однимъ или двумя небольшими сидѣніями, слегка заостренная въ одну сторону. Выпуклый снизу челнокъ въ высшей степени неустойчивъ, и его недаромъ называютъ душегубкой. Въ рукахъ опытнаго пловца човенъ быстро скользитъ по рѣчной поверхности въ тихую и даже бурную погоду. Какъ предметъ любопытный въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, човенъ нашелъ мѣсто на Коломыйской этнографической выставкѣ (*Kolberg*, Рокисіе, I, 73). Въ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются човенъ и весельце, съ надлежащей поэтической раскраской, напр., въ галицкой пѣснѣ:

Ой немаю жъ я срібнаго човныка, ни золотого весельця:

Ой поплывъ бы я ажъ за синє море, де коханєє сердце

(*Головацкій*, II, 513).

Лодка въ видѣ выдолбленнаго бревна восходитъ въ глубочайшую древность. Подобнаго рода лодки встрѣчаются внутри Африки. Англійскіе путешественники мѣтко назвали ихъ dug-out, т. е. выдолбни. Для дикарей, съ ихъ каменными топорами, приготовленіе такихъ лодокъ представляется труднымъ дѣломъ; поэтому они имѣютъ обыкновеніе прибѣгать къ помощи огня, зажигая древесный стволъ по требуемому направленію и вырубывая обгорѣвшія части дерева. Челноки одnodеревки были распространены въ Европѣ въ доисторическія времена, какъ можно видѣть изъ образцовъ, находящихся въ музеяхъ и сохранившихся, благодаря торфу или песку, въ которыхъ они были найдены. Греческое названіе для лодки scarpe, равно

какъ англійскія названія корабля skiff или ship этимологически означаютъ выдолбень и служатъ лингвистическимъ остаткомъ того времени, когда лодки дѣйствительно выдалбливались изъ плотныхъ сплошныхъ древесныхъ стволовъ (*Тэйлоръ*, Антропология, 251).

На подобіе того какъ дикіе народы Полинезіи и Африки, исходя отъ первобытнаго чолна, самостоятельно дошли до постройки большихъ лодокъ, вмѣщающихъ въ себѣ по нѣсколько десятковъ гребцовъ (см. *Waitz*, Antropologie, 65; *Тэйлоръ*, 251), такъ и южноруссы уже въ глубокой древности дошли до построенія большихъ и прочныхъ рѣчныхъ и морскихъ судовъ, или козацкихъ чаекъ. Нѣкоторыя улучшения по этой части сдѣланы на глазахъ исторіи и замѣчены были древними лѣтописцами. Такъ, въ 1151 г. „бѣ бо исхитрилъ Изяславъ лодыи дивно: бѣша бо въ нихъ гребци невидимо, токмо весла видѣти; бяхуть бо лодыи покрыты досками“... (*Аристовъ*, Промышленность др. Руси, 95).

Какъ предметъ весьма простой, украинскій челнъ почти тождественъ съ челномъ въ Польшѣ и Литвѣ, что видно, напр., на нѣманскомъ челнѣ, по его рисунку въ журналѣ „*Wisła*“, 1888, II, 30, съ рыбацкимъ челномъ западной Индіи, судя по рисунку во 2 т Естеств. ист. народ. *Гельвальда*, стр. 579 и сходенъ съ лодками другихъ странъ.

40.

Сластены, маковники и другія простонародные „ласоци“.

Н. Я. Аристовъ въ сочиненіи о промышленности древней Руси высказалъ мнѣніе, что „пища русскаго народа въ древнюю пору была болѣе разнообразна, чѣмъ въ послѣдующую (т. е. съ XIV—XV вѣковъ), и предки наши въ этомъ отношеніи были разборчивѣе большинства своихъ потомковъ. Въ раннее время народъ питался преимущественно мясной пищей, чувствовалъ себя обезпеченнѣе и довольнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣднее время, когда исключительно почти употреблялъ пищу растительную“ (стр. 82). Еще съ большимъ основаніемъ положеніе это можно высказать относительно малороссіянъ, преимущественно лѣвобережной Украины, пищевое до-

вольствіе которыхъ съ начала нынѣшняго вѣка замѣтно ухудшилось и уменьшилось, въ силу разныхъ неблагоприятныхъ экономическихъ условій мѣстной жизни, уменьшенія надѣловъ, вообще малоземелья, уничтоженія лѣсовъ, упадка промысловъ и скотскихъ падежей. Еще недавно, лѣтъ 30, 40 назадъ куры были во всякомъ дворѣ, и почти во всякомъ дворѣ держали нѣсколько головъ овецъ, двѣ или три коровы, а теперь такое довольство можно найти лишь у богатыхъ крестьянъ, обладающихъ еще крѣпостной землей изъ старозаймочныхъ. Даже куръ многіе хозяева перестали держать, находя прокормленіе ихъ дорогимъ. Лѣсныхъ съѣстныхъ продуктовъ, кислицъ и грушъ, также оказывается недостаточно, при истребленіи лѣсовъ и увеличеніи населенія. Приходится ограничиваться хлѣбомъ, гречихой, пшеномъ, разными огородными овощами и лишь вспоминать про недавнюю еще старину, когда и сельчане

Тамъ лигоминки разны илы,
 Буханчыкы пшеничны били,
 Кислицы, ягоды, коржы
 И всякы разны вытребенькы.

Около ста лѣтъ назадъ нѣкоторые малорусскіе города и даже села славились ласощами, Кіевъ смажеными орѣхами, Дубны сладкими короваями, Полтава „прижеными пундыками“, Ахтырка и Боромля—бубликами, Харьковъ сластѣнами и маковниками; но затѣмъ всѣ эти ласощи стали исчезать, оставивъ послѣ себя лишь слѣды въ старинныхъ произведеніяхъ украинской литературы. Въ то время, какъ кулинарное и кондитерское искусства достигли въ высшихъ и среднихъ классахъ общества высокой степени совершенства, и ежегодно являются въ этой области новости, простонародное кулинарное искусство обезцвѣтилось и упало, ограничившись лишь обыденными простѣйшими кушаньями, съ устраненіемъ какихъ бы то ни было лигоминокъ, или ласощей, вмѣсто которыхъ въ достаточныхъ крестьянскихъ семействахъ иногда являются фабричныя пряники, леденцы послѣдняго сорта, крахмальныя, слегка подсахаренныя, съ красной окраской шишки или мелкіе баранки. Эти сласти продаются на ярмаркахъ или въ сельскихъ лавчонкахъ, причемъ баранки или повѣшены подъ потолкомъ, и потому черны отъ пыли, или складываются въ бочкахъ, гдѣ получаютъ специфическій запахъ, древес-

ный, дегтярный, рыбный. Баранки получаютъ изъ Харькова и изъ Сумъ, гдѣ ихъ изготовляютъ особые хлѣбонеки, изъ захожихъ съ сѣвера великоруссовъ.

Изъ старинныхъ лигоминокъ лучше другихъ сохранился въ народномъ быту маковники и сладѣны; но сфера ихъ распространенія сѣззилась, число потребителей уменьшилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ самое производство ихъ сдѣлалось очень незначительнымъ. Въ харьковской губерніи маковники и сладѣны уже рѣдко встрѣчаются, но бублики еще держатся. Маковники приготавлиются такимъ образомъ: варятъ медъ, снимая пѣну; потомъ кладутъ макъ и варятъ, пока сдѣлается густъ и крѣпокъ; потомъ смачиваютъ столъ; выливаютъ это на столъ и, когда застынетъ, рѣжутъ на тонкіе четырехъ-угольные куски; иногда вкладываютъ въ маковники лѣсные орѣхи. Маковники употребляютъ, какъ лакомство (*Чубинскій*, т. VII, ч. II, с. 442). Въ „Салдацкомъ патретѣ“ Квитки ироническими чертами обрисована базарная торговля сладѣнными. „Тутъ и ... сладѣнница съ грубкою: тильки спытай, на скільки тобі треба, сладѣнныхъ, такъ живо пидниме пелену, тай зниме стару онучу, що нею горщыкъ зъ тистомъ накрытый,—щобъ, знаєте, тисто на холоди не простывало, и затымъ пидъ пеленою у себе держыть; онъ пальци послыне, щобъ тисто не прыставало, та и вщещнѣ тиста, та на сковороду у въ олію, ажъ шкварчыть! та заразъ и пряжесть, и подае, а вже олією не скупытця, бо такъ зъ пальцывъ и тече, тильки знай обсмоктуе“. Теперь сладѣны уже не приготавлиются на самомъ базарѣ, а дома, и продаются холодными. На подобіе сладѣнъ приготавлиются „пальчыкы“—небольшіе куски пшеничнаго тѣста, пропитанные скоромнымъ масломъ. Они продаются на базарѣ, какъ лакомства, и на вкусъ хороши. Сладѣны, вѣроятно, проникли въ южную Россію изъ Германіи, гдѣ въ настоящее время подобнымъ образомъ приготавливаютъ на ярмаркахъ вафли. Въ 1875 г. мнѣ пришлось быть въ Гейдельбергѣ во время осенней ярмарки, и нѣмецкое приготовленіе вафель напомнило мнѣ разсказъ Квитки о старинныхъ украинскихъ сладѣнницахъ: на городской площади появилась крытая повозка, въ родѣ товарнаго вагона, съ печкой въ одномъ углу. Женщина цекла вафли на виду у публики и тутъ же продавала ихъ горячими.

41.

Обрядовое яйцо.

Безъ краснаго яйца и Свѣтлоо Христова Воскресеніе не праздникъ. Покропить священникъ послѣ ранней обѣдни святой водой скромное пасхальное добро селянина и два—три яйца въ сопровожденіи двухъ—трехъ копѣекъ отправляются къ дьячку въ мѣшокъ. Похристосуется мужичекъ и красное яйцо въ руки. На святой недѣлѣ поселяне катаютъ пасхальныя яйца, бьются и мѣняются ими; обыкновеніе биться яйцами—старинное; противъ него возставало духовенство въ XVII ст., усмотрѣвшее въ немъ дѣло, противное вѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне на первый день Пасхи ставятъ на столъ небольшую кадъ съ зернами пшеницы и зарываютъ въ нихъ пасхальное яйцо; зерна эти употребляютъ при посѣвѣ. При посѣвѣ конопли крестьяне разбрасываютъ по полю яичную скорлупу, приговаривая: „роды, Боже, конопли били, якъ яйца!“ Въ день Вознесенія ходятъ на поля, засѣяныя рожью и подбрасываютъ вверхъ красныя яйца съ тѣмъ, чтобы рожь также высоко поднялась, какъ высоко подкинуто яйцо. Когда на Георгія выгоняютъ скотъ въ поле, проводятъ краснымъ пасхальнымъ яйцомъ по хребту лошадей, приговаривая: „какъ яичко гладко и кругло, такъ моя лошадушка будъ и гладка, и сыта“. Крашенымъ яйцомъ обносятъ стадо, чтобы его не рвали волки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаютъ полезнымъ обносить пасхальнымъ яйцомъ горящій домъ, чтобы пожаръ не распространился на другія постройки. Въ валковскомъ уѣздѣ, говорятъ, для этого употребляется яйцо, освящавшееся втеченіе трехъ лѣтъ.

Чествованіе краснаго яйца имѣетъ за собою глубокую древность; оно дровнѣе христіанства. Язычнику яйцо представлялось символомъ солнца, которое, какъ извѣстно, составляло для него главный предметъ религіознаго поклоненія. Чествованіе краснаго яйца первоначально вызвано мыслью о весеннемъ возрожденіи солнца или, точнѣе сказать, всей творческой силы природы. Жаркое лѣтнее солнце славянину язычнику представлялось въ различныхъ образахъ: божественнаго лика или колесницы, кольца и птицы. Въ сказкахъ часто говорится о Жаръ-птицѣ. Эта знаменитая птица и есть весн-

нее и лѣтнее солнце. Одного пера ей достаточно, чтобы освѣтить большой садъ. Но какъ у вѣхъ воплощеній творческихъ силъ природы и у Жарь-птицы есть ненавистники, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть зимній холодъ и вьюги. Чародѣй похищаетъ Жарь-птицу, но не убиваетъ ее окончательно (убить вѣчно возрождающуюся весной творческую силу природы невозможно). Прежде чѣмъ драгоцѣнная птица потеряетъ свободу, она успѣваетъ снести яйцо. Окутанное туманами и облаками солнце представляется золотымъ яйцомъ, положеннымъ этою птицею. Жаркими своими лучами оно согрѣваетъ холодныя тучи, разгоняетъ туманы, заставляетъ облака лить дождевыя потоки: поля и нивы покрываются зеленью и на землѣ водворяется царство лѣта. Въ народныхъ сказаніяхъ яйцо является источникомъ жизни и вселенной. По финскимъ преданіямъ вселенная произошла изъ яйца: солнце изъ бѣлка, мѣсяцъ изъ желтка, звѣзды изъ остатковъ бѣлка и желтка, небо изъ одной половины скорлупы, земля—изъ другой половины. Древніе персы также вѣрили въ происхожденіе вселенной изъ яйца; они прославляли яйцо въ своихъ священныхъ пѣсняхъ и его металлическія литыя изображенія держали въ храмахъ. Греческіе и римскіе философы происхожденіе вселенной вели отъ яйца (ab ovo).

Чествованіе краснаго яйца, какъ символа весенняго сильнаго и плодотворнаго солнца, приурочено къ празднику Свѣтлаго Христова Воскресенья потому, что этотъ христіанскій праздникъ совмѣлъ со временемъ древняго языческаго празднованія возрожденія творческихъ силъ природы.

Пасхальныя яйца отличаются по рисунку. У галицкихъ русскихъ писанки готовятъ женщины такимъ образомъ: наводятъ воскомъ мѣста, которыя хотятъ оставить бѣлыми, и затѣмъ опускаютъ яйцо въ отваръ яблоневои коры, что даетъ яйцу желтую окраску. Такъ получается тло, или основа, и затѣмъ снова наводятъ мѣстами воскъ и опускаютъ яйцо въ ту или другую краску. На этнографической выставкѣ въ Коломыѣ выставлено было болѣе 800 писанокъ изъ разныхъ селъ, Загайполя, Хомяковки, Чортовца, Гарасымова и др. Писанки изъ Текуча были сплошь окрашены въ желтый цвѣтъ посредствомъ Иванова зилья (*Nuregium perforatum*). Польскіе этнографы и археологи обратили вниманіе на

галицко-русскія пасхальныя писанки. Въ краковской академіи наукъ находится небольшая коллекція писанокъ. Были, оказывается, малорусскія писанки на выставкахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и обратили на себя вниманіе людей науки (*Kolberg*, *Revue* I, 149). Онѣ имѣютъ разныя названія, смотря по окраскѣ, „церковци“ съ изображеніемъ крестовъ греческаго стиля, „волошки“ съ мелкимъ рисункомъ мавританскаго стиля, „гвиздки“ съ изображеніемъ звѣздъ, „поповы ризы“, „дзвинъ“, „паска“, „барани роги“, „квитки“, „кучери“ и др.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ обряды входитъ, между прочимъ, яичница, независимо отъ обряднаго яйца. Яичницу употребляютъ преимущественно на свадьбахъ. Въ Малороссіи, кажется, нѣтъ обрядовой яичницы; но въ Галиціи, именно, у лемковъ, ее готовятъ молодымъ на ужинъ, при чемъ здѣсь, какъ во многихъ мѣстахъ Великороссіи, яичница имѣетъ прямое отношеніе къ браку.

42.

Сырѣ въ повѣрьяхъ и обрядахъ.

Извѣстно, что разсказъ Г. О. Квитки „Мертвецкій Велькдень“ построенъ на томъ, что нѣкій Нечипоръ, пьянчужка крестьянинъ, наѣвшись дома варениковъ, ночью подь первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-какъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторыя подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій, со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ:

„На масляницѣ, по шѣстому выраженію въ „запусты“, послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подѣ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Вточеніе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Вночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется, высокія ворота стоятъ на дорогѣ. Какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатерининскій солдатъ, который, несмотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была на головѣ дойница“.

Обрядовое употребленіе сыра на свадьбахъ обычно у поляковъ (*Kolberg, Lud., VI, 60*), лужицкихъ сербовъ (*Haupt und Smoler. Volkslied. II, 235*), въ Великой и Малой Россіи, при чемъ въ Малой Россіи преимущественно въ началѣ свадьбы, а въ Великой Россіи въ концѣ свадьбы; у лемковъ галицкихъ на другой день послѣ свадьбы (*Головацкий, III, 396*); то же на свадьбахъ московскихъ царей XVII вѣка (*Сахаровъ, Сказ. рус. нар., Доп., 122*). Все это даетъ поводъ видѣть въ обрядовомъ употребленіи сыра остатокъ древняго жертвоприношенія, что подтверждается и древнерусскими памятниками письменности. Въ Вопросаніи Бирика XII в. и въ Словѣ Христолюбца XIV в., а м. б. и болѣе ранняго времени, говорится о жертвоприношеніи сыра. Указаніемъ на жертвоприношеніе сыра можетъ служить одно выраженіе въ бѣлорусской купальницкой пѣснѣ: „Да тебе, Купальничка, упушу (въ домъ), зеленымъ виномъ я прійму, пшеничнымъ пивомъ упою, а бѣлымъ сыромъ накормлю“ (*Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни, 30*). Въ то время, какъ у кельтовъ и германцевъ сыръ былъ, повидимому, въ пре-

небреженіи, у славянъ онъ употреблялся съ древнѣйшихъ временъ (*Pictet, Les origines indoeurop. II, 35*). Какъ предметъ жертвоприношенія, сыръ могъ предшествовать хлѣбу, отвѣчая древнѣйшему скотоводческому быту индо-европейскихъ народовъ.

43.

Священное значеніе обѣденнаго времени

обнаруживается въ обычаяхъ крестьянъ соблюдать во время обѣда тишину; громкій разговоръ и смѣхъ считаются тутъ неприличными. Нельзя также стучать ложками объ столъ, ни качать ногами. Повѣрья эти частью обусловлены древними воззрѣніями на столъ, какъ на жертвенникъ, частью повѣрьями въ полуднищъ. Намекъ на повѣрье въ полуднищъ можно видѣть въ словахъ Владиміра Мономаха въ его Поученіи (1096 или, по Погодину, 1099 года): „Спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чияв бо почиваетъ и звѣрь, и птицы, и человекѣи“ (*Лѣтопись*, по сп. Лавр. 238). Полуднищы тожественны съ солнцевыми дѣвами сербскихъ пѣсень и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ и расчесываютъ свои длинныя косы. Въ Малороссіи полуднищы, повидимому, совсѣмъ забыты; но въ сѣверной Россіи и въ Сибири объ нихъ сохранились слабыя воспоминанія. Въ архангельской губ. полуднищя—охранительница полей, засѣянныхъ рожью. Родители пугаютъ дѣтей: „ужо ты полуднищя съѣсть!“ Безпововцы старовѣры творятъ въ полдень молитву на изгнаніе „бѣса полуденна“. Въ южной Сибири подъ именемъ полуднищы подразумеваютъ старуху съ густыми вклокоченными волосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ крапивы и оберегаетъ огороды отъ дѣтей (*Аванасьева, III, 137*). Съ наибольшей подробностью о полуднищѣ помнятъ чехи и лужицкіе сербы: въ видѣ вооруженной дѣвушки ходитъ она по полямъ и лѣсамъ. Иногда она въ полдень ходитъ по хлѣбнымъ полямъ въ видѣ женщины, одѣтой въ бѣлое или красное платье. Когда она заходитъ въ домъ, то кто нибудь умретъ. Иногда она подмѣниваетъ ребенка. У сербовъ лужицкихъ наряду съ вѣрованіемъ въ полуднищъ держится

вѣрованіе въ подобныя же существа мужскаго пола, маленькія ростомъ и насмѣшливыя. Въ классической древности подобнаго рода вѣрованія относились къ греческому Пану и римскому Фавну. Въ полдень Панъ спалъ, утомленный охотой, и пастухи не смѣли играть на свирѣли, чтобы не разбудить его и не навлечь на себя его гнѣва. По словамъ персидскаго поэта Фирдуси дивы (демоны) спятъ въ полдень. Въ нѣмецкихъ разказахъ водяныя дѣвы любятъ полдень. Дѣти въ это время боятся оставаться одни на берегу рѣки или купаться. Въ средніе вѣка существовало повѣрье, что въ полдень жизнь человѣка находится въ опасности отъ „daemon meridianus“. Въ VI стол. на счетъ его зловреднаго дѣйствія относили рядъ болѣзней, преимущественно моровую язву. Лужицкіе сербы солнечный ударъ объясняютъ дѣйствіемъ Припольницы. Въ древности послѣ-обѣденный сонъ считался вреднымъ для здоровья. Въ Вестфалии въ полдень не приступаютъ къ посѣву (*Haberland*, въ *Zeitschr. fur Völkerpsychol.* 1881, XIII, 310—324).

44.

К в а ш а

встрѣчается въ Россіи почти повсемѣстно, преимущественно въ Малороссіи. Приготавливаютъ это кушанье такимъ образомъ: кладутъ въ кадушку муку ржаную, гречневую и солодь, размѣшиваютъ полукипяченною водою, даютъ часъ или полчаса посолодѣть, затѣмъ сильно вскипятятъ другую воду и въ ней разведутъ означенное тѣсто, болѣе или менѣе густо, какъ кто любитъ. Кадушку ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы кваша получила кислоту, варятъ квашу въ горшкѣ и, вскипятивши, подаютъ (*Маркевичъ*, Обыч. малор. 156; Чуб. VII, II, 440). Въ настоящее время кваша встрѣчается только въ крестьянскомъ быту; но по разказамъ старыхъ людей, лѣтъ пятьдесятъ или сто назадъ ее употребляли, какъ лакомое кушанье, и помѣщики средняго достатка. Къ квашѣ относится нѣсколько поговорокъ, напр.: „нехай же иде грекъ зъ вынами, зъ швами та у нашу квашу“, „говорить гоже та боже, щобъ наша кваша вдалась“. Крестьянскую простоту и матеріальный достатокъ обрисовы-

ваютъ словами: „въ насъ просто: борщъ, каша, третья кваша“ (*Номисъ*, 256, 12176 и др.).

Кваша—одно изъ самыхъ архаичныхъ явленій народнаго быта. Существуетъ много несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что древней формой хлѣбной пищи была похлебка. И въ настоящее время варварскіе народы средней Азіи, получивъ какимъ либо образомъ муку, начинаютъ ее употреблять въ пищу съ водой, не находя въ себѣ умѣнья приготовить изъ нея хлѣбы. Такъ, киргизы, кочующіе на плоскости Памира, между Бадакшаномъ и Яркандомъ, почти не знаютъ хлѣбнаго зерна, но когда получаютъ его, то растираютъ, размачиваютъ и ѣдятъ въ жидкомъ видѣ (*Борнсъ*, Путеш. въ Бухару, III, 298). Пища средне-азиатскихъ монголовъ Цзинь, по свидѣтельству китайскаго писателя Юй-веня, состояла изъ кашицы изъ полусыраго зерна (*Записки* Археол. общ. 1859, XIII, 205). Въ XVII вѣкѣ крымскіе татары, жившіе въ городахъ, умѣли готовить хлѣбъ, но степные татары употребляли вмѣсто того ячменную или гречневую кашу, приправленную конскимъ жиромъ (*Бопланъ*, Опис. Укр., 46). У древнихъ грековъ, преимущественно спартанцевъ, любимой пищей была хлѣбная похлебка или „маса“ (*Магаффи*, Др. греч. жизнь, 41). Въ ранній періодъ римской жизни во время обѣда и завтрака любимымъ кушаньемъ была густая хлѣбная похлебка—„pulmentum“ (*Уэлькенсъ*, 85). Какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ жидкая хлѣбная пища, первоначально обычная во всѣхъ классахъ населенія, впоследствии держалась въ низшемъ, бѣднѣйшемъ классѣ народа, что обнаруживается и въ исторіи кваша, равно какъ и другихъ, встрѣчающихся у славянъ хлѣбныхъ похлебокъ. Изысканный вкусъ людей образованныхъ и богатыхъ почти совсѣмъ отвергъ старинныя формы хлѣбной похлебки, если не считать нѣкоторыхъ суповъ и кашъ, искусно приготовляемыхъ. Древнія хлѣбныя жидкія кушанья сохранились только у крестьянъ. Такимъ же архаизмомъ, какъ и кваша, отличаются *те-теря*—каша изъ ржаной и гречневой муки и пшепа (см. *Чубинскій*, VII, 440; *Мартевичъ*, 163; *Коржъ*, Уст. повѣст. 33), въ филологическомъ отношеніи родственная съ великорусской *тю-рей*—хлѣбными сухарями, намоченными въ водѣ (см. *Далъ*, Толк. слов. V, 369, 413) отъ сл. тереть, тьр-ти, дьр-ти, дра-ти, *вив-*

сяныкѣ—овсяная похлебка (*Номисъ*, 12098), *кулишъ*, хлѣбный кисель, или *гуца*—все малорусскія кушанья, далѣ бѣлорусскія варгены или солодуха (*Этногр. сборн.*, II, 139), кислуха, колотуха, крупникъ; великорусскія толочно, дежень; польскія пенчакъ, спулка, розварка, наварка и др. (*Kolberg, Lud.*, V, 135. 270; XI, 126).

45—46.

Соломаха и мамалыга

также входятъ въ число хлѣбныхъ кушаньевъ, но названія кушаньевъ, вѣроятно, и самыя кушанья, заимствованы малороссіянами, соломаха—неизвѣстно отъ какого народа тюрко-татарскаго корня, а мамалыга несомнѣнно отъ румынъ, и потому оба эти кушанья, теперь рѣдкя, представляются культурными переживаніями особаго порядка, не собственной исконной культуры, а инородной.

Соломахой у малоруссовъ, саламатой у великоруссовъ называется жидкая мучная каша съ солью. Въ вологодской губ.: саламатой называется овсяная крупа, поджаренная на маслѣ или салтѣ. Въ западной Россіи соломаха—сладкій опьяняющій напитокъ изъ водки, меда, сливъ и вишенъ, въ родѣ украинской варенухи. Саламата встрѣчается въ великорусскихъ народныхъ поговоркахъ (*Даль*, Толк. слов. V, 117). Наиболѣе древнимъ характеромъ отличается малорусская соломаха, представляющая разведенное соляной водой гречневое тѣсто (*Чубинскій*, VII, 441; *Маркевичъ*, 161). Въ XVIII ст. казаки, отправляясь въ морской походъ, брали съ собой соломаху. Въ думѣ про Корсунскую битву (1648) упоминается „жытняя соломаха зъ туслукомъ“ (т. е. разсоломъ), какъ специально козацкое кушанье (*Антоновичъ и Драгомановъ*, Ист. пѣе. II, 34). Французъ Бопланъ, пробовавшій это запорожское кушанье, нашелъ его кислотоватымъ и неприятнымъ на вкусъ (*Бопланъ*, Оп. Укр. 63). Повидимому, слово, а м. б. и самое кушанье саламата заимствовано отъ татаръ, у которыхъ словомъ салма называли крошеную или мятую и истертую въ рукахъ лапшу (*Даль*, V, 117).

Мамалыга или малай—старинное запорожское кушанье изъ просяной муки, разведенной водой; ѣли его въ скоромные дни съ

соленымъ сыромъ или брындой (*Коржъ*, Уст. повѣст. 34). Слова мамалыга и брында румынскія. У молдаванъ мамалыгой называются лепешки изъ кукурузной муки съ молокомъ или брындою, т. е. сыромъ изъ овечьяго молока, или съ коровьимъ масломъ, или съ саломъ (*Этногр. сборн.*, V, 50). Въ однихъ мѣстахъ Малороссіи мамалыгой называютъ хлѣбную похлебку, въ другихъ хлѣбныя лепешки. Существуетъ такое повѣрье, что „якъ дивка зле выминае лемпшу або мамалію и въ нїи е мука, то набраты той муки и насыпаты пидъ бигунъ—дивка не видасться“ (*Номисъ*, 13,400).

47.

Ж у р ь.

Въ статьѣ „Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ“, напечатанной въ *Кіев. Стар.* 1885 г. кн. VII, я уже говорилъ о журѣ. Здѣсь лишь добавлю кое что. Журъ—древнее хлѣбное кушанье; но зашелъ онъ въ Малороссію, повидимому, изъ Польши. Журъ—обычное кушанье польскихъ крестьянъ (*Kolberg*, *Ind*, III, 73; *Linde*, *Słownik*, VI), встрѣчается у лужицкихъ сербовъ въ значеніи кваша, *Sauerteig* (*Пфуль*, *Словарь луж.-яѣм.*), въ Бѣлоруссіи (*Даль*, I, 489), повидимому, у сербовъ и болгаръ, судя по существованію словъ джуровача—деревянная чашка, джуркаль—палочка для размельченія крапивы. Быть можетъ, журъ происходитъ отъ нѣмецкаго слова sauer, кислый, и къ славянамъ перешелъ отъ нѣмцевъ въ давнее время. Въ настоящее время журъ распространенъ у галицкихъ русиновъ. (*Kolberg*, *Рок.* 52), въ Холмщинѣ (*Батюшковъ*, *Холм. Русь*). Въ пѣснѣ, записанной въ волянск. губ.: „у селянина борщу нема, а у мѣщанина съ перцемъ журина“ (*Чубинскій*, III, 472). Въ галицкой шумкѣ упоминается журъ (*Головацкій*, II, 197). Въ лѣвобережной Украинѣ, кажется, не знаютъ жура. Въ подтвержденіе моего мнѣнія, что пѣсенный Журило—олицетвореніе жура, высказаннаго въ *Кіев. Стар.* 1885 г. кн. VII, укажу на олицетвореніе „киселя“ (т. е. жура) на картинѣ страшнаго суда въ Лебединскомъ монастырѣ (см. *Кіев. Стар.* 1885, X, 367). Кисель представленъ здѣсь въ видѣ кавалера,

одѣтаго въ красный кунтушъ, завитаго, нарумяненного, съ закрученными усами, точь въ точь пѣсенный Журило, а рядомъ съ нимъ кваша въ видѣ молодицы, неришливо одѣтой. Отчество Пленковичъ при Чурилѣ (=Журилѣ), думаю происходить отъ польскаго слова *plóń*—урожай, обиліе. Слово это встрѣчается и въ пѣсняхъ, напр.: въ польской обжинковой: „Плѣнь несемъ, плѣнь въ его мосцинь домъ, бодай здорова плѣновала“ (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 53).

48—49.

Глекъ и Кглегъ.

Любопытно, что слово глекъ, глечикъ встрѣчается только въ малорусскомъ языкѣ, и нѣтъ его въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ церковно-славянскомъ (судя по словарямъ Востокова и Миклопича), польскомъ (сл. Линде), чешскомъ (сл. Юнгмана), серболужицкомъ (сл. Пфуля), сербскомъ (сл. Караджича и Лавровскаго), великорусскомъ (сл. Даля). Для обозначенія предмета, извѣстнаго въ Малороссіи подъ названіемъ глечика, у другихъ славянъ встрѣчаются разныя слова, кувшинъ, бутылъ, чотора (болг. и серб. изъ турец. яз.), фляшка (польск. изъ нѣм. яз.).

У галицкихъ русскихъ словомъ глегъ (*gleg*) называютъ сѣлое молоко изъ желудка маленькаго теленка, котораго кусочекъ бросаютъ въ удой молока, чтобы оно скорѣе сѣлось, сгледживалось. Это дѣйствіе называется глегати или гледжити молоко. У лемковъ слово глегъ произносится глягъ.

Я. О. Головацкій высказалъ мнѣніе, что слово глегъ заимствовано изъ греческаго *glágos*—молоко, слова, употребляемаго еще въ Иліадѣ Гомера. Это обстоятельство, по словамъ Головацкаго, указываетъ на близкія сношенія карпатскихъ горцевъ съ греками въ самой отдаленной древности, когда „словѣни сѣли суть по Дунаеву; гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска“. Тамъ, въ сосѣдствѣ Греціи, предки гуцуловъ, бойковъ и лемковъ научились глегати молоко. Оттуда вынесли они слова колиба (навѣсь, шалашъ), боске (кормъ), боско (части) и называютъ до сихъ поръ свои ша-

лаши колябами, свои горныя нажити—Бескиды, пасти на горахъ—бескидовати (*Головацкій*, Нар. пѣсни галиц. Руси, I, 700, Пряиѣч.).

Проф. А. А. Потебня сомнѣвается въ древности заимствованія слова кглегъ малороссіянами отъ грековъ, такъ какъ въ случаѣ древности такого заимствованія *кг* перешло бы въ *г*. „Займствованія съ греческаго, замѣчаетъ при этомъ г. Потебня, конечно, посредственныя, встрѣчаются и относительно новыя, напр., черноморское аггелъ—кошара для овецъ (agele—стадо), отъ румынскихъ чабановъ XVIII в.“ (*Потебня*, Рецензія на сборн. Головацкаго, 16).

Принимая во вниманіе широкое распространеніе словъ глекъ и кглегъ, хотя и въ разномъ значеніи, словъ несомнѣнно заимствованныхъ изъ греческаго языка, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе Головацкаго о давности заимствованія, обусловленнаго близкямъ нѣкогда сосѣдствомъ славянъ съ византійской имперіей и тѣснымъ съ нею культурнымъ общеніемъ.

Слова глекъ и кглегъ могли проникнуть въ Малороссію въ разное время и разными путями, при чемъ одно изъ нихъ, именно глекъ, вѣроятно, древнѣе другаго. У древнихъ грековъ существовало много горшковъ, кувшиновъ, вазъ, самыхъ разнообразныхъ формъ и разныхъ названій. Общія ихъ свойства были красота и удобство. Особые сосуды были для воды, вина, молока, масла. Можетъ быть, и въ самой Греціи или въ крымскихъ греческихъ колоніяхъ были своего рода глечики, которые и перешли къ древнимъ русскимъ, какъ вещь удобная и красивая, съ сохраненіемъ своего названія, и въ такомъ видѣ сохранились у крестьянъ до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками ни одного крупнаго сочиненія по греческой керамикѣ и въ частности по *Vasenkunde*, для справокъ и доказательствъ, и потому приходится ограничиться однимъ предположеніемъ. Могу только замѣтить, что во всѣхъ 4 томахъ превосходнаго изданія „*Antiquités etrusques, grecques et romaines du cabinet de M. Hamilton*“ (1767) находятся вазы и кувшины, весьма сходныя съ южнорусскими глечиками.

50.

К у м а н е ц ь .

Куманцомъ въ харьковской губерніи называютъ изящной формы кувшинъ работы мѣстныхъ гончарей. Куманцы въ Харьковѣ продаются на базарахъ, наряду съ другой глиняной посудой, а въ села ихъ привозятъ лишь на ярмарки, такъ какъ здѣсь на нихъ небольшой спросъ, по ихъ сравнительной дороговизнѣ (отъ 25 до 50 коп.). Куманцы по внѣшнему виду настолько оригинальны, что сразу бросаются въ глаза. Это высокіе и плоскіе кувшины, съ широкимъ отверстіемъ въ срединѣ и съ крышечкой наверху. Жидкость, влитая въ горлышко, размѣщается въ боковыхъ закругленіяхъ, имѣющихъ форму кольца. На ручкѣ или на крышкѣ иногда налѣпливается фантастическій звѣрь. Кувшины такой формы извѣстны были древнимъ грекамъ и римлянамъ, судя по „Древностямъ“ Гамилтона. Самое слово куманецъ, повидимому, греческаго происхожденія, на что указываютъ древне-греческія слова кума—волна, отпрыскъ, молодой ростокъ, въ архитектурѣ выпуклости и углубленія, кумайно—волнуюсь, вздымаюсь, кумась—беременная. То или другое значеніе этихъ словъ характеристично и для украинскаго куманца, по его широкой бокастой фигурѣ.

Если слово куманецъ и самый кувшинъ съ этимъ названіемъ заимствованы малороссами отъ грековъ, то такое заимствованіе произошло въ древнее время, такъ какъ уже въ XVII вѣкѣ слово это пріурочивалось иногда къ церковнымъ кружкамъ. Такъ, въ Покровской церкви Никополя находятся двѣ очень древнія серебряныя кружки, добытыя запорожцами отъ какого то крымскаго хана. Одна изъ нихъ называется куманъ большой, другая куманъ меньшей.

Мы не нашли въ словаряхъ указаній на татарское происхожденіе слова куманецъ; трудно предположить, чтобы грубый татаринъ могъ интересоваться такимъ въ своемъ родѣ художественнымъ предметомъ, какъ куманецъ. Тутъ приходится искать болѣе культурный этнографическій источникъ, древне-классическій или собственный русскій.

Н. В. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кіевское городское управленіе въ 1786 г.

(ПО ПРОТОКОЛАМЪ ЗАСЪДАНИЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ).

(Окончаніе).

III.

Городскіе расходы и повинности въ 1786 году — Борьба съ Днѣпромъ. — Мосты и перевозки. — Почтовый дворъ. — Квартирная и постоянная повинности. — Содержаніе и ремонтъ Андреевской церкви. — Ремонтъ городскихъ зданій. — Хлѣбный магазинъ. — Мостовыя и водоснабженіе. — Городская богадѣльня. — Городской оркестръ. — Личныя повинности горожанъ. — Данныя о положеніи разночинцевъ, торговаго и ремесленнаго сословія.

По городовому положенію 1785 года, шестигласной думѣ не было предоставлено самостоятельности въ дѣлѣ городскихъ расходовъ, а такъ какъ въ то время еще не вошло въ обычай составлять общія расходныя смѣты на годъ впередъ, то, на практикѣ, непосредственное и вліятельнѣйшее руководство въ этомъ случаѣ принадлежало не городской общинѣ, а мѣстной администраціи. Отъ губернатора зависѣло предписать думѣ тотъ пли иной расходъ или отнести на городской счетъ выполненіе извѣстной повинности, хотя бы она имѣла общегосударственное значеніе; съ другой стороны, самыя мелочныя расходы по внутреннему городскому хозяйству и управленію не могли производиться безъ разрѣшенія губернатора. Благодаря такому порядку отношеній, ни шестигласная, ни общая городская дума не имѣла возможности хотя бы приблизительно соразмѣрить городскіе расходы съ доходами и ввести какія либо серьезныя улучшенія въ финансовомъ хозяйствѣ города, — думы могли собственно лишь представлять

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и іюнь.

по начальству о городскихъ нуждахъ, и затѣмъ имъ оставалось въ точности исполнить начальственные предписанія.

Въ протоколахъ засѣданій кіевской городской думы 1786 года нѣсколько разъ встрѣчаются жалобы на безвыходное положеніе, въ которое поставлено городское финансовое хозяйство благодаря такой путаницѣ отношеній. Со введеніемъ намѣстничества въ 1782 году на городъ возложено было много новыхъ повинностей и расходовъ, выполненіе которыхъ, по мнѣнію думы, было не по силамъ населенія. Согласно указу сената отъ 31 іюля 1766 года, Кіеву велѣно было отпускать ежегодно отъ казны по 1210 р. 12 к. на постройку и содержаніе хлѣбнаго магазина, укрѣпленіе береговъ Днѣпра и другія нужды, но съ 1782 года выдача этого пособія превращена вслѣдствіе заключенія кіевской казенной палаты, что при ея завѣдываніи городскихъ обыкновенныхъ доходовъ достаточно для выполненія повинностей. Заключеніе это крайне ошибочно, по мнѣнію думы. Нынѣ на городъ возложено множество расходовъ: содержаніе и починка Андреевской церкви, постройка и ремонтъ городскихъ домовъ и лавошь, починка магистратскихъ погребовъ, башни и вежи, городского хлѣбнаго магазина и шиньера, изготовленіе пожарныхъ инструментовъ во всѣ части города, закупка хлѣба въ магазинъ, прокладка канавы на р. Помойникѣ и въ другихъ мѣстахъ, моченіе мостовыхъ, содержаніе почты, выкупъ имѣній разночинцевъ для очищенія города отъ несвойственности, содержаніе канцелярій думы и городского магистрата, сторожей, смотрителей разнаго рода, разсылныхъ, оркестра, починка и отопленіе полковыхъ лазаретовъ. Раньше отпускалось пособіе отъ казны на расходы, имѣвшіе значеніе главнымъ образомъ для Кіево-Подолѣ, «по нынѣшнимъ же обстоятельствамъ не точію въ Кіево-Подолѣ на все вышенисанное издержку чинить повелѣваютъ, но во всѣхъ трехъ сего города частяхъ, да сверхъ того небываліе расходы, какъ то на устройство колодцовъ немалымъ количествомъ и на здѣланіе пожарныхъ инструментовъ и заливныхъ трубъ» (прот. 20 іюня). Губернаторомъ Ширковымъ повелѣно «какъ въ здѣшнемъ городѣ Кіево-Подолѣ и предмѣстьяхъ его разныя питейныхъ домовъ и городскихъ лавошь починки и вновь постройки, такъ и въ верхнемъ городѣ Кіевѣ и въ Печерскомъ форштатѣ колодцы привести въ надлежащую исправность, равно и огнегасительные инструменты во всѣ полицейскія части и кварталы города вновь подѣлать, такожъ вдобавокъ ассигнованныхъ изъ казны денегъ на содержаніе днѣпровскаго мосту и перевозныхъ судовъ велѣно употребить изъ доходовъ городскихъ, а особливо и вся

нынѣшняя репарція Андреевской церкви по тѣмъ же предписаніямъ, равно и укрѣпленіе берега р. Днѣпра возложено на сію думу, на что все немалое количество слѣдуетъ употребить изъ городскихъ доходовъ суммы, въ которой, въ разсужденіи большаго количества, можетъ послѣдовать недостатокъ (прот. 9 апрѣля). Если такого недостатка не послѣдовало уже въ 1786 году, то лишь благодаря тому, что въ городской кассѣ были значительныя свободныя средства, оставшіяся отъ прежнихъ лѣтъ, — безъ этого городская дума была бы поставлена въ самое критическое положеніе.

Судя по протоколамъ, куда заносились всѣ, даже самыя ничтожныя расходы, въ 1786 году изъ городской кассы выдано на покрытіе городскихъ повинностей и другихъ обязательныхъ расходовъ 31,844 р. 15¹/₄ коп. и такимъ образомъ, какъ видимъ, текущихъ доходовъ города дѣйствительно оказывалось недостаточно для удовлетворенія городскихъ потребностей въ томъ видѣ и размѣрѣ, какъ онѣ опредѣлены были штатами и предписаніями губернатора Ширкова. Въ виду такого несоотвѣтствія доходовъ съ расходами и во вниманіе къ ходатайствамъ думы, по представленію Ширкова казна возвратила городу 4,000 руб. сер., израсходованныхъ на постройку моста и казеннаго перевоза чрезъ Днѣпръ противъ Кіево-Подола, — сборы съ моста и перевоза поступали въ казну, — и 1,200 руб., употребленныхъ на изготовленіе пожарныхъ трубъ послѣ неудачной операціи съ Завелемъ Гершковичемъ. Благодаря этому, финансовый годъ былъ заключенъ безъ значительнаго дефицита.

Въ приведенномъ выше перечнѣ думы указаны всѣ главнѣйшія статьи расхода городскихъ средствъ въ 1786 году, исключая расхода въ 1,100 руб. на изготовленіе столбовъ для публикацій и 900 руб. будокъ для ночныхъ сторожей и рогатокъ для загораживанья переулковъ въ ночное время, о чемъ было предложено думѣ управою благочивія въ концѣ іюля мѣсяца. Мы сведемъ здѣсь заключающіяся въ протоколахъ данныя о выполненіи главнѣйшихъ городскихъ повинностей и расходовъ въ 1786 году, данныя, уже по самому свойству источника, откуда онѣ почерпнуты, достаточно скудныя и крайне разрозненныя.

Періодическія измѣненія русла р. Днѣпра у Кіева, какъ извѣстно, доставляли немало хлопотъ и расходовъ кіевлянамъ уже съ давняго времени, и всякому понятно, что серьезное регулированье теченія днѣпровскихъ водъ вдоль города требуетъ огромныхъ затратъ, для города непосильныхъ. Между тѣмъ, особенно для Кіева прежняго

времени, вопросъ этотъ имѣлъ жизненное значеніе, такъ какъ вся торгово-промышленная дѣятельность горожанъ сосредоточена была на нын. Подолѣ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка задача заключалась въ томъ, чтобы ослабить жестокость напора водъ на подольскій берегъ, направивъ силу теченія въ рукавъ Десны, т. наз. Черторой. Въ протоколахъ 1786 года встрѣчаемъ рядъ указаній на произведенныи Дѣлпромъ опустошенія на Подолѣ. Въ февралѣ унесены водою городскіе шинки; къ началу марта оказалась подмытою городская пивоварня, снесены столбы и вода грозила унести все безъ остатка и затопить колодець. Дума постановила донести объ этомъ Ширкову для надлежащихъ предписаній архитектору. 17 марта въ протоколѣ записано грустное наблюденіе, что «по перемѣнившемуся теченію рѣки Дѣлпра отъ стремленія оной происходящаго есть поврежденіе городу Подолу, а обывателямъ близъ рѣки живущимъ чрезъ пессеніе съ мѣста на мѣсто и чрезъ вверженіе въ рѣку ихъ домовъ слѣдуетъ убытокъ и разореніе», ибо «многіе здѣшныя мѣщани, имѣи дома свои унесенныя быстрою рѣкою днпра, скитаются по чужимъ домамъ за немѣнїемъ мѣста, гдѣбъ могли поселиться» (прот. 20 октября), Вслѣдствіе предложенія Ширкова принять мѣры противъ напора водъ, дума 17 марта опредѣлила: 1) вызвать охотниковъ укрѣплять берегъ; 2) просить денежнаго пособія отъ казны, такъ какъ необходимо для урегулированія теченія ставить каменную стѣну и направить теченіе въ рѣку Черторой; 3) отобрать прожекты отъ охотниковъ; 4) пострадавшимъ отъ обваловъ мѣщанамъ отводить для поселенія городскія земли; 5) проежающимъ за границу здѣшнимъ купцамъ прѣтвержать, дабы они втамошныхъ мѣстахъ старались сыскать знающихъ въ семъ дѣлѣ силу людей и желающихъ взять укрѣпленіе берега на свое попеченіе. Черезъ десять дней дума въ полномъ составѣ производила осмотръ береговыхъ обваловъ съ рекомендованнымъ Ширковымъ моголевскимъ евреемъ Завелемъ Гершковичемъ, но конечно безъ всякой пользы для дѣла. Въ концѣ апрѣля новыя жалобы на страшныя разоренія отъ рѣки; такъ какъ на сей разъ пострадала квартира ген.-майора Бухгольца, то дума произвела новый осмотръ для составленія смѣты по ремонту поврежденій. Въ сентябрѣ вода грозитъ обвалами городскому ливному и медоваренному заводу. Несмотря на всѣ эти несчастія, по мнѣнію думы, городъ въ борьбѣ съ рѣкою долженъ избѣгать капитальныхъ затратъ, — для укрѣпленія же берега слѣдуетъ теперь же или зимою «быть свая стоя на льду» (прот. 19 сентября). Но не дождалась дума льда и къ 31 октябрю Дѣлпромъ унесло городскую

медоварню и пивоваренные заводы. Дума, заслушавъ докладъ объ этомъ заранѣе угадываемомъ несчастіи постановила впредь «поступать по опыту и готовиться». Такимъ образомъ, въ 1786 году расходы Кіева по урегулированію днѣпровскихъ водъ ограничились ремонтомъ квартиры генер.-майора Бухгольца.

Переправа черезъ Днѣпръ въ 1786 году совершалась на т. наз. водолавныхъ дубахъ, паромахъ и по мосту. Всѣ перевозки находились въ казенномъ завѣдываніи, но постройка моста и покупка дубовъ произведены были на городскія средства, при чемъ на казенный мостъ издержано съ 1784 года всего 4,000 руб. которые по представленію Ширкова велѣно было возвратить городу; содержаніе и ремонтъ казеннаго перевоза противъ Неводницкой пристани стоили въ 1786 г. слишкомъ 1,000 руб., при чемъ за шесть водолавныхъ дубовъ заплачено 102 руб., за два парома—690 руб., за байдакъ для перевоза 200 руб. и израсходовано на содержаніе и ремонтъ Неводницкаго перевоза 67 руб. 50 коп. Въ февралѣ дума ходатайствовала о разрѣшеніи городу устроить свой перевозъ для извлеченія дохода въ городскую казну, но отвѣта на это ходатайство не послѣдовало. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ виду предстоявшаго посѣщенія имп. Екатерины II, противъ Неводницкой пристани насланъ былъ съ большою поспѣшностью деревянный мостъ на льду, на работѣ ежедневно находилось около 100 человекъ съ платою по 50 коп. въ день.

Содержаніе почтового двора въ 1786 году обошлось городу въ 2,573 р. 98¹/₄ коп. и слѣд. составляло повинность весьма тяжелую и убыточную для Кіева. По случаю приѣзда царицы, къ 40 лошадямъ прикуплено было думою еще 20. Сѣно на почтовый дворъ доставлялось съ городскихъ сѣнокосовъ и главный расходъ по двору представляла покупка овса (1,180 руб.), затѣмъ т. наз. мелочные расходы (310 руб. 90 коп.), жалованье 10 почтарямъ (204 р. 75 к.), почтовому писарю (40 руб.). Почтовые лошади покупались за 20—25 руб. Въ мартѣ мѣсяцѣ городская дума въ полномъ составѣ производила осмотръ негодныхъ почтовыхъ лошадей для замѣны ихъ новыми, но насколько былъ строгъ контроль за прочими расходами по почтовому двору, трудно сказать; не лишено однако интереса, что деньги на мелочные расходы отпускались обыкновенно по непосредственнымъ предложеніямъ губернатора.

Кромѣ постоянной повинности, ложившейся на горожанъ непосредственно, на городѣ лежала обязанность давать квартиры въ натурѣ военнымъ начальникамъ, имѣвшимъ пребываніе въ Кіевѣ, горо-

довому архитектору, помѣщеніе для управы благочинія и городническаго правленія, устроить и отапливать лазаретъ для Днѣпровскаго фузиллернаго полка; городъ же выстроилъ на свои средства новый острогъ взамѣнъ стараго, который былъ сломанъ въ маѣ мѣсяцѣ. Зданіе магистрата, гдѣ помѣщались городскія присутственныя мѣста, какъ то дума, магистратъ, сиротскій и словесный суды, скарбовая комната, и засѣдали различныя комиссіи, ремонтировалась и отапливалась также на городскія средства. Въ іюнѣ мѣсяцѣ думѣ предписано было устроить особый баракъ для пожарныхъ инструментовъ; въ этомъ же году ремонтировались и достраивались сѣзжія избы во всѣхъ трехъ полицейскихъ частяхъ города. Постройка лазаретнаго полковаго сараи, ремонтъ и отопленіе полковаго лазарета, ремонтъ и достройка сѣзжихъ избъ, ремонтъ квартиры ген.-майора Бухгольца обошлись городу въ 1,100 руб. слишкомъ. Кромѣ того для облегченія отъ постоевъ жителей Курневщины приобрѣтены были здѣсь думою двѣ старыя хаты съ амбарчикомъ и коморою, а для городского архитектора купленъ особый домъ. Не лишена интереса замѣтка въ протоколѣ отъ 16 іюли, что лазаретъ фузиллернаго полка, впослѣдствіи отремонтированный на городскія средства, пришелъ въ крайнюю ветхость, въ стѣнахъ дыры, крыша негодится, «такъ что отъ бываемыхъ дождей въ оныхъ покояхъ бываетъ по стѣнамъ и посреди немалая течь, отчего болніе крайне претерпѣваютъ нужду», а въ кухнѣ нѣтъ возможности развести огонь.

Весьма тягостную для городского управленія повинность составляло содержаніе зданія и причта Андреевской церкви, первоначально числившейся въ дворцовомъ вѣдомствѣ, затѣмъ неожиданно переданной въ вѣдѣніе кіевского магистрата. Послѣдній втеченіи 18 лѣтъ уклонялся отъ новой статьи расхода, накопляя груды переписокъ съ разными вѣдомствами; послѣ учрежденія думы сопротивленію уже не было мѣста, и втеченіи 1786 года на ремонтъ церкви выдано по предложенію Шпркова изъ городской казны около 4,000 руб. в жалованья причту 434 руб. 28 коп. Какъ видно изъ протоколовъ, расходъ этотъ производился думой съ крайней неохотой, и тѣмъ болѣе, что протопопъ Андреевской церкви Коменскій находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ церковными старостами, которымъ не желалъ давать отчета въ доходахъ и расходахъ бывшей придворной церкви. Съ ремонтомъ послѣдней сиѣшили въ виду близкаго пріѣзда царицы, но окончена была работа лишь въ слѣдующемъ году (по словамъ Описанія Захревскаго, I, 184, всего издержано было городомъ на ремонтъ церкви

6,763 рубля). Въ 1786 году ремонтъ производился польскимъ каменщикомъ Фабіаномъ Прумиаромъ изъ Острога по контракту, заключенному Ширковымъ безъ участія городской думы, которая не могла поэтому имѣть и надлежащаго контроля за ходомъ работъ и правильностью расходовъ по ремонту. Отмѣтимъ здѣсь, что за изготовленіе четырехъ евангелистовъ въ церкви мастерамъ Кудашевскому и Мармуровскому уплачено думою 60 рублей.

Еще значительнѣе былъ расходъ по ремонту магистрата и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ зданій,—въ протоколахъ находимъ отмѣтки объ израсходованіи на этотъ предметъ не менѣе 6,700 рублей. Особенно много денегъ поглотила починка магистратской башни, въ виду ея орнаментальнаго значенія. На ремонтъ городскихъ шинковъ и лавокъ израсходовано въ 1786 г. по предписаніямъ Ширкова около 1,800 рублей. При выдачѣ денегъ на руки мѣщанамъ, которымъ поручался, въ видѣ обязательной повинности, надзоръ за ремонтомъ, дума строжайше наказывала подробно заносить всѣ расходы въ особыя тетради, которыя представлять въ думу для обревизованія, и расходовать деньги съ величайшей экономіей, подъ угрозой тяжкой отвѣтственности. Сравнительно незначительнымъ оказывается расходъ по содержанію канцелярій городской думы и городского магистрата,—онъ не превышалъ 1,000 рублей, при чемъ собственно на канцелярію думы расходовалось не болѣе 160 рублей въ годъ.

Въ 1786 году впервые назначено постоянное жалованье кіевскому городскому архитектору—150 рублей въ годъ; кромѣ того, архитекторъ пользовался квартирой отъ города. Судя по протоколамъ, на архитектора возлагались даже такія обязанности, какъ составленіе предположеній по регулированію дніпровскаго русла.

Въ Кіевѣ имѣлось обширное каменное зданіе для хлѣбнаго запаснаго магазина, крытое желѣзомъ и выстроенное еще бывшимъ магистратомъ съ денежнымъ пособіемъ отъ казны, но состояніе хлѣбныхъ запасовъ въ 1786 г. оказывается весьма печальнымъ. По отчетамъ магистрата еще въ 1775 г. продано было изъ магазина 1,000 кулей ржаной муки, въ 1776 и 1777 г. прикуплено 2,000 четвертей ржи по 50 коп. четверть, въ 1780 г. продано 1,000 по 1 р. 5 к. и оставалось въ наличности 1000 четвертей, объ израсходованіи которыхъ дума потребовала справку отъ Балабухи и бургомистра Гудимы. По отчету оказалось, что изъ магазина продано приходившей въ порчу ржи на 1,810 руб., отдано заимообразно 548 четвертей и оставалось въ наличности всего 340 четвертей. Взамѣнъ ссуженныхъ

548 четвертей подлежало съ наддаточными взысканію 616½ четв., но взысканіе ссуды подвигалось туго, такъ какъ должники уклонялись отъ возврата хлѣба. Все дѣло было поставлено на практикѣ, какъ кажется, неудовлетворительно; по крайней мѣрѣ въ протоколѣ отъ 17 августа отмѣчено, что ссуды въ магазина получили «большую частію люде чиновніе». Въ виду предстоявшаго въ 1787 г. наплыва народа въ Кіевъ, губернаторъ 28 сентября предписалъ думѣ закупить и имѣть въ наличности въ магазинѣ не менѣе 5,000 четв. ржи. Дума ассигновала на первый разъ 1,000 руб., кромѣ 1,810, уже бывшихъ въ магазинѣ ранѣе, но приобрѣсть 5,000 четв. хлѣба оказалось не такъ легко. Въ Кіевѣ хлѣбашцевъ не было, въ хлѣбѣ ощущался недостатокъ, такъ какъ много его требовалось на винокурни; быть можетъ, не безъ вліянія на дороговизну хлѣба былъ и ожидаемый пріѣздъ царицы съ многочисленной свитой. Мы уже знаемъ, что въ 1776 и 1777 г. четверть ржи шла по 50 коп., въ 1780 г. по 1 р. 5 коп. Еще въ сентябрѣ 1786 г. цѣны на хлѣбъ были сравнительно не высоки, но поднимались съ каждымъ днемъ; 12 октября дума уже соглашалась приобрѣсть хлѣбъ хотя бы по 2 руб. за четверть и 28 октября цѣна на рожь была дѣйствительно такова, но 2 ноября рожь шла уже по 2 р. 10 к. и 2 р. 20 к. четвертѣ; къ 4 декабря пришлось покупать въ Кіевѣ рожь уже по 2 р. 70 коп. четверть, но оказалось возможнымъ приобрѣсть лишь 225 четвертей, а остальное пришлось приобрѣсть въ польскомъ мѣстечкѣ Голованевскѣ (нынѣ м. балтскаго уѣзда подольск. губ.) у арендатора Лейбы, и то не болѣе 2,000 корцевъ или 1,125 четв. по 1 р. 60 к. корецъ или 2 р. 80 коп. четверть, съ доставкою. За Дибиромъ ржи нельзя было приобрѣсть дешевле 3 рублей за четверть. Такимъ образомъ распоряженіе Ширкова о приобрѣтеніи 5,000 четв. хлѣба въ городской магазинѣ было исполнено лишь отчасти, несмотря на изданный 4 декабря запретъ прасоламъ продавать хлѣбъ на винокурни, подъ угрозой конфискаціи. Ни базарные смотрители, ни общая полиція, ни подписки, отбираемыя у прасоловъ, не могли помочь бѣдѣ, и дороговизна продолжалась.— Въ 1786 году на ремонтъ хлѣбнаго магазина издержано думою 450 руб. сер.

Немаловажное мѣсто въ финансовомъ хозяйствѣ города занимаютъ расходъ по замощенію городскихъ улицъ и площадей, устройству палисадниковъ, колодцевъ, фонтановъ, будоаръ для ночныхъ сторожей, прокладкѣ водостоконъ и водопроводныхъ трубъ. По смѣтѣ, составленной въ 1784 году, на замощеніе улицъ предположено ас-

сигновать 5,272 р. 20 к., но собственно въ 1786 году на эту и другія перечисленныя выше статьи издержано почти 5,000 рублей, вѣлючая сюда и жалованье двумъ смотрителямъ «водоточныхъ трубъ и фронтальныхъ колодцевъ», не превышавшее впрочемъ 80 рублей въ годъ. Особенно значителенъ былъ расходъ по устройству новыхъ и ремонту старыхъ колодцевъ, какъ «фронтальныхъ», такъ и обыкновенныхъ, пришедшихъ наравнѣ съ водосточными трубами въ великую ветхость и гнилость. Такъ, устройство четырехъ колодцевъ на одномъ Печерскѣ обошлось думѣ въ 1,000 рублей. Подземныя трубы были деревянныя, требовали безпрестанно ремонта и переданы были онѣ вмѣстѣ съ колодцами въ руки думы въ самомъ жалкомъ состояніи. Для надзора за ремонтомъ этихъ сооруженій назначена была особая коммиссія изъ четырехъ мѣщанъ, крайне тяготившихся своею обязанностью и всячески уклонявшихся отъ выполненія ея, такъ что дума должна была объявлять членамъ выговоры, а однажды въ подобнаго рода случаѣ даже предала мѣщ. Пергота суду.—Очистка городскихъ улицъ отъ сора и нечистотъ лежала на обязанности полиціи и производилась лишь въ важнѣйшихъ пунктахъ, но напримѣръ, предъ триумфальными рождественскими воротами, казеннымъ шелковымъ садомъ, банковской конторой, Соборно-успенской церковью улицы не очищались ни полиціей, ни городскимъ управленіемъ, и можно себѣ легко вообразить все благообразіе города въ этихъ мѣстностяхъ, замощенныхъ изрѣдка фашинами, усыпанныхъ горами пыли или тонущихъ въ невылазной грязи, смотри по погодѣ. Еще въ апрѣлѣ городничій Кругловъ предлагалъ думѣ купить на городской счетъ 12 паръ воловъ для удобнѣйшей очистки городскихъ улицъ, но дума рѣшительно отклонила это предложеніе, въ видахъ экономіи, и потому, что такой расходъ не предписанъ закономъ. При такихъ условіяхъ санитарное положеніе города Киево-Подолы, должно думать, было хуже даже современнаго намъ (*incredibile dictu!*). Вредные отбросы мѣстныхъ кожевенныхъ заводовъ свободно попадали въ колодцы, отравляли жителей, а мясницкія бойни, подлѣ Духовской и Борисоглѣбской церквей на Подолѣ распространяли вокругъ ужасающій смрадъ, и хотя состоялось еще въ 1785 году постановленіе о переводѣ боенъ на окраину, но въ іюлѣ 1786 г. дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи.—На Крещатикѣ въ 1786 году производилась планировка и засыпка какой то горы и предположено было на будущій годъ обсадить эту улицу или, точнѣе сказать, дорогу деревьями; со стороны Плосскаго и Оболони устраивались палисады для невѣстной цѣли,

ѣ на Помойникѣ каналѣ, повидимому, для городской мельницы. О столбахъ для объявленій п рогаткахъ уже упомянуто выше. Замѣтимъ здѣсь, что дума разложила расходъ по изготовленію столбовъ и будокъ для сторожей въ большей части на обывателей, но духовенство и разночинцы рѣшительно отказались внести причитавшіяся съ нихъ на этотъ предметъ деньги. По положенію, для каждаго квартала слѣдовало изготовить по одному столбу, три будки и три рогатки. Дума сильно тяготилась этимъ новымъ расходомъ.

Кромѣ лазарета фюзиллернаго полка, въ городѣ существовала еще своя богадѣльня, въ которой находили убѣжище обоюго пола нищіе и немущіе больные. Содержалась богадѣльня на счетъ добродетельныхъ подаяній, въ ея же пользу выдѣлены были городомъ проценты съ Никишевскаго выморочнаго капитала. Ранѣе при богадѣльнѣ имѣлась особая церковь, настоятель которой получалъ 25 руб. годоваго жалованья, но въ 1786 г. самая богадѣльня едва могла существовать, такъ какъ «по причинѣ нынѣшней дорогой цѣнѣ хлѣбу и прочимъ съѣстнымъ припасамъ, добродетельные датели здѣшныя мѣщане подаянія свои онымъ больнымъ въ препитаніе гороздо поумалили». Въ январѣ при богадѣльнѣ содержалось больныхъ 26 мужска и 46 женска пола. Смотритель богадѣльни, какъ кажется, не получалъ жалованья. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ кассѣ этого учрежденія имѣлось въ наличности всего 46 рублей, и это несмотря на сборъ пожертвованій при Андреевской церкви.

Школьное дѣло города находилось въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣвія и потому не нашло отраженія въ протоколахъ думы. Въ этомъ отношеніи можно лишь отмѣтить, что при городскомъ оркестрѣ состояло въ обученіи шесть спроть мальчиковъ, вся затрата на которыхъ со стороны думы простиралась въ 1786 г. до 4 руб. 80 коп. Положеніе ихъ въ оркестрѣ едва ли было очень благоприятное, такъ какъ городскіе музыканты извѣстны были своею склонностью къ пьянству и драчливости. На самый оркестръ расходы города были не велики. Капельмейстеръ, польскій выходецъ Яковъ Станкевичъ, получалъ въ годъ 45 руб. жалованья, музыканты вмѣстѣ съ городскими сторожами 380 руб. въ годъ. Изъ инструментовъ оркестра въ протоколѣ упоминаются трубы, волторны, гобои, кларнеты, литавры и басъ. Починка этихъ инструментовъ производилась почему то на счетъ питейнаго дохода и сопряжена была съ большими трудностями, за немѣнѣемъ подходящихъ мастеровъ, «касательно же покупки оныхъ вновь, то о томъ проежающимъ въ Польшу здѣшнимъ куп-

цамъ» постановлено «дать отъ сей думы приказаніе, дабы отъ нихъ таковыя трубы и волторны тамо безъ излишней передачи были куплены», и если окажутся годными, то затѣмъ уплатить за нихъ изъ питейнаго дохода.

Личныя повинности кіевскихъ мѣщанъ въ 1786 году состояли въ исполненіи различныхъ порученій думы по надзору за городскими сооруженіями, какъ напр. постройкой днѣпровскаго моста, вырытіемъ колодцевъ разнаго рода, постройкой мостовыхъ, срытіемъ городскихъ зданій и т. п. Выполненіе этихъ повинностей было безвозмезднымъ, но существовали при этомъ и платныя должности двухъ смотрителей городской казны съ жалованьемъ 30 руб. въ годъ, смотрителей трубъ и колодцевъ съ жалованьемъ въ 20 рублей, смотрителя городскихъ часовъ, т. е. попросту городского часоваго мастера, съ жалованьемъ въ 35 рублей. Въ случаяхъ пужды ремесленнымъ управамъ предписывалось озаботиться поставкой того или инаго матеріала или работы, какъ напр. рыбальской и плотницкой управамъ въ виду ожидаемаго пріѣзда царицы, но услуги ремесленниковъ оплачивались думою по обычнымъ цѣнамъ. Въ протоколѣ отъ 16 мая есть отмѣтка, что мѣщ. Сердюковъ былъ освобожденъ отъ обязанности доставлять дрова на домъ полковника Нилуса, «по своему одиночеству и разоренію», но дума предварительно запросила на это согласіе Ширкова; въ апрѣлѣ другой мѣщанинъ былъ по старости уволенъ отъ должности смотрителя магистратскихъ построекъ, но за самовольное уклоненіе отъ выполненія возложенныхъ думою повинностей или отлучку въ такихъ случаяхъ изъ города безъ разрѣшенія думы послѣдняя объявляла виновнымъ выговоры и даже предавала ихъ суду, какъ это было съ мѣщанами Билецкимъ и Черготовъ.

Мы опускаемъ многія другія подробности, характеризующія городское хозяйство Кіева въ 1786 году, въ виду ихъ крайней разрозненности и безсвязности, и желающихъ ближе ознакомиться съ вопросомъ отсылаемъ къ подлинному источнику предлагаемыхъ замѣтокъ. Но уже изъ приведенныхъ выше данныхъ можно видѣть, насколько незначительную и зависящую роль играла дума и городское общество въ хозяйственномъ распорядкѣ города. Весьма возможно, что предоставленная самой себѣ, дума не произвела бы тѣхъ капитальныхъ затратъ, которыя были ей предписаны въ 1786 году начальствомъ, но постоянное мелочное вмѣшательство администраціи въ хозяйственную жизнь городской общины не давало никакого простора для самостоятельности послѣдней и отнимало всякую возможность по-

ставить дѣло городского благоустройства на почву прочную, жизненную, не навязанную со стороны, какъ это и было прилично для матери городовъ русскихъ. Достаточно жалкое впечатлѣніе получаешь при чтеніи думскихъ протоколовъ 1786 года, и единственная характерная черта въ дѣятельности думы—это стремленіе къ экономіи въ городскихъ расходахъ quand même и провѣрѣ старыхъ запутанныхъ счетовъ; сколько можно судить по протоколамъ, въ этомъ отношеніи дума служила истиннымъ выразителемъ стремленія городскихъ обывателей, но и здѣсь намѣреніямъ и желаніямъ ея были поставлены самые тѣсные предѣлы.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько данныхъ о положеніи торговаго и ремесленнаго сословія въ Кіевѣ 1786 года, случайно проникшихъ въ протоколы, но не лишенныхъ извѣстнаго интереса.

Указомъ отъ 26 окт. 1781 г. о введеніи намѣстничества была предоставлена полная свобода «козакамъ и всякаго званія вѣдомства казеннаго людямъ, если они пожелаютъ имѣть мѣщанскіе промыслы или ремесла, по городамъ записываться въ мѣщанское общество, а имѣющимъ капиталы—и въ кучество», какъ объ этомъ выражено было въ манифестѣ отъ 17 марта 1775 г. (Ср. Шафонскаго Черниг. нам., топогр. описаніе въ изд. Судіенъ, Кіевъ, 1851 г.). Для упорядоченія сословныхъ городскихъ отношеній въ Кіевѣ въ 1786 г. дѣйствовала постоянная коммиссія по сочиненію обывательской книги, но результаты ея дѣятельности еще не выяснились въ это время, и коренное мѣщанское общество по прежнему стояло особнякомъ, не успѣвъ включить въ себя всѣхъ жившихъ въ городѣ разночинцевъ и партикулярныхъ людей, занимавшихся промыслами разнаго рода. Разъясненіе этого вопроса было тѣмъ необходимѣе, что разночинцы кіевскіе владѣли въ городской чертѣ на правѣ собственности или только фактическаго владѣнія немалымъ количествомъ земель, дворовъ, хуторовъ, которые покупались ими у мѣщанъ. Уже въ январѣ Ширковъ предложилъ было думѣ заключить контракты съ разночинцами, владѣвшими домами и хуторами на городской землѣ, на четыре года или «сколько дума разсудитъ, ища умноженія городскихъ доходовъ». По справкамъ оказалось, что переходъ земель въ руки разночинцевъ продолжался безостановочно, но точныхъ свѣдѣній объ этомъ въ думѣ все таки не было. Разночинцы занимались различными торговыми промыслами и не смѣшили вписываться въ обывательскую книгу, съ цѣлью уклониться отъ несенія связанныхъ съ этимъ городскихъ налоговъ и повинностей. Такъ напр., въ іюнѣ мѣстное кучество горько

жаловалась думѣ на трехъ калужскихъ кушцовъ, торговавшихъ въ розницу на Кіево-Подолѣ. Дума постановила опечатать калужскую лавку и потребовать переноса товара на квартиры, иначе конфисковать его по силѣ королевскихъ привилегій, утвержденныхъ всероссійскими монархами, — конечно, все это съ разрѣшенія Ширкова. Мелочные торговцы съѣстными припасами предъявляли такія же жалобы на конкуренцію солдатскихъ женъ, торговавшихъ на полочкахъ, что при городской богадѣльнѣ. Иногородный купецъ Масловъ съ приказчикомъ Жидковымъ производилъ розничный торгъ въ самомъ гостинномъ дворѣ въ снятой имъ у мѣстнаго купца лавкѣ; на Печерскѣ торговалъ какой то пріѣзжіи изъ Польши еврей; крестьяне калужскаго дворянина Демидова, Федоръ и Василій Горбуновы, вели недозволенную торговлю полосовымъ желѣзомъ; бунчуковые товарищи Гудима, Загоровскій и Масловичъ и Братскій монастырь вели торговлю нитями черезъ купца Лакерду; въ Каменномъ затонѣ иногородные купцы Цвѣтковъ, Павловъ и др. вели недозволенный торгъ виноградными винами и другими напитками, «въ крайнюю обыду торгующихъ тѣми же напитками здѣшнихъ кушцовъ и мѣщанъ»; нѣкій отставной корнетъ Литвиновъ не только дѣлалъ подрывъ мѣстнымъ извозчикамъ, но при этомъ еще наносилъ имъ побой, на что извозчики горько жаловались думѣ; печерскіе мѣщане неоднократно жаловались на конкуренцію самозванныхъ торговцевъ изъ отставныхъ сержантовъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, а эти въ свою очередь просили защиты у Ширкова, дабы они «вовсе не лишены были пропитанія».

Несмотря на всѣ жалобы, запреты, штрафы и распоряженія по полиціи, недозволенная торговля продолжалась и разночинцы грозили «ярмарочнаго смотрителя бить и бороду вырвать». Дума въ борьбѣ съ разночинцами-торговцами большею частью обращалась къ губернатору и въ управу благочинія, дѣлала постановленія объ општрафованіи виновныхъ, о конфискаціи у нихъ товаровъ, отбирала паспорта и брала подписки о томъ, что впредь они не станутъ торговать въ розницу, но всѣ эти мѣры въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли успѣхъ. 10 іюня, напр., Ширковъ распорядился выслать изъ города еврея Вульфа Изакоковича, производившаго тайный торгъ заграничнымъ сукномъ и плисомъ, но когда дума донесла, что распоряженіе не исполнено и торгъ продолжается, и просила товаръ конфисковать, Ширковъ измѣнилъ взглядъ и велѣлъ оставить Вульфа въ покоѣ, такъ какъ онъ пріѣхалъ на ярмарку. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разночинцы обращаются въ думу за разрѣшеніемъ права торговли и еще рѣже дума

удовлетворила ходатайства, и во всякомъ случаѣ разночинцамъ право такое предоставлялось не иначе, какъ за двойную плату.—Къ концу года составлены были списки разночинцамъ, проживавшимъ въ Кіево-Подоль и Печерскомъ форштадтѣ и къ октябрю эти послѣдніе были уже внесены въ обывательскую книгу, по вслѣдъ за этимъ оказалось, что записка была неполная, и снова пришлось сообщать въ управу благочинія о воспрещеніи недозволеннаго торгова въ форштадтѣ.

Живость и многочисленность жалобъ мѣстнаго купечества и мѣщанства на конкуренцію разночинцевъ и иногородныхъ торговцевъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что современная торговля въ Кіевѣ находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ городская дума, въ виду возбужденнаго ею ходатайства о займѣ городскому обществу 200,000 рублей, доносила въ намѣстническое правленіе, что «злѣшніе кушцы и мѣщане до состоянія высочайшей грамоты положенія о городахъ торговали многіе въ Шлезію, Польшу, Цесарію, Валахію и Молдавію, а нынѣ точію съ ныхъ имѣющіе право внѣ имперіи російской торговать во тѣ мѣста торгъ производятъ, фабрикъ не имѣли, а имѣтъ оніе по способности мѣста желаютъ, имѣли же и нынѣ имѣютъ заводы шолковіе, конфетчицкіе, вареніемъ сухихъ и сырыхъ фруктовъ, кожевніе, свѣчніе, мыльніе, колоколніе; котіолніе, кирпичніе, канатніе, красилніе, купачніе, шерстяніе, шнурочніе, коверніе и винокуренные; тѣ ихъ товары продаются частію въ Полше, а частію въ семь же городѣ Кіевѣ и другихъ російскихъ городахъ, доставляемы же ихъ товары были до учрежденія новаго о таможнякъ порядка водою въ польскій городъ Чернобыль, а нынѣ землею въ вышесписанніе иностранные земли, въ російскіе же города, гдѣ какъ по способности, рѣкою Днѣпромъ, въ Городище, Кременчугъ и Херсонъ, а землею въ разніе получали товары и нынѣ получаютъ въ Шлезіи, Польши и Цесаріи полковіе, сукна, прѣсній медъ, смолу и чистой діоготь, а такъ же водою разніе лѣсныя припасы, а съ Молдавіи и Валахіи монастырскіе и волоскіе вина, черносливъ и орѣхъ грецкіе, доставая оніе товары иногда мѣною, а иногда покупкою на вырученныя за свои товары денги». Въ протоколѣ отъ 15 іюня отмѣчено свидѣніе, что иногородные кушцы доставляли кромѣ того въ Кіевъ желѣзо рѣкою Днѣпромъ и Русомъ (?).

Гораздо болѣе силовымъ и прочно организованнымъ представляется ремесленное сословіе города Кіева, насколько объ этомъ можно судить по розрозненнымъ даннымъ думскихъ протоколовъ 1786 года. Здѣсь встрѣчаемъ упоминаніе о 14 ремесленныхъ упра-

вахъ, старшины которыхъ принимали участіе въ засѣданіяхъ общей городской думы. Жалобы на недозволенное занятіе ремесломъ разночинцевъ и другихъ «шартачей» поступали отъ ремесленниковъ гораздо рѣже, нежели отъ купцовъ и мѣщанъ, занимавшихся торговлей. Ремесленные управы сами наблюдали за охраною цеховыхъ правъ, и уже въ февралѣ подданные Кіево-Печерской лавры жаловались въ думу на привлеченіе ихъ кравецкими начальниками въ свой цехъ и насильственное отобраніе при этомъ инструментовъ и матеріаловъ. Лавра поставила принципиальный вопросъ, имѣютъ ли ея подданные право заниматься ремеслами безъ приписки къ цеху. Дума отвѣчала, что цехи больше подчинены ратушѣ, она же лишь разрѣшаетъ споры цеховъ и гильдій между собою, не касаясь судебныхъ дѣлъ, почему все дѣло было направлено въ магистратъ. Въ апрѣлѣ Ширковъ предписалъ городничему составить «о всѣхъ приходищихъ сюда съ разныхъ мѣстъ разнаго званія людей и безъ вѣдома думы портное и другое ремесла производящихъ именную вѣдомость», которая должна быть представлена въ думу «для поступленія съ оными по закону». Получивъ списокъ, дума 6 мая опредѣлила потребовать тѣхъ мастеровъ въ думу и записать ихъ порознь, буде пожелаютъ, въ четвертую часть градской обывательской книги и отпрavitъ затѣмъ каждого въ подлежащую управу для приписки къ цеху; всѣмъ прочимъ воспретить ремесло и объ этомъ сообщить городничему для наблюденія. Поступавшіе затѣмъ жалобы ремесленныхъ управъ, какъ напр. иконописной и мясницкой, на конкуренцію «шартачей» дума направляеть уже въ магистратъ, считая эти вопросы уже выходящими изъ компетенціи городского управления. Туда же, по всей вѣроятности, отпрavitено было и ходатайство старшины рыбальской управы Петра Надточія о разрѣшеніи цеху свободной ловли рыбы въ Днѣпрѣ и затонахъ отъ устья Ирпеня по рѣку Кривецъ, согласно привилегіи короля Сигизмунда Ш, на которую именно сослался въ этомъ случаѣ рыбальскій старшина. Подъ 6 мая записано ходатайство ремесленной «управы всего мелочнаго общества о свободномъ тому обществу по прежнему въ польскіе и заднѣпрскіе мѣста съ города имѣть выѣздъ для покупки мѣлочи и протчихъ събѣстныхъ припасовъ къ продовольствію себя и всего здѣшняго гражданства нужнаго». Дума вошла по этому поводу къ Ширкову съ ходатайствомъ о разрѣшеніи просимаго управою свободнаго проѣзда безъ прописки въ паспортахъ «касательно до купечества недозволительныхъ термѣновъ (sic), ибо какъ и сіа дума... свое мнѣніе держитъ, что таковая здѣшнихъ обывателей събѣст-

ныхъ припасовъ и другихъ къ майстерству приличныхъ матерьяловъ и вещей покупка и въ сей городъ привозка ни въ какой либо подрывъ купечеству, но единственно къ общей нуждѣ и пищѣ служить можетъ». 19 іюня просимое разрѣшеніе было дано Ширковымъ «не для купеческаго промыслу, но для покупки мелочныхъ матерьяловъ къ ремесламъ принадлежащихъ».

Всѣ кіевскіе цехи входили въ думу съ общими представленіями о своихъ нуждахъ и обихахъ. Такъ, 15 октября шестигласная дума обще съ ремесленнымъ главою Иваномъ Косачинскимъ слушала прошеніе всѣхъ ремесленныхъ управъ, гдѣ «по обстоятельствамъ де происходящаго обществу время отъ времени отягощенія» доводилось до свѣдѣнія думы о слѣдующихъ нуждахъ: 1) до открытія управы благочинія ремесленники нанимали каждый съ своего двора помѣсячно или отъ одного десятка, въ которомъ числилось по 15 и болѣе дворовъ, по одному человѣку въ десятскіе на цѣлый годъ; теперь же нанимають они для караула сторожей не по прежнему, но отъ 10, 6 и 7 дворовъ человѣка съ немалыми издержками; неизвѣстно почему полиція требуетъ съ каждаго дома по конвойному для конвоированья арестантовъ; это уже излишнее требованіе, ибо сторожа, которыхъ больше чѣмъ нужно, занимаются по большей части квартальными надзирателями и поручиками въ повседневные партикулярные ихъ услуги». 2) Цеховые дома, гдѣ почти ежедневно бывають цеховыи собранія, берутся подъ постои и оиять требуются для этого сторожа. 3) Многіе неприписанные къ обществу отставные военные нижніе чины и ихъ жены ведутъ мелочную торговлю овощами и съѣстными припасами. 4) Къ управамъ, къ немалому ихъ затрудненію, причисляются люди мастерства неработающіе и оному неучившіеся,--такихъ слѣдовало бы причислять въ неремесленные управы, какъ то рыболовную или торгующихъ мелочью, что прежде была согня крамарская. 5) Полицейскіе чины разнаго рода, получая жалованье и не нанимая квартиръ, занимають таковыя въ домахъ ремесленниковъ, наравнѣ съ военными, отчего въ квартирахъ недостатокъ и всѣмъ ремесленникамъ притѣсеніе. 6) Управа благочинія неподлежаще вступаетъ въ разборъ ремесленныхъ дѣлъ, которыя единственно принадлежать ремесленнымъ управамъ по принадлежности, а чрезъ то дѣлается симъ управамъ «помѣшательство». Дума постановила снести съ управой благочинія объ устраненіи причинъ справедливыхъ жалобъ ремесленниковъ, исключая выраженной въ 4-мъ пунктѣ,

которая подлежала разсмотрѣнію магистрата, куда просятелі и были направлены думою.

Лишь однажды встрѣчаемъ въ протоколахъ извлеченіе о поступленіи въ городскую казну штрафа съ ремесленника въ 2 руб. сер. «за непорядочные поступки при всей братіи» (прот. 2 сент.). Кроме того, каждый цехъ обязанъ былъ вносить ежегодно по 5 рублей на содержаніе кладбищенской церкви.

Въ изложеніи нашемъ мы старались по возможности подлинными выраженіями протоколовъ характеризовать дѣятельность городского управленія въ 1786 году, но ввести здѣсь весь богатый матеріалъ, заключающійся въ этихъ протоколахъ, конечно, было бы утомительно и нелегко, по его крайней разбросанности и отрывочности. Замѣтимъ лишь для интересующихся этимъ вопросомъ, что въ протоколахъ можно найти довольно много свѣдѣній для исторіи современныхъ кіевскихъ цѣхъ.

Н. Молчановскій.

РУСАЛКА.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗСКАЗЪ).

Десь ты мене, моя маты,
Въ барвинку купала,
Купаючи прокльвала,
Щобъ доли не мала.
Народная пѣсня.

I.

„Не родись уродливымъ (то есть красивымъ), родись счастливымъ“, говорятъ наши земляки.

Въ чемъ же состоитъ счастье? что оно такое? Всѣ его ищутъ, но находятъ немногіе. На вопросъ исканія счастья земляки наши отвѣчаютъ мистически:

— Треба набигты тропы.

Какъ же попасть на эту счастливую „тропу?“ Никто не скажетъ. По народной философіи, она пролегаетъ и черезъ богатые дома, и черезъ самыя мизерныя жилища; попадаютъ на нее даже нищіе, бездомные и безродные люди. Кто съ такими людьми сошелся, и тотъ пользуется ихъ счастьемъ. Богатство тутъ ни при чемъ. Но дѣло въ томъ, что „набигши тропы, треба ии держатись“.

Въ прекрасный лѣтній день громада села Кукориковщины была встревожена происшествіемъ чрезвычайнымъ. Изъ жита, которое начало *половьтъ* или *красуватись*, вышла „русалочка“.

Такъ называли всѣ въ одно слово маленькую, совсѣмъ голую дѣвочку.

Русалки у насъ—это умершія дѣти, преждевременно родившіяся, педоноски, выкидыши, которыхъ *маты звѣргла*. Ихъ обыкновенно хоронятъ подъ порогомъ въ хатѣ, и поэтому то они во время Мертвецкаго Великодня кричатъ:

Насъ маты породила,
Нехрищевыхъ хоронила,
Пидь порогомъ положила...

Хоронятъ этихъ дѣтей и подъ *перелазомъ*. То и другое дѣлается съ христіанскою мыслью: чтобы шагающіе черезъ некрещенныхъ этимъ самимъ какъ бы дѣлали надъ ними знакъ святаго креста.

Такихъ дѣтей горюющія матери поминаютъ на четвертый день Зеленой недѣли, и потому называется она *Русальною*, а четвертокъ—*Русальнымъ четвергомъ*. Въ этотъ Русальный четвергъ носятъ въ мисочкѣ *медъ* (соты) на перекрестокъ дорогъ; а нѣкоторыя угощаютъ сосѣдскихъ дѣтей *варѣниками*, *пампушками* и проч. „Сѣгодня, говорятъ они, *свято: Русальни Пѣмынки*“.

Все это дѣлается съ мыслью успокоенія тѣней, которымъ царство Христово закрыто. Русалки мстятъ людямъ за *недѣность*, за то, что ихъ *маты звѣргла*, что онѣ—„изверги рода человѣческаго“, какъ это сохранилось и въ великорусской поговоркѣ; а мстятъ онѣ, неуспокоенныя добрыми матерями, каждому, кого захватятъ одного въ лѣсу, въ житѣ или въ рѣчной заросли, которую онѣ любятъ особенно. Русалки зацекочутъ неосторожнаго, а то и въ воду затащатъ.

Впрочемъ, подсмотрѣть ихъ дѣтскія игры можно. Однажды я выразила желаніе видѣть русалокъ, и мнѣ отвѣчали:

— Устаньте ранесенько та й пійдите на перехрѣстя: тамъ вони не шкодліви“. (Вѣроятно, и здѣсь подобіе святаго креста успокаиваетъ тѣни некрещенныхъ).

— Но я не слышу, чтобы ктонибудь изъ нашихъ людей видалъ ихъ, сказала я. Это, можетъ быть, въ старину показывались русалки людямъ?

— Ни, ни, паніечко! отвѣчали вѣрующія въ русалокъ.—У насъ одинъ чоловікъ живе къ полю коло жыта, дакъ и теперъ бачывъ

ихъ рано въ ранци. А хто вынесе на перехрестя меду, дакъ медь поиденый, и ступенци по писочку знаты; русалочкы потупалы.

И вотъ одно изъ такихъ таинственныхъ существъ явилось міру среди бѣла дня. Было чего встревожиться кукуриковцамъ!

По народной пословицѣ: „Що баби, те й громади“ (но не наоборотъ, какъ бы казалось намъ), степенные люди, по старо-свѣтски *громадскіе мужи*, вполне раздѣляютъ вѣрованія своихъ бабъ и либеральничать не дерзаютъ, какъ бы свидѣтельствуя, что женщина—хранительница и проповѣдница вѣрованій вообще. Вышедшую изъ жита „русалочку“ приняли они съ нѣкоторымъ ужасомъ и долго не рѣшались заговорить съ нею, такъ какъ извѣстно, что всякую нечистую силу не слѣдуетъ вопрошать или заговаривать съ ней, пока она молчитъ.

Сцена въ сельскомъ сенатѣ была бы для меня весьма интересна, но все, что мнѣ о ней извѣстно, передано только виновницей этой сцены, которую знала я въ видѣ взрослой уже дѣвушки—поденщицы. Вотъ какъ рассказывала мнѣ о себѣ псевдо-русалка.

— Зѣ малку ось якъ я себе зазнаю. Стою цидь селомъ, коло *царыны*, въ жыти. Собаки мене кругомъ оступылы, а послѣ й люде. Що ты? видкыля ты? А я й сама не знаю, де я взялась. Росла десь, якъ той бурьянъ... Чы мене зѣ неба спущено, чы я зѣ земли выросла, чы зѣ птаха перевернулась у людynu, не знаю, такы й зовсимъ не знаю... наче я рикъ, чы що, спала, и мене сонну перенесено; и мисце не те, и никого не згадаю; ничего не зазнаю; никому не кажу *тато*, або *мамо*. Чы мени дано такого зилля забутного, чы що?

— Малесенька, а вже вмила й балакаты трохы. Людей, людей зибралось коло *царыны* кругъ мене! Наче якого звѣра лавою обгорнулы мене. И довго стояла громада та гомонила коло мене. Усе село зибралося.

— Я пидтомылась, выдно, по жыту блудячы, и боюсь ихъ, и рученята простягаю и до людей и до собакъ: истонькы хочу. Вони про мене щось помижъ себе гѣторять. Нихто мене не бере въ свою череду: бояцца мене.

— Я почала плакаты. Якась дивка зирвала квитку съ головы, кынула мени на забавку. Я вхопыла и зсила. Уси потороблы. Гу-гу-гу! загулы якъ тїи шмели, и такъ лавою, не повертаючысь спыною до мене, далеко одійшы и ростеклысь по хатахъ, и собаки те жъ зъ нымы. Осталась я одна, одна.

— Памятаю, що якась пташка прилетила и сила передо мною на шляху. Якъ теперь, то я думаю, що, може, то моя й маты. Я до неї ловыты,—вона пурхъ. Я за нею,—вона й цурхне. Що я наблжусь, вона зновъ пурхне, и видманыла видъ села.

— Тамъ дывлюсь—жытѣ колосіють, волошкы блакытніють. Такъ уже теперь мовъ уви снї мени ввиджаецця.

— Памятаю, квитокъ багацько, багацько! Я давай збираты ихъ, да тамъ и заснула, да мабуть, чы не на другый уже день прокынулась. Отъ вамъ и все.

— Прокынувшысь, давай плакаты, наче въ ридной матери... А въ мене тильки небо та жыто, та ще округъ мене багато вяляхъ квиточокъ жмуттямъ лежыть, да вовчыхъ жыль, куколю, волошокъ, що зъ вечора, видно, рвала.

— Зновъ я плачу, бжюсь у жыты, наче въ води, плутаюсь, падаю. Упаду та й лежу. Нихто не рятует. Никогисенькому мене не треба. Лежу я, лежу, та й встану непрохана. Нихто дытны не рятует, не пестыть.

— Огъ такымъ побытомъ и побылась я на якусь поляну, ажъ тамъ людей цїла мгла. Я вырнула зъ жыта та й стою. Боязько мени, бо тоди воны мене вси покынули.

Здѣсь я остановила разскащицу:

— *Покынули* тебя, можетъ быть, на время, пошли въ расправу, чтобъ посовѣтоваться о тебѣ, а ты и убѣжала, да еще какъ видно, въ противоположную сторону.

— Кто вже ёго знае, якъ воно було? Памъятаю тильки, що воны все пучкою на мене, да якъ закрычатъ! Я зновъ у жыто, упала та й лежу. Серце тильки тѣхъ, тѣхъ, тѣхъ!

— Посли зновъ далеко побылась ажъ на другый бикъ. Вызырнула, зновъ ихъ бачу. Воны вси не мене зновъ пучкою, та давай хрестыця; а диты съ крыкомъ уростичъ! Я зновъ заховалясь, ажъ валюся: исты хочу. Молоде колосся зъ жыта зрываю,

жую. Посли вже прийшло два чоловіки, стали по жыту ходыты, и мене вышуканы. Я видъ ныхъ прудко втыкала и падала, а вони такы мене зловылы и однеслы у росправу. Тоди кажуть: „Се нехрещена дытына“, однакъ нагодувалы мене, тилько все такы страхалысь.

II.

— Седила я тамъ у росправи днивъ зъ п'ять. Нихто до мене не прыкидаецця ни батькомъ, ни матерью. Нихто мене не бере. Ни родыны, ни доброй людыны. А якъ бы оце теперь булы послы мене яки снадкы, де бъ та й родына набралась! Русалкою мене зывають. „Се нехрещена дытына. Русалка та й русалка“. А я такы, выдло, була хрещена, бо послы у жыты знайшлы мою и сорочку и поясокъ: выдно, я сама ии зъ себе скынула зъ нудгы да зъ жару.

На это я замѣтила: „Русалку, некрещенную, боялысь тебя брать. Это понятно. А какъ увидѣлы, что ты была въ челоуѣ-ческыхъ рукахъ, то и пересталы бояться нездѣпней силы. Кто надѣлъ на тебя сорочечку, тотъ не держалъ бы некрещенной дѣвочки; ты, видно, заблудилась въ житѣ, какъ въ дремучемъ лѣсу. Тебя, конечно, хватилысь, искали, да ты очутилась дальше людскаго голоса“.

— Да такъ же, отвѣчала разскащица. Ажъ ось дывлюсь,— дыбле старенькый дидъ. Драночка на ёму и на ошашъ латана свытына. Думалы, старецъ.

— А то не старецъ прийшовъ, то прийшла по мене вся моя родына. Безридний дидусъ, чужевѣця, прийшовъ и прийнявъ мене до себе за дытыну. Не було въ ёго ни хаты, ничего, тилько сорочка драночка на хребты да на ошашъ латана свытына.

— А не знаешь ли, спросила я: отчего *дидусъ чужевѣця* такъ обѣднѣлъ? Какъ среди нашего народа, богатаго хлѣбомъ и скотиною, челоуѣкъ дожилъ до старости въ такой нищетѣ?

— Богъ ёго святой знае, отвѣчала Русалка. Другаго имени не слышала она себѣ. Вопросовъ общежитія не понимала она и, равнодушная къ моему любопытству, продолжала:

— Винь усе вартовымъ бувъ, пры садовни, або пры бантанахъ. Бувало, хочъ поросятко на орчыку держыть, щобъ ёму охотницъ було на свити жыты, щобъ щось до ёго озывалось, щобъ ёго сподивалось; а винь ёго чухае, жалуге, и воно передь нымъ якъ цуценятко перекидыаецця, хвостыкъ у ёго бублычкомъ: бо добре годувавъ. Дидъ ему й солимкы свиженъкои пидстылае. Та колы та душа до поросяты такъ оберталась, то якъ уже винь до мене прыхылявсь! Перомъ ёму земля!

— Отъ забравъ винь мене. Я ёму не забаромъ за помичъ стала: яблуѣа збирала, а тамъ дали й макъ рижу, и квасольку лущу. У будци, було, изъ имъ сплю.

— Какъ же звалъ тебя дидусь? спрашивала я. Вѣдь онъ тебя не водилъ къ священнику, не крестилъ?

— Ни, ни! та винь про те й байдуже, що мене русалкою звали. Допытувавсь у мене, якъ мене маты звала, а я й матеры не памѣтаю, наче й не було ии въ мене. Дакъ дидусь тоди: „Ты моя комашечко! Така жъ сырота, якъ и я на свити. Комашечкою, золотою оленкою пустывъ тебе Господь на сонечко, якъ и мене колысь, та й любо намъ на Божому свити. Ты прыповзла въ мои руки оленкою“... Та було й зве такъ: Оленко! Оленочко! до я й бижу до нѣго, мовъ те поросятко, якъ на ёго скаже „паць! паць!“ або вацѣкне, або плямкае.

— У дидуся, такъ якъ и въ мене, никого не було; самъ соби й сорочки цолоще, и мою у ночи выпере и повисыть, уранци скачае и надине: бо перемины ще въ мене довго не було; а въ дидуся була перемина: бо въ ёго, опричь латаной свытыны, була й торбына. Тамъ лежала, якъ винь казавъ, про смерть чыста сорочка, а друга на хребтыни; бильшь ничего не було. Люде наче послышлы: никто ничего не подавъ старенькому. Не подавъ,—що се я кажу? Росказувавъ дидусь, що ёму хотила якась побожна людына праты сорочкы, дакъ винь и не схотивъ: „У тебе, каже, е кому праты“. А була то вбога удова, що заробитками ажъ четверо дитокъ годувала. А разъ хтось прынисъ дидусеви недоношенный жупань, дакъ винь и не принявъ рады Хрыста. Каже: „е люде бидниши за мене. Мого вику не багацько зосталось. Я такы й жалкувала про той жупанокъ. Кажу ёму: вашъ

у латкахъ. А винъ мени видказавъ: Хрыстось любыть латаныхъ.

— Тією свытыною, було, въ двоухъ и вкрываемось. А торбынку пидъ головы: бо тамъ и хлиба окраецъ бувъ нашъ, дакъ щобъ чужый собака не заволикъ, або що. Я дуже мала тоди була, ничего ще не тямла, а люде мени де-що про мене розказувалы, дакъ я по тому наче помацькы й соби згадую, да це й вамъ, спасыби, що балакаете зо мною, розказую. Не швидко потимъ оглянульсь и люде на насъ, и драночокъ мени назносылы, а дидусеви, бувало, хочъ и дають, ничего не визьме, и не попросятъ ни въ кого ничогисенького: якось наче боявся людей. Мовчущій бувъ такый, тилько зо мною да съ поросяткомъ розмовляе; не такъ розмовляе, якъ озываецця до насъ ласкавымъ голосомъ: бо я ничего зъ его розмовы не памъятаю; такъ наче витерець шелесне въ лысти, така его була прыемна й тыха мова. Описля вже почала я памъятаты, що винъ гуторыть, та й почала роспытуваты про всячыну.

„Литуемо, було, у будци, ажъ покиль прыиде на рябому кони осень¹⁾, а на зиму хто небудь залучыть мого дидуса, скотыну пораты, виревкы плесты; дровъ уже дакъ и не врубае. А я було пирьечко деру, хату пидмету, а потимъ и пряду, дакъ и на мене шматокъ хлиба йде.

III.

„Пидросла, почала людямъ и геть одирядаты за хлибъ. Дидусеви давалы на зиму хазяйську одежу, щобъ не мерзъ коло товару, и мене, сыроту, чымъ небудь старенькымъ прыкрывалы, а литечко само про насъ пиклувалось; и такъ на свити мени здавалось гарно! Не бажала бъ я въ Бога крацон доли, колы бъ увесъ вигъ такъ ни про що зимою не дбаты, а литомъ зъ дидусемъ у будци жыты. Далеби! Щаслыве то було времячко!

„Тилько въ мене бувъ одынь звычай препаганый: любила ласуватысь. Найбільшь того й бажалось, на що бувъ запреть.

¹⁾ Пока погода сдѣлается перемѣнчивою: одынь день ясный, а другой дождливый.

Зо всихъ глядышокъ чысто було вершкы позъдаю, наче той кить. Якъ було дидусь мене благае, и хазайка и хазяинъ угрущають и Богомъ и лозыною. Гляды—й не втерплю: то сметанку зъ глечыка, то крашанкы, хочъ из-спидь куркы, дакъ заберу. И ничого не догляну. Зъ моихъ очей усе можна забраты: собаки, и то помитылы мене, яка я вдаха. Держу въ рукахъ хлибъ, або тараньку чыщу на юшку,—дывысь, уже рябко й понись, а я вже тоди ни въ тыхъ, ни въ сихъ, якъ собака въ човни.

„Зъ одніей хаты насъ за се и середъ зымы выгналы; и то дидусь не покынувъ мене. Чымъ дужче зледачію, тымъ бильшь винъ за мене берецця, наче й самъ бувъ колысь такивьскый.

„Наставъ мени десятый рикъ; я помичныця ему, хочъ и злыденна. Юшку, кулишь вару коло будкы. Я й цурупалкывъ назбираю, бараболи начыщу, горшкы побаню, на колкы повишаю, повысушую на сонечку, юшку саломъ затушкую; козы и яблукъ напечемо, губъ напряжемо, потапцывъ взробымо, да й жывемо; посла вечеры поседымо трохы, погомонымо. Я така вже рада!

„Старенькый бувъ, жаль мени его, и слушаюсь було его лучше: бо вже порозумницала. Оце було мени Очки нашѹ вчить, Богородыци, такъ було поспиль и прокажу, не мину й слова. „Голубко, каже, моя Оленко! весельшь кинецъ мого вику. Никому не потрибный, тилько тоби здався“...

— Якый ты старенькый! було кажу дидусеви.

А винъ одказуе було усмихаючысь: „Та й знадобывся тоби, молоденькый! Се мени, каже, одыноцтво та убожество такъ викъ скоротыло. Якъ бы не воно, я бъ ище и молодой бувъ; ще бъ на твоему весилли й борщу догоры горщокъ перекынувъ“.

Було часто, по-пидъ яблунямы плентаючысь зъ торбыною, мыррыть (уже гласу не було):

Ой хто лыха не знае,
Нехай въ мене спытае...

Я й роспытую иноди про ёго лыхо, якъ винъ побывавсь у свити з-малку. Мовчыть. А про инше, що говорытыме зо мною, то й до поросяты озвецця: наче й воно слово ёго розуміе.

„Оце посла вечеры гомонымо, гомонымо, соловейка слушаемо, та й полягаемо спаты. Такъ зпрно, та гарно!

Мени не треба було луччого щастя, ни въ хрещыка зт дитьмы бигаты, ни въ перепелкы. Було мени вказуе, якъ зирочка покотыцца, або вкаже, де на неби стоить Визъ, Волосожаръ, Квочка. Я було й пытаю: „Якъ же то Квочка? чы рябенька соби курипочка, чы биленька?“ А винъ каже: Ото зорява купочка. Ото вона.—А я було кажу: „На що жъ Богови Квочка?—А дидусь мени: И Богъ радуецца на неби всякымъ творывомъ своимъ, такъ якъ людына на земли. Бачъ, спивають за вовною бабы:

Горе мени въ свити жыты!

Що мени робыты?

Посаджу я курипочку,

Щобъ вывела диты...

Утиха чоловиекови съ квочки на земли, а въ Бога Квочка краца.—„Ото вона така искрава?“ було пытаю. А винъ мени: „Не покажуй на зори и на мисяць пучкою, на Боже сяево: гришка вказуваты! Укусы себе за пучечку, щобъ чого не сталося.— Я й укушу, та й зновъ не втерплю: такъ небо те хотилося мени знаты видъ мого дидуса!...

„Росказуе, було, мени и про сонце и про мисяць, та дуже мала ще була, не все памъятаю. Се, каже, було, не весь ище свить Божый, де мы съ тобою живемо. Онъ бачышь по-за зорями ще зори та й ще, та й ще вызырають! То все праведни душы въ Бога жывуть. Нема имъ личбы, а Богъ усяку зироньку на имя знае и памятае: се я въ церкви чувъ, якъ пиць казавъ про небеса Господни.

„Жалуе було мене дидусь: Ты каже, звеселыла мою немичъ, голубко моя Оленко! Ты сырота и я сырота: добре намъ.

„А я до ёго ще й бильшь прыщуюся.

— Якъ подроствешъ, то терны усе, що на тропку спиткаецца. Жыты мижъ людьмы важко! Скажы *мыхо* та й мовчы тыхо! Бувай, мовъ те пташия сторожке. Люде люблять щаслывыхъ, а такыхъ, якъ мы, цураюцца, не люблять. Може, чула есы: сыроту спиткай, да й прыкопай. Такъ воно й е: бояцца, щобъ сырота хлиба не вбавыла.

— Разъ я спытала: Чы й вы, дидусю, были русалкомъ? чы въ васъ маты була?—Похнюпывсь дидъ и ничого не видказавъ, ваче не дочувъ, а въ друге я вже й не спытала. Прочытаемъ

Очченашу, помолымось и за батька, й за матирь... Дидусь, було вельть, хочь я й не пам'ятала никого. Було кажу: „я не знаю, яки воны; може зь зилля чы зь птахъ я народылась?—Такъ грихъ, доню, казаты, молысь! Бачъ, яке воны мени щастя зробылы на старисты! Тебе бь у мене и не було, колыбъ не було батька—матеры.

— Я ихъ не хочу, дидусю! Я зь вами жытыму, якъ прыйдутъ, дакъ я на саму выщу грушу зберуся, та й жытыму. Я ихъ не хочу. Дидусь мовчыть.

„Дакъ ото якъ устанемо, пыльненько за дило беремося. Я такы була берка до роботы. Я вже ёму було й сорочку сполощу, людямъ помагаю зь весны картоплю садыты, а къ осені выбираты, гычъ, бадилля очищаты зь огородивъ. Симъ було вже й полотна на сорочку зароблю.

„А дидь поросятко продавъ на чуже село. Каже: на пидь. А тутъ не схотивъ, ато, каже, якъ будуть ёго колоты, дакъ щобъ хочь изь очей; щобъ душа не чула.

„Отъ за ти грошы, що за порося взявъ, мени на юпочку набравъ, соби желётку справывъ изь пйстры, отъ наше тило й не свитыцца.

Дидусь усе було приказуе: робы, небоже, той Богъ поможе. Лежачого хлиба нигде нема. А иноди каже: пидь лежачый каминь вода не бижыть.

„Винъ, старенькый, часомъ у дощъ любвивъ полежаты. Я ёму морщынкы розгладжую на лоби, чубъ ёго сывий, бровы сыви рясни. Якъ теперь спогадаю, дакъ винъ мени ввиджаецця, наче святе щось.

„Ёго й паны не цуралысь. На сели якыйсь панъ жывъ, не зь нашыхъ; такой бувъ соби суворый, и пославъ до ёго хазяинъ дида за чымсь. Отъ прыйшовъ дидусь до того пана. Той панъ и не злий, та вже така панська вдача чудна, усе такъ, щобъ заgrimаты. Ще дидусь и на поригъ не ступывъ, ще й не поздоровкався, а той уже на ёго й гукае: Ну, что?... — Бувайте здорови, пане! одказавъ дидусь.—Ты зачѣмъ?—Постійте бо, пане; бувайте здорови зь середю.—Ну, что?—Ну те бо, па-

почку! кажите: здрастуй, спасыби.—Ну, чортъ съ тобою, садись, садись.—Не кажить бо такъ, а кажить: Богъ зъ тобою“.

„Що жъ бы вы думалы? Полюбывъ той жорсткѣй панъ дидуса. Посадывъ сылою на стольци, почавъ медомъ ёго шануваты пивнымъ: бо горилкы дидусъ не вживавъ зъ роду. Хотивъ ёму щось и подаруваты, та дидусъ ничогисинького не взявъ. Дакъ панъ ажъ за ворота самъ провивъ ёго видъ собакъ, да все хвалить: „Вотъ онъ, старичокъ Божій! хорошъ, дѣдушка, хорошъ ты! Полюбился мнѣ. Приходи еще ко мнѣ, дѣдушка, медку попить“. Да дидусъ никола не пійшовъ безъ посылки, а тилько було каже, що й паны бувають гарня, тилько ихъ вихто звичаю не навчыть.

А чого винъ туды до пана ходывъ, не знаю: послано ёго.

„Ище згадала про дидуса: що бъ винъ мени ни розказувавъ, а все було увагу зверне на те, що який грихъ чепаты що чуже. Лучче свое латане, ніжъ чуже хапане. Що й на тимъ свити Господь такыхъ обійде.

„Теперь мени те все такъ, якъ во снѣ ввиджаецця. Свята, може, й справди людына була; а я сѣго тоди й не знала!

IV.

— Одного разу мы такъ залюбки нагомонилысь! Винъ каже: Якъ мени тебе, Оленко, жаль! якъ умру, хто тебе такъ пестытыме?

Зъ симъ и поснулы.

— Прокынулася я на зори, а проты нашой будкы недалечко слыва була рясна. Дывлюсь, щось берецця на неи и трусыть. Прыглежусь, ажъ то хазайськый рябко. Я до ёго, схопывшысь. Винъ почавъ до мене лащытысь, хвостомъ виляе, ставъ перевертацця. Я соби повалылася на трави коло ёго, почала пустоваты. Хазайка вже й корову выгнала до череды и веде теля у вышнякъ за матузку.

— А де, каже, дидъ? Нехай теля припнѣ у вышняку, де лучча трава. Мени треба швыдче до господы: дытына зайшлась.

— У будци, кажу.

— Вона хоче йти до будкы. Я кинулась напередь.— Дидусю! диду! кажу, хазяйка клычуть!

— Не збуджу: спыть ищё; разбудить ёго вы сами, титочко; я не розбуджу.

Острахъ мене взявъ: що дидусь, було, мене що дня будыть, а теперъ я не добуджусь. Отъ вона лапнула ёго за руки, за ноги, винь уже й холодный. Уже Богу й душу отдавъ.

— Боже жъ мій! Свите мій! якымы жъ я гиркымы заплакала! Справди такъ було, якъ спивають: котылыся, якъ горохъ. Се жъ свиту кинець, думаю! Якъ теперъ свить стоятыме? Якъ теперъ усе безъ ёго буде? Мабуть, и по матери такъ не плачуть, якъ я плакала по дидусёви. Саме стала розумницаты. Дивлюсь, ажъ на ёму й сорочка драночка билесенька, дарма, що була ще тилько пятюнка. Бувъ на останній дорози, и мени не сказавъ. Заразъ узялы й поховалы ёго.

— Була якъ мызынокъ, и зосталася зновъ одна, якъ гичечка, якъ човнычекъ у мори: туды хыть! туды хыть! и не знаешъ, де опыныся. Боже! якъ же мени дывытысь? Що у кого пытаты? Боже, свите! то жъ усе за мене дидусь мыслывъ. Мени було легко жыты. Що жъ то значыть Богъ? чому дидусь мени про ёго не ростовкмачывъ? Знаю тилько, що Винь добрый, що Винь Отець нашъ, иже еси на небеси. Пошла бъ до Ёго, попросыла бъ, упала бъ, щобъ Винь отдавъ мену дидуса. Кажуть, що Богу душу отдавъ. На що жъ дидусь отдавъ душу Богу? Чому жъ винь мени не отдавъ своей души? ай казавъ, що мене любить. Сказано, мала була, то зъ горя чого не передумала.

— Лазыла й на березу, на саму выщу, заглядала на небо, за хмары,—нема, нема дидуса! Увесь ридъ разомъ утеряла!

— Було послы почую, що люде одмиральы. Чому въ насъ не одмирають! Я пишла бъ роспытала про свого дидуса.

— Да хыба жъ дидусь зовсимъ отдавъ свою душу? Якъ се винь мени забувъ росказати, чы зовсимъ люде душу Богу отдають, чы на якыйсь часъ?

— А може, винь и на часъ отдавъ. Може, винь ще й прыйде.

— Якъ же мени у будци самій жыты? Гляну на свыту ёго и жалъ мене було вызьме.

А все такы нікуды не хочу йты, седжу въ будци. Хазайка було кличе въ хату,—не йду, й въ вечери седжу въ будци. А мени чогось стало страшно. Я закуталась зъ головою и не счулась якъ заснула. Другого дня хазайка заглянула, а я чыщу на юшку.

— Що ты робышь, моя голубко?

— Такъ вирненько якось до души сказала. Я цилисенькый день не йла, и нікому на очы не потыкалась.

— Я вже й борщу и юшкы понаварувала, каже хазайка: На що жъ ты чыстышь?

— Се, титко, я дидусеви чыщу на юшку. Винъ забувсь изъ вечора мени сказаты, що душу Богу оддасть. Чы надовго, чы на часокъ оддавъ; може, винъ хутко й прыйде.

— Иды за мною, годи сумуваты, хазайка каже: я тебе буду жаловаты; да ажъ схлыпнула, чы по дидусеви, чы про мене, сыроту.

— Понурылась, мовчу.

— Ходимо жъ, ходимъ! да за руку и сыломницъ потягла. Дала мени исты. На душу не иде. Трошкы чогось изъвила, та й не хоченця.

— Лягай же спаты, каже хазайка.

— Я свытою вкрылась дорогесенькою и лягла. Давала хазайка й рядно, да ни! хочъ бы й ковдру: то не дидусеви.

— Я опричъ хазайки и хазяина, нікого и не знала, да и то колы не колы ихъ бачыла або говорыла.

— Де мени теперь подитысь? У мого дидуса було не одижно, та вьижно.... Встаемо весело, за дило бересся весело, лягасшь спаты весело, здорово; соловейко заспивае, свиже повитрье заколыше.

— Було, не кажу хазайци, про що я думаю; не открываю усией правды людымъ. Люде люблять людей веселыхъ, щасливыхъ, якъ мовлявъ дидусь, а такыхъ, якъ мы, боянця, наче смерты.

— Шйду, бувало, та злизу на березу тай дывлюсь на небо и хмары. А може винъ мени махне зъ неба рукою. Та й журюсь було, чому се теперь Богъ не ходыть по землі? а колись ходывъ якъ розказувавъ дидусь, я пишла бъ зъ Богомъ до дидуса. Таке було дурне. А разъ думаю: може, й дидусь бувъ святий..! И здався винъ мени тоди въ сяеви; наче сяево сие видъ нёго, якъ у церкви помалёване по святыхъ. Сказано, дытына!

V.

— Зоставила мене хазяйка зовсімъ у себе, прыстановыла до дытны.

— Поки ще я дуже тужыла за дідусемъ, то такъ якъ и люде була, ничого не зачипала: а тилько видпустило, стала смыкаты хазяйске то се, то те.

— Хай бы голодна була. Хазяины у меня добряци булы и роботяци. Воны булы не прости, а полупанкы. Оце самъ и въ поле изъ робитныкамъ, и на сипожать, и такъ по силъ та по рыбу було паровыць дви спорядыть, а вона дома до всёго рукъ прыкладае. Оце було, якъ робоча цора, то й подушóкъ не стелють, щобъ не заспаты, и пивня пидъ ничъ...

— Якъ бы жъ то я шанувалась! Якъ бы онъ то мени дідусь разумъ свій праведный покынувъ у спадокъ, якъ бы онъ то звавъ, де знайдешъ, де загубышь! якъ бы жъ то звавъ чоловикъ, якъ набигти тропы своеи!...

— Хазяйка моя, було, якъ вырядыцца до церкви, дакъ и заздрить людей бере. Вывяжецца шовковою хусткою, надине хорошый синій старосвицькый халатъ и съ позументами хрестомъ на кульшахъ, кунтушемъ звався; и вся одежнына на ій такъ гарно прыпаде! То було й шепчуцца люде: Прыстало, кажуть, якъ свини въ дощъ. Сама все робыть, наче й наймычка, а цо якъ выряджаецца, мовъ попада, або настояща пани! Знайте мене багатырку! А инши кажуть: Де воно все въ нихъ берецца, мовъ зъ рукава сыплецца? Вона сама не разъ таке чула. А воны разъ у разъ обое робылы. Було и въ нихъ самымъ и про людей усёго доволи. Дай Боже даваты, а не прохаты, було мовляе. Прыйде зъ церкви да й сміецца: хтось людымъ не вельтъ рано вставаты, та дила пильнуваты. А то й клычешъ на роботу, дакъ и не доклычесся; просышь! перекажить, кому треба заробитку, и тому не перекажуть.

— Два рокы побывалысь воны зо мною, та й вырядылы мене зъ довгою рукою пидъ церкву. Не шануесся, иды жъ, небого, мижъ чужи люде. Воны тебе вывчатъ добра. Мы тебе на спомышъ про дида держалы. Теперъ сама на шляхъ утрапышь. Зъ

такого куколю не буде добра. Мабуть и маты въ тебе така була, що ридну дытну въ жыти згубыла, русалкою зробыла.—А про мене вси знали, якъ я русалкою по жытѣхъ блукала, та й имя мени не було на сели иншого, якъ Русалка. Се тылько дидусь мене Оленкою звавъ, а то вси, и смьючись, и сердючысь: Русалко! иды гуляты до дитей! Або: щобъ тебе чорты вхопылы, Русалко ты проклята!

— Оце жъ и хазяины мои гиркымъ словомъ вытурылы мене зъ господы.

Пійшла я ходыты зъ хаты въ хату. Бо дуже довги руки мала... усе спотынгѣ й потягну що небудь, а спидъ очей у мене хто хочъ берѣ, я не бороню, и свое усе посю, де хустку, де пидбривникъ, де сапу; де щѣ роблю, тамъ и покыну. Про завтрашній день не дбѣю. Така вже вдалась, нестелѣпа, роззява.

— Було, дидусь покойнычокъ мени каже, нехай царствуе: „Не рушъ! то чуже“. Й й одвыкла вже була чуже займаты. А теперь, здаецця, не було хаты въ сели, де бь я не перебула наймычкою! Не держать мене. Хаты на мене не кыдай. Люде було торочять: „Що жъ? вона у будци выросла, дакъ и хазяйства пе тѣмыть доглядаты, а иноди виддухопѣлять добре, щобъ доглядала. А я тамъ, у будци, святы дила, святы речы чула й бачыла, а така вдалась ледача. Дай сама стала така лемѣховата. Ходжу ухвоськана, пустылась берега зовсимъ по смерты дида.... Може, се я того така, люде кажуть, що я русалка, нехрещена бь то; да я жъ, видно, хрещена була: бо й плѣттечко знайшлы въ жыти, якъ дожались. Не вважaly на се, а було прыспивують мени не то дитвора, тай молодыци:

Мене маты родыла,	Я возьму чеперынку.
До хреста не посила	Та заризу дытныку.

— Й й не разумію, що то за чеперынки, и яку дытныку хто нею заризавъ, а дуже гирке мени було се слово! Справди, наче ризалы мене по серцю безъ ножа симъ приспывомъ.

— А инши було провадять и таке: мабуть, увесь ридъ іи, вси бабѣ и прабабѣ сь пращурамы и пращуркѣмы булы таки ледачи, що по свиту валасѣлысь та кралы.

— Оце жъ гналы мене всимъ селомъ, изъ хаты въ хату, що никуды мени и йты.

— Тоди давай я думаты гадаты, що мени робыты у сёму шырокому, та бездомному свити! Куды йты? Згадала прымовку: иды, рынде, де инде: тамъ тебе люде не знатымутъ и рындею не зватымутъ... Пійду, думаю, въ таке село, де не зватымутъ мене Русалкою. Скажу, що я на имя Оленка, на призвыще Ди дусивна... И пійшла.

— Иду, ажъ такій гай прехорошый! Я й заспивала:

О гаю жъ мій, гаю
Та густый, не прогляну!

Мени тоди люде такъ уси опротывили. Дывлюся на высокую сосну. Витерь нею гойдае, а я зъ жалю спиваю:

Не хылся, сосно,   Не хылся, вильхо,
Бо й таеъ мени тошно!   Бо й таеъ мени гирко!

Спиваю та й думаю: поky снагы моеи стане, доты терпитуму, и жытому въ гаяхъ. Сила я на трави, седила, седила, та й задрымала.

— Якъ бы напередъ той розумъ, що теперь, мени бъ и простуваты зновъ до своей хазяйкы. А вже жъ я й хлеба скилько у неи переила! Ни! подалась на чуже село. Стала зъ першой хаты найматысь, той же таланъ... А де—яки потимъ стали мене и пизнаваты. Чы не жыла ты, небого, у того? або въ того? Ге, ге! яка вона Дидусивна! Се Русалка, а не Оленка! нехрещена Русалка; нема въ неи й имя хрещеного... Оттакъ мене на глазы пидіймають! Нудьга мене бере, соромъ давыть мене. Зйду съ сёго краю! думаю соби, та якъ пійшла, якъ пійшла, то верстовъ за пивьсотни опынылась. Та не йду шляхомъ, або стежкѣмы, а все маныцѣмы. Все по надъ ричкою, иноди черезъ затоны й брыдьма, наче справди русалка. Добралась до села. Тутъ десяцьки, соцьки, войты до мене прыстали, що я зъ другого повиту, а шаперу въ мене нема. Нехай громада стане въ ради: треба попытатысь, що зъ дивчыною робыты? Боже жъ мій! и малою люде не знали, що зо мною робыты, и теперь морбѣяця! Тоди я въ жыти, а теперь у свити, мовъ у густому, непроглядному гаю заблудылась... Усе жъ такы тоби безъ бумагы йты не вильно,

каже громада. Хто тебе одпустивъ такую молоденьку? Гляды, чы не вкрала ты чого? Такъ и вразылы мене въ сердце.—Здаецця, ты холóдной не мынешь, небóго... Заходывся коло мене той великій чоловікъ, громада, мовъ я цію душу загубыла. Почалы мене роспытуваты про все, про все, у кого жыла и якъ? А одынь каже: ты жъ моя землячка; а самъ съ того села. Не бійся, ничбóго тобі не буде. Лагодыцця туды мій сусида ихаты до своєї дочкы, накажу, щобъ выслано тобі бумагу, що ты тутъ у наймахъ. Я знаю и хазяивъ твоихъ, знаю все про тебе, и моргнувъ якось вусыма такъ, наче ножемъ у сердце вразывъ... Да, спасыби, не сказавъ, що я на имя не Оленка, на призвище не Дидусивна, а имя й призвище мое Русалка.

— Ну, зъ початку всяке до мене ласкаве, ввичливе, а потимъ я сама своею вдачею соби зашкодыла. Мене й лають, мене й бьютъ, и мени одчуваюцця речи дидусевы: „стережысь, було каже, чужого добра, якъ вогню; переступы, а не визьмы. Лучче свое латаве, нижъ чуже хватане“. Бида сыроты безъ тыхого прыхылля! Жене мене хвыля безъ упыну. А де жъ берегъ? думаю соби. Схне мое сердце...

— Узывъ мене до себе соцькій, покы бумагу вышлють. Всылу пять мисяцивъ пробула въ нихъ... Зновъ пійшла по людяхъ. Де пролигую, де прозимую; луна усюды ходыть видляскомъ про мене: пагана. Я и плачу и дида згадую, а тамъ забудусь та й запущу руку. А тымъ часомъ розійшысь и тутъ чуткы, що я не хрыщена Русалка, тымъ и закопу мени нема, тымъ я й краду. Сказано: хороша слава сягае далеко, а пагана—ще дальшъ.

— Уже шиснацятый рикъ мени, а я що попыхачъ той!.. Ни до кого не прыхыляюсь, такъ валасаюся. Дубъ мій батько, лыпа моя маты, береза моя сестра, явиръ мій братиць. Русалка я на свити, та й годи. Може, думаю, й справди мене не хрыщено. Може бъ мени пійты до попа охрестытысь? Дакъ люде жъ кажуть, що тилько малыхъ ще, безгрешныхъ душъ хрыстятъ. А выро-стешъ, мовлявъ, набересся грихивъ, то вже въ тебе Хрыстось не ввійде. Тымъ примовка й про жыдивъ перехрыстивъ: жыда охресты, та й голову видотны. Такъ и мени; думаю соби, хрыстытысь теперъ зась! Не ввійде Хрыстось у мою ледачу душу,

думаю та й плачу. Адже жъ и дидусь не вселвся въ мене съ своимы добрымы словамы. Онъ панъ той не зъ нашихъ, и языкъ у него лубяній, мовлялы, а винъ и того звчѣю : навчывъ. Тай думаю соби про дидусеве обличче ясне, и молюсь ёго жъ такы молитвою, що навчылась у будци: *прыйды и вселыся въ ны, и очысты ны отъ всякїя скверны...* Ни, думаю, мене вже никто не очыстыть. И Богъ, и люде одъ мене одвернулысь, мене хыба у печи на сухаръ ссушыты та на муку въ ступи стовкты, тоди бъ зъ мене що добре вылипывъ...

VI.

— Ажъ ось давъ мени Богъ прытулытысь до 'дноей вдовы убогой. Роблю все; вона не дуже и допевняецця моеи праци, то ватомыця, то загаецця. Старенька вже соби. У неи була маленька дочка и сынъ жонатый. Тилькы сынъ окреме живъ и йшовъ на-суперекы матери. Маты ёго було каже: лучше самій пробуваты, якъ наругу одъ дитей прыйматы. Шматка хлиба не ввобъешъ у горло, такъ невестка козыруе, щобъ сынового хлиба маты не переила. И сынъ, и невестка було ій усе то за молоко, що десь дилось, то за ишово, що не добре втовкла, борошна доладу не насїяла, лають, а вона ще бидна и не добачала: бо выплакала стари очы черезъ дитей.

— Разъ, каже, сила исты, попилы борщу, потимъ почалы исты кашу молошну. Каша у ихъ була що разу хороша, ни цятыночки воды, а на сей разъ молоко ссилось. Вона й каже невестци: отъ якъ бы оце я коло дїйлыва ходыла, до ты бъ сказала, що я щось изробыла, що каша ссилась. А невестка такъ и скипыла и зачервонилась, ажъ пидскочыла на полу.

— Дакъ я видьма? Та давай іи лаяты, гѣныты, усякъ іи прокльнѣты.

— Дивчынка побачывшы, що матери зневѣга, обиждають,—высолопыла проты невесткы языка, стоя на полу.

Невестка дивчыну такъ и вхопыла за патлы и поставыла на доливци. Маты помацькы схопыла за плѣчы обиручъ невестку, обороняючы свою дытну, а сынъ соби за матирь, и Боже що

тамъ склалось!.. То вже кинець свиту, якъ сынъ на матирь руку здієме. Да послѣ давай зъ іи хребта усю шустѣлыну здієматы. И се, каже, наше, и се наше.

— И все это справедливо, что тебѣ рассказывала старушка? прервала я въ волненіи раскащицу.

— А чомъ же ни? отвѣчала она спокойнымъ вопросомъ.

По своимъ наблюденіямъ я знаю, какъ часто простолюдины способны къ преувеличеніямъ и хорошаго, и дурнаго. У нихъ, въ пылу разсказа, муха весьма часто превращается въ слона. Чтобы поставить мою Русалку на реальную почву, я стала ей проповѣдывать, какъ нашъ народъ набоженъ, коснулась даже факта, что изъ русскихъ мы прежде всѣхъ познали христіанство, что мы за него стояли противъ иновѣрцевъ и напастниковъ; наконецъ, привела ей кобзарскіе стихи:

Отцева й матчына молитва
 Зо дна моря выймае,
 Одъ грихивъ смертящыхъ душу вызволае,
 На поли й на мори на помичъ помагае.

— Моя паніечко! отвѣчала Русалка. Може колысь такъ и було, а теперъ, бачъ, кобзарь спивае:

Та вже кинець свиту,	Изъ нымъ на судъ статы.
Кинець приближывся:	Правды ни зыскааты,
Хочъ ридного брата	Тилько панивъ златомъ,
Теперъ стережыся.	Срибломъ насыщаты.

На это я возразила, что и теперъ народъ проповѣдуетъ свою вѣру христіанскую, какъ въ старину, и пѣснями, и сказаніями. Значить, весьма трудно вѣрить, чтобы въ такомъ благочестивомъ народѣ могли быть такіе жестокосердые люди. И привела Русалкѣ, между прочимъ, стихи колядки:

Ой дай, сынку,	Одму жъ душу
Райскіи ключы,	Та й не выпустыты:
Видомкнуты	Оцця й матирь налаяла,
Рай и пекло,	Не палаала,
Выпустыты	А подумала.
Гришныи души,	

Но все мое стояніе за народъ Русалка смыла потокомъ своего фактическаго краснорѣчія. Про бѣдную вдову она говорила съ такимъ энтузіазмомъ, какъ будто это была родная сестра

дидуса, и рассказала мнѣ слѣдующее происшествіе, запечатлѣвшееся въ моей памяти отъ слова до слова.

— Не доведи мене Господы ни бачыты, ни чуты таке, яке я чула видь моеи любои старенькой вдовы! Вона справди *выплакала* очы, живучы въ тій проклятуцій хати съ сыномъ, лютымъ зміемъ, и невесткою, гадукою. Ослипла, такы зовсимъ ослипла бабусенька нещаслива. Що робыты? Мусыла Богови праведному корытысь. Такъ, мовляла мени, сподивалась, що за сю слепоту у Бога ій готуецця той свить невечирній, про котрый чувала, стоячы въ бабынці. До Божого дому стала ще частишъ ходыты, выкрадаючысь одъ дитей, такъ якъ дити видь матерокъ на вечерныци крадькома ходять. Ну, Божи словеса, росказуе було мени, покреплялы іи, и поралась вона помацькы, и все такъ робыла, наче помолодшала. Невистка було каже: се вона слипою себе вдае.—Не доведи, дою, тебе Господь, було видкаже, слепоту мою вдаваты! та й пораецця всюды за выдющю. Що жъ бы вы думала, паніечко, невестка? Взяла ще бильшъ зло проты слипои свекрухы. Хотила съ свита згубыты. Наварыла зъ гадыною юшкы та й каже, идучы съ чоловікомъ у поле жаты: о то жъ, мамо, у сипяхъ на полыци, якъ схочете исты, юшка зъ вьюнамы стоить.

Пійшли вони въ поле, забралы серпы, торбы, да й рушылы. Заманулось исти старенькій. Пійшла вона слипуючы доставаты юшку, да й вывернула соби якось на очы. Що жъ? Сотворывъ Господь за іи правду надъ нею чудо свое. Видь тіей гадуchoи юшкы зробылась выдющюю, вывернувшы нехотя на свои очы. Побачыла вареныхъ у юсци гадюкъ своимы очыма. Стеменно сама мени се росказувала. Подывылась та й впала на вколышыкы передъ образомъ.

Иде зъ поля невестка зъ сыномъ, ажъ маты пораецця коло печи: вечерю имъ варыть! То було тилько корову подоить, на ступи товче, лень бѣе, макъ риже, а до печи не дотыркаецця, а теперъ вечерю дитямъ варыть и Бога хвалыть. Свынямъ уже зилля поварывала, кабапови крапывы насыкла, сказано—выдюща повернулась!

Такъ и зомлилы обое: бо й чоловіка видьма жинка зробила злюкою, и винь сподивався побачыты матирь мертвою въ хати. Простяглысь передь нею обое: просты, мамо! Якъ Богъ, такъ и ты!

Ну, маты ихъ простыла, ни словомъ ихъ не докорыла, та вже взялась за розумъ: продала, яку мала, шустельну, шуплатте лишне, скотынку, та й покынула имъ свою матерызну, городъ и хату. За ту жь бо матерызну ии и тиснылы, щобъ скорійшь изъ свиту зійшла, тоди бь сыроту, мовлявъ, прыкопалы тай павуалы.

Стала вона зь малою дочкою у людяхъ жыты. Сталы ии люде зодягаты, платыты и шановаты: бо того стояла. За нею й скотына плодыця, за нею й дробына водыця. У кого яловка, а въ неи й двома бычками разь корова отелылась; у кого свынка трое поросять знайшла, а у еи и десятеро й бильшь одвалыть, що й двирь тоби увесь закрасыть!

Отъ я пидь той часъ до ихъ и прыблудылась: вона, та бабуся, и прыняла мене въ сусиде вже въ чужій хати, наче семьянына: бо въ сусидяхъ сама жыла и помогала скотыну доглядаты. А сынъ зь невисткою такъ зь того часу збиднили, що й хата рака стала.

Ну, трудно стало старенькій по людяхъ жыты. Бо на свойму господарстві, може бь, и заснула, а тутъ по пять разь у ночи схоплюецця, чы не отелылась на морози коривка. Сама себе вбывала, щобъ догодыты чужій хати. За два чы за три роки прыробыла собы грошенять и спорудыла соби хатку на нывци за селомъ. Матерызна въ неи zostалась нывка. Хатка стояла пидь селомъ коло розлогои старои вербы, мовъ картынка. Выдно съ хатыны такъ далеко въ поле, на галье и на гай, наче ввесъ свить до вдовиной хатыны тягне.

— Мени добре въ бабуси жыты, наче въ ридной сестры дидусевои. Слава тоби Господы, вже мени дваццятый пійшовъ и люде хороши до мене лыцяюцця, та бабуся не вельть рано замижъ выхоплюватысь.—Не хапайсь, доню, съ козамы на торгъ. Ще того дива надывыся, якъ и я надывылась, выскочывши молоденькою. Знаю, почимъ кившь лыха! Добре намъ, паніечко

моя, зъ удовою жывецця. Набигла такы я тропы, теперь ии держатымусь и старенькой слухатымусь, якъ ридной матеры.

Насъ тройко тыхомырныхъ у хати. Всеи вкупи робымо. Воны мене жалують. Стеся, дочка ии, мене полюбыла и я ии, и такъ якось мое сердце прыхылылось до нещасливой матеры! И сусиде мени всеи здалось якось лучче. Тутъ уже й Русалкою мене не звуть: старои бояцця обижалы. Надъ нею Господь зробывъ чудо свое.

Такъ и я стала людыною, спасыби Господеви та дидусеви, що за мене на неби молицця. Зовуть меня Оленкою Дидусивною. И порозумнищала жъ такы, не передъ вами, паніечко, хвалючысь: хочъ не була замижемъ, а взнала й я незгиршь старенькой моеи, по чимъ на свити кившь лыха“.

Такова исторія бѣдной дѣвочки Русалки. Живеть она въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ; но прослыла я, къ моему особенному удовольствію, *прыступною* и *балакучою* панією, такъ что и Русалкѣ моей захотѣлось меня видѣть. Она безъ приглашенія (что случается весьма рѣдко) явилась ко мнѣ на работу, и съ того времени мы съ нею друзья. Когда она рассказывала про своего *дидуся* и про свою *бабусю*, какъ называла бѣдную вдовицу, черты ея выразительнаго красиваго лица воспламенялись огнемъ глубоко чувствующей души. Она мнѣ казалась очаровательною: я видѣла въ ней безсознательнаго поэта.

VII.

Интересовала меня исторія сельской бѣдности, отчасти добровольной. Тихія добродѣтели, безъ блеска и публичности, плѣняли меня. Я полюбила Русалку и всячески старалась поддержать установившуюся между нами короткость. Послѣ задушевной исповѣли, казалось мнѣ, и сама Русалка должна была бы искать свиданія со мною. Но, къ моему горю и удивленію, она больше не появлялась на заработкахъ, которыми, повидимому, осталась очень довольна.

Проходитъ мѣсяць, нѣтъ моей любимицы Русалки. Стала я дѣлать разныя предположенія: что бы это значило? Мнѣ при-

ходила на мысль ея задумчивость, ея подозрѣнія о своемъ некрещеніи, о своемъ русализмѣ. Въ ея разказѣ мелькало суевѣрное толкованіе недостатковъ своихъ тѣмъ, что, можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ осталась некрещенною. Не случилось ли съ ней какой бѣды въ особенномъ, ей только свойственномъ родѣ?

Прошло еще мѣсяца два-три,—моя Русалка не показывалась. А дала слово помочь мнѣ дѣлать картофельный крахмалъ и *класти варыво*. Миновалъ и праздникъ Покрова, столь важный для *дорослыхъ* дивчатъ. Безъ нея совершали наши зрѣлыя красавицы свою поэтически сложенную молитву ко Пресвятой, Пречистой и Препоблагословенной: „Святая Покривонько, покрый мени голивоньку; землю вялымъ листочкомъ, голову червонымъ платочкомъ, землю вялою квиткою, голову білою намиткою“.

Пришли, наконецъ, и Рождественскіе празденства: *колядки*, *щедривки*. Въ числѣ моихъ веселыхъ посѣтительницъ не было той, которая сообщила мнѣ такъ много неслѣдомаго изъ жизни сельскихъ бѣдняковъ и бѣдняжекъ.

Разспрашивала я селянъ о ней; но мнѣ отвѣчали равнодушно, какъ о самой незначительной личности:

— „Хто її знае? Вона на другимъ кутку живе, дакъ ничего й не знаемо“.

Приходить ко мнѣ съ поздравленіемъ звѣзда, напоминающая трехъ царей-волхвовъ. Поютъ мнѣ школьники древнюю дячковскую пѣсню:

Шедше триє Цары	Иродъ же ихъ пригласивъ,
Ко Христу со дары.	Куды идете? спросивъ... ¹⁾

Наконецъ появились и питомцы новыхъ сельскихъ школъ, пѣвчіе, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣвочекъ. Не сказали мнѣ о моей Русалкѣ и эти вѣстники будущаго просвѣщенія селянъ.

¹⁾ Замѣчательно, какъ дячковскій языкъ не принимался учениками его. Сопровождавшіе поздравительную звѣзду гости мои повторяли послѣдніе стихи такъ:

И ласы-прыласы,
Куды идете? спросивъ.

На мой вопросъ: что это за слова: *ласы-прыласы*? мнѣ отвѣчали, что Иродъ угощаль трехъ царей *ласошамы*, чтобъ выпытать у нихъ, гдѣ родился Христосъ.

Но вотъ весна. Вотъ я слышу голосъ козацкой старины изъ усть сельскихъ красавиць:

Ой весна красна, ой весна красна   Ой уже жь тоби, та козаченьку,
Та й изъ стрихъ вода капле: Та й мацдривочка пахне.

Можетъ быть, и Русалка, думаю себѣ, подь вліяніемъ весны, двинется съ мѣста, чтобъ насладиться зрѣлищемъ лѣсковъ, левадь и луговинъ, русальныхъ пріютовъ. А мой хуторъ отдѣлялся отъ ея села именно русальными сценами природы. Она любила ихъ, эти русальные сцены, любила украшать свою голову дубровными ландышами. Вѣнокъ изъ *кунвалли*, какъ звала она по малорусски ландыши, чрезвычайно какъ шель къ ея тонкимъ чертамъ, немного блѣдному, задумчивому лицу и полнымъ затаенной страсти глазамъ. Можетъ быть, прійдетъ она ко мнѣ снова на работу, на дружескую бесѣду. Но приходили ко мнѣ всѣ давнія и новыя знакомки; одной только Русалки не было. Спрашиваю, не знаютъ ли о ней чего? Въ отвѣтъ на мои освѣдомленія, мнѣ отвѣчаютъ какъ то странно: „Хто іи знае, чому вона не ходыть? Вона, паніечко, *такъ соби*; усе думает; чы зъ великого розуму, чы що... Хочь у хрещыка гуляе, хочь у лебедьна бига, усе не довго. Такъ у неї очы якось и затуманяця. Чудна, одно слово, чудна!“

На эти загадочныя слова я потребовала объясненія, но вмѣсто него послѣдовало затемненіе. Дѣвушки таинственно и лаконически объявили мнѣ: „Мы іи боимось“.

Долго я допытывалась, почему онѣ боятся такой красивой, такой краснорѣчивой и милой подруги.

— Та вона то й промовна й прорѣчыста, и ричь у неї красна, якъ вы, бувайте здорови, кажете, высказалась мнѣ старшая поденщица, та въ неї щось у въ очахъ не людське свитыця.

— Якъ не людське? спросила ее, дивясь.

— У людей такого погляду не буває, отвѣчала мнѣ смѣлая поденщица.—Або ій на роду щось таке напысано, або—не дай Маты Божа — може вона й доси русалкуе, да такъ десь и динеця.

— Э, воны таки си русалкы! озвалась младшая. Мою матирь зъ другого села взято, зъ Раконовкы, дакъ маты розказувала

разъ—да не мени, а тайкома видъ мене, баби, а баба мени розказала, а маты не хотила мене лякаты. Що вмерла въ Ракоидивци дивчына якъ разъ у русальнй четверъ, а въ русальнй четверъ хто вмере безъ причастія, дакъ и стане русалкою. Отъ умерла, поховалы ии въ садочку; а ии маты да пожалувала на смерть червонои плахты-червчаткы, що самого шовку червцю пійшло тросточокъ съ пять, та й поховала въ морозовій спидныци. Поховала; ажъ разъ рано въ ранци, саме въ русальнй четверъ, побигла менча дочка по воду, ажъ вона била крыныци стоить пидъ вербою.—„Катрусю! се ты?“ И не злякалась якось русалкы, злякалась, та не вельмы: бо сестра.—Я, каже.—„Чого жъ се ты прыйшла?“ Сама не знае, що говорыть. „Дай, каже, мени моеи червчаточки хочъ годокъ поносыты. Я й прынесу черезъ годъ.“ Побигла дивчына, достала въ скрыни плахту, оддала. Та незнатъ де й дилась; наче росою взялась попидъ вербою. А сонечко вже сходило, роса блыщала. Якъ на те жъ маты полизла чогось у скрыню, ажъ червчаточки нема. Тоди дочка й каже, що оттакъ и такъ. „Чому жъ ты мене не клыкнула? Моя Катрусю, моя ты дытынонько! хочъ бы разочокъ я на тебе глянула!“—„Не тужить, мамо, каже дивчына: вона черезъ годъ прыйде“. Дождыдають уже того четверга, такъ дождыдають! та никому не кажуть, щобъ не сполохнуты русалкы. Наставъ русальнй четверъ. Маты ще вдосвита побигла до крыныци. Нема никого. Сила вона пидъ вербою, плаче. Колы жъ сонечко почало сходить; и роса такъ якось червонымы искрамы ссяе! Дывыця—передъ нею Катруся, и червона плахтына на ній, да такъ ухвоськана! Що вже тамъ було, Господь ихъ знае; тилько русалка—ни словечка. Маты ии обнимае, голосыть надъ нею, роспытуе про той свить,—вона мовчыть. Прывела въ хату, посадыла пидъ богами на покути,—мовчыть. Не истъ, не пѣе и ни до кого ничого. Прызывалы й попа, и пиць ничого не врадывъ. Била, якъ стина, седыть пидъ богами и ни слова. Тилько якъ выймутъ хлибъ съ печы, та примочяты, и пійде пара, вона ту пару вдыхае, и такъ наче тропкы почервоніють губы й щокы, а очы заблыщяты, якъ та роса на сонечку“.

— Эге, перебила одна изъ моихъ собесѣдницъ: русалки парюу съ хлиба жыуть. Тымъ у русальный четверъ нхт) й не пече хлиба. У насъ одна забулась та й напекла хлиба, а сама, прымочывши хлибъ, и пійшла съ хаты. Вертаецца, а дытны въ колысоцци й нема. Сюды—туды, де дытына? Зырне пидъ пичъ, ажъ воно тамъ залоскѣтале.

— Ну, ся була смырна, продолжала раскащица. Проседила такъ цилый годъ, а на русальный четверъ ии й не стало: тилько червона плахитка зисталась пидъ богами на покути.

При такомъ вѣрованіи, унаслѣдованомъ отъ временъ дохристіанскихъ, немудрено, что подруги моей Русалки истолковывали чѣмъ то „не людськымъ“ и самое краснорѣчіе, которымъ она была награждена отъ природы вмѣстѣ съ какой то особенною, невиданною въ нашихъ селахъ красотою, вмѣстѣ съ ея нервною раздражительностью и замѣтнымъ для всѣхъ отчужденіемъ.

Долго я освѣдомлялась о ней напрасно. Наконецъ не скоро, почти черезъ годъ, вижу въ церкви вдову, у которой жила моя Русалка. Освѣдомляюсь о ней. Та почти со слезами говорить: „Пшла замижъ, добродійко! Отъ правду кажуть: нехай ти плачуть, що замижъ идуть: сама себе сыломиць звинчала. Нхто ии не сылувавъ. Чудна вона стала якась. Усе гадае, що вона нехрещена, до такъ ий на дорѣзи лыхо й стоить. Ще тилько тры недили, якъ и весилле видгулялы оплакане“.

Въ такое короткое время судьба дѣвушки измѣнилась къ худшему. „Обызвалась Доля, да по тимъ боци моря“, какъ поють наши селяне, олицетворяя таинственную, иногда злорадную судьбу. Хотя моя Русалка и говорила, что *набила тропы*, но я думала, что набѣжать тропы ей предстоитъ еще въ будущемъ, именно въ замужествѣ, съ которымъ начинается прямая, рѣдко, впрочемъ, счастливая жизнь нашей сельской женщины.

Иногда встрѣтишь молодицу съ дѣвочкой и спрашиваешь въ разговорѣ: „Который тоби годъ, молодычко?“ — „Дванаццятый“.

„Якъ дванаццятый! А доцци твой который?“ — „Одинаццятый“.

Такъ наши женщины дѣвичество свое считаютъ скорѣе какимъ то неяснымъ и мечтательнымъ русализмомъ, нежели дѣйствительною жизнью, съ ея, увы! слишкомъ извѣстными горестями.

Старушка вдова была скупа на слово. Ей тяжело было говорить, въ чемъ именно состояли причина плача бѣдной невѣсты, и какъ это *сыломницъ* она себя обвинчала. Въ бабинцѣ, гдѣ я неожиданно натолкнулась на нее при выходѣ изъ церкви, было много людей, которымъ не годилось то знать, что она могла бы рассказать мнѣ.

Моя Русалка вышла замужъ въ томъ же селѣ, но на такомъ далекомъ куткѣ, на *Пиддяхъ*, что оттуда поденщицы ко мнѣ не ходятъ.

Сперва я хотѣла ѣхать къ старушкѣ; но это было бы по-барски—пріѣхать изъ одного любопытства. Надобно мнѣ найти благовидную причину для свиданья съ нею. Я объявила, что мнѣ нужна готовая хата для переноски. Указываютъ мнѣ и такую и такую. Я пользуюсь молвой о моемъ спросѣ, который въ селахъ составляетъ всеобщее—извѣстное событіе; но вмѣсто того кутка, въ которомъ красовалась веселая хатка прозрѣвшей старушки, попадаю какъ то въ противоположный кутокъ. Здѣсь повстрѣчала меня съ полными ведрами молодица—народная примѣта удачи въ предпринятомъ дѣлѣ, и на мой вопросъ о бабѣ Зуйчихѣ (такъ звали старуху) сказала; „Ой-ой-ой! та се жъ Пидгав! а вона живе на Куріповци“. Я знала прозвище Русалкина мужа, и черезъ минуту была уже у нея, у своей дорогой собесѣдницы, Оленки Дидусивны.

Пріѣхать къ ней изъ участія къ ея судьбѣ—значило бы потерять всѣ шансы на откровенность. Откровенность у насъ—дѣло случайное и какъ бы произвольное. Боятся наши люди не только любопытства, но и самой доброты, если она высказывается въ словахъ, а не въ поступкахъ; боятся, наконецъ, всего, что выходитъ изъ узкой колеи простонароднаго быта. Въ этомъ отзывается невѣдомая намъ исторія ихъ былаго. Я прозаически объявила, что ищу хаты, и что для этого заѣхала *до знакомои людныи*.

Вмѣсто блѣдныхъ щекъ и заплаканныхъ глазъ, увидѣла я Русалку румяною и совершенно спокойною молодницею. Она мнѣ обрадовалась, но выразила радость не по нашему.

— Якъ вы змарянылы, напичко! Мабуть, вы вже скоро вмеретѣ.

Эти слова перевела я мысленно на нашъ языкъ любви и отвѣчала, что истомилась, разыскивая хату, которая мнѣ очень нужна.

— Чы не думаете до кухни—вона въ васъ тисновата—прыстроить прыкухёнокъ? Борёнъ васъ Боже, тоди вже певно вмреть.

Я успокоила Русалку, сказавши, что старымъ людямъ пристройку дѣлать не годится, и она готова была вести меня къ хорошей хатѣ, которая продавалась дешево переселенцами *на стены*. Но я притворилась усталою и почти больною отъ моихъ поисковъ, обѣщала приѣхать въ другое время, и между нами незамѣтно завязался снова интимный разговоръ. Кстати, я застала молодую хозяйку одну. Мужъ и его дѣти были въ полѣ, сѣяли ячмень.

Русалка высказывала мнѣ свои порывы прибѣжать ко мнѣ, и паляницы пекла собственно для этого (безъ святаго хлѣба визитовъ не дѣлають) „да снаги, паніечко, не ставало. Трудно жыты було, трудно! Усе вамъ роскажу, чы не буде якои полегкости души“.

Тутъ ея лицо перемѣнилось такъ рѣзко, какъ у актрисы, выступившей передъ публику. Печаль, глубокая, отчаянная печаль (которой она приучила себя никому не показывать) выступила на немъ поразительно.

— Може й справди мене нехрещену загублено въ жыти, начала она. Тымъ и тяжко мени въ сѣму билому свити. Широкий, мовлялы, да нема де дитись. Отъ слухайте, моя матинко, моя лебидонько! Почну казаты ще зъ веселого часу. Сядайте о тутъ на полу (на подмосткахъ для спанья), я постелю вамъ чысте ряденце.

— Охъ, та й тяжко жъ мени спомынаты про мое щасте, паніечко моя! Мабуть, чы не важче, нижъ про нещасте. Бо въ нещасте сама я вбрила и вплыла, нихто не цидмывавъ мене, а щасте втекло хутко, мовъ та пташка, що крылечкамы стрепенула, въ темни лугы полынула. Слухайте жъ бо такы, не роните доброй слёзы, не вважайте на мече, що я, дурна, плачу.

Наконецъ Русалка моя отерла слезы, овладѣла своимъ чувствомъ и начала говорить о себѣ тономъ, если можно такъ выразиться, трагически радостнымъ.

VIII.

— Литомъ одного тыхого да гарнаго дня якось у мене було такъ тихо на сердци. Се бувало ридко. Тогди я чогось була за-сумила. А то а ни хвили на души, мовъ на сонному гладенькому ставку, и такъ чогось солодко на души! Сама не знаю, чога мени такъ любо. Летила бь кудысь, у якійсь вырей, чы що, або зь земли на небо.

Ухопыла юпчыну и ранисинько погнала овечать у череду. И видра въ мене на плечахъ. Одигнавши вивци, я тилько що за звидь, ажъ дывлюсь, коло мене паровыця такыхъ гарныхъ воливъ зупынылась! Я й пизнала, чья паровыця! сусида нашъ кудысь далеко издывъ, и ото прыбувъ. Такой поважный и одягный. Ставъ одчынты ворота у свій двирь.

Волы не стоятъ, рвущя до дому: ради! Ярмомъ учепылись. Я поналывала видра, поставила, та за волы! Увела ихъ дядькови въ двирь, поклоньлась и пишла. А винъ скинувъ на мене тилько очы, наче прыкмету положывъ. Подякувавъ мени, и такъ ласкаво на мене подывывсь. Скільки я старого бачыла, то винъ такъ николи не додывлявся до мене. Наче ёму зо мною жыты. Я хотила зачынты ще й ворота: згадала дидуся свого, якъ винъ мене навчавъ поважаты старенькихъ. А винъ каже: „пожды; небого! ще козакъ за мною иде“. Зь симъ и пишовъ у хату, у хати у нихъ никого не було. Заранне пошлы матокъ тятаты: опизнылись помочыты. Ажъ иде той козакъ. Я ще такого хорошого на вроду й не бачыла. Пишовъ винъ зь дому, не такый бувъ. Ажъ тутъ и батько вернувсь изъ хаты и каже сынови: нема никого дома.

Батько волы пороспрягъ, а сынъ постановывъ ихъ середь двора, до яселъ. Я тилько що рушыла зь коромысломъ, а козакъ и передо мною: дайте, будте ласкави, воды напытыся.

— Я загорилась, мовчкы повернула видра! Винъ ставъ пыты, да й каже: неначе въ гаю: нема людей. Я ще й бильшь запалылась одъ сорому: бо зь нымъ не поздоровкалась и не сказала доброго здорова пывшы: мовъ нима. Про це жъ винъ и натякнувъ. Ставъ пыты, а батько крычты: „Васылю! на тце сердце“!.. Той

шапку мени знявъ и такъ подывывся, наче що мени подарувавъ. А батько ще зупывывъ мене: „чы не знаешъ, небого, куды наши пошлы“?

— Конопель, кажу, пишлы тягаты.

— И наймычка пишла?

— И ии, кажу, забралы, щобъ швыдче...

Та зъ симъ пидбигцемъ изъ видрамы до дому. Я увійшла въ хату, взялась за дило,—все въ мене въ рукахъ горило! Я те поробыла въ день, що було бъ мени й на два дни. То була берка, а то ще й краще.

— Роспалылысь у мене щокы; сердце загомонило, сама не знаю, що во мною рббыцця! А винъ усе передъ моими очыма выджуецця. Може я вже ёго люблю!... Я така вбога и безталанна дивчына покыдка, чужый попыхачъ; а винъ—Боже! якымъ поглядомъ мене охрестывъ! мовъ королівну.

Мени наче свить пошыршавъ. Вернулись хазяйки додому.

Дывицця на мене удова та й каже: „чого се ты такъ распалылась? Щобъ ще лыхоманкы не було“. А я мовчу та думаю: чого воны обое такъ подывылысь на мене?... И видь сїи думкы одной наче твердище по земли ступаю и на людей смилывище дывлюсь: и я щось таке на свити! думаю я.

— Ранкомъ треба мени йты по воду. Мени чогось соромъ, чы що. У мене такого почуття ще николы не бывало! Мени здаецця, що й винъ выйде. „Ходимо, Стесю, по воду“, кажу я. Удова засміялась. „Що се ты? сама не втрапышъ? Чы козака боисся?“

— Такъ мени симъ и вцилыла въ сердце. А въ мене й такъ щокы палають.

— Гарный, каже, катъ ёго батька не возьвъ! Глады, щобъ не звивъ зъ ума, якъ про того Туму спивають:

Козакъ Тума звезде зъ ума;
Не буде й жепытысь;
Де найбыльше челядонкы,
Тамъ буде хвалытысь.

— И я, каже, замолоду не усупротывылась проты чорныхъ очей. Де той и розумъ дився? Такъ чары на тебе й наведе

(та й сама такъ зачервонилась, якъ и я). Колысь, може, мене згадаешь. Иды, Стесю, зъ Оленкою, охотнице буде.

Пишлы мы вдвохъ, а стара сусида, Васылева маты, саме пазолкы зъ хаты выносила, та й дывыцця, де бъ той попилъ выкнуты: бо скотыни шкодуть, и людямъ, якъ хто ступыть на пазолкы.

— Добры-день, кажу, титко.

— Добры-день, видказала, небóго. Стала Стесю клыкаты въ хату. „Иды, каже, матери рыбки передамъ“.

Стеся пишла, а я за журавля, щобъ вытягты воды.

А Васыль уже, залыгавшы, й веде волы до водопйла.

— Пстойте, каже, я напою волы, а тоди й вамъ вытягну.

— Вы жъ мене загаете. Я першь соби вытягну. А сама и на мисти не встою.

— Да погуляйте жъ трохы! мы жъ сусиде зъ вами. Дома не бувъ, то васъ и не бачывъ. Миряе мене очыма, а я ажъ одвернула: мени такъ соромно! Я зовсимъ людей не знаю; а то мовъ сонце сяе передо мною.

Граецця зъ журавлемъ, гойдае та мене гае. Я кажу: „порожни понесу!“.

— Не сердьтесъ бо, моя... та й ставъ тягты воду, бо моя хазяйка—бабуся выглянула зъ синей... Покры жъ то волы напоивъ! Ажъ тоди й мени воды вытягъ.

Я такъ и побигла, не подякувавшы.

Бо що жъ мени зъ багатыремъ ривняцця!

Ой чы зйдуся, чы не зйдуся,

Не поривняемось:

Ты въ жупани, а я въ светы,

Не повинчаемось.

Думаю се, а серце вже й видказуе за нёго:

Я жупаны поскыдаю,

А светы добуду

Такы тобы, серденатко,

Дружыною буду!

Колы бъ же то! охъ, колыбъ же то!

Туть моя Русалка схватилась за серце и крикнула „мовчы!“ такъ трагически, что мнѣ стало за нее страшно.

Снова обратилась она въ самообладающую разскащицу. Только лицо ея было блѣдно и губы вздрагивали.

— А де жъ Стеся? каже бабуся, моя хазяйка. Стесю згубыла. Кажу якъ було.

— Бижи жъ приведеы, а то вона й рыбу погубыть.

Не хотилось и йты до ихъ у хату, такъ не хотилось! Я тилькы черезъ поригъ до ихъ ступыла, Стесю за руку, да й видгилы. Засмѣялысь стари.—Ну, и дивка! Недѳторка, яка соромляжа!

IX.

А ихъ наймычка усю правду мени було й поросказуе.

— Маты Васылева було каже про мене: гарна дивка, ганьбоваты ни за яку роботу не можна, але жъ поголоска про неи пагава! удача ии стыдкà!

Батько Васыливъ озвався:—То колысь було! А теперь послухай, щѳ про неи кàже удова! Скильки вже годъ вони вкупи! Вже жъ удова до неи прыдывылась.

А Васылъ сыдачы усмихався и мовчавъ. А цотимъ старый росказувавъ, що помитывъ мене й перше, та каже: я въ цимъ дили знаю сылу. До пары нашому Васылеви, до пары!

Батько зъ сыномъ ходывъ на заробиткы та й мыркувавъ, щѳбъ, повернувшысь соби невесткы шукаты. Тамъ и волы соби старый купывъ и рыбы набравъ. Таки вси ради, щѳ вже поверталысь до дому. И мàлы сына оженыты та й оженыты заразы! Шукаймо невесткы!

— А я тоби скажу, каже старый до старои, що намъ ни де бильшь невесткы шукаты. И мовъ скарбъ який знайшовъ, якъ побачывъ Оленку Дидусивну, вернувшысь...

— У Васыля, каже миви наймычка, и ушки засмѣялысь.

— Я й дида того знаю, каже старый, и поголоску про неи знаю: то пусте. Кому яке дило до того, якы мы были малымы? Знай себе, та й буде зъ тебе. Беркà и здибна дивчына до всѳго. а поглядъ у неи такый, щѳ и вмираты щкода, побачывшы его.

— Якъ звыкне собака литомъ за возомъ, то й зимою за саньмы, одказала стара.

— Дытына ще, сказавъ батько, та й почавъ молютысь Богу, засвѣтившы на божнычку свѣчку. Богобоязныи чоловікъ: не ляже спаты, не засвѣтившы передъ богами свѣчки, дарма що було часомъ втомыцца.

Я якъ згадаю, що ти матерны речы про мене та й Васыль чувъ, такъ и окотыть мене то морозомъ, то жаромъ. О, щобъ я не дождала була по тому жыти бытысь! Си краджкы въ мене черезъ русальство мое сталысь! думаю соби. Теперь, думаю, винъ на мене й не гляне. А якъ же мени по воду ходыты? Свѣтоньку! де мени дитысь.

— А стара, каже мени наймычка, и на богы байдуже: чы перехрыстылася, чы й ни, вже й истъ ёго, мовъ та иржа залызо,

— Та що це? каже: хыба нашъ Васыль послѣдущый?

— И вона не послѣдуца! видкаже було батько, лягаючи на лави пидъ божныкъ головою.

А та зновъ стара пороцыть: оце, першу, яку здѣбавъ волюцюгу наймычку, за нѣго й тыче!

А служебка ихъ усе мени й доносыть... Горе мени, думаю, теперь винъ на мене й не гляне!

— Бачылы мы хазяйскыхъ дочокъ! видкаже було старый жинци. Вони тылько лѣси, а до роботы мляви.

Мени цилу ничъ не спалось, якъ перечула я про сю розмову. Проплакала я до самого свѣту! уже трети пивни спивають, а въ мене й очы не склепалысь. Винъ теперь на мене й не гляне! Каялась я и повинялась и дидуся згадувала: чомъ винъ мени рукъ довгыхъ не поперебывавъ? Боже! якъ я плакала гирко! Колю хочете, паніечко, знаты, дакъ и въ недужи трохи пролежала. Боюсь, щобъ зъ нимъ и це постричатысь. Бо, якъ згадаю, що винъ мени не ривня, такъ и сердце струхне. А винъ, Богъ ёго знае чого, знай мимо удовыной хаты вештаецця. Серце мое болыть и спывае:

Ой не ходы, багатыру,
Коло мого тыну!

А сама прымила бѣ выскочыла та ёго слидочокъ цилувала. Бачу ёго,—рвусь пополамъ; не бачу,—вызыраю.

Ой не выдко ёго хаты,
Тилько выдко групу:
Туды мою порывае
Равно й вечирь душу.

„Уже не дарма сказано, що писня правда. Теперь мени вона въ писняхъ видкрылась и засвѣтилась“.

„То Стесю мени треба, то шчо на двѣри робыцца, а мени хочъ бы ёго слидъ побачыты. Бидне мое сердце!“

„Якъ я его вперве тоди побачыла, якый веселый день бувъ! Сонечко мое ясненьке! Яке ты мени щастте казало! а теперь ты захмарылось; теперь вищуешь те, що сычы въ пуци. Не будемо въ пари, не будемо!“

Тутъ моя разскащица впала въ умоизступленіе. Она забыла, гдѣ она, съ кѣмъ она. Ее, очевидно, поглотила та минута, которую она переживала, минута сомнѣнія и отчаянья, минута вѣрнаго предчувствія. Упавъ грудью на столъ и склоняясь глазами въ свои ладони, она какъ бы окаменѣла. Я боялась нарушить молчаніе. Наконецъ слышу что то похожее на бредъ:

„Ой Боже, Боже!
Що та любовь зможе?“

„Я его слидочокъ лыстьечкомъ прикрывала, слизьмы те листьечко зрошала“.

Наконецъ, она поднялась и продолжала свое повѣствованіе такимъ голосомъ, какимъ—такъ я тогда думала—мученицы любви на небесахъ бесѣдуютъ одна съ другою.

„Бачылысь мы не разъ и не два. Я була боязька: багатырь!... А винь мени було каже, що я горда, що я зазнана“.

„Я горда й зазнана? Справди?... А може! хто жъ мени давъ таке почуття? Одынъ его поглядъ: я почувла себе людною“.

„Мени здавалось, що никто никого такъ не кохавъ, якъ я ёго! бо любощивъ своихъ ни на кому було позбутысь. Усе дома було седжу; тилько удову стареньку та Стесю маленьку й знала“.

„А тымъ часомъ маты Василева, якъ стала, якъ стала коиты свою волю, да й заслала одъ Васыля старосты до багатырки, що задалегидъ прыватала. Батько суперечывся, довго стоявъ

на своимъ первимъ слови, а вона все ёго підкопуе, наче водою підмывае, тыми волами да коровами, тыми статками да маєткамы. Замокъ старый: бо розжывався туго, та й не вельмы розжывся; а теперь, думае, буде за що зачепыты руки. „Ще я на сыли почуваюсь; удвохъ изъ Васылемъ доробымось такы й мы до худобы“. Оттаке вже почавъ говорыты; а наймычка все мени переказуе, не знаючы, що безъ ножа й безъ талирки мое сердце крае“.

„Маты й батько посылають Васыля на розглядыны. Несхотивъ“.

„Дали вже маты: збырайся, Васылю, на ярмарокъ: що небудь и къ весиллю купыты.—Не схотивъ, не поихавъ“.

„Батько ажъ загомонивъ тогди на ёго! „Та чы довго ты гавы тутъ ловытымешъ? Не той теперь часъ прыйшовъ. Мы вже й ноги видтопталы, ходывшы до свата. Все село про се знае. Чы ты насъ надумавсь осоромыты?“

„Маты и на розгляды издила сама. А батько мовчки ныдивъ, и выдно було, що вдавався въ тугу. Того весилля не дуже бажавъ, да якось корывся своій жинци, и потуру не дававъ Васылеви, щобъ ще гиршъ зъ того чого не вышло“.

„Чудно, каже було моя хазяйка удова, що якъ сей Васыль дила зовсимъ опустывся! Ни про що не дбае... Усе щобъ стари за ёго робылы. Воны сами и на ярмарокъ издылы. Наймычка и небога тутъ рвуцця, а винъ стоить, изхыльвышысь на лису, да, якъ той мовлявъ, гракы ловыть“.

„Оце жъ мы зъ нею вперше чуемо, що батько ёму такъ докирлыво вымовывъ. Перше було имъ Васыль каже: вы вже, татусю, свое одробылы, годи вамъ поратысь. Мени стыдъ, якъ бы я самъ двохъ паръ воливъ не попоравъ.—Та и попорае, и повычыщае всюды; двирь выччстыть, вымете, хочъ котысь. Теперь ёго й не пизнаты. Ни до чого й рукъ не прыложыть“.

„Про це все удова знай мени торочыть, щобъ у мене вывидаты ума: чы не выявила мени чого наймычка, або часомъ иневистка злока? Я ничогисинько не знала. Що дня зйдемось було зъ Васылемъ, сумуемо. Мовчазный ставъ. Сумъ, що дальшъ, и мою душу обяга бильше. Не жартуе Васыль зо мною и мало що мени каже“.

„Разъ пытае въ мене: чы пійдешъ завтра до церкви?”

— Безпреминно пійду.

— Не йды, колы любышъ!

— А ты хыба дома будешъ?

— Мени *треба* йты, насупывшысь, якъ чорна хмара, видказавъ Васыль. „Мени треба!“ да ажъ затремтывъ. (А мени все те не вдогадъ). „Мени прысягаты треба“.

— Хыба що, якъ ты прысягатынешъ, а я тамъ буду?

„Винъ замовкь“.

„Здалась така чудна мени ся розмова. Пора, кажу, йты вже до дому. Бабуся моя, мабуць, уже й спаты лягае“.

„Винъ мене дуже мицно обнявъ и мицно поціловавъ трейчы, въ сылу выпручалась“.

X.

„Рано-ранисинько я пичъ вытопыла, паляныць напекла, убралась, надила хустку, заквитчалась и побигла чымъ дужъ по воду: бо забулась изъ вечора наносыты, такъ винъ мене скаламутывъ. Покры ще корову уранци прогнала до череды, а на те й байдуже, що воды обмалъ, та Стеся нагадала“.

„Бижу зъ видрами, щобъ не опизнытысь до службы, а тутъ бабусына невестка злюка назустричъ, изъ порожнямы!“...

— Здорова, Оленко!

— Магай би.

— Се такъ убралась на весилле?

— На яке весилле?

А тымъ часомъ зовсимъ я наблыжалась уже до Васылевой хаты. Ворота навстижъ, молодыци и наймычка, зъ позасуковалымы чохлами, туды й сюды снують, у хати чуты такый гоминь, що ажъ стелю спирае.

— Якъ на яке? видказуе невестка злюка.—На Васылеве. Сусида та й не знаешъ!

„Я такъ и брязнула видрамы объ землю, и квиткы зъ себе позрывала. А вона ще й шуткуе:

— Собака вправь! ¹⁾ Що це ты спиткнулась?

„Позбирала я видра швиденько, вытягла воды, а одно шубовтнулось у колодязь! Тоди я за друге та й подалась до синешных своих дверей; одбигла й коромесла. Сама якъ переступыла поригъ, такъ и впала, застогнала“.

„Догадалась порадныця моя бабуся. Кынулась изъ хаты до мене.—Доненьку моя, голубонько моя! не показуй сего людямъ. Що жъ? я все те знала. Да й наймыщци не звелила тоби казаты...“

„Та се кажучы, и прычыныла синешни двери.“

„Мои жъ очы не всыхалы... Годи й до церкви. Того жъ то винь видмовлявь! Чы то боявся, щобъ я не врекла, чы що? Думаю, не додумаюсь, якый то вчора бувъ до мене гарный! Що жъ? винь не мий, не мій! плакала, свита Божого не бачыла“.

„Иидвелась, прочыныла двери, щобъ зглянуты на Васылеве подвирье. Може то люде помыляющця. Дывлюсь, прыдывляюсь, бо за пухлымы очыма й не бачу... Чы мало жъ то я часу тутъ у синяхъ пролежала? А проты мене молода йде зъ дружкѡмы,— и не стевѣцця! иде, якъ пава плыве. Иде до близькѡи сусиды, до моеи бабуси въ хату“.

„Чую спиваютъ, дружкы:

Ой рядочкомъ, дружечкы, радочкомъ	Рутою мятою обывла,
Да поидь вышневемъ садочкомъ!	Хрещатымъ барвиночкомъ обтыкала,
Ой повела Любочка, повела,	За собою дружечокъ покыкала.

„Я вхопылась за сердце“.

„А бабуся зза спины каже: може то й не вона. Бо та не плыла бъ такою павѡю: не охотылась иты за Васыля. Се якась инша молода княгыня. Мени наче одхлынуло. А може й такъ! Я ще разъ прыдывлятысь. Очы мои зупынылысь на старшій дружці, на небози Васылевого батька... Вона, вона! Се Васылеве весилле! Я побигла въ хату, забылась у кутокъ“.

Чую, зновъ пидъ окномъ:

Ой летили бжиглочки по ярни,	Да й прышлы гоны до хаты.
Да ходыли дружечкы по сторони	Стала дивочка прохаты.

Молода ввійшла въ хату зъ старшою дружкѡю. „Просыть батько й маты на хлѡбъ, на силь и на весилле“,—та й зацпыло

¹⁾ Это все равно, что у насъ vive l'adresse.

ій сказаты: *и я прошу*, и заплакала бѣ, може, та переломила себе середь людей. Уси зглянулысь“.

„Чы легше мени, чы важче було, що й вона оддалась не охотою, сыломиць звинчано? Не знаю: бо серце на двое було розризане,—не жыло вже, не чуло, не тямыло“.

— Хай вамъ Богъ помагає, диточки! видказала бабуся и попоштувала.— „Молода сумна“, каже мени описля: „тылько до губъ довела чарку та й выйшла мовчки, мовъ боицця зарыдаты“.

„Пыталы гости й про мене, дакъ бабуся одказала, що я пишла на той кутокъ, на си бѣ то нещасливи Пидгѣи“.

„Бабуся ходыла на весилле, близкѣ сусида, а я й не пишла, одмовылась, що я слаба. Що жъ про те весилле розказують! Сыломиць обохъ спарувалы. Слава така була, що Васыль зъ батькомъ перви чумаки на всю околицю, и грошей навезли зъ Донщины безличъ. На се й польстылысь; а вона иншого покохала, та боялась признатись, а той боявсь до багатырки лыцятись. Тылько зйдуцця, посумують у двохъ, та й годи“.

„Васыль бувъ на себе не похожий, розказувалы мени. У хати наче туга давить усякого. Чогось наче темно, наче душно, наче тисно дыхаты. Ни чарка, ни музыка, ни що не розважало людей! Що жъ изъ того весилля выйшло? Кажуть люде: иде староста благословляцця до батька та до матери, молодыхъ дитей на посадь за стиль завесты: тыльки що одклонывся и поблагословывся, а батько и маты одказали: „Богъ благословить! Нехай Богъ дае нашимъ дитямъ щѣсте й долю“! Староста туды сюды зыркѣ, а молодой й нема. Де, де? Побигла до тыну, послыднимъ словомъ перекинуцця зъ тымъ, що кохалась! Упала на ёго плече и прыкыпила, залылась гиркымы слызмы. Староста молоду за руку да й на посадь! А сыва шапка подалась у подовжь улыцы, колываючысь“.

„Розказуючы се мыни, бабуся моя ажъ сплакнула. Якъ мени, паніечко, се було слухаты и потымъ на свиты жыты“.

Скинчылося весилле.

„Я довго видь обохъ молодыхъ ховалась... Нужу свитомъ. Усе було роблю або пизно у вечери, або рано на зори, щобъ людей не бачыты. У серцю моему якъ пожежа пройшла“.

„Потимъ згодомъ стала ходыты и до коровы, и на горбѣ, и по воду, и разъ изійшлысь до колодязя зъ жинкою Васылевою мовчкы.—Мочкы розійшлысь. Дывымось одна на 'дну, такъ наче въ воду вбрелы, та й не выбредемо, и боимось одна 'дниеи, щобъ не прытопыла“.

„Пройшло тыжнивъ зо два. Мы зійшлысь изновъ, я вклони-лася їй; вона мени. Сталы говорыты; вона на мене не сердылася. Рада була бѣ, якъ бы я їй на дорози стала. Була зитхае, про-кынае свое жытте. Якъ бы, думаю, поминялася изо мною! Вони мижъ собою й не лаюцця, а тилько жылы такъ, якъ ремезы, що зъ двома дуплами гнизда. Дарма, що вкупи ночували, а тилько одно туды, а друге туды, головами навпакѣ. И якъ наче знано: й хата була въ ихъ старосвицька зъ двома рундучкамы. Вишь седыть що вечера икъ воротямъ, на рундучку, де колодязь, а вона по той бикѣ, що на горбѣ выходыть. Бо хочъ черезъ тыны та черезъ города того журавля побачыть, де ии несуженый воду тягае. Тамъ ии душа й сердце; а сей мене пыльнуе“.

„Жаль було бере усякого. Яки жъ, кажутъ, люде обое пре-хороши! никому не можна ганьбы дати,—картына! та не люб-ляцця й крипкы! Нїдїють обое“.

„А зо мною що робыцця?“

„Бабуся! було кажу, зарядьте, убийте мене. Якъ выйде Васыль на рундучокъ да стане на свистилку граты, щось сумне, сумне... волоссе на голови пидїймаецця, а ии було чуты вноди, на другому рундучи спивае:

Сама не знаю, чомъ доленькы не маю.

Прокляла маты малою дытною:

Съ вьмъ любылася, не стала дружыною.

Съ вьмъ не зналася, зъ тьмъ повинчалася.

„Да такъ наслухаеся, ажъ сердце стысне не тилькы свое горе, да й чужа печаль“.

„Я було сумую, сумую, у синяхъ сыдючи!... Вона наче мою долю высливуе. Батько й маты Васылеви засмучени совмѣ-няцця по хати, очы попухлы, радости и помочы, нема видъ дитей. ни пидмогы на старисть. Якъ бы не наймычка, то може бѣ до-стачы не було и въ хлиби, уси опустылы руки, и молоди, и стари.

А то вона и нагадае, що теперъ витеръ хороший, млыво гарне. Отъ старый и налаштуе паровыцю та й пойдуть до витряка“.

„А Василь тилько човгае по двору, да свое подвирье миряе. А зъ двору ридко, ридко... Все стереже мене“.

„А я тежъ опустылась берега. Де було першь чисто, гарно, теперъ смиття по колина. Було, пйду по воду,—де винъ и визь-мецця, наче зъ земли вырасте! Стоить передо мною, якъ смерть блидый! Не хотивъ батькови й матери на суперёки йты...“

— Оленко! я вмираю за тобою! Серце мое незабутее, не нуды мене, хочъ не ховайся видъ мене! дай мени хочъ на тебе надывытысь.

„Въ моему серци заворушылось щось таке негарне, погане, чого я попереду николи не постерегала: я розсердылась на ёго, розлютовалась. И ставъ винъ мени супротывный, якъ ворогъ лютый. Я ажъ крыкнула на его:“

— Одчепысь! Не горнысь до мене! Не завдавай моему серцю жалю! Колы вмираешъ за мною, то чомъ мене не взявъ? На що взявъ ыншу? Ты не дочка въ свого батька, а сынъ, якъ бы ты схотивъ, тебе бъ маты не прыневолыла. Ты загубывъ мй викъ; не топчы стежки за моимъ слидомъ! Геть.

„Я зненавыдыла его въ той часъ, була готова задушыты его своимы руками“.

„Я такъ и рванусь видъ ёго. Думаю, може бъ винъ и жинку полюбывъ, якъ бы мене не було на очахъ! Хай уже я буду одповидня, безталанна душа. Я почула, що мое сердце вже й прохололо, перестало ненавидиты его“...

„Да якъ же мени зйты зъ сёго села? де мени знайты той захысть? Мени жъ такъ гарно у бабуси; та якъ же мени прожыты, щобъ и ёго не чуты, щобъ не бачыты, якъ винъ мовъ квитка мае по двору? Дражныть винъ мене писнямы та бровамы. Писни ёго—лики мои,—и лики, й отруга. Хочу вмерты—не прымае мене сыра земля! Благою Бога, щобъ винъ мене урозумывъ, янымы зылямы бидне сердце мое остудыты. Увесь поригъ було золлю дрибнымы слизаны, довидуючысь у свого сердца, чымъ подолиты свое горе. Якъ не бачу его, то люблю его; якъ угляжу, то ненавижу его“.

„Винь мени що дальшь, то все бильшь проступку не дае, а я втикаю, ховаюсь одь его, и вона вже стала помичаты. Мовчазна зробылась, ни пары зъ усть, ни слова теплого, ни докирлывого. Тилько иноди не втерпыть и розиллеця гиркымы словамы: що вона не зазнае свого дивоцтва; що воно їй тилькы майнуло передь очыма; що лучче бь їй було засохнуты вь пупочку, така вона щаслыва!“

„Загрясеця було, зачервоніеця, якъ оде мени каже. А всяке їи слово такъ, якъ те кресыво, объ мое сердце й креше“.

„Постановыла я соби покынуты удову бабусю. Перейду до кого иншого вь наймы далеко, далеко... Напытала у людей мисце й перейшла на другый кутокъ села. Се не здывовало бабусю. У неи душа чуткà, вона зрозумила сердцемъ, що довше мени тутъ зоставатысь не можна... Стеся дуже плакала и бабуся... да не впыняла“.

„Чы легко мени було видь ныхъ виддалатысь? Се все ривно, що живому крузь землю провалытысь. Винь мени и вь день, и вь noci увиджаецця. Було якъ тинь мене преслидуе. Було прыйде до того двору, де я служила, зляже на лису, постоить, подывыцця мбвчкы, сердце мое розибье—и пйде. Що мени робыты? Ходжу якъ божевильна. Чымало часу уплыло. Я живу вь наймахъ и его не бачу, та й почала его трохы забуваты. Не такъ ясно свитаяця вже передо мною его чорни очы, а ти чорни бровы вже прыбвджующця мини, мовь вь тумани. Наче хмары вкрылы его пышный выдь, наче тумань полигъ надь его красою, якъ полягае и закрывае зеленый лугъ литнѣи добы ранкомъ. Тыхише стало на серци. Я вже й не знала, чы люблю его, чы ненавижу. Якось стала я, немовь деревяна. Стало мени про усе байдуже на свити. А тоди саме почавъ чеплятысь до мене москаль Задѣренко. Ходыть та й ходыть до мене“...

„Пйду, думаю, замижь! Равно запсованый выкь. Винь мене тоди покынае, и станемо якось буты на свити—хочь не жыты, дакь буты. А такъ—се гирше лютой смерти. Усимъ тоди лучче буде. Винь перестане до мене тоди ходыты; мабутъ, що треба йты, треба йты. Рвецця було такъ мое сердце, рвецця та й заспивае:

Вылетали орлы
 З—за крутой горы,
 Вылетали—буркотали,
 Росвошивъ шукалы.

Охъ и скылько не литаты,
 Треба вывзъ спустыцца
 Ой у поля дви дороги,—
 Треба розійтыся!

Воно мени спивае, а я такъ и впаду, щобъ ёго прыдушыты. Каменемъ бы зробылась, та ба!“

„Ну, що жъ, моя паніечко, щó мени ще вамъ сказаты? Такъ мени на роду напысано. Мабуть мене маты въ барвинку купала, купаючы проклынала, щобъ доли не мала, а потимъ и втопыла въ тому жытаному мори мижъ русалóкъ“.

„Ну, що жъ ище? Отъ що: молодому не довго знайти чоловика. Хочъ и не до любви, ни до розмовы, а мушу“.

„Увязавсь та учепывсь до мене Задёренко. Москалемъ винъ бувъ.—Подаю хусткы! Нехай, думаю, хочъ вони поживуть укупи, якъ одружусь! Буду хазайкою, то не пидступыцца. Лышенько мое, не доля моя! Якъ же мени ихъ на весилле прохаты? Якъ же мени о той поригъ переступаты? Що жъ, якъ прыйду, да тамъ и скычусь?—Такъ сама соби погадаю, а потимъ видпочну 'дъ своего горя. Тоди зновъ щось мени шепче: треба буты хазайкою, тоди другый ладъ буде“.

„Думы розбивають мою голову. Вечоріе: думаю, пійду,—нехай бабуся замовыть Задёренку“.

„Побигла я городамы, перелазамы, щóбъ не зустрытыся зъ нымъ: розыгналася, чепляюся то за соняшнычыня, то заплутаюся у гарбузыни, то скачу картопльщемъ, заплутаюся у гычь, упаду и знаю: не будь сёго лыха насерднёго, то й не впала бь, а то ноги не несуть. Розыгнавшысь, бижу, бажу, выхремъ мене несе; а дали тыць! що се таке? Се винъ передо мною, винъ! Усюды ёго знайдешъ, всюды зустринешъ. „Оленко! не жаль тоби мене, покынула та й байдуже! А я все той, якый бувъ. Иду горóдамы за долотомъ до Шкандыбайла, буццымъ то мени того й треба, та й чую серцемъ, що тебе зустрину. Яки мы обое нещаслыви!“ Цылуе мене, обнимае. И нима. Духъ мени спирае“.

„Ни, думаю: не выдушышь изъ мене речы! Знайду соби вышого, наче втоплю себе. Ты мени не важышь ничего. Ось я соби выскепаю чоловика! Да прожогомъ видъ нёго“.

„Хытаюся. Въ сылу втраплю на стежку. Винь отдаликъ ледви човгавъ за мною. А я такъ и влетила до бабуси въ хату. А сердце мое кыдаецця, кыдаецця! Боже жъ мій! Це жъ воно прокыдаецця! Це жъ воно оживае! На що винь стривожывъ его? Що мияи робыты, що початы?“

ХІ.

„Увійшла я въ хату, мовъ несамовыта... Стеся й бабуся такъ зрадили, такъ и прыкипили до мене.—Чого се ты такъ распалылась? Собака чы вовкъ налякавъ?“

Кажу, чого прыйшла: „натякнить Задёренку, бубусю, що вже иду за нёго“. Да ажъ не здышусь.

— Чого жъ ты такъ засапалась?

Я мовчу: не здышусь.

— Не сподиватысь тобі вже, моя голубко, щастя-доли! Хоча й ёму ганьбы не даю. Славы про ёго худои нема. Тилько дуже старый проты тебе, а не пъяныци и чепурно хату свою держыть изъ малою дивчыною та хлопъямъ. Достаткывъ нема, ну да ты працуюта. Винь и сёгодня хотывъ зайты до мене, видерце бравъ набываты: такъ обыцявся занесты. Оце добре, що ты сама про ёго замовыла, а то вже винь проточывъ мени голову: еднайте, та й еднайте Олешку. Я ии не обиждатыму.

„Мени речей одъ бабуси ниякыхъ бильшь и не треба було... Мени вже щобъ весилля граты. Швыдче выходжу зъ хаты, щобъ до-дому бигты по-узъ ихъ двиръ; а Васыль уже на воротахъ вартуе. На сылу врывалась: Не диждусь я завтришнёго вечора; прыйдутъ старосты; я вся въ огни. Хусткамы и рушныкамы надидыла мене бабуся, лучче бъ у яму опустыла“.

„Диждала я вечора. Обдидыла й старостивъ. У субботу дивчата вылы гильця, дружокъ водыла, зайшы и до бабуси и—до ихъ“...

„Я була якъ съ каменю тесана и Васыль стоявъ, якъ укопаний. Увійшла я зъ старшою дружкою въ хату, тай стою. Усе заверетенылось у' мене въ очахъ. По мойй дружци, по моихъ квиткахъ, рушныку позналы, що се молода ввійшла. Не

мовлять мои губы ничего, скільки не сылковалась, скільки по-пидь руки не штовхала мене моя старша дружка“.

„Стала Васылёва маты частуваты; чарка трясеця въ мене въ руци; усе й выхлюпалось. Маты Васылева другу на-лыла, частуе, радіе, що одружылася, а я радію, що мене видь ихъ двору ще дали вынесе“.

„Батько Васыливъ вхопывся за голову, якъ мы ввійшлы. Мабуть, чы не заткнувъ и вуха,—такъ казалы.

„Зъ симъ мы ввійшлы зъ хаты.

„Жинка Васылева боржій выскочыла зъ хаты та й схова-лась у комору. Якъ я выходыла зъ хаты, захыталась и вхопы-лась за одвирокъ, переступыла поригтъ. Старша дружка въ си-няхъ ухопыла зъ видра корецъ и пырснула мени въ вичи пого-жои воды. Наймычка, моя подруга, протерла мени очи рукавомъ, и холодной мяты лысточокъ вырвала зъ головы и всунула мени въ ротъ. Якъ бы не вона, бехнулась бы передъ усима. Безъ неи и въ хати не було бъ ладу. Усе вона порядкувала. А то все поторопило“.

„Хто жъ сподивавсь и сёго весилля! и сама моя подруга наймычка ничего такого не сподивалась. Занапастыла я чоло-вика. Пишла не по любви; того тако жъ занапастыла!“

„Оттакый, паніечко, нашъ заквитчанный вискъ. Кого любыла, съ тымъ розійшлася, а съ кымъ не зналась, съ тымъ повинча-лась. Та нехай соби жывуть, якъ имъ Господь поможе. Жывемо, якъ бачыте, й мы сякъ такъ съ чоловікомъ. Така моя доля! Може, мене сирави маты прокынала, щобъ я доли не мала. Може, черезъ мене вона и гриха й горя набралась“.

Такова была новая исповѣдь моей Русалки... Бѣдная! Ей представилось, будто я близка къ смерти; но сама она была гораздо ближе. Въ своей рѣшимости выдержать роль самоотвер-женной любви, она подавляла свою романическую природу не долго. Спустя недѣлю послѣ нашего свиданія узнала я, что съ нею случилось такъ, какъ поютъ въ пѣснѣ:

Ой пйду я, пйду
Не берегомъ, лугомъ,
Чы не зустринуся
Зъ несуженымъ другомъ.

Здоровъ, здоровъ, луже,
Несуженый друже,
Ой якъ мы зъ тобою
Любылися дуже!

Она, избѣгавшая свиданія съ несуженымъ другомъ, она, вырвавшаяся изъ его объятій въ тяжкія узы брака, сама отправилась къ нему, отправилась безъ всякой скрытности. Любовь вспыхнула въ ея страстной натурѣ неожиданно, съ новою силою и охватила ее пламенемъ. Безуміе любви преодолѣло несчастную. Съ распустившимися косами, въ вѣнкѣ изъ ландышей, бѣжала она при первомъ свѣтѣ росистаго утра, когда ея бывшія подруги спѣшили—кто съ ведрами за водой, кто съ овцами и коровами въ „череду“. Онъ встрѣтилъ ее у того самаго колодезя, гдѣ первый взглядъ рѣшилъ судьбу обоихъ. Онъ какъ будто ждалъ ее, какъ будто зналъ, что она придетъ, зналъ, зачѣмъ она придетъ, и приготовился къ встрѣчѣ. Дѣло было вечеромъ, при закатѣ солнца. Онъ встрѣтилъ свою несуженую съ расprostертыми объятіями *примодно*. Безъ сопротивленія отдалась Русалка бѣшенымъ поцѣлуямъ сумасшедшаго. Задыхаясь въ дикомъ восторгѣ своемъ, онъ спросилъ: „кто первый?“—„Я!“ отвѣчала она радостно на вопросъ. „Ни, я! ты мене й тамъ не покинешь!“ вскричалъ онъ, и прежде чѣмъ свидѣтели сцены смекнули дѣломъ, онъ былъ уже на днѣ колодезя. Она вскочила на срубъ; но ее остановили. Она рвалась изъ рукъ своихъ спасителей; въ борьбѣ съ ними, кровь хлынула у нея изъ горла, и моею Русалки не стало.

Такъ молва сообщила мнѣ горестную вѣсть. Да, это была *русалка*, существо слишкомъ нѣжное, слишкомъ чуткое и страстное для обыкновенной жизни. Я тайнѣ тосковала о ней и ландыши сдѣлались моими любимыми цвѣтами. Она живо представлялась моему воображенію въ вѣнкѣ изъ ландышей.

Прошелъ годъ. Насталъ памятный для меня вѣчно день ея смерти. Рано утромъ я пошла что называется въ *росу*. Люблю я наши хуторскія левады подъ крупною росой, струящейся въ огнѣ восходящаго солнца. Роскошно растущіе въ пустынѣ ландыши благоухали, и не стыжусь въ этомъ признаться—на меня нашелъ страхъ увидѣть среди нихъ мою усопшую Русалку. Но скоро страхъ уступилъ мѣсто фантазіи: какія нѣжныя, легкія, нецричастныя міру существа эти русалки! Ни трава не гнется подъ ихъ ногами, ни роса не осыплется. Но эти нѣжныя су-

щества мстительны. Онѣ мстятъ людямъ за грубость ихъ чувствъ и понятій...

Такъ размышляла я, свивая вѣнокъ въ память моей Русалки. Съ этимъ вѣнкомъ отправилась я въ городъ къ моей родственницѣ, любительницѣ дубравныхъ цвѣтовъ. Былъ день воскресный. Въ нашемъ городкѣ по воскресеньямъ собирается базаръ, густой какъ ярмарка. Я пробиралась пѣшкомъ, бережно неся свѣжій вѣнокъ изъ ландышей. Вдругъ слышу плачъ, въ видѣ причитанья по мертвому. Передо мной стояла Русалкина *бабуся* и плакала навзрыдъ: „О моя жъ ты голубонько, мое ты ридне серденько! Я жъ тебе бачыла въ кунваліи останніи твоєи годыны! О, та якъ же гирко мени, якъ тяжко на сю кунвалію дывытысь!“...

Народъ насъ обступилъ, можно сказать, благоговѣнно. Почти всѣ знали Русалку. Нѣкоторые набожно крестились, посылая ей желаніе царства небеснаго и вѣчнаго покоя; а одинъ тихій и грустный голосъ проговорилъ у меня надъ ухомъ:

Ой пійду жъ я утоплюся,	Нехай люде добри знають,
Або объ каминь розибьюся,	Якъ съ боханія помирають!

Ганна Барвинокъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ НОВОРОССІЙСКАГО КРАЯ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ЕГО ПО ПУТИ КУЛЬТУРЫ¹⁾.

(Окончаніе).

ГЛАВА 4-я.

Иностранная колонизація въ XVIII-мъ и 1-й четверти XIX в.

Сербская колонизація въ царствованіе Елизаветы Петровны; ея ходъ, дѣятели и общая оцѣнка.—Вызовъ иностранныхъ колонистовъ въ царствованіе Екатерины II-й.—Манифестъ Императора Александра I-го.—Славянская колонизація въ царствованіе Екатерины II-й, Павла и Александра I-го.—Нѣмецкая колонизація въ тѣ же царствованія,—иновѣнцовъ и другихъ нѣмецкихъ выходцевъ; судьба шведской колоніи.—Появленіе нѣкоторыхъ представителей романскаго племени.—Переселеніе грековъ.—Выходъ армянъ.—Переходъ молдаванъ.—Переселеніе евреевъ и основаніе еврейскихъ земледѣльческихъ колоній.—Цыгане.—Общія соображенія.

Колонизація Новороссіи отличается одною характерною особенностью: въ ней чрезвычайно важную роль играютъ иностранные колонисты. Лица, стоявшіе во главѣ мѣстнаго управленія (Потемкинъ, Зубовъ, Ришелье), стремились къ быстрому заселенію этого пустынного края и употребляли для достиженія своей цѣли всевозможныя средства. Понятное дѣло, что они не могли не остановиться на мысли вызывать различными льготами иностранныхъ поселенцевъ. Россія въ то время не обладала большимъ излишкомъ населенія; при *естественномъ* движеніи одного русскаго населеніе къ югу, колонизаціонный процессъ значительно бы замедлился. Съ другой стороны можно было надѣяться, что иностранцы внесутъ въ новый край бо-
льше высокую, современную культуру матеріальную и умственную и

¹⁾ См. Киевск. Старина“ 1889 г., №№ 5 и 6, май и іюнь.

благоутворно въздѣйствуютъ на туземное и пришлое населеніе. Таковы были важнѣйшіе мотивы для поощренія иноземной колонизаціи. Политическія обстоятельства Европы и Россіи въ то время не только не препятствовали, но даже способствовали такой эмиграціи европейцевъ въ предѣлы южной Россіи. Началась эта колонизація по инициативѣ правительства, которое вызывало колонистовъ и заботилось объ ихъ устройствѣ. Но внутреннія черты этого устройства опредѣлялись не только указами правительства, но и ихъ бытовыми нормами, выработанными на прежнихъ мѣстахъ жительства; въ этомъ отношеніи иностраннымъ поселенцамъ была предоставлена почти полная свобода, гарантированная при томъ имъ призывными грамотами, т. е. какъ бы своего рода формальными условіями. Этому общему положенію не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что многіе переселенцы, подъ вплиномъ новыхъ жизненныхъ условій, измѣнили кое въ чемъ прежній складъ жизни, а нѣкоторые (славяне) обрусѣли и потеряли свои этнографическія особенности. Вызовъ иностранныхъ (а именно славянскихъ) колонистовъ въ южную Русь начался еще со времени Петра Вел.; въ царствованіе Елизаветы Петровны это переселеніе приняло большіе размѣры; во главѣ переселенцевъ стоялъ полк. Хорватъ, (явившійся раньше всѣхъ), Шевичъ и Прерадовичъ; они основали двѣ провинціи—Новосербію (въ сѣв. части херсонской губ.) и Славяносербію (въ сѣв.-восточной части екатеринославской губ.). Впрочемъ нужно сказать, что въ провинціяхъ этихъ жили далеко не одни только сербы, черногорцы и крматы, а и молдаване, болгары, великороссы-старообрядцы, малороссіане, поляки, входившіе въ составъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ и состоявшіе подъ начальствомъ вышеназванныхъ командировъ¹⁾.

Центральными пунктами новыхъ провинцій были Новомиргородъ и крѣпость св. Елисаветы въ Новосербіи, Бахмутъ и Бѣлевская крѣпость въ Славяносербіи. Это были военно-земледѣльческія поселенія, дѣлившіяся на полки, роты, селенія и шанцы; число собственно сербовъ было не велико: въ 1770 г. ихъ было всего около 1,000 ч. т. е. менѣе ¹/₂₅ общаго числа населенія двухъ провинцій. Какія же льготы были предоставлены Хорвату и всѣмъ славянскимъ выходцамъ? Ясное понятіе объ этомъ даетъ жалованная грамота Хорвату 1752 г.

Новымъ поселенцамъ отводятся въ вѣчное и потомственное владѣніе удобныя земли и кромѣ того дается денежное жалованье и

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Хронолог. обзорѣніе, I, 15—45; его же Опять стат. описанія Новороссійскаго края, I, 223—225.

предоставляются безошлнные промыслы и торговля; не говоримъ о другихъ менѣ важныхъ льготахъ и преимуществахъ. Хорвату было позволено, между прочимъ, построить для защиты границъ крѣпость св. Елисаветы; но постройкою крѣпости для сербовъ занимались малороссійскіе козаки и регулярныя войска ¹⁾, которые несли также здѣсь и пограничную службу. Уже изъ этихъ фактовъ видно, что льготы славянскимъ поселенцамъ были очень велики, а число ихъ было весьма незначительно. Но если мы отъ официальныхъ документальныхъ данныхъ обратимся къ частнымъ свидѣтельствамъ и взглянемъ въ закулисную сторону дѣла, то увидимъ въ истинномъ свѣтѣ этихъ переселенцевъ и узнаемъ настоящіе мотивы переселенія. Послушаемъ, что намъ расскажетъ объ этомъ Симеонъ Ст. Пишчевичъ, самъ сербскій выходецъ и колонизаторъ Новороссійскаго края. Мотивомъ къ выходу въ Россію послужило для Пишчевича желаніе видѣть свѣтъ и свое счастье далѣе пробовать ²⁾; важную роль играло и то обстоятельство, что его, какъ и другихъ, немедленно произвели въ слѣдующій чинъ. Иными руководилъ исключительно матеріальный расчетъ. Хорваты нарочно выѣхали раньше другихъ, чтобы получить, въ качествѣ иниціатора эмиграціи, побольше выгодъ (и онъ достигъ своей цѣли). Иные, наконецъ, не останавливались даже передъ обманомъ; таковъ былъ, наир., черногорскій воевода Василій Петровичъ. Это былъ, по словамъ Пишчевича, одинъ изъ тѣхъ авантюристовъ, которые часто наѣзжали въ Россію за мпlostыней и искали случая обогатиться. Онъ выдалъ себя за полномасштабнаго владыку въ Черногоріи, и въ проектѣ, поданномъ въ сенатъ, объявилъ, что если будутъ отпущены на путевые расходы деньги, то онъ приведетъ изъ Черной Горы нѣсколько тысячъ переселенцевъ. Проектъ былъ принятъ въ сенатѣ и подтвержденъ Владыка поѣхалъ къ себѣ въ Черногорію, но тамъ успѣха не имѣлъ: большинство упрекало его за данныя обѣщанія; смущенный неудачей, онъ началъ приглашать своихъ свойственниковъ и нѣкоторыхъ вдовыхъ поповъ, позволяя имъ обречь бороды, производя ихъ въ офицерскіе чины и награждая деньгами, а главъ оппозиціи привлекая на свою сторону обѣщаніями генеральскихъ чиновъ; но, несмотря на всѣ эти средства, черногорцевъ отравилося мало, а подъ видомъ ихъ поѣхали тѣ пред-

¹⁾ А. А. Скальповскаго. Хронол. обзор. I, 23.

²⁾ Извѣстіе о походѣ Симеона Степановича Пишчевича. М. 1884, стр. 91; предупреждаю читателя, что въ дальнѣйшихъ выпискахъ я не буду наблюдать правописанія подлиннаго текста Пишчевича.

ставители разныхъ національностей, среди которыхъ были настоящіе разбойники, которыхъ и провести въ Россію было не легко, такъ какъ они и на пути буйствовали и пьянствовали. Лица, присланные Пишчевичу изъ Триеста, «были все воръ наголо и пьяницы прегоркіе, наволочъ то такая была, что хуже съискать нигдѣ не можно; между ними были оружейные лѣсовые настоящіе разбойники и гдѣ только чего на ночлѣгахъ и проѣздомъ чрезъ жилища и въ корчмахъ захватють и сорвать могутъ, то ужъ было ихъ». Спрашивается, могли ли быть хорошими колонизаторами такіе переселенцы? Допустить, что подобныя лица представляли исключительное явленіе, едва ли возможно, потому что о буйствахъ сербовъ и въ предѣлахъ Россіи мы имѣемъ многочисленныя факты въ документахъ; о нихъ же свидѣтельствуетъ и самъ Пишчевичъ. Въ полкъ Пишчевича, наур., набирались по большей части дезертиры, съ которыми ему было очень трудно управляться: «все было строитиво, развращено, пьяно и всякій день происходили между ними и обывателями драки и ссоры и такое то сборище людей было, которое по нѣсколько разъ изъ одного государства въ другое переходили и служили и потомъ уходили, а на послѣдокъ дошли въ Россію и ко мнѣ въ команду. Такъ какъ ихъ нечѣмъ было продовольствовать, продолжаетъ далѣе Пишчевичъ, то я долженъ былъ брать все необходимое отъ обывателей, хотя и съ обѣщаніемъ платы, но не безъ притѣсненій для нихъ; между тѣмъ среди команды были постоянныя ссоры, драки; нерѣдко пускались въ ходъ ножи: въ такихъ случаяхъ поселяне со страху разбѣгались изъ своихъ жилищъ, а другіе запирались въ своихъ домахъ»¹⁾. И это понятно: покинувъ старую родину, они не успѣли еще установить органической связи съ новой. Въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ были и внутренніе порядки или, правильнѣе говоря, безпорядки, которые господствовали въ гусарскихъ полкахъ въ Россіи; ихъ чрезвычайно рельефно изображаетъ въ своихъ запискахъ С. Пишчевичъ²⁾. Соглашаемся, что среди поселенцевъ могли быть люди честныя и не буйныя. Но насколько они были подготовлены къ своимъ новымъ обязанностямъ? Имъ нужно было приспособляться къ новымъ условіямъ жизни и это требовало съ ихъ стороны не мало труда и усилій. Имъ предстояло въ одно и то же время быть и воннами, какими большинство ихъ было и раньше, и земледѣльцами — они

¹⁾ Извѣстіе о походѣ, 416—417.

²⁾ Ibidem, 449—450.

должны были распахать пожалованныя имъ земли, завести хозяйство, построить дома, деревни и т. п. Насколько хорошо они несли пограничную службу, мы къ сожалѣнiю сказать не можемъ; замѣтимъ только, что едва ли въ этомъ отношенiи они могли равняться съ козаками, изучившими степь и нравы ея обитателей -- татаръ. Мы не говоримъ уже о томъ, что съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка пограничная служба сдѣлалась уже далеко не такой трудной, какою она была въ 1-й половинѣ XVIII, а въ особенности въ XVII в. Еще труднѣе было сербскимъ гусарамъ завести на новыхъ мѣстахъ жительства селенiя и нивы. Положенiе ихъ на первыхъ порахъ было очень и очень затруднительное. Любопытныя данныя въ этомъ отношенiи сообщаетъ Пищевичъ. Выѣхали мы, говоритъ онъ, на чистую и глухую степь (возлѣ которой былъ впрочемъ и лѣсъ) и тутъ то почувствовали всѣ, а особенно тѣ, которые начали селиться по Лугани, что значитъ нужда и жизнь, исполненная лишений: негдѣ преклониться; не знаешь, за что братья, съ чего начинать; въ особенности плохо приходилось тѣмъ, которые, подобно мнѣ, никогда раньше не занимались хозяйствомъ. Сначала я жилъ съ семьей въ небольшой палаткѣ, потомъ съ 4 слугами устроилъ себѣ изъ хвороста сарай, покрывши его травкою и по возможности укрѣпивши на случай бури. Но вдругъ ночью пошелъ сильный дождь, отъ котораго крыша начала протекать и вода ручьемъ полилась внутрь. Я съ женою и маленькими дѣтьми промокли такъ, какъ будто бы въ водѣ выкунались. Между тѣмъ буря усилилась еще больше. Кровлю мою совсѣмъ повалило и я едва успѣлъ выскочить оттуда съ женою и дѣтьми, а моя резиденцiя упала и мы всѣ остались подъ открытымъ небомъ въ бурю и дождь, не имѣя гдѣ преклонить главы. Шалаши моихъ слугъ также попрокидывала буря, но они прибѣжали на помощь ко мнѣ и стали разбивать мнѣ палатку; однако, пока они это успѣли сдѣлать, мы промокли и продрогли едва не до смерти; наше платье и постель остались въ рухнувшемъ сараѣ и тамъ страшно намокли, а мы должны были провести всю ночь безъ одежды, плача и проклиная свою участь. По утру, какъ прошла буря, взошло и пригрѣло солнышко, вышли мы изъ палатки и я велѣлъ развести большой огонь, чтобы просушиться; посмотрѣлъ я тутъ на свою бывшую резиденцiю и досадно мнѣ стало за двойной убытокъ, причиненный бурей, 1-е за потерю жилья, а 2-е за потерю постели и разной утвари. Разобравъ упавшiй сарайчикъ и велѣвши купить нѣсколько необходимыхъ инструментовъ и нарубить лѣса, я принялся за постройку новаго, болѣе крѣпкаго са-

райчика, а также землянки съ покоемъ и небольшою кухонькою съ чуланчикомъ, гдѣ рассчитывалъ провести зиму. Къ счастью нашелся добрый человекъ, однодворецъ изъ слободы Новой Айдары, который 1-й осмѣлился къ намъ пріѣхать (остальные по дикости боялись это дѣлать) и продалъ мнѣ на сносъ домъ, обѣщая перевезти его на своихъ подводахъ. Домикъ дѣйствительно перевезли; я его покрылъ очеретомъ; остановка была только за печью и окнами, но они впоследствии были устроены. Землянка же служила мнѣ для слугъ и караульныхъ. «У всѣхъ насъ поселенцовъ (привожу разсказъ Пишчевича собственными его словами) вообще на той пустынѣ была тогда въ 1-е лѣто жизнь точно такая, какъ у тѣхъ инзулановъ, кои по несчастнымъ разбитіемъ кораблей занесены морскими волнами на пустыя острова и пытались землемъ, кореннымъ, ловлею рыбы, птицъ и звѣрей, такъ то и мы тогда, что вышли на пустую степь и землю такую, гдѣ отъ созданыя свѣта никакихъ жилищъ не было, а достать нигдѣ ни за какія деньги ничего не можно, а кто чего имѣтъ хотѣлъ, тотъ долженъ былъ за несколько дней посылать далеко и изыскивать и покупать дорогою ценою. Огородовъ и зелены какой на пищу первой годъ ни у ково не было и покудова тѣмъ завелось, должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой на поляхъ есть) и другою травою, способною къ варенію, пособлять себя, а простой народъ только однѣмъ сухарями и такою дикою травою и водою да овоцъ, когда кто чего на поляхъ ягоды или что другое найдетъ, питались, а болѣе ничего не имѣли; я многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояніи, а особливо тѣ, кои по Лугану рѣки селялись, тѣ претерпѣли нужду болѣе, нежели другіе, ибо по той реке лесу ничего нѣтъ, а чистая и голая степь, для чего въ постройке домовъ видѣли нужду велику и за лесомъ ѣздить далеко принуждены были. Напитковъ у всѣхъ вообще и большаго и малаго никакихъ не было окроме воды, а если у каво простая горелка случилась, ето ужъ трактamentъ великъ почитался (дѣлалы опосля квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду). Ызлылъ я иногда наведоватца и къ другимъ соседямъ своимъ и смотрѣлъ, каково оны строятца и чѣмъ заводять себя, но вездѣ находилъ плачь и рыданіе; у каво еще денги водились, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко посылалъ и дорого платилъ, однако еще тѣмъ могъ пособить себи. А кто запасныхъ денегъ не имѣлъ, а только полагался на одно окладное жалованье (а раціевъ и порціевъ уже не было), тотъ въ превеликой бедности состоялъ, ибо

то жалованье на мундиръ и на другую къ службѣ исправность какъ расчислить, то и не оставалось ничего на другую свою къ поселенію надобность, а особливо у каво семья и въ домѣ много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованьемъ никогда на конецъ не могъ выхоты и тако естли одиный другому не пособить и у ково что есть хоть мало что запаснаго не дастъ въ заемъ или по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущій доходылъ до крайности ¹⁾».

Пишчевичъ чистосердечно говоритъ о себѣ, что только нужда научила его хозяйничать ²⁾. И нужно думать, что такихъ, какъ онъ, было не мало; не забудемъ, что онъ, въ качествѣ офицера, находился въ привилегированномъ состояніи; каково же было положеніе простыхъ рядовыхъ солдатъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они пришли въ Россію безъ всякихъ средствъ, и понятно, какъ трудно было имъ въ одно и то же время и обзаводиться хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, и исполнять воинскую службу.

Дѣлая общую оцѣнку сербской колонизаціи, мы должны сознаться, что она не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагали. Императрица Екатерина II-я въ своемъ указѣ 18 іюня 1763 г. официально засвидѣтельствовала о неудовлетворительномъ состояніи Новосербіи, заселенной Хорватами ³⁾; успѣху дѣла не мало вредилъ неспокойный характеръ этого послѣдняго; онъ постоянно ссорился и съ другими выходцами, и съ духовенствомъ ⁴⁾. Втеченіе 10 лѣтъ (съ 1752 по 1762 г.) было истрачено на сербскую колонизацію до 700,000 р. ⁵⁾ (по нынѣшнему курсу болѣе 2,500,000 р.). Настоящихъ сербовъ при томъ у Хорвата, Шевича и Десперадовича было немного; видное мѣсто среди поселенцевъ Новосербіи и Славяносербіи занимали молчаване, болгары и т. п. Этимъ можно объяснить быстрое обрусѣніе или, правильнѣе говоря, малорусиванье этихъ славянскихъ выходцевъ. Академикъ Гюльденшtedтъ говоритъ, что волохи и молдаване, обитавшіе въ предѣлахъ Новосербіи, по образу жизни совсѣмъ подходятъ къ малороссамъ: у нихъ такія же жилища, такая же одежда, какъ у малороссіянъ; для работъ земледѣльческихъ употребляютъ не

¹⁾ Извѣстіе о походженіи, стр. 185 -- 190.

²⁾ Ibidem, 191.

³⁾ Зап. Од. Общ., VIII, 268.

⁴⁾ См. объ этомъ ст. архим. Арсенія „Сафроній Добрашевичъ, архим. Новой Сербіи. „Кіевская Старина“ 1884 г., октябрь, 276—304.

⁵⁾ Зап. Од. Общ., III, 88.

лошадей, а быковъ, не сохи, а плуги ¹⁾). Изъ описанія елисаветградской провинціи, составленнаго тѣмъ же Гюльденшtedтомъ, видно, что составъ населенія ея въ 1773--1774 г. былъ самый разнообразный: греки, сербы, болгары, молдаване и волохи, малороссіяне—гетманцы и запорожцы, великоруссы--раскольники и православные, выходцы изъ Польши и бѣглецы изъ центральной Россіи; солдаты и т. п.; въ одномъ и томъ же селеніи жили представители различныхъ народностей. Значительная часть селеній, бывшихъ въ его время шанцами и ротами, возникла еще до образованія Новосербіи и была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи; такова была кр. Табурище, шанецъ Крыловъ (Новогеоргіевскъ), Нестеровка, монастырь Уховка, шанецъ Новомиргородскій (прежде Трейсачи)—важнѣйшее послѣ Елисаветграда поселеніе; Петроостровскій и Архангелогородскій шанцы и др. Большая часть этихъ пунктовъ въ это время представляла изъ себя еще военные поселенія; 1,421,000 дес. земли было раздѣлено на 70 округовъ, изъ коихъ 52 предназначено для военныхъ селеній, 2 для городовъ и 16 для иностранныхъ колонистовъ, русскихъ выходцевъ изъ Польши и старыхъ обитателей края; каждый округъ дѣлится на 25 жребіевъ, каждый жребій на 24 участка, а каждый участокъ содержалъ отъ 26 до 30 дес. земли. Греки и раскольники дали толчокъ къ развитію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торговой, промышленной и ремесленной дѣятельности (напримѣръ, въ Елисаветградѣ, гдѣ была греческая община, а раскольники составляли $\frac{1}{2}$ всѣхъ жителей ²⁾). Послѣ всего сказаннаго намъ сдѣлалось ясно, что Новосербія была только отчасти заселена сербами, которые, очутившись среди другихъ родственныхъ народностей, быстро потеряли свою національность; этому, конечно, больше всего способствовали браки: большая часть этихъ выходцевъ являлась безъ семействъ и женилась на малороссіянкахъ; тоже самое нужно сказать и относительно Славяносербіи.

Съ воцареніемъ имп. Екатерины II-й открывается новая эра въ исторіи иностранной колонизаціи Новороссійскаго края. Она издала два манифеста въ 1762 и 1763 гг., изъ которыхъ первый отличался слишкомъ общимъ характеромъ и потому практическихъ результатовъ не имѣлъ ³⁾; это побудило императрицу издать 2-й манифестъ, въ которомъ заключаются уже совершенно опредѣленные обѣщанія разныхъ

¹⁾ Reisen durch Russland, II, 174.

²⁾ Reisen durch Russland, II, 120, 124—177.

³⁾ И. С. Зап., т. XVI, № 11720.

льготъ и преимуществъ. «Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, такъ начинается свой манифестъ императрица, между прочимъ усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся, не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богатство разныхъ металловъ; а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ, фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая». Такимъ образомъ, государыня призывала иностранцевъ главнымъ образомъ для развитія нашихъ промысловъ и торговли. Важнѣйшія льготы, предоставленныя новымъ поселенцамъ, были слѣдующія: деньги на путевые расходы они могли получать отъ русскихъ резидентовъ за границей и затѣмъ селиться въ Россіи или въ городахъ, или отдѣльными колоніями; имъ предоставлялась свобода вѣрноповѣданія; они освобождались на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей (поселившіеся колоніями на 30 лѣтъ); имъ отводились на полгода даровыя квартиры; выдавалась безпроцентная ссуда съ погашеніемъ ея черезъ 10 лѣтъ втеченіе 3-хъ лѣтъ; поселившимся колоніями предоставлялась собственная юрисдикція; всѣ могли безпошлинно ввезти съ собою имущество и на 300 р. товаровъ; всѣ освобождались отъ военной и гражданской службы, а если бы кто пожелалъ поступить въ солдаты, то сверхъ обычнаго жалованья, долженъ былъ получить 30 руб.; если бы кто нибудь завелъ такую фабрику, которой раньше не было въ Россіи, то могъ втеченіе 10 лѣтъ продавать безпошлинно производимые имъ товары; въ колоніяхъ могли быть заведены безпошлинныя ярмарки и торги; этими льготами могли пользоваться въ продолженіе льготнаго періода и дѣти иностранцевъ въ случаѣ смерти ихъ отцовъ; если кто пожелаетъ, то можетъ вернуться назадъ, отдавши казнѣ $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{10}$ своего имущества; земли подъ поселеніе указывались въ тобольской, астрах., оренбур. и бѣлгородской губ. ¹⁾). Манифестъ этотъ, какъ показываютъ дальнѣйшіе факты, имѣлъ важное практическое значеніе: хотя въ немъ ничего не говорится собственно о Новороссіи, но на основаніи его селились иностранцы и тамъ вплоть до воцаренія имп. Александра I-го. Въ тотъ же день, когда изданъ былъ этотъ указъ, учреждена была и канцелярія опекунства иностранцевъ²⁾, которой дана была особая инструкция³⁾).

¹⁾ П. С. Зак., т. XVI, № 11880.

²⁾ П. С. Зак., т. XVI, № 11879.

³⁾ П. С. Зак., т. XVI, № 11881.

Въ царствованіе императора Павла Петровича (въ 1800 г.) была издана новая инструкция конторѣ опекунства иностранныхъ поселенцевъ, составленная экспедиціей государственнаго хозяйства; въ ней опредѣляются обязанности конторы по части администраціи. Она была вызвана обстоятельною ревизіей колоній, произведенною извѣстнымъ Контеніусомъ; онъ констатировалъ разные неурядки и упущенія, привелъ въ порядокъ запутанные счета и представилъ историческій очеркъ нѣмецкой колонизаціи въ Новороссіи, которымъ мы вполнѣ довольны и воспользуемся. Съ воцареніемъ императора Александра I-го иностранная колонизація въ предѣлахъ Новороссійскаго края начинаетъ вестись на иныхъ условіяхъ. Уже въ указѣ 1802 г. на имя новороссійскаго военнаго губернатора (о водвореніи иностранцевъ) дѣлаются облегченія для поступленія ихъ въ земледѣльцы ¹⁾. Но съ полною опредѣленностью взгляды и намѣренія правительства выразились въ манифестѣ отъ 20 февр. 1804 г. ²⁾. По манифесту 1763 г., говорится тамъ, принимали всѣхъ иностранцевъ безъ разбора и потому вышло много плохихъ и бѣдныхъ хозяевъ; да и теперь среди выходцевъ не мало ненужныхъ ремесленниковъ, дряхлыхъ, больныхъ, слабыхъ и одинокихъ. Екатерина II-я рѣшилась на вызовъ иностранцевъ въ виду заселенія пустыхъ земель. Но теперь, вслѣдствіе размноженія населенія въ центральныхъ губерніяхъ, необходимо уже прибегать къ землямъ на югѣ и для своихъ подданныхъ, такъ какъ пустыхъ пространствъ тамъ осталось уже немного; поэтому слѣдуетъ принимать только такихъ иностранцевъ, которые по своимъ занятіямъ могутъ служить хорошимъ примѣромъ для крестьянъ; для нихъ нужно отвести особія земли—казенныя или купленныя у помѣщиковъ; это должны быть семейные и зажиточные хозяева, занимающіеся земледѣліемъ, разведеніемъ винограда или шелковичныхъ червей, скотоводствомъ и сельскимъ ремесломъ (саножничествомъ, кузнечнымъ дѣломъ, ткачествомъ, портняжествомъ и т. п.); другихъ ремесленниковъ не принимать, исключая небольшого числа тѣхъ, которые понадобятся въ города. Въ виду этого не слѣдуетъ вызывать колонистовъ посредствомъ подговоровъ или посланки особыхъ эмиссаровъ; желающіе добровольно переселиться должны являться къ резиденгамъ и представлять имъ свидѣтельства отъ магистратовъ о своемъ хорошемъ поведеніи; переселять нужно сразу по 20, 30 семействъ, но изъ Герма-

¹⁾ П. С. Зак., т. XXVII, № 20259.

²⁾ П. С. Зак., т. XXVIII, № 21163.

ни не слѣдовало выводить втеченіе года болѣе 200 семействъ, потому что только такое число можно было хорошо устроить на мѣстѣ; ссудъ резиденты не должны были выдавать, а только нанять подводы; желавшіе переселиться обязаны были представить наличными деньгами или въ товарахъ капиталъ въ 300 гульденовъ, такъ какъ замѣчено, что устройство недостаточныхъ колонистовъ идетъ медленно и неудовлетворительно; всякій могъ ввезти съ собою на 300 р. товаровъ (сверхъ имущества). Выходцамъ предоставлялись слѣдующія права: свобода вѣроисповѣданія, освобожденіе на 10 лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей; по прошествіи же этого времени они должны уплачивать въ первые 10 лѣтъ отъ 15 до 20 коп. за десятину, а потомъ столько, сколько казенные поселяне; по истеченіи льготнаго періода они обязаны будутъ нести тѣ же повинности, что и русскіе подданные, исключая постоянной повинности, военной и гражданской службы, отъ которыхъ они освобождались навсегда; уплата ссуды имъ разсрочивалась на 10 лѣтъ; всѣмъ колонистамъ отводится безденежно по 60 десятинъ земли на семью; со времени прибытія ихъ въ Россію до водворенія на мѣстѣ имъ выдавались кормовыя деньги, а отъ водворенія до первой жатвы безпроцентная ссуда; на постройку дома, покупку скота и вообще на хозяйственное обзаведеніе каждый получалъ по 300 р. ссуды, а иногда и болѣе того; всякій могъ заниматься промыслами, торговлею и ремеслами, записываться въ цехи и гильдіи; если кто захотѣлъ бы вернуться назадъ на родину, то обязанъ возвратить ссуду и 3-хъ годовичную подать.

И вотъ на этихъ основаніяхъ предложено было поселить иностранцевъ въ разныхъ мѣстахъ Новороссіи и въ Крыму. Прежде всего рѣшили отводить имъ земли вблизи гаваней и портовъ, чтобы они имѣли возможность сбывать свои продукты за границу; земледѣльцевъ хотѣли селить на р. Молочныхъ Водахъ по сосѣдству съ меноннитами, меноннитовъ здѣсь же и на бывшихъ ногайскихъ земляхъ, болгаръ возлѣ болгарскихъ колоній, ремесленниковъ—въ городахъ ¹⁾).

На основаніи этихъ манифестовъ и совершалась иностранная колонизація въ Новороссіи въ царствованіе Екатерины II-й, Павла Петровича и Александра I-го. Мы обратимся теперь къ фактическому обозрѣнію этой колонизаціи и укажемъ главнѣйшіе виды ея. Наиболѣе древнюю иностранную колонизаціею оказывается, какъ мы

¹⁾ П. С. Зап., т. XXVIII, № 21177.

уже знаємъ, сербская или, вообще говоря, *славянская*. Въ царствованіе Екатерины II и получило широкое развитіе болгарское колонизаціонное движеніе. Подъ вліяніемъ манифестовъ 1762 и 1763 г. явилось въ Россію въ 1764—1769 г. довольно значительное число болгаръ; въ 1773 г. одна партія ихъ поселилась близь Ольвіополя на р. Синюхъ, а другіе направились въ новые города—Тирасполь, Новые Дубоссары, Григоріополь и Одессу; въ началѣ XIX в. ихъ переселилось еще больше; въ 1821 г. ихъ было въ херсонской губ. 5,863 д. об. п., въ таврической ¹⁾, 2,712 (но больше всего въ Бессарабіи). Болгарскія колоніи имѣли важное вліяніе на развитіе мѣстной земледѣльческой культуры ²⁾. Къ славянскимъ колонистамъ нужно причислить и поляковъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились съ торговыми цѣлями въ новыхъ городахъ--Херсонѣ, Одесѣ, другіе были завербованы въ бугскій козацій и гусарскіе полки; наконецъ, польскіе магнаты, получивъ отъ русскаго правительства большіе поземельные участки въ Новороссіи, переводили туда изъ Польши крѣпостныхъ крестьянъ; но вообще говоря, число польскихъ выходцевъ было не велико ³⁾.

Едва ли не самое важное мѣсто въ исторіи иностранной колонизаціи ⁴⁾ принадлежитъ *нѣмцамъ*, а среди нихъ выдѣляются менониты, придерживающіеся анабаптистскаго ученія. Они выѣхали изъ Пруссіи (изъ окрестностей Данцига) въ началѣ 1789 г. въ числѣ 228 сем. и заключили черезъ своихъ депутатовъ спеціальнѣйшій договоръ съ правительствомъ. На основаніи этого договора они получили слѣдующія привилегіи: свободу вѣроисповѣданія, 10-ти лѣтнюю льготу отъ всякихъ податей, освобожденіе отъ подводъ, работъ, постоевъ и воинской службы, подводы до мѣста назначенія, извѣстную сумму на путевые расходы, кормовыя деньги и ссуду въ размѣрѣ 500 р. на семью, сѣмена для посѣва, право заводити фабрики, заниматься тор-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новор. краѣ. Од. 1848, стр. 34—35.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, стр. 227—228.

³⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ стат. оп., I, 247—250.

⁴⁾ Довольно обстоятельныя извѣстія о нѣмецкой колонизаціи въ Россіи можно найти въ извѣстномъ соч. г. Клауса „Наши колоніи“, 1869 г.; впрочемъ, авторъ гл. обр. интересуется ихъ настоящимъ положеніемъ, а о прошломъ говоритъ мало. У А. А. Скальковскаго мы находимъ списокъ всѣхъ иностранныхъ колоній съ обозначеніемъ времени и мѣста ихъ основанія (Хронологическое обозрѣніе, I, 327—330).

говлей, вступать въ гильдіи и цехи, по 65 дес. земли съ обязательствомъ уплачивать за нее по истеченіи льготнаго періода по 15 коп. за десятину и, наконецъ, лѣсъ на постройки. Земли пшѣ были отведены въ нын. екатериин. губ. на правомъ берегу Днѣпра съ островомъ Хортицей, гдѣ они основали 8 деревень; съ 1793 по 1796 г. 118 другихъ семействъ поселилось на тѣхъ же условіяхъ частью среди прежнихъ выходцевъ, а частью на новыхъ мѣстахъ (Шенвизъ въ павлоград. уѣздѣ, Кронсгартенъ въ новомосковскомъ уѣздѣ). Но не смотря на эти льготы, положеніе меноннитовъ на первыхъ порахъ было очень затруднительное, главнымъ образомъ вслѣдствіе особенностей климата и почвы новой мѣстности. Сомнѣвались даже въ благополучномъ исходѣ начатаго дѣла. Вотъ что говорилъ въ своемъ отчетѣ Контеніусъ: «менонниты почти всѣ вообще въ домашней жизни порядочны и опрятны, въ нравственной трезвы и честны, а въ домоводствѣ прилежны и старательны; но живущіе въ Хортицахъ за всѣмъ трудолюбіемъ своимъ едва ли могутъ прійти когда либо въ хорошее состояніе. Кряжъ сего урочища состоитъ по большей части въ высокихъ мѣстахъ, на конхъ по сухости земли, по недостатку влажности и по бездождію, травы выгораютъ, хлѣбъ растетъ худо и часто сахаръ обрабатываетъ и засѣваетъ поле напрасно, такъ что отъ земледѣлія не только не получаетъ никакихъ выгодъ, но весьма рѣдкій можетъ продовольствоваться собственнымъ хлѣбомъ цѣлый годъ; одно скотоводство приноситъ имъ нѣкоторую пользу; сею частью сельскаго хозяйства они весьма занимаются, приводя съ собою достаточное число иностранной породы лошадей и рогатаго скота, но по недостатку въ пастбахъ и сѣна не могутъ и одного распространить по своему желанію и обычаю, лишаясь при томъ въ жестокія зимы и знатной части того, что въ состояніи вынѣ держать». Къ этому присоединялись еще тѣснота помѣщеній и медленное поступленіе казенной субсидіи. Въ виду всего этого Контеніусъ предложилъ предоставить меноннитамъ слѣдующія еще льготы: переселить часть ихъ изъ Хортицы въ другое мѣсто; увеличить на 5 или 10 лѣтъ срокъ льготнаго періода; не требовать съ нихъ возврата денегъ, издержанныхъ на путевые расходы; взыскиваемую съ нихъ ссуду употреблять на нужды же новороссійской колонизаціи. Это предложеніе было принято. Такимъ образомъ, менонниты получили совершенно исключительныя привилегіи. Правительство сдѣлало для нихъ все, чего они только желали: ихъ переселеніе въ Россію было обставлено всѣми удобствами; они получили такія льготы, о которыхъ не могли и меч-

тять русскіе переселенцы — эти обиженные представители господствующей народности. Имъ не приходилось уже вести борьбы съ татарами; они могли спокойно предаться исключительно мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, скотоводству и т. п. Но несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, менониты на первыхъ порахъ не могли достигнуть прочнаго матеріальнаго благосостоянія. Причина этого коренилась въ естественныхъ условіяхъ и особенностяхъ мѣстности—гл. образомъ въ климатѣ Новороссійскаго края. Кромѣ менонитовъ въ Россію переселялись и другіе нѣмецкіе выходцы; таковы были іозефстальскіе колонисты, ябургскіе и данцигскіе; первые основали отдѣльную колонію Іозефсталь и получили прекрасныя земли и пастбища; но такъ какъ большая часть ихъ на родинѣ у себя занималась ремеслами, а не земледѣліемъ, то и здѣсь они устроились очень плохо и нуждались въ новыхъ льготахъ; имъ прибавили земли, увеличили число льготныхъ лѣтъ, ремесленниковъ переселили въ города и т. п. Переселенцы изъ Данцига также устроились очень плохо; изъ 910 д. ихъ обоого пола Контеніусъ нашелъ въ разныхъ мѣстахъ только 208; остальные или поумирали, или разбрелись неизвѣстно куда; въ Херсонѣ только 3 семейства имѣли собственные дома, другіе жили у хозяевъ—ремесленниковъ или снискивали себѣ пропитаніе поденною работою, иные же вовсе не имѣли правильныхъ заработковъ и жили въ большой бѣдности; 21 семейство (изъ 41 души) основали колонію въ едисветградскомъ уѣздѣ, но собирали достаточное количество хлѣба только въ дождливыя лѣта, а во время засухъ не получали и сѣмянъ; умирало у нихъ болѣе, чѣмъ рождалось. Всѣмъ имъ возвратъ ссуды былъ отсроченъ на 30 лѣтъ; они освобождались отъ всякихъ казенныхъ податей и переселялись въ другое мѣсто; ремесленники изъ колоній исключались. Не лучше устроились и ябургскіе колонисты, пришедшіе въ Россію въ 1793 г. въ количествѣ 273 душъ обоого пола; сначала ихъ расселили среди жителей Старыхъ Койдаковъ, но тамъ они испытывали большіе недостатки; тогда ихъ переселили на новое мѣсто, но и тамъ ихъ положеніе не улучшилось; земледѣліемъ занимались не всѣ. И имъ была дана отсрочка въ возвратѣ ссуды.

Къ германской народности нужно причислить и шведскихъ колонистовъ; это были частью крестьяне, а частью военно-плѣнные; первые были переведены въ 1787 г. съ острова Даго въ числѣ 904 д. и основали въ херсонскомъ уѣздѣ «Шведскую колонію», въ которой при Контеніусѣ оказалось только 148 д. (22 семейства); остальные

умерли отъ перемѣны климата, плохой пищи и др. недостатковъ. Въ 1790 г. было прислано 31 плѣнныхъ шведовъ, изъ коихъ осталось 9 чел. Къ земледѣлію шведы оказались весьма рачительными; но имъ очень вредили засухи и суслики; кромѣ земледѣлія, они занимались скотоводствомъ и рыболовствомъ. Имъ также, по представленію Контеніуса, были сдѣланы значительныя облегченія: съ нихъ рѣшились не брать подушнаго овлада, а ссуду взыскивать только за наличное число 1).

Благодаря сильной поддержкѣ русскаго правительства, нѣмецкія колоніи успѣли укрѣпиться на новой и не всегда для нихъ благопріятной почвѣ. Въ 1845 г. всѣхъ нѣмецкихъ поселенцевъ въ Новороссіи было 95700 д. обоого пола 2). Самою удачною нужно признать колонизацію меноннитовъ, такъ какъ ихъ колоніи находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Важную роль въ этомъ дѣлѣ играли два обстоятельства: 1-е, что они были образцовыми сельскими хозяевами и у себя дома на родинѣ, 2-е, что переселились только зажиточные семейные люди съ имуществомъ и даже скотомъ.

Такова судьба германскихъ поселеній въ Новороссіи. Что же касается *романской* колонизаціи, то она была ничтожна: одно селеніе швейцарцевъ на Днѣстровскомъ лиманѣ, горсть итальянцевъ, нѣсколько французскихъ коммерсантовъ (въ родѣ, напримѣръ, Антуана или Рувье)—вотъ и все! Планъ дюка де-Ришелье объ основаніи военныхъ поселеній изъ французскихъ эмигрантовъ, какъ извѣстно, не осуществился 3).

Гораздо важнѣе была *греческая* колонизація, которая находится въ тѣсной связи съ политическими обстоятельствами того времени. По Кучукъ-Кайнарджинскому миру Крымъ, какъ извѣстно, былъ признанъ независимымъ, а вскорѣ затѣмъ (въ 1779 г.) изъ него выселилось много христіанскихъ греческихъ и армянскихъ семействъ (грековъ—20000 чел.). На основаніи жалованной грамоты, имъ была отведена для поселенія земля въ азовской губ. по рр. Соловой, Калміусу и по побережью Азовскаго моря 4). Жалованная грамота предоставляла имъ значительныя льготы—исключительное право рыб-

1) П. С. Заб., т. XXVI, № 19372, ук. 6 апр. 1800 г.

2) А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 264.

3) См. планъ организаціи этихъ колоній въ Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. LV. 102—205.

4) Подробности объ отводѣ имъ земли см. въ Зап. Од. Общ., т. IV, стр. 359—362.

ной ловли, казенные дома, ссуду на хозяйственное обзаведение и свободу от военной службы. Часть ихъ погибла еще на пути отъ болѣзней и лишеній, а оставшіеся основали городъ Мариуполь и 20 селеній въ окрестностяхъ его ¹⁾). Кромѣ этихъ крымскихъ грековъ, подвергшихся значительному вліянію татаръ, въ Одессѣ и по сосѣдству съ нею поселилось не мало выходцевъ изъ Архипелага, удалившись оттуда во время извѣстной архипелажской экспедиціи; это такъ называемый греческій дивизионъ. Греки въ Одессѣ пользовались значительными льготами и, можно сказать, положили основаніе одесской торговлѣ; въ 1797 г. ихъ тамъ оказалось 1000 чел. обоого пола ²⁾). Въ Елисаветградѣ греки составили особое братство, пользовавшееся важными привилегіями и державшее въ своихъ рукахъ мѣстную торговлю ³⁾). Въ гг. Таганрогѣ, Керчи и Ениколѣ поселились албанцы, которые также отличались зажиточностью ⁴⁾).

Выѣстѣ съ греками стали переселяться въ Новороссію *армяне*. Въ 1779 г. они вышли изъ Кафы въ числѣ 651 д. и поселились въ кр. св. Димитрія Ростовскаго, а затѣмъ въ 4-хъ верстахъ оттуда основали городъ Нахичевань; въ 1780 г. возлѣ той же крѣлости поселилось 603 человекъ, вышедшихъ изъ Крыма подъ предводительствомъ еп. Азарича и арх. Симеона и 1,892 чел., выселившихся изъ Карасубазара ⁵⁾). Армянскій городъ Нахичевань развивался гораздо быстрѣе Ростова, онъ былъ основанъ, какъ мы видѣли, въ 1780 г., а въ началѣ 80-хъ годовъ въ немъ было уже 1,040 д. русскихъ купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ и 4,121 д. армянъ, нѣсколько фабрикъ, заводовъ и много каменныхъ домовъ ⁶⁾). Ростовъ нач. XIX ст. показался одному путешественнику небольшимъ городомъ, въ которомъ не было ничего замѣчательнаго: жители его занимались рыболовствомъ и торговлей; на оборотъ армянскій Нахичевань «знатнѣе и правильнѣе расположенъ и богаче Ростова. Армяне производятъ торговлю на Дону; мы тамъ видѣли много магазиновъ съ различными товарами, а особливо съ шелковыми матеріями и мѣдными издѣлі-

¹⁾ См. статью еп. Гавріила „Переселеніе грековъ изъ Крыма въ азовскую губ.“ (Зап. Од. Общ., I, 197—204).

²⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, I, 281—283.

³⁾ О греч. братствѣ и его устройствѣ см. любопытную статью г. Ястребова „Греки въ Елисаветградѣ“ (Кіев. Стар. 1884, апрѣль, 673—684).

⁴⁾ Зап. Од. Общ., VIII, 209—210, X, 274—276.

⁵⁾ См. Сборникъ событій въ Новор. краѣ. (Зап. Од. Общ., VII, 305).

⁶⁾ Зап. Об. Общ., III, 297.

яли¹⁾. Другая часть армянъ вышла изъ Кавказа и изъ за Днѣстра и основала г. Григоріополь; вышедшіе изъ Измаила, Бендеръ и др. городовъ армяне просили себѣ многихъ льготъ — и Каховскій считалъ возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу²⁾. Сама императрица заботилась о судьбѣ этихъ армянъ; губернатору Каховскому она писала, чтобы «не только всѣ перешедшіе въ предѣлы наши сохранены были, но и чтобы находящіеся за границей ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ; къ нимъ присоединились³⁾».

Видное мѣсто среди иностранныхъ колонистовъ занимаютъ *молдаване*. Начало ихъ переселенія относится еще къ царствованію имп. Елисаветы Петровны; они въ большемъ количествѣ вошли въ составъ Новосербін, а за чертою ея образовали, вмѣстѣ съ русскими выходцами, новослободское козачье военно-земледѣльческое поселеніе. О значительномъ присутствіи молдавскаго элемента въ населеніи елисаветградской пров. свидѣтельствуетъ и Гюльденштелтъ. Онъ же дѣлаетъ характеристику ихъ въ этнографическомъ отношеніи. Другая партія молдаванъ въ к. XVIII и нач. XIX ст. основала города и селенія по р. Днѣстру—Овидіополь, Новые Дубоссары, Тирасполь и др. Тогда же 26 чел. молдавскихъ бояръ и чиновниковъ получили въ тираспольскомъ и ананьевскомъ уѣздахъ до 260,000 десятинъ земли и основали 20 деревень и нѣсколько хуторовъ⁴⁾. Каждый изъ нихъ получилъ по нѣсколько тысячъ десятинъ (отъ 4 до 24 т.); такъ, бригадиръ Катаржи было дано 24000 дес., на которыхъ онъ устроилъ 2 деревни съ 779 д. обоого пола, кол. сов. Гаюсу 22,425 д., на которыхъ онъ завелъ 3 деревни съ 763 д. обоого пола, полк. Кесоглу—14,090 д., на которыхъ онъ основалъ одну деревню съ 90 д. Нѣкоторые впрочемъ пожалованныхъ имъ земель не заселили (напримѣръ братья Грамматины). Злоупотребляя расположеніемъ русскаго правительства, одинъ изъ молдавскихъ бояръ Стурдза высказалъ слѣдующія неумѣренные требованія: запрашивалъ для себя 9 селеній, гдѣ жило 11,000 д. муж. пола и было 46,000 д. земли; искательство его нашло себѣ поддержку у извѣстнаго секретаря кн. Потемкина Попова, но противъ него выступилъ — и это дѣлаетъ ему большую честь — губ. Ка-

¹⁾ Письма о Крымѣ, 218, 220.

²⁾ Зап. Од. Общ., XII, 403—405.

³⁾ Зап. Од. Общ., II, 660.

⁴⁾ А. А. Свальковскаго. Опытъ, I, 255, 2-е приложеніе къ „Хрон. обзор.“

ховскій 1). Свои деревни молдавскіе чиновники заселяли по большей части русскими крестьянами; но, помимо этого, они успѣли укрѣпить за собою 1,000 чел. свободныхъ своихъ земляковъ, что заставило русское правительство издать особый ограничительный указъ, или такъ называемое «положеніе объ обязательныхъ поселенахъ»; они признавались лично свободными; помѣщикъ могъ распоряжаться только землею, на которой они жили и которая была его собственностью; за эту землю они обязаны были, по молдавскому обычаю, уплачивать десятину отъ земледѣльческихъ продуктовъ и скотоводства, обрабатывать 12 дней въ году барщины и оказывать помощь въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (при уборкѣ виноградниковъ) 2). Спасло ли это «положеніе» молдавскихъ выходцевъ отъ крѣпостной зависимости, сказать положительно не можемъ; правдоподобнѣе, впрочемъ, что нѣтъ; у молдаванъ—помѣщиковъ были и русскіе крестьяне, которые съ теченіемъ времени сдѣлались ихъ крѣпостными; ихъ состояніе не могло не отражаться на состояніи крестьянъ—молдаванъ. Съ другой стороны молдаване крестьяне не могли не селиться на земляхъ русскихъ помѣщиковъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и русскіе крестьяне. Такимъ образомъ, одна часть молдаванъ вошла въ составъ свободного земледѣльческаго класса (бывшіе военные поселяне), другая—помѣщичьяго землевладѣльческаго, третья—несвободнаго крѣпостнаго. И тѣ, и другіе, и третьи скоро обрусѣли и обмалорусились, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если они жили смѣшанно съ русскимъ населеніемъ.

Еврейская колонизація также сдѣлала замѣтные успѣхи въ Новороссійскомъ краѣ. Переселеніе сюда евреевъ талмудистовъ изъ западной Россіи и Польши началось въ 1769 г. на основаніи формальнаго разрѣшенія, уничтожившаго силу прежняго запрещенія 1762 г. Изъ пунктовъ 1777 г. видно 3), на какихъ условіяхъ принимали евреевъ, вышедшихъ изъ Польши на жительство въ нѣкоторые мѣста новороссійской губ. Они должны были сами построить себѣ жилища, школы, но имѣли право держать винокурни и броварни; льгота отъ постоевъ и другихъ повинностей имъ давалась всего на годъ (исключая казенныхъ податей); казенныя подати должны уплачивать или съ капитала: (по копейкѣ съ рубля), или съ души (по

1) Зап. Од. Общ., XII, 379—380.

2) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21,458, указ. отъ 20 сент. 1804 г.

3) Д. И. Эварницкаго, Сборникъ мат. для ист. заповр. коз. Слб. 1888, 222—225.

2 р. въ годъ); подобно иностраннымъ колонистамъ, они могли привезти съ собою товаровъ на 300 р.; пошлина за горячее вино имъ отсрочивалась на одинъ годъ; имъ разрѣшалось нанимать себѣ русскихъ работниковъ, свободно исповѣдывать свою вѣру и т. п. Правительство рассчитывало на выходъ ремесленниковъ или кушцовъ и потому селило ихъ въ городахъ и мѣстечкахъ. И несмотря на то, что льготы, предоставленныя имъ этими пунктами, были невелики, расселеніе ихъ въ городахъ шло не безъ успѣха: правительство оставляло имъ кагалное устройство и предоставляло ихъ, такъ сказать, самимъ себѣ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ устройствомъ пресловутыхъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Начало ихъ относится только въ 1807 г., когда первая партія еврейскихъ переселенцевъ образовала въ херсонскомъ уѣздѣ колонию — Бобровый кутъ, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Движеніе евреевъ въ Новоросію было вызвано положеніемъ о нихъ 1804 г., по которому они въ мѣстахъ своей осѣлости должны были переходить для промысловъ и торговли изъ деревень въ города. На устройство этихъ колоній правительство израсходовало громадныя суммы (съ 1807 по октябрь 1812 г. на нихъ было истрачено 345,459 р. 82 коп.; главный расходъ падалъ на постройку домовъ). Но результаты получались плачевныя: земледѣліе у евреевъ развивалось очень плохо, а сами они стремились въ города и желали заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались у себя на родинѣ—мелкою торговлею, ремеслами, маклерствомъ и т. п. Интересенъ отзывъ о еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ современника—очевидца А. С. Пишчевича: «подъ ихъ (евреевъ-хлѣбопашцевъ) деревни отведено много земли. На первую зиму ихъ много умерло. Обрабатываютъ они хлѣбъ худо. Видѣть, какъ они пашутъ, есть смѣху достойно. Возлѣ воловъ, въ плуги запряженныхъ, стоитъ жидовъ куча, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Волыны тихость съ жидовскою опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и видается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не вѣдая дать оному настоящаго направленія, чтобы придать ему тяжесть, садятся на плугъ, опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукѣ, и какиминибудь домашними клузами займутъ всю честную «бесѣду» разговоромъ. Волы въ это время никому и въ голову не придетъ выпречь, и такъ день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свою землю въ наймы, но хлѣбопаш-

цами не будуть нікогда ¹⁾). Этотъ отзывъ подтверждается и офіціальными данными, заключающимися въ капитальномъ сочиненіи г. Никитина ²⁾. Авторъ его прослѣдилъ во всѣхъ подробностяхъ судьбу еврейскихъ земледѣльческихъ колоній въ Новороссіи, и намъ остается только указать на это изслѣдованіе. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что автора его скорѣе можно назвать юдофиломъ, чѣмъ юдофобомъ: онъ всячески старается оправдать евреевъ отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. И что же? Общее впечатлѣніе получается не въ пользу колоній. Неудачною представляется самая мысль обратить во что бы то ни стало мелкихъ торгашей и ремесленниковъ въ земледѣльцевъ; все это дѣло производитъ впечатлѣніе какого то искусственнаго ненужнаго эксперимента, отъ котораго страдали и испытываемые и экспериментаторы. Положеніе евреевъ колонистовъ было въ высшей степени печальное. Приходили они на мѣсто «въ самомъ бѣднѣйшемъ положеніи; рѣдкій изъ нихъ имѣлъ самое нужное одѣяніе, у большей же части оно состояло изъ однихъ лоскутьевъ, а при помощи кормовыхъ по 5 кон. въ сутки—они чувствовали свое положеніе не много лучше». Отъ непривычнаго климата и дурной воды среди нихъ развивались повальные болѣзни, которыя еще болѣе изнуряли ихъ и дѣлали совершенно неспособными къ непривычному для нихъ земледѣльческому труду. «Жестокіе морозы, писалъ одинъ изъ ревизоровъ, сильнѣйшіе вѣтры, вьюги и глубокіе снѣга завалили въ колоніяхъ избы по крыши. Промежутки колоній до того занесены снѣгомъ, что съ крайнимъ трудомъ сообщеніе между собою имѣть могутъ. Всѣ колонисты жалуются на безкормицу, скотъ околѣбываетъ, а люди холодають и голодають.... Жиды въ ужасномъ положеніи и единогласно, съ пролітіемъ слезъ, умоляютъ отвратить ихъ отъ гибели въ худыхъ развалившихся избахъ, безъ крышъ, безъ всякаго пропитанія и топлива, коего за безмѣрными снѣгами и достать негдѣ, они изнемогають отъ холода и голода среди степи!» Лифановъ и Девельдѣвъ нашли «всѣ колоніи въ бѣднѣйшемъ состояніи, а большую часть евреевъ единими лохмотьями покрытыхъ, босыми или нагими ³⁾». Правда, не одни евреи были въ этомъ виноваты, но что они оказались неспособными преодолѣть разнообразныя затрудненія, съ которыми приходилось считаться *естямъ* колонистамъ Новороссійскаго края, это, мнѣ кажется, опровергнуто мудрено.

¹⁾ Замѣч. А. Пяшчевича на Новорос. край (Кіев. Стар. 1884, январь, 129—130).

²⁾ В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы. 1807—1887 г. Сиб. 1887 г.

³⁾ В. Н. Никитина. Евреи земледѣльцы, стр. 25, 75, 85.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще и о *цыганахъ*, которые вели кочевой образъ жизни и дополчали собою пеструю картину народонаселенія Новороссіи.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о числѣ всѣхъ этихъ *нерусскихъ* поселенцевъ въ к. 1-й четв. XIX в. сравнительно съ общемою цифрою народонаселенія края. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что нерусскихъ поселенцевъ было здѣсь гораздо меньше, чѣмъ русскихъ. На первомъ планѣ, по числу колонистовъ, нужно поставить славянъ, нѣмцевъ, евреевъ; всѣхъ жителей въ 161 колоніи въ 1822—1823 г. было 52,262 д. обоого пола; евреевъ въ 1844 г. было 46,312 чел., а въ к. 1-й четверти XIX в. гораздо меньше; затѣмъ идутъ греки, молдаване, армяне и др. Общее же число жителей двухъ губерній—херсон. и екатер. въ это время значительно превышало 1,000,000 д. обоого пола. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что Новороссійскій край могъ бы быть заселенъ и однимъ русскимъ народомъ; только колонизаціонный процессъ затянулся бы на болѣе продолжительное время; русское племя (какъ великоруссы, такъ и малоруссы) доказало на дѣлѣ цѣлымъ рядомъ фактовъ свою способность къ дѣлу колонизаціи и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ по своимъ естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ. Къ сожалѣнію, довольно трудно сдѣлать сравнительную оцѣнку колонизаторскихъ способностей русскихъ людей и иностранцевъ. Иностранные поселенцы, вообще говоря, были поставлены въ болѣе благопріятныя условія жизни на новыхъ мѣстахъ, чѣмъ русскіе колонисты. Правительство всѣмъ имъ оказывало такую помощь и поддержку, о какой не могли и мечтать представители господствующей національности. Мы видѣли, какія громадныя льготы получили менониты и вообще нѣмцы, какъ много разныхъ привилегій дано было сербскимъ и вообще славянскимъ выходцамъ, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ происходило поселеніе армянъ, молдаванъ и грековъ, сколько усилій и затратъ было сдѣлано для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній; эти льготы въ одинаковой степени относились какъ къ городскимъ, такъ и къ сельскимъ поселенцамъ и при томъ онѣ не всегда стояли въ соотвѣтствіи съ тою пользою, которой могло ожидать правительство отъ извѣстной группы переселенцевъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить молдавскихъ бояръ; для нихъ Новороссія оказывалась какимъ то золотымъ дномъ; она давала имъ значительныя богатства, а отъ нихъ взамѣнъ не получала почти ничего. Вообще въ XVIII-мъ вѣкѣ обращали слишкомъ

мало вниманія на цѣнность того продукта, который доставляла намъ западная Европа въ видѣ своихъ колонистовъ; заботились только о скорѣйшемъ заселеніи этихъ пустынь, что вызывалось отчасти значительными земельными пріобрѣтеніями того времени. И эта цѣль достигалась. Въ 1768 году общее число жителей въ Новороссіи равнялось 100,000 человѣкъ, въ 1797 г. превысило 850,000, въ 1822—1823 годахъ—1,500,000 душ. обоего пола, т. е. въ первыя 28 лѣтъ увеличилось въ $8\frac{1}{2}$ разъ, а въ послѣдующіе 25 лѣтъ меньше чѣмъ въ 2 раза. Къ сожалѣнію, эти цифры не даютъ намъ возможности сдѣлать вывода о процентномъ возрастаніи населенія путемъ одной колонизаціи и естественнаго прироста жителей, во 1-хъ потому, что сюда вошли обыватели присоединенныхъ областей (Запорожья, Крыма, Ногайской и Очаковской земель), а во 2-хъ потому, что предѣлы территоріи Новороссійскаго края постоянно измѣнялись подъ вліяніемъ различныхъ административныхъ реформъ (то сужались, то расширялись). Какъ бы то ни было, если мы даже примемъ во вниманіе указанное выше обстоятельство (увеличеніе числа жителей отъ присоединенія новыхъ областей), то и тогда должны будемъ сказать, что заселеніе края прошло особенно быстро въ XVIII в. Заботясь исключительно о количественномъ возрастаніи иностранныхъ колонистовъ и не обращая почти никакого вниманія на ихъ подготовку и способности къ дѣлу колонизаціи, правительство естественно должно было испытывать разочарованія и неудачи. Такъ вышло, какъ мы видѣли, со славянскимъ переселенческимъ движеніемъ; такъ было отчасти и съ другими иностранными выходцами екатерининскаго времени. Неудивительно поэтому, что правительство имп. Александра I-го рѣшилось оставить прежнюю систему (тѣмъ болѣе, что въ ней теперь не было уже никакой надобности) и принимать (а не вызывать) только такихъ иностранцевъ, въ которыхъ нуждался край, которые могли быть полезны ему въ культурномъ отношеніи. Конечно, и здѣсь ожиданія правительства не всегда исполнились, но дѣло было все таки поставлено на вѣрный путь.

Въ слѣдующей, заключительной и послѣдней главѣ мы разсмотримъ, изъ какихъ стихій сложилась нынѣшняя культура Новороссійскаго края, что привнесъ въ нее каждый изъ тѣхъ этнографическихъ элементовъ, которые вошли въ составъ мѣстнаго населенія.

ГЛАВА 5-я.

Зачатки мѣстной культуры.

Историческія данныя о матеріальной культурѣ.—Земледѣліе.—Садоводство Огородничество.—Скотоводство.—Рыболовство. Добыча соли и каменнаго угля.—Торговля.—Движеніе умственной культуры.—Роль русскаго населенія и иностранцевъ.—Роль правительства и характеристика его главнѣйшихъ дѣятелей.

Уже въ предшествующемъ изложеніи, посвященномъ исторіи заселенія края, мы касались и культурной дѣятельности колонистовъ. Теперь мы займемся этимъ вопросомъ нѣсколько болѣе подробно, чтобы составить себѣ понятіе какъ объ общемъ движеніи культуры, такъ и о роли въ ней различныхъ народностей, заселившихъ Новороссійскій край. Изъ своего обозрѣнія мы вовсе исключаемъ характеристику культурнаго состоянія турецко-татарскаго населенія, потому что оно представляетъ изъ себя не колонистовъ, а туземцевъ¹⁾. Приведемъ сначала цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, относящихся въ разнымъ видамъ матеріальной культуры, скажемъ нѣсколько словъ объ умственномъ состояніи общества и тогда уже сдѣлаемъ общія заключенія.

Земледѣліе въ Новороссійскомъ краѣ въ началѣ XIX в. достигло громаднхъ размѣровъ и край этотъ изъ дикой пустыни превратился въ житницу Россіи, какою онъ остается и доселѣ. Конечно, это совершилось не вдругъ, а постепенно, не безъ борьбы и усилій. Кромѣ татаръ, нужно было вести упорную борьбу и съ мѣстной природой, характеръ которой въ общихъ чертахъ намъ уже извѣстенъ; въ такомъ именно положеніи были запорожцы; представляя изъ себя отрасль земледѣльческаго народа, они естественно не хотѣли бы чуждаться сельско-хозяйственныхъ занятій; но мѣстныя условія жизни должны были на время заглушить ихъ стремленіе къ мирнымъ занятіямъ пахара или, какъ иронически выражались они, «гречкосіи». Впрочемъ, въ пол. XVIII в. въ самомъ Запорожьѣ замѣтенъ уже поворотъ къ новымъ формамъ и условіямъ жизни и быта; въ запорожскихъ паланкахъ, находившихся въ сѣверной части владѣній войска возлѣ рр.

¹⁾ Турецко-татарское населеніе г. Кивбурна и др. мѣстъ, уступленныхъ Россіи, имѣло своеобразную культуру: занималось скотоводствомъ, земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ, собирало соль и возило её на продажу въ Очаковъ, устраивало водопроводы; изъ фруктовыхъ деревьевъ оно разводило миндаль, яблоки, груши, вишни, шепталу, абрикосы, орѣхи, шелковицу, розы, айву и виноградъ (см. „Топ ол.“ въ Зап. Од. Общ., т. 7-й).

Самары и Орели (въ самарской, кодацкой, орельской и протовчанской) занимались уже земледѣліемъ: сѣяли преимущественно просо, овесъ, гречиху, ячмень и горохъ, а также озимую рожь и пшеницу; рожь, пшеница и ячмень родились у нихъ самъ десять, а просо самъ 30; держали запорожцы и небольшія бахчи и сѣяли тамъ, хотя въ небольшомъ количествѣ, арбузы, дыни, рѣдьку, капусту, свеклу, горохъ, пшеничку и лукъ ¹⁾).

Болѣе позднимъ поселенцамъ Новороссійскаго края приходилось уже вести борьбу только съ одной природой; но эта борьба была не легкая. Любопытныя свѣдѣнія о затрудненіяхъ, которыя испытывали первые поселенцы отъ неблагопріятныхъ естественныхъ условій края, сообщаетъ современникъ кн. Потемкина свящ. Маркіановъ; важнѣйшія препятствія, заставлявшія иногда переселенцевъ возвращаться назадъ, были слѣдующія: вредныя испаренія плавень, мошки и комары, овражки, или суслики; сюда нужно присоединить еще цѣлый рядъ другихъ не менѣе важныхъ неудобствъ: трудность вспахивать твердую степную цѣлину, частыя засухи и, какъ слѣдствіе ихъ, неурожаи, недостаточное количество или недоброкачественность воды, вызывавшую у людей и животныхъ разныя болѣзни, зимнія вьюги, мятели и холода, нерѣдко истреблявшіе растительность, а въ особенности скотъ, недостатокъ топлива, заразительныя болѣзни, въ родѣ знаменитой чумы 1812 г. и т. п. Нужна была привычка къ перенесенію всѣхъ этихъ невзгодъ, чтобы онѣ на первыхъ же порахъ не убили энергіи въ поселенцахъ и не заставили ихъ пожалѣть о покинутой родинѣ.

Конечно, большое значеніе имѣла здѣсь та поддержка, которую оказывало правительство новымъ поселенцамъ; быть можетъ, и колоніи менонитовъ не достигли бы такихъ блистательныхъ результатовъ въ сферѣ своей сельско-хозяйственной дѣятельности, еслибы онѣ не получили такой щедрой помощи отъ казны, какую онѣ, какъ мы видѣли, получили. Земледѣльческое процвѣтаніе колоній зависѣло отъ трехъ главнѣйшихъ факторовъ: мѣстныхъ условій, матеріальнаго достатка для пріобрѣтенія орудій производства и др. первоначальныхъ расходовъ и, наконецъ, опытности, искусства, энергіи и добросовѣстности самихъ колонистовъ. И при оцѣнкѣ достигнутыхъ результатовъ необходимо принимать во вниманіе всѣ эти обстоятельства.

---

¹⁾ Скальковскаго - Исторія Новой Сѣчи, I, 179—180; Зап. Од. Общ., т. 7-й стр. 185.

Менонниты, какъ мы видѣли, находились въ очень благопріятныхъ условіяхъ: сами имѣли средства, получили ссуду, вели хозяйство по рациональному способу, но и они изнемогали въ борьбѣ съ условіями мѣстной природы (климата, почвы и т. п.); колоніи другихъ нѣмецкихъ выходцевъ также потребовали энергической поддержки правительства и на первыхъ порахъ развивались довольно плохо. Но сильнѣе и рѣзче всего сказалося вліяніе мѣстныхъ неблагопріятныхъ условій на еврейскихъ колонистахъ: они явились, такъ сказать, совсѣмъ безоружными на борьбу съ природой Новороссійскаго края; вчерашніе торгаши и мелкіе ремесленники должны были обратиться въ земледѣльцевъ въ плодородномъ, но дикомъ, пустынномъ краѣ, подверженномъ лѣтнимъ засухамъ и зимнимъ мятелямъ, повальнымъ болѣзнямъ отъ недостатка и недоброкачества воды и нашествію вредныхъ насѣкомыхъ. Не мѣшаетъ также вспомнить, какія испытанія должны были вынести сербскіе выходцы. Наиболѣе приспособились къ условіямъ мѣстной жизни малороссійскіе поселенцы, въ особенности тѣ, которые имѣли близкое отношеніе къ бывшимъ запорожцамъ. Неудивительно поэтому, что господствующимъ типомъ хозяйства являлся малороссійскій, а затѣмъ уже слѣдовали молдавскій, татарскій и рациональный. Характеристическими чертами малороссійскаго хозяйства были плугъ, волъ и возъ, обширное скотоводство безъ загоновъ и слабое развитіе огородничества; молдавское хозяйство стояло не выше малороссійскаго: у нихъ очень хорошо только шло овцеводство и коневодство; но хозяйство болгаръ и отчасти великоруссовъ—раскольниковъ должно быть поставлено выше того и другаго: здѣсь рядомъ съ земледѣліемъ процвѣтало садоводство, винодѣліе и огородничество; наконецъ, самую высшую степень занимаетъ хозяйство меноннитовъ и нѣмцевъ (въ особенности первыхъ); у нихъ не вола, а лошади; скотъ улучшенныхъ породъ; земледѣльческія орудія заграничныя; почва обрабатывается отлично, иногда даже удобряется¹⁾. Къ сожалѣнію, ни практика рациональнаго хозяйства, существовавшего у нѣмцевъ, ни теоретическіе совѣты разныхъ администраторовъ, ни земледѣльческія школы, проектированныя Потемкинымъ близь Николаева и въ Екатеринославѣ (при университетѣ), не могли замѣтно повліять на господствующую систему сельскаго хозяйства и ввести въ нее необходимыя улучшенія; университетъ въ Екатеринославѣ, какъ извѣстно, не осуществился, а менонниты представ-

¹⁾ А. А. Скальбовскаго. Опытъ., II, 23, 14, 18—19, 21.

ляли изъ себя замкнутую корпорацію, мало вліявшю на своихъ со-сѣдей; слѣдовательно, надежды, возлагавшіяся на культурную миссію меноннитовъ, далеко не оправдались. Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, уже въ началѣ XIX ст. Новоросійскій край сдѣлался житницей Рос-сіи. Въ 1803 г. въ екатеринославской губ. было посѣяно 418,195 чет. озимаго и яроваго хлѣба, уродилось 1,565,856 ч., а осталось за посѣ-вомъ и продовольствіемъ на продажу 446,468 ч.; въ 1804 г. посѣяно 413,047 ч., собрано 2,387,708 ч., осталось 1,079,017 ч. Нельзя не поразиться здѣсь сильными колебаніями урожая; еще болѣе сильныя колебанія были въ херсонской губ. Тамъ земледѣліе шло особенно успѣшно въ мѣстахъ, прилегающихъ къ подольской, кiev. и екатер. губ., а въ нижнемъ теченіи Буга, Ингула, Днѣпра, а особенно по бе-регамъ Чернаго моря до Днѣстра было очень много сухихъ и песча-ныхъ безплодныхъ пространствъ. Урожай были въ высшей степени измѣнчивы: иногда бывали значительные остатки, а иногда настоя-щей недородъ; такъ, въ 1803 г. посѣяно было всякаго хлѣба 261,425 ч., уродилось 554,318, на продовольствіе не доставало 265,031 ч., въ 1804 г. посѣяно 205,497, собрано 1,430,634 ч., осталось за по-сѣвомъ и продовольствіемъ 644,207 ч. ¹⁾

Едва ли не важнѣйшій недостатокъ Новоросійскаго края заклю-чается въ скудости лѣсовъ. Такимъ образомъ, явилась необходимость съ одной стороны принять мѣры противъ истребленія существовав-шихъ еще лѣсовъ, съ другой позаботиться объ искусственномъ на-саженіи новыхъ; необходимо было также приложить старанія къ раз-веденію садовъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ запорож-цамъ. «Въ архивѣ послѣднихъ годовъ запорожскаго быта, говоритъ г. Скальковскій, находимъ множество благоразумныхъ распоряженій, а слѣдственно стараній, коша о сохраненіи лѣсовъ, байраковъ, плавень и садовъ, разведеніи деревьевъ плодовыхъ (*родючого дерева*) и ого-родовъ». И дѣйствительно, изъ приводимыхъ имъ документовъ видно, что на истребленіе лѣсовъ, садовъ, служившихъ къ общественной пользѣ, запорожцы смотрѣли, какъ на тяжкое преступленіе: *«не стра-*

¹⁾ Забловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 305, 339—340. Ефронто, час-тне неурожай привела А. Ст. Пищевича къ стравной мысли о необходимости при-останавить колонизацію Новоросійскаго края въ нач. XIX ст., потому что въ немъ, по климатическимъ условіямъ, не можетъ процвѣтати земледѣліе, а только одно скотоводство; но это послѣднее требуетъ простора; „большое же число людей на сей степи только будетъ тяготити народъ, а пользы нивакой не принесетъ (Кiev. Старица, 1884, январь, 123, 129).

шась истязанія Божія за искорененіе онаго дерева, въ пользу общую ежегодно дающею плодъ, безразсудно вырубимъ»...., говорится въ ордерѣ писарю и есаулу кодацкой паланки ¹⁾. Два нынѣшнихъ екатеринославскихъ сада (Потемкинскій и городской) были первоначально разведены запорожцемъ Лазаремъ Глобою ²⁾. Со времени прочнаго заселенія края заботы о насажденіи лѣсовъ и садовъ, естественно, еще болѣе усилились.

Видную роль въ этомъ дѣлѣ играли Мельгуновъ (правитель Новосербіи), Потемкинъ, Ришелье, французскій ботаникъ Десметъ и ген. Инзовъ. 1-й развелъ садъ въ кр. св. Елисаветы и въ другихъ мѣстностяхъ Новой Сербіи; объ этихъ садахъ говоритъ акад. Гюльденштедтъ; въ елисаветградскомъ саду, по его словамъ, были аллеи изъ вишневыхъ деревьевъ, много винограда, полошкіе орѣхи и т. п.; въ кроковскомъ саду было 1000 вишневыхъ деревьевъ, виноградъ, сливы, яблони, грушевыя деревья и т. д. ³⁾. Потемкинъ устроилъ 2 сада въ Херсонѣ, купилъ 2 сада въ Екатеринославѣ у Глобы, причемъ въ одинъ изъ нихъ перевелъ свою великолѣпную оранжерею и, наконецъ, поручилъ французскому садовнику Я. Фабру устроить дачу на Бугѣ при впаденіи въ него р. Ингула. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ садовъ, по смерти Потемкина, заглохли; такова была судьба одного изъ херсонскихъ садовъ; екатеринославскій его садъ также былъ заброшенъ, а оранжерея продана съ публичнаго торга ⁴⁾; многіе садки и лѣски, заведенныя въ качествѣ декорацій на «екатерининскомъ пути», исчезли очень скоро послѣ проѣзда императрицы. Печальна была судьба и николаевского сада, заведеннаго въ потемкинское время. «Въ саду, разведенномъ за 10 лѣтъ передъ симъ, говоритъ путешественникъ Измайловъ, гдѣ расточены были всѣ богатства природы, куда выписывали лучшія растенія изъ чужихъ краевъ, гдѣ труды и искусство насадили, можетъ быть, произведенія 4-хъ странъ свѣта, въ семъ саду не осталось нынѣ ни одного деревца: нѣкоторыя сожжены, другія порублены. Рука времени не такъ разрушительна, какъ рука человѣка» ⁵⁾. Дюкъ де Ришелье много сдѣ-

¹⁾ А. А. Скальковского. Ист. новой Сѣчи, I, 190—191.

²⁾ Устное повѣств. П. Л. Коржа, 57.

³⁾ Reisen durch Russland, II, 178, 190.

⁴⁾ Екат. юб. листокъ, № 21, 204—206.

⁵⁾ Путеш. въ полуденную Россію, II, 107—108. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что книга Измайлова изобилуетъ риторикой и бѣдна фактами; вѣроятно, и здѣсь онъ нѣсколько преувеличиваетъ.

ладъ не только для одесскихъ, но и херсонскихъ и екатеринославскихъ садовъ. Десметъ устроилъ ботаническій садъ въ Одессѣ на голй степи. Ген. Инзовъ способствовалъ разведенію садовъ въ иностранныхъ колоніяхъ. Виноградники и тутовья плантаціи были разведены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края (мы не говоримъ, конечно, о Крымѣ), но дѣло это успѣшно не пошло; правительство употребляло различныя мѣры къ разведенію туловыхъ деревьевъ, затрачивало средства, но результаты были незначительныя. Кромѣ казенныхъ садовъ, были еще частныя; таковы, напр., были знаменитыя тираспольскіе сады, расположенныя въ плодороднѣйшей днѣстровской долинѣ, и мн. др. Своими великолѣпными огородами славились раскольники (въ Елисаветградѣ, Тирасполѣ, Дубоссарахъ и другихъ мѣстахъ херс. губ.)¹⁾. Табаководство также представляло изъ себя одинъ изъ древнихъ промысловъ (имъ занимались еще запорожцы).

Скотоводство было древнѣе земледѣлія въ Новороссіи, ибо какъ нельзя лучше было приспособлено къ условіямъ мѣстной природы; оно составляло главное занятіе туземныхъ татаръ и запорожцевъ; стала крупнаго и мелкаго рогатаго скота и табуны лошадей составляли главное богатство Запорожья; лошади запорожскія славились и за предѣлами Коша; въ особенности процвѣтало скотоводство въ зимовникахъ; объ этомъ свидѣтельствуеъ и авторъ «Топогр. опис.». Скотъ лѣто и зиму былъ у нихъ на подножномъ корму; пастухи же, или такъ называемые чабаны (иначе табунщени, скотари) имѣли у себя, подобно ногайцамъ, на случай холода и непогоды коши; такъ назывались палатки, обитыя войлокомъ и стоящія на 2-хъ колесахъ; въ кошѣ была *кабыця*, т. е. очагъ, гдѣ варилась пища для людей и собакъ и гдѣ можно было обогрѣться и обсушиться²⁾. О размѣрахъ скотоводства можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Во время нападешя татаръ въ 1769 г. у кошеваго атамана былъ отогнанъ табунъ въ 600 лошадей, у полковника Колпака — 1,200 овецъ, 127 лошадей и 300 головъ рогатаго скота, у козака Ѳ. Рудя—5010 овецъ и 6 воловъ, у козака Ѳ. Горюхи—2,000 овецъ и 6 лошадей, у козака Обрама 200 лошадей и 50 воловъ, у писаря Глобы—4.000 овецъ, 10 лошадей и 130 воловъ и т. п.; всего было захвачено та-

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 103—119, 122—124, 154—160, 193—198, 305—306.

²⁾ Устное повѣствованіе Н. І. Коржа, стр. 33.

тарами болѣе 100,000 овецъ и 10,000 лошадей ¹⁾. Съ появленіемъ новыхъ русскихъ и иностранныхъ поселенцевъ, съ умиротвореніемъ края, размѣры скотоводства значительно увеличились. Въ нач. XIX ст. въ Новороссіи числилось б. 2^{1/2} мил. головъ скота. Но страшнымъ тормазомъ для развитія этого промысла являлись суровыя зимы и чума. Въ страшную морозную зиму 1812 г. погибло 1,250,352 штуки скота, т. е. половина всего наличнаго числа (878,968 овецъ, 230,059 головъ рогатаго скота, 140,455 штукъ лошадей, 209 буйволовъ и 661 верблюдъ ²⁾). Мы повѣримъ этому извѣстію, если вспомнимъ, что скотъ въ Новороссійскомъ краѣ держали круглый годъ на подножномъ корму: только зимою загоняли его въ камыши, а весною выгоняли на степь ³⁾. Въ XIX в. начались довольно успѣшно опыты разведенія тонкорунныхъ овецъ, по инициативѣ министра Кочубея; первые начали заниматься этимъ промысломъ въ широкихъ размѣрахъ иностранцы Рувье и Миллеръ, которымъ оказана была значительная помощь отъ казны. Въ 1823 году въ херсон. губ. было уже 199,280 мериносовъ, въ екатериносл.—114,980, въ таврич.—112,000; результатомъ этого было усиленіе торговли шерстью; въ разведеніи мериносовъ и вообще улучшенныхъ породъ скота принимали видное участіе менонниты ⁴⁾. Что касается охоты и звѣроловства, то онѣ особенно процвѣтали у запорожцевъ, которые охотились за лисцами, волками, зайцами, дикими конями, сугаками, дикими козами и выдрами, съ кашканами, собаками и ружьями ⁵⁾. Рыболовство было также древне, какъ и звѣроловство. Рѣки Новороссійскаго края, какъ мы видѣли, изобиловали рыбою, и запорожцы ловили ее въ громадномъ количествѣ. Ежегодно войско бросало лясы (жребіи) на всѣ свои рыбныя ловли; обитатели 4-хъ паланокъ (калміусской, бугогардовой, прогнонинской и нугульской) почти исключительно занимались рыбной ловлей ⁶⁾; пойманную рыбу они солили или вялили (а соль добывали въ кинбурнскихъ озерахъ) и развозили по городамъ и деревнямъ Малороссіи и Польши ⁷⁾. Рыбный промыселъ игралъ важную роль и въ болѣе позднюю пору жизни Новороссійскаго края и достигъ,

¹⁾ А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 184.

²⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 340.

³⁾ Зябловскаго. Землеописаніе рос. имп., V, 341.

⁴⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 353—364.

⁵⁾ Зап. Од. Об. VII, 186.

⁶⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 405.

⁷⁾ Зап. Од. Общ., VII, 186.

конечно, тогда еще ббльшого развитія, чбмъ въ эпоху самостоятельности Запорожья.

Изъ промысловъ, относящихся къ міру ископаемыхъ, слбдуетъ указать на добычу соли и каменнаго угля. Болбе всего изобилывалъ солью Крымъ, и такимъ образомъ, съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ нашемъ распоряженіи очутился источникъ значительныхъ богатствъ; въ 1823 году, напримбръ, крымской соли было продано на 5,000,000 рублей ас. Запорожцы, какъ мы видбли, добывали соль въ прогнахъ. Сначала козаки изюмскаго полка, а потомъ казна и частныя лица эксплуатировали для той же цбли Бахмутскіе соляныя промыслы, но добыча соли здбсь была не особенно велика и обходилась довольно дорого. Собирали соль и въ Хаджибейскомъ лиманб. Въ концб XVIII в. было найдено столь необходимое при безлбсиі края минеральное топливо. Каменный уголь былъ открытъ уже въ 1790 г. и Потемкинъ велблъ доставить въ Николаевъ 100,000 пуд. для казенныхъ кузницъ и на продажу частнымъ лицамъ ¹⁾; впоследствии уголь нашли въ многихъ мбстностяхъ нын. екатер. губ. и земли войска донскаго. Минеральныя богатства Криваго Рога прозбввались уже акад. Зуевъ, пробвзжавшій по этимъ мбстамъ въ 1782 г. ²⁾ Въ 1790 г. здбсь добывали аспидъ, котораго адмиралтейскіе мастеровые и турки, посланные кн. Потемкинымъ, наломали за одинъ разъ и вывезли 130 воевъ, и разныя краски, которыхъ набрали 70 воевъ ³⁾. Потемкинъ принималъ уже мбры къ устройству здбсь чугунно-литейнаго завода ⁴⁾ Такой заводъ былъ основанъ въ 1795 г. въ Лугани ⁵⁾.

Такъ постепенно развивалась промышленность Новороссійскаго края, а въ связи съ нею расширялась и торговля. Первые зачатки ея мы видимъ въ Запорожьб. Кошь вель и внутреннюю, и заграничную, и сухопутную, и морскую торговлю. Въ Сбчь, находившуюся на р. Подпольной, приходило ежегодно по 5—10 турецкихъ кораблей съ «баваліей и виномъ» (кромб крымскихъ и очаковскихъ). По словамъ Пейсоннеда, украинскіе и запорожскіе козаки спускались по Днбпру къ Очакову, гдб продавали баранье сало, кожи, табакъ, ве-

¹⁾ Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

²⁾ Путешественныя записки, 269.

³⁾ Морской Сборникъ, 1855, ноябрь, 167.

⁴⁾ Екатеринославскій юбил. листокъ, № 6, стр. 51; къ сожалбнію, мы не могли достать брошюры инженера Штриппельмана и не нашли въ „М. Сб.“ статьи ииж. Сбмечкина, на которую ссылается авторъ замбтки г. Шрейдеръ.

⁵⁾ А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 508—515.

ревки, русскія полотна, дрова, точильные камни, сушеную рыбу, рыбный клей, а вывозили отсюда вина, соль, сушеные фрукты, масло, ладонь, персидскій ситець, сафьянъ и др. товары ¹⁾). Сухопутную заграничную торговлю запорожцы вели съ Крымомъ и Польшей, а внутреннюю съ Малороссіей, Слободской Украиной, и Новосербіей ²⁾). Важнымъ тормазомъ для торговли Запорожья съ Малороссіей являлись внутреннія таможи (въ Переволочной и Кременчугѣ), которыя, впрочемъ, въ 1755 г. были уничтожены. Въ это время, по приблизительному (вѣроятно уменьшенному) расчету самихъ запорожцевъ, ежегодно изъ Малороссіи въ Сѣчь привезилось 10,000 четвертей ржи, 1,000 ч. пшеницы, 5,000 ч. пшена, 500 бочекъ горѣлки, 200 бочекъ солоду, 1,000 ведеръ прѣснаго меду, 4,000 пудовъ нитокъ на рыболовныя снасти, 20,000 аршинъ полотна, 20,000 арш. хрящу, 4,000 штукъ китайки на кафтаны, 4,000 арш. сукна, 2,000 арш. разныхъ матерій, не считая овецъ, шкуръ, пороху, свинцу, пуль; изъ Сѣчи же въ Малую Россію отвозилось 1,500 возовъ рыбы, 2,000 возовъ соли, 4000 возовъ мягкой рухляди волчьихъ и лисьихъ шкуръ, 1,000 лошадей, 1,000 головъ рогатаго скота и до 1,000 пудовъ свиного сала ³⁾).

Но понятное дѣло, что размѣры новороссійской торговли должны были значительно увеличиться съ приобрѣтеніемъ побережья Чернаго моря и постройкою новыхъ городовъ. Не имѣя возможности долго останавливаться на этомъ сложномъ вопросѣ, мы приведемъ только нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя лучше всякихъ разсужденій охарактеризуютъ намъ степень развитія торговой дѣятельности въ Новороссіи. Въ теченіе одного 1782 г. изъ черноморскихъ портовъ моремъ и сухимъ путемъ было привезено въ Константинополь товаровъ на 337,398 р. 12 коп.,—главными предметами привоза были желѣзо, масло, пушной товаръ, паюсная икра, табакъ, веревки, кожи. Вывезено изъ Константинополя въ южную Россію на 190,561 р. 22³/₄ коп., главными предметами вывоза были вина, изюмъ, бумажная пряжа, шелковые товары; слѣдовательно, отпущено было товаровъ изъ Россіи на 146,836 р. 89¹/₄ к. болѣе, чѣмъ получено ⁴⁾). Съ присоединеніемъ къ Россіи Крыма (въ 1783 г.) черноморская торговля стала развиваться съ поразительною быстротою. Въ Таган-

¹⁾ Traité sur le commerce de la mer Noire, I, 297—298.

²⁾ Подробности см. у А. А. Скальковскаго. Ист. Нов. Сѣчи, I, 212—244.

³⁾ А. А. Андріевскаго. Мат. для ист. южнор. края, 310—312.

⁴⁾ Сборн. автр. и этногр. ст., изд. Дашковымъ, I, прим. II.

рогѣ цѣнность привозныхъ иностранныхъ товаровъ съ 1782 по 1805 г. возрасла съ 69,000 до 2,440,000 р., вывозныхъ съ 225,000 до 2,272,000; главными предметами вывоза были продукты мѣстной промышленности ¹⁾. Въ 1794 г. въ Очаковъ привезено было товаровъ на 244,340 р., вывезено на 209,321 р., изъ Херсона—на 148,433 р., изъ Николаева на 106,532 р., привезено сухимъ путемъ изъ заграницы на 989.504 р., вывезено на 1,054,663 р. Одного хлѣба изъ портовъ очаковскаго, херсонскаго, николаевскаго и таганрогскаго отпущено было 244,099 четвертей и 211,548 п. Въ 1804 г. изъ одной Одессы, которая заняла первенствующее положеніе, было вывезено болѣе $\frac{1}{2}$ мил. четвертей пшеницы цѣною въ 3 мил. рублей. Въ 1805 г. торговые обороты Одессы возрасли до $5\frac{1}{2}$ мил. руб., за нею слѣдуетъ Таганрогъ съ оборотомъ также въ $5\frac{1}{2}$ мил., а за ними уже довольно низко должны быть поставлены Керчь, Еникаль, Херсонъ, Мариуполь и Николаевъ. Кульминаціоннаго пункта торговые обороты достигли въ 1817 году; въ Одессѣ они равнялись 60 мил., въ Таганрогѣ 17 мил.; послѣ этого они значительно сократились и въ 1822 г. въ 4-хъ важнѣйшихъ портахъ (съ Одессой включительно) равнялись 31 мил. р. Главнымъ предметомъ торговли служилъ хлѣбъ, потомъ шерсть и вообще продукты мѣстной промышленности ²⁾.

Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи (хотя б. м. далеко неполномъ) съ матеріальною культурой развилось и просвѣщеніе въ Новороссійскомъ краѣ. Даже въ Запорожьѣ мы находимъ уже нѣкоторое число «письменныхъ», т. е. грамотныхъ людей и школу. Послѣ паденія Сѣчи, въ разныхъ селеніяхъ екат. губ., заселенныхъ малороссіянами, существовали школы, подходящія къ обычному типу народныхъ школъ въ Малороссіи XVIII в. ³⁾. Потемкинъ, какъ извѣстно, проектировалъ устройство университета съ академіей художествъ въ Екатеринославѣ и медико-хирургическаго училища въ Симферополѣ; но эти проекты не осуществились и въ царствованіе Екатерины II-й были открыты въ Новороссіи только народныя училища. Гораздо успѣшнѣе пошло дѣло образованія въ царствованіе имп. Александра I-го. Въ Екатеринославѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ, Симферополѣ были открыты гимназіи, въ Николаевѣ штурманское флотское и артиллерійское училища, въ Одессѣ

¹⁾ Зябловскаго. Землеописаніе V, 324—325.

²⁾ Всѣ эти цифры мы заимствовали изъ 1-го и 2-го тома „Хронол. обзор.“ А. А. Скальковскаго.

³⁾ См. объ этомъ въ „Ист. Нов. Сѣчи“ А. А. Скальковскаго и въ „Мат.“ преев. Феодосія.

мужской институтъ, обращенный въ 1817 г. въ Ришельевскій лицей, женскій институтъ, коммерческое училище; въ другихъ городахъ и селеніяхъ были заведены уѣздныя и городскія училища, въ Екатеринославѣ духовная семинарія; значительныя библіотеки находимъ въ Одессѣ (при лицей), въ Николаевѣ (съ 1803 г., вѣдомства черноморскаго флота), въ Севастополѣ; типографіи—въ Николаевѣ (съ 1798 г.), въ Одессѣ (съ 1814 г.), собранія древностей въ Керчи и Николаевѣ (хранилось при черноморскомъ гидрографическомъ депо и было передано въ музей Одесскаго общества), первую газету въ Одессѣ (*Messenger de la Russie meridionale* ¹).

Давалъ общую оцѣнку результатовъ культурной дѣятельности народностей, заселившихъ Новороссійскій край, мы должны будемъ помнить, что дѣятельность эта начала свободно развиваться только со времени полного умиротворенія края, т. е. съ покоренія Крыма; въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. надъ нею висѣла еще гроза татарскихъ набѣговъ, а въ 1-й половинѣ XVIII в. и въ особенности въ XVI—XVII ст., въ запорожскій періодъ исторіи степей, здѣсь почти вся энергія русскаго поселенца—козака должна была уходить на оборону края, а не на развитіе мѣстной культуры, но несмотря на крайне неблагоприятныя условія военнаго быта, и въ Запорожьѣ мы замѣтили зачатки земледѣльческой, промышленной, торговой и даже умственной дѣятельности, и эти зачатки, конечно, заслуживаютъ полного вниманія, несмотря на ихъ скромные размѣры. Такимъ образомъ, неправъ былъ въ своемъ отзывѣ о запорожцахъ А. Пишчевичъ, который говорилъ, что они никакой пользы государству не приносили; неправъ былъ и Ришелье, который заявлялъ, что цивилизація у запорожцевъ не сдѣлала никакихъ успѣховъ и что они сами старались уничтожить ее у сосѣдей своими набѣгами и разбойническими нападеніями ²); неправъ былъ и потомокъ молдавскаго выходца—боярина Стурдза, который въ засѣданіи сельско-хозяйственнаго общества говорилъ: «мы ничего не наслѣдовали въ этой юной странѣ отъ своихъ предковъ, кромѣ затоптанной кочевьями степной земли, и на ней все должны создать: готовя тѣнь, и плодъ, и воду, пріютъ для потомства» ³). Интересно, что всѣ эти 3 лица не русскіе, а иностранцы.

¹) Дяликова. Ист. и стат. взглядъ на успѣхи умств. образованія въ Новор. край (Зап. Од. Общ. II, 330—356).

²) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., LIV, p. 307.

³) А. А. Скальковскаго. Опытъ, II, 98—99.

Съ завоеваніемъ Крыма, открывается новая эра въ культурной жизни Новороссійскаго края; отсель уже приходится вести борьбу не съ татаринომъ, а съ дѣвственной природой края; нужно было обратить пустыню въ пахатное поле, развести лѣса и сады, завести въ широкихъ размѣрахъ скотоводство, проникнуть въ нѣдра земли и извлекать оттуда богатства, воспользоваться вновь прибрѣтеннымъ побережьемъ Чернаго и Азовскаго морей и организовать на твердыхъ началахъ привозную и отпускную торговлю и, наконецъ, насадить здѣсь сѣмена просвѣщенія и образованія. И все это было достигнуто соединенными усиліями народа и государства, русскихъ людей и иностранныхъ поселенцевъ! Не мало было сдѣлано иностранными выходцами, пзъ которыхъ многіе стояли на болѣе высокой степени культурнаго развитія, чѣмъ русскіе поселенцы. Нельзя умолчать о томъ, что они сдѣлали для развитія земледѣлія, скотоводства и въ особенности торговли; эта послѣдняя, можно сказать, всецѣло находилась въ рукахъ грековъ, армянъ, евреевъ; а торговля (въ особенности заграничная) создала силу, богатство и значеніе новороссійскихъ городовъ; слѣдовательно, никоимъ образомъ нельзя отрицать вліянія иностранныхъ переселенцевъ на быстрый ростъ городскихъ торговыхъ центровъ. Гораздо менѣе замѣтно ихъ вліяніе на сельскій бытъ, хотя бы даже въ области того же земледѣлія и скотоводства. Сами они, безспорно, были лучшими сельскими хозяевами, чѣмъ окружающее ихъ русское населеніе, но, благодаря ихъ замкнутости, корпоративному устройству, степень культурнаго вліянія на остальную массу поселенцевъ не могла быть велика. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что уже въ пол. XIX ст. изъ 3½ мил. жителей Новороссіи только 102,300 чел. занимались земледѣліемъ по рациональному способу, а по малороссійскому 2,300,000 чел. Такимъ образомъ, иностранные поселенцы сдѣлали много и для заселенія Новороссійскаго края, и для развитія въ немъ культуры, но, какъ намъ кажется, меньше, чѣмъ русское населеніе. Это послѣднее было поставлено въ несравненно менѣе выгодныя условія, чѣмъ иноземцы: ему приходилось еще бороться съ татарами; оно получало гораздо меньше всякихъ льготъ, чѣмъ иностранные переселенцы; о немъ мало заботились, и нерѣдко оставляли его на произволъ судьбы въ борьбѣ со всевозможными препятствіями, оно, наконецъ, должно было становиться по большей части въ зависимыя соціально-экономическія отношенія къ сравнительно небольшой группѣ владѣльцевъ—помѣщиковъ, которымъ повровительствовало правительство; а въ городахъ ему трудно было

конкурировать съ богатымъ, опытнымъ и поставленнымъ въ привилегированное положеніе нерусскимъ купечествомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, русскій элементъ, во 1-хъ, представлялъ изъ себя господствующую группу въ населеніи по своей численности, а во 2-хъ игралъ очень важную роль и въ созиданіи мѣстной культуры (какъ матеріальной, такъ и умственной). Мы уже могли убѣдиться въ этомъ на одномъ весьма важномъ примѣрѣ—преобладающимъ способомъ земледѣлія былъ не иностранный, а русскій; то же самое нужно сказать относительно скотоводства, игравшаго такую же видную роль въ экономической жизни, какъ и земледѣліе, и другихъ сельскихъ промысловъ; да и въ городскомъ быту нельзя игнорировать русской стихіи: мы видѣли, что раскольники принимали не менѣе видное участіе въ торговлѣ Елисаветграда, чѣмъ греки; да и вообще русскимъ (великорусскимъ и малорусскимъ) поселенцамъ не чужда была торговля 2-й руки и разныя ремесла; въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, Екатеринославѣ) иностранцевъ было очень мало. Говоря все это, мы нисколько не отрицаемъ громаднаго значенія иностранныхъ выходцевъ въ жизни края. Мы думаемъ даже, что необычайно быстрое развитіе мѣстной культуры объясняется, между прочимъ, разнообразіемъ этнографическаго состава населенія Новороссійскаго края; одна народность развивала одну сторону культуры, другая—другую. Такъ, по словамъ неизвѣстнаго автора «Опис. городовъ и уѣздовъ азов. губ.»¹⁾, великорусскіе однодворцы и крестьяне обнаруживали особенную склонность къ земледѣлію, малороссіяне, занимаясь земледѣліемъ, особенно любили скотоводство; армяне—промыслы и торговлю, греки—разныя мастерства, садоводство и хлѣбопашество и, прибавимъ отъ себя, въ городахъ торговлю. И опытъ показалъ, что съ этими свойствами и привычками представителей разныхъ народностей необходимо было считаться.

Всѣ заботы правительства о развитіи нѣмецкихъ земледѣльческихъ колоній, въ составъ которыхъ вошли бывшіе ремесленники, не привели ни къ чему; всѣ старанія властей обратить евреевъ-промышленниковъ въ хорошихъ земледѣльцевъ пропали даромъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу о роли государства въ дѣлѣ колонизаціи Новороссійскаго края. Она была очень велика, какъ это мы могли видѣть изъ всего предшествующаго изложенія. Оно прежде всего постаралось обезопасить этотъ край, возникшій на самыхъ та-

¹⁾ Зап. Од. Общ., III, 305.

тарських кочевьяхъ и подвергавшійся постояннымъ нападеніямъ степняковъ. Съ этой цѣлю оно, какъ мы видѣли, устраивало крѣпости и цѣлыя укрѣпленныя линіи, поселяло въ нихъ военные контингенты, заводило военный флотъ, созидало дорого стоившіе порты и адмиралтейства, основывало съ торговыми и промышленными цѣлями города, присылало для ихъ постройки рабочихъ людей, ставило во главѣ дѣла, въ качествѣ руководителей колонизаціи, своихъ довѣренныхъ людей, вызывало иностранцевъ, затрачивало на ихъ устройство громадныя суммы, раздавало земли частнымъ владѣльцамъ-помѣщикамъ и отводило ихъ государственнымъ крестьянамъ и, наконецъ, принимало цѣлый рядъ мѣръ къ насажденію и развитію въ новомъ краѣ матеріальной и умственной культуры. И это понятно. Сами представители верховной власти въ лицѣ Екатерины II и Александра I-го смотрѣли на заселеніе Новороссіи, какъ на дѣло громадной государственной важности и не щадили средствъ для его благополучнаго окончанія; мало того: сами лично интересовались имъ и направляли нерѣдко его ходъ въ ту или иную сторону; это ясно видно изъ переписки Екатерины II съ Потемкинымъ и имп. Александра I-го съ Ришелье. Лица, стоявшіе во главѣ колонизаціи, были очень близки къ трону, пользовались громадными полномочіями и облечены были полнымъ довѣріемъ власти. Мало того, это не были простые исполнители, а люди инициативы, пріямъившіе на дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ свои собственные проекты. Такимъ, несомнѣнно, дѣятелемъ былъ кн. Потемкинъ, такими отчасти были Зубовъ и Ришелье. Дѣятельность кн. Потемкина, какъ колонизатора Новороссіи, пытались оцѣнивать уже современники. Эта дѣятельность возбуждала слѣпое благоговѣніе у однихъ, сильную критику у другихъ (въ особенности у иностранцевъ). Кто зависѣлъ отъ него (а такихъ было громадное большинство), тотъ у него заискивалъ, льстилъ ему. Обращикомъ подобной лести можетъ служить письмо къ нему его сотрудника Фалѣева, написанное по поводу пожалованія свѣтлѣйшему великолѣпнаго имѣнія у Святогорскаго монастыря (харьк. губ.): «думаю весь тотъ край, писалъ Фалѣевъ, благополучнымъ себя почтеть, что Святогорская дача пожалована вамъ, тѣмъ паче что всѣ тамошніе обыватели, между которыми и я, по милости вашей, въ ономъ помѣщикъ, подъ тѣнью вашего покровя и защиты блаженствовать будутъ. Сей край подлинно, который въ забвеніи и незнавіи по сію пору былъ... теперь воскреснетъ и лестнымъ учинится для всякаго»¹⁾. И Потемкинъ, какъ мы

¹⁾ Зап. Од. Общ., IX, 252.

видѣли въ дѣлѣ доктора Самойловича, не любилъ критики. Но такой критикѣ подвергали его дѣятельность иностранцы, не довольствовавшіеся осмотромъ одной показной стороны, которою такъ любилъ щеголять свѣтлѣйшій, а обращавшіе вниманіе и на промахи, недостатки, слабыя стороны ея. Такъ поступали имп. Іосифъ, де Линь и Сегюръ. Имп. Іосифъ II-й говорилъ Сегюру, что всё тѣ сооруженія, которыя онъ видѣлъ въ Новороссійскомъ краѣ, могли быть исполнены только въ рабской странѣ, гдѣ ни во что ставятся жизнь и труды человѣческіе, гдѣ въ болотахъ строятся дороги, гавани, крѣпости и дворцы, гдѣ въ пустыняхъ разводятся лѣса безъ платы или за ничтожную плату полуголоднымъ рабочимъ. Если мы обратимся къ современнымъ изслѣдованіямъ, то въ однихъ увидимъ гл. образомъ панегирикъ, а въ другихъ и попытку разносторонней критической оцѣнки. Къ числу первыхъ мы причисляемъ статью Щебальскаго ¹⁾ и редакціи «Русской Старины» ²⁾; къ числу вторыхъ монографію проф. Брикнера. Проф. Брикнеръ о Потемкинѣ говоритъ такъ: «результаты всей этой дѣятельности не соответствовали надеждамъ и намѣреніямъ Потемкина. Желая превратить южную Россію въ богатый край, покрытый садами, изобилующій городами, селами, отличающійся производительною, густымъ населеніемъ и пр., князь не могъ достигнуть этой цѣли. Изъ огромнаго числа дѣловыхъ бумагъ и писемъ канцеляріи Потемкина видно, какъ многостороння и неусыпна была его дѣятельность по управленію южной Россіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней очевидны лихорадочность, поспѣшность, самообольщеніе, хвастовство и стремленіе къ чрезмѣрно высокимъ цѣлямъ. Приглашеніе колонистовъ, закладка городовъ, разведеніе лѣсовъ, виноградниковъ, шелководства, учрежденіе школъ, фабрикъ, типографій, корабельныхъ верфей— все это предпринималось чрезвычайно размахисто, въ большихъ размѣрахъ, при чемъ Потемкинъ не щадилъ ни денегъ, ни труда, ни людей. Но, къ сожалѣнію, многое было начато и брошено; другое съ самаго начала оставалось на бумагѣ; осуществилась лишь самая ничтожная часть смѣлыхъ проектов» ³⁾ Въ этихъ словахъ вѣрно изображены слабыя стороны дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Тавриды. Мы бы сюда присоединили еще одну черту, которая, впрочемъ, въ одинаковой степени относится и къ другимъ дѣятелямъ—Зубову и въ особенности Ри-

¹⁾ Сборникъ антропол. и этногр. статей о Россіи, изд. Дашковымъ, I, 130—143.

²⁾ „Русская Старина“ 1875 г., т. XII, XIII, XIV.

³⁾ Новь, 1887 г., № 4. стр. 207.

шелье; это — покровительство высшему слою, составлявшему привилегированное меньшинство, и принесеніе ему въ жертву интересовъ большинства. Такъ созидалось на новой почвѣ крѣпостное право, а между тѣмъ иностранные переселенцы, только потому что они были иностранцами, получили и сохранили за собою множество привилегій. Мы нисколько не считаемъ вредными этихъ привилегій; наоборотъ, мы думаемъ, что онѣ то главнымъ образомъ и создали матеріальное благосостояніе иностранныхъ колоній. Мы только думаемъ, что льготы должны были быть расиредѣлены болѣе правильно и равномерно по степени полезности, приносимой той или другой народностью, тѣмъ или инымъ общественнымъ слоємъ. Но это была болѣзнь екатерининскаго вѣва, которая досталась въ наслѣдіе и александровской эпохѣ. Знаменитый, просвѣщенный дѣятель времени имп. Александра I-го, гражданинъ французской имперіи, джю де-Ришелье также энергически отстаивалъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ — и относился въ высшей степени отрицательно къ низшему классу общества (б. запорожцамъ), хотя и пользовался для цѣлей колонизаціи безопасными и бродягами.

О заслугахъ свѣтлѣйшаго князя и другихъ дѣятелей намъ говорить не приходится: онѣ, во 1-хъ, всѣмъ извѣстны, а во 2-хъ, выяснены до нѣкоторой степени и въ настоящемъ этюдѣ. То, что мы сказали выше о роли государства, относится и къ Потемкину, ибо во всемъ этомъ была его инициатива и дѣятельность. Его ошибки именно потому и многочисленны, что его дѣятельность была необыкновенно обширна, разнообразна и интенсивна. Пл. Зубовъ, по сравненію съ нимъ, по меньшей мѣрѣ неудачникъ: у него были потемкинскіе недостатки, но не было потемкинскихъ дарованій. На строеніе города Вознесенска онъ испросилъ у императрицы круглую сумму до 3,000,000 руб., и это только для того, чтобы построить «свой» городъ, который бы затмилъ Екатеринославъ, Херсонъ, Николаевъ, основанные кн. Потемкинымъ. Дѣятельность Ришелье говоритъ сама за себя: ему исключительно Одесса обязана быстрымъ экономическимъ ростомъ и благоустройствомъ. Заслуживаютъ также добраго слова второстепенные и третьестепенные дѣятели — Каховскій, Синельниковъ, Фалѣевъ, Контеніусъ, полк. Кошаевъ и мн. др. Не всѣ они оказали одинаковыя услуги: одни сдѣлали больше, другіе меньше; не будемъ слѣшкомъ строги къ тѣмъ, которые думали сдѣлать очень много, а въ результатѣ вышло мало. Не мало было сдѣлано удачнаго, полезнаго, жизненнаго, много также неудачнаго, необдуманнаго, иногда вреднаго; одни

руководствовались идеей общественнаго блага, другіе просто исполнили свой долгъ, третьи стремились къ славѣ, четвертые не чужды были и корыстныхъ побужденій. Но результаты общихъ усилій были очень существенны: путемъ оружія и мирнаго наступательнаго колонизаціоннаго движенія приобрѣтены и заселены были новороссійскія степи и въ нихъ насаждена значительная матеріальная и умственная культура.

Д. И. Багалъй.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго ¹⁾.

Иванъ Михайловичъ и его семейство. Кондиція.

Въ 1838 году, предъ началомъ учебнаго года, въ августѣ, инспекторъ прислалъ за мною сторожа Степана, смѣнившаго покойнаго Парамона, и предложилъ мнѣ на выборъ двѣ кондиціи: одну у знакомаго уже намъ курскаго помѣщика, а другую у ближайшаго къ городу пана Ивана Михайловича. Я, конечно, выбралъ послѣднюю. Баринъ пріѣхалъ въ Новгородокъ пока одинъ, безъ дѣтей. Хотя условливаться на счетъ кондиціи, не видѣвъ своихъ будущихъ учениковъ, было нѣсколько рискованно, но опасаясь все остаться безъ мѣста, я долженъ былъ съ нимъ покончить. Пока еще не началось ученье, я поѣхалъ съ своимъ новымъ патрономъ въ деревню знакомиться съ его семействомъ.

По родственнымъ отношеніямъ къ О. М. Судіенку, Иванъ Михайловичъ примыкалъ когда то къ разряду аристократовъ. Какъ большая часть нашихъ свѣтскихъ людей, получивъ весьма поверхностное образованіе гдѣ то въ шкловскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ провелъ молодость въ Петербургѣ, въ аристократическихъ кружкахъ, группировавшихся подлѣ большихъ пановъ: гр. Ильи Андреевича Безбородка, Гудовича, Кочубея и др. Получивъ въ наслѣдство богатое имѣніе въ 600 душъ, Иванъ Михайловичъ не хотѣлъ ни въ чемъ отстать отъ этихъ вельможъ и зажилъ такъ, какъ будто у него было не 600, а 6 тысячъ душъ. Благодаря тѣмъ же родственнымъ связямъ, онъ пользовался обширнымъ креди-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и июнь.

томъ и могъ бы очень долго наслаждаться всѣми земными благами и умереть въ своемъ Сенинѣ, не испытавъ никакихъ лишений, хотя бы долги его превышали вдвое стоимость всего имѣнія, если бы у него не было пагубной страсти къ карточной игрѣ. Она то его и доканала. Въ одно прескверное утро Иванъ Михайловичъ проснулся яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего! Едва онъ поднялся съ постели, какъ лакей доложилъ ему о прїѣздѣ одного изъ ближайшихъ сосѣдей. Не успѣлъ гость спросить хозяина о здоровьѣ, какъ Иванъ Михайловичъ остановилъ его на первой же фразѣ.

— А знаешь ли, любезный другъ, новость? Вѣдь я вчера продалъ свой Сенинъ и какъ выгодно, вообрази: двѣсти тысячъ получилъ!

— Я слышалъ, многоуважаемый Иванъ Михайловичъ, вы меня извините... что вы не продали, а такъ сказать... гость замылся.

— Фи, какой ты, братецъ, чудакъ: развѣ это не все равно, что продалъ? Я пропонтитовалъ 200 тыс. и какъ благородный человекъ обязанъ былъ выложить деньги, не правда ли? а? Нѣтъ, я нахожу, что имѣние продано очень выгодно: вѣдь на Сенинѣ слоємъ были долги.

Какъ бы тамъ ни было: проданъ ли Сенинъ или пропонтитованъ, а Иванъ Михайловичъ очутился въ критическихъ обстоятельствахъ. Барскій домъ, со всѣми принадлежностями комфорта, перенелъ во владѣніе другого счастливица. Пришлось опять тереться подлѣ вельможъ и жить на ихъ счетъ. Но баринъ не унывалъ, оставшись такимъ же веселымъ бонмотистомъ, каковымъ его знали прежде; такъ же загибалъ углы бубновому тузу и такъ же жестоко продувался, какъ и прежде. Наконецъ, лѣта взяли свое; неугомонная натура умаялась и потребовала отдыха. Осипъ Михайловичъ Судіенко, обладатель Очкина и иныхъ селъ, подарилъ Ивану Михайловичу хуторъ Боровичи съ 25 душами крестьянъ, въ трехъ верстахъ отъ Кривonosовки, принадлежавшей родной сестрѣ его, женщинѣ болѣзненной и при томъ бездѣтной. Дождавшись ея смерти, братецъ завладѣлъ Кривonosовкой, хотя и остался жить въ своемъ хуторѣ, подъ соломенную крышу деревенскаго дома, своеобразной архитектуры, съ разными пристройками и закоулками; въ наслѣдованномъ же послѣ сестры домѣ посадилъ своего первенца Павлушу, въ качествѣ управляющаго. Прежній великосвѣтскій баринъ,

окруженный многочисленнымъ семействомъ, погрязъ въ своемъ излюбленномъ болотѣ, выѣзжая лишь по временамъ въ уѣздный городъ побаловаться картишками. Такъ, и въ послѣдній свой пріѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, помимо пріисканія для дѣтей репетитора и квартиры, онъ разсчитывалъ также и на игру; но къ великому своему огорченію, въ городѣ не нашелъ ни одного изъ своихъ обычныхъ партнеровъ. Когда я пришелъ къ нему на другой день послѣ нашего уговора, Иванъ Михайловичъ былъ не въ духѣ и объявилъ мнѣ, что сейчасъ ѣдетъ домой.

— Этакій поганый городишко—не съ кѣмъ и время провести по людски!—говорилъ онъ съ досадой.

Дѣло въ томъ, что каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, въ то же самое время туда отправлялся цѣлый транспортъ съ разными деревенскими продуктами. Вырученныя отъ продажи деньги полностью вручались барину, который въ тотъ же вечеръ созывалъ гостей и спускалъ въ карты все до чиста, возвращаясь въ хуторъ съ пустымъ бумажникомъ. Въ этотъ пріѣздъ деньги какъ то уцѣлѣли и потому онъ былъ не въ духѣ: такая была ужъ у него натура. Передъ самымъ выѣздомъ изъ города, въ квартиру пришли кредиторы; но баринъ ни одному не заплатилъ ни копѣйки, отдѣлавшись однѣми шуточками.

— Нема, братику, грошей: подожди—отдамъ! говорилъ онъ каждому изъ нихъ, ласково трепля по плечу.

Переправившись черезъ два парома на Деснѣ и Выти, мы по глубокому неску добрались до лѣсу. Не успѣли подъ тѣнью сосенъ проѣхать и версту, какъ на встрѣчу намъ какой то господинъ въ усахъ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ болтавшимся на пуговицѣ кisetомъ.

— Ба, ба, ба! Иванъ Михайловичъ! что такъ рано изъ города? забасилъ усатый господинъ: а я спѣшу, думалъ еще застать васъ.

— Самъ, братецъ, виноватъ: отчего вчера не пріѣхалъ?

— Да воротитесь, куда вамъ снѣшить?

Возвратиться въ городъ Иванъ Михайловичъ, однакожь, не пожелалъ, а сразиться съ пріателемъ сильно подшибало. Что жъ тутъ дѣлать? Послѣ небольшого раздумья, баринъ вышелъ изъ коляски, велѣлъ своему лакею Бѣлкѣ разостлатъ подъ сосною коверъ,

усялся на немъ и заложилъ банчикъ. Усатый господинъ былъ въ восторгѣ отъ такой изобрѣтательности Ивана Михайловича и, закуривши трубку, началъ ставить карты да въ какіе нибудь полчаса и забралъ въ карманъ порядочную кучку ассигнацій и серебра, да и поѣхалъ своей дорогой, а мы поѣхали своей.

Проигравъ всѣ свои деньги, баринъ мой какъ будто повеселѣлъ. Всю дорогу рассказывалъ смѣшные анекдоты и напѣвалъ французскіе куплеты. Изрѣдка только, какъ бы вскользь, бросалъ на вѣтеръ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній на счетъ господина въ усахъ, котораго, по его словамъ, все имущество заключалось въ парѣ саврасыхъ лошадей, да въ пѣнковой трубкѣ.

— Я, говоритъ, отдалъ ему свои деньги на бѣдность, все равно что нищему. Для него это деньги, а для кривоносоевскаго пана, братецъ ты мой, *ces sont de poustiaky!* какъ говаривалъ добрѣйшій пріятель мой графъ Илья Андреевичъ Безбородко.

На пути намъ попадались на встрѣчу жалкія лачуги, съ закоптѣлыми отъ дыма крышами и ихъ обитатели крестьяне, съ изнуренными лицами, въ рваной одеждѣ. Проѣхали мы и памятное для меня село Биринъ и самую Кривоносоевку. Тутъ Иванъ Михайловичъ, подобно Ноздреву, сталъ показывать мнѣ свои владѣнія, раскинутыя на громадныя пространства, насколько могъ охватить глазъ—съ полями, лѣсами и сѣнокосами.

Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне, завидѣвъ издали хорошо знакомую коляску, останавливались, скидали шапки и кланялись въ поясъ. По своей словоохотливости, баринъ ни одного не пропускалъ безъ того, чтобы не предложить какого нибудь вопроса, называя каждого по именамъ, при чемъ, однакожъ, кучеръ Емельянъ и лакей Бѣлка постоянно поправляли ошибку барина, если онъ называлъ Ивана Сидоромъ, а Петра Лукой. Баринъ, подобно Суворову, любилъ быстрые отвѣты, на что наши малороссы, по своей флегматичности, вовсе не способны и за что помѣщикъ сердился и даже бранился. Но вотъ, наконецъ, и резиденція Ивана Михайловича, хуторъ Боровичи, прелестный уголокъ, со всѣми принадлежностями доревенской природы: съ трехъ сторонъ его огибалъ лѣсъ, а съ четвертой тянулись поля, а тамъ за полями, до самой Десны, зеленѣли дуга, сверкали озера. Возлѣ самаго дома, справа, большой

проточный прудъ, съ двумя мельницами. „Рай тай годи!“ сказалъ бы покойный Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Пока на кухнѣ готовился обѣдъ, баринъ началъ знакомить меня съ моими будущими учениками—Андрюшей и Яшей, изъ которыхъ первый, по его словамъ, долженствовалъ сдѣлаться поэтомъ, а второй—пастухомъ, на томъ де основаніи, что одинъ зналъ на память пропасть стихивъ (преимущественно одъ Ломоносова и Державина), а другой—вѣчно возился съ козломъ на скотномъ дворѣ. Третій сынъ Алеша, по мнѣнію папаша, глядѣлъ въ Наполеоны, потому что постоянно дрался, лазилъ по заборамъ и взбирался на самыя высокія деревья.

— А ну, Андрюша, валяй! обратился онъ къ старшему сыну, валяй: „Мастеръ въ живописи первый“!

Тотъ и началъ валять, кивая въ тактъ головою:

Мастель въ живописи пелвый,
Пелвый въ нашей стolonѣ и проч.

Родитель, зажмуривъ отъ удовольствія глаза, какъ котъ, у котораго чешутъ за ушами, выбивалъ ногою тактъ по стопамъ.

— А ну, „Фелицу!“ А ну, „на смерть Мещерскаго“ и т. д.

Перебравъ такимъ образомъ весь репертуаръ пьесъ, извѣстныхъ Андрюшѣ, баринъ пустился въ критическія сужденія о поэзіи вообще и о величайшемъ поэтѣ Державинѣ въ особенности, котораго онъ будто бы зналъ лично. Видно было, что его литературные вкусы остались неизмѣнными съ конца XVIII столѣтія. Такою же отсталостію отличались и его взгляды на воспитаніе дѣтей. Литературно-педагогическая бесѣда наша была прервана появленіемъ Бѣлки, возгласившаго торжественно: „кушать подано!“

Войдя въ столовую, я узрѣлъ умилительную картину семейнаго счастья. Богъ благословилъ Ивана Михайловича, за его добродѣтели, многочисленнымъ семействомъ: къ столу явилось штукъ 8 дѣтвора, а сколько осталось въ дѣтской—это для меня было тайной. У сѣнковой чашки сидѣла приземистая, совершенно расплывшаяся отъ жиру дама, въ огромномъ чепцѣ, съ краснымъ лицомъ и зеленеватыми глазами.

— Вотъ тебѣ, Гапочка, учитель Михайло Корнѣевичъ! обратился баринъ къ дамѣ, а мнѣ сказалъ:

— Это, братецъ, моя Агафья Григорьевна!

Въ концѣ стола, посреди мелюзги, помѣстился рыжій Павлуша, мужчина лѣтъ 30-ти, глухой какъ дерево, косноязычный и съ единственнымъ зрячимъ глазомъ. По справкамъ оказалось, что это также сынъ Ивана Михайловича, отъ другой, еще сенинской метрессы. Павлуша, какъ я сказалъ, былъ управляющимъ кривоносовскаго имѣнія, а другой братъ его, говорятъ, весьма умный и красивый юноша, отданъ родителемъ въ солдаты за крутой нравъ и грубость, нанесенную Гапочкѣ, которая, завладѣвъ сердцемъ Ивана Михайловича и вступивъ во все права барской барыни, слишкомъ зазналась и никому не давала спуска. Вся дворяня, помня недавнее ея ничтожество, когда она была простой Гапкой, дѣвчонкой въ пестрядинномъ платьишкѣ, никакъ не могла помириться съ мыслию, что эта самая замарашка ни съ того ни съ сего стала всемогущей барыней. И чѣмъ она приглянулась своему помѣщику? За что онъ ее полюбилъ? На этотъ вопросъ едва ли въ состояніи былъ отвѣчать и самъ баринъ. Полюбилась сатана пуще яснаго сокола! говоритъ пословица. Оставшись въ первобытномъ состояніи поляйшаго невѣжества, безграмотная и ограниченная, Гапочка не отличалась ни однимъ, сколько-нибудь привлекательнымъ качествомъ, но Иванъ Михайловичъ былъ ею доволенъ—это его дѣло, о вкусахъ не спорять. Родной братъ Гапочки, кучеръ Емельянъ, красивый и здоровый парень, съ окладистой бородой, вздумалъ было вразумлять сестрицу обходиться съ людьми почеловѣчнѣе, но попробовавъ на конюшнѣ березовыхъ, махнулъ на все рукой и сталъ пить горькую молча: ничего молъ съ ней не подѣлалъ, потому—сила.

За столомъ дѣти вели себя отвратительно. Каждая выходка котораго нибудь изъ нихъ сопровождалась замѣчаніемъ то отца, то матери, особенно же отличался будущій Наполеонъ: ему все сходило съ рукъ. Но все эти маленькія шалости были только прелюдіей къ тому вокальному концерту, какой задали они по выходѣ изъ столовой. Отъ непривычки у меня въ ушахъ затрещало. Между тѣмъ родители только ухмылялись отъ удовольствія.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я конца обѣда, чтобы поскорѣе вырваться на вольный воздухъ изъ этого омота: меня тянуло въ лѣсъ, въ поле, къ пруду; но увы! гость—невольникъ, говоритъ пословица.

Найдя во мнѣ смиреннаго слушателя безконечныхъ разсказовъ о своихъ похожденияхъ по великосвѣтскимъ салонамъ, Иванъ Михайловичъ не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ. Послѣ обѣда онъ потащилъ меня въ кабинетъ, завалился въ вольтеровское кресло и въ ожиданіи кофе началъ новую повѣсть о воздушномъ путешествіи въ 1800 году знаменитаго Гарнэрена, съ которымъ на монгольферѣ, какъ извѣстно изъ „Русск. Стар.“, „поднялся до облаковъ генераль Львовъ—просить боговъ объ отпускѣ долговъ“. Казалось бы, о такомъ хоть бы и чрезвычайномъ событіи нечего и распространяться слишкомъ; но надобно знать особую манеру И. М.—ча—длить разсказъ до безконечности. У него, какъ у стараго суворовскаго воина, при воспоминаніи о прошломъ, повторялась въ душѣ вся минувшая жизнь; возобновлялись въ памяти давно забытыя имена, образы, лица, событія.

Jhr bringt mit euch die Bilder froher Tage,--
Und manche liebe Schatten steigen auf. (Göhhs.)

Воспроизводя, по ассоціаціи идей, въ разсказѣ своемъ нѣкоторымъ образомъ цѣлую эпохею минувшаго, разсказчикъ мой не обладалъ, однакожь, въ должной степени этическимъ спокойствіемъ: по временамъ рѣчь его то вдавалась въ лиризмъ, то внезапно принимала драматическую форму—и баринъ изъ эпика становился настоящимъ актеромъ, принимая на себя роли встрѣтившихся въ разсказѣ лицъ, подражая даже ихъ голосу и тѣлодвиженіямъ. Прежде всего онъ обыкновенно излагалъ *curriculum vitae* каждаго такого лица, потомъ заставлялъ его говорить и дѣйствовать *eo ipso*, такъ что чѣмъ больше увлекался мой баринъ разными, занимательными лишь для него одного эпизодами, тѣмъ все дальше и дальше отклонялся отъ главной темы своего разсказа; а потому Гарнэрень во время вечерняго чаю не только не вернулся изъ своего воздушнаго плаванія, но даже еще не тронулся съ мѣста. Послѣ чаю, для моціона передъ ужиномъ, мы отправились на прогулку черезъ плотину въ лѣсъ. Такъ бы, кажется, и побѣжалъ туда въ темную глубь исполинскихъ сосенъ, растянулся бы на душистой травкѣ или бросился бы подъ мельничное колесо, подставивъ свой хребетъ подъ шумящій каскадъ освѣжительной, ярко-сверкающей при свѣтѣ заходящаго солнца воды... Но гость неволь-

никъ: я долженъ былъ сопровождать тяжеловѣснаго помѣщика и слушать вовсе неинтересныя для меня анекдоты о его „добрыхъ пріятеляхъ“—графѣ В., генералѣ Д., сенаторѣ Г. и т. д. Обращался баринъ съ своимъ домашнимъ учителемъ слишкомъ ужъ безцеремонно, вставляя въ свою рѣчь слова: любезный другъ, братецъ ты мой и другіе ласкательныя выраженія.

„Да ты, братецъ ты мой, подумаль я, замучишь меня своими глупыми исторіями. Дешево жъ я продалъ свою свободу“...

Не безъ ужаса представлялъ я собѣ жизнь въ одной комнатѣ съ безпокойными мальчуганами, которымъ придется посвятить большую часть своего времени, а оно мнѣ будетъ такъ дорого въ два послѣдніе года гимназическаго курса. Потомъ, вмѣсто того, чтобы послѣ такой каторжной работы отдохнуть въ деревнѣ, я обязанъ буду слушать нескончаемые рассказы стараго болтуна. Нѣтъ, это невозможно. Я постараюсь со временемъ поставить себя въ положеніе болѣе независимое, иначе все погибнетъ за какіе нибудь сто рублей асс. въ годъ.

Сказаніе о путешествіи Гарнерена такъ и осталось въ тотъ день неоконченнымъ. Когда мы уходили спать, то знаменитый воздухоплаватель только что собирался сѣсть въ лодку. Нѣтъ, думаю себѣ, дудки! Пусть его летитъ, а я—слуга покорный! Вставши съ зарею, я схватилъ ружье и былъ таковъ. Вернулся лишь къ завтраку. Мнѣ сказали, что баринъ уже два раза меня спрашивалъ. Иду въ кабинетъ. Мой помѣщикъ сидитъ надъ аспидной доской и что то пишетъ. Не говоря ни слова, онъ съ какою то таинственностію указалъ мнѣ лѣвой рукой кресло, продолжая писать; потомъ, мяпуть черезъ десять, обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— А знаешь ли, любезный другъ, М. К—чь, чѣмъ я занимался въ твое отсутствіе? Ты вѣрно думаешь: да чѣмъ же тебѣ заниматься, глупый ты человѣкъ, Ив. М—чь? Да и къ чему тебѣ, богатому кривопосовескому пану, чѣмъ нибудь дѣльнымъ заниматься? Нѣтъ, мой другъ, думая такъ, ты крѣпко ошибаешься. Ты еще не знаешь Ивана Михайловича. Ты и вообразить не въ состояніи, что бы могло выйти изъ этого самаго Ивана Михайловича, если бы онъ только захотѣлъ этого самъ. Да, вотъ... не больше какъ въ часъ,

сидя на этомъ самомъ стулѣ, я написалъ прелестное стихотвореніе, такъ, шутя, потому что это мнѣ ничего не стоило. Слушай же!

Тутъ онъ выпрямился и, указывая торжественно рукой за окно на пустопорожнее мѣсто, гдѣ ходили тогда индюшки, выбивая ногой тактъ, продекламировалъ такое четверостишіе:

На самомъ мѣстѣ томъ
Хочу построить домъ,
Домъ, невысокій стѣнами,
За то богатый вкусными пирогами.

— А? что? каково? Бѣлка, Бѣлка! позови Андрюшу!

И новый поэтъ безъ зазрѣнія совѣсти началъ хвалиться передъ сыномъ глупыми стихами, оговорившись, что это не болѣе, какъ экспромптъ.

— Слава Богу, подумалъ я, баринъ, кажется, забылъ про Гарнерэна.

— А propos! вскрикнулъ баринъ: вѣдь я тебѣ вчера, братецъ ты мой, не докончилъ своего разсказа, остановившись на самомъ интересномъ мѣстѣ. И пошелъ, и пошелъ!...

Такъ какъ на другой день мы должны были отправиться въ городъ, то знаменитый аэроплатъ успѣшилъ окончить свое путешествіе за ужиномъ. И генераль Львовъ „на землю спустился, но съ долгами не расплатился“.

Агафья Григорьевна еще съ вечера отправила въ городъ цѣлный обозъ провизіи съ импровизированнымъ поваромъ Максимомъ, который при покойницѣ кривоносовой барынѣ чистилъ на кухнѣ кострюли. Старшему сыну Андрюшѣ дана подробная инструкція, по скольку чего выдавать на обѣдъ и на ужинъ, да присматривать хорошенько за Максимомъ, чтобы не воровалъ провизіи. Такому распоряженію Гапочки я очень обрадовался, такъ какъ экономическая часть была мнѣ совершенно чужда.

Квартиру намъ наняли у квартальнаго Тимощенка, возлѣ шоны. Осмотрѣвши свое новое жилище, я не совсѣмъ остался имъ доволенъ, потому что мнѣ приходилось жить въ одной комнатѣ съ своими учениками, которыхъ кровати отдѣлялись отъ моей только ширмами. Но увидѣвши въ окно бѣлокурую головку съ румянцемъ во всю щеку, я примирился съ этими неудобствами. Каждый репе-

титоръ, моихъ лѣтъ, готовъ перенести всевозможныя невыгоды изъ за такого румянца. Головка, мельничувшая въ окнѣ, принадлежала свояченицѣ квартальнаго Аютѣ, двѣшкѣ шустрой, жаждавшей любви и поцѣлуевъ. А такъ какъ я тоже до мозга костей проникнуть былъ романическими поползновеніями, ища въ то время утѣшенія послѣ разлуки съ кузиной, то мы скоро сошлись... въ какомъ то мрачномъ подземельѣ, куда привела меня довѣренная моей Дульциней, горничная Дуняша, крѣпостная Кости Ушивскаго. Какъ ни сильно я былъ увлеченъ этой взбалмошной барышней, но не на столько, однакожъ, чтобы совершенно потерять рассудокъ. Я убѣждалъ изъ подземелья, какъ Іосифъ отъ жены Пентефрія, сопровождаемый бѣшенымъ хохотомъ услужливой дуэньи, которой мое цѣломудріе по меньшей мѣрѣ показалось глупостью.

Это ночное приключеніе совершенно охладило мою страсть. Я потерялъ всякое уваженіе къ вѣтреницѣ, служившей еще недавно сюжетомъ для моихъ стихотвореній, въ которыхъ она сравнивалась то съ воздушной нимфой, то съ очаровательной феей. Теперь обнаружилось, что моя богиня не походить ни на одно изъ этихъ эфирныхъ созданій; за непомѣрнымъ увлеченіемъ послѣдовало полнѣйшее разочарованіе...

„Мало тебѣ стиховъ и поцѣлуевъ, нахальная полуночница, подумалъ я: такъ ищи себѣ другаго, подь стать твоимъ инстинктамъ!“ — Другой не заставилъ себя долго ждать: онъ явился въ особѣ секретаря дворянской опеки, вовсе не походившаго на цѣломудреннаго Іосифа. „Се вже такый, що не побижыть!“ выразилась о немъ Дуняша.

Такъ кончился мой глупый романъ, и я былъ очень доволенъ, что онъ окончился именно такъ, а не иначе. Благодаря такой скорой развязкѣ, я съ новою энергіей принялся за свои научныя занятія и втеченіе половины осени и цѣлой зимы сдѣлалъ очень много.

Учительскій персоналъ VI класса.

Начну съ важнѣйшаго по своему значенію предмета—съ закупа Вожія. На мѣсто о. Стефана къ намъ изъ Чернигова прибылъ отецъ Василій, который такъ же неискусно „въ нашемъ вертоградѣ

насаждалъ высокія истины религіи“, какъ и его предмѣстникъ, съ тою лишь разницею, что покойника мы очень любили за его доброту и потому мирились съ его педагогической несостоятельностью, а новый нашъ „вертоградарь“ сразу поставилъ себя въ отношеніи къ намъ какъ то странно. При томъ же онъ крѣпко зашибалъ хмѣлемъ и всегда являлся въ гимназію какимъ то заспаннымъ и растрепаннымъ. Преподаваніе церковной исторіи у него ограничивалось диктовкой и спрашиваніемъ вызубреннаго нами урока.

— Пишите, господа: „Баязеть былъ мольніею воинственною“, началъ онъ однажды свое священнодѣйствіе.

А Васька Глотовъ, хотя и написалъ уже цѣлую фразу, потѣхи ради, спрашиваетъ:

— Позвольте, батюшка: чѣмъ былъ Баязеть?

— Мольніей воинственною! кричитъ от. Василій.

— Чѣмъ? спрашиваетъ еще одинъ проказникъ.

— Съ позволенія сказать, Баязеть былъ такимъ же дуракомъ, какъ нѣкоторые изъ васъ, господа! отрѣзалъ о. протоіерей, разсердившись.

Словесникъ такъ же скверно преподавалъ свой предметъ въ VI классѣ, какъ и въ пятомъ, или лучше сказать, не преподавалъ а лишь задавалъ и спрашивалъ.

Осипъ Акимовичъ такъ же добросовѣстно занимался съ нами переводомъ латинскихъ классиковъ, какъ и прежде, употребляя одинъ урокъ въ недѣлю на изученіе чреватой правилами и примѣрами грамматики Цумпта; скандировалъ съ жаромъ оды Горація и управлялъ хоромъ пѣвчихъ, и въ 50 лѣтъ не переставая пѣть дискантомъ.

Приближеніе математическаго урока каждый разъ наводило на меня страхъ. Я не въ силахъ былъ преодолѣть моей антипатіи къ этому предмету, во все продолженіе гимназическаго курса. Нерасположеніе мое къ цифрамъ, буквамъ и формуламъ выразилось въ посланіи къ Курбацкому.

Главная причина непреодолимаго моего отвращенія къ такому важному предмету, какъ математика, скрывалась, какъ мнѣ кажется, въ худой подготовкѣ, начиная съ низшихъ классовъ, въ безтолковомъ, чисто механическомъ преподаваніи Якова Яковлевича и въ послѣдовавшемъ такъ внезапно преобразованіи гимназіи въ 1833

году. Въ III классѣ я сталъ слушать алгебру, не зная ариѳметики; затѣмъ отъ великаго оригинала Матвѣя Албертовича, хотя и основательно знавшаго свой предметъ, но рѣшительно бесполезнаго для учениковъ, по незнанію русскаго языка,—я перешелъ къ Осипу Григорьевичу Бонче-Осмоловскому, который самъ, если вѣрять Матвѣю, „а ей Богу ничего не умѣлъ!“ Такого невыгоднаго мнѣнія о своемъ коллегѣ нашъ оригиналъ не только не старался скрыть, а напротивъ высказывалъ его публично. Выходить, напр., къ доскѣ пансіонеръ Бонча и начинать отвѣчать урокъ:

— А у кого ты живешь? спрашиваетъ учитель.

— У Осипа Григорьевича, отвѣчаетъ ученикъ.

— Ну, то имѣешь единицу!

— За что жъ, Матвѣй Албертовичъ, единицу? я хорошо знаю урокъ, извольте спрашивать.

— А, ей Богу, ненужно спрашивать, бо ничего не разумѣешь.

— Да отчего же не разумѣю? Мнѣ вчера самъ Осипъ Григорьевичъ передѣлалъ урокъ изъ физики и я знаю его хорошо.

— Ото жъ то, за то само имѣешь единицу: бо Осипъ Григорьевичъ самъ ничего не умѣетъ, а ни физики, а ни математики.

— Отчего жъ такъ? пристаеетъ ученикъ: это несправедливо.

— А для того, что онъ дурны—очевидно!

Но если мы много теряли отъ того, что нашъ учитель Бонче „не разумѣлъ математики“ и какъ-то случайно попалъ въ преподаватели этого предмета, то ничуть не больше выигрывали мы и отъ того, что „физыкъ“ нашъ считался знатокомъ своего предмета. Вотъ одинъ изъ его уроковъ, списанный съ натуры.

Приходитъ учитель въ классъ, садится послѣ молитвы за столъ, нюхаетъ табакъ, раскрываетъ физику Щеглова (учебнику Баумгартена онъ не слѣдовалъ вовсе) и начинаетъ.

„Введѣніе! параграфъ одинъ! Всѣ, что существуетъ въ пространствѣ, а наполняетъ субюю оное, называется вѣществомъ али матеріею!“

Затѣмъ, оторвавши глаза отъ книги и глядя на учениковъ поверхъ очковъ, учитель приступаетъ къ объясненію прочитаннаго:

„Всѣ! а что жъ то всѣ? Всѣ, что существуетъ! а гдѣ жъ оно существуетъ? въ пространствѣ. А что жъ то существуетъ въ про-

странствѣ? Ото всѣ. А наполняютъ субою оное. А что жъ то наполняютъ? Ото всѣ! А что жъ оно наполняютъ? Оное, то есть, пространство. А чѣмъ же оно наполняютъ? субою!“ ... и такъ далѣе!

При такомъ подробномъ анализѣ даннаго предложенія, мы, конечно, не играли пассивной роли безмолвныхъ слушателей, а слѣдую сократическому методу, цѣлымъ хоромъ отвѣчали на каждый вопросительный знакъ, стараясь подражать и самому выговору учителя на польскій ладъ, да иногда до того увлекались, что мѣшали заниматься сосѣднему классу. При подобномъ изложеніи своего предмета, Матвѣй нашъ не успѣвалъ пройти и третьей части того, что требовалось программой. Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ теченіе двухъ лѣтъ мы не только не видѣли ни одного физическаго опыта, но даже ни одного инструмента, ограничиваясь лишь чертежами. Какъ бы взаимнѣнъ такого важнаго недостатка при преподаваніи чисто опытной науки, Матвѣй Албертовичъ старался быть до крайности нагляднымъ въ своихъ объясненіяхъ. Въ примѣрѣ такой наглядности можно привести лекцію „объ устройствѣ глаза“, въ статьѣ о свѣтѣ.

„А ежели мы возьмемъ глазъ вола, а поставимъ его на столѣ, то онъ ничо́го не увидитъ. Ото жъ то значитъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ? Ду́ша! Душа сидитъ въ мозгу, а дѣргаетъ вены а артеріи, которыя прикрѣплены суть до нашего глаза, такимъ то способомъ всѣ предметы, находящіеся передъ нами, даютъ себя видѣть. А изъ того всего слѣдуетъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ?“

„Ду́ша!“ крикнули мы всѣмъ классомъ.

Или вотъ другой обращикъ „наглядности“ нашего „физыка“.

Въ опроверженіе мнѣнія идеалистовъ, утверждающихъ, что предметы видимаго міра существуютъ потолику, поколику имъ даетъ бытіе наше Я, что они не больше, какъ призраки—Матвѣй нашъ привелъ такой осязательный примѣръ:

„А ежели я возьму палку, а дамъ идеалистѣ десять ударовъ, очевидно, онъ не станетъ утверждать, что палка есть призракъ и не существуетъ какъ только въ его воображеніи.“

Остзеецъ Эдуардъ, по прежнему, держалъ классъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Если мы не очень уважали его за нѣкоторыя нравственныя качества—(онъ, какъ охотникъ, былъ страшный лгунъ), то по

крайней мѣрѣ боялись, какъ человѣка смѣлаго и неустрашимого. Отчаянный игрокъ и деспотъ въ семействѣ, все таки нашъ нѣмецъ былъ недюжинный преподаватель, какими большею частію сльвуть учителя иностранныхъ языковъ. Онъ хорошо зналъ по русски и былъ даже немножко литераторъ: перевелъ на нѣмецкій языкъ повѣсть Марлинскаго „Фрегатъ Надежда“ и напечаталъ въ какомъ то нѣмецкомъ журналѣ. Объ этомъ подвигѣ Эдуардъ протрубилъ всеѣмъ уши. Все русскіе нѣмцы, достигшіе въ русской службѣ „степеней извѣстныхъ“ какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, были, по его словамъ, ему пріятели. А Тотлебена, когда тотъ былъ мальчикомъ, онъ не однажды сѣкалъ.

На мѣсто бѣжавшаго отъ насъ съ посрамленіемъ француза Тереха, опредѣленъ полячекъ С—вичъ, о которомъ можно сказать развѣ только то, что сказали запорожцы о турецкомъ султанѣ: „уеѣго свита и подсвита блазень, хвастуць и брехунъ!“ Будучи немногимъ чѣмъ постарше нѣкоторыхъ изъ насъ, онъ иногда пускался съ нами въ такія интимности, по части извѣстныхъ понозловеній, что Герасимъ Ивановичъ счелъ долгомъ вразумить сего непризваннаго педагога, какъ мальчишку. Лишенный такимъ образомъ удовольствія бесѣдовать съ нами въ классѣ, онъ сталъ приглашать насъ на домъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ угощать не только чаемъ, но и клубничкой.. С—вичъ жилъ съ матерью, третировавшею его, какъ недоросля. О, продувная бестія была эти полька, у которой, не знаю почему, замѣтенъ былъ жидовскій акцентъ, когда она говорила по русски. Къ счастью, этотъ „блазень“ былъ у насъ недолго. Его смѣнилъ бывшій гувернеръ почетнаго попечителя М-г Denis. Замѣчательно, что этотъ галлъ, проживши въ Россіи около 10 лѣтъ въ русскомъ семействѣ камергера, ни слова не зналъ по русски и явился къ намъ на первый урокъ, какъ будто только что прибылъ изъ Парижа.

Первый урокъ новаго преподавателя прошелъ у насъ очень весело. Мы дружно принялись учить бусурмана по русски, прежде нежели онъ научитъ насъ чемунибудь по французски, при чемъ мы ругали его за непонятливость самыми площадными словами, а онъ только тарачилъ глаза и спрашивалъ: Comment, comment? Qu'est ce sa дурѣнь?

Не получивъ отъ насъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ обратился въ сборной учительской къ сослуживцамъ за разъясненіемъ слова дурень, и потомъ, прійдя на другой день въ классъ, прямо обратился къ Шабловскому съ азартомъ.

— Ты—дурень! Я понимаю—ты самъ дурень, bête, animal!

Чтобы отвлечь вниманіе француза отъ товарища, кто-то заикнулся о Наполеонѣ.

— Иии... Наполеонъ бы великій шеловѣкъ! закричалъ Denis, удаляя кулакомъ по столу—и пошелъ расписывать.

Правда, мы не все и поняли изъ того, что онъ намъ торочилъ, но все таки наши познанія во французскомъ языкѣ были не на столько слабы, чтобы не понять, съ какимъ энтузіазмомъ относится бывшій барабанщикъ de la grande armée къ своему идолу, къ этому le dieu des bons gens. Наше патріотическое чувство не могло не возмутиться отъ такого обоготворенія врага нашего отчества—корсиканца Бонапарта, о которомъ нѣкоторые изъ насъ знали тогда не больше гимназическаго сторожа Степана, любившаго во хмѣлю пѣть извѣстную солдатскую пѣсню того времени: „За горами за долами Бонапартъ съ плясунами“ и пр.

— Да что ты тамъ врешь, мусю? отозвался кто то съ задней скамьи, развѣ намъ неизвѣстно, что сдѣлали съ французами русскіе въ 12 году? Дали вамъ, голоштанникамъ, джосу добре!

— Comment? comment? Qu'est ce que ça джосу?

Когда ему растолковали значеніе этого слова, онъ еще болѣе вошелъ въ азартъ:

— А Остерлицъ? И далъ Наполеонъ джосу, хе, хе, хе!..

Затѣмъ, когда бонапартисту напомнили про Ватерлб, онъ схватилъ мѣлъ и началъ рисовать на доскѣ планъ ватерлоской битвы, взрекая проклятія на маршала Груши, не поспѣвшаго на выручку героя ста дней.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось взаимное раздраженіе учителя и учениковъ, если бы не поспѣшилъ къ французу на помощь всевѣдущій Герасимъ Ивановичъ, который зачастую не прочь былъ и ухо приложить къ дверямъ, дабы узнать, что дѣлается въ классѣ.

По предмету рисованія въ VI классѣ я продолжалъ „отдѣлывать“ свсего козла, начатаго еще въ V классѣ и нарисованнаго

разновременно самимъ Шатоу, которому я по временамъ преподносилъ свое художественное произведеніе для поправокъ. Козель мой былъ однако же такъ старъ, что началъ даже линять отъ времени и къ концу года совершенно разлѣзся. Какъ ни старался я подклеить его, чтобы продлить существованіе почтеннаго животнаго, но къ величайшему ущербу жанровой живописной школы русской, твореніе мое безвозвратно погибло для потомства.

Въ ряду преподавателей гимназіи былъ одинъ весьма замѣчательный человѣкъ—учитель исторіи Михаилъ Гавриловичъ Ерофѣевъ, который едва ли не болѣе всѣхъ своихъ товарищей, вмѣстѣ взятыхъ, способствовалъ нашему развитію. Уроки исторіи не ограничивались у него, какъ у нашего словесника, однимъ задаваньемъ и спрашиваньемъ; онъ даже вовсе не придерживался казеннаго учебника Кайданова и Смирнова, относясь къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Зная основательно нѣмецкій языкъ, Михаилъ Гавриловичъ диктовалъ намъ среднюю и новую исторію изъ Геерена, Лудена и др. нѣмецкихъ авторовъ. Записки эти постоянно дополнялись подробнымъ устнымъ изложеніемъ важнѣйшихъ событій. Историкъ нашъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, много читалъ и съ любовію дѣлился съ нами плодами своихъ ученыхъ занятій.

Къ стыду нашего Коконко, Михайло Гавриловичъ прежде его познакомилъ насъ съ Гоголемъ, о которомъ въ то время въ нашей журналистикѣ шли самыя разнорѣчивыя толки. Закоренѣлые классики, воспитанные на одахъ Ломоносова и Державина, съ пѣной у рта бранили все юное, свѣжее, жизненное, считая такъ называемую „натуральную школу“ профанаціей искусства, отводя ея родоначальнику Гоголю низменное мѣсто въ ряду жалкихъ подражателей Бальзака. Нашъ историкъ настолько обладалъ критическимъ умомъ и здравымъ литературнымъ сужденіемъ, что, прочитавъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, чрезвычайно мѣтко оцѣнилъ великій талантъ будущаго творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

„Въ этой смѣшной повѣсти, господа, проглядываетъ высокое дарованіе. Это одно изъ первыхъ произведеній молодаго писателя. Судя по началу, отъ него можно ожидать гениальныхъ произведеній“; сказалъ онъ намъ однажды во время урока.

Отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ, говорятъ французы. Въ то время, когда М. Г—чь, поговоривъ о Гоголѣ, приступилъ къ характеристикѣ Густава Адольфа, въ классъ ввалился пьяный Павло, волоча за собой на веревкѣ огромное березовое полѣно.

— Треба вамъ, паньчу, колодку привязать, обратился онъ къ нашему наставнику, и потомъ, ставши на одно колѣно, примостился привязать бревно къ ногѣ учителя.

Съ ужасомъ вскочилъ М. Г—чь съ каеэды и сталъ гнать Павла изъ класса, но тотъ не вышелъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ двугривеннаго на водку.

Исторія сія случилась съ нашимъ историкомъ на масляной, въ понедѣльникъ—день, въ который, по существующему издревле въ городѣ обычаю, всеѣмъ холостякамъ, не успѣвшимъ до заговинъ жениться, привязываютъ колодки, налагая на нихъ какъ бы штрафъ за уклоненіе отъ брачныхъ узъ. Вымороченныя такимъ образомъ деньги тотчасъ же пропиваются въ кругу честной компаніи. Вотъ причина, отчего въ сей „колодочный день“ въ градѣ нашемъ бываетъ велие пиянство и безобразіе.

Директоръ И. Ѳ. Тимковскій и его преемникъ.

Гиперіонъ, въ сравненіи съ симъ сатиромъ.
Шекспиръ.

Позднею осенью 1838 года, въ жизни нашего заведенія совершился переломъ: директоръ нашъ Илья Ѳедоровичъ¹⁾, докторъ правъ и философіи, уволенъ въ отставку, а на его мѣсто перемѣщенъ изъ Каменца-Подольскаго какой то штабъ-лѣкарь Батаровскій. Сотрудникъ гр. Аракчеева по устройству военныхъ поселеній, первый попечитель кievскаго учебнаго округа, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке нашелъ, что Тимковскій, при всей своей учености, не можетъ долѣе оставаться на службѣ. Вникая во все тонкости учебнаго дѣла, отъ университета до приходскаго училища, фонъ Брадке, зтогъ

¹⁾ По окончаніи московскаго университета, Тимковскій слушалъ лекціи въ Геттингенѣ, удостоенъ ученой степени доктора и состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. 6 лѣтъ былъ профессоромъ харьковскаго университета, будучи, сверхъ того, ревизоромъ по округу. Посѣтилъ новгородъ-сѣверскую гимназію, женился на дочери Халавскаго, получивъ въ приданое с. Турановку глухов. уѣзда.

великій чоловікъ на малыя дѣла, любилъ всему дать строгій порядокъ, опредѣленную форму и направленіе. Регламентация его рѣжима заходила далеко за предѣлы умѣренности: онъ старался подвести подъ правила и такія явленія учебной жизни, которыя ни подъ какія правила не укладываются. Очень естественно, что нашъ Илья Ѳедоровичъ, какъ администраторъ, не могъ удовлетворить требованіямъ такого формалиста. Управляя гимназіей большую половину года изъ Турановки, за 40 верстъ отъ города, куда отсылались всѣ полученныя изъ округа бумаги, требовавшія, при „барабанной скоропоспѣшности“¹⁾ попечителя и его секретаря Зимовскаго, немедленной отписки, Тимковскій отвѣчалъ на нихъ не скоро (а иногда дѣлалъ на нихъ возраженія), не по формѣ, за что получалъ выговоры и подтвержденія. Но все это мало на него дѣйствовало: относительно бюрократической точности, онъ былъ неисправимъ и до конца своей службы остался вѣренъ самому себѣ, послѣ того, какъ будучи глуховскимъ судьей, въ два года рѣшилъ одно дѣло. Такая небрежность, относительно требованій начальства, выводила попечителя изъ терпѣнія, какъ чоловіка аккуратнаго по аракчеевски и мелочнаго до щепетильности. „Форма и буква суть вещи неизбѣжныя, безъ нихъ въ правленіи нѣтъ устойчивости“, говоритъ самъ Бракке въ своихъ автобіографическихъ запискахъ. Понятно, что нашъ достойнѣйшій классикъ не могъ не показаться таксму рьяному бюрократу аномаліей въ ряду другихъ директоровъ, ограничивавшихъ свою учебную дѣятельность исключительно одной отпиской.

Главный обвинительный пунктъ, падавшій на нашего директора — пребываніе его въ учебное время въ Турановкѣ, по моему мнѣнію, не столь важенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Кая польза, братія моя, заведенію отъ того, что иной директоръ, не выѣзжая изъ города, сиднемъ сидитъ въ своей квартирѣ, какъ падишахъ въ халатѣ, и только подписываетъ канцелярскія бумаги, не заглядывая въ классы? Вѣдь были же въ наше время такіе директора, которые посѣщали гимназію еще рѣже Тимковскаго, считался въ то же время образцовыми администраторами. Другой, пожалуй, и часто шляется по классамъ, сопровождаемый шумомъ и шарканьемъ учениковъ, но

¹⁾ Выраженіе это принадлежитъ б. воспитаннику новгородъ-сѣверской гимназій, племяннику Тимковскаго, ректору кіевск. универ. Максимовичу.

какая отъ того польза? Придетъ, скажетъ нѣсколько ненужныхъ словъ, такъ чтобъ только не молчать, замѣтитъ нѣсколько неостроженныхъ подъ гребенку головъ, разстегнутые крючки или отсутствіе пуговицы и пойдетъ отыскивать инспектора, чтобы дать ему нагоняй за упущеніе по службѣ. Вслѣдъ за директоромъ, въ классъ, какъ ураганъ, врывается инспекторъ; весь красный, какъ буракъ, начинаетъ ругаться и шарпать виновныхъ за нарушеніе формы, а учитель въ это время стоитъ подлѣ доски, какъ автоматъ, и слушаетъ ругань, вовсе не относящуюся ни къ педагогії вообще, ни къ его уроку въ особенности.

Рѣдкія посѣщенія Ильею Федоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся. Его задушевныя, проникнутыя пламенною любовію къ молодому поколѣнію рѣчи—импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду; его выразительное, прочувствованное чтеніе во время говѣнья располагало воспитанниковъ къ молитвѣ. Не говорю уже объ экзаменахъ: тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ. Представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполне компетентнаго въ дѣлѣ науки. Въ ученомъ мѣрѣ Тимковскій въ свое время пользовался извѣстностію, какъ великій знатокъ римской литературы, какъ филологъ, ораторъ и отчасти поэтъ. Употреблявшійся у насъ тогда, какъ учебное пособіе, „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка“ считался въ оное время солидно ученымъ сочиненіемъ. Контроль такого начальника заставлялъ cadaго преподавателя быть на сторожѣ, чтобы не дойти до апатіи и nepoтuзuма, часто неразлучныхъ съ однообразною учительскою профессіею. Конечно, въ семьѣ не безъ урoдa: и между нашими педагогами были такіе субъекты, которыхъ не пробудила бы къ жизни и послѣдняя труба архангела, но гдѣ и когда ихъ не было?

Въ заключеніе своей апології, считаю долгомъ напомнить всемъ, кто слѣдилъ за судьбами нашего общественнаго образованія, чѣмъ были наши гимназіи въ 20 и 30 годахъ нынѣшняго столѣтія? Если онѣ были плохи, то все таки новгородъ-сѣверская гимназія, при

Тимковскомъ, считалась лучшею въ округѣ и воспитанники ея славились знаніемъ латыни, считаясь въ то же время самыми развитыми людьми. Харьковскій университетъ, до увольненія Тимковскаго, принималъ нашихъ гимназистовъ безъ испытанія, по аттестаціи директора. Въ фактѣ этомъ я нахожу самое краснорѣчивое опроверженіе издавна вкоренившагося мнѣнія въ извѣстныхъ педагогическихъ кружкахъ о служебной дѣятельности Тимковскаго, дѣятельности, которая развѣ только съ канцелярской точки зрѣнія можетъ показаться бесполезною.

Въ одинъ пасмурный день, осенью, по гимназіи пронеслась вѣсть о пріѣздѣ директора. Такъ какъ посѣщенію его всегда предшествовала суета инспектора и возня сторожей съ подтиркою половъ, то настоящій внезапный пріѣздъ Ильи Ѳедоровича не могъ не показаться чѣмъ то чрезвычайнымъ. Герасимъ Ивановичъ какимъ то таинственнымъ голосомъ передалъ намъ приказаніе собраться въ залу. Пока сходились ученики и занимали указанныя мѣста, Илья Ѳедоровичъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ портретомъ кн. Репнина. Никогда не видали мы его такимъ мрачнымъ, какъ въ этотъ памятный для насъ день. Воцарилась мертвая тишина. Окинувши все собраніе грустнымъ взглядомъ, директоръ досталъ изъ кармана приготовленную имъ рѣчь (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и началъ:

„Дѣти! я васъ оставляю. Пишите отцамъ своимъ, что меня уже нѣтъ съ вами!“

Послѣ этихъ словъ, гроза дѣтей инспекторъ, самъ никогда не плакавшій, но заставлявшій плакать другихъ, первый не выдержалъ и зарыдалъ. А какъ плачь, какъ и смѣхъ, заразителенъ, то многіе изъ учениковъ тоже заплакали. Если бы И. Ѳ—чь не запасся на сей разъ тетрадкой, то едва ли бы онъ былъ въ состояніи продолжать свою рѣчь отъ сильнаго душевнаго волненія, котораго онъ не въ силахъ былъ преодолѣть, при всей твердости своей воли, по истинѣ катоновской. Къ величайшему прискорбію нашему, рѣчь эта ни у кого, кажется, не сохранилась въ такомъ видѣ, въ какомъ она была произнесена. Передавать же ея содержаніе по памяти я не берусь, боясь уронить ея достоинства¹⁾.

¹⁾ Записки И. Ѳ. Тимковскаго помѣщены въ „Москвитяинѣ“ 1851, №№ 9 и 10; 1852, №№ 17, 18 и 20. Послѣднія перепечатаны въ исправл. видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

Онъ кончилъ... а мы все еще стояли, какъ осужденные, выслушавшіе свой смертный приговоръ. Опомнившись, наконецъ, отъ разразившагося надъ нами удара, нѣкоторые изъ насъ начали высказывать вслухъ свое негодованіе и ропотъ на того, кто былъ виновникомъ постигшей катастрофы.

Недѣли двѣ спустя, пріѣхалъ нашъ новый начальникъ, какой то докторъ медицины, должно быть залечивать раны и ампутировать пораженные члены разслабленнаго организма нашей гимназіи. Мы, по привычкѣ, ждали, что вотъ вотъ позовутъ насъ въ залу слушать рѣчь, долженствовавшую, по мнѣнію нѣкоторыхъ остроумцевъ, предохранить насъ на первый разъ отъ простуды и поноса, а тамъ и отъ болѣе серьезныхъ болѣзней. Но ничего подобнаго не дождались.

Прибывши, наконецъ, въ гимназію, нашъ новый директоръ застѣмилъ ножками по классамъ и для перваго дебюта заявилъ, въ VI классѣ, что онъ „постарается вывести тимковщину“, что онъ ежедневно будетъ посѣщать гимназію, будетъ за нами наблюдать и строго взysкивать за шалости и манкировки. Отрекомендовавшись такимъ манеромъ, онъ вышелъ изъ класса на цыпочкахъ, по обычаю докторовъ, уходящихъ изъ комнаты своихъ пациентовъ. Докторскій визитъ и предписанный намъ рецептъ, совершенно, въ сущности, здоровымъ юношамъ, больно намъ не понравился, поселивъ въ насъ недовѣріе къ искусству врача—педагога, который „ни сѣла ни пала—дай, баба, сала“—похваляется вывести „тимковщину“.

— Этого мы еще будемъ посмотрѣть! какъ выражался во время оно нашъ косоглазый смотритель—аптекарь, какъ то еще тебѣ удастся вывести.

Проходитъ день, другой, недѣля, мѣсяцъ—не видать нашего директора! Не всѣ даже и присмотрѣлись къ нему хорошенько; хотѣлось бы еще разъ взглянуть на него, каковъ онъ? Иные утверждали, что у него глаза красны, какъ у рака; другіе прибавляли, что это происходитъ отъ знакомства съ бахусомъ... Тайнственность и замкнутость его холостой жизни привела насъ къ теоріи догадокъ и предположеній. Сначала утверждали, что онъ якобы день и ночь сидитъ надъ дѣлами, запущенными его предмѣстникомъ. Но какъ бы дѣла канцеляріи запущены ни были, все таки ихъ можно привести въ порядокъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; да, наконецъ, есть же въ гим-

нази дѣла и поважнѣе канцелярскихъ. Хоть бы черезъ окно увидѣть его, но ставни отъ улицы постоянно закрыты.

Настала весна. Сказанія о домашней жизни директора стали принимать характеръ чисто миѳологическій, напомнивъ намъ нѣкоторыя изъ метаморфозъ Овидія, именно тѣ, въ которыхъ изображаются любовныя похождения олимпійцевъ. Мы узнали доподлинно, что нашъ директоръ построилъ въ саду бесѣдку и тамъ постоянно прохладается. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго; но не въ бесѣдкѣ дѣло, а въ томъ, что изъ директорскаго сада продѣлана калитка въ инспекторскій, а изъ инспекторскаго въ сосѣдній учительскій, и что директоръ, переодѣтый пастушкомъ, или просто въ халатѣ, изволилъ по ночамъ прогуливаться по садамъ, и не одинъ... Это тоже въ своемъ родѣ метаморфоза, но только не та, которую мы переводили въ прошломъ году съ Ильею Федоро; вичемъ на экзаменѣ: значить, вывелъ таки „тимковщину“, поставилъ на своемъ.

Время близилось къ экзаменамъ. Собравшись вечеромъ у одного изъ товарищей, мы вспоминали счастливые годы директора Тимковского и недоумѣвали, что будетъ съ нашими экзаменами при новыхъ порядкахъ. „Тимковщина“ дѣйствительно стала мало по малу выдыхаться, уступая мѣсто иному направленію, которое хотя еще вполнѣ не выяснилось, но уже довольно обозначилось.

Наканунѣ перваго мая инспекторъ объявилъ намъ курьезную новость, что г. директоръ, по обычаю западныхъ школъ, затѣялъ праздновать „маѣвку“—штука до того небывалая на лѣвой сторонѣ Днѣпра¹⁾. На другой день мы собрались въ гимназію безъ книгъ и большой гурьбой повалили въ Полковницкій гай. Воспитанникамъ приготовлено угощеніе, состоявшее изъ булокъ, чаю, апельсинъ и холоднаго жаркаго. Для учителей были въ изобиліи водка, вино и ромео. Намъ захотѣлось тоже отвѣдать содержимаго въ бутылкахъ и потому мы отрядили депутацію къ распорядителю празденства Эдуарду Андреевичу—просить по одной бутылкѣ для двухъ высшихъ классовъ. Распорядитель спросилъ на то разрѣшенія директора, ко-

¹⁾ За интимныя отношенія къ полякамъ и за потворство ихъ шляхетскимъ притязаніямъ въ юго-западномъ краѣ Батаровскій изъ Каменца переведенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ.

торый вмѣсто двухъ велѣлъ отпустить по четыре. Попробовавъ хмѣльной влаги, мы вошли во вкусъ и снарядили отъ себя гонца въ городъ купить вина побольше да позабористѣе, такъ что къ вечеру и мы были такъ же пьяны, какъ и наши наставники, не исключая, разумѣется, и главнаго виновника торжества. Этотъ развеселый праздникъ имѣлъ для насъ такое значеніе, какое имѣли для рабовъ древняго Рима „сатурнали“, когда каждому рабу вольно было выражать вслухъ свои мысли въ присутствіи господъ, не боясь за то наказанія¹⁾. Подъ эгидой этого священнаго права, разгоряченные дарами Вакха, мы наговорили въ глаза своимъ наставникамъ довольно горькой правды, но больше всѣхъ досталось директору: пусть моль знаетъ, что намъ хорошо извѣстна классическая поговорка: *in vino—veritas!* Несмотря однакожь на такую продерзость, наши добрые воспитатели не только не разсердились на насъ, а напротивъ, ни съ того, ни съ сего, полѣзли съ нами обниматься и цѣловаться, увѣряя насъ въ своей любви и преданности.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы шумною толпой, съ пѣснями и свистомъ, тронулись въ обратный путь. Директора и нѣкоторыхъ учителей, конечно, для бѣльшаго почета, вели подъ руки. Сограждане наши, отправляясь, по обыкновенію, въ объятія Морфея съ заходомъ солнца, давно уже почивали мертвымъ сномъ, какимъ спять вообще всѣ недумающіе люди,—какъ вдругъ по стогнамъ града раздались залихватскія пѣсни входившихъ въ городъ гимназистовъ. Мирнымъ жителямъ спросонку показалось, что въ городъ ихъ вступаютъ солдаты, коихъ шествіе, какъ извѣстно, сопровождается воинственными кликами и трубными звуками; но каково же было ихъ удивленіе, когда, протерши глаза, они увѣрились, что орутъ пѣсни не мужественные сыны Марса, а юные питомцы Апполона, при участіи самого начальства и всего ученаго свѣклита.

— Оце кумедня! Сѣго ще здру не було! сказалъ одинъ изъ зрителей сторожилъ, Паренъ Мулюха, запирая двери и возвращаясь въ свою конуру.

— Горе граду, идѣже князь младъ! прорекъ во всеуслышаніе часовыхъ дѣлъ мастеръ Оома Ивановичъ Шотъ, стоя въ одной рубахѣ у открытаго окна своего дома, мимо котораго мы проходили.

¹⁾ Дни, посвященные Сатурну, который, по преданію, царствовалъ въ золотой вѣкъ, когда люди всѣ были равны.

— Это... это ни съ чѣмъ несообразно! выразился сдержанно нашъ умный историкъ Михайлъ Гавриловичъ, сдѣлавъ ему одному своей-ственной гримасу, въ которой ясно выразилось глубочайшее презрѣніе къ виновнику этого скандала.

Изъ всего вышесказаннаго явствуется, что нашъ новый начальникъ потерялъ полнѣйшее фіаско во мнѣніи всего городского общества, не исключая и самихъ учениковъ, у которыхъ онъ, посредствомъ „маёвки“, хотѣлъ заискать популярности. Нѣкоторые легкомысленные юноши—будущіе пролазы—дѣйствительно поддались на эту приманку, но ученики съ серьезнымъ направленіемъ, по случаю учиненнаго дебоша, еще больше стали сожалѣть объ уtratѣ незабвеннаго Ильи Ѳеодоровича. Но сожалѣнію нашему не было предѣловъ, когда начались экзамены. Относясь къ учебному дѣлу съ одной лишь формальной стороны, нашъ новый директоръ во время испытанія игралъ совершенно пассивную роль, безучастно выслушивая наши отвѣты и ставя въ своемъ спискѣ отмѣтки зря, или сообразуясь съ годичными баллами, не всегда справедливыми. Побывавъ на двухъ-трехъ такихъ экзаменахъ, мы начали высказывать свое мнѣніе о директорѣ, не стѣняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ.

— Горячія вы головы, господа! замѣтилъ намъ директорскій письмоводитель Буковскій внушительно, пословица говоритъ: палку поставь—и палки нужно бояться!

— Нѣсть власть, аще не отъ Бога, твердилъ нашъ законоучитель Янчевскій, укрощая строптивыхъ, повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покарайтесь, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ.

— Смирись! кричалъ нашъ французъ Denis, водворяя тишину въ классѣ, silence, messieurs, silence!

— Молчать, дубина! честилъ насъ по русски нетерпѣвшій никакихъ противорѣчій словесникъ Коконко.

Эге, подумали мы, значить не одинъ письмоводитель, по невѣдѣнію, въ простотѣ сердечной, сотворилъ себѣ кумира въ видѣ палки, но и люди, гордящіеся своимъ образованіемъ въ одинъ голосъ проповѣдуютъ все тотъ же молчалинскій принципъ самоуничиженія, что мы, въ нѣкоторомъ родѣ разумныя существа, не можемъ и не должны „снѣтъ свое сужденіе имѣть“.

У одного только нашего Албертовича слышалось на урокахъ слово, котораго очень не жаловали прочіе наши наставники.

— А разсуждай! выкрикивалъ онъ постоянно, при спрашиваньи урока; но и у него это хорошее слово употреблялось въ самомъ узкомъ значеніи, а именно: когда какойнибудь самозванный иксъ (X), займетъ мѣсто, которое, по всей справедливости, должно принадлежать зету (Z), чего бы, конечно, не случилось, если бы, слѣдующаго мудрому совѣту почтеннаго математика, соблюдая условія задачи, мы больше разсуждали, чѣмъ молчали, о чемъ такъ усердно хлопочеть и чего такъ страшно не любить другой намъ педагогъ— преподаватель логики Кизиветтера.

Въ директорство Батаровскаго съ нашимъ уважаемымъ историкомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Ерофѣевымъ случилась исторія, которая была бы немислима въ управленіе гимназіей И. Θ. Тимковскимъ.

Въ маленькомъ нашемъ городкѣ поселилась, для воспитанія дѣтей, великая аристократка, какая то промотавшаяся графиня, забившаяся, послѣ за-границы, въ глушь на подножный кормъ. Такъ какъ за частныя уроки учителямъ платить было нечѣмъ, то она подблалась къ директору и при его посредствѣ хотѣла учить дѣтей задаромъ. Батаровскій, дорожа сіятельнымъ знакомствомъ, сталъ вербовать учителей. Всѣ согласились, за исключеніемъ одного Ерофѣева. Изъ за этого между ними возникли большія контры, тянувшіяся вплоть до пріѣзда попечителя на ревизію. Князь Давыдовъ, какъ извѣстно, не стѣняясь, всѣмъ учителямъ говорилъ „ты.“ Пришелъ онъ на урокъ исторіи и, не слушая отвѣтовъ учениковъ, прямо обратился къ учителю съ выговоромъ, что, по заявленію директора, предметъ его идетъ плохо, что онъ не умѣетъ преподавать, а только грубить начальству и что, вслѣдствіе такихъ причинъ, онъ, князь, переведетъ его, Ерофѣева, въ уѣздное училище.

Чего стоило нашему почтенному историку, при его благородномъ самолюбіи, перенести такое наглое оскорбленіе въ присутствіи учениковъ, привыкшихъ видѣть въ немъ перваго преподавателя гимназіи какъ по учености, такъ и по развитію умственному! Изъ гимназіи князь отправился на обѣдъ къ М. О. Судіенку. За столомъ зашла рѣчь о времяпровожденіи въ такомъ мизерномъ городкѣ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ. Каково же было удивленіе его сіятельства, (если только оно, это сіятельство, чему нибудь и когда ни-

будь удивлялось), когда Михайлъ Осиповичъ сказалъ, что единственный въ городѣ челоѣкъ, обществу котораго онъ обязанъ многими пріятными вечерами, тотъ самый Ерофѣевъ, котораго онъ, князь, купно съ директоромъ, думаютъ упрятать въ уѣздное училище. Просвѣщенный умъ Судіенка по достоинству оцѣнилъ нашего Герена, какъ мы прозвали своего историка: по его мнѣнію, это былъ челоѣкъ, серьезно! занимающійся наукой, такъ что мѣсто ему не въ гимназіи, а въ университетѣ.

— Ааа! воскликнулъ князь, такъ вотъ онъ у васъ какой,—ну такъ и у меня будетъ хорошъ.

Воротившись въ квартиру, попечитель нашель у себя на столѣ прошеніе Михаила Гавриловича объ отставкѣ. Посылаетъ за нимъ князь и предлагаетъ взять просьбу назадъ: Ерофѣевъ отказался въ довольно рѣзкой формѣ.

— Ваше сіятельство! отвѣтилъ ему Ерофѣевъ, я служу не на мѣренъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Ерофѣева перемѣстили въ немировскую гимназію, куда онъ, кажется, и не ѣздилъ, такъ какъ, по протекціи брата, служившаго въ Петербургѣ въ какомъ то департаментѣ, наставникъ нашъ получилъ мѣсто совѣтника въ курской казенной палатѣ, гдѣ, говорятъ, онъ началъ свою дѣятельность съ того, что сталъ учить палатскихъ чиновниковъ русской грамматикѣ, а кончилъ тѣмъ, что, желая искоренить взяточничество, впалъ въ немилость начальства и хотя не былъ уволенъ отъ службы, благодаря той же поддержкѣ брата, но въ конецъ разстроилъ свое здоровье и долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 50-тыхъ годахъ страдающимъ сильнымъ разстройствомъ нервовъ и спазмами. Больной питался однимъ бульономъ, не могъ спать, не принявши опиума. Забытый всѣми труженикъ науки доживалъ остатокъ дней своихъ въ виду того заведенія, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Изъ ученыхъ его трудовъ напечатанъ только переводъ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ Лудена.

Поѣздка въ деревню. Смерть отца. Иванъ Михайловичъ примиряется съ Богомъ.

Живя постоянно внѣ дома и занятый во все остававшееся отъ уроковъ время то вознею съ бездарными мальчуганами, то собственной работой, я не могъ часто навѣщать родныхъ, бывая дома только по субботамъ. Пользуясь моимъ приходомъ, матушка моя, по старому козацкому обычаю, мыла мнѣ голову, какъ поется въ нашей народной пѣснѣ:

Иды, сынку, до домоньку—
Змыю тобі головоньку!

Видя гнетущую нужду семейства, я отдавалъ матери послѣднія трудовыя деньги, получаемыя частію отъ Ивана Михайловича, частію отъ учениковъ, приходившихъ ко мнѣ на репетиціи. Эта ничтожная помощь не могла, конечно, удовлетворить всѣмъ домашнимъ потребностямъ; пять душъ семейства, въ числѣ коихъ была слѣзная 80-ти лѣтняя бабушка и двѣ сестры, почти дѣвочки. Отецъ въ послѣднее время сталъ сильно хворать и ровно ничѣмъ не занимался. При такихъ условіяхъ, поѣздка въ деревню на Рождество Христово была неизбѣжна. Хотя зимой, особенно у такого надоедливаго барина, какъ Иванъ Михайловичъ, мнѣ предстояла смертная скука, но для сокращенія расходовъ по дому, я долженъ былъ волей-неволей отправиться. При прощаніи съ отцомъ, я въ первый разъ замѣтилъ, что онъ очень плохъ. Первымъ движеніемъ моимъ, послѣ такого печальнаго открытія, была рѣшимость остаться на праздники дома, но батюшка сталъ меня сильно упрашивать не дѣлать этого, увѣривъ меня, что болѣзнь пройдетъ и что опасности никакой не предвидится. Скрѣпя сердце, я поѣхалъ въ Боровичи, куда меня главнымъ образомъ тянулъ сундукъ съ французскими книгами, какими то судьбами уцѣлѣвшій отъ сѣнинскаго погрома, вмѣстѣ съ старинной мебелью. Къ сундуку этому я давнѣе подбирался, пообщавъ барину заняться составленіемъ каталога всѣмъ хранившимся тамъ книгамъ. По прибытіи на мѣсто, я безотлагательно присталъ къ хозяину съ просьбой передать мнѣ ключъ и наконецъ, о радость! щелкнулъ замокъ и передо мною лежала масса запыленныхъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ. Скупой рыцарь (у Пушкина) не радовался такъ, открывъ сундукъ съ червонцами, какъ

обрадовался я, увидѣвъ передъ собой нетлѣнные сокровища человеческого ума: то были, большею частію, творенія знаменитыхъ энциклопедистовъ, жрецовъ богини Разума, провозвѣстниковъ свободы, поборниковъ правъ человѣка—творенія, подготовившія великій переворотъ 1789 года... Благодаря самостоятельному труду, я былъ настолько уже силенъ во французскомъ языкѣ, что могъ читать эти книги при небольшомъ пособіи лексикона. Передо мною открылся новый міръ идей и понятій, совершенно непохожій на тотъ тѣсный, удушливый, замкнутый кругозоръ, въ которомъ до того времени кочевала моя умственная жизнь. Всѣ тѣ основы, на которыхъ построено было, на мѣдные гроши, еще недоконченное зданіе моего образованія, сильно затрещали... Особенно разрушительно повліяли на мой недоразвившійся умъ „Questions sur l'encyclopédie“ Вольтера, изд. 1792 года. Совершавшійся въ моей внутренней жизни переломъ привелъ меня въ состояніе человѣка, волшебною силой переносеннаго изъ душной комнаты на высокую гору, откуда ему, при блескѣ лѣтнаго солнца, открылась безпредѣльная даль. У меня закружилась голова отъ прилива новыхъ мыслей, сомнѣній, противорѣчій, между тѣмъ какъ я и десятой доли не успѣлъ прочесть изъ того, что было отложено мною изъ заповѣднаго сундука. Чтеніе было прервано пріѣздомъ моего родственника: отецъ былъ при смерти. Я поспѣшилъ домой, сколько могъ, и, пріѣхавши вечеромъ, засталъ больного при послѣднихъ минутахъ. Во второй разъ въ жизни приходилось мнѣ испытывать потерю близкаго существа; но теперь мнѣ было во сто кратъ тяжеле на душѣ, чѣмъ при смерти столѣтняго дѣда: сознательнѣе и глубже чувствовалъ я, въ виду безпомощной вдовьей жизни моей матери. Все, что вынесла она, отчасти, быть можетъ, по винѣ отца, теперь было забыто. Что было, то прошло и слава Богу! насъ пугало теперь то, что будетъ впереди. Перспектива пяти лѣтъ моего ученія представлялась намъ безконечною.

Никакая философія, никакой стоицизмъ не устоятъ предъ страшнымъ таинствомъ смерти! Ни умирающіе, ни остающіеся въ живыхъ, —песмотря на твердое убѣжденіе въ неизбѣжности ежеминутно повторяющагося явленія смерти, не взирая ни на силу воли, ни даже на вѣру въ загробную жизнь, — не могутъ безъ жгучей душевной боли перенести этой „вѣчной“ разлуки съ дорогими сердцу существами...

Отца похоронили 31 декабря. Не радостно встрѣтили мы первый день новаго года. Погоревавши еще два—три дня въ кругу родныхъ, я перешелъ на свою квартиру къ квартальному. Дѣти еще не пріѣзжали. Пользуясь досугомъ, я принялся за работу. Некогда было предаваться безплодной печали: „плачемъ мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь“.

Теперь на мнѣ одномъ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежала обязанность поддержать родныхъ и обезпечить ихъ горемычное существованіе. Обдумывая свое положеніе, я прежде всего постановилъ, во что бы то ни стало, достигнуть ближайшей цѣли—окончить гимназію, не задаваясь дальнѣйшими планами: „завне довлѣетъ дневи злоба его“. Не ожидая ни отъ кого никакой помощи, я возложилъ упованіе на свои силы, на свой трудъ.

„Злато искушается огнемъ, а человекъ напастьми“, говоритъ сама мудрость устами Даніила Заточника. Впередъ же, впередъ! 10 января пріѣхалъ съ дѣтьми Иванъ Михайловичъ, въ сопровожденіи пяти подводъ съ мѣшками и шестой—съ жидомъ Мошкой. Дѣло въ томъ, что еврей, поселившись, съ согласія помѣщика, на хуторѣ, началъ систематически спаивать всю его дворню. Лакеи и горничныя стали воровать барское добро и таскать въ шинокъ. Баринъ неоднократно предостерегалъ Мошку не принимать краденыхъ вещей, не давать людямъ водки и гнать ихъ отъ себя; но шинкарь, по своей жидовской натурѣ, не могъ удержаться отъ соблазна легкой наживы и продолжалъ свой промыселъ. Введенный изъ терпѣнія помѣщикъ справился съ нимъ самолично, по вольности російскаго дворянства, не прибѣгая къ суду: взявъ съ собой нѣсколько человекъ дворовыхъ, нагрянулъ на шинокъ, перевернулъ вверхъ дномъ всѣ жидовскіе бебехи, забралъ свои вещи, а самого жида заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ холодную. Продержавъ Мошку въ заключеніи цѣлюю недѣлю, баринъ, отправляясь въ городъ, велѣлъ везти за собой и „поганаго жида“, не снимая съ него цѣпей. Хитрый іудей, повидимому, совершенно покорился своей участи, перенесъ безропотно недѣльный арестъ и во всю дорогу до самаго города не промолвилъ ни слова: только сидѣлъ на саняхъ и бормоталъ молитвы. Но едва подводы вѣхали на базарную площадь, онъ поднялся на саняхъ во весь ростъ и заоралъ благимъ

матомъ: гвалтъ! Чуть не со всего города сбѣжались жида на площадь, схватили Мошку и потащили къ городничему; потомъ цѣлою массой двинулись къ нашей квартирѣ и посадили домъ квартальнаго со всѣхъ сторонъ, произнося непривычныя для дворянскаго уха кривонососкаго эсквайра ругательства. Только затрещины и зуботычины нашего хозяина и самого городничаго избавили насъ отъ блокады. Шинкаръ подалъ жалобу на помѣщика, который съ толпою своихъ крестьянъ разбойнически напалъ на его жилище, разорилъ и разграбилъ все его имущество, перепугалъ до смерти его жену, бывшую въ то время— „на свѣсѣ“, самого же его, Мошку, заковалъ въ цѣпи, истязалъ побоями, морилъ шесть дней голодомъ и холодомъ и проч.

Уѣздный судья, задобренный щедрою рукой барина, рѣшилъ дѣло въ его пользу. Жидъ подалъ „на апелляцію“ въ губернію, но и тамъ Иванъ Михайловичъ успѣлъ подмаслить юстицію и Мошка остался съ носомъ. Неугомонный шинкаръ собирался было идти пѣшкомъ въ Петербургъ, „до самого Чара“, но о результатахъ этого предпріятія ничего неизвѣстно. Знаю только, что помѣщику это казусное дѣло обошлось до 2 тыс. асс.

Сюрпризъ за сюрпризомъ. Передъ масляной изъ Боровичъ пришла вѣсть, что Иванъ Михайловичъ женился или, точнѣе, повѣнчался съ своею Гапочкой. Въ началѣ медоваго мѣсяца онъ и самъ прикатилъ въ городъ. Вся наша городская интеллигенція кинулась поздравлять новобрачнаго, безъ сомнѣнія, рассчитывая на хорошую выпивку. Но господа эти сильно обманулись въ своихъ расчетахъ. Иванъ Михайловичъ принялъ ихъ чрезвычайно „сухо“, въ буквальномъ значеніи слова, т. е. не далъ имъ и по рюмкѣ водки промочить горло. Гости разошлись, недовольные хозяиномъ, извѣстнымъ хлѣбосоломъ и весельчакомъ. Баринъ остался одинъ.

Я въ это время сидѣлъ за своимъ рабочимъ столикомъ и не шелъ къ нему безъ приглашенія. Но соскучившись, баринъ позвалъ меня къ себѣ и обратился къ Бѣлкѣ съ такимъ распоряженіемъ:

— Бѣлка! поди ты къ Цапеницкому, да спроси у него вина, самаго лучшаго, какое только у него есть въ погребѣ. Да смотри же, такъ и скажи: Иванъ Михайловичъ приказалъ спросить бутылку вина самаго лучшаго, слынишь? такъ и скажи: самаго лучшаго! да смотри, живо!

Вино было принесено. Баринъ налилъ двѣ рюмки и одну предложилъ мнѣ съ такимъ неожиданнымъ предисловіемъ:

— Выпьемъ, любезный другъ мой М.—К—чъ съ тобою! Ты одинъ желаешь мнѣ добра: одинъ ты не поздравилъ меня. Я самъ знаю, что сдѣлалъ величайшую глупость, но зачѣмъ мнѣ объ этомъ напоминать? Они подлецы смѣяться приходили надо мной, а не поздравлять — выпьемъ же, ты одинъ меня не поздравилъ!

Затѣмъ, какъ бы оправдываясь передо мною, или лучше сказать, передъ своею совѣстью, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Треба жъ було, братику, хоть на старости примириться съ Богомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а неуклюжая, простоватая Ганка преобразилась de jure въ настоящую помѣщицу Агафію Григорьевну. Теперь она еще крѣиче станетъ держать бразды правленія по дому и никому не позволитъ перечить своему ндраву. Самъ Иванъ Михайловичъ долженъ будетъ плясать по ея дудочкѣ и перестанетъ якшаться съ Маевскимъ и прочими картежниками, сдѣлавшись примѣрнымъ семьяниномъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы родилась дочь, законная наслѣдница кривоносоевскаго имѣнія. Восторгу Ивана Михайловича и его супруги не было границъ. Но злая судьба жестоко подшутила надъ счастливой четой: малютка умерла черезъ полгода, между тѣмъ какъ прочія дѣти, рожденныя до брака, всѣ до одного живехоньки. Надобно было видѣть стараго барина у могилы своей дочери: такого безутѣшнаго отчаянія трудно было ожидать отъ человѣка, смотрѣвшаго на жизнь съ точки зрѣнія эпикурейскаго мудреца.

— Прощай, мое сокровище! вошилъ ояъ всенародно надъ могилой ребенка, помѣщица ты моя кривоносоевская! Наслѣдница ты моя безталанная!

Годичныя наши испытанія, съ грѣхомъ пополамъ, кончились. Настали каникулы, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали мои ученики — Андруша и Яша, зачеркивая каждый день, ложась спать, по одной цифрѣ на висѣвшей надъ ихъ головою табличкѣ, на которой изображались дни, остававшіеся до отпуска, когда они, заперевъ въ сундукъ противные учебники, поѣдутъ домой мучить козла да объѣдаться жирными яствами.

Счастлирое, глупое, невозвратное дѣтство! Жалѣть ли о тебѣ, или благословлять Провидѣніе, что ты такъ скоро проходишь и не возвращаешься къ намъ съ своими ребяческими радостями и печальми? О нѣтъ, лучше не возвращайтесь вы, счастливые, глупые, ребяческіе годы!

Вступивъ съ нѣкотораго времени въ новый періодъ сознательно разумной жизни, я мало по малу сталъ охладѣвать къ своимъ вакаціоннымъ развлеченіямъ. Меня не тянуло уже съ такою неудержимую силой къ ружью и къ удочкѣ, какъ это было еще такъ недавно. Хотя я никогда не покидалъ ни охоты, ни уженья, но сталъ пользоваться ими умѣреннѣе, видя въ нихъ уже не цѣль, а средство, сближающее человѣка съ природой. Во второй разъ я долженъ былъ измѣнить своей любимицѣ, оставивъ добровольно на цѣлый мѣсяцъ завѣтныя мѣста, доставлявшія мнѣ столько счастливыхъ дней въ прежніе годы. Частію финансовыя соображенія, частію большой сундукъ съ французскими книгами заставили меня сразу согласиться на приглашеніе въ деревню, тѣмъ болѣе, что и тамъ можно подышать свѣжимъ воздухомъ полей и луговъ, размять согбенные сидячею жизнію члены, освѣжить умственные силы здоровымъ и крѣпкимъ сномъ, послѣ купанья подѣ мельничнымъ колесомъ, сномъ, какимъ обыкновенно спятъ молодые люди послѣ дѣлательно проведеннаго дня, частію въ пустыхъ, ничего незначащихъ разговорахъ. При такихъ условіяхъ, даже утомительные до тошноты рассказы барина о генералахъ и сенаторахъ не могли помѣшать мнѣ наслаждаться отдыхомъ. За симъ

Еще одно послѣднее сказанье—

И лѣтопись окончена моя!

Седьмой классъ (1839 — 40 годъ).

„Земля! Земля!“ вскричали измученные долгимъ плаваніемъ спутники великаго Колумба, узрѣвши берегъ новаго свѣта.

„Седьмой классъ!“ подумалъ я вслухъ, идучи домой съ послѣдняго шестикласснаго экзамена подѣлиться своею радостію съ матушкой. Да, продолжалъ я раздумывать, немалое пространство проплылъ и я, блуждая по житейскому морю „безъ кормила и весла“ —

безъ путеводаителя, безъ средствъ! Въ продолженіе десяти лѣтъ моего ученія много претерпѣлъ я нужды и лишеній, не разъ сбивался съ истиннаго пути—и вотъ, слава Богу, почти уже у берега. Полный надеждъ и упованій на свои собственныя силы, я сталъ глядѣть впередъ безъ страха.

Испытавъ невыгоды совмѣстнаго помѣщенія съ учениками, я, еще будучи въ деревнѣ, началъ приставать къ Ивану Михайловичу съ просьбою о перемѣнѣ квартиры, чтобы у меня была особенная комната. Въ послѣднемъ классѣ мнѣ предстояло много работы и потому я нуждался въ отдѣльномъ помѣщеніи, а не въ углѣ, какъ было до сихъ поръ. Внявъ моему гласу, помѣщикъ наваялъ намъ квартиру болѣе удобную, подлѣ самой браны, у Ѳомы Ивановича Шота. Устроившись на новосельѣ, я составилъ себѣ планъ занятій на весь годъ. Нужно было повторить весь гимназическій курсъ, пройденный съ большими пробѣлами и прорѣхами, и приготовить вновь пройденное въ VII классѣ. Правда, въ описываемое время получить аттестатъ было несравненно легче, чѣмъ теперь, когда требованія увеличились противъ прежняго въ три раза, и я, безъ особенныхъ усилій, могъ приобрѣсть этотъ важный документъ, но мнѣ необходимо было окончить гимназію *cum eximia laude*, чтобы имѣть болѣе шансовъ на поступленіе въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ, такъ какъ мнѣ, бѣдняку, другаго выхода не было: въ этомъ для меня состоялъ вопросъ жизни и смерти, гамлетовское „быть или не быть?“

Распредѣливъ въ началѣ учебнаго года предметы гимназическаго курса такимъ образомъ, чтобы не упустить изъ виду ничего существеннаго, я, съ чисто нѣмецкою аккуратностію, неуклонно слѣдовалъ составленному плану. Только пріѣзды барина нарушали по временамъ заведенный мною порядокъ, да на первыхъ порахъ немало мѣшалъ мнѣ мой новый хозяинъ Ѳома Ивановичъ. Вольноотпущенникъ Судѣнка, часовщикъ по ремеслу, хотя и не весьма искусный, но единственный въ городѣ, хозяинъ мой, по внушительной наружности, скорѣе смахивалъ на помѣщика средней руки, чѣмъ на бывшего двороваго человѣка. По праздникамъ Ѳома Ивановичъ любилъ почитывать библію, вслѣдствіе чего возымѣлъ большія претензіи на титулъ просвѣщеннаго человѣка. Будучи принятъ, какъ

гость, у почтеннаго архимандрита Геннадія, часовникъ позволялъ себѣ вступать въ словопренія съ духовенствомъ. а разъ даже присутствовалъ при богословскомъ диспутѣ съ нѣвѣимъ уніатскимъ попомъ, сосланнымъ на эпитемію въ новгородсѣверскій монастырь за то, что не соглашался „возсоединиться“. Если вѣрить Оумъ Ивановичу, то онъ „срѣзалъ уніата“ какимъ то такимъ сильнымъ аргументомъ, что тотъ, по его словамъ „а не пикнулъ“ и тотчасъ возсоединился.

Хозяинъ мой былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, либераль и вольнодумецъ, до чего онъ дошелъ собственнымъ умомъ, чѣмъ онъ гордился. Во едину отъ субботъ, вечеромъ, онъ по обыкновенію пришелъ ко мнѣ побесѣдовать.

— А я, говоритъ, только что чѣлъ Соломоновы премудрости и между, нами будь сказано, не мало удивляюсь, за что его считаютъ великимъ мудрецомъ? Не понимаю, что за мудрость писать такъ, чтобы тебя никто не разумѣлъ?— Потомъ, понизивъ голосъ, конфиденціально прибавилъ: „Какія, доложу вамъ, Соломонъ глупости городить — это страхъ!“

Относясь критически ко всему прочитанному, Хома не все, однако жъ, порицалъ. Многое изъ исторіи древней культуры онъ предпочиталъ даже современнымъ изобрѣтеніямъ; такъ, напр., стѣнныя орудія, или тараны, употреблявшіеся при взятіи крѣпостей, онъ считалъ болѣе страшными, чѣмъ наша осадная артиллерія: „мы только, говорилъ онъ, не умѣемъ сдѣлать этихъ орудій, какъ слѣдуетъ, да и утверждаемъ, что они не годны“. Однажды хозяинъ выпросилъ у меня сочиненія Гоголя и, возвращая книгу, высказалъ такое рѣшительное сужденіе о нашихъ литераторахъ:

— Всѣ сочинители мошенники. Они только деньги выманиваютъ у нашего брата—простака.

Хома Ивановичъ былъ человѣкъ тучный и потому любитъ прохладу, работая всегда въ одномъ бѣлѣ, въ шлепанцахъ на босу ногу. Въ такомъ костюмѣ онъ выходилъ иногда и за ворота посидѣть на лавочкѣ и побалагурить съ своимъ сосѣдомъ унтеръ-офицеромъ Павлушкой. Любилъ также при случаѣ здорово бить муху, особенно когда случалось ему поѣхать починивать допотопные прадѣдовскіе часы по усадьбамъ ближайшихъ помѣщиковъ. Нашему барину Хома Ивановичъ нравился.

Первое полугодіе прошло быстро, въ усиленныхъ занятіяхъ. Къ концу ноября я подвелъ итоги своимъ работамъ и остался собою доволенъ: сдѣлано было дѣйствительно много. Въ награду за прилежаніе, я позволилъ себѣ льготу на праздникахъ Рождества и съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе новой барыни провести недѣлку другую въ кругу ея многочисленнаго семейства. Хотя зимой на хуторѣ не предвидѣлось особенныхъ развлеченій, но я о нихъ мало заботился. Меня все еще не переставалъ привлекать къ себѣ сундукъ съ книгами. Чтеніе серьезныхъ книгъ было для меня гораздо занимательнѣе болтовни стараго барина, который, замѣтивъ, что я слушалъ его безъ должной аттенціи, вломился въ амбицію и пересталъ звать меня въ кабинетъ. Такъ прошли все праздники.

Откормивши милыхъ чадъ своихъ и ихъ репетитора разными пундыками и пряженцами, Агафья Григорьевна снарядила насъ въ путь съ цѣлымъ обозомъ провизіи. Кушали въ то время помѣщики знатно, а новоиспеченная помѣщица была большая мастерица заказывать обѣды и ужины доморощенному повару, спеціально подготовленному ею для стряпанья любимыхъ блюдъ Ивана Михайловича. Баринъ кушалъ плотно, хотя за ужины никогда не садился, безпрестано повторяя, что въ Петербургѣ никогда не ужинають. Но едва ли онъ каждый вечеръ не съѣдалъ больше нашего, прохаживаясь вокругъ стола и пробуя, въ значительномъ количествѣ, каждаго блюда.

Чѣмъ ближе подходило время окончательныхъ испытаній, тѣмъ тревожиѣе принимались за дѣло мои товарищи. Изъ соревнованія, а можетъ быть и изъ зависти, каждый изъ насъ старался скрыть отъ другаго, что онъ уже успѣлъ приготовить, утаивая и уменьшая количество повторенныхъ предметовъ. Одинъ только Миша Горяиновъ, добрая душа, въ этомъ случаѣ говорилъ правду: „Богъ меня вбей—ничего не знаю!“

Замѣтивъ такое предательское настроеніе товарищей, я тоже ступешался и ни гу-гу о томъ, что у меня еще въ апрѣлѣ было все готово. Одной лишь математики, какъ ни бился я надъ нею, никакимъ образомъ не могъ преодолѣть. Я ее никогда не зналъ, да и не имѣлъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Не получивъ твердыхъ основаній въ низшихъ классахъ, я, очевидно, не въ состояніи

былъ понять ни уравненій, ни дограиомовъ, ни бинома Ньютонова, а объ аналитикѣ и говорить нечего. Въ этой мудреной штукѣ самъ Бончѣ ни бельмеса не смыслилъ. Вызубрить бывало предстоящій къ объясненію урокъ и начнеть писать на доскѣ формулы. Пишетъ-пишетъ да и становеть на половинѣ въ тупикъ—ни тпру, ни ну! Стоитъ передъ доскою да знай напихаетъ табакомъ носъ, съ цѣлію возбудить дѣятельность мозга наркотическимъ порошкомъ. Слеза бывало прошибеть бѣднаго Бончѣ, а задача все таки оставалась нерѣшенною до слѣдующаго урока. Спрашивается, какимъ же способомъ, съ плохими началами въ математикѣ, дошелъ я до седьмага класса? А благодаря великодушной свисходительности того же Бончѣ. Надобно знать, что сей почтенный педагогъ, будучи обремененъ большимъ семействомъ отъ двухъ женъ, не могъ прожить тогдашнимъ, болѣе чѣмъ скуднымъ, жалованьемъ, стало быть, по необходимости, нужно было искать другихъ источниковъ т. е. содержать пансіонеровъ да заставлять учениковъ брать частные уроки. Изъ-за пансіонеровъ всегда и вездѣ между преподавателями происходили ссоры и дразги, а изъ за того, чтобы заставить воспитанниковъ брать уроки, безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлались прижимки. Вотъ отчего самый безкорыстный изъ извѣстныхъ мнѣ въ пяти гимназіяхъ учителей математики Матвѣй Албертовичъ Доморацкій отъ всей души ненавидѣлъ Осипа Григорѣвича и, стараясь попасть по коню, билъ по оглоблямъ, ставя пансіонерамъ своего коллеги „единицы“.

Не зная моего состоянія, Бонче еще въ V классѣ сталъ было прижимать меня; но я, сразу понявши въ чемъ дѣло, отправился къ нему на домъ и откровенно объяснилъ ему, что съ меня взятки гладки, что онъ окажетъ великую божескую милость, если не будетъ препятствовать моимъ переводамъ. а что я, съ своей стороны, буду зубрить формулы и отвѣчать ему разъ въ мѣсяць. Бончѣ, спасибо ему, внялъ моей просьбѣ и заключилъ со мною конвенцію такого рода: если я буду сидѣть на урокѣ, понутивъ голову—знакъ, что я не готовъ, не спрашивай, молю, меня! Если же стану весело смотреть въ глаза учителю, это означало, что вызубрилъ урокъ и меня смѣло можно вызвать къ доскѣ.

Окончательныя наши испытанія, производимыя безъ всякой торжественности, какою обыкновенно сопровождались они во время не-

забвенной „тимковщины“, прошли съ прибавкой всяческихъ скандаловъ, какихъ не случалось прежде. На экзаменѣ по физикѣ произошелъ такой, напр., курьезъ.

Вызвали Василя Глотова. Взялъ онъ „вопросъ“ о лейденской банкѣ; нарисовалъ чертежъ и сталъ отвѣчать:

„Если мы пропустимъ проволоку внутрь банки“...

— Але не внутрь, а снаружи! прерываетъ его преподаватель, думая, по незнанію русскаго языка, что слово внутрь значить снаружи. Ваську хотѣлъ поддержать Бончѣ и сталъ увѣрять Матвѣя Албертовича, что ученикъ выразился правильно, сказавши внутрь.

— А ты почему знаешь? окрылся физикъ.

— Не только знаю, но я самъ опыты производилъ, отвѣчалъ самоувѣренно математикъ.

— А ей Богу, неправда! усумнился физикъ.

— Отчего же неправда? Я развѣ не могу дѣлать опытовъ?

— Очевидно, не можешь, для того, что ты дурны!

— Это еще вопросъ—кто изъ насъ дуракъ: мы своихъ головъ не вѣсили.

— А ей Богу, не нужно вѣшать, бо я знаю, въ твоей головѣ солома!

Видя, что разговоръ началъ принимать совѣщъ не педагогическій характеръ, директоръ прекратилъ его, а Бончѣ, отплеываясь на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ класса.

Послѣ Тимковского, которій, какъ мы видѣли, всегда самъ производилъ испытанія, пробирая и учениковъ, и учителей, при новомъ директорѣ они обратились въ чистѣйшую лотерею. У него положено было правиломъ не предлагать отвѣчающему на взятый билетъ никакихъ постороннихъ вопросовъ; вслѣдствіе такого распоряженія, я, не зная математики, по счастливой случайности, получилъ весьма хорошія отмѣтки, такъ какъ на мою долю выпали самые пустые билеты. Голосъ преподавателя, при большинствѣ другихъ членовъ педагогическаго совѣта, ничего не значилъ. Вообще говоря, успѣхи мои превзошли ожиданія: я получилъ первый аттестатъ, при

чемъ, вмѣсто золотой медали, которою награждаютъ отличныхъ учениковъ въ другихъ гимназіяхъ, мнѣ дали четыре тома Тита Ливія, залежавшагося въ складѣ до того, что его и мыши не захотѣли ѣсть¹⁾.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ При Тимковскомъ золотыя медали не выдавались, но получаемые окончившими съ успѣхомъ гимназію аттестаты цѣнились воспитанниками дороже золота. Вотъ одинъ изъ такихъ аттестатовъ, выданный П. А. Антоновичу, бывшему преподавателю кіевскаго учебнаго округа.

№ 1. Увольнительное свидѣтельство.

Имя: Платонъ Антоновичъ-Войшинъ, малороссійской черниговской губерніи кролевецкаго повѣта, дворянина, коллежскаго протоколиста Александра Антоновича-Войшина сынъ; родился въ городѣ Кролевицѣ ноября 13 дня 1811 года.

Время посѣщенія гимназіи: выпускаемый, по изученію въ кролевецкомъ повѣтовомъ училищѣ, поступилъ новгородсѣверской гимназіи въ 1-й классъ, августа 1-го дня 1824 года; въ оной находился пять лѣтъ, изъ того 2 года въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе. Въ отношеніи къ соучащимся, находясь всегда скромно и степенно, съ добродушіемъ и пріятливымъ угожденіемъ, приобрѣлъ общее уваженіе и любовь; въ отношеніи къ начальству, при наблюденіи порядка и правилъ съ добротію права, никогда не подавалъ повода учителямъ и начальству порицать что либо какъ въ классномъ, домашнемъ и городскомъ его поведеніи, такъ и въ сѣловностяхъ и употребленіи времени; обыкновенныя учебныя исправленія принималъ съ откровеннымъ и стремительнымъ желаніемъ своего образованія; не было между начальствомъ и имъ вникъ отношеній, кромѣ чистаго благоговія, синовией преданности и выразительнаго почтенія со стороны его, — удовольствія, сердечнаго расположенія и надежной попечительности со стороны начальства; сн качества его соединены были съ убѣжденіемъ въ кротости мнѣній и духъ благочестія, съ которыми всегда прилѣжалъ къ изученію Закона Божія и священнаго писанія и въ томъ оказалъ отличные успѣхи. *Примѣчаніе.* Въ прилежаніи всегда видны были особенное постоянство съ пріятыми и весьма способными дарованіями, исправное посѣщеніе классовъ съ трудолюбіемъ въ домашнихъ занятіяхъ; привязанность къ достиженію высшихъ знаній съ ревностнымъ исполненіемъ уроковъ, задачъ и ежемѣсячныхъ переводовъ, преложеній, разборовъ и сочиненій, за что во всѣхъ четырехъ классахъ гимназіи получалъ похвальныя свидѣтельства.

Познанія: Выпускаемый въ латинскомъ языкѣ приобрѣлъ отличную способность чтенія, понятія и изясненія писателей, прозаиковъ и поэтовъ; въ сочиненіи и выраженіи на семь языкъ хотя не имѣлъ опытовъ, но въ переводахъ на оный весьма много достигъ грамматической правильности и нѣсколько даже выбора и чистоты рѣченій; въ началахъ греческаго языка средственныя успѣхи; въ географіи и древней исторіи очень хорошіе; въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и Россійской исторіи хорошіе; по части математики: въ алгебрѣ и геометріи, въ приложеніяхъ алгебры къ геометріи и въ тригонометріи превосходныя; въ началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики очень хорошіе; въ естественной исторіи и физикѣ очень хорошіе; въ нѣмецкомъ языкѣ изрядныя; въ французскомъ

языкъ получилъ свободное понятіе и изъясненіе писателей, хорошій выговоръ и въ выраженіи на ономъ нѣсколько грамматической правильности; знаніе правилъ російскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики превосходные; приложеніи оныхъ, чистота и сила языка и слога въ помѣсячныхъ и экзаменаціонныхъ переводахъ и сочиненіяхъ показывають обильное и вѣрное размышленіе о предметѣ и тщательность о возвышеніи сихъ способностей, при томъ въ правилахъ изящества и въ исторіи словесности оказалъ очень хорошіе усилки; въ рисованьи, черченіи и очеркѣ чистописанія хорошіе. Всѣми же предметами не по одной обязанности, но съ любознательностію и охотою занимался; особенная его наклонность примѣтна къ важности исторіи, правамъ и достоинству слога.

Нынѣ, окончивъ свой курсъ, онъ, Антоновичъ, заслужилъ объявленное при публичныхъ испытаніяхъ имя примѣрнаго ученика гимназіи; почему слѣдуетъ его Антоновича-Войшина, для усовершенствованія въ познаніяхъ, отправить въ Императорскій харьковскій университетъ на казенный счетъ и съ тѣмъ ему сей аттестатъ, перваго номера, о выписанномъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній § 62 и постановленій начальства, за подписаніемъ директора и учителей гимназіи, съ приложеніемъ гимназической печати данъ 1829 г. іюля 7 дня. Подлинное подписано: Директоръ гимназіи, докторъ правъ и философіи, королевскаго великобританскаго геттингскаго ученаго общества членъ и кавалеръ Илья Тамковскій, законоучитель соборный протоіерей Стефанъ Ленковскій; исторіи, географіи и статистики учитель Петръ Левицкій, учитель латинскаго, греческаго и временно нѣмецкаго языковъ коллежскій совѣтникъ Кириллъ Капля; учитель философіи и російской словесности Григорій Македонскій; учитель математическихъ наукъ Иванъ Сбитневъ; учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ учениковъ Герасимъ Ивановскій; учитель рисованія и черченія Стенавъ Кириловъ. Печать красная.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.¹⁾

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Заупрямился Максимъ, цѣлые вечера просиживалъ дома съ трубкою въ зубахъ и скучалъ. Онъ привыкъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ проводить длинные вечера у Шмуля или въ чьей нибудь хатѣ среди сосѣдей, привыкъ, чтобы его поджидали за кружкою пива, прислушивались бы со вниманіемъ къ каждому его слову и не прочь были и самъ послушать, что говорятъ и другіе... Теперь онъ отшельникомъ сидѣлъ дома въ темной хатѣ. Старикъ отецъ храпѣлъ на печи, Ѳедоръ былъ далеко, глупый Петро, едва совладѣвъ съ мискою каши, тотчасъ ложился спать въ обору; жена же его, измученная тяжелою работою, дремала на лежанкѣ и машинально шептала молитвы.

Одна Евка бодрствовала неизмѣнно въ продолженіи цѣлаго вечера и прядла передъ лампочкой у окна; медленно, неловко вытягивала она нитку, искоса поглядывая на Максима. Тотъ сидѣлъ за столомъ, поддерживая голову одною рукою; въ чистой рубахѣ, застегнутой у ворота на зеленую стеклянную пуговицу, — румяный, съ бѣлымъ лбомъ, съ голубыми глазами и свѣтлыми, какъ ленъ, усами, онъ выглядывалъ еще довольно молодымъ и пригожимъ; это мало интересовало Евку, ей просто было скучно и если бы, вмѣсто умнаго и благообразнаго крестьянина, сидѣлъ за столомъ волкъ, она точно также поглядывала бы и на волка.

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., №№ 5 и 6, май и іюнь.

Въ свою очередь и Максимъ не обращалъ на нее вниманія, зналъ, что она была зла, лѣнива, распущена, какъ всякая почти бездомная „прыблуда“; сперва онъ негодовалъ въ душѣ, зачѣмъ приняли ее въ хату, стыдился за нее передъ людьми, даже самъ велѣлъ женѣ одѣть ее по крайней мѣрѣ въ крѣпкую рубашку и новую чистую юбку. Раза два въ эти одинокіе вечера онъ приказывалъ Евкѣ подать огня для трубки. Она вскакивала съ мѣста, въ два прыжка приближалась къ печи, выгребала оттуда жаръ изъ пепла и приносила горячій уголекъ, перебрасывая его съ руки на руку. Максимъ прикладывалъ уголь къ трубкѣ, она стояла передъ нимъ молча, съ улыбкою и смотрѣла ему въ лицо своими сѣрыми глазами. Мало по малу онъ освоился съ нею, привыкъ къ этой единственной душѣ, бодрствовавшей среди глухаго храпѣнія, смѣшаннаго съ шелестомъ таракановъ по стѣнамъ и съ отрывистымъ пѣніемъ сверчка подь печью. Разъ, когда Евка, взявши гребень и веретено, хотѣла идти на „вечорницы“ въ сосѣдную хату, Максимъ прикрикнулъ на нее.

— Куда? ты вѣдь не дѣвушка!.. солдатка! мужъ на чужой сторонѣ одинъ единешенекъ, не нужно тутъ безъ него искать веселья!

Онъ былъ убѣжденъ, что отстаивалъ семейную нравственность и добродѣтель, но все же ему веселѣе сдѣлалось на душѣ, когда молодая женщина воротилась отъ двери и снова усѣлась у окна на свое мѣсто. Съ тѣхъ поръ онъ все чаще и чаще заговаривалъ съ нею, но всегда какъ то нехотя, словно по принужденію, не подымая глазъ, и несмотря на то, прекрасно видѣлъ ея художавое, смуглое лицо, сѣрые глаза и эту улыбку, безстыдную, какъ бы вызывающую. Онъ злобно отплевывался; давнымъ давно уже не вѣрилъ онъ въ черта, но чувствовалъ, что въ этой тощей бродягѣ гнѣздится все зло, собранное по темнымъ угламъ еще въ то время, когда она шаталась съ дѣтства между разнымъ людскимъ сбродомъ, не вѣрилъ ей ни на грошъ, но какъ то его иногда разбирала жалость, если онъ видѣлъ хотя бы, какъ Евка спала, скорчившись въ углу на кучѣ мѣшковъ, около ихъ тапчана, прикрывшись юбкою. Небольшая и тощая, словно дитя, она дрожала во снѣ отъ холода, проникавшаго сквозь гнилые углы. Лѣтомъ она спала въ сараѣ, на зиму переходила въ

хату; при мужѣ ей бы не валяться такъ по угламъ. Максимъ видѣлъ, что одинокую женщину обижаютъ; не говоря ни слова, онъ принесъ Евкѣ изъ кладовой старую кровать, на которой жена его тотчасъ же устала вѣшную съ тѣстомъ, едва оставивъ половину мѣста для той.

— Къ чему это ей? говорила Максимыха съ полнымъ убѣжденіемъ.— Не привыкла она, бѣдняжка, цѣлый свой вѣкъ по угламъ спать. Пусть помнитъ, что пришла съ пустыми руками, пусть учится покорности и благодарить Бога за свою судьбу.

Жена была права; другіе, пожалуй, выгнали бы изъ дому такую безприданницу; теперь, когда мужъ былъ на службѣ, пусть бы шла на зиму служить въ людяхъ. Въ люди ее не пустили, за то и должны смотрѣть за нею въ оба; она изъ подъ рукъ хватаетъ все съѣстное, того и гляди, станетъ и выносить его изъ хаты... Дикая коза! Ни на одну сельскую бабу не похожа! Разъ проходя черезъ сѣни, Максимъ хотѣлъ отстранить ее съ дороги и тронулъ за плечо; Евка вообразила, будто онъ хочетъ обнять ее, и толкнула его локтемъ въ грудь съ такою силою, что ему пришлось отскочить въ противоположный уголъ. Обругавъ ее, онъ выгналъ ее на дворъ и заперъ за нею дверь, однако передъ женою онъ объ этомъ промолчалъ да и вообще не любилъ онъ безъ нужды разговаривать съ бабами, а въ обращеніи къ Евкѣ какъ то смягчился послѣ этого.

— *Прыблуда* она, это правда, но разъ она вошла въ домъ, то нужно смотрѣть на нее, какъ на свою, а то еще пожалуй убѣжить и *шукай вистра въ поли!*—говаривалъ онъ женѣ, и дѣйствительно боялся, какъ бы Евкѣ не вздумалось уйти; сколько разъ, видя ее одну въ полѣ или надъ обрывомъ, онъ останавливался и приглядывался къ ней издалека. Среди пустынной, сѣрой равнины она казалось подросткомъ дѣвочкою; онъ могъ бы на рукахъ снести ее въ хату, такъ она была мала и худа. А между тѣмъ такъ сильна!

— Гмъ, глупая! что это ей вздумалось? рассуждалъ Максимъ, чуть замѣтно ухмыляясь,—а что, если бы такъ... когда нибудь... въ самомъ дѣлѣ... почему знать?

Каждый разъ, когда Евка проходила мимо него, ему казалось, что она должна его затронуть... Иногда онъ хмурился, иногда просто ждалъ. Но она шла дальше своею дорогою, безпокойная, подвижная, какъ всегда, а онъ возвращался въ хату сердитый, какъ то отяжелѣвшій; кричалъ на жену, зачѣмъ безъ мѣры топить печь—въ хатѣ такъ душно, что усидѣть невозможно! Сбрасывалъ кожухъ, разстегивалъ рубашку и садился у стола недовольный, потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, замѣчалъ, что Евка такая же точно хозяйка въ домѣ, какъ и она, или дивился хриплымъ голосомъ, какъ всѣ эти приبلуды лѣнивы, не знаючи и не способны даже куска хлѣба себѣ заработать.

И теперь, когда онъ, починая плетень, увидаль ее идущую изъ дому, онъ былъ увѣренъ, что она заговорить съ нимъ. Въ полѣ никого не видно, люди укрылися отъ холоднаго дождя, моросившаго съ самаго утра; по дорогѣ изъ лѣсу медленно двигались къ селу двѣ повозки, нагруженныя лозою; около первой шла баба, закутавшаяся въ сѣрое рядно, и вела лошадь подъ уздцы; вотъ онѣ вѣхали въ село и снова на обширной равнинѣ не видно живой души. Евка остановилась надъ обрывомъ и смотрѣла на темную рѣку. Въ теченіи послѣднихъ дней она была въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, просто не находила себѣ мѣста; то летала изъ дома въ домъ, то сидѣла однимъ одинопенька гдѣ нибудь на заборѣ, то снова бѣжала въ хату и, насупившись, стиснувъ зубы, пытливыми глазами что то высматривала по угламъ. Ей страстно хотѣлось бросить все и бѣжать изъ этой проклятой хаты куда то далеко и найти Андрея... Но босой, безъ приличной одежды, ей стыдно было показаться въ люди; правда, можно бы утащить кожухъ у Максимыхи, захватить даже немного бѣлья, но денегъ совсѣмъ нѣтъ, да и силы что нибудь предпринять какъ то не хватаетъ. Измучили ее въ этой проклятой хатѣ, а вѣчною работою и голодомъ приморили какъ то. Евка невольно сжала кулаки, вспомнивъ прежнюю волю; ею овладѣла тоска и страшное нетерпѣніе бѣжать сейчасъ же, сію минуту, летѣть хоть бы даже въ тотъ песчаный обрывъ, заросшій можжевелникомъ и ольховыми кустами, надъ которымъ Максимъ чинилъ плетень. Въ свою очередь и тотъ незамѣтно оглядѣлся во-

кругъ, забилъ топоръ въ деревянный столбикъ, подошелъ и остановился рядомъ съ нею.

— Что жъ ты стоишь такъ на холодѣ? проворчалъ онъ, глядя на противоположный лѣсистый берегъ.

— А что жъ? такъ и сидѣть вѣчно въ вашей будкѣ! отрѣзала Евка. Что я вамъ за собака или, наконецъ, раба, чтобы день и ночь сторожить ваше добро?...

Никогда еще не отвѣчала она ему такъ дерзко: вся она дрожала отъ гнѣва.

— Вотъ она какая! подумалъ Максимъ и съ удовольствіемъ покрутилъ головою; онъ какъ то вдругъ помолодѣлъ, пріосанился и какъ бы словно сразу сбросилъ съ себя прежнюю неоподвижность.

— Не собака ты и не раба, а невѣстка.

Онъ замолчалъ; на языкъ ему какъ то сами собою, безъ видимой причины просились ласковыя, нѣжныя слова: патшечка... на чужой сторонѣ... такая бѣдная... сиротинка... однако же онъ какъ то удержался, но и продолжать начатаго разговора тоже не нашелся и не сводилъ глазъ съ противоположнаго берега, какъ бы никогда не видѣлъ его до этого времени. Рыжій теленокъ вышелъ изъ лѣсу и бѣжалъ, вытянувъ шею.

— Чей это? спросила Евка.

— Заблудился видно, можетъ быть лѣсника, а можетъ и изъ села чей нибудь, отвѣчалъ крестьянинъ, сдерживая голосъ.

— Пропадетъ еще!

— А можетъ быть и пропадетъ!... Онъ готовъ былъ переправиться на другую сторону, поймать теленка и отвести къ лѣснику, или хоть къ самому чорту, лишь бы только Евка ѣхала съ нимъ. Онъ улыбнулся и ласково посмотрѣлъ на нее.

— Какъ будто бы злая, а скотинки жалѣешь!—Максимъ взялъ ее руку повыше локтя.—Ты у насъ пополнила, а за зиму поправишься еще больше.

— Если не сдохну съ голоду! крикнула она въ ярости.

Языкъ у Евки развязался, она посыпала, какъ изъ мѣшка, о своей бѣдѣ, о несчастьи, торопливо, задыхаясь, говорила то жалобно, то злобно выкрикивая, повторяла въ сотый разъ, что

убѣжить, не выдержитъ, вырвется изъ этой проклятой хаты! Онъ продолжалъ держать ея руку, время отъ времени перебирая пальцами, не слишкомъ вслушивался и немного разбиралъ, въ чемъ дѣло, понялъ только, что она жалуется на голодь и что желала бы имѣть лучшую одежду. Ну что же?! Много ли нужно, чтобы накормить и пріодѣть такую крошку!

— Ну, полно! шепталъ онъ, полно!... бѣдняжка ты, ей Богу, что правда, то правда! Полно, онъ погладилъ Евку по спинѣ, куплю все, увидишь, вотъ... дай только время....

Дѣйствительно Максимъ сдержалъ слово: въ первое же воскресенье купилъ ей новыя башмаки, заказалъ синій козухъ и началъ покупать различную одежду. Прежней скупости и расчетливости какъ бы никогда и не бывало. Только изрѣдка старая природа сказывалась еще въ немъ время отъ времени, но съ каждымъ разомъ все слабѣе и слабѣе. Каждый платокъ, каждая юбка должны были уже быть послѣдними; онъ не божился, но твердо рѣшалъ, что больше ничего не купить. Евка на все только плечами пожимала! Все онъ давалъ ей однѣ тряпки! Ихъ накопилась уже у нея полная скрыня въ видѣ различной одежды, лентъ, бусъ, серегъ и колецъ, а носить все таки было нечего. Она ходила по прежнему босая, въ грязной холщевой юбкѣ, въ черной, какъ земля, рубахѣ, а выходя изъ хаты, накидывала на себя козухъ невѣстки. И жаловалась она по прежнему, но еще плачевнѣе, еще настойчивѣе; онъ твердилъ одно и то же:

— Ну, полно, тише! куплю, увидишь... подожди немного!...

Сперва онъ стыдился своей слабости; сдѣлался угрюмымъ, былъ золъ на самого себя и ежедневно повторялъ въ душѣ, что это пройдетъ, уходилъ изъ дому, ѣздилъ съ извозомъ, на людяхъ забывалъ обо всемъ, но какъ только нужно было возвращаться домой, снова глупая слабость овладѣвала имъ. Смуглая, проворная змѣйка такъ и вилась передъ его глазами, какъ живая. Чуть только въѣзжалъ онъ въ ворота, она уже тутъ какъ тутъ, горящими глазами поглядываетъ на его карманы, запусить руки въ сѣно, ищетъ разнюхиваетъ, щебечетъ безъ умолку обо всѣхъ домашнихъ, о хатѣ, о скотинѣ, о сосѣдяхъ и выжидаетъ нетерпѣливо, что онъ дастъ ей, что привезъ, выхватываетъ изъ рукъ по-

дарокъ и, только разглядить его гдѣ нибудь за стогомъ, или на чердакѣ, или въ *оборотъ*, возвращается въ избу злая, какъ *фурія*. Всего ей было мало. Если бы Максимъ привезъ ей цѣлый обозъ различныхъ обновокъ, и тогда она бы съ пренебреженіемъ пожимала плечами. На платки, фартухи, юбки она и смотрѣть уже не хотѣла и вотъ онъ позволилъ по немногу выкрадывать холстъ и сукно изъ коморы. Ея кубышка и новая *скрыня* на чердакѣ, запертая большою колодкою, были переполнены всякимъ добромъ, каждый день она пекла себѣ и жарила, что вздумается, и несмотря на все это, похудала, почернѣла, глаза сдѣлались еще больше, жадность точила ее, тревожили опасенія; сколько разъ хотѣлось ей зарыть въ кустахъ и сундувъ, и кубышку, скрыть свое имущество отъ людей и отъ самой себя и начать копить новыя вещи въ новые сундуки. Максимъ истратилъ уже до копейки всѣ женины деньги, продалъ Шмулю въ теченіи зимы двѣ коровы, затѣмъ началъ сбывать и овецъ одну за другою.

— Корму нѣтъ, подохнуть до весны! закричалъ онъ, когда жена не хотѣла давать овецъ; она уступила, лишь бы только избѣжать шума въ домѣ и людскихъ толковъ.

— Нѣтъ корму! повторяла она передъ сосѣдками, какъ то странно скривившись; въ глазахъ стояли слезы, а она силилась еще улыбаться передъ людьми. Она видѣла, что все гибнетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Евеа начала ежедневно ѣсть колбасы и яичницу, Максимыха, усомнившись въ милосердіи Божіемъ, перестала даже ходить въ комору. Она все еще хлопотала, работала по прежнему, но сама не сознавала, что дѣлаетъ. Бывали дни, когда она забывала выдоить коровъ, однажды забыла даже накормить свиней.

— Это уже передъ смертью, прошептала она, опомнившись, и перекрестилась.—Матерь Божья, смилуйся надъ нами! повторяла она съ глубокимъ вздохомъ по сто разъ на день. Пыталась она иногда читать и другую молитву, но не могла: одни эти слова неизмѣнно приходили на память: „Матерь Божья! смилуйся надъ нами“.

А тутъ и старая болѣзнь воротилась и преслѣдовала ее все докучливѣе, *печинки* вновь почали давить на сердце. Эта стран-

ная болѣзнь приключилась съ нею послѣ смерти трехъ младшихъ дѣтей. Фельдшеръ смѣялся, когда она говорила ему о такой комбинаціи; она замолчала, но при каждомъ огорченіи чувствовала, какъ печень болѣе или менѣе сильно давила на сердце. И теперь, какъ только въ сумерки, стоя около печи, она взглядывала искоса на Евку, сидѣвшую за столомъ, съ устремленными сѣрыми глазами на Максима, какъ только догадывалась, что мужъ только для вида хмурить брови, а самъ все чаще и чаще поглядываетъ на ту, говорить что то потихоньку, или незамѣтно киваетъ головою на ея шопотъ, несчастная женщина чувствовала на сердцѣ огромную печень, тяжелую, какъ камень. Она бѣжала за ворота, какъ стояла у печи, въ одной рубахѣ и юбкѣ. Морозъ пронизывалъ ее, руки и ноги коченѣли, а слезы градомъ бѣжали по лицу...

— Матерь Божія! смилуйся... надъ нами!.. твердила она безсознательно, лова ухомъ то смѣхъ Евки, то отрывистыя, хриплыя слова мужа.

Когда голоса умолкали, Максимыха возвращалась въ хату, снова принималась за стирку; но никакъ не могла припомнить, солила ли она уже крупникъ, или нѣтъ? Пробовала и вкуса никакого не находила; въ ушахъ у ней все еще раздавался смѣхъ, отрывочныя слова, а въ головѣ повторялось безъ конца: Матерь Божья! смилуйся надъ нами!

Достатокъ таялъ, какъ снѣгъ отъ солнца, а она какъ то даже не жалѣла своего добра. Смотрѣла на все стеклянными глазами и не сознавала навѣрно—сонъ это или дѣйствительность? Только при людяхъ говорила она еще съ прежнимъ спокойствіемъ, что нарочно посылаетъ Евку съ мужемъ въ мѣстечко каждое воскресенье, чтобы развлечь ту хотя сколько нибудь въ ея вдовьей печали. Сама давала ей свой кожухъ и красный платокъ въ зеленыхъ клѣткахъ, стояла у воротъ, пока они усаживались на возъ, даже смѣялась и шутила съ сосѣдами. Максимъ возвращался выпивши; въ его карманахъ она находила пряники, душистое мыло въ цвѣтныхъ бумажкахъ, иногда колечко или бусы. Евка всегда привозила сельдей въ синей бумагѣ, баранки, сахаръ, и все это прятала подъ сѣвникъ на кровати и сама ложилась

сверху, свернувшись въ клубокъ и, поглядывая изъ подлобья блестящими глазами, и улыбалась, довольная днемъ, въ который съѣла и выпила больше, чѣмъ прежде за цѣлый мѣсяць. Семья укладывалась спать, гасила свѣтъ. Въ ночной тишинѣ одѣпенѣвшая отъ горя Максимыха ясно различала храпъ старика и дѣтей на печи, мужа на лавкѣ подъ окномъ, только дыханія Евки никакъ не могла уловить. Та лежала, какъ мертвая.

— Вѣдьма она можетъ быть... или нечистая сила?...

При этой мысли волосы подымались на головѣ, дрожь пробѣгала по тѣлу.

— Матерь Божья! смилуйся надъ нами! шептала она въ величайшей тревогѣ. А печень, словно мельничный жерновъ, все тяжелѣе давила ея сердце.

Разъ она едва дотащилась отъ воротъ къ избѣ. Былъ большой праздникъ и, хотя солнце грѣло уже по весеннему, Евка нарядилась въ собственный синій кожухъ, повязала бѣлымъ платкомъ гладко причесанные волосы, а кораллы, голубыя и желтыя бусы ровными рядами свѣшивались изъ подъ воротника тонкой покупной рубашки. Она улыбалась, видя, какъ проходившіе и проѣзжавшіе мимо парубки и женатые мужчины оглядывались на нее и шутя совѣтовали Максимыхѣ не отпускать на ярмарку въ мѣстечко съ нею мужа. Евка нарочно какъ то медлила сѣсть въ повозку, пока всѣ не пройдутъ. Наконецъ, и они тронулись; въ дорогѣ Максимъ смотрѣлъ на нее, какъ на картинку, а жена его, съ трудомъ воротившись въ хату, усѣлась теперь на порогѣ въ сѣняхъ, спиною къ воротамъ, скрестивши руки и согнувшись вдвое. Голодныя куры тотчасъ окружили ее, клевали въ спину, входили въ сѣни съ жалобнымъ кудахтаньемъ. Въ оборѣ замычала корова, сперва одна, за нею другая, потомъ обѣ вмѣстѣ откликались къ солнцу, котораго яркіе лучи проникали къ нимъ сквозь щели въ стѣнахъ, сквозь дырявую крышу. Уѣзжая, Максимъ приказывалъ женѣ выпустить коровъ въ поле. Она помнила объ этомъ, слышала ихъ жалобное мычаніе, но не могла двинуться съ мѣста; она совершенно ослабѣла, силы какъ то вдругъ оставили ее. Максимыха знала, что человѣкъ долженъ все сносить терпѣливо, потому что всякая судьба отъ Бога, при томъ

же какой то непреодолимый стыдъ овладѣвалъ ею; не только при чужихъ, но и въ хатѣ передъ своими и даже сама про себя она не смѣла ясно сознать всего случившагося.

— Ослѣпленіе... грѣхъ... Божье показаніе! твердила она въ душѣ, стараясь забыть, не думать ни о чемъ, и можетъ быть, успѣла бы въ этомъ, если бы не эти *печинкы* на сердцѣ.

— Пошло на несчастье! шептала бѣдная женщина.

Солнце пригрѣвало ей спину, а тяжелое, напухшее сердце въ груди такъ и разрывалось отъ боли. Куры клевали ея босыя ноги, одна почти до крови укусила, навѣрно та чубатая,.. самая злая, которая даже пѣтуха бьетъ. Максимыха не отгоняла ихъ, даже не раскрывала глазъ и, съ трудомъ переводя дыханье, ожидала той минуты, когда окончательно задушить ее печень.

Вдругъ издали со двора послышался топотъ босыхъ ногъ по мерзлой землѣ; ржаніе, фырганье, смѣхъ и крикъ мгновенно пробудили ее къ дѣйствительности. Это Стецько и Одамко, съ разгорѣвшимися лицами, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, мчались другъ за другомъ, вскидывая головою, какъ разыгравшіеся кони.

— Мамо! дайте сѣна, овса! кричали они, запыхавшись,—не жалѣйте корму, мы кони, ѣдемъ издалека! Попасемся, отдохнемъ и снова въ дорогу!

Максимыха обернулась на зовъ; дѣти стояли у дверей; облитыя весеннимъ солнцемъ, румяныя, запыхавшіяся, съ свѣтлыми волосами, похожіе другъ на друга, какъ двѣ капли воды, они ржали и смѣялись попеременно.

— Мы кони, мамуню, ей Богу, кони! Я Симоновъ, а онъ татуні, объяснялъ Стецько,—меня волки пропешдею зимою грызли...

— Нѣтъ, меня волки грызли, а тебя воры украли, только тато догналъ и отобралъ.

— Врешь! Меня грызли, а тебя крали, потому что я татуні! Мальчики бросились другъ на друга, готовые силою отстаивать свои права и удостовѣрить свою самоличность. Мать во время остановила ихъ.

— Дурни вы, дурни, да чьи вы оба, какъ не татуні?! сказала она, пропуская ихъ впередъ.—Идите, дамъ и овса, и сѣна, и отдохнуть вамъ дамъ у себя, какъ конямъ у жолоба.

Въ темной хатѣ сдѣлалось свѣтлѣе отъ маленькихъ бѣлыхъ головокъ съ румяными личиками; мальчики ржали надъ мискою каши, топали ногами, такъ что даже старый дѣдъ приподнялся на печи, вытянулъ шею и смотрѣлъ на нихъ, тряся лысою головою. Тяжелая печень сдвинулась съ сердца Максимыхи. Она принялась убирать хату и только наклонившись около Евкиной постели, чтобы поднять съ полу грязную рубаху и юбку,—эту домашнюю оболочку прыблуды—почувствовала жгучую боль въ груди.

— Не пойдете на поруганіе, не дамъ васъ въ обиду, мои голубята, говорила она, утирая рукою поспѣшно слезы.—Выроснете здоровыми, красивыми молодцами, для васъ я удержу душу въ тѣлѣ!

И, дѣйствительно, удержала. Даже силы и здоровье воротились къ ней какимъ то чудомъ. Въ коморѣ было совсѣмъ пусто, изъ оборы еще исчезли двѣ коровы, цѣлое лѣто семья кормилась одною зеленью, приходилось даже занимать жита на хлѣбъ. Максимыха точно и не замѣчала ничего этого; она по прежнему исполняла всѣ домашнія работы и сверхъ того ежедневно ходила на заработки, только денегъ своихъ никому уже не отдавала. Старикъ совсѣмъ ослабѣлъ и опустился, ни о чемъ не спрашивалъ, оглохъ или, можетъ быть, прикидывался глухимъ; онъ еще ходилъ по двору, но уже все предоставилъ на волю сыновей; а на Максима даже не смотрѣлъ, никогда не говорилъ съ нимъ, пересталъ также заглядывать и въ комору, и въ хлѣвъ; только изрѣдка подымалъ на Максимыху мутные глаза; оба они прекрасно понимали другъ друга; нѣсколько разъ онъ хотѣлъ было даже отдать ей свое сокровище—и не могъ, при одной мысли о томъ руки опускались, онъ не въ силахъ былъ пошевелить пальцемъ.

— Воры и моръ посѣтили насъ, татуню, говаривала Максимыха но здоровье, хвалить Бога, осталось, не пропадемъ.

— А люди что говорятъ? спрашивалъ старикъ чуть слышно, не подымая глазъ.

— Ничего не говорятъ! Одинъ Богъ знаетъ, какое яблоко точить червь!

Дѣйствительно, люди говорили не много, двились только, откуда пришло на Максима такое „несчастье?“ Прежде въ ротъ не бралъ водки, а теперь пилъ въ праздники, напивался и въ будніе дни; едва станеть смеркаться, только что вернувшись съ поля, онъ накидывалъ на плечи свиту и тащился, опустивъ голову, къ Шмулю... Здѣсь онъ выпивалъ кварту, другую, скривившись, какъ послѣ горькаго лѣкарства, и, не сказавши ни съ кѣмъ ни слова, отправлялся домой самою дальнею дорогою.

Работалъ онъ по прежнему, но говорить совсѣмъ пересталъ; въ воскресный или въ праздничный день, когда приходилось ѣздить въ мѣстечко, Максимъ просиживалъ все время въ оборѣ на старомъ опрокинутомъ вверхъ дномъ ведрѣ и прислушивался, какъ лошадь жевала сѣно, изрѣдка отгоняя отъ нея мухъ и оводовъ; благодарное животное оборачивалось къ хозяину и тогда они взаимно обмѣнивались между собой спокойнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ, такъ же Максимъ не могъ смотрѣть въ глаза людямъ. Съ Евкой онъ пересталъ разговаривать, давно уже надоѣла ему она, иногда впрочемъ онъ, какъ бы по обязанности или въ силу привычки, привозилъ ей пряники, баранки, грошевыя конфекты, но все это оставалось въ карманахъ его сермаги,—самому ихъ отдавать не хотѣлось, а Евка, въ свою очередь, давно уже перестала выбѣгать къ нему на встрѣчу.

Теперь ей всюду было свободно. Съ утра до ночи бѣгала она по хатамъ; здѣсь покачала дитя, тамъ схватила ведро съ помоями, вынесла свиньямъ, полола въ огородахъ, доила коровъ, иногда цѣлые полъ-дня просиживала за кроснами, лишь бы только не въ одной и той же хатѣ, а среди веселія и смѣха она даже готова была ждать часъ, другой. Только на ночь возвращалась она домой, прячась за плетнями, изъ боязни встрѣтить въ воротахъ Максимыху, Максима или свекра и, въ большинствѣ случаевъ, приносила подъ фартухомъ или за пазухою схваченный по дорогѣ сыръ, кусокъ полотна, мотокъ нитокъ, или хоть яйцо, хоть кусокъ сала, хватала она все, что попадалось ей подъ руку. Иногда передъ нею, какъ грозное привидѣніе, становился образъ мужа, который скоро воротится, построить хату и снова запряжетъ ее въ работу, какъ въ ярмо, и чего добраго пожалуй еще бить

станеть! Эхъ! Дастъ Богъ не воротится! Иные и погибають на свѣтѣ... Андрей тоже не возвратился, а вѣдь обѣщаль!.. А вѣдь за нимъ она готова была бы пойти хоть на край свѣта: ни земли, ни хаты у него не было, но все таки онъ не морилъ бы ее такъ надъ работою, какъ эти провлятые волю.

Нѣсколько разъ Максимыха вырывала у Евки изъ рукъ полотенце или кусокъ холста, захваченный ею гдѣ нибудь на заборѣ или на лугу.

— Что ты дѣлаешь? шептала она, пугливо осматриваясь въ сумеркахъ, не увидитъ ли ихъ кто, или не услышитъ;—вѣдь ославятъ воровкою! Въ тюрьмѣ сгниешь! И такъ на тебѣ уже нитки честной нѣтъ!

— Ну, такъ что жъ? и Евка при этомъ пожимала плечами, нагло смотрѣла ей въ глаза своими огромными сѣрыми глазами, безстыдно улыбаясь.

Максимыху въ самое сердце кольнуло отъ негодованія.

— Въ тюрьмѣ сгниешь! повторяла она.

— Эхъ, и тамъ люди живутъ! А хата ваша развѣ не тюрьма? Максимыха заломила руки.

— Или на тебѣ креста нѣтъ? Или ты, глупая, сама не понимаешь, что говоришь, что дѣлаешь? Сколько уже ты горя причинила... Черезъ тебя мы состояніе потеряли... Все добро пошло прахомъ, какъ бы и не было его никогда.

— А что жъ, если *ваши* такъ глупъ! прошептала Евка. Сколько разъ говорила ему: не продавай коровы Шмулю за собачью цѣну, лучше зарѣжь, съѣдимъ, такъ и отецъ, и жена полакомятся... Для всѣхъ достало бы! Такъ нѣтъ, не хотѣлъ!—Не могу, говорить, собственную корову рѣзать. Дуракъ! Люди рѣжутъ людей, а онъ коровы не можетъ зарѣзать!

— Что ты ему дала, что онъ черезъ тебя душу сгубилъ?.. Что и теперь еще самъ не свой ходитъ... Водку пьетъ!..

— Пьетъ, потому что глупъ! До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а водки и не пробовалъ. А теперь, какъ началъ пить, такъ и оторваться не можетъ! Потому и пьетъ! А я ему ничего не давала и души его не губила! Какой былъ, такой и остался, волю проклятый! Денегъ и добра немного истратилъ—за то пожилъ. Передъ смертью

будеть, чѣмъ вспомнить! Богатый мужикъ, а самъ капустный листъ курилъ! Евка плюнула и передернула плечами. На табакъ жалѣлъ денегъ! Научила я его уму-разуму! За то какъ бывало напьется, не разъ повторялъ: „Евка, пока я тебя не зналъ, то и добраго ничего не зналъ!“ Тьфу! просто стыдъ, что теперь бабы мужиковъ учать! Трезвымъ онъ этого не говорить,—знаеть, что стыдно мужику быть дуракомъ. А еще хотѣлъ, чтобы его выбрали старшиною!

Она засмѣялась, вскинула плечами и протянула руку за краденымъ полотномъ.

— Отдайте! Въ тюрьму за это не возьмутъ! Сегодня ницца по селу бродила, жидъ съ товаромъ проѣзжалъ, вотъ и стащили. Не бойтесь, знаю я, когда можно! Больше я въ своей жизни нахватала, нежели вы заработали.

Максимиha молча отвела ея руку и крѣпко держалась за полотно; отъ Евкиныхъ словъ ей духъ захватывало въ груди.

— Молишься ли ты когда нибудь Богу, или нѣтъ? спросила она въ смертельномъ страхѣ.

— А какъ же, молюсь! Вы можетъ быть думаете, что если я не хозяйская дочка, такъ ужъ и молитвы не знаю? Да пропадите вы съ своимъ хозяйствомъ! Я и безъ вашего добра сумѣю прожить.

Дальше разговаривать не стоило, Евка медленно направилась къ воротамъ, а проходя, еще разъ взглянула на полотно въ рукахъ у невѣстки.

— Бѣдный же ты, Федоръ, бѣдный! Гдѣ ты только свою долю посялъ, что такую крапивою она поросла! жалобно причитала Максимиha.

Она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько лѣтъ, изъ крѣпкой еще недавно бабы она сдѣлалась сморщенной старухой; глаза потускнѣли отъ слезъ, голосъ терялся гдѣ то въ глубинѣ впалой груди, она говорила почти шепотомъ, трудилась отъ разсвѣта и до поздней ночи, даже въ праздники и воскресные дни сама выпасала на межахъ своихъ двухъ коровъ; въ заплатанной рубахѣ, въ старой юбкѣ, въ полняломъ платкѣ на головѣ, она выглядывала совершенную нищю. За то въ хлѣву опять стояло

восемь овецъ, подростали двѣ телки, а коровы, хоть и старыя, были самыя откормленныя въ цѣломъ селѣ.

— Половину имущества пужно будетъ Ѳедору отдать, сказали однажды Максимъ, сидя рядомъ съ женою на *прызбѣ*. Она не возражала, но сердце у ней облилось кровью, не хватило у ней голоса.

— Какія останутся деньги послѣ отца... Пусть беретъ, чтобы не было обиды.

— Но вѣдь нашимъ дѣтямъ обидно будетъ, тихо замѣтила Максимыха и сама пожалѣла; Максимъ согнулся вдвое, насутился и смотрѣлъ въ землю.

Она давно уже простила ему, что сгруппилъ немного подъ старость. На самомъ дѣлѣ она никогда и не думала о себѣ и жалѣла только его самого. Онъ постарѣлъ, обѣднѣлъ, засѣлъ безвыходно въ своей старой хатѣ, изъ перваго хозяина въ селѣ сталъ самымъ послѣднимъ; самъ онъ это сознавалъ, хоть никогда не говорилъ о томъ. Максимыха видѣла, какъ разъ онъ вынулъ изъ сундука свой черный костюмъ и разсматривалъ его передъ окномъ, кивая головою. У нея слезы выступили на глазахъ, она поспѣшила выйти изъ хаты: онъ, пожалуй, могъ бы подумать, что она жалѣетъ для него этихъ нѣсколькихъ капель водки ежедневно. Почему знать? можетъ быть это и правда, что если кто разъ попробуетъ, то уже долженъ выпить свою мѣру.

— Такъ и отдадимъ, пусть ему идетъ на разживу, сказала она. Когда наша хата очистится, можетъ быть, лучше будетъ!

— Лучше будетъ, повторилъ Максимъ.—Эхъ, такъ ужъ видно суждено было! прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Жаль Ѳедора!

— Почему? Женщина она можетъ быть лучше другихъ, лишь бы захотѣла работать. Ничего изъ рукъ не выпустить, все тащить въ хату. Дуракъ тотъ, кто станетъ ее стыдиться: она знаетъ, какъ на свѣтѣ жить. Можетъ быть, на своемъ хозяйствѣ и будетъ трудиться.

— Не будетъ! Вѣдьма свяченой земли боится! Чтобы ее громомъ сожгло! Чтобы она сквозь землю провалилась! Проклятая! Свѣчку поставлю, молебень отслужу, когда ее чертъ приберетъ изъ нашей хаты!

Максимъ всталъ и медленными шагами вышелъ со двора на лугъ; у нея замерло сердце,—можетъ быть, опять къ Шмулю? Она протянула голову и ждала, затаивъ дыханье, куда онъ пойдетъ, на право или на лѣво? На лѣво! Тамъ у забора дѣти запрягали собаку въ телѣжку, онъ посмотрѣлъ, поговорилъ съ ними и позвалъ обоихъ съ собою въ лѣсъ; пошли межюю черезъ поля, отецъ впереди, мальчики бѣжали за нимъ. Максимыха просто глазамъ своимъ не вѣрила, хотя ясно различала между зеленымъ житомъ фигуру мужа, а за нимъ двѣ свѣтлыя головки; они шли въ лѣсъ, а ей все казалось, что вотъ, вотъ сейчасъ поворотятъ на право къ Шмулю. Наконецъ они скрылись въ лѣсу. Третью недѣлю Максимъ сидѣлъ дома, третью недѣлю не заглядывалъ въ корчму.

— Не грѣхъ, а гордость душу его сгубила! На свѣтѣ различно бываетъ! живутъ и пьяницы, и воры, и разбойники, и никто имъ ничего не говоритъ, никто для нихъ Божьяго свѣта не жалѣетъ. Люди привыкають къ нимъ, знаютъ, что они такими на свѣтѣ родились, такъ ужъ имъ суждено. А онъ, соколикъ, хотѣлъ быть лучше всѣхъ, такой всегда аккуратный, спокойный... Поцупталъ нечистый, вотъ онъ теперь и заливаешь память водкою.

Такъ думала Максимыха, занявшись приготовленіемъ ужина, поминутно утирала передникомъ глаза и носъ, а въ головѣ роились и тѣснились разныя мысли. Она готова была душу отдать этому расточительному мужу, лишь бы какъ нибудь утѣшить, успокоить его, и рѣшила испечь яичницу и цѣлую *ладышку* молока влить въ кашу. Нужно будетъ отдать ужинъ пораньше, пока та „вѣдьма“ не прилетѣла изъ мѣстечка. Максимыха досаждала ей, какъ могла, даже горшки и миски давала собакамъ, чтобы ничего изъ пищи не досталось „той“.

— Пусть тамъ ѣсть, гдѣ работаетъ! повторяла она для успокоенія совѣсти.

Въ селѣ постоянно случались пропажи: куры, яйца, сыръ, масло, хлѣбъ кто то какъ бы хваталъ изъ подъ рукъ. Всѣ старались выслѣдить вора: и бабы, и мужчины, и дѣти, и Евка вмѣстѣ съ прочими. Теперь она хорошо одѣвалась, носила свои покупныя наряды и украшенія, иногда нанималась поденно во *дворъ* и

самую легкую работу, помогала бабамъ нянчить дѣтей, почти въ каждую хату забѣгала ежедневно въ разное время, а сѣрые глаза такъ и бѣгали во всѣ стороны; она какъ будто даже помогала дома Максимыхѣ, но чуть только кто нибудь сѣлся на улицѣ, усталый или больной, то и она тотчасъ же подсаживалась къ нему за воротами или на прызбѣ, лишь бы только на солнцѣ; протягивала босыя ноги, распрямляла руки, зѣвала и потягивалась, какъ кошка.

— Ото ломоты! говорили о ней бабы; самыя провинцательныя подозрѣвали ее въ покражахъ, но никто не могъ поймать ее на мѣстѣ преступленія; говорили о томъ и Максимыхѣ.

— Грѣхъ вамъ обижать сироту! Никто ее не накрылъ на дѣлѣ! возражала та, повидимому возмущенная, а про себя думала: пусть хоть на куски разорвутъ, какъ будетъ жить въ своей хатѣ! И такъ довольно уже всего... Еще воровство покрывать должны!

Всѣ ожидали возвращенія Федора, срокъ его службы приходилъ къ концу. Максимъ бродилъ по полю и заранѣе соображалъ, какую ниву придется отдать ему, гдѣ будетъ стоять хата; старикъ отецъ поджидалъ сына, не умиралъ; Максимыха по нѣсколько разъ на день выбѣгала за ворота, посматривала во всѣ стороны, хотя въ село вела всего одна дорога. Она какъ будто чувствовала на собственной спинѣ тѣ удары, каковыми Федоръ встрѣтитъ жену, и дрожала отъ радости. За воровство, за безпутство и бездѣлье, за все, за все заплатитъ онъ ей; выгнать изъ нея черта, или убѣть! Можетъ быть и палку хорошую принесетъ съ собою.

Евка только уши настороживала, слушая, гдѣ какой солдатъ возвратился, и что то обдумывала въ душѣ, а такъ какъ передъ нею начали запираются хаты, всѣ уже слѣдили за нею, то она схватила однажды хохлатую курицу Максимыхи и исчезла на нѣсколько дней. Воротилась вся почернѣлая, въ грязной юбкѣ, растрепанная, головной платокъ болтался на плечахъ, ноги въ грязи; она скорчилась на завалинкѣ, охвативъ колѣни руками, и просидѣла такъ цѣлый день. За пазухою оставался еще пряникъ и два баранка, но ѣда не шла на умъ. Евка бѣгала въ свою сторону, въ тотъ дворъ, гдѣ служила когда то вмѣстѣ съ Андреемъ;

думала развѣдать о немъ, можетъ быть, даже и встрѣтиться съ нимъ. Однако тамъ ничего не знали: никто и въ глаза его не видалъ; въ экономіи все новые работники, не захотѣли съ нею даже и поговорить. Только съ женою эконома поговорила немного, дѣтямъ принесла баранковъ; пришла, будто соскучившись за ними, провѣдать ихъ отъ добраго сердца. Плела небылицы, будто она теперь хозяйкою въ богатой хатѣ, живетъ въ довольствѣ, держитъ *наймитовъ*.. Одно горе—дѣти мрутъ одно за другимъ, и при этомъ сѣрые глаза ея наполнялись слезами; она знала уже, что Андрея нѣтъ и ей снова придется возвращаться въ ненавистную хату, тревога и злость грызла ея сердце; вотъ почему она такъ искренно плакала о мнимыхъ дѣтяхъ, утирая глаза краснымъ платочкомъ, въ которомъ принесла баранки. Растроганная хозяйка дала ей на дорогу кусокъ черствой булки и жаренаго сала; Евка то и другое бросила дворовымъ собакамъ; за послѣдніе годы вкусъ ея сильно развился, она предпочитала скорѣе терпѣть голодь, нежели портить зубы на Богъ вѣсть какой пищѣ. А теперь, сидя на завалинкѣ, она не переставала думать объ Андреѣ. Обѣщала, что возвратится, что убьетъ ее... И того убьетъ, за кого она выйдетъ. Пусть бы теперь воротился! Не сдѣлалъ бы ей ничего худаго, а того шельму пускай бы убилъ! Зачѣмъ женился на ней? Зачѣмъ сгубилъ ея молодость въ тяжкомъ трудѣ и неволѣ? Она скрежетала зубами и плакала самымъ искреннимъ образомъ.

Наконецъ Федоръ возвратился. Едва услыхавъ объ этомъ, Евка выскочила изъ хаты въ обору, какъ кошка, взобралась на чердакъ, притаилась въ углу между досками и старыми обручами и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не могла перевести дыханья, такъ сильно билось сердце. Она прислушивалась, вглядывалась въ темнотѣ... Наконецъ первый страхъ миновалъ, она нѣсколько успокоилась и по обыкновенію вскинула плечами.

— *Гирше лыхо, колы боишя, и вида буде, и натремтышя,* пробормотала она, вполне оправившись и подергивая плечами для храбрости, слѣзла съ чердака и вышла изъ сарая. Было уже темно, на дворѣ ни души, въ освѣщенное окошко хаты видно было, какъ всѣ сидѣли вокругъ стола, даже глупый Петро въ

разстегнутой рубахѣ сидѣлъ развалившись, улыбаяся и, разинувъ ротъ, слушалъ. Ее разобрало любопытство, каковъ тецерь Ѳеодоръ. Она приблизилась къ окну и прижалась къ стѣнѣ, чтобы не увидѣли изнутри. Въ избѣ горѣли и лампа, и лучина, цѣлыхъ три миски стояли на столѣ; крошки хлѣба и остатки молока и каши свидѣтельствовали объ окончаніи ужина.

— Поѣли! прошипѣла Евка сквозь зубы, а тецерь слушаютъ!

Старикъ, который цѣлую недѣлю совсѣмъ угасалъ на печи, тецерь сидѣлъ, выправившись, поднявши голову, съ красными пятнами на лицѣ; Максимыха, Петръ, двое старыхъ родственниковъ— всѣ сидятъ вокругъ стола, смотрятъ въ глаза Ѳеодору, ловятъ каждое его слово, вотъ разразились дружнымъ хохотомъ, потомъ притихли, только толкнуть другъ друга локтемъ, кивнуть на него головою, посмотрятъ съ какимъ то удивленіемъ и слушаютъ дальше. Гость сидѣлъ спиною къ окну, Евка видѣла только шинель съ красными нашивками на плечахъ, свѣтлую низко остриженную голову, а когда онъ обернулся къ сосѣду, замѣтила, что у него были усы. Въ хатѣ было шумно, весело, дѣти рѣзвились на серединѣ, ходили на четверенькахъ, ѣздили верхомъ другъ на дружку, кувыркались, какъ молодые котята, и смѣялись такъ, что стекла въ окнѣ дрожали. Одинъ Максимъ сидѣлъ поотдалъ подъ стѣнкою, курилъ трубку и угрюмо смотрѣлъ въ землю. Евкѣ показалось раза два, будто онъ поднятъ глаза на окно, за которымъ она стояла, еще грознѣе нахмурилъ брови, поднялъ руку и почесалъ за ухомъ, какъ бы сильно озабоченный. Ея одной тамъ не было, а вѣдь она его жена... Мужъ пришелъ издалека, четыре года ее въ глаза не видалъ и сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣсть, пить, разговариваетъ съ своими, смѣется, а объ ней и не вспомнить. Не звалъ ее, не искалъ... Она бы услышала сидя на чердакѣ... Вѣдь слыхала же въ такой тревогѣ, какъ шумѣли листья груши, какъ трещалъ въ травѣ кузнечикъ... Не звалъ!... Должно быть уже наговорили... А можетъ быть просто забылъ? Евка совсѣмъ разчувствовалась, замигала глазами и закрыла вѣки... Отъ свѣта, отъ напряженія или отъ чего инаго глаза застилались слезами.

Вдругъ она очнулась, словно пробудившись, и вскинула плечами.

— Не дождутся они!... Трехъ мисокъ не могли выѣсть до дна! вставши на цыпочки, она замѣтила въ одной немного кислаго молока, въ другой нѣсколько картофелей.

— А, хороша собака и муха! Она пригладила рукою волосы, крѣпче подвязала на головѣ красный платочекъ, оправила рубаху и фартухъ, смѣло и рѣшительно вошла въ избу и еще съ порога крикнула мужу.

— Ты, Федоръ, хамомъ былъ, хамомъ и воротился! Отцу поклонился, брату поклонился, а жену забылъ! Чтобъ тебя такъ люди забыли.

Дѣйствительно, онъ отвыкъ отъ нея и забылъ. Въ первую минуту онъ спросилъ было, гдѣ она и здорова ли, но когда его окружили родные, когда послѣ первыхъ привѣтствій каждый началъ съ любопытствомъ и извѣстнымъ уваженіемъ осматривать его особу и костюмъ, когда посыпалось множество безсвязныхъ, отрывочныхъ вопросовъ, онъ какъ то растерялся; не зналъ, о чемъ спрашивать, слушалъ, отвѣчалъ кое какъ, а самъ водилъ глазами по закопчѣлой избѣ, улыбался темнымъ угламъ и печкѣ, замѣтилъ за однимъ изъ сволоковъ пучекъ сушеныхъ травъ, который самъ онъ когда то засунулъ туда. Смотрѣлъ и не могъ вдоволь насмотрѣться. Въ грубой шинели, съ прямою военною осанкою, мало разговорчивый Федоръ имѣлъ видъ гордый, даже суровый.

— Солдаты... Много свѣта видаль, умный, бывалый... Не хочетъ сразу говорить съ людьми, думали братья, отецъ и дяди; никого это не удивляло и не оскорбляло, напротивъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ относились къ нему, придвигали миску съ кушаньемъ, хлѣбъ и ложку; одинъ изъ дядей, въ знакъ особаго вниманія, отеръ ему ладонью молоко съ бороды, другой ежеминутно подавалъ табакерку, только старикъ отецъ и Петро не могли произнести ни слова, подавленные смѣшанными чувствами умиленія и почтительнаго удивленія.

— Солдатыкъ ты нашъ миленькій! шептала Максимыха, нѣжная и счастливая. Круглое лицо и красная шея Федора, выступавшая изъ подъ тѣснаго воротника шинели, привели ее въ восхищеніе.

— Вотъ, какъ тамъ кормили, какъ присматривали бѣднаго сироту! Здоровымъ воротился, выросъ, выровнялся, похорошѣлъ, пусть ему солнце ясно во всю жизнь свѣтитъ! Такой важный себѣ, серьезный... какъ должно... Научили разуму на свѣтѣ!...

Отъ полноты восторга и сердечнаго умиленія она схватила съ тапчана подушку и засунула Ѳедору за спину. Это было доказательствомъ величайшаго уваженія; такую честь оказывала она только священнику, принимая его съ крестомъ. Ѳедоръ съ улыбкою пріянялъ любезность, хотѣлъ даже подшутить надъ старухою— и не могъ, что то сдавило за горло. Запахъ пици, сермягъ и лаптей, сердечная теплота, свѣтившаяся въ неподвижныхъ, устремленныхъ на него лицахъ, какая то специфическая, домашняя атмосфера, присущая этимъ почернѣлымъ стѣнамъ... все трогало его, ходило по костямъ, какъ лихорадка, въ глубинѣ души шевелилось какое то неясное чувство, и радостное, и вмѣстѣ грустное, котораго ни опредѣлить, ни выразить нельзя.

— Хата... хата моя... милая хата... нашептывало что то въ душѣ въ то время, какъ онъ, важно нахмуривъ брови, наеживши усы, заѣдая клѣбомъ съ солью каждое слово, рассказывалъ нѣсколько ломаннымъ языкомъ, гдѣ былъ, что видѣлъ, какіе города, какія рѣки проходилъ, какъ ѣздилъ на машинѣ, видѣлъ золотые и серебряные мундиры...

— А у васъ тутъ лошадей не крали? Не было падежа на скотъ? Слѣпой Каптанъ Якова живъ еще, а? прерывалъ онъ вдругъ, поглядывая на лица присутствующихъ.

Всѣ улыбались, какъ дѣти, наслушавшіяся волшебныхъ сказокъ о коврѣ самолетѣ, о братьяхъ разбойникахъ, хотя и заинтересованныя ими, но уже нѣсколько утомленные, съ удовольствіемъ возвращающіяся къ міру дѣйствительности. Даже появленіе Евки мало нарушило общую гармонію. Максимыха только выбранилась потихоньку, старикъ мрачно поглядѣлъ на нее, а Максимъ всталъ съ лавки, тяжело ступая, подошелъ къ печкѣ, зажегъ трубку и вышелъ изъ хаты въ ту минуту, какъ Ѳедоръ погладилъ жену по лицу и усадилъ около себя на скамьѣ. Румяная, чернобровая, съ наглымъ выраженіемъ огромныхъ глазъ, она казалась ему красивою даже послѣ всѣхъ тѣхъ

женщинъ, какихъ случилось ему видѣть на свѣтѣ. Онъ улыбался ей, пощипывалъ за руки, за щеки, зналъ, что это его жена, и радъ былъ, что нашелъ ее именно такую, какая наибольше приходилась ему по вкусу. Евка спросила, вспоминалъ ли онъ объ ней, принесъ ли хоть платокъ или передникъ въ подарокъ? Онъ засмѣялся въ отвѣтъ! Столько видалъ онъ на свѣтѣ болѣе красивыхъ женщинъ, столько зналъ ихъ въ различныхъ городахъ и селахъ, что не имѣлъ ни времени, ни охоты вспоминать о женѣ. А подарка не принесъ, потому что самъ едва съ двадцатью копейками вышелъ изъ города, по дорогѣ питался однимъ хлѣбомъ, пилъ воду, ночевалъ въ лѣсу или въ полѣ и послѣдняго *двойка* отдалъ старому солдату съ деревянною ногою, который пропилъ въ корчмѣ рубашку и остался безъ гроша за душою на хлѣбъ. Наконецъ, къ чему бабамъ наряды? Одной рубахи и юбки домашнего холста достанетъ на всю жизнь; для работы чѣмъ старѣе одежда, тѣмъ лучше, а въ праздникъ пусть сидятъ дома и смотрятъ за дѣтьми.

Федоръ нарочно дразнилъ ее и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо ея разгоралось все больше и больше, глаза искрились, она шевелила ноздрями и усмѣхалась злобною затаенною улыбкою, открывавшею ея острые, бѣлые зубы. Ему нравились такія дикія кошки! Онъ ударилъ ее по плечу и обѣщаль купить ей на грошъ пряникъ, если будетъ работать, какъ должно. Въ первый же день онъ убѣдился, что изъ нея никогда не было и не будетъ ничего порядочнаго. Всталъ онъ до разсвѣта. Его раздражалъ запахъ сѣна, на которомъ онъ спалъ, цѣлую ночь свились деревня, хаты, Нѣманъ, песчаные обрывы, лѣса и заросли, все это онъ ясно видѣлъ и ощущалъ вокругъ, даже дотрогивался руками; ворочался на снѣгъ, раскрывалъ глаза, водилъ бессознательнымъ взглядомъ по темной влѣти и, не дознавшись, гдѣ онъ, засыпалъ снова и снова видѣлъ тѣ же сны. Наконецъ, онъ вскочилъ, холодъ разсвѣта сразу отрезвилъ его. Онъ зналъ уже, что подъ Киселями косятъ траву, работы будетъ еще недѣли на двѣ, такъ какъ луга залиты по поясъ, а тѣмъ временемъ выкашиваютъ берега въ ожиданіи, пока спадетъ вода. Еще до восхода солнца Федоръ былъ на лугу; шинель, шапка и дажерубаха

солдатская остались въ клѣти; Максимыха еще наканунѣ вынула для него новую сѣрую одежду, пропитанную сильнымъ запахомъ мяты и майорана, какъ все въ ея скрынѣ; изъ воспоминаній цивилизованнаго міра оставались только смазные сапоги, да серебряная сережка въ лѣвомъ ухѣ, которая должна была лѣчить его отъ шума въ головѣ и ломоты въ костяхъ, нажитыхъ во время долгихъ и холодныхъ переходовъ.

Онъ стоялъ по колѣни въ травѣ, одинъ посреди луга, еще покрытаго утреннимъ туманомъ. Кругомъ все тихо. Сѣроватяя тучки быстро плыли по небу и скрывались на востокѣ за лѣсомъ. Даже птицы еще спали; развѣ кое гдѣ между ольхами отрывисто защебечетъ воробей и смолкнетъ; Ѳедоръ стоялъ, какъ очарованный, оглядывался, прислушивался и самъ не могъ понять, что привело его сюда такъ рано. Вотъ изъ подъ ногъ выпорхнулъ бекасъ, пролетѣлъ нѣсколько шаговъ низко надъ землею и упалъ въ болото, всколыхнулъ дремлющую поверхность, поросшую острою осокою; глухимъ эхомъ отозвалось это движеніе въ сѣровой мглѣ, внезапно пробудившійся вѣтерокъ слегка зашелестѣлъ верхушками ольхъ.

Ѳедоръ вздрогнулъ и сжалъ рукоятъ косы; какъ вчера на стѣны родной хаты, такъ и теперь на сѣнокосѣ онъ не могъ вдоволь наглядѣться. Все по старому, даже ничего новаго не выросло ничто не измѣнилось, только травы въ этомъ году росли лучше обыкновеннаго—онъ сразу сообразилъ, что на своемъ участкѣ соберетъ отъ шести до восьми возовъ. Привычнымъ глазомъ осматривалъ онъ разбросанные покосы и вычислялъ. Теперь въ немъ пробуждался расчетливый хозяинъ, скупой и жадный больше всего на сѣно, этотъ насущный кормъ его скотины, дороже для него собственной души. Уходя, онъ оставилъ шесть коровъ, двѣ лошади и четырнадцать овецъ. За это время должно быть прибыло и молодыхъ, а старыхъ могли продать... Сразу будетъ, чѣмъ дѣлиться, когда умретъ отецъ и оставитъ немного денегъ на новое хозяйство. Ѳедоръ отточилъ косу, взмахнулъ разъ, другой, третій—трава ложилась ровно, какъ по линіи. Не забылъ косить! Теперь онъ возмужалъ, набрался силъ; онъ такъ долго былъ только автоматомъ, пѣшкой въ ряду другихъ ему

подобныхъ, что когда очутился на свободѣ, на широкомъ просторѣ, ему казалось, что онъ цѣлый годъ можетъ трудиться безъ отдыха, что силъ и охоты на сто лѣтъ хватить. Онъ мѣрно взмахивалъ косою и улыбался пріятнымъ мечтамъ. Только теперь начнется настоящая жизнь! Онъ умнѣе этихъ воловъ сосѣдей, что поросли мхомъ, сидя на одномъ мѣстѣ. Онъ пользуется всеобщимъ почетомъ и большимъ значеніемъ въ селѣ. Его стануть бояться,—знають, что онъ между всѣми первый, что съ нимъ не потягаешься. „Особа“ это не то, что первый попавшійся мужикъ. За нимъ вѣдь четыре года вѣрной и безпорочной службы... его хвалили тамъ... онъ даже счетъ потерялъ всѣмъ похвальнымъ отзывамъ, какими удостоивало его ближайшее начальство; правда, въ селѣ никто не слыхалъ о томъ, но самъ онъ хорошо помнилъ все, былъ доволенъ собою, гордился своимъ прошлымъ. Да, теперь онъ „особа“! Выстроить себѣ хату съ трубою, обнести ее тесовымъ частоколомъ... Пусть знають всѣ, какъ живетъ человѣкъ, который видѣлъ свѣтъ, знаетъ жизнь и никому не кланяется.

Онъ остановился и усиленно точилъ косу. Звонъ стали разносился по лѣсу, дрожалъ въ туманѣ надъ высокою травою, слегка колыхаемою утреннимъ вѣтеркомъ. Коса блестяла, какъ бритва, а онъ все точилъ, щурилъ глаза, пожималъ плечами. Давно не слыхалъ онъ этого звона! Сосѣди можетъ быть думаютъ, что онъ тотъ же глупый парубокъ, какимъ былъ прежде, что всѣхъ слушалъ, всему вѣрилъ и своего ума не имѣлъ ни на грошъ. Ого! Пускай посмотрятъ. Еще вчера рассказывалъ онъ своимъ старымъ дядямъ, чуть не сто лѣтъ глядѣвшимъ на свѣтъ Божій, всякія небылицы о волшебныхъ ружьяхъ, о богатыряхъ которыхъ не беретъ никакая пуля, повторялъ различныя сказки, порожденія фантазіи новобранца, котораго полудикую натуру опеломила импонирующая сила солдатчины. Повѣрять! Всему повѣрять! Вѣдь и самъ онъ когда то вѣрилъ даже въ черта! Онъ продолжалъ косить все размахистѣе, машинально повторяя: разъ, два! разъ, два! ту команду, по которой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ билось его сердце.

Наконецъ, весь потный, усталый, онъ бросилъ косу и въ первую минуту стоялъ вытянувшись въ струнку, мѣрно дыша, какъ во фронтѣ, потомъ сѣлъ и поглядѣлъ на цѣлую полосу, выкошенную въ одинъ пріемъ; прежде онъ уже раза два долженъ былъ бы отдохнуть при такой работѣ, выкурилъ бы не меньше двухъ трубокъ и хотъ одинъ разъ пошелъ бы нашитья изъ лужи; впрочемъ, въ то время самъ чертъ не въ силахъ былъ бы поднять его до разсвѣта... Гмъ! теперь онъ другой человѣкъ. Въ страхѣ будетъ держать сосѣдей!... А хату выстроить пожалуй даже съ двумя трубами.

Тучи исчезли,—изъ за песчаныхъ холмовъ надъ рѣкою выплыло солнце. Изъ села, вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуховъ, скрипомъ колодца, мычаніемъ коровъ и жалобнымъ блеяніемъ овецъ, долетѣли визгливые и хриплые голоса бабъ старыхъ и молодыхъ, показались первыя группы косцевъ въ полотняной одеждѣ, съ граблями и блестящими косами за спиною; они шли вдоль межи по два и по три; за ними, подобно нестройнымъ остаткамъ какой то разбитой, разсѣянной арміи, спѣшили бабы въ сѣрыхъ, красныхъ и розовыхъ кофтахъ, въ грубыхъ рубахахъ и юбкахъ, подобранныхъ за поясъ; большинство изъ нихъ бранили пастуха,—выгналъ скотъ послѣ восхода солнца,—иныя на ходу шептали молитвы, у всѣхъ на умѣ были Евка, Ѳеодоръ и всѣ тѣ сплетни, которыя еще со вчерашняго вечера такъ стройно укладывались въ умѣ, отгоняли сонъ, такъ и просились на языкъ. Старухи помолодѣли, молодыя заранѣе смѣялись, только немногія, высохшія, съ угасшими глазами, шли спокойно, апатично, таща въ обѣихъ рукахъ горшки съ пищею и связки толстыхъ веревокъ. Ѳеодоръ еще издали узналъ своихъ, одной Евки никакъ онъ не могъ между ними различить. Не успѣлъ спросить о ней, какъ уже все засычало и жажужало злобще, словно въ осиномъ гнѣздѣ, пригрѣтомъ солнцемъ. Смѣхъ, шутки, поговорки посыпались со всѣхъ сторонъ, бабы говорили между собою, мужчины только плечами пожимали, изрѣдка покрививая на самыхъ болтливыхъ. Никто прямо не обращался къ Ѳеодору, никто не начиналъ еще докладывать ему „всего“, никто не думалъ даже такъ сразу огорошивать человѣка, не видѣвшаго въ теченіи нѣсколь-

вихъ лѣтъ роднаго дома, никому не сдѣлавшаго ничего дурнаго и только наканунѣ вернувшася къ своимъ. Бабы просто шутили между собою, но отъ этихъ шутокъ, какъ отъ разбиваемаго камня, отскакивали острые осколки и, по какой то странной случайности, всѣ направлялись въ сторону Федора. Онъ слушалъ, и хотя понималъ едва десятое слово, все же могъ предположить, что жена его должна была по крайней мѣрѣ десятокъ людей убить, десять сель поджечь, церковь обокрасть и, почему знать, можетъ быть, рѣшилась даже поднять злодѣйскую руку на собственную скотину, такую преступною выходила она изъ этихъ веселыхъ шутокъ. Оскорбленный мужъ нахмурилъ брови, раздулъ щеки и принялъ важный видъ солдата, чтобы показать сосѣдямъ, что онъ не обращаетъ вниманія на сплетни; если найдетъ что нибудь не по себѣ, то сумѣетъ самъ расправиться съ виновною. Онъ сосредоточенно взмахивалъ восою, время отъ времени плевалъ на руки, а въ душѣ уже поклялся, что не проститъ ей—убьетъ, а можетъ быть и того хуже.... И все поглядывалъ искоса, не идетъ ли Евка. А бабы продолжали тараторить, все яснѣе и опредѣленнѣе обращаясь къ нему.

— Почему ты себѣ, Федоръ, новой жены не завелъ? вдругъ рѣшительно спросила Яковыха, болтливая баба съ краснымъ носомъ, съ широкимъ ртомъ и зелеными глазами,—твоя здѣсь совсѣмъ истречалась!

Бабы громко захохотали, одна толькола ее локтемъ въ бокъ.

Федоръ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, даже не взглянулъ на нихъ и продолжалъ косить, переговариваясь съ Максимомъ; онъ всегда пренебрежительно относился къ женскому полу и скорѣе предпочелъ бы родиться евреемъ, нежели бабою, а теперь, будучи солдатомъ, и смотрѣть на нихъ не хотѣлъ. Всѣ постарѣли, увяли окончательно, болѣе пригожія дѣвушки вышли замужъ въ другія села, за то прибавилось двѣ-три черно-волосыхъ вѣдьмы съ острыми носами. Положительно, его Евка самая красивая въ цѣломъ селѣ!—Гмъ, что значать бабскіе толки, подумалъ онъ и, пока выкосилъ полосу, настроеніе его значительно смягчилось.

При свѣтѣ солнца лугъ сверкалъ росою, отливалъ различными оттѣнками: желтоватый по краямъ, переходилъ въ темно-зеленый на болотѣ, гдѣ розовый татаракъ перемежался съ высокою осокою, въ которой что то слегка дрожало, плескалось, двигалось чуть замѣтно. Эта скрытая жизнь, потревоженная звономъ косъ и человѣческими голосами, больше занимала Федора, нежели шумные толки; онъ поминутно озирался въ ту сторону и вслушивался; видѣлъ, какъ пришла Евка въ красной юбкѣ, въ голубыхъ бусахъ, съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ, какая то медлительная, отяжелѣлая, нѣсколько разъ наклонилась надъ сѣномъ, перетрясла горсть, другую, стала, опустя руки, и водила глазами по лугу, усѣянному пестрымъ роемъ бабъ и бѣлѣющихъ на солнцѣ мужчинъ. Среди нихъ она не сразу узнала мужа и только взглянувши на болото, замѣтила одинокаго косца, безъ шапки, съ свѣтлою, низко остриженною головою.

— Чтобъ ты околѣлъ!—проворчала она и принялась за работу. Уже цѣлыхъ четыре года не приходилось ей такъ долго и тяжело трудиться, какъ въ этотъ день. Руки и ноги дрожали, поясница болѣла, точно перебитая, потъ заливалъ глаза; она стискивала зубы, до крови кусала губы, но гребла не разгибаясь, не подымая головы,—боялась, а въ душѣ влялась, что это въ послѣдній разъ, что сорвется съ цѣпи и скорѣе утопитя, нежели воротится къ этимъ воламъ.

Федоръ молчалъ, въ полдень вмѣстѣ съ другими поѣлъ молока и картофеля и снова недовольный принялся за работу. Вечеромъ, даже не заходя въ хату, накинулъ шинель на плечи и безъ шапки пошелъ себѣ вдоль берега рѣки; сперва шелъ горою, потомъ по обрыву спустился къ водѣ. Смотрѣлъ, озирался, словно не своими глазами,—вся гордость исчезла, онъ забылъ даже, что былъ солдатомъ, прежняя натура ожила на старой почвѣ. Онъ зналъ уже, что братъ его обидѣлъ,—скотъ и запасы всѣ растратилъ,—и обдумывалъ, что дѣлать? Требовать ли свою часть, поссориться сразу, надѣлать шуму въ хатѣ, или выждать спокойно и терпѣливо, взять для начала, что дадутъ, а остальное отбирать незамѣтно, то ласкою, то угрозою, понемногу обирать брата. Онъ зналъ Максима и зналъ, что тотъ, несмотря на его

репутацию умного человека, в действительности был страшно глуп: боялся скандала, хотел слыть честным перед людьми, чужаго гроша не имел на совести, всегда спокойный, недалекий, но справедливый. Теперь он не смеет в глаза смотреть брату, уступает съ дороги, даже не заговаривает съ ним первый. Эти доказательства раскаяния и покорности еще более ублажали Федора въ его виновности, чемъ самое сознание обиды; покорный и молчаливый Максимъ казался ему страшнымъ преступникомъ, который сдѣлаетъ все, что угодно, лишь бы его оставили въ покоѣ.

— Не былъ бы онъ такимъ тихимъ, если бы не звалъ, что правда на моей сторонѣ. Го-го! я могъ бы выгнать его изъ хаты съ женою и дѣтьми, могъ бы отобрать у нихъ послѣднюю рубашку! Обидѣлъ онъ меня, бѣднаго сироту, пустил съ сумою, сдѣлалъ нищимъ! Я на службѣ былъ, вѣрой правдой служилъ Богу—государю, а онъ здѣсь имущество мое разорялъ! мысленно повторялъ Федоръ, словно предъ какимъ то невидимымъ трибуналомъ, который долженъ былъ разсудить ихъ.

Самъ онъ въ глубинѣ души нѣсколько иначе судилъ о своемъ дѣлѣ: изъ четырехъ проданныхъ коровъ три принадлежали Максимыхъ, равно какъ и всѣ овцы, она же принесла въ домъ большую часть запасовъ, а остальное скопила неусыпнымъ трудомъ и бережливостью, доходившею до скупости. Оставалась одна корова да Евка, изъ нихъ половина первой принадлежала Максиму по праву, что же касается второй, то мужъ сначала забылъ даже о ней, а вспомнивши, призадумался и самъ не могъ рѣшить, какое значеніе будетъ имѣть этотъ фактъ въ случаѣ процесса и не испортятъ ли дѣла показанія свидѣтелей о томъ, что растрченное имущество пошло въ пользу его жены? Сколько ни думалъ онъ, сколько ни соображалъ, ничего какъ то не могъ придумать, а идти къ людямъ за совѣтомъ не рѣшался. Онъ видѣлъ, что Максимъ страшно податливъ, и это благопріятствовало его корыстнымъ расчетамъ. Впрочемъ, нужно сперва попытаться счастья; если братъ начнетъ сопротивляться,—о! тогда посмотримъ!.. если же покорится, значить, самъ сознаетъ свою вину.

— А кого же и наказывать, какъ не грѣшника?—подумалъ онъ.—Можетъ быть, въ этомъ будетъ его погибель... Ну, такъ зачѣмъ лѣзь въ бѣду? Такъ ужъ на свѣтѣ суждено, что кто себя не защититъ, того никто не защититъ! Что я стану его жалѣть, когда онъ самъ себя не жалѣлъ?

Чѣмъ дольше думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ больше приходилъ въ убѣжденію, что право на его сторонѣ, тѣмъ глуше казался Максимъ съ его покорностью и уступчивостью.

— Видно, самъ знаетъ, что виноватъ, думалъ Ѳедоръ, хотя самъ никакъ не могъ вполне опредѣленно выяснитъ себѣ степень этой вины.—Такую корову утратить! а!.. Онъ не отдалъ бы ее и за сто рублей! Да, конечно, для инаго она можетъ быть и десяти не стоить, а онъ, Ѳедоръ, не отдалъ бы и за сто! Досталась она имъ отъ отца и матери... рыжая, на четырехъ ногахъ, съ двумя рогами въ добавокъ. Прекрасная корова! Онъ полъ-свѣта прошелъ, а такой не видалъ! Какъ же смѣлъ этотъ злодѣй продавать ее самовольно? Пусть бы пропала, пусть бы волки ее зарѣзали—Божье попущенье. Но продавать онъ не имѣлъ права. И божескіе, и человѣческіе законы признаютъ это!

Глубоко увѣренный въ правотѣ своего дѣла, онъ готовъ былъ присягнуть, что любилъ эту корову больше всего на свѣтѣ, что самъ выкормилъ ее, высмотрѣлъ и не отдалъ бы ее за сто рублей. Вспомнилъ при томъ, что за эти четыре года было бы четыре теленка, а можетъ быть и больше.

— И этотъ злодѣй смѣетъ еще смотрѣть мнѣ въ глаза, смѣетъ говорить со мною, учинивши такую несправедливость! Если бъ онъ могъ, душу мою продалъ бы черту! Вотъ онъ какой братъ! Никто чужой не рѣшился бы на то, что онъ сдѣлалъ.—Да еще жену мою любилъ и чего добраго съ нею жилъ!—прибавилъ онъ въ заключеніе.

Это послѣднее обстоятельство ни мало не усиливало раздраженія; дѣлалось все это безъ него, за глаза, и если бы люди не толковали объ этомъ, онъ самъ и не вспомнилъ бы. Но люди говорятъ, насмѣхаются, повторяютъ различныя поговорки о немъ, о солдатѣ, который долженъ быть важнѣйшею „особою“ въ селѣ. Вотъ что было ему больно!

Возвращаясь домой, онъ уже высчиталъ, что Максимъ долженъ отдать ему пять загоновъ подъ лѣсомъ и три за огородомъ; изъ отцовскихъ денегъ долженъ сперва выплатить ему рублей двѣсти за корову и за жену, остальное раздѣлить по ровну. Федоръ безъ конца перебиралъ этотъ планъ, съ каждымъ разомъ прибавляя что нибудь въ свою пользу, такъ что подходя къ воротамъ, онъ былъ уже обладателемъ всѣхъ десяти загоновъ поля, хаты, скота и отцовской казны. Максимъ пошелъ „на запашку“ и долженъ еще изъ заработанныхъ денегъ выплачивать ему ежегодно по нѣскольکو рублей за жену и за корову. Зналъ онъ прекрасно, что ничего подобнаго не будетъ, но разъ давши волю сердцу и фантазіи, не могъ уже поставить границъ.

— Щепотка земли!—проворчалъ онъ, приходя въ себя,—чѣмъ тутъ дѣлиться, когда и для одного мало!

Тяжелыми шагами вошелъ онъ на подворье; въ хатѣ уже спали, а подлѣ сарая, растянувшись подъ стогомъ соломы, храпѣлъ Петръ съ Жучкою. Федоръ остановился, поглядѣлъ на спящаго парубка, смѣрилъ его взглядомъ отъ головы до босыхъ ногъ, прислоненныхъ къ спинѣ Жучки.

— И этотъ еще!—проворчалъ онъ, нахмурившись, и вдругъ припомнилъ себѣ, сколько лѣтъ этотъ „прыблуда“ ѣлъ и пилъ у нихъ, носилъ ихъ одежду... покупалъ себѣ сапоги и шапки! Работалъ какъ будто... Эхъ! На такомъ кусочкѣ земли и одному нечего дѣлать!

Онъ поплелся въ клѣтъ сердитый и раздраженный... Дѣло о коровѣ, повидимому столь ясное вначалѣ, опять какъ то затемнялось... То вдругъ ему казалось одну минуту, что Максимъ, въ видѣ искупленія вины, откажется отъ наслѣдства... То снова предполагалъ, что тотъ потому такъ сердить и угрюмъ, что не ожидалъ его, надѣялся, что онъ совсѣмъ не возвратится, останется на службѣ, или поищетъ въ городѣ заработка. А за корову и совсѣмъ не вознаградить его. Корова была старая, беззубая, уже и пареной рѣзки не могла ѣсть, нужно было продать, пока не пропала съ голоду. Отецъ живъ еще, имущество не раздѣлено... Какъ тутъ выиграть дѣло? Правда, онъ солдатъ, имѣетъ извѣстныя заслуги и значеніе... Самъ генералъ въ го-

родѣ знаетъ о немъ, но вѣдь къ генералу не пойдешь по дѣлу о коровѣ, а здѣсь на мѣстѣ, какъ знать, удастся ли найти правосудіе? Всѣ воздушныя замки разлетѣлись въ прахъ, засыпавъ его развалинами хаты, десяти загоновъ и прочаго имущества: Ѳедоръ растянулся на сѣнѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ усталого солдата; ему снилось, что вода унесла старую хату вмѣстѣ съ Максимомъ, женою и дѣтьми... Еще разъ воротились пѣнистыя волны и захватили стогъ соломы вмѣстѣ съ Петромъ и Жучкою... Нѣтъ, стогъ остался на мѣстѣ, собака, отряхнувши воду, выбѣжала на берегъ, одинъ Петръ поплылъ и вмѣстѣ съ хатою попалъ въ пропасть, самый слѣдъ которой смыла вскорѣ бурная рѣка. Изъ имущества осталась только полная *обора*, полная *стодола* и десять загоновъ поля... А онъ, бѣдный сирота: стоялъ себѣ одиноко посреди двора и смотрѣлъ, какія опустошенія причинила вода... Надъ берегомъ, надъ самымъ обрывомъ Евка, обернувшись черною собакою, сидѣла на заднихъ лапахъ, смотрѣла ему въ глаза и скалила острые зубы... Вода ее не забрала!

Такъ жила семья со дня на день, въ ожиданіи смерти отца. Работали и ѣли вмѣстѣ, а въ свободныя минуты всѣ расходились въ разныя стороны. Ѳедоръ изподлобья смотрѣлъ на Максима, или отворачивался отъ него спиною и дѣлалъ видъ, будто совсѣмъ не замѣчаетъ его; раза два намекнулъ что то о коровѣ...

— Не бойся, не пойдешь въ обиду! отвѣчалъ Максимъ, половина коровы не пропадетъ; пусть только умретъ старикъ, все сочтемъ, какъ слѣдуетъ.

— Сколько жъ тамъ у него есть?

— А Богъ его знаетъ! Сколько есть, то есть, съ собою не заберетъ! Никто не видѣлъ его съ прошлаго вечера, онъ спалъ уже, какъ обыкновенно, когда они воротились съ поля; поутру жали, а когда сошли къ обѣду и усѣлись за столъ, Максимъ и Ѳедоръ другъ противъ друга, Петръ въ концѣ стола, Евка рядомъ съ дѣтьми, всѣ ежеминутно поглядывали на отца. Онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на кровати, прислонившись къ спинкѣ, желтый, высохшій, заложивъ одну руку за пазуху, и смотрѣлъ въ землю. Всѣ ѣли молча, занятые одною мыслью. Въ

голубыхъ глазахъ глупаго Петра видѣлась печаль и опасеніе; поднося ложку ко рту, вглядывался онъ въ старика и проливалъ кушанье на столъ, за что Евка толкала его въ бокъ и потихоньку называла хамомъ. Ѳедоръ также за каждою ложкою посматривалъ на отца; онъ нарочно усѣлся спиною къ окну, чтобы имѣть его передъ глазами; каждый день собирался онъ спросити о деньгахъ, да все какъ то не умѣлъ словъ прибавить. Говорить о смерти не хотѣлось, зная, что больные не любятъ этого, да и не пристало какъ то родному отцу напоминать о смертномъ часѣ... Но въ то же время онъ боялся, чтобы старикъ не пряталъ денегъ въ разныхъ мѣстахъ, которыя могъ и самъ теперь позабыть, а они не сумѣютъ отыскать впоследствии.

— Что вы, татку, гроши въ скрынѣ держите? спросилъ Ѳедоръ послѣ долгихъ размышленій,—а то, какъ придетъ вашъ конецъ...

Максимъ тольколь его подъ столомъ ногою.

— Толкай, не толкай, а смерти не прогонишь! спокойно замѣтилъ Ѳедоръ, пережевывая крупникъ съ хлѣбомъ, и продолжалъ:—такъ, когда придетъ намъ конецъ, то чтобъ намъ обиды не было. Всѣ мы тяжкимъ трудомъ зарабатывали эти деньги, всѣ теперь ожидаемъ... выглядываемъ... извѣстно, каждому грошъ нуженъ.

Старикъ, словно вызванный изъ оцѣпененія, торопливо зашамкалъ губами, рука за пазухою дрогнула.

— Скажите вы намъ теперь же, пока еще языкъ и память имѣете, настойчиво продолжалъ Ѳедоръ, облокотившись спиною къ стѣнѣ и заложивъ руки въ карманы.—Не захотите вѣдь, чтобъ мы вашу душу проклинали за свою обиду?

— А чтобъ тебя твои дѣти проклинали! заворчалъ Максимъ,— что ты отъ насъ всѣхъ говоришь? Говори самъ за себя! Мы какъ жили, такъ и дальше проживемъ; ты вѣдьму въ жены взялъ, ужиться въ хатѣ не можешь и ступай съ нею хоть къ самому черту, а смертью отцу не коли глазъ! Какъ почуветь конецъ, самъ скажетъ, что нужно. Достало вѣдь батьку нашему разума на весь вѣкъ, такъ и на послѣднія минуты станетъ... Еще неизвѣстно, кого перваго начнутъ грызть черви... Всѣ подъ Богомъ ходимъ!...

Петръ одобрительно киваль головою, глядя то на старика, то на Максима.

— Да развѣ я отъ злаго сердца? оправдывался Ѳедоръ,—отецъ умереть, для него и дѣло съ концомъ, а намъ еще жить нужно. Здоровому я вѣдь каждый свой грошъ отдавалъ исправно... А теперь умереть, не умереть, позаботиться о себѣ нужно. Такъ вы, татку, сважите, гдѣ... какъ... и вамъ легче будетъ умирать, и намъ спокойнѣе...

Онъ умоляетъ, ожидая отвѣта. Евка стрѣляла глазами по хатѣ, перебирая дрожащими пальцами конецъ фартуха.

Но именно въ этотъ самый день старикъ чувствовалъ себя бодрѣе, легче дышалъ, яснѣе слышалъ жужжаніе мухъ въ избѣ и различалъ своими тусклыми глазами проникавшіе въ окна лучи свѣта. Онъ выпрямился, поднялъ голову и молчалъ. Что то сдавило ему грудь, отъ словъ ли сына, или отъ чего другаго—онъ и самъ не зналъ. Вдругъ онъ закашлялся и съ трудомъ перевелъ духъ.

— Теперь мнѣ лучше, произнесъ онъ съ усиленіемъ, лучше!... Эти нѣсколько словъ совсѣмъ измучили умирающаго, онъ замолчалъ, задыхаясь, и опустилъ голову.

— Съ такимъ здоровьемъ ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни! замѣтилъ Ѳедоръ,—душа съ кашлемъ вылетитъ изъ тѣла и не поймаетъ, хоть ты тутъ землю грызи, не поймаетъ! Намъ будетъ горе, а черту радость... Заберетъ нашъ кровный, трудовой грошъ, какъ свой собственный. Эхъ, если бы я могъ это предвидѣть... если бѣ могъ только подумать!.. Не губилъ бы я понапрасну своего кроваваго пота! Онъ всталъ, надѣлъ шапку и вышелъ изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью.

На слѣдующій день старика не стало.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДВА НАМѢСТНИКА.

Академикъ Зуевъ путешествовалъ въ 1781—1782 гг. съ учеными цѣлями по южной Россіи. Случилось ему проѣзжать черезъ Харьковъ. Здѣсь вышла съ нимъ нѣкоторая непріятность. Почтенный академикъ повздорилъ съ почтосодержателемъ изъ за лошадей и пошелъ жаловаться къ губернатору. Тотъ его грубо оборвалъ и велѣлъ отвести къ намѣстнику. Намѣстникъ приказалъ посадить бѣднаго ученаго, будто бы за невѣжливость по отношенію къ губернатору, на ночь на гауптвахту, а на другое утро велѣлъ двумъ гусарамъ тащить его къ себѣ. Тутъ вышла слѣдующая милая сценка, какъ ее описываетъ самъ Зуевъ. — „Что, братецъ, куда ты заѣхалъ? началъ намѣстникъ, или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ неуучиво поступаешь?... Конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учать: такъ я ужъ много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану“. Намѣстникъ поставилъ академика у порога, велѣлъ смотрѣть на себя и началъ показывать, какъ тотъ долженъ передъ нимъ, намѣстникомъ и генераль-аншефомъ, держать руки, какъ стоять, какъ кланяться, какъ говорить. Зуевъ былъ предупрежденъ офицеромъ, чтобы ни въ чемъ не прекословить намѣстнику: „иначе сила его велика и власть страшна“; онъ и не прекословилъ. Продѣлавши все по артикулу, бѣдный академикъ былъ милостиво отпущенъ съ такимъ напутствіемъ: „Мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ (не знать этого намѣстникъ не могъ, имѣя всѣ необходимыя бумаги), поѣзжай!“ — „Дошла очередь и до меня“ — пишетъ Зуевъ въ академію, „сравнятся бѣдствіемъ съ славнѣйшими учеными людьми, которые, путеше-

ствуя по неизвѣстнымъ странамъ, сдѣлались извѣстными несчастіемъ... все сіе, по большей части, внѣ государства, среди дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ случалось; я внутри моего отечества, въ Харьковѣ, захваченъ, посаженъ подъ карауль обезчещенъ... Я чувствую теперь ослабленіе силъ тѣла и духа; не чаю, будучи въ безпрестанномъ страхѣ, впредь въ дальнѣйшемъ пути, великихъ успѣховъ; прошу заранѣе стараться меня возвратить въ Петербургъ обратно, гдѣ паче чаянія бесполезнѣйшая моя жизнь безопасностью своею однако будетъ для меня сноснѣе¹⁾).

Намѣстникъ, или генераль-губернаторъ, задавшій такого страху бѣдному ученому, былъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ; онъ былъ первымъ намѣстникомъ вновь образовавшихся въ 1780 году двухъ намѣстничествъ, харьковскаго и воронежскаго. Прошло пятнадцать лѣтъ. Постъ намѣстника харьковскаго и воронежскаго, вмѣсто Щербинина, занимаетъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ. У насъ нѣтъ матеріала ни для какой сцены, которая бы пошла въ pendant къ предыдущей; но за то есть нѣсколько распоряженій, которыя достаточно рисуютъ административную личность намѣстника. Во главѣ всего—его первое распоряженіе, родъ манифеста къ жителямъ вѣреннаго ему края, манифеста, обнародованнаго тотчасъ по принятіи въ руки бразды намѣстническаго управленія. Не желая портить характернаго оригинала переложеніемъ, мы не покушимся на выдержки, въ полной увѣренности, что читатель на насъ за нихъ не посѣтуетъ. Документъ этотъ носитъ официальное названіе „Предложеніе воронежскому намѣстническому правленію“. Намѣстникъ прежде всего излагаетъ въ немъ взглядъ на свои обязанности. Вотъ этотъ взглядъ: „Долгъ служенія и обязанность требуетъ моего попеченія, дабы въ подчиненныхъ мнѣ губерніяхъ народъ и всѣ обитатели въ нихъ, блаженствуя, наслаждались покоемъ и не были безъ вины утѣсняемы сильными, заступать таковыхъ утѣсенныхъ и находить способы къ удовлетворенію каждого законнымъ образомъ, что пріемля съ удовольствіемъ, не щажу я себя быть всегда въ

¹⁾ К. Щелкова, Харьковъ, историко-статистическій опытъ, 1880 г.

сихъ заботахъ на службу отечеству и на выполнение Ея Императорскаго Величества Всемиловѣйшей моей Государыни высочайшихъ учреждений и ея законовъ. И какъ рвеніе мое требуетъ поспѣшить на самомъ дѣлѣ показать мое усердіе и соболѣзнованіе къ отягощеннымъ жребіемъ людямъ, и по сему я готовъ каждому помогать, имѣющимъ во мнѣ надобность“.

Такъ смотритъ генераль-губернаторъ на свои обязанности. Теперешнее его предложеніе намѣстническому правленію именно и имѣетъ цѣлью оповѣщеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, что „если кто по коимъ обстоятельствамъ отъ кого утѣсняется или терпитъ отъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ притѣсненіе и по дѣламъ проволочку, то всѣ бы таковыя являлись ко мнѣ, требуя моего заступленія и удовлетворенія, подтвердивъ наистрожайше, чтобы никто изъ чиновниковъ не заграждалъ обидимымъ свободнаго пути къ моему прибѣжищу“. Въ заключеніе намѣстникъ высказываетъ, какихъ результатовъ онъ ждетъ отъ проведенія своихъ взглядовъ и системы: „Я надѣюсь и ожидаю благовременнаго превращенія всѣхъ непорядковъ, законамъ противныхъ, гдѣ бы оныя оказаться могли, такожъ сохраненія въ неварушимости всякаго рода благонравія, мира и тишины“.

Но, можетъ быть, намѣстникъ харьковскій и воронежскій Андрей Яковлевичъ Леванидовъ былъ просто на просто поэтъ въ душѣ, который чувствовалъ самоуслажденіе, представляя въ яркихъ и красивыхъ краскахъ свои обязанности и звучно о нихъ расписывая. Такіе поэты въ душѣ очень часто встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: чувство нравственнаго долга по отношенію къ этимъ своимъ обязанностямъ можетъ у нихъ отсутствовать всецѣло. Но, повидимому, здѣсь было не то. Кромѣ приведеннаго выше документа съ общимъ характеромъ, сохранились и еще распоряженія Леванидова по детальнымъ вопросамъ управленія, показывающія, что намѣстникъ вникалъ въ подробности и желалъ внести въ нихъ серьезныя улучшенія. Прежде и больше всего, его вниманіе было обращено на городничихъ,—этотъ главный уѣздный органъ тогдашняго административнаго управленія. Тогдашніе городничіе не только не стояли на высотѣ

своего призванія, какъ его понималъ намѣстникъ, а просто были, что говорится, ниже всякой критики. Вотъ какъ ихъ описываетъ Леванидовъ въ одной официальной бумагѣ: „Господа городничіе подѣ предлогомъ разныхъ невозможностей по своимъ должностямъ удерживаютъ просителей по дѣламъ долговременно и отнимаютъ время по хозяйству, да и медленность отъ сего по ихъ дѣламъ происходитъ. И какъ я самъ опытомъ сіе дозналъ, что городничіе покоиться обыкли, такъ по утрамъ, какъ и втеченіи дня и что скоропроѣзжающимъ ихъ видѣть трудно. А есть таковыя, что на хуторахъ проживаютъ, оставляя городъ, и пріѣзжимъ отговариваются болѣзнями, и часто бываетъ, что и офицера при командѣ въ городъ нѣтъ, а должно дѣло имѣть съ унтеръ-офицеромъ только или капраломъ статной команды, людьми развратившимися, часто пьяными или съ похмѣлья едва говорящими, къ стыду и нарѣканію начальникамъ губерніи и единственно только отъ лѣности, праздности и нераченія о своей должности господъ городничихъ... Ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ, а о исправности мостовыхъ по улицамъ и мостахъ черезъ рѣки и о умноженіи строеній въ городахъ черезъ ласковое обхожденіе съ жителями, пріохочивая ихъ къ оному, никогда и въ мысль имъ не входитъ, чтобы имѣть о семъ попеченіе“...

Самъ же Леванидовъ понималъ обязанности городничихъ довольно широко. „Даю вамъ знать, пишетъ онъ бѣловодскому городничему, чтобы вы оправдали свой выборъ порученіемъ столь важной должности, какова городническая, отличнымъ собственно вашимъ и примѣрнымъ въ жизни поведеніемъ, стараніемъ еже-часнымъ о устройствѣ города, о приведеніи ласкою обывателей къ скорому и хорошему исправленію строеній, дѣланію мостовыхъ въ городѣ“...

Въ обязанность городничаго, кромѣ „приведенія ласкою обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ“, онъ включаетъ слѣдующее. Прежде всего наблюденіе за тѣмъ, чтобы „люди, торгующіе съѣстными припасами, особливо пріѣзжіе хлѣбопашцы и другіе кунцы, были неутѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ, какъ и жители города не обременены возвыше-

ніемъ цѣнъ на жизненные припасы“; городничіе должны были слѣдить „за мѣрою и вѣсами, продажею мяса, также хлѣба или булки, чтобы были выпечены хорошо и въ полномъ вѣсѣ продаваемы“. Затѣмъ на обязанность городничихъ возлагалось, „яко хозяевъ городовъ, имъ порученныхъ, вездѣ самолично быть, каждому прїѣзжаго или проѣзжающаго видѣть, особамъ чиновнымъ (первыхъ пяти классовъ) услуги свои предлагать, дѣлая по чести должны и, словомъ, всегда на все въ городѣ имѣть примѣчаніе“. Наконецъ, городничіе же должны были доставлять намѣстнику свѣдѣнія о томъ, „какія случатся важныя и примѣчанія достойныя происшествія“: они должны были рапорты о такихъ происшествияхъ „съ аккуратнѣйшимъ всего случившагося описаніемъ доставлять съ нарочными драгунами“. Это относительно важныхъ происшествій; о неважныхъ же всѣхъ также нужно было сообщить, только уже не черезъ нарочныхъ, а „черезъ семь дней посредствомъ учрежденной для возки писемъ почты“ вмѣстѣ съ рапортами о благосостояніи города и воинской штатной команды, свѣдѣніями о торговыхъ и справочныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и фуражъ и о проѣзжающихъ первыхъ классовъ знатныхъ особахъ. Видимо, Леванидовъ чувствовалъ себя серьезно заинтересованнымъ въ томъ, чтобы быть au courant всего, совершающагося въ его намѣстничествѣ.

Серьезнымъ бѣдствіемъ старинной общественной жизни было медленное дѣлопроизводство, главнымъ образомъ судебное; бѣдствіе это было особенно ощутительно для людей „отягченныхъ жребіемъ“, слѣдовательно неимѣющихъ возможности подмазывать колесницу Θемиды и тѣмъ облегчать ея тяжелый ходъ. Леванидовъ, видимо, держалъ въ головѣ это обстоятельство еще въ то время, когда писалъ свой манифестъ. А затѣмъ изъ письма его воронежскому губернскому прокурору видно, что онъ принималъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы ускорить движеніе дѣлъ. Онъ требовалъ, чтобы господа присутствующіе, секретари и всѣ вообще нижніе приказные служители всегда приходы и выходы изъ своихъ мѣстъ имѣли въ установленное время, нисколько нигде отнюдь безъ позволенія и увольненія начальства ни на какое время изъ города не отлучаясь, такъ какъ до его свѣдѣнія дошло,

что „уѣздныхъ нижнихъ земскихъ судовъ, такъ и расправъ нижнихъ вообще судьи, уѣзжая въ дома свои, живутъ почти безвыѣздно и рѣдко когда собираются“. Требовалъ, чтобы тамъ, гдѣ накопилось много нерѣшенныхъ дѣлъ, судьи засѣдали и послѣ полудня и т. д. За неисполненіе этихъ требованій, за проволочки, за самовольныя отлучки онъ угрожалъ строгими карами закона.

Послѣдній пунктъ, на который была обращена административная дѣятельность Леванидова, поскольку мы можемъ судить о ней при помощи дошедшихъ до насъ документовъ, это была беззащитность крестьянъ (государственныхъ), ихъ неумѣнье организовать себѣ судебную защиту и всѣ послѣдствія такого неумѣнья. Леванидовъ изображаетъ все это въ очень рѣзкихъ краскахъ, особенно напирая на крестьянскихъ повѣренныхъ, или ходяковъ. „Поселяне казеннаго вѣдомства, такъ пишетъ онъ, для ходженія за дѣлами до цѣлаго ихъ общества касающимися, какъ то: о раздѣлѣ состоящихъ въ сосѣдствѣ или черезполосныхъ съ кѣмъ либо владѣній земель, о причиненныхъ имъ разнаго званія людьми вырубленіемъ собственныхъ ихъ лѣсовъ, выкопненіемъ травы и другихъ сему подобныхъ обидахъ, наряжаютъ изъ обратіи своей повѣренными людей такихъ, кои или вовсе безграмотные, или же, зная нѣсколько оной, невоздержной жизни, которые неточію могутъ изобразить на словахъ обстоятельнѣйшимъ образомъ наносимыя обществу ихъ обиды, но и при написаніи прошеній пересказываютъ, смѣшавъ матерію, совсѣмъ не то, о чемъ имъ довѣрено отъ жителей; часто бывають сіи повѣренные нерадивые общей пользѣ и не хотятъ помыслить сыскивать для написанія прошеній людей, прямо знающихъ, а сами, обращаясь всегда въ пьянствѣ, не только, чтобы канцелярскій обрядъ были знающіе, но и писать не научившіеся и отъ невоздержанности и ежедневнаго въ пьянствѣ и невѣжествѣ обращенія всегда мысли имѣють отягченныя, составляютъ свои просьбы такія, какъ ему разсудится, уклоняясь совсѣмъ отъ настоящаго дѣла и довѣрія общественнаго.“ Такимъ образомъ появляются крестьянскія прошенія съ рукоприкладствомъ просителей, о которыхъ рукоприкладчики не имѣють „никакого понятія, пиже свѣдѣній, что въ нихъ помѣщено.“ Понятно, что отъ

этого должны были происходить безчисленные затрудненія и бесполезная трата времени, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, которыя съ ними имѣли дѣло. Намѣстникъ хотѣлъ помочь злу оповѣщеніемъ крестьянъ черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, „чтобы они, если случится о чемъ либо принести въ общественныхъ дѣлахъ ихъ начальству или какому либо другому присутственному мѣсту жалобы, то бы для подачи оныхъ и хожденія за дѣломъ избирали изъ собратіи своей людей трезваго поведенія и всякаго вѣроятія заслуживающихъ, и не одного, а двухъ, снабдивъ ихъ достаточными и закону соотвѣтствующими довѣрїями, дозволили бы вступить въ просьбы.“ Затѣмъ эти повѣренные должны были предварительно представлять всѣ документы на разсмотрѣніе уѣздныхъ стряпчихъ, которые должны были удостовѣряться, что въ бумагахъ нѣтъ ничего „посторонняго и закону противнаго.“ Дѣло должно было имѣть движеніе лишь послѣ такой предварительной цензуры уѣздныхъ стряпчихъ.

Вотъ и все небольшое, что мы могли извлечь изъ нашихъ актовъ о дѣятельности харьковскаго и воронежскаго намѣстника Андрея Яковлевича Леванидова. Итакъ, передъ нами двѣ фигуры двухъ харьковскихъ намѣстниковъ конца прошлаго вѣка, т. е. собственно не фигуры, а ихъ контуры, и даже не контуры, а кусочки контуровъ, но кусочки настолько характерные, что по нимъ легко реставрировать цѣлое. Все въ первой фигурѣ дышетъ неукоснительностью щедринскаго градоначальника, который готовъ самими стихїямъ предъявлять свое грозное: „зачѣмъ сіе?“ и „не доущу!“

Все во второй благоухаетъ эс-букетомъ гуманности, немножко сантиментальной на нашъ взглядъ, пожалуй слащавой, той специфической гуманности, которая характеризуетъ собою восемнадцатый вѣкъ. И вотъ эти фигуры, такъ непохожія, противоположныя, можно сказать несмѣляющія одна другую, стоятъ рядомъ въ одномъ и томъ же общественномъ положеніи, на одной и той же территоріи, раздѣленные невзначительнымъ промежуткомъ времени. „Сила ихъ велика и власть страшна,“ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой и очень не малой степени. Ну, и что жъ?

Успѣлъ ли Щербининъ, со всей силой своей страшной намѣстнической власти, обратить харьковскую губернію въ казарму и обучить слободскихъ обывателей артикулу? Нѣтъ, сколько можно судить; по крайней мѣрѣ они и до сихъ поръ сохранили наивность своихъ исконныхъ привычекъ. Но академика Зуева онъ несомнѣнно выпроводилъ и несомнѣнно отвадилъ его отъ попользовеній производить научныя изслѣдованія на территоріи, ввѣренной его, Щербинина, намѣстническому попеченію. Успѣлъ ли Леванидовъ насадить въ харьковской губерніи рай, въ которомъ бы „пародъ и всѣ обитатели, блаженствуя, наслаждались покоемъ“? Нѣтъ, повидимому: по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно никакихъ слѣдовъ или остатковъ райскихъ насажденій и едва ли можно надѣяться, что ихъ откроетъ самое тщательнѣйшее разслѣдованіе. Но, можетъ быть, не успѣвъ устроить рай, онъ все таки успѣлъ пересоздать въ духѣ своихъ гуманныхъ принциповъ, какую нибудь частичку ввѣреннаго ему огромнаго дѣла? Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить да или нѣтъ на этотъ вопросъ. Но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній. У насъ приведено достаточно подлинныхъ выписокъ изъ распоряженій Леванидова, чтобы читатель могъ, буде это покажется ему интереснымъ, самъ слѣдить за нашими соображеніями и провѣрять ихъ. Не найдете ли вы, читатель, вмѣстѣ съ нами, что эти распоряженія, блещущія столь яркой гуманностью, на самомъ дѣлѣ полны противорѣчій и нецѣлесообразностей, уничтожающихъ ихъ реальный смыслъ? „Городничіе“, по словамъ Леванидова, „покоиться обывли по утрамъ, такъ и втеченіи дня и ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ.“ Такъ. Но гдѣ же черпаютъ городничіе средства для роскоши, отъ которой ослабѣла ихъ мысль и тѣло? Неужели въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ рублей ассигнаціями годоваго жалованія, которые они получали? Не могъ же Леванидовъ не знать ничего о взяточничествѣ, коренномъ злѣ, которое подтачивало всѣ тогдашнія общественныя отношенія; отчего же онъ не заикается объ этомъ ни однимъ словомъ, хотя и подходит вплотную? Далѣе: намѣстникъ желаетъ, чтобы городни-

чіе „ласкою приводили обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ по улицамъ и мостовъ чрезъ рѣки,“ „къ умноженію строеній.“ Но какъ стоитъ бѣлый свѣтъ, люди улучшали постройки или устраивали мостовыя лишь по двумъ побужденіямъ: или потому, что чувствовали въ этомъ потребность и имѣли необходимыя средства, или потому, что были вынуждаемы къ этому внѣшней силой. Конечно, ни одинъ мостикъ ни чрезъ малѣйшую рѣчку не воздвигся изъ любви обывателей къ ласковому начальству. А какъ трудно обходиться въ данномъ случаѣ лаской, можетъ служить яркимъ доказательствомъ самъ глашатай этихъ гуманныхъ принциповъ. Вотъ что пишетъ Ярославскій въ своихъ запискахъ ¹⁾: „Господинъ генераль-губернаторъ (никто иной, какъ Леванидовъ) захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хотъ фашинникомъ, и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженой занимаемыхъ ими дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ г. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генераль-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра. Но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и вскорѣ умеръ“. Вотъ тебѣ и примѣръ „ласковаго обхожденія съ жителями“! Наконецъ, намѣстникъ требовалъ отъ городничихъ наблюденія за тѣмъ, чтобы „люди торгующіе съѣстными припасами, особливо хлѣбопашцы и другіе купцы были не утѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ“ и въ то же время, „чтобы жители города не были обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы“. Но если предоставить пріѣзжимъ торговцамъ полную свободу, то какъ сдѣлать, чтобы они никогда не обременяли жителей возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы? Если же жители никогда не должны быть обременены, то какъ

¹⁾ Харьковскій Сборникъ (приложеніе къ Харьковскому календарю на 1887 г.).

обезпечить торговцамъ полную свободу? „Свобода, такъ не порядокъ, порядокъ, такъ не свобода“.

Что же остается затѣмъ изъ всѣхъ намѣстническихъ попеченій о городничихъ? Предписаніе объ „отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи“, о встрѣчѣ особъ первыхъ пяти классовъ, да о доставленіи свѣдѣній намѣстнику. Два послѣдніе пункта городничіе, конечно, держали и безъ всякихъ напоминаній крѣпко въ головѣ, памятуя, что именно здѣсь, а не въ иныхъ направленіяхъ „путь къ похвалѣ и награжденію“.

Предписанія же объ „отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи“, конечно, никогда не были и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только реторическимъ украшеніемъ начальническихъ обращеній къ подчиненнымъ.

Тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, а слѣдовательно тѣмъ же бесплодіемъ, поражено все, чѣмъ Леванидовъ думалъ исправлять тягостную медленность тогдашняго судопроизводства. Ни для кого самага наивнѣйшаго изъ современниковъ не было тайной, что уже гдѣ-гдѣ, а въ судѣ то непремѣнно все держится подмазываніемъ, и хоть собирайся судьи аккуратно, хоть не собирайся, а все таки скорость дѣла будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ количеству даяній, если только не нарушить этотъ соціальный законъ вліяніе какого либо сильнаго лица. А что могли сдѣлать распоряженія Леванидова для крестьянскаго благосостоянія—объ этомъ, право, даже и говорить совѣстно. Конечно, если крестьяне временъ Леванидова были такъ глупы, что не понимали, что необходимо вручить защиту своихъ интересовъ толковымъ и порядочнымъ людямъ, то едва ли земскіе исправники могли имъ втолковать эту истину, тѣсно связанную съ практическимъ умѣньемъ отличать толковаго человѣка отъ безтолковаго и порядочнаго отъ беспорядочнаго. Уѣздный же страпчій, въ качествѣ посредника и цензора, былъ только лишнимъ крючкомъ, цѣплявшимся за просительскіе карманы. Итакъ, если о гуманной дѣятельности Леванидова можно судить по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дошли до насъ,—а пожалуй, что мы и въ правѣ это дѣлать, то едва ли можно приписать ей какую либо дѣйствительную, объективную цѣнность: субъективная же

сторона, оцѣнка его побужденій, конечно, сама по себѣ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Не въ личности ли Леванидова, недостаточно цѣльной и сильной, чтобы идти напрямикъ съ проведеніемъ своихъ гуманыхъ принциповъ? Есть основаніе думать, что можетъ быть отчасти и такъ.

Ярославскій пишетъ о Леванидовѣ слѣдующее: „Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фавориту Зубову и черезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу, и генераль-губернаторство“... Но уже во всякомъ случаѣ, гораздо больше чѣмъ въ личности, въ самихъ условіяхъ, не только ставившихъ непреодолимые преграды для дѣятельности, но заплонявшихъ и самую личность со всѣми ея гуманными принципами. Напр., въ его же собственномъ намѣстничествѣ, въ воронежской губерніи, гдѣ была казенная продажа водки, цѣловальникамъ ставилось казенной палатой по стоянно на видъ, если они продавали въ извѣстный періодъ водку меньше, чѣмъ въ предъидущій. Къ чему могли тутъ привести заботы о народной нравственности?

Въ чемъ же мораль басни, буде басня нуждается въ морали? А мораль незамысловатая. Щербинину ничего не стоило выгнать изъ своего намѣстничества Зуева, казалось бы совершенно гарантированного своимъ званіемъ академика по крайней мѣрѣ хоть отъ выправки по артикулу. Леванидову же едва ли удалось добиться и того, чтобы въ районѣ его владѣній булки были выпечены какъ слѣдуетъ. Ergo: разрушать легче, чѣмъ созидать ¹⁾.

А. Е.

¹⁾ Дѣло изъ Малороссійскаго Архива: распоряженія намѣстника харьковскаго и воронежскаго Леванидова.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Попытка въ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в.

Малороссія въ началѣ XVIII в. поражаетъ насъ обиліемъ и разнообразіемъ своихъ мѣръ и вѣса: не только каждый городъ и мѣстечко, но даже многіе продавцы имѣли свои особыя мѣры. Такъ, мѣры сыпучихъ тѣлъ встрѣчаются слѣдующія: четверникъ, четвертинникъ, осмина, полчетвертинникъ глуховской мѣры, четверки: гадяцкій—равный 3-мъ московскимъ четверичкамъ, козельскій, перяславскій, называемый колодкой и равный 5-ти московскимъ четверичкамъ, иркеевскій ¹⁾, роменскіе четверики, которыхъ вмѣщалось въ глуховскій четверникъ приблизительно 3—5; упоминаются также осмачка, ковшъ и путивка, равная 12 ковшамъ ²⁾. Для измѣренія жидкостей служили: ведро, ведерко, кварта, которыхъ вмѣщалось въ казенномъ, государевомъ ведрѣ 24. Встрѣчаются также измѣренія куфами, барилами, насашками, но эти послѣднія были собственно не мѣрами, а сосудами только приблизительной величины, такъ напр., куфа вмѣщала 18—40 ведеръ ³⁾. Единицами вѣса служили пудъ 50-ти фунтовый и пудъ 40-ка фунтовый, а также безмень, камень—равный 32 фунтамъ, и кантара—96 фунт. ⁴⁾. Для измѣренія матерій употреблялся локоть ⁵⁾. Понятно, что при такомъ разнообразіи мѣръ сильно страдалъ интересъ покупателей какъ потому, что при подобномъ обиліи трудно было устанавливать цѣны на продукты, такъ и

¹⁾ Судіенко. Матеріалы для отеч. ист. т. I, стр. 19, 246, 247, 263, 116.

²⁾ Дневн. Зап. Я. Марковича ч. I, 222, 431, ч. II, 149.

³⁾ Судіенко Матеріалы т. I, 24, 45, 49, 83 и Дн. зап. ч. I, 393.

⁴⁾ Судіенко. Матеріалы т. I, 95, 74, 283.

⁵⁾ Судіенко. Мат. т. I, 250 и Дн. зап. ч. II, 5.

потому, что, даже покупая извѣстной мѣрой, они всегда рисковали купить меньше вслѣдствіе неуровненности самой мѣры. Правители Малороссіи не могли не обратить вниманія на это зло и начиная съ 1734 г. мы имѣемъ доказательства ихъ неусыпнаго старанія къ уравненію мѣръ и вѣс. Еще въ 1723 г., по словамъ Костомарова, малороссійская коллегія съ Вельяминовымъ во главѣ, желая привести въ извѣстность мѣры, дѣйствующія въ Малороссіи, обратилась за свѣдѣніями объ этомъ въ войсковую генеральную канцелярію. Но Полуботокъ отказалъ въ свѣдѣніяхъ, основываясь на томъ, что въ Малороссіи каждая мѣстность имѣетъ свои мѣры (коллегіи нужны были эти свѣдѣнія для урегулированія податей и повинностей). Въ томъ же 1823 г. сборщикамъ были разсланы изъ малор. коллегіи предписанія означать натуральныя повинности великорусскими мѣрами, а не малорусскими, такъ какъ въ коллегіи не имѣется свѣдѣній для перевода ихъ на великорусскія и такимъ образомъ затрудняется доставленіе вѣдомостей въ Москву ¹⁾. А въ 1734 г. правителемъ Малороссіи княземъ Шаховскимъ было предложено собранію малороссійской генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ о введеніи во всемъ краѣ одинаковыхъ мѣръ и вѣс. «На что оные подали свое мнѣніе: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ быть для продажи по городамъ и сотеннымъ мѣстечкамъ и гдѣ торги бывають всякаго провіанта равной мѣры противъ прежняго осмачкамъ и четвериками, только въ осмачкѣ было бы мѣрою по 2 четверти мѣры московской, въ которую четверть вмѣщалось бы 2 четверика, а въ оный каждый четверикъ было бы мѣры противъ московскаго четверика 4 четверичка» ²⁾. Принимая во вниманіе, что въ XVIII в. великорусская четверть содержала 8 четвериковъ, осмина 4 четверика, четверикъ 8 гарнцевъ ³⁾, мы получимъ, что малорусскія мѣры были вчетверо больше московскихъ: осмачка, содержа въ себѣ 4 четверика, равнялась 2 четвертямъ московской мѣры или 16 четверикамъ, малорусскій четверикъ, будучи $\frac{1}{4}$ осмачки, равнялся 4 московскимъ четверикамъ или, по постановленію собранія князя Шаховскаго, 4 четверичкамъ, откуда заключаемъ, что

¹⁾ Архивъ малороссійской коллегіи, состоящій при харьковскомъ университетѣ №№ 21, 705.

²⁾ Арх. мал. кол. при харьк. ун. № 2,769.

³⁾ Арх. Мал. Кол. при харьк. ун. № 21,705.

московскій четверникъ и четверичекъ синонимы, что подтверждается и другими данными¹⁾).

Въ томъ же собраніи подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховскаго было постановлено, чтобы вездѣ былъ принятъ 40 фунт. пудъ, чтобы во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, въ полковыхъ городахъ имѣлись мѣдныя, печатныя мѣры, а въ сотенные городки были бы посланы такія же деревяныя съ урядовыми печатами, и чтобы мѣшками и иными мѣрами, кромѣ означенныхъ, нигдѣ ничто не продавалось «подъ опасеніемъ неопускаго штрафа». Постановленіе это было подтверждено указомъ Анны Іоанновны.

За мѣрами и вѣсами немедленно былъ посланъ въ Москву бурмистръ Гречка, который и привезъ 12 великороссійскихъ, печатныхъ, мѣдныхъ четверичковъ и 12 же четырехдесяти-фунтовыхъ вагъ. Четверички и ваги были разосланы въ полки, въ каждый по 1 четверичку и 1 вагъ, при чемъ продажа на четверички должна была производиться въ щерть (въ уровень), а не вверхъ²⁾. Впослѣдствіи изъ генеральной войсковой канцеляріи были разосланы по сотеннымъ канцеляріямъ указы сдѣлать локоть и аршинъ «справедливые», а также кварту, полкварты и четверть кварты и прислать ихъ въ войсковую генеральную канцелярію для освидѣтельствованія. По этимъ освидѣтельствованнымъ образцамъ всѣ продавцы сотни обязаны были сдѣлать свои мѣры и въ доказательство вѣрности имѣть на нихъ урядовую печать. Продающихъ же на другія мѣры предписано было штрафовать³⁾.

Въ 1766 г. малороссійская коллегія начинаетъ собирать свѣдѣнія о томъ, получены ли были разосланныя мѣры и ваги, и на нихъ ли производится продажа хлѣба и провіанта. Результаты оказываются крайне плачевными. Полтавская полковая канцелярія отвѣчала, что ни у нея, ни у сотенныхъ канцелярій не имѣется никакихъ данныхъ о томъ, были ли получены посланныя мѣры и ваги. Продажа же производится «въ однѣхъ сотняхъ мѣшками примѣрно сколько въ оныхъ было бы мѣры четверичковъ, а въ другихъ на четверти, сдѣланные для отдачи консистентамъ провіанта». Переяславская канцелярія извѣщала, что при ней имѣется печатный четверичекъ, но тогдашней ли присылки—неизвѣстно, но что на тотъ

¹⁾ Судіюво. Матер. т. I, 48, 94.

²⁾ Арх. м. в. при хар. ун. № 2,769.

³⁾ Арх. м. в. при хар. ун. № 4,582.

четверичекъ производится только подрядная продажа провіанта, среди народа же употребляется «четверичекъ, называемый колодкою, въ который тѣхъ четверичковъ входятъ 5». Вѣсы при канцеляріи также имѣются, но въ силу указа 1745 г. конотопское сотенное правленіе отвѣчало, что «разночинцы всякъ свои мѣры въ ихъ домахъ по ихъ хотѣнію держать», и потому имѣющейся при правленіи четверти никто не беретъ. Если же кто либо захочетъ купить казенной мѣрой, то продавцы обвиняютъ его въ насильственномъ заграбленіи. На установленный вѣсъ также ничто не продается и цѣнѣ, объявляемыхъ на продукты сотеннымъ правленіемъ, никто не признаетъ, почему конотопское правленіе и проситъ коллегію прислать особую резолюцію, какъ поступать съ непокорными. Нѣжинская канцелярія сообщала, что въ г. Корошѣ печатныхъ мѣръ не имѣлось, почему туда и были посланы новыя казенныя мѣры, которыя выставляются во время торговъ сотеннымъ правленіемъ. Но коропская ратуша выдаетъ старыя, не казенныя, и потому на казенную мѣру никто продавать не хочетъ. Когда же ратушныя мѣры были забраны въ сотенное правленіе, то ратуша «въ противность» надѣлала новыхъ мѣръ, которыя «насилъно» выдаютъ на торги, а казенныя мѣры «затѣмъ остаются праздныя». Сотенная глуховская канцелярія отвѣчала, что въ 1735 г. ей были присланы четверичекъ и вага, но что послѣ пожара 1748 г. они неизвѣстно куда дѣлись. Болѣе благопріятныя извѣстія были получены изъ полковъ кievскаго, прилуцкаго и лубенскаго, гдѣ имѣлись казенныя мѣры и продажа производилась на нихъ, хотя лубенская канцелярія дѣлаетъ оговорку, что на казенныя мѣры и вѣсъ продажа «иногда чинится» ¹⁾.

Таковы были результаты попытки уравниенія мѣръ. Были ли они причиною нежеланія народа подчиняться великорусскимъ мѣрамъ? На это нѣтъ ни малѣйшаго намека въ архивномъ матеріалѣ. Вѣрнѣе, что эта попытка не дала благопріятныхъ результатовъ по той же причинѣ, по которой погибали и другія начинанія, наталкиваясь съ одной стороны, такъ сказать, на своеравіе народа, съ другой на слабость и своеволіе администраціи, со времени ослабленія власти гетмановъ получившей возможность въ далекой Малороссіи давать полный просторъ своимъ корыстолюбивымъ стремленіямъ и своеволію. Впослѣдствіи великорусскіе правители, при томъ ежечасно смѣняемые, не могли внести порядка и стройности въ управленіе.

¹⁾ Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

Получивъ такія извѣстія, малорос. коллегія, вмѣсто неопредѣленной угрозы «неопускаго штрафа» за неисполненіе своихъ предписаній относительно мѣръ и вѣса, считаетъ нужнымъ исполнѣ опредѣлить возмездіе за преступленіе и 13 августа 1766 г. шлетъ слѣдующій указъ: «Какъ въ полковыхъ городахъ, такъ и въ сотенныхъ мѣстечкахъ велѣтъ тоекратно по торгамъ публиковать, увещевая дабы всѣ привозимый на продажу всякій хлѣбъ продавали, а другіе покупали неотмѣнно на указныя мѣры, какія мѣдныя въ прошломъ 734 г. были разосланы..... а кто въ томъ явится ослушнымъ изъ людей низкой кондиціи съ таковыхъ взыскивать по рублю, а чиновныхъ заирать подѣ караулъ и представлять на резолюцію коллегіи, буде же гдѣ въ торговыхъ городахъ и мѣстечкахъ тѣхъ мѣръ не довольно, то приказать отъ полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, а гдѣ есть магистраты и ратуши отъ оныхъ надѣлать немедленно» 1). Но въ концѣ того же года, а именно 23 декабря, она оказывается вынужденной усилить наказаніе: она предписываетъ: «Буде бы кто въ преступленіи повеленнаго (продать хлѣбъ на указныя мѣры) напелся, за первое взыскивать въ штрафъ по 2 руб., за другое и болѣе и сверхъ того наказывать по мѣрѣ преступленія» 2). Но, какъ видно, коллегія не достигла цѣли и 4 февраля 1768 г. появляется предложеніе Румянцева малороссійской коллегіи, въ которомъ онъ, какъ бы признавъ безсиліе предписаній коллегіи, становится подѣ прикрытіе законовъ старины. Надѣялся ли Румянцевъ, что народъ скорѣе подчинится имъ, какъ законамъ предковъ, а не нововведеніямъ, или что онъ просто покорится подѣ угрозой болѣе сильныхъ наказаній, какъ бы то ни было, Румянцевъ шлетъ слѣдующее предписаніе:

„Малороссійской коллегіи.

Законодателя, возводившіе своими попеченіями къ пѣтущему состоянію города, предвидѣвъ, что къ тому достигнуть таковымъ никакъ невозможно, въ которыхъ всякіе промыслы оставлены на волю жителей, учредили власти, наблюдающія между другимъ правду и порядокъ въ куплѣ и продажѣ производимой. Довольно похвальныя на сей случай содержитъ въ себѣ уставы книга „Порядокъ“ законовъ магдебургскихъ, право и въ сей землѣ городамъ жалованное. Но взирая на безчисленныя неустройства въ самыхъ лучшихъ здѣсь городахъ и столько же на непорядки жителей оныхъ, кто можетъ сообразить, чтобы не только теперь, но и когда либо принадлежало имъ сіе право, утвердившее лучшіе города въ ихъ благосостояніи?! Но могли однако же произвести сію невѣроятную разность въ однихъ мѣ-

1) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

2) Арх. мал. кол. при хар. ун. № 2,769.

стахъ бѣднѣе неусыпное, а въ другихъ наибольшее нерадѣніе о соблюденіи полезныхъ уставовъ. При законахъ, опредѣляющихъ строгое смотрѣніе объ умѣренности цѣнъ, справедливости мѣръ и вѣсовъ, для продажи товаровъ употребляемыхъ, рѣдко кто здѣсь не жалуется на обманъ при покупкѣ учиненный себѣ отъ продающихъ. Сочтенное глуховское правленіе, усмотря, представляетъ мнѣ, что у глуховскихъ промышленниковъ, всѣми напитками торгующихъ, не только неравныя у каждого мѣры, но еще подложныя, какъ то и нашлось у одного шинкаря грека Яна Мозолева кварта на подобіе указной и приклеимена словами, значущими печать ратуши глуховской, но съ двумя однако же днями. Не говоря о полицейскихъ учрежденіяхъ на сей случай въ Россійскихъ городахъ, я выпишю слѣдующее изъ самихъ законовъ здѣшнихъ, въ книгѣ „Порядокъ“ правъ гражданскихъ на страницѣ 13 напечатано: „въ должность ратушамъ предостерегать, чтобы съѣстные и нитейные припасы не продавались дорогою цѣною, всякіе мѣры и вѣсы онымъ вещамъ осматривать, по крайней мѣрѣ на всякій мѣсяць однажды, и чтобы оныя были подъ знакомъ городowymъ“. Въ артикулахъ правъ цесарскихъ на стр. 60: „если бы на кого доказано, что онъ съ обманомъ и во вредъ мѣры и вѣсы или съ вещей продаваемыхъ, сдѣлавши подложныя, употребляетъ оныя или же проваживаетъ въ продажу за справедливыя, всякаго такового должно, поймавъ, посадить такимъ образомъ, какъ посаждаются осужденные на смерть, и по доказательству за злоупотребленіе имѣть быть изъ города или изъ земли изгнанъ и наказанъ у столба розгами, по разсмотрѣнію его преступленія. А когда въ томъ не разъ уже изболѣченъ, можно казнить и смертію“. Въ книгѣ Статутъ, разд. 3-го, въ арт. 36: „оставлено во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ воеводамъ и старостамъ устанавливать цѣны и мѣры нитейнымъ и съѣстнымъ припасамъ и наблюдать, чтобы оныя во всемъ государствѣ были равны. Продающіе же инако такъ, какъ самъ урядъ позволяющій на то, подвержены платить штрафъ 12 рублей, съ которыхъ половина до скарбу, а другая тѣмъ обиженному принадлежить. Премногими конституціями подтверждено сіе установленіе съ прибавленіемъ еще наказанія на обманывающихъ въ мѣрѣ и вѣсѣ, какъ можно видѣть подъ симъ же артикуломъ тому объясненіе. Кто не признаетъ, чтобы сіи наилучшіе были установленія къ искорененію обмановъ и самыхъ ко злу понозновеній въ городскомъ общежителствѣ?! Однако я, не видѣвши, чтобы гдѣ либо оныя къ общей пользѣ имѣли свои дѣйствія, но паче увѣдомляемъ коль всякими недозволенными образами при продажѣ въ городахъ торгующіе не имѣютъ себѣ воспоминанія употреблять обманныя мѣры и вѣсы и возвышать цѣны излишнія продаваемымъ вещамъ въ тягость общую, долженъ малороссійской коллегіи предложить — послать во всѣ полковыя города и сотенныя мѣстечка указы, подтверждающія магистратамъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ до чьего вѣдомства тамо принадлежить смотрѣніе полиціи, дабы всякъ честно и порядочно сыскивалъ пропитаніе отъ своего торга, вездѣ справедливыя мѣры, и вѣсы, по освидѣтельствованію, назначить всѣмъ промышленникамъ и торгующимъ какъ съѣстными и нитейными припасами, такъ и другими вещами указными одинакія за печатью урядовою и о употребленіи оныхъ и самихъ безъ поврежденія примѣсами напитковъ отъ времени до времени свидѣтельствовать такъ, чтобы торгующіе напередъ о томъ не увѣдали, дабы тѣмъ предупредить всякіе подлоги, устанавливать также всѣмъ съѣстнымъ, харчевымъ и нитейнымъ припасамъ настоящія цѣны справедливыя, разумѣя сіе о городскихъ только зигеляхъ, тѣмъ промышленяющихъ, а не о крестьянахъ прѣзжихъ, которымъ оставлять на волю какъ

хотя(тъ) продавать на торгахъ свои припасы. Если же бы и за симъ въ публику подтвержденіемъ дерзнулъ кто въ северноприбытцествѣ себѣ и на обиду ближнему употреблять фальшивые вѣсы и мѣру или примѣсь, повреждающій наипаче или стѣсныя нѣкоторыя припасы, или свою продажу производилъ надъ постановленную отъ уряду цѣну, такового, не смотря на его званіе (ибо всякъ градскій житель, пользующійся равными выгодами, какъ всѣ другіе безъ изъятія, подлежитъ общему закону) если въ городахъ, имѣющихъ магистраты, то случится, судить такового въ магистратѣ, а гдѣ оныхъ нѣтъ и въ сотенныхъ мѣстечкахъ отсюда таковыхъ преступниковъ отсылать въ полковые суды, гдѣ также судить оныхъ за ихъ преступленія по силѣ вышеписанныхъ гражданскихъ законовъ. При подтвержденіи о семъ сотенному глуховскому правленію предписать, чтобъ изобличившагося грека Мозолева за употребленія подложной мѣры штрафовать только за первый случай взыска-ніемъ съ него 12 рублей на госпиталь. И какъ доходить мнѣ вѣдать, что надъ постановленіе, отъ меня учиненное и чрезъ малороссійскую коллегію опубликованное отъ 18 числа генваря съ запрещеніемъ, дабы въ города тайнымъ образомъ и захватомъ перекушники ничего не закунали, пойманные въ таковыхъ запрещенныхъ перекупкахъ извиняются незваніемъ о томъ постановленіи, для того приказать какъ о прежнемъ, такъ и семъ повелѣніи публиковать разъ нѣсколько въ городѣ всякомъ и по опубликованіи взять отъ всякаго дому росписку въ извѣстіи о томъ, дабы невѣдѣніемъ никто отговариваться не могъ.

Румянцевъ⁴ 1).

Предложеніе это принимается коллегіей, но остается такъ же бессильно, какъ и всѣ предъидущія предписанія, и черезъ годъ Румянцевъ заявляетъ коллегіи, что даже въ вѣдомостяхъ, присылаемыхъ на его имя отъ полковыхъ канцелярій, мѣры и вѣсы обозначены несоотвѣтствующими названіями. Вслѣдъ за этимъ конечно снова рассылаются указы 2). Въ 1780 г. на запросъ, сдѣланный государственной коммерцъ-коллегіей малороссійской коллегіи о мѣрахъ и вѣсахъ, послѣдняя отвѣчала, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ сотеннаго глуховскаго правленія, тамъ употребляютъ: пудъ, содержащій въ себѣ 40 фунтовъ, фунтъ же состоитъ изъ 32 лотовъ или 96 золотниковъ, аршинъ, имѣющій въ себѣ 4 четверти или 16 вершковъ, четверть, состоящая изъ 8 казенныхъ четвериковъ, но что иногда по согласію продавцевъ съ покупателями продажа производится на мѣру, превосходящую казенную, что ведро употребляется содержащее въ себѣ 10 квартъ. Далѣе коллегія извѣщаетъ, что и по другимъ городамъ Малороссіи мѣра и вѣсы употребляютъ казенные, въ силу повелѣнія изъ бывшей генеральной войсковой канцеляріи, а впоследствии изъ малороссійской коллегіи отъ 3 іюня 1766 г. 3).

1) Архивъ малор. кол. при хар. ун. № 2769.

2) Арх. м. к. при хар. ун. № 6,233.

3) Арх. м. к. при хар. ун. № 2,769.

звѣвъ былъ вѣренъ видно изъ того, что ровно черезъ 3 недѣли, послѣ него, а именно 30 марта 1780 г. Румянцевъ заявляетъ коллегіи, что до его свѣдѣнія дошло, что «не только всякій городъ и мѣстечко, но и всякій продавецъ имѣетъ свои особливья (мѣры)» и снова онъ предлагаетъ предписать магистратамъ, полковымъ и сотеннымъ правлениямъ пересвидѣтельствовать мѣры и если гдѣ окажутся невѣрныя, то сдѣлать вычисленіе насколько онѣ больше или меньше казенныхъ, заклеить ихъ печатью, а вычисленіе, за подписью чиновниковъ, вывѣсить на публичныхъ мѣстахъ.

Въ такомъ состояніи находился вопросъ о мѣрахъ и вѣсахъ, когда Малороссію застигли реформы Екатерины II-й.

А. Лобко.

Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго.

(Объ Ильинской и Христо-Рождественской церквахъ и объ открытіи кіевскихъ древностей въ 1820—30 хъ и.).

Исслѣдователи кіевской сѣдой старины не могутъ не помянуть добрымъ словомъ извѣстнаго въ свое время мѣстнаго археолога Кюдрата Андреевича *Лохвицкаго*, немало потрудившагося въ дѣлѣ розысканія и раскрытія этихъ памятниковъ. Диллетантъ—археологъ, не обладавшій научнымъ образованіемъ и большими знаніями, высказывавшій иногда довольно странные взгляды и увлекавшійся ими до крайностей, Лохвицкій тѣмъ не менѣе обнаруживалъ нерѣдко значительное археологическое чутье, блистательно оправдывавшее его поиски. Онъ былъ положительно счастливъ въ своихъ находкахъ: опредѣленіе мѣста и открытіе развалинъ *Золотыхъ воротъ* и *Ирининскаго монастыря*, открытіе фундаментовъ древней *Десятинной* церкви—это такіе крупныя археологическіе подвиги, что имя Лохвицкаго не можетъ быть забыто въ исторіи русской археологіи. Тѣмъ болѣе, конечно, оно должно быть памятно кіевлянамъ.

Въ видѣ помянокъ о Лохвицкомъ, очень умѣстныхъ въ настоящее время, приведу нѣсколько документовъ изъ находящагося у меня собранія бумагъ *Лохвицкаго*¹⁾. Собраніе—довольно интересное. Самая объемистая связка разныхъ оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ относится къ открытію Лохвицкимъ въ 1832 г. Золотыхъ воротъ и къ

¹⁾ Оно найдено между бумагами моего покойнаго отца ключаря Кіево-Софійскаго собора протоіеря Н. Я. *Оглоблина*.

позднѣйшимъ (въ 1833—35 гг.) мѣропріятіемъ по обнаруженію и охранѣ этого памятника древности. Другія связки говорятъ объ открытыхъ Лохвицкимъ развалинахъ Ирининскаго монастыря (въ 1833 г.) и Десятинной церкви (въ 1824 г. и слѣдующихъ). Есть документы, касающіеся исторіи и древностей церковей *Ильинской*, *Христо-Рождественской*, *Георгиевской* и др. Интересна записка о дѣятельности Лохвицкаго по открытію кіевскихъ древностей до 1836 г. Вообще, въ собраніи немало документовъ, относящихся къ біографіи самого Лохвицкаго: официальные бумаги къ нему, отвѣты его, разные письма и проч. Любопытенъ, между прочимъ, одинъ документъ для характеристики личности Лохвицкаго, именно — «*Отрывки кабалы*» (мистической). Есть и сторонніе документы, напр. — «Предисловіе къ путешествію по Тавридѣ» и отрывокъ изъ «Исторіи Тавриды» *Муравьева* — *Апостола* (дата: «*Хомутець*. 1823 г.»), выписки изъ лѣтописей и проч.

Надѣясь познакомить читателей «Кіевской Старины» съ болѣе интересными документами этого собранія, выбираю на первый разъ *три* документа, имѣющихъ наиболѣе близкое отношеніе къ Кіеву.

Первые два документа относятся къ интересному вопросу: какія изъ кіевскихъ церковей должны быть признаны *древнѣйшими церквами* временъ до Владиміровыхъ и Владиміровыхъ?

Первымъ христіанскимъ храмомъ въ Кіевѣ Лохвицкій признаетъ *Ильинскую* церковь временъ Игора, но о мѣстѣ ея нахождения высказываетъ очень оригинальное мнѣніе. Именно, этого вопроса касается первый изъ нижепомѣщенныхъ документовъ: «*Записка о раскрытіи мѣста варяго-россійской церкви Ильинской*». Это черновая записка неизвѣстной мнѣ руки, но исправленная рукою Лохвицкаго.

Вопреки общепринятому мнѣнію, что Игорева Ильинская церковь находилась на мѣстѣ теперешней Ильинской церкви на Подолѣ, около Днѣпра, Лохвицкій указываетъ на совершенно другое мѣсто, именно, онъ утверждаетъ, что она находилась за нынѣшнею *Иорданскою* церковью, «на выѣздѣ изъ Кіева въ *Кирилловское* богоугодное заведеніе, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, повыше бывшей *Богословской* церкви въ полгоры, надъ ручьемъ *Иорданскимъ*...» Именно здѣсь Лохвицкій нашелъ въ 1832 г. остатки фундамента и другихъ развалинъ какой то церкви, которыя митр. *Евгеній* призналъ за остатки бывшаго здѣсь нѣкогда *Иорданскаю* женскаго монастыря. Не соглашаясь съ этимъ взглядомъ на іорданскія развалины, Лохвицкій приводитъ въ «Запискѣ» доводы въ пользу своего мнѣнія.

Главное его основаніе то, что Игорева Ильинская церковь, по сказанію лѣтописи, стояла «надъ ручьемъ», котораго нѣтъ около нынѣшней Ильинской церкви, а найденныя имъ развалины расположены именно надъ ручьемъ, при томъ—носящимъ такое знаменательное имя—*Иорданскаго*. Этотъ ручей (Лохвицкій довольно подробно его описываетъ) впадаетъ въ озеро *Иорданское* (на Оболони), откуда истекаетъ р. *Почайна*.... Такая близость всѣхъ этихъ водъ къ найденнымъ Лохвицкимъ церковнымъ развалинамъ, при очень древней кладѣ и формѣ кирпичей ихъ, заставила его видѣть въ этихъ развалинахъ древнѣйшую «варяго-россійскую» Ильинскую церковь кievлянъ.

Лохвицкій не развиваетъ въ «Запискѣ» соображеній, вызванныхъ сосѣдствомъ Иорданскихъ развалинъ съ ручьемъ Иорданскимъ и др. водами, но, очевидно, его мысль была занята такими вопросами: почему этотъ ручей и это озеро, принадлежащіе къ системѣ р. Почайны, получили названіе «Иорданскихъ»? когда имъ дано это названіе? не здѣсь ли—въ оз. Иорданскомъ и въ началѣ истока изъ него р. Почайны—происходило *крещеніе кievлянъ*? не естественнѣ ли всего было это крещеніе произвести *вблизи* существовавшей уже въ Кіевѣ христіанской *церкви*—Ильинской? не оттого ли и впоследствии находившійся здѣсь женскій монастырь названъ Иорданскимъ, что онъ находился вблизи мѣста крещенія кievлянъ?

На такіе и подобные вопросы наталкиваетъ «Записка» Лохвицкаго, старавшагося доказать древность своей находки около Иорданской церкви и приурочить ее къ древнѣйшей кievской церкви. Не увлекаясь съ своей стороны доводами Лохвицкаго, нельзя, однако, не сознаться, что они имѣютъ за собою нѣкоторыя основанія...

Хотя кievская археологія считаетъ вопросъ объ Ильинской церкви порѣшеннымъ ¹⁾ и не въ пользу мнѣнія Лохвицкаго, но кто знаетъ—на какія увлеченія способна вообще археологія и какъ часто многія «аксіомы» нашей археологіи передѣлывались совершенно заново и низводились въ разрядъ очень подозрительныхъ истинъ—тотъ не посмѣется и надъ разсматриваемымъ «увлеченіемъ» Лохвицкаго... Кто знаетъ? Быть можетъ откроются совершенно новыя данныя о мѣстѣ древнѣйшей Ильинской церкви и быть можетъ эти данныя совпадутъ съ предположеніями Лохвицкаго.

¹⁾ См., напр., статью *И. Л—ва* „О началѣ христіанства въ Кіевѣ“ („Кiev. Стар.“, 1888, июнь).

Вопросъ объ Ильинской церкви, какъ и многіе другіе вопросы кіевской археологіи, давно уже требуетъ новаго и основательнаго пересмотра. Въ виду этого не мѣшаетъ помнить и приводимое мнѣніе Лохвицкаго, обладавшаго, какъ уже замѣчено, крупнымъ археологическимъ чутьемъ—даромъ очень цѣннымъ для археолога. Насколько мнѣ извѣстно, найденныя Лохвицкимъ развалины давно уже забыты кіевскими археологами и, кажется, послѣ Лохвицкаго и митр. Евгенія никѣмъ не изслѣдовались. Что бы заняться обстоятельнымъ и вполне научнымъ обслѣдованіемъ ихъ? Быть можетъ, оно дастъ что нибудь новое—позволить точнѣе опредѣлить и время іорданскихъ развалинъ, и характеръ ихъ, и проч. Любопытно, что въ щелѣхъ развалинъ Лохвицкій находилъ остатки *фресокъ* (не заинтересуетъ ли этимъ г. *Празовъ?*...).

Слѣдуетъ еще замѣтить относительно разсматриваемой «Записки» Лохвицкаго, что одно мѣсто ея производитъ довольно странное впечатлѣніе, именно то, гдѣ онъ пытается доказать, что Игорева Ильинская церковь «была *католическая*»... Оригинальное ли это мнѣніе Лохвицкаго, или отголосокъ чужихъ—польскихъ мнѣній? Не знаю даже—не былъ ли Лохвицкій католикомъ? Во всякомъ случаѣ въ этомъ взглядѣ ярко выступаетъ диллетантъ, слабо знакомый съ нѣкоторыми фактами мѣстной исторіи. Любопытна, впрочемъ, здѣсь ссылка на какое то смутное преданіе кіевлянъ: Лохвицкій утверждаетъ, будто «Ильинская церковь (нынѣшняя ли, или найденная Лохвицкимъ—это не ясно въ «Запискѣ») до сего времени отъ старожиловъ кіевскихъ называется *костеломъ*»!... Интересно бы провѣрить: существуетъ ли у современныхъ «старожиловъ» подобное преданіе?...

Второй предлагаемый отрывокъ изъ бумагъ Лохвицкаго представляетъ уже не мнѣніе Лохвицкаго, а копию стариннаго документа, подъ заглавіемъ: *Фундаментъ досконалиный и тестованый храму Рождества Христова*. Закревскій, говоря о мѣстѣ церкви Рождества Христова (стр. 757 и слѣд.), указываетъ на то, что проф. кіев. дух. академіи Ив. Петр—чъ Максимовичъ въ своемъ «Паломникѣ» ссылается на документъ XVІІ в., относящій время построенія церкви ко временамъ св. Владиміра. Такимъ образомъ и настоящія документа до сихъ поръ не были извѣстны вполнѣ, такъ какъ цитаты изъ него были незначительны. Отношеніе Лохвицкаго къ этому документу непзвѣстно, замѣтно только, что онъ придавалъ ему нѣкоторое значеніе и относился къ нему со вниманіемъ.

Документъ этотъ, повидному, древняго происхожденія: судя по языку, его можно отнести къ XVI в. или началу XVII в. Хранившаяся у Лохвицкаго копія «Фундамента» писана на золотообрѣзныхъ продолговатыхъ синеватыхъ листахъ конца XVIII в. или начала XIX в. По почерку и по одному примѣчанію (о «монументѣ» 1802 г.) копію слѣдуетъ отнести къ началу XIX в. «Фундаментъ» написанъ въ 2 столбца — подлинникъ и русскій переводъ его, съ примѣчаніями внизу (все это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неважныхъ примѣчаній, привожу ниже).

«Фундаментъ» не столько доказываетъ, сколько констатируетъ тотъ несомнѣнный для него фактъ, что нынѣшняя *Христо-Рождественская* на Подолѣ церковь, на берегу Днѣпра, построена на мѣстѣ древнѣйшей Христо-Рождественской церкви, *сооруженной Владиміромъ вблизи мѣста крещенія* его сыновей — «Крещатицкой криницы» и *вскорѣ* послѣ этого событія. Въ память послѣдняго, говоритъ «Фундаментъ», съ давнихъ поръ существовалъ обычай совершать *15 іюля крестный ходъ* изъ Рождественской церкви на «Крещатицкую криницу» (гдѣ въ 1802 г. построенъ «монументъ»). Впослѣдствіи память объ этомъ крестномъ ходѣ исчезла и уже въ наше время (въ началѣ 1860-хъ гг.) устроены 15 іюля торжественные крестные ходы къ Крещатицкому источнику изъ Софійскаго собора и проч.

Такимъ образомъ, документъ причисляетъ мѣсто Христо-Рождественской церкви къ числу древнѣйшихъ церковныхъ мѣстъ Кіева. Жаль, что окрестности этой церкви теперь совершенно застроены со-сѣдними зданіями, такъ что нельзя произвести здѣсь раскопокъ: быть можетъ онѣ обнаружили бы слѣды древней кладки и дали бы возможность провѣрить показанія «Фундамента».

Любопытна одна подробность, сообщаемая «Фундаментомъ»: документъ говоритъ, что Рождественская церковь памятна еще и тѣмъ, что вблизи нея происходило знаменательное событіе — погруженіе въ днѣпровскія воды свергнутаго кіевлянами стараго ихъ бога — *Перуна*... Его тащили, по словамъ «Фундамента», по урочищу, идущему отъ Михайловскаго монастыря внизъ къ Рождественской церкви и съ давнихъ поръ носившему, именно въ воспоминаніе объ этомъ событіи, названіе — «*Чортово беремя*». Эта дорога внизъ по «Чортову беремени» существовала еще во время составленія «Фундамента».

Не меньшій интересъ представляетъ и третій документъ — «*О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 г.*». Это хотя

очень сжатая, но довольно обстоятельная исторія открытія главныхъ кіевскихъ древностей въ 1820—30-хъ гг. Записка составлена какъ будто бы отъ имени «Временнаго комитета изысканія древностей въ Кіевѣ», но такъ какъ она говоритъ главнымъ образомъ о заслугахъ Лохвицкаго въ дѣлѣ открытія кіевскихъ древностей, то, кажется, именно Лохвицкій и можетъ быть признанъ авторомъ записки.

Записка состоитъ изъ 5 главъ: 1 глава говоритъ объ открытіи «чиновникомъ 5 класса» (какъ онъ любилъ себя величать) Лохвицкимъ и священникомъ Десятинной церкви Михаиломъ *Кочеровскимъ*, по мысли и указаніямъ митр. *Евгенія*, въ 1824 г., фундамента древнѣйшей *Десятинной* церкви¹⁾.

II глава посвящена открытію Лохвицкимъ, въ 1832—3 гг., развалинъ *Золотыхъ воротъ*. Любопытно, что эти раскопки производились Лохвицкимъ частію на собственный счетъ, а отчасти на пожертвованіи разныхъ частныхъ лицъ.

Только въ 1834—36 гг. правительство давало субсидію на поддержку и укрѣпленіе открытыхъ развалинъ²⁾.

Въ III главѣ разсказывается объ открытіи Лохвицкимъ развалинъ *Ирининскаго* монастыря, въ 1833 г.³⁾

IV глава распространяется о предположеніяхъ Лохвицкаго относительно мѣстонахожденія другихъ кіевскихъ древнихъ построекъ и о нѣкоторыхъ открытіяхъ его въ этой области. Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ о мѣстѣ *Ильинской* церкви, т. е. — о томъ же предметѣ, которому посвящена и вышеуказанная «Записка» Лохвицкаго. Но всѣ подробности послѣдней отсутствуютъ въ разсматриваемомъ документѣ: здѣсь кратко приведено извѣстное намъ мнѣніе Лохвицкаго о мѣстонахожденіи Ильинской церкви и опроверженія этого мнѣнія митр. *Евгеніемъ*, кіевскимъ археологомъ *М. И. Берлинскимъ* и *Остромысленскимъ*. Такимъ образомъ, свѣдѣнія настоящаго документа не представляютъ повторенія отдѣльной «Записки» объ Ильинской церкви.

¹⁾ Исторія раскопки Десятинной церкви изложена подробно у *Закревскаго* (стр. 287 и слѣд.).

²⁾ Исторія *Золотыхъ воротъ* также обстоятельно изложена у *Закревскаго* (стр. 324 и слѣд.), со включеніемъ въ изложеніе почти всей записки Лохвицкаго.

³⁾ Въ другомъ документѣ Лохвицкій разсказываетъ, что въ 1835 г. около 40 кубическихъ саженой древнихъ кирпичей, плитъ и камней *Ирининскихъ* развалинъ было употреблено на устройство кіевскихъ мостовыхъ... Объ открытіи *Ирининскаго* монастыря, въ свою очередь, обстоятельно изложено у *Закревскаго* (336 стр.) и упоминается объ участіи г. Лохвицкаго въ дѣлѣ открытія памятниковъ кіевской старины.

Далѣ (въ IV главѣ) идутъ указанія на предположенія Лохвицкаго и открытія имъ развалинъ древней *Крестовоздвиженской* церкви (на Андреевской горѣ ¹⁾), «крѣпостныхъ воротъ» времени блаженной великой княгини *Ольги* (тамъ же) и *моилы кн. Дира* (около *Ирининской* церкви...). Здѣсь же въ запискѣ приведены и опроверженія всѣхъ этихъ гипотезъ Лохвицкаго митр. Евгеніемъ и Берлинскимъ.

V глава говоритъ о *случайныхъ находкахъ* древностей въ Кіевѣ, именно: 1) о золотыхъ и серебряныхъ церковныхъ и другихъ предметахъ (серебряная чаша, серебряный дискосъ, 2 золотыя панагіи и проч.), найденныхъ въ 1824 г., около *Михайловскаго* монастыря, мѣщаниномъ *Василіемъ Харцевскимъ* и отправленныхъ въ Эрмитажъ; 2) о находкѣ мелкихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, въ 1827 г., около *Стрѣтенской* церкви, въ усадьбѣ прапорщика *Августиновича* («всѣ сіи вещи по военной командѣ представлены начальству», а о дальнѣйшей ихъ судьбѣ ничего невѣстно), и 3) о находкѣ въ 1834 г. подполковникомъ *Фитинофомъ*, на *Крещатику*, рыцарскаго шлема, представленнаго Лохвицкимъ въ музей университета св. Владиміра.

Н. Оглоблинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. «Записка о раскрытіи мѣста древностей варяго-россійской церкви Ильинской».

„Чиновникъ 5 класса Лохвицкій, соренователь Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, руководствуясь особеннымъ порученіемъ г-на фельдмаршала графа *Сакена* и письменнымъ предписаніемъ военнаго кіевскаго, волынскаго и подольскаго генераль-губернатора графа *Левашова*, въ сходствіе Высочайшихъ повелѣній 29 іюля 1824 г. и 4 января 1833 г., *нашелъ мѣсто* и фундаменты каменные ²⁾ церкви *Ильинской* варяго-россовъ, времени великаго князя Игоря.

Сія церковь до сего времени была извѣстна только по исторіи, мѣстопребываніе же ея совсѣмъ утеряно у исторіографовъ, даже неизвѣстно было—изъ какого

¹⁾ Здѣсь именно открыта Лохвицкимъ памятная кіевлянамъ „яма съ пшеницею“ и съ „3 кусками основными“ изъ которыхъ Лохвицкій соорудилъ пресловутый свой *крестъ*. По говору злыхъ кіевскихъ язычковъ—Лохвицкій чуть ли не замышлялъ объявить сію находку крестомъ апостола *Андрея*... Въ 1860—70-хъ годахъ этотъ крестъ былъ выставленъ въ Андреевской церкви (да должно быть и нынѣ тамъ находится).

²⁾ Первоначально было написано и потомъ зачеркнуто: „... началъ раскрывать съ 5 маія сего 1832 года древность первой въ Россіи церкви Ильинской...“ и проч.

матеріала она построена. Слѣдовательно, исторія не имѣеть свѣдѣнія и о планѣ сей церкви.

Преподобный *Несторъ* объ ней пишетъ (въ лѣтописи по Кенигзбергову списку, изданному въ С.-Петербургѣ въ 1767 г., на стр. 44 и 45): въ 945 г. „Христіанскую Русь водша ротѣ (въ присягѣ) въ деревѣ святаго *Или*, яже есть *над-ручьемъ*, коонецъ Поставичи (sic) бесѣды, въ Козарѣхъ: се бо бѣ соборная церковь, мнози бо бѣша *варяги* хрестьяне“. Сіе свидѣтельствуется при договорѣ великаго князя Игоря съ греческимъ императоромъ Романомъ...

Но поелику *Несторъ* утверждаетъ о христіанахъ сей деревни, что они были *варяги*, а варяги, или скандинавы, или шведы были католической вѣры, изъ сего заключить слѣдуетъ, что сія церковь была *католическая*, ибо при Игорѣ не было раздѣленія (!!!) настоящаго вѣроисповѣданія католическаго съ греческимъ у варяго-россовъ, но по принятія россянами греческой вѣры при великомъ князѣ Владимірѣ въ 988 г. отдѣлились греко-россійской вѣры христіане отъ католиковъ. По сей причинѣ Ильинская церковь до сего времени *отъ старожилонъ кіевскихъ* называется „*костеломъ*“, а костель есть римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Мѣсто сей церкви и остатки фундаментомъ каменныхъ, открытыхъ изъ вѣдръ земли при изслѣдованіи Лохвицкимъ, находится на выѣздѣ изъ Кіева въ Кирилловское богоугодное заведеніе, за *Горданскою* церковью, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, повыше бывшей *Богословской* церкви, въ полгоры надъ ручьемъ такъ называемымъ *Горданскимъ*.

Ручей Горданскій пониже и подлѣ сего мѣста течеть, а вытекаетъ повыше, съ горъ, близъ сихъ остатковъ Ильинской церкви. Сей ручей начало беретъ изъ ключей *жельзистыхъ*, которые примѣтны по ржавчинѣ желѣзной въ источникѣ родника сихъ ключей. Вода сего ручья чистая, свѣжая, и по испытанію полезна для здоровья. Ручей впадаетъ въ озеро называемое *Горданское*, находящееся въ *Оболонѣ*. Изъ сего озера Горданскаго вытекаетъ рѣчка *Почайна* и упадаетъ въ рѣку Днѣпръ...

Строеніе каменныхъ фундаментомъ сей Ильинской церкви доказываетъ самое древнѣйшее происхожденіе ея: въ фундаменты положены огромныя *нетесаные камни*, между *кирпичами* древней работы, тонкими, шириною въ шесть, а длиною до восьми вершковъ, на *цементѣ*, который такъ связалъ дикіе камни съ кирпичами, что трудно ломомъ отдѣлать. Въ кирпичѣ масса такъ крѣпка, какъ крѣпкій камень. Въ цементѣ и въ кирпичѣхъ примѣтенъ толченый *кирпичъ*, *алебастръ* и *уголь*.—По разрытіи земли и обнаруженію фундаментомъ между щелкомъ довольно оказывается росинскаго *по щекатуркѣ красками*, которыя можно еще различать...

Церковь сія должна быть *обширная*, судя по положенію пространнаго *бура*, покрытаго землею болѣе сажени. Но какъ все зданіе требуетъ большаго разрытія и на то значительныхъ издержекъ, будучи въ полгоры запяло землею глинистою съ горъ, то и остается еще не совсѣмъ раскрытою, а потому и плана снять нельзя. Слѣдовательно, требуется дальнѣйшее изслѣдованіе и подтвержденіе достовѣрнѣйшее о точности сего мѣста, Ильинской церкви принадлежащаго, ибо по симъ обстоятельствамъ (т. е.—вслѣдствіе недостаточнаго изслѣдованія развалины авторомъ...) и митрополитъ кіевскій и галицкій (т. е.—митр. Евгеній Болховитиновъ), осматривая сіе раскрытіе 4 іюля (т. е.—1832 г.) *усумнился* въ существованіи когда либо

на семь мѣстѣ Ильинской церкви.—Корреспондентъ Общества Московскаго исторіи и древностей, чиновникъ 5-го класса *Кодратъ Лохвицкій*“.

Примѣчаніе: Внизу „Записки“ стояла сначала дата: „августа 26 дня, 1832 года“, затѣмъ зачеркнута и написана новая: „юля 15 дня, 1834 г.“ Несомнѣнно отсюда, что „Записки“ составлена въ 1832 г., а въ 1834 г. вновь пересмотрѣна и исправлена Лохвицкимъ собственноручно.

II. «Фундаментъ доскопальный и тестованый храму Рождества Христова».

Изъ церковь *Рождества Христова* Кіево-подольская, *Крещатицкая*—первая, мае и веде свій *фундаментъ одъ самого крещеня Володимирового и Руси*, одъ року *СФДІ*, шо тестуютъ причины сіи: якъ записки (записы?) въ церкви Божой одъ великихъ князей налектованныи показуютъ, изъ сыны Володимировы не далеко одъ сей Божой церкви въ криници на Крещатику крещене примали: якъ то и Синопсисъ говоритъ, яка криница и теперь есть. А потымъ кедь *Перунъ* сплюндрованныи сталь и привязанныи до конского хвоста, абись былъ утопленный въ рицѣ Днипрѣ и волоченныи бывъ *по дорозъ*, яка дорога и теперь есть отъ Золотоверхого Михайла, на якій дорозѣ той *Перунъ* бечованныи кричавъ вельми зъ причинъ певныхъ одъ новокрестныхъ, яке урочище и пляцъ зъ того случая зовется *Чортovo Беремя*, одъ якої *улицы* и теперь дорога поузъ церковь есть. И изъ сихъ причинъ и церковь на доскопальный паментъ сфундована новокрестнымъ, отроднымъ и обновнымъ Духомъ Святымъ, не далеко одъ того урочища, во имена Христового Рождества, людямъ веселого, абись знавъ людѣ и те сплюндроване и клендчене Египетске сатанинське, одъ адненту Божого изроблене, да и наприкладъ бо изъ сихъ причинъ въ Подолѣ стати сій церкви на имене Рождества Христова. А до сій церкви Божой сфундовали еще *на хоразѣ трапезу* Свяныхъ *Мироносиль*, для ведлу паменту Евангельского востани, триумфа, викторіи Христовой, охранени Ангеломъ миродатнымъ, огребающимъ сатанинське служене. И такъ фундаментъ сей есть фундованныи наприкладъ монастырямъ Золотоверхого Михайла и Видубицего. А по преставленію Володимера и вчиненію въ календы въ монументъ ласкъ и фундаторства имъ сей Божой церкви слично оказныхъ, и *процесію* взя и, зъ позволеня, одъ сій Божой церкви, *юля 15, до Крещатицкой криници*, для священя воды.

Якій сей фундаментъ для доскопального паменту зъ *правъ* виладный для церкви Божой, при церкви сей на вѣчные часы да буде“.

Переводъ: «Основаніе совершенное и свидѣтельствованное церкви Рождества Христова».

„Что церковь Рождества Христова Кіевоподольская, Крещатитская первая¹⁾, имѣеть свое начало отъ крещенія Владиміра и Россіи въ 6519 годѣ, сіе утверждаютъ записки, наданныи отъ великихъ князей въ сию церковь. Сіа церковь создана потому, поелику въ небольшомъ разстояніи отъ источника находится, въ коемъ сыны Владиміровы святое крещеніе воспріяли, о чемъ и въ Синопсисѣ сказано.

¹⁾ Вблизи Крещатики первоосуженная.

Сей источник и нынѣ существуетъ ¹⁾. Потомъ же, когда идолъ Перунъ истребленъ и привязанъ къ лошадиному *ошибу*, для потопленія въ рѣвѣ Днѣпрѣ, и вначимъ по пути былъ, которой путь извѣстенъ и нынѣ отъ Кіевозолотоверхомихайловскаго монастыря, на семь пути оной Перунъ біемый сильно вопіалъ по причинѣ побивавшими его новокрещенными людьми, каковое урочище и мѣсто называется Чортово Берема ²⁾, отъ каковой улицы и теперь лежитъ дорога мимо самой церкви. И по симиъ причинамъ и церковь на вѣчныя времена основана новокрещенными, отрощенными и обновленными чрезъ Духа Святаго людьми, по близости того урочища, во имя Рождества Христова, людьми вождедѣнаго ³⁾, да знаютъ люди и оное истребленіе и паденіе въ Египтѣ сатанинское, съ пришествіемъ Спасителя содѣянное ⁴⁾, да и по прилучію таковыхъ обстоятельствъ въ Подолѣ быть таковой церкви во имя Рождества Христова. Еще же при сей божественной церкви устроили храмъ на хорахъ святыхъ женъ Миропосидъ, для всегдашней памяти въ Евангеліи описуемаго воскресенія и побѣды Христовой ⁵⁾, также храненія ангеловъ ⁶⁾, благовѣствующихъ миръ ⁷⁾ и прогоняющихъ сатанинское идолослуженіе ⁸⁾. Итакъ, основаніе сіе положено по примѣру Кіевозолотоверхомихайловскаго и Видубицкаго монастырей. По преставленіи же святаго равноапостольнаго Владиміра и внесеніи имени его въ мѣсяцесловъ, въ знакъ основательства и милостей, имъ же сей Божественной церкви отлично оказанныхъ, и крестный ходъ узаконили, съ позволенія ⁹⁾, отъ сей Божественной церкви, іюля 15 дня, до Крещатицкаго источника, для освященія воды.

Каково сіе основаніе для всегдашней памяти изъ правъ выписанное для церкви Божіей, при сей церкви на вѣчныя времена да будетъ ⁴⁾.

III. О ходѣ открытія древностей въ Кіевѣ до начала 1836 года.

„По свидѣніямъ, собраннымъ во временномъ комитетѣ изысканія древностей въ Кіевѣ и большею частію извлеченнымъ изъ актовъ, частію же основаннымъ на свидѣтельствѣ и замѣчаніяхъ лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ и отысканіемъ сихъ древностей, ходъ открытія оныхъ былъ до настоящаго времени слѣдующій.

I. Открытіе Десятинной церкви.

Первый по времени и безспорно важнѣйшій между всѣми другими по своей древности и исторической значительности предметъ открытія составляютъ фундаменты древней Десятинной церкви, созданной св. равноапостольнымъ великимъ княземъ Владиміромъ Святославичемъ отъ 989 до 996 года по Р. Христ., разрушенной въ нашествіе Батыево въ 1240-мъ году, и съ того времени представлявшей одиѣ

¹⁾ Въ честь коего роздвигнутъ *монументъ 1802* г.

²⁾ Чертова тяжесть.

³⁾ Луки гл. II, 10.

⁴⁾ Исаи гл. XIX, 1.

⁵⁾ Матвея гл. XXVIII, 5—6.

⁶⁾ Даніила гл. X, 13.

⁷⁾ Луки гл. II, 14.

⁸⁾ Къ Евреямъ гл. 1, 14.

⁹⁾ Уповательно, что съ позволенія духовной верховной власти.

развалины и кучу камней, которыхъ большая часть разнесена кievскими жителями на свои потребности, и изъ остатка коихъ кievскій митрополитъ Петръ Могила пристроилъ къ оставшейся незначительной части одной только стѣны древнюю малую церковь храма, носившую также названіе Десятинной.

Высокопреосвященный Евгеній, по вступленіи на кievскую митрополию, осматривая на соображеніи, что чрезъ открытіе щельи, покрывавшаго мѣсто древняго зданія, и изслѣдованіе развалинъ, можетъ быть открытъ первоначальный планъ Десятинной церкви, рѣшился въ 1824 году открыть весь ея фундаментъ на свое иждивеніе, и поручилъ сіе дѣло священнику Десятинной церкви Кочеровскому и живущему въ Кіевѣ чиновнику 5 класса Лохвицкому, которые и открыли фундаменты стѣнъ древняго храма, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ фундаментъ вынутъ и только примѣтны слѣды его по рамъ, засыпаннымъ щельемъ.

При семъ открытіи найдены: большіе куски поясовъ и карнизовъ, выдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора; обломки архитектурной и лицевой весьма свѣжихъ красокъ живописи (афреско), которую, вѣроятно, украшена была вся середина церкви, мѣсто престола, устланное тесанными плитами, вокругъ его мозаическій полъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и другихъ камней, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ полы изъ плитъ, муровленныхъ на подобіе кафеля; въ щельи, надъ престольнымъ мѣстомъ, оснанающаяся мѣлкая золотистая мозаика съ разными цвѣтными стеклами, коими, вѣроятно, украшенъ былъ алтарь, какъ въ Кіево-софійскомъ соборѣ, съ другихъ мѣстахъ базы и обломки толстыхъ бѣлаго мрамора колоннъ и капителей ихъ съ карнизами, три гробовыя мѣста, обложенныя гладко тесаннымъ дикимъ камнемъ и въ другомъ мѣстѣ, разломившаяся на три части бѣлаго мрамора фигурная гробовая крышка, подъ коею въ щельи открытъ остовъ, по мнѣнію врачей женскій, и при немъ крестикъ и перстень. Сверхъ того въ щельи найдено нѣсколько крестовъ, перстней, колець, когорые (?) по свидѣтельству высокопреосвященнаго митрополита Евгенія, признаются древними кievскими рублями.

Изъ сихъ вещей нѣсколько кусковъ мраморнаго пола, вмѣстѣ съ гранитомъ и кирпичемъ изъ фундамента, представлены г. Лохвицкимъ въ числѣ другихъ его пожертвованій въ императорскій университетъ св. Владиміра, прочія вещи большею частію хранятся въ ризницѣ Кіево-софійскаго Собора и въ Трехсвятительской церкви, частію же остаются въ оградѣ на мѣстѣ раскрытія Десятинной церкви; а живописныя на штукатуркѣ (афреско) глава и руки ангела отправлены въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Императору.

Съ открытіемъ фундаментовъ первобытной Десятинной церкви, г. Лохвицкій снялъ планъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ съ объясненіемъ, напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ мартѣ 1825 года, другой въ большомъ масштабѣ посланъ въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ и поднесенъ Государю Императору; третій находится въ Кіево-софійской ризницѣ, в еще три представлено въ университетъ св. Владиміра. Сверхъ того присланный въ 1826 году отъ академіи художествъ художникъ г. Ефимовъ, сдѣлавъ окончателные поиски для открытія всѣхъ частей фундамента, снялъ съ него планъ, и вмѣстѣ съ составленными имъ рисунками гробницъ и другихъ найденныхъ при томъ вещей, препроводилъ въ академію художествъ.

II. Открытіе Златыхъ Вратъ.

Извѣстно изъ отечественныхъ лѣтописей, что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, распространивъ Кіевъ, около 1037 года, обвелъ его каменными стѣнами, назвалъ главныя ихъ врата, надъ коими устроена была церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Златыми, что сіи врата въ послѣдствіи разрушились, и остались отъ нихъ одни развалины, которыя видны были въ крѣпостномъ валу еще въ половинѣ XVII вѣка, какъ то доказываетъ видъ, снятый съ нихъ въ 1651 году, послѣ найденный въ бумагахъ короля польскаго Станислава Августа Понятовскаго, и напечатанный въ № 1 „Сѣвернаго Архива“ 1822 года; что въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны при укрѣпленіи Старога Кіева, онѣ были совершенно засыпаны землею и скрывались въ крѣпостномъ валу до третьяго десятилѣтія настоящаго вѣка.

Г. Лохвицкій получивъ отъ г. кіевскаго военнаго губернатора позволеніе заниматься отысканіемъ древностей въ Кіевѣ, обратился къ сему памятнику древности и уже въ 1832 году открылъ остатки двухъ стѣнъ, составлявшихъ древніе Златые врата, а въ 1833 году продолжалъ и окончилъ сіе раскритіе, пользовавшись въ 1832 году пособіемъ въ работахъ по частной подпискѣ, а въ 1833 году производилъ раскритіе на собственный шеть. 9 сентября 1832 года государь императоръ соизволилъ пройти между открытыми стѣнами Златыхъ вратъ и назвалъ ихъ „памятникомъ достойнымъ сохраненія“.

Въ 1833 году сдѣлано распоряженіе объ освобожденіи той и другой стѣны Златыхъ вратъ отъ натиска, производимаго и прикосновеннымъ къ нимъ землянымъ валомъ и угрожавшаго особенно правой стѣнѣ паденіемъ; именно: положено отрыть землю, составляющую крѣпостный валъ, въ соразмѣрномъ съ цѣлью пространствѣ. На каковій предметъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета гг. министровъ назначено отпустить единовременно исчисленные по смѣтѣ 2917 рублей 20 к. сверхъ ассигнованной симъ же положеніемъ отъ казны въ распоряженіе Кіевскаго военнаго губернатора суммы по 1500 р. ежегодно на отысканіе въ Кіевѣ отечественныхъ древностей. Исполненіе по означенному распоряженію окончено въ іюнѣ 1834 года и вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ изготовленію ладиса, которая и возложена на Златыя врата въ слѣдующемъ году и состоитъ изъ каменной доски съ мѣдными словами и такими же украшеніями, съ позолотою тѣхъ и другихъ чрезъ огонь.

Наконецъ для предохраненія Златыхъ вратъ отъ поврежденія дѣйствіемъ непогоды, въ іюнѣ 1835 сдѣлали распоряженіе, чтобы вершины сихъ развалинъ были залиты известью и покрыты дерномъ или крышами. Первая половина сего распоряженія приведена уже къ окончанію, а вторую временный комитетъ изысканія древностей въ Кіевѣ полагаетъ привести въ исполненіе въ настоящій 1836 годъ, распорядившись уже о составленіи примѣрной смѣты издержекъ на необходимыя при томъ работы.

При раскритіи Златыхъ вратъ найдено нѣсколько вещей, принадлежащихъ къ древнему вооруженію всадника, а именно: пика съ кольцомъ и древкомъ, стрѣла татарская желѣзная, луда конская и подкова, цѣпь желѣзная отъ мундштука, и сверхъ того: 6 кратъ золота листоваго отъ Золотыхъ Воротъ и два желѣзные вѣнца отъ образа. Золото и вѣнцы, также пика съ кольцомъ и древкомъ и стрѣла желѣзная

представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра, вмѣстѣ съ кирпичемъ изъ Златыхъ вратъ и плитнымъ шифернымъ разбитымъ камнемъ, на которомъ изображенъ врестъ въ кругѣ и которыи г. Лохвицкій почитаетъ закладвою Благовѣщенской церкви, возвышавшейся нѣкогда надъ Златыи вратами.

III. Открытіе церкви, вѣроятно, св. Ирины.

Въ 1833 году апрѣля въ 19 день, г. Лохвицкій просилъ г. кievскаго военнаго губернатора о дозволеніи раскрыть, на казенный или на собственный счетъ одно мѣсто не по далеку отъ ограды Софійскаго собора, на которомъ, по его предположенію, должны находиться подъ земляною насыпью остатки церкви св. Ирины, современной по древности построенія Златыхъ вратъ и соборной церкви св. Софiи. Г. кievскій военный губернаторъ отнесся по сему предмету къ митрополиту кievскому Евгенію, отъ котораго и получилъ отзывъ, что, по свидѣтельству преподобнаго Нестора, монастырь св. Ирины дѣйствительно основанъ былъ великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ около половины XI вѣка, но что ни Несторъ, ни другіе лѣтописатели не указываютъ мѣста, гдѣ монастырь сей находился. Посему г. кievскій военный губернаторъ предоставилъ г. Лохвицкому исполнить свое предположеніе на свой коштъ.

Примчаніе: Въ послѣдствіи времени, по дѣйствительномъ открытіи на означенномъ мѣстѣ остатковъ древнихъ церковныхъ стѣнъ, митрополитъ кievскій Евгеній призналъ вѣроятнымъ предположеніе, что это остатки церкви монастыря св. Ирины. Въ подтвержденіе сей вѣроятности г. статскій совѣтникъ Берлинскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на составленную во временномъ комитетѣ изысканія древностей въ Кіевѣ историческую записку о ходѣ открытія сихъ древностей до настоящаго времени, приводитъ то обстоятельство, что новооткрытая церковь не далеко отстоитъ отъ мѣста, на которомъ тѣмъ же великимъ княземъ созданъ былъ Георгіевскій мужескій монастырь, гдѣ теперь находится сего имени приходская церковь, построенная послѣ 1744 года на древнемъ основаніи, и что въ древніе времена женскіе монастыри обыкновенно устраивались близъ мужескихъ съ тою цѣлью, чтобы заимствовать изъ нихъ іеромонаховъ для богослуженія. А въ доказательство сего обыкновенія г. Берлинскій ссылается на многіе примѣры монастырей кievскихъ.

Лѣтомъ 1833 года г. Лохвицкій, разрывая землю въ томъ мѣстѣ, на которомъ онъ предполагалъ существованіе остатковъ церкви св. Ирины, дѣйствительно открылъ часть церковныхъ стѣнъ, коихъ кладка, кирпичъ и цементъ сходствуетъ съ матеріалами и строеніемъ Златыхъ вратъ. Открытую часть составляютъ: мѣсто алтаря и въ немъ подпрестольный камень, цѣльный, малиноваго цвѣта, а по обѣимъ сторонамъ алтаря, каменные податки, южная съ одною, сѣверная съ двумя гробницами, не имѣющими надписей и содержащими въ себѣ кости, пересыпанныя землею, сверхъ того все продолженіе южной стѣны церкви съ небольшою частію продолженія западной и большая половина средины церкви; наконецъ усмотрѣно, но еще не открыто, церковное подземелье.

Остальная часть средины церкви, вмѣстѣ съ сѣвальною и большою частію западной, скрываются еще подъ землею, находясь подъ садомъ смежнаго дома г. отставнаго поручика Воронцова.

При открытіи сей церкви найдены между прочимъ:

1) Два креста и часть третьего, мѣдныя, древней греческой работы, вѣнецъ съ иконы желѣзной; половина печати для просфоръ, съ надписью надъ главою младенца Иисуса на одной сторонѣ, а на другой—съ изображеніемъ Спасителя съ крестомъ и съ надписью сверху внизъ *ὁ Ἄγιος*.

2) Обломки фигурныхъ каменныхъ плитъ, составлявшихъ гробницы.

3) Нѣсколько плитокъ мозаического пола поливной горшечной работы, открытыхъ частію въ полаткахъ, частію въ срединѣ церкви.

4) Пять листовъ свинца съ гвоздями, нѣсколько мѣдныхъ вещей отъ наникадила и обломки колокола.

5) Значительное число мѣдныхъ копѣчекъ съ надписью на одной сторонѣ титула и имени царя Алексія Михайловича, Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, а на другой съ изображеніемъ герба московскаго и подъ нимъ буква П.

6) Сверхъ сего усмотрѣны на нѣкоторыхъ частяхъ стѣнъ изображенныя красками фигуры на штукатуркѣ, и въ одномъ мѣстѣ изображеніе Спасителя, у котораго недостаетъ головы, потому что та часть стѣны, на коей была изображена голова, разрушилась.

Нѣкоторыя изъ сихъ вещей представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра вмѣстѣ съ другими пожертвованіями.

IV. Предположеніе о другихъ памятникахъ древности.

Сверхъ изложенныхъ доселѣ предположеній различныхъ лицъ о памятникахъ древности въ Кіевѣ, кои всѣ оправданы дѣйствительнымъ ихъ открытіемъ, г. Лохвицкій имѣетъ различныя предположенія и догадки о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ памятникахъ, до представленія ясныхъ и вѣрныхъ доказательствъ правдоподобности или достовѣрности остающіяся только предположеніями.

I. Предположеніе объ Ильинской церкви.

Вопервыхъ оныя изыскалъ въ отношеніи г. попечителю кіевскаго учебнаго округа 15 іюля 1834 года и въ репортѣ г. кіевскому военному губернатору 8 іюля 1835 года, что имъ отискано надъ Иорданскимъ ручьемъ (на выѣздѣ изъ Кіевоподола въ Кирилловскій монастырь, отъ дороги на лѣвой сторонѣ, по вышней бывшей Богословской церкви, на половинѣ горы) мѣсто и часть каменныхъ фундаментовъ Ильинской церкви времени великаго князя Игоря, изъ коихъ одинъ представилъ въ университетъ св. Владиміра двойной кирпичъ, слѣженный цементомъ, и кусокъ цемента особенно.

Но г. Берлинскій въ замѣчаніяхъ своихъ изыскаетъ, что по найденнымъ стариннымъ кирпичамъ и цементу въ верховьяхъ рѣки Почайны нельзя еще прямо заключать о существованіи тамъ вѣкогда сей церкви, что по соображенію историческихъ событій, она долженствовала находиться ближе къ Старому Кіеву. и въ такомъ мѣстѣ, куда бы тогда варяги могли проѣзжать къ своей гостинницѣ,— слѣдовательно близъ Днѣпра, при ручьѣ, въ оный впадающемъ, то есть или при Почайнѣ, тогда протекавшей у самаго Кіевоподола и называемой иногда ручьемъ, или при нынѣшнемъ кіевоподольскомъ поперечномъ каналѣ, который вѣроятно

изливался въ Почайну, около мѣста нынѣшней Ильинской церкви: такъ какъ обыкновенно, въ случаѣ истребленія прежней церкви, ея названіе усвоится вновь на томъ же мѣстѣ построенной. Митрополитъ кievскій Евгений, осматрѣвъ означенное г. Лохвицкимъ мѣсто, призналъ оное мѣстомъ Иорданскаго жеусскаго монастыря, а не древней Ильинской церкви (на Подолѣ): потому что весь Подоль дравле заливаемъ былъ весеннею порою водою, а также и нынѣшній поперечный кievно-подольскій каналъ.

Примѣчаніе: Сочинитель „Исслѣдованія о древней кievской церкви св. Іліи“, напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1830 году, кievской духовной академіи студентъ Евфимъ Остроуминскій, основываясь на семъ послѣднемъ обстоятельстве, утвержденномъ словами лѣтописца Нестора: „бѣ вода текущи тогда возлѣ горы кievскія, на Подоліи не сѣдаху людіе, но на горѣ“ и соображая слова его объ Ильинской церкви: „аже есть вадѣ ручаемиъ конецъ Постничи бесѣды въ Козарѣхл.“, съ другимъ мѣстомъ лѣтописи: „Шеруна... влекущи съ горы по Боричеву на ручей...“ заключаетъ, что древняя церковь св. Іліи стояла вѣроятно на подгорьѣ внизу Васильевской (Трехсвятительской) церкви или Михайловскаго монастыря, подобно тому какъ отстроена на уступѣ горы церковь въ томъ мѣстѣ, которое по преданію принимается за Аскольдову могилу.

2. Предположеніе о Крестовоздвиженской церкви.

Г. Лохвицкій въ 1832 году открылъ въ Старомъ Кіевѣ, на горѣ, близъ Андреевской церкви, каменные фундаменты и обширную на три сажени углубленную яму съ пшеницею и другими церковными древностями. Здѣсь, по его предположенію, съ 1212 года существовала Крестовоздвиженская церковь, созданная въ память водруженія креста св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ. Митрополитъ кievскій Евгений (см. въ № VII Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на 1832 годъ) полагаетъ по признакамъ вещей мірскихъ, найденныхъ въ ямѣ, что сіе мѣсто было не священное, а хозяйственное.

Въ сей ямѣ найдены мука и пшеница, и частію въ пшеницѣ, частію въ ея.— 1-е Крестъ, и часть ограда съ иконы, мѣдныя позолоченныя.

2. Три вѣнца желѣзные и выпарисъ отъ иконы, крючки и дѣлочки, вѣроятно отъ лампадъ.

3. Карнизъ горшечный, частію гладкій, частію испещренный фигурами, имѣющими сходство съ андреевскимъ крестомъ.

Нѣкоторыя изъ сихъ вещей представлены г. Лохвицкимъ въ университетъ св. Владиміра.

3. Предположеніе о древнихъ крѣпостныхъ вратахъ.

Въ третьихъ, лѣтомъ 1834 г. г. Лохвицкій, примѣтивъ на Андреевской горѣ въ крѣпостномъ валу рядъ свай, заключилъ, что здѣсь должны находиться древнія крѣпостныя врата, построенныя при великомъ князѣ Святославѣ (Игоревомъ сынѣ) и въ которыя великій князь Владиміръ Святославовичъ вошелъ изъ Новгорода въ Кіевъ для занятія отеческаго престола. Но по назначенію сего мѣста подъ дорогу не могло быть допущено изслѣдованіе истинн сей догадки.

Г. Берлинскій изясняетъ, что древній Кіевъ имѣлъ нѣсколько вѣздовъ и укрѣпленныхъ воротъ, изъ коихъ извѣстныя по лѣтописямъ онъ исчислилъ; но что

нигдѣ не говорится о вратахъ, предполагаемыхъ г. Лохвицкимъ, тогда какъ крутизна горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ предполагаетъ, дѣлаетъ неправдоподобнымъ ихъ существованіе; и что видѣнный г. Лохвицкимъ рядъ свай въ землѣ можно съ большою вѣроятностію принять за остатки литовско-польскихъ укрѣпленій, такъ какъ изъ актовъ кіевскаго магистрата извѣстно, что замокъ кіевскій былъ окруженъ отсюда высокими двойными срубамъ съ башнями.

4. Предположеніе о Дировой мошль.

Наконецъ, въ четвертыхъ, г. Лохвицкій просилъ 2 августа 1834 года отъ г. кіевскаго военнаго губернатора дозволенія на производство изысканій въ открытію мѣста погребенія кіевскаго князя Дира въ 882 году, полагая оное, по сказанію лѣтописца Нестора, за открытою имъ церковью св. Ирины. На отношеніе о семъ предметѣ г. кіевскаго военнаго губернатора митрополитъ кіевскій Евгенийъ отвѣчалъ, что лѣтописецъ Несторъ хотя и сказалъ, что могила сего князя за монастыремъ св. Ирины, но не указалъ точно мѣста; что впротчемъ г. Лохвицкій, ища сей могилы, можетъ найти другія какія нибудь кіевскія древности. Посему г. кіевскій военный губернаторъ дозволилъ г. Лохвицкому производство изысканія предполагаемаго имъ памятника древности. Въ 11 день того же мѣсяца г. Лохвицкій донесъ г. кіевскому военному губернатору, что на означенномъ мѣстѣ открыты въ текущемъ мѣсяцѣ семь цѣльныхъ надгробныхъ каменныхъ досокъ фіолетоваго цвѣта въ три аршина длины и болѣе аршина ширины, подобныхъ гробницамъ, устроеннымъ въ палатахъ церкви св. Ирины, слѣдовательно одного съ ними времени, что позади крѣпостнаго рва, конемъ перерѣзано кладбище къ югу отъ церкви, въ огородѣ городской земли открываются фундаменты, коихъ каменный матеріалъ одинаковъ съ матеріаломъ церкви св. Ирины. Изъ сихъ обстоятельствъ г. Лохвицкій заключаетъ, что на томъ мѣстѣ должно находиться весьма древнее кладбище, существовавшее уже во время великаго князя Ярослава, создателя упомянутаго храма.

Но мнѣнію же г. Берлинскаго, открываемое г. Лохвицкимъ кладбище должно принадлежать къ временамъ позднѣйшимъ; ибо при погребеніи знаменитыхъ особъ во времена язычества, каковы: времена Дира и Осскольда, не употреблялись у насъ ни катафалки, ни даже гробы, а только насыпаемы были высокіе земляные курганы, онъ указываетъ на два таковыя кургана, разрытыя при немъ въ 1814 году въ селѣ Вышгородѣ, гдѣ нашлись только остатки костей, нѣкоторые обломки отъ конской сбруи желѣзные и древесное уголье.

Древнія драгоцѣнныя вещи, случайно найденныя въ Кіевѣ

Въ 1824 году.

Къ древностямъ, открытымъ въ г. Кіевѣ, принадлежатъ также древнія дорогія металлическія вещи, найденныя въ 1824 году кіевскимъ мѣщаниномъ Василіемъ Харщевскимъ въ Старомъ Кіевѣ близъ сѣверной стѣны Михайловскаго монастыря, и по Высочайшему повелѣнію отправленные г. кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ Эрмитажъ: вещи сіи суть:

1) Чаша серебрянная на подножкѣ, низкая съ изображеніемъ по сторонамъ въ выпуклыхъ кругахъ Спасителя, Божіей матери, св. Іоанна Предтечи и св. Іоанна

Златоустаго и съ греческимъ текстомъ: „пійте отъ нея вся“ и проч., вѣсомъ 68 зол. (серебра).

2) Дискосъ серебряный, состоящій изъ одной тарѣлочки безъ подножки, съ изображеніемъ по срединѣ Божіей матери и съ греческимъ текстомъ по краямъ: „адите, сіе естъ тѣло“ и проч., вѣсомъ 25 золот. (серебра), въ поперешникѣ $4\frac{1}{2}$ вершка.

3) Круглая икона въ $1\frac{3}{4}$ вершка въ поперешникѣ изъ самаго чистаго золота, подобная архіерейской панагіи, съ выпуклымъ по срединѣ изображеніемъ Спасителя и съ 10 рубинами и бирюзами по краямъ, вѣсомъ въ $12\frac{1}{2}$ золотника (золота).

4) Другая такая же панагія золотая, въ поперешникѣ $1\frac{1}{2}$ вершка съ изображеніемъ одного св. мученика, вѣсомъ въ $9\frac{1}{2}$ золот. (золота).

5) Крестикъ почти равносторонній, менѣе вершка, мраморный съ золотыми накладками со всѣхъ сторонъ и съ однимъ камешкомъ, вдѣланнымъ въ средину, вѣсу въ накладкахъ 2 золотн. (золота).

6) Двѣ серебряныя толсте вызолоченныя штуцы, круглыя, ободу выпуклыя внутри пустыя, на верхнемъ краю вогнутыя и съ отверстіемъ, въ 1 вершокъ въ поперешникѣ, съ изображеніемъ грифа на каждой, подобныя большимъ сергамъ, можетъ быть служившія ладонками или подобными привѣсками, вѣсомъ въ 14 золот. (серебра).

7) 25 золотыхъ привѣсокъ въ видѣ кисточекъ, филограмовой работы, изъ коихъ большая часть переломана, а цѣлыя имѣютъ по угламъ подвѣсочки, украшенныя жемчугомъ и камешками, можетъ быть служившія бахрамою парчевой матеріи, найденной вмѣстѣ со всѣми описываемыми вещами; вѣсомъ въ 32 золот., принимая золото вмѣстѣ съ камешками.

8) 20 тонкихъ, плоскихъ, почти перетявшихъ, худаго серебра блишекъ съ фигурными прорѣзками, и на одной сторонѣ вызолоченныхъ, подобныхъ украшеніямъ на старинныхъ греческихъ иконахъ, и на воскрылихъ ризъ святительскихъ, и вѣроятно принадлежавшихъ къ той же парчевой матеріи.

9) 8 душекъ или широкихъ полуколець самаго чистаго золота, искусной филограмовой работы, осыпанныхъ негравенными дорогами камешками, большой и меньшей величины или цѣности, составлявшихъ, какъ видно по ихъ связи, корень складнаго Евангелія, хотя для цѣлой книги много ихъ еще недостаетъ: ибо всѣ 8, сложенныя вмѣсто, едва составляютъ три вершка по длинѣ; вѣсу во всѣхъ ихъ золота съ камешками $43\frac{1}{2}$ золот.

10) Плоская треугольная золотая бляшка, украшенная съ одной стороны греческою эмалью, вѣсомъ въ $\frac{3}{4}$ золот. (золота).

Всѣ сіи вещи немедленно по открытіи были доставлены, по распоряженію кievской градской полиціи, къ г. Берлинскому для рассмотрѣнія и опредѣленія ихъ достоинства. Основываясь на семь рассмотрѣній, г. Берлинскій къ свѣдѣнію о нихъ, доставленному во Временный комитетъ изысканія древностей въ Кіевѣ, присовокупляетъ свое заключеніе о ихъ древности и говоритъ, что изготовленіе ихъ должно отнести ко временамъ древнихъ христіанскихъ княженій въ Кіевѣ, когда русское художество еще не существовало, а греки, работавшіе сіи вещи, не умѣли гранить драгоценныхъ камней; что они положены въ землю не позже Батюва нашествія, ибо послѣ 1240 года драгоценныя работы не могли открыто существовать въ обѣдѣвшемъ Кіевѣ, а бывъ изготовлены въ послѣдствіи, по улучшеніи сего

края обстоятельствъ, такіи вещи должныствовали бы носить отпечатокъ русскаго или литовскаго искусства,—тогда какъ они являютъ греческій вкусъ прежнихъ вѣбовъ, и почеркъ и порядокъ литеръ въ надписяхъ на чашѣ и дискосѣ сходенъ съ надписью XI вѣка на мозаикѣ, въ олтарѣ большаго Кіево-софійскаго собора, равно какъ и скудельный сосудъ, въ которомъ сіи вещи хранились, но увѣренію самовидцевъ, одинаковъ съ тѣми, въ коихъ находятъ въ землѣ близъ Ольвіи херсонскія и греческія монеты.

Въ 1827 году¹⁾.

Въ августъ мѣсяцъ 1827 года, въ Старомъ Кіевѣ, по Львовской улицѣ близъ Сірътенской церкви, на дворѣ прапорщика Августиновича, при копаніи погребной ямы, найдены слѣдующія золотыя вещи, изложенныя въ мѣдный изоржавѣвшій складень:

- 1) 4 пары золотыхъ, дугныхъ серьгъ, изъ коихъ двѣ цѣлы, вѣсомъ въ 12¹/₂ золот., а отъ двухъ обломки 3¹/₂ золот., золото 60 пробъ.
  - 2) Цепочка дугая или монистная изъ 23 звенокъ, вѣсомъ въ 16¹/₂ золот., 60 пробъ.
  - 3) Отрывокъ цепочки тонкой въ ¹/₄ золот. 74 пробъ.
  - 4) Одинадцать крѣчечковъ золотыхъ, вѣсомъ въ 14¹/₂ золот. 74 пробъ. Сверхъ того на двѣ складни нашлось перегнивашаго мелкаго жемчуга ¹/₈ и ¹/₁₆ золот.
- Всѣ сіи вещи по военной командѣ представлены начальству.

Въ 1834 году.

Въ 21-е іюня 1834 года при раскрытіи землянаго вала на Крещатицѣ, по случаю проведенія новыхъ улицъ въ Кіевѣ, найдено г. подполковникомъ барономъ Фиттингофомъ желѣзный рыцарскій шлемъ съ частію панциря, который и находится въ числѣ разныхъ древнихъ вещей, пожертвованныхъ г. Лохвицкимъ, въ 15 ден., іюля того же года университету св. Владимира.

Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра де-ла-Флиза.

Докторъ де-ла-Флизъ былъ старшимъ врачомъ при государственныхъ имуществвахъ кіевского округа. Дѣятельность его относится къ концу 40-хъ и началу 50-хъ годовъ. Сообразно съ занимаемой имъ должностію, онъ предпринималъ поѣздки по селамъ и деревнямъ ввѣреннаго ему округа съ цѣлью ознакомиться съ различными условіями жизни народа, такъ или иначе вліяющими на его здоровье и физическое развитіе.

Но какъ человѣкъ любознательный, да къ тому же иностранецъ, онъ не ограничился наблюденіями, относящимися только къ его спе-

¹⁾ Свѣдѣніе объ этихъ вещахъ сообщилъ комитету митрополитъ кіевскій Евгеній.

ціальности, а не преминулъ также ознакомиться вообще съ складомъ жизни, проявленіями духа, вѣрованіями, привычками и обычаями той народности, съ которой ему суждено было столкнуть; интересовался онъ также и мѣстными памятниками старины. Результатомъ его наблюдений явились двѣ работы, помѣченныя 1854 г. и оставшіяся въ рукописи: «Медико-топографическое описаніе государственныхъ имуществъ кievскаго округа» (принадлежитъ А. М. Лазаревскому) и «Этнографическое описаніе крестьянъ кievской губерніи...» (принадлежитъ церковно-археологическому музею при кievской духовной академіи). Въ этихъ работахъ де-ла-Флизь свелъ весь тотъ матеріалъ, который онъ собралъ во время поѣздокъ по губерніи; матеріалъ этотъ является въ обработанномъ и приведенномъ въ систему видѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается его спеціальности какъ медика и, какъ намъ кажется, въ этомъ отношеніи его наблюденія и замѣчанія отчасти не потеряли своего значенія и въ настоящее время; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ затронуты другія стороны жизни народа, де-ла-Флизь былъ только образованнымъ человѣкомъ, записывавшимъ все то, что, по его мнѣнію, заслуживало вниманія, обрисовывая съ той или другой стороны характеръ данной народности. Этимъ отсутствіемъ подготовки можно извинить нѣкоторую отрывочность и иногда неразборчивость въ выборѣ матеріала, который замѣчаются въ этнографическомъ и археологическомъ отдѣлахъ. Но несмотря на это, благодаря той добросовѣстности, съ какой собранъ матеріалъ, т. е. по словамъ де-ла-Флиза, онъ «лично обозрѣлъ съ конца въ конецъ всю губернію» и не пользовался никакими пособіями, благодаря той тщательности, съ какой сдѣланы многочисленныя рисунки, наполняющіе обѣ работы, какъ этнографъ, такъ и археологъ могутъ найти въ нихъ много интереснаго и заслуживающаго вниманія.

Въ виду этого, мы постараемся сдѣлать здѣсь бѣглый очеркъ содержанія этихъ двухъ работъ, останавливаясь подольше тамъ, гдѣ это будетъ нужно.

«Медико-топографическое описаніе» составляетъ объемистый томъ *in folio* въ 1245 стр., полное заглавіе его слѣдующее: «Медико-топографическое описаніе государственныхъ имуществъ кievскаго округа, съ изображеніями нѣкоторыхъ произведеній изъ царствъ растительнаго и животнаго, съ приложеніемъ статистики каждаго селенія съ видами, снятыми съ натуры, изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ и географической карты кievскаго округа, составленное докторомъ медицины де-ла-Флизь, императорской медиико-хирурги-

ческой академіи медико-хирургомъ, членомъ императорскаго медицинскаго виленскаго и кіевскаго общества и проч., состоящимъ при кіевскихъ государственныхъ имуществвахъ старшимъ врачомъ, надворнымъ совѣтникомъ. Кіевъ, 1854». Текстъ написанъ на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, и нужно сознаться, что въ послѣднемъ де-ла-Флизъ былъ не особенно силенъ.

Сочиненію этому предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ говоритъ прежде всего о невозможности одному человѣку составить полную медицинскую топографію, затѣмъ намѣчаетъ вкратцѣ планъ, котораго онъ держался при описаніи, и заявляетъ при этомъ, что для достиженія цѣли не щадилъ ни труда, ни времени, ни издержекъ.

Все описаніе состоитъ изъ 3-хъ раздѣловъ. Раздѣлъ 1 начинается опредѣленіемъ пространства и раздѣленіемъ государственныхъ имуществъ кіевскаго округа въ уѣздахъ кіевскомъ, васильковскомъ и радомысльскомъ, затѣмъ идетъ: вѣдомость о числѣ ревизскихъ душъ по 9 народной переписи. Мѣстоположеніе (равнины, горы, воды, лѣса, почва и подпочва, климатъ и т. п.). Естественныя произведенія,— здѣсь описаны царства ископаемое, растительное и животное; этотъ отдѣлъ иллюстрируется массой рисунковъ акварельными красками: къ растительному царству относится 61 изображеніе, тщательно и точно сдѣланное, различныхъ медицинскихъ растений въ натуральную величину со всѣми деталями, затѣмъ къ животному царству—таблица рисунковъ раковинъ, 6 таблицъ съ прекрасно сдѣланными рисунками насѣкомыхъ, 3 таблицы пресмыкающихся, 5 таб. рыбъ, 18 таб. птицъ и 6 таб. мелкихъ млекопитающихъ животныхъ.

Раздѣлъ II. О господствующихъ въ губерніи болѣзняхъ (перечисленіе эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней). О болѣзняхъ эндемическихъ (зависимость этихъ болѣзней отъ мѣстности и отъ пищи, отдѣльное описаніе симптомовъ каждой болѣзни). Причины эпидемическихъ болѣзней; какъ причины, вліяющія на развитіе болѣзней, авторомъ разсмотрѣны вопросы о жилищахъ, одѣяніи и обуви, пищѣ и питьѣ, о занятіяхъ крестьянъ.

Здѣсь бросается въ глаза разница между южной и сѣверной частью губерніи, — въ то время, какъ въ первой условія жизни довольно благоприятны для здоровья, въ послѣдней—наоборотъ, въ особенности это можно сказать по отношенію къ радомысльскому уѣзду. Между занятиями крестьянъ упоминается, какъ существующее, чумачество, въ Крымъ и на Донъ «по соль и рыбу». Далѣе авторомъ подробно разобранъ вопросъ, относящійся также къ причинамъ болѣзней, именно, о

вліяніи обычаевъ и привычекъ на болѣзни; между прочимъ, онъ указываетъ на сильную приверженность крестьянъ къ постамъ, несмотря даже на разрѣшеніе священника, что вредно отзывается на больныхъ и выздоравливающихъ; тутъ же авторъ говоритъ о значеніи священника въ селѣ, гдѣ онъ бываетъ иногда единственнымъ образованнымъ человѣкомъ, и о томъ, какъ желательны были бы по своимъ благимъ послѣдствіямъ нѣкоторыя медицинскія познанія у священниковъ.

Что касается степени смертности, то свѣдѣнія вообще неудовлетворительны; громадная смертность замѣчается между дѣтьми.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ перечислены и описаны эпидемическія и заразительныя болѣзни и ихъ причины. По поводу способовъ народнаго лѣченія де-ла-Флизъ говоритъ, что народъ вѣритъ въ заговоры и различныхъ шарлатановъ, разбѣзжающихъ по деревнямъ (еврейки, отставные солдаты и мужики, называемые татарами); средства, употребляемые ими для лѣченія, не всегда безвредны, бываютъ очень сильны и въ большомъ употребленіи меркуріальныя, хотя де-ла-Флизъ замѣчаетъ, что въ послѣднее время вліяніе разныхъ знахарей уменьшается. Очень интересна глава «о средствахъ медицинскіхъ туземныхъ кіевской губ., долженствующихъ быть употребляемыми въ лѣченіи болѣзней, когда нѣтъ фармацевтическихъ лѣкарствъ»; домашнія средства, надлежащимъ образомъ употребленныя, могутъ принести большую пользу бѣдному населенію,—здѣсь описано больше 30 различныхъ продуктовъ (хлѣбъ, медъ, каууста, уголь, деготь и т. п.), находящихся въ каждомъ хозяйствѣ. Дальше разбираются свойства медицинскіхъ растений кіевск. губ., сюда же примыкаетъ описаніе процесса лѣченія мѣстными средствами каждой болѣзни изъ наиболѣе встрѣчающихся въ краѣ. Въ отдѣлѣ «полицейскія и медицинскія мѣры для устраненія эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней на будущее время» предлагается рядъ санитарныхъ и гигиеническихъ мѣръ.

Раздѣлъ III. О болѣзняхъ у рогатаго скота, овецъ и свиней—описаніе болѣзней, причины ихъ и лѣченіе.

Очень цѣнную часть труда составляетъ «Подробная статистика каждой деревни кіевского округа государственныхъ имуществъ, съ приложеніемъ видовъ всякой деревни, снятыхъ съ природы, съ изображеніемъ крестьянскихъ костюмовъ всякаго общества».

Каждое село описано по опредѣленной программѣ, куда вошли приблизительно слѣдующія рубрики: число крестьянъ, классификація земли, горы, воды и ихъ качество, болота, лѣса, почва и подпочва

земли, произведенія земли, овощи, фрукты, домашнія и дикія животныя, рыбы, жилища, одежда и обувь. Виды, приложенныя къ каждому селенію, довольно неудачны, почти безъ всякой перспективы, но все таки даютъ понятіе о мѣстности, изображенія же костюмовъ каждаго крестьянскаго общества, хотя и страдаютъ отсутствіемъ рисунка, но за то воспроизводятъ съ точностью покрой платья, головныя уборы и узоры матерій и поэтому заслуживаютъ полнаго вниманія. При описаніи нѣкоторыхъ селъ помѣщены примѣчанія, въ которыхъ приводятся различныя мѣстныя преданія, извѣстія о находимыхъ древностяхъ и существующихъ памятникахъ старины. Мы приводимъ здѣсь болѣе интересныя изъ нихъ.

КІЕВСКІЙ УѢЗДЪ.

С. Хотовъ. Около селенія находится древній валъ длиною 6 верстъ.

С. Рославичи. На самой большой горѣ находится древняя крѣпость; по рассказамъ старожиловъ, она построена татарами и тамъ держали плѣнныхъ.

С. Великіе-Дмитровичи. На горѣ Замокъ находится древняя крѣпость.

Д. Старые Безрадици. На горѣ Замоквой былъ въ древнее время замокъ окруженный валами. Находится высокая могила, называемая Выкровка. На горѣ Острица есть древній редуть, а близко возлѣ ней большая могила, называемая Росконана. Подъ сією горою течетъ рѣчка Стugna, а въ 1789 г. былъ мостъ и рогатка, гдѣ стоялъ караулъ, потому что была граница между Малою Россією и Польшей.

С. Новые Безрадици. Находится около селенія 4 могилы, изъ которыхъ двѣ большія. Говорятъ старожила, что онѣ были насыпаны татарами.

М. Триполье. Отъ старожиловъ я слышалъ, что въ древнее время на горѣ Дѣвичей князь Владиміръ приказалъ построить редуты и содержалъ тамъ караулъ. Въ 1834 г. нашли въ землѣ кости мамонта. Въ 1841 г. одинъ крестьянинъ нашелъ на огородѣ одну глиняную древнюю урну съ поделомъ.

С. Витачевъ. На горѣ Городище находятся слѣды, что въ древнее время былъ городокъ и крѣпость, равно и на горѣ Замоквой виденъ большой валъ.

С. Халенъ. На горѣ Жолнировкѣ находится пещера. Говорятъ, что въ древнее время на ней стояли солдаты противъ татаръ и что на горѣ Острица стоялъ русскій редуть 70 лѣтъ назадъ противъ поляковъ.

С. Щучинка. На горѣ Сырогоніевца есть большая могила и древняя крѣпость, а на горѣ Шибиница, по рассказамъ старожиловъ, въ древнее время стояла висѣлица.

С. Черняховъ. Находится на горѣ Замоквичи древній замокъ и валы. Въ 1830 г. крестьянинъ Тимофей Пашенко нашелъ на сей горѣ, на 2-хъ аршинной глубинѣ, кости человѣка и лошади, а также стремена, узду желѣзныя и 20 мѣдныхъ копій.

С. Веремъ. Около селенія находится три большія могилы, изъ которыхъ одна называется Стороженая.

Д. Новоселица. Около деревни находятся 5 могилъ, изъ нихъ одна называется Довга.

М. Обуховъ. На горѣ Городецъ находится древняя крѣпость и пещеры. Около *м. Обухова* находятся 4 большія могилы, названіе коихъ: 1-я Кипитшевская, 2-ая—Куликова, 3-ья—Буртова, 4-ая—Могиланской городецъ; на сей послѣдней, по разсказамъ старожиловъ, была во ... лѣтъ тому назадъ граница польская и на ней стояли польскіе объѣзжички.

С. Великая Бузавка. Находится около сего селенія древняя крѣпость круглая, называемая Городецъ, которая имѣетъ въ ширину 60 сажени, посреди ея вымощено кирпичемъ въ 3 аршина глубины, около ней течетъ рѣчка Устья. На горѣ, гдѣ церковь, находятся древніе валы и редуты, есть и теперь пещера, въ которой, говорятъ старожилы, во время нападеній татаръ жители хоронили свои имущества. Въ 1835 г. около плотины крестьяне нашли кости мамонта.

Слобода Копачева. Около сей слободы находится три большія могилы. Въ 1833 г. нашли въ землѣ, на аршинной глубинѣ, кости мамонта.

С. Лисинскій Скитокъ. Документы церковные доносятъ, что въ 1679 г. въ семь селеній былъ монастырь грекороссійской и возлѣ церкви погребенъ епископъ православной Захарій Корниловичъ. При церкви находится памятникъ 1667 г. рукописный, въ которомъ упоминается о чумѣ, свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ, отъ коей умерло 10,000 душъ, а также о саранчѣ.

М. Бѣлогородка. Въ 1846 г. нашли въ р. Бочалѣ древній бронзовый колоколъ.

С. Вышгородъ. Селеніе Вышгородъ есть древнее мѣсто. Около селенія между горами находятся три могилы, называемыя: 1-ая—Песчана, 2-ая—Баравень, 3-ья—Крещата.

С. Лютежъ. При селеніи видны слѣды лагера и урочище, называемое Туровщиною, гдѣ, по разсказамъ старожиловъ, въ древнее время стояли турки (?) во время нашествія Батя.

Д. Борки. Въ полуверстѣ отъ д. Борки и с. Лютежъ есть урочище, называемое Холмъ или Маслаевъ, гдѣ въ древнее время былъ городъ Маслаевъ. Изъ этого Холма была дорога до помѣщичьяго имѣнія Демидова, близъ котораго находится околѣ 100 могилъ, оставшіяся, вѣроятно, отъ нашествія татаръ, какъ говорятъ старожилы.

Хуторъ Гута (Старо-Петровск. об.). На берегу рѣки Ирпень находится древній редутъ.

РАДОМЫСЛЬСКІЙ УѢЗДЪ.

Д. Кабаны. Одинъ крестьянинъ, Иванъ Осипенко, имѣетъ 104 года.

Д. Раденка. Въ двухъ верстахъ отъ деревни находится древняя крѣпость, называемая Оряще Городище, длиною и шириною въ 125 саж., съ редутами вышиною 3 саж.

Д. Хотиновка. Около деревни Хотиновки находится могила высотой 3 саж., называемая Пудывань.

М. Рожеевъ. Около мѣстечка находится большая могила въ 4 саж., называемая Шушковка.

С. Ситняки. Около селенія находится могила вышиною въ 4 саж., называемая Семенцова. При описаніи селъ этого уѣзда помѣщенъ (на 916 стр.) интересный рисунокъ, изображающій какъ „бортники лазятъ по соснамъ для собиранія изъ бортей меда“.

ВАСИЛЬКОВСКІЙ УЎЗДЪ.

С. Черногородка. Въ этомъ селѣ находится древняя крѣпость и большой валь-

С. Кодлубина. (?) Въ полѣ находится 10 большихъ древнихъ могилъ.

С. Смириовка. На грунтѣ сей деревни находятся двѣ древніе могилы, называемыя Сторожевыя.

Д. Фастовець. Около этой деревни въ 4-хъ верстахъ находится древній курганъ высокій, называемый Перепеть, гдѣ въ 1846 г. произведены разысканія временною комиссією для отысканія древностей и актовъ, высочайше утвержденною при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Вибиковѣ.

С. Плисецкое. Находится древняя крѣпость, окруженная водою; говорятъ старожилы, что она выстроена татарами. Близъ селенія есть валь, называемый Зміевъ валь, который продолжается на 20 верстъ.

Г. Васильковъ. Находятся древнія батареи и редуты на горѣ Батареи и Соборной.

С. Ольшанка. Находятся три могилы, одна называется Дзюбина, другая Терещенкова, а третья Потапова.

С. Тростинка. Около селенія 3 могилы: Погребача, Хмилка и Вахнова.

С. Барахты. На полѣ, недалеко отъ селенія, находится огромный валь, вышиною въ 8 саж., который продолжается отъ с. Барахты до с. Ольшанки съ востока на западъ, на пространствѣ $\frac{1}{4}$ версты.

Между статистическими описаніями селъ помѣщено 15 рисунковъ костюмовъ мужчинъ и женщинъ сельскихъ обществъ кіевского, радомысльскаго и васильковскаго уѣздовъ. Рисунки эти очень интересны и единственны въ своемъ родѣ, т. к. за послѣднее время мѣстный костюмъ все больше и больше обезображивается различными пародіями на городское платье и возстановить его въ первоначальномъ видѣ дѣлается довольно затруднительнымъ.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ желаніи помочь, облегчить чѣмъ нибудь участь темнаго люда, которое проглядываетъ тамъ, гдѣ дѣло касается нуждъ мѣстнаго населенія и которое де-ла-Флисъ выразилъ въ изреченіи Ж. Ж. Руссо, поставивши его въ видѣ эпиграфа къ «Медико-топографическому описанію», именно: «Если невозможно, чтобы люди были всѣ счастливы, надо стараться сколько возможно уменьшить число несчастныхъ».

«Этнографическія описанія крестьянъ кіевской губсрніи, а въ особенности состоящихъ въ государственныхъ имуществвахъ и разные мѣстные историческіе памятники, древности и рисунки» составляютъ альбомъ въ 154 стр., также въ листъ. Матеріаль, собранный въ этой работѣ, относится къ этнографіи, исторіи и археологіи.

Этнографическій отдѣлъ наиболѣе обширный; нельзя отрицать, что многого въ немъ недостаетъ, многое составлено поверхностно и

есть кое что лишнее, но извиненіемъ могутъ служить неподготовленность автора, его единичныя силы и недостатокъ средствъ. Конечно, послѣдующія работы по мѣстной этнографіи далеко оставили за собой трудъ де-ла-Флиза, но несмотря на это, кое что изъ него можетъ еще пригодиться, въ особенности большое значеніе имѣютъ рисунки, наполняющіе этотъ отдѣлъ.

Нѣсколько документовъ, описаній замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ составляютъ небольшой исторической отдѣлъ. — Множество рисунковъ различныхъ древностей, найденныхъ въ кievской губ., съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ онѣ найдены или гдѣ находятся, древностей, въ большинствѣ случаевъ еще не описанныхъ, придаютъ археологическому отдѣлу большой интересъ. Эти три вышеназванные отдѣла не строго разграничены и поэтому, для удобства ориентировки, при передачѣ содержанія работы, мы будемъ держаться того порядка, въ какомъ слѣдуетъ одна статья за другой, не разбивая матеріаловъ по отдѣламъ. «Этнографическія описанія» начинаются статьей о физическомъ строеніи тѣла жителей кievск. губ.; различіе жителей южной части губерніи отъ жителей мѣстъ, лежащихъ выше Кіева; въ характерѣ народа авторъ замѣтилъ лѣнь, отсутствіе предприимчивости и неохоту къ промысламъ (кромѣ чумачества).

Далѣе, въ отдѣлѣ «языкъ», приводится нѣсколько особенностей въ произношеніи; различіе привѣтствій въ кievской и волинской губ.; приведены также чисто мѣстныя поговорки, напр. въ сквирскомъ и другихъ уѣздахъ говорить «хтось мокне» при пожарѣ, если кто солгалъ — «москаля идивизъ», если былъ пьянъ — «бувъ надъ чаркою» или «мовъ въ чуби», если у кого случаются крестины или похороны, то говорятъ: «вниъ мае оказію» и др.

Домашній бытъ. Описаніе крестьянскихъ жилищъ какъ въ южной, такъ и въ сѣверной части губерніи; въ этой послѣдней въ избахъ обращаетъ на себе вниманіе «бовдуръ» (труба изъ побѣленнаго холста, она спускается съ потолка, въ которомъ продѣлана дыра, внизу къ трубѣ придѣлана рѣшетка, куда вставляется лучина; труба эта служитъ также для вентилляціи). Курныя избы встрѣчаются уже рѣдко. Говоря о внутреннемъ устройствѣ жилищъ, де-ла-Флизь упоминаетъ о гостепримности мѣстнаго населенія, символомъ чего служить хлѣбъ и соль, всегда лежащія на столѣ и предлагаемыя всякому; мебели почти нѣтъ, посуда простая, но ближе къ городамъ встрѣчается фаянсовая и стеклянная; нечистотой отличаются избы радомысльскаго уѣзд.; сюда же приложены планы крестьянскихъ домовъ

съ усадьбами на одно семейство и на два, живущія вмѣстѣ, а также рисунки, изображающіе наружный видъ крестьянскихъ избъ въ кievскомъ, васильковскомъ и др. южныхъ уѣздахъ съ одной стороны и въ уѣздахъ радомыльскомъ, овручскомъ и проч. съ другой; такимъ же образомъ раздѣлены виды внутренности избъ. За описаніемъ жилищъ идетъ одѣяніе и обувь; общій очеркъ мужскаго платья (здѣсь интересенъ костюмъ жителей кievскаго Полѣсья, который, какъ намъ кажется, сохранился въ чистомъ видѣ отъ глубокой древности, въ особенности интересны кожаные пояса съ мѣдными пряжками и футлярами для ножика, огнива, кремня и губки); очень вредно вліяютъ на здоровье лапти, которые впродолженіи круглаго года составляютъ единственную обувь жителей Полѣсья. Что касается женскаго костюма, то тутъ замѣчается громадное разнообразіе въ повязываніи головы; между платьемъ интересны кофты зеленого цвѣта съ множествомъ пришитыхъ клочковъ красной шерсти, бывшія въ употребленіи въ общ. обуховскомъ, петропавловскомъ и фастовскомъ кievск. уѣзд. и, кажется, теперь уже не встрѣчающіяся; замѣчена щеголеватость костюма въ южной части губ. сравнительно съ сѣверной. Къ статьѣ объ одѣянніи и обуви относятся рисунки, въ которыхъ собраны въ группы изображенія костюмовъ крестьянъ различныхъ обществъ, помѣщенныя въ первой работѣ; въ каждую группу входитъ нѣсколько соприкасающихся между собою обществъ. Не говоря уже о той точности и тщательности, съ какою воспроизведены костюмы, нужно замѣтить, что даже и лица иногда очень типичны. Три листа рисунковъ обнимаютъ собою южную часть губерніи, по фізіономіямъ и одѣждѣ крестьянъ можно судить о сравнительномъ достаткѣ ихъ, но за то довольно грустное впечатлѣніе остается, если взглянуть на четвертую таблицу, гдѣ изображены крестьяне радомыльск. уѣзда въ ихъ оригинальныхъ суконныхъ шапкахъ, обшитыхъ шнурками; всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины въ лаптяхъ, лица у нихъ изможденныя, тулузы оборванныя, въ заплаткахъ.

О пищѣ и питъѣ: общій очеркъ, вредъ рожковъ, растущихъ на хлѣбѣ, и блекоты въ просѣ; квась не употребляется; пьянство развито. Разные обычаи: обычаи при началѣ и окончаніи полевыхъ работъ; значеніе понедѣльника; день св. Георгія, завитка, свиваніе вѣнковъ послѣ жатвы. Обычай при закладываніи дома насыпать на предполагаемомъ мѣстѣ постройки кучки ржи въ четырехъ мѣстахъ и, если рожь на другой день окажется нетронутой, то мѣсто благоприятно для постройки, если же тронута, то выбираютъ другое. Выдѣлка дегтя

и смолы сопровождается слѣдующими обрядностями: по четыремъ сторонамъ громаднаго костра, сложеннаго надъ ямой, становятся четыре работника съ зажженными факелами, а одинъ изъ рабочихъ, называемый отаманомъ, съ завязанной полотенцемъ головой съ хлѣбомъ и солью обходитъ три раза костеръ и кладетъ по четыремъ сторонамъ его по нѣсколько поклоновъ, затѣмъ вбѣгаетъ на вершину костра и становится лицомъ къ востоку, держа въ рукахъ хлѣбъ и соль, въ этотъ моментъ рабочіе зажигаютъ факелами костеръ; отаманъ стоитъ на вершинѣ сколько возможно долѣе, послѣ сбѣгаетъ внизъ и «puis les ouvriers se versent de l'eau de vie, et ils appellent se régal mogoritch». Крестьяне вѣрятъ въ возможность прекратить пожаръ посредствомъ заговора; не тушатъ пожаровъ, причиненныхъ молніей, такъ какъ считаютъ это волей Божіей. Обычай при засухѣ: святить колодцы, закапываютъ въ землю живаго рака, утверждая, что ракъ до 13 дней будетъ живъ и выпроситъ у Бога дождь, льютъ на могилу утопленника воду, если въ одномъ селѣ дождь шелъ нѣсколько разъ, а въ другомъ нѣтъ, то объясняютъ это присутствіемъ вѣдьмы. При надежѣ скота: пускаютъ кровь, посыпаютъ загонъ освященнымъ макомъ, окуриваютъ разнымъ зельемъ, заговариваютъ словами. Чтобы не впустить въ село заразу, ставятъ при вѣздѣ небольшой осиновый крестъ, тоже и при холерѣ.

Народное лѣченіе: эпидемическія болѣзни объясняются хожденіемъ страшилища, другія причины болѣзней: пристрить и данье; вѣра въ знахарокъ и знахарей.

Свадебные обряды: описаніе сговора и свадьбы въ южной части кievск. губ., приведены различные обычаи, пѣсни и припѣвы.

Украинскіе пѣсни: помѣщено 5 пѣсенъ, безъ обозначенія, гдѣ онѣ поются и отъ кого записаны; вотъ начальныя куплеты этихъ пѣсенъ:

1. Безъ заглавія.

Пишовъ я разъ на улыцю
И теперъ вже каюсь,
Любоввся у дивчнну
Що во снѣ жахаюсь.

2. «Тытяна».

Съ того часу, лѣтъ женывся,
Я николи ны журывся;
Ой чуєть Тытяна,
Чорнобрыва, кохана!

3. «Служывый».

Ой служывый, ой служывый!
Не тоби пытаты,
И я жинка ны такая,
Шобъ все розказати

4. Безъ заглавія.

Ой Зіймо, Зіймо та два мѣсяци ясны,
Ой мавдровали два козаченьки ерасам
И мандруючи съ тыха говорылы,
Соби молоду дивчнну пидмовылы.

5. «Старинная народная пѣсня украинцевъ о Мазепѣ».

Ой съ пидъ вызу, та съ пидъ Лымагу
То витеръ повивае,

Тамъ Мазепа Палія Семона
На охоту й вызывае.

Тутъ же приведена музыка пѣсенъ «Служывыи» и «Тытяи».

За пѣснами слѣдуетъ два рисунка; на первомъ изображены танцы крестьянъ кіевскаго и васильковск. уѣздовъ: въ кругѣ, составленномъ публикой и музыкантами, два «парубка» отплясываютъ козачка; на другомъ рисункѣ взятъ тотъ моментъ изъ свадьбы, когда жениха, идущаго къ невѣстѣ, встрѣчаетъ мать невѣсты съ хлѣбомъ и солью, одѣтая въ вывороченный на изнанку тулупъ (также въ васильков. уѣзд.).

Крестины; похороны, здѣсь очень интересенъ обычай, о которомъ есть упоминанія и въ нашей лѣтописи, именно, въ радомысльскомъ уѣздѣ тѣло покойника везутъ на кладбище лѣтомъ на саняхъ (дальше помѣщенъ и рисунокъ такого погребальнаго шествія), тутъ же приведено нѣсколько другихъ обычаевъ по отношенію къ покойнику и похоронамъ.

Далѣе идутъ: «примѣрный расчетъ жизненныхъ средствъ, приходящихся на крестьянское семейство», «главнѣйшія занятія крестьянъ (хлѣбопашество, огородничество и разные сельскіе промыслы)».

Народныя увеселенія: этотъ небольшой отдѣлъ начинается довольно печально: «крестьяне сей губерніи вообще не любятъ игръ и увеселеній, принятыхъ въ обыкновеніе въ другихъ мѣстахъ; самое большее ихъ удовольствіе есть быть въ бездѣйствіи или пьянствовать», затѣмъ сказано нѣсколько общихъ фразъ объ играхъ и музыкѣ. Не многосложна также и слѣдующая глава: особенности общественнаго быта крестьянъ. Умственные и нравственные способности и образованіе крестьянъ; въ общихъ чертахъ перечислены особенности характера мѣстнаго населенія, грамотность мало развита, значеніе священника, привязанность къ родинѣ (какъ примѣръ такой привязанности приводится рассказъ «стариннаго служивца», возвратившагося на родныя мѣста послѣ долгихъ странствованій).

Народныя преданія: происхожденіе Зміеваго вала—слѣдъ отъ громаднаго змія, пожиравшаго дѣтей, кузнецъ Грыцько, раскаливъ желѣзо, поднесъ змію, тотъ, думая, что это ребенокъ, проглотилъ его и издохъ. Преданіе о разбойникѣ Мамаѣ, во многихъ малороссійскихъ домахъ находятся изображенія разбойника; одно изъ нихъ и воспроизведено де-ла-Флизомъ: Мамай въ полномъ вооруженіи сидитъ подъ дубомъ, поджавши по турецки ноги, въ рукахъ у него бандура, изображенъ онъ поющимъ, подлѣ сидитъ собака, слѣва къ дереву привязанъ осѣдланый конь, справа повѣшенъ за ноги какой то чловѣкъ. Подъ изображеніемъ находятся стихи, вѣроятно, не совсѣмъ точно переданные:

Хоть на мене и дивися, то не угадаешъ
 Якъ зовуть и видкиль родомъ
 И якъ прозиваюгъ, не чычиркѣ не знаешъ.
 Коли транялось кому у стѣпахъ буваты,
 То той можетъ мое прозвѣще угадати;
 Жыдъ зъ биды за ридного батька почитае,
 А ляхва дурно мылостывымъ добродіемъ называе;
 А ты якъ хочешъ, то такъ мене называй,
 Абы лышь не ерамаромъ.

За изображеніемъ Мамаи помѣщенъ Мамаевъ дубъ, срисованный съ натуры. Дубъ этотъ находится возлѣ д. Херсонки чигиринск. уѣзда; толщиною онъ 3¹/₂ арш. при раздѣленіи вѣтвей, и, по словамъ старожиловъ, уже около ста лѣтъ безъ листьевъ. Подъ этимъ дубомъ, какъ говоритъ преданіе, Мамай дѣлалъ привалы, нѣшалъ на немъ поляковъ и жидовъ и, наконецъ, былъ самъ повѣшенъ.

Послѣ этого приводятся различныя выписки изъ историческихъ документовъ, подписи на евангеліяхъ, надписи къ иконамъ и т. п. Такъ, изъ рукописнаго памятника 1667 г., находящагося въ Скитовской церкви васильковск. у., взято повѣствованіе о моровомъ повѣтріи и саранчѣ, бывшихъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ въ 1701 г., затѣмъ помѣщена надпись на евангеліи, пожертвованномъ въ церковь м. Стаекъ запорожскими козаками Михаиломъ Жылиломъ (?) и Семеномъ Шумакомъ 1627 г. Далѣе идетъ «О селеніи Бѣлогородкѣ краткое историческое свѣдѣніе», тутъ же помѣщены рисунки двухъ колоколовъ изъ Бѣлогородки, одного съ древней славянскою надписью, другаго— латинскою, найденнаго въ р. Бочалѣ въ 1846 г. Сказаніе о Вышгородѣ; изъ рукописнаго евангелія 1699 г. вышгородской церкви, написаннаго дьякомъ Жукомъ, приводится посвященіе кіевскому полковнику Константину Мокіевскому, рисунокъ его герба и стихи подъ этимъ гербомъ. Изъ надписей подъ иконами скопированы двѣ, находящіяся въ церкви с. Лютежа кіевск. у. при иконахъ Спасителя и Богоматери. Въ заключеніе помѣщенъ послѣдній остатокъ изъ «книги глаголемой акаенсты» лаврской печати начала прошлаго вѣка, данной въ 1769 г. Сидоромъ Гречкою въ церковь с. Субботова чигирин. уѣз. Археологическій отдѣлъ состоитъ исключительно изъ рисунковъ; двѣ таблицы занимаютъ снимки съ древнихъ образковъ, найденныхъ въ кіевской губ., одну таблицу различныя драгоцѣнныя вещи: привѣски, серги, браслеты, перстни, 4 таблицы— древнее оружіе каменное, бронзовое и желѣзное; затѣмъ помѣщенъ снимокъ съ знамени малороссійскаго переяславскаго полка середины прошлаго вѣка, сохранив-

шагося въ арсеналѣ князя Воронцова въ м. Мошнахъ черкаскаго у.; за знаменемъ слѣдуетъ древняя рыцарская шпора, найденная въ 1848 г. въ м. Романовкѣ сквирск. у. Очень интересны снимки съ портретовъ Богдана Хмельницкаго и Мазепы; портретъ перваго находился въ Медвѣдовскомъ монастырѣ чигиринскаго у., а второй снятъ съ ветхаго портрета, находившагося въ монастырѣ дер. Монастырки возлѣ м. Лисянки звенигородск. у. Изъ памятниковъ зодчества мѣстнаго края находятся: церковь въ с. Субботовѣ, выстроенная Богданомъ Хмельницкимъ, внутренней видъ и планъ этой церкви, рисунки каменнаго оригинальной формы креста, возлѣ субботовской церкви и камня («менгиръ» въ доисторической археологіи) вышиною въ 10 футовъ, стоящаго на улицѣ с. Субботова; церковь, построенная въ 1830 г. княземъ Воронцовымъ въ м. Мошнахъ черкасск. у.; мошногорскій Свято-Вознесенскій монастырь; медвѣдскій Николаевскій монастырь и наконецъ «Святославова башня», выстроенная на горѣ у мошногорскаго монастыря на томъ будто бы мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ печенѣгами Святославъ, когда возвращался изъ Болгаріи. На предпослѣдней таблицѣ изображены древніи глиняныя урны изъ кievск. губ.; послѣдняя таблица занята картиной, изображающей смерть князя Потемкина.

Таково содержаніе работъ д-ра де-ла-Флиза.

Въ виду того, что у насъ не имѣется никакихъ біографическихкихъ свѣдѣній, относящихся къ личности де-ла-Флиза, желательно было бы, чтобы лица, обладающія такими, сообщили ихъ, т. е. онѣ касаются человѣка, потрудившагося по мѣрѣ силъ своихъ на пользу того края, въ которомъ ему пришлось жить и съ народомъ котораго случилось войти въ близкія сношенія.

Н. Б.

Церковная старина пирятинскаго уѣзда.

Изъ осмотровныхъ нами 15 церквей пирятинскаго уѣзда, каменныхъ только четыре (одна городская); онѣ построены въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Архитектура всѣхъ церквей можетъ быть сведена къ слѣдующимъ формамъ: круглая, овальная, крестообразная и въ видѣ продолговатаго четырехугольника. Крестообразная форма преобладаетъ въ церквахъ, построенныхъ въ прошломъ стол., овальная и круглая—въ началѣ нынѣшняго, а четырехугольная (обыкновенно совмѣстно съ колокольней)—новѣйшей архитектуры.

Церкви, существовавшія въ прошломъ ст. и началѣ нынѣшняго, отличались вообще простотою отдѣлки и дешевойною матеріала. Уже то обстоятельство, что по описямъ церквей 1827 г. ни одна церковь, построенная въ прошломъ ст., не была каменной, говоритъ въ пользу того, что дешевизна матеріала при постройкахъ была очень важна. По тѣмъ же церковнымъ описямъ всѣ храмы, даже и въ началѣ текущаго ст., покрыты досками, кромѣ главнаго «купола», крытаго желѣзомъ. Нѣкоторыя церкви (с. Зарѣчья, повстинская и др.) стояли на дубовыхъ подвалахъ, вмѣсто фундамента, и были обнесены плетнями или за простою—рвомъ. Церковь с. Кейбаловки и теперь съ двухъ сторонъ обнесена плетнемъ, а съ двухъ—рвомъ.

Кѣмъ строились церкви? Главнымъ образомъ прихожанами крестьянами и помѣщиками, если можно назвать послѣднимъ именемъ тѣхъ лицъ, которыя владѣли большими земельными участками.

Мы можемъ до нѣкоторой степени отвѣтить на вопросъ, какъ строились прежде сельскія церкви по бывшимъ у насъ въ рукахъ приходо-расходнымъ книгамъ малютинской церкви за 1758 г. Въ 1760 г. строилась колокольня въ с. Малютинцахъ. Ктиторъ (староста церковный) самъ закупаетъ дерево, доски, гвозди на деньги, собранныя съ прихожанъ, слѣдить за постройкой, «харчуетъ» работниковъ, покупая на деньги церковныя или прошенныя непременно горѣлку ¹⁾, мясо, рыбу, приварокъ. Рабочіе, смотря по надобности, набирались и изъ мѣстнаго элемента. Такъ, въ с. Алексѣевкѣ и до сихъ поръ разсказываютъ, что при постройкѣ церкви—а она, по преданію, была перенесена изъ Пирятина въ 1770-хъ гг.—работали исключительно мѣстные плотники.

Обращая далѣе вниманіе на выдающіеся остатки прежняго въ храмахъ уѣзда, отмѣтимъ прежде всего иконостасы. Они, судя по уцѣлѣвшимъ кое гдѣ и до сей поры, а также по церковнымъ описямъ,—въ XVIII ст. обыкновенно строились въ четыре яруса; по крайней мѣрѣ ни въ одной церкви, изъ осмотрѣнныхъ нами,—по описямъ—инаго иконостаса не было. Въ началѣ текущаго вѣка уже замѣтно отступленіе отъ такого правила: въ городищенской церкви, помѣщицкой постройки, иконостаса совсѣмъ нѣтъ, вмѣсто него громадныя намѣстныя иконы, надъ вратами тайная вечера, сверху крестъ. То же и въ церкви села Кулажинець.—Постройка иконостасовъ велась почти такъ, какъ постройка храмовъ: хозяйственная часть

---

¹⁾ Въ 1760 „вѣдерко“ горѣлки стоило 55 коп.

лежала на вѣторѣ, тогда какъ строительная часть, а также письмо иконъ производились рабочими мѣстныхъ мастерскихъ. Такъ, въ Пирятинѣ въ 60-хъ годахъ прошлаго ст. было нѣчто въ родѣ иконописной мастерской, которой завѣдывалъ городской козакъ Никита Квѣтницкій, именуемый въ архивныхъ бумагахъ «маляромъ». По преданію, и въ началѣ нынѣшняго ст. въ Пирятинѣ славилась мастерская Кошеваго. Иконы его работы сохранились и теперь въ церкви с. Зарѣччя, и своею грандіозностью (напр., проповѣдь Іоанна Кр. въ пустынѣ) и чистотою отдѣлки замѣтно выдѣляются изъ иконъ новѣйшаго письма.

Цѣнность иконостасовъ и прежде не была незначительна: въ 1756 году за письмо однѣхъ иконъ въ малютинскую церковь уплачено 73 р.; если принять во вниманіе матеріаль для иконостаса, его работу, провіантъ для рабочихъ—затраты на иконостасъ могли доходить до солидныхъ цифръ.

По чистотѣ, оригинальности и цѣльности иконостасъ въ церкви с. Алексѣевки долженъ скорѣе всего обратить на себя вниманіе интересующагося иконописною живописью прошлаго вѣка. Онъ начатъ въ 1768 и оконченъ въ 1777-мъ г. иконописцемъ Сорочинскимъ («полскій вроженецъ»). Къ сожалѣнію, иконостасу грозитъ уничтоженіе: въ Алексѣевкѣ думаютъ строить новую церковь; иконостасъ понизятъ, ибо онъ очень высокъ. Если это случится, погибнетъ памятникъ прежняго и съ нимъ слѣды выработаннаго вѣками стили живописи, орнаментовъ и формы устройства иконостасовъ прошлаго вѣка.

Иконы въ прошломъ ст. зачастую «надавались» въ церкви прихожанами «за отпущеніе грѣховъ». Въ нынѣшнемъ такое жертвованіе рѣдко, но нѣчто похожее на прежнюю жертву можно встрѣтить и теперь. Такъ, въ Митченкахъ на стѣнахъ храма очень топорно расписаны изображенія святыхъ. Какъ сообщалъ намъ мѣстный священникъ, изображенія эти писались на счетъ того или другаго прихожанина, которые во время богослуженій обыкновенно и молятся у «своей» иконы. Что до иконной живописи, то она иногда бываетъ своеобразна (Ессе Ното въ церкви с. Харьковецъ); въ вулажинской церкви попадаются маленькія иконы, на коихъ изображенъ символъ вѣры—по членамъ—въ лицахъ. Еще фантастичнѣе икона Распятія въ церкви с. Алексѣевки. Писавшій эту икону изображаетъ близъ распятаго Спасителя вмѣсто библейскаго сотника—малоросса. Въ длинномъ, красномъ жупавѣ стоитъ сотникъ у распятаго Спасителя съ

обнаженной головой, съ сосредоточеннымъ взглядомъ, съ благоговѣйно сложенными руками. Взглядъ его будто скорбитъ о томъ, что люди во имя зла творять такія дѣла, какъ распятіе праведника... Бритая борода, большіе усы, бритая голова, «чубъ», лихо закинутый за ухо—дополняютъ обликъ сотника-малоросса. Обшлага, стѣжка, воротъ въ жуанѣ зеленого цвѣта; нижняя одежда также зеленого цвѣта и длинна. Сапоги красные, остроконечные, такъ наз. «сапьянци». На иконахъ сверхъ датъ, обозначающихъ время жертвованія, имя жертвователя, встрѣчаются зачастую рюмованныя изліянія чувствъ и помысловъ неизвѣстныхъ авторовъ, сообразно содержанію иконы. Стихъ такихъ изліяній тяжелый, силлабическій; поэзіи мало.

Кажется, здѣсь умѣстно указать на такой обычай, наблюдаемый нами въ сс. Зарѣчьѣ, Повстинѣ, Деймановкѣ, да и вообще въ Малороссіи: если у кого разболѣтся глаза, руки, ноги или грудь, тотъ обыкновенно на жестяной, (или серебряной, смотря по средствамъ) дощечкѣ выбиваетъ изображеніе больной части тѣла; такая «привѣска», часто съ надписью, привѣшивается у намѣстной иконы. Въ с. Ржавцѣ прилуцкаго у. мы видѣли у образа чудотворной иконы Божіей Матери на серебряной пластинкѣ выбитое *сердце*. Пластинка оказалась даромъ одной игуменіи изъ сосѣдней губерніи.

По части церковной утвари и одежды соберемъ отрывочныя наши наблюденія. Чаши встрѣчаются въ церквахъ уѣзда слѣдующія. Деревянная чаша въ с. Кейбаловкѣ. Отъ времени она уже почернѣла, но еще виднѣются какіе то орнаменты въ видѣ изогнутыхъ линий, расписанныхъ красной краской. Высота чаши съ постаментомъ 4 вершка, діаметръ—2 вершка. Оловянная—тамъ же, такая же. Что до серебряныхъ чашъ, то онѣ встрѣчаются очень часто и относятся главнымъ образомъ къ половинѣ прошлаго стол. Укажемъ для примѣра на большую серебряную чашу въ церкви с. Малютинецъ, «наданную» паномъ Тихоновичемъ.

Достойны вниманія изъ церковной утвари на престольные кресты, уцѣлѣвшіе въ церквахъ сс. Кулажинецъ и Каплинецъ. Крестъ храма въ с. Каплинцахъ (оловянный) по отчетливости барельефныхъ изображеній распятія Спасителя, женъ мироносицъ и т. под. и изящности узорчатыхъ украшеній могъ бы быть интереснымъ и для церковно-археологическаго музея. Упомянемъ еще охраняющихся въ деймановской церкви вѣнцахъ изъ листового желѣза. Они имѣютъ видъ круглой скобы (высота 1½ вершка; поперечникъ вѣнцовъ—4 вершка) съ квадратной пластинкой надъ скобой спереди; на этой пластинкѣ

до нижняго обода скобы изображенъ Спаситель со скипетромъ и державой въ рукахъ. У верхняго обода вѣнцовъ расписано ломанной линіей нѣчто въ родѣ зубцовъ короны.

Матеріаль для церковныхъ одеждъ въ XVIII ст. обыкновенно былъ: парча, атласъ, парусина, полотно. Ризы шились изъ парчи, атласа и парусины, изъ полотна шились по преимуществу подризники, которыхъ и теперь почти въ каждой церкви по нѣскольку; подолъ такихъ подризниковъ расшивался красной бумагой, шелкомъ, иногда и золотомъ. Расшивались всевозможныхъ видовъ листья и цвѣты.

По приходорасходнымъ книгамъ городищенской церкви (начала текущаго ст.) опредѣляется стоимость ризъ такимъ образомъ. Матеріаль купленъ въ «пирятинскому ярмонки», шитье производилось въ Пирятинѣ же (50 к. за пару ризъ); израсходовано всего 22 р. 50 к.

Укажемъ на нѣкоторыя ризы, хранящіяся въ церквахъ I-го благочинія. Такъ наз. *запорожскія* въ малютинской церкви. Изъ нихъ уцѣлѣли одни оплечья. Запорожскими названы потому, что подарены, по преданію, въ церковь запорожцами, при чемъ, будто, сдѣланы изъ твани, награбленной въ Константинополѣ. Оплечье ризъ шелковое желтаго цвѣта съ голубыми и зелеными цвѣтами,—нѣчто въ родѣ розъ. Листья цвѣтовъ затканы серебромъ.

Особенно интересны ризы въ пирятинской соборной церкви, подаренныя полковникомъ Леонтіемъ Свѣчкой († 1699 г.). Онѣ теперь реставрированы, но сохранились замѣчательныя изображенія святыхъ на оплечьяхъ, шитыя серебромъ. На оплечьяхъ первыхъ ризъ изображено положеніе Спасителя во гробѣ. Лики Спасителя, трехъ ангеловъ и учениковъ Спасителя разрисованы, корпуса вышиты серебромъ. Рисунки исполнены мастерски. На вторыхъ ризахъ изображены: Спаситель въ архіерейскомъ облаченіи, воссѣдающій на тронѣ съ предстоящими Божіей Матерью и Іоанномъ Крестителемъ, на передней сторонѣ оплечья—Покровъ пр. Богородицы. Наконецъ на такъ называемыхъ настоятельскихъ ризахъ, на оплечьяхъ подъ вышитымъ серебромъ изображеніемъ Преображенія Господня съ предстоящими апостолами и Божіей Матерью—надпись: «се справилъ п. Леонтіій Свѣчка жоною своею Домникією».

Характерна также вышивка, подаренная будто бы Петромъ В. Леонтію Свѣчкѣ на кафтанъ, хранящаяся теперь на накрестольной одеждѣ въ городищенской церкви, какъ образецъ узорчатыхъ тваней конца XVII в.

Остается еще сказать о церковныхъ книгахъ, хранящихся и теперь въ районѣ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Судя по уцѣлѣвшимъ книгамъ, а также церковнымъ описямъ, прежде (не далѣе конца XVII в.) богослужебныя книги съ особымъ желаніемъ приносились въ даръ церкви ея прихожанами. Даръ такой увѣковѣчивался надписями жертвователя по листамъ книги со всевозможными угрозами тому, кто бы осмѣлился «отдалить» отъ церкви жертву.

Евангелія и другія богослужебныя книги встрѣчаются: львовской печати (XVII ст.), лаврской печати (конецъ XVII и нач. XVIII ст.) и московской печати (конецъ XVIII ст.); богослужебныя книги встрѣчаются еще св. троицкаго монастыря и почаевской лавры. Наружный видъ книгъ почти тотъ же, что и теперь. На нихъ часто встрѣчаются барельефныя изображенія св. евангелистовъ изъ олова.

Перечислимъ видѣнныя нами древнія книги.

1) «Евангеліонъ, сиречь благовѣстіе боговдохновенныхъ евангелистъ. Благовословіемъ святѣйшихъ четверо престолныхъ патріархъ, тщаніемъ же иждивеніемъ Братства львовскаго ставропигіоннаго; въ лѣто отъ созданія міра 7178, а отъ Рж. Хрва 1690». Хранится въ церкви м. Городища. По листамъ евангелія такая надпись:

„Я, Леонтій Назаровичъ Свѣчка, полковникъ войска Его царскаго пресвѣтлаго влчства запорожскаго Дубенскій, купилемъ сию евангелие у Якова Брусилевича купца, отъ обивателя Киевскаго, за певную суму одинадцать копъ до храму Благовищенія престои Бца, стоячуе в селѣ Усовцѣ, за отпушеніе грѣховъ моихъ. Варую претомъ, аби нѣхто з близкихъ, такъ тежъ з далевихъ кривнихъ моихъ не важился отдавати оное книги отъ церкви Усовское Благовищенское прстои Бци, под провлятенъ стихъ оцъ. А куплена року 1694“.

2) Евангеліе львовской печати. Хранится въ м. Городищѣ. По листамъ надпись:

„Сию книгу, благовѣстіе святыхъ Апостолъ Евангелистъ, купилемъ я, Леонтій Свѣчка, полковникъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго Дубенскій, за суму готовыхъ грошей копъ за одинадцать у отца Евстафія, священника перемолчанскаго спод Прилуки, року тисача шесть сотъ девятсятаго мсца априла дня до дому своего. И ежели графится до походу военного идучи, *брати з собою до церкви войсковои*. А неповиненъ нѣхто втручатися в сию книгу, бо я купилъ за власние свои гроши року и дня вишнаписанного“.

3) «Триодіонъ, сие есть триѣснець св. великои четыредесачничи отъ Еллинскаго изслѣдованія, Благовословіемъ же и повелѣніемъ преподобнаго в Вѣѣ его милости господина отца Іосифа Трызны, архимандриты печерскаго» и т. д. 1648 г. Хранится въ церкви с. Харьковецъ. Въ этой книгѣ любопытенъ гербъ Трызны (наиболѣе ценный клѣйноть Ясне Велможныхъ, Велможныхъ, висоце урожо-

ныхъ ихъ милостей пánовъ Трызновъ) со слѣдующей напечатанной эпиграммой:

„Трызнанская дилія за столки в Сеняти,
И поля марсовые, язь ся даєть знати.
Барзѣй собѣ на тотъ часъ мѣстце улюбила,
В огородку прковномъ бы снать пошлюбила
Себе Паннѣ Прчтой: а Ей ку оздобѣ,
Досталася на Вѣнецъ Пааненской особѣ“.—

4) Требникъ для церковнаго обихода, въ почаевской типографіи 1771 года.

Наконецъ, скажемъ два слова объ архивахъ при церквахъ, осмотрѣнныхъ нами. Въ нихъ если есть что цѣннаго,—это указы прошлаго ст., рассылаемые изъ кіевской дух. консисторіи; по нимъ можно прослѣдить внѣшнія условія быта сельскаго духовенства. Исповѣдныя росписи интересны въ томъ отношеніи, что способствуютъ изученію сословныхъ группъ деревни; а кое гдѣ встрѣчающіяся метрики, приходо-расходныя книги, описи церковныхъ имуществъ 1827 г.—указываютъ на ту или иную сторону прежней жизни церкви и ея прихода только за минувшее столѣтіе. Въ церковныхъ описяхъ попадаются копіи доказательствъ на церковные земельные участки. Достойны вниманія архивы при малютинской и повстинской церквахъ. Остается пожелать, чтобъ болѣе или менѣе цѣнные памятники церковной старины поступали въ музей, чтобъ побольше обращалось вниманія и приводилось въ извѣстность все сколько нибудь носящее на себѣ остатки и слѣды прошлаго.

Ап. Залѣсскій.

Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника ¹⁾.

Року 1712 (дл.) мѣсяца генваря 11.

По злѣцению іасне велможного его милости пана гетмана передъ судомъ войсковымъ енеральнымъ слухана была справа и заводъ п. сотника новомѣлнського из отцемъ намѣстникомъ тожь новомѣлнскимъ.

1 пунктъ подалъ п. сотникъ на отца намѣстника будто вота чорного самъ из молодикомъ школьникомъ убылъ и обдерши до шапки на шкурку себѣ обернулъ, свѣдки ставиль.

¹⁾ Руманц. Музей. Арх. Маркевича, № 350.

Отвѣтоваль на тое отецъ намѣстникъ, же то мовыть неправда, і я готовъ сумленнемъ своимъ отвестисіа.

2 пунктъ. Будто о. намѣстникъ вдовѣ Володковнѣ сусѣдци своей дытину вробылъ и зослалъ до поиа швагра своего в село Плиску.

Отвѣтоваль намѣстникъ: неправда, мовить, то. Я готовъ сумленнемъ отвестисіа или свѣдковъ поставити, на що п. согникъ мѣлъ свѣтками поставити Івана Редку и Володка, отца той молодежи.

3 пунктъ. Іако бы о. намѣстникъ, отнявши у своего парафіянина Уласа Галушки жону, болшь тыждня в дому своемъ держалъ.

Отвѣтоваль о. намѣстникъ: о той бѣлоклови, яка в дому моемъ была честно, знаетъ о. протопопа борзенскій от которого мнѣ в духовенствѣ напомъ злѣцене таковое было.

4 пунктъ, же на свѣтлїй день Воскресенія Христова, вибѣгши у вечернѣ з олтаря в стихари на крилось, Алексїи Демьяненка побылъ.

Отвѣтоваль о. намѣстникъ: правда, мовить, же я сказалъ Алексѣю: нащо церковное окно выбыль? а Алексїй почалъ мене зневажати, лаяти. Я ему казалъ съ церкви вийти.

5 пунктъ. Черница все лѣто сее прошлое, скинувши габыть и взявши на себѣ одежду свѣтлую, ходитъ берегомъ в домъ о. намѣстника и ночуетъ тамъ.

Отвѣтоваль о. намѣстникъ: то, мовить, неправда; если оная черница хочъ разъ ночовала, то за тое готовъ сумленнемъ іерейскимъ поправити. Тилко случилось еднago часу на торгу купилемъ черницкую расу за рубли, и не зналемъ, чия то раса.

Сообщилъ И. А. Л—ко.

Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ.

Про бывшаго курскаго губернатора генераль-лейтенанта Дена ходитъ и теиерь много разсказовъ. Старожилы помнать то время, когда правительственная власть принялась безпощадно искоренять злоупотребленія, и Денъ является однимъ изъ типичныхъ образовъ того времени.

Онъ страстно, иногда до утрировки, взялся прослѣдовать взятки и искоренять мошенничество.

Разсказываютъ такой случай. Ожидали Дена въ одинъ уѣздный городъ. Ожидали, разумѣется, съ торжествомъ и блескомъ. Всѣ чиновники облеклись въ мундиры и регалии; кушечество приготовило

хлѣбъ—соль; полиція осмотрѣла мосты, дороги, улицы, заборы и съ утра до поздней ночи бодрствовала. Слова «ѣдетъ Денъ», какъ электрическая искра дѣйствовали на организмы уѣзднаго чиновничества. Денъ долженъ былъ прибыть на приготовленную для него лучшую квартиру въ городѣ; предводитель дворянства пріѣхалъ встрѣтить губернатора и пригласить его къ себѣ; думали, конечно, что Денъ пріѣдетъ въ шестимѣстной каретѣ на обывательскомъ восьмерикѣ, съ фельдъегерами впереди, съ тарантасомъ, набитымъ чиновниками—ревизорами позади. На городскомъ шоссе при вѣздѣ въ городъ стоялъ кварталный надзиратель съ двумя десятскими, чтобы немедленно, какъ только завидитъ на горизонтѣ губернаторскій экипажъ, бѣжать сообщить исправнику, которому уже была готова вырѣженная тройка, чтобы тотчасъ летѣть на встрѣчу грозному правителю. Но прошелъ день, и Дена нѣтъ; насталъ другой—и все таки нѣтъ. Полиція—въ напряженномъ состояніи, другіе чины—тоже. А тутъ еще, какъ на бѣду, въ одномъ изъ кабаковъ произошелъ скандальчикъ. Набуянилъ какой то проходимецъ. Невзвѣстно, какъ онъ пробрался въ кабакъ, какъ смѣлъ ему цѣловальникъ водку продавать, словомъ—«проглядѣли». Разумѣется, съ этимъ буяномъ не поцеремонились. Помощникъ частнаго уже взялъ его за шиворотъ и хотѣлъ упрягать, но этотъ буянъ оказался малымъ бывалымъ: онъ предложилъ кварталному трехрублевку, и кварталный отпустилъ его на всѣ четыре стороны, сказавши: «Ну, чортъ съ тобой!.. Въ другой разъ не попадайся! Проѣдетъ губернаторъ, тогда безобразничай сколько угодно!»... Трехрублевку онъ спряталъ въ карманъ, а подозрительнаго человѣка отпустилъ.

На другой день поутру вдругъ разносится роковая вѣсть, что губернаторъ пріѣхалъ въ ночь, и исправникъ приказалъ полиціи быть на лицо въ губернаторской квартирѣ. Столпились всѣ въ пріемной и ожидаютъ появленія губернатора.

Вотъ дверь открылась, и на порогѣ предстала фигура Дена. Квартальному показалось почему то лицо его очень знакомымъ.

— Что за дивовольщина, думаетъ онъ: вотъ совпаденіе то!..

Денъ, быстро окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, оставилъ свой быстрый взглядъ на этомъ кварталномъ.

У кварталнаго душа ушла въ пятки.

— Пожалуйте сюда... позвать его Денъ.

Квартальный подошелъ и вытянулся.

— Деньги съ вами? спрашиваетъ губернаторъ.

Присутствующіе рѣшительно не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Квартальный блѣднѣетъ и молчитъ.

— Я спрашиваю, съ вами деньги? повторяетъ День.

— Со мною-съ, ваше—ство... едва выговариваетъ квартальный и дрожить, какъ листъ.

— Позвольте три рубли..

Квартальный вынимаетъ три рубли и подаетъ Дену. День прачетъ три рубля въ карманъ и совершенно спокойно, указывая квартальному на дверь, говоритъ: «пошелъ вонъ».

Квартальный исчезаетъ, и День, обратившись къ исправнику и мотнувъ головой по направленію ушедшаго, проговорилъ: «прогнать».

Такимъ образомъ, подозрительный человѣкъ, съ котораго квартальный сорвалъ три рубли и который шумѣлъ въ кабаѣ, оказался переодѣтымъ губернаторомъ.

А вотъ другой случай.

День, проѣзжая по площади одного уѣзднаго города въ сопровожденіи исправника и становыхъ, замѣтилъ, что площадь покрыта вся липкой грязью.

— Отчего не принято никакихъ мѣръ къ осушенію? спрашиваетъ День исправника.

— Ваше ц—ство, почва твердая... это отъ вчерашняго дождя... Здѣсь даже ходить можно.

Дѣло было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

— А,—ну пройдемте...

День былъ въ ботфортахъ, а исправникъ въ полусапожкахъ. И вотъ, два путешественника принялись измѣрять площадь.

Разумѣется, и тотъ и другой влѣзли по колѣна въ грязь. Исправникъ очутился въ самомъ комическомъ положеніи. Онъ едва вытаскивалъ изъ липкой глинистой почвы, превратившейся въ густое мѣсиво, свои погибшіе полусапожки. О брюкахъ и говорить нечего: они буквально были облѣплены грязью. День замѣтилъ смущеніе исправника и, когда площадь была пройдена, иронически улыбнулся, посмотрѣлъ на ноги исправника и проговорилъ: «ну, нѣтъ-съ. Я бы на вашемъ мѣстѣ не рисковалъ здѣсь прогуливаться!»

Рассказываютъ, что въ семейной жизни День былъ человѣкъ тяжелый и вспыльчивый, взбалмошный. Его вспышки иногда выражались и въ пріемахъ у себя обывателей.

Представлялся ему какъ то заѣзжій дворянинъ. День его совершенно не зналъ. Выходить въ приемную, смотреть — незнакомый господинъ во фракъ, перчаткахъ, бѣломъ галстухѣ.

— Чѣмъ могу служить? спрашиваетъ его День.

— Такой то-съ... имѣю честь представиться вашему п—ству.

День откланялся и предложилъ ему стулъ. Галантный господинъ поблагодарилъ, но не сѣлъ. День усѣлся и началъ курить.

— Чѣмъ изволите заниматься? началъ разговоръ День.

— Ничѣмъ, ваше п—ство...

— Какъ ничѣмъ?

— Такъ-съ... ничѣмъ-съ... имѣю состояніе... не нуждаюсь...

— Садитесь пожалуйста... опять предложилъ День.

Гость раскланяется и опять не садится.

— Такъ таки нечего и не дѣлаете?

— Ровно ничего, ваше п—ство... У меня хорошее состояніе... Я ни въ чемъ не нуждаюсь... Слава Богу, избавленъ былъ отъ необходимости утруждать себя службой и наукой...

— Вотъ какъ!... замѣтилъ День и опять проговорилъ: да садитесь же!..

Въ голосѣ Дена звучала уже нотка раздраженія. Ничего недѣлатель поклонился, но не сѣлъ. День вышелъ изъ себя.

— Да садитесь же, чортъ васъ возьми! вскричалъ онъ и швырнулъ ногою кресло, которое предлагалъ гостю. Гость сконфузился и отъ испуга поблагодарилъ. День это замѣтилъ, понизилъ тонъ и проговорилъ уже спокойно: «Садитесь, прошу васъ; не заставляйте повторять десять разъ одно и то же; вы знаете, что въ наше либеральное время намъ приказано всякую дрянъ сажать въ кресла!»...

Господинъ не могъ далѣе противиться и сѣлъ...

По рассказамъ бывшихъ сослуживцевъ Дена, онъ представлялся человѣкомъ высокой нравственности, съ характеромъ добрымъ, но всыльчивымъ и крайне эксцентричнымъ. Существуетъ множество анекдотовъ и курьезовъ, имѣвшихъ мѣсто въ продолженіе его административной дѣятельности. За достовѣрность ихъ воишь можно поручиться, такъ какъ они подтверждаются многими лицами, близко стоявшими къ этому губернатору—оригиналу. Свѣтлая сторона его дѣятельности заключается въ неусыпныхъ, энергичныхъ гоненіяхъ взяточничества, пустившаго глубокіе корни главнымъ образомъ въ нѣдрахъ откупной системы. Поэтому вся сила губернаторскаго гоненія обрушилась на чиновъ существовавшего въ то время питейнаго отдѣленія казенной палаты и другвхъ лицъ, почему либо причастныхъ къ откупному дѣлу.

Разсказываютъ, что бывшій въ то время совѣтникъ питейнаго отдѣленія даже удавился отъ страха преслѣдованія Дена. Другое же лицо купческаго званія бѣжало изъ Курска при довольно романической обстановкѣ: спрятавшись не то въ возу съ сѣномъ, не то въ пустой бочкѣ,—въ такомъ видѣ купецъ и выѣхалъ въ Москву, гдѣ проживалъ инкогнито до тѣхъ поръ, пока Денъ не былъ переведенъ изъ Курска.

Очень многіе эпизоды жизни и дѣятельности Дена носятъ юмористическій характеръ.

Кому только неизвѣстно курьезное путешествіе губернатора на извозникѣ за поисками чорта. Денъ, чѣмъ то сильно раздраженный, вышелъ на улицу. Пройдя нѣсколько переулковъ отъ своего дома, онъ крикнулъ извозника. На вопросъ послѣдняго: «куда везти?» губернаторъ грозно крикнулъ: «къ чорту!» Испуганный извозникъ долго и безуспѣшно искалъ чорта и наконецъ привезъ своего сѣдока къ губернаторскому дому.

— Такъ вотъ гдѣ по твоему чертъ, сказалъ Денъ и, размѣившись, далъ извознику 3 руб.

Другіе же эпизоды носятъ трагическій характеръ. Напр., разсказываютъ, что однажды жертвою вспыхнушаго губернаторскаго гнѣва чуть было не сдѣлался одинъ становой приставъ, котораго за безпорядокъ при переправѣ черезъ рѣку во время путешествія по уѣздамъ Денъ приказалъ сторяча утопить. Къ счастью, гнѣвъ губернатора скоро остылъ, и это приказаніе было отмѣнено, не будучи еще окончательно приведено въ исполненіе, хотя при этомъ бѣдному приставу пришлось таки искупаться въ холодной водѣ (дѣло было осенью). Но за то онъ получилъ отъ Дена подарокъ—100 руб. и затѣмъ всегда пользовался губернаторскими милостями и слылъ у него подъ именемъ «крестника».

Большинство распоряженій и резолюцій, дѣлаемыхъ Деномъ на бумагахъ, проникнуты истиннымъ остроуміемъ и выражаютъ мысли хотя и неожиданныя и иногда нѣсколько парадоксальныя, но большей частью разумныя и весьма полезныя для даннаго дѣла.

Вообще, за весьма немногими исключеніями, личность бывшаго губернатора оставила въ сердцахъ его сослуживцевъ теплыя, искреннія чувства, вызванныя главнымъ образомъ тѣми качествами, которыми всегда отличался покойный, какъ напр., великодушіемъ, справедливостью и страстною ненавистью ко всему незаконному и безчестному.

Этихъ качествъ исполнѣ достаточно, чтобы искупить тѣ немногіе недостатки покойнаго, о которыхъ, къ сожалѣнію, существуютъ въ обществѣ преувеличенныя представленія.

Сообщилъ П. В. Дворжеціи-Богдановичъ.

Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 года.

Исполнившееся двадцатипятилѣтіе со времени польскаго возстанія 1863 года напомнило мнѣ нѣсколько мелкихъ фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ я самъ былъ тогда, въ дни своей юности, или о которыхъ знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Думаю, что они могутъ имѣть и общій интересъ.

Мѣсто дѣйствій, о которыхъ буду говорить, городъ и крѣпость Брестъ-Литовскъ. Какъ извѣстно, этотъ городъ, древнее Берестье, упоминается въ лѣтописяхъ еще въ XII вѣкѣ, какъ небольшой удѣлъ Волинской земли; въ 1596 году въ немъ состоялся соборъ, рѣшившій введеніе церковной уніи въ западнорусскихъ областяхъ. Въ 1832 г., по усмиреніи польскаго мятежа, императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ основать крѣпость на р. Бугѣ (западномъ), при впаденіи въ него р. Мухавца, какъ разъ на мѣстѣ г. Бреста, противъ мѣстечка Тересполя на сторонѣ царства польскаго, гдѣ въ случаѣ удачи возстанія поляки имѣли въ виду построить крѣпость противъ русскихъ. Для города пріобрѣтено было ближайшее (въ 2—3-хъ верстахъ) имѣніе помѣщицы Мержеевской, тамъ распланированъ городъ и туда присылались жители, дома которыхъ были скуплены казною, а на мѣстѣ стараго Бреста стали воздвигать грозные бастионы, валы, верки, казармы.. Уцѣлѣли только громадныя монастырскія зданія разныхъ католическихъ орденовъ — бернардиновъ, бернардинокъ, іезуитовъ, августиновъ, тринитаровъ, бригитокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя существуютъ до сихъ поръ, а нѣкоторыя были снесены въ шестидесятыхъ годахъ.

Населеніе Бреста состояло главнымъ образомъ изъ евреевъ, а затѣмъ мѣщанъ—въ небольшомъ числѣ католическаго вѣроисповѣданія, а преимущественно православныхъ, при чемъ семействъ до двадцати было такихъ, которыя устояли въ православіи во все время господства уніи, а остальные, вмѣстѣ съ окрестнымъ сельскимъ людомъ, оставили унію и возвратились въ православіе въ 1839 году. И мѣщане, и крестьяне брестскаго и сосѣднихъ уѣздовъ гродненской гу-

берніи чисто русскаго происхожденія, малороссы, и говорят по малорусски съ небольшимъ мѣстнымъ отгѣнкомъ. Помѣщики же и чиновники были въ то время почти исключительно поляки-католики. Когда въ 1854 г. мой отецъ былъ назначенъ приходскимъ священникомъ въ Брестъ, тамъ было всего 3—4 чиновника русскаго происхожденія: смотритель уѣзднаго дворянскаго училища Быстровъ, смѣненннй, впрочемъ, потомъ полякомъ, да два чиновника магистрата, братья А. и Н. Богатыревы. Въ городѣ не было еще даже православной церкви; приходская церковь находилась въ крѣпости, въ зданіи упраздненнаго бернардинскаго монастыря, гдѣ теперь крѣпостной клубъ. Причтъ (два священника, діаконъ и два псаломщика) жилъ въ городѣ, а для совершенія богослуженія и разныхъ требъ отправлялись въ крѣпость, священники на своихъ лошадяхъ, а остальные— по образу пѣшаго хожденія, во всякую погоду, и лѣтомъ, и зимой. Прихожане тоже по большей части ходили пѣшкомъ въ церковь, и изъ города, и изъ деревень, принадлежащихъ къ брестскому приходу. По праздничнымъ днямъ отецъ уѣзжалъ, бывало, въ крѣпость часовъ въ 6—7 утра. Послѣ обѣдни бывало много требъ, такъ какъ весь крѣпостной гарнизонъ принадлежалъ къ тому же приходу, и военной церкви не было. Не разъ случалось ѣздить въ крѣпость по два раза въ день.

Когда начался польскій мятежь 1863 г., и уже учился въ брестскомъ дворянскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ отецъ мой былъ законоучителемъ, и я ясно помню то время. Помню живо, какую панику произвело въ немъ извѣстіе о яновской рѣзнѣ и началѣ мятежа. Въ городѣ не было никакихъ войскъ, русскихъ людей было мало, всѣ боялись нападенія поляковъ на городъ, при чемъ прежде всего, разумѣется, досталось бы православному священнику. Идя по городу, отцу не разъ приходилось получать такія привѣтствія: *pop, moskał, karusniak*, произносимыя то громко, то вполголоса. Сельскіе батюшки, пріѣзжая въ городъ, часто рассказывали, что должны были по цѣлымъ суткамъ скрываться гдѣ нибудь во ржи или въ болотахъ, чтобы не быть убитыми, повѣшенными... Не разъ заходили къ намъ во дворъ какія то темныя личности, называвшіяся путешественниками, и просили чего нибудь поѣсть, или сколько нибудь денегъ, стараго платья. Замѣтивши, что понали къ русскимъ, да еще къ православному священнику, они смущались и снѣжили уйти. Мать и мы, дѣти, очень боялись ихъ прихода, особенно когда отца не было дома; намъ казалось, что они сейчасъ же насъ всѣхъ перерѣжутъ.

Каждый день приносилъ новые слухи—о новыхъ шайкахъ, хотя подъ Брестомъ большихъ не было, о стичкахъ нашихъ отрядовъ съ мятежниками, то объ арестахъ, о побѣгахъ «до лису», то о дѣйствіяхъ развѣхъ шакъ, о подвигахъ т. наз. «жандармовъ-вѣшателей». Нѣкоторые русскія семейства жили въ городѣ, какъ въ лагерѣ: перевозили въ крѣпость къ знакомымъ лучшія свои вещи, даже бѣлье и платье, чтобы спасти хоть что нибудь изъ движимости въ случаѣ нападенія на городъ поляковъ, во время котораго думали спастись бѣгствомъ туда же. Слѣдственная коммиссія была завалена работою; арестантскіе казематы въ крѣпости («Бригитки») переполнены были плѣнными повстанцами. Изъ предводителей шакъ больше всего говорили о Рогинскомъ, молодомъ человѣкѣ, отличавшемся красотою и энергіей. Поляки рисовали его какимъ то героемъ. Можно представить себѣ, какой переполохъ произвелъ въ Брестѣ слухъ о томъ, что этотъ Рогинскій пытался даже ни болѣе, ни менѣе, какъ взять Брестскую крѣпость.

Прежде чѣмъ рассказать о фактѣ, вызвавшемъ этотъ переполохъ, я долженъ замѣтить, что Брестская крѣпость представлялась въ то время далеко не такой грозной, какъ теперь, не потому, чтобы была плохо вооружена, укрѣплена, а потому, что носила ужъ очень мирный, гражданскій характеръ. Входъ въ крѣпость и выходъ изъ нея, проѣздъ черезъ нее за Бугъ, въ царство польское, и обратно былъ дозволенъ всегда и всякому, и только послѣ вечерней зари, во время возстанія, крѣпостныя ворота запирались. Гарнизонъ крѣпостной былъ очень невеликъ, а въ городѣ и окрестностяхъ въ первое время возстанія войскъ вовсе не было... Однажды, въ самомъ началѣ 1863 года, поздно вечеромъ, раздался вдругъ въ крѣпости барабанный бой. По справкамъ оказалось, что бьютъ тревогу, такъ какъ поляки хотятъ брать крѣпость. Дѣйствительно, шайка Рогинскаго въ 3,000 человѣкъ пришла вечеромъ въ имѣніе Пелчицы, на правомъ берегу Буга, на сторонѣ крѣпости, отсюда перешла въ бродъ на лѣвый берегъ Буга и вошла въ длинную тѣнистую аллею, тянущуюся вдоль берега Буга противъ мѣста впаденія въ него Мухавца, предполагая по этой аллеѣ пройти на цѣпной Николаевскій мостъ и отсюда ворваться въ крѣпость. Между тѣмъ движеніе шайки было замѣчено, но не въ крѣпости, какъ можно было бы предполагать, а козаками, квартировавшими въ Тереснолѣ и находившимися въ то время въ разъѣздахъ. Одинъ изъ нихъ и далъ знать въ крѣпость на главную гауптвахту о приближеніи поляковъ, и дежурный офицеръ велѣлъ бить тревогу.

Солдатъ, какъ говорили, было очень мало, не всѣ даже были въ сборѣ, многіе были въ городѣ. На рукахъ овазалось только 30 ружей у солдатъ вивалидной команды, да и то безъ патроновъ. Начальства не было, всѣ почти офицеры, начиная съ коменданта крѣпости, были на балу въ городскомъ клубѣ. Взять крѣпость, хотя бы на самое короткое время, поляки могли вполнѣ, но пова въ крѣпости происходила тревога, Рогинскій отступилъ. О причинахъ этого отступленія рассказывали потомъ, яко бы со словъ Рогинскаго, слѣдующее. На правомъ берегу Мухавца въ крѣпости стояли тогда казенныя дрова; караульщики развели огонь, который еле теплился, а вокругъ царствовала полная тьма: ночь была темная, луны не было, небо покрыто было тучами. Пробираясь въ крѣпость по берегу Буга, Рогинскій принялъ еле замѣтныя вдаль черныя массы дровъ за колонны солдатъ и предположилъ, что въ крѣпости только и ждутъ, когда онъ войдетъ на мостъ или перейдетъ черезъ него, чтобы или перебить всѣхъ поляковъ на самомъ мосту, или ударить на него со всѣхъ сторонъ уже въ крѣпостной цитадели и захватить цѣликомъ всю его банду, или уничтожить ее. Когда же изъ крѣпости взвились три сигнальныя ракеты, Рогинскій уже не колебался и быстро отступилъ. Между тѣмъ крѣпостное начальство узнало о тревогѣ, бросивъ кто варты, кто танцы, смущенное, возвратилось изъ города въ крѣпость. Не подлежитъ сомнѣнію, что Рогинскій не могъ бы долго удержаться въ крѣпости, но ворвавшись въ нее, успѣлъ бы забрать оружіе изъ арсенала, выпустить арестантовъ, заклепать пушки, взорвать пороховые погреба... Съ этого времени въ крѣпости начались болѣе строгіе порядки, она стала вполнѣ на военное положеніе. А. Рогинскій былъ разбитъ вскорѣ и, спасаясь отъ русскихъ, былъ схваченъ крестьянами въ пружанскомъ уѣздѣ гродненской губерніи и доставленъ въ Брестъ. Какъ говорили, во время слѣдствія онъ обращалъ на себя вниманіе своею свѣтскостью, былъ приглашаемъ обѣдать къ коменданту; говорили также, что осужденный къ ссылкѣ въ Сибирь на каторгу онъ бѣжалъ съ дороги или умеръ на пути. Не знаю, правда ли это.

Наступилъ великій постъ. Отецъ пріѣзжалъ домой изъ крѣпости поздно вечеромъ и на самое короткое время днемъ. Приходъ былъ страшно великъ, нужно было ежедневно исповѣдывать массу народа. Дни проходили еще кое какъ, но по вечерамъ, до возвращенія отца, бывало страшно, томительно. Вдругъ разнеслась по городу вѣсть, что въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда всѣ православныя русскіе будутъ въ крѣпости, поляки нападутъ на городъ, а потомъ

перебьютъ всѣхъ «схизматиковъ», «москалей», когда они будутъ возвращаться изъ крѣпости послѣ заутрени въ городъ. Надо сказать, что между городомъ Брестомъ и крѣпостью лежатъ широкая равнина, версты въ двѣ длиной, ничѣмъ не застроенная и представлявшая дѣйствительно удобство для исполненія подобнаго замысла. Можно себѣ представить, что почувствовали при этомъ извѣстїи мы всѣ, зная, что отцу нельзя будетъ остаться съ нами, и что мы не можемъ даже погибнуть вмѣстѣ. Жили мы тогда на самой окраинѣ города, въ домѣ инвалиднаго капитана Аванасьева, который самъ жилъ въ крѣпости, а въ городѣ имѣлъ три дома. Когда слухъ о предполагаемомъ нападении поляковъ на городъ разнесся по городу и въ крѣпости, къ намъ прїѣхалъ недѣли за 3—4 до Пасхи хозяинъ и сказалъ матери, что въ виду разныхъ слуховъ онъ для нашей безопасности и охраны домовъ приметъ въ великую субботу изъ своей команды десятокъ человѣкъ солдатъ. Отецъ и мать отъ души благодарили за обѣщаніе, но, какъ часто бываетъ, въ рѣшительную минуту забыли о немъ. Настала, наконецъ, канунъ Пасхи. Горячо простившись съ нами, отецъ вечеромъ уѣхалъ въ крѣпость, а мать съ тремя дѣтьми осталась дома. Кучеръ уѣхалъ съ отцемъ, горничная поляка ушла въ костелъ, осталась дома изъ прислуги одна старуха кухарка. Младшіе братья мои легли спать; мать и я, разумѣется, и не думали о снѣ; какъ могли, разгоняли страшныя мысли, невольно приходившія въ голову, какъ могли, успокаивали другъ друга. Настала полночь. Мать начала молиться. Вдругъ раздался сильный стукъ въ ворота. Первая мысль, охватившая насъ обоихъ, была та, что это пришли поляки. Мать судорожно схватила меня и только сказала: «пусть убьютъ насъ вмѣстѣ». Между тѣмъ, стукъ продолжался, и все съ большей силой. Мать стала звать кухарку и велѣла ей выйти на крыльцо и спросить, кто и зачѣмъ стучитъ. Но кухарка, слыша стукъ и голоса у воротъ, стала плакать и кричать, что ее и всѣхъ насъ сейчасъ убьютъ поляки. Наконецъ, мать рѣшилась выйти сама. Выйдя на крыльцо во дворѣ, она окликнула стучавшихъ. «Это мы, матушка! присланы къ вамъ капитаномъ Аванасьевымъ!» отвѣчали за воротами. Боже мой, какаѣ была радость! Сколько мы потомъ смѣялись, что раньше никто изъ насъ не догадался, не вспомнилъ обѣщанія хозяина. Солдатиковъ мы угостили, согрѣли, и они пошли сторожить домъ, а мы благополучно дождались отца и благополучно провели праздники. Никакого нападенія на городъ не было.

Затѣмъ въ Брестъ стали прибывать войска. Появилась артиллерія, козаки; пришли въ городъ полкъ, сначала Алексопольскій, а потомъ Исковской (Кутузовскій), а въ крѣпость Брестскій, переведенный съ Кавказа. Мы вздохнули свободнѣе. Мятежъ сталъ утихать и, наконецъ, совсѣмъ прекратился.

Маршъ — свичъ.

Владиміръ - Волынское братство.

(По поводу его перваго годичнаго отчета).

На сѣверозападной окраинѣ Волыни, на границѣ Полѣсья, въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей, лежитъ у городъ Владиміръ-Волынскій съ 8 т. жителей, въ числѣ которыхъ на 100 д. православныхъ 768 д. приходится иновѣрцевъ, главнымъ образомъ евреевъ. Удаленный отъ желѣзныхъ и шосейныхъ дорогъ, городъ не славится ни торговлею, ни промыслами. Его коренное населеніе состоитъ изъ мѣщанъ земледѣльцевъ, евреевъ—мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и факторовъ, и чиновниковъ въ томъ небольшомъ числѣ, какое положено по штату незначительныхъ уѣздныхъ городовъ. Нѣтъ здѣсь ни учебныхъ заведеній (кромѣ уѣздн. училища), ни книжныхъ лавокъ, нѣтъ даже фотографіи—словомъ, ничего, что свидѣтельствовало бы о культурныхъ потребностяхъ и привычкахъ населенія. Печать вѣковой заброшенности и оскудѣнія лежитъ на этомъ забытомъ городѣ, какъ и на цѣлой округѣ его. Большинство помѣщиковъ въ уѣздѣ—поляки, живущіе замкнутою жизнью и всецѣло поглощенные заботами о томъ, какъ бы уцѣлѣть при нынѣшнемъ экономическомъ кризисѣ; русскихъ землевладѣльцевъ немного и почти всѣ—небогатые люди.

Но этотъ захудалый городъ имѣетъ блестящее прошлое. Величественныя развалины его древнихъ храмовъ, остатки замка, каждая почти пядь земли въ немъ будятъ свѣтлыя воспоминанія о тѣхъ далекихъ, невозвратныхъ временахъ, когда онъ былъ столицей громаднаго и политически могущественнаго Галицко-Владимірскаго княжества (одно время титуловавшагося даже королевствомъ) и каедральнымъ городомъ волынскихъ епископовъ, когда онъ служилъ центромъ просвѣщенія для громаднаго округа и когда въ немъ живымъ ключемъ била русская культурная жизнь. Въ XIV ст., съ прекращеніемъ дома Рюриковичей—потомковъ Даніила Галицкаго и съ

присоединеніемъ Волыни къ Литвѣ политическое и культурное значеніе Владиміра нѣсколько пало, но не уничтожилось совершенно. Онъ былъ ниведенъ на степень повѣтоваго города, но въ немъ продолжала оставаться каѳедра владимірско-брестскихъ православныхъ епископовъ, въ немъ собирались шумные сеймики, кипѣла культурная и промышленно-торговая жизнь, и онъ по прежнему оставался русскимъ городомъ съ самоуправлявшеюся мѣщанскою общиною и тинувшимъ къ нему и часто проживавшимъ въ немъ многочисленнымъ православнымъ дворянствомъ, въ числѣ котораго были представители такихъ вліятельныхъ фамилій, какъ князья Сангушки, Чарторыйскіе, Козьки, Ружинскіе, Булги, Загоровскіе и мн. др.

Отъ этихъ блестящихъ эпохъ въ современномъ Владимірѣ не осталось ничего, кромѣ щемящихъ сердце воспоминаній, да еще многочисленныхъ развалинъ и остатковъ древнихъ памятниковъ, всѣми забытыхъ и постепенно уничтожаемыхъ.

Но вотъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ изслѣдователи русской старины одинъ за другимъ стали навѣдываться въ этотъ заброшенный уголокъ, привлекаемые интересомъ къ его древностямъ. Отчасти подъ ихъ вліяніемъ, а еще болѣе, конечно, благодаря общимъ успѣхамъ историческихъ знаній, все большей распространенности ихъ въ русскомъ обществѣ и повсемѣстно пробуждающемуся вниманію и интересу къ мѣстной старинѣ,—и въ глухомъ Владимірѣ нашлись интеллигентные люди, заинтересовавшіеся исторіей родного города и оцѣнившіе значеніе сохранившихся въ немъ памятниковъ древности. Среди этихъ памятниковъ особенно выдавались величественныя развалины древняго каѳедрального собора, построеннаго въ XII ст. владиміро-волинскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Но Боже! въ какомъ ужасномъ небреженіи оказался этотъ священный памятникъ православія и древнерусскаго искусства, обращенный невѣждами въ конюшню и загонъ для скота! Самый фактъ построенія этого храма древнерусскимъ княземъ и существованія при немъ въ теченіе 4¹/₂ вѣковъ православною епископскою каѳедрою былъ извѣстенъ лишь немногимъ мѣстнымъ жителямъ, большинство же, въ томъ числѣ нѣкоторые даже представители правосл. духовенства, въ простотѣ невѣжества вѣрили недѣлю сказкѣ, будто этотъ величественный храмъ былъ построенъ какимъ то латинскимъ бискупомъ. Вотъ къ какимъ печальнымъ результатамъ иногда приводитъ школьное образованіе, совсѣмъ игнорирующее мѣстную народную жизнь и ея исторію! Не въ лучшемъ положеніи оказались и другіе памятники мѣстной правосл. старины. Остатки

храмовъ заросли бурьяномъ или расчищались подъ частныя усадьбы; иные лишь въ недавнее время оказались застроенными еврейскими домами; древніе предметы безслѣдно исчезали изъ церквей и по большей части попадали въ руки заграничныхъ евреевъ—антикваріевъ. вмѣстѣ съ вещественными памятниками въ населеніи окончательно стиралась послѣдняя память о его прошлой національной жизни, предшествовавшей польскому господству въ краѣ.

Но, повторяемъ, среди владимірцевъ были уже люди, сердце которыхъ болѣло при видѣ того, какъ мерзость заустѣнія окончательно водворялась на мѣстѣ святѣ, и стали они придумывать средства, какъ бы положить ей предѣлъ. Воспользовавшись посѣщеніемъ города новоназначеннымъ въ то время губернаторомъ и епархіальнымъ архіереемъ, имъ удалось привлечь ихъ вниманіе къ мѣстнымъ памятникамъ древности, результатомъ чего явилось образованіе въ началѣ 1886 г. особой комиссіи для историко-археологическаго изслѣдованія Мстиславова храма и выработки проекта его реставраціи. къ участию въ занятіяхъ этой комиссіи, между прочими, были приглашены профессора В. Б. Антоновичъ и А. В. Праховъ, подъ руководствомъ которыхъ въ томъ же году были произведены археологическія разысканія въ этомъ храмѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, при чемъ на окраинѣ города, въ уроч. «Старая каеэдра» были открыты низы древней каменной церкви постройки XII—XIII вв. Все это возбуждало въ мѣстномъ обществѣ небывалый интересъ къ своей старинѣ, оживило полузабытыя преданія о прошлой жизни края,—и такимъ образомъ была подготовлена благопріятная почва для учрежденія въ г. Владимірѣ Волинскомъ прав. братства, принявшаго имя основателя города—св. князя Владиміра. Инициаторомъ и душою всего этого дѣла былъ мѣстный землевладѣлецъ и предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Е. Н. Дверницкій, избранный въ декабрѣ 1887 г., при открытіи братства, его предсѣдателемъ.

Основанное на такой преимущественно историко-археологической почвѣ, Владимірское братство, на ряду съ общими всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ церковно-просвѣтительными задачами, поставило въ число специальныхъ своихъ цѣлей: а) приведеніе въ извѣстность и охраненіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ отъ дальнѣйшаго разрушенія и уничтоженія и вмѣстѣ изысканіе средствъ къ обновленію тѣхъ изъ древнихъ храмовъ, которые могутъ быть еще возстановлены, и б) ознакомленіе мѣстнаго населенія съ исторіей пра-

вославія и русской народности въ край путемъ устройства музеев, издавiя популярныхъ брошюръ и др. способами.

Такова исторiя Владимiро-Волинскаго братства. Теперь вотъ передъ нами печатный отчетъ о его дѣятельности за первый годъ его существованiя.

Прежде всего численный составъ и нескудныя матеріальныя средства юнаго братства свидѣтельствуютъ о томъ, что общество сочувственно отнеслось къ его задачамъ. Къ концу отчетнаго года братство состояло: изъ 4-хъ почетныхъ членовъ, 33 членовъ-учредителей и 172 дѣйствительныхъ членовъ. Приходъ въ теченiе гола достигъ суммы 2,536 р. 90 к., расходъ—787 р. 31 к. При этой очевидной бережливости сдѣлано, однако, весьма не мало: 1) Исправлены значительныя поврежденiя въ стѣнахъ Мстиславова храма, благодаря чему явилась возможность въ лѣтнее время по воскреснымъ днямъ отправлять здѣсь литiи по почившимъ въ немъ древнимъ волинскимъ князьямъ и епископамъ; вмѣстѣ съ этимъ братствомъ возбуждено ходатайство о разрѣшенiи повсемѣстной подписки на обновленiе храма въ его первоначальномъ стилѣ. 2) Для охраненiя отъ случайныхъ разрушенiй остатковъ другого древняго храма, открытыхъ проф. Праховымъ въ 1886 г., построена вокругъ нихъ деревянная ограда и самыя развалины прикрыты досками для защиты отъ дождя. 3) Приступлено къ обновленiю домовою епископскою церкви, существовавшей нѣкогда въ каменной пристройкѣ къ Мстиславову храму. Дѣло это, помимо археологическаго интереса, имѣетъ весьма важное значенiе для города, въ которомъ находится всего лишь 2 прих. церкви—обѣ тѣсныя и холодныя. 4) Устроена братская лавка для продажи крестиковъ, образовъ, церк. утвари, букварей, книгъ и брошюръ духовнаго содержанiя и относящихся къ исторiи края. 5) Въ июль 1888 г. устроено въ г. Владимiрѣ торжественное чествованiе въ память 900-лѣтiя крещенiя Руси, при чемъ роздано народу 3,200 экз. жизнеописанiй кн. Владимiра и 5,000 крестиковъ и образковъ. Наконецъ, 6) устроены и открыты братскiй музей и библиотека. Послѣдняя состоитъ преимущественно изъ сочиненiй, относящихся къ исторiи края. По настоящее время въ ней числится болѣе 160 книгъ и брошюръ, приобрѣтенныхъ главнымъ образомъ путемъ пожертвованiй. Крайне желательно, чтобы лица, имѣющiя избытокъ книгъ, посылали ихъ въ даръ братству, небогатыя средства котораго едва ли позволятъ приобрѣтать ихъ покупкой въ

большомъ количествѣ. Кто живаль въ глухихъ уголкахъ нашего края тотъ знаетъ, какую цѣну имѣетъ тамъ хорошая книга.

О братскомъ музеѣ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе. Помѣщается онъ въ зданіи, какъ нельзя болѣе подходящемъ: въ старинной пристройкѣ къ Мстиславоу храму, въ которой жили нѣкогда владимірскіе епископы и гдѣ издревле помѣщалась епископская школа, изъ которой возникло потомъ славившееся въ XVIII ст. базилианское училище (collegium). До нынѣ въ музеѣ собрано 68 номеровъ предметовъ, 9 рукописей и нѣсколько старопечатныхъ книгъ. Всѣ предметы—строго мѣстные. Между ними много древнихъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ Мстиславоу храмѣ, въ уроч. «Старая Каѳедра», на погостахъ Васильевской и др. церквей, не мало предметовъ старинной церковной утвари, облачений, древнихъ иконъ и т. под. Есть очень характерная картина страшнаго суда, гдѣ попадаютъ въ адъ за колдовство, за «закрутку», тѣ, «кто въ церкви дремаетъ», жиды шинкари «за квартиру неправды» и т. п.; всѣ грѣшники идутъ въ адъ пѣшкомъ, но «судью неправеднаго» черти везутъ въ каретѣ, и онъ, повидимому, хорошо чувствуетъ себя въ этой обстановкѣ.

Изъ числа рукописей заслуживаютъ особаго вниманія евангеліе и апостоль XV—XVI в., украшенные превосходными заставками и заглавными буквами, раскрашенными золотомъ и красками,—обѣ изъ Загоровскаго монастыря; евангеліе XVI ст. изъ Будятычской церкви съ надписью почеркомъ начала нынѣшняго столѣтія: «сю книгу надобно подереть, ибо она уніятска, а теперъ надобно російскихъ»; ирмолой XVIII ст., въ которой между прочимъ находятся начальныя стихи какой то уніятской псалмы:

„Видю я на гороньку	Виситъ крпжованій.
На Калваріенку,	Мій Христе коханій!
Ажъ тамъ Панъ коханій	Хто жъ Ти завадавъ раны?...

А рядомъ—от рылокъ народной пѣсни: «Оженився Кочуріна узявъ собѣ Любку»...

Изъ старопечатныхъ книгъ—одна чрезвычайно любопытна: это напрестольное славянское евангеліе средняго формата, довольно крупной печати, къ сожалѣнію безъ выходнаго листа и потому мѣсто и время его изданія неизвѣстны; но внизу по листамъ идетъ собственно-ручная запись жертвователя о томъ, что онъ «положилъ» это евангеліе «до церкви» св. Николая (въ с. Будятычахъ) «лета 3̄0̄6̄ (7072) мѣсяца марта к̄ї̄ день», т. е. въ 1564 г. Запись эта по своимъ пале-

ографическимъ признакамъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтствія тому времени, какое въ ней означено и буквы года (7072) такъ ясно и отчетливо написаны, что иначе и прочесть ихъ нельзя. Между тѣмъ до сихъ поръ первенцемъ западно-русской печати признается Заблудовское евангеліе учительное 1569 г., первое же славянское евангеліе было издано лишь въ 1575 г. въ Вильнѣ, у бр. Мамоничей. А Будятычское евангеліе уже въ началѣ 1564 г. было пожертвовано въ церковь, слѣдовательно издано еще раньше. Признать же его изданіемъ Скорины невозможно какъ по языку (чистый славянскій языкъ), такъ равно по формату и шрифту, — въ послѣднемъ отношеніи оно болѣе всего имѣетъ сходства съ изд. Мамоничей. Предлагаемъ эту загадку вниманію историковъ западно- и южнорусскаго книгопечатанія.

Вотъ сколько полезнаго сдѣлано въ теченіе года небольшимъ кружкомъ энергичныхъ людей, съ незначительными матеріальными средствами, но съ большою любовью къ избранному дѣлу и съ вѣрою въ полезность его. Можно быть увѣреннымъ, что дѣло не ограничится достигнутымъ успѣхомъ. Лишь на дняхъ вышла въ свѣтъ прекрасно составленная предсѣдателемъ братства Е. Н. Дверницкимъ и изданная имъ въ пользу братства же весьма цѣнная брошюра «Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волинскомъ», съ которою мы надѣемся познакомить читателей въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала. Сверхъ того намъ извѣстно, что братствомъ задуманъ цѣлый рядъ такихъ же популярныхъ изданій, посвященныхъ исторіи Волыни. Отъ всей души желаемъ полного успѣха въ его благихъ начинаніяхъ. Остается также пожелать, чтобы Владимірѣ-Вол. братство скорѣе нашло себѣ подражателей и въ другихъ городахъ юго-западнаго края. Слышно, что въ Луцкѣ тоже намѣрены учредить братство. Луцкъ — такой же древній городъ какъ и Владимірѣ, и памятниковъ старины въ немъ столько же; но интеллигентныхъ людей живетъ въ немъ больше, поэтому есть основаніе предполагать, что дѣла братства пошли бы въ немъ столь же, если не болѣе, успѣшно. Слѣдуетъ только пожелать, чтобы принята была въ руководство программа Владимірскаго братства, какъ вполне рациональная и ведущая прямо къ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, распространять въ населеніи историческія свѣдѣнія о прошлой его жизни, уяснять и очищать затемненные въ немъ польско-католическимъ господствомъ древнерусскія православныя преданія и тѣмъ воспитывать

въ народѣ національное самосознаніе—не есть ли это вѣрнѣйшій и наиболее прямой путь къ той цѣли, которая именуется восстановленіемъ православія и русской народности въ юго-западномъ и западномъ краѣ?

О. Л.

Н е в р о л о г ь .

21 мая скончался на 87 году отъ рожденія предсѣдатель кievской археологической комиссіи д. т. с. Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ. Покойный съ 1840 г. состоялъ инспекторомъ казенныхъ училищъ въ Кіевѣ, а съ 1843 по 1858 годъ—помощникомъ попечителя кievскаго учебнаго округа. Въ 1857 г. М. В. Юзефовичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ кievской археографической комиссіи и занималъ эту должность до самой кончины. Во время его предсѣдательства въ трудахъ комиссіи приняли участіе выдающіеся мѣстные научные дѣятели, какъ напр. П. Д. Иванишевъ, В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и мн. др., которыми и было издано множество драгоценныхъ матеріаловъ по исторіи южной Россіи. Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Кievской Старины» редакція постарается дать подробный очеркъ дѣятельности комиссіи за время предсѣдательства покойнаго.

Д л я с п р а в о к ь .

Въ 1872 году по случаю столѣтней годовщины дня рожденія Василя Назаровича Каразина, столь много потрудившагося для основанія университета въ Харьковѣ, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, по инициативѣ извѣстнаго писателя Григорія Петровича Данилевскаго, рѣшилъ обратиться къ высшему правительству съ ходатайствомъ объ открытіи повсемѣстной подписки на сооруженіе въ г. Харьковѣ памятника этому общественному дѣятелю. Прежде чѣмъ начать ходатайство объ этомъ дѣлѣ совѣтъ харьковскаго университета сообщилъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ, находящимся въ г. Харьковѣ. Эти учрежденія отнеслись сочувственно къ рѣшенію совѣта, при чемъ одно изъ нихъ, а именно—харьковское губернское земское собраніе, постановленіемъ отъ 18-го ноября 1871 года, ассигновало на памятникъ В. П. Каразину 5000 р. Независимо отъ этого, въ томъ же засѣданіи, харьковское губернское земское собраніе ассигновало 5000 р. на учрежденіе при харьковскомъ университетѣ стипендіи имени Каразина. Вслѣдствіе ходатайства харьковскаго университета, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, отъ 11 го апрѣля 1875 года, на открытіе повсемѣстной подписки на памятникъ Каразину и на учрежденіе

19*

стипендіи его имени. Правила о стипендіи имени В. Н. Каразина вслѣд за тѣмъ были выработаны совѣстно харьковскимъ университетомъ и харьковскимъ губернскимъ земствомъ, утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и стипендіи съ тѣхъ поръ ежегодно выдается.

Что касается до подписки на памятникъ, то дѣло въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сумма, пожертвованная харьковскимъ губернскимъ земствомъ, вслѣдствіе нарощенія процентами, возросла въ настоящее время приблизительно до 6500 рублей. Частныхъ пожертвованій почти не поступало. Такую скудость частныхъ пожертвованій совѣтъ харьковскаго университета объясняетъ не отсутствіемъ сочувствія въ обществѣ къ предпринятому дѣлу, а почти совершенною незнакомостью о существованіи Высочайше разрѣшенной подписки. Поэтому совѣтъ императорскаго харьковскаго университета, въ засѣданіи 31 мая 1888 года, рѣшилъ принять энергическія мѣры для распространенія въ обществѣ свѣдѣній объ этой подпискѣ и вообще для приведенія дѣла о сооруженіи памятника къ скорѣйшему и наилучшему окончанію. Съ этою цѣлю онъ рѣшилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи изъ представителей харьковскаго университета и харьковскаго губернскаго земства особаго комитета для сбора пожертвованій и предварительныхъ сношеній и распоряженій по сооруженію памятника В. Н. Каразину.

Желая однако теперь же, не дожидаясь разрѣшенія со стороны правительства ходатайства объ особомъ комитетѣ, дать болѣе быстрое движеніе дѣлу о подпискѣ на памятникъ В. Н. Каразину, совѣтъ императорскаго харьковскаго университета въ томъ же засѣданіи, 31-го мая 1888 года, постановилъ отпечатать подписные листы и разослать ихъ различнымъ лицамъ съ просьбою оказать посильное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Пожертвованія принимаются въ правленіи харьковскаго университета и въ редакціи „Кіевской Старины“. Имена жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Луцицкій И. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889. Въ 8 д., стр. 33+1 нум.

Брошюра проф. Луцицкаго посвящена разсмотрѣнію одной изъ архаическихъ формъ землевладѣнія, остатки которой уцѣлѣли мѣстами въ Малороссіи еще и до настоящаго времени, извѣстной въ памятникахъ юридическаго быта подъ именемъ владѣнія «сябровъ», иногда «сябровства». Вопросъ о формахъ владѣнія и пользованія землею въ южной Руси очень недавно еще считался рѣшеннымъ окончательно въ томъ смыслѣ, будто здѣсь издавна установилось и господствуетъ землевладѣніе исключительно личное, подворное, участковое. На самомъ дѣлѣ, это было только одностороннее предрѣшеніе вопроса, основанное на поверхностномъ наблюденіи и на черезчуръ неполномъ изученіи современныхъ поземенныхъ отношеній. Довольно указать, что владѣніе чиншевое, какъ особый видъ вещнаго права, въ сущности представляющій собою отдѣленіе гражданскаго права собственности на землю отъ соединенныхъ съ землевладѣніемъ политическихъ правъ, оставалось до недавняго времени совершенно неизвѣстнымъ русской наукѣ, и едва три года, какъ оно признано законодательствомъ, и то далеко не на всемъ пространствѣ его дѣйствительнаго распространенія. Не говоря о маловыясненномъ владѣніи чиншевиковъ бессарабскихъ, «резешей», о которыхъ есть по крайней мѣрѣ особыя постановленія, чиншевое владѣніе Новороссіи, извѣстное здѣсь подъ названіемъ «оторъ», не только совершенно игнорируется до сихъ поръ закономъ, но едва только отмѣчено въ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣткахъ, большею частью газетныхъ, и не вызвало еще ни одного серьезно-научнаго изслѣдованія.

Ближайшее ознакомленіе съ современными способами владѣнія землею въ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи, преимущественно

полтавской губерніи и бывшей слободской Украины, т. е. губерніи харьковской, показало, что участковое владѣніе здѣсь вовсе не исключительно, что и теперь еще существуетъ и общинное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ относительно всѣхъ вообще земель, въ другихъ оно примѣняется только къ нѣкоторымъ видамъ угодій. Едва начавшееся изученіе и обнародованіе документовъ сравнительно недавняго прошлаго, частью XVII, а болѣе XVIII в., обнаружило, что общинное землевладѣніе было въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи формою преобладающею. И все еще совершенно не выясненъ вопросъ, въ какой мѣрѣ и въ какихъ мѣстностяхъ можно допустить здѣсь переживаніе и преемственность поземельной общины, какъ учрежденія болѣе древней эпохи, а гдѣ оно составляетъ явленіе позднѣйшее, вторичное, возникшее уже на почвѣ «займанщины», когда она совершалась не отдѣльнымъ лицомъ, а административно-юридическою единицею, во время массовой колонизаціи днѣпровскаго лѣвобережья съ пятидесятихъ годовъ XVII столѣтія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинное пользованіе, примѣняемое только къ специальнымъ видамъ угодій, притомъ не съ передѣломъ участковъ, а съ общимъ трудомъ и раздѣломъ собраннаго продукта (заливные луга, болотные сѣнокосы, лозовыя заросли, камышовыя плавни и т. под.), строго обусловлено характеромъ мѣстности, а время и способъ его возникновенія и дальнѣйшихъ модификацій для каждаго отдѣльнаго случая могутъ быть совершенно различны и должны быть каждый по возможности разъ выяснены особо. Есть, наконецъ, несомнѣнные, строго констатированные факты, что общинное владѣніе, съ передѣломъ всѣхъ земель, кромѣ усадебъ, возникло едва на нашихъ глазахъ, всего какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, что не исключаетъ нисколько существованія здѣсь этого владѣнія, хотя быть можетъ въ совсѣмъ пныхъ формахъ, въ эпохи болѣе раннія, причемъ оно могло переходить изъ общиннаго въ личное и обратно, и не одинъ, а даже по нѣскольку разъ ¹⁾).

¹⁾ У насъ были въ рукахъ официально завѣренныя копіи общественныхъ приговоровъ казенныхъ крестьянъ с. Иванькова и сосѣднихъ селъ иваньковской же волости, въ сѣверо-восточной части переяславскаго уѣзда, о передѣлѣ земель по душамъ. Приговоръ составленъ въ 1879 году, въ періодъ выдачи каз. крестьянамъ владѣнныхъ записей. О существованіи здѣсь общиннаго владѣнія и передѣловъ когда либо равнѣе у жителей не сохранилось воспоминанія, такъ что если и допустить его, то во всякомъ случаѣ оно смѣнилось подворнымъ очень давно, и къ 1879 г. неравномѣрность участковъ достигла поразительныхъ размѣровъ: въ рукахъ отдѣльныхъ семействъ сосредоточились владѣнія въ 90 и болѣе десятинъ, тогда какъ у

Необходимо отмѣтить, что если не самыя первыя указанія на существованіе въ южной Россіи общиннаго владѣнія, то установленіе этого факта впервые на документальныхъ данныхъ для прошлой и современной Малороссіи, принадлежатъ въ наибольшей степени г. Лучицкому. Изъ сказаннаго выше объ этой формѣ владѣнія видно между прочимъ, что относящіеся сюда случаи крайне разнообразны по времени происхожденія и по характеру, такъ что общая для всѣхъ ихъ теоретическая формула совершенно невозможна, а частныя формулы, въ неизвѣстномъ еще количествѣ, могутъ быть установлены только послѣ долгихъ и мелочныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ. Въ новой своей работѣ г. Лучицкій дѣлаетъ указаніе на строй землевладѣнія, отличающійся и отъ общиннаго, и отъ личнаго, не по формѣ только, но типически, такъ какъ основной принципъ его совсѣмъ иной, чѣмъ въ томъ и въ другомъ. Конечно, эта первая попытка изслѣдованія «сябриннаго» владѣнія, по одной уже недостаточности матеріала, едва ли можетъ дать точные отвѣты относительно происхожденія, сущности, типическихъ признаковъ и частныхъ вариантовъ «сябриннаго» владѣнія. Это очень ясно видитъ самъ авторъ, о чемъ и заявляетъ категорически.

«Въ длинной серіи вопросовъ,—говоритъ онъ съ первой же строки,—относящихся до исторіи поземельнаго строя старой Малороссіи и едва затронутыхъ наукою, вопросу о сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи посчастливилось менѣе всего». Его не коснулись до сихъ поръ ни историкъ, ни изслѣдователи и издатели матеріаловъ, въ которыхъ о немъ нерѣдко упоминается, а земскіе статистики черниговской гу-

---

многихъ остались всего елочки въ 1—1½ дес. пахати, а нѣкоторые владѣли одними только усадьбами.—Эта мѣстность, по верховьяхъ Ильтыци (Альты) и далѣе къ Трубайлу (Трубежу), несомнѣнно была заселенною еще въ княжескій періодъ; послѣ татарскихъ разореній Иванковъ, подъ именемъ Ивановичъ, упоминается уже очень рано въ XVI в., какъ поселеніе старинное; въ Хмельничину и въ послѣдующее время сюда, конечно, тоже прибыли въ большомъ числѣ выходцы изъ Заднѣпровья, а поземельная организація должна была сложиться на одинаковыхъ основаніяхъ съ болѣе южными и восточными мѣстностями,—займавшинами съ общиннымъ характеромъ. Если предположить по аналогіямъ появленіе общиннаго строя и здѣсь въ моментъ самаго заселенія мѣстности или при наплывѣ въ нее сразу массы колонистовъ, то общинный типъ владѣнія съ 1879 г. явится *четвертою* или по крайней мѣрѣ *третьею* формаціею этого типа, съ неизвѣстными пока промежуточными наслоеніями; если же признать возникновеніе его десять лѣтъ назадъ явленіемъ первичнымъ, то оно оказывается, ни юридически, ни тѣмъ болѣе исторически, не совмѣрнимъ съ общиннымъ владѣніемъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи.

бервін, гдѣ сохранились еще мѣстами остатки этой формы владѣнія ¹⁾, не только не дали ихъ точнаго и подробнаго описанія, но даже обошли полнымъ молчаніемъ. «Понятно, читаемъ далѣе, съ какими трудностями приходится имѣть дѣло при изслѣдованіи вопроса о сябрахъ и сябринномъ владѣніи», тѣмъ болѣе, что «изслѣдователю необходимо прежде всего отыскивать матеріалы, собирать по крупницамъ документы, разсыянные и въ частныхъ архивахъ, и въ архивахъ различныхъ городовъ юга Россіи, а то, что издано, даетъ о предметѣ лишь слабое представленіе». Перечисливъ затѣмъ бывшіе въ его распоряженіи матеріалы, относящіеся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ трехъ юго-западныхъ уѣздовъ черниговской губерніи ²⁾, г. Лучицкій отъ-няетъ, что «новый матеріалъ, которымъ онъ могъ располагать, слишкомъ еще недостаточенъ, чтобы можно было на основаніи его прійти къ окончательному рѣшенію вопроса, слишкомъ малъ и неполонъ, чтобы выиснить всѣ стороны разсматриваемаго явленія: на нѣкоторые частные вопросы, возбужаемые при изученіи сябриннаго владѣнія, въ немъ нѣтъ данныхъ для отвѣта».

Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла, на первомъ планѣ слѣдовало бы поставить опубликованіе самаго матеріала, по возможности исполнѣ, чтобы дать возможность и другимъ изслѣдователямъ отнестись къ нему самостоятельно, а критикѣ—провѣрить самые приемы автора при пользованіи этимъ матеріаломъ и тогда уже высказать свою оцѣнку его труда. Если г. Лучицкій находилъ по чему либо для себя неудобнымъ обнародовать свои документы отдѣльно, и вообще ранѣе основаннаго на нихъ изслѣдованія, то слѣдовало послѣдному придать большую законченность и полноту, оставивъ его при этомъ всѣми имѣвшимися въ распоряженіи автора документальными дан-

¹⁾ Они уцѣлѣли также, сколько намъ извѣстно, и въ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ боярскихъ селъ польска оvrучскаго (напр. Толкача-Лосинскіе въ с. Гладковичахъ).

²⁾ Уѣзды черниговскій, городницкій и остерскій авторъ считаетъ западной частью „Сѣверщины“ едва ли не напрасно. Это анахронизмъ: хотя начальная дѣтопись относитъ къ области сѣверянъ Посумье, конечно, въ верхнемъ теченіи рѣки, а въ XVI еще вѣкъ Сиверомъ именовались и мѣстности болѣе южныя, вообще дикое поле къ востоку отъ осѣдлаго Поддѣпровья, даже по верхней Ворсклѣ и Орели, но въ XVII в., особенно съ Андрусовскаго договора, когда югозападный уголокъ нынѣшней черниговской губерніи (т. е. уѣзды остерскій и козелецкій) вошелъ въ составъ полка кіевскаго, названіе Сѣверщины сохранилось главнымъ образомъ за стародубскимъ полкомъ, т. е. бывшимъ повѣтомъ того же имени смоленскаго воеводства и за новгородскимъ воеводствомъ черниговскаго.

ными, въ видѣ достаточно обширныхъ выдержекъ. Къ сожалѣнію, этому воспрепятствовало обстоятельство чисто случайное, именно помѣщеніе статьи первоначально въ журналъ *общаго* содержанія (она напечатана въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1889, кн. I и II). Такой способъ изданія работъ строго спеціальнаго содержанія, относящихся къ вопросу совершенно новому и основанныхъ на матеріалахъ неизданныхъ, представляетъ серьезныя неудобства. Онъ налагаетъ на автора цѣлый рядъ разнообразныхъ стѣсненій, напр., въ отношеніи объема статьи, а въ особенности необходимостью избѣгать переполненія ея сырымъ матеріаломъ, какъ бы ни былъ необходимъ послѣдній по существу дѣла: для средняго журнальнаго читателя, а слѣдовательно и для самого журнала, онъ представляетъ въ литературномъ смыслѣ только «балластъ», котораго и журналъ, и читатели одинаково избѣгаютъ. Журнальная статья требуетъ цѣльности, и это лишаетъ автора возможности остановиться на разсмотрѣніи вопросовъ, хотя и не входящихъ въ его прямую задачу, но *предварительное* рѣшеніе которыхъ существенно для нея необходимо. Журнальная статья требуетъ законченности, и авторъ, сознавая всю скудость наличнаго матеріала, его неполноту, недостаточность критической его провѣрки, даже собственное «малое знакомство съ современными остатками» изслѣдуемаго историческаго явленія,—вынужденъ тѣмъ не менѣе высказать, хотя бы въ умысленно неясной гипотетической формѣ, такіе выводы и обобщенія, право на которые отнюдь не вытекаетъ изъ имъ же самимъ очерченнаго положенія вопроса, изъ его же оцѣнки количества и качества документальныхъ данныхъ.

Основательность только что высказанныхъ соображеній мы въ настоящую минуту рельефнѣе всего можемъ подтвердить ссылкой на тѣ разнообразныя и немалочисленныя оговорки, какія г. Лучицкій счелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію. Намъ необходимо привести ихъ, чтобы опредѣлить, чего именно мы вправе отъ него ожидать и требовать, въ предѣлахъ собственныхъ обѣщаній автора, хотя его обѣщанія, т. е. опредѣленіе цѣли и задачи статьи, вслѣдствіе неизбежной коллизіи ея *научнаго содержанія*, но вмѣстѣ съ тѣмъ *журнальнаго характера*, поневолѣ дwoятся и для него самого. Въ этой статьѣ авторъ «не имѣлъ въ виду излагать всей той суммы выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ на основаніи указаннаго имъ матеріала». Цѣлью его было—«указать наиболѣе характерныя черты малорусскаго сябриннаго владѣнія, изобразить нѣкоторые наиболѣе выдающіяся стороны формъ и порядковъ его». Онъ «отлагаетъ до

другого раза рассмотрѣніе того вліянія, какое оказало на сябринное землевладѣніе развитіе крупной поземельной собственности, и тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, какимъ подвергся институтъ сябринства, приводившихъ то къ созданію подворной собственности, то, — въ меньшемъ числѣ случаевъ, — къ установленію общинныхъ порядковъ пользованія»¹⁾. Отъ рассмотрѣнія вопросовъ побочныхъ, какъ ни важны отвѣты на нихъ для главной задачи, авторъ тоже пока отказывается. «Вопросъ о сябринномъ владѣніи самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ (Sic: зачѣмъ же разрывать?) образомъ связанъ съ рядомъ вопросовъ о формахъ и характерѣ семейнаго строя старой Малороссіи, о патронимическихъ названіяхъ сель и т. п. Вопросы эти затронуты такъ же мало, какъ и вопросъ о сибрахъ, между тѣмъ автору неизбѣжно приходится касаться ихъ. Понятно (?), что онъ вынужденъ лишь намекать на факты, подтверждающіе его выводы въ этой области: приводитъ ихъ всѣ, подробно доказывать ихъ, — значило бы безъ мѣры увеличить размѣры статьи и тѣмъ нарушить гармонію цѣлаго. Онъ долженъ ставить свои выводы, лишь вскользь доказывая ихъ». Всѣмъ этимъ самоограниченіямъ автора вполне соответствуетъ и одно изъ опредѣленій имъ своей ближайшей цѣли, по этому опредѣленію болѣе публицистической, чѣмъ ученой. «Я имѣлъ въ виду, говоритъ онъ, дать лишь матеріалъ для будущихъ обобщеній, вѣрнѣе, *дать толчекъ* изслѣдованіямъ такого любопытнаго факта, какимъ является въ исторіи землевладѣнія сябринство».

Эта ближайшая практическая цѣль статьи, надѣмся, будетъ достигнута, оказываемъ ей и настоящей рецензіей посильное содѣйствіе, способствуя уясненію важности затронутыхъ въ ней вопросовъ и стараясь возбудить къ нимъ вниманіе. Впрочемъ, мы не имѣли бы повода говорить о нихъ въ данной формѣ, если бы, къ счастью, авторъ не опредѣлилъ своей задачи и болѣе положительными чертами, по отно-

¹⁾ Если г. Лучицкому извѣстны несомнѣнные факты послѣдняго рода, которые могутъ быть доказаны и установлены съ надлежащей точностью, то выдѣлять ихъ изъ рассмотрѣнія „сябринства“ по существу не находимъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ они указали бы его истинное значеніе и мѣсто въ ряду звеньевъ исторической цѣпи, какую представляетъ смѣна и эволюція формъ поземельной собственности. Они представили бы чрезвычайную важность, во первыхъ, для науки русской, опредѣляя естественный синтезъ враждебныхъ ученій о бытѣ родовомъ и о бытѣ общинномъ, и для исторіи земельного владѣнія вообще, уясняя такіа далеко неполнѣе еще объясненныя организаціи, каковы, напримѣръ, шотландскіе кланы, по составу единицы родовыя (хотя съ широкимъ допущеніемъ адопціи), а по землевладѣнію аналогичныя съ сохранившимися общинами Россіи или Индіи, въ которыхъ родовая связь совершенно

шенію къ желаемымъ прямымъ научнымъ результатамъ. Именно, онъ надѣется своимъ изслѣдованіемъ «дать болѣе или менѣе полное юридическое опредѣленіе самого института сябриннаго владѣнія въ отличіе его отъ другихъ институтовъ землевладѣнія», находя, что и на основаніи имѣющагося у него матеріала, недостатки котораго онъ самъ такъ рѣзко характеризовалъ, «теперь уже представляется возможнымъ выяснитъ нѣкоторыя черты сябриннаго землевладѣнія, какъ оно существовало въ Малороссіи, значительно пополнить тѣ данныя о немъ, которыя были въ разное время изданы, истолковать статьи о сябрахъ литовскаго статута и «Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ», изложить, наконецъ, нѣкоторыя формы пользованія сябринными угодьями». Посмотримъ, въ какой мѣрѣ авторъ выполнилъ самимъ имъ поставленную для себя задачу, при чемъ останемся въ границахъ сообщаемаго имъ матеріала и въ очерченныхъ имъ рамкахъ изслѣдованія: расширяя область послѣдняго или привнося въ нее новый неизданный еще матеріалъ¹⁾, мы вышли бы изъ предѣловъ рецензіи черезчуръ уже далеко.

Чтобы сдѣлать изложеніе болѣе яснымъ для читателей, изъ которыхъ очень многіе, навѣрно, въ первый разъ встрѣчаются съ самымъ словомъ «сябры», какъ юридическимъ терминомъ, обозначающимъ спеціальнѣйшій видъ владѣнія недвижимостью, мы должны сначала формулировать какъ можно короче (хотя и опредѣленнѣе) тѣ общіе выводы, къ какому пришелъ г. Лучицкій, и тогда уже перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію его аргументаціи.

Словомъ «сябры», извѣстнымъ въ разныхъ вариантахъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, обозначаютъ членовъ одного общаго хозяйства, пайщиковъ извѣстнаго предпріятія, даже просто сосѣдей и всѣхъ вообще однообщинниковъ. Въ такомъ же смыслѣ употреблялось оно и въ Малороссіи XVIII столѣтія, хотя не всѣ оттѣнки его значенія приведены въ извѣстность. Наболѣе близко будетъ пере-

---

отсутствуетъ. Они доказали бы намъ воочію переходъ двухъ типически различныхъ формъ и возможность ихъ сосуществованія, слѣды котораго замѣчаются въ старогерманской маркѣ, и противорѣчія которыхъ приводили иногда въ затрудненіе ея классическаго изслѣдователя, Маурера. Къ сожалѣнію, *известные* до сихъ поръ факты о владѣніи нашихъ „сябровъ“ на это не даютъ указаній.

¹⁾ Въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины“ имѣются, въ числѣ другихъ неизданныхъ документовъ, и акты, упоминающіе о владѣніи сябровъ. Но говорить о нихъ будетъ удобнѣе, когда они будутъ изданы въ полномъ видѣ, на что есть надежда въ недалекомъ бытъ можетъ будущемъ.

дать его словомъ совладѣльцы, участники общаго владѣнія. Но не каждое общее владѣніе представляетъ собою сѣбровство: только позднѣйшее распространительное примѣненіе термина привело въ употребленію его и относительно общаго владѣнія, возникающаго между людьми посторонними, на договорной почвѣ. Генетически же оно соотвѣтствуетъ только такому общему владѣнію, которое возникло путемъ наслѣдованія отъ общаго предка. Осуществляется оно не въ формѣ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія опредѣленною частью общаго имущества, а только въ формѣ полученія опредѣленной доли изъ суммы его доходовъ, и потому имѣетъ характеръ отвлеченнаго права, или, какъ выражается авторъ, характеръ идеальный. Долевое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ, при дальнѣйшемъ дробленіи, опредѣляется по праву представительства, сообразно той долѣ «идеальнаго пользованія во всѣхъ безъ исключенія угодьяхъ и земляхъ сѣброваго союза», какая причиталась ближайшему его предку, въ результатѣ всѣхъ предыдущихъ раздѣловъ этого пользованія, при распаденіи первоначальной семьи на отдѣльныя экономическія единицы. Участники общаго владѣнія могутъ переуступать свои доли, цѣликомъ или извѣстную ихъ часть, другимъ совладѣльцамъ, а постороннимъ лицамъ только съ согласія прочихъ сѣбровъ. Вслѣдствіе прогрессивнаго дробленія долей и переступокъ не конкретныхъ участковъ, а только идеальнаго долевого участія въ общемъ пользованіи, размѣры дѣйствительнаго пользованія каждаго участника могутъ быть весьма различны, но они «пропорціональны другъ другу». Каждый изъ сѣбровъ, перешло ли къ нему его право путемъ наслѣдованія или по переуступкѣ съ общаго согласія, имѣетъ право голоса въ сѣбринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій. Такимъ образомъ, по г. Лучицкому, собственно подъ словомъ сѣбрь въ болѣе раннее время разумѣлась «семья или семейная группа, имѣющая право участія въ пользованіи угодьями, принадлежащими всей совокупности родичей, въ силу кровной связи своей съ родовою группою, связи дѣйствительной или искусственной», и обладающая другими указанными здѣсь правовыми атрибутами.

Упомянувъ о распространенности слова сѣбрь не только въ Россіи, но и у другихъ славянъ, авторъ не приводитъ однако ни одного примѣра его употребленія въ другихъ языкахъ, между тѣмъ какъ указаніе значенія его въ нихъ имѣло бы не маловажное значеніе, рго или contra, для его теоріи. Исключеніе оны дѣлаетъ только для литовскаго языка, ссылаясь на одну изъ статей Маціѳовскаго въ «Рус.

Бесѣдѣ», гдѣ онъ объясняетъ слово *sebras* и комментируетъ его извѣстнымъ литовскимъ хозяйственнымъ обычаемъ, имѣющимъ юридическій характеръ, такъ какъ *sebras*, первоначально безземельный припущенникъ земледѣльца—собственника, дѣлается затѣмъ соучастникомъ въ его владѣніи. Такое превращеніе у Мацѣовскаго совершенно не мотивировано, литвинъ принимаетъ къ себѣ сябра точно изъ филантропіи, и комментарий, въ такой неточной его формѣ, самъ обличаетъ свою несостоятельность, такъ какъ этимъ путемъ невозможно опредѣлить, что именно подъ нимъ скрывается въ дѣйствительности. Но въ томъ же мѣстѣ Мацѣовскій, хорошій знатокъ современнаго и древняго русскаго языка теоретически, употребляетъ однако слово «паробокъ» въ его польскомъ значеніи, соотвѣтствующемъ этимологіи слова отъ рабъ или «роби» и его старинному употребленію въ смыслѣ потомка раба или рабыни, позже оно значитъ батракъ, наймитъ. При такомъ пониманіи комментарий Мацѣовскаго можетъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что *sebras* дѣлался таковымъ, т. е. участникомъ владѣнія, сначала поработавъ принимающему его хозяину какъ батракъ *wajkas*, и когда онъ, по испытаніи, окажется благонадежнымъ, то и получаетъ права, какими пользуются *wajkai* ¹⁾, дѣти. Мы готовы думать, что здѣсь имѣемъ дѣло съ усыновленіемъ, какъ однимъ изъ источниковъ возникновенія «сябровства». Такой фактъ не только не идетъ въ разрѣзъ съ общей теоріей г. Лучицкаго, а прямо говорилъ бы въ ея пользу, но авторъ, къ сожалѣнію, привялъ слово паробокъ, въ его польскомъ значеніи у Мацѣовскаго, за однозначачее съ малорусскимъ омонимомъ этого слова, и это лишило автора возможности отыскать руководящую нить, а комментарий М—го, въ необъясненномъ видѣ представляется въ статьѣ только излишнимъ балластомъ. Автору понадобился онъ въ подтвержденіе мимоходнаго замѣчанія: «Судя по тому что говорилось о сябрахъ въ литературѣ, начало товарищества является какъ существенный атрибутъ сябровства» ²⁾. Но именно это начало выступаетъ на первый планъ не только въ сохранившихся остаткахъ сябровскаго владѣнія, но даже и въ довольно отдаленныхъ по времени фактахъ, въ родѣ тугъ же цитируемаго примѣра пользова-

¹⁾ Филологическое соотношеніе между *wajkas* и *wajkai* совершенно то же самое, что между чадо и др. рус. чадь—челядь, домочадцы, слуги.

²⁾ Предпочитаемъ эту форму термина, вм. употребляемой авторомъ «сябринство», потому, во первыхъ, что она существуетъ въ самыхъ документахъ, а не сковава набѣло, вовторыхъ же, она болѣе соотвѣтствуетъ общему складу той рѣчи, какою написаны отвсаящіеся къ сябрамъ документы.

нія мельницею. Въ с. Лукасахъ переяслав. полка была на рѣкѣ запруда, устроенная козакомъ Гарбузомъ; въ 1737 г. козаки того же села, три брата Яценка, вошли съ Гарбузомъ въ сдѣлку, по которой они получаютъ отъ него право построить на его плотинѣ мельницу. Доходъ съ мельницы долженъ идти пополамъ Гарбузу и Яценкамъ, пополамъ же должны они нести издержки по содержанію плотины въ исправности. Ясно, что въ данномъ случаѣ, — справедливо замѣчаетъ авторъ, — какъ и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто *промышленнымъ* предпріятіемъ, основанномъ на *коммерческомъ* расчетѣ людьми чуждыми другъ другу, не связанными родственными узами». Г. Лучицкій замѣтилъ, что начало товарищества вовсе не исчерпываетъ понятія «сябровства», — послѣднее было значительно уже. Онъ ставитъ свое замѣчаніе въ формѣ вопроса: Можно ли примѣнить понятіе товарищества «къ порядкамъ сябринства и къ понятію о сябрѣ и сябровствѣ, какъ они существовали въ старой Малороссіи, и разъ дѣло шло о землѣ, земельныхъ отношеніяхъ? Что отвѣтъ на такой вопросъ долженъ послѣдовать отрицательный, очевидно же изъ общаго изложенія теоріи г. Лучицкаго, какое мы сдѣлали выше; но напрасно онъ вводитъ въ основу сябровства владѣніе поземельное: только здѣсь и затѣмъ далѣе въ другихъ частныхъ случаяхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сябровство возникало изъ договора, участіе въ пользованіи *недвижимостью* составляло *существенный* его атрибутъ. Ни въ одномъ документѣ мы не находимъ употребленія слова сябры въ значеніи товарищей «по предпріятію», оно не получило въ южной Руси того болѣе широкаго смысла, въ какомъ изъясняетъ его Даль.

Одно изъ великорусскихъ значеній слова шабѣръ, именно «сосѣдъ», ввело между прочимъ и г. Лучицкаго въ ошибку, въ силу которой онъ отождествляетъ его и у насъ со словомъ «помежнیهъ», вопреки прямому смыслу имъ же привоцимаго текста. Въ документѣ сказано: «продаль (земельный участокъ) такому то сябру, яко помежнیهу своему» (стр. 25), изъ чего ясно, что оба термина не только не однозначущи, а и несоизмѣримы. Первый относится къ соучастію во владѣніи, чѣмъ обусловливается самая продажа помимо согласія прочихъ соучастниковъ, о которомъ здѣсь не упомянуто, второй же указываетъ фактъ простаго сосѣдства, которымъ только объясняется покупка земли именно даннымъ лицамъ, по простому удобству владѣнія безъ черезполосности.

Наиболѣе характерны и соотвѣтствуютъ основнымъ положеніямъ автора факты, относящіеся къ д. Бѣликамъ, бывшей остерской сотни. Они любопытны тѣмъ, что обнимаютъ весьма значительный промежутокъ времени, съ конца XVI до второй половины XVIII в., и по нимъ возможно прослѣдить рядъ постепенныхъ измѣненій въ формахъ владѣнія. Возникло оно изъ «наданья», еще въ 1560 г., боярину Билику земель, называемыхъ Лукаревскими, что было подтверждено въ послѣдующее время неоднократно, послѣдній разъ въ 1646 году. Въ это время потомки Билика настолько умножились въ числѣ, что составляли восемь отдѣльныхъ дворовъ, но всѣ земли оставались въ ихъ общемъ владѣніи. Передѣлились они только въ началѣ XVIII в., и этотъ раздѣлъ сохранялся еще и въ 1766 году, хотя дворовъ было уже 10, но 4 изъ нихъ владѣли сообща, по два, первоначальными участками, въ размѣрѣ $\frac{1}{8}$ всѣхъ земель. Владѣніе стало однако неравномѣрнымъ, такъ какъ въ 1749 г. двѣ семьи, входившія въ составъ двора изъ 6 семействъ, продали свою часть, т. е. $\frac{1}{8}$ изъ $\frac{1}{8}$; какъ относительно этой продажи, такъ и другой, гдѣ была отчуждена $\frac{1}{8}$ владѣнія въ полномъ составѣ, авторъ не упоминаетъ, состоялось ли отчужденіе въ пользу соучастниковъ или постороннихъ лицъ. Онъ приводитъ только условіе продажи, изъ котораго видно, что уступалось не опредѣленное, ограниченное пространство, а только право участія въ извѣстномъ размѣрѣ, т. е. угоды оставались de facto неразмежеванными.

Мы изложили свѣдѣнія о д. Бѣликахъ довольно подробно, такъ какъ самъ авторъ, съ «очевидностью» усматриваетъ въ немъ «типическій случай сибриннаго владѣнія, основаннаго на родственномъ, кровномъ началѣ» (стр. 17). Не излагая другого сходнаго случая, относящагося къ владѣнію оволичныхъ овручскихъ шляхтичей кубинскихъ, такъ какъ документы о немъ напечатаны вполнѣ¹⁾, приведемъ еще замѣчаніе автора, что «начало кровной связи, лежащее въ основѣ сибриннаго владѣнія въ этихъ примѣрахъ, выступаетъ рѣшительно во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ нимъ» (18). Такъ ли это, сейчасъ увидимъ. Начнемъ съ «пропорціональности» правъ отдѣльныхъ семей или ихъ группъ, дворовъ, къ которой авторъ возвращается еще разъ подробнѣе (29—30). Здѣсь онъ приводитъ изъ Рум. описи подробныя цифровыя данныя о размѣрахъ владѣнія каждой группы въ 6 поселеніяхъ козаковъ.

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р., ч. IV, т. I, № XII и др.

Прежде всего замѣтимъ, что мѣрою здѣсь обозначена только пахатная земля, такъ какъ лѣса, рыбныя ловли и т. п., остаются въ общемъ пользованіи; при этомъ возможно допустить, что размѣры послѣдняго были соотвѣтственны участкамъ пахати, или же участіе въ немъ было болѣе равномернымъ. Въ Бѣликахъ мы только что видѣли чистый примѣръ раздѣла на основаніи *представительства*, т. е. начала кровнаго; сначала все владѣніе распалось на 8 долей, затѣмъ отъ одной изъ нихъ отдѣлена еще треть. Это и будетъ ясно, если выразимъ размѣры права участія позднѣйшаго времени въ дробяхъ: не менѣе шести группъ (изъ 10 дворовъ 1766 г., при чемъ 2 группы по 2 двора) владѣютъ по $\frac{1}{8}$, одна $\frac{1}{12}$ ($\frac{2}{24}$), еще одна $\frac{1}{24}$ или же эта доля приобрѣтена остальнымъ соучастникомъ, и тогда у него будетъ $\frac{1}{6}$ ($\frac{1}{8} + \frac{1}{24} = \frac{4}{24}$). Процессъ правильнаго дробленія здѣсь ясенъ изъ того, что знаменатель наименьшей доли будетъ *кратнымъ* для прочихъ. Такой пріемъ расчета представляется единственно правильнымъ, и онъ только обнаружитъ постепенность дѣлежей и основанія ихъ «пропорциональности». Нѣкоторые примѣры изъ 6 поселковъ приводимыхъ у г. Лучицкаго вполне эту провѣрку выдерживаютъ. Въ д. Манкахъ 3 двора; два въ числѣ 7 семействъ, имѣютъ сообща 20 «четвертокъ» поля, остальной, въ 4 семьи, 12 чв., т. е. $\frac{5}{8}$ и $\frac{3}{8}$. Очевидно, что здѣсь раздѣлъ произошелъ согласно схемѣ г. Лучицкаго, притомъ процессъ могъ быть двойкій: или въ самый моментъ дѣлежа въ первой группѣ было 5 равноправныхъ семей, а во второй 3, или же владѣніе распалось сначала пополамъ, а потомъ вторая группа уступила первой $\frac{1}{4}$ своей доли, т. е. $\frac{1}{8}$ всего владѣніи. Въ Галковѣ дворовъ 3; у перваго (3 сем.) 18 четвертокъ, у двухъ (3 и 2 семьи) по 6; здѣсь тоже могло случиться разное: или первый дворъ представлялъ уже при дѣлежѣ 3 семьи высшаго порядка и получилъ $\frac{2}{3}$, остальные же по одной; или же процессъ могъ имѣть такой видъ: все владѣніе раздѣлилось сначала пополамъ, затѣмъ первая группа приобрѣла отъ второй $\frac{1}{8}$ ея права ($\frac{1}{2} + \frac{1}{10} = \frac{3}{5}$), и вторая еще позже раздѣлилась на двѣ (по $\frac{2}{10}$ изъ оставшихся $\frac{4}{10}$). Не обременяя изложенія дальнѣйшими выкладками, замѣтимъ, что схемѣ дѣлежа по представительству удовлетворяютъ еще одни Неданчичи, гдѣ процессъ дѣленія, хотя гораздо болѣе сложный, можетъ быть какъ нибудь выясненъ; въ трехъ же прочихъ поселкахъ это оказывается невозможнымъ, такъ какъ знаменателемъ наименьшей доли являются числа: 17, 67 и 79, некратныя ни для какихъ другихъ; при этомъ они превышаютъ наличное число семействъ, такъ что

происхожденіе ихъ совершенно необъяснимо. Можетъ быть, въ цифрахъ по с. Мысамъ есть описка или опечатка, можетъ быть, мы сами ошибаемся; но пока г. Лучицкій не выяснитъ намъ, какимъ путемъ образовалось здѣсь у одного пятисемейнаго двора, при общемъ ихъ числѣ 8 (всѣхъ семей 29), владѣніе въ 1 четверту, когда всей пяхати четвертокъ 79,—его теоріи раздѣловъ на *кровномъ началъ представительства* представляется болѣе чѣмъ спорною...

Но возвратимся еще къ «типическому» владѣнію въ Ъбликахъ. Почему именно 8 его дворовъ еще въ 1646 году владѣли сообща, а потомъ подѣлились? Ни автору, ни намъ это неизвѣстно, самый фактъ дѣлежа могъ быть вызванъ обстоятельствами чисто случайными; но причину того, что они не дѣлились *раньше*, мы можемъ указать почти съ полною достовѣрностью. Дѣло въ томъ, что Лукаревская земля была *надана* Ъблику, а слѣдовательно самое владѣніе ею было обусловлено повинностью; не видѣвши даже самихъ привилегій, оставленныхъ г. Лучицкимъ неизданными, все таки осмѣливаемся утверждать, что наданье земли сопровождается здѣсь, какъ во всѣхъ прочихъ подобныхъ случаяхъ, формулою: «а онъ намъ съ того служити маеть». Служба бояръ остерскихъ, какъ пограничныхъ, могла быть только военною, «конемъ», т. е. Лукаревская земля, во первыхъ, была неотчуждаемою въ постороннія руки по Статуту, а во вторыхъ съ ней долженъ былъ являться своимъ коштомъ вооруженный всадникъ, сколько бы потомковъ Билика не владѣли ею впоследствіи. Право шляхетства, земское, при которомъ позже можно было свободно распоряжаться имѣніемъ, имъ до самой Хмельниччины не досталось, и держало ихъ вкупѣ начало не родовое, а *налоговое*, феодальнаго характера. Этотъ то очень важный юридическій моментъ авторомъ совершенно упущенъ изъ виду, а онъ бы, можетъ быть, пролилъ совсѣмъ иной свѣтъ и на самое происхожденіе сябровства въ типической формѣ его. Если оно возникало и позже, притомъ не у полѣскихъ бояръ, остерскихъ или овручскихъ, а южнѣе, на займанщинахъ, то здѣсь и нужно искать примѣровъ въ подтвержденіе, что типическая форма его именно такова, какъ изображаетъ ее авторъ, что оно имѣло тотъ же видъ и помимо давленія *извнѣ*.

Къ сожалѣнію, эти вопросы остаются не только безъ отвѣта, но даже не поставлены, какъ не поставлено и экономическое вліяніе условій мѣстности. Очень можетъ быть, что сябровство позднѣйшее, не-боярское, возникало все таки только тамъ, гдѣ во владѣніи сябровъ были напр. только обширные лѣса, дѣлится которые между со-

наслѣдниками было крайне затруднительно, пахать нужно было сначала расчистить, «вытерebить», «проробить». Тогда для объясненія его необходимо прибѣгнуть и къ началу *трудового*, которымъ однимъ только и можно объяснить пахатные участки подворнаго пользованія въ $\frac{1}{10}$, какъ «проробки», при болѣе равномерномъ для каждаго правѣ производить ихъ въ объемѣ представительства кровнаго.

Ставя эти вопросы, мы нисколько не умаляемъ значенія работы г. Лучицкаго, какъ «толчка изслѣдованіямъ такого любопытнаго факта, какимъ является въ исторіи землевладѣнія сибринство». «Матеріала же для будущихъ изслѣдованій», сравнительно съ объемомъ собраннаго уже авторомъ, оно даетъ несоразмѣрно мало. Смѣемъ даже думать, что въ значеніи только «толчка», статья, какъ журнальная, выиграла бы, если бы она была еще менѣе обременена мелкими деталями. Остается желать и надѣяться, что почтенный авторъ, съ такимъ живымъ интересомъ относящійся къ предмету своихъ изслѣдованій, не замедлитъ познакомить читателей съ имѣющимися у него любопытными фактическими данными во всей ихъ полнотѣ, а при обработкѣ ихъ приметъ также во вниманіе и законодательныя постановленія, и характеръ свободнаго крестьянскаго владѣнія въ королевскихъ имѣніяхъ Польска, по многочисленнымъ изданнымъ уже документамъ изъ эпохи *предъ* введеніемъ «уставы о волокахъ». До сихъ же поръ онъ, по его собственному выраженію, если и «записалъ первыя буквы въ чистой еще страницѣ въ исторіи южно-русскаго права», — то какія затѣмъ будутъ соответствовать этимъ буквамъ слова или даже первые ихъ слоги, — предугадать трудно.

Ив. Новицкій.

P. S. Еще одно мимоходное замѣчаніе. Авторъ «Сябровъ» довольно сильно упрекаетъ составителя «Обозрѣнія Румянцевской описи» въ цѣломъ рядѣ неточностей, какъ бы имѣющихъ систематическій характеръ. Зная строгую внимательность къ матеріалу обоихъ, мы можемъ допустить развѣ недоразумѣніе. Извѣстно, что нѣкоторыя части описи сохранились вдвойнѣ, въ черновыхъ и бѣловыхъ спискахъ. Третій ея изслѣдователь, г. Филимоновъ, утверждаетъ, что они между собою часто несогласны. Не происходитъ ли разногласіе г. Лучицкаго съ г. Лазаревскимъ отъ того только, что они пользовались разными списками? Желательно бы это выяснить.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ 6, 1888 г. Выпускъ 7, 1889 г. Тифлисъ.

Съ похвальною настойчивостью продолжаетъ Управленіе кавказскаго учебнаго округа свое полезное предпріятіе: всестороннее описаніе мѣстностей, входящихъ въ составъ округа. И дѣло идетъ сравнительно успѣшно, именно потому, что ведется безъ большихъ притязаній: собранные матеріалы печатаются безъ особенной системы, просто по мѣрѣ ихъ поступленія въ округъ. Это и понятно. Главными дѣятелями являются преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній края, людѣ, какъ извѣстно, очень занятый прямымъ своимъ, педагогическимъ дѣломъ и потому не имѣющій возможности предоставить много времени такому сравнительно постороннему дѣлу, какъ составленіе статей для вышеуказаннаго сборника. Кромѣ того, къ работамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно учителей и воспитанниковъ ¹⁾ низшихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно не получившихъ высшаго образованія, нельзя и предъявлять слишкомъ высокихъ требованій... И тѣмъ не менѣе, нельзя не удивляться, какъ, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, въ краѣ, не имѣющемъ своего университета, а потому лишенномъ высшихъ научныхъ силъ, успѣшно идетъ такое основательное изданіе, какъ названный сборникъ, шестой и седьмой выпуски котораго у насъ предъ глазами. Если мы къ тому же прибавимъ, что эти «выпуски» — собственно говоря цѣлыя томы листовъ въ 30—35 каждый, то невольно должны подивиться усердію и трудолюбію, а иногда и даровитости, педагогическаго состава кавказскаго учебнаго округа. Правда, въ «сборникѣ» весьма много такъ называемаго сыраго матеріала, еще необработаннаго, немало статей, составленныхъ, быть можетъ, довольноно бѣгло и такъ сказать, легковѣсно, и не соответствующихъ сколько нибудь строгимъ требованіямъ науки; но за то немало и дѣйствительно цѣнныхъ вещей, за которыя нельзя не сказать великаго спасибо почтенной редакціи сборника.

Въ предлежащихъ выпускахъ есть нѣсколько статей, безъинтересныхъ для читателей «Кіевской Старины»; таковы, напр., тѣ работы, въ которыхъ заключаются описанія различныхъ станицъ Кубанской области, а также статьи, имѣющія непосредственное отношеніе къ южной Россіи, какова, наирим., слѣдующая: Страничка изъ

¹⁾ Есть и такіе авторы, особенно изъ учениковъ учительскихъ семинарій.

жизни грузинъ—поселенцевъ въ Малороссіи. Къ исторіи колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи, учителя П. Оедоровскаго. Хотя замѣтка эта (156—163) стр. даетъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по нѣсколько притязательному заглавію, но все таки читается она не безъ интереса и не лишена вообще значенія, тѣмъ болѣе, что составлена по документамъ архива Малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Въ 7 выпускѣ находятся слѣдующія описанія станицъ Кубанской области: *Станица Отрадная*, учителя Д. Иванова (10—40 стр.). Станица *Разивеватская*, учителя К. Живила (41—98 стр.); Станица *Самурская*, воспитанника кубанской учительской семинаріи В. Кобеляцкаго (99—122); Станица *Беленева*, учителя П. Близнюкова (133—152). Нѣкоторыя изъ этихъ описаній сдѣланы довольно бѣгло, хотя и всесторонне, другія нѣсколько пообстоятельнѣе; общее понятіе о предметѣ читатель, конечно, получаетъ, но иной разъ трудно удержаться отъ выраженія досады, когда видишь почти полное отсутствіе такого важнаго этнографическаго матеріала, какъ пѣсни, сказки и пр., вмѣсто чего встрѣчаешь только общія мѣста и фразы. Таковы именно двѣ послѣднія статьи, совершенно свободныя отъ этого богатаго матеріала. Правда въ статьѣ г. Близнюкова есть отдѣлъ «Пѣсни» (151—152 стр.), но въ немъ, вмѣсто самыхъ пѣсенъ, приведено лишь общее описаніе ихъ сюжетовъ...., не смотри на то, что самъ составитель статьи замѣчаетъ: «Бытовыхъ пѣсенъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ жизни, здѣсь очень мною. Между этими пѣснями большой интересъ представляютъ свадебныя... Военныя пѣсни изображаютъ печальную участь казака, отправляющагося на службу. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рисуется горькое положеніе оставшихся при домѣ стариковъ—родителей или безпомощныхъ женъ съ малыми дѣтьми». А между тѣмъ, несмотря на это одобрительное мнѣніе о пѣсняхъ, составитель, какъ нарочно, не привелъ рѣшительно ни одной, словно бы хотѣлъ только раздражить читателя... Описаніе праздничныхъ обрядовъ у г. Близнюкова тоже не отличается обстоятельностью. Нѣкоторыя подробности, впрочемъ, очень любопытны, такъ какъ указываютъ живучесть южнорусскаго обряда при совершенно новыхъ условіяхъ жизни и обстановки. Такова, наур., приводимая составителемъ рождественская пѣсенка мальчиговъ, поздравляющихъ съ праздникомъ, пѣсенка, столь распостраненная у насъ въ Малороссіи:

И маленькій хлопчикъ
Взялъ на столбчикъ,

У дудочку играю
Христа забавляю,
А хозяйна съ хозяйшккой
Съ праздникомъ поздравляю.

Канунъ Новаго года и на Кубани носить названіе «Щедраго вечера», и между кушаньями, которыми такъ изобилуетъ день Новаго года, упоминаются составители и знаменитые южнорусскіе «вареники», занимающіе, по его словамъ, *первое мѣсто*. «Въ семикъ дѣвицы отправляются въ лѣсъ и завиваютъ вѣнки; съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ собираются гдѣ нибудь въ лѣсу вокругъ небольшого деревца и водятъ хороводы». Затѣмъ идетъ сравнительно довольно подробное описаніе семицкихъ празднествъ, но, наприм., канунъ Иванова дня совершенно не описанъ: о немъ только упомянуто, какъ о «вечерѣ, соединенномъ съ повѣрьями и обрядами языческаго характера».

А. Степовичъ.

Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. проф. Д. И. Багальемъ. Харьковъ. 1889 г.

Это новый небольшой трудъ проф. Багальи изъ цѣлаго ряда работъ его по исторіи колонизаціи южной Россіи; онъ интересенъ для насъ, какъ по тому, что намѣчаетъ, хотя отчасти, содержаніе имѣющаго выйти въ свѣтъ втораго тома «Очерковъ изъ исторіи, колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства», такъ и вообще по своимъ новымъ любопытнымъ даннымъ о матеріальной и духовной культурѣ переселенцевъ. Сущность настоящей рѣчи заключается въ краткомъ напомнаніи въ началѣ ея фактовъ изъ внѣшней исторіи колонизаціи, изложенной въ 1-мъ томѣ «Очерковъ», съ которымъ мы познакомили уже читателей. Подробно авторъ останавливается на обрисовкѣ культурнаго состоянія населенія, отмѣчая, что развитіе этого состоянія задерживалось въ первое время оборонительными войнами съ татарами, внутренними смутами въ сосѣднихъ областяхъ и физическими бѣдствіями. Съ переходомъ въ мирное положеніе культурное состояніе общества въ концѣ XVIII вѣка и началѣ XIX-го начинаетъ быстро развиваться; земледѣліе, садоводство, шелководство, табаководство, огородничество, винокуреніе, гонка смолы, скотоводство, пчеловодство, добываніе соли и проч., а также ремесла и торговля припимаютъ широкіе размѣры. Въстѣ съ тѣмъ

пробуждается и стремление къ образованію; открывается масса народныхъ церковно-приходскихъ школъ; за недостаткомъ постоянныхъ учителей создается институтъ странствующихъ (мандрованныхъ); какъ высшее сословное учебное заведеніе, возникаетъ харьковскій коллегіумъ, воспитавшій многихъ общественныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и практической жизни; вліяніе коллегіума на мѣстное общество было весьма велико, не мало содѣйствовалъ поднятію общественного духа и украинскій философъ Г. С. Сковорода, который своимъ общеніемъ съ народомъ далъ большое распространеніе своей религіозно-нравственной проповѣди. Религіозно-нравственное настроеніе общества выразилось также и въ заботахъ его о монастыряхъ, храмахъ, причтахъ, церковныхъ братствахъ и госпиталяхъ. Таково было состояніе мѣстнаго общества предъ открытіемъ университета. Особенно подробно авторъ говоритъ о матеріальной культурѣ края, но глубоко прочувствованы его слова о духовной, и эта послѣдняя часть лучшая въ рѣчи. Тѣмъ не менѣе однако же, упоминая имя В. Н. Каразина въ началѣ и концѣ рѣчи, призывалъ общество почитать его память, какъ основателя университета, авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ характеристику его дѣятельности и лишь мимоходомъ называетъ его виновникомъ основанія харьковскаго университета. Другимъ немаловажнымъ пробѣломъ въ рѣчи мы считаемъ то, что авторъ, говоря очень подробно о культурѣ малорусской народности, совершенно обходитъ молчаніемъ вліяніе великорусской, и только въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ въ двухъ словахъ, что оно выразилось въ сферѣ промышленности и торговли. Отдѣльную обрисовку сѣверно-русской культуры, какова бы она ни была, авторъ также упускаетъ изъ виду, а между тѣмъ указаніе на характерныя особенности каждой національности и ихъ взаимодѣйствіе было и интересно, и лишнее. Не есть ли это упущеніе слѣдствіе спѣшнаго приготовленія рѣчи, отразившагося отчасти и на вѣшной формѣ ея?

И. Каманинъ.

И. П. Любвицъ. Изъ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ съ XVI вѣка. Варшава. 1888 г

Основная мысль настоящаго небольшого труда г. Любвица слѣдующая: въ Польшѣ, въ первой половинѣ XVI вѣка стало быстро развиваться реформаціонное движеніе. Папы обратили вниманіе на это явленіе и съ 1555 г. стали посылать въ Польшу нунціевъ; дѣя-

тельность послѣднихъ возбудила энергію католическаго духовенства и создала католическую реакцію противъ протестантовъ. Іезуиты, хотя и появляются въ Польшѣ около этого же времени, однако не были первыми дѣятелями въ этой реакціи; принимая же во вниманіе основаніе іезуитами своихъ коллегій, преимущественно въ русскихъ областяхъ, донесенія ихъ въ Римъ объ успѣхахъ ихъ борьбы съ еретиками и поддержку, оказываемую имъ королемъ Стефаномъ-Баторіемъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что борьба съ протестантизмомъ не составляетъ главной задачи іезуитовъ въ Польшѣ, а что они были призваны королемъ для выполненія его политическихъ цѣлей: окатоличеніемъ Руси Баторій хотѣлъ упрочить сліяніе ея съ Польшей или, выражаясь словами автора, «ему хотѣлось покорить Русь оружіемъ іезуитовъ». Г. Любичъ основываетъ свои выводы на неизданныхъ документахъ Ватиканскаго архива. Но согласиться съ высказанной авторомъ мыслью рѣшительно невозможно, во 1-хъ потому, что хотя въ своихъ донесеніяхъ іезуиты и говорятъ объ успѣхахъ среди православныхъ, но эти успѣхи могутъ быть явленіемъ совершенно случайнымъ, хотя и не рѣдкимъ во время борьбы ихъ съ протестантизмомъ; выборъ авторомъ донесеній исключительно о борьбѣ ихъ съ православіемъ, оставляя въ сторонѣ все количество донесеній и данныхъ о борьбѣ съ протестантами, безъ указаній на численное отношеніе однихъ къ другимъ, будетъ натяжкой; въ 2-хъ, такъ какъ протестантизмъ въ концѣ XVI вѣка былъ силенъ еще въ сѣверо-западной Руси, гдѣ появляются также и первыя іезуитскія коллегіи, а въ началѣ XVII вѣка онъ усиливается въ юго-западной Руси, куда іезуиты также переходятъ въ это лишь время, то изъ совпаденія времени развитія протестантизма на сѣверѣ и югѣ западной Руси со временемъ открытія тамъ же іезуитскихъ коллегій должно, напротивъ, сдѣлать заключеніе, что іезуиты то и были главными борцами съ протестантскими сектами; конечно, они не могли не обращать вниманія и на православіе, но въ подавленіи его и подготовкѣ унии не играютъ первенствующей роли; въ этомъ случаѣ іезуиты пользуются лишь благоприятными обстоятельствами. Если автору впоследствии и удастся доказать высказанную имъ теперь мысль, то въ настоящей брошюрѣ онъ не представляетъ основательныхъ доводовъ, и мы по прежнему думаемъ, что приписываемый имъ дѣятельности іезуитовъ въ XVI вѣкѣ политической характеръ обнаруживается лишь въ XVII вѣкѣ.

И. Наманинъ.

Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городского общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ.

Кременчугъ. 1888 г. 76 стр.

Лежащій предъ нами «Очеркъ о результатахъ (результатовъ?) дѣятельности кременчугскаго городского общественнаго управленія за 16 лѣтъ» составленъ нынѣшней городской управой собственно для гласныхъ думы; но онъ не лишенъ интереса вообще, такъ какъ болѣе или менѣе погружаетъ читателя въ жизнь большаго уѣзднаго города южной Россіи. Можно только пожалѣть, что составители не расширили немного взгляда на свое дѣло и не привели для сравненія данныхъ изъ бюджетовъ хоть бы сосѣднихъ городовъ. Другой важный недостатокъ «Очерка» тотъ, что составители его упустили изъ виду точныя хронологическія указанія. Вѣдь дѣятельность городского самоуправленія обнимаетъ цѣлыхъ 16 лѣтъ, отчего же не показать, въ какомъ именно порядкѣ достигались извѣстные результаты? Или, если группировка данныхъ не хронологическая, то отчего бы не обозначить времени при каждомъ фактѣ отдѣльно? Возьмемъ для примѣра хоть бы постройку реального училища. Зданіе громадное, обошедшееся городу въ 168,054 р. 63 к., едва ли не лучшее изъ всѣхъ зданій реальныхъ училищъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ; въ «Очеркѣ» сказано, сколько городъ заплатилъ за мѣсто, на которомъ возведено зданіе; сколько за лучшей по конкурсу проектъ постройки, сколько за наблюденіе архитектору, сколько гдѣ сдѣлано займовъ для постройки,—и ни слова о томъ, когда начата постройка, когда она окончена, когда перебралось заведеніе въ новое зданіе и проч. И такъ во всемъ. А между тѣмъ труда на подобныя справки нужно было употребить очень мало, дѣло же много бы выиграло. У самихъ гласныхъ кременчугской думы не у всѣхъ на памяти протекли эти 16 лѣтъ: есть между ними, вѣроятно, люди молодые, есть едва обжившіеся въ городѣ; всѣхъ ихъ, какъ и постороннихъ читателей, полезно было бы ближе ознакомить съ дѣломъ.

Отчетъ начинается съ 1872 года, такъ какъ съ этого именно времени стало дѣйствовать въ Кременчугѣ новое городское положеніе (первое засѣданіе городской думы по новому положенію было 9 сентября 1871 года). Авторы «Очерка» дѣлятъ 16-лѣтній періодъ на двѣ весьма неравныя части: 13 лѣтъ до 1885 года и 3 года послѣднихъ. «Такое раздѣленіе управа находитъ необходимымъ вслѣдствіе того, что въ первое время городское управленіе, принимая на себя

разнаго рода обязательства и произвожда серьезныя затраты на разныя сооружеія, какъ напрымѣръ, на постройку и пріобрѣтеніе помѣщеній для реального училища, женской гимназіи и проч., имѣло въ виду не матеріальныя выгоды города а лишь исключительно удовлетворить насущныя потребности населенія. За тѣмъ въ послѣдніе три года, въ заботахъ городского управленія преслѣдуется не только цѣль удовлетворить потребности настоящаго времени, но и желаніе, чтобы тѣ мѣропріятія и разнаго рода сооружеія, для исполненія которыхъ сдѣланы денежныя затраты, могли дать такія матеріальныя для города выгоды, которыя въ ближайшемъ времени окупили бы произведенную на нихъ издержку, а затѣмъ послужили бы источникомъ для покрытія ежегодныхъ крупныхъ дефицитовъ» («Очеркъ», стр. 2—3). Почему же дѣятельность городского управленія измѣняетъ свое направленіе именно съ 1885 года? Просто потому, что съ этого времени вступаетъ въ должность городского головы новое лицо. Послѣднее обстоятельство давало бы немного неблагоприятную окраску плану составителей «Очерка», если бы въ немъ цифры не говорили сами за себя и за новаго городского голову. Дѣйствительно, всякому читателю бросается въ глаза огромный прогрессъ въ благоустройствѣ города въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ. Весьма остроумно изыскиваются новые источники доходовъ, дѣлаются займы, но капиталъ, помѣщенный въ разныя сооружеія, даетъ отъ 10 до 34% чистой прибыли; благоустройство города быстро двигается впередъ ¹⁾

Что же однако городъ сдѣлалъ для себя за это время?

До новаго городского положенія, при сорокатысячномъ населеніи, въ городѣ было одно уѣздное училище съ комплектомъ въ 100 человекъ, одно приходское училище и женская трехклассная прогимназія. Изъ городскихъ средствъ расходовалось на содержаніе всѣхъ учебныхъ заведеній 5,936 р. 12 к. Въ посадѣ Крюковѣ, составляющемъ заднѣуровскую часть города, имѣющемъ болѣе 5,000 населенія не было ни одного учебнаго заведенія. Съ 1872 года городъ прибавилъ: въ Крюковѣ народное, мужское и женское, училище, въ Кременчугѣ 2 народныхъ училища, изъ трехклассной женской прогимназіи сдѣлалъ восьмиклассную гимназію; открылъ реальное семиклассное училище. На все это городъ истратилъ за 13 лѣтъ до 1885

¹⁾ Не будетъ нескромностью съ нашей стороны назвать имя г. кременчугскаго городского головы. Это А. Ф. Дыздревъ, о которомъ весной прошлаго года писалось во многихъ газетныхъ корреспонденціяхъ, какъ о человекѣ, энергіи и распорядительности котораго городъ былъ обязанъ спасеніемъ отъ наводненія.

года 575,253 р. 43 к., или по 44,250 р. 26 к. въ годъ. Въ послѣдніе три года сверхъ этой суммы затрачено еще 7699 р. 90 к. на пристройку къ зданію женской гимназіи.

Несмотря на собственные городскіе каменоломни, городъ до введенія городского положенія утопалъ въ грязи. За 16 лѣтъ самоуправленія издержано городомъ 136,238 р. 84 к. на замощеніе улицъ и площадей, въ томъ числѣ 32,946 р. 76 к. затрачено въ три послѣдніе года. Вслѣдствіе перехода каменоломенъ въ эти годы изъ рукъ откупщиковъ въ завѣдываніе городской управы, при чемъ послѣдняя провела отъ каменоломенъ до вокзала конножелѣзную дорогу, цѣна камня понизилась какъ для общественнаго хозяйства, такъ и для частныхъ построекъ. Прежде Кременчугъ отличался отсутствіемъ всякой растительности; при частыхъ и продолжительныхъ лѣтнихъ вѣтрахъ, на улицахъ свѣту Божьяго не видно было отъ пыли и песку; теперь городъ имѣетъ четыре сквера; кромѣ того засаживается огромная песчаная соборная площадь. Въ разматриваемый періодъ городомъ построено до 150 номеровъ лавокъ, изъ которыхъ 7 номеровъ каменныхъ; организована пожарная команда и обозъ для вывоза нечистотъ; въ послѣдніе три года выстроены каменные скотобойни, по новѣйшимъ образцамъ, съ конножелѣзною вѣтвью (въ 1 версту) для вывоза отбросовъ; выстроены въ разныхъ мѣстахъ города павильоны для продажи хлѣба, для пріюта полденныхъ рабочихъ, для продажи прохладительныхъ напитковъ; выстроены вокзалы въ скверахъ.

... Городское общественное управленіе за три послѣдніе года увеличило долги города на 45,985 р. 4 к. (къ 1 янв. 1885 г. было долгу 165,686 р. 58 к., къ 1 янв. 1888 г. 211,671 р. 62 к.), а приобрѣло въ собственность города имущество на 107,040 р., т. е. сдѣлало матеріальныхъ приобретеній на 61,054 р. 96 к. и кромѣ того съ устройствомъ разныхъ городскихъ зданій и сооружений, а также съ перемѣною способа эксплуатаціи нѣкоторыхъ оброчныхъ статей, достигнуто увеличеніе доходовъ города ежегодно въ слѣдующемъ размѣрѣ:

1) Съ городскихъ каменоломенъ среднимъ числомъ до	7,000 р.
2) Съ конножелѣзной дороги до	2,000 р.
3) Съ семи номеровъ каменныхъ лавокъ	2,000 р.
4) Съ мясныхъ лавокъ до	7,000 р.
5) Съ скотобоенъ.	9,000 р.
6) Съ мѣстъ подъ купальнями	1,188 р.
7) Уступка подрядчика по поставкѣ дровъ и свѣчей	1,000 р.

8) Съ выставокъ для афишъ и объявленій.	290 р.
9) Съ навильона для торговли хлѣбомъ.	700 р.
10) Съ лавокъ возлѣ сада и вокзала жел. дор.	473 р.

Итого въ годъ 30,651 р.

«Означенная сумма 30,651 р. составляетъ чистый доходъ за включеніемъ уже расхода по эксплуатаціи оброчныхъ статей и, следовательно, этими новыми доходами, увеличенный въ послѣдніе три года долгъ города на 45,985 р., могъ бы быть покрытъ за полтора года, еслибы этимъ источникомъ не покрывались передержки по воинской квартирной повинности и по другимъ обязательствамъ, принятымъ городомъ въ прежнее время, до 1885 года» («Очеркъ», стр. 71—73).

Приведенное мѣсто изъ «Очерка» достаточно оправдываетъ видѣніе послѣднихъ трехъ лѣтъ изъ 16-лѣтняго періода городского самоуправленія. Надо пожелать только, чтобы энергія новой городской управы не ослабла и впредь, а болѣе широкое опубликованіе подобныхъ отчетовъ будетъ для нея достаточной нравственной наградой за трудъ.

В. Н.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ №№ 91—128. 92. Замѣтка о диспутѣ магистра Цятовича 23 апр. въ унив. св. Влад.

93, 94, 101, 102. Медико-санитарный очеркъ Лукьяновскаго предмѣстья г. Кіева.

— Замѣтка «Забутый уголокъ» о пропущенной при составленіи и провѣркѣ уст. грамотъ слободъ кiev. уѣзда Несковской Руднѣ—Понятовскаго, въ которой нынѣ составленъ выкупной актъ.

— Легенда о Петрѣ В. Перелечатка изъ Черн. Губ. Вѣд.

97. Замѣтка о засѣданіи истор. общ. Нестора Лѣтописца 30 апр. 1889 г.

98. Къ празднованію столѣтняго юбилея новгородсѣверской гимназіи сообщено, что празднованіе юбилея соединено съ годичнымъ актомъ этого заведенія, осенью этого года, къ какому дню будетъ изданъ очеркъ исторіи этой гимназіи.

100, 101. Находка древняго клада. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль въ Кіевѣ найдены второй кладъ древнихъ вещей. Какъ и найденный въ усадьбѣ Гребеновскаго, кладъ этотъ вырытъ на Старомъ городѣ, въ усадьбѣ Раковскаго по Рейтарской ул. и, по опредѣленію проф. В. Б. Антоновича, принадлежитъ все къ той же вѣдико-княжеской эпохѣ. Кладъ найденъ рабочими, производив-

шими 2-го мая земляныя работы. Наткнувшись, при рытьѣ ямы, на небольшой котелокъ красной мѣди, шарообразной формы, съ остроконечной крышкою, рабочіе вскрыли котелокъ и, найдя тамъ нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ вещей, порѣшили скрыть свою находку отъ домовладѣльца. Съ цѣлью опредѣленія цѣнности найденныхъ вещей, рабочіе начали производить надъ ними самыя грубые эксперименты, чѣмъ значительно ихъ попортили, а затѣмъ, убѣдившись, что находка имѣетъ нѣкоторую цѣну, порѣшили скрыть ее. Съ этой цѣлью рабочіе почему то явились къ врачу Липоману, который посоветовалъ имъ обратиться къ проф. В. В. Антоновичу, что рабочіе и сдѣлали. Г. Антоновичъ не замедлилъ приобрѣсти кладъ для археологическаго кабинета университета св. Владиміра. Такимъ образомъ, интересная археологическая находка была спасена отъ рукъ ростовщиковъ. Получивъ деньги (55 руб.) за вещи, рабочіе подѣлились ими и исчезли изъ Кіева, какъ думаютъ, на родину. Вслѣдствіе заявленія г. Раковского, къ розыску ихъ полиціей приняты мѣры.

Найденный кладъ не великъ, въ немъ всего девять вещей: шейная серебряная гривна, три серебряныхъ браслета, кіевская монетная гривна, двѣ серьги низкопробнаго золота, два такихъ же перстня съ печатями, на которыхъ сдѣланы какія то неразобранныя еще надписи.

По всѣмъ признакамъ, кладъ можно отнести къ XII вѣку.

На дняхъ однимъ изъ крестьянъ деревни Совокъ, близъ Кіева, во время работъ въ огородѣ, вырытъ глиняный горшокъ, наполненный мѣдными монетами. Горшокъ находился на глубинѣ поль-аршина отъ уровня земли. Вырытый кладъ принадлежитъ XVII вѣку и представляетъ собраніе монетъ польскаго чекана. Монеты переданы въ нумизматическій кабинетъ университета св. Владиміра.

Кладъ, найденный въ усадьбѣ Раковского и приобрѣтенный проф. В. В. Антоновичемъ для археологическаго кабинета университета св. Владиміра, въ виду заявленія претензій владѣльца усадьбы, переданъ г. Антоновичемъ въ распоряженіе полиціи. Кладъ сохраняется при городской полиціи, гдѣ будетъ находиться до выясненія вопроса Императорской археологической комиссіей.

103. Некрологъ гр. Альфреда Тотопкаго.

107. Запѣтка о засѣданіи 15 мая 1889 г. истор. общества пр. Нестора.

109. Отчетъ кіев. музык. учил. 1888—89 г.

— Древнія типографіи на Волыни, извлеченіе изъ статьи г. Братчикова въ Вол. Г. Вѣд.

110. М. В. Юзефовичъ — предсѣдатель кіев. археографической комиссіи († 21 мая), некрологъ.

111. Дѣятельность сельскихъ крестьянск. банковъ въ 1888 г.

112. О реставраціи Кіево-Кирилловской церкви.

— Протоіерей А. П. Борецкій (некрологъ).

116. Освященіе и исторія Кіево-Кирилловской церкви.
117. Описаніе новаго алтаря и живописи Кирилловскаго храма.
118. Отзывъ о 5—6 кн. «Кіев. Старины».
- Замѣтка объ остаткахъ Мономаховой церкви въ Переяславѣ.
121. Перепечатка афишъ черпиг. театра изъ 5—6 кн. «Кіев. Старины».
- 122, 127, 128. Къ 50-ти лѣтнему юбилею воссоединенія униатовъ.
124. Народныя училища кіев. учебн. округа.
- О реставраціи Кіево-Софійскаго собора.
127. Замѣтка о древнемъ альфреско, открытомъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.
- Юбилейныя празднованія въ Вильнѣ.
- Празднованіе юбилея воссоединенія униатовъ въ Немировѣ (корр.).
- Замѣтка о находкахъ археол. предметовъ въ окрестностяхъ с. Цвѣткова, кіевск. губ.
128. Адресъ кіев. дух. академіи свято-духовскому братству въ Вильнѣ, по случаю юбилея воссоединенія униатовъ.
- Кіевское Слово №№ 653—697. 662, 664, 668, 672. Подъѣзные шоссейные пути въ Ю. З. краѣ (замѣтка).
665. Отчетъ хронол. о засѣданіи истор. общ. Нестора 30 апрѣля.
666. Замѣтка о воздвигаемомъ въ Ростовѣ на Дону памятникѣ Императору Александру II.
667. Экспоненты нашего края на парижской выставкѣ (зам.).
670. О находкѣ при рытѣхъ фундамента для постройки часовни возлѣ церкви Успенія Пресв. Богородицы на Подолѣ девяти истлѣвшихъ гробовъ.
- 671, 675, 680. Изъ замѣтокъ о народ. образованіи въ кіев. губерніи.
673. Кіевское Славянское общество въ 1888 г.
- Геологическое изслѣдованіе полтав. губерніи.
679. Дѣйст. т. сов. М. В. Юзефовичъ (некрологъ).
680. Перепечатка изъ Од. Лист. о капитанѣ роты амазонокъ. Е. И. Шидянской.
681. Некрологъ протоіерея А. П. Борецкаго.
683. У Днѣпра (бытов. разсказъ) А. Ц.
685. Обновленіе Кирилловской церкви. О ходѣ работъ по украшенію храма и приведенію его въ первоначальный видъ, со стороны внутренней отдѣлки.
686. Черниговскій кладъ.
- Корр. изъ Переяслава о Успенской церкви на мѣстѣ древней т. н. Мономаховой.
- 692, 693. Изъ записокъ мятр. Іосифа Сѣмашко. Къ исторіи воссоединенія униатовъ.
695. Празднованіе юбилея воссоединенія униатовъ въ Вильнѣ.
697. Современные униаты и иезуиты. Изложеніе содержанія разсказа Мирона «Чума» («Кіев. Старина» 1889 г. 5—6).

Адресъ кіев. дух. академіи, посланный въ Вильну по случаю 50-лѣтняго юбилея воссоединенія униатовъ.

Волынь №№ 72—97. 76. Извлеченіе изъ апрѣл. книжки «Кіев. Старина» данныхъ по вопросу о вознагражденіи духовенства за требосиравленіе

78. Отзывъ объ апрѣльскомъ номерѣ «Кіев. Старина» и въ частности объ очеркѣ г. О. Левницкаго: «Пасквиль и Судъ».

83. Очеркъ состоянія кустарной промышленности на Волыни.

89. Историч. справка «о бывшемъ однодворческомъ сословіи на Волынѣ».

90. Перепечатка изъ «Кіевской Старины» за май — іюнь замѣтки «о земельныхъ спорахъ въ Малороссіи».

Перепечатка изъ «Дневника» кн. Мещерскаго его воспоминанія о предсѣдателѣ кіевской археологической комиссіи М. В. Юзефовичѣ.

91. Передовая статья по поводу празднованія 8-го іюня дня 50-лѣтія воссоединенія униатовъ съ православіемъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 13—15. 13, 14, 15. Историко-статистическое описаніе церквей и приходоѡ волынской епархіи (прод.) Тихомль, с. Туровка, с. Уніевъ, с. Садки, с. Чолгузовъ, с. Шекарпцы, с. Корытно, с. Шямковцы, с. Окнины, с. Курьянки, с. Дзвонки, с. Шуньки, с. Юровка, с. Великій Калетикозы. Дубенскій уѣздъ. г. Дубно.

15. Чешскія школы въ поселкахъ чешскихъ д. Крошвѣя въ с. Высокомъ жит. у.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 28—39. 29, 30. Братчиковъ. Остатки волынской старины (историко-археологическія свѣденія).

36. Отчетъ распорядительнаго комитета житомирской публичной бібліотеки за 1888 г.

Подольскія Епархіальныя Вѣдом. №№ 17—23. 17. Движеніе униатовъ къ православію въ Брацлавщинѣ при переяславскихъ епископахъ Гервасіи и Іуифѣ.

19. І. Сѣмашко митр. литовскій.

— Изъ автобіографіи митр. І. Сѣмашка.

— Истор. свѣд. о Каменцѣ-Подольскомъ.

20—22. Къ исторіи униі въ Подоліи.

— Каменецкій униатскій приходъ въ под. епархіи до окончательн. воссоединенія униатовъ съ православными.

22, 23. О томъ какъ подготовлялась и совершалась униа зап.-русс., правосл. церкви съ римскою.

Униатское духовенство подольск. епархіи въ 1 пол. настоящаго стол.— Ст. Дложевскаго.

23. Празднованіе 900 лѣтняго юбилея крещенія Руси тыровскимъ православнымъ населеніемъ.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости №№ 44—61. 51. Южно-русскія рязе-лечебныя воды (М. В.).

60. Реставрація Успенскаго собора во Владмирѣ-Волынскомъ (переп. изъ Прав. Вѣстн.).

Нишиневскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 8—11. 8, 9. А. Стадницкій. Состояніе раскола и сектанства въ Бессарабіи по миссіонерскимъ отчетамъ за 1888 г.

11. О сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ въ Кишеневѣ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—11. 9, 10. Краткая истор. записка о состояніи дубенскаго духовнаго училища за первые 50 лѣтъ его существованія (1837—1887).

9, 10. Нѣсколько словъ объ общемъ собраніи полт. отд. правител. миссіон. обществ. 26 марта 1889 г.

11 50-лѣтіе воссоединенія униатовъ съ правосл. церковью (1839—89 гг.).

Къ исторіи Николаевской ц-ви въ г. Ромнахъ (замѣтка). В. Е. Бучневича.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 34—42. 34, 35, 36, 37. Л. А. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г. Крелевецкій у. (продолж.) 50. Огіевскій Алексѣй, 51. Маковскій Иванъ, 52. Маковскій Дмитрій, 53. Зубоза Максимъ, 54. Масикъ Оедоръ, 55. Оедоровскій Ив., 56. Слобѣй Данило, 57. Боровикъ Василій, 58. Андреевскій Оед., 59. Бардаковскій Стеф., 60. Бардаковскій Матв., 61. Аверковъ Гаврило, 62. Пѣшовецъ Василій, 63. Филоновичъ Семень, 64. Карлѣка Ив., 65. Шкура Василій, 66. Плаксинъ Трофимъ, 67. Масютина Гюстина, 68. Оедоровская Анна, 69. Майбородовъ Тимофѣй, 70. Порохонскій Константянъ. Примѣч. къ крелевецкому списку дворянъ *Алексѣй Бутновичъ* вначалѣ крелевецкій бургомейстръ, впослѣдствіи черниговскій губернаторъ (1813—1818 г.), Діаковскій конюшій Мазены. Мих. Вас. Шрамченко и Алексѣй Дзивовичъ.

35. В. С. Гортыпскій б. врачебный инспекторъ чер. губ. (некр.).

38, 39, 40. Изъ арх. гр. Милорадовича шесть земельныхъ документовъ 1714 г.

41. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Два документа на земельныя приобрѣтенія Павла Полуботка.

42. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Приводятся два документа (1714 и 1715 г.) на земельныя приобрѣтенія Павла Полуботка.

Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 8—10. 9. Пятидесятилѣтіе воссоединенія униатовъ съ православною церковью (по Литов. Епар. Вѣд. и статьямъ пр. Кояловича).

10. Состояніе стародубскаго раскола въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII ст. М. Доброгаева.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 108—138. 109. Начало театра въ Харьковѣ—перепеч. изъ «Театръ и Жизнь».

109. Миргородъ (кор.), о предположенной къ открытію художественно-ремесленно-кустарной школѣ Н. В. Гоголя.

114. Надающій въ Харьковѣ промыселъ — коцарскій по новоду ст. проф. Н. С. Сумцова (Культур. пережив. Кіев. Стар. 1889 г.).

119. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крест. населенія Россіи В. А. (Вып. I подъ ред. Н. Харузина М. 1889 г.—изъ Грудовъ этногр. отд. Имп. общества любит. естествозн., антропологии и этнографіи въ Москвѣ).

130. Годовщина харьковского исправительнаго пріюта.

— О недавно открытомъ харьковскомъ обществѣ изящныхъ искусствъ.

131. Обычай общест. молебствій о дождѣ.

125. Раскопка кургана въ д. Богодарѣ, екатеринослав. губерніи александр. уѣзда. Д. И. Эварницкаго. перепеч. изъ «Новостей».

Южный Край №№ 2879—2885. 2882. О мѣстности Заорельскаго Нехворощанскаго монастыря въ александр. у. екатеринослав. губ. (корресп.).

2884. Ист. свѣд. о чудотворной иконѣ Богородицы въ с. Каплуновкѣ Богодухов. у.

2885. Извлеченіе изъ каталога луцко-житомірской католич. епархіи на 1889 г. о числѣ католиковъ въ ю.-зап. краѣ (корресп. изъ Ровно).

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 40—41. 40. Статья Д. И. Эварницкаго: «Раскопка кургана въ дер. Богодарѣ, екатеринослав. губ. александров. уѣзда».

Матеріалы для исторіи колонизаціи Новороссійскаго края: Выпись изъ привилегій, предоставленныхъ данцигскимъ менонитамъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ и Высочайше утвержденныхъ въ 1786 г.

41. Изложеніе содержанія «Памятной книжки екатеринославской губерніи, съ приложеніемъ адрессъ-календаря». Между прочимъ туда входятъ: историч. очеркъ губерніи, очеркъ промышленности, статистич. отдѣлъ и проч.

Статья И. И. Чайкина: «Раскопка 2-го кургана въ дер. Богодарѣ, александров. уѣзда, пропозведенная Д. И. Эварницкимъ».

День св. Троицы: описаніе народныхъ южно-русскихъ обычаевъ въ этотъ день.

Крымъ №№ 49—67. 58—62, 64—66. Краткій очеркъ исторіи г. Симферополя.

Овцеводство днѣпровскаго уѣзда.

По поводу передѣловъ крестьянскими обществами душевыхъ надѣловъ земли.

65. Статья «Изъ кавказской жизни» содержитъ въ себѣ характеристику промышленности на Кавказѣ.

Засѣданіе город. комиссіи въ Одессѣ по вопросу о празднованіи 14 сентября текущаго года дня столѣтняго юбилея г. Одессы.

Протоколь засѣд. 31-го мая этого года таврич. ученой архивной комиссіи.

Одесскій Вѣстникъ №№ 195—147. 102. *Библіографія.* З. Отзывъ о книгѣ: «Малороссійскія бытовыя пѣсни». П. Чугуевца. Харьковъ 1889.

114. *Отвѣтъ Чеважевскому* (Письмо въ редакцію). А. Браунера. По поводу напечатанной въ «Сборникѣ херсонскаго земства» статья Чеважевскаго о Бѣлогрудовскомъ каналѣ р. Днѣпра.

139. Съ береговъ Днѣстра (переп. изъ «Моск. Вѣд.»). Корреспонденція, въ которой описывается настоящее экономическое, географическое и отчасти общественное положеніе городовъ Дубоссарь и Григоріополя.

144. Рецензія на книгу С. Филиппова «По Крыму» Бр.

147. По одесскому уѣзду (путевыя впечатленія и замѣтки) Н. Л.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4401—4441. 4425 Д. Д. С. Экономическія письма о Новороссіи: о дробной передачѣ частно-владѣльческихъ земель и о «десятищичикахъ» въ новороссійскихъ губерніяхъ. Въ настоящемъ письмѣ излагаются любопытныя свѣдѣнія о происхожденіи «десятищичковъ», ихъ прошлой жизни, и указанія, изъ какихъ основныхъ элементовъ состоитъ этотъ классъ безземельныхъ пролетаріевъ.

4433. Раскопка кургана въ деревнѣ Богодаръ, александр. уѣзда. (замѣтка, заимствованная изъ «Екатери. Губ. Вѣд.»).

— Выставка картинъ художника Н. Е. Лунда. Составъ выставки—12 видовъ Украины. Лучшими изъ нихъ признаются: «Вечеръ на хуторѣ на берегу Десны», «Сумерки», «Полдень», «Ночь на Днѣпрѣ», «Заливъ Днѣпра» и др. Газета отзывается о г. Лундѣ, какъ объ одной изъ выдающихся силъ нашей молодой школы и въ его картинахъ видятъ солидныя задатки будущихъ успѣховъ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 9—11. 9. О церк. библ. вообще и о библіотекѣ при Новохоперскомъ Воскресенскомъ соборѣ въ частности.

10, 11. Литовская церковная унія и воссоединеніе уніатовъ въ 1839. (Кратк. истор. очеркъ).

Донская Рѣчь №№ 42—61. 60. Малороссійскіе спектакли.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 15—22. 16. Читенія въ Кубанской войсковой гимназіи.

19, 22, 20. Старое рыболовство черноморскихъ козаковъ. I. За Бугомъ II. Въ Черноморіи.

Курскій Листокъ №№ 47—66. 48. Пчеловодство въ курской губерніи. Проф. Харьк. унив. П. К. Зарубинъ (некр.).

49. Дѣятельность комитета курскаго благотворит. общества за 1888 г.

56. Торговля и промышленность корочанскаго уѣзда.

54, 62, 64. Подгородная слобода Ямская.

65. Изъ недавняго прошлаго курской сцены.

Орловскій Вѣстникъ №№ 53—66. 66. Въ отдѣлѣ «Дневникъ» о при-

готовленіи крестьянами черниговской губерніи, конотопскаго уѣзда удобоперевозимыхъ земледѣльческихъ орудій.

Минскій Листокъ №№ 32—44. 32. Историч. справка о Минскѣ, Туровѣ и Заславлѣ, представляющія выдержку изъ статьи г. Случевского въ «Моск. Вѣдом.»: «Очеркъ путешествія ихъ Императорскихъ Высочествъ вел. князя Владимира Александровича и вел. княгини Маріи Павловны въ іюнѣ и іюлѣ 1888 г.

42, 43. Статья: Возсоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію»; въ ней излагается исторія возникновенія униі, введенія и борьбы за нее въ XVII и XVIII вв. и дѣятельность митрополита Іосифа Сѣмашка до 1839 по возсоединенію.

43. Ст. А. Слупскаго: «Уніа въ Минскѣ»; излагатся борьба горожанъ за православіе.

Программа праздноваія въ Минскѣ дня 50-лѣтія возсоединенія униатовъ съ православіемъ.

44. Описаніе праздноваія дня 50-лѣтія возсоединенія униатовъ съ православіемъ въ Минскѣ

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 18—23. 18, 19. Шапскіе происки и мятежи въ возсоединенныхъ отъ униі православныхъ русскихъ епархіяхъ (прод.).

20, 21. Антоній Юрьевичъ Сосновскій, старшій соб. протоіерей (одинъ изъ тріумвировъ Брестскаго капитула род. 1779 ум. 1852.)—П. Г. Б.

23. Пятидесятилѣтіе возсоединенія западно-русскихъ униатовъ въ 1839 г. и историч. значеніе этого событія. Рѣчь проф. М. О. Кояловича, пропзн. на торжеств. собраніи Слав. Благ. Общ. 11 мая.

Варшавскій Дневникъ №№ 95—128. 99. Окончаніе статьи А. Маркграфскаго: По поводу мемуаровъ князя Адама Чорторійскаго.

101. Объ устройствѣ памятника въ Харьковѣ основателю университета В. Н. Каразину.

123. Библиографическая замѣтка о «Памятной книжкѣ сувалкской губерніи»; въ замѣткѣ приводятся весьма интересныя статистич. данныя о народности, населяющихъ губернію, ихъ языкѣ, сословномъ составѣ, промышленности, просвѣщеніи и нравственности.

126. Передовая статья по поводу праздноваія 50-лѣтія возсоединенія униатовъ.

Перепечатка изъ «Кіевлянина» свѣдѣній о раскопкахъ и возстановленіи храма, сооруженнаго вел. княземъ Владиміромъ Мономахомъ въ Переяславлѣ Полтавскомъ.

127. Описаніє празднованія 8 іюня дня 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіємъ и слово по этому поводу о. Корженовскаго.

Червоная Русь №№ 86—108. 98. *Отець Я. Ө. Головацкаго*, М. И. Тындюка.

Литературное приложеніє къ «Черв. Руси». 9. Цареградъ въ X вѣѣ и посѣщеніє его св. Ольгою.

105. Извѣстіє о выходѣ въ свѣтъ «Галицко-русской бібліографіи за 1888 г.», Ив. Э. Левицкаго.

105. По поводу предположеннаго «Товариствомъ Педагогичнымъ» изданія журнала «Учитель».

107. Празднованіє дня св. Кирилла и Меодія въ Кіевѣ (переп. изъ «Кіевск. Слова»).

107. Подл. текстъ циркуляра генер. уніатскаго офіціала Михайла Гарасевича 1801 г. по вопросу о «фундушахъ» въ пользу церквей, именно о сервитутныхъ лѣсныхъ пользованіяхъ духовенства.

107. Конфискація № 10 «Страхопуда» и содержаніє его во 2 изданіи.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Бориковскій Г. М. Де два цялюются, третій губъ не протягай! Водивиль въ 1 дѣйстви. Кіевъ. 1889. 16 д. 54 стр.

Бляшевскій Н. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 года, 8 д. 148 стр.

Картинскій М. Западно-русская четья 1489 года съ приложеніємъ житія Бориса и Глѣба (отт. изъ «Русск. Филологич. Вѣстн.»). Варшава 1889 г. 8 д., 48 стр.

Латинъ В. Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историч. повѣсть. Изд. 3-е. Спб. 1889 г., 8 д. 31 стр.

Манджура И. Степови думы та сивы. Спб. 1889. 8 д., 37 стр.

Н. Д. Н. 1) Къ біографіи Т. Г. Шевченка. 2) На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира (пзъ путевой кнжжкы). (Оттискъ изъ «Кіевской Старинны»). Кіевъ, 1889 г. 8 д., 4+21 стр.

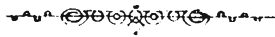
Некрасовъ Н. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889 г. 8 д., XII+230 стр.

Рубинъ П. З. Черноморци у неволи. Кіевъ. 1889 г., 16 д. 28 стр.

Святловскій В. В. Жилище фабричнаго рабочаго въ Малороссіи и въ Привислянскомъ краѣ. Черниговъ. 1889. 8 д., 38 стр.

Тарась Бульба или запорожская Свѣчь. Историческая повѣсть изъ казачьей жизни. Москва. 1889. 12 д., 144 стр.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 112. Tom X. Варшава, 1889 г., 4 д., съ 241 по 320 стр.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Іюль, 1889 г.

	СТР.
I. Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. I—III. Проф. И. И. Малышевскаго	1—27
II. Культурныя переживанія. XXXVIII—L. Проф. Н. Θ. Сумцова	28—46
III. Кіевское городское управленіе въ 1786 г. III. (Окончаніе). Н. В. Молчановскаго	47—63
IV. Русалка. (Этнографич. разсказъ). Ганны Барвинокъ	64—109
V. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. IV—V. Проф. Д. И. Багалъя	110—148
VI. Воспоминанія М. К. Чалаго	149—187
VII. Нечистая сила. (Повѣсть). Пер. съ польск. К. М.	188—220
VIII. Два намѣстника. А. Е.	221—231
IX. Документы Извѣстія и Замѣтки. Попытка къ уравнию мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. А. Лобно . Изъ бумагъ К. А. Лохвицкаго , Н. Н. Оглоблина . Медикотопографическая и этнографическая работы д-ра де-ла-Флиза. Н. Б. Церковная старшина пирятинскаго уѣзда. Ап. Залѣсскаго . Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника. Сообщилъ И. А. Л—ко . Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Децѣ. Сообщилъ П. В. Дворжецкій-Богдановичъ . Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. Марка—евича . Владиміръ Волянское братство. О. Л. Некрологъ.	232—292
X. Для справокъ	291—292
XI. Библіографія. Лучицкій И. Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889. Ив. Новицкаго . Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и	

лемень Кавказа. Изданіе ууавленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889. **А. Степовича.** Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. Проф. Д. И. Багалѣемъ. Харьковъ. 1889 г. **И. Каманина.** Н. Н. Любавичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1889 г. **И. Каманина.** Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 годъ. Кременчугъ. 1888 г. 76 стр. **Ө. Н.** Обзорѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. 293—324

Въ вышедшихъ 1—7 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. Н. Чалаго**.—Судъ и казнь Григорія Самоиловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачета**.—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**.—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка**.—Воспоминанія **Н. И. Усковой** о **Т. Г. Шевченкѣ**, съ прим. **М. Чалаго**, **Н. Зарянки**.—Прошлое перелславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**.—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**.—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. Н.**.—Памяти **Ѳ. Г. Лебединцева**. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. Очерки изъ исторіи кiev. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Годубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя**. Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуни или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. Н. Чалаго**. Очерки старины быта Волини и Украины. **О. И. Левицкаго**. **Іоаннъ Вишенскій**. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М.** Визавтійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**. Нападеніе гайдамаковъ на караваннѣ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чула, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. **М. С. Щенкинъ**, какъ артистъ и человекъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два наѣстника. **А. Е.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. **П. А. Лашкарева**, **Н. Ѳ. Бѣлишевскаго**, **П. Л.**, **И. С. Лисовскаго**, **А. Л.**, **В. А.**, **П. Т.**, **Мирона**, **К. В. Болсуновскаго**, **Ив. Манжуры**, **И. Бѣньковскаго**, **О. Л.**, **W.**, **Н. М.**, **М. К. Чалаго**, проф. **Н. И. Петрова**, **Хр. П. Ячуржинскаго**, **А. А. Савича**, **В. П. Науменка**, **А. Ш.**, **Н. Н. Оглоблина**, **Я. П. Новицкаго**, **Н. Д. Н.**, **Б. С. Познанскаго**, **А. С. Л.**, **Г.**, **Вл. Ляскоронскаго**, **А. Андр.**, **Г. Залюбовскаго** **И. Зозули**, **Н. Ѳ. Добротворскаго**, **Н. В. Шугурова**, **М. А. Комарова**, **Ю. Тиховскаго**, **И. Ж.**, **Ѳ. Каминскаго**, проф. **И. Г. Карпинскаго**, **М. К. Васильева**, **А. Лобко**, **Н. Б.**, **Ан. Залѣскаго**, **И. А. Л—ко**, **П. В. Дворжецкаго-Богдановича**.

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. **М. Толстому**. Собщ. проф. **А. И. Марневичъ**.

Въ отдѣлѣ «Библиографіи» помѣщены рецензіи: **И. М. Каманина**, **А. Л.**, **В. А.**, **Н. Л.**, **Н. Г.**, **Амартоля**, **А. І. Стеювича**, **О. Л.**, **П. В. Голубовскаго**, **Н. Т.**, **Н. Б.**, **Г. З.**, **А. М.**, **А. Р.**, **П. Л.**, проф. **Ѳ. Г. Мищенко**, проф. **Н. И. Петрова**, **Н. В. Шугурова**, **Ц. Г. Неймана**, **И. Л—ка**, **В. П. Науменка**, **Ив. П. Новицкаго**, **Ѳ. Н.**

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе **В. Тянинскаго** къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова**.—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова**.—Рисункъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ **Ѳ. Г. Лебединцева**.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго**.—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**.—Портретъ **М. С. Щенкина** въ роли Чупруна.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычай религіозныя правовыя и т. д., исчезающіе древніе памятны не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ рѣнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признаваемыя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять гнѣзды и брошюры для рецензій.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 6 руб., на мѣстѣ 5 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажною Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель А. С. Лашневичъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.
АВГУСТЪ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXVI.

1889 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

- I. Происхождение русской великой княгини Ольги св. IV—V. (Окончаніе). Проф. Нв. И. Малышевскаго. (1—353).
- II. Ренрутчина въ малорусской пѣснѣ (Этнографическій очеркъ). I—II. М. Р. Васильева. (354—376).
- III. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. М. И. Дидова. (377—401).
- IV. Культурныя переживанія. LI—LV. I. Проф. Н. Θ. Сумцова. (402—427).
- V. На „Вовчомъ хуторѣ“. Дмитрія Марковича. (428—435).
- VI. Воспоминанія М. К. Чалаго. (436—467).
- VII. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. А. А. (468—490).
- VIII. Нечистая сила. (Повѣсть). (Окончаніе). (Съ польск.). (491—514).
- IX. Документы Извѣстія и Замѣтки. Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лощмановъ. Д. П. Народный праздникъ св. мучениновъ Маннаевевъ. Хр. П. Ящуржинскаго. Изъ воспоминаній о быломъ. (Со словъ рассказчика). Д.*** Къ исторіи Глушковской фабрики. Сообщ. Н. А. Лобротворскій. Варіантъ пѣсни о Нармелюкѣ. Пѣсня сахарно-заводская. Малороссійская губернія П. Киятышна. Странное слово.
- V. Б. Десятилѣтіе каневской бібліотеки (1878—1887 года). В. Гаврыша. (515—549).
- X. Для справокъ. (550—552).
- XI. Библіографія. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Слб. 1889 г. А. Степовича. Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени Кіевъ 1889 года. П. Годубовскаго. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата прачъ Михаила Ясинскаго Кіевъ 1889 года. П. Каманина. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По „Исторіи козаковъ“ Черновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889 г. П. Каманина Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 г. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава. 1889. П. Новицкаго Обзорніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. (552—584).
- XII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

2) Алфавитный указатель личныхъ именъ къ наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ вышедшихъ 1—8 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго**.—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Θ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачета**.—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**.—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченна**.—Поспоминанія **Н. И. Усковой** о **Т. Г. Шевченкѣ**, съ прим. **М. Чалаго**, **Н. Зарянки**.—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенна**.—На Сырь-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**.—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**.—Памяти **Θ. Г. Лебедннца**. Проф. **Н. Θ. Сумцова**. Очерки изъ исторіи кіев. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалтя**. Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуни или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волини и Украины. **О. И. Левицкаго**. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Θ. И. Успенскаго**. Нанашденіе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. **М. С. Щенкина**, какъ артистъ и человекъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два намѣстника. **А. Е.** Рекрутчина въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева**. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. **М. И. Лилеева**. Па «Вовчомъ хуторѣ». **Димитрія Марковича**. Страницка изъ прошлаго г. Переяслава **А. А.**

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. **Н. А. Лашкарева**, **Н. Θ. Вѣляшевскаго**, **П. Л.**, **И. С. Листовскаго**, **А. Л.**, **В. А.**, **Н. Т.**, **Мирона**, **К. В. Болсуновскаго**, **Ив. Манжуры**, **И. Бѣньковскаго**, **О. Л.**, **W.**, **Н. М.**, **М. К. Чалаго**, проф. **Н. И. Петрова**, **Хр. Н. Ящуржинскаго**, **А. А. Савича**, **В. П. Науменка**, **А. Ш.**, **Н. Н. Оглоблина**, **Я. П. Новицкаго**, **Н. Д. Н.**, **Б. С. Познанскаго**, **А. С. Л.**, **Г.**, **Вл. Ляскоронскаго**, **А. Андр.**, **Г. Залюбовскаго** **И. Зозули**, **Н. Θ. Добровторскаго**, **Н. В. Шугурова**, **М. А. Комарова**, **Ю. Тиховскаго**, **И. Ж.**, **Θ. Камнискаго**, проф. **И. Г. Карнискаго**, **М. К. Васильева**, **А. Лобко**, **Н. В.**, **Ан. Залѣскаго**, **И. А. Л—ко**, **П. В. Дворжецкаго-Богдановича**, **Л. П.**, **Л*****, **Н. Китицына**, **В. Б.**, **В. Гаврыша**. Для справокъ. Столбцы, прии. гр. **М. Толстому**. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ**.

Въ отдѣлѣ «Библиографіи» помѣщены рецензіи: **И. М. Камашина**, **А. Л.**, **В. А.**, **Н. Л.**, **Н. Г.**, **Амартола**, **А. І. Стеновича**, **О. Л.**, **П. В. Голубовскаго**, **Н. Т.**, **Н. Б.**, **Г. Э.**, **А. М.**, **А. Р.**, **П. Л.**, проф. **Θ. Г. Мищенко**, проф. **Н. И. Петрова**, **Н. В. Шугурова**, **Ц. Г. Неймана**, **И. Л—ка**, **В. П. Науменка**, **Ив. П. Новицкаго**, **Θ. П.**

Приложенія: Наказы малорос. денуг. 1767 г.—Предисловіе **В. Типинскаго** къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова**.—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова**.—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ **Θ. Г. Лебедннца**.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго**.—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича**.—Портретъ **М. С. Щенкина** въ роли Чупруна.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

АВГУСТЪ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Норчакъ-Новицкаго. Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Київъ, 26-го Іюля 1889 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ русской великой княгини Ольги св.

(Окончаніе)¹⁾.

IV.

Отъ IX в. въ начальной лѣтописи нѣтъ извѣстій о Плесковѣ. Въ странѣ плесковскихъ кривичей упоминается подъ 862 г. только городъ Изборскъ, въ которомъ княжилъ Труворъ. Отъ X в. имѣются два извѣстія о Плесковѣ: первое подъ 903 г., говорящее о приведеніи Ольги изъ этого города, второе — подъ 947 г., гдѣ описывается объѣздъ Ольгою Новгородской области и упоминается о саняхъ Ольги въ Плесковѣ, стоящихъ до сегодня. За XI в. имѣется въ начальной лѣтописи одно извѣстіе о Плесковѣ, помѣщенное въ Ипатскомъ спискѣ подъ 1034, а въ Лаврентьевскомъ подъ 1036 г., когда по этому извѣстію, посаженъ былъ въ Плесковѣ въ порубъ Ярославомъ братъ его Судиславъ, сидѣвшій здѣсь до 1059 г., въ которомъ освобожденъ племянникомъ Изяславомъ и его братьямъ. Это извѣстіе дополняется очень вѣроятнымъ извѣстіемъ позднѣйшихъ лѣтописей о томъ, что Плесковъ былъ *удѣльнымъ городомъ* Судислава, посаженнаго здѣсь еще Владиміромъ²⁾. Въ древней Новгородской лѣтописи, т. е. въ Сино-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ № 7, июль.

²⁾ Это лѣтописи: Никоновская, Воскресенская, Тверская, Софійская первая и др. (Лейбовича, Сводная лѣт. стр. 88). Судиславъ могъ быть посаженъ Владиміромъ въ Плесковѣ не одновременно съ старшими братьями, а позже, ибо вообще разсуживаніе Владиміромъ сыновей по удѣламъ слѣдуетъ понимать такъ, что оно происходило постепенно по мѣрѣ того, какъ сыновья достигали возраста. Нѣтъ повода предполагать, чтобы какой либо изъ нихъ былъ обдѣленъ. Такимъ образомъ сообщеніе позднѣйшихъ лѣтописей о Судиславѣ, какъ имѣвшемъ свой удѣлъ въ Плесковѣ, вполне вѣроятно, хотя бы оно было и догадкой ихъ. А то обстоятельство, что Ярославъ посадилъ Судислава въ порубъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ умеръ Мстиславъ черниговскій, проще всего объясняется тѣмъ, что, освободясь отъ одного совмѣстника, онъ хотѣлъ и могъ теперь легко освободиться и отъ другаго, чтобы быть единовластнымъ во всей Руси.

дальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи, нѣтъ извѣстій о Плесковѣ отъ XI в. Но въ позднѣйшихъ спискахъ той же лѣтописи и вообще въ позднѣйшихъ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ, кромѣ упомянутыхъ выше извѣстій о Плесковѣ, взятыхъ изъ начальной лѣтописи, есть еще одно извѣстіе отъ XI в., помѣщаемое подъ 1059 или 1060 г. Это извѣстіе о походѣ Изяслава Ярославича на какихъ то инородцевъ, сосѣдникъ съ Плесковскою областью и называемыхъ сосолы, во время котораго Изяславъ наложилъ на нихъ дань. Инородцы изгнали сборщиковъ дани и сами потомъ сдѣлали нападѣніе на Юрьевъ, доходили до *Плескова*, но противъ нихъ ополчились исковичи въ соединеніи съ новгородцами и отразили ихъ въ большой сѣчѣ. И это извѣстіе представляется намъ очень фронтнымъ, взятымъ изъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ записей новгородскихъ, хотя непонятное названіе инородцевъ не легко поддается объясненіямъ¹⁾ Съ XII в., а именно съ 30-хъ годовъ этого вѣка, уже учащаются извѣстія о Плесковѣ, какъ въ древней лѣтописи, такъ особенно въ новгородскихъ лѣтописяхъ начиная съ *древнѣйшей* изъ нихъ, т. е. первой Новгородской лѣт. по Синодальному списку. Плесковъ представляется уже городомъ разросшимся, значительнымъ, обнаруживаетъ задатки вѣчеваго устройства, подобнаго новгородскому, и хотя остается въ зависимости отъ Новгорода, какъ его пригородъ, но можетъ поступать и самостоятельно, какъ напр. въ дѣлѣ князя Всеволода Изяславича, котораго Новгородъ изгналъ, а Плесковъ принялъ къ себѣ на княженіе въ 1136 г. Съ фактомъ умноженія извѣстій о Плесковѣ слѣдуетъ сопоставить совершенно противоположный фактъ относительно Изборска. Упомянутый въ начальной лѣтописи подъ 862 г., какъ городъ Трувора, онъ затѣмъ надолго исчезаетъ въ лѣтописяхъ, не дающихъ извѣстій о немъ до XIII в.

Совокупностію приведенныхъ извѣстій о Плесковѣ достаточно обусловиваются слѣд. соображенія и выводы:

а) Стоящіе подъ 903 и 947 гг. и связанныя съ именемъ Ольги извѣстія о Плесковѣ имѣютъ значеніе *прямыхъ свидѣтельствъ и о*

¹⁾ Новгородская лѣт. по Синод. списку. Сиб. 1888 г. стр. 12. Псковская первая лѣт. въ П. Собр. Р. лѣт. Т. IV, стр. 176. См. Лейбовича, тамъ же стр. 138. Карамзина, И. Г. Рос. Т. II, стр. 114. То, что упоминаемый походъ Изяслава непосредственно граничитъ съ временемъ, когда онъ, согласясь съ братьями, освободилъ Судислава изъ плесковского поруба, даетъ возможность полагать, что походъ вызванъ былъ какими либо свѣдѣніями о непріязненныхъ Плескову инородцахъ, полученными Изяславомъ по случаю дѣла Судислава. А древность источника, изъ котораго заимствовано извѣстіе о войнѣ съ инородцами, фронтна тѣмъ, что Псковъ называется здѣсь *Плесковымъ*, какъ и назывался онъ до XIV в.

саможъ существованіи ея въ означенныя годы. Съ убѣдительностію этихъ свидѣтельствъ далеко не могутъ равняться ни показаніе или точнѣе—мнѣніе позднѣйшихъ повѣствователей, что «града Плескова не бысть» до Ольги, связанное съ ихъ мнѣніями то о Выбутичѣ, то объ Изборскѣ, какъ родинѣ Ольги, ни—извѣстіе поздняго Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги, комментируемое ссылкой на существованіе болгарской Плискувы и предположеніемъ о несуществованіи до Ольги русскаго Плескова. Полагая, что относительное значеніе упомянутыхъ свидѣтельствъ начальной лѣтописи и позднѣйшихъ показаній или вѣрнѣе—мнѣній, ей противорѣчащихъ, достаточно выяснено въ предложенномъ выше общемъ обзорѣ и анализѣ ихъ, переходимъ къ дальнѣйшимъ выводамъ.

б) Если Плесковъ существовалъ въ 947 и въ 903 г., то онъ основанъ *ранѣе* этого времени. *Первыя* свидѣтельства о *существованіи* такого города, объ *основаніи* котораго нѣтъ извѣстій, всегда или почти всегда должны быть понимаемы такъ, что эти свидѣтельства *возднѣе* основанія города, что городъ основался *ранѣе*, чѣмъ представился лѣтописцу случай упомянуть о его существованіи. Въ данномъ случаѣ, т. е. относительно Плескова, это тѣмъ естественнѣе, что періодъ историческихъ извѣстій начальной лѣтописи, предшествующій появленію подъ 903 г. перваго извѣстія о Плесковѣ, обнимаетъ собою время не болѣе, даже менѣе полувѣка, считая съ 859 г. Нисколько не удивительно, что за такое короткое время лѣтописцу не встрѣтилось повода упомянуть о Плесковѣ. Первая Новгородская лѣтопись по древнѣйшему Синодальному списку ея начинаетъ упоминать о Плесковѣ лишь съ 30-хъ годовъ XII в., хотя существованіе города гораздо ранѣе этого времени не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ виду всего сказаннаго, слѣдуетъ признать вполнѣ основательнымъ слѣдующее утвержденіе автора первой Псковской лѣтописи, который подъ 862 г., послѣ разсказа о призваніи князей, сѣдшихъ въ извѣстныхъ городахъ, замѣчаетъ: «а о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспоминаемо, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, *яко были уже въ то время, какъ навхали князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словене княжити; понеже повѣдаетъ (лѣтопись), яко Игорь Рюриковичъ полтъ себѣ жену отъ Плескова*»¹⁾. Здѣсь вѣрно понято значеніе стоящаго подъ 903 г. перваго свидѣтельства о существованіи Плескова, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ сви-

¹⁾ П. Собр. лѣт. IV, стр. 174.

дѣтельства о *болѣ древнемъ происхожденіи* его. Этого ближайшаго вывода для нашей цѣли и достаточно. Но есть возможность идти и къ дальнѣйшимъ выводамъ, хотя и предположительнымъ, но не лишеннымъ значенія въ занимающемъ насъ вопросѣ.

в) Представляется вѣроятнымъ, что Плесковъ существовалъ до *призванія князей*, существовалъ съ незапамятнаго времени, основанъ *самими мѣстными славянами т. е. кривичами Плесковской области*, и что онъ то былъ *главнымъ старшимъ* городомъ въ этой области, а не Изборскъ, въ которомъ княжилъ Труворъ. Было сказано, что объ Изборскѣ, послѣ перваго извѣстія о немъ. подъ 862 г., нѣтъ болѣе извѣстій до XIII в., а о Плесковѣ они продолжаются чрезъ XI и XII в. Видимо, что онъ былъ значительнѣе Изборска, и имѣлъ задатки вѣчеваго устройства, какимъ отличались, какъ извѣстно, по преимуществу, *старые* племенные города, а не новые княжескіе, а между старыми городами—главные племенные города, а не ихъ пригороды. И если съ XIII в. Изборскъ является даже пригородомъ Пскова, то, по всей вѣроятности, такое отношеніе было наслѣдіемъ отдаленной старины ¹⁾. Наконецъ, то, что Труворъ сѣлъ на княженіе не въ Плесковѣ, а въ Изборскѣ, нисколько не говоритъ въ пользу старѣйшинства послѣдняго предъ первымъ. И о Рюригѣ есть извѣстія, что онъ сперва основалъ свое пребываніе въ Ладогѣ и уже потомъ перешелъ въ Новгородъ. Князьямъ на первыхъ порахъ, повидимому, было удобнѣе утверждаться внѣ старыхъ и большихъ, вѣчевыхъ городовъ и уже потомъ утверждать свою власть и въ послѣднихъ.

г) Если Плесковъ принадлежалъ къ старымъ до—княжескимъ городамъ, то и названіе его было *своимъ, старымъ*, а не полученнымъ вновь при князьяхъ. Болгарская Плескува, если имѣла отношеніе къ этому названію, то отнюдь не такое, какое предполагается въ мнѣніяхъ объ основаніи нашего Плескова Ольгою, а развѣ весьма отдаленное. Общезвѣстно, что между названіями городовъ и др. мѣстностей въ предѣлахъ начальнаго расселенія славянъ по русской землѣ есть немало такихъ, которыя тождественны или сходны съ названіями городовъ и мѣстностей у южныхъ придунайскихъ славянъ. Правдоподобно предположеніе, что такіа названія могли быть принесены русскими славянами съ придунайской родины ихъ, бывшей таковою по общему народному преданію о томъ, отмѣченному въ начальной лѣтописи.

¹⁾ Извѣстія объ Изборскѣ и притомъ, какъ пригородѣ Плесковскомъ, начинаются въ первой Псковской лѣтописи съ 30-хъ годовъ XIII в. П. Соб. р. лѣт. т. IV, стр. 178 и д.).

Въ этомъ именно смыслъ Чертковъ, въ своемъ изслѣдованіи «о переводѣ Манассійской лѣтописи», допускаетъ связь названій болгарскаго и русскаго Плескова. «Нашъ Псковъ (въ лѣтописяхъ Плесковъ) получилъ, вѣроятно, свое имя отъ Задунайскаго Плескова, Переяславль Кіевскій—отъ двухъ Болгарскихъ»¹⁾. Проще другое предположеніе, по которому названіе Плескова, какъ находящагося при устьѣ рѣчки Псковы, древней Плесковы, впадающей здѣсь въ р. Великую, производится именно отъ этой рѣчки²⁾. Въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ названія *древнихъ* городовъ тождественны или сходны съ названіями рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, горъ, при которыхъ и на которыхъ они находятся, названія первыхъ слѣдуетъ считать происшедшими отъ послѣднихъ, а не обратно; ибо рѣки, озера, горы существуютъ ранѣе городовъ, ранѣе ихъ получаютъ и свои названія отъ первыхъ поселенцевъ, только со временемъ создающихъ здѣсь города. Впрочемъ мыслію о происхожденіи названія Плескова и рѣчки Плесковы не исключается возможность связи обоихъ названій съ названіемъ задунайской Плискувы, связи, повимаемой въ смыслѣ преемства или просто въ смыслѣ сходства обычаевъ и приемовъ въ наименованіи рѣкъ и городовъ у разныхъ племенъ одного и того же народа славянскаго. Конечно, подобныя предположенія и останутся предположеніями. Впрочемъ же вѣроятнымъ можетъ быть признано только то, что Плесковъ *существовалъ до Ольги и даже до призванія князей.*

д) Этимъ само собою исключается мнѣніе объ основаніи Плескова Ольгою, относимомъ то ко времени поѣздки ея по Новгородской области въ 947 г., то къ позднѣйшему времени, когда она была уже христіанкой и возвратилась изъ Царьграда. Остается присовокупить слѣдующее: объ основаніи Ольгою Плескова *нѣтъ извѣстій ни въ одной изъ лѣтописей; нѣтъ въ нихъ извѣстій и вообще о томъ, чтобы Ольга строила города.* Начальная лѣтопись, говорящая о строеніи городовъ Рюрикомъ, Олегомъ, Владиміромъ, не говоритъ того же относительно Ольги. Говори о поѣздѣ Ольги по Новгородской землѣ, упомянувъ при этомъ о саняхъ Ольги въ Плесковѣ, она имѣла самый подходящій случай сказать и объ основаніи этого города Ольгою. Но она не сказала, и, безъ сомнѣнія, потому, что не знала и не слыхала о томъ, что признавала и имѣла основаніе признавать Плесковъ существовавшимъ прежде, который только *посѣтила* Ольга во время своей

¹⁾ Стр. 123—124.

²⁾ Подобнымъ образомъ Полоцкъ, древній *Полотескъ*, получилъ названіе отъ рѣчки *Полоты*. Вптебскъ, древній *Видбескъ*,—отъ рѣчки *Видбы*.

поѣздки на сѣверъ. Единственное извѣстіе объ основаніи Ольгою Плескова, сблжающее это обстоятельство съ временемъ поѣздки Ольги на сѣверъ, есть извѣстіе Татищева. Понятно, что оно не заслуживаетъ никакого довѣрія, но слишкомъ позднему появленію его, по отсутствію всякаго указанія на его источникъ, наконецъ, по очевидной связи этого разсказа Татищева съ баснословными сказаніями объ изборскомъ происхожденіи Ольги и сказаніемъ «житія» помѣщенного въ Степенной книгѣ, слова котораго объ основаніи Ольгою Плескова только *переимачены* или переставлены Татищевымъ съ перестановкою и мнимаго факта основанія Ольгою Плескова съ позднѣйшей христіанской поры ея жизни на болѣе раннюю, граничащую съ годомъ поѣздки ея на сѣверъ. Въ свою очередь житіе Степ. книги есть единственный источникъ мнѣнія объ основаніи Ольгою Плескова уже въ христіанскую пору ея жизни. Сочиненность житійскаго сказанія объ этомъ предметѣ слишкомъ очевидна, чтобы ее доказывать. Замѣчательно, что сказаніе это отсутствуетъ даже въ проложныхъ житіяхъ, что оно не было извѣстно или не принималось въ самомъ Псковѣ въ періодъ зарожденія Псковскихъ лѣтописей. Напомнимъ еще разъ слова первой Псковской лѣтописи: «о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не воспоминаемо, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми; токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князя Рюрикъ съ братьею княжити въ Словене; понеже повѣдаеть (лѣтопись), яко Игорь Рюриковичъ поять себѣ жену Ольгу отъ Плескова».

е) Если Плесковъ не Ольгою основанъ, а существовалъ до нея, то всѣ извѣстія и преданія, связывающія имя Ольги съ Плесковомъ, должны быть понимаемы такъ, что они возникли и сложились въ *связи съ начальнымъ, утвердившимся и общимъ преданіемъ о ея происхожденіи изъ Плескова*, какъ несомнѣнномъ историческомъ фактѣ. Таково прежде всего древнѣйшее извѣстіе или преданіе *о саняхъ Ольги въ Плесковѣ*. Не напрасно же, при описаніи поѣздки Ольги на сѣверъ въ 947 г., только этотъ городъ опредѣленно отмѣченъ, какъ вмѣвшій такой особенный памятникъ ея пребыванія здѣсь. Были ли эти сани санями Ольги, или только ей усвоены преданіемъ,—объ этомъ можно, конечно, судить такъ или иначе; важно связанное съ ними преданіе о посѣщеніи Ольгою Плескова во время поѣздки на сѣверъ, предполагающее, что Ольга имѣла здѣсь болѣе долгую стоянку, имѣла свой хозяйственный обиходъ, остаткомъ котораго и считались эти сани. А это всего естественнѣе могло быть въ городѣ, для нея родномъ. Въ позднѣйшее время въ Плесковѣ и по близости отъ него

показывалось немало и других мѣстностей и предметовъ, связываемыхъ съ именемъ Ольги. Таковы: *Ольгинъ городокъ*, какъ называется въ писцевыхъ книгахъ недалеко отъ Пскова село Перино, *Житиниъ Ольгинъ дворецъ*, *Ольгины ворота*, *Ольгины слуды*, *Ольгина гора*, *Ольгинъ крестъ* ¹⁾. Все это отголоски преданія, что Плесковъ былъ *своимъ* городомъ для Ольги, что она бывала здѣсь, имѣла здѣсь или въ окрестности свои дворы, села, урочища. Въ связи съ этимъ преданіемъ получаетъ настоящее свое значеніе и преданіе о селѣ Будутинѣ или Выбутинѣ, находившемся близъ Пскова. Было упомянуто, что объ этомъ Будутинѣ имѣются сохранившіеся въ Никоновской лѣтописи двѣ записи, какъ о селѣ, въ которое Ольга сослала свою ключницу Малушу, и которое она предъ смертію завѣщала св. Богородицѣ, т. е. церкви св. Богородицы. Преданіе, выражаемое этими записями, даетъ такое представленіе, что Будутино было *своимъ* селомъ Ольги, составляло ея личную собственность, ея частное имѣніе или владѣніе. О такихъ *княжескихъ и княгининскихъ селахъ*, имѣвшихъ есть довольно извѣстій въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ. Упоминается въ начальной лѣтописи о селѣ *Ольжичи*, какъ селѣ Ольги, бывшемъ не подалеку отъ Кіева, повидимому при устьѣ Десны, впадающей въ Днѣпръ близъ Кіева. При весьма вѣроятномъ тождествѣ Будутина Никоновской лѣтописи съ Выбутиномъ «житій» Ольги, легендарное сказаніе послѣднихъ о Выбутинѣ, какъ родинѣ Ольги—поселянки, можетъ быть понимается лишь въ томъ смыслѣ, что это село было *своимъ* Ольгѣ *вообще по ея плесковской родинѣ*, что она владѣла имъ, бывала въ немъ въ качествѣ уроженки Плескова, что въ качествѣ таковой она и приобрѣла въ свое частное, княгининское владѣніе это село, находившееся въ такой удаленной отъ Кіева области. А это приобретеніе могло состояться или путемъ властнаго занятія его на свое имя и заселенія мѣстности, хорошо знакомой Ольгѣ по ея прежнему житію въ сосѣднемъ Плесковѣ, или же путемъ наслѣдства, какъ село принадлежавшее *роду* Ольги, доставшееся ей отъ ея *рода* ²⁾.

¹⁾ Святныя и древности Пскова, гр. Толстого, стр. 30, 73, 74, 76, 78. М. Евгенія, Истор. княж. Псковскаго, стр. 10. Ольгина гора упоминается и въ первой Псковской лѣтописи подъ 1394. П. Сб.р. Р. Лѣт. т. IV, стр. 194.

²⁾ Родомъ въ древности назывались у насъ и предки, и родители, и члены семьи, и родственники. Право семейнаго наслѣдства знакомо было руссамъ, какъ показывается напр. договоръ Олега.

V.

Отъ Плескова, какъ родины Ольги, перейдемъ къ личности самой Ольги, останавливаясь на тѣхъ достовѣрно извѣстныхъ или наиболѣе вѣроятныхъ чертахъ ея, по которымъ можно судить о ея родѣ, происхожденіи.

а) Ольга въ большую половину своей жизни оставалась *язычницей*, а крестилась и стала христіанкою уже по смерти мужа. Это *единогласно* утверждаютъ всѣ древнія извѣстія. Хотя и не невозможно, но крайне невѣроятно, чтобы болгарская княжна нач. X в. была и пришла въ Русь язычницей, а не христіанкой. Если же предположить, что она всегда была христіанкою, но только тайною, то все таки крайне трудно допустить, чтобы это осталось совершенно неизвѣстнымъ на Руси. Словомъ, долгое язычество Ольги остается неотразимымъ доказательствомъ того, что она была родомъ изъ самой Руси, гдѣ господствовало язычество и въ народѣ, и въ княжескомъ родѣ.

б) Ольга была родомъ—*варяжка*. Такою считается она въ извѣстныхъ уже намъ «житіяхъ» ея XVI в. Это показаніе «житій», конечно, не есть свидѣтельство, а домыселъ самихъ авторовъ «житій», но, на этотъ разъ, домыселъ основательный. Имя ея безспорно—варяжское, подобно именамъ Рюрика, Олега и Игоря, которые только и остались на послѣдующее время въ ряду славянскихъ именъ нашихъ князей, какъ имена варяжскія, какъ памятникъ варяжскаго происхожденія нашихъ князей, ставшихъ славяниться со времени Святослава. Здѣсь мы не войдемъ въ нескончаемый споръ съ теоріями, по которымъ то отрицается призваніе или приходъ къ намъ варяжскихъ князей, то самые князья эти считаются славянами, также какъ имена Рюрикъ, Олегъ, Игорь и Ольга—именами славянскими. Мнѣніе о варяжствѣ, т. е. норманствѣ нашихъ первыхъ князей и ихъ именъ, преобладавшее у нашихъ книжныхъ людей всей древней Руси, рѣшительно преобладающее у представителей русской исторической науки новой Руси, мы считаемъ настолько твердымъ, что попытки поколебать это мнѣніе, при всемъ научномъ достоинствѣ и симпатичности патріотическаго направленія ихъ, не достигаютъ своей цѣли и служатъ только къ большому подкрѣпленію преобладающаго мнѣнія въ его *существенныхъ* чертахъ и къ исправленію въ *не существенныхъ*, акцессуарныхъ чертахъ, къ ограниченію его въ нѣкоторыхъ крайнихъ выводахъ. Затѣмъ не считаемъ нужнымъ долго останавливаться и на предположеніи о перемѣнѣ прежняго славянскаго имени жены Игоря на имя Ольги, идущемъ изъ такого источника, какъ сказаніе о Пре-

красѣ въ Иоакимовской лѣтописи Татищева и крайне несправедливо по своей постановкѣ, какъ то справедливо замѣтилъ Погодинъ¹⁾. Наконецъ, съ мыслию о варяжскомъ происхожденіи Ольги наиболее сообразно то, что Олегъ, еще не ослабнѣвшійся варягъ, искалъ для такого же не ослабнѣвшагося варяга Игоря жены именно въ варяжскомъ родѣ, варяжской семьѣ. Кстати присовокупить, что и въ ближайшее затѣмъ время первыми брачными союзами нашихъ князей бывали преимущественно союзы съ варяжско-скандинавскими родами. Владиміръ женится на Рогнѣдѣ, дочери варяга Рогвольда, руки которой искалъ предъ тѣмъ Ярополкъ изъ Кіева. Вѣроятна въ числѣ первыхъ женъ Владиміра была и скандинавка Мальфредъ²⁾. Ярославъ былъ женатъ на Индигердѣ, дочери шведскаго короля, Мономахъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Гидѣ, англо-варяжской принцессѣ, старшій сынъ его Мстиславъ въ первомъ бракѣ женатъ былъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инге Стенкильсона. Отъ того же времени есть довольно примѣровъ выхода русскихъ князей въ замужество за скандинавскихъ принцевъ³⁾. Съ XII в. эти союзы прекращаются, оставшись памятникомъ преданій нашего княжескаго рода о собственномъ происхожденіи его изъ скандинавскаго сѣверо-запада, преданій, не забытыхъ и во все дальнѣйшее время древней Руси.

в) Ольга происходила, безъ сомнѣнія, изъ *знатнаго рода*, и по всей вѣроятности — изъ рода княжескаго. Знатность происхожденія сама собою, предполагается уже тѣмъ что она была *варяжка*. Было указано на внутреннее противорѣчіе сообщенія или домысла авторовъ житій Ольги XVI в., которыя, считая ее варяжкою, въ то же время производятъ ее изъ рода «не княжеска, ни вельможеска, но отъ простыхъ людей». Варяги принадлежали тогда у насъ не къ простому, а къ высшему классу.

¹⁾ Погодинъ къ доказательствамъ варяжскаго, т. е. норманскаго, происхожденія Ольги присоединяетъ, между прочимъ, указаніе на сходство нашихъ сказаній объ Ольгѣ съ сѣверными сагами, въ частности съ сказаніями этихъ сагъ о нѣкоторыхъ героиняхъ изъ королевскихъ и княжескихъ родовъ. Это давнее указаніе не утратило своего значенія и теперь, несмотря на болѣе широкое разъясненіе литературныхъ соотношеній какъ нашихъ сказаній, такъ и сагъ.

²⁾ Въ начальной лѣтописи, по обихъ древнимъ спискамъ, годъ 1000 г. говорится: преставися Мальфрѣдъ (въ Ипатск. — Мальфридъ¹⁾. Въ се же лѣто преставися и Рогнѣдъ, мати Ярославля. Дов. ясно, что говорится о двухъ женахъ Владиміра. Поэтому вариантъ Никоновской лѣтописи — Мальфридъ *сильный* не можетъ быть принятъ. Имя Мальфриды, какъ скандинавское, носила одна изъ дочерей Мстислава Мономаховича, женатаго на *шведской* принцессѣ, которой, конечно, и дано дочери его имя.

³⁾ На эти брачные союзы достаточно указаній въ исторіяхъ Карамзина, Соловьева и у Погодина.

Но знатность той варяжской семьи, изъ которой происходила Ольга должна быть понимаема такъ, что она приближалась къ достоинству княжескаго рода. Олегъ, воспитатель и опекунъ Игоря, имѣлъ высокое представленіе о достоинствѣ княжескаго рода, какъ показываютъ слова его Аскольду и Диру: «вы иѣста князя, ни *рода княжа*, но *азъ есмь роду княжа*, а се Игорьъ, сынъ Рюриковъ». Князь, говорившій такъ, естественно предпочиталъ найти своему питомцу, князю и наслѣднику велико-княжескаго престола, жену въ самомъ знатномъ, даже княжескомъ родѣ. Вообще знатность рода въ брачныхъ союзахъ и тогда весьма уважалась. Вспомнимъ гордый отвѣтъ Рогнѣды Владиміру, внушенный ей отцомъ Рогвольдомъ: «не хочу розуть робичича», хотя этотъ робичичъ былъ такимъ только по матери ¹⁾ Считалось слѣд. сообразнымъ, чтобы въ княжеской семьѣ и жена была изъ княжескаго рода. Даже въ послѣдующее время, когда княжескія фамиліи Рюрикова рода стали мельчать чрезъ распаденіе на удѣльныя вѣтви, твердо держался обычай, по которому брачные союзы заключались большею частію съ лицами или своихъ княжескихъ фамилій, или иностранныхъ владѣтельныхъ родовъ, и только въ немногихъ, по крайней мѣрѣ не частыхъ, случаяхъ—съ лицами знатнѣйшихъ *боярскихъ родовъ*. Союзы же съ лицами изъ простаго рода считались болѣе простымъ сожителствомъ, чѣмъ бракомъ. Не лишено значенія то извѣстіе или преданіе объ Ольгѣ, что она сильно прогнѣвалась на Святослава за его связь съ Милушею, ея ключницею, а самую Милушу сослала въ Будутино. Такъ могла поступить она не только, какъ уже христіанка, но какъ ревнительница княжеской чести Святослава и княжескаго дома, въ которомъ не подобало быть «робичичу» ²⁾. Вспомнимъ, наконецъ, свидѣтельство современника Ольги Константина Багрянороднаго, который говоритъ, что князья варварскихъ народовъ очень льстятся на брачные союзы съ принцессами императорскаго дома и совѣтуетъ не поддаваться на ихъ искательства. Но если подобные союзы съ императорскою фамиліею могли быть только мечтою у варварскихъ князей,

¹⁾ Погодинъ и здѣсь приводитъ извѣстный характеристическій разсказъ изъ сагъ о Сигридѣ, вдовѣ короля Эрика, которая велѣла сжечь одного своего жениха, чтобы отучить *незнатныхъ* князей отъ исканія ея руки. Исслѣдов. т. III, стр. 93. Есть нѣкоторое сходство въ этотъ разсказъ съ разсказомъ дѣтониса объ Ольгѣ, сжегшей пословъ сватавагося за нее древлянскаго князя Мада.

²⁾ Извѣстно, что дѣти княжескіе отъ подобныхъ матерей назывались иногда уменьшительными именами. Впрочемъ, ради отцовъ они могли вступать въ обладаніе правами княжескаго рода.

достижимую только для сильнѣйшихъ изъ нихъ, то союзы съ одностепенными, равноправными княжескими семействами были потребностію, обязательною къ осуществленію и осуществимою. Для Олега обязанность женить Игоря на знатной боярышнѣ и именно на княжнѣ, опредѣляемая обычаемъ, была тѣмъ настоятельнѣе, что Игорь былъ единственный сынъ и наслѣдникъ Рюрика, сынъ и наслѣдникъ такого князя, которымъ начинается *новая династія*, нуждающаяся въ охраненіи и укрѣпленіи ея достоинства, какъ династїи. Извѣстныя намъ свидѣтельства Владимірскаго лѣтописца и Іоакимовой лѣтописи объ Ольгѣ, какъ *родомъ княжнѣ*, не представляютъ, конечно, настоящихъ историческихъ свидѣтельствъ; но въ нихъ выражается вѣрное пониманіе того обстоятельства, что жена, какую нашелъ Олегъ для Игоря, могла быть только *княжною по происхожденію*. Къ этимъ свидѣтельствамъ слѣдуетъ присоединить свидѣтельство современника Ольги Константина Багрянороднаго о ея роднѣ, видѣнной императоромъ въ Царьградѣ. Описывая приемы Ольги при дворѣ императорскомъ 9 сентября и 18 октября 957 г., Константинъ упоминаетъ о бывшихъ тутъ съ нею ея *родственницахъ* — *архонтиссахъ*, т. е. такихъ же *княжнѣ*, какъ и сама Ольга, называемая у него *архонтною*, упоминаетъ и о родственникахъ и въ числѣ ихъ ея племянникъ¹⁾ Эта родня могла быть роднею Ольги и со стороны Игоря, у котораго были два племянника или *непѣи*, т. е. сыновья его сестры или сестеръ иначе *сестриничи*, упоминаемые въ договорѣ его съ греками 945 г. Но они могли быть также роднею и со стороны Ольги, т. е. могли быть въ этой роднѣ и лица, родственные Ольгѣ по тому роду, изъ котораго она происходила. Само собою понятно, что Константинъ говорилъ о роднѣ Ольги на основаніи сообщеній, полученнаго отъ самой Ольги или ея свиты. Впрочемъ мысля о происхожденіи Ольги изъ княжеской семьи отнюдь не исключается возможность того, что одна сторона въ самой этой семьѣ была не изъ княжескаго, а изъ *знатнѣйшаго боярскаго* рода, и въ такомъ случаѣ, всего вѣроятнѣе, — женская сторона.

г) Съ установленіемъ мысли о происхожденіи Ольги изъ княжеской или княжеско-боярскаго семьи, дѣлается возможною постановка очень интереснаго вопроса о томъ, — что это была за семья? Въ какомъ отношеніи находилась она къ господствующему княжескому роду?

¹⁾ De ceremoniis aulae Byzant. Lib. II, c. 15. Patr. Graec. ap. Migne, T. 112, p. 1108—1011.

Подготовленіемъ къ рѣшенію этого вопроса должно служить выясненіе *обстоятельствъ женитьбы Игоря на Ольгу*, могущее имѣть и свой особый интересъ. Ольга взята изъ Плескова, гдѣ, значитъ, и жила та семья, изъ которой она взята, а взята она въ 903 г., когда Олегъ и Игорь проживали уже 11 лѣтъ въ Кіевѣ (882—903 г.). Какъ же могли они знать о существованіи въ Плесковѣ такой, наиболѣе подходящей невѣсты Игорю? Почему не отыскивали или не отыскали ее въ семьяхъ «свѣтлыхъ и великихъ князей или великихъ и свѣтлыхъ бояръ», существовавшихъ и въ Кіевѣ и вообще ближе ко двору ¹⁾? Преданіе хочеть объяснить все это тѣмъ, что Ольга славилась необыкновенною красотою и умомъ. Объясненіе вѣроятное, но не полное, предполагающее само собою то пополненіе, что плесковская семья, изъ которой взята Ольга, была хорошо *известна* Олегу и Игорю, что поэтому знали они и о существованіи въ этой семьѣ Ольги, какъ наиболѣе желанной невѣсты Игорю. Но внимемъ въ извѣстія о его женитьбѣ. Начальная лѣтопись говоритъ: «Игорю возрасташю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша ему жену отъ Плескова, именовъ Ольгу». Тутъ дается видѣть, что Игорь женился на Ольгѣ именно по указанію и по волѣ Олега, своего воспитателя, какъ послушный ему и теперь. Такое прямое и вѣрное пониманіе дѣла представляетъ вариантъ Владимірскаго лѣтописца въ слѣдующихъ словахъ своихъ: «Игоря же жени (Ольгу), поятъ же за него жену именовъ Ольгу». За то совсѣмъ неудаченъ вариантъ другихъ позднѣйшихъ лѣтописей, преимущественно Новгородскихъ, по которому Игорь самъ выбираетъ или приводитъ себѣ жену, и который находится въ связи съ другими вариантами тѣхъ лѣтописей, представляющими Игоря главнымъ, самостоятельно и властно дѣйствующимъ лицомъ со времени занятія Кіева и потомъ во все правленіе Олега, а Олега—только служебнымъ лицомъ при Игорѣ, исполнителемъ его воли ²⁾. Всѣ эти варианты находятся въ прямомъ противорѣчьи съ свидѣтельствами начальной лѣтописи, представляющими Олега настоящимъ и полновластнымъ великимъ княземъ до самой кончины. Особенно рѣшительное значеніе имѣеть здѣсь такое *документальное* свидѣтельство какъ свидѣтельство договора 912 г., въ которомъ послы русскаго князя говорятъ о себѣ: «послани отъ Ольги, великаго князя русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтлыхъ бояръ» и проч. Какъ полновластный государь и притомъ старшій сродникъ и воспитатель

¹⁾ О такихъ князьяхъ и боярахъ говорится въ договорѣ Олега съ греками 912 г.

²⁾ У Лейбовича, тамъ же, стр. 26.

Игоря, Олегъ могъ вполне проявить волю свою въ дѣлѣ женитьбы Игоря, который и вообще не выдавался самостоятельнымъ характеромъ, что могло быть или природнымъ свойствомъ его, или послѣдствіемъ долгаго нахожденія его подъ опекунской властію сильнаго характеромъ и умомъ Олега.

Затѣмъ извѣстія о женитьбѣ Игоря и супружествѣ его съ Ольгою пролагаютъ путь къ обнаруженію еще и другихъ обстоятельствъ самый женитьбы его. Лѣтописецъ говоритъ: *возрастѣиу Игорю...* и привелъ ему жену. Здѣсь дается видѣть, что это былъ *первый* бракъ Игоря, въ смыслѣ настоящаго, такъ сказать, законнаго брака, какой и въ язычествѣ, особенно въ княжескихъ семьяхъ, различался отъ случайныхъ связей. Въ годъ этого брака—903-й Игорь былъ въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ—возрастъ довольно поздній для перваго брака, но тогдашнему времени, когда женились даже и ранѣе 20 лѣтъ¹⁾. Значитъ, женитьба Игоря почему то *отлагалась, отсрочивалась*. Для такого жениха, какъ князь и наслѣдникъ престола, подобная отсрочка должна была обуславливаться какимъ нибудь особенно важнымъ обстоятельствомъ, какимъ въ данномъ случаѣ всего естественнѣе предположить или то, что не имѣлось на лицо подходящей невесты, или же то, что имѣлась въ виду *предъизбранная невеста, но еще не достигшая возраста невесты*. Не была ли такою Ольга? Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, представляющемъ позднѣйшее извлеченіе изъ другихъ лѣтописей, извѣстіе о приведеніи Ольги изъ Плескова въ Кіевъ дополняется вариантомъ—*десяти лѣтъ*²⁾. Если это сообщеніе есть только собственный домыселъ лѣтописца, то на этотъ разъ—домыселъ основательный. Святославъ, сынъ Игоря и Ольги, родился въ 942 г., слѣд. на 39 г. ихъ супружества³⁾. А это значитъ,

¹⁾ Въ годъ смерти Рюрика—879-й Игорь былъ „велики дѣтескъ“ „велики молодѣ“, какъ выражается о немъ начальная лѣтопись по Лавр. и Ипат. спискамъ. Если это выраженіе понимать такъ, что ему было тогда три—четыре года, то въ 903 г. ему было около 25 л. Это обстоятельство, а также общезвѣстный обычай очень раннихъ женитьбъ кривыхъ князей нашихъ даютъ поводъ нѣкоторымъ исследователямъ предполагать, что Игорь былъ женатъ и до женитьбы на Ольгѣ. Но выраженіе лѣтописи объ этой женитьбѣ исключаетъ такое предположеніе, не имѣющее притомъ за собой никакого свидѣтельства.

²⁾ У Лейбовича, тамъ же стр. 26.

³⁾ Извѣстіе о годѣ рожденія Святослава сообщается въ лѣтописяхъ *Ипатьевской, Никоновской* и Соф. Врем. Поэтому пропускъ извѣстія о годѣ рожденія Святослава въ Лаврен. списокъ слѣдуетъ считать случайностію, происшедшею по недосмотру переписчика или редактора списка. Мы уже замѣчали, что варианты

что Ольга въ 942 г. была еще настолько не стара, что могла рож-
дать дѣтей ¹⁾. Это собразно и съ тѣмъ фактомъ, что даже чрезъ три
года потомъ древлянскіе послы сватали ее за своего князя Мала: едва
ли могли бы они оболщать Ольгу новымъ замужествомъ, если бы
видѣли въ ней старушку, уже не могущую быть женою ²⁾. Если же
Ольга въ 942—945 г. была еще въ такомъ возрастѣ, что могла рож-
дать дѣтей, могла быть сватана для новаго замужества, то, значить,
въ годъ приведенія ея изъ Плескова въ Кіевъ, какъ невѣсты Игорю,
она была еще очень молодою, была *недорослюю*. Обычай женить и
выдавать замужъ недорослыхъ очень извѣстенъ въ тѣ времена и въ
Греціи, и на Руси, и на Западѣ: это одинъ изъ первобытныхъ обы-
чаевъ, особенно въ княжескихъ семьяхъ. Даже въ XII в. у насъ из-
вѣстенъ примѣръ выдачи замужъ *восьмилѣтней* Верхуслavy, дочери
Всеволода Юрьевича за Ростислава Рюриковича: ихъ даже повѣнчали
и вѣнчалъ бѣлгородскій епископъ Максимъ ³⁾. Примѣры же договора
между родителями о бракѣ ихъ дѣтей, заключаемаго въ видахъ по-
литическихъ, имѣли мѣсто какъ на Западѣ, такъ и у насъ, даже отно-
сительно такихъ дѣтей, которые не достигли и 7 лѣтняго возраста ⁴⁾.

Ипатьевского списка оказываются большею частію надежныя Лаврентьевскіихъ. Впро-
чемъ самъ Лаврентьевскій списокъ подтверждаетъ достоверность извѣстія о годѣ
рожденія Святослава, когда подъ 946 г. говорить, согласно съ Ипатьев. лѣт., о
немъ: „бѣ бо дѣтескъ“. Татищевъ, ссылаясь на два бывшіе у него позднѣйшіе
списка лѣтописей (новгородской и ростовской; впрочемъ ссылка неясна) перено-
ситъ рожденіе Святослава на 920 г. Такое показаніе Татищева наклонно прини-
мать и нѣкоторые изслѣдователи, именно въ виду того, что рожденіе Святослава въ
942 г. представляется слишкомъ позднимъ для супруговъ, ставшихъ таковыми съ
903 г. Но это—напрасно. Показаніе Татищева рѣшительно не заслуживаетъ довѣрія,
какъ стоящее въ полномъ противорѣчій съ свидѣтельствами начальной лѣтописи и
о годѣ рожденія Святослава и о томъ, что въ 945 г. онъ былъ еще *дѣтескъ*, а не
20-лѣтній юноша. Несообразность же факта рожденія Ольгою сына въ 39 г. супру-
жества, не будучи абсолютною вообще, значительно ослабляется выясняющимся
фактомъ *недорослости* Ольги въ 903 г., который упустился изъ вниманія и который
здѣсь разъясняется.

¹⁾ Возможно, что у Игоря и Ольги были и другія дѣти до Святослава, но
не упомянуты въ лѣтописи потому ли, что поумирали, или потому, что то были
дочери, о которыхъ не всегда упоминаетъ лѣтописецъ.

²⁾ Если сказаніе о сватовствѣ за Ольгу греч. императора Константина есть
вымыселъ, то нѣтъ никакой причины считать таковымъ же рассказъ о древлянскомъ
сватовствѣ.

³⁾ Ипат. лѣт. стр. 443.

⁴⁾ Таковъ напр. извѣстный договоръ Мстислава Удалаго съ Андреемъ вор-
онегерскимъ о женитьбѣ сына послѣдняго также Андрея на дочери перваго Маріи,
которой было менѣе 7 лѣтъ.

Само собою понятно, что недорослая невѣсты или жены только брались въ семью жениховъ или мужей, а дѣйствительными женами онѣ становились по достиженію возраста. Тоже, конечно, слѣдуетъ думать и объ Ольгѣ. Приведенная изъ Плескова въ Кіевъ, въ качествѣ жены для Игоря, въ возрастѣ 10-лѣтнемъ, а можетъ быть 8-лѣтнемъ, подобно Верхуславѣ ¹⁾, она здѣсь жила, воспитывалась и доросла на глазахъ Олега и Игоря и женскихъ лицъ ихъ княжескаго рода ²⁾. А женою Игоря она стала, конечно, лишь спустя 5—7 лѣтъ.

Фактъ недорослости Ольги въ годъ приведенія ея въ замужество за Игоря очень важенъ. Онъ склоняетъ къ выводу, что женитьба его на Ольгѣ опредѣлилась не случайно, а *предусмотрѣнно*, заранѣе обдуманно, что умъ и красота невѣсты едва ли могли имѣть здѣсь значеніе *главнаго начальнаго* мотива къ брачному союзу, ибо въ недорослой дѣвочкѣ эти качества едва ли могли обнаружиться настолько выразительно, чтобы *рѣшительно* повліять на избраніе ея въ жены 25-лѣтнему Игорю, которому притомъ оставалось ожидать еще 5—7 лѣтъ, чтобы такая дѣвочка стала его женою. Значитъ, бракъ Игоря съ Ольгою предрѣшенъ былъ по другимъ мотивамъ, другимъ видамъ, которые были видами не только Игоря, но и Олега, и даже прежде всего—видами Олега: ибо Игорь, «ходившій по Олегѣ и слушавшій его», какъ своего воспитателя и великаго князя, и женился на Ольгѣ по волѣ Олега, которая, впрочемъ, могла совпадать съ собственнымъ желаніемъ Игоря.

д). Уясненіе обстоятельствъ женитьбы Игоря на Ольгѣ необходимо приводитъ къ заключенію, что та варяжская, жившая въ Плесковѣ, семья, изъ которой происходила Ольга, была *родственни* Олегу, что поэтому и Ольга была *родственницей* его, напр. его внучкой, племянницей и т. под. Чѣмъ прежде всего и естественнѣе всего объяснить несомнѣнный для насъ фактъ вліянія волѣ Олега въ заранѣе предрѣшенномъ дѣлѣ женитьбы Игоря на Ольгѣ, если не родственными отношеніями къ ней самаго Олега? Что можетъ быть естествен-

¹⁾ Было замѣчено, что сообщеніе Архангелогородскаго лѣтописца о 10-лѣтнемъ возрастѣ Ольги въ 903 г., есть, вѣроятно, только собственный домыселъ лѣтописца, понимавшаго, что Ольга въ этомъ году должна быть еще недорослою. Но недорослость эту возможно понимать и такъ, что она была даже не 10 лѣтъ, а еще моложе, что взята послѣ *семи* лѣтъ, на *восьмомъ*, когда она только что перешла изъ *дѣтскаго* возраста (какимъ повсюду считался возрастъ до 7 лѣтъ) въ возрастъ *отроческій, отроковичный*.

²⁾ Такія лица были, напр., одна или двѣ сестры Игоря.

нѣе желанія Олега женить княжича, своего питомца и наслѣдника престола, на своей родственницѣ? Воюмѣ естественно и то, что Игорь, обязанный Олегу и воспитаніемъ, и сохраненіемъ его правъ, какъ наслѣдника престола, охотно согласился скрѣпить родственный союзъ съ нимъ чрезъ бракъ съ Ольгою, тѣмъ болѣе, что послѣдняя обнаруживала задатки прекрасныхъ качествъ.

Средніе вѣка (да и другія времена) представляютъ много примѣровъ на то, что правители государства при недорослыхъ государяхъ или наслѣдникахъ престола женятъ или хотятъ женить ихъ на своихъ родственницахъ—дочеряхъ, сестрахъ, племянницахъ. Волюмѣ естественно было бы предполагать это и въ Олегѣ, еслибы даже онъ былъ только правителемъ государства при Игорѣ, а не государемъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Но тутъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще одно *важное* обстоятельство. Олегъ былъ *родственникомъ* отца Игоря Рюрика, какъ прямо свидѣтельствуется лѣтопись: «умершу же Рюрикови, предаеть княженіе свое Ольгови, *отъ рода ея сущу*, вдавъ ему на руцѣ сына своего Игоря, баше бо дѣтескъ вельми». Несомнѣнный фактъ родства Олега съ Рюрикомъ, а слѣд. и съ Игоремъ, служитъ для насъ новымъ подкрѣпленіемъ мысли, что къ общему родству этому принадлежала и Ольга, ближайшая родственница Олега и болѣе дальняя—Игоря, котораго и женилъ на ней Олегъ, побуждаясь именно чувствами и отношеніями родства. Здѣсь находить свое мѣсто предположеніе о связи именъ Олега или какъ пишетъ иногда лѣтопись, *Ольа* и Ольги. Но связь эту надежнѣе понимать не въ томъ натянутомъ и лишенномъ исторической аналогіи смыслѣ, что Ольга получила это свое имя отъ Олега *по случаю замужества*, а въ томъ болѣе простомъ смыслѣ, что она и *прежде* носила это имя, какъ *близкая родственница Олега*, получивъ его вслѣдствіе обычая давать тождественные имена членамъ одной и той же фамиліи, заимствуя такія имена особенно отъ именъ старшихъ и наиболѣе почетныхъ членовъ этой фамиліи. Обычай этотъ, древній и очень распространенный у народовъ, извѣстенъ и въ нашихъ княжескихъ фамиліяхъ¹⁾. Въ лѣтописяхъ относительно *княжихъ* именъ

¹⁾ Напр. въ родѣ князей черниговскихъ и рязанской вѣтви этого рода преобладаютъ имена *Святослави* и *Олега*, наиболѣе извѣстныхъ родоначальниковъ ихъ. То же примѣчается въ именахъ князей полоцкихъ и князьяхъ потомства Мстислава Мономаховича. Обычай же тождественныхъ именъ *мужскихъ* и *женскихъ* (конечно, съ перемѣною окончанія), не безызвѣстный и у насъ (Всеславъ—Всеслава и под.), извѣстнѣе на Скандинавскомъ сѣверѣ (Погодень, тамъ же, III стр. 92).

встрѣчаются замѣчанія, что дано ими *дядне* и т. под. Очень возможно, что и Ольгѣ дано это ими, какъ Олеговой внучкѣ или племянницѣ. Не лишено значенія и замѣчательное сходство въ характерѣ Олега и Ольги. Олегъ—вѣщій и мудрый; Ольга—тоже «мудрая вельми»; онъ и она дѣйствуютъ хитростію, обманомъ: Олегъ—въ отношеніи къ Аскольду и Дпру, и Ольга—въ отношеніи къ древлянскимъ посламъ. Не черты ли это фамиліаго сходства? Не лишено значенія и то, что только *объ Олега* и *Ольгу* передаются однородныя сказанія (колеса Олега, воробьи Ольги), имѣющія свои отголоски и въ сагахъ. Не служатъ ли эти сказанія также отголосками розсказней въ потомствѣ той варяго-русской фамиліи или родни, къ которой нѣкогда принадлежали Олегъ и Ольга? Впрочемъ, и помимо подобныхъ предположеній, остается, кажется намъ, достаточно обоснованнымъ выводъ, что та, жившая въ Плесковѣ, варяго-русская семья, изъ которой Олегомъ взята Ольга въ замужество за Игоря, была родственною Олугу.

е) Но такой выводъ обуславливаетъ постановку вопроса о томъ: чѣмъ была въ Плесковѣ эта варяго-русская семья? Ея жителство и ея положеніе въ Плесковѣ не находилось ли въ связи съ какими либо прежними отношеніями къ Плескову самаго Олега? Говоря о прибытіи Рюрика съ братьями, лѣтописецъ замѣчаетъ: «и избрашася три брата съ *роды своими*». Безъ сомнѣнія, въ этихъ родахъ долженъ разумѣться и Олегъ, *сущій отъ рода Рюрика*. Когда по смерти братьевъ Рюрикъ сталъ княжить одинъ, то онъ, по лѣтописи, «раздавалъ грады *мужемъ своимъ*: овому Полотскъ, овому Ростовъ, овому Вѣлозеро: и по тѣмъ городомъ, прибавляетъ лѣтописецъ, суть находницы Варязи»¹⁾. Замѣчательно, что лѣтописецъ не упоминаетъ здѣсь

¹⁾ Къ величайшему сожалѣнію, послѣ этого, стоящаго подъ 862 г., расказа и затѣмъ извѣстія объ отходѣ Аскольда и Дпра на югъ и занятіи ими Кіева, начальная лѣтопись ничего болѣе не сообщаетъ о Рюрикѣ и сѣверной Руси до его кончины въ 879 г., а послѣ извѣстія о ней и о переходѣ власти и олукуства надъ Игоремъ къ Олугу,—ничего не сообщаетъ объ Олугѣ до похода его на югъ къ Кіеву въ 882 г. Такимъ образомъ годы между 862—879 гг. остаются въ лѣтописи *пустыми* для сѣверной Руси. Лишь подъ тремя изъ этихъ шестнадцати пустыхъ годовъ помѣщены извѣстія, не относящіяся къ сѣверной Руси и притомъ не самостоятельныя, а заимствованныя изъ византійскихъ хроникъ. Затѣмъ, послѣ 879 г. стоятъ опять пустые года до 882 г. Огрывочность извѣстій о Рюрикѣ подъ 862 и 879 гг. въ связи съ указаннымъ значительнымъ количествомъ пустыхъ годовъ, служилаъ обидною для исследователей въ отношеніи достоверности и вѣдн и лѣтописи, къ отграниченію Рюрика и варяго-русскихъ, послѣ чего и Олугъ представляется путешественникомъ

объ Изборскѣ. Не иначе слѣдуетъ понимать это, какъ такъ, что Изборскъ съ областію мѣстныхъ кривичей Рюрикъ оставилъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи вмѣстѣ съ Новгородомъ и областію новгородскихъ или ильменскихъ славянъ. Но Рюрикъ жить и долженъ былъ жить въ Новгородѣ, гдѣ у него было много дѣла, обусловливаемого самымъ положеніемъ его, какъ перваго князя, гдѣ приходилось ему и заново обстроиваться въ новой столицѣ (о чемъ есть извѣстія), мирить родовыя распри, вершить судъ, устанавливать порядокъ и удерживать въ подчиненіи и порядкѣ новопокоренное населеніе (есть, хотя и позднія, извѣстія о борьбѣ его съ недовольными его властію). Естественно, что вторую изъ двухъ, оставленныхъ имъ въ своемъ непосредственномъ владѣніи областей, т. е. область сосѣднихъ кривичей съ городами Изборскомъ и Плесковомъ онъ могъ предоставить во власть другому лицу, но уже не кому либо изъ своихъ мужей или бояръ, а такому лицу, которое было у него *alter ego*, было настолько близкимъ къ нему, что принимало интересы его и его дома, какъ свои собственные. А такимъ былъ Олегъ, сущій отъ

въ нашей исторіи только съ 882 г. (когда онъ оказывается въ Кіевѣ) и не имѣющимъ никакого отношенія къ Рюрику, какъ не существовавшему. Такой взглядъ на дѣло представляется намъ крайне несостоятельнымъ. Отрывочность извѣстій о начальныхъ временахъ государствъ есть явленіе почти всеобщее въ ихъ лѣтописяхъ. Пустыми годами изобилуютъ начальныя лѣтописи повсюду; а въ нашей лѣтописи на первыхъ страницахъ ея есть не мало пустыхъ годовъ и послѣ 882 г. При такомъ, воплѣ естественномъ положеніи лѣтописнаго дѣла въ начальное время всякой исторіи, тѣмъ болѣе слѣдуетъ беречь, какъ драгоценность, доставшіяся намъ немногія отрывочныя извѣстія. Иначе мы рискуемъ остаться при исторіи безъ *начала*, или же началомъ ея поставимъ наши догадки и теоріи, чтѣ и видимъ у тѣхъ, впрочемъ весьма уважаемыхъ, историковъ, которые отвергаютъ первыя хронологическія и опредѣленныя извѣстія лѣтописи. Съ своей стороны, твердо держась этихъ извѣстій, полагаемъ, что только *въ согласіи съ ними* позволительно строить предположенія и о томъ, чтѣ могло быть и дѣлаться въ тѣ годы времени Рюрика и Олега, которые остались пустыми въ лѣтописи, но, безъ всякаго сомнѣнія, не оставались пустыми въ дѣйствительности, а были выполнены дѣятельностію этихъ князей и ихъ сподвижниковъ по начальному устроенію новаго государства и себя самихъ въ этомъ государствѣ, въ новой странѣ и среди ея населенія. Тоже должно сказать и по поводу молчанія начальной лѣтописи о семейныхъ отношеніяхъ новой династіи. Лѣтопись прямо говоритъ только объ одномъ *сынѣ* у Рюрика Игорѣ. Но случайно изъ уцѣлѣвшаго въ цей договора Игоря съ греками узнаемъ, что у Рюрика были дочери, сестры Игоря, сыновья которыхъ, Игоревы *непи* т. е. сестринича, упоминаются по именамъ въ этомъ договорѣ. Также случайно, отъ Константина Багрянороднаго узнаемъ, что къ великокняжескому дому Игоря и Ольги, основанному Рюрикомъ и Олегомъ, принадлежала цѣлая группа родственниковъ и родственницъ.

рода Рюрика и настолько преданный и вѣрный ему, что предъ смертію Рюрикъ вдалъ на руки ему своего сына и наследника. Такъ весьма вѣроятно, что *Олеъ еще при жизни Рюрика владѣлъ и правилъ Изборскомъ и Плесковомъ* съ областію мѣстныхъ кривичей, какъ самъ Рюрикъ — Новгородомъ и Ладогой съ областію ильменскихъ славянъ¹⁾. Какъ сродичъ Рюрика и притомъ несомнѣнно даровитый, сильный и преданный ему, Олегъ, по согласію и уговору съ нимъ, имѣлъ здѣсь свое княжество, свое владѣніе, служившее и содержаніемъ ему, какъ князю, собиравшему на себя дани, оброки и пошлины. Это было сходно съ обычаями подобныхъ владѣній на скандинавскомъ сѣверѣ; довольно сходно и съ обычаями нашей позднѣйшей удѣльщины. Близость княжеской области Олега къ Новгороду представляла удобства для сношеній между нимъ и Рюрикомъ, тогда очень важныхъ въ интересъ ихъ обоихъ. Затѣмъ, такъ какъ Изборскъ послѣ 862—864 г., когда въ немъ княжилъ Труворъ, надолго исчезаетъ въ лѣтописяхъ, а вмѣсто него съ нач. X в. выступаетъ Плесковъ, связуемый при этомъ съ именами Олега и Ольги; то естественно предположить, что Олегъ, получивъ въ свое владѣніе область ближайшихъ къ Новгороду кривичей, поступилъ подобно Рюрику, черешедшему изъ Ладоги въ Новгородъ, то есть: оставилъ Изборскъ и перешелъ въ Плесковъ, какъ городъ, подобно Новгороду, главный въ своей области, и притомъ ближайшій къ нему. Послѣ этого Изборскъ пошелъ надолго въ забвеніе, а Плесковъ сталъ расти заново обстроиваться Олегомъ, какъ Новгородъ Рюрикомъ. Когда, по смерти Рюрика, Олегъ сталъ княжить въ самомъ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, какъ полновластный великій князь, имѣвшій «подъ своею рукою и всѣхъ свѣтлыхъ князей и великихъ бояръ», какъ областныхъ правителей, то онъ имѣлъ полную возможность предоставить свой прежній плесковский удѣлъ во владѣніе одному изъ такихъ князей, но такому именно, который былъ *отъ его рода*, какъ самъ онъ былъ отъ рода Рюрика и который по родству съ Олегомъ, имѣлъ право наследовать ему въ его прежнемъ удѣлѣ. Это сообразно съ дѣятельностію Олега въ первые годы его правленія, какъ ее изображаетъ лѣтописецъ, говоря, что онъ на пути къ Кіеву, сажалъ своихъ мужей во вновь занятыхъ городахъ (Смоленскѣ и Лебечѣ), устроялъ города, устанавливалъ дани, а въ

¹⁾ Предоставленіе во власть Олега гг. Изборска и Плескова съ областію кривичей послѣдовало, надо полагать, въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, которые послѣ 862—864 г. остаются въ лѣтописи пустыми.

Новгородѣ установилъ особую дань въ пользу Варяговъ «мира дѣля»¹⁾. Правда, Плесковъ не упомянутъ въ числѣ городовъ, обнятыхъ распорядительною дѣтельностью Олега въ эти первые годы его правленія; но, безъ сомнѣнія, онъ не могъ быть обойденъ ею, такъ что отсутствіе извѣстій о распоряженіяхъ Олега относительно Плескова, въ лѣтописи, вообще крайне скудной извѣстіями для даннаго времени, можетъ объясняться тѣмъ, что въ этихъ распоряженіяхъ не было ничего *особеннаго*, т. е. что этотъ городъ съ окрестною областію просто семейнымъ распоряженіемъ Олега перешелъ во владѣніе «свѣтлаго князя», сродича Олега. Изъ семьи этого князя и могла произойти Ольга, какъ могли произойти изъ нея и нѣкоторые изъ ея родственниковъ и родственницъ, упоминаемыхъ Константиномъ Багрянороднымъ. Эту то семью посѣщала Ольга во время своей поѣздки изъ Кіева на сѣверъ, когда она останавливалась въ Плесковѣ и, повидному, на долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Отъ этой то семьи, осѣвшей въ плесковской области со времени Олега, могли достаться Ольгѣ, по праву фамильнаго наслѣдства, и нѣкоторые изъ тѣхъ сель и угодій, которыя связываются преданіемъ съ именемъ Ольги, и изъ которыхъ село Выбутино или Будутино признано было мѣстомъ ея рожденія. Плесковская княжеская, или княжеско-болярская фамилія, какъ родственная Олегу, могла бы современемъ стать даже независимою владѣтельною фамиліею, подобно фамиліи Рогвольда полоцкаго²⁾. Но вѣрный сродичъ и преданный дому Рюрика Олегъ, лично удовольствовавшись тѣмъ полномочіемъ, какое предоставилъ ему Рюрикъ предъ смертію и которымъ онъ имѣлъ пользоваться до своей кончины, возвращаетъ Плесковъ наслѣднику Рюрика вмѣстѣ съ рукою Ольги, къ чему могло располагать велико-

¹⁾ Это *мира дѣля* (дѣля) можно понимать такъ, что оставленная въ Новгородѣ военная дружина варяговъ, содержащая на счетъ слѣдовавшей Олегу, какъ в. князю, дани отъ Новгорода, должна была охранять миръ, т. е. спокойствіе и покорность самаго населенія вѣчеваго города, или же охранять городъ отъ возможныхъ набѣговъ другихъ заморскихъ варяговъ, охранять *внѣшній* миръ.

²⁾ О Рогвольдѣ Лаврент. лѣтопись подъ 1128 г. говоритъ: „бѣ Рогвольдъ пришелъ изъ за моря, имѣше волость свою Полгескъ“. Но какъ Полоцкъ, по болѣе равнему сообщенію той же лѣтописи, находился въ свое время во власти Рюрика, который далъ его въ управленіе одному изъ своихъ *мужей*, то надо полагать, что изъ фамиліи этого мужа и происходилъ Рогвольдъ, что фамилія этого мужа правила Полоцкомъ *наслѣдственно*, а Рогвольдъ, пользуясь заглавительствомъ по смерти Святослава при его сыновьяхъ, сталъ держать себя независимо, желая обратити управленію имъ область въ свое княжество.

душнаго опекуна еще и то, что самъ онъ или не имѣлъ прямого наслѣдника, или признавалъ таковымъ Ольгу и любилъ ее, какъ свою внучку или племянницу. Родня же Ольги мирилась съ такою волею Олега, какъ ему всѣмъ обизанная, отъ него вполне зависимая и притомъ въ возвышеніи Ольги, какъ жены Игоря, наслѣдника престола и власти во всей русской землѣ, видѣвшая собственное возвышеніе, достаточно ее удовлетворявшее. Словомъ, бракъ Игоря съ Ольгою, устроенный Олегомъ, имѣлъ свои мотивы, но всей вѣроятности не только въ *родственныхъ*, но и въ *политическихъ* видахъ мудраго Олега, желавшаго соединеніемъ двухъ родственныхъ и властвующихъ въ Руси (въ лицѣ Олега и Игоря) фамилій, предотвратить возможные замѣшательства, упрочить нововозникающую династію въ новомъ государствѣ ¹⁾. И если такъ, то это дѣло Олега было въ высшей степени благодѣтельнымъ для новаго государства и для всей Руси и ея ближайшей будущности! Счастливыя условія объединенія двухъ фамилій въ данномъ случаѣ увеличивались тѣмъ, что представительница Олеговой фамиліи оказывалась достойнѣйшею своего призванія, въ качествѣ жены наслѣдника престола и будущей великой княгини. То весьма вѣроятно, что она осталась единственною женою его, съ которой онъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ, а это было далеко не въ обычаѣ тѣхъ временъ ²⁾. Надлежало думать, что Ольга пользовалась такою любовію и уваженіемъ Игоря, такимъ вліяніемъ на него, которымъ устранялась допускаемая обычаемъ возможность другихъ женъ у него. Въ свою очередь Ольга, овдовѣвъ послѣ убитаго древлянами Игоря, не только не поддавалась на второе замужество, что въ ея, хотя и пожиломъ, возрастѣ нерѣдко позволяли себѣ вдовы-государыни въ другихъ мѣстахъ, даже въ Византіи, но и засвидѣтельствовала свою вѣрную любовь къ мужу особенною страстностію мести за убіеніе его. Утѣшившись исполненіемъ этого, по изысканіямъ

¹⁾ Брачные союзы по видамъ политическихъ были тогда въ обычаѣ такъ же, какъ и въ разныя другія времена. Древяне женитьбою своего князя Мала на Ольгѣ надѣялись, конечно, не только предупредить войну съ Киевомъ, но и достичь господства надъ нимъ. Ярополкъ и Владиміръ, въ борьбѣ изъ за господства въ Руси, ищутъ руки дочери Рогвольда, чтобы сдѣлать его своимъ союзникомъ.

²⁾ Что у Игоря не было другихъ женъ, кромѣ Ольги, слѣдуетъ заключить какъ изъ молчанія о томъ лѣтописи, такъ особенно изъ факта рожденія у нихъ сына за вѣсколько лѣтъ до смерти Игоря, послѣ не менѣе 35 лѣтней супружеской жизни. Фактъ этотъ былъ бы почти не мыслимъ при существованіи у Игоря другихъ женъ, конечно, болѣе молодыхъ.

понятіямъ, священнаго долга по отношенію въ мужу, она, слѣдуетъ полагать, нашла новое утѣшеніе въ предпринятомъ вслѣдъ затѣмъ путешествіи на сѣверъ, на свою плесковскую родину, гдѣ могла также дѣлать какія либо распоряженія, касающіяся ея родни и ея наслѣдственныхъ волостей въ этой странѣ, которыя она удерживала за собою, какъ то слѣдуетъ заключить по не разъ уже упомянутымъ извѣстіямъ о Будугинѣ. Затѣмъ вси вообще дѣятельность Ольги, какъ правительницы государства въ малолѣтство Святослава, напоминаетъ собою дѣятельность уже не Игоря, а мудраго Олега, ибо, подобно Олегу, оно сосредоточиваетъ вниманіе на внутреннемъ устроеніи государства, пріобрѣтаетъ черезъ это славу мудрѣйшей изъ русскихъ женъ, мудрѣйшей правительницы.

ж). Остается высказать возможное предположеніе по поводу раздѣляемаго нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнія Татищева, который, опираясь на сказанія своей Гоакимовой лѣтописи, производитъ Ольгу, *по женской линіи*, изъ рода знаменитаго новгородскаго боярина-князя Гостомысла, чрезъ старшую изъ трехъ дочерей его, бывшую въ замужествѣ за варяжскимъ изборскимъ княземъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что, несмотря на баснословныя подробности сказанія о Гостомыслѣ, личность эта можетъ быть признана историческою, какъ упоминаемая и въ разныхъ другихъ источникахъ, хотя и позднихъ. И если такъ, то можно съ нѣкоторою вѣроятностію допустить, какъ историческую дѣйствительность то, что составляетъ основу въ сказаніи о Гостомыслѣ. Это—мысль о существованіи какого то родственнаго союза между членами возобладавшаго въ славяно-русской странѣ варяжскаго княжескаго рода съ наиболѣе представительными лицами изъ мѣстныхъ свѣтлыхъ бояръ, какими должно предполагать въ данномъ случаѣ бояръ *новгородскихъ*, и къ какимъ могъ принадлежать Гостомыслъ. То само по себѣ естественно, что пришлый владѣтельный родъ, въ интересѣ сближенія съ новою мѣстною средою и упроченія своего положенія въ новой странѣ, наклоненъ былъ родниться съ наиболѣе представительными и наиболѣе вліятельными фамиліями въ населеніи этой страны. Это бывало въ подобныхъ случаяхъ очень часто и въ древнія и въ позднѣйшія времена. Вспомнимъ многочисленныя родственныя союзы литовскихъ княжескихъ фамилій съ русскими при водвореніи первыхъ въ предѣлахъ зап. Руси. Очень нерѣдки примѣры, что брачныя союзы между лицами возгосподствовавшей въ странѣ національности и мѣстной, туземной нарочито уграиваются въ видахъ взаимнаго сближенія. Извѣстны такіе союзы напр. въ Бол-

гарии между греками и болгарами, послѣ подчиненія ей императоромъ Василюемъ II. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что брачные союзы новаго варяжскаго княжескаго рода съ фамиліями изъ знатныхъ боярѣ, конечно, новгородскихъ, начались еще при Олегѣ и Игорѣ. По крайней мѣрѣ имя одного изъ *нетіевъ*, т. е. сестриничей Игоря, представляется славянскимъ, а одинъ изъ нихъ женатымъ на славянкѣ ¹⁾. Когда древляне сватали Ольгу за своего князя Мала, то они, конечно, знали, что брачный союзъ племеннаго князя съ господствующимъ домомъ возможенъ. Сказанное здѣсь стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что выше говорено было о брачныхъ союзахъ нашихъ князей, какъ союзахъ по преимуществу съ княжескими же фамиліями. Тамъ же было замѣчено, что бывали, хотя и не часто, брачные союзы у нихъ съ лицами *знатнѣйшихъ* боярѣ. И надо сказать, что извѣстны такіе союзы князей именно съ боярскими фамиліями *въ Новгородѣ*, гдѣ бояре болѣе, чѣмъ въ другихъ древнихъ городахъ, выдавались своимъ значеніемъ родовой, землевладѣльческой и промышленной аристократіи ²⁾. Такимъ образомъ есть возможность допустить, что та вѣтвь княжескаго рода, къ которой принадлежалъ Олегъ, сродичъ Рюриковѣ, могла войти въ брачный союзъ съ семьею знатнѣйшаго новгородскаго боярина, былъ ли то Гостомысль или кто другой. Но такой союзъ, если онъ существовалъ, могъ произойти *не до призванія и прихода князей*, какъ то рассказываетъ Татищевъ, вторя баснословію своей Иоанимовой лѣтописи, а *по приходѣ ихъ* и по утвержденіи своей владѣтельной осядлости въ Руси, которою и обусловилась возможность брачныхъ союзовъ ихъ съ наиболѣе представительными лицами мѣстной среды. Затѣмъ, союзъ этотъ, если онъ существовалъ, гораздо надежнѣе понимать такъ, что въ немъ *мужеская* сторона была *варяжскою*, а *женская славянскою*; такъ что та плесковская семья, изъ которой произошла Ольга, могла бы быть названа *княжеско-боярскою*, *вирую-славянскою*. И если сама Ольга

¹⁾ Таковы нетіи Игоревъ *Умбъ Володиславъ* (Ипат. лѣт., въ Лаврентьевской — иная разстановка знаковъ прерыванія, едва ли основательная), Якушъ — нетіи Игоревъ (ib.). Имя Якушъ встрѣчается и какъ варяжское, и какъ славянское. Упоминаемая послѣ перваго нетіи Игорева *Преслава* была, какъ предполагалъ Карамзинъ, женою его племянника.

²⁾ Мстиславъ сынъ Владимира Мономаха, женатый первымъ бракомъ на дочери короля шведскаго, вторымъ бракомъ женатъ былъ на дочери знатнаго боярина Дмитрія Завидича. О брачныхъ связяхъ боярскихъ семействъ Новгорода съ князьями Рюрикова дома — замѣчаніе у Костомарова (Сѣверно-русскія народоправства. Т. II. стр. 21—22. Сиб. 1863 г.).

носила еще варяжское имя, какъ *князее* имя въ своемъ родѣ. то сыну даетъ уже славянское имя Святослава.

Безсмертное имя стяжала Ольга въ русской исторіи, какъ первая въ княжескомъ родѣ принявшая христіанство. Великое это дѣло совершилось, безъ сомнѣнія, въ связи со всею личною исторіею ея. По ясному свидѣтельству лѣтописи, первыми христіанами у насъ были христіане изъ варяговъ, тѣхъ, конечно, которые бывали въ христіанской Греціи и тамъ знакомились съ христіанствомъ. Естественно думать, что Ольга, какъ тоже варяжка княжескаго рода, услышала о христіанской Греціи отъ такихъ же варяговъ. Первые рассказы о ней она могла слышать еще отъ Олеговыхъ варяговъ, бывавшихъ посланцами его въ Царьградѣ. о которыхъ лѣтопись говоритъ, что тамъ, по повелѣнію царя, показывали имъ достопримѣчательности и святыни Царьграда, «учаще ихъ вѣрѣ истинной». Договоръ Олега съ греками повліялъ на учащеніе сношеній Руси и Кіева съ Царьградомъ, плодомъ которыхъ были появленіе или умноженіе варяговъ-христіанъ въ Кіевѣ, изъ тѣхъ, которые приходили христіанами изъ Греціи, изъ Царьграда, и къ которымъ могли присоединиться и варяго-русссы изъ Черноморья, присоединившіеся къ русской державѣ, если еще не въ концѣ княженія Олега, то уже несомнѣнно при Игорѣ. Въ концѣ правленія его, какъ видно изъ договора 945 г. они оказывались въ Кіевѣ въ такой силѣ, что имѣли свою христіанскую церковь, что къ вѣрѣ ихъ относится съ терпимостію и уваженіемъ князь и въ самомъ текстѣ договора варяго-русссы христіане ставятся впереди язычниковъ. Дѣлаемый отсюда выводъ, будто и самъ Игорь былъ уже внутренно предрасположенъ къ христіанству, не есть еще выводъ, настоятельно требуемый. Сила варяговъ христіанъ при дворѣ великокняжескомъ проще можетъ быть объяснена вліяніемъ Ольги, которая, по своей мудрости, могла лучше Игоря понять варяговъ христіанъ, приблизить ихъ ко двору и внушить уваженіе къ нимъ и своему старѣшему, а тѣмъ болѣе и подчинявшемуся ей вліянію мужу. За то, послѣ внезапной смерти Игоря, убитаго древлянами, Ольга, оставшись съ недорослымъ сыномъ на рукахъ, нашла нужнымъ сдерживать свое предрасположеніе къ христіанству въ виду рѣшительнаго *численно* преобладанія язычниковъ и въ княжеской дружинѣ, и въ населеніи. Съ своей стороны, представительные язычники не могли забыть временно проявившейся силы варяговъ-христіанъ въ послѣдніе годы Игоря и позаботились окружить своимъ вліяніемъ молодого наследника престола, ослабивъ даже влія-

тіе матери, какъ ясно даетъ понять это мѣтопись¹⁾. Благопріятное условіе къ достиженію такого вліянія они нашли въ исключительно воинственныхъ наклонностяхъ или инстинктахъ, сказавшихся въ молодомъ князѣ. Славъ затѣмъ управленіе сыну, Ольга сосредоточилась на внутреннихъ расположеніяхъ своей души, искавшей свѣта вѣры. Ближе примкнула она къ средѣ бывшихъ въ Кіевѣ христіанъ, приблизила къ себѣ христіанскаго священника Григорія, можетъ быть, посѣщала и христіанскую церковь, въ качествѣ христіанки въ состояніи оглашенія, но предпочла принять крещеніе въ Царьградѣ, о которомъ столько уже слышала, и въ которомъ существовала и варяжская церковь для варяго-русскихъ христіанъ. Былъ ли священникъ Григорій священникомъ изъ варяжскихъ кіевскихъ христіанъ, прибывшимъ изъ Царьграда или Черноморья, или же онъ былъ болгаринкомъ, предполагаемымъ современникомъ Симеона Болгарскаго († 927 г.) и переводчикомъ хроникъ Амартола и Іоанна Малалы,— это остается вопросомъ. Но если онъ былъ и болгаринкомъ, то присутствіе его въ Кіевѣ при дворѣ Ольги можетъ быть объяснено и помимо мысли о болгарскомъ происхожденіи Ольги, противорѣчащей гораздо болѣе надежнымъ свидѣтельствамъ о русскомъ происхожденіи ея. Игорь во время своихъ походовъ 941 и 944 г. достигалъ Дунай и Болгарію, причемъ болгары, тогда союзные съ греками, предупреждаютъ ихъ о движеніи руссовъ, а Игорь дѣйствуетъ какъ врагъ Болгаріи, пуская на нее орду печенѣговъ. Но когда, послѣ договора 945 г., установились мирныя отношенія у Руси съ Греціею и Болгаріею, продолжавшіяся и при Ольгѣ, то стало возможнымъ учащеніе торговыхъ сношеній Руси съ Болгаріею. О существованіи ихъ есть весьма опредѣленное и значимое свидѣтельство въ словахъ Святослава, показывающихъ, что Переяславль Болгарскій былъ большимъ торговымъ центромъ, въ который «вся благая сходится съ разныхъ мѣстъ» въ который привозятся товары изъ Греціи, Чехіи, Угріи и *Руси*. Эти сношенія могли оживлять среди русскихъ и болгарскихъ славянъ представленіе о сродствѣ ихъ по племени и языку. И если русскіе ходили для торговли въ Болгарію, то и болгары могли приходить въ Русь и Кіевъ. Могли нѣкоторые изъ нихъ и переселиться въ Русь, недовольные положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи при современ-

¹⁾ Въ отвѣтъ на просьбу и узыщанія матери, склонявшей Святослава къ христіанству, онъ ссылался на дружину, которая будетъ смѣяться надъ нимъ. Очевидно, эта дружина еще ранѣе подчинила Святослава своему вліянію.

никъ Ольги царѣ Петрѣ¹⁾. Могли быть между ними и люди *грамотные*, теперь уже нужные Русу, имѣвшей *письменные* договоры съ Греціею, существовавшіе, безъ сомнѣнія, въ переводѣ на языкъ, понятный договаривающейся русской сторонѣ, и такимъ языкомъ, всего вѣроятнѣе, былъ славянскій съ его грамотностію, существовавшею въ Болгаріи²⁾. И если были въ Кіевѣ пришельцы изъ Болгаріи, то, какъ христіане, они естественно должны были сближаться съ христіанами, и чрезъ нихъ могли сдѣлаться извѣстными и Ольгѣ. Ольга, какъ вѣроятная славянка по женской линіи, или же теперь уже ославянившаяся русская княгиня и считавшая славянскую Русь столько же себѣ родною, какъ и варяжскую, узнала славянъ и въ болгарскихъ христіанахъ и потому могла приблизить къ себѣ болгарскаго славянна-священника, если таковымъ былъ Григорій, извѣстный въ ся свитѣ во время путешествія ея въ Царьградъ. Въ этой свитѣ были и *переводчики*, знавшіе греческій и славянскій языки, что так-

¹⁾ Пречка „Исторія болгаръ“, стр. 222—224.

²⁾ Договоры Олега и Игоря писаны въ *Царьградѣ*; тамъ слѣд. сдѣланы были и переводы ихъ, о чемъ должны были позаботиться не только руссы, но и сами греки, заинтересованные въ соблюденіи руссами договоровъ, что особенно должно сказать о договорѣ Игоря, для грековъ болѣе выгодномъ, чѣмъ для руссовъ. Возможно, что варяго-руссы Олега и Игоря имѣли переводъ договоровъ и на своемъ варяго-русскомъ языкѣ, и въ такомъ случаѣ письмомъ перевода могло быть *готское*, какъ письмо языка родственнаго ихъ языку и извѣстное черноморскимъ руссамъ, ихъ одноплеменникамъ. Но официальный переводъ, безъ сомнѣнія, былъ переводомъ на славянскій языкъ, какъ языкъ цѣлой страны, въ которой господствовали кіевскіе варяго-руссы. Въ Царьградѣ совсѣмъ нетрудно было найти переводчика и переписчика договоровъ изъ славянъ здѣсь жившихъ, знавшихъ и греческій языкъ. И всего вѣроятнѣе, эти славяне были изъ болгаръ или одноплеменныхъ съ ними византийскихъ славянъ, бывавшихъ и на службѣ государственной. Привесенные изъ Царьграда въ Кіевъ, договоры въ славянскомъ переводѣ, конечно, были здѣсь *читаемы* князьямъ, дружинникамъ, боярамъ, гостямъ (купцамъ), какъ относившіеся и къ торговымъ дѣламъ, или по крайней мѣрѣ *объясняемы* имъ читающими. Для такого чтенія требовались *грамотные* люди. Нужны были такіе люди и для написанія или объясненія тѣхъ *грамотъ* княжескихъ, съ кажими, по договору Игоря, должны были руссы приходить въ Царьградъ. Поэтому кіевскіе князья и должны были запастись такими грамотными людьми, привлекая ихъ изъ самаго Царьграда или изъ Болгаріи и во всякомъ случаѣ изъ среды славянъ, знавшихъ и греческій, и славяно-русскій языкъ, однородный съ болгарскимъ. Эти грамотные люди могли быть *только изъ христіанъ* и скорѣе всего изъ лицъ *духовныхъ*, какъ необходимо грамотныхъ, бывавшихъ и позже дяками и печатниками при нашихъ князьяхъ. Къ такимъ лицамъ могъ принадлежать и Григорій при Ольгѣ, бывшій вмѣстѣ и священникомъ при ней и домовою церкви ея.

же можно предпологать особенно о болгаряхъ. Наконецъ, бывшіе въ той же свитѣ родственники и родственницы Ольги, по всей вѣроятности, ставшіе христіанами по примѣру Ольги, составляли ту ближайшую варяго-славянскую, христіанско-русскую среду, въ которой теперь вращалась Ольга, оставленная сыномъ, постоянно отлучавшимся въ далекіе походы.

Несмотря на упорство въ язычествѣ самого Святослава, являлись и новые послѣдователи христіанства, о чемъ намекаетъ лѣтопись и что слѣдуетъ приписать влиянію Ольги, которое простиралось прежде всего на ея родныхъ и приближенныхъ, жившихъ при ней въ Кіевѣ или Вышгородѣ, бывшемъ ея *княгининымъ* городомъ. Можно поэтому довѣрять преданію, что она заботилась о насажденіи христіанства и на своей плесковской родинѣ, куда если не ѣздила сама, то посылала кого либо изъ своей плесковской родни, при ней бывшей. Можно довѣрять извѣстію, что самое село свое на плесковской родинѣ, вышеупомянутое Будутово, она завѣщала церкви Богородицы, построенной ею въ Кіевѣ, или Вышгородѣ въ качествѣ своей домово́й церкви, чтобы обезпечить тѣмъ содержаніе ея и ея причта, или же предположенной къ построенію въ ея родномъ Плесковѣ. Но важнѣе всего то, что своимъ христіанствомъ, слава котораго, бывшая до Ольги только пришлою и далекою, а съ этого времени ставшая близкою и *своею* на Руси, какъ связанная съ именемъ славной и мудрѣйшей княгини,—что эта слава подготовила общее торжество христіанства въ Россіи при Владимірѣ!

Заканчивая настоящее изложеніе данныхъ соображеній и выводовъ о происхожденіи Ольги, мы не думаемъ настаивать на вѣрности послѣднихъ во всѣхъ частныхъ сторонахъ вопроса. Ясно и твердо стоитъ, на нашъ взглядъ, только тотъ общій выводъ, что Ольга была родомъ не изъ Болгаріи, а изъ Руси, не изъ болгарской Плискувы, а изъ русскаго Плескова и что она происходила изъ знатнаго, княжескаго или княжеско-боярскаго рода того же варяжскаго племени, къ которому принадлежали Рюрикъ, Олегъ и Игорь. Остальные выводы признаемъ только вѣроятными и наиболѣе вѣроятнымъ тотъ, что она была родственницей Олега, сродича Рюрика, опекуна и воспитателя Игоря.

Такимъ выводомъ о происхожденіи Ольги отнюдь не устраняется значеніе ученаго сообщенія о родѣ Ольги достоуважаемаго о. архимандрита Леонида, послужившее поводомъ къ настоящему

изложенію. Всякое новое ученое сообщеніе полезно уже тѣмъ, что вызываетъ на новый просмотръ, на новую провѣрку историческихъ данныхъ и мнѣній. Сообщенное ученымъ изслѣдователемъ новое извѣстіе Владимірскаго лѣтописца сохраняетъ для насъ свой интересъ и теперь, когда приходится смотрѣть на это извѣстіе, какъ на извѣстіе, выражающее собою не *историческій*, а только *литературный* фактъ. Оно могло бы направить насъ къ интереснымъ поискамъ при сопоставленіи его съ другими подобнаго рода литературными фактами, каково напр. сказаніе Іоакимовой лѣтописи о болгарскомъ происхожденіи м. Михаила и первыхъ епископовъ, прибывшихъ съ нимъ при Владпмірѣ св. Во всякомъ случаѣ очень желательно, чтобы новооткрытый Владимірскій лѣтописецъ былъ изданъ и изслѣдованъ со стороны его содержанія, текста и самаго письма. Такое изслѣдованіе могло бы вызвать постановку еще другихъ вопросовъ о лѣтописцѣ, о вариантахъ въ его лѣтописи, въ частности о вариантѣ въ извѣстїи о происхожденіи Ольги. Извѣстіе читается такъ: «Игоря же жени въ *Болярѣхъ*, поятъ за него *князю* именемъ Ольгу». Правильно ли было прочитано или переписано слово *въ Болярѣхъ*? Извѣстны различенія въ разныхъ спискахъ *Житія св. Стефана Сурожскаго* въ названіи того вождя руссовъ, который, вторгшись со своими руссами въ Тавриду, поилѣнилъ и пограбилъ всю страну отъ Корсуни до Керчи, овладѣлъ п г. Сурожемъ, пограбилъ драгоценности у гроба св. Стефана, былъ чудесно наказанъ за это святителемъ и раскаялся. Въ однихъ спискахъ житія читается объ этомъ вождѣ - *бранильцъ и силенъ*, а въ другихъ эти прилагательныя обращены въ собственное имя—*Бравалинъ, Бравленинъ*. Или еще: въ болѣе древнихъ (XII и XV вв.), харатейныхъ (пергаменныхъ) спискахъ Печерскаго Патерика неизвѣстный по имени инокъ монастыря св. Мины называется *боляринъ*, а островъ, гдѣ онъ потомъ подвизался, — *боларовъ*. Въ позднѣйшихъ спискахъ Патерика (XVI в.) эти эпитеты превращены въ *Боляринъ, Боляринъовъ, Боларовъ* ¹⁾.

Возможенъ поэтому вопросъ: не стоило ли и въ извѣстїи Владимірскаго лѣтописца, слово *въ болярѣхъ*, превращенное переписчикомъ въ слово—*въ Болярѣхъ*? При такомъ предположеніи извѣстіе Владимір-

¹⁾ Думаемъ, что вѣрнымъ должно считать древнее чтеніе *боляринъ* и *боларовъ* и что есть возможность объяснить, почему позднѣйшими редакторами Патерика эти слова замѣнены словами *Боляринъ, Боларовъ*. Но объ этомъ—при другомъ случаѣ.

скаго лѣтописца означало бы то, что Ольга взята изъ *боярской* семьи. Правда, въ томъ же извѣстїи и вслѣдъ за этимъ она называется *княжною*. Но представленія о боярствѣ и княжествѣ оказываются соединимыми у этого лѣтописца. Аскольда и Дира, о которыхъ онъ вычиталъ, безъ сомнѣнія, въ начальной лѣтописи и которые въ этой лѣтописи называются не князьями, а *бояринами*, нашъ лѣтописецъ, какъ уже сказано, называетъ *князьями*. Соединеніе боярства съ княжествомъ явилось тѣмъ болѣе возможнымъ для лѣтописца времени Юанна III, что въ это время въ рядахъ бояръ было уже много служилыхъ князей, потомковъ бывшихъ княжескихъ родовъ, русскихъ и литовскихъ, съ семьями которыхъ и роднились лица московскаго великокняжескаго рода чрезъ браки. Само собою понятно, что поставленный здѣсь вопросъ о правильности чтенія слова *въ Болгарьхъ* въ существующемъ, пока единственномъ, спискѣ Владимірскаго лѣтописца остается только вопросомъ. Мы предрасположены ожидать большаго назиданія себѣ, если этотъ вопросъ, а также и другіе вопросы, вызываемые новооткрытымъ лѣтописцемъ и его вариантами, обратятъ на себя вниманіе достоуважаемаго и столько опытнаго ученаго, которому наука обязана открытіемъ новаго лѣтописца.

Ив. Малышевскій.

Статья наша была написана и сдана для печати ранѣе появленія въ печати новой статьи достоуважаемаго о. архимандрита Леонида подъ заглавіемъ «Древняя рукопись» (Русскій Вѣстникъ 1889 г., апрѣль и отдѣльное изданіе). Представляемое этою статьею изслѣдованіе объ «Изборникѣ болгарскаго пресвитера-цюка Григорія» и открываемомъ въ этомъ изборникѣ «первоначальномъ славянскомъ хронографѣ болгарской редакціи X в.»—весьма интересно и цѣнно. Но то, что высказывается въ этомъ изслѣдованіи въ подкрѣпленіе мысли о болгарскомъ происхожденіи св. Ольги не могло повліять на измѣненіе нашего убѣжденія по вопросу о происхожденіи Ольги, и это убѣжденіе остается у насъ такимъ же, каковымъ и было.

РЕКРУТЧИНА ВЪ МАЛУРУССКОЙ ПѢСНѢ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Устная народная поэзія, взятая во всѣхъ ея видахъ, представляетъ въ высшей степени важный матеріалъ въ дѣлѣ изученія историческихъ явленій; эта важность выступаетъ особенно въ томъ случаѣ, когда предметомъ изслѣдованія служитъ не показная сторона событій, не внѣшнія проявленія культурной и политической жизни народовъ, а тѣ, такъ сказать, молекулярные процессы, которые имѣютъ мѣсто при воздѣйствіи на народныя массы тѣхъ или другихъ историческихъ факторовъ. Народныя произведенія являются не результатомъ объективнаго созерцанія и воспроизведенія дѣйствующихъ жизненныхъ условий, а непосредственной реакціей страдательнаго субъекта на воздѣйствія этихъ условий; мало того, устное обращеніе въ народной средѣ, вѣковое сохраненіе этихъ произведеній, гарантируемое лишь общимъ чувствомъ и сознаніемъ, придаетъ имъ характеръ и цѣну не индивидуальныхъ, но коллективныхъ свидѣтельствъ.

Опираясь на подобныя, безыскусственныя народныя произведенія, на народныя пѣсни, постараемся возстановить одно изъ отжившихъ явленій государственной жизни дореформенной Россіи—именно рекрутчину.

Безспорно, рекрутскіе наборы играли большую роль въ сельскомъ быту и значеніе ихъ въ народной жизни можетъ быть уяснено лишь при тщательномъ знакомствѣ и анализѣ произведеній народнаго творчества, вызванныхъ и впечатлѣніемъ набо-

ровъ; подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній народъ создалъ массу пѣсенъ, приурочивъ ихъ къ этому тяжелому для него жизненному факту, и пѣсни эти, переживши причины, породившія ихъ, распѣваются народомъ и понынѣ. Важно поторопиться съ записываніемъ этихъ пѣсенъ; быть можетъ, недалеко то время, когда и этотъ видъ исторической пѣсни замретъ.

Въ высшей степени интересно было бы сравнительное изученіе рекрутскихъ пѣсенъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ—въ нихъ несомнѣнно отразилось своеобразіе каждой изъ вѣтвей русскаго племени; но въ данномъ случаѣ мы ограничимся только малорусской вѣтвью, при чемъ предѣломъ изслѣдованія возьмемъ не государственныя, а племенные, этнографическія границы, т. е. примемъ во вниманіе рекрутскія пѣсни также и австрійскихъ русиновъ, буковинцевъ и угроруссовъ.

Фактъ однохарактерности и тождественности мотивовъ украинской народной поэзіи и поэзіи австрійскихъ украинцевъ (галицкихъ) уже констатированъ этнографической наукой; объясненіе этого факта лежитъ въ общности физическихъ условій территоріи, населенной украинцами, и въ ихъ историческомъ прошломъ, въ общности языка ихъ и въ тождественности коллективной психики. Въ частности однохарактерность мотивовъ рекрутскихъ пѣсенъ въ Россіи и Австро-Венгріи объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ ни различны культурныя условія этихъ государствъ въ прошломъ столѣтіи и въ половинѣ настоящаго, государственныя формы въ частности весьма сходны; порядки, входившіе въ жизнь въ Россіи, вслѣдъ за возсоединеніемъ, имѣли своимъ первообразомъ порядки, установившіеся у западнаго сосѣда; какъ узаконенія, касающіяся воинской повинности, такъ и начала, лежавшія въ основѣ военной дисциплины и практиковавшіяся въ Россіи и Австро-Венгріи, были аналогичны. Разборъ рекрутскихъ пѣсенъ, думается, еще больше подтвердитъ этнографическое единство народа, разъединеннаго политически.

Съ царствованія Петра Великаго Россія начинаетъ приобщаться къ культурной семьѣ европейскихъ народовъ и занимается

все болѣе и болѣе вліятельное положеніе среди другихъ государствъ. Для усиленія политическаго могущества потребовалось созданіе регулярной арміи и общее увеличеніе военныхъ силъ страны; и дѣйствительно, „въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ кончины Петра I до половины царствованія Екатерины II, наша армія возросла въ два раза; въ слѣдующіе тридцать лѣтъ, т. е. до второй половины царствованія Александра I, увеличилась еще въ два раза, т. е. уже въ четыре противъ петровской эпохи“¹⁾. Пополненіе и увеличеніе арміи производилось при посредствѣ рекрутскихъ наборовъ.

„Съ основанія регулярной арміи Петромъ Великимъ до 1834 года было произведено 98 общихъ со всей имперіи рекрутскихъ наборовъ, не считая производившихся въ разное время частныхъ наборовъ. Величина ихъ бывала чрезвычайно разнообразна; такъ, были наборы по два рекрута съ тысячи и были наборы по двадцати съ тысячи. Въ 1812 году, кромѣ пяти лѣтнихъ наборовъ, собрано было въ три общихъ набора по сорока человекъ съ каждой тысячи душъ. Съ 1834 года до окончанія послѣдней восточной (крымской) войны, рекрутскіе наборы назначались ежегодно не общіе по всему государству, но частные, по полосамъ. Первоначально губерніи и области Россіи были раздѣлены на сѣверную и южную полосы, а съ 1839 г. на западную и восточную. Два послѣдовательныхъ набора, одинъ съ одной другой съ другой считались за одинъ общій наборъ. Этотъ чрезполосный порядокъ не могъ однако быть строго соблюденнымъ; число рекрутъ, взимаемыхъ съ полосъ подвергалось непрерывнымъ колебаніямъ; во времена же приходилось, по прежнему, прибѣгать къ одновременнымъ по всей имперіи наборамъ, какъ то было: въ 1836, 1840, 1854 и 1855 гг. По числу взимаемыхъ рекрутъ наборы этого періода раздѣлялись на обыкновенные, взимаемые съ каждой тысячи душъ не болѣе шести рекрутъ, усиленные, требовавшие отъ семи до девяти душъ и чрезвычайные, когда приходилось болѣе десяти рекрутъ съ тысячи. По окончаніи крымской войны, Высочайшимъ манифестомъ рекрутскіе наборы прекращены были на три года, а впоследствии льгота эта продолжена еще на три года. Такимъ образомъ, послѣ усиленныхъ комплектованій, произведенныхъ въ періодъ войны, послѣдовала шестилѣтній перерывъ наборовъ. Подобная система пополненія арміи, сопровождавшаяся, какъ видимъ, частыми и крупными колебаніями, отзывалась весьма существенными затрудненіями въ поддержаніи однородности состава войскъ и не могла оставаться безъ вредныхъ послѣдствій и въ отношеніи физическаго и экономическаго развитія самого населенія, подвергавшагося повинности крайне неравномѣрно. Это привело правительство къ убѣжденію въ необходимости замѣны бывшихъ чрезполосныхъ наборовъ -- ежегодными, общими со всей имперіи, которые одни могли обезпечить какъ правильное комплектованіе арміи, такъ и возможную равномѣрность въ отбываніи воинской повинности населеніемъ. Слѣдя этой мысли, на 1863 годъ былъ объявленъ общій со всей имперіи наборъ по пяти человекъ съ тысячи, за исключеніемъ архангельской губ.

¹⁾ Обручевъ. Военно-статист. сборникъ. 1871 г. т. IV стр. 11, стр. 140.

Но едва оны состоялся, какъ польское возстаніе и опасное вмѣшательство Европы потребовали быстраго усиленія рядовъ арміи до полнаго военнаго положенія, что вызвало, въ томъ же 1863 г., второй наборъ, по десяти человекъ съ тысячи, опять общій для всей имперіи, за исключеніемъ западныхъ губерній и царства польскаго. Съ помощью этихъ средствъ, армія была поставлена на полную военную ногу, причѣмъ измѣнила свою организацію и приняла такую, которая, основываясь на сохраненіи постоянныхъ для всѣхъ частей кадровъ и образованіи обширнаго запаса отпускныхъ, требовала уже окончательнаго упроченія правильной системы наборовъ—общихъ по всему государству. Согласно вышеозначенной системѣ, съ 1864 г. по настоящее время (71 г.) произведено было пять общихъ рекрутскихъ наборовъ слѣдующаго размѣра: въ 1865 г. по пяти человекъ съ тысячи душъ, а въ 1866, 1867, 1868, 1869 годахъ по четыре человекъ. При каждомъ изъ послѣднихъ четырехъ наборовъ, независимо отъ чередной поставки, были взяты съ царства польскаго по полтора и съ девяти западныхъ губерній по одному человекъ съ тысячи душъ въ счетъ числящейся за ними недоимки за 1863 годъ¹⁾.

Одной изъ особенностей солдатской службы прежнихъ временъ была непомѣрная продолжительность срока служенія; правда, этотъ срокъ постепенно уменьшался до послѣдняго устава о всеобщей воинской повинности. Въ томъ же официальном источникѣ, мы находимъ слѣдующія данныя по этому поводу: до 1834 г. срокъ службы въ арміи былъ равенъ 25 годамъ; съ 1834 года этотъ срокъ былъ сокращенъ до 20—15 лѣтъ, хотя „чистая выслуга“ считалась въ 25 лѣтъ. 8-го сентября 1859 г. послѣдовали новыя перемены: срокъ службы для старыхъ солдатъ былъ сокращенъ до 20 лѣтъ, изъ которыхъ 13 лѣтъ солдатъ долженъ былъ провести въ арміи, а 7 въ безсрочномъ отпуску; новыя же солдаты должны были служить 15 лѣтъ, изъ которыхъ 10 лѣтъ въ арміи. Въ 1870 году служба въ арміи продолжалась лишь 7 лѣтъ; остальное время проводилось въ отпуску до „чистой выслуги“²⁾. Что касается Галиціи, то тамъ до 1845 г. солдатъ служилъ 14 лѣтъ, а съ 1845 г.—восемь³⁾. По законамъ 1849—52 гг. полагалось служить восемь лѣтъ въ арміи и два въ отпуску, что 28 декабря 1866 года было измѣнено на три года въ арміи и семь въ резервахъ⁴⁾. Слѣдуетъ упо-

¹⁾ *Обручевъ*. Т. IV, отд. II, стр. 2—3.

²⁾ *Тамъ же*, т. II, стр. 50, т. IV, стр. 2, 11, 230.

³⁾ *Czoernig*. Oesterreichs Neugestaltung, 658—659. *Klin. Statistik von Oesterreich—Ungarn* 1876, 210.

⁴⁾ *Обручевъ*. Т. I, 177.

мянуть еще о томъ, что австрійское правительство, присоединивъ въ 1775 г. Буковину, освободило население этой страны отъ несенія рекрутской повинности на пятьдесятъ лѣтъ ¹⁾). Кромѣ сказаннаго, нужно замѣтить еще, что въ Австро-Венгрии рекрутчина далеко раньше сдѣлалась всеобщей и вышла изъ подъ власти мѣстнаго, сельскаго начальства, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Россіи.

Разсматриваемое нами явленіе государственной жизни, если взять его во всемъ объемѣ и въ его прошлыхъ формахъ, заключало въ себѣ много ненормальнаго; эти стороны его дѣйствовали угнетающе на народныя массы, и верховная власть признала необходимымъ сдѣлать рядъ преобразованій. Говоря о воинскомъ уставѣ 1863 года, авторъ „Военно-статистическаго сборника“ замѣчаетъ:

„Имѣющія положенія далеко уже оставили за собой тотъ порядокъ взимація рекрутъ, какой существовалъ до 1863 года и произвѣдиль на народъ самое тяжкое впечатлѣніе. Нынѣ не обнажаютъ рекрутъ для осмотра; не брѣютъ имъ лобъ, бороду или затылокъ; не водятъ подъ сильнымъ конвоемъ, какъ арестантовъ; рекрутскіе списки повѣряются самими обществами, вторыя имѣютъ своихъ представителей и въ самихъ рекрутскихъ присутствіяхъ; требованіе относительно роста (прежде было 2 арш. 3³/₄ верш.) уменьшено; число подставныхъ сокращено до половины; устранены всѣ случаи напраснаго отвлеченія чередныхъ людей отъ работы и безплодныхъ явокъ ихъ въ присутствіе; отиѣнены штрафы съ общества за представленіе людей неуказанныхъ лѣтъ или роста, или съ болѣзнями, и наоборотъ сохранены взысканія за неправильное привлеченіе людей къ рекрутству, съ обращеніемъ сихъ штрафовъ не въ казну, а въ пользу самихъ лицъ, неправильно представленныхъ къ рекрутству; допущены возможныя облегченія для людей, необходимыхъ для поддержки семей или хозяйства и т. д. Всѣ эти мѣры, составляющія плодъ трудовъ Высочайше утвержденной комиссіи для пересмотра рекрутскаго устава, въ связи съ сокращеніемъ самихъ сроковъ службы, облегчили рекрутскую повинность настолько, что население стало отбывать ее охотно и безъ всякаго горя“ ²⁾).

Не малое значеніе въ дѣлѣ установленія того или иного отношенія народа къ рекрутчинѣ имѣлъ общій взглядъ на солдата, на его права, на его роль; на солдата смотрѣли, какъ на машину, какъ на слѣпое орудіе въ рукахъ его начальника: „солдатъ долженъ бояться палки своего капрала больше, нежели пули непріятели“—таково было ходячее мнѣніе въ прошломъ столѣтіи въ Пруссіи, этой колыбели милитаризма; отсюда оно

¹⁾ *Klin. Statistik von Oesterreich-Ungarn*. 1876 г. 33. 3.

²⁾ *Обручевъ*. Военно-статист. сб. т. IV, отд. II, стр. 14.

распространилось и въ другія государства, а между прочимъ, и въ Россію. Но уже со времени французскихъ войнъ конца прошлаго столѣтія началъ постепенно, хотя и медленно, вслѣдъ за культурнымъ прогрессомъ вообще, распространяться принципъ, который въ 70-хъ годахъ и былъ положенъ у насъ въ основу способа пополненія военныхъ силъ страны; смыслъ этого принципа тотъ, что каждый гражданинъ долженъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое отечество въ минуту опасности; всеобщая воинская повинность является воплощеніемъ въ жизнь помянутого начала.

Припоминая выше разсмотрѣнныя формы рекрутчины, можно а priori предсказать ея громадное вліяніе на бытовую жизнь малорусскаго народа, потому, что такая регламентація, вносимая въ жизнь народную государствомъ наряду съ закрѣпощеніемъ крестьянства въ царствованіе Екатерины II, была новостью для населенія Малороссіи.

Историческій малорусскій типъ, сложившійся при условіяхъ вѣковой обороны и борьбы народа за свою самостоятельность, выработывавшій въ себѣ черты личной независимости и личнаго достоинства, не привыкшій встрѣчать при своихъ проявленіяхъ вліянія сильной государственной организаціи, какую уже представляла Россія съ конца прошлаго столѣтія, сравнительно съ Рѣчью Посполитой, этотъ типъ не могъ не отозваться на столь важное явленіе государственной жизни, какъ рекрутчина прошлаго времени въ связи съ крѣпостничествомъ. И дѣйствительно, количество рекрутскихъ пѣсень, занесенныхъ въ этнографическіе сборники, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что народное чувство и сознаніе остановились на рекрутчинѣ болѣе, чѣмъ на другихъ явленіяхъ общественной жизни; а вѣдь извѣстно, что лишь то возбуждаетъ творческій духъ коллективной личности народа, что близко связывается въ дѣйствительности или въ сознаніи народа съ его интересами нравственными и матеріальными, и наоборотъ, событія, чуждыя этой связи, проходятъ мимо, не волнуя, не подымая духа.

На первомъ мѣстѣ по количеству рекрутскихъ пѣсень слѣдуетъ поставить труды Чубинскаго и Головацкаго.

1) Въ V томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ П. Чубинскимъ“, заключаются бытовыя пѣсни; между ними приведено пятьдесятъ №№ рекрутскихъ пѣсенъ въ девяти вариантахъ; изъ нихъ $\frac{2}{3}$ всего количества записаны въ подольской губерніи, въ упицкомъ уѣздѣ: лѣвобережныя и пѣсни изъ Херсонщины почти отсутствуютъ у Чубинскаго. Кромѣ приведенныхъ подъ рубрикой „рекрутскихъ“, въ другихъ отдѣлахъ V тома разбросано нѣсколько рекрутскихъ пѣсенъ, такъ что общее количество ихъ у Чубинскаго доходитъ до ста вариантовъ.

2) Не меньшее число разсматриваемыхъ пѣсенъ содержитъ и сборникъ Головацкаго: „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси“ въ I, II и III томахъ. Въ отдѣлѣ „коломыекъ“ разбросано много интересныхъ данныхъ для вопроса о рекрутчинѣ; ихъ же можно найти и въ отдѣлѣ, названномъ у Чубинскаго отдѣломъ „солдатскихъ“ пѣсенъ, а у Головацкаго—„воинскихъ“, помѣщенныхъ у послѣдняго вмѣстѣ съ рекрутскими.

3) 24 цѣнныхъ №№ находимъ въ сборникѣ Купчанка „Пѣсни буковинскаго народа“ изданномъ при II томѣ „Записокъ Юго-Запад. Отдѣла Имп. Г. Общества“ за 1874 г.

4) Въ старомъ собраніи народныхъ пѣсенъ 30-хъ гг.—*Żegoty Pauli* „Pieśni ludu ruskiego w Galicyi“ 1839 г., томъ II-ой—заключается 28 „вояцкихъ пѣсенъ“.

5) Около десятка пѣсенъ находимъ у Де-Воллана „Угросккія народныя пѣсни“, изд. въ 1885 году.

5) Столько же приведено у Максимовича въ его „Украинскихъ народныхъ пѣсняхъ“ 1834 года.

7) Наконецъ двѣ—три пѣсни, интересующія насъ, приведены въ небольшомъ сборникѣ угорскихъ пѣсенъ А. П. Дешко, напечатанномъ въ Запискахъ И. Г. Общества, по отдѣлу Этнографіи т. I, 1867 года.

Кромѣ того, были приняты во вниманіе нѣсколько пѣсенъ, приведенныхъ въ „Основѣ“ и „Кіевской Старинѣ“, а также нѣсколько десятковъ пѣсенъ въ рукописи, записанныхъ въ 1884—87 гг. въ чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губ., въ бахмутскомъ уѣздѣ екатеринославской губ., въ александрійскомъ и елисавет-

градскомъ уѣздахъ херсонской губ. и подъ Аккерманомъ, бессарабской области ¹⁾).

Такимъ образомъ все количество матеріала, бывшаго въ нашемъ распоряженіи, доходить до трехсотъ вариантовъ.

Съ тѣхъ поръ какъ малорусская художественная словесность начала развиваться въ реальномъ направленіи, народная жизнь во всемъ ея историческомъ и современномъ многообразіи явилась главнымъ, если не исключительнымъ, содержаніемъ этой словесности.

Интеллигентный художникъ, съ участіемъ наблюдавшій народную жизнь, не могъ не замѣтить, между прочими явленіями этой жизни, рекрутчину, въ тѣхъ крупныхъ послѣдствіяхъ, какія она вызывала въ жизни села. Рекрутчина давала богатый, полный драматизма матеріалъ для художественнаго воспроизведенія. И дѣйствительно, вслѣдъ за Шевченкомъ, мы видимъ затрогивающими рекрутчину въ своихъ произведеніяхъ: Марка Вовчка (въ повѣстяхъ „Два сыны“ „Институтка“), Мордовцева („Солдатка“), Левицкаго („Дви московки“), Мырного („Хыба ревутъ вола, якъ ясла повни“). Въ австрійской малорусской литературѣ, въ Галиціи аналогичное положеніе занимаетъ даровитый бытописатель О. Федьковичъ. Затрогивая разсматриваемое явленіе, малорусская художественная словесность осталась и въ данномъ случаѣ этнографически правдивой и реальной, могущей служить матеріаломъ для изученія рекрутчины.

Перейдемъ теперь къ самому явленію, какимъ оно представляется въ народныхъ пѣсняхъ.

II.

Даже при бѣгломъ ознакомленіи съ малорусскими рекрутскими пѣснями, бросается въ глаза ихъ темный и мрачный колоритъ; во

¹⁾ Вмѣстѣ съ другими бытовыми пѣснями, намъ доставлены рекрутскія слѣдующими лицами: С. М. Д—нымъ (елисаветград. уѣздъ), П. П. Пономаревымъ и А. А. Иличенской (алексаандр. уѣздъ), М. А. Галинымъ (бессарабск. область), П. Е. Дубровицкимъ (алексаандр. уѣздъ), С. Горощенко (чигиринск. уѣздъ). Кроме того, лично нами записаны пѣсни въ чигиринск. у. кievск. губ. и бахмут. у. екат. г.

всѣхъ почти пѣсняхъ этого рода слышится и чувствуется глубокое народное горе, вызывавшееся рекрутчиной прошлаго времени.

Солдатчина, военная служба, по выраженію пѣсни, есть „неволя“, „тяжкая неволя“, „вичняя неволя“; неволя, которой предпочитается совершенное небытіе; такъ, въ одной пѣснѣ рекрутъ, обращаясь къ матери, говорить, что лучше было бы его „въ купели залыты“, „идъ сердцемъ задушыты“, нежели выростить для „вичной неволи“; горе—пойти въ солдаты—равносильно горю, вызываемому смертью „батька и неньки“; человекъ, котораго записали „за жолнира взыты“ побила, какъ говорить пѣсня, „лыхая годына“; рекрутчина является одной изъ бѣдъ, какія выпали на долю мужескаго пола:

Ой, хлопьяча беда—у некруты браты,
А дивчача беда—не ридная маты. (Чуб. V. 862).

Если бы мать дала сыну „счастья—долю“, то его не „записали“ бы въ солдаты; доля „некрута“, солдата—„лыхая доля“; хорошими временами считаются тѣ, когда не было рекрутчины:

Добре було, добре було, Якъ небралы, не писалы
Добре було чуты, Хлопцывъ у некруты. (Чуб. V. 969).

Солдатъ народная пѣсня именуешь „песчастпыми“, съ сожалѣніемъ говорить о „хлопцевѣ“ „що кажуть служыты Государю, Богу“; ниже увидимъ, что рекрутчина считалась оскорбительной; она была наказаніемъ при крѣпостномъ правѣ. Таковъ взглядъ малорусскаго народа на рекрутчину.

Прежде чѣмъ проанализировать причины отрицательнаго характера этого взгляда, обратимся къ самому акту набора въ его бытовой обстановкѣ; здѣсь мы увидимъ, въ какихъ формахъ воздѣйствовало разбираемое нами явленіе на жизнь малорусскаго „хлибороба“, какъ реагировала народная жизнь на это воздѣйствіе.

Прежде чѣмъ наступаетъ наборъ (а время его пріурочивается обыкновенно къ осени), разносится слухъ, „стае, по всимъ свити слава“ о столь важномъ грядущемъ событіи.

Эти, тревогу вызывающія, вѣсти приносятся въ формѣ „лыстовъ—писемъ“, въ формѣ „бумагы“, „карты“, въ которыхъ „напысано—намалѣзано“, кого въ солдаты „найменовано“, „на-терменовано“.

Носителемъ вѣстей является „голубонька“, „пташка дивная“, „новобрацкый пташокъ“; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ „охвыцерь на кони“:

Тамъ охвыцерь на кони,	Що тамъ натерменовано,
Иде вѣнь произжается,	Що тамъ дано два браты въ пе-
Та въ бумагу подвывается —	круты. (Чуб. V. 984).

По этимъ „письмамъ“, въ которыхъ „припысано“ „наказано“ свыше, низшіе исполнители приступаютъ къ набору, къ „бранкѣ“.

Какъ въ пѣсняхъ украинскихъ, такъ и въ пѣсняхъ галицкихъ русиновъ, буковинцевъ и угро-руссовъ, лицомъ, по волѣ котораго начинается рекрутчина, является „царь“, „цысарь“, „чысарь“, „цысарева маты“, „панъ—государь“; въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ инициаторовъ набора народъ именуется неопредѣленнымъ терминомъ—„воны“; эти—„воны“ — „пышутъ чорнымъ по бялому“—„въ некруты даты“. Въ нѣсколькихъ пѣсняхъ „лысты—письма“ принадлежатъ „гетьману“:

Ой въ лису изъ темного	Вносила отъ гетьмана
Вычитала голубонька	Лысты—письма пописань.
	(Чуб., V. 983).

какъ бы въ дополненіе къ этому, въ другой пѣспѣ выражаются такія пожеланія тому же лицу и „кошовому“:

Бодай гетьманъ щастя не мавъ	Пшлиши наши новобранци
Ни кошовый доли,	Не по своей воли. (Чуб., V. 960).

Эти пѣсни несомнѣнно принадлежатъ моменту перехода козацкаго строя военной жизни въ Малороссіи въ солдатскій; въ нихъ высказалось глухо и пассивно оппозиція новымъ входившимъ въ жизнь началамъ; гетманъ и кошевой перестали уже справляться съ волей „козаченькивъ“.

Между украинскими рекрутскими пѣснями есть такія, въ которыхъ упоминается „сударыня“, „сударыня“ или просто „барыня“; такъ именуемое лицо является виновникомъ набора:

А вже та слава по всьмъ свити стала—	
Государыня новобранци брала (Чуб. V, 993)	или
За гасемъ зелененькымъ доріжка лежала,	
Туди наша сударыня некруть провожала,	
Испысала, змалювала вдовинного сына (Чуб. V. 991. „Кіев. Стар.“ 1887 г. 12. 803).	

Въ одной пѣснѣ говорится о вдовѣ, которая „записала своего сына до сударыни“ (Чуб. V. 976). Сюда же принадлежитъ и слѣдующій отрывокъ:

Тамъ барыня ходыла,
Дрибны листы писала,
По губерняхъ розсылала.

Эй — эй, охъ — охъ — охъ,
Дрибны листы писала (Чуб. V. 978)

Наконецъ, въ одномъ вариантѣ „два лебеди“, въ другомъ „жандари“ просятъ „государыню—мать“ разрѣшить имъ „дрибны листы“, „бумаги писать“, „рекруточки избирать“.

Намъ кажется, что термины приведенныхъ отрывковъ относятся къ вполне опредѣленной исторической личности, именно къ личности Екатерины II-ой; имя этой императрицы очень популярно среди украинскаго народа; о ней и до сихъ поръ сохраняется въ массѣ народной много разсказовъ и преданій. Это ничуть не удивительно: стоитъ только вспомнить, что Малороссія, ея устройство составляли немалую часть всей внутренней политики Екатерины II-ой: при ней были упразднены остатки лѣво-бережной автономіи, разорена и разогнана запорожская Сѣчь, розданы земли, заведено крѣпостное право, усилена рекрутчина; всѣ эти новшества производили сильное впечатлѣніе, давали мотивы для пѣсенъ и разсказовъ.

Посмотримъ теперь, какъ изображается въ пѣснѣ образъ дѣйствій ближайшихъ къ народу исполнителей распоряженія о наборѣ.

До установленія всесословной воинской повинности и при крѣпостномъ правѣ поставка рекрутъ была передана въ руки помѣщиковъ, а въ казенныхъ селахъ—въ руки общества. Нечего и говорить, что такого рода положеніе дѣла давало широкій просторъ всяческимъ злоупотребленіямъ; панъ изъ за своихъ личныхъ интересовъ или по капризу, сельская власть, „богатырь“ и другіе сильные міра сего могли легко избавиться отъ того или другаго лица, отдавая его въ солдаты. Отсутствовали критерій, правовая норма, на мѣстѣ ихъ царилъ произволь; это то и возмущало, съ этой стороны и придано пѣсней освѣщеніе поступкамъ ближайшихъ къ народу исполнителей распоряженія.

Правды искать было негдѣ; можно было рассчитывать лишь на собственную ловкость въ томъ случаѣ, когда приходилось отстаивать свою относительную свободу; „кто мае выкруты—не пиде у некруты“ (Номисъ. Прыказки. № 971), говорить приказка.

Виновниками несчастья челоѣка, лицами, которыя рѣшаютъ, кого „за жолнира взяты“, „въ армію отдаты“, выставляются паны, богачи, попы, „ляшкы“ и вообще „вороженькы“; въ одной пѣснѣ „пысарчыкы“ (Чуб. V. 982). Бъ галицкихъ пѣсняхъ объ этихъ посредствующихъ элементахъ упоминается рѣже; тамъ чаще фигурируютъ самъ „цысарь“, „паны—капытапы“ и вообще „цысарски вояки“. Страдательными лицами являются вообще „парубочки“, „козаченькы“, „парни молоды“, „витцевскій сынъ“, а главнымъ образомъ: „сырота“, „вдовынъ сынъ“, „бурлакъ—сиромаха“, „бидна сирома“, лица обыкновенно беззащитныя и безправныя.

Вотъ какъ рисуетъ народная пѣсня совѣтъ, собравшійся по поводу набора:

Ой за тыми столами сидятъ паны рядами,
 Думаютъ—гадають кого въ солдаты брать,
 Де пять—тамъ не братъ, де чотири—не велать,
 Де три—то втѣкли, де два тамъ неми,
 А у вдовы одинъ сынъ, тай той пашовъ пидъ аршинъ,
 Щей аршина не дѣйшовъ, а въ солдатущы пшовъ.

(Зап. въ чигиривск. уездѣ 85 г. Чуб. V. 978, 980. Pauli II. 58. Голов. III. 106. № 28) или же:

А зъ вѣчера у ночи—	То не буде орача;
Сходилися багачи;	А озьмемо бидного,
Стали раду радити—	Буде плачу не много;
Кого въ некруты взяты:	Якъ виддамѣ сыроту—
„Е въ удовы два сыны.	То збудемось клопоту (Чуб. V. 977.
То виддаймо въ осены.	Голов. III. 109. № 31).
Взяли бы сьмо багача	

Въ другомъ вариантѣ этой пѣсни радящіе „раду“ сидятъ рядами за „тысовыми столами“ „въ вдовинымъ двори“; при этомъ „частуются медами, пьютъ воны и идятъ“; они отклоняютъ предложеніе отдать „въ вѣйсько“ богача—„богачъ выкуштыся“; „удивця“ также не рѣшаются „запысать“ „на насъ люде вплачуцца“; останавливаются на вдовиномъ сынѣ (Чуб. V. 978. Максим. 157).

Въ другомъ мѣстѣ приговоръ рисуется такъ:

Пойдыки не брать,	Будемъ ланы сиваты
Будемъ ланы орады.	А й удовы и довъ сынъ,
Чынчехого не брать,	Винъ до того способень (Чуб. V. 981).

Вообще „вдовынъ сынъ“ лицо популярное въ рекрутскихъ пѣсняхъ, какъ лицо страдательное (Чуб. V. 982, 974, 981, 991, 1001, 1004. Купч. 562).

Не менѣ популярнымъ лицомъ является „бидна сирома“, „сырота—скритка“:

Говорать поны, щей богатыи люде
Забрать, забрать бидныхъ сиротъ,
Бо зъ нихъ добра не буде (Чуб. V. 973).

„Сирота“ считается „ледащомъ“ (Чуб. V. 983), а потому есть предлогъ его „у салдаты запысаты, та въ губерню одислаты“;

Визьмено мы того молодця,
Що ни неньки, ни отця. (Чуб. V. 979).

рѣшаютъ держаціе совѣтъ. Особенно рады по этому случаю „вороженькы“:

Гей тишылся зныи вороженькы, що сырота въ рекруты иде (Чуб. V. 999),

что равносильно тому, что „сырота пропала“ (тамъ же) или:

Ой лежать камень на середь дороги, ёго люде мыпають,
Втишаються тяжки, тяжки вориженькы, що сырогу приймають.
Ой не втишайтесь, вориженькы, вы мой прычмы,
Бо ще диждете, тяжки вориженькы, по своей дышны.

(Чуб. V. 987, 970, 975, Pauli II. 56, 59).

Вмѣстѣ съ попами и богатыми людьми „завзялыся“ и „ляшкы“; общимъ приговоромъ рѣшаютъ забрать „бурлакъ—сиромахъ“ (Чуб. V. 987. *Рудченко*. Чумацк. пѣсни 85).

Въ другой пѣснѣ вотъ какъ описывается несчастная доля „сиромъ“ и „бурлакъ“, которая имъ выпала по волѣ „панкивь“, „ляшкивъ“ и „прывражихъ людей“:

Завзялыся папки, завзялыся ляшкы,
Щей привражи люде,
Забраты сиромъ, забраты бурлакъ,

Бо зъ ихъ добра не буде (зап. въ елисаветгр. у. херс. г.).

Здѣсь умѣстно будетъ коснуться вопроса: кто же, по мнѣнію народа, заслуживалъ солдатчины, кто заслуживалъ быть отданнымъ „въ армію“:

Прымщыку, батьку нашъ,
Пожалій же теперь насъ,

Нехай зны въ вѣйско йдутъ,
Що по корчмахъ скучаютъ (Чуб. V. 997).

Малорусскій селянинъ находилъ для себя позоромъ солдатскую службу; онъ считалъ вполне умѣстнымъ и справедливымъ навязывать ее лишь не работающимъ, гультаямъ; „хлопци новобранци“ съ удивленіемъ спрашиваютъ:

Чы ляшкамъ, чы панкамъ	Що насъ ляшкы, що насъ панкы
Не сїялы, тай не оралы,	У солдаты тай поддавалы (Чуб. V. 986).

или аналогично въ буковинской пѣснѣ:

Та видайто, люды добры,	Та вже жъ соби наши паны
За нашу провину;	Серце потолылы,
Та цыжъ бо мы не робылы	Та шо воны зъ нашихъ бративъ
Панови павчыну!	Кучери здоймылы (Кущ. 574).

Въ галицкой пѣснѣ рекруты обидчиво заявляютъ:

Ой пидемо мы до Львова зи Львова до Видни

Та коли мы въ своимъ сели панамъ непотрибны (Голов. I. 142. № 16).

Солдатская служба въ прежнес время считалась однимъ изъ средствъ наказанія и исправленія человѣка; ряды войскъ въ сильной степени пополнялись отчаянными головами, людьми подозрительной или завѣдомо отрицательной репутаціи; этотъ фактъ не могъ, конечно, не повліять въ извѣстной степени на отношенія селянина „чесного роду“ къ военной службѣ.

Сравнительно рѣдки пѣсни, въ которыхъ говорится о фактѣ отдачи въ солдаты сына лицами не чужими ему: матерью, отцомъ, вообще „родыною“; вѣроятно, въ жизни такихъ случаевъ было весьма немного; да и въ этихъ нѣсколькихъ пѣсняхъ мы находимъ данныя, объясняющія такое не родственное проявленіе чувства.

Въ пѣснѣ довольно распространенной, отдаетъ сына „у вѣйско служить“ „удивонька“, которая, по словамъ пѣсни, „не добрала розуму“, сама не знала „якъ у свити жить“, не знала „и де сына дить, подить“, поэтому рѣшила записать „до государыни“ (Чуб. V. 976, 1,008); въ одномъ изъ вариантовъ другой пѣсни мать посылаетъ сына въ солдаты отслуживать за братьевъ:

Иды сынеу, та за ридны братта

Та получишь, мій сыночку, государське плаття (Чуб. V. 974).

Есть и другіе мотивы: мать посылаетъ сына въ военную службу для того, чтобы онъ „ума набирался“, „научався у панивъ“:

Иды сынеу, иды научайся,

У тихъ панивъ та ума набирайся.

Дадуть тоби та немецьке плаття,

Прывитайся, якъ межъ ридне браття. (Чуб. V. 1068).

Но рекрутъ обыкновенно упрекаетъ мать за ея поступокъ:

Прощай, прощай та матуся моя,

Чы я въ тебе не дытына була,

Що ты мене въ вичію службу дала? (Чуб. V. 975. Голов. I. 146. № 21).

Есть пѣсня, въ которой „батько сына прогоняе“ по причинѣ „сварокъ“ и сына забираютъ въ солдаты (Чуб. V. 976); рекрутчина оказывалась средствомъ, удобнымъ для того, чтобы предотвратить вступленіе въ семью нежелательнаго лица въ качествѣ „невестки“ (Чуб. V. 1004).

Познакомившись съ тѣмъ, кѣмъ и какимъ образомъ намѣчались „хлопци“ „у некруты“, перейдемъ къ тому, какъ приступали къ самому набору.

Вопреки приговору, рекрутъ пускается на „выкруты“, старается избѣжать „неволи“, скрываясь, уходя изъ села „въ чужу стороночку“, „въ чужу краину“, часто на неопредѣленное время, дѣлаясь „бурлакою“. „Уже зайци пополошала“ сложилась такая приказка, подразумѣвавшая явленіе, постоянно сопровождавшее наборъ. Скрываться приходилось иногда въ лѣсу, въ ямахъ, въ погребяхъ; до сихъ поръ можно слышать въ народѣ воспоминанія о такомъ дезертирствѣ; находились люди, которые, пользуясь случаемъ, эксплуатировали скрывавшихся, давая имъ пріютъ и требуя взамѣнъ этого ихъ трудъ; рекрутъ проводилъ цѣлыя недѣли работая гдѣ нибудь въ „леху“, безъ свѣта и воздуха.

Насколько сильно было нежеланіе нести воинскую повинность, видно изъ слѣдующей буковинской пѣсни:

Карабынче, недобывче,	Симъ рязь ходишь, та полювль,
Бодай твою душу!	А шье висимъ буду;
Симъ рязь тя ховатимсе,	Таыи тебе, карабынче,
Носыты тя мушу!	Носыты не буду! (Кулч. 573).

Неудивительно, что въ виду побѣговъ, въ интересахъ „раду“ радящихъ, являлось необходимымъ возможно скорѣе „пошысать“ и „забрать“:

А въ пятницю пошысали,	А въ неділю на развѣти,
Въ субботу забрали,	Щей до мира стали. (Чуб. V. 969).

„Хлопца“ „забрали“, говоритъ пѣсня, такъ скоро „щю и маты не знала“ (Чуб. V. 998). Обреченныхъ забираютъ обыкновенно „до схидъ сонця“:

А въ неділю поранецьку вси дзвони дзвонили,	
Вже некрутивъ половылы (Чуб. V. 999).	или
. . . . . все новобранци,	
Що забрали въ неділювьку враци,	
Що забрали та ще до схидъ сонця.	

(Чуб. V. 1001. 987; PauliH. 59. Голов. III. 109. № 31).

„Стари люде“, какъ опытные и притомъ сочувствующіе „парубкамъ“, предупреждаютъ послѣднихъ о такихъ уловкахъ:

Стержиться парубочки,
 Бо либонь бранка буде! гей! гей!
 и дѣйствительно: Ой у ночи и сливночи,
 Та о третій годины, гей! гей!
 Гей запыла вдовинъ сына
 Въ глыбокій долиня, гей! гей! (Pauli II. 57. Голов. I. 139. № 13.)

Иногда парубку удается провѣдать о предстоящей бѣдѣ при посредствѣ „дивки, що вирненько любила“ (Чуб. V. 993), матери:

„Нихто жъ того не чувъ, имо ридна маты
 —Дежъ тебе, мій сыночку, схвати?“

Но обыкновенно такимъ лицомъ является сестра:

Сестра жъ тее учула
 Тай до брата махнула.
 Тыхай же, ридный братъ,
 Хотать тебе въ вѣйсько взять“ (Чуб. V. 979).

или: Пришла сестра, дае знати,
 Щобы хутко утукаты (Чуб. V. 977. Голов. I. 142. № 17).

и братъ скрывается.

Иногда онъ прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ къ помощи любимиой дѣвушки—

Козаченько догадався,
 Да до дивчины сховався (Чуб. V. 988).

Онъ просить спрятать его куда нибудь:

Ой, дивчыно, мое сердце	Сховай мене пидъ подушку!
Сховай мене пидъ ряденце!	Ой дивчыно, моя любко,
Ой, дивчыно, моя галео,	Сховай мене хотъ пидъ юбку! (Зап. въ
Сховай мене, колы жалко!	чигирииск. и елисаветгр. уѣздахъ).
Ой дивчыно, моя душко,	

Иногда „дивчына“ измѣняетъ парубку и выдаетъ его:

А дивчына не злюбила,
 Тай сусидамъ объявила;

Но обыкновенно „десятичкы“ нападаютъ на слѣдъ:

Десячкѣи усотрылы,	Дивци двери разломылы,
Отаману доложылы,	Таки козака изловылы ¹⁾
Кругомъ хату обступылы,	(Чуб. V. 988).

Мысль о томъ, что бѣглеца поймають и сдадутъ въ рекруты, заставляетъ иного парубка опустить руки и сдаться:

¹⁾ У Головацкаго въ угорской пѣснѣ такъ описывается „бранка“:

Пришам д'мене добри люди въ катуны имиты.

Еденъ каже: „Побратыне“. Другый каже: „вуме!“

Третій мѣни по пидъ плечи мотузнице суне. (Голов. III, 116 № 40).

Ой нишовъ бы я въ чужу стороночку, самъ не знаю що робить
Руку, пожегъ закують въ кайданы—коввоємъ приведаютъ.

(Чуб. V. 987. Рудченко, Чумац. пѣсни 85).

Бѣгство рекрута является сюжетомъ пѣсколькихъ пѣсень; въ нихъ изображается, какъ „некрутъ“ убѣгаетъ, завидѣвши пришедшихъ за нимъ сотскаго, войта; они застаютъ парубка „безъ чобитъ“ или въ тотъ моментъ, когда онъ начинаетъ только „взуваться“ „въ ходакы“; при видѣ пришедшихъ „царскихъ воякъ“ онъ стремится „зъ постели въ столоду“, а „зъ столоды на устринъ“, бросается „тикать“ „попидь стриху“; здѣсь на него падаетъ „жытній снигъ“ и онъ, запутавшись, попадаетъ въ неволю. (Чуб. V. 977, 981; Голов. I. 142—145. № 17, 18; III. 105. № 27, 107. № 28, Pauli II. 61—62).

Взявши парубка, сотскій, войтъ, „паны—каштаны“ или вообще „врядны“, что „нарядылы, своему пану покорылы“ (Чуб. V. 986) стараются не дать ему бѣжать и доставляютъ парубка, „витцевского сына“, „до прьему“. Здѣсь то и даетъ себя чувствовать „неволя“. Начинается съ того, что надѣваютъ

Кайданочки та й на нижкы,

Драбне путо та й на руки. (Чуб. V. 970).

Этотъ моментъ особенно часто изображается въ рекрутскихъ пѣсняхъ; пойманныхъ, говорить пѣсня, „якъ забрамы, заразъ повъязалы“, „нижкы-ручкы“ имъ связали, говорится въ другой. (Чуб. V. 998, 979. Максим. 156. „Кіев. Ст.“ 1887, 12. 803).

„Били“ руки представляются завязанными назадъ, онѣ бывають связаны „сырцею“, „сыривцею“:

Ведуть Левенчука того вулицею,

Завъязаны назадъ руки сыривцею,

Витрець повивае, сыронецъ высыхае (Чуб V. 988, 989, 1003. Голов. I. 144. № 18)

Рекрутъ заковывають; „ниженькы“ ихъ „въ ланцюгъ“ скованы, „въ пута завъязаны“ (Чуб. V. 993, 982. Голов. I. 139. № 13).

Въ такомъ униженіи, приличномъ „вору“ или „злдію“ (Чуб. V. 992) „сыротыну“, „вдовыну дытыну“ или вообще „хлопця молодого“ при звукахъ барабана или музыки („грають мени весело“) доставляютъ до „прьему“, „въ кесарню“, „въ губернію“.

Новобранцевъ „ведуть“, а чаще „женуть“, „гонять“, „таскають“ или „везуть“ подъ конвоємъ, „поштою“, по другимъ пѣснямъ (Чуб. V. 997, 998. Голов. I. 139. № 13. Максим. 158).

. . . . .
 И козака изловыли;
 Били рученьки звязали,
 Посадили у визочокъ
 Сами силы въ передочокъ.
 Дай повезлы въ городочокъ.
 Сами коней поганяють,
 Дай на хлопця поглядають.
 Щобъ и коней не втопматы,
 Щобы хлопця не впусыты.

На конькахъ пина пала,
 Недалеко вже Полтава.
 Приехали до Полтавы,
 Отдачымъ повставали,
 Быстри нижки розкували,
 Били ручки развязали,
 Да повелы у свитлицю,
 Посадили на скамницю
 (Чуб. V. 997. Максим. 159).

Если рекрутъ „женуть“, то невеселую картину представ-
 ляетъ „новобранскій полчокъ“:

По пидъ лисомъ, охъ тамъ бытій
 шлячокъ,
 Туды ишовъ новобранскій полчокъ;
 По переду все маёры идуть,
 А позаду новобранцивъ женуть.

Били нижки полоковуваны,
 Назадъ руки позавязуваны,
 Чорни кудри позачисованы,
 Чорны очи позанлакуваны (Чуб. V. 994.
 1009. Голов. I. 146. № 21 ПІ. 110. № 33).

или: Попереду йдуть
 Ой все охотныкы,
 А позаду йдуть
 Невольникы.
 Охотныкы йдуть,
 Просту пісню поють,
 Невольникы йдуть—
 Плачуть, рыдають,

Ой жыть наша,
 Жыть проклатая!
 Ой мать наша, мать,
 Ой породила насъ (2).
 Ой у безчастный часъ.
 Ой вже намъ, братця,
 Ой тай не вертаться
 (Чуб. V. 1010).

Мѣстомъ плача и скорби, мѣстомъ посвященія въ новую жизнь съ ея новыми обязанностями, съ новой обстановкой, является „пръемъ“. Этотъ терминъ первенствуетъ въ пѣсняхъ русскихъ украинцевъ, замѣняясь изрѣдка словомъ: „губернія“ или просто „городочокъ“; у австрійскихъ русиновъ, буковинцевъ и угро-русовъ то же мѣсто именуется „кесарней“. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ пѣсняхъ вмѣсто упомянутыхъ терминовъ употребляется названіе того города, въ который доставляютъ рекрутъ.

Такъ, въ приведенныхъ у Чубинскаго пѣсняхъ, записанныхъ въ ущицкомъ уѣздѣ, подольской губ., очень популяренъ „Камьянець“, „Камьянець-городець“, „Камьянець-городокъ“ (Чуб. V. 987, 996, 998, 977, 979, 1004); иногда употребляется выраженіе „Камьянецьый прыёмочокъ“ (Чуб. V. 997); враждебное отношеніе къ рекрутчинѣ переносится и на „Камьянець“, такъ встрѣчается выраженіе „вражый Камьянець“ (Чуб. V. 998). Изъ

другихъ городовъ упоминаются — Прилуки, Полтава, Гайсинъ, Харьковъ и Варшава:

Бодай тая Варшава вова ся пронала
Не идному молодцеви бучеригы обтыла (Чуб. V. 1000).

Въ австрійскихъ пѣсняхъ упоминаются Львовъ, Бережаны, Коломыя и Черновець:

Ой неволя, маты, неволя, неволя,
Въ Коломыи стрыжуть, до Черновця гона(ть).
(Голов. I, 137, № 10. Кунц. 576).

„Хлопцивъ молоденькихъ“ нагоняють „въ Камтянець“ „якъ воронивъ чорненькихъ“, „якъ чорніи хмары“ (Чуб. V. 998, 999).

Доставленные, они сидятъ взаперти и тоскуютъ:

Летили вѣроны черезъ синее море
Заплакали хлопци-новобранци, сидячы въ неволи (Чуб. V. 996).

„Завели ихъ въ славне мѣсто, „Зъ той касарни
Славне мѣсто, ше славничи замки; Хлопци позырали,
„Сыдя(ть), лежа(ть) некрутыки Икъ ся въ полопыши
Въ кованыхъ кайдацахъ“ (Чуб. V. 969) Бучки розыввали“. (Де-Вол., 101).

Страданія рекрутъ прекрасно выливаются въ слѣдующей пѣснѣ въ формѣ худихъ пожеланій тѣмъ, кто явился виновникомъ ихъ несчастья, въ данномъ случаѣ громадѣ:

У кого жъ мы ся, ридны браты, сего дослужили
Чы въ Господа Бога, чы въ свой громади,
Що насъ, такыхъ молоденькихъ, въ некруты забрали.
Икъ въ Господа Бога, допоможи Боже,
Якъ въ нашей лыхой громады, скарай ии, Боже!
Скарай ии, Боже, на души, на тили,
Що мы сыдымо въ неволи, хлопци молодии (Чуб. V. 997).

У прѣму славный двирь, тамъ намъ буде перебирь (Чуб. V. 997) думаютъ новобранцы. Одно представленіе о пріемѣ вызываетъ у нихъ содроганіе: „Задрижамы нижкы, ручки ему“ (Чуб. V. 1003). Происходящее при пріемѣ описывается такъ:

Ой везлы насъ, везлы та въ новую браму,
Ставили насъ до прѣму усе въ одну лаву;
Ой якъ поставыли до купы плечыма,
До купы плечыма, заплакали чорнымы очыма.

(Чуб. V. 996, вар. Б. Кунц. 567) или:

Ведуть мене безъ село,
Грають мени весело,
Прывели мене до ганку:
„Якъ ся маешь, коханку?“
Вражый ляшокъ не гадавъ,
До цыркулу видиславъ;

А въ цыркули повелы:
„Ставай, брате, до миру!“
Ще ся сміють, псывирь!
Едень каже, же я „скутъ“.
Мени зъ очей слезы йдутъ.
— „Сыдай свои лахашы!“

Беры наши камашы“.
 Дали мени камашы
 Заплакалы вси наши!
 — „Скыдай свои сказы
 Беры наши кажанкы!“,
 Заплакалы коханкы!
 Дали мени черевкы,
 А я на то не навкы;
 Дали мени капелюхъ

Уже теперъ воевъ зухъ;
 Ведуть мене за браму
 „Почекай, пане, най стапу,
 Най ся зъ рожджъ зобачу,
 Най си ревно заплачу!
 Бувай мыла здорова!
 Вже ми стійка готова...

(Голов. I, 143, № 17. III,
 106, № 27),

Въ украинскихъ пѣсняхъ пріемъ описывается такъ:

Прыхали до губерни

Видчывають селянии двери (Чуб. V. 983, 987);

развязываютъ руки и ноги. Навстрѣчу выходитъ „губернаторъ“, иногда „охвицеры“, а „попереду губернаторъ“:

Пытається губернаторъ: чы есть въ тебе отець-маты (Чуб. V. 983)

или

Ой десь ся взявъ губернаторъ

Пытавъ чы холостый, чы жоватый?

— Отвѣту какъ бы придавалось значеніе:

Нигде жинкы не выдаты,

Беруть мене у салдаты (Чуб. V. 983. Б.).

Иногда губернаторъ ограничивается похвалой: „жвавый хлоп-печь-молодець!“ (Чуб. V. 987).

Въ галицкихъ пѣсняхъ при пріемѣ фигурируетъ чаще всего самъ цысарь; онъ сидитъ „на стильчыку, выбранчыкывъ пыше“ (Купи. 566. Голов. I, 142, № 16). Иногда упоминается о „стар-нихъ жовнирахъ“ (Голов. I, 145, № 18), о „вражихъ ляшкахъ“ (Голов. I, 143, № 16).

Въ пріемѣ рекрута „у станочокъ становылы (Чуб. V. 989. Голов. III. 106 № 27) „до мира“ и стригли. Стрижка особенно противна парубкамъ; сожалѣніе о своихъ волосахъ, что „впалы панамъ по пидъ ноги“ встрѣчается въ большомъ числѣ рекрутскихъ пѣсенъ:

Завезлы въ городочокъ,

Обголылы голошыку.

Дай обрылы лобочокъ,

Поставылы пидъ миру,

Взялы у свитлоньку,

Руку й ножки помылы (Чуб. V. 986) или

А вже жъ мой кучерикы ножечкамы стали,

Ножечкамы стали, бриввою пидголылы (Чуб. V. 1004. Голов. II 379. № 674).

При видѣ своихъ волосъ:

Сивъ некрутъ, да жажнувся,

За головку ухватнувся (Чуб. V. 983).

Въ буковинской пѣснѣ такъ изображается преобразование вѣшнаго вида „хлопцивъ“:

Гей у горахъ снягы впали,
Потоки прибулы,
Та вже нашихъ дай братчыкивъ
Въ черевычки вбулы.
Въ черевычки дай ихъ вбулы,

А въ барвочку вбрали,
Клади реминь черезъ плечи,
На коня сажалы.
(Голов. I. 137, № 9. Ш. 94. № 9.
Купч. 566).

„Карабинъ“, какъ атрибутъ военнаго званія, ненавистенъ молодежи въ пѣсняхъ австрійскихъ русиновъ.

Принятый въ солдаты долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ привязанностей:

Дайте ему въ руки гарматы—
Отце тоби батько й мати!
Дали ему въ руки рушницю—
Отце жъ тоби вирна сестрыця!
Дали ему московське плаття

Отце жъ тоби ридны браттл!
Дали ему въ руки ружыну—
Отце тоби вирна дружина!
(Зап. въ чигиринскомъ у. кievск. г.
85 г.).

Въ пѣснѣ съ ироніей сравнивается посвященіе въ новую жизнь, при „прыеми“,—со свадьбой, „слюбкомъ“. (Купч. 576).

Послѣ того какъ рекруту „головъ пострыгли“, „лобъ—головку обголылы“, его—

По базари проводылы
Медомъ-виномъ накормылы.
„Гей, спы, некруть, пробуждайся!

На учения собирайся!
Скоро некруть пробудыся,
За головку ухопыся (Чуб. V. 997).

Съ „касарней“ связано такъ много неприятнаго, что одно представленіе о ней вызываетъ проклятыя:

Касарня, касарня
Бодай, съ запала!

Не одна тамъ маты
Ви для ней плакала.

(Голов. I. 150, № 26. Де-Вол. 98).

По нѣкоторымъ пѣснямъ, самымъ тяжелымъ моментомъ при наборѣ для рекрута представляется сама „муштра“.

„Тоди, сестро, заплачешъ, якъ на кони зобачышь“,
„Въ жупани голубимъ, на черкеському сидли“ (Чуб. V. 981, 984).

или: „на сывому коныку, шей шабелька пры боку“, „въ сывимъ“ или „червонимъ ковпаку“ (Чуб. V. 973); „якъ шабелька задзвываютъ, то й серденько защымыть“ (Чуб. 981. Купч. 568).

Но другимъ, наиболѣе тяжелымъ моментомъ является присяга: Ой заплачешъ дрибными слезама,
Якъ я буду присягати передъ образами (Чуб. V. 973), потому что: Присягъ Царю, присягъ Богу, одрывся одъ роду,
Прощай, сыну, мій голубе, не думай до дому! (Максим. 156).

Кромѣ бѣгства, практиковались еще и другія средства, съ цѣлью избѣжать рекрутчины.

Въ пѣснѣ, записанной подъ Аккерманомъ, упоминается о физическомъ искалѣчиваніи, къ которому прибѣгаютъ „хлопци“:

„Видны хлопци пальци рижуть, зубы рвуть“...

удивительно, что это—единственный намекъ на подобный способъ во всемъ нашемъ матеріалѣ о рекрутчинѣ. Гораздо чаще парубокъ избавляется или пытается избавиться отъ рекрутчины при посредствѣ выкупа, который, впрочемъ, является вполне легальнымъ средствомъ:

„Ой йды, вдово, йды, небого,
Выкупляй си сына свого! Гей! гей! или

Котро булы побагатѣи, ти ся выкупляды.

Котро булы биднѣиши, то тихъ пострыгали.

(Голов. I. 139. 142 № 13, № 16. Де-Вол. 99. Чуб. V. 975. Pauli II, 59).

Ой загуль, та загуль сыый голубонѣкъ рано на зори,

Ой заплакали наши новобранци, стоячы въ строю;

Ой загуль, загуль сыый голубочокъ садомъ летючы,

Ой заплакали новобранци въ строю идучы.

или, какъ выражено въ вариантахъ,—сидя „въ неволи“, „въ острози“, „тюрьми“, они обращаются по очереди „до батенька“, „до матушки“, „до брата“ съ просьбой „сири волы“, „коровы“, „ворони кони“, „худобу“ „збуты“ и за эти деньги выручить ихъ изъ „неволенькы“. (Чуб. V. 499—502. Голов. II. 596—97, № 33).

Въ угорской пѣснѣ дѣвушка выкупаецъ изъ рекрутчины милаго:

Чекай, мыйй, догню ты,

Маю тысяч, умяню ты (Голов. I, 150, № 26. Де-Вол. 99. Деико, 674).

Иногда въ ходъ пускается подкупъ; „соцькому зъ выборнымъ“ предлагаютъ то „биленьке плаття“, то „коня вороного“, лишь бы не брали „въ неволючку козака молодого“ (Чуб. V. 974, 973).

Наконецъ, взятому уже „парню молодому“ удавалось бѣжать изъ „неволи“; этотъ случай съ эпической простотой и прелестью изображается такъ:

Беруть, беруть парня молодого
У тяжкую неволю,
Везуть, везуть парня молодого
Все густыми лисаы.

Ой утикае парень молоденькй
Все чыстымы полами,
Доганяють парня молодого
Все сывымы конямы.

(Чуб. V. 993. Голов. I. 151. № 27).

Въ такихъ картинахъ предстаетъ предъ читателемъ украинскихъ рекрутскихъ пѣсень наборъ, какимъ онъ былъ нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; прибавлять къ этому ничего не остается; въ разбираемомъ нами случаѣ можно еще разъ убѣдиться въ томъ, что событія, глубоко захватывающія народную жизнь, оставляютъ глубокой слѣдъ въ народной поэзіи¹⁾.

М. К. Васильевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Интересно сопоставить картину набора, воспроизведенную нами по народнымъ пѣснямъ, съ воспоминаніями лица, испытываго на себѣ всѣ неудобства прежнихъ рекрутскихъ порядковъ: „Унизился я посесоръ передъ нами, но затаилъ злобу противъ меня въ душѣ своей и при первомъ наборѣ рѣшился сдать меня въ солдаты. Какъ посесоръ, онъ не имѣлъ права распорядиться этимъ безъ согласія громады, а потому отдалъ приказъ схватить меня въ самый день въвоза рекрутъ изъ нашего села на послѣдній осмотръ въ рекрутское присутствіе, временно устроенное въ м. Соболевкѣ. *И меня схватили тайно и совершенно неожиданно, забрили въ колодки и повезли.* Читатель! если тебѣ не приходилось видѣть прежняго рекрутскаго набора, то ты можешь считать себя счастливымъ. Ничего ужаснѣе я и представить себѣ не могу. Молодые, неженатые люди еще какъ нибудь могли мириться съ этимъ; но женатому, семейному, домовитому человеку идти на 25-лѣтній срокъ тогдашней военной службы—это все равно почти, что идти на явную смерть. И какъ идти? Сидитъ себѣ человекъ въ своей хатѣ, или работаетъ на своемъ, либо панскомъ дворѣ, ничего не зная и не подозревая, такъ какъ приказъ о наборѣ держался обыкновенно въ величайшемъ секретѣ. Вдругъ, по приказу панскому, набрасываются на него, схватываютъ, вяжутъ веревкою или постромъ руки назадъ, забиваютъ ноги въ колодки, держатъ подъ карауломъ два—три недѣли, а потомъ сваливаютъ, какъ бревно, на возъ и подъ стражею везутъ въ присутствіе; тамъ забрюютъ, передвѣдутъ и поюжатъ за сотни, тысячи верстъ. Прощай, семья и село родное, прощай жена и дѣти, въ большей части на вѣки! Въ такомъ положеніи былъ и я теперь. Нужды нѣтъ, что я одинъ сынъ у отца, что у меня жена и маленькія дѣти. Схватили и повезли. Такъ намъ угодно!“... (журналь нашъ). „Кіевская Старина“ 1887 годъ, 12, 750. изъ статьи „Изъ воспоминаній отшельника К—ской пустыни“ Іер Ѡ—лъ.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РАСКОЛА ВЪ СТАРОДУБЬѢ.

I.

Къ вопросу о времени происхожденія стародубскихъ раскольниковыхъ слободъ.

Давно и прочно установилось въ нашей литературѣ по исторіи раскола то мнѣніе, что первымъ раскольниковымъ поселенцемъ въ стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій пошъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, вмѣстѣ съ двадцатью «духовными дѣтьми своими». Въ первый разъ на попа Кузьму, какъ на перваго поселенца изъ раскольниковъ въ этомъ краѣ, указалъ извѣстный раскольниковій писатель безоповщинскаго толка Иванъ Алексѣевъ въ свой «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ», написанной имъ въ началѣ второй половины XVIII вѣка, именно въ 1755-мъ году. Съ тѣхъ поръ это указаніе Ивана Алексѣева повторялось и повторяется всѣми писателями, касавшимися такъ или иначе исторіи раскола вообще и стародубскаго въ частности, хотя и не всѣ эти писатели одинаково относились къ этому свидѣтельству Ивана Алексѣева. Одни изъ нихъ принимали свидѣтельство его безъ всякихъ оговорокъ и историческихъ поясненій, признавая за нимъ силу и значеніе достовѣрнаго историческаго свидѣтельства, не нуждавшагося въ провѣркѣ и историческомъ удостовѣреніи, тогда какъ другіе принимая указаніе Алексѣева, какъ единственное дошедшее до насъ свидѣтельство о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ стародубскомъ полку, старались и стараются объяснить и провѣрить тѣ историческія данныя, которыми обставлено это указаніе у самаго Алексѣева. Къ первой категоріи писателей изъ второй половины XVIII вѣка, когда появились въ нашей литературѣ первые болѣе или менѣе систематическіе опыты по исторіи раскола, прежде всего нужно

относѣтн неизвѣстнаго намъ автора «Историческаго извѣстія о раскольникахъ», первое изданіе котораго намъ неизвѣстно, а второе издано П. Б. въ С.-Петербургѣ въ 1787 году; затѣмъ автора «Полнаго историческаго извѣстія о древнихъ строгольникахъ и новыхъ раскольникахъ», столь извѣстнаго въ литературѣ по исторіи раскола протоіерея Андрея Іоаннова Журавлева. Изъ писателей ближайшихъ къ намъ по времени къ этой же категоріи нужно отнести: А. П. Муравьева, А. Щанова и преосвященнаго Макарія. Во главѣ писателей второй категоріи, пытавшихся провѣрить и удостовѣрить свидѣтельство Ив. Алексѣева, нужно поставить бывшаго преосвященнаго черниговскаго Филарета Гумилевскаго и извѣстнаго знатока исторіи русскаго раскола П. И. Мельникова ¹⁾. Въ послѣднее время занимался тѣмъ же вопросомъ: мѣстный черниговскій изслѣдователь г. М. Доброгаевъ, напечатавшій довольно объемистую статью въ мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ за 1884 г. (№№ 20—24) подъ заглавіемъ: «Первыя времена раскола въ Стародубѣ», и извѣстный дѣлитель по разработкѣ исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій, посвятившій въ своемъ послѣднемъ трудѣ: «Описаніе старой Малороссіи» (Кіевъ, 1888—1889 г.) послѣднюю главу раскольничьимъ слободамъ, находящимся въ стародубскомъ полку, и сообщившій о нихъ нѣсколько весьма интересныхъ новыхъ данныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти попытки удостовѣрить свидѣтельство Алексѣева разнаго рода историческими соображеніями, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, не сопровождались уснѣхомъ и не выяснили вопроса о времени и условіяхъ первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ стародубскомъ полку.

¹⁾ „Полное историч. изв.“ протоіерея *Журавлева* имѣло 5 изданій: первое въ 1794 г., а послѣднее въ 1855 г. Есть основаніе полагать, что и авторомъ „Историч. изв. о раск.“ былъ тотъ же Журавлевъ, такъ какъ это послѣднее въ миниатюрѣ (всего 48 стр. въ 16°) представляетъ „Полн. ист. изв.“ со всеми его достоинствами и недостатками. Ср. Полн. изв. по 2 изд. 1795 г. ч. I, стр. 84—85, 98. — *Муравьевъ*: расколъ облачаемый своею исторіею, Сиб. 1854. Стр. 133—134. — *Макарій*: Исторія рус. раскола. Изд. 2. Сиб. 1858. Стр. 322—323. — *Щановъ, А.*: Русскій расколъ старообрядства. Казань. 1859 стр. 7. По отношенію къ вопросу о времени поселенія попа Кузмы въ Стародубѣ у Щанова замѣтна нѣкоторая путаница: въ одномъ случаѣ это поселеніе онъ приурочиваетъ почему то къ 1675 г., тогда какъ въ другомъ случаѣ, на стр. 532, согласно съ Алексѣевымъ, относить тотъ же фактъ ко времени послѣ собора 1666—1667 гг. — *Филаретъ*: Истор.-стат. опис. черн. еп. кн. IV. Черниговъ, 1873, стр. 79. Труды кiev. духовной ак. 1860 г. № 2, ст. „Ист. свѣд. о расколѣ. чер. еп.“ — *Мельниковъ, П. Я.* Историч. оц. поновщины М. 1864, стр. 61—62.

Справедливость требуетъ сказать и то, что какъ бы и не старались удостовѣрить свидѣтельство Ивана Алексѣева, одно оно будетъ имѣть только относительное значеніе въ вопросѣ о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ и всегда будетъ нуждаться въ другихъ, болѣе полномѣсныхъ свидѣтельствахъ, въ особенности изъ времени первоначальнаго поселенія раскольниковъ въ предѣлахъ Стародубы. А такія свидѣтельства есть, и, какъ увидимъ далѣе, значительно расходятся съ свидѣтельствомъ Ив. Алексѣева, а тѣмъ болѣе съ тѣми побочными историческими соображеніями, которыя составились на основаніи этого свидѣтельства у комментаторовъ этого послѣдняго. Вотъ почему снова необходимо пересмотрѣть этотъ вопросъ и поставить его на надлежащую дорогу.

Разсмотримъ прежде всего свидѣтельство Ив. Алексѣева. Онъ такъ говоритъ о поселеніи раскольниковъ въ Стародубь: «Настоящу въ Москвѣ велію на старовѣрцы гоненію, а наипаче вины ради сея, понеже въ лѣто 7174 отъ всякаго священнѣйшаго чина въ Москвѣ соборъ бѣ, и на немъ о коемъждо священномъ дѣйствѣ съ подтвержденіемъ изверженія, отлученія, проклятія, подробну нововводное установленіе положено и писано, то свитокъ наречено, кое при служебникѣ, въ лѣто 7176 напечатано,—откуда всякъ священнодѣйствующій и людинъ опасно наблюдаемъ въ томъ быше. Сего ради небреженія нѣкто бывшій въ Москвѣ поимъ именемъ Козма, службу имѣя въ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, видя сія належація, совѣтъ положи съ духовными дѣтми своими, отыти въ стародубскіе предѣлы: быше бо ему на той часъ стародубскій полковникъ зѣло знаемъ и другъ Гавріилъ Ивановичъ, его же въ нѣконхъ напастехъ укрываше. И угодно бысть всѣмъ совѣщаніе то: оставивше жительства своя, поидоша въ Стародубъ. Полковникъ же, видѣвъ Козму поша, любовное пріятство всѣмъ сущимъ съ нимъ показавъ, и на прошенія ихъ ко атаману Куркускому (Курковскому) Ламакѣ, повелѣвая листомъ онымъ отвести имъ на жительства мѣсто, нарицаемое Понуровку. И тамо вси пришедшіи съ Козмою, число 20, поселишася при рѣцѣ Ревнѣ, въ лѣто 7177. Въ Великороссіи же елико день, толико умножаещеся на старовѣрцы гоненіе, ищуще тыя, и къ новшествамъ принуждающе сялю и муками; конхъ страшныхъ прещеній, не могуще носити, многіе народы, оставляюще своя природная мѣста, сродники и други, течаху въ стародубскую область, и тамо

пустыни населяюще. Откуда населися Бѣлый Колодезь и Синея. Замишево, Шеломы, слободы»¹⁾).

Ясно, что Ив. Алексѣевъ, ставя въ связь поселеніе раскольниковъ въ стародубскихъ предѣлахъ съ соборомъ 1666—1667 гг. и мѣрами его противъ раскольниковъ, инициативу поселенія въ этихъ предѣлахъ раскольниковъ, по случайному обстоятельству—по знакомству съ стародубскимъ полковникомъ Гавріиломъ Ивановичемъ, приписываетъ московскому попу Всесвятской церкви на Кулишкахъ Кузьмѣ. Самымъ лучшимъ удостовѣреніемъ свидѣтельства Алексѣева, безъ сомнѣнія, могли бы быть какіе либо церковно-приходскіе акты, которые указывали бы на попа Кузьму, какъ на настоятеля Всесвятской церкви на Кулишкахъ во время московскаго собора 1666—1667 гг. или въ ближайшее къ нему время. До настоящаго времени всѣ писавшіе о первоначальныхъ временахъ раскола въ Стародубѣ, за недостаткомъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ и исполнѣ полагаясь на свидѣтельство Алексѣева, обходили этотъ пунктъ и не пытались даже выяснить его, несмотря на то, что Ив. Алексѣевъ, писавшій свою исторію спустя почти столѣтіе послѣ поселенія здѣсь раскольниковъ, и не могъ быть авторитетнымъ историкомъ въ данномъ случаѣ. А между тѣмъ по церковно-приходскимъ актамъ, сохранившимся и до нашего времени, попъ Кузьма былъ дѣйствительно въ Москвѣ при Всесвятской церкви на Кулишкахъ, за Варварскими воротами, въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ; но только не въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в., а въ концѣ семидесятыхъ. По приходнымъ книгамъ патриаршаго казеннаго приказа Всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ окладныя деньги въ 185 году, т. е. въ 1676—1677 г., и только въ одномъ этомъ году; до него попомъ здѣсь былъ въ 165—184 годахъ Семень Григорьевъ, а послѣ него Никита въ 186—193 годахъ²⁾. Это современное официальное указаніе о попѣ Кузьмѣ несомнѣнно надежнѣе и достовѣрнѣе свидѣтельства не современника, а лица уже жившаго почти столѣтіе спустя. На этомъ основаніи мы и вправѣ отодвинуть время поселенія раскольниковъ въ Стародубѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, къ концу семидесятыхъ годовъ XVII в., а не шестидесятыхъ, какъ обы-

¹⁾ *Тихонравовъ Н. С.* Дѣтоп. русск. литер. и древности. Т. IV, стр. 57. „Истина“, кн. 29-я, мартъ—апрѣль 1875 г., 7—8.

²⁾ Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей, собранные изъ книгъ и дѣлъ преждебывшихъ патриаршихъ приказовъ В. И. и Г. И. Холмогоровыми, при руководствѣ И. Е. Забѣлина. ч. 1. М. 1884 г., стр. 493.

кновенно до сихъ поръ утверждали наши историки раскола (Журавлевъ, Муравьевъ, и. Макарій, Филаретъ, Мельниковъ и др.). Что и въ царствованіе Фелора Алексѣевича были, или, лучше, продолжались большія «належанія» на московскихъ раскольниковъ — фактъ несомнѣнный, тѣмъ болѣе, что ни самъ царь, ни его ближайшіе духовные совѣтники не имѣли никакихъ симпатій къ ревнителямъ старины, которыя несомнѣнно были у «тнщайшаго» царя. Кромѣ извѣстныхъ уже въ литературѣ данныхъ объ этихъ «належаніяхъ», мы укажемъ на слѣдующій менѣе извѣстный фактъ изъ того же времени. 185 года, октября 25, т. е. въ 1676 г., посланъ былъ указъ Спасоноваго монастыря, что на Москвѣ, архимандриту Макарію, объ отобраніи старыхъ служебниковъ и сосудовъ деревянныхъ въ Спасовѣновомъ монастырѣ и въ подмонастырскихъ слободахъ¹⁾.

Гораздо труднѣе опредѣлить личность стародубскаго полковника, называемаго Ив. Алексѣевымъ, Гавріиломъ Ивановичемъ, котораго укрывалъ «въ нѣкоихъ напастехъ» въ Москвѣ поиъ Кузьма и который былъ потому Кузьмѣ знакомцемъ и другомъ. Полковника съ именемъ Гавріила Ивановича не было во главѣ стародубскаго полка за все время существованія малороссійскаго козачества. Преосвященный черниговскій Филаретъ въ своемъ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7, стр. 79) высказалъ предположеніе, что это былъ не полковникъ украинскій, т. е. по мѣстности стародубскій, а присланный изъ Москвы воевода. Такое предположеніе покойный Филаретъ строилъ на основаніи пріятельской связи пона Кузьмы съ Гавріиломъ Ивановичемъ, считая болѣе естественными дружескія отношенія московскаго пона къ своему земляку — воеводѣ, чѣмъ къ полковнику-малоруссу. По многимъ соображеніямъ это предположеніе не можетъ быть принято, и прежде всего потому, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. воеводство держалось въ Стародубѣ всего два съ нѣсколькими мѣсяцами года, именно съ 1666 г. по 1668 г. Единственнымъ стародубскимъ воеводой за это время былъ князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, убитый въ 1668 г. возмущившимся народомъ²⁾. Во вторыхъ, это предположеніе не можетъ быть оправдано и по той простой причинѣ, что никто, кромѣ мѣст-

¹⁾ Тамъ же. I. 845. Книги и дѣла Дворц. Патриарш. Прик. № 3.

²⁾ *Миркевичъ Н.* Истор. Малороссіи, т. III, стр. 132, 160, 176. — Истор. стат. опис. терн. еп., кн. 7, стр. 77. Здѣсь, между прочимъ, приведенъ весьма интересный актъ 1667 г. по поводу воровства съ указаніемъ на судъ кунъ: „и пацѣ воевода велѣлъ собрать мужовъ и куну учинить“.

наго полковника, не имѣлъ права раздавать полковую землю для поселенія. Извѣстно, что всякій полковникъ какъ въ военное, такъ и въ мирное время самовластно распоряжался на всей территоріи своего полка, хотя поступленіе его въ должность, какъ лица выборнаго, и зависѣло отъ воли подчиненныхъ. Онъ имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и пр. Словомъ, всякій полковникъ управлялъ своимъ полкомъ точно такъ же, какъ гетманъ правилъ своей Малороссіей; по власти это былъ своего рода средневѣковый феодальный баронъ.

Еще менѣе можетъ быть оправдано предположеніе П. И. Мельникова, что Гавріилъ Ивановичъ былъ «не стародубскій полковникъ, какъ пишетъ Иванъ Алексѣевъ въ своей Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ, а вѣроятно одинъ изъ сотниковъ стародубскаго полка», если сотникамъ не принадлежало право раздачи для поселенія земель въ предѣлахъ своей сотни. Г. Доброгаевъ, въ указанной выше статьѣ, старается доказать изъ самыхъ обстоятельствъ, при которыхъ, по разсказу Алексѣева, состоялся отводъ земли пришедшимъ съ попомъ Кузьмою московскимъ раскольникамъ, что этотъ отводъ былъ дѣломъ полковника, а не сотника. Именно, по разсказу Алексѣева, дѣло представляется такъ. Когда попъ Кузьма съ духовными дѣтьми своими пришелъ въ Стародубъ, то его знакомецъ и другъ полковникъ, дружески принявъ бѣглецовъ, по ихъ просьбѣ, написалъ листъ и послалъ ихъ къ курковскому атаману Ламакѣ, вѣрнѣе—Домакѣ, чтобы онъ отвелъ имъ мѣсто для жительства и поселенія—Понуровку¹⁾. Прежде всего здѣсь, по Доброгаеву, важно то, что раскольники приходятъ въ г. Стародубъ, и слѣдовательно, если вѣрно предположеніе П. И. Мельникова, то къ стародубскому сотнику, или, что тоже, къ сотнику первой сотни полка. А между тѣмъ, воображаетъ далѣе г. Доброгаевъ, курковскій курень входилъ въ составъ не первой стародубской полковой сотни, а второй имѣвшей свои, отдѣльные отъ первой сотни, курени, и своихъ, подчиненныхъ лишь этому сотнику второй сотни, атамановъ. Невѣроятно, заключаетъ далѣе г. Доброгаевъ, чтобы сотникъ первой сотни распоряжался и повелѣвалъ въ предѣлахъ чужой сотни; да и жилъ-де сотникъ второй сотни, по всей вѣроятности, не въ Стародубѣ, а въ какой нибудь изъ подчиненныхъ ему мѣстностей. Несмотря однако же на несомнѣнную

¹⁾ Курковичи—село стародубскаго уѣзда въ 30 верстахъ отъ уѣзднаго города, а Понуровка—въ 25 в. отъ того же города.

правильность этого послѣдняго заключенія съ формальной стороны, оно, къ сожалѣнiю, не имѣетъ подъ собою ровно никакой исторической почвы, о которой, повидимому, такъ заботливо хлопоталъ г. Доброгаевъ, подробно и обстоятельно анализируя извѣстiе Ивана Алексѣева о поселенiи раскольниковъ въ Понуровкѣ. Дѣло въ томъ, что только почти въ концѣ гетманства Разумовскаго сотни полковая (стародубская) и почепская были подраздѣлены каждая на двѣ сотни, которыя, сохранивъ свои названiя, и стали называться «первыми» и «вторыми». Съ такимъ названiемъ эти сотни вошли и въ румянцевскую опись Малороссiи. Но такого дѣленiя на сотни не было въ стародубскомъ полку ни при гетманѣ Брюховецкомъ, когда былъ образованъ самостоятельный стародубскiй полкъ, независимый отъ нѣжинскаго, ни при гетманѣ Самойловичѣ, когда всего вѣроятнѣе явился въ Стародубъ московскiй пощъ Кузьма съ 20-ю новыми насельниками Малороссiи¹⁾.

Повидимому, болѣе основанiй имѣетъ другое объясненiе г. Доброгаева, относящееся къ тому же вопросу, именно, что Курковичи были дѣйствительно мѣстомъ пребыванiя куреннаго атамана. «По актамъ, говоритъ онъ,—даже самый курень этотъ, состоявшiй не изъ одного селенiя Курковичъ, а и другихъ вокругъ его лежащихъ деревень, равно какъ и атаманъ въ немъ живущiй назывались курковскими. Далѣе, по повѣсти Алексѣева, курковскiй атаманъ Ламака отводитъ пришедшимъ къ нему съ листомъ отъ стародубскаго полковника мѣсто для поселенiя — Понуровку... И здѣсь также повѣсть говоритъ вполне согласно съ исторiей. Понуровка лежитъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ (7) отъ села Курковичъ и, конечно, была въ районѣ курковскаго атамана, курень котораго обнималъ собою довольно значительное пространство земель стародубскаго полка. Значить, совершенно естественно было стародубскому полковнику, какъ говорится въ повѣсти, писать листъ не къ другому какому, а именно къ курковскому атаману, чтобы онъ отвелъ московскимъ бѣглецамъ урочище Понуровку, мѣстность котораго лежала въ его районѣ» (стр. 857). Въ подтвержденiе той же своей мысли г. Доброгаевъ указываетъ и на то, между прочимъ, что въ мѣстныхъ актахъ, хотя и позднѣйшихъ,

¹⁾ Нѣкоторыя документальныя указанiя о стародубскомъ полку и его сотняхъ можно найти въ указанномъ выше трудѣ г. Лазаревскаго. Стр. 13, 111—112. Ср. А. Ю. Р., X., 830—838. При Брюховецкомъ было сначала 7 сотенъ, потомъ изъ части погарской сотни была образована 8—бакланская, а въ началѣ XVIII в. при полковникѣ Жоравко образовалась и 9-я—новомѣстская.

именно 1718 года, среди владѣльцевъ курковскими землями встрѣчаются также и владѣльцы изъ фамиліи Ломакъ, напр. панъ Архипъ Ломака,—значковый товарищъ и куренный атаманъ въ 1724 г., по кучимъ и вѣчистымъ записямъ, приложеннымъ къ румянцевской описи,—замѣтимъ между прочимъ ¹⁾. Въ немъ г. Доброгаевъ видитъ потомка упоминаемаго въ повѣсти Алексѣева атамана Ломаги. Всѣ эти соображенія г. Доброгаевъ строитъ на нѣкоторыхъ указаніяхъ, встрѣчающихся въ Обзорѣніи румянцевской описи А. М. Лазаревского и Н. А. Константиновича, въ которомъ приведены и нѣкоторыя выдержки изъ актовъ, приложенныхъ къ описи, Однако эти указанія сами по себѣ не настолько категоричны и полны, что бы на нихъ можно было вполне положиться. Такъ, тамъ нѣтъ ровно никакихъ указаній на районъ курковского атамана, а равно и на то, что бы Понуровка въ концѣ XVII в. входила въ составъ курковского курени. Въ многочисленныхъ кучихъ вѣчистыхъ записяхъ и другихъ актахъ XVII—XVIII в., приложенныхъ румянцевскими ревизорами къ описанію села Курковичъ (всѣхъ ихъ до 200), нѣтъ даже ни одного указанія на курковскій курень и его атамановъ до 1711 г. При разграниченіи грунтовъ шестаковскихъ, тимоновскихъ, курковскихъ, машовскихъ, каршовскихъ и семіоновскихъ въ 1688 г., произведенномъ войсковымъ товарищемъ Захаромъ Шійкевичемъ и Иваномъ Бѣлозерцемъ, дозорцею гетманскимъ почеповскимъ, со стороны Курковичъ присутствовали: войтъ Ѳедоръ Юревичъ, Леонъ и Стефанъ Ломаченки и др. О курковскомъ атаманѣ вовсе не упоминается, между тѣмъ упомянуть тимоновскій ²⁾. Далѣе, извѣстно изъ первой подробной переписи Малороссіи 1723 года и книги генеральнаго стѣдствія, какъ и другихъ указаній, что село Курковичи до 1730 г. входило въ составъ магистратскихъ сель, а затѣмъ было отдано въ ранговое владѣніе. На этомъ основаніи съ большимъ правомъ можно разжаловать Ломаку изъ атамановъ въ волостные сотники, завѣдыванію которыхъ подлежали магистратскія села, подѣленные по отбыванію повинностей на волости.

Замѣтимъ кстатн, что и село Курковичи служило мѣстомъ поселенія раскольниковъ. Въ такъ называемыхъ «Компутахъ» пли первой подробной переписи населенія по стародубскому полку какъ козаковъ, такъ и посольства, произведенной въ 1723 г. по распоря-

¹⁾ Рум. Оп. LXXXIII, л. 426.

²⁾ Ib id. 41, 75, 378.

женію президента малороссійской коллегіи Вельяминова и хранящейся теперь въ подлинникѣ въ кievской археографической комиссіи, при описаніи села Курковичъ замѣчено: «Въ семъ же селѣ Давидъ Расоренокъ, зъ расколу перекрестился, грунтовой. Андрей Расоренокъ, расколщикъ, грунтовой и у нихъ три хаты подсуѣдковъ. «Сіи всѣ селу не помогаютъ ¹⁾». На курковскихъ раскольниковъ есть интересныя указанія и въ румицневской описи, именно въ заключеніе подворной и имущественной вѣдомости замѣчено: «Да сверхъ того в козаковъ курковскихъ Ивана Рубайлы, Ивана Немаченка, Ѳедора Козла, Омельяна Ковала, Павла Ломаки, Ѳедора Ломаки, Леона Чорнша, Ст. Довгиля имѣются въ грунтахъ с. Курковичъ грунта пахотніе и сѣнокошіе съ ухожимъ бортнимъ деревомъ, лѣснымъ угодіямъ и огородами, доставшіеся имъ вмѣстѣ съ тамошними мужиками, подданными господина коллежскаго ассессора Туманскаго: Устиномъ Барбашемъ, Григоріемъ Аненченкомъ, Илією Лимонченкомъ, по куплѣ въ прошломъ 757 г. іюля 6 отъ умершаго бунчуковаго товарища Демяна Рубца, а онимъ Рубцемъ куплею набытіе отъ жіючихъ въ с. Курковичахъ раскольниковъ Явима и Фоминыхъ дѣтей Расореевъ за тысячу триста сорокъ рублей, на что съ крѣпостей при семъ приобрѣтаются коніи. На которыхъ грунтахъ изъ пашенной земли посѣвается ржи во всѣхъ трехъ смѣнахъ 90 четвертей» ²⁾... Оказывается, что раскольники въ Малороссіи могли имѣть и «подданныхъ мужиковъ».

Кто же былъ тотъ полковникъ, который оказалъ содѣйствіе и помощь московскимъ бѣглецамъ, явившимся въ Малороссію на жительство во главѣ съ попомъ Кузьмою, и далъ имъ мѣсто для поселенія на земляхъ стародубскаго полка? По соображеніямъ г. Доброгаева, это былъ извѣстный своею печальною судьбою полковникъ Петръ Ивановичъ Рославецъ, превратившійся потомъ въ раскольникъ преданія, которымъ и пользовался Ив. Алексѣевъ, въ полковника Гавріила Ивановича, подъ какимъ именемъ и сталъ извѣстенъ въ исторіи раскола. Мало того, онъ утверждаетъ, что пошъ Кузьма могъ и хорошо знать Рославца и быть даже въ дружбѣ съ нимъ, потому что-де Рославецъ не разъ на своемъ вѣку пришлось побывать и въ Москвѣ. При этомъ

¹⁾ Компуты всего полку стародубскаго,—рукоп. л. 423—424. О книгѣ генеральнаго свѣдѣнія 1729—1730 гг. см. ниже.

²⁾ Рум. оп. LXXXIII, л. 63 и дал. Ср. лл. 137, 149, 151, 159, 195, 276, 348, 549—550. Въ одномъ случаѣ „Расорій“ названъ козакомъ с. Курковичъ—Обыватель лужковскій Яковъ Андреевичъ Неклюдовъ,—76 лѣтъ, въ 1767 г. доказалъ, что онъ родился въ с. Курковичахъ. Рум. оп. CXVII, л. 48—49.

г. Доброгаевъ указываетъ на поѣздку его въ Москву въ 1665 году, когда Рославецъ ѣздилъ туда въ качествѣ уполномоченнаго отъ стародубскаго полка вмѣстѣ съ гетманомъ Брюховецкимъ и прожилъ тамъ будто бы круглый годъ, именно съ сентября 1665 г. до конца октября 1666 г. Въ это то время, по соображеніямъ г. Доброгаева, Рославецъ, и сошелся съ попомъ Кузьмой, нашелъ въ немъ дѣятельнаго покровителя и защитника въ «нѣконхъ напастяхъ», какъ говоритъ Иванъ Алексѣевъ, за что потомъ и отблагодарилъ его въ 1669 г., когда прежній его покровитель самъ съ единомышленниками своими пришелъ въ Стародубъ просить у него мѣста для поселенія (Ibid. стр. 862--863).

И это соображеніе не имѣетъ за себя ровно никакихъ историческихъ основаній, по крайней мѣрѣ, когда оно приурочено къ 1665 г. Прежде всего невѣрно то, что Рославецъ, какъ уполномоченный отъ стародубскаго полка, пробылъ въ Москвѣ круглый годъ въ свитѣ Брюховецкаго. Въ данномъ случаѣ г. Доброгаевъ довѣрился нѣкоторымъ указаніямъ, сдѣланнымъ ошибочно въ Исторіи Малороссіи Маркевича, не провѣривъ ихъ по другимъ, болѣе надежнымъ пособіямъ. Точно извѣстно, что Брюховецкій съ своею громадною ассистенціею, состоявшею изъ 535 человекъ, прибылъ въ Москву 11-го сентября, а отбылъ 20-го декабря того же года. За все время пребыванія гетмана въ столицѣ какъ за нимъ самимъ, такъ и за пріѣхавшей съ нимъ старшиной зорко слѣдили приставленные къ нимъ для почета и секретнаго надзора пристава, доносившіе о всемъ ими замѣченномъ въ малороссійскій приказъ боярину Салтыкову. Въ акты малороссійскаго приѣзда занесенъ даже такой случай, какъ писарь Захаръ Шійкевичъ, подпивши на ирѣ у князя Юрія Алексѣевича, поругался съ переславскимъ протопопомъ Бутовичемъ, назвалъ его «брехуномъ», заманулъ сначала на него ножомъ, а потомъ вилкой, и «лаялъ» позорными словами судью и полковниковъ, за что потомъ и угодилъ въ Сибирь, по настоянію гетмана. На счетъ Рославца въ современныхъ актахъ нѣтъ никакихъ указаній, даже намекъ на какія либо «напасти», отъ которыхъ онъ могъ бы укрываться у попа Кузьмы на Кулишкахъ.

Былъ въ жизни Рославца другой случай пребыванія его въ Москвѣ, который дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ нѣкоторую связь съ рассказомъ Ив. Алексѣева и указаніемъ, сдѣланнымъ нами о попѣ Кузьмѣ. Это было въ 1676 г., когда у Рославца возникла мысль отдѣлать стародубскій полкъ отъ гетманскаго управле-

нія и отчислить его къ разряду слободскихъ полковъ. Не нашедши сочувствія и поддержки своей мысли у большинства полковой старшины, онъ самъ отважился на рѣшительную борьбу съ гетманомъ и поѣхалъ въ Москву, полагая, что его мысль должна придтись по вкусу московскому правительству. Разсчеты его однако же не оправдались; тогдашніе московскіе политическіе дѣятели не сочли возможнымъ стать на его сторону, потому что онъ дѣйствовалъ «противно войсковому праву и должному послушанію», безъ совѣта старшины и гетманскаго вѣдома. Дальнѣйшій ходъ дѣла привелъ его подъ караулъ и оковы. 20-го августа того же года полковникъ «колодникъ» ушелъ изъ подъ караула, но скоро однако былъ пойманъ за Смоленскими воротами, когда шелъ изъ Бѣлаго города въ Земляной городъ. Приведенный въ малороссійскій приказъ онъ показалъ: «какъ вышелъ я на дворъ, взошелъ на церковь, а съ ней спустился на улицу и пошелъ. Хотѣлъ я пробраться къ карачевцу Григорію Юрасову, но двора его не нашелъ и хотѣлъ идти въ Новодѣвичій монастырь, чтобъ тамъ перебыть, пока не уѣдетъ изъ Москвы гетманскій посланецъ Солонина, который домогался, чтобъ ему отдали меня отвести къ гетману. Какъ бы только Солонина уѣхалъ, я опять пришелъ бы въ приказъ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевалъ подлѣ церкви, не знаю какой, а утромъ пошелъ за Смоленскія ворота: тамъ встрѣтилъ меня стрѣлецъ и привелъ сюда. Изъ Москвы я бѣжать не думалъ, совѣтниковъ къ побѣгу не было у меня и подкупа никому не давалъ. Взялъ я съ собою на харчъ пять рублей, и тѣ цѣлы».

По розыску оказалось, что Григорій Юрасовъ умеръ, а сынъ его Аванасій объявилъ, что не знаетъ Рославца. Розыскъ больше ничего не даетъ; въ розыскномъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на связь Рославца съ попомъ Кузьмой или лицами близкими къ нему; тѣмъ не менѣе Рославецъ очутился въ Бѣломъ городѣ, т. е. тамъ, гдѣ былъ именно приходъ попа Кузьмы. Весьма вѣроятно, что Рославецъ задумалъ бѣжать изъ Москвы при посредствѣ раскольниковъ, съ которыми онъ имѣлъ связи и по поселенію ихъ въ стародубскомъ полку раньше попа Кузьмы, и по своимъ торговымъ оборотамъ, веденнымъ имъ на широкую руку, и именно съ Москвой. По своимъ торговымъ оборотамъ онъ имѣлъ обширныя связи съ карачевцами, съ торговыми людьми Сѣвска, Трубчевска, Брянска, Путявля и Рыльска, бывшими его комиссіонерами по торговлѣ съ Москвой, особенно горѣлкой и пр. У торговыхъ людей Трубчевска и Брянска, какъ оказалось потомъ по слѣдствію о имуществѣ Рославца,

которое заботливо розыскывалось гетманомъ Самойловичемъ, хранились, очевидно, на всякій случай, и деньги Рославца, вещи серебряныя, мѣдныя и оловяныя и всякая домашняя рухлядь. Въ ту пору среди торговыхъ людей этихъ городовъ было уже не мало раскольниковъ, что замѣчено было и московскимъ правительствомъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ указывалъ собору 1681 года, между прочимъ, на горада Путивль и Сѣвскъ, какъ на такіе, въ которыхъ развратники и противники св. церкви умножились. Этимъ обстоятельствомъ мотивировалось также въ то время и учрежденіе новыхъ епархій въ этихъ мѣстностяхъ. Въ 70 хъ годахъ XVII в. въ рыльскомъ уѣздѣ уже было два раскольниковыхъ монастыря Льговскій и Моускій (по другой редакціи — Амонскій), бывшіе центрами раскольниковаго движенія на этой русской окраинѣ, откуда раскольники переселялись потомъ съ одной стороны на Донъ, съ другой — въ Малороссію. Эти то связи Рославца съ раскольниками и могли привести его къ мысли — избавиться при посредствѣ ихъ отъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ попалъ, желая угодить Москвѣ, всегда стремившейся возможно тѣснѣе скрѣпить связь Малороссіи съ Великороссіей и умалить отдѣльную самобытность вновь присоединившагося края. Въ это время онъ и могъ дать московскимъ раскольникамъ обѣщаніе поселить ихъ въ своемъ полку, котораго однако же не имѣлъ возможности привести въ исполненіе, такъ какъ послѣ московской тюрьмы тотчасъ же попалъ въ Батуринъ, на генеральный судъ, приговорившій его къ смертной казни. 12-го января 1677 года, когда должна была совершаться казнь Рославца, гетманъ Самойловичъ объявилъ царскую грамоту о дарованіи преступнику жизни и указъ о препровожденіи его въ Москву и ссылаѣ въ Сибирь вмѣстѣ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, соприкосновеннымъ къ его дѣлу¹⁾.

¹⁾ Дѣло Рославца подробно и обстоятельно рассказано Н. И. Костомаровымъ въ его „Руинѣ“. Вѣст. Евр. Авг., 1880 г., гл. VIII, стр. 417—430. Лазаревскій А. М. Оч. мал. фам. Рус. Арх. 1875 г., стр. 249, 403. У послѣдняго дѣло Рославца ошибочно отнесено къ болѣе раннему времени. — О широкихъ торговыхъ предприятияхъ Рославца свидѣтельствуетъ предложеніе его боярину А. С. Матвѣеву о поставкѣ вина въ Москву, сдѣланное въ 1674 г. А. Ю. Р., XI, 673. — О раскольникахъ въ Сѣвскѣ, Рыльскѣ и др. городахъ См. А. И. V, № 75, стр. 109—110. П. С. З, II, № 898. Доп. къ Ак. Ист. XII, № 17, показаніе старца Нававаила, по прозвищу Аргитки. — Алексѣевъ Ист. о бѣгствующихъ свящ. У Тихонова, стр. 54—56. Полн. собр. постановл. и распоряж. по вѣдом. правосл. иероувѣд. Росс. имп. Т. III. Сяб. 1875. Стр. 70—71.

Г. Лазаревскій полагаетъ, что въ полковникѣ Гаврилѣ Ивановѣ слѣдуетъ видѣть тогдашняго стародубскаго обознаго Гаврила Дашенка, который въ 1669 году былъ в наказнымъ полковникомъ. Основаніе для такого соображенія онъ находитъ и въ томъ, что въ это же время Дашенко «взялъ въ свое владѣніе» село Солову, очень близкое къ Понуровкѣ, гдѣ, по его позволенію, оселились раскольники (Вып. 2, стр. 440). Соображенія эти, не особенно состоятельныя и сами по себѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія въ виду вышеприведенныхъ данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубщинѣ.

Полковника, позволившаго московскимъ раскольникамъ съ попомъ Кузьмой во главѣ оселиться въ Понуровкѣ, нужно искать среди преемниковъ Рославца по стародубскому полковничеству. Непосредственнымъ его преемникомъ былъ городской атаманъ Тимофей Алексѣевъ, простой, неграмотный человѣкъ, не сохранившій въ современныхъ актахъ даже своего родового прозвища. Во время чигиринскаго похода онъ былъ замѣненъ Ѳедоромъ Лукьяновичемъ Молчаномъ, сложившимъ подъ Чигириномъ свою голову. Послѣ Молчана полковникомъ былъ поставленъ Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій, или просто Карповичъ, нерѣдко — Коровченко-Вольскій. Въ сентябрѣ 1678 г. Коровченко былъ уже въ Стародубѣ. Это былъ человѣкъ расторопный, ловкій, умѣвшій пользоваться обстоятельствами. На своемъ посту онъ дѣйствовалъ такъ, какъ и извѣстный намъ его предшественникъ — Петръ Ивановичъ Рославецъ: забиралъ села въ свое «ранговое» владѣніе, не спрашивая разрѣшенія гетмана, раздавалъ ихъ по своему усмотрѣнію своимъ подручнымъ урядникамъ, и прежде всего своимъ дѣтямъ и родственникамъ, строилъ водяныя мельницы и поселялъ около нихъ слободы. Была у него и своего рода политика въ заселеніи слободъ, вѣроятно унаслѣдованная отъ того же Рославца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ «листовъ» именно въ «листѣ» нѣкоему пану Курилу Яковлевичу, почеповскому атаману, отъ 1-го октября 1678 г., подтверждалъ право «на селище пустое, называемое Кугучево», отданное Курилѣ еще Рославцемъ, онъ разрѣшаетъ ему и «слободу осажовати людьми посторонними, якъ то зъ литовскихъ и иншихъ краевъ захожими, а не тутейшими старѣвными людьми». Въ другомъ его листѣ мы знакомимся и съ тѣми условіями, на которыхъ селились въ слободахъ пришлые люди. Вотъ что читаемъ въ этомъ послѣднемъ листѣ: «Ознаймуемо симъ писаніемъ нашимъ каждому, кому бы о томъ вѣдати надлежало, а особливе пану сотнику мглинскому, атаману городовому, зъ товариствомъ, такъ тежъ и войту зъ мѣща-

нами: какъ ставши передъ нами панъ Михайло Силковичъ, осадца слободн на Будищахъ Бердишевскихъ надъ рѣкою Вороницею, презентовалъ наданній отъ бывшего полковника пана Тимоѳея унѣверсалъ, же би пустоши не ваковали овшемъ, же би людьми, за щасливымъ пана гетмана рейментомъ наполненн были, а *давши слобожанамъ волности на десять лѣтъ закликати*. Зачимъ позволяемъ таковой побожній христіанству честній учинокъ, абы людци збиралися и расширялися на вѣчную славу его милости пану гетману въ помешканю своемъ стосуючися, симъ нашимъ подтверждаемо пана Михаила Силковича, осадцу тоей слободки, унѣверсаломъ, давши ему зуполную мощь людей збирати и оную слободу осаживати, позволяя тежъ онимъ слобожанамъ пашнѣ и пожнѣ до рѣки Дзѣвовкова и до лѣса Осова разчиняти и распаховати, якъ кто тилко можетъ. Зачимъ аби вся старшина вишреченная такъ осадци нашому яко слобожанемъ въ разживаню и распахованню поль и поженъ не только зъ мѣста Мглина, лечъ и до мѣста служачихъ селъ, аби не важилнсь кривди и шкодичинити подъ не ласкою нашею, вамъ приказуемъ. Данъ въ Почепѣ битностю нашею октовріа 29 дни 1678 року¹⁾.

Ко времени полковничества въ Стародубѣ Григорія Карповича Коровки-Вольскаго (1678—1680 г.) всего вѣроятнѣе и можно отнести поселеніе въ стародубскомъ полку московскаго попа Кузьмы съ 20 единомышленниками, его духовными дѣтьми. Это опредѣленіе времени поселенія попа Кузьмы согласуется и съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа, единственнымъ пока документальнымъ указаніемъ о попѣ Кузьмѣ. По всей вѣроятности имя этого полковника и видоизмѣнилось въ раскольниковѣмъ преданіи въ имя Гаврііла Ивановича.

Но это была далеко не первая раскольниковья колонія въ стародубскомъ полку. Гораздо раньше поселенія здѣсь попа Кузьмы мы встрѣчаемся съ раскольниками, жившими въ разныхъ мѣстностяхъ Стародубья. О поселеніи ихъ имѣются и разнаго рода документальныя данныя, печатныя и рукописныя, хотя и весьма немногочисленныя, къ обзорѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Великорусскіе поселенцы и раньше появленія и населенія сѣверныхъ уѣздовъ нынѣшней черниговской губерніи и южныхъ моголевской раскольниками появлялись и поселялись здѣсь.

Съ того времени какъ литовское государство окрѣпло, утвердилось и втянуло въ себя и эти искони русскія земли, населеніе со-

¹⁾ Обзор. Румянц. оп. Мал. IV. 604—605. Стр. 457, 575, 643—644.

сѣдной восточной Руси, особенно со стороны Посемья, гдѣ жизнь была черезъ чуръ тяжела, благодаря татарскому гнету, начало эмигрировать сюда, какъ въ мѣста болѣе покойныя, свободныя отъ татарскаго гнета. Правители Литвы, исхавшіе, для завоеванія, новыя области и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній, всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патріархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Обстоятельства измѣнились, когда возобладали и здѣсь польскіе порядки и естественнымъ слѣдствіемъ пхъ явился отливъ населенія въ южныя области, когда то сильно разоренныя татарами. Съ освобожденіемъ Малороссіи отъ власти поляковъ и съ изгнаніемъ ихъ начинается усиленное переселенческое движеніе въ сѣверную Малороссію. Такъ, уже въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго говорится о значительномъ наплывѣ великоруссовъ изъ пограничныхъ съ Малороссіей великороссійскихъ городовъ. Въ 1672 г. «заоцкіе помѣщики всѣхъ городовъ, стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, жильцы, и городовые дворяне и дѣти боярскіе» били челомъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства ими бѣглыхъ крестьянъ. Особенно они жаловались на Лазаря Барановича, архієпископа черниговскаго и новгородсѣверскаго, за которымъ, по ихъ словамъ, «поселилось камарницкихъ бѣглыхъ драгунъ и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше пяти тысячъ»¹⁾. Шли сюда великороссійскіе крестьяне и иные прихожіе люди по разнымъ поводамъ: или чтобы избѣжать наказанія за преступленія на мѣстѣ своего первоначальнаго жительствова, или просто избавиться отъ тяжелой помѣщичьей власти, и это были далеко не единичные случаи. Иногда и голодъ заставлялъ выселяться и искать куска хлѣба²⁾. Быть можетъ по этой именно причинѣ черниговская губернія и до сихъ поръ пользуется дурною репутаціею у жителей правобережной Украины, даже на Волыни,

¹⁾ Акт. отн. къ ист. вѣж. и зап. Рос. Т. IX. Слб. 1877. Стр. 855—859. Ср. У, 53, 90. III. №№ 348, 351 и 362.

²⁾ Въ „Комнутахъ“ старод. полка 1723 г., между прочимъ, отиѣченъ слѣд. фактъ. При описи слоб. Бельви въ которой находилось 7 безгрунтовыхъ убогихъ домохозяевъ, замѣчено: „сін шість человекъ, опрочъ Ив. Андрієва, великороссійской породы, не въ давнихъ на слободу сію зайшавхъ числахъ, отпущени сказовали для прокормленія отъ своихъ бояръ, а мѣють знову на свои возвратитися жилица“. Л. 791. Ср. у Желябужскаго въ Зап. стр. 213.

какъ намъ неоднократно приходилось слышать. Приблизительно съ 60-хъ годовъ XVII в. къ прежнимъ мотивамъ выселенія изъ Велико-россіи присоединился новый—религіозный, значительно усилившій притокъ сюда великорусскаго населенія. Это послѣднее усиленіе великорусскаго элемента указывается и въ современныхъ малороссійскихъ лѣтописяхъ. Въ лѣтописи Самовидца, составленной, если и не въ цѣломъ составѣ, то въ значительной своей части, въ предѣлахъ Сѣверщины или въ ближайшей къ ней мѣстности, если не въ самомъ Стародубѣ, отмѣченъ подъ 1676 годомъ и фактъ поселенія великороссійскихъ раскольниковъ въ стародубскомъ полку. Говоря о взятіи царскими войсками Соловецкаго монастыря, за упорство его монаховъ въ расколѣ, и отмѣчая кратко главнѣйшія разногласія раскольниковъ съ православнымъ, или непринятія ими «новопоставленныя рѣчи» на московскомъ соборѣ 1666—1667 гг., Самовидецъ замѣчаетъ: «И за тѣ новіе рѣчи многихъ чернцовъ, поповъ и свѣцкаго стану людей у земли московской помордовано, же того не хотѣли приимати, але на старомъ держалнся, яко передъ тымъ було. И многіе выходили на Украину на мешканя ку сѣверу, позоставивши набитки свои, а иннихъ и у силку позасилано»¹⁾. Такимъ образомъ Самовидецъ ставитъ въ связь поселеніе раскольниковъ въ сѣверскихъ предѣлахъ съ московскимъ соборомъ 1666—1667 гг. На эту же связь, какъ мы видѣли, указываетъ и Иванъ Алексѣевъ, авторъ «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ».

Имѣется и другое, болѣе компетентное, мѣстное и современное свидѣтельство о поселеніи раскольниковъ въ Сѣверщинѣ до появленія здѣсь попа Кузьмы съ двадцатью московскими выходцами, ревнителями старообрядства. Такъ, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородсѣверскій, въ письмѣ отъ іюля 1677-го года, къ тогдашнему стародубскому наказному полковнику Михаилу Рубцу, пишетъ: «Мнѣ вельце ласковый пане полковнику наказный стародубовскій, въ Духу Святымъ ваймилшій сыну. Русскіе люде слободки демьянкуской, сулѣвовали до насъ презъ честного отца Іякова Хапчинского, абысми имъ книги, которыя нашъ высланный честный отецъ Сіоманко позабѣравши въ ихъ, положилъ въ церквѣ Рождества пресвятой Богородицы стародубовской, казали повернуты. За чимъ мы, склонившися на ихъ прозбу, просимъ милости твоей—рачь вм.... оныя книги честному отцу Іякову Хапчинскому, розказати выдати; а

¹⁾ Лѣтоп. Самовидца, по изд. кіев. врем. ком. по разб. древ. акт. Кіевъ. 1878 г. стр. 131—132. Ср. Чт. моск. общ. ист. и др. рос. 1846 г. № 2, стр. 66.

онъ ведлугъ росказаня нашего, повиненъ будетъ онимъ отдать, що и повторе жадаючи, архіерейское мое благословеніе милости твоей засилаю. Зъ монастыра Всемиловстваго Спаса архимандріи новгородской. Юля—року 1677. Милости твоей всѣхъ благъ желаючий пастырь Лазарь Барановичъ, архіепшъ черніговскій, новгородскій и проч. рукою¹⁾.

Письмо архієпископа Лазаря Барановича къ тогдашнему наказному полковнику—важный историческій документъ какъ для уясненія вопроса о первоначальномъ поселеніи раскольниковъ въ стародубскомъ полку, такъ и для уясненія отношеній ихъ къ мѣстной епархіальной власти, о которыхъ нѣтъ пока никакихъ другихъ свѣдѣній изъ XVII в. Изъ этого письма впервые оказывается, что мѣстная епархіальная власть если не немедленно по поселеніи здѣсь раскольниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ скоромъ времени, нашла возможнымъ принять противъ нихъ извѣстныя мѣры, практиковавшіяся въ то время и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору. Какими соображеніями или мотивами руководился при этомъ Лазарь Барановичъ, сдѣлавъ первоначально распоряженіе объ отобраніи старыхъ книгъ у раскольниковъ, а потомъ измѣнивъ первоначальное распоряженіе и приказавъ снова возвратитъ ихъ раскольникамъ, изъ письма невидно; во всякомъ случаѣ его отношеніе къ новопоселившимся здѣсь раскольникамъ—фактъ новый и въ извѣстной мѣрѣ освѣщаетъ намъ церковное ихъ положеніе на первыхъ порахъ на новомъ мѣстѣ ихъ жительства. Кромѣ того, письмо это исправляетъ и ту часто повторяемую ошибку, что въ с. Демьянкахъ раскольники поселились изъ Понуровки, когда ихъ стали вытѣснять изъ послѣдней по указу царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Семену Ивановичу Самойлову (1680—

¹⁾ Подлинникъ этого письма находится у А. С. Лашкевича. Въ первый разъ оно издано А. М. Лазаревскимъ въ „Опис. старой Маг“. Т. I. В. I. Стр. 180. Упоминаемый въ письмѣ Л. Барановича свящ. *Гяковъ Ханчинскій*—тотъ самый, котораго полковникъ Рославецъ побилъ и котораго 13 авг. 1677 г. „народъ обурився, выволокли з олтара, по службѣ божой, сродзе были и на смерть заблнн бы, ежели бы не оборонилъ полковникъ наказній, з своими припавши козаками“. Лѣт. Самов. стр. 136—137. Не онъ ли же, въ качествѣ архіерейскаго конюшаго, принималъ участіе, вмѣстѣ съ тѣмъ же Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокрѣвичемъ въ отправленіи гетмана Многогрѣшнаго въ Москву въ мартѣ 1672 г., по сверженіи его? Письма преосв. Лаз. Барановича. Изд. 2. Черниговъ 1865 г. стр. 163. Ср. 172. Ак. юж. и зап. Рос. IX, 113, 116, 335, 337, 904.

1685 г.). Объ этомъ указѣ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ ¹⁾. Между тѣмъ изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ и письма Лазаря Барановича ясно видно, что село Демьянки раньше Понуровки было населено раскольниками; въ половинѣ 1677 года они здѣсь уже находились и по отношенію къ нимъ принимались извѣстныя мѣры со стороны мѣстной епархіальной власти.

Нѣтъ точныхъ документальныхъ данныхъ, когда именно раскольники поселились въ слободѣ Демьянкахъ; только одно несомнѣнно, что они здѣсь не были первоначальными засельниками. По показанію старожиловъ въ 1729 г. «за владѣнія лядского на шляхетскомъ Абрамовича грунтѣ, по его жъ Абрамовича приказу, Демьянки осажовали Денись и Милюшка; и тѣмъ селомъ онъ, Абрамовичъ, ажъ до Хмельницивы владѣлъ; а послѣ лядского владѣнія тѣмъ селомъ владѣли Небаба и Блаватскій». Въ 1704 году Демьянки отданы были гетманомъ Мазепою стародубскому полковнику Мнханлу Миклашевскому, въ родѣ котораго и остались. Въ 1723 году, когда произведена была первая подробная перепись стародубскаго полка и вмѣстѣ всей Малороссіи, здѣсь было всего только три раскольникыхъ двора, тогда какъ крестьянъ Миклашевскаго грунтовыхъ 93 двора и бобыльскихъ 32 хаты. О матеріальномъ положеніи этихъ раскольниковъ демьянковскихъ въ переписныхъ книгахъ замѣчено: «Въ семъ же селѣ 3 двора раскольниковъ; сіи всѣ кгрунтовіи и велми можлие, а селу жадной помощи не чинать». Какъ велика была разница между числомъ раскольниковъ въ селѣ Демьянкахъ во время Лазаря Барановича и во время переписи 1723 года, судить трудно за недостаткомъ данныхъ; изъ общаго тона вышеприведеннаго письма Лазаря Барановича можно, кажется, заключить, что «русскіе люди слободки Демьянковской» поселены были не въ такомъ ограниченномъ количествѣ дворовъ, какъ свидѣтельствуетъ перепись 1723 года ²⁾.

Къ первымъ раскольникимъ поселеніямъ въ стародубскомъ полку нужно отнести и упоминаемыя Ив. Алексѣевымъ слободы: Понуровку, Бѣлый и Синій Колодези, Замышевъ, Шеломы и Митьковку. О поселеніи раскольниковъ въ Понуровкѣ имѣется и болѣе раннее официальное свидѣтельство, чѣмъ свидѣтельство Ивана Алексѣева. Именно въ книгѣ генеральнаго слѣдствія по стародубскому полку 1729 —

¹⁾ *Тихонравовъ. Н. С.* Лѣт. рус. лит. Т. IV. Отд. III., ст. 58.

²⁾ „Компуты“ стародуб. полка 1723 года. Л. 450—455. *Лазаревскій, А. М.* Оп. ст. Мал. В. I., стр. 179—180.

30 гг., между прочимъ, замѣчено о поселеніи здѣсь раскольниковъ слѣдующее: «Село Понуровка осажована слободою и въ оной слободѣ сначала жили расколщики, великороссійскіе люди; по вписаніи же въ Понуровки расколщиковъ, явъ осѣли тамъ малороссійской породы люди, тѣмъ селомъ Понуровкою Семионъ да Яковъ гетмана Самойловича сини владѣли. А когда гетманъ Самойловичъ съ дѣтьми своими посланъ въ силу, то оное село Понуровку гетманъ Мазепа на себе взялъ и опредѣлилъ подъ видѣніе двора своего Бакланскаго, а потомъ съ своего владѣнія тотъ же гетманъ Мазепа полковниковѣ стародубовскому Михайлу Миклашевскому 1693 года надавъ не на рангъ» ... Упоминается о расколникахъ въ Понуровкѣ и въ переписи 1723 года: «Мицко москаль съ раскола окрестился и грунтовій. Сей не належитъ до посполства и не помоществуетъ» ¹⁾. Сопоставляя официальное свидѣтельство книги генеральнаго слѣдствія съ свидѣтельствомъ Ив. Алексѣева о времени поселенія въ Понуровкѣ попа Кузьмы и тѣми соображеніями, которыя нами были высказаны по поводу этого поселенія, можно, кажется, придти къ тому довольно вѣроятному заключенію, что Понуровка какъ слобода, осаженная расколщниками, при посредствѣ курковскаго куреннаго атамана или сотника Ломаки, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, о которыхъ точно говорилось во всякомъ «осадномъ листѣ», первоначально входила въ составъ селъ, подлежащихъ «по послушенству» стародубскому магистрату. Осаженныя на магистратскихъ земляхъ слободы часто потомъ переходили во владѣніе къ разнымъ генеральнымъ и полковымъ чинамъ, гетманамъ и полковникамъ, какъ извѣ-

¹⁾ Книга генеральнаго слѣдствія. Стародубскій полкъ. Рукопись, хранящаяся въ библиотекѣ коллегіи П. Галагана въ Кіевѣ, № 9, л. 5, ст. II и об. Подробныя указанія о книгѣ генеральнаго слѣд. см. у Лазаревскаго. Т. I. В. I. VI—IX.— «Компуты» старод. полка 1723 г. л. 423 об.—Въ румянцевской описи Малороссіи встрѣчаются нѣредко указанія на то, что расколщники жили въ Понуровкѣ и въ первой половинѣ XVIII в. Такъ о млинскихъ обывателяхъ Ст. Сем. Вдовенкѣ, 57 л. и Сав. Сем. Вдовенкѣ, 63 л., замѣчено, что они родились въ малороссійскомъ селѣ Понуровкѣ. Т. LXXXII. Подв. оп. №№ 5—6: Ср. тамъ же №№ 19—21. Въ подвор. вѣдом. войта слоб. Гуровичъ, при опис. бездв. избы Анд. Фед. Новиченкова, 52 л., замѣчено, что отецъ его бывалъ малороссіянинъ стар. и. с. Понуровки и выехалъ въ Чуровичи въ 1746 г. CXVII, л. 7. Ср. подвор. вѣд. вороньковскаго войта л. 5—6, 10 об., 19, 50 и 55.—Въ одномъ изъ своихъ донесеній еп. черниг. Иродіонъ Журковскій писалъ въ 1723 г., что понуровскій расколщникъ Дмитрій Безсчастный умышленно женилъ своего сына въ православной церкви на православной дѣвицѣ, а потомъ перекрестилъ ее расколщичьимъ попомъ Борисомъ и держалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ расколѣ. Опис. док. и дѣлъ арх. св. Сми. т. I, № 507, стр. 581. Полиц. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. им. т. IV, № 1323, п. II, стр. 156—158.

стно крайне самовластно распорядившимся магистратскими селами и слободами. Захватъ этихъ послѣднихъ былъ однимъ изъ самыхъ общепотребительныхъ приемовъ для генеральной и полковой старшины увеличить свои земельныя владѣнія. По крайней мѣрѣ извѣстный намъ полковникъ П. И. Рославецъ широко практиковалъ этотъ приемъ, какъ потомъ и другіе стародубскіе полковники по его слѣдамъ. Такъ, изъ осаднаго листа на поселеніе Азаровки (Назаровки), выданнаго полковникомъ Рославцемъ въ маѣ 1670 г., видно, что новую слободу позволялось заводить осадцѣ «Тимошовѣ Павловичу (вѣроятно раскольнику, какъ догадывается г. Лазаревскій) обитателей бившему... ухровскому», съ правомъ вольности на пять лѣтъ, а потомъ, «которые лѣта волно виживши, отъ всякихъ подачокъ, подлеглости городовои стародубовской всякой мають послушники и повиними бити»... По прошествіи пяти льготныхъ лѣтъ Азаровка однако же отдавала «послушенство» не стародубскому магистрату, а выдавшему осадный листъ полковнику Рославцу и затѣмъ его премникамъ — полковникамъ ¹⁾. Тоже, вѣроятно, было и съ Понуровкой, хотя мы и не имѣемъ документальныхъ указаній на этотъ счетъ. Изъ первоначальныхъ раскольничьихъ поселеній, упоминаемыхъ Ив. Алексѣевымъ, Замышевъ также принадлежалъ сначала къ числу магистратскихъ селъ, а потомъ перешелъ на рангъ стародубскихъ полковниковъ. Изъ позднѣйшихъ раскольничьихъ поселеній, въ качествѣ магистратскихъ селъ, или, по тогдашнему техническому выраженію, «съ помочи мѣской», осажены: слобода Зыбая (нынѣ г. Новозыбовъ) въ 1701 году и Тимошкинъ Перевозъ въ 1703 году, — обѣ по разрѣшенію полковника Миклашевскаго ²⁾.

Относительно Синяго и Бѣлаго Колодезей, Замышева, Митковки, за исключеніемъ слободы Шеломы, какъ мѣстахъ раскольничьихъ поселеній, имѣется почти только одно свидѣтельство Ив. Алексѣева. Какъ въ «Компутахъ» 1723 года, такъ и въ «книгѣ генеральнаго слѣдствія» по стародубскому полку, 1729—1730 г., нѣтъ ровно никакихъ указаній о поселеніи здѣсь раскольниковъ. О Синемъ Колодезѣ въ послѣдней сказано только то, что это село (22 двора) «осажено на войсковой землѣ слободою за владѣнія бывшихъ полковниковъ стародубовскихъ и купно зъ волостю Чолковскою надлежало и надле-

¹⁾ Осадный листъ на поселеніе Азаровки напечатанъ Лазаревскимъ въ указанной его послѣдней книгѣ. Тамъ же см. и другія сообщаемыя имъ данныя о смѣнѣ владѣльцевъ. В. I. Стр. 180—181.

²⁾ Ист. ст. оп. черн. еп. VII, 199. Лазаревскій. II, 433. Ср. Зап. о жизни протоіеря Верховскаго. Сиб. 1877. Стр. 927.

жигъ на рангъ полковничій» (Л. 3 об.). Тоже подтверждено и въ 1731 году при разсмотрѣніи генеральною старшиною добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ (Л. 2 об.). Въ позднѣйшей румянцевской описи Малороссіи 1767 г., т. СХVI, въ вѣдомости зыбковскаго войта Ивана Масленникова о приписныхъ къ слободѣ Зыбкой и бѣжавшихъ, между прочимъ, замѣчено о вдовѣ Парасковѣ Родіоновой Назаровой, 50 лѣтъ, что «мужъ ея бывалъ изъ малороссіанъ стародубскаго полка села Синего Колодезя, живалъ въ подданствѣ за стародубскими полковниками». Село Синій Колодезь до марта 1719 года находилось въ ранговомъ владѣніи стародубскихъ полковниковъ, когда официально «по добротной пріязни», а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ взятки, уступлено было полковникомъ Жоранкой генеральному судѣ Ивану Чарнышу¹⁾. При слѣдствіи о границахъ Синяго Колодезя, при отдачѣ чолховской волости съ ранговыми деревнями, пожалованными графу П. А. Румянцеву Высочайшимъ указомъ отъ 10-го ноября 1770 г., на основаніи разныхъ документовъ, было выяснено, что с. Синій Колодезь при криницѣ съ такимъ же названіемъ былъ поселенъ на земляхъ манюковскихъ, приблизительно въ послѣдней четверти XVII в., когда еще село Манюки принадлежало къ числу ратушныхъ сель. При томъ же слѣдствіи, владѣльцы манюковскіе, братья Велинскіе, показали, что село Синій Колодезь «начало поселенія своего имѣеть такое, что подля колодезя, прозываемаго синяго, кой состоялъ внутри дачъ манюковскихъ, *оселились были сперва раскольники*, а за выходомъ ихъ отсюда, нашли въ ихъ жилища малороссіане и по тогдашней въ переходѣ свободы, мало по малу умножившись, когда уже завели слободу, то ради отбыванія общенародныхъ податей и повинностей, причислена она стала къ ратушнымъ деревнямъ; но однако жъ и затѣмъ, не имѣи никакихъ удѣльныхъ принадлежностей, состояла всегда на такомъ основаніи, что какъ люде оселились тамо не въ особомъ какомъ обрубѣ, но въ грунтѣ манюковскомъ, безъ всякаго универсального на то дозволенія, но съ дозволенія манюковскихъ обывателей, а не съ какого особливаго отводу!»²⁾ На тѣхъ же, очевидно, условіяхъ жили и первоначально поселившіеся здѣсь раскольники.

¹⁾ Рум. оп. СХVI. Вѣд. зыб. войта, л. 144 об. Выраженіе вѣдом. «изъ малороссіанъ» нужно понимать въ смыслѣ родившагося въ Малороссіи (см. ниже). Старобрядцы не смѣшались съ казеннымъ населеніемъ Малороссіи, какъ и теперь въ слободахъ чрезвычайной рѣдки родственныя связи съ малороссіанцами. Отдѣльные случаи однако же были, — особенно на первыхъ порахъ. — Сулимовскій Архивъ, 198 — 199.

²⁾ Отдаточная книга чолховской волости. Лазаревскій. Оп. ст. Мал. В. II, стр. 416.

О Бѣломъ Колодезѣ точно извѣстно, что онъ поселенъ во время полковничества П. И. Рославца и осадилъ его на вольномъ мѣстѣ для себя полковой обозный Гаврило Дащенко. Исторія этого поселенія довольно подробно разсказана въ книгѣ генеральнаго слѣдствія. «Село Бѣлый Колодезь, — сказано тамъ, — сначала, по позволенію стародубовскаго полковника Рославца, на волномъ мѣстѣ осадилъ бывшій тогда обозный полковій Стародубскій Гаврило Дащенко, которому на осаду того села и позволительное открытое письмо отъ того же полковника Рославца 1673 года августа 12 дня дано, вторымъ селомъ онъ, Дащенко обозный, по смерть свою, а по немъ жена, а по смерти жени его сынъ ихъ Андрей Дащенко, безъ всякаго уряду, по смерть же свою владѣли. Потомъ тымъ селомъ Бѣлымъ Колодеземъ владѣли полковникъ Стародубовскій Коронка, а потомъ Симеонъ и Іяковъ гетманичи, потомъ Михайло Миклашевскій, по немъ (1709 г.) судья полковій Проконъ Силенко, по универсалу гетмана Скоропадскаго. Послѣ тотъ же гетманъ Скоропадскій отдалъ во владѣніе тое село Бѣлій Колодезь своимъ унѣверсаломъ 1719 году Андрею Миклашевскому въ замѣну с. Полѣвки отцу его и наслѣдникамъ его въ вѣчніе года жалованною монаршою грамотою утвержденнаго, которое оній гетманъ Скоропадскій на себе у его Миклашевскаго отобралъ, а къ ратуши оное Бѣлій Колодезь нѣкогда не надлежало и не надлежитъ» (л. 48 об. и 49). Тоже подтвердила и генеральная старшина въ 1731 г. (л. 14). Въ универсалѣ гетмана Скоропадскаго на с. Бѣлый Колодезь, при отдачѣ его Миклашевскому, между прочимъ, сказано, что это село въ 1714 году было отдано полковымъ судьей Силенкомъ сыну его Тимоею, и что послѣдній «знать прикро зъ тамошними селянами обходился, что оное въ державѣ его змалолюднѣло», что гетманъ и выставлялъ основаніемъ отдачи его «въ зуполное владѣніе п. Андрею Миклашевскому»¹⁾. Соображая данныя книги генеральнаго слѣдствія и гетманскаго универсала 1719 года съ свидѣтельствомъ Ивана Алексѣева, можно съ вѣроятностію полагать, что обозный Дащенко при основаніи заселилъ свою слободу великорусскими раскольниками, но что потомъ они отсюда или были вытѣснены во время полковничества С. И. Самойловича вмѣстѣ съ другими, какъ свидѣтельствуеть Ив. Алексѣевъ, или ушли отсюда въ періодъ времени между 1714—1719 г., когда сталъ слишкомъ круто обходиться съ поселенцами тогдашній владѣлецъ Тимоею Силенко. Нужно принять во вниманіе и то, что,

¹⁾ Обзор. Рум. ов. Мал. IV, 751—752.

но гетманскому универсалу, время выселенія поселямъ изъ Бѣлаго Колодезя какъ разъ совпадаетъ съ временемъ образованія описныхъ раскольничьихъ слободъ, когда раскольники легально получили право независимаго отъ воли малороссійскихъ владѣльцевъ существованія и охотно селились на отведенныхъ имъ по государеву указу земляхъ.

О времени заселенія Замышева и слободы Шеломы нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе точныхъ указаній. О первомъ извѣстно только то, что это село первоначально входило въ составъ магистратскихъ сель, а потомъ перешло на рангъ стародубскихъ полковниковъ, и въ 1695 году была уже тамъ церковь, какъ значится въ листѣ полковника Миклашевскаго. Возможно, что и здѣсь первоначально поселились раскольники вмѣстѣ съ малороссами и другими выходцами, почему Ив. Алексѣевъ и называетъ его одною изъ раскольничьихъ слободъ. Въ СХVII томѣ румянцевской описи находимъ и нѣкоторое подтвержденіе свидѣтельства Ив. Алексѣева. Въ подворной вѣдомости чуровичскаго войта, поданной ревизорамъ 14 октября 1767 года, о обывателѣ слободы Чуровичъ Григоріѣ Слѣпцовѣ, 47 лѣтъ, замѣчено: «малороссійской природы, стародубскаго полка, с. Замишева, переселился въ Чуровичи въ 1759 году». Выраженіе: «малороссійской природы» — въ этого рода документахъ значитъ просто — родившійся въ Малороссіи, точно также часто говорится о раскольникахъ, вышедшихъ изъ Польши, что они «польской націи», — изъ Лифляндіи, что они «шведской націи»¹⁾.

О слободѣ Шеломы извѣстно, что она поселена на землѣ значковаго товарища Аѳанасія Зѣнченка, но когда неизвѣстно. По универсалу Мазеши 1702 года, отъ 17-го іюля, за Зѣнченкомъ были утверждены двѣ его слободы — Людковщина и Шоломинъ²⁾. Какъ состоявшая изъ сплошнаго раскольничьяго населенія эта слобода съ 1715 г. вошла въ составъ описныхъ государевыхъ раскольническихъ слободъ.

Нѣсколько позднѣе упомянутыхъ слободъ, по разсказу Алексѣева, была основана слобода *Митьковка*, осаженная сыномъ пришедшаго въ Стародубье пона изъ Бѣлева Степана Дмитріемъ Степановымъ, по имени котораго и названа. Время основанія и этой слободы точно неизвѣстно; но по Алексѣеву она основана раньше 1682—1685 гг., когда поць Кузьма вмѣстѣ съ Степаномъ Бѣлевскимъ должны были

¹⁾ Лазаревскій: II, 419. Румянц. оп. СХVII, л. 3 об. подв. вѣд. чуров. войта. Ср. СХVI, вѣд. митьков. войта, л. 55 и др.

²⁾ Ист.-стат. опис. черн. еп. VII, 200. Ср. 233. Румянц. оп. СХVI. Опись бѣлая ревиз. л. I.

удалиться отсюда въ Польшу и поселиться «въ области пана Халецкаго, при рѣцѣ Вѣткѣ». Такъ началась знаменитая въ исторіи раскола Вѣтка, распространявшая потомъ широко свое вліяніе среди русскаго старообрядства. Относительно Митьковки слѣдуетъ однако замѣтить, что въ 1767 г. митьковскій войтъ Антонъ Заболоцкій въ поданной румянцевскимъ ревизорамъ вѣдомости доносилъ, что слобода Митьковка осажена на ранговомъ грунтѣ, по универсалу гетмана Скоропадскаго, въ 1709 году, прилагая при вѣдомости и гетманскій универсалъ, не сохранившійся въ приложеніяхъ къ румянцевской описи въ ея теперешнемъ видѣ (т. СХVI). Между тѣмъ въ Историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. I, 127) сказано, что Митьковка поселена въ 1703 г. и что осадчимъ ея былъ нѣкто Семенъ Савельевъ. Въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ изъ гетманскаго универсала 1709 г., гетманъ писалъ: «Въ слободѣ нашей Митьковской, которая недавно начала осѣдати, не машь осадчаго», почему и поручалась обязанность осадчаго упомянутому Савельеву. Откуда заимствованъ универсалъ—не сказано.

Кромѣ того, раньше вытѣсненія раскольниковъ изъ предѣловъ Стародубья при царевнѣ Софьѣ, общаго или частнаго, основана была въ 1682 г. слобода *Еленки*, при р. Еленкѣ, осаженная войсковыми товарищами Михайломъ и Ильею Рубцами, на грунтахъ пана Гораяна Чернооповскаго, какъ сказано въ румянцевской описи (т. СХVII, вѣдом. войта Ивана Красилина).

О поселеніи другихъ слободъ до 1682 г. включительно свѣдѣній нѣтъ, да вѣроятно и не было другихъ слободъ до этого времени, кромѣ отдѣльныхъ поселеній раскольниковъ по городамъ и другимъ мѣстностямъ болѣе или менѣе населеннымъ и торговымъ. Такъ, не безъ основанія можно полагать, что мѣстечко *Середина-Буда*, находившееся около великороссійской границы, заселено было во время гетманства Самойловича великороссійскими поселенцами, т. е. главнымъ образомъ раскольниками. Въ XVIII в. это мѣстечко было довольно виднымъ промышленнымъ центромъ съ значительнымъ великорусскимъ населеніемъ, раскольничьимъ по преимуществу.

О количествѣ раскольничьихъ поселенцевъ въ стародубскихъ предѣлахъ до 1682 г. судить трудно, за недостаткомъ какихъ бы то ни было цифровыхъ данныхъ на этотъ счетъ. Съ другой стороны и нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, чтобы раскольничье поселеніе было довольно значительно до этого времени въ заселенныхъ имъ слободахъ. На незначительность собственно раскольничьяго на-

селенія указываетъ и незначительное число раскольниковъ и возможность быстрого вытѣсненія изъ Стародубья раскольниковъ при полковникѣ-гетманчѣ Сем. Ив. Самойловичѣ (1682—1685 гг.), по указу царевны Софьи Алексѣевны, если безусловно вѣрить разсказу Ивана Алексѣева. Возможно здѣсь однако же нѣкоторое преувеличеніе со стороны послѣдняго. Дѣло въ томъ, что раскольники селились какъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, такъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Легко было удалить ихъ изъ слободъ, поселенныхъ на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти; но не такъ легко было это сдѣлать съ тѣми раскольниками, которые жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Извѣстно, какъ послѣдніе дорожили великороссійскими поселенцами, предпочитая ихъ рѣшительно мѣстнымъ посполитымъ и всячески стараясь вытѣснить послѣднихъ изъ давно насѣженныхъ ими родныхъ мѣстъ, потому что послѣдніе не легко поддавались закрѣпощенію со стороны козацкой старшины, только что самой вышедшей изъ того же народа. Извѣстны и многочисленныя жалобы великорусскихъ помѣщиковъ на малороссійское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ, по поводу укрывательства и невыдачи бѣглыхъ крестьянъ. Въ упомянутой выше челобитной царю Алексѣю Михайловичу козацкіе помѣщики писали: «люди, государь, наши и крестьяне, заворовавъ многіе, побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ насъ за рубежь въ малороссійскіе города и живутъ, бѣгая отъ насъ, въ малороссійскихъ городѣхъ за епископы и за казаками въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ. И мы, холопи твоя, съ твоимъ великаго государя указомъ, съ грамоты и съ отписки отъ воеводъ, къ нимъ въ малороссійскіе города, для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, ѣздимъ; и они, епископы и старшина и казаки, намъ, холопемъ твоимъ, тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ не выдаютъ и насъ, холопей твоихъ, бьютъ и грабятъ и многіхъ побиваютъ до смерти; а иныхъ въ воду сажаютъ». Особенно горько жаловались помѣщики на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, главнымъ образомъ на Лазаря Барановича, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдавшихъ никого, «хотя бы и прямо съ висѣлицы приходили къ нимъ», писали помѣщики.

М. Лилеевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

51.

Черты, рѣзы, мѣты, бирки, карбижи, раваши.

Подъ такими названіями въ древности и въ новое время слыветь палочка или дощечка, на которой отмѣчаются посредствомъ разнаго рода нарѣзокъ въ видѣ крестиковъ или черточекъ тѣ или другіе предметы, количество денежнаго долга, число копенъ въ полѣ, число срубленныхъ въ лѣсу деревьевъ и т. п. Въ случаѣ обозначенія долга бирки изготавливаются въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукахъ должника, а другой у кредитора. Дѣлается это такъ, что палочка, на которой сдѣланы знаки, разрѣзывается на двѣ части; затѣмъ при провѣркѣ онѣ складываются и наблюдается, прійдутся ли отмѣтки или нѣтъ, при уплатѣ долга по частямъ съ бирки срѣзаютъ знаки или дѣлаютъ въ знакахъ какія нибудь измѣненія, причемъ знаки или клеймы бываютъ разнообразны.

Бирки встрѣчаются у разныхъ народовъ, въ разныхъ странахъ, въ однихъ, какъ житейское бытовое явленіе, въ другихъ, какъ культурное переживаніе, подъ разными названіями, марки, сигны, сигнаты, токлятуры, декуріи, характеры, снайды, сигнаты-люгры, циппусы, стиллы, кхему, огамъ, асока, сафа, сабеанъ, футоркъ, руны и другими. Научная литература о биркахъ обширна и разнообразна. Въ „Россійской библіографіи“ 1881 г. № 83 А. И. Савельевъ насчиталъ около 70 русскихъ и иностранныхъ сочиненій и сборниковъ

¹⁾ См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 7, іюль.

документовъ, въ которыхъ упоминаются бирки. Списокъ этотъ можно было бы еще значительно пополнить, напр., указать на статью П. С. Ефименка о юридическихъ знакахъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., нѣсколько статей въ „Обычн. правѣ“ Якушкина, статью кн. Путятина въ 1 т. „Трудовъ одес. археол. съѣзда“ и замѣтки г. Кулишера въ „Очеркахъ сравнительной этнографіи.“ Самымъ богатымъ источникомъ литературы рукоприкладныхъ и другаго рода знаковъ можно считать изслѣдованіе Номayer'a, Die Haus und Hofmarken.

Не имѣя въ виду писать специальное изслѣдованіе о биркахъ, во всю широту ихъ распространенія, мы ограничимся здѣсь южно-русскими формами ихъ существованія.

Древность украинскихъ бирокъ опредѣляется ихъ простотою; это естественные потомки скандинавскихъ и готскихъ рунъ и древне-славянскихъ рѣзовъ. Руны—знаки, начертанные на камнѣ, дощечкахъ или палочкахъ (Runenstaebe). Знакамъ этимъ, какъ выраженіямъ мудрости, приписывалась магическая сила. Въ нѣмецкомъ словѣ Buchstab первичный смыслъ палка—книга. По свидѣтельству черноризца Храбра древніе славяне „чрѣтами и рѣзами чытѣхъ и гатаахъ.“ Глаголь чытати, чести, литов. skajtiti значитъ считать, numerare, legere, honorare, а глаголь гатаати или гадати vaticinare, conijcere, cogitare, изъ санскр. корня ga, откуда gatha—пѣсня, литов. gedoti—пѣть (*Петрушевичъ*, Лингв.—истор. разсужд. 10). Славянскія черты и рѣзы, подобно рунамъ, также имѣли священное таинственное значеніе. Такъ какъ на палочкахъ чаще всего обозначались долги, то въ древности словомъ рѣзы, рѣзонманіе стали обозначать проценты (подроб. у *Аристови*, Промысл., с. 214—220).

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ встрѣчается слово *мѣта* въ значеніи nota, знакъ, мѣтельникъ—notarius, помѣта, смѣта. Значеніе этихъ словъ уясняется изъ готскаго maitan—caedere, secare, древ.-верх.-нѣм. meizan—hauen, чешск. mejtiti—interlucere.

Первоначально мѣты состояли изъ нарѣзовъ и служили для численія, причѣмъ помѣщались на счетныхъ доскахъ, о которыхъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ. Судя по Русской Правдѣ, уже въ XI в. судья имѣлъ при себѣ чиновника мѣтельника (писца), который, должно быть, мѣтилъ на биркахъ или на хартіи, сколько взято подати съ виновныхъ.

Въ Польшѣ и въ Малороссіи мѣтить на биркахъ называется карбовать, мѣтники—карбовники, бирки—*карбижи*, отъ нѣмец. *kerben*. Къ этому разряду словъ относятся: литов. *iskarbiti* въ значеніи разбить, рус. шербить, шербатый, крѣбы, карбы, латин. *scribo*, слав. скребу. (*Петруш.*, 15). Къ этому разряду словъ относится старинное малорусское названіе серебрянаго рубля карбованцемъ.

Въ галицкой Руси бойки и гуцулы употребляютъ *равани* (отъ сл. рыть, зарубки) при вымѣреніи удоеннаго молока въ дойницѣ, чтобы потомъ опредѣлить вѣсъ сыра соотвѣтственно вѣсу въ одинъ разъ удоеннаго отъ овецъ молока (*Петруш.*, 15; *Головац.* I, 697).

Квитка въ повѣсти „Конотопская вѣдьма“ подробно, хотя въ ироническомъ тонѣ, описалъ карбованный счетъ на хворостинѣ. Писарь пришелъ къ сотнику съ длинной хворостиной. „Панъ сотникъ бачить, що панъ писарь не влизе у ёго свитлицю за тою довгою хворостыною, та й пыта: „Та що-то вы, пане писарю, якого чорта до мене у свитлицю прете?“—Та се, добродію, лепортъ обь сотенимъ народосчисленіи, та бодай винъ сокрушывся въ прахъ и попелъ!—невмистымъ есть въ чертогъ вашъ. Подобаеть, або стину протяты, або стелю пидняты, бо невлизу до вашои вельможности—сказавъ Пистрякъ. Хворостына сія хоча есть и хворостына, оттакъ видсынавъ нашъ Пистрякъ; но оная не суть уже хворостына, понеже суть на ній вмистылыще душъ козацькихъ прехвабри сотни конотопской, за ненахожденіемъ писательнаго существа и трепетаніемъ десныци и купно шуйци.“ Писарь переломилъ „лепортъ“ и отдалъ сотнику два цурпалка. Сотня дѣлилась на десятки, что и было вырѣзано на палкѣ; но потомъ вышелъ недочетъ одного козака, такъ какъ на одной зарубкѣ переломилась хворостына.

Въ ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ крестьяне сплошь и рядомъ пользуются бирками для счета копенъ на поляхъ помѣщиковъ, деревьевъ въ лѣсу, мѣшковъ и проч. Копны означаютъ крестиками, а полукопы—вырѣзанными наискось черточками, снопы—прямыми черточками.

Бирки встрѣчаются въ Великой и Бѣлой Россіи, также въ привислянскомъ краѣ. Въ народныхъ польскихъ пѣсняхъ упоминается нарѣзное письмо, „на рубочкахъ“, т. е. зарубки, напр: „На

grafeczku bym pisała—do matusi bym posłała.“ Въ малорусскихъ пѣсняхъ вмѣсто рубочекъ является древесный листъ, какъ письменный матеріаль.

52.

К о л ы с к а .

Антропологическая выставка въ Москвѣ въ 1879 г. дала хорошей случай изучить форму колыбели у разныхъ народовъ. Въ отдѣлѣ предметовъ, относящихся къ физическому воспитанію дѣтей, выставлены были присланныя со всѣхъ концовъ Россіи дѣтскія кровати и колыбели. Въ ряду разныхъ колыбелей малорусская колыска, какъ и колыбель великорусскихъ крестьянъ, отличается характеромъ первобытной простоты. Это деревянный ящикъ, внизу обтянутый полотномъ, привѣшенный на четырехъ веревкахъ къ потолку на крючкѣ или гвоздяхъ. Появленіе такого рода колыбели можетъ относиться къ праславянскому времени, судя по тому, что слова колыбель, колыска встрѣчаются у всѣхъ славянъ въ значеніи именно дѣтской колыбели, синае, отъ сл. колѣбати, agitare (*Будил.*, Первоб. слав. § 261, 10).

Висячая форма колыбели, сравнительно съ колыбелью стоячей, признается древнѣйшей. Она развилась изъ мѣшка или кожаной сумки, въ которой женщины дикихъ народовъ носили дѣтей во время странствованій и при работѣ. Висячая колыбель представляетъ то удобство, что отъ легкаго толчка долго качается сама собой.

У однихъ народовъ висячая колыбель состоитъ изъ мѣшка или куска полотна (лужицкихъ сербовъ, персовъ), у другихъ изъ ящиковъ или коробокъ, снабженныхъ повязками (у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ, испанцевъ, нѣмцевъ). Висячія деревянные колыбели, подобныя русскимъ, встрѣчаются въ Закавказьѣ, въ Малой Азіи, въ Германіи. Усовершенствованіемъ русскихъ и нѣкоторыхъ инородныхъ сходныхъ колыбелей является нижняя полотняная сторона, отчасти предохраняющая ребенка отъ рѣзкихъ толчковъ. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи, висячую дѣтскую колыбель также прикрѣпляютъ на балкѣ при помощи веревокъ (Ploss, Ребенекъ, 68—105).

Висячая колыбель, даже та или другая форма ея, не составляютъ особенности славянскихъ, германскихъ или другихъ народовъ. Это простое, такъ сказать, интернаціональное бытовое явленіе, но въ частности здѣсь всегда могли проявляться и постоянно проявляются улучшения, примѣнительно къ возрасту ребенка и устройству дома. И въ Малороссіи любовь родительская придаетъ иногда колыбели лучшія формы, на что можетъ указывать отчасти одинъ рисунокъ Жемчужникова при „Основѣ.“

Съ колыской соединены нѣкоторыя повѣрья и обряды. Такъ, въ Малороссіи запрещаютъ качать пустую колыбель, чтобы не умеръ ребенокъ. Во всей Германіи также запрещаютъ качать колыбель безъ ребенка; иначе ребенокъ не будетъ лежать въ ней спокойно. Качаніе пустой колыбели по шотландскимъ и по китайскимъ повѣрьямъ вредно отражается на ребенкѣ (*Ploss*, 105). Въ этомъ случаѣ бесполезное качаніе колыбели получаетъ мистическое значеніе вреднаго.

Въ колыбель кладутъ разные предметы, съ цѣлью сообщить ребенку опредѣленныя способности. Такъ, въ старинное время въ Россіи, даже въ дворянскихъ семьяхъ, клали въ колыбель ребенка мальчика маленькій лукъ и стрѣлу, а въ колыбель дѣвочки пряслицу (*Авдѣева*, Записки, 117). По словамъ арабскаго писателя X в. Ибнъ-Фодлана, русскіе славяне давали новорожденному мечъ (*Макушевъ*, Сказ. иностр. 143). Въ древней Мексикѣ и въ Китаѣ ребенку давали въ руки или клали въ колыбель, смотря по полу, игрушечныя орудія войны, ремесла или домашнихъ работъ (*Тэйлоръ*, Первоб. культ. II, 469).

53.

Каганецъ.

Каганцомъ въ Малороссіи называется ночникъ или плошка. Въ плошку наливаютъ сала, втыкаютъ въ него гнотъ или кусокъ пакли, и такимъ образомъ получается небольшой свѣтильникъ. Въ настоящее время древній каганецъ во многихъ крестьянскихъ домахъ замѣненъ керосиновыми лампочками. Въ великорусскихъ де-

рвеняхъ употребляется для освѣщенія лучина, столь же первобытный свѣтильникъ, какъ и каганецъ; въ пѣснѣ лучина „не ясно горитъ, все вспыхиваетъ.“ Слово каганецъ встрѣчается въ малорусскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ (*Miklos. Fremdwörter*, 22). Въ польскомъ языкѣ этимъ словомъ обозначаютъ: 1) намордникъ или кольцо, надѣваемое на дикихъ или злыхъ животныхъ и 2) ночной свѣтильникъ или лампочку (*Linde*, II). Въ значеніи ночнаго свѣтильника, тусклаго и мрачнаго, каганецъ часто упоминается у старинныхъ польскихъ писателей (*Linde*, II). Очевидно, слово каганецъ заимствованное, трудно только сказать, отъ какого народа, когда и каково его коренное значеніе. Приходить на память сходное въ звуковомъ отношеніи слово каганъ, встрѣчающееся уже въ древне-русскихъ литературныхъ памятникахъ, именно въ словѣ митроп. Иларіона о законѣ и благодати XI в. Слово каганъ—восточное, тюркское, у алтайскихъ народовъ *саганус*, *шасанус*; у татаръ *шакап*—ханъ, князь, царь. въ каковомъ значеніи зашло оно въ Русь еще до татаръ. Не было ли слово каганецъ эпитетомъ огня, или самый свѣтильникъ, можетъ быть, назывался княземъ или владыкой у того народа, отъ котораго заимствовано было слово каганецъ? Такое предположеніе не противорѣчитъ народной психологіи. Известно, что въ Россіи живой огонь, т. е. произведенный отъ тренія, называется царь-огонь (*Аванас.*, Поэт. возвр. II, 18). У индусовъ вѣдической эпохи въ ряду многочисленныхъ эпитетовъ огня были владыка (*pati*), владыка богатства (*гауо dhartar*), владыка мужей (*nrpati*), вождь (*nitya*), благодѣтель (*ordha*), герой (*vira*), князь—гауап (см. *Овсяннико-Куликов.*, Къ ист. культа огня, 100 и др.). Можетъ быть, въ древности и въ южной Руси свѣтильникъ назывался лучиной, какое названіе встрѣчается у многихъ славянъ въ значеніи таеда, свѣча, отъ слова лучъ (*Будилов.*, Первоб. слав. 118, 300); но затѣмъ слово это могло быть вытѣснено тюркскимъ, и не случайно, а по близкому знакомству южнорусовъ и поляковъ съ татарскимъ бытомъ, въ частности, съ каганцемъ, въ которомъ горитъ не щепка, а пакля.

Какъ бы то ни было, каганецъ и лучина остатокъ древняго быта. Первоначально не существовало различія между средствами отопленія и освѣщенія. Последнія начинаютъ отдѣляться одно отъ

другаго съ того момента, когда начинаютъ откладываться въ сторону смолистыя щепки ели или нѣчто подобное для употребленія ихъ въ качествѣ естественнаго свѣтильника, а отсюда слѣдующимъ шагомъ является приготовленіе искусственныхъ свѣтильниковъ (*Тейлоръ*, Антропология, 271). Самыми обыкновенными изъ нихъ являются лучина и факель. Каганецъ имѣетъ сходство съ древними классическими лампочками. Это были плоскіе овальные сосуды съ носикомъ на концѣ, черезъ который выходила свѣтильня. Сосуды эти были глиняные, иногда металлическіе; огромное число ихъ найдено въ катакомбахъ и въ могилахъ, и почти всѣ музеи древностей имѣютъ одну или нѣсколько такихъ лампочекъ.

Заслуживаетъ вниманія повѣрье галицко-русскихъ бойковъ, что въ каганцѣ живетъ дѣдко, т. е. домовая (*Маякъ* 1843. XI, 47). Это одно изъ самыхъ архаичныхъ проявленій почитанія огня.

Не менѣе любопытно другое повѣрье, что потухшій мгновенно каганецъ предвѣщаетъ смерть одному изъ жителей дома (*Чуб.* I, 103). Это одно изъ характерныхъ проявленій древняго отождествленія души съ огнемъ.

54.

Живой, или Божій огонь.

Въ Галиціи горцы гуцулы выгоняютъ свой скотъ лѣтомъ на полонины или горныя пастбища. Пришедши на полонину, обновляютъ или заново строятъ ограду для скота (стаю), шалашъ для ночлега пастухамъ (колибу), столбецъ съ крюкомъ для казанка (вертлюгъ) и очагъ (ватру). Въ первый разъ разводятъ въ калибѣ живой огонь, или Божій огонь. Для этой цѣли лѣдѣни или хлонци и парубки прискиваютъ сухой порохнявый пень, кладутъ его на мѣсто очага, зарубываютъ въ немъ клинообразную зарубину; послѣ, обтесавъ такое же клинчатое бревно изъ твердаго дерева, закладываютъ его въ зарубину: Два дюжихъ овчара, ставши на колѣни и взявши за концы бревенъ, начинаютъ пилить, т. е. сильно тереть бревно объ порохнявую зарубину до тѣхъ поръ, пока отъ продолжительнаго тренія не загорится пень. Увидѣвъ дымящійся пень, тутъ же разводятъ

огонь и, трижды перекрестясь, падаютъ на колѣни, а ватагъ читаетъ вслухъ „Отче нашъ“ и др. молитвы, которыя всё присутствующіе, благоговѣнно сложя руки, повторяютъ за нимъ (*Головац., Нар. пѣс. I, 699*). Очевидно это глубоко-древній остатокъ приготовленія огня и огнепоклоненія.

Человѣчество съ незапамятныхъ временъ овладѣло огнемъ и научилось добывать его искусственнымъ образомъ, причемъ остатки низшихъ способовъ добыванія огня проглядываютъ еще у нѣкоторыхъ образованнѣйшихъ народовъ сквозь высшіе приемы, которые много вѣковъ тому назадъ заступили мѣсто первыхъ. Трение двухъ кусковъ дерева другъ объ друга составляетъ первоначальное средство для добыванія огня. Между самыми грубыми и самыми искусственными способами добыванія огня лежитъ длинный рядъ прогрессивныхъ усовершенствованій. Эти улучшенія указаны *Тэйлоромъ* въ изслѣдованіи „Досторич. бытъ человѣчества и начало цивилизаціи“ стр. 308—353, съ приложеніемъ рисунковъ простѣйшихъ способовъ добыванія огня у дикихъ народовъ, палки съ желобкомъ, огнесверлила, коловорота и др. т. п. Какъ бытовое явленіе, добываніе живаго огня встрѣчается до сихъ поръ у варварскихъ народовъ Азіи, Африки и Америки; какъ культурное переживаніе, у образованныхъ европейскихъ народовъ. Такъ, у римлянъ, если огонь Весты гасъ, тогда жрецы, наказавши дѣвъ оберегательницъ розгами, сверлили кусокъ предвѣщающаго счастье дерева до тѣхъ поръ, пока не получится огонь. Въ Германіи въ XVII ст. добывали такимъ же образомъ огонь во время падежа для костра, черезъ который потомъ прогоняли скоть. Въ Россіи въ прошломъ столѣтіи живой огонь добывали или въ нуждѣ, на примѣръ, въ лѣсу, при неимѣніи кремня и огня, или въ обрядахъ, на примѣръ, при освященіи лошадей въ день Флора и Лавра 18 августа (*Тэйлоръ, 350*). Въ Россіи огонь, добытый посредствомъ тренія деревянныхъ кусковъ, называется древеснымъ, лѣснымъ, новымъ, живымъ, лѣкарственнымъ или царь-огонь, у сербовъ живымъ, у чеховъ Божіимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи живымъ огнемъ возжигаютъ купальскіе костры, черезъ которые перегоняютъ скоть и сами прыгаютъ въ полномъ убѣжденіи, что это надѣляетъ здоровьемъ. Къ помощи живаго огня прибѣгаютъ во время смертности между людьми или скотскаго падежа. Въ

случаѣ мора добываютъ огонь черезъ треніе двухъ дубовыхъ полѣнъ одно о другое, зажигаютъ живымъ огнемъ кадила и свѣчи передъ иконами въ церкви. Изъ церкви огонь этотъ разносятъ по избамъ. Въ случаѣ скотскаго падежа окуриваютъ скотъ можжевельникомъ, зажженнымъ живымъ огнемъ (*Аванасъевъ*, Возвр. слав. II, 19).

Поклоненіе огню свойственно многимъ народамъ; у индусовъ оно выразилось въ гимнахъ Ригъ-Вѣды; у древнихъ грековъ отразилось въ философскихъ ученіяхъ Фалеса, Гераклита и особенно Эмпедокла, у славянъ въ разныхъ обрядахъ. Подробное изслѣдованіе народныхъ мѣологическихъ представленій объ огнѣ далъ *Китт*, въ *Herabkunft des Feuers*, отчасти *Аванасъевъ*. въ Поэт. возвр. слав. на природу. Съ религіозно-философской точки зрѣнія, по даннымъ языка, культъ огня подвергнуть изслѣдованію въ сочиненіи проф. Д. Н. *Овсяннико-Куликовскаго* „Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Вѣдъ“.

Переходимъ теперь къ главнымъ народнымъ праздникамъ, Колядѣ и Купалу, сохранившимъ еще въ глухихъ мѣстахъ остатки древне-славянскаго культа огня.

55.

К о л я д а.

Подъ названіемъ коляда извѣстенъ весь циклъ рождественскихъ пѣсенъ и игръ. О колядкахъ много писали. Краткій очеркъ литературы предмета мы представили въ статьѣ „Научное изученіе колядокъ“, напечатанной въ „Кіев. Стар.“, съ значительнымъ числомъ оттисковъ, поступившихъ затѣмъ въ продажу, и потому мы не будемъ здѣсь говорить о рождественскихъ пѣсняхъ, остановимся лишь на рождественскихъ обрядахъ или, точнѣе, на главныхъ ихъ группахъ.

Яковъ Гримъ говоритъ, что народно-поэтическія сказанія носятя надъ дѣлами людей, какъ благоуханіе, и замѣчаетъ далѣе въ приложеніи къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ: „прочнымъ шагомъ идетъ исторія; но и крылатое созданіе (народная пѣсня) сопровождаетъ

ее. Его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ“... Нѣчто подобное можно сказать о колядкахъ, съ той поправкой, что это поэтическое благо и одному и тому же народу не всегда дается. Въ приложеніи къ малорусскому народу слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того какъ сельское населеніе въ послѣдніе годы колеблющимися шагами подвигается къ городской и фабричной цивилизаціи, крылатыя созданія—колядки и щедривки—все болѣе и болѣе оставляютъ его, изъ области дѣйствительности переходятъ въ область историческаго преданія.

Забвеніе и порча колядокъ и щедривокъ представляется частичнымъ явленіемъ общей порчи народной поэзіи.

Порча обычая колядованія выражается въ томъ, что колядованіе съ кануна праздника переносятъ на первый день праздника Рождества Христова, или на второй, третій, пятый (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи), на масляницу (въ ярославской губерніи); теряется различіе между колядками и щедривками, въ содержаніе колядокъ вносятся смутно понятыя апокрифическіе мотивы; ослабляется свойственный колядкамъ тонъ серьезнаго величія и задушевности, слабѣетъ сила выраженія, правильность стиха и чистота языка. Лучшія жюлядки сохранились въ Галиціи, у карпатскихъ горцевъ. Во всѣхъ случаяхъ, этотъ родъ поэтическаго творчества, почти совсѣмъ забытый въ Великороссіи, и въ Малороссіи повсемѣстно выходитъ изъ употребленія. Колядка, какъ опредѣленная форма поэтическаго творчества, обвѣстала, и народное вниманіе начинаетъ склоняться къ выступившему на ея замѣну духовному стиху.

Обряды обнаружили большую стойкость; въ борьбѣ съ всеизмѣняющимъ потокомъ времени они сохранили кое-что отъ старины незапамятной, стоящей внѣ предѣловъ документальной исторіи. Къ древнимъ славянскимъ пріемамъ чествованія солнца пристали классическіе, преимущественно римскіе, обычаи и обряды, соблюдавшіеся въ зимніе праздники врумалій, сатурналій, вотъ и календъ, и произошло сближеніе, въ частныхъ случаяхъ даже сліянiе, обрядовъ древне-славянскихъ съ римскими.

Самыя названія коляда, колядка и пр. происходятъ отъ римскихъ календъ. Названія эти повторяются у многихъ народовъ, находившихся подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Рима, франц.

chalendes, прованс. calendas, румын. colinda, серб., слов. и словин. coleda, у абхазцевъ каланда, гурійцевъ калаядоба (*Веселовскій*, въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ 104, 433).

Въ названіи главнаго колядовщика березой и въ лицѣ мѣхоноши, повидимому, также скрываются нѣкоторые воспоминанія о классическихкихъ мимахъ, шутахъ, скоморохахъ (*Веселовскій*, ib. 118, 216).

Какъ праздникъ новорожденнаго солнца, въ связи съ общимъ культомъ огня, древняя коляда сопровождалась возженіемъ огня; у сербовъ и хорватовъ сожигаютъ бревно-баднякъ, скандинавовъ julblock, французовъ caligneau, la souche de Noël, у нѣмцевъ, сербовъ возжигаютъ много свѣчей; у осетинъ всю ночь подъ новый годъ поддерживаютъ огни (*Веселовскій*, 440: *Потемня*, О миѣ. знач. нѣкот. обряд. 1—6). У малоруссовъ на „богату кутю“ горитъ одна только восковая свѣча; въ мѣщанскихъ семействахъ ставятъ на столъ по нѣсколько свѣчей.

Прибавленіе дня, едва замѣтное въ концѣ декабря, однако, уже окрыляло мысль земледѣльческаго славянскаго народа надеждой на теплое лѣто и хорошій урожай. Къ праздничнымъ рождественскимъ обрядамъ и пѣснямъ приурочено много пожеланій урожая. „Зароды, Боже, жито, пшеницю, усяку пшеницу“ — таково заключеніе большинства колядокъ, а въ нѣкоторыхъ колядкахъ еще добавляется общее пожеланіе здоровья и счастья. Это пожеланіе выражается и обрядно: передъ хозяиномъ ставятъ пироги и кныши. Дѣти спрашиваютъ: „а дежъ нашъ батько?“ — „А хыба вы мене не бачыте?“ — „Ни, не бачымо, тату!“ — „Дай же, Боже, говоритъ отецъ, щобъ завше не бачылы“, т. е., чтобы всегда было такое изобиліе хлѣба, какъ въ этотъ вечеръ. Сходный обычай существуетъ у герцеговинцевъ. Саксонъ Грамматикъ говоритъ, что у арконскихъ славянъ такой же точно обрядъ продѣлывалъ жрецъ. Въ праздникъ Святовита, по окончаніи жатвы, въ Арконѣ приготавливали огромный медовый пирогъ, за который становился жрецъ и переговаривался съ народомъ, какъ нынѣ переговаривается подъ Рождество крестьянинъ за пирогами съ своими дѣтьми (*Афанасьевъ*, Поэт. возвр. слав. III, 745).

Такъ какъ урожай опредѣляется своевременно выпавшимъ весной дождемъ („три рази на яръ мѣсяца мая“), то обрядовая сим-

волика дождя въ видѣ посыпанія зерна представляется также нагляднымъ пожеланіемъ урожая. Обрядовое посыпаніе хлѣбнаго зерна на Рождество встрѣчается въ Малороссіи, Великороссіи, Сербіи (*Потебня*, 59—60), Греціи, Грузіи (*Веселовскій*, 126, 435). Кромѣ рождественскихъ святокъ обрядовое употребленіе хлѣбныхъ зеренъ въ смыслѣ надѣленія богатствомъ встрѣчается на крестинахъ и на свадьбахъ, а въ смыслѣ очищенія (какъ очистителенъ дождь) на похоронахъ (*Сумцовъ*, Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. 35).

Почти тождественное значеніе съ посыпаніемъ хлѣбнаго зерна имѣетъ обрядовое употребленіе на рождественскихъ праздникахъ плуга. Въ Галиціи кое-гдѣ наканунѣ новаго года ходятъ по хатамъ съ плугомъ и, показывая видъ, что ороютъ, посыпаютъ овсомъ и кукурузою. У поляковъ мѣстами наканунѣ Р. Хр. кладутъ на столъ чересло плуга. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ въ XVII в. „въ навечеріе Богоявленія Господня кликали плугу“ т. е. славили плугъ (*Потебня*, 6). У румынъ подъ новый годъ поютъ плуговыя пѣсни (*plugul*) и звякаютъ при этомъ желѣзомъ отъ сохи, звонятъ въ колокольчикъ или играютъ на флейтѣ (*Веселовскій*, 112—114).

Идеей богатства обусловленъ обычай покрывать соломою или сѣномъ столъ на сочельникъ. Обычай этотъ встрѣчается у германскихъ и славянскихъ народовъ, въ частности у малороссовъ (*Потебня*, 72). Упомянутое объ этомъ обычаѣ находится въ одной повѣсти Квитки. Солому, постилаемую наканунѣ Рождества, называютъ въ Подоліи дѣдухъ. Это слово сближаютъ (*Шейковскій*, *Потебня*) съ названіемъ поминокъ „дѣды“. Такъ какъ Рождество есть по преимуществу семейный праздникъ, то въ „дѣдухъ“ и мертвые причислены къ семьѣ (*Потебня*, 73). Общее же значеніе покрыванія стола соломою то же, что и значеніе полагаемой на него кучи пироговъ—пожеланіе урожая.

Въ ряду рождественскихъ и новогоднихъ обрядовыхъ пожеланій богатства не забыты и сады. Наканунѣ Р. Хр. у малороссіянъ одинъ садится въ саду за дерево, не приносящее плода, а другой показываетъ видъ, будто хочетъ рубить дерево топоромъ. „Не рубай мене, буду вже родыты“ говоритъ сидящій за деревомъ, вмѣсто дерева. „Ни, зрублю, чомусь не родила“, и фразы эти повторяются

до трехъ разъ, затѣмъ грозившій срубить дерево говоритъ: „гляды жь!“ и удаляется, а сидѣвшій за деревомъ перевязываетъ затѣмъ дерево перевесломъ (соломой) и идетъ къ другому безплодному дереву, гдѣ повторяется та же обрядность (*Ефименко*, Малор. заклин. 45; *Свидницкій*, Основа 1861. № 12). Тоже-ственный обрядъ записанъ у турецкихъ сербовъ въ Призренѣ и Дибрѣ (*Ястребовъ*, Обыч. и нѣс. тур. серб. 34), у нѣмцевъ и у англичанъ (*Мандельштамъ*, Оп. объяс. обыч. 314).

Широкое распространѣніе обычая переряживанья обусловлено древнимъ обыкновѣніемъ лично представить боговъ покровителей земледѣлія или ихъ животные символы и олицетворенія въ видѣ посѣтителей жилища и благотворныхъ дѣятелей въ семейной и экономической жизни народа. Къ тому же на переряживаніе, болѣе чѣмъ на какую либо сторону обрядности, оказали вліяніе римляне. Уже въ началѣ XI ст. въ сѣверной новгородской глуши, по словамъ архіепископа Луки Жидаты, было „москолудство“, т. е. переряживаніе, причѣмъ иноземное его названіе даетъ поводъ думать, если не о иноземномъ происхожденіи, то, по крайней мѣрѣ, древнемъ римскомъ вліяніи. Въ Малороссіи парни на Р. Хр. маскируются медвѣдемъ, козой, чертомъ. „Если вообще святочная обрядность, говоритъ А. Н. Веселовскій, представляетъ много общаго и дословно сходнаго въ ея проявленіяхъ у различныхъ народовъ Европы, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о маскахъ и личинахъ. Русское, малорусское, болгарское и румынское ряженіе козю, восходящее, быть можетъ, къ „козлимъ“, „сагурскимъ“ лицамъ языческихъ врумалій, продолжаетъ жить въ Норвегіи, Даніи, Англіи и Германіи“. Г. Веселовскій въ обширномъ изслѣдованіи о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ, въ 32 т. Сборн. Акад. Наукъ, предлагаетъ рядъ доказательствъ, что маски и ряженіе отъязались отъ римскаго культа, объективировались и переносились съ мѣста на мѣсто, причѣмъ распространителями ихъ сначала были греко-римскіе мимы, затѣмъ ихъ послѣдователи и продолжатели, всякаго рода шпильманы, глумцы и скоморохи.

Благосклонное вниманіе боговъ покровителей земледѣлія и семьи обусловливалось, съ языческой точки зрѣнія, надлежащимъ

ихъ угощеніемъ или жертвоприношеніемъ, на что шли животныя (преимущественно свинья), каша и хлѣбъ.

Свиное мясо, свиная голова, колбасы или какое-либо печеніе въ образѣ свиньи составляетъ необходимую принадлежность Васильева вечера и рождественскихъ святокъ не только у русскихъ, но и болгаръ, сербовъ, румынъ, въ Сициліи, Англіи, Германіи, въ скандинавскихъ земляхъ и на Кавказѣ (*Потебня*, 27; *Веселовскій*, 108, 438). А. Н. Веселовскій находитъ, что славянская и румынская обрядовая свинина отвѣчаетъ жертвоприношенію свиньи въ римскомъ обиходѣ сатурналій (стр. 109); но, по широкому распространенію обрядной свинины, можно думать, что источникъ обычая кроется въ арійской древности, въ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ первобытныхъ аріевъ, и затѣмъ сохраненъ и развитъ индоевропейскими народами вполне самостоятельно. Я принимаю обычное у русскихъ изслѣдователей миѳологическаго направленія (Аванасевъ, О. Миллеръ) толкованіе обрядной свиньи, какъ символа солнца вообще, въ основѣ повѣрій и обрядовъ, и затѣмъ думаю, что удержалось обрядовое употребленіе свинины такъ долго лишь потому, что служило жертвой, или пищей, пріятной для людей и созданныхъ по ихъ подобію языческихъ боговъ. Поводомъ къ символизациіи солнца въ образѣ свиньи послужили длинныя и острые щетины этого животнаго, сближенныя съ солнечными лучами. Въ сказкахъ подъ образомъ свинка-золотая щетинка скрывается солнце. У скандинавовъ Фрейръ, богъ весенняго солнца, мчится на ведрѣ Гуллинбуретѣ. Съ распространеніемъ христіанства солнечный символъ свинья получила демоническую окраску, и на свиньяхъ стали уже развѣзгать черти; въ житіяхъ святыхъ въ Патерикѣ печерскомъ и др. многократно говорится, что тотъ или другой „старецъ видѣ бѣса сѣдяща на свиньи“.

Каша у русскихъ, сербовъ и хорватовъ съ особыми обрядами варится нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е. начиная отъ дня в.—м. Варвары (4 дек.) до Богоявленія (6 янв.). Въ курской губ. второй день Рождества называется бабы каши (*Потебня*, 56, 65). Обрядовое употребленіе каши обычно не только наканунѣ Р. Хр. и Новаго года, но также на свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ. Кашей кормили нѣкогда боговъ земледѣлія и

скотоводства. У индусовъ вѣдическаго времени ячменной кашей кормили скотьяго бога Пушана, у римлянъ послѣ рожденія ребенка приготавливали кашу (*fritilla, puls*). Древніе германцы приготавливали кашу въ праздникъ Перхты или Гольды (подроб. см. въ моемъ соч. Хлѣбъ въ обр. и пѣс. 27—47).

Довольно обычно обрядовое употребленіе хлѣба, какъ остатокъ жертвоприношенія. Съ наибольшей торжественностью приготавливается въ Галиціи на Р. Хр. крачунъ—огромный бѣлый хлѣбъ. Его сажаютъ въ печь наканунѣ Рождества; обставляютъ калачамн и подкалачиками; выносятъ съ появленіемъ звѣзды; за столъ садятся хозяева и прислуга (*Терещенко*, Бытъ рус. нар. VII, 20). Вообще, каша болѣе обычна на рождественскихъ праздникахъ, и самый крачунъ, повидимому, перенесенъ на Рождество съ обрядовой свадьбы (подроб. у *Сумцова*, Хлѣбъ, 74). На Рождество пекутъ, смотря по мѣстности, пироги, коржи, кныши, блины.

Въ сложную рождественскую обрядность входятъ еще гаданія, преимущественно гаданія по почину о погодѣ и урожаѣ, напр., какая погода въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ Новымъ годомъ, такая будетъ передъ Петромъ и Павломъ, какая послѣ Нового года, такая при началѣ жатвы; въ какой день приходится Рождество, въ такой начинаютъ жать. Съ созданіемъ категоріи причины (*propter hoc*), гаданіе можетъ переходить въ созданіе образа, съ цѣлью вызвать появленіе въ дѣйствительности того желаннаго, что этимъ образомъ представлено (*Потебня*, Колядки 64). Въ древности кругъ гаданій былъ болѣе обширенъ, чѣмъ нынѣ, причемъ, гаданія пріурочены были къ святкамъ, ко времени рожденія солнца, поворота его на лѣто, и затѣмъ въ началѣ жатвы, иногда, въ началѣ войны. Теопомпъ (IV в. до Р. Хр.) говоритъ, что венеты гадали въ началѣ посѣва посредствомъ хлѣбныхъ лепешекъ. По словамъ Прокопія, южные славяне гадали во время жертвоприношенія животныхъ, вѣроятно, по ихъ внутренностямъ, что, быть можетъ, заимствовано отъ классическихъ народовъ, у которыхъ обычна была гіеороскопія, или гаданіе по внутренностямъ животныхъ, преимущественно по ихъ печени (*Буше-Леклеркъ*, Изъ ист. культ. 137—143). Замѣчательно, что въ Болгаріи и въ настоящее время старики предсказываютъ, глядя въ утробу заколотога животнаго

(*Фаминцынъ*, Божества, 43). Балтійскіе славяне (руяне), по словамъ Саксона Грамматика, гадали посредствомъ священнаго коня Святовита, а въ другихъ случаяхъ по первому встрѣчному животному, что отвѣчаетъ современнымъ русскимъ повѣрьямъ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ. Константинъ Багрянородный говоритъ, что русскіе славяне гадали по птицамъ. Многія рождественскія гаданія, совершаемыя въ настоящее время, коренятся въ древности, напр., гаданіе малорусское объ урожаѣ почти тождественное съ арконскимъ, какъ было уже выше замѣчено, гаданіе по тому куда пойдетъ лошадь съ завязанными глазами (въ ту сторону выйти замужъ) сходно съ гаданіемъ руянь по коню Святовита, предсказаніе о зимнихъ колодахъ и времени наступленія весны по селезюнкѣ кабана, убитаго къ Рождеству, напоминаетъ болгарскую и древнюю греческую гіероскопію. При всемъ томъ, гаданія съ теченіемъ времени потеряли отчасти серьезное значеніе и получили однообразный характеръ преимущественно дѣвическихъ гаданій о замужествѣ. Часть рождественскихъ гаданій отошла назадъ, ко дню св. ап. Андрея Первозваннаго (эти гаданія см. въ „Кіев. Стар.“ 1888, XI, ст. г. Ящуржинскаго); часть перенесена далѣе, на масляницу¹⁾.

56.

Колодка — Колодїй

составляетъ самую характерную особенность малорусской масляницы. Здѣсь произошелъ рядъ любопытныхъ переходовъ бытоваго явленія, именно, орудіе пытки и наказанія колодка съ теченіемъ времени перешла въ предметъ шутки и увеселенія и, наконецъ,

¹⁾ Кромѣ этихъ главныхъ рождественскихъ обрядовъ и повѣрій, есть много отрывочныхъ и мелкихъ. Они разбросаны, (не считая устарѣвшихъ сборниковъ Снегирева и Сахарова), у *Терещенка*, Бытъ рус. нар. II; *Кавелина*, Сочиненія, т. IV (рецензія сборника Терещенка), *Потебни*, О миѣнч. знач. нѣкот. обрядовъ и повѣрій; *Лавровскаго* (П. А.), рецензія на предых. трудъ г. Потебни во 2 кн. Чтеній моск. общ. ист. и древн. 1866; *Тубинскаго*, Труды э. ст. экснад. III; *Аванасьева*, Поэт. возр. слав. на прир. т. I—III; *Головацкаго*, Пѣсни гал. и угор. Руси; *Свидницкаго*, въ Основѣ 1861, кн. XII; *Миллера* О. Опытъ ист. рус. слов; *Де-Воллана*, Угро-рус. нар. пѣсни; *Веселовскаго*, въ 32 т. Сбор. Ак. Наукъ; *Корепітскіи*, въ XI т. Zbiór wiadomości do an'ropol. krajowej; *Kolberg*, Pokucie

дала названіе цѣлому празднику. Колода, какъ орудіе наказанія, дѣлалась въ старину изъ брусевъ съ отверстіями, въ которыя вставлялись руки и ноги виновныхъ. Положеніе человѣка въ колодкѣ было тягостно; онъ не могъ свободно пошевельнуть ни однимъ членомъ и оставался неизмѣнно въ сидячемъ положеніи, причѣмъ ноги были приподняты отъ земли; корпусъ согнутъ подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами (*Новицкій*, въ „Кіев. Стар.“ 1885, XI, 552). Колодка, какъ орудіе наказанія, лишь недавно вышла изъ употребленія. Въ повѣсти Квитки „Мертвецькій Великъ-день“ „сердешна Приська выкупала его (т. е. своего мужа Нечипора) не десять разивъ и изъ пидъ калавуру, и изъ колоды“... На позднѣйшей колодкѣ обнаружился прогрессъ народной мысли и быта; орудіе наказанія стало способомъ выраженія добраго пожеланія семейной жизни, предметомъ народнаго увеселенія, причѣмъ мѣстами стало выражаться въ формѣ цвѣтныхъ лентъ, коробки конфетъ и т. п. предметовъ, нимало не напоминающихъ колоду или колодниковъ.

По селамъ Малороссіи масляница извѣстна подъ названіемъ „Колодія“, празднованіе котораго продолжается отъ понедѣльника до субботы. Въ понедѣльникъ „Колодій“ нарождается, а въ субботу умираетъ; промежутокъ этого времени наполняется пирушками въ честь „колодіевыхъ родынь“. Послѣ мяснаго заговѣнья, въ первый понедѣльникъ, собираются группы женщинъ и ходятъ по всѣмъ хатамъ, гдѣ есть неженатые парни или совершеннолѣтнія дѣвушки, чтобы привязать имъ колодку. Молодежь старается скрыться, но ее подкарауливаютъ и часто застигаютъ врасплохъ. Пришедшія привязываютъ колодку къ ногѣ, а иногда къ рукѣ парня или дѣвушки и затѣмъ требуютъ выкупа. Выкупъ состоитъ въ угощеніи водкой и закуской. При этомъ отецъ повязаннаго говоритъ иногда сыну, напуская на себя сердитый видъ: „оттакъ тобі й треба: не хотивъ слухаты батька, не хотивъ женитись, теперъ колодку тягны.

І и др. сочиненіяхъ и сборникахъ, гдѣ всецѣло или отчасти говорится о малорусскихъ святахъ. О рождественскихъ обрядахъ другихъ славянскихъ народовъ см. ст. *Кудрявцева* въ „Христ. Чтеніи“ 1877 г., въ сборникѣ *Летрובה*—о сербскихъ святахъ, у *Завалинскаго*, *Улановской*, *Кольберга* и др.—о польскихъ святахъ. Литература рождественскихъ обрядовъ и повѣрій, вообще, разнообразна и обширна.

Думаць ему весілля справляты, а теперъ прыходыця бисового сына видъ колодки выкупаты“. Потомъ хозяинъ просить гостей садиться за столъ и начинается угощеніе, на которое сходятся почти всѣ сосѣди. Если же дѣвушкѣ привяжутъ колодку, то мать ласково приговариваетъ: „оттакъ тоби, дивко, й треба: не заслужыла жениха, теперъ тягны колодку“. Въ нѣкоторыхъ селахъ полтавской губерніи колодку вяжутъ не только парнямъ и дѣвушкамъ, но и ихъ родителямъ какъ бы за то, что они не постарались выдать дѣтей замужъ или женить. Въ подольской губ., въ мѣстахъ, смежныхъ съ херсонской губ., дѣлаютъ („завиртуютъ“) „Колодія“ изъ макогона, укутаннаго пеленками и платками, на подобіе новорожденнаго ребенка; его носятъ по хатамъ, объявляя, что „родывся Колодій“ и требуютъ угощенія. При этомъ опять таки вяжутъ колодку, какъ вездѣ. Такъ проходитъ вся маслянная недѣля. Въ субботу передъ велико-постнымъ заговѣніемъ „Колодій“ умираетъ и женщины съ плачемъ хоронятъ его. Собственно похороны заключаются только въ томъ, что устраивается грандіозная попойка, причемъ бабы показываютъ видъ, что плачутъ по „Колодіѣ“. Во многихъ селахъ подольской, кіевской, херсонской, полтавской и черниговской губерній, въ первый день „Колодія“ женщины приносятъ матушкѣ-попадѣ въ подарокъ мотки („талькы“) и клубки разной пряжи на холсть. Такимъ гостямъ оказывается большой почетъ: ихъ сажаютъ большею частію въ „покояхъ“ (въ комнатахъ, назначенныхъ для гостей) и сама хозяйка потчуетъ ихъ водкой и кушаетъ вмѣстѣ съ ними за однимъ столомъ. Впрочемъ, гости долго не засиживаются,—на ихъ мѣсто скоро являються другіе. Въ городахъ, въ недавнее время даже въ нѣкоторыхъ селахъ, при вязаніи колодки стали употреблять не полѣно, а какую-нибудь изящную вещь: букетъ цвѣтовъ, ленту, бантикъ, платокъ, серьги или прѣсто коробку конфетъ (*Заря* 1885, № 287, *Чубинскій*, III, 7).

Малорусской и бѣлорусской колодкѣ соотвѣтствуетъ старинный обычай въ Германіи привязывать въ называемую „цельную середу“, первый день великаго поста,—снятую съ петель дверь на спины дѣвушекъ, достигшихъ уже тридцатилѣтняго возраста, при чемъ заставляють ихъ носить эту нощу по деревнѣ. Въ старинной хроникѣ города Лейпцига сообщается, что тамъ на масляницѣ ряженые молодые

люди возили плугъ и заирагали въ него встрѣчавшихся имъ дѣвухекъ, въ наказанье за то, что онѣ до сего дня не вышли замужъ. По словамъ Гримма, подобныя обычаи существовали и въ другихъ областяхъ Германіи, не только въ Лейпцигѣ.

57.

Купало.

Купало празднуется въ ночь съ 23 на 24 іюня, называемую Ивановскою. Праздникъ состоитъ изъ пѣсень и обрядовъ. Купальскія пѣсни не представляютъ такой научной важности, какъ колядки. Небольшія по объему, онѣ, сравнительно съ колядками, заключаютъ въ себѣ мало архаичныхъ элементовъ; но обряды купальницкіе такъ же важны въ историко-бытовомъ отношеніи, какъ и рождественскіе обряды. Научная литература купальскихъ пѣсень и обрядовъ незначительна, и настоящая наша статейка, полагаемъ, внесетъ въ нее нѣкоторое дополненіе относительно объясненія основнаго бытоваго значенія купальскаго праздника въ древности, наряду съ религіозно-миѳическимъ его значеніемъ, достаточно объясненнымъ уже *Аванасгевымъ* въ III т. Поэт. возвр. славянъ на природу, стр. 710—724, *О. Миллеромъ* въ Опытѣ ист. обозр. рус. слов. I, 55—58 и особенно *А. А. Потемной* въ статьѣ о купальскихъ огняхъ въ 3 вып. Археологич. Вѣстника 1867 года.

Еще составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: „Купало, яко же мню, бяше богъ обилія, яко же у еллинъ Цересь, ему же безумніи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда иняше настати жатва. Сему Купалу—бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумніи память совершаютъ, наченше іюня 23 дня въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи даже до жатвы сицовымъ образомъ: съ вечера собирается простая чадь обоего пола и соплетаютъ себѣ вѣтви изъ ядомаго зелія или коренія и препоясавшеса быліемъ возгнетаютъ огонь; индѣ же представляютъ зеленую вѣтвь и, емшеса за рущѣ около, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетаютъ Купаломъ; потомъ черезъ овый огонь прескакують“. Вполнѣ согласно съ миѳическимъ

составителя Густинской лѣтописи. О. Э. Миллеръ думаетъ, что „какъ Купальница, такъ и Купало должны быть божественныя существа“ (I, 55). Г. Фаминцынъ въ сочиненіи „Божества древнихъ славянъ“ идетъ далѣе и сравниваетъ съ Купалой Ярилу, Ладу и затѣмъ ставитъ ихъ въ параллель съ древне-итальянскими богами Picus, Faunus и Liber (277), что, однако, подлежитъ большому сомнѣнію. Нѣтъ никакихъ основаній считать Купалу древнимъ божествомъ, тѣмъ болѣе, что имя Купала встрѣчается только у малоруссовъ и бѣлоруссовъ, у послѣднихъ, вѣроятно, подъ малорусскимъ вліяніемъ, притомъ встрѣчается при имени Ивана. Н. И. Костома-ровъ еще въ 1843 г. въ „Маякѣ“ высказалъ мнѣніе, что слово купало есть замѣна слова креститель: „Три праздника въ году посвящены памяти пророка Іоанна Предтечи, 7 января, 29 августа, 24 іюня. Первый у малороссянъ называется *креститель*, потому что празднуется на второй день Крещенія, второй *головосѣйка* — день усѣкновенія и послѣдній *купало*. Название это идетъ къ тому, кто крестилъ, омывая въ водѣ, а выражаясь просто, купаль. Спросите у самаго благочестиваго старика, что такое Купало — онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ Предтечу“ (XI. Матер. 70). Въ Галиціи канунъ праздника Іоанна Предтечи называется Сobotкой, словомъ, извѣстнымъ чехамъ и полякамъ.

Замѣчаемое мѣстами ослабленіе купальскихъ обрядовъ, въ особенности замѣна костровъ крапивой, объясняется запрещеніями со стороны административныхъ властей. Еще въ 1769 г. малор. войсковою генеральнымъ судъ запретилъ празднованіе Купалы, какъ вредное „застарѣлое игрище“ („*Кіев. Стар.*“ 1885, XI, 556).

Въ виду широкаго распространенія купальскихъ обрядовъ среди евронеискихъ народовъ, можно предположить лишь то, что въ половинѣ іюня, во время наибольшаго могущества творческихъ силъ природы, справлялся праздникъ въ ночное время, при свѣтѣ отъ зажженныхъ костровъ, съ пляской и пѣснями, и, можетъ быть, съ жертвоприношеніемъ солнцу. Въ малорусской и бѣлорусской Купалѣ сохранилось много древнихъ чертъ. Разбросаны онѣ въ слѣдующихъ сборникахъ: *Чубинскаго*, въ 3 т. Трудовъ этн.-ст. эксп., *Везсонова*, Бѣлор. народ. пѣсни (здѣсь много малорусскихъ пѣсней, принятыхъ за бѣлорусскія). *Kolberg*, I т. Pokucie, *Moszińska*, въ V т.

Zbiór wiadomości do antropol. krajowej, *Koręnicki*, въ XI т. Zbiór wiadomości, въ 3 т. Поэт. возр. славянъ *Аванасьева*, кое что въ 1 т. Lud ukraiński *Новосельскаго-Марцинковскаго*, въ Угро-рус. нар. пѣсняхъ *Де-Воллана*, и во 2 т. Галиц. и угор. пѣс. *Головацкаго*, въ 1 т. „Очерковъ Россіи“ *В. Пассека* и въ „*Маякъ*“ 1843 г. т. XI. Матер.

Составитель древней лѣтописи отмѣтилъ важный бытовой фактъ, что у древлянъ, сѣверянъ, вятичей и радимичей „брати не бываху въ нихъ; но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщанесе; имяху же по двѣ и по три жены“ (*Лѣтоп.* по Лавр. сп., изд. 1872, 12). Врядъ ли можно сомнѣваться, что эти „игрища межю селы“ были въ опредѣленное время въ году, вѣроятно, во время наибольшей творческой силы природы, въ концѣ іюня, къ какому времени приурочено было завязываніе новыхъ половыхъ связей. Что это было именно такъ, видно изъ современнаго обычая верхне-македонскихъ болгаръ—мыяковъ обрученіе и свадьбу совершать исключительно отъ 20 іюля по 15 августа (*Верховичъ*, Опис. быта болг. 8). По другому свидѣтельству, болѣе вѣроятному, „въ селахъ дебрскаго округа сватовство совершается въ день Петра и Павла (29 іюня), точно такъ же какъ и свадьбы бывають въ этотъ день. Сосватавшій дѣвушку 26 іюня долженъ ждать цѣлый годъ, чтобы жениться въ этотъ же день“ (*Ястребовъ*, Об. и пѣс. турец. сербовъ, 408). Мы готовы думать, что то же самое было въ древней Руси на праздникъ, названный позднѣе по имени Іоанна Крестителя Ивановъ Купалой или просто Купалой, на что есть указанія въ купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ. Въ бѣлорусской купальской пѣснѣ парень призываетъ къ дѣвушкѣ ночью, просить ее не плакать, говорить, что онъ ея Яночка (*Безсоновъ*. I, 31). Во многихъ пѣсняхъ выражается чувство любви, желаніе брака. Во особенности любопытенъ отдѣлъ наемѣшливыхъ купальскихъ пѣсней, гдѣ дѣвушки издѣваются надъ парнями. Подобнаго рода пѣсни встрѣчаются только на свадьбахъ, какъ остатокъ умыканія и проистекающаго отъ того враждебнаго отношенія невѣсты и ея подругъ къ жениху и его родственникамъ. Хотя и въ древности, по словамъ лѣтописца, съ умыкаемыми дѣвушками предварительно сговаривались,

однако соблюдалась хотя внѣшняя формальная враждебность, происходившая отъ болѣе древней дѣйствительной вражды и похищенія. Такъ, въ волынской губерніи на Купало дѣвушки поютъ:

Бигла сучка ровѡмъ, ровѡмъ,
А за нею хлопци роёмъ, роёмъ;
Они думали, що то ихъ маты,
Покотылы сучку, давай ссаты (*Kopecn.*, *Zbiór wiadom.* XI. 183).

Ой шлы дивчата ройкомъ, ройкомъ,
Пылы горилку зъ медкомъ, зъ медкомъ,
А за ними хлопцы граныцею,
Пылы помыи дойныцею (*Kopecn.*, *ib.* 183).

На Купали огонь горыть,
Нашимъ хлопцямъ жывить болыть.
Наши хлопци жабокольци,
Скололи жабу на колодци (*Чуб.* III. 221).

Ночное пиршество требовало костровъ для варки пищи и освѣщенія, причеиъ костеръ служитъ центромъ веселой толпы, поющей и пляшущей. Въ возненіи костровъ выразался еще культъ огня. Въ силу такихъ практическихъ и религіозныхъ побужденій костры въ древности зажигались на многихъ праздникахъ вечеромъ или ночью. Такъ, Захарія Копыстенскій въ „Номоканонѣ сирѣчь Законоправильникѣ“ 1624 г. возстаегъ противъ разведенія костровъ на Купалу и въ другіе праздники, особенно въ день Вознесенія. (*Костомаровъ*, Рус. ист. въ жизнеоп. II, 69). Обрядовое сожиганіе костровъ и прыганіе черезъ нихъ обычно въ Болгаріи въ воскресенье передъ великимъ постомъ (*Каравеловъ*, Памят. I, 189), въ сарат. губ. наканунѣ Нового года (*Тереженко*. Бытъ р. н. VI, 116), въ костром. губ. на масляной недѣлѣ (*Чтенія* въ общ. ист. 1846, II, 20), въ московской Руси, по Стоглаву (XVI в.), въ чистый четвергъ (*Миксимовичъ*. Собр. соч. II, 510), на свадьбахъ въ В., М. и Б. Россіи, у поляковъ и у древнихъ германцевъ (*Сумцовъ*. О свад. обр. 91—92), на родинахъ у сибирскихъ татаръ (*Сумцовъ*. въ Журн. М. Н. II. 1880. ССХII, 78). Въ В. Россіи зажигаютъ костры еще въ день св. Георгія 23 апр. и прогоняютъ скотъ. Въ западной Европѣ, въ Германіи и во Франціи въ XII—

XVII ст. въ селахъ и городахъ зажигали въ день Іоанна Крестителя костры. Въ XV, XVI и XVII ст. костры зажигались въ Парижѣ, Мецѣ и др. городахъ передъ ратушей меромъ (*Аванасьева*, III, 711—712; *Nowosielski*, Lnd ukr. I, III).

Въ Лондонѣ купальскіе огни воспрещены въ 1539 г. (*Спенсеръ*. Опис. соц. 172). Почти повсемѣстно возженіе костровъ, особенно Ивановы огни „Johannisfeuer“, „le feu de St. Jean“ имѣли очистительное значеніе, устраняющее всякую нечисть и, главное, ворожбу. На Купалу предохранительное значеніе костра отъ ворожбы тѣмъ болѣе важно, что въ это время вѣдьмы всячески стараются вредить людямъ и особенно опасны домашней скотинѣ, преимущественно коровамъ. Какъ предметъ, необходимый въ древности для совершенія жертвоприношенія, костеръ получилъ священное, очистительное значеніе. Въ угорской Руси на Купалу зажигаютъ костры на вершинахъ горъ и танцуютъ вокругъ нихъ; сюда же сгоняютъ скоть, украшенный вѣнками и увѣшанный колокольчиками; животнымъ при этомъ раскрываютъ ротъ такимъ образомъ, чтобы въ него падало отраженіе пламени горящихъ костровъ съ цѣлью предохранить ихъ отъ особой болѣзни жевательныхъ органовъ. Дѣвушки съ цвѣтами на головѣ танцуютъ вокругъ костровъ; мужчины бьютъ по угольямъ палками, отчего происходитъ трескъ. Затѣмъ гадаютъ по кострамъ. Если они тлѣютъ долго, то это считается признакомъ хорошаго сбора хлѣба и обилія жениховъ для дѣвушекъ (*Де-Волланъ*, Угро-рус. нар. пѣс. 15). Въ Малороссіи также скачутъ вокругъ костровъ дѣвушки и парни (*Чубинскій*, III, 194), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ силу полицейскаго запрета зажигать въ солѣ или вблизи огни, бѣгаютъ вокругъ крапивы, воткнутой въ землю, или скачутъ черезъ нее. Въ Покутьѣ (въ Галиціи) парни зажигаютъ клочки пакли, воткнутыя на концѣ высокихъ палокъ, и бѣгаютъ съ ними по полю, въ однихъ мѣстахъ въ ночь подъ 24 іюня, въ другихъ по ночамъ отъ 24 іюня до 29 іюня, „отъ Ивана до Петра кегекаютъ“ (*Колб.*, I, 202).

Въ Малороссіи на Купалу, а въ Великороссіи на масляницѣ, обычно обрядовое употребленіе соломеннаго чучела или куклы, которая въ Малороссіи, какъ воплощеніе праздника, носитъ названіе Купалы. Дѣвушки, изрѣдка парубки, справляютъ чучело „Марену“

изъ соломы, жгучей крапивы или черноклена; ее убирають вѣнками, лентами, цвѣтами, танцуютъ вокругъ нея, поютъ пѣсни и потомъ бросаютъ ее въ рѣку съ притворнымъ плачемъ или разрываютъ на части, причемъ дѣвушки сохраняютъ куски дома или несутъ ихъ на огородъ, чтобы огурцы родились. Парубки часто отнимаютъ „Марену“ или „Купалу“ у дѣвушекъ и рвутъ ее; но дѣвушки быстро дѣлаютъ новую куклу (*Чубинскій*, III, 193; *Kolberg*, I, 202; *Korern.* 176).

Травы и цвѣты, сорванные въ періодъ солнечнаго поворота, на Купалу, считаются особенно цѣлебными. Изстари въ этотъ день собираютъ травы и цвѣты, сохраняютъ ихъ въ семьѣ, и въ случаѣ надобности окуриваютъ ими больныхъ людей и животныхъ, бросаютъ во время грозы въ затопленную печь, вѣшаютъ подъ кровлей дома и въ хлѣвахъ, затыкаютъ за стрѣхи (*Аванасъевъ*, III, 716). Въ народныхъ разказахъ особенно часто встрѣчается напоротникъ и его мнимый цвѣтокъ въ ночь подъ 24 іюня (*Чубинскій*, I, 77; III, 196—197; *Nowosielski*, II, 144; *Kolberg* I, 201); но кромѣ этого, слишкомъ хорошо извѣстнаго растенія чтобы на немъ здѣсь останавливаться¹⁾, къ купальскимъ обрядамъ и повѣрьямъ приурочено нѣсколько другихъ видовъ украинской флоры: въ хатѣ вѣшаютъ лопухъ (*Kolberg* I, 201). подпоясываются для устранения болѣзней чернобылемъ (*ib.* 202); дѣвушки втыкаютъ въ косу липникъ, чтобы хлопцы любили, липли къ нимъ (*ib.* 202), рвутъ мяту, любистокъ, василекъ—все для любозивъ (*ib.*), собираютъ противъ вѣдовства конопляный цвѣтъ, или кашку, которую рассыпаютъ передъ воротами своего дома и въ хлѣвахъ, чтобы вѣдьма не могла сюда проникнуть. (*Korern.*, 195).

И такъ почти весь купальскій ритуалъ, за исключеніемъ намековъ на умыканіе дѣвиць, направленъ къ огражденію крестьянскаго семейнаго и экономическаго благополучія отъ разрушительной силы вѣдовства. Какъ ни страшны вѣдьмы въ это время, противъ нихъ смѣло выступаютъ съ куклой Купалы и охранительными травами, насмѣхаются надъ ними, ставятъ вѣхи на дворѣ женщинъ,

¹⁾ Научныя замѣчанія о повѣрьяхъ о напоротникѣ см. у *Аванасъ*. въ *Поэт. возр. слав.* II, 375—389 и въ ст. *Потебни*, О купальскихъ огняхъ; въ обихъ статьяхъ мифологическое объясненіе.

подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и, проходя мимо ихъ хатъ, съ чучеломъ Купалы, поютъ:

Наше Купайло до мѣсяца,
Юрьковски видьмы повисяться;
Нехай повисяться, нехай знають,
Нехай чужихъ коривъ не займають (*Kopern.*, 177).

—

Въ нашия Купайли кушакъ бобу,
Кинцубо въ видьму въ хобу.
Въ нашия Купайли кушакъ мяты,
Щобъ не перешла видьма хаты.
Въ нашия Купайли кушакъ дроку
Щобъ не дождала видьма року (*ib.* 177).

—

Новій, вятре, о пивночи.
Вылизуть видьми очи,
Щобъ по ночахъ не ходила,
Чужихъ коровъ не доила (*Чубинскій* III, 199).

—

Теперь Купала, завтра Иванъ
Кидавъ бись видьму черезъ парканъ,
Купальной ночи выдравъ бись видьми очи (*Безсоновъ*, 32).

На Купалу обычно плетеніе вѣнковъ (*Чубинскій* 195, *Kolb.* I, 201); но оно еще болѣе обычно на троицкихъ праздникахъ. Встрѣчаются на Купалу гаданія (*Чубинскій*, III, 195—197, *Аванасьева* III, 723), но ихъ очень мало сравнительно съ колядой и Андреемъ Первозваннымъ. Въ сборникахъ пѣсенъ въ числѣ купальскихъ часто встрѣчаются свадебныя (*Чубинскій*, III, 206, 207; *Безсоновъ* 36, 37), жатвенныя (*Чубинскій*, III, 202, 217), изрѣдка рождественскія (*Безсоновъ*, 46), причемъ кое что перепутано самими издателями пѣсенъ.

Возлѣ Купала иногда выступаетъ Купальница, причемъ Купало относится къ Іоанну Крестителю (24 іюня), а Купальница къ св. Аграфенѣ (23 іюня). Мифологи вспоминаютъ при этомъ Перуна и Ладу (*Аванасьева* III, 722). Я думаю, что Купальница явилась въ дополненіе къ Купалу, какъ подъ Новый годъ Меланка въ дополненіе къ Василию, для разности, что вызвано самими словами Иванъ Купало, затѣмъ Купала, т. е. женской формой слова

Купала при Иванѣ. Какъ въ щедровкахъ „красная Меланка, еще крашій Васильчикъ“ (*Головацкій* III, 144) или „О—герчику Васильчику, чи любишь ты нашу Меланочку?“ (*Kolb. Rokucie* I, 123), такъ и въ купальскихъ пѣсняхъ „Сегодня Купала завтра Янъ“, „де жъ ты была Купалочка—у твоимъ садку Иваничка“, Купаль—нечка (потомъ Купалочка)! гдѣ твоя дочка?“ (*Безсоновъ*, Бѣлор. п. 30, 33, 35). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь олицетвореніе двухъ праздничныхъ дней, по сопредѣльности ихъ, и переносъ этихъ олицетвореній въ разрядъ любовныхъ пѣсонъ. Такъ какъ мысль поющихъ пѣсни дѣвушекъ имѣетъ въ виду прежде всего желанный бракъ, то отсюда и въ пѣсни вошло брачное начало парности двухъ лицъ мужскаго и женскаго пола.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На „Вовчомъ хуторѣ.“

Степь широкая, привольная, необъятная... Конца ей нѣтъ; только тамъ, далеко, она, волнующаяся, какъ море, сливается съ такимъ же безконечнымъ небомъ. Въ ея чудныхъ голосахъ, въ невѣдомомъ шопотѣ, человѣкъ впервые—робѣетъ, признаетъ ничтожество свое; а затѣмъ, эта ширь, этотъ просторъ необъятный родитъ мысль о безконечномъ, свободномъ, и глазъ невольно останавливается въ глубокой синевѣ неба и уноситъ она въ безконечное, неземное: мысль о Богѣ живетъ спокойная, глубокая... Степь таинственна...

Темная степь утопала во мрачной тишинѣ ночи и не было полоски, отдѣляющей ее отъ неба: все, все слилось въ куполь прозрачнаго воздуха и все молчало. Но вотъ подулъ легкій вѣтерокъ, тучи разнесло; замерцала одна, другая звѣздочка—„зироньки очищямы заморгали“—и сводъ небесный усѣянъ звѣздами,—а степь безконечная, мрачная, молчитъ, погруженная въ таинственный полумракъ. Изрѣдка тишину ея нарушить рѣзкій, непонятный крикъ,—будто плачь ребенка, или раздастся вдругъ стонъ задавленный, глухой,—пронесется онъ далеко волной... и замолкнетъ... Народъ говоритъ: „то козакъ стогне и плаче у тиснѣй могыли“...

Небольшой табунъ лошадей сбился въ кучу; онѣ тихо жевали, пощипывая траву, и изрѣдка нарушали тишину фырканьемъ; а поодаль лежали табунщики, завернувшись съ головой въ свитки. Еще дальше, въ бурьянѣ, сидитъ, согнувшись вдвое, едва замѣтный, табунщикъ—караульный...

На востокѣ, на горизонтѣ у самой земли, показалась сѣрая полоска свѣта; звѣзды померкли,—и все покрылось красивой полумглой...

— Пильнуй! (береги) раздался рѣзкій, сильный крикъ караульнаго... Лошади шарахнулись въ сторону и стали... Табунщики бросились по направленію крика... Послышались стоны, мольбы о прощеніи...

Сѣрая полоска неба росла и освѣтила группу табунщиковъ: они вели конокрада. Высокій, худой, безъ шапки, съ окровавленнымъ лицомъ, онъ шель пошатываясь, поступь его была невѣрна, руки туго связаны назади; въ одной рубахѣ, изорванной въ борьбѣ, въ короткихъ, мокрыхъ отъ росы, панталонахъ, босой—онъ рѣзко выдѣлялся изъ группы табунщиковъ. Онъ молча шель, не просилъ,—онъ зналъ, что въ степи просьбы и мольбы излишни, что одинъ законъ для конокрада,—законъ Линча, выражаемый въ херсонскихъ степяхъ: „собаца—собача смерть“. И онъ блѣдный, помертвѣлый, съ дикимъ, блуждающимъ взоромъ, подчинялся безпрекословно, безъ сопротивленія, безъ воли. Вскорѣ у табуна остались только двое, остальные три табунщика поскакали на „Вовчій хуторъ“. Среди нихъ верхомъ, со связанными руками и подвязанными подъ лошадыю ногами, неловко пошатываясь, скакалъ конокрадъ, напрягая всѣ свои силы, чтобы удержаться на лошади и не упасть. Конокрадъ знаетъ, что ему грозятъ побои и смерть, и инстинктивно, напряженно, страстно удерживаетъ равновѣсіе, боится упасть и сразу покончить съ грустною жизнью...

Еще не совѣзмъ разсвѣло, какъ группа всадниковъ была во дворѣ основателя хутора, старика Тараса Вовка. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ хозяева собрались во дворъ и молча, торжественно выслушали разсказъ сыновей. Молодежь Вовкъ отправилъ обратно.

— Водить его у мою хату. У ночи судытымемъ; теперъ никола,—сказалъ онъ, и конокрада отвели въ хату.

Всѣ разошлись, остались только Петро и Микита Утикачи, Иванъ Вильный да Кузьма Перекотыполе—батъки Вовчаго хутора.

У хатъ закопошились люди, запрягали лошадей, собирались, несли пожитки—и черезъ полчаса хуторъ опустѣлъ—всѣ выѣхали на отдаленный гарманъ.

Въ хатѣ въ это время молча сидѣли пять стариковъ, а у двери въ углу связанный конокрадъ.

— Ну, хлопче, мрачно прервалъ молчаніе Вовкъ, послухай насъ, а дали и мы тебе де що роспытаемъ.

— Оттуть, на хутори я сивъ одынь—25 годъ мынуло; богато въ мене покрадено коней и по пари и по четверо. Було й таке, що всихъ коней покрадено,—все тоди попродамы и знову купылы... Оттаке намъ робылы вы, злодіи. Кажу тобі для того, що не помылуемъ: прыйменшъ смерть таку, яку заробывъ, а щобъ муки тобі не було—прызнавайся: зъ кымъ бувъ, де твои товаришы, до кого коней водынгъ на продажъ? Прызнаесся—не буде муки...

Конокрадъ приподнялся, хотѣлъ стоя что то сказать, но запнатался и сѣлъ.

— Самъ одынь хотивъ украсты... Жыдъ у Новомиргороди навчывъ... Я тилько що утикъ одъ бидноты та неволи... никола я не кравъ, произнесъ конокрадъ хриплымъ, надорваннымъ голосомъ.

— Прызнавайся! дикимъ, изступленнымъ голосомъ закричалъ Петро Утикачъ и ударилъ конокрада въ лицо; онъ упалъ на полъ, обливаясь кровью... Всѣ быстро встали...

Безлюдный хуторъ весь былъ облитъ теплыми лучами солнца; кругомъ вся степь привѣтливо-ярко отливала золотомъ; природа покоемъ, любовью дышала, а въ хатѣ Тараса были люди и оттуда вырывались болѣзненные стоны, смѣшиваясь съ дикими, человѣческими криками...

Вскорѣ изъ хаты вышли Вовкъ и его пріятели, оставивъ конокрада избитымъ, окровавленнымъ, въ безчувственномъ состояніи, но связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Хату заперли и уѣхали на гарманъ.

Вовкъ мрачно смотрѣлъ куда то вдаль. Загорѣлое, открытое, будто изъ бронзы отлитое, лицо было неподвижно... Молча ѣхали спутники... Никто не смотрѣлъ другъ другу въ глаза; вворы блуждали, они смотрѣли и не видѣли ни могилъ вдали, ни бѣлѣющаго гармана... Наконецъ, у Волка сорвалось, будто онъ отвѣчалъ на чей то вопросъ:

— А може й справди не злодій, утикъ зъ Кывицины—и замолкъ.

Мысли его быстро переносились ко времени его „крепачтва“ и ясно видѣль онъ себя молодымъ бѣглецомъ... Это было лѣтъ 25 тому назадъ. Онъ сильный, молодой не вынесъ рабскаго ига. Побой, плети всякихъ прикащиковъ, непосильная работа на сахарномъ заводѣ была ужъ невыносима и Тарасъ бѣжалъ въ херсонскія степи. Минуло уже почти четверть вѣка, какъ онъ украсть свою Оксану—тоже „крепачку“,—привезъ ее и поставилъ „мазанку“ (глинобитный домикъ) въ степи, далеко отъ жилья,—это была первая хата „Вовчого“ хутора. Затѣмъ еще и еще бѣжали и селились около него, и теперь одиннадцать хатъ вольныхъ людей жили въ довольствѣ, трезво и честно, платя аккуратно и за землю, и набѣгающему изрѣдка засѣдателю—за спокойствіе. Всѣ уже приняли другія фамиліи и Тарасъ Спивака, а по степному Вовкъ, обжился и сталъ забывать крѣпостничество и плети, его спутники... Но этотъ воръ, душегубъ, да хуже душегуба—этотъ конокрадъ живо вызвалъ въ немъ всѣ воспоминанія о пережитыхъ имъ страданіяхъ, мукахъ и радостяхъ, и—все это злило Тараса. Онъ невольно чувствовалъ что то общее въ ихъ судьбѣ; онъ этгонялъ эти воспоминанія; но они неотвязно лѣзли одно за другимъ. Какъ будто жалость шевельнулась въ немъ,—и онъ еще больше озлился и послалъ вслухъ, громко сильное ругательство...

Они пріѣхали къ гарману, застали тамъ работу въ разгарѣ и сами горячо принялись отгребать пшеницу и кидать снопы. Вовкъ, несмотря на свои лѣта, усердно и съ какимъ то озлобленіемъ кидаль солому, онъ весь хотѣлъ уйти въ работу,—но это ему не удавалось. Часто онъ останавливался и, опершись на вилы, безцѣльно засматривался въ даль; взоръ блуждалъ, переходилъ съ предмета на предметъ, и замѣтно было, что онъ смотритъ, но не видитъ.

— Эге! выдко, що дидови Тарасу иде не до Великодня, а до Риздва; выдко, що дидъ нашъ старіе,—говорило между собокъ молодое поколѣніе, замѣтивъ постоянныя остановки Тараса.

Но Тарасъ не слыхалъ,—онъ какъ будто зажилъ новой жизнью. Это было для него ново. Жить внѣ коней, пшеницы,

оранки, сѣянки, вѣ мысли о дождѣ и засухѣ, вѣ обычной жизни, волноваться *чѣмъ то*, беспокоиться, думать о томъ что минуло четверть вѣка назадъ — все это и не привычно и тяжело.

Это *что то* волновало, тревожило его и онъ, отерши струившійся со лба потъ, перекрестился. Несомнѣнно, что онъ этого и не замѣтилъ, что это было непроизвольно. Вѣдь онъ всегда крестился, когда ему бывало тяжело: крестился при поднятїи перваго снопа, крестился, принимаясь вытаскивать повозку изъ рывины, сани изъ сугроба... Ему и теперь тяжело было... Но вотъ раздался звонкій голосъ его племянницы, за нимъ подхватилъ другой, третїй—и все слились въ стройное пѣніе заунывной, вольной украинской пѣсни... И полились ея чудныя звуки волною далеко, далеко по ровной степи, такіе же широкіе, вольные, какъ и она, вѣчно ровная, богатая, вѣчно таинственная...

Пѣсня льется и работа кипитъ. Тарасъ будто проснулся и горячо принялся за солому и пшеницу.

А на хуторѣ въ это время все было тихо. Солнышко пригрѣло и освѣтило одиннадцать разбросанныхъ по балкѣ хатъ, такихъ чистыхъ, бѣлыхъ... По дворамъ куры кудахтали, да пѣтухъ нарушалъ тишину, вляя носомъ въ какую то дрянь и съ солиднымъ видомъ подзывая своихъ подругъ, вѣчно довѣрчиво поддающихся обману своего главы, да куча дѣтей въ крайнемъ дворѣ суетливо возводила постройки изъ пыли и навозу. Они все собрались сюда, кричали и бѣгали;—часть возилась, съ самымъ озабоченнымъ видомъ, около стана колесъ, а хлопчики поменьше—любовались своими постройками. Бѣлоголовые, босые, въ одѣхъ рубахахъ они издали напоминали собою возню муравейника.

Въ запертой хатѣ Вовка тоже было тихо. Степанъ (такъ звали конокрада) очнулся было и опять впалъ въ безпамятство, тяжело дыша. Ничто не нарушало тишины, только сверчокъ трещалъ изъ угла, да на печкѣ по временамъ раздавался шорохъ чего то движущагося. Въ простѣнкѣ, между печкой и трубой

блестѣли чьи то глазки. Присмотрѣвшись, можно было замѣтить дѣвочку лѣтъ 7—8. Она, съжившись, прижалась вся въ уголокъ и, затаивъ дыханіе, со страхомъ и любопытствомъ смотрѣла внизъ на связаннаго Степана. Ея каштановые волосы спустились на выпуклый, красивый лобикъ и ярко отбѣяли большіе, каріе глаза. Глаза эти были не дѣтскіе. Страхъ ли подѣйствовалъ на нее, жалость ли непомѣрная, но смотрѣли они какъ то далеко, глубоко. Необыкновенная невинность, чистота, что то доброе, масса жалости виднѣлись въ этой согнувшейся фигуркѣ... Степанъ очнулся. Безсвязно что то прошепталъ и среди всего этого явственно было слышно „воды... пить!“

Дѣвочка вздрогнула и быстро слѣзла съ печи. Она подала Степану кружку съ водою и онъ жадно припалъ къ ней запекшимися губами.

Первый страхъ прошелъ, и Оленка присѣла недалеко отъ связаннаго. Онъ былъ въ забытїи. Много разъ онъ какъ бы просыпался и просилъ пить, и дѣвочка съ охотой подавала ему воду. Наконецъ, онъ совершенно оправился, тихо приподнялся— Оленка испуганно отбѣжала...

— Не бійся менѣ, сказалъ онъ... и у мене ѣе диты... я лыпывъ (оставилъ) дома такую жъ дивчыну.. якъ и ты... тецѣрь... тецѣрь... вона сыротю бѣде... и замолкъ.

Что онъ еще говорилъ, о чемъ шла бесѣда вора и случайно оставленной въ хатѣ дѣвочки—мы не знаемъ; но когда вечеромъ вернулся Вовкъ съ сотоварищами,—Степанъ сидѣлъ уже развязанный въ углу, на скамейкѣ, а изъ за печи сверкали тѣ же добрые, жалостливые глазки.

Вовкъ усѣлся въ концѣ стола—„на покути“,—а кругомъ братья Утикачи, Вильный и Перекотыполе. Молча, торжественно сидѣли эти старики. Слабый, часто вспыхивающій красноватый свѣтъ „каганѣцъ“ (каганѣць — свѣтильникъ, родъ плошки) освѣщаль ихъ строгія лица; но глазъ за нависшими бровями не было видно: они не смотрѣли другъ на друга, не смотрѣли они и на Степана. Быть можетъ, если бы хотя одинъ изъ нихъ взглянулъ на него, то смягчились бы ихъ загрубѣлыя сердца: онъ былъ смертельно блѣденъ, глаза испуганно, потерянно,

съ мольбой во взорѣ перебѣгали съ одного лица на другое.... Но напрасно: лица эти были мертвы.

Вовкъ вынулъ короткую трубку, медленно набилъ её и закурилъ. Досталъ и Утикачъ „гаманецъ“ (кисеть), набилъ „люльку“ (трубку) и долго, долго сосредоточенно кресалъ огонь. Уже давно губка горѣла, а онъ всё ожесточенно цокалъ кресаломъ о камень.

— Ну, гѣди! сказалъ Вовкъ взволнованнымъ голосомъ. Среди тишины онъ прозвучалъ рѣзко. Всѣ встрепенулись, а Степанъ вздрогнулъ и крѣпко, крѣпко прижался къ стѣнѣ....

— Умивъ красты—умй и умирааты... Пора.... Якъ же бѣде, панѣве—громѣдо? спросилъ Вовкъ.

— А такъ й бѣде: собѣци—собача смерть.

— Вѣвезты, — та кыйкамы (палками) забѣты — проговорили судьи и всѣ замолкли.

Вовкъ вынулъ изо рта люльку, выбилъ медленно о каблукъ золу и тихо приподнялся... Онъ сталъ лицомъ къ иконѣ и перекрестился.... Всѣ сдѣлали тоже...

— Ну! молись й ты, поидемъ у степь, заговорилъ Вовкъ къ Степану и сталъ тихо выходить изъ за стола.... Молча приподнялись его сотоварищи.... Но въ это время, неожиданно, послышался порошокъ и стукъ чего то спрыгнувшаго съ печи... Всѣ вздрогнули и обернулись: у печи стояла Оленка блѣдная; очи горѣли и она прямо смотрѣла на Вовка.

— Диду! простить ёго!... у ёго дѣты йе... малѣньки дѣты.... простѣты!... проговорила, запинаясь, Оленка.

Вовкъ вздрогнулъ, схватился рукою за столъ, брови его гнѣвно сдвинулись, и онъ, молча, какъ бы обезсилѣвъ, оцустился на скамейку.....

Всѣ сѣли.

Тихо, тихо стало въ хатѣ.....

Неловкое и долгое молчаніе прервано было Утикачемъ: онъ полѣзъ въ карманъ за люлкой. Долго, долго рылся онъ, но не нашелъ и выругался:

— Чортъ... его батька... знае...

— Ось де, у мене люлька, сказалъ Вильный и быстро подалъ свою.

Перекотыполе почему то понадобилась шапка: онъ усердно искалъ её вокругъ себя, подь лавку даже заглянулъ и что то бранное пробурчалъ; а Никита Утикачъ, издавна отличавшійся нескладностью рѣчи, почему то счелъ своевременнымъ замѣтить: „а пшеница цей... рикъ... дѡбра“. И всѣ замолкли....

— Що жъ панѡве?... тихо, съ трудомъ произнёсъ Вовкъ....
Хыбѡ (развѣ)....

— Эгѣ жъ...

— А то явъ же?

— Усѣ одъ Бога, Винъ про те знае... сразу перебили судьи Вовка.

— Такъ пустытъ? спросилъ онъ нерѣшительно.

— А то жъ?—пустытъ, пустытъ!.. Нехай ёго Богъ простытъ!.. Мольсь Богу!... весело заговорили судьи.

Но рѣчи ихъ прервалъ шумъ грузно упавшаго тѣла: Степанъ безъ чувствъ лежалъ на полу.

Прошелъ годъ, и „Вовчій“ хуторъ жилъ всё тою же мирною, покойною жизнью степняковъ — „хлиборобовъ“, — только вмѣсто одиннадцати хатъ, ихъ было уже двѣнадцать. Двѣнадцатая, новая прилѣпилась съ краю балочки, на самомъ обрывѣ ея. Притомъ, вопреки обычаю, тамъ самой дорогой гостьей бывала внучка Тараса—дѣвочка Оленка. Тарась Вовкъ всё такой же, такъ же любить послушать пѣсни молодежи и рассказы сѣдоусыхъ товарищей,— только чаще сталъ хитро улыбаться и при встрѣчѣ съ хозяиномъ новой, двѣнадцатой хаты, Степаномъ, говаривалъ улыбаясь:

— А щобъ тебѣ Богъ любывъ!... Здѡрово я *тоди* употывъ')...

Дмитрій Марковичъ.

1) Сильно я тогда вспотѣлъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго ¹⁾.

Моя портретная галлерей.

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Саади нѣкогда сказалъ.

Внося въ свои „Воспоминанія“ послѣднее сказанье о гимназій, не могу отказать себѣ въ удовольствіи поговорить на прощанье о неразлучныхъ спутникахъ пройденнаго мною пути. Мнѣ пріятно возобновить въ памяти нѣкогда дорогіе образы товарищей и пожить съ ними мысленно тою задушевною жизнію, какою жилось лѣтъ 45 тому назадъ.

До окончанія гимназическаго курса дотянули весьма немногіе изъ насъ. Восходя, какъ по крутой лѣтницѣ, все выше и выше къ вождолѣвному VII классу, мы съ каждымъ годомъ теряли ихъ десятками, такъ что до конца курса насъ осталось всего лишь 14 человекъ.

Константинъ Дмитричъ Ушинскій (1824—1870). Въ 1835 году въ III классъ преобразованной семиклассной гимназій поступилъ изъ домашняго приготовленія новичокъ, обратившій на себя вниманіе всего класса какъ привлекательною наружностію, такъ и своимъ почти дѣтскимъ возрастомъ: ему было неполныхъ 12 лѣтъ. Это былъ нашъ будущій педагогъ К. Д. Ушинскій, „осушившій дѣтскія слезы, ручьями лившіяся въ первыхъ рутинныхъ школахъ“, котораго „Родное слово“ и „Дѣтскій міръ“ сдѣлались

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ № 7, іюль.

незамѣнимыми учебниками и въ роскошныхъ палатахъ богача-аристократа и въ курной избѣ бѣдняка-крестьянина.

Предоставляя будущему біографу¹⁾ оцѣнить по достоинству его педагогическіе и ученые труды, я коснусь лишь моихъ личныхъ отношеній къ нему, какъ соученику-товарищу по гимназіи²⁾.

Въ годъ поступления Константина Дмитрича въ гимназію почти половина учениковъ III класса принадлежала, какъ мы видѣли, къ аборигенамъ заведенія, прошедшимъ всѣ мытарства повѣтоваго училища и попавшимъ въ гимназію совершенно случайно, благодаря лишь введенію устава 1828 года. Они представляли своеобразный типъ, сходный отчасти съ тѣмъ, который обрисованъ Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы“. Изъ подъ розогъ Каменскаго, да изъ подъ палъ Игнатьева иными они и не могли выйти; это были антики во всей первобытной ихъ дикости, съ крайне демократической заковской. Счастливецъ, подобныхъ К. Д—чу, которые, минуя повѣтовое училище, попадали прямо въ гимназію, между нами было весьма немного: то были дѣти достаточныхъ дворянъ, имѣвшихъ возможность приготовить въ гимназію мальчика посредствомъ домашняго учителя, тогда какъ для бѣдняковъ—плебеевъ хожденіе по мукамъ было неизбѣжно.

На новичка Костю, мальчика женственно-деликатнаго сложенія, всегда чистенько одѣтаго, наши 18—20 лѣтніе „молодцы“, съ перваго же дня его поступленія въ ихъ общество, посмотрѣли косо и стали чинить ему разныя гадости. Дѣйствительно, по своей наружности К. Д—чъ рѣзко отличался отъ взрослыхъ товарищей и выглядѣлъ между ними кровнымъ аристократикомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Отецъ его, Дмитрій Григорьевичъ, воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ малороссійскихъ фамилій. Служилъ онъ сперва по гражданскому вѣдомству, потомъ въ 1801 году поступилъ въ сформировавшійся тогда дворянскій полкъ, а оттуда въ уфимскій, съ которымъ и

¹⁾ До сихъ поръ появился въ печати лишь „Краткій біографическій очеркъ“ Фролова, Спб. 1881 г. съ портретомъ.

²⁾ Бѣглыя замѣтки о дѣтствѣ Ушинскаго сообщены мною редакціи „Народной школы“ прежде (см. „Народн. школа“ 1874 г. № 4).

участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Новгородъ-Сѣверскъ.

По воспитанію, по связямъ и по домашней обстановкѣ Д. Г—чъ былъ значительнымъ лицомъ въ городѣ между проживавшими тогда въ немъ дворянами. Домъ его, на возвышенномъ берегу Десны, въ самомъ концѣ города, подлѣ церкви Покрова, имѣлъ видъ барской усадьбы—съ обширнымъ дворомъ, службами и фруктовымъ садомъ, окаймленнымъ тѣнистыми липами и дубами, изрытымъ переполненными зеленью оврагами; но, несмотря на то, что Д. Г—чъ владѣлъ сотнею десятинъ пахатной земли и 30 крѣпостными, состояніе его было не изъ блестящихъ.

Въ 1835 году онъ овдовѣлъ, а въ 1837-мъ женился во второй разъ въ шостенскомъ пороховомъ заводѣ на сестрѣ генерала Гербея, послѣ чего кругъ его знакомства еще болѣе расширился. У него часто бывали гости, большею частію военные.

Въ 1840 году Д. Г—чъ былъ избранъ уѣзднымъ судьей и, судя по одному факту, нисколько не походилъ на тогдашнихъ Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ¹⁾.

При такой обстановкѣ росъ и воспитывался К. Д—чъ. Родился онъ отъ первой жены Д. Г—ча, урожденной Каннистъ. Первые основы будущаго педагога были положены прочно и серьезно и этимъ онъ, какъ кажется, былъ обязанъ своей матери, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ самой горячей любви. Хорошо составленная бібліотека отца, большею частію находившаяся въ полномъ распоряженіи сына, безъ сомнѣнія, много способствовала развитію въ ребенкѣ съ ранняго возраста любви къ чтенію.

Живя дальше всѣхъ насъ отъ гимназіи, на противоположномъ концѣ города, К. Д—чъ большею частію ходилъ въ классъ пѣшкомъ, такъ какъ улицы нашего городка, по причинѣ гористой мѣстности,

¹⁾ Въ 1843 году, будучи студентомъ, я имѣлъ дѣло въ судѣ. Надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, не получая отъ меня прилагательнаго, цѣлую недѣлю кормилъ меня завтраками. Я отправился къ судѣ съ жалобой. Д. Г—чъ, посадивъ меня на дрожки, привезъ въ судѣ и послалъ сторожа за Терлецкимъ, который, по случаю праздника, въ то время ловилъ за рѣкой раковъ. Его привезли пьянаго и судья приказалъ ему выдать документъ, крѣпко намявъ ему голову.

не во всякое время года удобны для ѣзды, особенно для живущихъ на Заручьѣ. Мальчику ежедневно приходилось прошагать туда и обратно около 6 верстѣ; но онъ любилъ этотъ длинный путь, идущій по живописному крутому берегу Десны, черезъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ Покровщины и не разъ плакалъ, если ему почему либо приходилось одну или двѣ ночи провести въ городѣ. „Я бѣжалъ изъ гимназіи домой, писалъ онъ впоследствии: какъ будто меня тамъ ждало нивѣсть какое сокровище“. Такъ какъ я жилъ почти на половинѣ его пути, то, возвращаясь изъ гимназіи домой постоянно вмѣстѣ, мы скоро подружались.

Въ 1835 году 12-лѣтній Костя засталъ меня въ III классѣ, если не самымъ старѣйшимъ аборигеномъ, то все таки цѣлыми тремя годами старше себя. Несмотря, однакожъ, на такое неравенство лѣтъ, К. Д., по своей развитости и по своимъ быстрымъ способностямъ, не уступалъ въ ученіи не только мнѣ, но и тѣмъ, которые были почти вдвое старѣе его.

Принимая по семилѣтнему пребыванію въ школѣ больше къ великовозрастнымъ, я тоже на первыхъ порахъ косялся на Костю, не поддаваясь сближенію съ „паньчешъ“, хотя меня сразу очаровалъ этотъ умный и красивый мальчикъ: меня тянуло къ нему, такъ сказать, противъ воли. При всемъ томъ, только тогда, когда я вполне увѣрился, что душевныя его качества не менѣе симпатичны, что онъ, напр., нисколько не гордился своими сословными преимуществами, удостоивая бесѣды моихъ родныхъ и раздѣляя иногда со мной мой простой завтракъ, когда случалось ему уйти изъ дому безъ чаю,—только тогда я съ нимъ сблизился, рискнувъ даже утратить чрезъ то расположеніе старыхъ товарищей, не перестававшихъ относиться къ Костѣ съ недоброжелательствомъ за его благовоспитанность, которая мѣшала имъ втянуть новичка въ свою среду и навязать ему нравы и обычаи, усвоенные ими въ „чистилицѣ“. Но такъ какъ я пожертвовалъ ихъ дружбой не изъ какихънибудь корыстныхъ видовъ, а чисто по сердечному влеченію, то такая измѣна не имѣла для меня чувствительныхъ послѣдствій, въ родѣ потасовки. Впоследствии, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ и далѣе, иди дружно впередъ. мы каждый годъ роняли на

своемъ пути этихъ ватажковъ классныхъ, такъ что не только до 7-го, но и до 5-го класса ни одному изъ нихъ не удалось добраться.

Бесѣды наши съ Костей не всегда ограничивались однѣми школьными дразгами, мы часто рассказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Все, что онъ передавалъ мнѣ объ образѣ жизни своихъ родныхъ и знакомыхъ отца, для меня было совершенно ново, тамъ, въ этомъ недоступномъ для меня кругѣ, все было не похоже на бѣдную обстановку той среды, въ которой протекало мое невеселое дѣтство. Равнымъ образомъ все, что я сообщилъ Костѣ о себѣ, въ такой же степени интересовало его. Дружба наша росла съ лѣтами. Несмотря, однакожь, на такое сближеніе, въ домѣ у него я не бывалъ въ качествѣ гостя: по своей застѣнчивости и неразвязности я боялся туда проникнуть. За то онъ бывалъ у меня очень часто. Я посвятилъ его во всѣ тайнства охоты и ужения—удовольствія, до знакомства со мной ему совершенно чуждыя. Катанье на лодкѣ онъ до того полюбилъ, что, оставаясь часто въ гимназіи до начала послѣобѣденныхъ уроковъ вмѣстѣ съ другими, далеко живущими товарищами онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи преинтересной флотилии на сосѣдней лужѣ, при чемъ доски съ монастырскаго забора служили проказникамъ для устройства плотовъ. Охоты съ ружьемъ К. Д. не влюбилъ съ перваго же разу, не могли понять удовольствія „убивать бѣдныхъ птичекъ“. Эта черта въ характерѣ К. Д.—ча, свидѣтельствующая о чрезвычайной мягкости его натуры, осталась въ немъ до смерти: онъ не позволялъ своимъ дѣтямъ убивать пойманную мышь, заставляя ихъ выпускать ее на волю.

Впрочемъ, главною цѣлю нашихъ частыхъ экскурсій за городъ и за Десну была не охота, или рыбная ловля, „а воля, просторъ, природа, прекрасныя окрестности города, душистые овраги, колыхающіяся поля“. Эти то поэтическія прогулки наши глубоко запечатлѣлись въ памяти будущаго педагога и не разъ вызывали въ душѣ его живѣйшія воспоминанія; имъ онъ придавалъ вполнѣ великое воспитательное значеніе.

„Я вынесъ, говоритъ онъ, изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которыми трудно

соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой то упительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысль и зародыши мыслей. потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ“.

Природа и свобода, по его мнѣнію, два великіе фактора въ воспитаніи юноши. „Боже мой! говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ Десною!“

Каждый годъ, съ приближеніемъ экзамена, мой пріятель испытывалъ сильную тревогу. По нѣкоторымъ предметамъ,—какъ напр. по исторіи у М. Г. Ерофѣева, который отъ всей души презиралъ учебникъ Кайданова, диктуя намъ урокъ изъ нѣмецкой книжки и по математикѣ,—мы учились по запискамъ, каковыхъ никогда у Кости не водилось, а если и были какіе нибудь клочки, то и тѣ горничныя истребляли на папильотки. Онъ вовсе не способенъ былъ къ усидчивому и кропотливому труду. Дома ему часто мѣшали заниматься гости и домашніе, такъ что, прійдя въ классъ, наскоро бывало пробѣжить урокъ, или прослушаетъ какъ другой читаетъ, а придется до дѣла, отвѣчаетъ учителю лучше просидѣвшихъ за книгой до полуночи. Онъ постоянно приставадь ко мнѣ, чтобы готовиться къ экзаменамъ съ нимъ вмѣстѣ, но я долженъ былъ ему часто въ этой просьбѣ отказывать, а тѣмъ болѣе идти къ нему для того на Покровщину: у меня, кромѣ своихъ собственныхъ занятій, были еще репетиціи съ учениками, доставлявшія мнѣ хлѣбъ насущный; не могъ же я, ради дружбы, оставить дѣтей безъ присмотра.

Въ послѣднихъ двухъ классахъ у насъ какъ то вошло въ моду „заниматься самостоятельно“, помимо классныхъ уроковъ, особенно новѣйшими иностранными языками, потому что на нашихъ французовъ и нѣмцевъ тогда, какъ и теперь, полагаются слишкомъ рискованно. Когда мы были въ VI классѣ, К. Д., по его словамъ, спеціально занимался нѣмецкимъ языкомъ. Онъ сталъ приносить въ гимназію нѣмецкихъ авторовъ и какой то нѣмецкій журналъ, получаемый мачихой, и къ удивленію нашему сразу приступилъ

къ чтенію по нѣмецки безъ помощи словаря. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, какъ трудно нашему брату достигнуть такого совершенства въ званіи иностраннаго языка и зная притомъ степень подготовки Ушинскаго, мы, несмотря на то, что у него дома была учительница, настоящая нѣмка, усумнились въ его непомѣрно быстрыхъ успѣхахъ и стали надъ нимъ подтрунивать; нѣкоторые острили, что онъ, желая пустить пыль въ глаза товарищамъ, прежде всего самъ себя надуваетъ, показывая видъ, что понимаетъ что нибудь въ твореніяхъ Шиллера и Гете. Сознавая справедливость такихъ замѣчаній со стороны товарищей, я, по дружески, сталъ говорить Костѣ о его неумѣстной мистификаціи, на что онъ мнѣ тономъ убѣжденія сказалъ, что онъ не только самъ не перестанетъ читать безъ лексикона, но и мнѣ совѣтуетъ дѣлать тоже.

— Да какъ же я стану читать книгу, не зная многихъ словъ? возразилъ я ему.

— Это, говорилъ онъ, ничего, что нѣкоторыя слова останутся тебѣ неизвѣстными—ты читай дальше. Понявши слѣдующую мысль, поймешь и предвидущую.

Мой пріятель и тутъ остался вѣренъ самому себѣ: не привыкши къ усидчивому труду, онъ не любилъ „возиться съ лексиконами“, а пользуясь довольно ограниченнымъ запасомъ словъ и не справляясь съ грамматикой, прямо отъ перевода нѣмецкой хрестоматіи, съ помощію словаря, перешагнулъ къ чтенію авторовъ.

Получивъ такимъ образомъ возможность читать больше и притомъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Ушинскій уже въ эти годы сталъ надъ многимъ задумываться. Постоянное чтеніе, безъ разумнаго руководства, слишкомъ рано и сильно развило въ немъ мечтательность.

Дѣйствительно, на него по временамъ нападала хандра: онъ становился то задумчивымъ, то раздражительнымъ; въ спорахъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Заложивъ руки въ карманы, ходилъ онъ по классу, бросая по временамъ презрительно-насмѣшливыя взгляды на суетившихся передъ уроками товарищей. Такая эксцентричность Кости Ушинскаго тоже была предметомъ остротъ со стороны товарищей, которыхъ не могло не задѣвать такое пренебреженіе къ нимъ. Его дразнили за то „ученѣйшимъ и философомъ“.

Что касается меня лично, то я прощалъ ему все; неровное обращеніе со мною меня не сердило; и терпѣливо переносилъ его сарказмы и вапничанье.

Придетъ онъ бывало ко мнѣ и, не поздоровавшись, прямо отправляется въ садъ, ляжетъ подъ яблоней, заложивъ руки подъ голову и устремивъ свои черные блестящіе глаза въ безпредѣльную небесную синеву и остается въ такомъ созерцательномъ положеніи иногда цѣлый часъ, а я сижу себѣ въ комнатѣ и не подхожу къ нему, сдѣлавъ видъ какъ будто вовсе не замѣчаю. Соскучившись одинъ, мой Костя приходилъ ко мнѣ самъ въ комнату и, поигравши со мною въ молчанку, мало по малу разговорится и, какъ ни въ чемъ не бывало, повеселѣетъ. О томъ, что ройлось въ горячей головѣ юноши въ такіа грустныя минуты, онъ мнѣ ничего не говорилъ. да едва ли и можетъ сказать чтонибудь юноша о своихъ неясныхъ, безотчетныхъ грезахъ. когда впервые пробуждается въ немъ мысль и чувство.

Гимназическій курсъ близился къ концу. Если до сихъ поръ моему Костѣ счастливо сходили съ рукъ переводные экзамены, то окончательныя испытанія, когда приходилось отдать отчетъ со всего гимназическаго курса, не могъ не показаться страшнымъ даже такому даровитому ученику, какимъ всѣ считали Ушинскаго. По нѣкоторымъ предметамъ мы стали прилежно готовиться вмѣстѣ — то у меня въ квартирѣ, то у него во флигелѣ или въ саду. Къ сожалѣнію, онъ увидѣлъ всю опасность своего положенія передъ самими экзаменами, когда было уже слишкомъ поздно помочь бѣдѣ: ему не дали аттестата.

Не падая духомъ, Костя сталъ собираться въ Москву держать вступительный экзамень въ университетъ.

— Я имъ докажу, говорилъ онъ, при прощаньи со мною, объ учителяхъ, что стобю аттестата больше чѣмъ какойнибудь Лазарь Фесенко или гуляка Шабловскій.

Если, вельдствіе постигнувшаго его фіаско, К. Д.—чъ вынесъ изъ гимназіи чувство досады и озлобленія на нѣкоторыхъ педагоговъ, то въ душѣ его навсегда осталось глубокое чувство признательности къ обожаемому имъ директору Тимковскому. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ гимназіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ К. Д.—чъ, вспоминая о Тимковскомъ, пишетъ слѣдующее:

„Миръ праху твоему почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святиню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ“.

Еще задолго до начала экзаменовъ изъ Харькова, изъ Кіева и изъ Москвы стали приходять восторженные письма отъ студентовъ сѣверянъ. Каждый выхвалялъ свой университетъ. Но всѣхъ краснорѣчивѣе расписывалъ бѣлокаменную Семень Савичъ Гловъ — студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ. Еще будучи гимназистомъ, Савичъ отличался необыкновенною способностію къ пейзажной живописи, срисовавъ *à vol d'oiseau* весь городъ и славился эффектнымъ произнесеніемъ стиховъ на торжественныхъ актахъ. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ сдѣлался отъявленнымъ меломаномъ по театральному искусству и несмѣняемымъ посѣтителемъ райка, произносилъ съ великимъ наѣосомъ знаменитые монологи изъ Уголио и Гамлета, стараясь превзойти въ декламациі самага Мочалова. Почти половину изъ окончившихъ со мною курсъ онъ склонилъ на свою сторону; другая половина направилась въ Харьковъ; на мою долю остался Кіевъ и то потому, что выборъ для меня былъ немислимъ.

Надобно знать, что гимназія наша, славившаяся въ достоиматное управленіе ею Тимковскимъ, за два года директорства Батаровскаго, который задался несчастною мыслию „вывести тимковщину“, уже успѣла пасть во мнѣніи всѣхъ университетовъ и нашихъ сѣверянъ стали подвергать вступительному экзамену съ большою строгостію, недовѣряя гимназической аттестаціи; но несмотря на то, К. Д.—чь выдержалъ экзаменъ удовлетворительно.

Въ Москвѣ, съ распростертыми объятіями, ждалъ дорогихъ гостей Сеня Гловъ. Онъ обязательно предложилъ имъ свои услуги по части найма квартиры и убѣждалъ ихъ отдать ему на сохраненіе всѣ привезенныя ими съ собой деньги. Обрадованные такой услужливостію провинціалы ввѣрили ему свои тощіе капиталы. Получивъ деньги, Савичъ исчезъ; пропалъ гдѣ то цѣлую недѣлю и явился къ своимъ любезнымъ землякамъ безъ гроша. Благодаря этому плуту,

наши сѣверяне, а въ ихъ числѣ и К. Д.—чь, на первыхъ же порахъ испытали большую нужду.

Разставшись съ К. Д. Ушинскимъ въ 1840 году, я совершенно потерялъ его изъ виду и не зналъ, что съ нимъ до тѣхъ поръ, пока имя его не стало извѣстнымъ въ печатномъ мѣрѣ. Слыша и читая о его педагогической дѣятельности, я радовался его успѣхамъ и по истинѣ гордился такимъ товарищемъ. Зналъ я и о томъ, что онъ женился счастливо и что по временамъ онъ прїѣзжалъ лѣтомъ въ родное имѣніе своей жены въ деревню Богданку (Дорошенковъ хуторъ тожь), въ 15 верстахъ отъ Новгородсѣверска, за Десной; но мнѣ не приходилось въ то время бывать на родинѣ и я ни разу не видался съ нимъ до самой его смерти.

Подробности случившейся въ его семьѣ катастрофы переданы мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Жена его съ дѣтьми прїѣхала на хуторъ въ началѣ каникулъ. Старшій сынъ Павелъ, вырвавшійся на волю послѣ окончанія военной гимназіи, съ увлеченіемъ предавался сельскимъ удовольствіямъ—охотѣ, катанью на лодкѣ и т. п. У него было собственное ружье, заряжавшееся съ казенной части, купленное за границей и револьверъ. Однажды прїѣхали въ Богданку знакомые сверстники дѣтей, и погостивши нѣсколько дней на хуторѣ, все вмѣстѣ отправились на линейкѣ въ м. Воронежъ. Паша навѣсилъ на себя все свои охотничьи принадлежности: сумку, пистонницу, револьверъ и ружье. Подъѣзжая къ Воронежу, онъ соскочилъ зачѣмъ то съ линейки—сумка ударила объ револьверъ, отчего послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля попала въ бокъ, пошла вверхъ и застряла въ плечѣ. Дали знать несчастной матери, которая и привезла едва живаго сына въ Богданку. Черезъ нѣсколько часовъ его не стало. На другой день въ полдень его похоронили, а ввечеру прїѣхалъ отецъ. Поздоровавшись съ семействомъ, онъ спросилъ о Пашѣ, ему сказали, что онъ спитъ во флигелѣ, утомившись на охотѣ. На другой день К. Д. всталъ, по обыкновенію, очень рано и вышелъ на балконъ, съ тѣмъ, чтобы идти во флигель, но пучи отъ прислуги узналъ о случившемся и упалъ въ обморокъ...

Въ это самое время мнѣ случилось быть на родинѣ. Еще въ городѣ я узналъ, что К. Д. прїѣхалъ въ свою деревню.

Ну, слава Богу! наконецъ то мы увидимся ровно черезъ 30 лѣтъ. Если

для друга, по пословицѣ, семь верстѣ не околица, то не заѣхать къ товарищу, когда почтовая дорога проходитъ мимо воротъ его дома было бы непростительно неловко. И что же? Пріѣзжаю на богдановскую станцію и узнаю, что два дня тому назадъ случилась печальная катастрофа.

Хорошо или дурно я поступилъ, но я не имѣлъ духу заѣхать къ старому пріятелю въ *такую* минуту.

Поровнявшись съ домомъ, я велѣлъ ямщику ѣхать шагомъ, видѣлъ своего дорогаго Костю въ бѣлой фуражкѣ быстро шагавшимъ по комнатѣ, понуривъ голову ¹⁾...

Да укрѣпить и утѣшить тебя Господь! проговорилъ я почти вслухъ, а я плохой утѣшитель страждущихъ... Да и нуждались ли осиротѣвшіе люди въ чьемъ бы то ни было утѣшеніи?...

Потеря любимаго сына неблагоприятно отозвалась какъ на здоровьѣ К. Д—ча, такъ и на его душевномъ состояніи. Онъ умеръ въ томъ же 1870 году въ Одессѣ.

Тѣло его перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ, на берегу Днѣпра.

Михаилъ Семеновичъ Горяиновъ, двоюродный братъ Г—ва, отставнаго отъ насъ съ VI класса, по болѣзни, — втеченіе почти всего гимназическаго курса, начиная съ 3-го класса, удерживалъ всегда второе мѣсто послѣ своего даровитаго земляка, хотя правду сказать, онъ никогда не считался, въ кругу товарищей, звѣздою первой величины, свѣтя, такъ сказать, не собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ.

Чрезвычайно мнительный насчетъ своего здоровья, онъ вѣчно жаловался на боль въ груди, твердя одну и ту же пѣсню: „Богъ меня убей, цѣлую ночь не спалъ“.

Добрѣйшая душа, славный товарищъ, любимецъ всего класса, никогда никого не оскорбившій даже словомъ.

Окончивъ харьковскій университетъ по факультету юридическому, онъ служилъ довольно долго въ Рязани въ должности члена окружнаго суда; потомъ переведенъ былъ въ Тулу, гдѣ и умеръ года три тому назадъ.

¹⁾ Домашніе слышали, какъ онъ рыдалъ при этомъ, какъ онъ кричалъ: „Папа! Папа! не можетъ быть“!.. Эти слова онъ не разъ повторялъ и впоследствии.

Левушка Павловскій, репетиторъ инспекторскихъ пансіонеровъ и потому обязанный подавать собой примѣръ благонравія, прилежанія и образцовой аккуратности. Вѣчно остриженный подъ гребенку, по образу и по подобію самого инспектора, который, обходя классы, чтобы не мѣшать преподавателю, часто дѣлалъ замѣчанія одними жестами, напр. если нужно было напомнить ученику, что ему пора остричься, онъ показывалъ только на свою голову, дѣйствительно въ семь отношеніи образцовую. Левушкѣ дали прозвище „товкачъ“, потому что онъ постоянно товкся, т. е. суетился, а при выдачѣ урока моталъ головой. Онъ былъ мало даровитъ и потому работалъ до одуренія. Хотя по занимаемому имъ положенію въ домѣ инспектора, онъ имѣлъ полную возможность пакостить товарищамъ, но при самомъ тщательномъ изслѣдованіи его дѣйствій, не замѣчено ничего, что бы изобличало въ немъ инспекторскаго наушника. Другой на мѣстѣ Левушки не выдержалъ бы и поддался искушенію, а онъ устоялъ, и за это мы его любили, хотя и не могли удержаться отъ смѣху при его эксцентрическихъ выходкахъ.

Сидитъ онъ бывало обыкновенно на первой скамьѣ, съ краю, какъ струна, готовый ежеминутно вскочить съ мѣста, стремительно, въ одинъ приемъ, словно подтолкнутый снизу пружиной; вперить глаза въ учителя, какъ бы желая вскочить ему въ ротъ и будучи спрошенъ, не говоритъ обыкновенно спокойнымъ тономъ, а кричитъ во всю мочь, мотаясь во все стороны и топчась ногами, то сбиваясь и путаясь, то поправляясь, какъ будто боясь, чтобы не остановили его на половинѣ отвѣта. Отъ такой торопливости и самые отвѣты Левушки выходили не такъ удачны, какъ бы слѣдовало ожидать отъ ученика съ безпримѣрнымъ прилежаніемъ. Онъ вѣчно недоволенъ собой и приходилъ въ отчаяніе отъ своихъ неудачъ.

Разъ, помню, задана была на урокъ первая элегія Овидія. Мы должны были не только сами перевести ее, но и выучить наизусть первые 25 стиховъ по скансіи. (У насъ проходила латинская про-содія, какъ отдѣльный предметъ, весьма подробно; это былъ конекъ нашего маэстро вокальной музыки О. А. Самчевскаго).

Спросивши нѣсколько человѣкъ и уткнувшись въ книгу, учитель занялся приисканіемъ новой элегіи для перевода. Но Левушка, которому, во что бы то ни стало, хотѣлось блеснуть искусствомъ про-

взносить латинскіе пентаметры, какъ то больше обыкновеннаго вытягивалъ впередъ шею, смотря на учителя. Настала продолжительная пауза. Вдругъ Лаврененко, превосходно подражавшій голосу каждаго преподавателя, произнесъ фамилію Левушки, а тотъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, вскочилъ и пошелъ валять:

Quum subit illius tristissimae nactis imago,
Quae mihi supremum tempus in urbe fuit..

Отъ такой неожиданности Осипъ Акимовичъ вздрогнулъ, а гомерическій смѣхъ всего класса заглушилъ образцовую декламацию одураченнаго Левушки.

Считая себя великимъ математикомъ, Павловскій поступилъ въ харьковскій университетъ на математическій факультетъ, но и тамъ ничѣмъ особеннымъ не заявилъ своей спеціальности. Умеръ онъ давно, еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Лучшимъ знатокомъ латыни считался у насъ *Иванъ Дворецкій*, переводившій еще въ VI классѣ á livre ouvert труднѣйшіе и длиннѣйшіе періоды рѣчей Цицерона, за то и его самого прозвали Цицерономъ. Куда дѣвался этотъ даровитый черненскій человѣчекъ, рѣшительно неизвѣстно. А жаль, если судьба забросила его въ неприглядную глушь уѣзднаго городишки, обрекли на служеніе Оемидѣ, такой же слѣпорожденной богинѣ, какъ и сама она, эта судьба, раздающая жребіи злополучнымъ смертнымъ зря, безъ разбору...

Замѣчательно, что нашъ маленькій *Cicero*, приводившій въ восторгъ директора Илью Федоровича своими отчетливыми переводами труднѣйшихъ авторовъ, знавшій порядочно новѣйшіе языки, словесность ¹⁾, исторію—изъ рукъ вонъ плохъ былъ по математикѣ, какъ онъ самъ называлъ эту недостижимую для него науку. Онъ не въ состояніи былъ рѣшить самой простой ариѳметической задачи, а объ алгебрѣ и аналитической геометріи и говорить нечего. Только благодаря заступничеству другихъ преподавателей и самого директора, Биче не препятствовалъ его переходу изъ одного класса въ другой. Такъ онъ и гимназію окончилъ, оставшись круглымъ невѣждой въ „математикѣ“.

¹⁾ Обладая необыкновенною памятью, онъ звалъ наизусть всего „Евгенія Пушкина“.

Вася Готовъ, широкая русская натура, чрезвычайно способный малый, но вспыльчивый до бѣшенства. Артистическихъ талантовъ своего брата Семена онъ не имѣлъ, чувствуя больше призванія къ реальнымъ наукамъ. Василий Готовъ слылъ у насъ первѣйшимъ физикомъ и Матвѣй Албертовичъ былъ отъ него всегда въ восторгѣ.

Не отвергая въ человѣкѣ наслѣдственныхъ качествъ, я тѣмъ не менѣе допускаю, что рациональное воспитаніе многое можетъ въ молодой душѣ исправить и направить къ лучшему, привить, такъ сказать, привычку дѣлать одно хорошее и удаляться отъ худого.

Тутъ не послѣднюю роль играетъ окружающая мальчика среда—примѣръ старшихъ. Вася, съ самаго ранняго дѣтства, былъ лишень такихъ благоприятныхъ условій: вся фамилія Готовыхъ была заражена наслѣдственнымъ порокомъ пьянства, не исключая и самихъ женщинъ ¹⁾. Изъ роднаго дома онъ на бѣду свою пошалъ на квартиру къ гарнизонному капитану Головкевичу, выслужившемуся изъ кантонистовъ бурбону. Капитанша была какъ разъ подъ пару капитану, не уступая ему ни въ чемъ—ни въ невѣжествѣ, ни въ казарменныхъ замашкахъ. За болѣзнію мужа, она часто не хуже его управлялась фухтелями съ гарнизонною крупой—первѣйшими въ городѣ ворами и пьяницами; а ругалась едва ли даже не лучше своего супруга. Ее, какъ огня, боялось все населеніе „Шопы“: бублейницы и перенечайки, какъ извѣстно, никому неуступающія пальмы первенства въ искусствѣ браниться. Дѣтей у Головкевичей не было.

Спрашивается, какое нравственное вліяніе могла имѣть на своихъ квартирантовъ подобная чета? А между тѣми квартира Головкевичей считалась въ числѣ лучшихъ, каковы же должны были быть худшія?

По части „пѣтики“ 16-лѣтній Вася не уступалъ записнымъ пропойцамъ, а въ дебошнствѣ во хмѣлю не имѣлъ себѣ равнаго. За образецъ для подраженія, онъ взялъ поэта Полежаева. Поэму его, „Сашка“, прославляющую дебоши московскихъ студентовъ, онъ зналъ наизусть и при всякомъ удобномъ случаѣ цитировалъ изъ нея куплеты. Товарищи постоянно слѣдили за Васей, предохраняя его отъ уличныхъ скандаловъ. Каждый изъ насъ, узнавши, что Васька

¹⁾ О родномъ дядѣ его профессорѣ Гривевичѣ будетъ сказано ниже.

закутилъ, обязанъ былъ немедленно дать знать сосѣднимъ товарищамъ, которые должны были спѣшить туда, гдѣ находился бунячъ, брали его подъ руки, какъ архіерея, и отводили на квартиру, потомъ, приставивши къ нему надежную стражу, расходились по домамъ. Улизнувши же отъ наблюденія товарищей, онъ непременно натворить безобразій и проснется въ карцерѣ.

Благодаря гуманной снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ Герасима Ивановича, Готовъ окончилъ курсъ съ аттестатомъ и отправился въ Москву къ брату Сенѣ, но, сдѣлавшись студентомъ, не только не исправился, но повелъ себя въ столицѣ еще хуже, такъ что ему скоро приказано было оставить университетъ. Въ 1841 году, вмѣстѣ съ братомъ, прибыли они въ Кіевъ, но ихъ въ студенты не приняли, благодаря волчьему билету, выданному имъ изъ московскаго университета. Старшій братъ Семенъ сдѣлался въ концѣ концовъ отъявленнымъ жуликомъ не уступая ни въ чемъ московскимъ. Многіе престаики студенты какъ въ Москвѣ, такъ и въ Кіевѣ, дорого заплатились за свою дружбу съ нимъ: у одного онъ выманилъ часы, у другого ентовую шубу, у третьяго и десятого деньги. Года черезъ два пронесся слухъ, что Васинъ братъ умре, а Вася отправился на родину въ деревню.

Федотичъ К—ко, сынъ вольноотпущенника князей Голицыныхъ, славился необыкновенно изящнымъ почеркомъ, характера былъ необщительнаго и скрытнаго, чему отчасти способствовало его плебейское происхожденіе, которымъ постоянно корилъ его нашъ домо-рощенный педагогъ Герасимъ Ивановичъ. Отецъ Федотича, по знакомству, помѣстилъ его на квартирѣ у кунца Волоха, который за одно съ своею супругой, пилъ безъ просенпу. Находясь въ сообществѣ такой безобразной четы, К—ко пріучился потягивать разныя настойки, да такъ втянулся, что мы, приходи навѣстить мнимо больного коллегу, находили у него подъ кроватью бутылки съ водкой. Кое какъ ему удалось кончить гимназію и поступить въ московскій университетъ, а потомъ на службу въ городскую думу, гдѣ, какъ видно, можно было во время оно служить не только не думая, но даже не чувствуя собственной головы на плечахъ.

Первый баритонъ нашего гимназическаго хора *Грѣша Шабловскій*, физически развитой не по лѣтамъ, достигшій уже въ

V классѣ значительной тучности, унаслѣдованной имъ отъ своего родителя, городского головы Петра Петровича. Гуляка и дебоширь, которому прощалось все ради его баса, Гриша былъ однимъ изъ аборигеновъ гимназіи, уцѣлѣвшій отъ чистилища и дошедшій до VII класса, а потому и отличавшійся грубостію первобытнаго чело-вѣка. Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ юристомъ, онъ, говорятъ, дослужился до степеней извѣстныхъ и благопріобрѣлъ порядочное состояніе.

Другой гуляка изъ нашего выпуска—вѣчный студентъ лицейя кв. Безбородка въ Нѣжинѣ, *Егоръ III*—ко, сынъ богатой помѣщицы мѣстечка Вороножа, глуховскаго уѣзда. Во время пребыванія своего въ гимназіи, онъ, ради протекціи, постоянно жилъ у наставниковъ, которые, получая отъ матери приличные куши, втеченіе семи лѣтъ, ничему путному его не научили. Ни разу въ жизни своей III—ко не выучилъ ни одного урока, былъ большой ходокъ по части всевозможныхъ дебошей, безнаказанно отливаль нули учителямъ, особенно французу и Шатъ, велъ непрерывную прю съ инспекторомъ и не терпѣлъ никакихъ серьезныхъ бесѣдъ. Любитель крѣпкаго слова, онъ не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ: даже въ обществѣ мамыши и сестры институтки онъ часто, забывшись, по привычкѣ употреблялъ непечатныя слова. Просидѣвъ два года въ 7 классѣ и не получивъ аттестата, поступилъ въ лицей кв. Безбородка. Въ Нѣжинѣ до сихъ поръ свѣжо преданіе о его похожденіяхъ. Пробывъ болѣе 6 лѣтъвъ лицей и не окончивъ его, III—ко поступилъ въ гусары, но и тамъ, кажется, ничего не выслужилъ. Наконецъ, умаявшись, поселился въ наслѣдственномъ домѣ и закутилъ по вольности дворянства...

Микола Русскій, уроженецъ г. Трубчевска, единственный между нами москаль (такъ называютъ въ Малороссіи всякаго заходяго великоросса), былъ предметомъ всегдашнихъ шутокъ и остротъ со стороны товарищей. Несмотря на то, что онъ былъ только одинъ между нами, хохлами, казалось, долженъ бы былъ стусеваться и ассимилироваться, уступивъ кое что изъ своей національности, москаль нашъ остался вѣренъ до конца своему орловскому типу. Обладая значительной физикой и чисторусской отвагой, онъ отвѣчалъ на шутки и поддразниванья потасовкой, употребляя некрасивыя слова изъ своего трубчевскаго жаргона.

Какъ вообще всѣ наши великорусскіе народныя богатыри, нашъ Никола интеллектуальными способностями не отличался, какъ будто въ пику латынянамъ, что in corpore sano mens sana., но прилежанія былъ примѣрнаго. Это былъ порядочный зубрило, вѣчно завидовавшій усиѣхамъ товарищей и никому не прощавшій первенства.

Особенно часто надѣдалъ Русскому *Гриша Лавренко*. Если, напр., принесетъ ктонибудь въ классъ цѣнную вещь и станетъ хвалиться ею предъ товарищами, то онъ выразительнымъ жестомъ покажетъ, что при москалѣ не слѣдуетъ хвалиться своимъ добромъ, потому, извѣстно „за цыбульку зариге“. А то вдругъ расскажетъ какойнибудь анекдотъ про кацаповъ: „Батя!— Чаго, мой сынъ?— Срѣжь хохла!— Для ча тѣ, мой сынъ?— Посмотрю, какъ онъ будетъ кувиркаться.

Алеша Разночинецъ, юноша съ виду смирный, но приведенный въ ярость, свирѣпый какъ разъяренный буйволъ. А ничѣмъ его нельзя было такъ разсердить, какъ назвавъ разночинцемъ. Онъ часто мстил за подобное оскорбленіе, такъ что, еслибъ не вступались товарищи, то простая потасовка могла бы кончиться увѣчьемъ обидчика. Между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ нормальномъ состояніи Алешка былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ. Я часто навѣщалъ его, особенно тогда, когда онъ квартировалъ у воздвиженскаго дьячка—на Джагани. Съ хозяевами онъ жилъ дружно... до первой лишь ссоры или лучше сказать, драки, потому что ссора у нашего разночинца безъ драки была немислима: послѣдняя вытекала изъ первой, какъ слѣдствіе изъ причины, а обѣ вмѣстѣ и ссора и драка имѣли одну общую, всегдашнюю причину—разночинца.

Интересно было бы знать, какой характеръ выработался изъ этого неукротимаго нрава. Такіе люди чаще другихъ попадають въ такъ называемыя непріятныя исторіи какъ въ частной жизни, такъ и на служебномъ поприщѣ и исчезаютъ потомъ безслѣдно.

И. К. Лазаревичъ поступилъ къ намъ, кажется, въ V классъ изъ какого то петербургскаго корпуса въ 1837 году. Это былъ весьма развитой и благовоспитанный юноша, котораго мы почему то съ перваго же дня своего знакомства съ нимъ, стали величать не по фамиліи, а по имени—отчеству Павломъ Кириловичемъ. Изъ столицы онъ привезъ съ собой, между другими литературными произ-

веденіями, „Ревизора“ Гоголя въ рукописи и мастерски читалъ намъ эту комедію. „Ревизоръ“ былъ для насъ животренищущей новостію и чтеніе его произвело на насъ сильное впечатлѣніе, на зло современнѣмъ журнальнѣмъ зоиламъ и нашимъ доморощеннѣмъ эстетикамъ. Павелъ Кирилловичъ видѣлъ эту комедію на столичной сценѣ и превосходно подражалъ дикціи актеровъ, сообщая намъ при томъ любопытныя подробности объ устройствѣ театра, о которомъ мы, пробавляясь вертепомъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Новый наигъ коллега — натура деликатная и впечатлительная, а слѣдовательно и вялбчивая, — скоро, по прибытіи въ провинцію, воспыпалъ непреоборимую страстію къ нѣкоей Катенькѣ Бѣловой, дочери мѣстнаго плутократа. Отецъ ея, бывшій крѣпостной богача Демидова, повѣренный по дѣламъ иностранныхъ конторъ его, прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы и наконецъ, наживши большой капиталъ, поселился въ Новгородъ-Сѣверскъ. За долготѣнную свою службу онъ получилъ отъ своего патрона позволеніе построить для себя домъ, на его, Демидова, счетъ, какой ему, Бѣлову, будетъ угодно. Вольноотпущенникъ застроилъ почти всю Казацкую улицу и развелъ садъ, въ нѣсколько десятинъ, въ англійскомъ вкусѣ. Поселившись въ самомъ большемъ изъ построенныхъ домовъ, онъ перевезъ туда прежде всего огромной величины желѣзный сундукъ, со многими секретными запорами, привинтилъ его извнутри къ полу, вложилъ туда всѣ свои сокровища и сталъ раздавать деньги за жидовскіе проценты, подъ залогъ недвижимаго собственности, своимъ новымъ согражданамъ — и закабалилъ полгорода. Кромѣ Катеньки, у Бѣлова было еще трое дѣтей: старшая дочь, вышедшая замужъ за Бардоша, котораго нашъ нѣмецъ Штранге называлъ въ шутку *der kriwische Barder* (по причинѣ его хромоты), и два сына, изъ коихъ младшій, горбунчикъ, обладалъ геніальными способностями, развитой не по лѣтамъ. Онъ миѣ напоминаетъ собой малютку Павла Домби, сына такого же безсердечнаго богача, какимъ былъ и его отецъ. Хилос и слабое тѣло не выдержало непомѣрнаго развитія духовныхъ силъ и маленькій Бѣловъ безвременно сошелъ въ могилу, дошедши только до V класса. Отецъ не то, чтобы страстно любилъ его, но гордился имъ и возлагалъ на него блестящія надежды въ будущемъ и тѣмъ сильнѣе восчувствовалъ свою утрату, что другой

сынъ былъ совершенный идіотъ, а послѣдствіи пьяница и бродяга, не разъ сидѣвшій въ острогѣ. Смерть младшаго сына подѣйствовала на нашего банкира убійственно: съ горя онъ страшно расписался.

Similis similem gaudet, говоритъ латинская поговорка. Сограждане мои восчувствовали къ богачу тѣмъ вящее благоговѣніе, чѣмъ болѣе усиливался въ немъ этотъ порокъ. Всѣ стали работѣнно кланяться желѣзному сундуку и превозносить до небесъ добродѣтели его обладателя.— „Все куплю!—сказало золото“.—И года черезъ два Бѣлова выбрали головою. Три дня и три noci новый голова поилъ своихъ избирателей, подавая имъ примѣръ собственной персоной. Этимъ онъ свискалъ въ городѣ большую популарность. У него постоянно сидѣли гости—охотники до хорошей закуски и добраго вина. Шли къ нему въ домъ, какъ въ гостинницу. Утощая такимъ образомъ не только пролетаріевъ-чиновниковъ, но почти всю городскую интеллигенцію, не исключая и нашихъ педагоговъ, хозяинъ относился къ своимъ гостямъ невѣжливо и былъ съ ними на распашку, мстя имъ за выпитое вино грубостями и даже бранью. Жена его была безличное существо и уже давно числилась въ отставкѣ, передавъ свои супружескія обязанности другимъ.

Къ такому то семейству принадлежалъ идеаль нашего поэта Павла Кирилловича. Катенька, дѣвица невысокаго росту, живая, бойкая и далеко не красавица, впрочемъ неглухая, хотя и съ весьма поверхностнымъ воспитаніемъ. Къ этимъ невысокой пробы качествамъ развѣ можно прибавить еще одно, которымъ она обладала въ совершенствѣ—это кокетство. Увлекши юношу-гимназиста, она, конечно, не видѣла въ немъ подходящей партіи, но ухватила за него обѣими руками потому, что онъ въ своихъ стихотвореніяхъ сравнивалъ ея красоту со всевозможными божествами греческой мифологіи, тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало ей кокетничать съ офицерами дивизионнаго штаба, квартировавшаго въ одномъ изъ домовъ ея родителя.

Жестокая Катенька! ты не оцѣнила по достоинству божественнаго пламени любви, охватившаго душу Павла Кирилловича; ты равнодушно принимала отъ него эти милые акрости, вмѣстѣ съ бонбоньерками; ты подсмѣивалась изподтишка надъ тремя звѣздочками, свѣтившими яркимъ свѣтомъ въ заглавіи любовныхъ посла-

ній, которыя лились неудержимымъ потокомъ изъ подъ пера непонятаго тобой пѣвца. И, быть можетъ, не разъ (какое низкое коварство!) твое бездушное кокетство доводило тебя до святотатственнаго поруганія и преступнаго глумленія, въ обществѣ дивизионнаго адъютанта, надъ этимъ вдохновеннымъ лепетомъ сердца, которое билось такъ долго, такъ мучительно, тобой, одной тобой!...

Бѣдный пѣвецъ! Сколько онъ исписалъ бумажки и потратилъ золотого времени, воспѣвая твои русыя кудри и твои иззелена-голубые глаза, и твои розовыя губки, и даже ямочки на щекахъ! И во время уроковъ въ классѣ, среди шумнаго общества товарищей, и дома въ ночной тиши—онъ неустанно бряцалъ на своей лирѣ, не подозрѣвая того, что ты готовишь ему сюрпризъ—свадьбу съ отставнымъ майоромъ. Бѣдный пѣвецъ!

Однажды ночью прибѣгаетъ ко мнѣ человекъ съ запиской отъ П. К.—ча. „Спиши ко мнѣ, писалъ онъ, а не то, застрѣлюсь“. Прихожу, а мой поэтъ ревмя реветъ. Все, говоритъ, кончено: она измѣнила! Я не переживу этого удара. — *Ces sont des poustiaki!* любезный другъ, утѣшалъ я его словами Ивана Михайловича: плюнь ты, братецъ, на это на все! А если жаль тебѣ твоихъ незрѣлыхъ твореній, то пошли къ ней Гришу и потребуй ихъ назадъ: онѣ пригодятся тебѣ еще не разъ въ жизни. Да и очень кстати: тамъ у тебя такіе стихи, что ко всякой женщинѣ придутся—къ NN. къ *** и т. п. А если ты, мой милый поэтъ, бросишь въ огонь всю эту (извипи меня) романтическую чепуху, то еще лучше сдѣлаешь: влюбишься въ другую, еще больше, еще лучше напишешь. Чѣмъ тебѣ стрѣляться, не лучше ли послать къ Цаненицкому за бутылочкой французскаго: благо завтра воскресенье—можно и покалякать, хоть до свѣту“.

За бутылкой мой поэтъ повеселѣлъ и сознался, что пистолетъ не заряженъ вовсе, по очень простой причинѣ—пороху не было.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого вечера Павелъ Кирилловичъ лихо отплясывалъ на свадебномъ балѣ своего низверженнаго кумира, не уступая ни въ вальсѣ, ни въ мазуркѣ даже дивизионному адъютанту Церпицкому, знаменитому танцору и сердцеѣду.

Спустя ни больше, ни меньше, какъ 35 лѣтъ послѣ описаннаго мною романа, на кіево-курской желѣзной дорогѣ мнѣ случилось си-

дѣтъ въ вагонѣ II класса съ одной беззубой, но чрезвычайно живой и вертлявой старушкой. Поразговорившись съ нею я, къ величайшему моему удивленію, узналъ въ ней—

Предметъ и мыслей и пера
Et caetera, et caetera—

Катеньку Бѣлову. Пожуривавши на своемъ вѣку вволюшку при жизни стараго маіора, выдавъ дочь замужъ за студента и женивши сына студента на гимназисткѣ, она сама женила на себѣ 25-лѣтняго чиновника, отписавъ ему все свое имущество, ко вреду собственныхъ дѣтей, у которыхъ тоже есть дѣти. Вотъ къ чему сводятся, вотъ на что переводятся идеалы нашей неразумной юности!...

Для ознакомленія читателя съ особенностями поэтического дарованія Павла Кирилловича, я бы могъ привести нѣсколько стихотвореній; но онѣ все такъ похожи одно на другое, такъ безцвѣтны, что едва ли когонибудь могли бы заинтересовать. Тутъ есть все, чѣмъ отличались мелкія лирическія стихотворенія тогдашняго времени, надъ которыми истоцалъ свое остроуміе баронъ Брамбеусъ: тутъ и дѣва, и луна, и мечта... Теперь такихъ стихотвореній не пишутъ.

Изъ напечатанныхъ стиховъ нашего лирика мнѣ извѣстно лишь одно „Марій на развалинахъ Кароагена“. Оно начинается такъ:

Кто тамъ, на развалинахъ пышнаго града,
Главою поникши, въ раздумьи сидитъ?
Лицо его мрачно и съ перваго взгляда
Слезу состраданья въ душѣ пробудитъ...

Моя „портретная галлерей“ была бы не полна, если бы я не помѣстилъ въ ней еще двѣ личности, которыя, не увлекаясь, подобно прочимъ, ни педагогіей, ни поэзіей, ни даже кутежами, не ломая головы надъ тѣмъ, какой избрать родъ дѣятельности, сообразно своимъ способностямъ, чтобы принести обществу большую долю пользы, прямо съ университетской скамьи задались эгоистическою цѣлю, не разбирая средствъ, достигнуть личнаго благосостоянія.

Павелъ Ивановичъ К—ий—юноша видный, довольно красивый, что называется кровь съ молокомъ, но до приторности сладкорѣчивый маменькинъ сынокъ, чрезмѣрно занятый собой и

вѣчно препиравшійся съ инспекторомъ за волосы и цвѣтныя галстухи. Бокетливо выступая изъ за скамьи и сладко улыбаясь, онъ отвѣчалъ учителю урокъ. М. Г. Ерофѣевъ, никому не прощавшій пошлости и пустоты, не могъ равнодушно взглянуть на него безъ того, чтобы не сдѣлать презрительной гримасы. Но сарказмы уважаемаго наставника мало дѣйствовали на нашего фрянта. Разъ, встрѣтивши его на улицѣ въ какомъ то вычурнаго покроя архалукѣ, въ гарусной фескѣ съ кисточкой, Михаилъ Гавриловичъ на другой же день, передъ цѣлымъ классомъ, сталъ Пашеньку нудрить, представивъ въ комическомъ видѣ его костюмъ, походку, манеры. Никогда не докладывая инспектору о замѣченныхъ имъ за ученикомъ проказахъ, Ерофѣевъ всегда самъ расправлялся съ нимъ орудіемъ насмѣшки, чего мы боялись во сто кратъ больше, чѣмъ инспекторскихъ выговоровъ и даже карцера. Пашенька былъ влюбленъ въ дочь почтмейстера, своего хозяина, пробовалъ даже писать стихи и завелъ альбомъ съ сладенькими акростихами и четверостишіями, въ число коихъ и я внесъ свои ямбы, во вкусѣ овидіевыхъ плачей. Когда предметъ его страсти былъ увлеченъ подъ вѣнецъ армейскимъ поручикомъ, Пашенька, въ порывѣ отчаянія, чуть было не вызвалъ похитителя на дуэль, которая не состоялась лишь по весьма простой причинѣ, по неимѣнію пистолета. Но онъ, подобно Павлу Кирилловичу, скоро утѣшился и много таяцвовалъ на свадьбѣ измѣнницы, хохоча до неприличія надъ всякою неловкостію пѣхотныхъ офицеровъ, которые чуть было не поколотили его, обозвавъ мальчишкой—школьникомъ.

Едва ли мой красавецъ Пашенька не единственный изъ нашего курса юноша, избравшій благую часть празднаго сибарита—помѣщика. Окончивъ, съ грѣхомъ пополамъ, харьковскій университетъ, Павелъ Ивановичъ поступилъ куда то на службу, хотя, какъ единственный сынъ и наслѣдникъ дражайшихъ родителей, имѣвшихъ изрядное состояніе въ г. Сосницѣ, онъ былъ достаточно обезпеченъ и слѣдовательно могъ и не разсчитывать на служебную карьеру и сопряженные съ ней труды и непріятности. Такъ онъ и поступилъ, избравъ кратчайшій путь къ благополучію—выгодную женитьбу. Для этого онъ имѣлъ всѣ нужные шансы: одно то, что видный изъ себя мужчина, съ очаровательными манерами, на пріобрѣтеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, потрачено было больше времени, чѣмъ на пріобрѣтеніе

познаній, другое то, что столбовой дворянинъ, сынъ суворовскаго сподвижника, третье, наконецъ, то, что все таки человекъ университетскаго образованія. Задавшись такой нетрудной жизненной задачей и разсчитывая предварительно на эффектъ, долженствовавшій поразить воображеніе обладательницы крѣпостныхъ душъ и достаточнаго количества десятинъ, тезка Павла Ивановича Чичикова составилъ планъ атаки и повелъ ее по всѣмъ правиламъ новѣйшей стратегіи, отступивъ на сей разъ отъ суворовской тактики отца, заключавшейся, какъ извѣстно, въ трехъ словахъ: натискъ, быстрота, глазомѣръ. Ухаживанье его, какъ и слѣдовало ожидать, увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Пашенька оставилъ службу, зажилъ баринкомъ, уты, уютетъ и забы Бога. Какъ „приобрѣтатель“, онъ превзошелъ свой прототипъ Чичикова: тотъ приобрѣталъ души мертвыя, которыя „выѣденнаго лица не стоятъ“, а Пашенька благоприобрѣлъ не фиктивныя земли „въ херсонской губерніи“, а дѣйствительно существующія въ сосницкомъ уѣздѣ черниговской губерніи и стоящія сотню тысячъ, съ тысячными доходами.

Когда лѣтъ черезъ 20 мнѣ пришлось встрѣтиться съ очаровательнымъ Пашенькой въ Кіевѣ, уже послѣ „эмансипаціи“, признаюсь, за человекъ стало страшно: забывъ прирожденное благоприличіе и сладкорѣчивость, онъ, съ пѣной у рта, сталъ проповѣдовать такія гадости, которыя были бы въ пору самому жестокосердому американскому плантатору. Сопоставивъ помѣщика Пашеньку съ тѣмъ сахарнымъ романтикомъ, какимъ я его зналъ гимназистомъ и студентомъ, невольно подумаешь, виѣстѣ съ Гоголемъ: „неужели такъ можетъ измѣниться человекъ? Прежній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показать ему его теперешній портретъ“. Впрочемъ, еще на школьной скамьѣ я подмѣчалъ фальшь въ этомъ характерѣ. Я всегда недоувѣрчиво относился къ его изліяніямъ, къ его рыцарскому благородству и чести, которыми онъ такъ любилъ драпироваться въ юности. Не вѣрилъ я ни его душевнымъ страданіямъ, ни его разочарованію. И откуда могло взяться недовольство жизнію у этого баловня фортуны, у этого обожаемаго маменькина сынка, незнакомаго съ настоящимъ горемъ, съ дѣйствительною нуждой?—думалъ я тогда, слушая его жалобы на судьбу. Что она сдѣлала ему эта судьба и за что ему проклинать ее?

„По рукоятъ ножа возненавидѣло меня счастье (писалъ онъ изъ Харькова въ 1840 году). Со дня послѣдняго нашего свиданія въ Сосницѣ, начинается рядъ неудачъ, идущихъ въ возрастающей прогрессіи и почти сокрушившихъ и душу мою, и тѣло. Ненавистный клинъ судьбы далѣе и далѣе раскалываетъ мое сердце. Каждый злобный ударъ вырываетъ изъ моей груди призывъ чувствительной души, души, которая бы усладила мои горькія обстоятельства. Но гдѣ я ее найду? Пуще божьяго гнѣва опротивѣлъ мнѣ весь Харьковъ. Одинъ только Миша Горяиновъ отъ чистаго сердца жметъ мою руку. На зарѣ юности слились наши сердца призывомъ дружества и развѣ вѣчность расплететь ихъ. Но и здѣсь проклятыя обстоятельства рвутъ листки изъ бальзамической вѣтви, такъ тѣсно соединившей насъ. Ахъ, я помню, мой милый, какъ мы съ тобой когда то мечтали. Какъ оживотворялъ ты меня, когда я падалъ духомъ, когда *бысъ*, этотъ проклятый *аспидъ* (дочь почтмейстера), высосавшій благороднѣйшія капли моего существа, влагалъ въ мое сердце отчаяніе... Неужели ты забылъ?“

Что жъ тамъ случилось? Вправѣ спросить каждый, прочитавъ эти раздирательныя жалобы на судьбу. Ровно ничего—все обстояло благополучно. Родители аккуратнѣйшимъ манеромъ высылали деньги, чтобы Пашенька ни въ чемъ не терпѣлъ ни малѣйшей нужды, онъ всегда былъ прилично одѣтъ, согрѣтъ и накормленъ, не то что мы, горемычные, ходившіе подчасъ въ университетъ на собственной подошвѣ и обѣдавшіе сухой булкой, вмѣсто борщу и жаркого.

„Съ самыхъ. братъ, пеленокъ мнѣ не лучше, продолжаетъ Пашенька, вотъ теперь я думалъ: сокроюсь подъ щитомъ Минервы, украду изъ подъ ея волшебной ножки транспонтиръ и вымѣрю уголь счастья“ и проч. и проч. все въ томъ же родѣ à la Марлинскій.

Или вотъ еще обращикъ слога, какимъ старались писать въ наше время юноши, воспитанные на повѣстяхъ того же автора: „Благодарю тебя, что твое сердце принимало участіе въ моихъ обстоятельствахъ. Скажу тебѣ, что это былъ девятый валъ неудачъ, но онъ миновалъ, превративъ мою душу въ самородный алмазь, гдѣ подъ тусклою оболочкой скрывается море сіяній. Я дитя не плаксивое, какъ прежде, но дитя—мужъ. Моя юность—одряхлѣвшая опытность—не привѣтствуетъ легкому воздуху ароматическаго края (19) и проч.

Алешка Пролазъ, бездарнѣйшій юноша, но чрезвычайный практикъ въ житейскихъ дѣлахъ. Никогда ничего не зналъ онъ основательно, но всегда умѣлъ вывернуться и отбрехаться. Урокъ онъ отвѣчалъ всегда такъ, что трудно было рѣшить, знаетъ ли онъ что нибудь или положительно ничего не знаетъ? Случись это съ другимъ, менѣе Алешки увертливымъ ученикомъ, безъ всякаго сомнѣнія, ему поставили бы единицу, но ему всегда сходило съ рукъ благополучно. Всѣ преподаватели знали, что Алешка пороку не выдумаетъ, ну и помирились съ мыслию, что онъ долженъ получить переводъ въ высшій классъ. „Все же не молчать, думали наши педагоги, для успокоенія своей совѣсти, и съ помощью все таки кое что отвѣчаетъ, къ тому же онъ такой услужливый, вѣжливый—отчего жъ ему не сдѣлать снисхожденія?“ Съ товарищами Алешка былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, ему ни въ чемъ не было отказа: ни въ запискахъ, ни въ переводахъ. Посредственный тепоръ гимназическаго хора, онъ очень много помогаль регенту Осипу Акимовичу въ собираніи на спѣвки дискантовъ и альтовъ, за что пользовался у него, страстнаго любителя пѣнія, особеннымъ благоволеніемъ, сдѣлавшись домашнимъ человекомъ. Онъ успѣлъ броситься въ глаза и новому директору, на котораго мы всѣ до окончанія гимназіи смотрѣли изподлобья. У товарищей Алешка заслужилъ расположеніе, частію обязательною угодливіостію, частію незавидною ролью класснаго шута, забавлявшаго насъ своими дурачествами. Такъ онъ, между прочимъ, переложилъ въ стихи оду Горация „ad Postumum“:

Постумъ, Постумъ увы!

Проходятъ быстро годы.... и проч.

А французу Denis прочелъ однажды, яко бы по книгѣ, такую дребедень: „Жанъ теля пасѣ, Марина льонъ тре, Илья грушъ жр!“ А то выдумаетъ очень ужъ вольный переводъ, не зная ни одного слова и валняетъ безъ запинки, не краснѣя, во всю ивановскую, пользуясь незнаемъ учителемъ русскаго языка, къ общей потѣхѣ всего класса.

Люди, подобные Алешкѣ Пролазу, никогда не пропадають на жизненномъ пути, несмотря на все ихъ умственное убожество, даже, напротивъ, они, скорѣе даровитыхъ, достигаютъ извѣстной степени благосостоянія. Поступивъ въ харьковскій университетъ на юриди-

чеській факультетъ, Пролазь нашъ съ перваго же года повель себя такъ, что его скоро отличили всѣ профессора: онъ первымъ встрѣчалъ ихъ на корридорѣ съ нижайшей просьбой одолжить ему записки или какую нибудь книгу. Мало того, онъ проникнулъ въ профессорскіе дома, втерся въ ихъ семейства и сдѣлался у нѣкоторыхъ изъ нихъ почти домашнимъ чловѣкомъ.

Но никто изъ ученыхъ мужей не жаловаль такъ Алексѣя Трофимовича, какъ профессоръ богословія: послѣ обѣдни ему высыдалась просфора, какъ какому нибудь генералу. И было за что воздавать ему такіа почести: во первыхъ, онъ не пропускалъ ни одного богослуженія, стоялъ всегда на лѣвомъ клиросѣ, пѣлъ съ дьячкомъ, читалъ часы, ходилъ иногда вмѣсто старосты съ кошелькомъ. Возмущенные его продѣлками товарищи рѣшились, наконецъ, дать ему урокъ. Дождавшись Лазаревой субботы, нарядились въ полную форму и отправились въ квартиру Пролаза поздравить съ днемъ ангела. Но и послѣ такого протеста со стороны студентовъ, гг. профессора не измѣнили своихъ отношеній къ Лазарю: ему дали кандидатскій дипломъ, да чуть ли еще не первымъ выпустили: „Иди молъ, любезный, въ свѣтъ, продолжай подвизаться по части лести и низкопоклонства!“

Съ окончаніемъ университета, подвиги Алешки не только не кончились, но едва начинались. Обрисовался онъ вполне на должности чиновника особыхъ порученій при черниговскомъ губернаторѣ Гессе. Извѣстно, чего стояли раскольникамъ преслѣдованія ихъ, въ николаевское время, за древнее благочестіе. Въ православіе ихъ не обратили, а дали только возможность цѣлымъ сотнямъ чиновниковъ нажить капиталы. Всѣ побывавшіе въ Стародубѣ въ должности полиціймейстера или окружного или просто наскокомъ производившіе слѣдствіе объ укрывательствѣ какого нибудь бѣглаго пона, обезпечили себя и свое потомство на многіе годы. Алешка нашъ до того сталъ знаменитъ своими беспощадными поборами, что изъ самого Питера пришло наконецъ предписаніе на имя губернатора, не посылать его ни на какое слѣдствіе въ раскольничьи слободы. Когда я видѣлся съ Алешкой въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ, уже послѣ его отставки, то онъ, подобно Чичикову, сталъ рисоваться передо мною гонимымъ за правду, хотя мнѣ досконально было извѣстно,

что у него около сотни тысячъ капитала, да нѣсколько сундуковъ какого бы вы думали добра? — Старинныхъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, награбленныхъ имъ при обыскахъ домовъ и часовень. Кончились ли съ отставкой славные подвиги Пролаза, или быть можетъ онъ, подобно щедринскому Порфирію Петровичу, въ настоящую минуту гдѣ нибудь въ благословенномъ уголку Малороссіи, окруженный многочисленнымъ семействомъ, наслаждается великолѣпнымъ закатомъ солнца и слыветъ примѣрнымъ семьяниномъ и почтѣннымъ человѣкомъ. „Тамъ на лонѣ природы сладко отдохнуть ему отъ тревоженій житейскихъ, сладко вести бесѣду съ своею чистою совѣстью, сладко сознать, что онъ человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій“ (Губернскіе очерки Щедрина).

На перепутьи.

Распростившись съ гимназіей, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, я чувствовалъ себя несказанно счастливымъ. Но такое свѣтлое настроеніе духа продолжалось недолго. Оно омрачилось внезапно налетѣвшей тучей. Что жъ будетъ дальше? задавалъ я себѣ вопросъ. Мать моя, не спрашивая о причинѣ моей грусти, чуткимъ материнскимъ сердцемъ поняла, что творилось въ душѣ моей и стала горько плакать. Гнеущая душу пужда охладила всѣ мои благородные порывы, всѣ стремленія къ свѣту. Что мнѣ дѣлать съ моимъ отличнымъ аттестатомъ, коли у меня нѣтъ никакихъ средствъ добраться даже до Кіева, не только прожить тамъ четыре года? Ни откуда и ни отъ кого я не ждалъ помощи въ своемъ безвыходномъ положеніи. Былъ у насъ недавно богатый родственникъ, къ которому покойный отецъ заставилъ меня когда то подъ свою диктовку нацарапать слезное посланіе, едва только я научился писать съ прописи. И выслалъ онъ тогда, якобы на мое ученіе 75 рубл. асс. Но этотъ, никогда мною не виданный благодѣтель, одинокій старый холостякъ, къ сожалѣнію, впалъ на старости лѣтъ въ мистицизмъ, отправился въ Іерусалимъ и тамъ, у гроба Господня, отдалъ душу Богу, а монахамъ все свое достояніе. А какъ бы пригодился теперь этотъ благодѣтель!

Была у меня богатая тетка купчиха, родная сестра моего отца. но она до того была скупа, что не хотѣла призрѣть родной матери, слѣпой 80-лѣтней старухи, которая до самой смерти жила у моей матери. Даже похоронить не пожелаала на свой счетъ эта каменная женщина. Все, что было у насъ въ домѣ поцѣпѣ, находилось у ней подъ залогомъ. Когда старшая сестра выходила замужъ и ей нужно было дать кое что изъ заложенныхъ вещей въ приданое, то ни просьбы, ни слезы моей матери не тронули черствую душу этой Мегеры. Присчитавъ на занятія деньги жидовскіе проценты. Кузкына мать объявила, что не возвратитъ изъ вещей ничего, пока ей не отдадутъ полностью всей суммы.

Къ Роману Титовичу, хотя и богатому, но дальнему родственнику, я не осмѣлился обратиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ искренно желать мнѣ добра, преподавъ своевременно благой совѣтъ, за что я ему вѣчно останусь благодаренъ; но мой случайный доброжелатель далъ этотъ совѣтъ съ большою готовностью и даже сочувствіемъ именно потому, что онъ ему ничего не стоилъ. Всякій, „съ нашимъ удовольствіемъ“. готовъ давать совѣты своему ближнему, лишь бы только тотъ не просилъ у него вещественной помощи: ибо, коль скоро рѣчь коснется до денегъ, каждый крѣпко держится за свой карманъ. и мнѣ, какъ „Крестянину въ бѣдѣ“,

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ
И отъ родныхъ и отъ друзей любезныхъ,
А чуть о помощи пмѣ заикнешься —
То лучший другъ
И нѣвъ и глухъ.

По поводу моего тогдашняго затруднительнаго положенія припомнилось мнѣ одно шутовское, но далеко не глупое, изрѣченіе нашего мѣстнаго пролетарія—Шеремеревича. Исключенный изъ харьковскаго университета студентъ за разные дебоши, этотъ несчастный скиталецъ избралъ постояннымъ мѣстожительствомъ Новгородъ-Сѣверскъ. Жилъ онъ на сѣвѣжой, вмѣстѣ съ десятками, питался съ арестантами, зимой и лѣтомъ ходилъ въ одномъ и томъ же нанковомъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, строчилъ просьбы и ябеды безграмотнымъ мѣщанамъ и жидкамъ, получалъ за труды по гривеннику и тотчасъ же пропивалъ свой заработокъ кунно съ десятками.

Въ городѣ его хорошо знали, любили и жалѣли по своему. Но Шеремеревичъ никогда не довольствовался такими неведомственными знаками расположенности къ нему горожанъ и постоянно повторялъ свое любимое изреченіе: „Что касается любви и сердца, то все „мое почтеніе г. Шеремеревичъ!“ Что же касается до *mir gekauft* (т. е. купить мнѣ вѣдѣи) то все они распротакіе сыны!“

Въ моемъ критическомъ положеніи нашелся еще одинъ совѣтникъ — нашъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ. Какъ товарищъ моего отца по ученію, онъ счелъ своимъ долгомъ оказать мнѣ свое покровительство и наставить на путь, въ онъ же пойду. Призвавъ меня къ себѣ, онъ спросилъ: что я намѣренъ съ собой дѣлать? Я, конечно, отвѣтилъ ему, что желаю поступить въ университетъ.

— Да какъ же ты поступишь, не имѣя ровно никакихъ средствъ? Пронадешь, какъ муха. Лучше послушайся моего совѣта: иди въ учителя уѣзднаго училища на готовую вакансію въ Остерь — будемъ получать жалованье и матери помогать. Правда, такъ будетъ хорошо.

Поблагодаривъ непрощеннаго благодѣтеля за его премудрый совѣтъ, я сказалъ, что подумаю, хотя, уходя отъ него, далъ себѣ слово не видѣться съ нимъ болѣе, чтобы не соблазниться его заманчивымъ предложеніемъ.

Товарищи мои, черезъ нѣсколько дней послѣ акта разъѣхались по домамъ, условившись заранѣе, кто съ кѣмъ куда отправится. Хотя до того многіе изъ насъ бредили Москвою, благодаря пышнымъ рекламамъ стараго пріятеля Сени Глотова, но пораздумавши, большая часть порѣшила ѣхать въ Харьковъ, гдѣ экзаменовали полегче, чѣмъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Въ городѣ остался я одинъ.

Такъ иногда передъ зарею,
Туманной утренней порою,
Когда поднимется съ полей
Стаица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется —
Прозенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ. (*Пушк.*)

Въ то время, какъ я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ добраться до Кіева, не истощивъ своихъ капиталовъ, полученныхъ мною, въ количествѣ 50 рублей асс. за послѣднее полугодіе отъ Ивана Михай-

ловича: плыць ли мнѣ по Деснѣ рѣкѣ на плотахъ, или, по образу пѣвшаго хожденія, отправиться вмѣстѣ съ богомольцами съ котомкой на плечахъ,—мною получено письмо, разрѣшившее этотъ головоломный вопросъ. Изъ остерскаго уѣзда мнѣ писаль лѣспичій:

„Послѣднее ваше письмо, любезнѣйшій М. К.—чѣ, въ коемъ вы выражаете восторгъ о будущей вашей въ Кіевѣ жизни. я получилъ и душевно радуюсь, что изъ числа нашей родни хотя одинъ вы питаетесь надеждой выйти на поприще славы. Дай Богъ, чтобы сіи поселившіяся у васъ мысли не ослабѣвали, и чтобы умъ вашъ изощрялся до высшей степени генія ученаго человѣка“...

Лѣспичій, какъ видите, воспарилъ, но меня интересовало не пареніе его, а то, что слѣдовало въ письмѣ дальше:

„Не одинъ разъ мы семейно разсуждали, какимъ бы образомъ доставить вамъ случай безъ хлопотъ доѣхать къ намъ, а отсель достигнуть желаемой вами цѣли и мой Терентій съ жадностію ожидаетъ, когда ему скажутъ: „а запрягай, да поѣзжай въ Новгородъ“! Готовьтесь же къ отъѣзду, я скоро пришлю лошадей за сыномъ Иваномъ, то вы, вмѣстѣ съ нимъ, и пріѣдете въ Сваромье“.

Ну, слава тебѣ Господи! Одно препятствіе устранено. Веселый и радостный день, слѣдовавшій за полученіемъ письма, я провелъ на лугу, исходивъ его, на прощанье, вдоль и поперекъ. Богъ знаетъ, насколько времени придется покинуть завѣтныя мѣста, привлекаятънѣ которыхъ я не могъ ничего вообразить, не видѣвъ до того времени ничего лучшаго.

Не забылъ я, на прощанье, посидѣть и на „горбочку“, за троицкимъ садомъ, откуда представляется восхитительный видъ на далекое пространство и откуда можно обнять однимъ взглядомъ, à vol d'oiseaux задесенское приволье со всею его прелестью.

Въ то время, когда я, пріютившись на самомъ краю „горки“, унывался красотою мѣстоположенія, невдалекѣ отъ меня, въ березнякѣ слышалось неистовое зубрѣніе бурсаковъ изъ монастырскаго училища, у которыхъ тогда еще не начинались капикулы. Одинъ мальчуганъ, закинувъ голову назадъ, зажмуривъ глаза, провзительнымъ фальцетомъ твердилъ урокъ изъ географіи: „горы, горы, горы, горы! горы идущія, горы, идущія на сѣверъ“. Другой, изъ великовозрастныхъ, топчась почти на одномъ мѣстѣ и ероша щетинистые во-

лосы, зубрилъ урокъ изъ исторіи, бубня подъ носъ себѣ: „И покорывъ народы малой Азіи, и покорывъ народы малой Азіи, народы малой Азіи!“... Бѣдныя! какъ мнѣ стало жаль ихъ!

Но вотъ пріѣхалъ и Терентій на тройкѣ вороныхъ. Въ день нашего отъѣзда, на проводы собрались всѣ наши родные; пришла и тетенька, „позычивши очей у сѣрка“. Проводивъ меня за городъ до кладбища, стали прощаться, а Кузькина мать возьми да и сунь мнѣ въ руки что то завернутое въ бумажку: „Это, говоритъ, тебѣ, Михайло, на дорогу!“ Въ сверткѣ оказалось 10 гривенниковъ.

„Ишь ты, подумалъ я, разцедрилась!“ Первымъ моимъ движеніемъ была мысль бросить ей въ лицо эту подачку, но умоляющій взглядъ, брошенный на меня матушкой, которой приходилось съ ней оставаться, безъ всякой защиты, остановилъ мой порывъ.

При разставаньи съ родными, я не видѣлъ ни истерикъ, ни обмороковъ, сопровождающихъ обыкновенно эффектную разлуку членовъ великосвѣтской семьи. Моя мать шла рядомъ со мной безъ слезъ и воздыханій. Только смертная блѣдность лица и глубоко впалые глаза свидѣтельствовали о томъ, сколько ночей провела она безъ сна, снаряжая въ дорогу сына—единственную свою надежду и опору въ старости. Какую нравственную пытку она должна была вынести, не будучи въ состояніи помочь мнѣ въ такую критическую минуту...

Стали прощаться. Судорожно охвативъ мою голову обѣими руками, мать крѣико, крѣико прижала ее къ груди и перекрестивъ меня, пошатнулась, но мужественно устояла на ногахъ.

— Нехай тебѣ Богъ поможе, а я!...

Были послѣднія слова, долетѣвшіе до моего слуха, когда уже кучеръ тронулъ лошадей. Оглянулся еще разъ... но подымавшаяся за телѣгой пыль закрыла отъ меня дорогія лица.

Число учениковъ новгородъ-сѣверской гимназіи за 55 лѣтъ по сословіямъ.

Годы.	Общее число.	Дво-ранъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дво-ранъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дво-ранъ.	Разночинц.	Подат. сослов.
1808	83	66	2	15	1811	84	69	4	11	1814	91	81	2	8
1809	76	60	2	14	1812	96	80	2	14	1815	106	93	3	10
1810	79	66	3	10	1813	92	83	1	8	1816	103	91	3	9

Годы.	Общее число.	Дво- рянъ.	Разно- чниц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дво- рянъ.	Разно- чниц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дво- рянъ.	Разно- чниц.	Подат. сослов.
1817	117	109	1	7	1833	148	133	4	12	1849	240	206	5	29
1818	122	106	4	12	1834	164	148	3	13	1850	244	207	4	33
1819	118	102	3	13	1835	173	160	2	11	1851	245	207	4	34
1820	121	109	2	10	1836	198	183	3	12	1852	247	210	6	31
1821	116	103	1	12	1837	214	197	4	13	1853	243	206	6	31
1822	124	110	3	11	1838	231	210	5	16	1854	240	204	5	31
1823	129	114	5	10	1839	278	252	4	22	1855	233	183	5	35
1824	136	123	3	10	1840	303	270	7	26	1856	227	188	7	32
1825	133	120	3	10	1841	306	272	6	28	1857	251	207	10	34
1826	140	125	4	11	1842	318	284	5	29	1858	243	200	9	34
1827	138	122	3	13	1843	309	285	4	20	1859	259	215	12	32
1828	139	126	2	11	1844	308	280	4	24	1860	288	232	12	44
1829	143	130	3	10	1845	291	270	4	27	1861	294	238	10	48
1830	144	129	4	10	1846	282	249	6	27	1862	299	236	12	51
1831	142	130	3	9	1847	277	240	7	30					
1832	136	127	1	8	1848	251	220	7	24					

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка изъ прошлаго г. Переяслава.¹⁾

I.

Дѣло было въ 1748 году. Въ жаркій, но вѣтряный іюльскій день 18 числа въ понедѣльникъ, т. е. день торговый, бурмистръ магистрата переяславскаго Иванъ Оковытый утромъ вернулся съ торгу домой и принялся за обычную свою работу—выдѣлку бараньихъ шкуръ. Жилъ онъ въ „Подвальной“, въ нижнемъ городѣ, и дворъ его стоялъ рядомъ съ домомъ магистратскаго писаря Симона Ловецкаго по улицѣ, которая вела къ рѣчкѣ.

Невѣстка Оковытого сварила при немъ обѣдь „малымъ огнемъ трѣсками“ и, когда пообѣдали, хозяинъ съ сыномъ продолжалъ работу на дворѣ „въ присѣнку на задворку“, а служанка сидѣла въ дворѣ на порогѣ и шила. Вдругъ эта служанка закричала: „горымо“; она увидѣла выхватившееся изъ небольшого хлѣва, стоявшаго въ углу двора смежно съ усадьбой Ловецкаго и выходившаго на улицу, пламя. Пламя это тогда же замѣтили и двѣ дѣвушки, шедшія къ рѣчкѣ купаться, и подняли крикъ.

Огонь быстро охватилъ деревянные, соломою крытыя, постройки и по направленію вѣтра распространился на самый

¹⁾ Въ безпорядочно сложенной и никакой описи неимѣвшей кучѣ старинныхъ дѣлъ, которую нашель я въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія и которая дала мнѣ матеріалъ для поданныхъ мною, въ бытность мою редакторомъ неофициальной части Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей, десяти выпусковъ историческихъ матеріаловъ, относящихся въ исторію г. Кіева и кіевскоѣ губ., нашель я и нѣсколько „дѣлъ“ переяславскоѣ полковоѣ канцеляріи, не лишенныхъ историческаго интереса.

центр города. Огражденная валомъ крѣпость была въ большой опасности: на самомъ валу, куда комендантъ согналъ весь гарнизонъ, невозможно было стоять, такъ какъ на немъ горѣла трава. Всѣ усилія были обращены на этотъ валъ, за которымъ находился пороховой погребъ. Крѣпость отстояли, но въ самой серединѣ города пожаръ произвелъ страшныя опустошенія. Всего сгорѣло 255 строений, много людей получило обжоги, а одна женщина совсѣмъ сгорѣла. Къ вечеру уже пожаръ прекратился, безпрепятственно пожравши широкою полосою все, что попадалось ему на пути. Выбравшись по этому пути за городъ, онъ въ концѣ концовъ уничтожилъ до тла „лазаретное строеніе“, которое было недавно куплено казной для постройки изъ него новыхъ кабаковъ.

На другой день переяславскій комендантъ кievск. гарнизона подполковникъ Христофоръ Лангъ репортовалъ о постигшемъ городъ несчастіи въ кievскую генераль-губернаторскую канцелярію и приложилъ вѣдомость сгорѣвшимъ строеніямъ.

Потерпѣлъ много отъ пожара находившійся въ центрѣ города Михайловскій монастырь. Сгорѣла верхняя часть каедральной епископской церкви, „брама“ съ колокольнею, другая особо стояв-

---

реса. Не имѣя возможности въ настоящее время издать изложеніе этихъ дѣлъ и списанные изъ нихъ документы цѣликомъ, я воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ для составленія предлагаемой „странички“. Вотъ заглавія этихъ дѣлъ:

1) 1748 г. „По репорту изъ Переяслава отъ подполковника Ланга да изъ Кременчуга отъ подп. Рословлева о случившихся тамо пожарахъ“.

2) 1749 г. „Дѣло по промеморіи дух. переяславской консисторіи о намараннихъ дегтемъ крестахъ во дворѣ сотника Добронизсаго.“

3) 1749 г. „По доношенію полк. переясл. канц. зъ сообщеніемъ челобиття учениковъ школы риторика Тимофея Щербачега съ товарищи о учивенномъ префектомъ іеромонахомъ Владиміромъ Зеленскимъ съ учениковъ своихъ Левицкому, Саховичу и Рошкевичу подобно содому насильствію“ и о пр.

4) 1752 г. „Дѣло о бои майстрата переяславскаго урядника Федора Гребеннича зъ приказу полковника переясловскаго Сулами за взятіе нивъ урядникомъ у великозамостянскихъ обывателей колесъ подъ сляту его ясневельможности“ и т. д.

5) 1752 г. „Дѣло о бытіи за майстратомъ переяславскимъ великозамостянскимъ людемъ“.

6) 1756 г. „По доношенію войта магистрата переяславскаго Стефана Драгоманова о неотводѣ безъ вѣдома майстрату въ подчиненныхъ майстратскихъ въ постой квартирѣ“.

щая колокольня, „трапеза съ полатою, вверху состроенною, и со всею монастырскою въ ней поклажею“, сгорѣлъ до тла архіерейской дворъ и монастырскія келіи, а также каедральный дворъ, за оградою монастырскою находившійся, и „школы училищныя“. Изъ приходскихъ сгорѣла совсѣмъ церкви св. Николая чудотворца съ находившеюся при ней школою, а у церкви св. Троицы сгорѣла колокольня.

Погибли въ этотъ пожаръ и полковая переяславская канцелярія со всѣми дѣлами, съ артиллерійскими припасами (кромѣ пороха), счетная коммиссія и канцелярія судовая съ дѣлами, и магистратъ переяславскій, и „государевъ керасирской дворъ, гдѣ ставаль генералитеть“, а также весь красный рядъ, шинковыя и мясныя лавки, и множество лучшихъ домовъ въ городѣ, принадлежавшихъ разнымъ должностнымъ лицамъ, какъ то: дворъ войта переяславскаго Кирилла Савонова, дворы генераль-маіора Вишневецкаго, судьи полковаго Лѣсеневича, старшаго полковаго канцеляриста Антиповича, сотника Саввы Гриневича, войск. тов. Семена Копціевича, знач. тов. Ивана Калчевскаго и мн. др.

Подозрѣвая въ этомъ случаѣ поджогу, кіевская генераль-губернаторская канцелярія предписала подполковнику Лангу „надлежаще изслѣдовать“. Но и мѣстныя власти, раздѣляя такое же подозрѣніе, подъ вліяніемъ паники учиняли и сами строжайшія изслѣдованія, а подп. Лангъ, предосторожности ради, приказалъ своимъ солдатамъ „всякихъ чыновъ людей, идущихъ въ крѣпость, осматривать, между таковыми не сыщутся ль зажигальщики“.

Нѣкоторое основаніе для такихъ подозрѣній имѣлъ слѣдующій случай. На четвертый день послѣ описаннаго пожара два солдата, идучи изъ крѣпости за городъ, за Михайловскія ворота, кушаться, проходя мимо одного двора, услышали запахъ гари и, осмотрѣвшись, увидѣли „воткнутую въ плетень тряпочку съ трутомъ съ огнемъ“. Потушивши огонь, они немедленно вернулись и донесли о томъ своему командиру, представивъ ему и найденную тряпочку.

Подп. Лангъ, прибывъ къ указанному двору, „усмотрѣлъ, что тотъ плетень заподлинно былъ зажженъ по вѣтружъ, какъ

и въ нижнемъ городѣ Переяславлѣ зажжено, а въ той улицѣ дворы весьма густы и неподалече оныхъ провіантскіе амбары, а по другой сторонѣ въ самой близости Михайловскій монастырь, и ежели бѣ не усмотрѣли и не утушили, то бѣ отъ огня спастись было никакъ не возможно“.

Донося о принятыхъ имъ предосторожностяхъ и о „недреманномъ смотрѣніи“ со стороны его команды, подп. Лангъ жаловался на крайне недостаточное число солдатъ этой команды, изъ которыхъ „въ тому жѣ умножилось больныхъ“, и просилъ прислать ему „хоть сколько возможно“ еще солдатъ.

При репортѣ своемъ Лангъ препроводилъ въ Кіевъ и найденную солдатами „тряпочку“. Тревога въ городѣ еще больше усилилась, когда черезъ два дня послѣ находки этой тряпочки, 24 іюля, дѣйствительно приключился пожаръ, при которомъ сгорѣло шесть дворовъ. Такъ какъ одновременно съ донесеніями изъ Переяслава въ Кіевъ получено было такое же донесеніе изъ Кременчуга о происшедшемъ тамъ большомъ пожарѣ, то подозрѣніе въ систематическомъ поджогѣ, устроенномъ какими то злоумышленниками, становилось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. При томъ же, еще раньше переяславскаго пожара, а именно 25-го мая доставленъ былъ въ Кіевъ пойманный въ г. Козелецѣ „польской націи челоувѣкъ“ безпаспортный Иванъ Чухно, который сначала въ козелецкомъ, а затѣмъ и въ кіевск. полк. судѣ показаль, будто онъ съ пятью товарищами „отправлены съ польской націи зъ Фастова от шляхтича Тыши да отъ мотовиловскаго старосты Олѣшевскаго в Малую Россію для зажигательства городовъ, мѣстечокъ, сель и деревень“. Возникло дѣло, никакихъ зажигальщиковъ въ концѣ концовъ необнаружившее, тѣмъ не менѣе причинившее не мало безпокойствъ всѣмъ властямъ. Уже въ кіев. ген.-губ. канцеляріи Чухно показаль: что „то все онъ въ полк. судѣ въ допросѣ своемъ какъ на себя, такъ и на товарищѣ то зажигательство и воровство показаль напрасно, не стерпя во ономъ полк. судѣ побой“, а что на самомъ то дѣлѣ никто его на зажигательства не посылаль и никакихъ онъ товарищѣ не знаеть.

Отправивъ Чухна въ Глуховъ, кіевск. ген.-губ. канцелярія донесла обо всѣхъ этихъ случаяхъ въ Петербургъ, откуда и

былъ командированъ пр. Сенатомъ лейбъ-гвардіи подпоручикъ Аристархъ Похвисневъ для разслѣдованія, который и отправился прежде всего въ Переяславъ. Здѣсь онъ очень долго замѣпкался, производя слѣдствіе о пожарѣ и долго не давалъ знать о добываемыхъ имъ свѣдѣніяхъ. Прошло полгода, когда пр. Сенатъ вторично предписалъ о томъ же пожарѣ произвести слѣдствіе, которое и было поручено генераль-губернаторомъ новому переяславскому коменданту кіевск. гарн. подполковнику Бауману. Но въ Переяславѣ и въ февралѣ слѣдующаго 1749 г. продолжалъ слѣдовать тотъ же Похвисневъ, который, когда предъявлено было ему Бауманомъ распоряженіе кіевск. ген.-губернатора, заявилъ, что одно слѣдствіе онъ уже окончилъ и отправилъ прямо въ пр. Сенатъ, а нынѣ де онъ производитъ другое и такъ какъ „оное дѣло секретное“, то и требуемыхъ генераль-губернаторомъ копій съ него онъ Бауману не далъ.

Между тѣмъ обыватели города, потерпѣвшіе отъ пожара, стали возобновлять свои постройки на старыхъ мѣстахъ. Но „инженерная команда“ въ лицѣ кондуктора Ивана Борисова энергически принялась было за распланировку города и требовала, чтобы не только никто не смѣлъ возводить построекъ „на погорѣвшемъ мѣстѣ вновь вмѣсто старое строенія безъ отводу и показанія инженерной команды“, но чтобы и „прежнія строенія непорядочно учиненныя сломали бѣ“. Однако полковая канцелярія, не сочувствуя этой ревности „инженерной команды“, не исполняла ея требовній, заявивъ, что „ежели таково строеніе обывателямъ запретить, то не что иное произойти можетъ, какъ обывательская обида и крайнее разореніе“.

Городъ давно уже успѣлъ обстроиться, нѣкоторыя изъ возведенныхъ послѣ пожара 1748 г. на старыхъ мѣстахъ постройки успѣли вторично сгорѣть и возобновиться, а переписки „о нестроеніи вновь на старыхъ мѣстахъ“ все продолжалась. Изъ этой переписки видно, между прочимъ, что послѣ описаннаго большаго пожара городъ значительно расширился, появилось много построекъ за прежнюю городскую чертой. Общественныя же зданія, сгорѣвшія во время пожара, долго не возобновлялись. Такъ напр. магистратъ и десять лѣтъ спустя помѣщался въ

наемной избѣ. Не скоро нашли постоянный пріютъ и для семинаріи, для временнаго помѣщенія которой епископъ Никодимъ послѣ пожара занялъ „описныя деревянныя строенія Семена Мировича, конми владѣла умершая генеральша Кантакузина, состоящія въ смежности съ катедральнымъ монастыремъ“. Строенія эти, по просьбѣ преосвященнаго, были предоставлены пр. Сенатомъ во временное пользованіе „перяславской катедрѣ, доколѣ та катедра къ строенію вновь соберется“.

Пожаръ 1748 года, уничтоживъ многія „дѣла“ магистрата и полковой канцеляріи, часто упоминается въ позднѣйшихъ документахъ, какъ виновникъ прекращенія или же неправильнаго хода тяжбъ, разнаго рода споровъ между обывателями; на этотъ же пожаръ ссылаются полковыя и магистратскія власти, говоря о разнаго рода недочетахъ въ общественномъ имуществѣ. Что не обошлось безъ расхищенія этого послѣдняго, можно видѣть хотя бы напр. изъ попавшагося мнѣ въ одномъ дѣлѣ „доношенія“ отъ 5-го февраля 1750 г. полковаго обознаго Семена Безбородка, который писалъ, между прочимъ, въ войск. генер. канцелярію, что „оставалось отъ бывшаго въ г. Переяславѣ пожара артилерійское желѣзо штабы съ подъ караулу съ куреня войскового своровано; а нынѣ подлинно я увѣдомился, что оное желѣзо штаба своровалъ писарь полковой Яковъ Каневскій“.

II.

Въ томъ же 1748 г., одновременно съ распространившимися слухами о поджигателяхъ, намѣревающихся сжигать украинскіе города, распространились и тревожные слухи о моровой язвѣ, которая яко бы была причиной усилившейся съ предшествовавшаго 1747 г. смертности. Сотникъ переяславскій Иванъ Добронизскій, бесѣдуя какъ то съ своимъ управителемъ объ этихъ слухахъ, придумывалъ предохранительныя мѣры противъ возможной во время эпидеміи заразы. Управитель присовѣтовалъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, когда была моровая язва въ Переяславѣ, нарисовать дегтемъ на всемъ деревянномъ строеніи частые кресты. Сотникъ, человекъ благочестивый и, какъ видно, любившій чте-

ніе книгъ божественныхъ, но съ мѣстнымъ духовенствомъ жившій не въ ладахъ, послѣдовалъ совѣту своего управителя и приказалъ нарисовать дегтемъ на воротахъ, на заборѣ и на нежилыхъ строеніяхъ кресты. Это то обстоятельство и подало поводъ къ обвиненію его въ поруганіи св. креста и въ чародѣйствѣ. Переяславская духовная консисторія назначила по этому поводу слѣдствіе, которое и поручила произвести священникамъ Воскресенской церкви Θεодору Гречкѣ и Петропавловской Филиппу Гошкевичу при депутатахъ отъ полковой канцеляріи—атаманѣ городомъ Иванѣ Присяницкомъ и козацѣ Яковѣ Константиновѣ. Слѣдователи донесли, что дѣйствительно „отъ самой конюшни полковника переяславскаго Сулимы чрезъ весь заборъ сотника Добронизскаго, тако жъ на воротахъ и на фортцѣ извнѣ кресты дегтемъ часто намаваны“. Но сотникъ ни въ слѣдственную комиссію не явился, ни на письменный запросъ о томъ „въ какой конецъ тѣ кресты были намаваны“, ничего не отвѣчалъ. Духовная консисторія жаловалась на такое ослушаніе въ генеральную войсковую канцелярію, которая и предложила консисторіи составить запросные пункты и сообщить ихъ въ полковую канцелярію, а эта послѣдняя уже и предложить ихъ для отвѣта сотнику Добронизскому. Такъ и было сдѣлано. 18-го сентября полковая канцелярія представила копіи съ допроса сотника въ духовную консисторію и въ ген. войск. канцелярію. Всѣхъ вопросовъ пунктовъ было 7 и содержаніе ихъ видно изъ отвѣтовъ Добронизскаго, которые привожу цѣликомъ, какъ любопытный документъ, характеризующій какъ самого сотника, такъ и взаимныя отношенія между представителями тогдашняго общества. Пререканія между духовною консисторіей и полковой канцеляріей, являющіяся во многихъ попадавшихся мнѣ „дѣлахъ“ прошлаго вѣка, свидѣлствуютъ, конечно, о частыхъ житейскихъ столкновеніяхъ между духовными и свѣтскими властями того времени.

Вотъ отвѣты сотника:

На 1-й вопросъ: „Крестъ святой и его силу отъ самаго крещенія научился звать и почитать и тѣмъ всегда ограждался и ограждается отъ всякихъ злыхъ навѣтовъ видимыхъ и неви-

димыхъ враговъ, и какъ силу крестную почитать и за великую оборону имѣть, добрыми того учителями изученъ и наставленъ въ вѣрѣ православной искусными, *не такими легкомысленными, какъ нынѣ вопросы составили* для его сотника отвѣту“.

На второй вопросъ: „Поруганія же кресту Господню ни подъ какимъ видомъ не дѣлать, и хочай около двора своего на дѣловани пописанніе дегтемъ кресты были, однакъ тѣ кресты не въ поруганіе и не къ какому злomu умышленію и вреду, но ко оборонѣ своей жизни и здоровья, яко въ крестѣ сила великая и потому человѣческому житію состоитъ, ибо всякое дѣло начинается зъ начертаніемъ крестнымъ и вездѣ такъ на жилиахъ, строеніахъ, яко и на наименьшихъ штукахъ, крестъ всякими разными матеріялами, крейдою, уголлямъ и дегтемъ, пишуть; и онъ сотникъ своему господару Ивану Домашичу дегтемъ кресты на дѣловани зъ тихъ причинъ приказаль пописать“.

На 3-й вопросъ: „Въ прошломъ 1747 и 1748 году, когда Божіимъ допущеніемъ началы счастья люде были умирати, то, сидячи онъ, сотникъ, въ дому своемъ ввечеру на крыльцѣ, сталъ зъ сожалѣніемъ господареву своему Ивану Домашичу говорить, что люде часто умирають и болѣзнують, и много зъ нимъ, Домашичемъ о житіи временномъ человѣческомъ разговаривали, и между тѣмъ зговорились о моровой язвѣ; которой Домашичъ сказаль, что когда была моровая язва въ Переясловлѣ, то онъ въ тѣ поры служиль хлопцемъ у войта переясловскаго Савицкого, и въ тѣ поры онъ, войтъ, приказаль около своего двора вездѣ округъ пописать дегтемъ кресты, и во многихъ домахъ въ Переясловлѣ тогда были пописаны. И зъ якихъ рѣчей его, Домашича, яко то слѣдуетъ не къ худому и не ко злomu вреду дѣло, почитая крестное знаменіе и силу его за оборону, не къ какому злу и чародѣвію и не употребляя никакихъ волшебныхъ приговорокъ и не призывая злыхъ духовъ, о чемъ Боже сохрани веѣхъ христіанъ, но ограждая себе отъ онихъ крестною силою, безъ жаднихъ совѣтниковъ велѣль самъ собою и въ себе около двора дегтемъ кресты пописать, которіе помянутый господаръ Домашичъ и пописаль тѣмъ матеріаломъ—дегтемъ, яко тотъ матеріаль дѣлается безъ жадного примусу скверного

и подѣ часть моровой язвы люде для своей пользы употребляютъ оній безъ опасности“.

На 4-й вопросъ: „Гѣ жъ кресты пописаны не къ какому злу худому и не въ поруганіе дегтемъ, но въ защиту человѣческой жизни, какъ выше сего со изъясненіемъ сказано“.

На 5-й вопросъ: „Онъ, сотникъ, въ крестѣ св. отъ рожденія своего во всемъ своемъ житіи жадного зловѣрія не имѣлъ и по смерть свою не желаетъ имѣть, но долженъ, яко христіанинъ сущій, благолѣпно почитать, вѣдая распеншагося Господа на немъ, прославлять и во всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлахъ ограждать себя онымъ“.

На 6-й вопросъ: „Вѣру христіанскую, въ которой онъ добръ изученъ, твердо держать и, законъ святой соблюдая, житіе свое по смерть въ чистотѣ провождать долженъ, а отъ злыхъ и пагубныхъ дѣлъ, *яко то въ маометанскомъ законѣ поводится,* оградить себе силою св. креста, устраняться готовъ и къ такимъ сквернымъ людемъ, *которыя содомскимъ грѣхомъ посквернились,* не приставать и жадныхъ разговоровъ не имѣть, и яко такіе христіанскія вѣры нарушители и закона Господня вредители и противники суть, тѣхъ убѣгать и яко пакостниковъ прогонять и куда подлежитъ доносить для наказанія ихъ“.

На 7-й вопросъ: „И такъ на поставленіе безразсудительніе запросы онъ, сотникъ, въ самую сущую правду, яко христіанинъ и почитатель Закона Божія, безъ нарушенія совѣсти своей христіанской подѣ обовязательствомъ присяги всеправедно показалъ и подписался“.

Сотникъ Добронизскій, неоднократно называя составителей вопросныхъ пунктовъ т. е. членовъ переяславской дух. консисторіи, „легкомысленными“, въ вышеприведенномъ отвѣтѣ своемъ въ пунктѣ 6-мъ намекаетъ несомнѣнно на дѣло, составлявшее въ то время интересъ дня, служившее, такъ сказать, баснею города. Говоря о „пакостникахъ“, „скверныхъ людяхъ, которыя содомскимъ грѣхомъ посквернились“, сотникъ имѣлъ въ виду тогдашняго префекта семинаріи іеромонаха Владиміра Зеленскаго, противъ котораго было возбуждено слѣдствіе по жалобѣ учениковъ, занесенной въ полковую канцелярію. Дѣло это,

представляя любопытную черточку изъ исторіи нашей старинной школы, знакомить насъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ существовавшими въ то время между мѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ начальствомъ отношеніями. Въ данномъ случаѣ проявилось стремленіе свѣтской полковой власти вмѣшаться въ дѣла семинаріи, хотя дѣла эти подлежали независимому вѣдѣнію мѣстнаго архіерея, которому, конечно, такое вмѣшательство было крайне неприятно. Находя, что самый „стиль“ приводимыхъ ниже документовъ представляетъ извѣстный интересъ, живѣе перенося насъ въ ту среду, о которой идетъ рѣчь, я передаю это „дѣло“ собственными, такъ сказать, устами дѣйствовавшихъ лицъ.

III.

1749 г. мая 19 дня, перяславскаго семинаріума ученики школы риторики Тимошей Щербацкій, Феодоръ Гордѣвскій и Иванъ Вернацкій подали въ полковую канцелярію челобитную, въ которой заявили, будто префектъ іеромонахъ Владиміръ Зеленскій одного изъ учениковъ своихъ Левицкаго „подобно содому изнасилъствоваль“ и что ученикъ этотъ обращался къ его преосвященству П. Никодиму Сребницкому, епископу перяславскому и бориспольскому, съ доношеніемъ, но келейникъ, не допустя къ епископу, отправилъ его въ консисторію, гдѣ „не изслѣдовавъ, но только призвавъ, бить нещадно, выгнато прочь“; а потому де они ученики, „не стерпя, что оной префектъ Зеленскій не только показанного Левицкаго, но и протчіихъ учениковъ, Соховича, и Рошкевича, таковымъ же образомъ изнасилъствоваль, принуждены е. п-ву о томъ чрезъ доношеніе донести“, но и ихъ постигла та же участь: члены консисторіи, которымъ передано было ихъ доношеніе, игумень монастыря Михайловскаго Гермавъ, кафедральный намѣстникъ Сильвестръ и писарь Гервасій, „не изслѣдовавъ указнымъ порядкомъ и не требуя отъ нихъ доказательства, минуя все то, закрывая упомянутого префекта злочинность, такъ нещадно били ихъ, что и въ жизни своей сумнительны состоятъ, и хотя де съ нихъ нѣкоторые, Высочайшимъ Е. И. В. именовемъ защищая себя, о неправости про-

тествовались, токмо де по тому ничего успѣть могли, и увѣ-
чивъ ихъ крайне, выгнато прочь зъ семинаріумъ“. Получивъ та-
кую челобитную, полковая канцелярія прежде всего учинила
„обдукцію боевымъ знакамъ“ на означенныхъ студентахъ, а къ
е. пр.-ву препроводила съ ихъ челобитной копію, прося его— „не
соизводить ли е. п. ко учиненію по той челобитной слѣдствія
особливую учредить комиссію и во оную, сколько къ засѣда-
нію духовныхъ персонъ, по разсмотрѣнію е. п., опредѣлится,
столько и отъ полковой здѣшной канцелярії съ полковыхъ стар-
шинъ и сотниковъ опредѣлено быть имѣть“. Три раза посы-
лялся канцелярскій служитель къ епископу, но бумаги этой ни-
какъ вручить не могъ, не заставая епископа дома, наконецъ, въ
четвертый разъ явившемуся съ тою же бумагой отъ полковой
канцелярії городничему келейникъ, отказавшись принять ее, объ-
явилъ, что де ему, келейнику, отъ е. п.-ва приказано „никакихъ
писемъ ни отъ кого не принимать, яко жъ де при монастыру
каедральномъ консисторія, что въ оной дѣль отправлять некому,
запечатана“.

Того жъ мая 23 дня изъ духовной консисторіи получена
была въ полк. канцелярії промеморія, въ которой сообщалось,
что де „сего мая 17, при наказаніи, по суду дух. консисторіи,
предъ консисторійскою избою бывшихъ студентовъ семинаріи
черыславской учениковъ школы риторики за нанесенной ими
на учителя своего ложной порокъ и за прочіе починеніе ими
непристойніе шалости и продерзости, полк. пер. канцелярії про-
токолистъ Иванъ Ѳедоровъ съ прочими канцеляристами, съ
коихъ и иніе и при сабляхъ были, въ многочудствіи въ монастырь
каедральный, знать съ чьегось наущенія, набѣгъ и первіе со-
державшася въ хлѣбнѣ Ѳедора Гордѣвскаго протестъ кричать
наустиль, а потомъ на оной же протоколистъ съ другими кан-
целяристами и согласниками его необычнѣе при приказной кон-
систерской избѣ крики и галасы къ разбою слѣдующему вчали
и гвалтовне, въ противность Е. И. В. указовъ, помянутаго Гор-
дѣвскаго отбивать и къ наказанію не допускать съ укоритель-
ною бранью и непристойными похвалками сильно бросались, отъ
чего консисторія, въ немалой опасности состоя, дабы и впродѣ

таковаго на консисторію нападенія не было, а съ того (чего Боже сохрани) убійства послѣдовать не могло, докладомъ къ е. п.-ру внесено было, и того ради, по состоявшемуся е. п.-ва опредѣленію, велѣно таковой ради гвалтовной причины въ консисторію не ходить и въ ней судовъ никакихъ не производить, такожъ и дѣлъ случающихся не принимать, оную жь консисторскую избу запечатать, что и учинено“.

Получивъ такую промеморію, полк. канцелярія допросила канцеляриста Ивана Ѳедорова, который вполнѣ отрицая приписываемыя ему консисторіей безчинства, показалъ слѣдующее: „онъ де, Иванъ Ѳедоровъ, съ товарищи своими, канцеляристами полковыми, сего 1749 г. мая 17 д. въ кафедральный переяславскій монастырь не набѣгалъ, но какъ де услышалъ, что въ ономъ монастырѣ на публику въ звонокъ звонятъ, въ которой часовъ зъ два звонили, и усмотрѣвъ, что многіе переяславскіе жители въ тотъ монастырь идутъ, то и онъ де, Ѳедоровъ, зъ канцеляристами полковой и судовой канцелярії ходилъ и, какъ студентовъ семинаріи, учениковъ школы риторики, Тимоша Щербацкаго да Ивана Верницкаго, за нѣкоторое якобы ихъ преступленіе наказывано, смотрѣлъ; какъ же де Ѳедора Гордѣвскаго, выведши зъ хлѣбни въ оковахъ желѣзныхъ и руки назадъ связаннаго, учили бить, то оной Гордѣвскій Высочайшимъ Е. И. В. именемъ, что его напрасно мучать и онъ на префекта въ чомъ его доносъ доказать имѣеть, протестовалъ; то услышавши, онъ, Ѳедоровъ, и другіе канцеляристы находячимся въ присутствіи при томъ оныхъ студентовъ наказаніи игумену Герману, намѣстнику Сяльвестру, писарю Гервасію и другимъ сказывали, за присяжную ихъ должность, что его, Гордѣвскаго, яко онъ Высочайшимъ Е. И. В. именемъ себе защищаетъ, бить не должно; почему де первѣе предреченій игуменъ и намѣстникъ оного Гордѣвскаго бить не приказали были, а потомъ какъ бросился къ ему, Ѳедорову, профессоръ школы синтаксими іеродіаконъ Ілія Веприцкій и его въ груди вдарилъ кулакомъ, а потомъ, вырвавши въ конюха плеть, съ оною до него, Ѳедорова, кинулся, а потомъ де оной же Веприцкій и писарь Гервасій на конюховъ крикнулъ до друча и до кіевъ, которіе де конюхи его, Ѳедо-

рова, не по малу тамо въ монастырѣ и увѣчили, отъ якого де бою онъ, Ѳеодоровъ, дней чрезъ пять и въ болѣзни находился, да и другихъ канцеляристовъ и будущою тогда многое число народа зъ монастыря повыгонали и браму зачинили“.

Полковая переяславская канцелярія, препроводивъ копии съ челобитья учениковъ и съ „учиненной обдужки“ на разсмотрѣніе войск. генер. канцелярії, просила резолюціи, „какъ о томъ повелѣно будетъ“.

Такимъ образомъ семинарская школьная „исторія“ вышла, такъ сказать, на улицу и, обострившись, подала поводъ къ столкновенію двухъ „вѣдомствъ“: учебнаго и гражданскаго. Последнее видимо держало сторону потерпѣвшихъ „студентовъ“ и не одобряло дѣйствій тогдашняго учебнаго начальства. Что члены консисторіи не пользовались уваженіемъ среди полковой старшины, это видно и изъ вышеприведенныхъ отвѣтовъ сотника Добронизскаго, очевидно, воплиѣ довѣрливаго доносу на іеромонаха Владиміра.

Генеральная войсковая канцелярія живо заинтересовалась дѣломъ и въ теченіи іюля мѣсяца дважды обратилась къ епископу переяславскому съ просьбою увѣдомить: дѣйствительно ли упомянутые ученики доносили ему на своего префекта и потому доносу назначалъ ли онъ, епископъ, слѣдствіе и что по тому слѣдствію оказалось? за что ученики публично биты и съ его ли, епископа, вѣдома?

Это вмѣшательство генеральной войсковой канцелярії было, очевидно, непріятно епископу Никодиму, который медлилъ отвѣтомъ и только лишь 17-го августа написалъ въ г. в. к. слѣдующее:

„Семинаріи нашей переяславской префектъ іеромонахъ Владиміръ (кой, по состоявшему въ минувшемъ мѣсяцѣ іюнѣ Е. П. В. изъ св. пр. Синода указу, отправленъ въ С.-Петербургъ въ Александровскій монастырь) въ консисторію нашу представлялъ доношеніемъ, что Щербаккій, Гордіевскій и Вернацкій съ товарищи, не ходя въ школу по четыре и пяти недѣль, непрестанные дѣлають шалости и другіе непристойства и, хотя де многоразды наказуемы были, точію ни малыя поправки на себѣ

не оказываютъ; да сверхъ того мая противъ 8-го числа на келію, въ которой онъ, префектъ, жительствоваль, собравшись до нѣскольکو человекъ зъ дружемъ, кирпичами сильно бросали,— и дабы зъ оными поступлено было по законамъ, представилъ; по которому, какъ отъ насъ опредѣлено, учинить имъ самому ему, префекту, въ школѣ наказаніе по разсмотрѣнію всякаго вины, что и учинено; то оные студенты къ вяцшему пришли безстрашію и, измысливъ на показанного префекта въ насильствованіи якобы учениковъ, въ наказаніи ихъ изображенныхъ, лжу, подали намъ доношеніе, по которому, по нашей особливой апробаціи и опредѣленія, въ присутствіи консистористовъ слѣдовано и допущено сихъ доносителей товарищей къ доказательству; точію тѣ ихъ товарищи такъ доказывать по незванію отrekliсь, яко на означенныхъ Щербацкаго, Гордіевскаго и Вернацкаго въ наговорахъ, совѣтованіяхъ и лжеизмышленіи показали; а для достовѣрія реченнаго префекта учениковъ Левицкаго, Саховича и Рапкевича, коихъ воспоминаутые плуты порочили, сказки сняты и къ дѣлу сообщены, а въ оныхъ, что не точію въ томъ падежи не были, но о таковыхъ примѣрахъ ниже они слышали, показали; реченный же Левицкій хотя и подавалъ (о коемъ они въ насильствованіи яко бы префектомъ ложно означили) намъ доношеніе, точію не въ той, какъ тѣ плуты написали, силѣ, но по другому прошенію, о коемъ здѣсь изображать нужды не состоитъ; и яко бы оного Левицкаго отправлено зъ семинаріи прочь, то о томъ оные непостоянники написали ложно; да сверхъ того, предъ подачею доношенія, по единому злобствованію, въ день св. Троицы, во время многонародной процессіи, пашквильные, въ безчестіе помянутаго префекта, бросали картки, и не точію означенному префекту, который еще мірскимъ училъ два года риторику, а въ монашествѣ два жъ года безъ жадного до проэктовъ тѣхъ плутовъ пороченія, намѣревали приключить обезчещеніе, но и здравія лишить покушались; то за тѣ ихъ лживоизмышленные проэқты и дѣйствія, по силѣ духовнаго регламента, приказано отъ насъ учинить при семинаристахъ наказаніе и, выключивъ зъ числа добрыхъ учениковъ, дать эксклюзію, что и учинено.

А каковъ гвалтъ отъ полк. пер. канцеляріи протоколиста съ товарищи во время чиненія воспоминаutumъ студентамъ наказанія послѣдовалъ, о томъ достаточно въ поданномъ отъ насъ челобитьи, въ войсковомъ генеральномъ судѣ имѣющемся, явствуеть. Полковой же переяславской канцеляріи, яко предъ наказаніемъ предреченныхъ плутовъ отъ консисторіи о винахъ ихъ промеморія была сообщена, принимать по тому никакихъ представленій и утруждать войсковую генеральную канцелярію не слѣдовало; въ которую особливо просимъ отъ в. г. канцеляріи, дабы впредъ г. полковникъ переяславскій зъ старшиною въ духовныя дѣла не вступали,—предложить указомъ; а еслибъ вышеписанные Щербацкій съ товарищи явиться могли въ войск. ген. канцелярію, онымъ ни въ чемъ не вѣрить и никакихъ представленій не принимать, но съ наказаніемъ отправить сугубо просимъ“.

Означенные семинаристы, какъ предположилъ епископъ, дѣйствительно явились лично въ войск. ген. канцелярію раньше, чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ его; а именно 4-го августа они обратились съ просьбой, чтобы генеральная канцелярія отъ себя выдала бы имъ паспорта и отпустила въ Кіевъ или Черниговъ, „чтобы тамо въ училищамъ приняты быть могли“, при чемъ обязывались явиться „къ доказательству“ во всякое время, когда укажетъ в. г. канцелярія. „Яко то дѣло, писали они, еще къ настоящему разсмотрѣнію не прійшло и произвожденіемъ отчасти продолжается, мы же нижайшіе, бѣдные и немупціе, живучи безъ всякаго званія, пришли къ крайнему ниществу и дневного пропитанія взать отколь не имѣемъ, а что, по ученію нашему, мы будучи въ надсмотрѣніи и обученіи разныхъ господъ дѣтей ихъ, имѣли зъ денежокъ, и то какъ на пропитаніе себе и другія необходимости, такъ и на излеченіе болѣзней своихъ, отъ показаннаго безчеловѣчнаго бою послѣдовавшихъ, всѣ издержали; а нынѣ наступаетъ уже время училищное, въ которое ученія начинатись имѣють, и мы нижайшіе имѣемъ желаніе намѣренныхъ учений своихъ въ академіи кіевской или въ черниговскомъ коллегіи доходить, токмо за публичнымъ (какъ вышеписано, хотя и безвиннымъ) намъ учивеннымъ боемъ, чтобъ въ означенныхъ

мѣстахъ къ училищамъ насъ принято было, состоимъ въ сумнительствѣ“.

Къ сожалѣнію, изъ имѣвшихся у меня бумагъ не видно, чѣмъ кончилась вся эта „исторія“ и какая судьба постигла переяславскихъ студентовъ, подвергшихся публичному бою и принятыхъ подъ защиту полковой старшины.

IV.

Двѣ различныя „команды“, два управленія, вѣдѣнію которыхъ подлежали двѣ различныя группы населенія г. Переяслава,— полковая канцелярія и городской магистратъ находились между собой далеко не въ дружественныхъ отношеніяхъ и вели постоянныя распри, которыя и приходилось разбирать „вышней командѣ“ т. е. генеральной войсковой канцеляріи, которой одинаково были подчинены и полковое управленіе и городское.

Въ 40-выхъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ видно изъ имѣвшихся у меня документовъ, яблокомъ раздора между полковникомъ переяславскимъ Сулимою и городскимъ магистратомъ было городское предмѣстье такъ называемыя Великомостьянскіе (или Великозамостянскіе, а то и просто Замостянскіе) Подварки. Населеніе этого предмѣстья, козаки и посполитые, уклоняясь отъ магистратскихъ повинностей, надо полагать, находило для себя выгоднѣе подчиняться полковнику, почему и выдало отъ себя въ 1741 году, когда возбуждено было, по жалобѣ переяславскаго войты Савонова, слѣдствіе, особую „сказку“, въ которой утверждалось, что де издавна уже они „подъ видѣніемъ полковниковъ переяславскихъ обрѣтались и до двору ихъ козаки стойкою и посылками, а посполитіе панщиною должность свою отдавали, что, какъ можемо упомнить, отъ 1661 году за бившого полковника Леонтія Полуботка и до сихъ временъ въ той же должности находились, а ратуша переяславская къ намъ жадного дѣла не имѣла и подъ оною мы не были“.

Избранный въ 1740 г. въ войты Кирило Савоновъ первый возбудилъ вопросъ о незаконности владѣнія полковника Подварками, но назначенные отъ ген. войск. канцеляріи слѣдователи

повели дѣло такъ, что полковнику „отъ владѣнія оними Подварками, респектуя неимѣніе никакого на чинъ полковника опредѣленія, не отказано“, и онъ продолжалъ владѣть ими до 1752 года, когда утверждены были, наконецъ, гетманскимъ ордеромъ права магистрата на владѣніе Подварками. Такимъ образомъ уже это одно дѣло могло поддерживать постоянно враждебное отношеніе полковника къ магистрату, и въ частности къ войту Савонову, всяческія жалобы на котораго охотно принимала полковая канцелярія, преповождая ихъ въ войск. ген. канцелярію.

Въ 1748 году скоро послѣ пожара, когда возобновленіе построекъ порождало не мало столкновеній между полковымъ и магистратскимъ управленіями, полковникъ Сулима писалъ въ ген. войск. канц., что де „войтъ Кирило Савоновъ, не имѣя (какъ за прежнихъ войтовъ состояло) въ званіи войтовства своего порядочнаго правленія и къ прибыли магистратовой раченія, но всемѣрно прилагая старательство свое къ похищенію приходовъ магистратскихъ, людей магистратовыхъ самовольно безъ всякаго страху имущество ихъ до послѣдности ограбляетъ, полусмертной бой приключаетъ, у партикулярную свою работизну, какби плѣбныхъ, или крестьянъ, употребляетъ, чего тѣ магистратовіе люди не могучи снести, въ разніе мѣста розиходятся, а магистратъ переяславскій съ того крайне запусѣваетъ и въ скудость и разореніе такое отъ времени до времени приходитъ, что и указныхъ дачъ, по расположеніямъ надлежащихъ къ произвожденію, не въ состояніи“.

Въ слѣдующемъ 1749 г. опять встрѣчаемъ такое же заявленіе полковника, что де „войтъ Кирило Савоновъ, съ начала пожалованія его въ званіе войтовства, не содержа по оному своему званію добропорядочнаго правленія и не ища магистратовой прибыли, но паче употребляя свои всемерніе хитрости, тайно и явно въ магистратовіе приходы началъ вступать и оніе себѣ похищать“ и т. д. Какъ обращалась полковая старшина съ магистратскими урядниками, можно видѣть, между прочимъ, изъ такого случая.

Въ 1752 г., во время проѣзда черезъ г. Переяславъ гетмана Разумовскаго, урядникъ магистратскій Федоръ Гребенникъ, по

требованію гетманской свиты, взялъ у колесниковъ — жителей великозамостянскихъ четыре колеса, уплативъ имъ за это условленную сумму на счетъ магистрата. Послѣ отъѣзда же гетмана слуги полковника Сулимы схватили Гребенника, доставили его во дворъ полковника и здѣсь, заставивъ его уплатить за взятые четыре колеса еще 1 р. 24 к., по приказу самого полковника, избili плетью, такъ что онъ „зеледво могъ встать“, а полковникъ грозилъ, что де и другихъ всѣхъ магистратскихъ чиновъ онъ будетъ бить такимъ же образомъ. Очевидно, полковникъ самое обращеніе Гребенника къ названнымъ колесникамъ разсматривалъ, какъ притязаніе магистрата на великозамостянскихъ жителей, которые, по его мнѣнію, никакими повинностями по отношенію къ магистрату не обязаны, а должны состоять исключительно въ „командѣ“ его, полковника.

Гребенникъ, заявляя о причиненномъ ему безчестіи, писалъ, что оно сдѣлано „на поруганіе и напрасніе здѣвки, по явновидимой злобѣ и ненависти, на весь обнищаль и крайне разореній безлюдственній магистратъ“. По этому поводу магистратъ обратился съ жалобой къ гетману. „Понеже,—читаемъ въ это жалобѣ,—довольно о таковой дерзости признать намъ можно, что, по явновидимому и всегдашнему на насъ нижайшихъ гонительству и злобству, всегда токмо такъ отъ его г. полковника, яко и отъ полковой канцеляріи, въ единому страхованію и опасности, при магистратской службѣ зостаючись, находимся; дабы какого нечаяннаго напраснаго нападенія и боевъ, какъ то уже не единому и послѣдовало, не учинено, ибо хотя и отъ наѣздовъ бывають за невыстаченіе требуемого бов, отъ которыхъ убитнуть невозможно, но не толико всегда, какъ отъ здѣшнихъ г. полковника и полковой канцеляріи; того ради вашей ясне вельможности глубочайшею покорностію нашею всенижайше просимъ отъ таковыхъ, какъ выше изображено, нападковъ, боевъ и напрасныхъ гонительствъ отъ помянутаго полковника переяславского г. Сулимы и другихъ въ пресѣченіе милостивымъ призрѣніемъ насъ нижайшихъ и весь магистратъ переяславскій охранить и до болшихъ обидъ и крайнихъ разореній не допустить и учинить о томъ высекій в. я. в. ордеръ“.

Гетманскимъ ордеромъ и потребовано было отъ полковника объясненіе по этому дѣлу. „Понеже магистратъ переяславскій не вашей команды“, говорилось въ ордерѣ, то и урядниковъ магистратскихъ, „не только наказывать, ниже какъ либо штрафовать отнюдь не надлежало“. Но полковникъ объяснилъ это дѣло такъ, что де Гребенникъ напалъ было на *принадлежащій полковнику* дворикъ, въ которомъ жилъ колесникъ, и отнял четыре колеса, при чемъ будто бы билъ самого колесника, „и тѣмъ оному моему *человѣку* ввязы зъ состоянія ихъ повредилъ былъ“; когда же колесникъ этотъ бѣжалъ въ полковничій дворъ, то Гребенникъ „по своей грубіанской продерзости“ явился за нимъ и сюда, продолжая „шумѣть“, за что де слуги полковника и прогнали его со двора, при чемъ однимъ изъ нихъ „въ бѣгу оного Гребенника плеттю раза три вдарено“.

Относительно же предписаннаго въ ордерѣ невмѣшательства въ дѣла магистратскія полковникъ писалъ, что повелѣніе это „безъ малѣйшого нарушенія свято содержа, къ оному войту съ урядовими (хотя и предъ тѣмъ собственно отъ себе никакова дѣла не имѣлъ) отнынѣ впредъ имѣть, кромѣ что по канцеляріи въ семь в. я. в. ордеровъ касатимется, дѣла не долженъ буду“.

Войтъ Савоновъ настойчиво велъ дѣло о Подваркахъ и въ 1752 г. добился того, что отъ полковника вновь потребовано было объясненіе, на какомъ основаніи онъ завладѣлъ этими Подварками. Полковникъ, не предоставляя никакихъ крѣпостей на такое владѣніе, отвѣчалъ такъ, что, видно, и самъ не былъ увѣренъ въ законности его и при этомъ просилъ гетмана, что бы онъ, буде найдетъ справедливымъ возвратить Подварки во владѣніе магистрату, опредѣлили бы другое какое либо владѣніе „на рангъ“ полковничій.

„Подварки Завеликомостянскіе, писалъ полковникъ, въ которыхъ дворового число весьма мало и въ нихъ люде нищенскіе суть, изстари за антецессоровъ моихъ полковниковъ переяславскихъ, и какъ только вспомнить довелось отъ Леонтія Полуботка, на полковниковъ ко (?) дому полковничого состояли и въ единственныхъ точнихъ полковничихъ владѣніяхъ находились, потому слѣдовательно посесією и мнѣ, по моему рангу, оніе Подварки

владѣть достались, и сколько владѣнія моего тѣми Подварками ни было, отъ магистрату переяславскаго никакого упоминку нигдѣ не было, но владѣль я оними спокойно даже до опредѣленія оного Савонова войтомъ“.

Въ противность такимъ голословнымъ заявленіямъ полковника, магистратъ представилъ въ подтвержденіе правъ своихъ на Подварки два гетманскихъ универсала: одинъ 1716 г. Ивана Скоропадскаго и другой 1728 г. Даніила Апостола.

Наконецъ, отъ 9-го окт. 1752 г. послѣдоваль гетманскій ордеръ, которымъ подтверждались права магистрата на владѣніе Подварками.

Полковникъ Сулима тѣмъ не менѣе всячески старался уклониться отъ точнаго исполненія ордера и „возимѣль паче прежняго злостіе на магистратъ переяславскій“. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1753 года магистратъ доносилъ въ ген. войск. канц., что де полковникъ Сулима, не довольствуясь тѣмъ, что въ теченіи болѣе десяти лѣтъ владѣль принадлежавшею городу землею, съ которой ежегодно снималъ въ свою пользу болѣе трехсотъ копѣ десятинаго хлѣба, сталъ всячески стараться о томъ, что бы подварчане вписывались въ козаки, а съ полей магистратскихъ вновь сталъ собирать десятину въ свою пользу не допуская къ тому магистратскихъ урядниковъ, подвергая ихъ „безчестію и бою“.

Когда слуги полковника одному изъ урядниковъ магистратскихъ „болѣе трехсотъ барбаръ плетми дали и притомъ похвалки чинили, что такъ де и урядовимъ вашимъ будетъ“, жители Подварокъ, „на то смотря, зъ гонительства такова принуждени расходиться, и тако въ ономъ Подварку мало кого уже и остается, да и то саміе-бѣдніе, которими ни посылокъ, ни ѣздоковъ отправить не въ состояніи“. Несмотря на гетманскій ордеръ, полковникъ всѣ поля, обрабатываемыя подварчанами, называлъ своими „ранговыми ланами“ и въ томъ же 1753 г. вновь „десятинный хлѣбъ началъ себѣ взимать и атаману великозамостянскому Микулѣ такъ приказъ отдалъ, чтобъ магистратовихъ людей до полювъ мѣскихъ, самовладно нимъ присвоаемихъ, не доущалъ и у смерть билъ“.

Полковникъ Сулима, называя жалобы магистрата „напрасными и недоказательными“, не отрицалъ однако, что нѣкоторыхъ

изъ подворчанъ онъ дѣйствительно принялъ въ козаки „на убылые разными случаи, какъ то по нищетѣ, старости и чрезъ измѣртивіе реестровыхъ козаковъ, мѣста“, объясняя такой пріемъ тѣмъ, что де запрещеній о невписываніи посполитыхъ въ козаки не было, а между тѣмъ де тѣ „задолгомостянскіе свободніе жители, зъ разныхъ мѣстъ и изъ званіевъ по волности своей запешдіе, по высокому повелѣнію съ владѣнія моего, кое по посессіи отъ антecessоровъ своихъ я содержалъ, какъ отобрани и отдани магистрату, то съ нихъ нѣкоторыя по единственной своей волѣ, безъ всякаго ихъ неволенія, не стерпя несносныхъ оного майстрата войту чинимыхъ партикулярныхъ работизнъ и другихъ тяжкихъ обидъ, являлись въ полковую переясловскую канцелярію, подавъ доношенія и показывая въ онихъ съ предковъ своихъ себе козачого званія и отправляеміе войсковіе и военніе службы и жительство свое на козакихъ грунтахъ, искали и просили козачества“.

Земли же, о которыхъ упоминалъ магистратъ въ своихъ жалобахъ, полковникъ называлъ своими собственными или ранговыми. И этотъ споръ о земляхъ, видно, много лѣтъ длился: мнѣ встрѣтилось въ одномъ дѣлѣ 1766 г. упоминаніе о назначенной по указу Малороссійской Коллегіи въ г. Переяславѣ комиссіи—„о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ“. А изъ другаго дѣла 1762 г. „о должныхъ войтомъ магистрата переяславскаго Стефаномъ Драгомановымъ денгахъ и о его войта продерзостяхъ“ видно, что и послѣ войта Савонова, боровшагося съ полковникомъ, продолжалась такая же распря между магистратомъ и полковымъ управленіемъ.

Постояннымъ поводомъ для раздоровъ являлся, между прочимъ, и отводъ квартиръ въ домахъ магистратскихъ урядниковъ. Несмотря на гетманскіе ордера, неоднократно предписывавшіе полковой канцеляріи „воздержаться отъ такого самовольства“ и помимо магистрата квартиръ „проѣзжающимъ персонамъ“ не отводить, полковая старшина все таки отъ этого „самовольства“ не воздерживалась. Такъ, въ іюнь мѣсяцѣ 1756 г. полковой писарь Каневскій, по злобѣ на войта, поставилъ въ его отсутствіе въ его домѣ поручика кн. Щербатова, пріѣзжавшаго за набо-

ромъ лошадей, при чемъ выгнали и жену войта съ малолѣтними дѣтьми. По жалобѣ войта, самовольство Каневского предписано было „изслѣдовать и съ нимъ поступить по указамъ“, тѣмъ же менѣе и послѣ этого вновь былъ отведенъ домъ войта, во время поѣздки его въ Глуховъ, подъ постой проѣзжавшему майору Юшкову, при чемъ опять войтовой женѣ и дѣтямъ пришлось жить по чужимъ домамъ. Вообще этотъ отводъ квартиръ, какъ видно, порождалъ въ г. Переяславѣ постоянныя распри между магистратомъ и полковою канцеляріей.

А. А.

Его царского пресвѣтлого величества войска запорожскаго гетманъ Иванъ Скоропадскій.

Пану полковнику наказному переяславскому, а вѣрде совершенному, п. п. старшинѣ его полковой и всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати надлежитъ, симъ нашимъ ознаймуемъ универсаломъ: ижъ доносили намъ чрезъ суляку свою панъ войтъ тамошній переяславскій же з мѣщанами, что непоселитыхъ людей, на грунтахъ мѣскихъ живучихъ, до ратуша ихъ належачихъ, прошлыми роками однихъ вкозацтво вписано, другихъ на чиншу, а именно коломиѣцовъ, посажено, а третихъ на Подваркахъ за Великимъ мостомъ мѣшкающихъ от ратуша до двора небожчиковъ нановъ полковниковъ отяято, и чрезъ тое немало посолдному добру учинено убыли и убытку, чего ради онъ, панъ войтъ, просилъ насъ о привереенне до ратуша своего тихъ всихъ отнятихъ тяглихъ людей. Мы пре то, гетманъ, прошеніе принявши за слушное, яко всихъ тихъ нововписанныхъ чиншовихъ коломиѣцовъ, мирчниковъ и подварчатъ, за Великимъ мостомъ мѣшкающихъ, которыхъ числомъ восемьдесятъ пять человекъ найдется, знову попрежнему до города въ помощь зъубожалому ратушеви, для отбуванія зарвно зъ иными посолитыми людьми вслехъ тяглихъ повинностей, приворочаемъ и поля пахатніе мѣскіе, кою города лежачіе, здавна до тамошней ратуши належавшіе, симъ нашимъ (универсаломъ) въ спокойное владѣніе и теперь оному стверждаемъ, такъ аби никто з старшины и черни того полку в одобранію на ратушу помннутихъ людей и предреченного поля пахотнаго заживанія найменьшой ему пану войту з мѣщанами не чинилъ трудности и препятствія, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ марта 1 дня 1716 року.

Его императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества войска запорожскаго обоихъ сторонъ Дѣтира гетманъ Даниилъ Апостолъ.

Пану полковникови переяславскому, п. п. старшинѣ полковой и сотникамъ тогожъ полку, такожъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, ижъ панъ войтъ переяславскій Лаврентій Фомовичъ з майстратовими тамошними доносили намъ чрезъ суляку свою, что мимошеднихъ лѣтъ, з респекту антecessоровъ нашихъ, бывшихъ гетмановъ, имѣли они для ратушнихъ необходимыхъ нуждъ въ опредѣленіи десятину коло города Переяславля з мѣскихъ

пахатныхъ полевъ Подварки Великомостанскіе, млынъ подъ тмъ же городомъ на Великой гребли на рецѣ Трубешѣ под Поповцами, ковшовое по торгахъ ведерно ратушное, коморы рѣзницкіе мѣскіе, в которыхъ кто сидитъ тотъ было даетъ на ратушъ по двѣ гривни в годъ, буди пустіе з ратуша поставленніе, якіе под часъ ярманеовъ нанимаются по пяти копѣекъ и побелшъ, и кто на ратушномъ мѣсцѣ в коморѣ шинкуеть горѣлку, тотъ бывало даетъ на ратушъ в годъ по двѣ гривни, такожъ и діогтевую комору, в которой и нынѣ человекъ ратушній продаетъ діоготь, якіе всѣ доходы одойшли за бывшой Малороссійской Коллегіи отъ ратуши, почему и нынѣ (завѣдовци) въ скарбѣ войсковоі з тихъ всихъ доходовъ собираютъ деньги и онал ратуша передславская въ крайное пришла разореніе и не отколы ни на ратушнихъ служителей, ни на другіе необходиміе потребности держать самого нужного расходу, а при той сулицѣ своей презентовали намъ и универсалы антецессора нашего покойнаго гетмана Скоронадскаго г. войтови з майстратовими данніе еденъ въ 1716 году, в которомъ подварчанъ, за Великимъ мостомъ мѣшкаючихъ, числомъ 85 человекъ приворочаетъ до ратуши переясловской, и поля мѣскіе, коло города лежачіе, до ратуша жъ належавшіе, стверждаетъ; другій в року 1715 на построеніе млина на пустомъ мѣсцу, прозываемомъ Качановское; противъ которыхъ универсаловъ просили и нашего респекту, такожъ на подварчанъ, поля мѣскіе и млынъ универсалной конфирмаціи. Мы tedy гетманъ, по силѣ данной намъ высокомонаршой е. и. в. жалованной грамоти, имѣючи власть всякіе въ Малой Россіи воинскіе и гражданскіе устроить порядки, особливоже являя приврѣніе на стародавній тотъ городъ Переясловъ, который теперъ чрезъ разніе случаи и тамошніе народніе тлжести пришолъ в крайное разореніе, яко помннутихъ подварчанъ, за Вел. мостомъ мѣшкаючихъ, и поля мѣскіе, коло города лежачіе, до ратуша належніе, тако жъ млынъ, на пустомъ мѣсцу, прозвъ Качановское, построенній, поддугъ универсаловъ вышнанаменованного антецессора нашего, стверждаемъ ратуши переясловской во владѣніе, позволяючи (до лавки войсковоі) з млина розмѣровіе пожитки, а з полевъ десятину отбирати и подварчанъ до общихъ градскихъ употреблять повинностей, такъ и ковшовое по торгахъ ведерно ратушное и з людей, в коморахъ, на мѣской землѣ построеннихъ, горѣлкою и догтемъ перепродаючихъ, такожъ и з будокъ и з коморъ рѣзницкихъ надлежащіе деньги по прежнему отбирати з 1-го генвара мца надходящего 1729 года. И дабы в томъ ни от кого не было препятія (...); только жъ они войтъ з майстратовими, тое все собирая, повинни имѣть обстоятелніе записки и з собранныхъ тихъ доходовъ употреблять не на свои привати, но на обще городовіе нужды и необходиміи потребности, а що соберется и на якіе расходы именно употреблено будетъ, о томъ должна опіжъ, войтъ и майстратовые, в подк. пер. правленіе обстоятелніе подавать вѣдомости, а з полку к намъ въ войск. генер. канц. репортовать повинни, — рейментарско упоминваемъ и приказуемъ. Данъ в Глуховѣ декабря 4 д. 1728 года.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.¹⁾

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

IV.

Федоръ хотѣлъ въ тогъ же вечеръ осмотрѣть сундукъ; по утру послѣ погребенія опять поговаривалъ о томъ, что слѣдовало бы воротиться домой, привести все въ извѣстность и послѣ того уже ѣхать на лугъ за сѣномъ.

— Дольше ждали, меньше осталось! отвѣчалъ Максимъ,—зачѣмъ напрасно тратить день? воротимся съ поля, тогда и найдемъ, что есть. Хату стережетъ твоя жена, а ее самъ чортъ не проведетъ, не бойся!

Ключъ отъ сундука лежалъ у него за пазухою, а онъ нѣразу въ продолженіи цѣлаго дня не вспомнилъ ни объ отцѣ, ни о деньгахъ, только подъ вечеръ раньше обыкновеннаго оставилъ работу. Петръ долженъ былъ еще оставаться на лугу, нагрузить послѣдній возъ и тогда ѣхать домой, всѣ же прочіе спѣшили поскорѣе возвратиться; къ концу дня Федоръ былъ самъ не свой, работалъ словно не своими руками, ежеминутно поглядывая то на заходящее солнце, то на село, наконецъ, усѣлся на землю и ждалъ, пока Максимъ съ женою окончатъ сгребать сѣно.

Большаго наслѣдства имъ не останется; для обыкновеннаго крестьянина нѣсколько сотъ рублей—деньги, но для чловѣка видѣвшаго свѣтъ это почти, что ничего! если бы хоть тыщонки двѣ, на первое обзаведеніе... Теперь и время не то,

¹⁾ См. „Кіев. Старина“ 1889 г., № 7, іюль.

что прежде, когда крестьянинъ жилъ подобно рабочей скотинѣ на зелени да мякинѣ... теперь уже не то! Такъ думалъ Ѳеодоръ, вычисляя въ тоже время, сколько бы могъ имъ оставить отецъ? О! онъ глазъ не спуститъ съ Максима, самъ пересчитаетъ каждый грошъ... самъ собственными руками не только что дотронется до каждой бумажки, но и осмотритъ, ощупаетъ ихъ, прежде чѣмъ оядастъ изъ рукъ. Кто тамъ его знаетъ? Какъ будто бы и братъ, а какъ придетъ дѣло до расчета, такъ иногда вѣдь бываетъ, что и родной братъ хуже чужаго...

Онъ уже заранѣе подозрительно и враждебно поглядывалъ на Максима въ полной увѣренности, что тотъ намѣренъ провести его... потому и время оттягиваетъ, обдумываетъ... а, можетъ быть, уже и придумалъ что нибудь, злодѣй... Пришло ему на умъ нѣсколько страшныхъ фактовъ: такъ въ Ивановѣ братъ убилъ брата и всего только за шесть рублей... трупъ скрылъ подъ мостомъ и молчалъ до весны, пока вода не выбросила покойника на берегъ... Видѣлъ онъ тогда этотъ трупъ и убійцу видѣлъ... да и мало ли такихъ на свѣтѣ? только иному удастся, а другой погибаетъ ни за что... А въ полку зналъ онъ цѣлыхъ двухъ убійцъ! даже спалъ рядомъ съ ними больше полугода... этотъ Максимъ... хитрый, бестія... корову промоталъ, имущества столько растратилъ... можетъ теперь... Ѳеодоръ боялся докончить свою мысль и осторожно оглядѣлся вокругъ... На травѣ лежала толстая жердь, которою прикрѣпляютъ сѣно на возу. Онъ всталъ, поднялъ ее съ земли, оперся на нее и ждалъ.

— Что ты... въ лѣсъ идешь людей разбивать, что и колъ съ собою берешь? спросилъ Максимъ, выходя вслѣдъ за женою на дорогу. Ѳеодоръ вздрогнулъ. Не много слыхалъ онъ о Каинѣ, но зналъ все таки, что этимъ именемъ называютъ разбойниковъ и конокрадовъ въ селѣ. Голосъ Максима припомнилъ ему голосъ всѣхъ Каиновъ. Онъ выпустилъ изъ рукъ колъ и пошелъ вслѣдъ за ними, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, опуствя голову, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ брата, приготовясь ко всему съ заранѣе сжатыми кулаками. При малѣйшемъ покушеніи брата онъ задушилъ бы его сразу! Впился бы ногтями въ его шею и держалъ бы такъ до послѣдняго издыханія.. Не съ нимъ, Ѳеодоромъ, ему бороться!

Максимъ же шелъ впереди него рядомъ съ женою, взявши отъ нея пустые горшки; сперва шли они молча, потомъ онъ вспомнилъ, что вотъ сегодня они проведутъ первый вечеръ безъ *старого* въ хатѣ. Максимыха жалобно покивала головою.

— Всѣмъ одинъ конецъ! Горюешь, работаешь съ утра до ночи не знаешь отдыха, придетъ смерть, все бросишь! Ой, Боже мнѣ, прости намъ грѣхи наши тяжкіе! вздохнула онъ, поспѣвая за мужемъ. Они совершенно забыли, что за ними тащился Федоръ.

Петръ остался одинъ на лугу. Начинались сумерки, три послѣдніе воза отъѣхали одинъ за другимъ, подлѣ каждого медленно шагаль крестьянинъ и велъ коня за узду. Петръ поглядѣлъ имъ въ слѣдъ; вдали на желтоватомъ горизонтѣ все еще видно было Максима, Максимыху и Федора, шедшихъ дорогою; они будутъ дома раньше, чѣмъ вонъ тотъ возъ доѣдетъ до полевой дороги. Парубокъ торопливо собираль съ земли сѣно, подбрасываль вилами охапку за охапкою, поспѣшно, безъ остановокъ, наконецъ вспотѣлъ, запыхался и опустилъ руки.

Лугъ совсѣмъ опустѣлъ; кое гдѣ между ольхами торчали небольшія копны сѣна; лошадь бродила между ними въ ожиданіи, пощипывала ихъ по немногу и снова шла на свѣжую траву. Петръ взялъ ее за гриву, подвелъ къ возу и принялся запрягать дрожащими отъ волненія руками изподлобья поглядывая на дорогу. Послѣдніе силуэты исчезли; возы въѣхали на улицу, дорога въ село опустѣла. Петръ торопился, ни о чемъ не могъ думать, только отъ спѣха руки дрожали. Онъ заботливо подбираль съ земли послѣдніе пучки сѣна, разбросанные по росистой травѣ, но, даже наклоняясь, все оглядывался назадъ на село.

— Но, коську... коныку мій! произнесъ онъ сдавленнымъ голосомъ, потянуль возжи, возъ тронуль, заколыхался, заскрипѣли колеса....

Петръ вздохнулъ съ чувствомъ облегченія! Казалось они никогда не выѣдутъ изъ этого луга. По дорогѣ онъ стегаль коня и бѣжалъ за нимъ нѣсколько десятковъ шаговъ, сѣно подирывало на возу, сыпалось на право и на лѣво; лошадь стала приставать и убавила свои шаги. Петръ уже не пробоваль по-

гонять ее, а шель за возомъ съ полураскрытымъ ртомъ, не спускающая глазъ съ деревни; шапка его сдвинулась на затылокъ, онъ поминутно чесалъ у себя за ухомъ, бормоча время отъ времени: — Что бѣ его!... что бѣ его!.. а!...

Это должно было выражать и горе, и страхъ, и тревогу, и любопытство—всѣ волновавшія его чувства. Зналъ онъ хорошо, чего хотѣлъ, цѣлый день разсуждалъ о томъ въ душѣ во время работы, но высказать вслухъ не рѣшился бы, потому что... потому что къ чему тамъ разговаривать понапрасну! хотѣлось бы уже быть тамъ поскорѣе... самому увидѣть и услышать...

— Но, коську! коньку!... поощрялъ онъ, причмокивая языкомъ.

Но конь плелся шагъ за шагомъ; подлѣ огромнаго воза онъ скорѣе напоминалъ большую собаку, нежели лошадь.

Стемнѣло, звѣзды усѣяли небо. Возъ вѣхалъ на улицу и Петръ уже издали вглядывался въ освѣщенные окна хаты, стоявшей въ сторонѣ, надъ самымъ обрывомъ у берега. Едва остановился онъ у сарая и началъ отпрягать лошадь, какъ въ дверяхъ показалась Евка и подскочила къ нему вся запыхавшись.

— Миленькій Петрусикъ, вотъ смѣхъ, вотъ горе, вотъ чудо изъ чудесъ, засыпала она, дергая его за рукавъ. Скрыню перетрясли, на чердакъ лазили, теперь въ коморѣ роются... нигдѣ ни гроша! Ха, ха, ха! Она присѣдала, ее какъ бы душилъ какой то нервный смѣхъ.

— Ей Богу! что бѣ я такъ здорова была! Вотъ наказанье божіе, вотъ судъ божій! Что бѣ ихъ скрутило, что бѣ ихъ всѣхъ холера передушила! Ха, ха, ха! Охъ умру, не выдержу, лопну отъ смѣха! Смотрятъ, чуть глаза не вылѣзутъ! Сопѣтъ шельмы перестали, лаятъ одинъ за другимъ и та вѣдьма топчется за ними, свѣтитъ имъ въ глаза, какъ щурамъ. Еще хату подожгутъ. Пусть горитъ! Рано или поздно придетъ на нихъ погибель! О, Боже милосердный! Дожила таки я, дождалась на бѣду ихъ, на горе любоваться! Слава тебѣ, Пресвятая Дѣва, что позволила мнѣ дожить до такого дня!

Евка хлопала въ ладоши и хохотала, держась за бока. Злость душила ее, тревога и усилія цѣлаго дня раздражили до послѣдней степени. Оставаясь дома по утру она была убѣждена,

что вечеромъ ея ужь здѣсь не будетъ. Въ теченіи цѣлаго дня ее то волновала надежда, то терзало разочарованіе. Въ сотый разъ хваталась она за каждую тряпку, въ полной увѣренности, что уже держать сокровище, и каждый разъ это сокровище превращалось въ прахъ, исчезая какъ бы во снѣ. Она почти обезумѣла отъ бѣшенства и ожила только теперь, глядя на ихъ фізіономіи. Глупцы, ищутъ тамъ, гдѣ она уже ногтями рвала, зубами грызла! Неопределимый, судорожный смѣхъ овладѣвалъ ею.

— Смотри, можетъ быть, не вѣришь? ей Богу, это они уже въ десятый разъ идутъ въ комору!

Евка тащила его къ дверямъ, указывала на хату; оттуда черезъ дворъ шелъ въ комору Максимъ рядомъ съ Ѳедоромъ, за ними Максимыха съ горящею лучиною въ рукѣ; дѣти бѣжали за ними слѣдомъ.

— Пусть цѣлый дворъ изроютъ, пусть хату развалитъ, а все таки ничего не отыщутъ! Старикъ лгалъ, отдалъ чорту, жидамъ занялъ, а можетъ быть просто съѣлъ отъ большой жадности! А эти волю съ ума теперь сходятъ! Слава тебѣ, милостивый Боже! И за что ты мнѣ грѣшной такое счастье, такой добрый день послалъ въ жизни?

Она не могла устоять на мѣстѣ, бѣгала то въ сарай, то на дворъ и все тащила за рукавъ ошеломленного Петра.

— Слушай... если бѣ ты былъ добрый, Петрусикъ... шепнула она ему на ухо, пригнулась и заглянула въ лицо своими сѣрыми глазами.

— Слушай, ну, что ты? оглохъ, что ли, совсѣмъ или одурѣлъ? Петръ же стоялъ у порога, опустивъ безпомощно руки и машинально смотрѣлъ въ покрытый сумерками дворикъ.

— Вотъ и спѣшилъ... а! спѣшилъ!... твердилъ онъ въ умѣ и ждалъ, скоро ли они выйдутъ; прислушивался, не услышитъ ли звука ихъ голосовъ... можетъ быть, станутъ говорить между собою объ этихъ деньгахъ. Нѣтъ, все тихо, еще ищутъ... сквозь открытую дверь коморы падаетъ на землю блѣдная полоса свѣта, исчезнетъ на минуту и снова протянется черезъ цѣлый дворъ до самой хаты. Евка не переставала трясти его руку.

— Слушай, Петрусикъ, не пожалѣешь, ей Богу, ну послушай!... если бѣ ты былъ такъ добръ, и помогъ бы мнѣ. На верху мой

сундукъ со всякимъ добромъ... Вѣкъ свой трудилась, вѣкъ горевала, собирая свое добро!... Помоги ты мнѣ, Петрусьякъ... снесемъ его хоть сегодня ночью... Петрусьякъ, слышишь?

Петръ оттолкнулъ ее локтемъ, отвернулся и ушелъ въ дальній уголъ сарая. Въ эту же минуту вся компанія, съ опущенными головами, прошла обратно въ хату.

Евка засыпала Петра проклятіями. Изъ боязни быть имъ избитою она выскочила изъ сарая, стала у воротъ, приготовившись бѣжать отъ него каждую секунду; Евка какъ могла, какъ умѣла, изливала на него свою желчь; и когда запасъ эпитетовъ истощился, она повторяла въ сотый разъ, что онъ *прывблуда... безбатченко...* цѣлый вѣкъ служилъ, по сту кожъ стеръ на рукахъ и на ногахъ, работая для нихъ, а теперь пойдетъ прочь, изъ хаты прогонять, босаго, оборваннаго... выгонять людямъ на смѣхъ! И прекрасно! такъ ему и нужно! Что бъ на дорогѣ холера схватила, что бъ его громомъ убило!

Петръ машинально сбрасывалъ сѣно съ воза, не слушая, что она тамъ кричитъ на дворѣ, качалъ головою и удивлялся собственной судьбѣ, которая складывалась такъ какъ то... Отець умеръ... оставилъ такъ себѣ... а вѣдь говорилъ, обѣщаль... Если бъ хоть деньги нашли... можетъ быть... кто тамъ ихъ знаетъ... Максимъ, кажется, добрый, а тотъ другой... то шельма... съ голоднымъ брюхомъ воротился!

Онъ повернулъ головою и продолжалъ работу; потъ катился по лицу, стебельки сѣна кололи за воротникомъ, въ рукавахъ и за пазухою.

— Шельма... тотъ другой, повторилъ онъ въ раздумьи.—Пойду въ наймы... вѣкъ служилъ и дальше буду служить.

Вдругъ ему пришло на мысль, какъ то они справятся безъ него? Онъ и пахаль, и боронилъ, и сѣялъ, словомъ, каждую десятину обрабатывалъ собственными руками. Они же, новые хозяева не то: одинъ пропадалъ гдѣ то въ солдатахъ, другой запивалъ... иногда цѣлый день, а то и два, и три дня ходилъ самъ не свой, слабый, полусонный... Онъ одинъ работалъ за всѣхъ. Разъ только, рубивши дерево, ушибъ ногу, полъ дня пролежалъ въ саду подъ хатой, потомъ всталъ, потащился въ поле

и все какъ то прошло по немногу. Какъ они тутъ безъ него останутся? Онъ знаетъ землю... вотъ какъ знаетъ! Помнить въ какомъ году, какой гдѣ колось былъ... Ну, и земля къ нему привыкла! Его всегда посылали сѣять, такъ какъ владѣль онъ легкою рукою, какъ нѣкогда и отецъ его, совершенно также сѣть! У Максима дрожали руки, а Ѳедоръ ни зерна еще не бросилъ въ землю... Онъ одинъ сѣялъ и весною, и осенью. Вотъ и теперь готовы нивы подъ жито... ровныя, вспаханныя какъ одна... Черезъ день, черезъ два и сѣять пора. Зерно въ этомъ году какъ золото! Самъ онъ всегда и первые снопы молотилъ... Какъ то они справятся безъ него? Чѣмъ дольше думалъ Петръ, тѣмъ медленнѣе шла его работа; онъ все чаще закрывалъ вѣки; отъ пыли, или можетъ быть отъ вечерней росы, туманилось въ его глазахъ.

— Можетъ хоть посѣять, а тогда идти? прошепталъ онъ, скривился и отеръ глаза рукавомъ.

Евка ушла въ хату, на мѣстѣ ея у порога стояла Жучка, махая хвостомъ и вглядывалась въ темный сарай; Петръ окончилъ работу и вышелъ, притворивши дверь. Изъ хаты доносился громкій голосъ Ѳедора, заглушавшій дружный трескъ кузнечиковъ въ травѣ. На горизонтѣ медленно выплылъ мѣсяцъ, отъ рѣки повѣяло влагою; люди разошлись по хатамъ, слышенъ былъ только скрипъ воротъ, запираемыхъ то тамъ, то сямъ на ночь, да глухой звукъ шаговъ на улицѣ прерывали ночную тишину. Максимыха вышла изъ хаты съ мискою молока въ рукахъ и ломтемъ хлѣба въ передникѣ.

— Поѣшь здѣсь, не иди въ хату, обратилась она къ Петру, тотъ проклятый человѣкъ совсѣмъ съ ума спятилъ... грозитъ хату развалить! Слышанное ли это дѣло? вотъ до чего дошло!

Петръ усѣлся на завалинкѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ на вѣки уснулъ отецъ его, поставилъ миску около себя и началъ ѣсть, Максимыха стояла передъ нимъ; оба прислушивались, какъ Ѳедоръ кричалъ въ избѣ; охрипъ, стучалъ кулакомъ по столу, повторяя въ сотый разъ, что своего не подарить. При каждомъ ударѣ ветхія стекла дрожали въ окнахъ, собака начинала ворчать, Максимыха кивала головою.

— Вотъ до чего дошло! шептала она. Покойнику грозитъ! Пойду, говоритъ, изъ могилы вытащу, пусть говоритъ, шельма!

не хотѣлъ при жизни, пусть по смерти рассказываетъ! О, Боже милый!.. Пречистая Дѣво! съ тѣхъ поръ какъ стоитъ хата, никто не кощунствовалъ, никто не накликалъ божьей кары! О, Боже мой милостивый!

— Онъ только такъ рассказываетъ, а не станетъ воевать съ покойникомъ, побойтся, замѣтилъ Петръ.

— Ой, не побойтся! Уже сгубилъ душу, шатаясь по свѣту! Въ Бога не вѣрить, за каждымъ словомъ чорта вспоминаетъ. Пойду, говоритъ, вотъ сейчасъ пойду, можетъ быть еще не остылъ, можетъ задержу въ немъ духъ... пусть говоритъ! А не скажетъ, такъ хоть языкъ его выброшу собакамъ! Родной сынъ и такъ... объ отцѣ, о покойникѣ!.. Нѣтъ это свѣтопреставленіе! Содома—Гомора! Грѣхи тяжкіе!..

— Солдатъ, ничего не боится! что для него одинъ покойникъ, когда онъ самъ можетъ быть сотню убилъ!

— Отецъ родной!

— Гмъ! что тамъ солдату отецъ, хотя бы и родной; если бы тотъ хотя по крайней мѣрѣ также былъ солдатомъ... можетъ быть одинъ другаго боялся бы... извѣстно, какъ свой наскочить да на своего. А тутъ что? *нашъ старый* былъ простой мужикъ и только.

Максимиha молчала; ошеломленная такимъ кощунствомъ, она не могла собраться съ мыслями и опасалась Божьей кары, особенно противъ ночи... Ей казалось, что старая хата не выдержать подобныхъ словъ, она хотѣла уже вызвать дѣтей и мужа; въ случаѣ несчастья, пускай погибаютъ тамъ вдвоемъ солдатъ и его вѣдьма.

— Не ходи туда! Говорить, что убьетъ тебя, что ты на его хлѣбахъ выросъ, шепотомъ предупреждала Максимиha Петра, видя что онъ окончивъ ѣсть, всталъ и утиралъ себѣ губы рукавомъ.

— Чего я туда пойду, пробормотала онъ, оглянувшись на глухую деревню, на поля, облитыя луннымъ свѣтомъ, и прибавилъ чуть слышно: чего я пойду... ужъ я здѣсь не свой.

Максимиha не возражала; удерживать бѣдняка было нечего... сами останутся на пяти загонахъ, свои дѣти растутъ... хотѣла ему хоть ласковое слово сказать.

— Пойду въ наймы, на Нѣманъ... на барку работниѣкъ нуженъ.

— Хоть кусокъ сала возьми!—проговорила Максимыха со слезами на глазахъ.

— Завтра пойду! хотѣлъ еще жито посѣять... Эхъ! видно не суждено! посѣютъ и безъ меня.

— Посѣютъ! повторила Максимыха.

Обое умолкли; онъ какъ то не рѣшался уйти, переступалъ съ ноги на ногу, почесывая у себя за ухомъ.

— Придешь ты по утру, сирото небоже, прежде чѣмъ идти въ свѣтъ, съ хатой попрощайся. Здѣсь тебя мать родила, отсюда ты унесешь и судьбу свою тяжкую въ люди! причитала Максимыха, утирая передникомъ слезы.

Петръ смотрѣлъ въ землю и молчалъ; ему становилось жарко, горе душило его, не было у него ни словъ, ни слезъ.

— Прійду! прошепталъ онъ, и опутивъ голову, пошелъ на свое обычное мѣсто подъ стогомъ, гдѣ уже поджидала его Жучка, тихонько ударяя хвостомъ по землѣ.

Рано утромъ Петръ отправился къ Шмулю. Барка все еще стояла у противоположнаго берега; красивая лодка, бѣлая съ голубымъ, тихо колыхалась на темно-синихъ волнахъ рѣки; только людей не было видно. Онъ постоялъ на берегу, поглядѣлъ на барку, на лодку, на темный сосновый лѣсъ... Солнце освѣщало желтоватые стволы, такъ что издали можно было сосчитать деревья; изъ лѣсу доносился смолистый запахъ, смѣшанный съ свѣжимъ запахомъ рѣки.

Шмуль еще спалъ; ставни по правой сторонѣ крыльца, съ вырѣзаннымъ въ нихъ сердцемъ, были еще закрыты. Въ сѣняхъ передъ запертою дверью стояла коза; десятокъ куръ прохаживались осторожно, какъ бы опасаясь разбудить хозяина. Петръ усѣлся на крыльцѣ и ждалъ.

— Должно быть еврей не успѣлъ еще нанять себѣ работника. Видно мнѣ суждено!... Вотъ ужъ не думалъ я и не надѣялся, что придется идти на воду!

Теперь онъ внимательно присматривался къ рѣкѣ, ловилъ ухомъ тихій плескъ воды... Сегодня она казалась ему иною,

словно и не та... шире, темнѣе...—Глубокая, бестія, ой глубокая! подумаль онъ, слѣдя глазами за плескомъ волны.

Одѣтъ онъ былъ въ сермяжную куртку, обшитую черною тесьмою, въ новые полотняные штаны и новую рубаху; на лавкѣ подлѣ него лежалъ узелокъ съ бѣльемъ, увязаннымъ въ красный платочекъ и суковатая палка; собрался онъ въ свѣтъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; за пазухою лежала бумага изъ волости, съ которою можно было идти ему всюду, куда только глаза глядятъ. Эта бумага придавала ему увѣренности, возвышала въ собственномъ мнѣніи до званія гражданина; значить онъ есть *кто то*, если о немъ знаютъ въ волости, и даже на бумагѣ пишутъ!... Собака, лошадь или волъ живутъ на свѣтъ безъ всякаго свидѣтельства, у него же есть свой *документъ*.

Солнце грѣло его въ спину, онъ двинулъ плечами и прищурилъ глаза... Вонъ тамъ при изгибѣ рѣки подъ лѣсомъ сѣрѣютъ среди зеленой равнины нѣсколько ровно вспаханныхъ загонъ... сердце его сжалось, въ груди сдѣлалось жарко... нѣсколько минутъ дышалъ онъ какъ то медленнѣе и опять будто ничего... ожидалъ Шмуля.

Въ окно шинковой избы выглянулъ человекъ въ коричневой сермягѣ, потомъ другой просунулъ голову изъ-за его спины, проворчали что то про себя, въ избѣ; заговорили, задвигались; кто то бросилъ на полъ жестяную кружку, кто то протяжно зѣвнулъ, расправляя кости и суставы, такъ что на дворѣ было слышно. Скрипнула дверь; коза первая проникла въ избу, за нею куры бросились подъ ноги выходящимъ изъ нея крестьянамъ. Впереди вышло двое, за ними еще трое, всѣ босые, въ наброшенныхъ на плечи сермягахъ, кто держалъ руку за пазухою, кто чесалъ за ухомъ; проходя мимо Петра, смѣрили его съ головы до ногъ соннымъ взглядомъ, поплелись одинъ за другимъ на берегъ и спустились оврагомъ къ рѣкѣ. Глухое, словно подземное „го, го... о... о!“ пронеслось надъ берегомъ, отозвалось въ лѣсу, въ заросляхъ и замерло гдѣ то въ оврагѣ. На рѣкѣ плеснуло весло.

Петръ слышалъ все это, но даже не оглянулся, ему что за дѣло!... пусть себѣ кричатъ, пусть плывутъ, когда придетъ его очередь, и онъ крикнетъ, и онъ поплыветъ.

Въ избѣ утихло, слышно было только, какъ ступала по полу коза, какъ греблись куры въ углу около печи. Вдругъ кто то зѣвнулъ, или скорѣе застоналъ болѣзненно, протяжно и умолкъ. Петръ выпрямился и, словно пробужденный отъ сна, замигалъ глазами, ему казалось, что стонъ этотъ все еще гдѣ то и тутъ близко отдается. Встревоженные куры выскакивали изъ избы въ сѣни, на крыльцо, хлопая крыльями, пробѣгали у ногъ парубка на дворѣ; коза отошла къ порогу и съ недоумѣніемъ вглядывалась во внутрь избы. Петръ слушалъ не повторится ли этотъ стонъ... онъ пошелъ бы взглянуть, а можетъ быть и не пошелъ бы, но все таки прислушивался. Въ избѣ кто то ходилъ, пленая по полу босыми ногами; коза выбѣжала въ сѣни, за нею вышла больной парубокъ въ полотняной одеждѣ, въ синей курткѣ съ блестящими пуговицами, съ опущенною головою, съ запекшимися губами, рыжіе волосы падали на лобъ; проходя черезъ сѣни, онъ смотрѣлъ воспаленными глазами на залитое свѣтомъ подворье, не взглянулъ даже на Петра, сталъ на крыльцѣ и опустилъ руки. Петръ узналъ вчерашняго больного, сегодня онъ выглядѣлъ здоровѣе; онъ кусалъ губы, и мрачно нахмурившись, смотрѣлъ на барку.

— Не знаете, есть ли уже тамъ работникъ? спросилъ Петръ, кивнувъ головою въ сторону рѣки.

Больной окинулъ взглядомъ и чистую одежду и узелокъ въ красномъ платкѣ, и палку спралаивающаго его крестьянина.

— А чортъ его знаетъ! должно быть нѣтъ, если стоять до сихъ поръ, проворчалъ онъ въ отвѣтъ и присѣлъ на другую лавку.

— Онъ... мошенникъ?

— Гмъ, жидъ,—какъ жидъ!

— Не обижалъ?

— Истерли бы его въ перошокъ, если бы онъ да еще началъ насъ обижать! боится, шельма!

— Это хорошо!

Собесѣдники умолкли; больной внимательно присматривался къ Петру, смѣрилъ еще разъ взглядомъ и его узелокъ, и боль-

шія руки, босыя ноги; здоровый румянецъ парубка видимо возбуждалъ въ немъ зависть.

— Пропадешь тамъ прежде времени, сказалъ онъ наконецъ, чего лѣзть, лучше такъ гдѣ нибудь, оболо пашни... тамъ нужень навькъ, не всякій можетъ справиться, кивнулъ онъ на барку.

— Кто теперь возьметъ къ осени? весною другое дѣло; авось не пропаду до весны.

— А теперь ты откуда идешь? изъ экономіи? или такъ отъ хозяина?

Петръ не отвѣчалъ. Горе, замершее было въ сердцѣ, оживило съ новою силою; онъ весь вспыхнулъ, лобъ, виски, уши налились кровью, онъ поднялъ брови, вперилъ глаза въ землю и не могъ произнести ни слова.

— Можетъ быть изъ дому? спросилъ больной послѣ долгаго молчанія. Петръ кивнулъ головою, въ глазахъ стояли слезы.

— Изъ дому, повторилъ онъ.

Больной отворотился и смотрѣлъ въ лѣсъ за рѣку, какъ то странно съжившись.

— Почему же изъ дому? несчастье случилось, или раздѣлились?

Петръ не зналъ, что сказать; синяя куртка съ блестящими пуговицами, фарфоровая трубка, выглядывавшая изъ кармана собесѣдника, приводили его въ смущеніе. При томъ же больной казался человѣкомъ бывалымъ: плевалъ сквозь зубы, сидѣлъ закинувъ ногу на ногу, залажа руки въ карманы, трактовалъ его немного свысока, обо всемъ распрашивалъ, между тѣмъ какъ самъ онъ не смелъ даже спросить, кормятъ ли тамъ на баркѣ, даютъ ли водку по временамъ и сколько платятъ? Не смѣлъ, боялся, чтобы не приняли его за простака, который даже о такихъ вещахъ не слыхалъ. Поэтому онъ не отвѣчалъ сразу, собираясь все съ мыслями, но что то тянуло его за языкъ,— нужно было во что бы то ни стало высказать всѣ свои огорченія и обиды... нужно было дознаться отъ кого нибудь, дѣйствительно ли онъ ничего не можетъ получить изъ отцовскаго наслѣдства. Зналъ онъ, что не сумѣетъ передать всего такъ, какъ думаетъ, но отчего же не попытаться. Началъ съ земли и скота, сколько чего было, какая у нихъ паша, какой бываетъ урожай

въ сухое и какой въ дождливое лѣто. Вспомнилъ, что шельма Яковъ, сосѣдъ, постоянно воруетъ съ ихъ поля снопы; впрочемъ, это уже извѣстный воръ, даже подь арестомъ сидѣлъ! Потомъ вдругъ спутался, забылъ, о чемъ рассказывалъ, не помнилъ даже, все ли имущество перечислил или нѣтъ, и началъ опять сначала. Теперь пошло глаже такъ что, когда служанка Шмуля, низкая, румяная еврейка съ цухомъ въ черныхъ, вьющихся волосахъ, вышла открывать ставни, больной зналъ уже названія лошадей и коровъ количество овецъ, имена отца, братьевъ и ихъ женъ и слушалъ о похожденияхъ Евки, слушалъ ошеломленный, пораженный, не спуская глазъ съ рассказчика.

— Такъ эта вѣдьма у васъ? спросилъ онъ вдругъ.—Такая смуглая, на тонкихъ ногахъ, худощавая, съ черными волосами?

Петръ кивнулъ головою.

— Въ достаткѣ жила, говоришь ты? въ роскоши всякой?

Петръ повторилъ, какъ умѣлъ, всю привольную жизнь Евки до возвращенія мужа. Больной слушалъ, улыбался, изъ подь рыжихъ усовъ сверкали острые, рѣдкіе зубы; онъ смѣялся и шутливо кивалъ головою.

— Вотъ какъ! повторялъ онъ спокойно, почти весело; только, когда Петръ снова сбился и замолчалъ, онъ поспѣшно сжалъ руками всклокоченную голову, а когда опустилъ ихъ на колѣни, въ каждой былъ клокъ рыжихъ волосъ.

— Въ роскоши жила, прошищѣлъ онъ, въ роскоши!

Петръ разговорился о братьяхъ, о Ѳедорѣ, о своей обидѣ.

— Злодѣи, воры! подтвердилъ больной. А ты дуракъ! Никто тебѣ щепотки соли не дастъ даромъ... никто, понимаешь?—Онъ вытянулъ шею и уставился ему въ лицо воспаленными глазами.— Никто не дастъ! повторилъ онъ съ удареніемъ.—Не обкрадывалъ ты ихъ, не грабилъ, вотъ и выпелъ босымъ изъ хозяйской хаты!

Онъ сплюнулъ, въ горлѣ пересохло, послѣднія слова онъ произнесъ сдавленнымъ, рѣзкимъ голосомъ.

— Бѣда научить разуму! увидишь, но только со временемъ. Прежде будешь лить кровавый потъ, силы растратишь понапрасному, а тогда увидишь, что глупо жилъ на свѣтѣ. Вотъ какъ!

Рѣчь его оборвалась; самъ же онъ смотрѣлъ въ широко раскрытые глаза Петра и видѣлъ, что этотъ неповоротливый крестьянинъ скорѣе чутьемъ, нежели разсудкомъ угадываетъ смыслъ его словъ.

— Такъ можетъ быть мнѣ лучше воротиться домой и требовать свою часть? робко спросилъ тотъ, опеломленный всѣмъ услышаннымъ.

— У кого? Чего требовать? Можетъ быть земли. А ты далъ бы хоть щепотку родному отцу, если бѣ имѣлъ?

— Оно то правда, что не далъ бы! Такъ чтожь мнѣ дѣлать теперь?

— Ничего! пойдешь служить, работа засушить, изморить тебя! Хозяиномъ не будешь! Воровству, можетъ быть, научишься, если до сихъ поръ не умѣлъ, вотъ и все. А съ наслѣдствомъ распрощайся! Если бы все провалилось сквозь землю и тогда ты бы ничего не потерялъ, вотъ какъ! Нужно было лучше слѣдить за отцовскими деньгами. Иногда у воровъ отбираютъ, нищій такъ и умереть нищимъ!—Такъ эта вѣдьма, говоришь, и теперь у васъ живетъ? спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Евка... черноволосяя... худощавая... изъ Нѣменчина ее взялъ?

Петръ кивнулъ головою.

— Когда? давно?

Тотъ подумалъ немного... какъ разъ въ тотъ годъ рыжая въ первый разъ отелилась...

— Гмъ, должно быть года четыре будетъ!

— Это значить тогда, какъ я ушелъ!... Сейчасъ послѣ того, какъ я ушелъ въ свѣтъ. Вѣдьма! ластилась, прикидывалась... а я вѣрилъ ей, вѣрилъ какъ самому себѣ! а!... Гмъ, пропало! поль-горя! А мнѣ что за дѣло?—онъ пожалъ плечами, но черезъ минуту спросилъ.

— Знаешь ли ты навѣрно, что это та самая? изъ Нѣменчина? а? Потому что можетъ быть другая, какаянибудь?...

— Та самая, вѣдь я за нею ѣздилъ. Откуда тамъ другая? Довольно и одной такой на свѣтѣ!

Онъ снова принялся разсказывать все и съ самаго начала, но Андрей уже его не слушалъ; онъ быстро вскочилъ съ лавки, вышелъ на берегъ и отвернувшись отъ корчмы, пристально

смотрѣлъ на воду. На крыльцѣ же корчмы показался Шмуль, за нимъ явился другой еврей, начались переговоры ихъ съ Петромъ, и все время пока они договаривались и торговались съ нимъ, Андрей какъ бы приросъ къ берегу. И только подъ конецъ, когда Петръ, забравши свои вещи, пошелъ за купцомъ, а Шмуль, заложа руки въ карманы, медленными шагами провожалъ ихъ къ лодкѣ, Андрей закричалъ ему вслѣдъ:

— Эй, ты, шинкаръ! чего разважничался? водки, собачья кровь! слышишь? давай водки!

Шмуль остановился и оглянулся съ достоинствомъ; икры у него задрожали скорѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ боязни.

Лодка быстро отчалила; оглянувшись на берегъ Петръ все еще видѣлъ шинкаря въ выпитыхъ туфляхъ, съ разстегнутымъ жилетомъ, изъ подъ котораго видна была грязная рубаха, а сзади висѣли бѣлыя тесемки,—и Андрея, который, подавшись впередъ, кричалъ что то и грозилъ кулакомъ; наконецъ, онъ побрелъ къ крыльцу—лодка причалила отъ барки къ берегу за хозяиномъ и только что нанятымъ Петромъ.

На баркѣ купецъ сталъ торопить всѣхъ, то бѣгалъ, то подавалъ веревки, то помогалъ надѣвать рабочимъ на грудь шаровые пояса. Солнце стояло высоко, вода спадала, полтора дня потеряли, стоя на мѣстѣ; за то люди отдохнули. Купецъ еще разъ обернулся и поглядѣлъ на корчму: тамъ оставался самый сильный... тащилъ за двухъ, а ругался за десятерыхъ, людей бунтовалъ... разъ какъ то пригрозилъ даже утопить его... Разумѣется, это была шутка, но отъ такихъ шутокъ сѣдѣютъ волосы на головѣ. За то этотъ новый сразу показалъ, на что онъ способенъ. Купецъ отошелъ, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега и, заложа за спину руки, съ улыбкою знатока слѣдилъ за первою пробой Петра; восемь человекъ старались столкнуть съ мели барку; подавшись впередъ, они изо всѣхъ силъ напирали грудью на шесты и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ стояли словно окаменѣлые—ни движенія, ни дыханія, ни малѣйшихъ признаковъ жизни не было замѣтно... только лица, наклоненныя къ низу, наливались кровью, глаза сами собою закрывались, потные волосы прилипали ко лбу и вискамъ, еще мивута

такого напряженія и лопнуть набрякшія жилы, грудь не выдержит задержаннаго дыханія. Но вотъ заколыхалась барка и изъ восьми грудей разомъ вырвался протяжный возгласъ! Всѣ вздохнули и, не расправляя спины, снова всею силою налегли на шесты. Купецъ не спускалъ глазъ съ новичка, всѣхъ остальныхъ видалъ онъ не разъ при подобной работѣ и зналъ, кто чего стоитъ, умѣлъ даже различить голосъ каждаго въ общемъ стонѣ... Петръ побагровѣлъ, жилы на лбу надулись, но ни капли пота не выступило еще на лицѣ. Онъ даже не подалъ голоса; только закусилъ нижнюю губу и въ то время, какъ прочіе переводили духъ, онъ одинъ продолжалъ отпихать барку отъ берега. Еврей незамѣтно кивнулъ головою; онъ уже оцѣнилъ новаго работника; когда, оттолкнувши барку, всѣ принялись оправлять петли на груди, устанавливаясь по два и по три человѣка и собираться съ силами для первыхъ шаговъ, пока не вытащатъ барки на глубокое мѣсто,—онъ самъ поставилъ Петра около самаго слабѣйшаго, невысокаго старика, худаго и лысаго, который не годился уже тянуть бичеву, но превосходно зналъ путь, разъ сто прошелъ рѣку вверхъ и внизъ и при томъ же легко напивался. Уже отъ первой рюмки носъ его алѣлъ, красныя пятна выступали на щекахъ, тусклые глаза начинали блестѣть, онъ смѣялся, подпрыгивалъ, бралъ гармонику, наигрывалъ и напѣвалъ пискливымъ голосомъ „Якъ була я молода“ или другую какуюнибудь развеселую пѣсню, а усталые, измученные товарищи немного оживали и даже смѣялись по временамъ. Въ особенности въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, среди лѣсистыхъ горъ и овраговъ, на берегу, усѣянномъ острыми каменьями, гдѣ съ каждымъ шагомъ оставались новые слѣды крови на землѣ, эта музыка была какъ нельзя болѣе кстати. Развеселившійся старичекъ игралъ даже на ходу, таща бичеву, только пѣть не могъ въ это время—голосъ обрывался и вмѣсто мотива выходило какое то жалкое мычаніе. Другіе только послѣ седьмой или восьмой рюмки приходили въ болѣе веселое настроеніе, разставались съ своею обычною угрюмостью, пѣли и кричали шумными голосами, въ которыхъ дикое веселье сливалось съ жалобнымъ стономъ, вырывавшимся изъ самой глубины груди; для него достаточно было одной рюмки. Когда не

удавалась музыка и пѣніе, онъ смѣялся, шутилъ, балагурилъ, вообще развлекалъ компанію и среди протяжныхъ стоновъ и скрипа веревокъ дрожащій голосъ старика пріятно ласкалъ слухъ остальнымъ. За всѣ эти заслуги купецъ прощалъ ему недостатокъ силъ, слабыя ноги и частый кашель, напоминавшій кашель овцы. Передъ особенно тяжелыми переходами звалъ его съ собою на барку и давалъ рюмку водки; старикъ самъ звалъ, когда придетъ къ тому время, посматривалъ на еврея, подмигивалъ и никогда не обманывалъ! Да и нужды не было,—иногда по нѣскольکو разъ на день встрѣчалась „красная дорога“. Подъ пѣсню, подъ музыку, подъ веселую шутку ровнѣе плыла барка, бурлаки правда стонали, но ихъ меньше было слышно.

Съ нимъ то еврей поставилъ Петра и былъ совершенно доволенъ: гдѣ старый ослабѣетъ, молодой подтянетъ... надѣялся даже, что при такомъ товарищѣ и старику прибудетъ силъ. Ничуть не бывало! едва прошли нѣскольکو десятковъ шаговъ, Петръ еще ни разу не вздохнулъ, а старичекъ уже весь дрожалъ, облитый потомъ и то и дѣло поглядывалъ на своего исполинскаго сосѣда. Тотъ шелъ большими шагами, потупивъ голову, петля впиалась ему въ грудь, рѣзала подъ руками, глаза наливались кровью. Впереди на землѣ виднѣлись четыре босыхъ ноги, съ боку на пригоркѣ еще шесть такихъ же ногъ. Передъ нимъ и за нимъ перекрещивались веревки, касаясь то плеча, то колѣна, одна уже натерла ему шею; несмотря на то ему все казалось, что онъ одинъ тащить барку, что всѣ эти люди, склоненные, согбенные идутъ себѣ только, вытянувъ шею, а вся тяжесть, вся громадная сѣрая масса, незамѣтно движущаяся по водѣ, давить на его грудь. Сперва ему казалось, что это первые только шаги такъ трудны, что вотъ—вотъ будетъ легче, сейчасъ за этимъ пригоркомъ, за этими песками, или вонъ тамъ въ концѣ за оврагомъ, за камнями. Тамъ ему будетъ легче... барка выльветъ на болѣе глубокое русло, тогда и онъ пойдетъ, какъ всѣ, а пока долженъ тащить одинъ за всѣхъ. Но холмы, пески и скалы оставались позади, кое гдѣ попадался лужокъ съ влажною почвою, болотистый или утоптаный берегъ, ровный какъ поле; окровавленные ноги нѣскольکو освѣжались, а ремень по прежнему не пе-

реставаль надавливать грудь. Старикъ поглядываль на товарища, тотъ въ свою очередь смотрѣль на него. Другіе, идучи рядомъ, обмѣнивались между собою отрывочными замѣчаніями, полусловами.

Старичекъ только улыбался исподтипка, шурилъ глаза, страшно кривилъ лицо, словно изъ него всѣ жилы вытягивали, наконецъ, взявъ Петра за руку, крѣпко сжалъ ее и съ тѣхъ поръ они шли уже рука объ руку. Петру было какъ будто легче; онъ видѣль, какъ старикъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, нагибается впередъ, тащить изъ всѣхъ силъ, иногда наклоняется почти къ самой землѣ; чувствовалъ, какъ его пальцы дрожатъ отъ напряженія, какъ весь онъ вздрагиваетъ по временамъ, словно умирающій котенокъ,—и убѣждался, что не одинъ онъ тащить бремя, ему становилось легче, онъ начиналь привыкать.

Бурлаки отдохнули подъ горою, потомъ посидѣли въ лѣсу, кто съ кѣмъ шелъ, съ тѣмъ и усаживался на привалъ; Петръ держался подлѣ старика, или скорѣе старикъ сразу присталъ къ нему. Они не разговаривали между собою, но уже хорошо знали другъ друга. Замѣчая, что старикъ начинаетъ спотыкаться, тотъ поддерживалъ его за руку и тащилъ за собою.

— Хе, хе! мнѣ ужъ не до танцевъ! вздыхаль старикъ съ шутиливою гримасою,—не... до... танцевъ!... и шелъ дальше почти на четверенькахъ, хватаясь руками за выдающіеся каменья, а когда подымаль голову, глаза его были красны, лицо обито потомъ; онъ утираль рукавомъ лобъ, но черезъ минуту новья капли выступали, какъ роса.

— Еще двѣ трудныя горы, лютыя бестіи, что ни шагъ, то сучекъ, или корень, или тернъ острый до самой кости влезть! берегъ будетъ, какъ стекломъ усыпанный, не одинъ чортъ тамъ коштыя себѣ содраль; а потомъ уже одни пески глубокіе, непроходимые, душа разрывается въ груди, глаза лѣзутъ изъ лба; а за песками еще одинъ часъ пути и ночлегъ, если только не станемъ на мель по дорогѣ,—объяснять онъ Петру во время привала. Они ѣли изъ одной миски, старикъ попотчиваль его табакомъ, спросилъ, какъ его зовутъ, о себѣ же сказалъ, что въ селѣ когда то называли его Иваномъ, но уже давнымъ давно, въ отличіе отъ другихъ, прозвали „Хадкелемъ“.

— Жидовское это имя, не людское, но что жь дѣлать? Хацкель такъ Хацкель! видно такъ имъ понравилось. Да впрочемъ, на водѣ человекъ живетъ какъ собака, ни Бога, ни людей! если бы не кусочекъ сала, что плаваетъ тамъ иной разъ въ крупникѣ, то и самъ себя не отличилъ бы отъ жида. Пусть будетъ Хацкель!

Онъ сыпалъ шутками и все поглядывалъ на Петра, подсовывалъ ему табакерку, но не могъ вызвать на разговоръ. Предсказаніе его относительно дороги оправдалось вполнѣ. Послѣ двухъ горъ былъ адскій берегъ, затѣмъ пески, наконецъ къ вечеру вошли какъ бы въ глубокой оврагъ; по обѣ стороны возвышались лѣсистыя взгорья, поросшія сосною, елью и густыми кустарниками можжевельника; тутъ сразу стемнѣло, рѣка была уже и глубже въ этомъ мѣстѣ, теченіе спокойнѣе, мѣстами поверхность ея была гладкая, какъ зеркало. Люди карабкались по обрывамъ, хватались за кусты, за камни, ползли почти на колѣняхъ... глухой стонъ повторялся ущельемъ и протяжнымъ эхомъ отдавался по лѣсу. Въ ихъ полотняной одеждѣ люди почти не были замѣтны на сѣроватомъ фонѣ горы; казалось, стонъ выходилъ прямо изъ земли и разносился въ воздухѣ, въ бѣловатой дымкѣ, клубившейся надъ водою.

Перегнувшись на двое, Хацкель тащился у самыхъ ногъ Петра; понемногу, незамѣтно снялъ онъ съ груди ремень и, придерживая его въ рукахъ, по прежнему наклонившись и тяжело дыша, искоса поглядѣлъ на Петра. Люди карабкались по корнямъ, по сучкамъ, мѣстами песокъ осыпался подъ ногами... У Петра горѣли ноги, какъ въ огнѣ, онъ хватался за выступы обрыва, но сухой песокъ разсыпался въ ладони, рука падала и ему снова показалось, что онъ одинъ тащилъ всю тяжесть. Онъ взглянулъ на Хацкеля въ то самое мгновеніе, какъ тотъ, весь сгорчившись, съ умоляющимъ видомъ смотрѣлъ ему въ глаза; петли не было на груди, но старикъ казался такимъ измученнымъ, малымъ и жалкимъ, что Петръ только молча кивнулъ головою и продолжалъ смотрѣть подъ ноги.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло, бурлаки спустились въ долину. Рѣка вилась среди луговъ и вспаханныхъ полей; при первомъ изгибѣ подъ лѣсомъ сдѣлала приваль. Никто даже не по-

думать о пищѣ; гдѣ кто стоялъ, тамъ и упалъ на землю, прижимаясь грудью къ влажной травѣ. Хацкель черпалъ воду деревяннымъ ковшомъ и поочередно подносилъ каждому; это входило въ кругъ его обязанностей музыканта, пѣвца и балагура. Всѣ пили съ жадностью, отрывались на минуту и снова принимались пить, пока мало по малу не остывалъ жаръ въ груди; тогда вынимали изъ кармана трубки, но никто не двигался съ мѣста; всѣ лежали, растянувшись на животѣ, слегка приподнявъ голову. Хацкель принесъ имъ съ барки свиты и кожухи, служивалъ всѣмъ, потому что съ каждымъ имѣлъ свои счеты. Только когда угасла послѣдняя трубка, онъ присѣлъ на землю рядомъ съ своимъ спутникомъ, охвативъ колѣни руками, скорчившись подъ наброшеннымъ на плечи тулупчикомъ, и отдыхалъ, глядя на противоположный берегъ. За ними въ двухъ шагахъ тянулся глухой лѣсъ, подобно высокому валу, загибавшійся полукругомъ и окаймлявшій желтоватые берега рѣки. Въ воздухѣ дрожалъ легкій вѣтерокъ, глухой шелестъ непрогляднаго лѣса, раздавалось тяжелое дыханье нѣсколькихъ измученныхъ грудей; минутами и вѣтеръ, и шелестъ, и плескъ воды расплывались гдѣ то между небомъ и землею. Въ ночной тиши слышно было только тяжелое, отрывистое дыханье спящихъ бурлаковъ, которое то ослабѣвало, то постепенно переходило въ сдержанный стонъ, обрывалось, утихало, словно уходило въ землю и возвращалось снова, уже ровнѣе и свободнѣе.

Петръ еще не спалъ; онъ опустилъ въ воду израненныя ноги и смотрѣлъ на песчаный обрывъ на противоположномъ берегу. Шли цѣлый день, сдѣлали немалый копецъ, а отсюда и полверсты не будетъ до села. Самъ онъ пахалъ не разъ противъ этого лѣса и каждый кустъ, каждый холмикъ зналъ какъ свои собственныя нивы. Онъ пожалъ плечами, удивляясь тому, какъ различно идетъ путь на водѣ и на сушѣ. Тихая, чуть замѣтная улыбка промелькнула на губахъ... будь подъ рукою лодка, онъ вскочилъ бы и поспѣлъ бы еще домой къ ужину. Близово... небольшой клинъ жита, межа, полъ морга поля... до рога... заросли и село... ихъ хата первая отъ берега.

— Клонить меня во сну, шепнуть старику.—На перинѣ, пожалуй, уснулъ бы, а на землѣ—жаль трудить кости!

— На перинѣ! замѣтилъ Петръ, такъ вы развѣ въ самомъ дѣлѣ изъ жидовъ?

— О, нѣтъ! я изъ села, только изъ далекаго... Богъ его знаетъ, есть ли оно еще на свѣтѣ? Можетъ быть сгорѣло, а можетъ быть и люди вымерли... живой души изъ той стороны никогда не встрѣтишь. А можетъ быть оно теперь иначе называется? Кого ни спроси, никто никогда не слыхалъ о Тетеркахъ. Иной зналъ Соколы, другой Воробьевичи, были даже такіе дурни, что жили когда то въ Воронкахъ, только Тетерокъ никто не видалъ. Я ужъ теперь и не спрашиваю—должно быть иначе назвали. Поцалъ бы можетъ, да не знаю дороги! Теперь все по машинѣ ѣздятъ, а я оттуда пѣшкомъ вышелъ, такъ и попасть трудно! Гдѣ то около Свислочи... а тутъ говорили когда то, что и Свислочъ сгорѣла! Эхъ! жизнь бываетъ и хорошая, и худая, умирать всегда плохо... а мнѣ уже ближе къ концу... по смерти душа и сама попадетъ, куда ей предназначено. Вонъ и тамъ за холмомъ горитъ что то! прибавилъ онъ хрипло, указывая головою на противоположный берегъ,—можетъ быть село, а можетъ и просто ночлежникъ?

Петръ еще раньше примѣтилъ на небѣ бѣловатое облачко дыма, затѣмъ желтоватую полосу, не то зарево, не то отблескъ восходящаго мѣсяца. Онъ смотрѣлъ, напрягалъ зрѣніе, наконецъ всталъ на ноги, вытянулъ шею, стараясь видѣть еще лучше. Зарево росло надъ горизонтомъ, красноватые отблески подымались все выше и выше.

— Горитъ, точно горитъ!—замѣтилъ Хацкель.

Молодой человекъ вздрогнулъ, окинулъ глазомъ барку посрединѣ рѣки съ колыхавшеюся у кормы лодкою, потомъ бросилъ взглядъ на лѣсъ и въ два прыжка, словно раненый волкъ, очутился у дерева; прежде чѣмъ старикъ успѣлъ оглянуться, онъ былъ уже на половинѣ высокой сосны и карабкался на самый верхъ, съ сучка на сучекъ... между тѣмъ зарево позолотило уже верхушки лѣса.

Горѣла хата Чмелей. Благодаря тихой погодѣ, она горѣла ровно, какъ свѣча, безъ шума и треска, свойственнаго пожарамъ. Старая крыша, гнилыя стѣны и балки, все вспыхнуло почти сразу. Огонь въ одно мгновеніе охватилъ хату, бросилъ кверху цѣлый столбъ искръ, затѣмъ успокоился и медленно пожиралъ гору старой рухляди, нагроможденной десятками лѣтъ. Люди успѣли выскочить какимъ то чудомъ. Максимъ, Ѳедоръ, Максимыха съ съ дѣтьми—всѣ выстроились въ рядъ передъ огнемъ на улицѣ, нѣмые отъ ужаса, и не сводили глазъ съ пламени. Только когда рухнула печь, Максимыха вскрикнула: о, Господи!

Максимъ взглянулъ на нее, на *обору*, на *стодолу*, до верху наполненную хлѣбомъ. Ни одной искры не летѣло въ ту сторону, ни малѣйшаго вѣтерка... хата горѣла тихо и столбъ сѣраго дыма медленно подымался къ небу... Даже сосѣди, встревоженные въ первую минуту, мало по малу успокоились: хата стояла въ самомъ концѣ села, отдѣленная отъ другихъ огородамъ и рядомъ березокъ, а горѣла такъ ровно, какъ будто куча сухой соломы... Любопытство пересилило тревогу. Въ одну минуту цѣлое село столпилось у огня, бабы впереди, кто безъ юбки, кто безъ фартуха, всѣ въ томъ видѣ какъ засталъ ихъ пожаръ въ постели. О спасеніи или помощи не было и помину, при видѣ пожара всѣ опасенія на счетъ его распространенія исчезли. Вся эта толпа, сбившаяся въ кучу посерединѣ, съ болѣе отважными на правомъ и лѣвомъ крылѣ, окруженная непроглядною тьмою, съ лицами, озаренными красноватымъ заревомъ пожара, казалась порожденіемъ фантазіи, какими то привидѣніями, грѣющимися вокругъ адскаго огня. Растрепанныя бабы съ косами сѣдыхъ и черныхъ волосъ на лбу, довершали сходство.

А за селомъ, тамъ гдѣ начинались густыя заросли, Евка въ одной рубахѣ и разорванной юбкѣ, босая, безъ платка, съ расплетенными косами по плечамъ, стояла, словно окаменѣлая, передъ Андреемъ; она сразу узнала его, слышала его голосъ, чувствовала, какъ онъ трясъ ее за руку и злобно кричалъ что то подъ самымъ ея носомъ. Чувствовала, какъ что то уже хруснуло въ ея плечѣ, послѣ чего страшная боль прошла по всей ея спинѣ, но тѣмъ не менѣе она не могла выговорить ни слова. Она смотрѣла ему въ

лицо широко раскрытыми глазами, даже двигала губами, голоса только ей не хватало. Отдаленный свѣтъ пожара разстился по полю, освѣщаль село и озарялъ по временамъ широкое лицо Андрея, рыжіе волосы, обвисшіе усы, рубаху, разстегнутую на широкой косматой груди. Теперь она убѣдилась, что это онъ, тотъ самый, и въ дикомъ страхѣ впила ногтями въ его руку... боялась, что бы онъ опять не исчезъ, не провалился сквозь землю, не оставилъ ее одну среди темной ночи, она дрожала всѣмъ тѣломъ, стучала зубами... Наконецъ, злость его прошла, онъ спокойнѣе посмотрѣлъ на Евку; такая же точно, какую оставилъ ее. Оборванная, одинокая, боязливая.

— Чего дрожишь, глупая? ну, перестань... я вѣдь не чортъ, не разбойникъ! Огонь вѣдьмы не возьмь! пробормоталъ онъ про себя, окончательно отрезвленный, смѣрилъ ее глазами съ головы до ногъ, оглянулся назадъ на село и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на постепенно уменьшавшійся огонь, на черные силуэты, виднѣвшіеся вдали.

Евка опомнилась, только зубы еще стучали какъ въ лихорадкѣ, она вскинула плечами и прошептала:

— Чортъ ихъ сжегъ!

— Молчи, сумашедшая! крикнулъ Андрей сквозь зубы.

Но Евка уже не боялась его. Жизнь, задержанная на минуту, пробудилась въ ней съ новою силою. Торопливо, прерывающимся голосомъ шептала она о своей тяжкой участи, о всѣхъ обидахъ, голодѣ и холодѣ, о волахъ проклятыхъ, о карѣ божьей и вѣчномъ мученіи для нихъ! Шепотъ ея какъ то зловѣще раздавался въ ночной тишинѣ.

— Тише, твердилъ Андрей, нѣсколько разъ даже зажимая ей ротъ рукою, но уйти не могъ, что то приковывало его къ мѣсту... онъ ждалъ, пока не угаснетъ послѣднее зарево. Пламя вспыхивало еще по временамъ, догорали срубы... вдругъ оно вспыхнуло сильнѣе... протяжный крикъ эхомъ пронесся по зарослямъ....

— Воли ревутъ! прошипѣла Евка.—Андріечку, миленькій, дорогой, голубчикъ,—засыпала она, крѣпко уцѣпившись ему за руки.—Если бъ ты зналъ только, если-бъ ты слышалъ, если бы ты собственными глазами увидѣлъ, что я бѣдная, несчастная

вытерпѣла въ этой проклятой хатѣ... Слава тебѣ, милостивый Боже, что ихъ наконецъ чортъ спалилъ.

— Молчи, сумашедшая! крикнулъ Андрей и потащилъ ее за собою въ лѣсъ, въ кусты; они шли все быстрѣе и быстрѣе, мелькая, какъ тѣни, вдоль нагорнаго берега рѣки. Онъ шелъ большими шагами, она бѣжала за нимъ, крѣпко держась за его куртку.

— Жаль, что я хоть куска хлѣба не прихватила! шепнула Евка, дрожа отъ холода.

Андрей тоже только теперь почувствовалъ, что съ самаго утра онъ въ ротъ ничего не бралъ, кромѣ водки. Прежде не жели потухло зарево, они исчезли гдѣ то во тьмѣ....

Черезъ годъ послѣ того, на мѣстѣ старой хаты стояла новая, болѣе просторная, съ бѣлою трубою и крылечкомъ на двухъ столбахъ. Часть денегъ на постройку заняли Максиму сосѣди, остальное ссудилъ тестъ. Изъ отцовскаго клада нашли среди угля на мѣстѣ очага нѣсколько почернѣлыхъ монетъ, все же прочее пропало безъ слѣда. Въ новой хатѣ у Максимыхи было подъ печкою обширное помѣщеніе для домашней птицы. Она одна изъ цѣлаго семейства ежедневно отъ всего сердца благодарила Бога за пожаръ: вмѣстѣ съ хатою сгорѣло все ея несчастье, все мученіе—сгорѣла Евка! Напрасно увѣряли сосѣди, будто видѣли ее въ городѣ, оборванную, голодную, въ числѣ работницъ при постройкѣ домовъ, на ярмаркѣ или въ шинкѣ. Она упорно отказывалась вѣрить! Не хотѣлъ и Федоръ вѣрить этимъ баснямъ, и громко твердилъ всѣмъ, что вѣдьма сгорѣла; что самъ онъ отыскалъ ея обугленные кости подъ печкою, выгребъ изъ мусора и бросилъ въ рѣку. Онъ сдѣлался уже *наймытомъ* у старой, богатой вдовы, на которой женится, какъ только удастся увѣрить всѣхъ въ смерти вѣдьмы. А тѣмъ временемъ купилъ себѣ за ея деньги новые сапоги, шапку и кафтанъ сѣраго сукна, такъ какъ солдатская шинель, вмѣстѣ съ прочею одеждою, сгорѣла во время пожара.

К. М.

Документы, Известія и Замѣтки.

Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ.

Для переправы плотовъ и рѣчныхъ суденъ черезъ днѣпровскіе пороги въ екатеринославскомъ уѣздѣ существуетъ четыре лоцманскихъ общества: 1) въ с. Лоцманской Каменкѣ, 2) с. Старомъ Кодакѣ, 3) въ Сурскихъ хуторахъ и 4) въ селѣ Широкомъ. Первые три поселенія расположены надъ Днѣпромъ, нѣсколько ниже Екатеринослава, село же Широкое откинулось отъ Екатеринослава верстъ на 40 вглубь правобережной степи. Старѣйшія лоцманскія поселенія, Старый Кодакъ и Лоцманская Каменка, возникли еще во время существованія запорожской общины. Ст. Кодакъ въ запорожскій періодъ былъ городкомъ, центромъ обширной и сравнительно людной кодацкой паланки. Около 1740 года этотъ городокъ былъ значительно населенъ, въ 1748 г. здѣсь устраивается постоянная церковь (вмѣсто подвижной); въ 1768 году въ Кодакѣ было 50 дворовъ и 32 «бездворныхъ» хаты, въ которыхъ числилось 1015 душъ обоюго пола ¹⁾. Въ запорожскій періодъ при Кодакѣ устроена была переправа черезъ Днѣпръ по старому чумацкому тракту изъ правобережной Украины на Донъ. Кодацкій «перевозъ» былъ однимъ изъ важнѣйшихъ на Днѣпрѣ; къ нему для сбора пошлинъ назначались отъ запорожскаго Коша особыя выборныя лица—шафаръ и подшафарій; состоялъ перевозъ въ вѣдѣніи полковника кодацкой паланки и давалъ Кошу значительные доходы ²⁾. На этомъ бойкомъ пунктѣ, лежащемъ на мѣстѣ, гдѣ начинаются днѣпровскіе пороги, изъ запорожскихъ козаковъ организовалось товарищество лоцмановъ какъ для переправы козацкаго войска на случай надобности, такъ и для сплава на «низъ» различныхъ продуктовъ, требо-

¹⁾ Преев. Θεодосія. Матеріалы для ист. статист. описанія екатеринославск. епархіи.

²⁾ А. Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, ч. 1 стр. 254. Изд. 2.

вавшихся на ярмарках и базарах въ запорожской Сѣчи.—Организація лоцмановъ была настолько своевременною, что въ 1750 году возникаетъ другое лоцманское поселеніе—слобода Лоцманская Каменка, начавшая заселяться «семейнымъ народомъ» съ 1770 года ¹⁾. Таково начало старѣйшихъ лоцманскихъ поселеній. Сурскіе хутора возникли послѣ уничтоженія Сѣчи; на плодородномъ лѣвомъ берегу рѣчки Мокрой Суры поселились хуторами выселенцы изъ старыхъ лоцманскихъ сель, въ силу стремленія къ излюбленному малороссами типу хуторнаго хозяйства. Село Широкое—позднѣйшее лоцманское село; оно основалось лѣтъ 40 назадъ въ концѣ обширнаго надѣльнаго участка земли старыхъ лоцманскихъ сель; выселилась сюда часть лоцмановъ изъ за понятнаго хозяйственнаго соображенія—имѣть поле подъ бокомъ.

Послѣ разрушенія Сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай, лоцманскія товарищества, вѣроятно, не прекращали своего существованія, такъ какъ не всѣ козаки оставили тогда свои старожитныя жилища на Запорожьѣ, и запорожское посольство оставалось на занятыхъ мѣстахъ. Эти элементы могли пополнить составъ запорожскихъ лоцмановъ, если бы послѣдніе вслѣдъ за сѣчевиками ушли за Дунай.

Во всякомъ случаѣ Кодакъ и Каменка существуютъ, какъ лоцманскія села, послѣ 1783 г., когда на прежнемъ Запорожьѣ вводятся распорядки, общіе съ распорядками въ остальной имперіи.—Существуютъ лоцманскія села въ эту пору при исключительно благоприятныхъ условіяхъ. Имъ оставлена большая часть ихъ прежнихъ правъ и вольностей,—занимаемая ими земли отъ нихъ не отчуждены, они свободны отъ подушной подати, не отбываютъ воинской повинности, въ общественныхъ дѣлахъ управляютъ сами. Единственнымъ объясненіемъ такихъ широкихъ по тому времени льготъ и преимуществъ можетъ быть только то, что на дѣло лоцмановъ правительство Екатерины II смотрѣло, какъ на трудное и опасное дѣло.

Характерными представляются особенности прежняго быта кодацкаго и каменскаго лоцманскихъ товариществъ. Подробности этого быта напоминаютъ бытъ запорожской общины. Напр., у лоцмановъ существовали общественные обѣды, въ которыхъ участвовали только мужчины и при томъ достигшіе рабочаго возраста. Женщины и дѣти за общественными столами не имѣли мѣста, но не потому, чтобы положеніе женщинъ и дѣтей у лоцмановъ было подневольное, а въ силу

¹⁾ Θεодосій. Матеріалы.

установившагося издавна обычая, сложившагося, очевидно, еще въ то время, когда только взрослые мужичины «мешкали» въ степяхъ за порогами. — Въ лоцманскомъ товариществѣ была особая рыбальская артель для ловли рыбы къ общественному столу, а также особый кухарь съ 2 помощниками. Обѣдали въ особомъ общественномъ зданіи, которое сперва называлось «куринемъ»; въ началѣ настоящаго столѣтія «куринь» замѣненъ былъ «конторой». Продовольственные продукты, какіе нужно было покупать, покупались на общественный счетъ. Тетери и рыба на стибло были наиболѣе популярной пищей у лоцмановъ. Пища вообще была очень простая. Водка на общій счетъ покупалась болѣею частію въ первый день по возвращеніи лоцмановъ изъ пороговъ. Для обѣдовъ, равно какъ для завтраковъ и ужиновъ, былъ назначенъ опредѣленный часъ «Такъ чудно было, — дома робить лоцманъ, повернувшись зъ порогивъ, а псты йде до куриня; якъ прыйде було раньше, то ляже тай спить», заключилъ рассказчикъ Каленикъ Перепелыця собесѣдованіе о лоцманскихъ сисситіяхъ, одномъ изъ послѣднихъ характерныхъ осколковъ пережитой старины на быломъ Запорожьи. Когда и при какихъ условіяхъ прекратились у лоцмановъ общественные столы, намъ не удалось выяснить.

Другой интересный фактъ, характеризующій общественный бытъ лоцмановъ — «громадское» хозяйство. Фактъ этотъ относится также къ области прошлаго, но довольно близкаго къ нашему времени: такое хозяйство существовало у лоцмановъ до 1874 года. Громадское хозяйство заведено было для удовлетворенія нѣкоторыхъ общественныхъ потребностей (расходы на церковь, на школу), а также для помощи нуждающимся односельчанамъ. (Въ настоящее время такія хозяйства и съ такими цѣлями ведутся у нѣмцевъ въ нѣсколькихъ колоніяхъ екатериносл. губ.). Лоцманское громадское хозяйство было общимъ для всѣхъ 4 лоцманскихъ обществъ. Состояло оно въ 70-хъ годахъ изъ 6 паръ воловъ, 4 лошадей съ соответствующимъ количествомъ хозяйственныхъ орудій, плуговъ, боронъ, горбовъ и т. д. Велось хозяйство по смѣшанному наемно-натуральному типу. При хозяйствѣ состояло 2 погодно нанимаемыхъ «сторожи». Въ помощь сторожамъ назначались понедеѣльно, по наряду отъ лоцманскихъ обществъ, по 2 взрослыхъ парни, обязанныхъ задавать кормъ скоту, чистить хлѣвы, возить воду и т. д. Отбывающіе натуральную повинность парни назывались «сторожками». Заведено было это хозяйство на средства общественной кассы, пополнявшейся частью изъ

пошлинъ за переправу плотовъ и суденъ черезъ пороги. Громадское хозяйство велось всѣми лоцманами натуральною повинностію въ очередномъ порядкѣ. Велось оно на особомъ участіи земли (около 150 д.), выдѣленномъ изъ общаго надѣла лоцмановъ. Сѣвооборотъ въ хозяйствѣ—трехпольный. Производились посѣвы жита, ячменя и овса на 60—75 десятинахъ. Токъ и магазинъ—общіе для всѣхъ 4 лоцманскихъ обществъ. Направлялъ громадское хозяйство лоцманскій отамаиъ. Въ 1874 году прекратилось громадское хозяйство у лоцмановъ одновременно съ другими измѣненіями въ строѣ ихъ общественной жизни, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Лоцманское дѣло съ давняго времени устроено слѣдующимъ образомъ. Всѣ лица, производящіе переправу черезъ пороги, раздѣляются на 3 категоріи. Первыя двѣ категоріи состоятъ изъ «*лоцмановъ*» по двумъ статьямъ; лоцманы *первой статьи* переправляютъ барки и берлины, лоцманы *второй статьи* сплавляютъ черезъ пороги плоты. Третья категорія состоитъ изъ «*помощниковъ*»,—это самая многочисленная группа лоцманующихъ на порогахъ; изъ этой группы выходятъ лоцманы, въ нее они снова вступаютъ, когда отъ старости имъ не служатъ хорошо глаза и руки. Въ лоцманской организаціи стоитъ 4-я группа лицъ, участвующихъ въ сплавѣ черезъ пороги,—эта группа состоитъ изъ «*добавочныхъ*». Добавочными бываютъ большею частію тѣ сыновья лоцмановъ, которые по возрасту еще не могутъ быть помощниками; могутъ быть добавочными и постороннія лица. Переходъ изъ одной группы въ другую происходитъ послѣдовательно. Чтобы быть «*помощникомъ*» лоцмана, нужно предварительно хорошо ознакомиться съ порогами въ качествѣ «*добавочнаго*» и выдержать публичный экзаменъ; въ помощники поступаютъ парни лѣтъ 16—18. Званіе лоцмана получается по истеченіи лѣтъ 6 плаванія въ порогахъ въ роли помощника. Званіе это достигается путемъ экзамена, доказывающаго, что помощникъ знаетъ всѣ заборы и опасные камни на «*ходу*» въ порогахъ, гдѣ и какъ «*лежитъ вода*», какъ нужно заходить въ каждый изъ пороговъ, въ какихъ мѣстахъ возможны привалы при различномъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ и т. д. Статья лоцмана, съ которымъ ходилъ въ пороги помощникъ, опредѣляетъ статью и этого послѣдняго. Такъ организовано было лоцманское дѣло издавна, такъ ведется оно и теперь; только въ послѣднее время экзамены производятся строже.—Въ пороги ходятъ лоцманы въ очередь. Очередь ведется при волостномъ правленіи; контроль принадлежитъ особому управленію, состоящему изъ лицъ, служащихъ въ вѣ-

домствѣ рѣчныхъ путей сообщенія. Лоцманское управленіе находится въ Лоцманской Каменкѣ.

До 1874 года строй общественной жизни днѣпровскихъ лоцмановъ былъ въ значительной степени самобытенъ. Онъ опредѣлялся склонностями и желаніями самихъ лоцманскихъ обществъ безъ рѣзкихъ вліяній извнѣ. Лоцманскія общества пользовались сравнительно широкимъ самоуправленіемъ, органомъ котораго было лоцманское правленіе съ лоцманскимъ отаманомъ во главѣ. Представители самоуправления избирались на 3 года на общемъ сходѣ лоцмановъ. Такими лицами, кромѣ отамана, являлись его помощникъ и судьи, разбивавшіе не имѣющія особой важности дѣла между лоцманами. Избранныя на сходахъ должностныя лица утверждались надлежащимъ начальствомъ при кievскомъ округѣ рѣчныхъ путей сообщенія. Вѣдѣнію уѣздныхъ и губернскихъ присутствій и правленій лоцманскія общества до 1874 года не подлежали. Вообще относительно этого времени въ лоцманскихъ селахъ сохранились сравнительно свѣтлыя воспоминанія. Исключеніе составляютъ лишь воспоминанія, проурочиваемыя ко времени сооруженія обводныхъ каналовъ на порогахъ. Каналы эти устраивались въ два пріема,—первый разъ въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, вторично—во второй четверти настоящаго. При первомъ сооруженіи каналовъ работы производились безъ обремененія лоцмановъ: въ то время за ними ухаживали, потому что въ противномъ случаѣ они могли бы «закивать пятами», какъ это сдѣлали сѣчевики, по выраженію народной пѣсни. Въ строгое же николаевское время «канальскія работы» на порогахъ стояли многихъ лоцманскихъ жизней. Днѣпровскіе лоцманы тогда были обременены непосильными работами,—должны были, напримѣръ, вращать огромные камни въ водѣ, полураздѣтые, при жестокихъ холодахъ поздней осени; многіе простуживались на смерть; еще больше было бито до полусмерти за непослушаніе. О времени этомъ сохранились самыя мрачныя воспоминанія. Еще 4 года назадъ въ Лоцманской Каменкѣ на берегу Днѣпра указывали «Музычнуну скелю», названную такъ въ память лоцмана Музыки, умершаго на этой скалѣ подъ розгами. Въ настоящее время эта скала уже снесена каменоломами, но мѣсто это и теперь называется «Музычнымъ».—Какъ ни мрачны воспоминанія о сооруженіи каналовъ, но все же условія жизни въ лоцманскихъ обществахъ были благоприятнѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было въ закрѣпощенной или управляемой въ духѣ Аракчеева военно-поселенческомъ начальствомъ Новороссіи: надъ внутренними распорядками лоцманскихъ об-

ществъ не тяготѣла посторонняя рука, такъ какъ со стороны лодманскихъ начальниковъ изъ округа рѣчныхъ сообщеній возможны были только частныя вмѣшательства въ общественныя лодманскія дѣла: компетенціи такихъ начальниковъ подлежало давать лодманамъ порядокъ лишь касательно ихъ службы на порогахъ. Такъ было до 1874 г.

Въ 1874 году послѣдовала реформа самоуправленія днѣпровскихъ лодмановъ. Учреждены были не существовавшія раньше у нихъ волостное и сельское правленія по обычному типу. Общественные расходы на мірскія потребности должны были съ этого времени увеличиться; отношенія лодмановъ къ различнымъ учреждениямъ значительно усложнились. Въ этомъ же году лодманскія общества привлечены были къ отбыванію воинской повинности. Повинность эту отбываютъ лодманскіе новобранцы, какъ выросшіе на порогахъ, исключительно во флотѣ. Это обстоятельство для лодманскихъ селъ, повидному, имѣетъ особое значеніе. Выслужившійся матросъ приноситъ съ собою въ село больше всевозможныхъ несродныхъ селу элементовъ, чѣмъ отставной солдатъ. То обстоятельство, что матросъ видитъ много странъ и народовъ, имѣетъ конечно хорошую сторону, но только при условіи устойчивости его характера; при отсутствіи же этой черты продолжительная пестрота впечатлѣній влечетъ къ оторванности отъ «корня» и къ ложно-самолюбивому обособленію. Обособляющійся во всемъ отъ громады матросъ является не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для неѣ членомъ, такъ какъ обособленіе безъ досточнаго основанія неизбѣжно должно путать понятія и мутить чувства окружающей среды.

Не безынтересно современное экономическое положеніе днѣпровскихъ лодмановъ. Эту сторону ихъ быта мы имѣемъ возможность отмѣтить лишь въ общихъ чертахъ. Землевладѣніе у лодмановъ — общинное, сложившееся по традиціямъ запорожской общины. До 20—30-хъ годовъ настоящаго столѣтія землепользованіе у лодмановъ, какъ рассказываютъ старожилы, опредѣлялось займомъ для хозяйственныхъ надобностей того или другаго участка земли, подъ непремѣннымъ условіемъ согласія на эту займку лодманскаго уряда, дававшего отчетъ по земельнымъ дѣламъ передъ общими лодманскими собраніями. Такая форма землевладѣнія обуславливалась, какъ и на старомъ Запорожьи, многоземельемъ при слабой населенности. У лодмановъ въ первое время земли было гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось для ихъ небольшихъ хозяйствъ; большія пространства въ чертѣ лодманской земли лежали пустопорожными; лодманскимъ

обществамъ не было необходимости препятствовать своимъ членамъ занимать мѣста подъ хутора, левалы и пахаты. Лоцманская земля долго не раздѣлялась даже между поселеніями. Но такой порядокъ, по мѣрѣ роста населенія и расширенія хозяйствъ, долженъ былъ вести къ путаницѣ въ землевладѣніи. Оказалось необходимымъ раздѣлить землю не только по селамъ, но и по душамъ. На души впервые дѣлилась земля у лоцмановъ послѣ ревизіи 1858 года. Въ настоящее время приходится по 8 десят. земли на ревизскую душу. Въ противоположность почти всѣмъ сосѣднимъ селамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, лоцманы не раздѣлили земли на наличныя души. Объясняется это цѣлымъ рядомъ условій лоцманскаго хозяйства. Значительное большинство лоцмановъ мало обращаетъ вниманія на полеводство: въ силу своего званія лоцманъ—плохой хозяинъ,—въ періодъ главныхъ полевыхъ работъ, весной и лѣтомъ онъ большую часть времени проводитъ въ порогахъ. Отвлекаетъ лоцмановъ отъ хозяйственныхъ заботъ отчасти возможность хорошаго заработка. Лоцманъ, который при переправахъ черезъ пороги съ сознаніемъ собственного достоинства спокойно стоитъ и указываетъ гребщикамъ на бабайкѣ, куда направлять судно или плотъ, въ большинствѣ случаевъ долженъ быть лѣнливымъ косаремъ и плугатаремъ. И дѣйствительно, значительная часть хозяевъ въ лоцманскихъ селахъ не занимается полевымъ хозяйствомъ, предпочитая сдавать свои надѣлы то съ части, то за деньги. Земля здѣсь мало цѣнится: сдаютъ ее лоцманы въ погодную съемку по $2\frac{1}{2}$ — $3\frac{1}{2}$ р. за десятину, при существованіи съемочныхъ цѣнъ въ сосѣднихъ мѣстахъ 5—7 р., за десятину. Толока (2 д. отъ надѣла), по малочисленности у лоцмановъ скота, пропадаетъ за обществомъ. Подсобныхъ домашнихъ занятій, кромѣ рыболовства для собственной надобности, въ лоцманскихъ селахъ не существуетъ. Зажиточныхъ хозяевъ въ обычномъ смыслѣ этого слова мало. Большая часть ихъ живетъ только на «рѣчные» заработки отъ сплава до сплава. Зима очень неблагоприятное время для многихъ лоцмановъ: не имѣя работы, они не пмѣютъ и хлѣба. хозяйственно живутъ только широчанскіе лоцманы, удаленные отъ Днѣпра верстъ на 40 и сравнительно мало зарабатывающіе на порогахъ.

Пороги даютъ лоцманамъ (преимуществ. каменскимъ и кодацкимъ) значительныя заработки. За проводъ черезъ пороги барки или берлины лоцманъ получаетъ 20—25 р. въ половодье (употребляетъ времени 2—3 дня) и рублей 50—60 въ мелководье, когда сплавъ продолжается около недѣли. Лоцманъ при этомъ получаетъ обыкновенно

«даровызна» изъ сплавляемаго товара рублей на пять. Лоцманы на плотахъ берутъ за свой трудъ нѣсколько меньшую плату, но чаще ходятъ въ пороги, чѣмъ лоцманы первой статьи, такъ какъ плотовъ сплавляется черезъ пороги гораздо больше, чѣмъ берлинъ и барокъ. Лоцманъ 2-й статьи за сплавъ плота въ половодье получаетъ 10—15 руб. (сплавъ продолжается нѣсколько дней) и рублей 60—70 и до 100 въ мелководье, когда на сплавъ плота идетъ около мѣсяца. Лоцманамъ на плотахъ также полагается «даровызна» лѣснымъ товаромъ, коноплянымъ масломъ и проч. Въ періодъ сплава лоцманы 2-й статьи бывають въ порогахъ большею частью 4—5 разъ, лоцманы 1-й статьи — рѣже. Случаи неполученія вознагражденія лоцманомъ, который не провелъ удачно плота или судна черезъ пороги, рѣдки: судо- и плотохозяева не желаютъ ссориться съ лоцманами.

Но при всемъ этомъ въ хозяйственномъ отношеніи лоцманскія села обставлены хуже, чѣмъ можно было бы ожидать. Главная причина безхозяйственности большинства лоцмановъ заключается въ оторванности этого большинства отъ земли; этимъ объясняются рѣзкія колебанія въ бюджетѣ лоцмана и не всегда безупречный въ смыслѣ трезвости образъ жизни.

Историческое наследство и занятіе днѣпровскихъ лоцмановъ сообщили имъ этнографическому типу много своеобразныхъ чертъ. Лоцманъ, выросшій на порогахъ, не можетъ не быть сильнымъ и стройнымъ. Движенія лоцмана медленны, но пороги научили его быть въ случаѣ надобности энергичнымъ. Наиболѣе яркія черты въ характерѣ лоцмана мягкость и спокойствіе, выработанныя чарующей красотой лоцманскаго пути—пороговъ. Спокойствіе проявляетъ лоцманъ не только въ пучинѣ пороговъ (здѣсь онъ долженъ быть спокойнымъ), а и въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Спокойствіе лоцмана на первый взглядъ можетъ быть принято за апатичность но не апатиченъ лоцманъ: онъ склоненъ раздумывать, взвѣсивая впечатлѣнія, и дѣйствуетъ, выяснивши положеніе дѣла. Умъ лоцмана тяжеловатъ, но пытливъ и дѣятеленъ; излишне говорить, что юморъ характерная черта этого ума, но юморъ не насмѣшливый, а добродушный,—остритъ лоцманъ не затѣмъ, чтобы слышали его остроу, а потому, что самъ въ ней находитъ удовольствіе. Усвоивъ идею личности, которую лоцманъ высоко цѣнитъ, онъ проявляетъ въ своихъ поступкахъ сильную волю: рѣдко отказывается лоцманъ отъ задуманнаго предпріятія; да и не можетъ не быть настойчивымъ человѣкъ, справляющійся съ могучими, громадными валами на порогахъ. Яркая черта въ интеллектѣ

лоцмана чувство красоты. Грандіозными, дивными скалами, зелеными душистыми островами, лепетомъ прибрежныхъ роцъ и шумомъ пороговъ очаровывается всякій разъ лоцманъ, держа свой небезопасный путь. При осматриваніи туристами достопримѣчательностей Днѣпра на порогахъ лоцманы не жалѣютъ своего времени и не торопятъ своихъ гостей. Замѣтной чертой въ характерѣ лоцмана является молодечество. Съ этой чертой характера привыкли видѣть лоцмана сосѣди, такимъ видятъ его на торжкахъ и базарахъ, тѣмъ болѣе такимъ является лоцманъ въ корчмахъ, гдѣ шинкари встрѣчаютъ его съ почтениемъ и радушіемъ, какъ щедрого посѣтителя. Лоцманы среди пришлага населенія надъ порогами еще и теперь слывуть за запорожцевъ, а когда они пьютъ—гуляютъ въ Бериславѣ и дальше на пути къ Херсону, то окрестные селяне приходятъ смотрѣть на нихъ, чтобы узнать, какіе такіе люди запорожцы.

Не забытый подневольнымъ житьемъ, лоцманъ отличается любознательностію. Между прочимъ, онъ живо интересуется прошлымъ своихъ любимыхъ пороговъ и вообще своего края. Лоцманъ охотно повѣстствуетъ о преданіяхъ родной старины. Къ сожалѣнію, эти преданія потускнѣли у нихъ и приходится слышать болшею частію общія мѣста; даже о достопримѣчательностяхъ на порогахъ многіе лоцманы рассказываютъ сбивчиво. Запорожская старина, которою особенно увлекаются лоцманы, гордись своимъ родствомъ съ запорожцами, почти забыта. О козацкихъ дѣятеляхъ и дѣлахъ ихъ остались только смутныя воспоминанія. Прекрасныя пѣсни про «бѣгство запорожцевъ за Дунай», про Байду, Нечая и др. часто поются на домашнихъ пирушкахъ у лоцмановъ, но поются въ неполномъ и несвязномъ видѣ. На убыль пошла и народная пѣсня.

Сводя отмѣченныя черты быта днѣпровскихъ лоцмановъ, приходится признать, что этотъ бытъ, счастливо сложившійся въ прежнее время, представляетъ въ общемъ отрадное явленіе въ южной Руси. Но и надъ этимъ уголкомъ сгущаются тучи. Вліяніе сосѣдняго Екатеринослава не доброе несетъ лоцманамъ. Идутъ оттуда не одни карты, идутъ извращенныя понятія объ отношеніи къ обществу и человѣку. Противодѣйствіе новымъ вліяніямъ существуетъ въ части лоцмановъ, но ряды противодѣйствующихъ рѣдѣютъ.

Л. П.

Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ.

Празднованіе въ Малороссіи перваго августа, или какъ народъ говоритъ: *святаго Маковея*, отличается какимъ то особеннымъ поэтическимъ колоритомъ. Это праздникъ освященія цвѣтовъ, хлѣбныхъ злаковъ и всякаго зелья. Предъ самымъ праздникомъ женщины и дѣвушки отправляются въ сады, въ лѣса, на луга, собираютъ цвѣты и травы, связываютъ ихъ въ большой пучекъ, перевиваютъ вѣнкомъ изъ ржи или пшеницы, втыкаютъ въ середину восковую свѣчу и несутъ его послѣ обѣдни, 1-го августа, къ *криницѣ*, гдѣ освящается вода и окропляется *свяченою водою* всякія *зилля*, или *маковейники*. Народъ при этомъ вѣрнѣе, что травы и все, что въ этотъ день освящается водою, имѣетъ цѣлебную силу. Въ освященіи водою цвѣтовъ и травъ сказывается уже вліяніе христіанскихъ понятій, хотя здѣсь нельзя не видѣть отраженія и другаго, болѣе древняго, чисто національнаго міровоззрѣнія. Извѣстно, какую большую роль играетъ у славянъ-язычниковъ вода, какъ элементъ очищающій, какъ символъ воды небесной, ниспосылаемой богомъ—громовникомъ для оживленія земли и для сообщенія ей обилия и плодородія. Многіе обряды, несомнѣннаго языческаго происхожденія, совершались и совершаются у воды, какъ напр. языческаа свадьба, кунальскія празднества, гаданіе посредствомъ вѣнковъ, пускаемыхъ на воду въ день св. Троицы и др. Отголосокъ древняго почитанія воды мы видимъ въ обычаѣ освящать колодцы на Срѣтеніе Господне, 1-го августа и во время засухи. Сюда же относится особое почтеніе къ источникамъ живой воды, обыкновеніе выкапывать на поляхъ, на перекресткахъ дорогъ криницы, строить надъ ними каплицы. Молва обыкновенно называетъ такіа криницы чудотворными, и такихъ колодцевъ въ Малороссіи множество.

Нѣкоторые языческіе праздники приурочены къ христіанскимъ, какъ напр. коляда; другіе же допускаются православною церковью, которая сообщила имъ христіанскій характеръ. Къ числу послѣднихъ несомнѣнно относится и праздникъ *Маковея*. *Зилля*, которыя освящаются въ этотъ праздникъ и чрезъ то получаютъ цѣлебную силу, суть слѣдующія: макъ, подсолнечникъ, петровы батоги, морковь огородная и морковь дикая, укропъ, повчяки, конопли, ризакъ, растропша, чечникъ, васильки, деревій, полынь, кудрявцы, нимыця, любыстовъ, мята и драголюбъ, мыколайки, пидбилъ, рута, маруна и вѣнки изъ пшеницы и ржи.

Примѣненіе освящаемыхъ травъ и цвѣтовъ въ народной медицинѣ рѣдко основывается на фармакологическомъ свойствѣ ихъ, а

большой частью опирается на поэтическія воззрѣнія народа на цвѣты, при чемъ большую роль играетъ здѣсь наружный видъ, цвѣтъ и даже названіе цвѣтка. Вотъ какія цѣлебныя свойства приписываются освящаемымъ цвѣтамъ:

Макъ составляетъ непремѣнную принадлежность этого праздника: его освящаютъ, съ нимъ пекутъ коржи, а также ѣдятъ коржи, *обмъшанные* съ макомъ и медомъ. Можетъ быть, совпаденіе имени макъ и Маковой дало ему такое предпочтительное употребленіе на этомъ праздникѣ. Макъ освящаютъ для того, чтобы поить отваромъ изъ скорлупы его дѣтей, въ случаѣ бессонницы. Про человѣка недалекаго, нерастороннаго говорятъ: *тебе дуриого маковкою наповалы*.

Подсолнечникъ, по малорусски — *сопяшныкъ*, употребляется отъ болѣзни подъ названіемъ — *сопяшныцы*. Эта болѣзнь состоитъ въ рѣзкѣ желудка, въ возбужденномъ состояніи, которое заставляетъ дитя плакать и не спать; поэтому болѣзнь чаще еще называется *плаксывицями*. Чуть начинается такая болѣзнь, обыкновенно, приглашаютъ старуху, чтобъ она *сопяшныцы заварила*. Старуха владетъ въ небольшой горшокъ маленькій подсолнечникъ, пшено, веретено, щетку, иголку, ножъ и копѣйку, варить все это съ водой, потомъ на животѣ дитяти все это выливаетъ въ миску; при этомъ шепчетъ свои заговоры. Указанные предметы, которые употребляются при завариваніи, составляли, вѣроятно, принадлежность языческаго жертвоприношенія, а потомъ стали принадлежностью колдовства. — Подсолнечникъ, или *сопяшныкъ* въ этой болѣзни есть то средство, которое имѣетъ силу успокаивать, подавать сонъ. Цѣлебное свойство здѣсь приписано, очевидно, по созвучію съ названіемъ растенія.

Петровы батогы (цикорій — *cichorium intybus*) употребляются противъ рвоты и поноса; въ этомъ зельи купають и даютъ его пить. Поносъ въ просторѣчій слыветъ би(ѣ)гачкой, почтой; про больнаго говорятъ: вотъ его гоняеть. Съ такими образами и могли войти въ связь *Петровы батогы*.

Морковь дикая (*Laserpitium pruthenicum*) служитъ для окуриванія дома въ случаѣ, если ходять мертвецы. Народная этимологія, вѣроятно, отождествила названіе — *морква* съ корнемъ — мор — морить.

Морковь огородная употребляется, какъ средство противъ желтяницы. Желтый цвѣтъ этого овоща послужилъ основаніемъ для употребленія его противъ желтянки.

Повнякъ — цвѣтокъ служитъ отъ желтянки и золотухи. Желтый цвѣтъ растенія и здѣсь народъ сочеталъ съ названіемъ болѣзни.

Чепчикъ (чебрець) служитъ отъ головной боли; имъ голову парятъ. Здѣсь названіе травы соединило мысль съ пользой ея для головы.

Ризакъ употребляется отъ рѣзи въ желудкѣ. «Въ середины якъ риже, то пьютъ; кажутъ, що помогаєци нибы», такъ миѣ объяснили дѣйствіе этого цвѣтка, котораго названіе также сочеталось съ названіемъ болѣзни.

Нимьця (*Hyoscyamus niger*) употребляется отъ зубной боли. Говорятъ: «зубы занимають, якъ приложить оце зилля». И здѣсь свойство растенія выведено изъ его названія.

Любыстокъ (*Levisticum officinale*)—растеніе, которое имѣеть силу приворожить любовь парня къ дѣвушкамъ. Такое свойство растенія, очевидно, приписано ему на основаніи его названія. Есть не лишняя. интереса подробность въ собираніи этого растенія: его крадутъ на зарѣ изъ огородовъ, *де перши живутъ*, т. е. изъ тѣхъ огородовъ, гдѣ счастливые супруги живутъ, въ первый разъ поженившіеся, а не вдовцы.

Растропша употребляется отъ колики. Наружный видъ колючій подалъ народу мысль заключать о дѣйствиіи этого цвѣта.

Крипъ (укропъ), *мыколайки* (*Lynosyris*) и *васильки* служатъ отъ головной боли; ими голову парятъ.

Маруна употребляется отъ конвульсій.

Кудрявци помогаютъ отъ той же болѣзни. «Отъ конфульсій и якъ нечпста болизнь, то вмн голову парятъ», такъ сказали миѣ. Названіе *кудрявецъ* подало мысль объ употребленіи растенія отъ струщевъ на головѣ.

Конопля служитъ для окуриванія, чтобы предохранить отъ хожденія мертвецовъ.

Деревій (*Millefolium*) служитъ отъ боли желудка и поноса у дѣтей. Въ немъ ихъ кушаютъ.

Мята и *драголюбъ* (англійская мята) употребляются въ слѣдующемъ случаѣ: «якъ пече въ середины, то варятъ и пьютъ».

Полынь служитъ отъ грудной боли. Когда тужитъ кто, тоскуєтъ, то даютъ пить полынь, какъ укрѣпляющее средство.

Пидбиль; листья этого растенія способствуютъ, по народному пред- ставленію, заживленію ранъ. Листья растенія, бѣлыя снизу, содѣйст- вуютъ, такъ сказать, тому, что тѣло изъ болѣзненнаго, краснаго по- лучаетъ естественный, бѣлый цвѣтъ.

Рута служитъ въ томъ случаѣ, «якъ тхиръ (хорѣкъ) занадыця до курей, то курятъ, щобъ но ходывъ». Сильная вонь отъ этого растенія подала мысль прогонять имъ вонючаго звѣрька.

Вѣнки изъ жита и пшеницы освящаютъ, а потомъ вымолоченныя изъ нихъ зерна примѣшиваютъ къ посѣвамъ, чтобъ *зоны* (головки) не было.

Этотъ праздникъ освященія хлѣбныхъ злаковъ и цвѣтовъ послѣ жатвы, какъ разъ въ концѣ лѣта, носить несомнѣнные признаки языческаго жертвоприношенія или обычая, вытекающаго изъ народнаго міровоззрѣнія. Но древній характеръ праздника уже теперь почти совсѣмъ затемненъ, и онъ остался обычаемъ, который допустила и освятила наша церковь.

Хр. Ящуржинскій.

Изъ воспоминаній о быломъ.

(Со словъ рассказчика).

Уроженецъ черниговской губ., сосницкаго уѣзда м. Новыхъ Млыновъ, сынъ мелкопомѣстной вдовы, я жилъ и воспитывался дома, какъ говорится, на мѣдныхъ деньгахъ. Отецъ, умирая, выразилъ надежду, что мой старшій братъ позаботится обо мнѣ.

Когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, братъ, бывшій тогда командиромъ резервной батареи и только что вернувшійся изъ Парижа вмѣстѣ съ корпусомъ Раевского, заѣхалъ домой, чтобы повидаться съ матушкой, съ сестрами, а главное, чтобы взять меня съ собой, согласно волѣ отца. Страшно было разставаться съ родной деревней, много было пролито слезъ при прощаніи съ родными, но въ концѣ концовъ братъ сумѣлъ ободрить меня своимъ примѣромъ, общаніемъ, что я выросту и буду молодцомъ, буду носить эполеты, и пробью себѣ дорогу, оставаясь же здѣсь въ глуши мнѣ, какъ бѣдному мелкопомѣстному, необразованному дворянину, предстояло весь вѣкъ не видать никого и ничего дальше своей деревни. Уѣзжая, я просилъ брата позволить мнѣ взять съ собой пару любимыхъ голубей, которыхъ, отъѣхавъ верстъ 25, я и выпустилъ на свободу. Мнѣ казалось, что если голуби прилетятъ домой, то и я когда нибудь вернусь на родину, если же нѣтъ, то и мнѣ не видать ее болѣе. Голуби прилетѣли да и мнѣ, много лѣтъ спустя, пришлось жить въ родныхъ мѣстахъ.

Въ бригадѣ, гдѣ служилъ братъ, была школа, въ которую поступилъ я по прибытіи и, окончивъ ее довольно удовлетворительно, былъ посланъ вмѣстѣ съ другими юнкерами въ Петербургъ, гдѣ мы должны были вторично держать экзаменъ на полученіе офицерскаго чина.

Прибывъ въ Петербургъ мы явились въ свободную роту (что была тогда на Ямской), учрежденную для записи всѣхъ прибывающихъ изъ армій офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Командиромъ роты былъ капитанъ Гурьевъ, а фельдфебелемъ Гавриловъ, другихъ чиновъ не было въ ротѣ, а въ спискахъ стояло человѣкъ до 100 и на нихъ шло полное казенное продовольствіе, поступавшее въ безконтрольное распоряженіе фельдфебеля. Рота состояла изъ ротнаго двора, — казарменнаго помѣщенія не имѣлось и прибывающіе на короткое время только числились, а жили на своихъ квартирахъ по совѣту фельдфебеля.

Наша артель состояла изъ двухъ братьевъ Борисовыхъ, трехъ Песцовыхъ и меня. Мы наняли квартиру на Пескахъ и размѣстились въ двухъ комнатахъ; столъ былъ отъ хозяйки по 40 р. асс. въ мѣсяцъ на человѣка, со стиркой бѣлья. Устроившись, на третій день мы явились въ комитетъ, состоящій изъ пяти заслуженныхъ генераловъ въ лентахъ и звѣздахъ. Страшно было и приступить, я чувствовалъ себя окончательно потеряннѣмъ, казалось, что не въ силахъ буду и сказать что либо, но, благодаря ласковому вниманію генерала Монуца, я ободрился и отвѣчалъ на всѣ вопросы удовлетворительно. По окончаніи экзамена насъ прикомандировали въ роту его высочества в. к. Михаила Павловича для практическихъ занятій. Долго пришлось ожидать нашего производства въ офицеры, такъ какъ рѣшено было обождать прибытія юнкеровъ изъ отдаленныхъ корпусовъ армій для совмѣстнаго производства. Это сильно насъ тяготило: все, что привезли мы на обмундировку, было прожито. Что оставалось дѣлать? Товарищи не особенно унывали, надѣясь на родительскій карманъ и безирестанно развлекали себя, разгуливая по вечерамъ въ штатскомъ платьѣ, бывая въ театрахъ и на балахъ, мнѣ же, какъ бѣдному человѣку, приходилось сидѣть дома, что было подчасъ очень неприятно, — молодость брала свое, рассказы товарищей еще болѣе раздражали меня, но надо было терпѣть и утѣшать себя хотя пословицею «терпи козакъ — атаманомъ будешь». Вида что конца нѣтъ нашимъ ожиданіямъ, я рѣшился обратиться къ своему земляку, — коменданту столицы генералу Башуцкому съ просьбой обратить вниманіе на замедленіе нашего производства.

Генералъ Башуцкій, близкій сосѣдъ по имѣнію и даже дальній родственникъ моей матери, пріѣзжая на родину, бывалъ на балахъ у Разумовскаго и даже не разъ танцевалъ съ моею матерью. Хотя матушка и совѣтовала мнѣ побывать у генерала, но нужно было много рѣшимости, чтобы исполнить это; какъ посмотреть на меня — ничтож-

наго юнкера такая важная особа какою былъ тогда генераль Башуцкій? Приходилось идти во дворець, гдѣ была тогда квартира коменданта. Я былъ такъ счастливъ, что меня сейчасъ допустили въ квартиру генерала, который, милостиво выслушавъ меня, началъ кричать и бранить меня, отчего я не явился къ нему раньше. Затѣмъ, общавъ похлопотать о нашемъ дѣлѣ, приказалъ мнѣ аккуратно приходить къ нему на обѣдъ всякое воскресенье, что я въ точности долженъ былъ исполнять, хотя приходилось ходить чуть не нѣсколько верстъ, да и жутко было сидѣть среди такихъ важныхъ особъ, которыхъ, обыкновенно, посѣщали генерала. Личность генерала Башуцкаго замѣчательна. Въ войну 1812 года онъ командовалъ петербургскимъ ополченіемъ въ распоряженіи главнокомандующаго графа Витгенштейна. Служа при дворѣ, онъ для отдыха часто посѣщалъ свой родной край. Въ мѣстечкѣ Новыхъ Млынахъ находился его домъ, гдѣ, пріѣзжая погостить, онъ любилъ задавать обѣды окрестнымъ дворянамъ. Многихъ бѣдняковъ онъ помѣщалъ на службу или въ корпусъ. Память о немъ въ родномъ краѣ незабвенна. Онъ всегда оставался патриотомъ, домъ его былъ наполненъ его земляками; онъ отличался малорусскимъ хлѣбосолецтвомъ и юморомъ. Много ходило о немъ анекдотовъ. Говорятъ, разъ онъ зашелъ въ магазинъ купить географическую карту, и на вопросъ купца, нужна ли ему генеральная карта, отвѣтилъ «ну да, конечно, братецъ, развѣ ты не видишь, что я генераль».

Семья Павла Яковлевича состояла изъ его сына и невѣстки, прекрасныхъ молодыхъ людей. Жена молодого Башуцкаго была изъ фамиліи Сватко; они жили очень дружно; оба не любили свѣтскихъ развлеченій и часто посѣщали храмъ Божій, за что отецъ прозвалъ ихъ монахами. Говорятъ, что впоследствии оба они послушили въ монастырь. Но разсказамъ, у стараго генерала Башуцкаго было еще два незаконныхъ сына.

Заручившись общаніемъ генерала, я радостно сообщить это своимъ товарищамъ, которые довольно недовѣрчиво отнеслись къ моимъ словамъ и повѣрили только тогда, когда, осматривая нашу офицерскую форму, великій князь Михаилъ Павловичъ обратилъ на меня вниманіе: «А, ты родственникъ Павла Яковлевича, хорошо, хорошо, отлично».

Возвращаясь назадъ. Старшій Песцовъ и два Борисовыхъ съ нѣкоторыхъ поръ начали обращать на себя наше вниманіе. Они часто запирались въ своей комнатѣ, пентались и разговаривали

посредствомъ какихъ то таинственныхъ знаковъ, наконецъ, уходили на чердакъ, гдѣ сидѣли до поздняго вечера. Все это сильно интриговало насъ—жильцовъ другой комнаты. Намъ приходило въ голову, не подшучиваютъ ли они надъ нами, ругая насъ такимъ образомъ, чтобы мы этого не понимали; не была ли это месть за наши насмѣшки надъ ихъ аскетическою жизнью? Предположеніе было конечно глупо; мы были еще мальчишки и насъ раздражала эта жизнь, полная таинственности; стали слѣдить за ними. Оказалось, что Петръ Борисовъ получаетъ пакеты изъ Вѣны и Берлина, что насъ крайне удивило:—ничтожный юнкеръ ведетъ какую то важную заграничную переписку. И вотъ рѣшено было открыть тайну чердачныхъ бесѣдъ и ключъ языка. Однажды, когда Борисовыхъ и Песцова не было дома, средній Песцовъ, юнкеръ Александровъ, пришедшій къ намъ въ гости, и я залѣзли на чердакъ, отворили найденный тамъ сундучекъ и между письмами, испещренными цифрами, нашли русскую азбуку, объясняющую значеніе цифръ. Сильно обрадовавшись находкѣ, мы въ короткое время изучили таинственный языкъ и прочли найденный тамъ же уставъ «человѣколюбиваго общества», гдѣ по пунктамъ были пояснены обязанности христіанскаго общества: любить Бога, ближняго, дѣлиться съ нуждающимся послѣдней рубашкой, хранить общественныя тайны, стараться о приобрѣтеніи членовъ общества. Изъ всего открытаго мы заключили, что они принадлежатъ къ обществу масоновъ, удивлялись и не вѣрили значенію юнкера въ этомъ обществѣ. Что касается обоихъ юнкеровъ, надо сказать, что они были примѣрно нравственны и богомольны, не пропускали ни одной церковной службы. Вскорѣ послѣ нашего открытія праздновался день св. Маріи Магдалины. Обыкновенно, въ этотъ день было гулянье въ Маріинской роцѣ близъ Петербурга. Отправились мы; братья Борисовы были въ штатскихъ костюмахъ; на младшемъ мы замѣтили въ петлицѣ на голубой лентѣ маленькій серебряный молоточекъ (знакъ масоновъ) и намъ показалось это такой смѣшной комедіей, что тутъ же мы вздумали наказать его и скоро дали замѣтить, что понимаемъ ихъ языкъ, выѣшавшись въ ихъ разговоръ. Тотчасъ наше чердачное преступленіе было открыто, поднялась ссора, честь наша была поругана названіемъ подлецовъ, оставалось смыть оскорбленіе кровью. И вотъ, въ тотъ же день назначено мѣсто дуэли «Волково поле», выбраны секунданты, но тутъ вмѣшался нашъ общій товарищъ Александровъ и, благодаря ему, дуэль была отложена до производства въ офицеры, а тамъ обѣ стороны настолько охладѣли, что и совсѣмъ

забыли о ней думать. Тѣмъ временемъ были приняты мѣры къ пере-мѣнѣ цифроваго языка, такъ что вскорѣ онъ опять сдѣлался для насъ непонятнымъ.

Вскорѣ мы были произведены; но радость надѣтъ офицерскіе эполеты для меня была сильно омрачена невозможностью сдѣлать какую бы то ни было обмундировку. Проживъ все привезенное мною за 8 мѣсяцевъ въ Петербургѣ, и не имѣлъ буквально ни гроша, ждать изъ дому я не могъ, зная состояніе матушки—положеніе было безвыходное; было о чемъ задуматься, какъ я представляю великому князю. Въ эти тяжелыя минуты мнѣ опять пришлось обратиться за помощью къ своему великодушному земляку генералу Башуцкому. Я отправился во дворецъ и откровенно рассказалъ ему о своемъ положеніи, прося сколько нибудь помочь мнѣ. Генераль строго посмотрѣлъ на меня, сказавъ: «словамъ твоимъ вѣрю, онѣ дышать правдой, но денегъ тебѣ не дамъ безъ поручительства за твою нравственность, а можно впередъ взять треть жалованья по закону и одѣться экономически». Я болѣе не смѣлъ говорить, но чѣмъ бы тогда пришлось существовать, предстояло окончательно запутаться. Въ ту минуту, когда я уже готовъ былъ раскланяться, стоящій тутъ же адъютантъ Троцкій выручилъ меня, замѣтивъ генералу, что третное жалованье составляетъ всего 70 руб. ассигн.; тогда генераль, подумавши немного, обратился къ Троцкому: «сведи его къ моему гардеробному портному, прикажи сшить ему полную офицерскую форму изъ лучшаго матеріала, а счетъ подать мнѣ».

И такъ, благодаря добротѣ генерала Башуцкаго, я былъ обмундированъ не только прилично, но даже лучше моихъ товарищей, такъ что обратилъ на себя вниманіе великаго князя, который, осматривая насъ, по представленіи въ офицеры, остался настолько доволенъ моей обмундировкой, что поставилъ меня въ примѣръ прочимъ.

По производствѣ въ офицеры всѣ мы разбрелись въ разныя стороны. Я и Сабо были назначены въ 6-ую артиллерійскую бригаду; но послѣдній служилъ нажемъ при штабѣ Его Высочества Михаила Павловича, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ шостенскаго пороховаго завода, а Борисовъ и Песцовы произведены въ 9-ю артиллерійскую бригаду.

Прошло немного времени и мнѣ пришлось узнать очень грустныя вещи о моихъ бывшихъ товарищахъ: старшій Песцовъ и Борисовы оказались замѣшаны въ исторію 25 декабря и сосланы въ Сибирь, а также мой дорогой учитель Берсгелъ поплатился за свое увлеченіе 20-лѣтней каторжной работой въ Сибирь. Л***

Къ исторіи Глушковской фабрики.

Запнулся разборкою дѣлъ, относящихся къ 1812-му году, въ архивѣ канцеляріи смоленскаго губернатора, мы, между прочимъ, натолкнулись здѣсь на интересное для южно-русской исторіи дѣло 1813 года «о поимкѣ бѣжавшихъ съ Глушковской фабрики крестьянъ».

Въ 1886 году на страницахъ «Кіевской Старины» нами была помѣщена коротенькая справка по поводу исторіи Глушковской фабрики, ея возникновенія, развитія и т. д. Въ настоящее время пользуемся случаемъ, чтобы хотя нѣсколько дополнить сообщенныя прежде скудныя свѣдѣнія и иллюстрировать положеніе крѣпостныхъ посессионныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Глушковской фабрицѣ.

Упомянутое дѣло было возбуждено по отношенію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязмитинова, игравшаго въ то время въ Россіи такую же приблизительно роль, каковую долженъ былъ играть министръ исполнительной полиціи, если бы онъ существовалъ у насъ. Отношеніе Вязмитинова къ губернатору помѣчено 21 февраля 1813 года. Приводимъ его здѣсь буквально:

«Г. смоленскому гражданскому губернатору. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ относится ко мнѣ, что съ Глушковской фабрики, въ курской губерніи состоящей, изъ числа принадлежащихъ къ той фабрицѣ крестьянъ, нѣкоторые, подъ видомъ отягощенія ихъ работою, бѣжали къ разнымъ помѣщикамъ полтавской и другихъ губерній, отчего фабрика терпитъ нарочитую въ мастеровыхъ людяхъ потерю, особливо когда обязана она поставкою для обмундированія войскъ знатнаго количества суконъ и каразей (sic!), почему просить предписанія моего, дабы градскія и земскія полиціи, отыскивая бѣжавшихъ съ означенной фабрики крестьянъ, высылали ихъ на оную или же высылались комиссіонерамъ, кои для поимки ихъ посланы быть имѣютъ.

«Вслѣдствіе сего ваше превосходительство не оставьте подтвердить кому слѣдуетъ по губерніи, вамъ ввѣренной, чтобы, если окажутся гдѣ оныя крестьяне, поймавъ ихъ, представить по назначенію».

Такія отношенія были разосланы, вѣроятно, если не во всѣ губерніи, то, по крайней мѣрѣ, по всей западной половинѣ Россіи.

Получивъ отношеніе Вязмитинова, смоленскій губернаторъ тотчасъ обратился съ предписаніями ко всѣмъ земскимъ исправникамъ и городничимъ губерніи, чтобы они приложили всѣ старанія къ отысканію бѣглецовъ, если таковые окажутся въ губерніи. Но бѣглецовъ нигдѣ не оказалось, о чемъ при дѣлѣ имѣются рапорты всѣхъ городничихъ и земскихъ исправниковъ.

Сообщ. Н. Добротворскій.

Вариантъ пѣсни о Кармелюкѣ.

Въ ряду пѣсенъ о Кармелюкѣ, характеризующихъ его, какъ героя разбойничьихъ подвиговъ, всегда, впрочемъ, соединенныхъ съ симпатичной окраской его рыцарскихъ стремленій становится защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ, играютъ не послѣднюю роль и тѣ пѣсни, гдѣ онъ рисуется героемъ романтическихъ исторій, какъ рыцарь, сводящій съ ума вдовъ и дѣвицъ. Въ этихъ пѣсняхъ Кармелюкъ напоминаетъ собой пѣсенный образъ Журилы, тоже обрисовываемаго, какъ покоритель женскихъ сердецъ. Въ «Кіевск. Стар.» 1887 г. № 11 (стр. 588) помѣщенъ былъ одинъ вариантъ такой пѣсни, записанной въ ровенскомъ уѣздѣ, волинской губ. Теперь мы помѣщаемъ присланный намъ И. И. Зозулю подобный же вариантъ, записанный въ с. Тарановкѣ, змѣевского уѣзда, харьковской губ.,— вариантъ, свидѣтельствующій, что пѣсни о Кармелюкѣ, перенесенныя изъ правобережной Украины въ слободскую, удерживаютъ въ слабой степени цѣльность и тонъ своихъ первообразовъ, сложенныхъ въ мѣстахъ главнаго поля дѣятельности Кармелюка. Помѣщаемый вариантъ отличается очевидной потерей не только многихъ поэтическихъ образовъ, но даже и цѣлыхъ стиховъ, что мѣшаетъ уразумѣнію смысла всей пѣсни. Предлагаемъ читать этотъ вариантъ, сравнивая съ указаннымъ выше.

Славный клонецъ Кармалюга
Винъ по свиту ходить,
Та не одну чорнявую
Зъ розуму изводмъ.
Не такъ тую чорнявую,
Якъ ту биллюю,
Не такъ ту билавою,
Якъ ту бидну вдову,
Сидлай, сидлай, Кармалюго,
Коня вороного,
Та поидемъ, Кармалюго,
Та до кумы въ гости
Здорова, кума моя!

Щось маю сказати,
Та не знаю, кума моя,
Якъ тебе назвати.
Назвы, назвы, Кармалюго,
Назвы туманъ-яромъ,
Туманъ яромъ, туманъ яромъ,
Морозъ дольною;
Не по правди козакъ живе,
Жыве зъ дивчною.
Моя хата, мои сини
Очеретомъ крыты
Бережыся, кума моя,
Щобъ не була быта!

Пѣсня сахарно-заводская.

Новыя условія быта, естественно, порождаютъ и новыя народныя пѣсни, рисующія намъ этотъ бытъ. Сахарно-заводская промышленность, усилившаяся въ послѣднія десятилѣтія, дала темы для народныхъ пѣсенъ, далеко не въ радужномъ цвѣтѣ изображающихъ

намъ положеніе рабочихъ на заводахъ и свекловичныхъ плантаціяхъ. Нѣсколько образчиковъ такихъ пѣсенъ было уже напечатано въ I т. Записокъ юго-западнаго отдѣла геогр. общ., а также въ «Кіевской Старинѣ» прежнихъ годовъ.

Намъ прислана теперь И. И. Зозулею еще одна пѣсня этой же категоріи, записанная въ с. Тарановкѣ, змievскаго уѣзда, харьков. губ. со словъ дѣвушки, поступившей на службу въ качествѣ работницы «на бурякахъ» и повинувшей заводъ до выслуги срока, вслѣдствіе тяжелой обстановки заводскаго жптья. Эта же дѣвушка передаетъ, что уходъ съ завода «дивчатъ» — не исключеніе: уходятъ не двѣ—три, а по десять и болѣе душъ. Пѣсня, прекрасно характеризующая условія жизни на заводѣ, отличается съ внѣшней стороны всѣми признаками фабричной культуры, типичнѣе всего обнаруживающимися въ припѣвѣ къ каждому куплету «гей-гей! охъ-хо-хо!», не имѣющимъ ничего общаго съ пѣснопѣніемъ сельскаго люда; не мало также и великоруссизмовъ, какъ естественнаго слѣдствія смѣшаннаго состава рабочихъ на заводѣ.

Ой горе намъ, молодымъ

Зъ намъ приказчикомъ дурнымъ:

Гей гей! охъ-хо-хо!

Зъ намъ приказчикомъ дурнымъ. } *Два*

До работы прыгави,

А про ижу не спята.

Гей-гей...

Якъ наварить бурякивъ

Годуе насъ дуракивъ

Гей-гей...

Якъ наварить кандеру,

И собакамъ у волю

Гей-гей...

Якъ наварить галушокъ,

Годуе насъ дурочокъ

Гей-гей...

Ой приказчику нашъ,

Та виддай же намъ приказъ

Гей-гей...

Мы до домушку найдемъ,

Славу писеньку споемъ

Гей-гей...

Славу писеньку споемъ

И до тебе не прийдёмъ

Гей-гей...

И сусидамъ закажемъ,

И собаку привьяжемъ:

Гей-гей...

Не ходижъ ты, Рябло ¹⁾,

Бо тамъ тебе изъидать

Гей гей...

Бо тамъ тебе изъидать

И косточки рострощать

Гей-гей...

Малороссійская губернія.

Императоръ Павелъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 12 декабря 1796 г., повелѣлъ Сенату: ввести новые штаты въ губерніяхъ Россіи. Въ пменномъ указѣ отъ 22 декабря того же года,

¹⁾ Очевидно, неправильно записанный куплетъ.

на имя государственнаго казначея тайнаго совѣтника А. И. Васильева, 1 мая 1797 г. было назначено срокомъ для сдачи дѣлъ изъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, которыя подлежали закрытію.

Перемены эти главнымъ образомъ коснулись южной Россіи, такъ какъ изъ екатеринославской и азовской губерній, была восстановлена новороссійская губернія; Полтава, Алексополь и Константиноградъ, возвращены къ Малороссіи, при чемъ алексопольскій уѣздъ былъ раздѣленъ между кременчугскимъ, полтавскимъ и новомосковскимъ уѣздами.

Новороссійское губернское правленіе 31 января 1797 г. разослало указы объ этомъ распоряженіи присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ, въ томъ числѣ алексопольскому городничему Пирогову ¹⁾.

Изъ предписанія послѣднему видно, что 20 декабря императоръ Павелъ утвердилъ: 1) росписание о государственныхъ расходахъ, 2) что раздѣленіе нѣкоторыхъ губерній въ новыхъ границахъ, было поручено сдѣлать «управляющимъ губерніями» и 3) что государственному казначею Васильеву было повелѣно объявить этотъ указъ Сенату.

Въ указѣ 22 декабря о раздѣленіи губерній говорится, «что нѣкоторыя губернія получаютъ перемену во образѣ правленія ихъ, другія вовсе уничтожаются и приписываются по частямъ къ сосѣдственнымъ, а нныя вновь составляются. На основаніи этого указа, правит. Сенатъ 24 декабря предписалъ казеннымъ палатамъ: доставить разсчеты «въ людяхъ и о всѣхъ государственныхъ доходахъ, доимкахъ и имуществѣ» государственному казначею А. Васильеву.

Современникъ императора Павла, генералъ С. Маевскій, въ своихъ запискахъ говоритъ, что при немъ «всеобщая переборка лишила многихъ хлѣбнаго мѣста, отняла способъ обогащаться кровавыми трудами ближняго и поставила всѣхъ въ границы страха и чести ²⁾. Понятно, что необходимо было произвести коренныя перемены, потому что намѣстники областей, въ особенности на окраинахъ Россіи, допускали произволь и злоупотребленія.

Въ с. Трубаихъ готтванскаго уѣзда, (нынѣ полтавской губерніи) крестьяне разграбили домъ и убили владѣльцевъ Базилевскихъ; о бунтѣ этомъ было поручено произвести слѣдствіе въ 1789 г. генералъ-губернатору князю Потемкину-Таврическому, но онъ этого не исполнилъ.

Поэтому императоръ Павелъ, указомъ 22 августа 1797 г., повелѣлъ Сенату: разыскать съ имѣній Потемкина, доставшихся его наслед-

¹⁾ Смотр. подлин. дѣла бывшаго алексопольскаго земскаго суда за 1797 г.

²⁾ Смотр. „Рус. Старина“ за 1873 г., августъ, стран. 131.

никамъ, 63,587 руб. убытковъ, согласно опредѣленію граднижскаго уѣзднаго суда ¹⁾). Помѣщичи: Стенанъ, Иванъ и сестра ихъ Марьянна Базилевскіе были убиты 8 іюня 1789 г. крестьянами подъ предводительствомъ Василя Цанка. Совѣтникъ Корбе, командированный туда кіевскимъ намѣстническимъ правленіемъ, губернской стряпчій, земскій исправникъ были тогда же избиты ими и заключены подъ стражу. Получивъ донесеніе объ этомъ происшествіи, правитель намѣстничества, генераль маіоръ Ширковъ, 14 іюня послалъ въ с. Трубаи для усмиренія крестьянъ 160 человекъ солдатъ, при 3-хъ офицерахъ и одной пушкѣ. Но въ это время князь Потемкинъ-Таврическій почему то присоединилъ с. Трубаи къ екатеринославскому намѣстничеству. Тогда кіевское намѣстническое правленіе, на новую жалобу Феодора Базилевскаго, къ которому перешли с. Трубаи, отвѣтило, что объ усмиреніи взбунтовавшихся крестьянахъ онъ долженъ обращаться въ Екатеринославъ.

Добавимъ, что изъ указа отъ 1 марта 1800 г. также видно, что костромскій губернаторъ д. с. с. Николай Кочетовъ, разграбилъ палату (казенную) за что его имѣніе было севестровано ²⁾; онъ служилъ тамъ съ 1779 г., со времени открытія костромской губерніи.

Новороссійское губернское правленіе 7 марта 1797 г. сообщило всѣмъ городничимъ, что, при указѣ Сената отъ 15-го января, присланы новороссійскому военному губернатору, генераль лейтенанту Н. Мих. Бердиеву, новые штаты губерніямъ. Соображаясь съ ними послѣдній назначилъ въ новороссійской губерніи слѣдующіе уѣзды: 1) екатеринославскій, присоединивъ къ нему часть александрійскаго уѣзда, 2) елисаветградскій изъ елисаветградскаго, частей александрійскаго и новомиргородскаго, 3) ольвіопольскій изъ частей новомиргородскаго, вознесенскаго и богопольскаго уѣздовъ, но присутственныя мѣста его оставлены временно въ г. Вознесенскѣ, 4) тираспольскій изъ тираспольскаго уѣзда и части еленскаго. 5) херсонскій—изъ херскаго и части вознесенскаго уѣзда, 6) переконскій—изъ переконскаго и днѣпровскаго уѣздовъ, 7) симферопольскій изъ симферопольскаго, еваторійскаго и еодосійскаго, 8) маріупольскій въ с. Токмакѣ, изъ частей: маріупольскаго, навлоградскаго, новомосковскаго и мелитопольскаго, 9) ростовскій въ Таганрогѣ, съ присоединеніемъ

¹⁾ Смотр. Историч. матеріалы изъ архива кіев. губернскаго правленія К. 1882 г. вып. II, стр. 156.

²⁾ Смотр. „Рус. Старину“ 1873 г., май, стран. 626.

къ нему земель черноморскаго войска, 10) павлоградскій изъ частей павлоградскаго, новомосковскаго и славянскаго; 11) константиноградскій—изъ частей константиноградскаго, алексопольскаго и славянскаго, 12) бахмутскій—изъ частей бахмутскаго, донецкаго и павлоградскаго уѣздовъ. При этомъ отошли отъ екатеринославскаго намѣстничества въ сосѣднюю губернію—малороссійскую, уѣзды: молтавскій, гралпжскій, хорольскій, мпргородскій, часть константиноградскаго—и часть алексопольскаго съ городомъ. Въ слободско-украинскую губернію: часть константиноградскаго и часть славянскаго съ городомъ. Въ воронежскую губернію: часть донецкаго и бахмутскаго по р. Сѣверный Донецъ. Изъ бывшей вознесенской губерніи часть, присоединенная отъ Польши, отчислена въ кievскую и подольскую губерніи, а остальные уѣзды были закрыты.

Въ этомъ указѣ также было сказано, что совѣстный судъ, верхній земскій судъ, верхняя расправа, губернский магистратъ, нижняя расправа, управа благочинія, должности губернскаго и уѣзднаго стряпчаго упраздняются. вмѣсто новороссійской палаты уголовной и гражданской, открыта была палата суда и расправы, раздѣленная на 2 департамента, вознесенское же губернское и таврическое областное правленія упразднены.

Наблюденіе за передачей дѣлъ прокурорами, стряпчими и присутственными мѣстами возложено на губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника И. Шкляревича, а за межевыми дѣлами—на губернскаго землемѣра кол. асс. Чуйко.

Потомъ губернаторъ Бердяевъ сообщилъ новороссійскому губернскому правленію, что городъ Константиноградъ и часть уѣзда, какъ увѣдомилъ его управляющій Малороссією генералъ фельдмаршалъ графъ И. Салтыковъ, причисленъ къ Малороссіи; а потому поручилъ составить новомосковскій уѣздъ: изъ частей константиноградскаго, алексопольскаго и новомосковскаго уѣздовъ.

Далѣе въ немъ поясняется, что 30 ноября 1796 г. послѣдовалъ указъ: «о возстановленіи въ Малороссіи правленія и судопроизводства, сообразно тому, какъ оно тамъ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало», и о составленіи, вмѣсто 3-хъ намѣстничествъ, одной губерніи въ г. Черниговѣ, возвративъ къ ней гг. Полтаву и Кременчугъ. Вслѣдствіе чего правленіе поручило полтавскому и алексопольскому судамъ справиться въ архивахъ: какія прежде состояли въ полтавскомъ малороссійскомъ полку селенія и земли казенныя и владѣльческія, и потомъ прислать вѣдомости въ правленіе. При этомъ

имъ было предписано нижнимъ разиравамъ: екатеринославской, александровской, новомосковской, павлоградской, бахмутской, донецкой, славянской, константиноградской, маріупольской, градижской, полтавской, миргородской, хорольской и алексопольской прекратить свои дѣйствія, а казенное имущество сдать на храненіе въ уѣздныя казначейства.

Затѣмъ въ указѣ сказано, что при новороссійскомъ губернскомъ правленіи существовала межевая экспедиція, учрежденная 15 іюля 1792 г., въ коей состояли по штату: губернской землемѣръ, 2 землемѣра, 2 помощника и въ каждомъ уѣздѣ—землемѣръ, помощникъ, а по новому штату назначенъ на губернію одинъ губернской и 12-ть уѣздныхъ землемѣровъ. Поэтому поручено межевой экспедиціи прекратить свои дѣйствія, дѣла же отправлять губернскому и уѣздному землемѣрамъ.

Выѣстѣ съ тѣмъ губернское правленіе сообщило въ вознесенское и малороссійское губернска правленія, чтобы первое передало въ кіевскую и подольскую губерніи уѣзды: ольгопольскій, богопольскій, уманскій, екатеринопольскій, черкасскій и чигиринскій, а послѣднее приняло изъ новороссійской губерніи уѣзды: градижскій, миргородскій, полтавскій, хорольскій, части алексопольскаго и константиноградскаго.

Послѣ того 17 апрѣля малороссійское губернское правленіе дало знать городничимъ, чтобы они приготовили дѣла къ сдачѣ, а всѣ нижніе земскіе суды и дворянскія опеки городовъ, назначенныхъ къ закрытію, отослали свои дѣла въ тѣ города, которые остаются уѣздными по новому раздѣленію губерніи, непремѣнно къ 1 мая.

Въ томъ же указѣ сказано,—что малороссійская губернія составляется изъ 20 повѣтовъ, для отграниченія которыхъ посланы землемѣры.

Вслѣдствіе сообщенія малороссійскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Я. М. Бакуринскаго, губернское правленіе 10 апрѣля даетъ знать алексопольскому городничему Пирогову, что указомъ Сената отъ 9 марта предоставляется купцамъ и мѣщанамъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ присутственныя мѣста будутъ закрыты, производить торговлю и заниматься промыслами на прежнихъ основаніяхъ.

Малороссійское губернское правленіе 23 апрѣля увѣдомляло того же Пирогова, что съ 1-го мая введутся новые штаты въ губерніи, а потому упразднятся слѣдующіе города: Городня, Березна, Борзна,

Лохвица, Глинскъ, Кролевецъ, Коропъ, Новое-мѣсто, Суражъ, Погаръ, Остеръ, Миргородъ, Градижскъ, Константиноградъ, Алексополь и существовавшія въ нихъ присутственныя мѣста, кромѣ магистратовъ и городскихъ думъ. Въ уѣздныхъ же городахъ: уѣздные суды, дворнискія опеки и нижнія расправы также упраздняются. Поэтому правленіе поручило съ того числа всѣмъ этимъ лицамъ и мѣстамъ прекратить производство дѣлъ, прежніе дѣла отослать въ земскіе суда тѣхъ уѣздовъ, куда они причислены, а городничимъ передать дѣла гражданскія въ городовыя магистраты, дѣла же с штатныхъ командахъ и суммы выслать въ правленіе. Команды эти и лошади должны были городничіе приготовить къ отправленію куда будетъ назначено, а казенныя зданія и вещи, чтобы передали въ нижніе земскіе суды уѣздныхъ городовъ по описямъ, и затѣмъ донесли правленію. Забѣгимъ, что г. Черниговъ былъ назначенъ въ 1797 г. губернскимъ городомъ малороссійской губерніи, что видно изъ указа малороссійскаго губернскаго правленія отъ 10 марта 1797 г., но не уѣзднымъ, какъ сказано по ошибкѣ въ географическо-статист. словарѣ П. Семенова при описаніи г. Чернигова ¹⁾.

На это распоряженіе алексопольскій городничій Пироговъ донесъ 30 апрѣля правленію, что въ г. Алексополь нѣтъ магистрата, жившихъ же тамъ 6-тъ купцовъ и 7 мѣщанъ вѣдалъ екатеринославскій магистратъ, а потому онъ просилъ правленіе, увѣдомить его: какъ поступить съ дѣлами и книгами. Потомъ онъ донесъ правленію о составѣ алексопольской штатной команды. Поэтому правленіе 12 мая поручило Пирогову: отослать въ полтавскую штатную команду 3-хъ рядовыхъ, способныхъ къ продолженію службы, константиноградскому городничему Золотухину туда же отправить 12 рядовыхъ изъ константиноградской штатной команды,—къ городничему надворному совѣтнику князю Шаховскому неспособныхъ же рядовыхъ, при офицерѣ, съ лошадьми отправить въ Черниговъ. Интересно, что рядовые: Кузнецовъ, Дюковъ и Ермолаевъ, отосланные въ г. Полтаву, имѣли 1-й 30 лѣтъ, 2-й 44, а 3-й 35 лѣтъ отъ роду, послѣдніе два носили бороды, они были взяты на службу изъ пермской, углицкой и смоленской губерній, изъ нихъ Дюковъ служилъ съ 1770 г., т. е. около 27 лѣтъ.

Затѣмъ изъ вѣдомости вещамъ, представленной въ губернское правленіе городничимъ Пироговымъ, видно, что въ Черниговъ имѣ

---

¹⁾ Смотр. Географич.-статистическ. словарь Рос. Импер. С.-Петербург. 1883 г. Т. V. стр. 661.

отправлено 27 рядовыхъ штатной команды, въ томъ числѣ 9 конныхъ, съ поручикомъ Саковымъ; при нихъ отослано 18 ружей, 3 драгунскихъ лошади, и казенныхъ денегъ 123 руб. 28³/₄ коп.

Цироговъ 13 іюня отправилъ поручика Сакова съ этой командой въ Черниговъ, снабдивъ его вѣдомостями и ордеромъ, въ которомъ поручилъ при слѣдованіи: «не изнурять въ пути лошадей и не дѣлать на дорогѣ никакихъ обидъ обывателямъ», и вручилъ ему запечатанное донесеніе объ этомъ въ губернское правленіе.

Такъ закончилъ свою дѣятельность послѣдній алексопольскій городничій.

Но еще раньше, а именно 10 марта, малороссійское губернское правленіе дало знать городничему Цирогову, что малороссійская губернія составляется изъ 20 уѣздовъ, какъ выше сказано, но предложенные уѣзды не были признаны удобными управлявшимъ малороссійскою губерніею, фельдмаршаломъ графомъ И. П. Салтыковымъ, по рассмотрѣніи имъ карты губерніи и вѣдомостей, по несоразмѣрности числа жителей въ каждомъ уѣздѣ и взаимнаго разстоянія ихъ между собою.

Поэтому графъ Салтыковъ поручилъ уравнивать уѣзды по числу жителей такъ, чтобы изъ числа 1,150,000 жителей, числившихся тогда въ малороссійской губерніи, въ каждомъ повѣтѣ или уѣздѣ было отъ 55 т. до 65 тысячъ душъ. Тѣ же города, въ которыхъ предположено открыть земскіе и подкоморскіе суды должны быть въ центрѣ своихъ уѣздовъ, чтобы каждому жителю удобно было въ нихъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ *«не по одной лишь принадлежности къ нимъ, но и не по большому разстоянію»*. Города уѣздные должны быть расположены при рѣкахъ, на возвышенныхъ мѣстахъ и въ нихъ должны быть готовы зданія для судебныхъ мѣстъ.

На этомъ основаніи графъ Салтыковъ предложилъ раздѣлить малороссійскую губернію на слѣдующіе уѣзды: полтавскій, зеньковскій, кременчугскій, хорольскій, гадячскій, роменскій, лубенскій, золотоношскій, переяславскій, пирятинскій, прилукскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, сосницкій, конотопскій, глуховскій, новгородъ-сѣверскій, стародубскій, мглинскій, т. е. въ нынѣшнихъ полтавской губ.—11, а въ черниговской—9 уѣздовъ. Но при этомъ онъ предоставилъ правленію сдѣлать противъ этого раздѣленія свои замѣчанія, основываясь на лучшемъ знаніи всей мѣстности Малороссіи. Понятно, что такое раздѣленіе губерніи на уѣзды исполнѣ было удобно и выгодно для населенія, доказательствомъ чего можетъ слу-

жить, то, что тѣже самые уѣзды въ черниговской и полтавской губерніи остались до настоящаго времени.—Правленіе также никакнхъ замѣчаній противъ такого раздѣленія не сдѣлало, какъ видно изъ дѣла.

Въ то же время князь Салтыковъ далъ наставленія губернскому землемѣру Копылову, какъ поступать при разграниченіи уѣздовъ и какіе прежніе уѣзды или части ихъ должны входить въ новые уѣзды; а потому онъ поручилъ правленію, чтобы оно вызвало въ Черниговъ всѣхъ уѣздныхъ землемѣровъ изъ черниговской, новгородъ-сѣверской и отходящей части екатеринославской губерніи, — гдѣ они должны, вмѣстѣ съ губернскимъ землемѣромъ, составить карты предполагаемыхъ уѣздовъ, уравнивъ по возможности въ каждомъ изъ нихъ число жителей, руководствуясь вѣдомостями о числѣ жителей въ селеніяхъ. Послѣ составленія уѣздныхъ картъ, землемѣры должны отправиться въ свои уѣзды и затѣмъ съ исправникомъ объѣхать каждый уѣздъ, и назначить его границы, а также объявить жителямъ всѣхъ селеній изъ закрытыхъ уѣздовъ, чтобы они знали къ какому уѣзду принадлежать.

Землемѣръ Копыловъ донесъ губернскому правленію, что, по личному повелѣнію графа Салтыкова, сдѣлано имъ на картѣ Малороссіи расчисленіе уѣздовъ, по числу душъ въ каждомъ. Но для того, чтобы уѣздные землемѣры окончили раздѣленіе губерніи на уѣзды въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ проситъ назначить въ помощь къ землемѣрамъ по одному писцу и по 2 солдата.

Далѣе землемѣръ Копыловъ объяснилъ, что кременчугскій уѣздъ составляется изъ градижскаго уѣзда, въ которомъ числилось 51,950 душъ мужес. пола, прибавляется къ нему изъ алексопольскаго 15,628 д., отъ полтавскаго 3,000 д., всего 70,578 д., а за отдѣленіемъ къ полтавскому уѣзду 5,000 д., — въ кременчугскомъ уѣздѣ будетъ 65,578 д., къ нему также причислены были города Градижскъ и Алексополь; послѣдній получилъ прежнее названіе м. Царичанин, которое и теперь осталось за нимъ.

Поэтому правленіе отправило новгородъ-сѣверскаго землемѣра, артиллеріи подпоручика Семена Кондратовича, въ г. Градижскъ, для того, чтобы онъ установилъ границы кременчугскаго уѣзда, вмѣстѣ съ исправникомъ, и составилъ вѣдомость тѣмъ селеніямъ, которыя будутъ изъ градижскаго, полтавскаго и алексопольскаго уѣздовъ включены въ кременчугскій уѣздъ; а затѣмъ составилъ карту уѣзда «по правиламъ землемѣрскимъ». Вѣдомость эту онъ долженъ представить въ губернское правленіе, а самъ объѣхать съ градижскимъ исправ-

никомъ уѣздъ, объявить въ селеніяхъ о причисленіи ихъ къ тому уѣзду и доносить правленію о ходѣ работъ черезъ каждые 5 дней. Для письмоводства Кондратовичъ долженъ былъ потребовать писца отъ того же исправника, о чемъ было предписано послѣднему; а городничимъ: градижскому, алексопольскому, полтавскому и кременчугскому градоначальнику предписано доставить ему вѣдомость о числѣ жителей въ городахъ, и командировать къ землемѣру 2 солдата изъ мѣстныхъ командъ, исправникамъ же этихъ уѣздовъ поручено было оказывать землемѣру содѣйствіе и находиться при немъ до окончанія отграниченія уѣзда.

Въ концѣ правленіе предписываетъ землемѣру Кондратовичу и полицейскимъ начальникамъ исполнить порученіе это въ точности, подъ опасеніемъ за медленность или нерадѣніе строжайшаго взыска- нія по законамъ.

По полученіи указа отъ 10 марта, землемѣръ Кондратовичъ отпра- вился въ г. Градижскъ, откуда 16 марта онъ послалъ уже отношеніе алексопольскому городничему Пирогову о доставленіи ему вѣдомости о числѣ жителей и о присылкѣ 2-хъ солдатъ, которыхъ просилъ ото- слать для этого къ алексопольскому исправнику, секундъ-маіору Игнатѣеву. Отъ г. Чернигова до г. Градижска 300 верстъ; слѣдова- тельно, Кондратовичъ долженъ былъ выѣхать въ тотъ же или на слѣ- дующій день, для того, чтобы прибыть туда черезъ 5 дней, какъ было ему предписано правленіемъ. Пироговъ 20 марта послалъ ему вѣдомость о числѣ жителей г. Алексополи (м. Царичанки), изъ кото- рой видно, что въ то время въ немъ числилось купцовъ 5 мужеска пола, мѣщанъ 7, казенныхъ поселянъ 1683, козаковъ 30, мѣщанъ за- писанныхъ въ козаки 22, церковнослужителей 23, и помѣщичьихъ крестьянъ 14 человекъ, всего 1784 души,—о чемъ онъ донесъ 21 марта губернскому правленію.

Наконецъ, 12 марта губернское правленіе сообщаетъ Пирогову, что вслѣдствіи предложенія «высокоповелительнаго» графа Салтыкова, оно командировало для составленія уѣздовъ: зеньковскаго, гадяцкаго, полтавскаго, хорольскаго и мглинскаго, землемѣровъ: черниговскаго Тарасова, глуховскаго Бажанова, мглинскаго Муранина, изъ нихъ поручено: 1-му зеньковскій и гадяцскій, 2-му полтавскій и хорольскій, 3-му мглинскій. Уѣзды эти губернскій землемѣръ Кошловъ пред- положилъ составить слѣдующимъ образомъ: въ зеньковскій изъ гадяч- скаго причислить 25,096 душъ, отъ миргородскаго 22,742 души, отъ полтавскаго 8,000 д., всего 55,838 душъ, къ нему былъ присоединенъ

городъ Константиноградъ; гадячскій изъ половины того же уѣзда 23,096 д., и отъ миргородскаго 16,245 д., лубенскаго 3,000 д., лохвицкаго 12,927 д., всего 55,268 д.; полтавскій—часть того же уѣзда 49,084 д., отъ константиноградскаго 12,884 д., алексопольскаго 11,628 д., и градижскаго 7,000 д., всего 80,596 д., а отдѣливъ 15 т. душъ къ смежнымъ, останется 65,596 д.; хорольскій—изъ того же 49,345 д., отъ миргородскаго 8,548 д., отъ полтавскаго 4,000 д., всего 61,893 д.; мглинскій изъ того же уѣзда 18,030 д., суражскаго 23,256 д., стародубскаго 6,000 д., погарскаго 6,410 д., всего 53,696 д.; поэтому губернское правленіе поручило названнымъ землемѣрамъ взять отъ губернскаго землемѣра Кошыллова карты съ вѣдомостями селеній тѣхъ уѣздовъ и отправиться въ нихъ того же числа непременно, а затѣмъ, съ земскими исправниками составить повѣты, назначить имъ границы и объявить крестьянамъ селеній о причисленіи ихъ къ этимъ уѣздамъ. Исправникамъ и городничимъ также было предписано доставить землемѣрамъ, по прибытіи ихъ въ уѣзды, вѣдомости о числѣ душъ въ селеніяхъ и городахъ, командировать писцовъ, по 2 солдата, и находиться при нихъ для содѣйствія къ скорѣйшему отграниченію тѣхъ уѣздовъ.

Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ алексопольскаго земскаго суда, которыми мы пользовались нѣтъ свѣдѣній о числѣ жителей въ другихъ уѣздахъ малороссійской губерніи, а также неизвѣстно, когда отграничены остальные уѣзды. Землемѣръ же Кондратовичъ окончилъ составленіе кременчугскаго уѣзда, какъ можно полагать, въ началѣ апрѣля мѣсяца, потому что въ дѣлѣ имѣется только его отношеніе къ городничему Пврогову отъ 11 апрѣля, при которомъ онъ отправилъ ему 2-хъ рядовыхъ алексопольской команды: Родіонова и Трофимова, находившихся при межевыхъ работахъ. Въ заключеніе добавимъ, что малороссійская губернія въ 20 уѣздовъ существовала только 4 года съ небольшимъ, такъ какъ въ 1801 г. она была раздѣлена на двѣ губерніи: черниговскую и полтавскую,—по указу императора Александра Благословеннаго.

П. КИТИЦЫНЪ.

Странное слово.

Проф. Н. Э. Сумцовъ въ своей интересной статьѣ «Культурныя переживанія» въ главѣ объ уличныхъ кличкахъ («Кіевск. Стар.», февр. 1889 г.) на стр. 417 приводитъ прозвища «Перемоть» и

«Перемотка», произволя ихъ отъ слова «перемотать» въ значеніи обманывать. Приведенныя прозвища кажутся могутъ объяснить и очень странное и мало понятное простонародное ругательное слово, очень распространенное какъ въ г. Петербургѣ, такъ и въ ближайшихъ губерніяхъ петербургской, новгородской и псковской. Въ указанныхъ мѣстностяхъ человѣка, промотавшаго или нелѣпо распорядившагося своими средствами, также мелкаго обманщика называютъ «абармоть»; кое гдѣ это слово произносятъ «обармоть» или «обермоть». Слово это звучитъ вовсе не по русски; трудно или невозможно указать его великорусскій корень; едва ли можно допустить вѣрность слышаннаго мною отъ мѣстнаго уроженца объясненія, что слово это произошло отъ сочетанія нѣмецкаго слова «оберъ» (оберъ офицеръ) съ русскимъ «моть». Мнѣ кажется, что, въ виду приведенной цитаты изъ статьи г. Сумцова, гораздо вѣроятнѣе выводить это слово изъ Малороссіи; оттуда оно, быть можетъ, было занесено на отдаленный сѣверъ солдатами—украинцами, очень многочисленными въ гвардіи; при своемъ распространеніи въ средѣ инороднаго населенія оно измѣнило свою первоначальную форму, сдѣлалось малоузнаваемымъ. Такъ ли это, предоставляю судить филологамъ.

В. Б.

Десятилѣтіе каневской публичной библіотеки (1878—1887 г.).

Жизнь нашихъ уѣздныхъ городовъ настолько всегла течетъ однообразно, настолько бываетъ дѣшепа культурныхъ интересовъ, что даже и незначительный съ перваго взгляда фактъ появленія чего нибудь сверхъ-обычнаго составляетъ небезынтересную страничку въ ихъ мѣстной исторіи. Тѣмъ болѣе нельзя считать малозначущимъ такого явленія, какъ возникновеніе въ данномъ захолустномъ пунктѣ общественной библіотеки, большая или меньшая сила жизненности которой есть лучшій выразитель культурной правоспособности такого пункта и лучшій представитель умственнаго и нравственнаго облика его жителей. Вотъ почему, смѣемъ думать, наша небольшая замѣтка о десятилѣтнемъ періодѣ существованія каневской публичной библіотеки не будетъ излишней для освѣщенія нѣсколькихъ страницъ культурной исторіи нашего городка, особенно, если принять во вниманіе,

что эти страницы, вѣроятно, окажутся общими для многихъ провинціальныхъ городковъ нашего правобережья.

Въ концѣ 1876 года, по инициативѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, поддержанной мѣстнымъ исправникомъ, составленъ былъ уставъ каневской городской общественной библіотеки съ публичною при ней читальней. Фактъ возникновенія этого экстраординарнаго въ глуши учрежденія, при содѣйствіи полицейскаго агента—фактъ далеко не единичный въ провинціи, гдѣ уѣздный исправникъ зачастую играетъ роль выдающагося интеллигента. Это напоминаетъ намъ до нѣкоторой степени однородный случай, бывшій на нашей памяти, около 30 лѣтъ тому назадъ, въ г. Ахтыркѣ (харьк. губ.): это открытіе воскресной школы, по почину молодежи изъ интеллигенціи и при рьяномъ участіи городничаго, который въ своемъ рвеніи доходилъ иногда до абсурда; такъ, на примѣръ, сей герой въ одно изъ первыхъ воскресеній по открытіи школы поставилъ на колѣни 40-лѣтняго мѣщанина за пропускъ школы въ предыдущее воскресенье, и злосчастный *pater familias*, съ раскрытымъ ротомъ и выткнутой физиономіей, повиновался волѣ начальства, чѣмъ вызвалъ гомерическій хохотъ аудиторіи и, конечно, рѣзкій протестъ со стороны сотрудниковъ педагоговъ. Но какъ ни курьезны бывають вмѣшательства сихъ ревностныхъ радѣтелей о просвѣщеніи, однако въ дѣлѣ утвержденія устава каневской городской библіотеки участіе мѣстнаго исправника принесло видную пользу, т. к. уставъ былъ утвержденъ, и библіотека, послѣ сбора подписныхъ денегъ и пожертвованныхъ книгъ, была открыта 10 декабря 1877 года въ помѣщеніи о двухъ комнатахъ, отведенныхъ городскою управой, гдѣ она находится и теперь.

У составителей устава, помимо соображеній съ небольшими средствами уютно пристроить свое будущее дѣтище, надо полагать, имѣлся въ виду также расчетъ подвинуть со временемъ мѣстный муниципалитетъ на постоянную субсидію этому полезному учрежденію. т. к. въ § 2 устава, между прочимъ, говорится: «библіотека съ читальней помѣщается при городской управѣ бесплатно и *составляетъ общественное достояніе города*». Но увы! на практикѣ эти скромныя надежды благодушныхъ составителей устава не сбылись. Напротивъ, наша библіотека на своемъ маленькомъ вѣку уже пережила моментъ гамлетовскаго «быть или не быть», когда у кормы городского самоуправленія стояли воротилы, изрекавшіе про нее: «на що воно намъ здалось? помы не було цін бібліотеки, то и въ газетахъ ничего не писали про нашъ городъ..... Лучче продати ти книжки, а гроши пры-

годятся на що вше». Хотя эта угроза и миновала, но тѣмъ не менѣе бібліотека едва продолжаетъ существовать на тѣ ограниченныя средства, которыя доставлялись въ теченіе 10 лѣтъ членами бібліотеки и временными подписчиками. Членами бібліотеки состоятъ преимущественно жители города и сравнительно незначительное число изъ уѣзда. Всѣхъ членовъ въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1878 г. по 1887 включительно) было 333, т. е. среднимъ числомъ 33 ежегодно, при чемъ наибольшее число (49, изъ которыхъ 7 уѣздныхъ) членовъ было въ первый годъ существованія бібліотеки, наименьшее (24, изъ которыхъ ни одного уѣзднаго) въ послѣдній,—фактъ, какъ видите, наводящій на грустныя думы. Временныхъ подписчиковъ за всѣ 10 лѣтъ было 383, т. е. среднимъ числомъ 38 ежегодно, при чемъ наибольшее число (69, изъ которыхъ 16 уѣздныхъ) приходится на 1881-й годъ, а наименьшее—на первый годъ существованія бібліотеки (15, изъ которыхъ 3 уѣздныхъ); въ послѣдній же годъ всѣхъ подписчиковъ состояло 40, изъ которыхъ только 4 уѣздныхъ -- фактъ, тоже мало утѣшающій. Средній годовой приходъ, составляющійся изъ членскихъ взносовъ (162 р.), изъ платы временныхъ подписчиковъ (51 р.), изъ случайныхъ поступленій (17 р.), изъ сбора въ кружку при читальнѣ (2 р. 50 к.), изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи приложений къ иллюстрированнымъ изданіямъ и газетъ (11 р.) и изъ штрафовъ, впрочемъ упраздненныхъ съ 1882 года (5 р.), -- выражается цифрой 248 р. 50 к. Средній годовой расходъ, идущій на выписку періодическихъ изданій (172 р.), на приобрѣтеніе книгъ (20 р.), на пополненіе инвентаря (12 р.), на переплетъ книгъ (31 р.), на мелкіе расходы (7 р. 50 к.), -- выражается цифрой 243 р. 50 к. Изъ этихъ данныхъ видно, какъ ничтожны имѣющіеся средства, особенно для пополненія бібліотеки отдѣльными сочиненіями. Впрочемъ, надо прибавить, что поступаютъ въ бібліотеку книги, сверхъ выписки ихъ, еще въ видѣ пожертвованій (за 10 лѣтъ на сумму 144 р.) и вмѣсто членскихъ взносовъ (на сумму 357 р. 90 к.).

Постоянный и главный контингентъ членовъ и подписчиковъ составляетъ немногочисленная мѣстная интеллигенція и въ томъ числѣ *перемежающійся* служилый людъ нашей администраціи и канцелярій. Употребляемъ терминъ *перемежающійся* потому, что значительное большинство этого, налетомъ прибывающаго къ намъ изъ центральныхъ губерній, класса людей надолго не заскивается на мѣстѣ: потому ли, что не скивается съ обывательскими нравами и обычаями; потому ли, что иныхъ высшее начальство изгоняетъ за

взятки, за явшаніе съ евреями и другія продѣлки; потому ли, наконецъ, что, попавъ на крупный «по нашему мѣсту» казенный окладъ, прибывшій къ намъ въ *отхожій промыселъ* святалецъ сколачивается, за два три, много пять лѣтъ, деньгу и затѣмъ навастриваетъ лыжи ко двору и сожительницѣ своей. Нѣкоторые же изъ нихъ, удрученные монотонностью мѣстнаго житейскаго режима, просто-напросто тапкентствуютъ отъ насъ на Кавказъ, въ Сибирь, въ сѣверо-западный и привислянскій край, соблазняемые перспективой полученія не въ зачетъ прогонныхъ, подъемныхъ денегъ и увеличенныхъ окладовъ жалованья. Чиновная же братія изъ туземныхъ старожилонъ, составляя отрядъ *упостоянившихся титулярныхъ советниковъ*, настолько начинена за свой долгій служилый вѣкъ циркулярами и предписаніями начальствъ, что всякое иное занятіе, помимо канцелярскаго ремесла, а особливо чтеніе (кромѣ оффиціальной части губерскихъ и иныхъ подлежащихъ вѣдомостей) считаетъ чуть ли не искушеніемъ діавола. Да оно и понятно: въ ихъ молодую пору литературный рынокъ пополнялся, съ одной стороны, произведеніями въ родѣ «Сердце человѣческое есть храмъ Божій, или жилище сатаны», разными житіями, оракулами, соломонами, предсказаніями Задеки и пр.; съ другой—такимъ, какъ «Солдатъ Яшка—красная рубашка, синія ластовицы», «О молодомъ Ильѣ женатомъ да о лысомъ Мартынѣ тароватомъ» и др. Подпольная же литература того отдаленнаго времени ограничивалась «Сномъ Богородицы» и пожалуй, еще двумя-тремя подобными измышленіями фантазін. Да при томъ всѣ эти литературные трезоры, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, попадали въ семьи нашихъ грамотныхъ земляковъ довольно рѣдко. Откуда же тутъ могла явиться и развиться любовь къ чтенію? Надо принять еще во вниманіе и то, что эти господа, начавшіе служебную карьеру въ магистратахъ, нижнихъ земскихъ судахъ и иныхъ учрежденіяхъ дореформеннаго времени, едва ли еще не за легендарнаго царя *Божка* (когда земля была тонка: пальцемъ протени—и воды наньнешся), заручившись во время оно изрядною копѣйкой, неуклонно продолжали свои накопленія, какъ неукоснительно продолжаютъ и торную служебную колею, а теперь ростовщицествуютъ себѣ въ сласть, благодаря значительному элементу еврейскаго населенія, которое охотно кредитуетъ у нихъ для разныхъ гешефтовъ и, въ видахъ соблюденія обоюдныхъ интересовъ, при подрядахъ и поставкахъ разнаго рода. На что же, спрашивается, этимъ *реалистамъ sui generis* публичная библіотека? Одно разореніе! Вѣдь по правиламъ библіотеки

даже подписчикамъ 2-го разряда приходится платить по 25 коп. въ мѣсяцъ! А дѣти же ихъ — неудобѣваетъ читатель — чѣмъ пробавляются? А у нихъ есть учебники, которые тоже денегъ стоятъ, — пусть твердятъ ихъ; а тамъ ужъ, когда въ кость войдутъ да поженятся, пусть себѣ дѣлаютъ, какъ знаютъ — основательно разсуждаютъ родители. Впрочемъ, велика сила времени! Кумушки изъ Краснаго Яра не разъ сказывали варшавскимъ ¹⁾, что, по ихъ замѣчанію, отцы то на досугѣ въ послѣдніе годы «запускаютъ журавли» даже въ «Кіевлянинъ». прихвачиваемый ими изъ канцелярій. И тутъ, какъ видите, обойдена бібліотека!

Кромѣ чиновниковъ служащихъ да нѣкоторыхъ изъ отставныхъ пенсіонеровъ, въ числѣ членовъ или подписчиковъ встрѣчаются: еврейскія турнюрныя дѣвицы съ казеннымъ раввиномъ въ хвостѣ, проживающіе иногда въ ожиданіи мѣсть бывшіе арендаторы, управлявшіе имѣніями, механики, писцы изъ присутственныхъ мѣсть и разныхъ канцелярій; въ лѣтнее же время — дачники, молодежь каникулярная: учителя изъ мѣстныхъ уроженцевъ, гимназисты, реалисты, семинаристы, студенты... Количество этого пріѣзжаго люда несомнѣнно вліяетъ на колебаніе числа мѣсячныхъ подписчиковъ и посѣтителей читальни.

Этотъ незначительный, сравнительно съ населеніемъ г. Канева (въ 1888 г. считалось 8324 души), контингентъ читателей бібліотеки, какъ видно уже было изъ приведенныхъ раньше данныхъ, больше всего имѣлъ возможность пользоваться періодическими изданіями. Всѣхъ названій періодическихъ изданій поступило въ теченіе 10 лѣтъ 37; при чемъ надо замѣтить, что въ выпискѣ этихъ изданій нѣтъ никакой систематичности: большинство изъ нихъ выписывалось только въ теченіе одного, двухъ, трехъ лѣтъ, и только «Вѣстникъ Европы», «Живописное Обзоріе», «Недѣля» и «Русская Старина» поступали постоянно за каждый годъ; даже «Кіевлянинъ» имѣется не за всѣ года. Что касается отдѣльныхъ сочиненій, то, при общемъ количествѣ названій къ 1888 году — 1428, находимъ тутъ только 25 названій, представляющихъ собраніе сочиненій русскихъ беллетристовъ, при чемъ отсутствуютъ даже такіе, какъ Жуковскій.

Не лишено интереса отношеніе пубрики къ печатному слову, поскольку можно судить о немъ изъ нѣкоторыхъ курьезнымъ способомъ добываемыхъ данныхъ. Перелпстывая иллюстрированныя изданія,

¹⁾ Красный Яръ и Варшава — приселки въ городѣ.

нельзя не замѣтить, что нѣкоторыми изъ читателей брались они изъ за картинокъ и, вѣроятно же всего, давались дѣтямъ для забавы, такъ какъ слѣды дебошей этихъ маленькихъ тирановъ явственно проглядываютъ на страницахъ изданій въ грязныхъ тычкахъ на физиономіяхъ изображенныхъ героевъ, въ значительномъ числѣ изорванныхъ листовъ, преимущественно тѣхъ, которые, нужно полагать, были объектомъ особеннаго вниманія дѣтей, въ поразительной засаленности и изорванности самыхъ переплетовъ. Само собою разумѣется, что такъ называемымъ «жестокимъ романамъ» въ этомъ отношеніи тоже повезло: кромѣ массы восклицательныхъ реченій на поляхъ, въ родѣ «ахъ, это ужаси!» «Не можетъ быть, чтобъ Вѣрочка ему простила!» «А мы это не думали» (вѣроятно, читалось обществомъ еврейской молодежи); «Бѣдныя женщины! и все это ради васъ изверговъ!» «Вотъ душка Окреиць!» и т. п., — кромѣ всего этого, постоянно попадаются отмѣтки жаркихъ мѣстъ ногтями, шпильками, булавками, усиленными заломами листовъ и пр., что выпало отчасти и на долю классическихъ русскихъ писателей. Конечно, это все свидѣтельствуетъ, что наши дамы и дѣвицы любовно вникали въ смыслъ прочитаннаго. Изрѣдка и въ серьезныхъ статьяхъ толстыхъ журналовъ встрѣчаются подчеркиванія такихъ мѣстъ, которыя въ виновникахъ этихъ отмѣтокъ обнаруживаютъ читателей съ *широкимъ умственнымъ развитіемъ*. Но перломъ этого вниканія въ прочитанное является точно записанная нами своеобразная рецензія какого то простеца подъ статьей Шелгунова «Прошедшее и будущее европейской цивилизаціи»; рецензія эта, выведенная писарскимъ крючковатымъ почеркомъ, гласитъ слѣдующее: «чтобы хорошо умѣть танцевать, надо это свниманіемъ прочесть». Навѣрное, нашему плодовитому публицисту никогда и во свѣ не грезился такой выводъ изъ его статьи!

Какъ ни печально положеніе бібліотечнаго дѣла въ нашемъ городѣ, поскольку это зависитъ отъ повальной захолустной косности, но все таки намъ кажется, что можно нѣкоторыми искусственными мѣрами поддержать это удающееся учрежденіе, чтобы при помощи его улучшить умственный и нравственный обликъ обывателей. Первой и самой радикальной мѣрой должна явиться, по нашему мнѣнію, субсидія отъ городской думы, на нравственной обязанности которой лежитъ не только завѣдываніе матеріальнымъ хозяйствомъ города, но и заботы о средствахъ къ просвѣщенію его. **В. Гаврышъ.**

Д л я   с п р а в о к ъ .

— Памятникъ Котляревскаго въ Полтавѣ. Въ бытность свою въ Полтавѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого года, я посѣтилъ мѣстное кладбище, гдѣ, между прочимъ, осматривалъ памятникъ покойнаго писателя И. П. Котляревскаго; жалкій видъ этого полуразрушеннаго памятника, какъ видно до сихъ поръ никакъ не замѣченнаго, заставилъ меня написать о немъ нѣсколько строкъ, для свѣдѣнія, которыя и прошу помѣстить на страницахъ „Кіевской Старинѣ“.

Иванъ Петровичъ Котляревскій, какъ извѣстно, скончался въ Полтавѣ 29 октября 1838 года. Прахъ его, согласно желанію, положенъ въ южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, подъ тѣнью вѣтвистаго тополя, вблизи дороги, идущей на г. Кобеляки. Въ 1839 году другомъ покойнаго Котляревскаго надворнымъ совѣтникомъ Павломъ Степановичемъ Стеблинъ-Каменскимъ († въ 1856 г.) надъ могилою его былъ воздвигнутъ на собственный послѣдній счетъ небольшой кирпичный памятникъ, оштукатуренный, въ родѣ низкой колонны, на четырехугольномъ пьедесталѣ, обитый сверху желѣзомъ, съ маленькимъ позолоченнымъ крестомъ; съ одной стороны пьедестала тогда же была вдѣлана мѣдная доска съ слѣдующей надписью: „Маіоръ И. П. Котляревскій, сочинитель Энеиды на малороссійскомъ нарѣчій род. 1769 года августа 29, скончался 1838 г. октября 29“. Памятникъ этотъ отъ времени сильно пострадалъ и лишь въ 1869 году, въ день столѣтняго юбилея рожденія Котляревскаго, почтателями памяти покойнаго, на собраніи по подпискѣ сумму, снова былъ возобновленъ и вокругъ него сдѣлана деревянная рѣшетка, а вмѣсто украденной еще въ 1863 г. доски съ надписью вдѣлана вновь мѣдная — съ слѣдующею надписью: „Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ Энеиды, Натальки-Полтавки и Москаля-Чаривника на малороссійскомъ нарѣчій, родился 29 августа 1769 года, скончался 29 октября 1838 года“. Сверху доски, въ лавровомъ вѣнкѣ „1869 г.“. столѣтняго юбилея, а внизу изображеніе лиры. Въ 1881 г. памятникъ вновь былъ исправленъ, вокругъ него сдѣлана новая ограда, вмѣсто уничтоженной неизвѣстно кѣмъ старой, изъ остатка суммъ, вырученныхъ дамскимъ благотворительнымъ обществомъ отъ устройства народнаго гулянья въ городскомъ саду въ память Котляревскаго, и съ тѣхъ поръ памятникъ этотъ не возобновлялся... Въ настоящее время онъ пришелъ въ значительное уже разрушеніе, а мѣдная доска съ надписью, къ сожалѣнію, вторично въ 1885 году украдена съ кладбища и никто не позаботился замѣнить ее новою, хотя въ Полтавѣ и теперь еще живутъ многіе, хорошо знающіе покойнаго Котляревскаго¹⁾.

Сообщилъ В. Е. Бучневичъ.

— Отчетъ Комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за мартъ, апрѣль и май мѣсяць 1889 года. Въ теченіе марта, апрѣля и мая мѣсяцевъ 1889 г. Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 7 обыкновенныхъ и 1 экстренное засѣданіе.

Срочныя ссуды за поручительствомъ или подъ обезпеченіе жалованьемъ и гонораромъ были выданы 7 лицамъ на сумму 875 р. (1—50 р., 2-мъ по 100 р. 1—150 р., 1—200 р., 1—275 р., 1—300 р.); безсрочныя ссуды выданы 19 лицамъ на

¹⁾ См. мою также статью: „Нѣсколько словъ о домикѣ Котляревскаго въ Полтавѣ“ въ Кіевской Старинѣ 1884 г., октябрь, стр. 352—353.

сумму 2.975 руб. (2 по 50 р., 1—75, 10—по 100 р., 2 по 150 р., 3 по 300 р., 1—600 руб.).

Единовременныя пособія назначены: 1-му лицу въ 250 р., 2 по 200 р. 2 по 150 р., 1—125 р., 2 по 100 р., 3 по 75 р., 20 по 50 р., 2 по 40 р., 1—30 р., 6 по 25 р., 2 по 10 р., а всего 42 лицамъ на сумму 2780 руб.

На погребеніе мужа одной писательницы назначено 50 р., на погребеніе одного ученаго 100 руб.

Продолжительныя пособія назначены 4 лицамъ: 1—75 р., 1—90 р., 1—150 р., 1—по 300 р., на 2 года, а всего въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на основаніи прежнихъ и новыхъ постановленій продолжительныхъ пособій выдано на 330 руб.

Одной весьма извѣстной престарѣлой и больной писательницѣ была назначена пенсія по 600 р., въ годъ, а вмѣстѣ съ назначенными равнѣ всего за 3 мѣсяца выдано пенсій на 1297 руб.

Опредѣлено уплатить за воспитаніе и обученіе дочери 1 лица 25 р., сына 1 лица 30 р., за воспитаніе дѣтей покойнаго писателя 90 руб., дочерей трехъ писателей: одного 100 р., другаго 170 р., и третьяго по 100 р. въ теченіе двухъ лѣтъ, всего же на воспитаніе и обученіе дѣтей литераторовъ и ученыхъ за 3 мѣсяца на основаніи прежнихъ и новыхъ назначеній издержало 700 руб. и кромѣ того на стипендіи 275 р.

Отклонены просьбы 19 лицъ (въ томъ числѣ 2-хъ—2 раза, и 1-го 3 раза).

Редакторъ „Петербургскаго Листка“ Н. А. Скроботовъ вмѣстѣ съ сотрудниками, бумажный фабрикантъ г. Небе, типографъ г. Шмидтъ и переплетный мастеръ г. Моревъ собрали 15 марта 1889 года въ день празднованія 25-лѣтія изданія „Петербургскаго Листка“ капиталъ въ 1.000 руб., заключающійся въ билетѣ Восточнаго займа 1877 г. съ тѣмъ, чтобы онъ былъ обращенъ въ неприкосновенный капиталъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ съ присвоеніемъ ему наименованія „капитала Александра Викторовича Владимірскаго“, а проценты его обращались бы на нужды общества.

М. К. Цебрикова пожертвовала 143 р. 85 к.

Ек. Ник. Жулева въ память артиста Ив. Григ. Чернышева пожертвовала 50 р.

Е. А. Салтыкова заявила, что семейство М. Е. Салтыкова жертвуетъ въ пользу общества 1% съ цѣны изданія сочиненій Михаила Евграфовича и что деньги будутъ доставлены по распродажѣ изданія.

Присяжные повѣренные округа слѣб. Судебной Палаты и ихъ помощники чрезъ гг. Е. М. Бивовича и Н. І. Холева пожертвовали 317 р. 4 к. въ видѣ перваго вклада на образованія капитала имени М. Е. Салтыкова.

Кружокъ литераторовъ на образованіе того же капитала собралъ 455 руб. (въ счетъ ихъ поступило 247 р.) съ тѣмъ, что назначеніе этому капиталу дано будетъ жертвователями впоследствии. Въ неприкосновенный капиталъ имени М. Е. Салтыкова поступило: отъ нижегородскихъ почитателей М. Е. Салтыкова (чрезъ В. Короленко)—50 р., отъ служащихъ при Соколовской мануфактурѣ т-ва И. А. Баранова (чрезъ В. Аристовъ)—118 р., отъ минскихъ почитателей—15 р., по подпискѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрано 106 р., отъ харьковскихъ почитателей (чрезъ г.-жу Толочинovu) 100 р.

Евг. Мих. Гаршинъ заявилъ, что онъ уступаетъ обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ принадлежащее ему, въ размѣрѣ $\frac{3}{8}$, право ли-

тературной собственности на сочиненія Всев. Мих. Гаршина (по распродажѣ изданій г. Панафидина) съ условіемъ не отчуждать этого дара никакимъ путемъ.

В. П. Андрузскій предложилъ предоставить въ распоряженіе общества комнату съ правомъ бесплатнаго леченія 1-го лица въ принадлежащемъ ему грязелечебномъ заведеніи въ Будакахъ бессарабской губерніи и еще сдѣлать скидку въ 25% для двухъ лицъ.

Вечеръ литературнаго фонда 18 апрѣля 1889 г., въ которомъ принимали участіе г-жи М. Б. Гейденрейхъ, М. В. Крестовская, А. А. Полова, В. У. Сивягина-Лиліенфельдъ, О. И. Шапиръ, гг. П. И. Вейнбергъ, С. Я. Морозовъ, Я. П. Полонскій, В. М. Самусъ и К. М. Фофановъ далъ чистаго сбора 708 р. 70 к.

Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ означеннымъ лицамъ.

М. В. Ватсонъ и Э. К. Ватсонъ признаны пожизненными членами общества въ виду ихъ трудовъ по изданію сочиненій Надсона.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г.

Покойный славистъ А. А. Котляревскій, бывшій профессоромъ въ кіевскомъ университетѣ, имѣлъ въ своемъ характерѣ одну любопытную странность: онъ любилъ издавать свои труды лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, вслѣдствіе чего они очень скоро послѣ своего появленія исчезали изъ обращенія въ продажѣ и дѣлались библиографическою рѣдкостію.

Вспомнимъ, напр., о его знаменитыхъ «Погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ»; этотъ первостепенной важности трудъ, которому выпало на долю рѣдкое счастье въ наукѣ—завершить собою извѣстный научный вопросъ, поставить въ немъ, такъ сказать, точку и сдать его въ архивъ—уже въ семидесятыхъ годахъ вышелъ изъ продажы, и пишущій эти строки могъ получить его только отъ самаго автора. Еще болѣе памятна всѣмъ, слѣдившимъ за ростомъ славистики на Руси, исторія съ послѣднимъ трудомъ покойнаго ученаго «Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго ея изученія». Эта замѣчательная, къ сожалѣнію неоконченная, работа, доступная только ученому съ такою огромною начитанностью и такимъ рѣдкимъ по полнотѣ книгохранилищемъ, какими обладалъ покойный, была выпущена въ свѣтъ всего лишь въ числѣ 66 экз., изъ которыхъ 33 на веленовой бумагѣ нумерованы... Да, въ характерѣ покойнаго было таки стремленіе къ путямъ нѣсколько необычнымъ, своеобразнымъ, и рутиннаго онъ не терпѣлъ ничего даже въ

мелочахъ, хотя нельзя не пожалѣть, что малодоступность его книгъ была очень во вредъ читающей и учащейся молодежи ¹⁾).

Послѣ этихъ замѣчаній становится вполне понятною необходимостью болѣе распространеннаго и доступнаго изданія трудовъ Котляревскаго, изданія, въ которомъ нашло бы себѣ мѣсто и то множество статей, замѣтокъ и оцѣнокъ книгъ, какимъ довольно щедро наполнялъ покойный разныя повременныя изданія, начиная съ 1855 года, тѣмъ болѣе, что и эти мелкія работы исполнены съ тою же трезвою тщательностью, ученою основательностью и глубокомыслиемъ, иногда юморомъ, какими отличался и впоследствии ученый ихъ авторъ. Такое то изданіе и предпринято нашею академіею наукъ, за что, конечно, нельзя не быть ей глубоко признательными.

Предлежащій первый выпускъ этого изданія представляетъ изъ себя большую книгу въ 40 печатныхъ листовъ, состоящую изъ 27 статей самаго разнообразнаго содержанія, обнаруживающаго въ авторѣ незаурядную начитанность и замѣчательную разносторонность ученыхъ интересовъ. Дѣйствительно, покойный представлялъ изъ себя рѣдкій уже въ настоящее узкое время типъ ученаго съ чрезвычайно широкими горизонтами, знакомаго рѣшительно со всѣми отраслями извѣстнаго круга знаній; конечно, хозяиномъ дѣла онъ былъ не во всѣхъ ихъ, но за то съ каждою онъ былъ знакомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы имѣть возможность самостоятельно, а не съ чужихъ словъ, судить о предметѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ изъ личныхъ отношеній представлялась возможность судить, до какой степени покойный, будучи специалистомъ главнымъ образомъ въ области русско-славянской литературы и филологіи, былъ силенъ, наир., въ исторіи всеобщей литературы, въ археологіи и древностяхъ, наконецъ, въ вопросахъ какъ чисто практическаго преподаванія словесности, наирим., въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ и литературно-эстетической критикѣ. И всѣ эти свѣдѣнія онъ любилъ черпать прямо изъ источниковъ, къ чему немало способствовало ему прекрасное знаніе языковъ какъ новыхъ, такъ и древнихъ.

Уже изъ перваго тома его сочиненій видна указанная выше разносторонность знаній и широта научныхъ интересовъ: тутъ и

¹⁾ Особенно это нужно сказать о двухъ книгахъ, изданныхъ А. А. Котляревскимъ за границею и, кажется, даже не поступавшихъ въ продажу: „Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ“ и „Древности права Балтійскихъ славянъ“ Прага 1874 г. Книги эти были изданы замѣчательно изящно, но, кажется, тоже въ незначительномъ числѣ экземпляровъ.

статьи чисто грамматическаго свойства, и статьи по излюбленной покойнымъ народной словесности, и чисто литературные разборы (напр., о стихотвореніяхъ Полежаева, объ оповиданіяхъ Марѣя Вовчка, объ Основьяненкѣ), и замѣтки по археологін, по исторіи всеобщей литературы, по славяновѣдѣнію, по сравнительному языкознанію, по русской исторіи (напр., статья о сочиненіи Костомарова «Богданъ Хмельницкій») и дѣльные библиографическіе обзоры, напримѣръ, «Старина и народность» за 1861 г. и чисто педагогическія разсужденія (Рутинна въ преподаваніи исторіи словесности, Двѣ новыя хрестоматіи и др.).

Взгляды автора вообще до такой степени трезвы, широки и глубокомысленны, что спорить съ нимъ, за малыми исключеніями, почти не приходится. Можно, конечно, указать на нѣсколько мыслей несомнѣнно невѣрныхъ, съ точки зрѣнія современной науки, ушедшей уже гораздо далѣе, между прочимъ и благодаря трудамъ нашего же автора (таково, напр., его указаніе на Ломоносова, какъ на грамматическаго дѣятеля, *почти не имѣвшего предшественниковъ*, его утвержденіе въ одной статьѣ о случайномъ будто бы, беспочвенномъ и чисто искусственномъ характерѣ украинско-литературной дѣятельности составителя перелицованной Энеиды, его нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ трудамъ Гильфердинга и др.); но гораздо цѣлесообразнѣе будетъ раскрыть богатство содержанія разсматриваемой книги и горячо рекомендовать ее тому любознательному читателю, который предпочитаетъ трезвость мысли, хотя бы и нѣсколько суровую, разнымъ призрачнымъ теоріямъ и фантастическимъ ученіямъ и взглядамъ...

Историческій методъ въ изученіи словесности, и сравнительно историческій — въ языкознаніи блестяще и настойчиво проповѣдуется нашимъ ученымъ, и немало страницъ его книги посвящено весьма обстоятельному и искусному объясненію сущности этого метода, подтверждаемаго множествомъ убѣдительнѣйшихъ примѣровъ. Многія изъ этихъ страницъ столь жизненны и глубоко научны по содержанію, что нисколько не потеряли своего значенія и цѣны и въ наше время; а нѣкоторые изъ нихъ должны бы и теперь еще служить для преподавателей словесности какъ отечественной, такъ и всеобщей, настольными... Желających провѣрить наши слова отсылаемъ къ чуднымъ страницамъ, предваряющимъ статьи «Рутинна въ преподаваніи исторіи словесности» и «Опытъ исторической грамматики русскаго языка». Правда, для современнаго

образованнаго филолога ничего особенно новаго тамъ не найдется; но за то тѣ послѣдніе результаты, на которыхъ въ сущности и теперь еще зиждутся какъ современное ученіе о словесности, такъ и языкознаніе, изложены съ поразительною ясностію, отчетливостію и убѣдительностію. Рутинна всегда была и будетъ силна во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ; сильна она и теперь еще въ дѣлѣ преподаванія словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; мы глубоко убѣждены, что указанныя нами страницы надолго еще окажутся какъ лучшимъ соратникомъ и пособникомъ мыслящему преподавателю въ борьбѣ его съ рутинною, такъ и превосходнымъ руководствомъ для всякаго начинающаго преподавателя, который пожелалъ бы избрать для себя наиболѣе вѣрный путь.

Заключительная въ книгѣ замѣтка «Были ли малоруссы исконными обитателями полянской земли или пришли изъ — за Карпатъ въ XIV в.?» имѣетъ для читателей «Кіевской Старины» особый интересъ, въ виду тѣхъ еще недавнихъ споровъ по данному вопросу въ здѣшнемъ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, которые такъ памяты всѣмъ, слѣдившимъ за этими спорами. Смѣемъ думать, что указываемая нами замѣтка, по отношенію къ данному вопросу, ничего не потеряла отъ того, что написана лѣтъ тридцать тому назадъ: она могла бы смѣло явиться и теперь и ничего не проиграла бы въ своей трезвой убѣдительности, несмотря на то, что количество научныхъ данныхъ съ того времени значительно возросло¹⁾...

А. Степовичъ.

Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изданіе означеннаго монастыря.

Кіевъ. 1889 года. 8°. 138 стр.

Авторъ книги, заглавіе которой мы выписали, скрылъ свое имя. Трудъ его разбивается на восемь главъ, въ которыхъ и рисуются историческія судьбы монастыря отъ самаго его основанія до настоящаго времени. Къ несчастію, въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ

¹⁾ Приводимъ здѣсь, для свѣдѣнія читателей, одинъ досадный недосмотръ, допущенный корректоромъ, недосмотръ тѣмъ болѣе неприятный, что вообще книга издава очень исправно: примѣчанія на стр. 353 и 354 поставлены каждое не на своемъ мѣстѣ и должны быть взаимно перемѣнены. Конечно, это мелочь, но такая, которая неопытнаго читателя можетъ, пожалуй, ввести въ соблазнъ да и вообще неудобна въ академическомъ изданіи.

никакихъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія Михайловской обители. Документальныхъ источниковъ отъ древнѣйшаго періода нашей исторіи до насъ не дошло, можно сказать, никакихъ. Молчаніе лѣтописи объ основаніи Михайловскаго монастыря объясняется не только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не игралъ выдающейся роли въ нашей древней исторіи, но также и тѣмъ, что семья князей Изяславичей, основателей и покровителей обители, очень скоро сходитъ съ исторической сцены и не пользуется никакимъ значеніемъ въ древней Руси. Тѣмъ не менѣе автору нельзя было обойти молчаніемъ вопроса о времени возникновенія Михайловской обители, и онъ старается разрѣшить его, насколько возможно, на основаніи имѣющихся, хотя и слабыхъ, намековъ лѣтописи и мѣстныхъ преданій. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ автора, что молчаніе лѣтописи въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не можетъ говорить ни за, ни противъ существованія монастыря и основанія его Святополкомъ Изяславичемъ, а другія соображенія и аналогическіе факты заставляютъ именно думать, что этотъ князь устроилъ въ 1108 году не одну церковь во имя св. архангела Михаила, но и монастырь при ней. Если это и гипотеза, то во всякомъ случаѣ обставленная вѣскими соображеніями. Въ этой же главѣ авторъ рѣшаетъ и другой вопросъ: о времени перенесенія мощей св. великомученицы Варвары въ Кіевъ, при чемъ мы и тутъ находимъ довольно основаній, по которымъ авторъ считаетъ возможнымъ отнести это событіе ко времени жизни Святополка. Вообще, автору приходилось на всемъ протяженіи своего труда бороться съ непреодолимой трудностью недостатка источниковъ. Правда, въ рукахъ у него были весьма интересные неизданные документы монастыря, но всѣ они относятся къ позднѣйшему времени. Авторъ мастерски извлекъ изъ нихъ все, что было возможно, не только для времени, въ которое они являлись, но и для древнѣйшаго періода исторіи обители. Вслѣдствіе такого состоянія источниковъ нельзя было избѣжать гипотезъ. Мы сказали, что въ первой главѣ гипотезы автора довольно прочно обоснованы. Болѣе слабой въ этомъ отношеніи является II глава: «Состояніе монастыря въ XII—XV вв.», для которой нѣтъ совершенно данныхъ. По характеру источниковъ съ ней можно сопоставить главу VI, заключающую въ себѣ «враткія свѣдѣнія о монастырской жизни въ литовскій періодъ по современнымъ уставамъ». Указывая на грамоту Сигизмунда I, въ которой, между прочимъ, говорится, что игуменъ Макарій долженъ въ Михайловской обители «общину справить», авторъ замѣчаетъ, что «Макарій, ко-

нечно, не сочинилъ что нибудь новое, а долженъ былъ принять за образецъ уже бывшіе до него уставы общежитія», и что поэтому, «принявъ во вниманіе и современность этой грамоты Макарію съ грамотой Печерскому монастырю и почти современность уставу супрасльскому», можно «предположить, что уставъ Михайловской обители былъ сходенъ съ этими уставами». Дѣйствительно, приводимыя авторомъ данныя изъ монастырскихъ документовъ въ сопоставленіи съ уставами Печерскаго и Супрасльскаго монастырей заставляютъ прийти къ заключенію, что уставъ Михайловской обители едва ли чѣмъ нибудь отличался отъ уставовъ другихъ монастырей юго-западной Руси. Но намъ кажется, что обозначеніе этой главы не совсѣмъ точно: монастырскій уставъ самъ по себѣ, а монастырская жизнь сама по себѣ; къ несчастью, для характеристики этой жизни у автора едва ли было много данныхъ. Однако, по существующимъ въ книгѣ отрывочнымъ указаніямъ, можно предположить, что изъ монастырскихъ документовъ есть возможность извлечь матеріалъ хотя для слабой обрисовки внутренней жизни обители и ея измѣненія до настоящаго времени. Всѣ отрывочныя данныя можно было съ этою цѣлью сгруппировать въ одну главу. Впрочемъ, это лишь наше предположеніе, такъ такъ при незнакомствѣ съ монастырскими документами трудно сказать, что могъ и чего не могъ, хотя и хотѣлъ, сказать авторъ.

«Съ 1496 года исторія Михайловскаго монастыря становится болѣе достовѣрной. Отъ этого года до насъ дошла грамота короля и великаго князя литовскаго Александра Казимировича»..... Такъ начинается авторъ III главу своего труда — «Состояніе монастыри въ XVI в.». Съ этой главы количество источниковъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, значительно увеличивается. Въ главахъ III, IV, V, VII, и VIII, съ болѣею и болѣею подробностью излагается исторія обители въ XVI в., во время уніи, въ XVII, XVIII и XIX вв. и очерчивается состояніе монастыря въ настоящее время. Способъ изложенія автора въ общемъ можно назвать біографическимъ: онъ рисуетъ дѣятельность всѣхъ выдающихся настоятелей обители, какъ Іона, Макарій въ XVI столѣтіи, Іовъ Борецкій и Исаія Коппинскій въ періодъ уніи. Особенно интересны главы IV и V, въ которыхъ излагается исторія монастыря за время уніи и въ смутный періодъ исторіи Малороссіи XVII в. Послѣдняя глава главнымъ образомъ посвящена описанію храмовъ обители, ея бібліотеки и ризницы, монастырскихъ зданій и скита Теофаніи, принадлежащаго Михайловскому монастырю, причемъ разсказана исторія его возникновенія и развитія. Въ концѣ

книги есть два приложенія: 1) «Владѣніи монастыря въ XVI и XVII вв.» и 2) «Настоятели Михайловскаго монастыря». Списокъ настоятелей составленъ на основаніи монастырскихъ документовъ и стоить весьма кропотливаго труда. Что касается перваго приложенія, то оно весьма интересно и имѣетъ важное значеніе для древней топографіи Кіева и прилежащихъ къ нему мѣстностей. Автору не было возможности приводить весь заключающійся въ монастырскихъ документахъ топографическій матеріалъ, но и по тому, что есть въ книгѣ, можно заключить о его богатствѣ въ этомъ отношеніи. Весьма желательно было бы, чтобы неизвѣстный авторъ взялъ на себя трудъ составить описаніе монастырскихъ документовъ, нѣгующихъ, какъ мы сказали, несомнѣнный интересъ для науки, а также напечатать хоть самыя важныя изъ нихъ въ историко-географическомъ отношеніи.

Въ заключеніе нашего краткаго отчета объ очеркѣ исторіи Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, мы должны сказать, что книга читается съ большимъ интересомъ. Самое изданіе изящно и снабжено прекраснымъ видомъ обители.

П. Голубовскій.

Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго, удостоенное юридическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и преміи Н. И. Пирогова. Кіевъ. 1889 г.

Съ удовольствіемъ мы беремъ на себя трудъ познакомить читателей съ этимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ молодаго ученаго, вполне заслужившаго медаль и премію имени Пирогова. Это изслѣдованіе распадается по содержанію на два большіе отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ—исторіи уставныхъ земскихъ грамотъ литовско-русскаго государства—авторъ старается опредѣлить мѣсто уставныхъ земскихъ грамотъ въ системѣ современнаго имъ литовско-русскаго законодательства; съ этой цѣлью, онъ весьма послѣдовательно и логично, обзрѣвая памятники литовско-русскаго права, повсюду находитъ указанія на существованіе и господство въ теченіи XIV и XV вв. русскаго обычнаго права въ каждой отдѣльной землѣ: витебской, полоцкой, смоленской, кіевской и проч. Изданіе письменныхъ законовъ—Судебника Казимира (1468 г.) и Литовскаго Статута (1529 г.) не исключаетъ изъ области дѣйствующаго права и обычнаго права, оставляя послѣднему значеніе дополнительнаго источника права. Но во время

дѣйстви обычнаго права не бездѣйствовала и княжеская власть; законодательная дѣятельность ея сводится въ то время къ узаконенію обычая, которое выражалось въ разнаго рода грамотахъ; обыкновенно такія грамоты называются «листами» или «привилеями»; позже привилеевъ являются законы общаго характера: упомянутый уже «Судебникъ короля Казимира» (1468 г.); въ началѣ XVI вѣка издаются «уставы» великихъ князей и «ухвалы» сеймовъ, посвященные отдѣльнымъ вопросамъ того или другаго права или касавшіеся разныхъ сторонъ государственной и общественной жизни. «Наконецъ», говоритъ авторъ, «какъ результатъ всей юридической жизни литовско-русскаго государства съ XIII в. по первую четверть XVI в. включительно, какъ итогъ всего того, что выработано было юридическою жизнью народа въ формѣ обычая и законодательною властью въ формѣ различныхъ «привилеевъ», «уставовъ», «ухвалъ» и Судебника, является въ 1529 г. общій для всего государства кодексъ или, точнѣе, сводъ земскаго права—Литовскій Статутъ».

Разсмотрѣвъ общій ходъ развитія права въ литовско-русскомъ государствѣ, г. Ясинскій подробно останавливается на привилеяхъ, къ числу которыхъ относятся и грамоты, послужившія предметомъ его изслѣдованія; этотъ отдѣлъ у автора разработанъ самостоятельно и представляетъ глубокой интересъ для историка, такъ какъ до г. Ясинскаго никто не дѣлалъ попытки подобной группировки законодательныхъ памятниковъ; несомнѣнно, что эта группировка будетъ принята наукой, какъ воплѣть основательная и разумная. Наблюдая и классифицируя разнаго рода привилей, М. Н. Ясинскій дѣлитъ ихъ на три рода: 1) жалованныя грамоты собственно; 2) грамоты льготныя, т. е. привилегіи въ собственномъ смыслѣ и 3) жалованныя грамоты охранительнаго характера. Къ первымъ онъ относитъ грамоты на имущество (вотчинныя), грамоты, укрѣпляющія сдѣлку по пріобрѣтенію имущества (дозволительно-укрѣпительныя) и грамоты на титулы и достоинства; ко вторымъ—грамоты, освобождающія лицо, учрежденіе, сословіе, городъ, провинцію и проч. отъ тяжестей администраціи, суда и податей (вляхетскія привилегіи, грамоты на магдебургское право, грамоты духовенству, евреямъ и проч.). Грамоты же третьяго рода охраняли лишь старинныя права и обычаи; обращенныя ко всему населенію опредѣленной мѣстности или части ея, онѣ являются уже уставными грамотами вообще; если же онѣ касаются охраненія правъ и обычаевъ всѣхъ сословій известной области, земли, то могутъ быть, по мнѣнію автора, въ тѣсномъ смыслѣ

названы *уставными земскими грамотами*. Строго выдѣляя изъ числа уставныхъ грамотъ до статутаго періода (1529) лишь такія, которыя относятся къ цѣлымъ землямъ, авторъ считаетъ ихъ только десять: 2 грамоты витебской земли (1503 и 1509 гг.), 2—киевской (1507 и 1529 гг.), 2—волынской (1501 и 1509 гг.), 1—полоцкой (1511 г.), 1—смоленской (1505 г.), 1—жмудской (1492 г.) и 1—бѣльской (1501 г.). Ни одна изъ этихъ грамотъ не дошла до насъ въ подлинникѣ, но лишь въ подтвержденіяхъ позднѣйшаго времени. Далѣе, задаваясь вопросомъ о причинѣ и времени происхожденія уставныхъ земскихъ грамотъ авторъ совершенно справедливо считаетъ причиной пожалованія ихъ уничтоженіе удѣловъ, рассуждая, что, когда каждая земля составляла отдѣльное самостоятельное цѣлое, имѣла своего князя и свое вѣче для защиты извнѣ и внутренняго самоуправленія по обычаю, въ уставныхъ земскихъ грамотахъ не было необходимости; но съ уничтоженіемъ удѣловъ и централизацией всѣхъ функций верховной власти въ лицѣ великаго князя, земли нуждались въ гарантіи того, что не противодѣйствовало единодержавному строю государства и въ то же время было дорого населенію, какъ его старина. Отсюда и время пожалованія также должно было совпадать со временемъ уничтоженія отдѣльной княжеской власти въ той или другой землѣ. Для подтвержденія и доказательства этой мысли г. Ясинскій излагаетъ кратко судьбы каждой изъ семи земель, уставныя грамоты которыхъ онъ изучаетъ. Мысль его вездѣ блистательно подтверждается.

Въ содержаніи уставныхъ грамотъ авторъ видитъ двоякій глубокой интересъ. «Каждая изъ грамотъ, взятая отдѣльно, бросаетъ лучъ на внутреннюю общественную жизнь данной земли въ древнѣйшій періодъ русскаго государства... и показываетъ, наконецъ, особенности обычнаго права каждой земли; взятая же вмѣстѣ, такъ сказать, сличенныя устав. земскія грамоты восполняютъ многіе пробѣлы въ исторіи русскаго права въ періодъ XIV—XVI вв.». Въ содержаніе грамотъ включалось все то, что чаще могло подвергнуться нарушенію со стороны мѣстной или центральной власти; отсюда форма постановленій грамотъ—отрицательная; въ расположеніи постановленій грамоты не придерживаются какой либо опредѣленной системы; по характеру содержанія однѣ грамоты носятъ на себѣ черты всесловности, другія получаютъ сословную окраску, а третьи являютъ переходными отъ общеземскихъ грамотъ къ сословнымъ. При этомъ авторъ отмѣчаетъ интересное явленіе, что «характеръ уставной грамоты находится какъ бы въ нѣкоторой зависимости отъ географіи»

ческаго положенія земли, получившей эту грамоту: уставныя грамоты отдѣльных земель по мѣрѣ удаленія этихъ послѣднихъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу все болѣе и болѣе теряютъ свой общеземскій характеръ и постепенно изъ всеобщаго акта переходятъ въ сословную привилегію». Характеръ грамоты зависѣлъ также и отъ времени ея происхожденія: «чѣмъ древнѣе это происхожденіе, тѣмъ полнѣе, тѣмъ чаще всеобщаго характера грамоты». Разсмотрѣвъ содержаніе грамотъ, авторъ въ концѣ перваго отдѣла сообщаетъ исторію изданія каждой грамоты, мѣсто ея находенія въ актовыхъ книгахъ и наиболѣе выдающіяся особенности. При этомъ въ примѣчаніяхъ его встрѣчаются такіе выводы и предположенія, которыя дѣлаютъ большую честь его наблюдательности и критицизму.

Второй отдѣлъ представляетъ собой систематическій сводъ уставныхъ грамотъ. Сводъ дѣлится на 13 рубрикъ; каждая рубрика—на нѣсколько статей; всѣхъ статей—114. Вотъ эти рубрики: вступительныя статьи (имя государя, дающаго грамоту и населенія, получающаго ее, просьба о выдачѣ и проч.); мѣста уставныхъ земскихъ грамотъ, заключающія въ себѣ указанія на источники, силу и дѣйствіе этихъ грамотъ; основныя земскія права; о правахъ церкви, церковномъ имуществѣ и духовенствѣ; о сословныхъ правахъ и отношеніяхъ; постановленія, относящіяся къ организациі мѣстнаго управленія; мѣры обезпеченія отъ самоуправства, притѣсненій и всякаго рода злоупотребленій со стороны органовъ мѣстнаго управленія; постановленія относительно государственныхъ податей, пошлинъ и натуральныхъ повинностей; многочисленные случаи освобожденія населенія отъ различныхъ господарскихъ даней и службъ; постановленія, относящіяся къ гражданскому и уголовному праву; восстановленія, относящіяся къ процессу и заключительныя статьи (подписи на грамотѣ и дата). Каждая статья рубрики снабжена примѣчаніями, разъясняющими смыслъ ея или опредѣляющими значеніе отдѣльныхъ словъ. Все существенное, указанное нами въ содержаніи разсматриваемаго труда есть положительно самостоятельный и независимый трудъ г. Ясинскаго, не позволяющій сомнѣваться ни въ его дарованіяхъ, ни въ томъ, что въ своихъ будущихъ работахъ онъ достигнетъ еще большихъ успѣховъ. Этотъ трудъ представляетъ много новаго, интереснаго и важнаго не только въ своемъ общемъ содержаніи, но и въ отдѣльныхъ частяхъ ¹⁾. Напр., М. Н. Ясинскій впервые объясняетъ

¹⁾ Какъ на доказательство внимательнаго изученія авторомъ своего предмета мы можемъ указать, напримѣръ, на то, что имъ не найдено въ намятникахъ и не

составъ городского населенія въ тѣхъ его дѣленіяхъ, какія указываются въ грамотахъ, составъ, который до сихъ поръ никто не пытался даже разъяснить (примѣч. 10); не менѣе важно опредѣленіе имъ обязанностей старосты, который то стоялъ во главѣ цѣлой области и ничѣмъ не отличался отъ старыхъ (витовтовыхъ) намѣстниковъ, напр., въ жмудской землѣ, то стоялъ лишь во главѣ части воеводства, во главѣ отдѣльныхъ повѣтовъ, завѣсныхъ отъ воеводы (прим. 70 и 72); тутъ же онъ опредѣляетъ отличіе воеводы отъ намѣстника воеводства и намѣстниковъ старосты (примѣч. 70, 73 и 350). Въ примѣчаніяхъ 6, 15, 16, 17, 31, 34, 45, 54, 59, 61 частью развиваются и подтверждаются тѣ положенія, которыя были высказаны и обоснованы въ 1-й части работы, а главнымъ образомъ содержатся замѣчанія, изъ которыхъ можно было бы составить 4-ю главу къ первой части работы, главу, которая должна была бы имѣть предметомъ выдачу, храненіе, дѣйствіе и новое подтвержденіе уставныхъ грамотъ; мы ее не находимъ, быть можетъ, вслѣдствіе того обстоятельства, которое заставило автора сократить свой трудъ при печатаніи.

Въ другихъ примѣчаніяхъ авторъ разъясняетъ и толкуетъ непонятные термины и темныя (въ большинствѣ случаевъ—весьма важныя) мѣста грамотъ, которыя доселѣ или вовсе не были истолкованы или истолкованы совершенно неправильно. Примѣч. къ рубрикамъ *В* (основныя земскія права), *Ж* (постановленія, относящіяся къ гражданскому праву), *К* (постановленія, относящіяся къ уголовному праву) и *Л* (постановленія, относящіяся къ процессу) мы считаемъ особенно важными, такъ какъ здѣсь г. Ясинскій не ограничивается отдѣльными и необходимыми комментаріями, а поднимаетъ и разрѣшаетъ (или представляетъ по поводу ихъ интересныя сообщенія) весьма важныя вопросы изъ области гражданского, уголовного и процессуальнаго права¹⁾. Не распространяясь о значеніи сводныхъ изданій, подобныхъ сдѣланному г. Ясинскимъ, какъ средства, облегчающаго учащимся и ученымъ справку, наблюденія, толкованія, выводы и проч., замѣтимъ лишь, что авторъ употребилъ съ своей стороны все стараніе, чтобы сдѣлать

понято слово грамоты *съплетъ*, въ чемъ онъ чистосердечно и сознается. Больше знакомство по актовымъ книгамъ съ дѣйствительною жизнью того времени объяснило бы автору, что *съплетъ* значитъ *шмель*; въ грамотѣ говорится о правѣ землянина собирать рой пчелъ и шмелей: еладущихъ медъ.

¹⁾ См. напр. примѣчанія 273, 280, 290, 294, 299, 307 и друг., гдѣ авторъ говоритъ о видахъ недвижимыхъ имуществъ, суммѣ правъ на нихъ, о брагѣ, наследствѣ и проч.

свое изданіе грамотъ наиболѣе тщательнымъ,—поправилъ во многихъ мѣстахъ установившуюся, но неправильную, пунктуацію, сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ вставокъ (заключенныхъ въ скобкахъ), отмѣтилъ въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя очевидныя ошибки въ текстѣ и, наконецъ, русскій текстъ двухъ грамотъ напечаталъ en regard съ дошедшимъ до насъ латинскимъ текстомъ; нельзя не пожалѣть, конечно, что автору не представилась возможность провѣрить текстъ уставныхъ грамотъ по подлиннымъ книгамъ Литовской Метрики, а вмѣсто того онъ долженъ былъ трудиться надъ сравненіемъ различныхъ существующихъ изданій той или другой грамоты; отдѣльныя комментаріи къ статьямъ грамотъ авторъ постоянно старается связать рядомъ ссылокъ на предшествовавшіе и послѣдующіе свои комментаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не поблагодарить автора за искусное расположеніе грамотъ по содержанію въ сводѣ и за таблицу для возстановленія первоначальнаго текста каждой уставной земской грамоты, не прибѣгая къ многочисленнымъ изданіямъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что «независящія отъ автора обстоятельства» не позволили ему приложить къ своду грамотъ указателя предметовъ и что не менѣе любопытный 3-й отдѣлъ книги, въ которомъ должно было заключаться самое историко-юридическое изслѣдованіе грамотъ, также не появился въ печати. Но, что ни дѣлается, все къ лучшему; быть можетъ и автору, послѣ болѣе близкаго знакомства съ дѣйствительной жизнью до половины XVI вѣка, т. е. до изданія 2-го литовскаго статута, который впервые, по его мнѣнію, былъ введенъ въ Кіевской и Волынской земляхъ только въ 1566 г. ¹⁾, послѣ своего утвержденія, придется измѣнить тѣ или другіе свои выводы по исторіи законодательства въ западномъ краѣ. Тогда работа еще болѣе выиграетъ въ своихъ достоинствахъ.

И. Каманинъ.

Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889 г.

«Новость»! читаемъ мы на ярлычкѣ, вставленномъ въ книжку г. Музыкантова (книжный магазинъ г. Карповича, Фундукл. ул.). Добыли

¹⁾ А между тѣмъ въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются прямыя указанія на господство въ краѣ стараго статута (см. напр. книгу Кіев. Центр. Арх. № 2040, л. 355).

мы эту книжку. Дѣйствительно, новость! Подобныхъ книгъ мы еще, право, никогда не встрѣчали. Прежде всего бросается въ глаза напечатанная на первомъ мѣстѣ *«цѣна 20 коп.»* и при томъ очень крупнымъ шрифтомъ, такъ что невольно думается, не желаніе ли собирать двугривенные и было причиною появленія книги. Болѣе подробное разсмотрѣніе ея еще болѣе заставляетъ думать это. Работа г. Музыкантова отстаетъ отъ всѣхъ общепринятыхъ условій при изданіи книжекъ, предназначаются ли онѣ для народнаго чтенія или представляютъ ученое изслѣдованіе автора. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что его очеркъ составленъ по «Исторіи козаковъ» Чарновскаго, но не указываетъ, когда и гдѣ появилась книга Чарновскаго, каковы достоинства этого сочиненія, чѣмъ руководился самъ г. Музыкантовъ, избирая Чарновскаго своимъ источникомъ, насколько близка работа г. Музыкантова къ работѣ Чарновскаго, сдѣлалъ ли г. Музыкантовъ простую передѣлку ея или пользовался и другими источниками ¹⁾; ничего этого изъ разбираемой нами книжки узнать нельзя ²⁾. Сколько мы ни старались добыть въ Кіевѣ сочиненіе г. Чарновскаго намъ это не удалось и въ каталогахъ «Исторіи козаковъ» нигдѣ не встрѣчалъ; такъ что сдѣлать сличеніе съ ней передѣлки г. Музыкантова не могли; при нашихъ розыскахъ намъ попалось одно сочиненіе въ каталогѣ, обозначенное такъ: «Czarnowski Jan—Nepomucen Ukraina i Zarogoze», вышедшее въ 1854 г., но и его намъ не удалось просмотрѣть; заглавія польскаго сочиненія и книжки г. Музыкантова, повидимому, имѣютъ предметомъ одно и тоже содержаніе; но такъ ли это, не знаемъ. Другой любопытной новостью въ книгѣ является ея эпитафья о бердышѣ Хмельницкаго, заимствованный изъ газеты «Свѣтъ» за 1883 г. Но ужъ если г. Музыкантову такъ понравились слова на бердышѣ Хмельницкаго, то болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ и надписи слѣдовало заимствовать не изъ газеты, а болѣе солиднаго изданія, какъ, напр., «Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Россіи», издаваемые Батюшковымъ; въ VIII томѣ «Памятниковъ» помѣщено изображеніе бердыша и надпись; мы не имѣемъ подъ руками этого тома г. Батюшкова, но, сколько намъ помнится, надпись г. Музы-

¹⁾ Впрочемъ о пользованіи автора другими источниками мы узнаемъ изъ его ссылки на газету „Свѣтъ“, на „Кіевскій календарь“ 1881 г. (по календарю авторъ изучалъ унію) и даже на „Лѣтопись событій“ Самуила Величка.

²⁾ Сочиненіе г. Чарновскаго, по крайней мѣрѣ въ русской исторической литературѣ, не пользуется извѣстностью и это положительно обязывало г. Музыкантова сказать хотя что нибудь о своемъ источникѣ.

кантовымъ нѣсколько искажена. Далѣе, на каждомъ шагу, что ни выраженіе, то новость, до сихъ поръ никогда не слыханная; неужели все это г. Музыкантовъ повторилъ со словъ г. Чарновскаго? Напр., по г. Музыкантову, Польша была сильна только въ 1300—1400 гг.; Кіевъ съ половины XIV вѣка принадлежалъ королевству польскому, а потому государству польско-литовскому; козачество образовалось въ первой половинѣ XIII вѣка, послѣ разоренія южной Руси татарами изъ безсемейныхъ приднѣпровскихъ жителей, устроившихъ на островѣ Хортицѣ Сѣчь Запорожскую; козаки жили съ Польшей въ дружескомъ союзѣ 300 лѣтъ, то въ постоянной войнѣ; время паденія Польши опредѣляется различно, то при Сигизмундѣ III, то послѣ Богдана Хмельницкаго, то наконецъ, въ 1772—1795 годахъ; Сагайдачный, по мнѣнію г. Музыкантова, основалъ православную школу въ Кіевѣ и Братскій монастырь. И такихъ новостей на пространствѣ 58 страницъ не оберешься. Не лучше у него и объясненія невразумительныхъ словъ; напр., пороги—каменныя острова; сагайдакъ—дорога; коронный, т. е. назначенный королемъ, а не по выбору. Личныя и географическія названія также переданы неточно; напр., канцлеръ Долинскій, вм. Оссолинскій, р. Стыпа вм. Стрыца, Силверія, вмѣсто Сѣверскаго княжества; новгородскій вм. новгородъ-сѣверскій и т. д. Мы долго бы не окончили, если бы вздумали исправлять факты и собственныя имена. Приведенныхъ примѣровъ надѣмся достаточно, чтобы судить о всей безграмотности изданія, объ отсутствіи у автора знакомства съ лучшими русскими сочиненіями по избранному предмету и объ его безцеремонномъ отношеніи къ печатному слову. Кончимъ вопросомъ, какимъ начали, зачѣмъ же появляются въ свѣтъ подобныя книги, искажающія и факты, и имена?

И. Каманинъ.

Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 rok. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Warszawa, 1889. Въ 8°, 198 стр

Какъ ни странно на первый взглядъ, но въ этомъ варшавскомъ календарномъ изданіи находится очень интересный матеріалъ по исторіи литературы, имѣющій непосредственное отношеніе къ нашему краю. Болѣе двухъ третей этой книжки (139 стр. изъ 198) занимаетъ „списокъ ученыхъ и литераторовъ, пишущихъ попольски“, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ немало именъ, такъ или иначе связанныхъ съ Кіевомъ и его райономъ. Прежде, чѣмъ привести свѣ-

дѣнія объ этихъ лицахъ, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ «списка». вообще.

Всего въ списокъ вошло 720 писателей, исключительно современныхъ, находившихся въ живыхъ во время его составленія,— нѣсколько упомянутыхъ въ немъ авторовъ уже умерли въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго года. Приводятся объ авторахъ свѣдѣнія біографическія въ самой сжатой формѣ: время и мѣсто рожденія, мѣсто образованія, профессія, если авторъ не литераторъ специально, нынѣшнее жительство. Указанія бібліографическія болѣе подробны, т. е. заключаютъ въ себѣ перечень трудовъ съ ихъ точными заглавіями и датами. Надо замѣтить, что такой планъ выдержанъ крайне неравномѣрно: объ однихъ авторахъ находимъ едва двѣ-три строки, о другихъ—по нѣскольку столбцовъ петита, и это вовсе не соответствуетъ ни плодovitости писателей, ни значенію ихъ работъ, оцѣнивать которыя даже и не дѣло справочнаго словаря, въ который входятъ одни современники. Причина несоразмѣрности чисто случайная: редакция «Przeglądu Tygodniowego» обращалась съ общимъ приглашеніемъ къ авторамъ сообщать о себѣ необходимыми по плану изданія свѣдѣнія и получила отвѣтовъ довольно много, но при этомъ одни указали только свои отдѣльныя изданія, упомянувъ только вскользь о своемъ участіи въ періодическихъ изданіяхъ, другіе поименовали самыя изданія, третьи указали журнальныя работы, имѣющія важность по ихъ личному взгляду, а нашлись и такіе, что перечислили до мелочей все когда либо напечатанное ими. Весьма понятная въ отношеніи современниковъ щекотливость не позволила редакціи сводить весь этотъ матеріалъ въ однообразную систему, тѣмъ болѣе, что она могла только сокращать, но не имѣла возможности сдѣлать необходимыхъ дополненій относительно статей, напечатанныхъ анонимно или подъ неразоблаченными псевдонимами. Пришлось помѣстить все какъ есть, лишь бы оно не выходило изъ формальныхъ рамокъ плана, отмѣтивъ только условнымъ знакомъ, что сообщаемое передается со словъ самаго автора, что и слагаетъ съ редакціи отвѣтственность за возможную неточность свѣдѣній, ихъ неполноту или, наоборотъ, излишнюю мелочность. Затѣмъ относительно множества лицъ, не давшихъ о себѣ отвѣтовъ, свѣдѣнія по необходимости гораздо скуднѣе, біографическія перѣдко совершенно отсутствуютъ, что опять таки понятно относительно не получившихъ широкой извѣстности современниковъ. Къ винѣ самой редакціи слѣдуетъ отнести неполноту списка, замѣтную даже для читателя

инонароднаго и неспеціаліста въ польской бібліографіи, и только *отчасти* развѣ объяснимую спѣшностью работы къ извѣстному календарному сроку. Пропусковъ мы замѣтили немало, перечислять вторые здѣсь не мѣсто, кромѣ относящихся къ нашему краю, что сдѣлаемъ ниже; упомянемъ развѣ о самыхъ неизвинительныхъ, къ какимъ нельзя не отнести, напр., пропуска писателя, извѣстнаго каждому читающему попольски подъ псевдонимомъ Болеславъ Прусъ (Александръ Гловацкій), или же пропуска *редакторовъ* періодическихъ изданій, какъ «Kraj» (Эразмъ Пильць), «Gazeta Handlowa» (Рудольфъ Обрентъ), а въ томъ числѣ и самаго издаваемаго «Ruch» еженедѣльника «Przegląd Tygodniowy» (Адамъ Вислицій). Послѣдній пропускъ уже комиченъ.

Только въ самые первые времена христіанства на Руси, когда принесенная вмѣстѣ съ нимъ письменность стала быстро развиваться именно въ ея южныхъ и югозападныхъ областяхъ, она, мало по малу освобождаясь изъ подъ оболочки языка церковно-славянскаго, была вполне самостоятельною. Татарскій погромъ послужилъ причиною переноса центровъ и политическихъ, и образовательныхъ въ области болѣе безопасныя, на сѣверовостокъ и сѣверозападъ. Русь сѣверовосточная, постепенно сплотившаяся около Москвы, жила до XVII в. замкнуто, въ сѣверозападной, подчинившейся, вмѣстѣ съ южною, Литвѣ въ политическомъ отношеніи, но подчинившей ее себѣ въ культурномъ, выработалась письменность дѣловая, юридическая, и развѣ въ перепискѣ смоленскаго воеводы Филона Кмиты, часто прибѣгавшаго къ пословицамъ и поговоркамъ, можно видѣть степень вліянія на нее рѣчи народной, бѣлорусской. Возрожденіе письменности на югѣ начинается только въ XVI в., когда уже и Бѣлорусія и Литва подчиняются сильному культурному вліянію Польши. Мы не имѣемъ намѣренія говорить о взаимномъ вліяніи обѣихъ народностей, ихъ языковъ и письменностей, а отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что съ этой еще поры многіе южноруссы начинаютъ писать попольски, то въ перемежку съ русскимъ, прямо указывая тѣмъ свою народность, то исключительно, причемъ она затемняется. Такъ, киевскій католическій бискупъ той эпохи, Юзефъ Верещинскій, польскій писатель и основатель польской типографіи въ Фастовѣ, самъ однако называетъ себя «русномъ» и въ немъ дѣйствительно замѣчается типическій южноруссъ, хоть бы въ томъ юморѣ, съ какимъ повѣствуетъ онъ о своемъ избавленіи отъ опасности «за ротоса boską, a szalamauną melodyą»...

Съ теченіемъ времени, участіе южноруссовъ въ польской письменности все учащается, а съ другой стороны, съ началомъ петербургскаго періода, возникаетъ сильное аналогическое теченіе на сѣверъ. Будущему историку южной Руси, съ ея типическими особенностями, при изслѣдованіи ея культурныхъ силъ, необходимо принимать во вниманіе и всѣ тѣ случаи, когда онѣ проявлялись не у себя дома, не на родной почвѣ и даже въ совсѣмъ чужой одеждѣ, а мы должны всѣ такіе случаи отмѣчать и констатировать. Если теперь бесспорно преобладаетъ на всемъ пространствѣ земель, населенныхъ разновидностями русскаго племени, стремленіе къ общей литературѣ русской, то не изсякла во всей западной Руси и та струя, начало которой восходитъ, какъ мы указали, къ XVI в., т. е. участіе ея и въ литературѣ польской, особенно сильное на западной окраинѣ Руси этнографической, уже виѣ предѣловъ Россіи политической, гдѣ рядомъ съ нимъ существуетъ еще и другое болѣе новое аналогическое теченіе, въ сторону письменности нѣмецкой. Какъ галичанину вообще, и галицкому библиографу въ частности, невозможно пропускать своихъ земляковъ, пишущихъ попольски и по-нѣмецки, такъ и кievскій мѣстный журналъ долженъ отмѣчать и группировать факты участія въ польской литературѣ уроженцевъ здѣшняго края или воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Въ виду этихъ именно соображеній мы и приводимъ здѣсь выборку изъ списка современныхъ польскихъ авторовъ, помѣщенного въ изданіи «Русь», при составленіи которой приняли слѣдующія основанія. Мы ограничились предѣлами собственно югозападнаго края, такъ какъ не сочли себя компетентными для весьма вѣроятныхъ дополненій по прилежащимъ къ нему частямъ бассейна Припечи, въ краѣ уже сѣверозападномъ, ни по Новороссіи. Въ нашу выборку включены лица трехъ категорій: а) родившіяся въ предѣлахъ края; б) получившія въ немъ среднее или высшее образованіе; и в) постоянно въ немъ проживающія, хотя бы не мѣстнаго происхожденія и образованія. Указанія библиографическія приведены подробно только о работахъ, относящихся къ южной Россіи; прочіе труды, какъ принадлежащіе къ одной литературѣ польской, а мѣстнаго интереса не имѣющіе, характеризованы лишь общими указаніями. Имена авторовъ расположены въ порядкѣ русскаго алфавита, звѣздочкою, какъ и въ оригиналѣ, отмѣчены показанія автобиографическія. Привнесенныя нами дополненія отмѣчены *курсивомъ*.

* **Богацнй Феликсъ.** Одесса. Род. $22\frac{1}{2}$ 1847 въ Заславѣ. Гимн. Ровно, унверситетъ Одесса, канд. правъ. Присяжный повѣренный. Труды главнымъ образомъ по психологій; изъ юридическихъ—объ источникахъ права; перевелъ на польскій „Утилитаризмъ“ Милля.

* **Быновскій Петръ (Якса—)** Варшава. Род. 1823 въ винницкомъ уѣздѣ. Унив. Кіевъ, канд. правъ. Умеръ въ текущемъ году. Публицистъ и авторъ многихъ историческихъ разсказовъ, нерѣдко изъ прошлаго южной Руси. *Mulik, niehistoryczny hetman Ukrainy.—Jełowiczowie-Bukojemscy.—Ostatni sejmik województwa brackawskiego.—Glinkowie.—Dwór królewski w Grodnie.*

* **Высоцнй Владиміръ.** Кіевъ. Род. 1846 въ Романовѣ на Волини. Гимн. Житомиръ. Авторъ нѣсколькихъ поэмъ, пользующихся популярностью; издавались частью въ Кіевѣ. *Извѣстень у насъ какъ одинъ изъ первыхъ фотографовъ.*

* **Гавронскій Францшекъ (псевдонимъ Rawita).** Варшава. Род. 1846 въ Степашкахъ кіевск. губ. Гимн. Кіевъ, сельскохозійств. институтъ Дубляны въ Галиціи „Hochschule“ въ Вѣнѣ. Изъ работъ по агрономіи нѣкоторыя по русски, изданы кіевскимъ обществомъ сельскаго хозійства (Воздѣлываніе свекловицы на сѣмена, 1882; о хмѣлеводствѣ, 1884); польскій въ Познанн и въ Варшавѣ. Какъ экономистъ, хроникеръ въ „Przegł. Tug.“ и авторъ нѣсколькихъ *ислѣдованій, относящихся къ юго-западному краю, въ книжкахъ того же изданія, въ числѣ ихъ „O położeniu małej własności ziemskiej na Ukrainie, Podolu i Wołyniu“.* Авторъ историческихъ романовъ и разсказовъ изъ южнорусской жизни: *Na kresach, переведено въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г. подъ загл. „На рубежѣ“.*—Pan Hetman Mazera.—*Na krasnym dworze.*—Разсказы и повѣсти современныя.—Критическія этюды: *Z literatury Ukrainskiej (Prawda, 1884).*—*Kobiety w poezyi Tarasa Szewczenki (Życie, 1887).*

Гринцевичъ-Тально, д-ръ, Звенигородка. Гимназія Ковно; мед.-хирург. ак. Петербургъ и унив. Кіевъ. *Антропологическое изслѣдованіе о продолжительности жизни въ звенигород. у. и раскопка кургана при с. Кобрыновой—см. въ библиографіи „Кіевск. Старинѣ“ 1889 г., апрель, стр. 218 и 219.*

Грушецнй Артуръ. Волинь. Издавалъ археологическое обозрѣніе въ Краковѣ, редактировалъ „Wędrowiec“ въ Варшавѣ; публицистъ.

* **Гурскій (Górski) Константинъ.** Варшава. Род. $1\frac{1}{2}$ 1826 въ бѣльскомъ у. гродн. губ. Унив. Кіевъ, канд. математ. наукъ; академія генер. штаба; полковникъ въ отставкѣ. Авторъ военно-историческихъ этюдовъ, въ томъ числѣ о сраженіяхъ при Цецорѣ и при Берестечкѣ.

* **Дубецнй Маріанъ.** Краковъ. Род. $26\frac{1}{2}$ 1838 въ Заславѣ. Унив. Кіевъ по ист.-фил. факультету. Историкъ; изъ числа трудовъ: *Kudak, twierdza kresowa, — Żółte wody.—Kafa i jej stosunek z Polską w XV w.—Zawiazki dziejów Siczy Zaporożkiej—Instytucje Zaporozża.*

Дыбовскій Владиміръ. Кіевъ. Гимн. и унив., по ист.-фил. фак., тамъ же. Авторъ историческихъ *ислѣдованій о формахъ землевладѣнія въ югозападной Россіи, нѣкоторыя по русски; о чиншевомъ владѣніи въ книжкахъ „Przegł. Tug.“ 1885.*

* **Жагель князь.** Гродно. Род. въ вилкомирскомъ уѣздѣ ковен. губ. $1\frac{1}{2}$ 1826. Унив. Кіевъ, д-ръ медицины здѣсь, потомъ парижскаго и лондонскаго университетовъ. Путешественникъ по Востоку, Америкѣ, по Египту, Абиссиніи и внутренней Африкѣ. Кромѣ описаній путешествій, спеціальныя сочиненія по геологій и климато-

логія Египта и о холерѣ тамъ же. Кажется, изъ собранныхъ имъ коллекцій нѣкоторые предметы были принесены въ даръ университету св. Владиміра? Обнаружила нѣсколько лѣтъ назадъ способъ леченія водобоязни туземными травами (тѣже, что и употребляемыя въ народной медицинѣ южной Россіи), давшей, по его словамъ, вполне успешные результаты въ весьма многочисленныхъ случаяхъ его личной практики.

* **Закржевскій** Адамъ. Варшава. Род. въ ольгопольскомъ уѣздѣ. Унив. Петербургъ. Сотрудникъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, статьи гл. образомъ по вопросамъ экономическимъ и социальнымъ, а также и по этнографіи (Kurpie, szkic z dziejów ludu); наиболее общаго интереса представляетъ Obliczenie ogólnej ilości Polaków (Przegl. Tyg., кн. VI за 1883).

* **Залѣская** Марія Юлія. Варшава. Род. 1831 въ Медвѣдовкѣ кіевск. губ. Дочь Перловскаго, б. преподавателя кременецкаго лицей. Писательница для дѣтей и юношества, редактировала журналъ того же характера Wieszory Rodzinne. Въ прошломъ апрѣлѣ варшавскія газеты извѣстили о ея смерти въ сочувственныхъ ея дѣятельности некрологахъ.

* **Запольская** Габріеля. Варшава. Род. 1860 въ с. Киверцахъ луцкаго у. Образованіе получила во Львовѣ. Съ 1880 г. поступила на сцену тамъ же, потомъ играла въ Познань и въ Петербургъ. Повѣсти и рассказы преимущественно изъ быта низшихъ классовъ; изъ народнаго южнорусскаго „Малашка“. Ихъ переводили на разные языки, въ томъ числѣ и по малорусски. Подписывалась раньше двойной фамиліей Снѣжно-Запольская, пока противники ея ультра-реалистическаго направленія не обратили этой подписи въ орудіе злупленія, отбрасывая первый слогъ и превращая тѣмъ въ каламбуръ.

Илговскій Лъвъ (псевдонимъ). Постоянный корреспондентъ въ „Кгаж“. Проживаетъ въ земгородскомъ уездѣ. Беллетристъ, рассказы съ мѣстнымъ отбѣнкомъ (Z przelomu.—Kartka z lat minionych.—Ostatnia starościna Żwinogrodzka,—см. „Кіевск. Стар.“ 1889, кн. IV).

* **Козловскій** Владиславъ. Львовъ. Род. 1832, въ Бердичевѣ. Гимн. Житомиръ, унив. Кіевъ. Пишетъ журнальныя статьи по предметамъ философіи, преимущественно о новой англійской школѣ позитивистовъ.

* **Кондратовичъ** Сильверій. Варшава. Род. 1857, въ ковенской губ. Образованіе получилъ въ Варшавѣ, потомъ въ Кіевѣ. Газетный сотрудникъ и авторъ фельетонныхъ рассказовъ.

* **Норовой-Метелицкій** Михайлъ. Яровое, чигиривскаго уѣзда. Род. 1855. Унив. Варшава; канд. правъ. Корреспондентъ въ „Кгаж“, а въ „Przegl. Tyg.“ сообщаетъ обзорѣнія по русской и малорусской литературѣ. Въ послѣднемъ было помѣщено изложеніе, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, статьи А. С. о Леонардѣ Совинскомъ, напечатанной въ „Кіевск. Старинѣ“ 1888.

* **Норотынский** Людвигъ Станиславъ. Голобовка около Ружина сквирскаго у. Род. 1860, въ Бидльнѣ. Гимн. и унив. Варшава, канд. ист.-фила. факультета. Сотрудникъ нѣсколькихъ варшавскихъ изданій; статьи изъ быта и исторіи хорватовъ. Биографія Л. Совинскаго (въ журн. „Zycie“).

* **Креховецкій** Адамъ. Львовъ. Род. 1850, въ уманскомъ уездѣ. Гимн. Житомиръ, унив. Львовъ; юристъ. Сотрудникъ нѣсколькихъ изданій и беллетристъ. Ре-

дактировали „Gaz. Lwowska“ и Przewodnik naukowy i literacki“. Отдѣльно историческіе романы: Starosta Zygwulski.—Veto. Псевдонимы: Адамъ Букатко; Маріанъ.

* Кульчицкій графъ Владиславъ (псевд. Cesaг Polewka). Римъ. Род. 1834, въ Людвиновѣхъ подольской губ. Гимн. Немировъ, лицей Одесса. Поэмы въ духѣ классицизма, переводы съ итальянскаго; сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ варшавскихъ изданіяхъ.

Любовичъ Николай. Варшава. Род. въ волынской губерніи (?). Унив. Кіевъ, ист.-фил. фак., нынѣ профессоръ въ Варшавѣ. Авторъ „Исторіи реформациі въ Польшѣ“ по русски. Писалъ и по польски, но точными указаніями не располагаемъ.

Маркоръ В., постоянный корреспондентъ изъ Житомира въ „Kraj“ и нѣкоторыя другія изданія.

Милковскій Зыгмундъ (псевд. Т. Т. Jeż). Женева. Род. 1824, въ Сарацеѣхъ подольской губ. Гимн. Немировъ, лицей Одесса, универс. Кіевъ. Эмигрантъ 1848, въ польскомъ легионѣ венгерской арміи, въ составъ котораго и вышелъ въ Турцію. Живя здѣсь, онъ имѣлъ случай близко ознакомиться съ исторіей и бытомъ южныхъ славянъ; историческіе романы изъ этой сферы (Ускокы; Шандоръ Ковачъ, и др.; названные переведены между прочимъ и по русски) положили прочное основаніе его литературной извѣстности; гораздо меньше знакома публикѣ Исторія Сербіи. Послѣ неудачной попытки устроить въ 1863 диверсію со стороны Дуная въ пользу возстанія, Милковскій окончательно отказался отъ роли политическаго агитатора и посвятилъ себя дѣятельностъ и литературной. Несмотря на юды, плодотворность его изумительна: кромѣ нѣсколькихъ иногда одновременно печатающихся беллетристическихъ произведеній, онъ внимательно слѣдитъ за всѣмъ выдающимся въ европейскіхъ литературахъ и постоянно пишетъ ихъ обзорныя, не уклоняясь и отъ разбора трудовъ вполне специальныхъ, причеиъ ниодъ не замѣтно, чтобы поспѣшностъ работы вредила не только ея основательности, или художественности обработки, но даже изяществу изложенія. Романы его изъ отечественной исторіи почти все непосредственно относятся къ южной Россіи. Изъ нихъ укажемъ главнѣйшіе: Andzia Zahornicka¹⁾; Z ciężkich dni; особенный интересъ для насъ представляетъ трехтомный романъ Z buntliwej chwili, темой котораго служитъ возникновеніе козацкаго возстанія при Хмельницкомъ, подготовительныя дѣйствія и начало. Онъ предшествовалъ по времени изданія съивкевичевскому Огніет і тиєсетъ и, уступая ему въ колоритности и яркости изображеній, стоить неизмѣримо выше его по отсутствію тенденциозности и широтѣ историческаго пониманія²⁾.

¹⁾ Русскій переводъ помѣщенъ въ „Русской Мысли“; общія его достоинства обязываютъ упомянуть о курьезномъ промахѣ: извѣстный „Шаповъ шляхъ“, получившій свое имя отъ предводителя возставшихъ въ первые годы XVIII в. и „козачившихся“ подольскихъ крестьянъ, подъ перомъ переводчика превратился въ „Сяворцову дорожку“... Кстати замѣтимъ мимоходомъ, что шляхъ этотъ, въслѣдствіи чумацкій трактъ, проходилъ по водораздѣлу Буга и Днѣстра, такъ что жел. дорога отъ Жмеринки до Бирзулы съ нимъ совпадаетъ до мелочей.

²⁾ Мы позволили себѣ подробнѣе остановиться на этомъ писателѣ, не ограничиваясь строго библиографическими указаніями, въ виду того, что Т. Т. Ежъ

* **Мостовскій графъ Адольфъ С. Великій Мытникъ** литинскаго уѣзда. Род. $\frac{4}{4}$ 1839, въ с. Хрестищахъ подольской губ. Гимн. Кишиневъ. **Драматическій писатель** (комедіи), стихотворецъ юмористъ и корреспондентъ нѣсколькихъ газетъ.

* **Нагурный Антоній.** Варшава Род. $\frac{23}{1}$ 1821, въ подольской губерніи. Унив. въ Петербургѣ, канд. правъ. Авторъ многихъ изслѣдованій, по русски, по польски и по французски, главнымъ образомъ по финансовой статистикѣ и по законамъ о налогахъ. Одинъ изъ официальныхъ представителей министерства финансовъ на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ, — рефератъ о поземельномъ налогѣ.

* **Оссовскій Годфридъ.** Краковъ. Род. $\frac{8}{11}$ 1831, въ Казарниновѣхъ кіевской губерніи. Гимн. Житомиръ. Изъ многихъ ученыхъ трудовъ перечисляемъ только относящіеся къ южной Россіи. По геологіи и минералогіи: Геогностическій очеркъ Воляни, съ картою, по русски въ „Трудахъ волинскаго статист. комитета, Житомиръ 1867. — Carte géologique de la Volhynie. Paris, 1880. — О лабрадоритахъ на Воляни, въ XIII томѣ „Rozpraw wydziału matemat. — przyrodniczego Akademii umięjętności“. Краковъ, 1879. — О волишитѣ. Тамъ же, т. XV, 1886. — По древностямъ доисторической эпохи и палеонтологіи: Объ остаткахъ каменнаго періода въ овручскомъ и дубенскомъ уѣздахъ (Wiadomości archeologiczne, т. III, 1876). — О кремневыхъ наконечникахъ стрѣлъ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. XI, Краковъ, 1887). — Отчетъ о шестомъ русскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ (Mittel. d. antropologisch. Gesellschaft in Wien. Bd. XV. 1885). — Materiały do paleoetnologii kurhanów ukraińskich, Краковъ, 1868, содержатъ отчетъ о раскопкахъ въ звенигородскомъ уѣздѣ; о нихъ и о раскопкахъ въ уманскомъ у. см. библиографію въ апрѣльской кн. „Кіевск. Старица“ 1889. — Мы по необходимости оставляемъ въ сторонѣ исчисленіе многочисленныхъ работъ нашего земляка въ западной Пруссіи и въ окрестностяхъ Кракова, доставившихъ ему почетную извѣстность въ ученюмъ мірѣ; хотя изслѣдованія этого рода въ сосѣднихъ мѣстностяхъ имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь, но они выходятъ изъ формальныхъ предѣловъ нашего района, этнографической южной Руси.

* **Радлинскій Игнатій.** Варшава. Род. $\frac{13}{12}$ 1843, въ Дубиѣхъ. Унив. Кіевъ, канд. ист.—фил. наукъ. Нынѣ преподаватель древнихъ языковъ. Много трудовъ по лингвистикѣ и древностямъ Востока, также по первобытной культурѣ; статьи по предметамъ философскимъ.

* **Раппапортъ Зенонъ.** Варшава. Род. 1833, въ волинской губ. Гимн. Варшава, мед.—хирургич. академія Петербургъ. Беллетристъ, драматургъ и сотрудникъ газетъ.

* **Ролле Антоній-Юзефъ** (псевд. **Dr. Antoni J.**) Каменецъ. Род. 1830, въ подольской губ. Гимн. Немировъ. унив. Кіевъ, д — ръ медицины. Авторъ весьма многихъ изслѣдованій по исторіи Подолія, нерѣдко въ полубеллетристической формѣ, но всегда по источникамъ, притомъ не только печатнымъ, но и архивнымъ, что придаетъ имъ тѣмъ большее значеніе. *Помъщаемыя обыкновенно въ періодическихъ изданіяхъ, они выходятъ и отдѣльно, серіями, подъ общимъ заглавіемъ Orowiadania historyczne. Особо изданъ наиболее капитальный, строго научный трудъ Zameczki kresowe, Варшава, 3 т. 1881. Кроме того А. И. Ролле издалъ по русски мемуаръ конца прошлаго столѣтія „Записки майора Пташинскаго“* безспорно долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ въ современной польской литературѣ, разумѣя живущихъ писателей.

и томъ архивныхъ матеріаловъ, содержащихъ первыя распоряженія русскихъ властей въ Подоліи, по присоединеніи ея къ Россіи въ 1795 году.

* Сарнецкій Зыгмунтъ. Краковъ. Род. ²⁰/₁₁ 1837, въ Голодѣвахъ около Бара. Гимн. Варшава, высшее образованіе Парижъ. Авторъ и переводчикъ многихъ драматическихъ произведеній. Сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, редактировалъ „Echo“, а въ послѣднее время „Świat“.

* Скорняковскій А. С. Медовата липовецкаго у. Род. ²⁰/₁₂ 1848, въ м. Плинцахъ того же уѣзда. Гимн. Немировъ, лицей Одесса, универс. Кіевъ. Медикъ. Авторъ многихъ спеціальныхъ и популярныхъ статей въ различныхъ изданіяхъ.

Спасовичъ Владимиръ. Извѣстенъ, какъ профессоръ петербургскаго университета, юристъ, писатель по исторіи литер., критикъ, публицистическимъ вопросамъ, какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ. Исторія послѣдней изложена имъ въ замѣчательномъ трудѣ, изданномъ имъ вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ (*Исторія славянскихъ литературъ*); большимъ авторитетомъ пользуется его университетскій курсъ „Учебникъ уголовного права“. Біографическими свѣдѣніями объ этомъ уроженцѣ югозападнаго края къ сожалѣнію не располагаемъ.

* Третьякъ Юзефъ. Краковъ. Род. 1841, въ волынской губ. Унив. Кіевъ, потомъ Цюрихъ и Львовъ, д—ръ философіи. Труды преимущественно по эстетической критикѣ и по исторіи литературы. Послѣдній же относится къ исторіи южной Россіи: *Historya wojny chocimskiej 1621 г.*

Трмасна М. Кіевъ. Постоянный корреспондентъ отсюда въ „Kraj“.

Фонбергъ Игнатій. Кіевъ. Б. профессоръ здѣшняго университета, послѣдній въ живыхъ изъ преподававшихъ нѣкогда въ Вильнѣ. Химикъ по польски. Нѣкоторые спеціальныя труды. Мѣстное значеніе имѣютъ *Quelques remarques tirées des analyses des eaux de Kieff*. 1858. *Подробныя свѣдѣнія біографическія и бібліографическія* находятся въ словарѣ профессоровъ университета св. Владимира, изданномъ въ 1884 г., по случаю юбилея университета.

* Хмѣлювскій ксендзь Антоній. Ленчица. Род. ¹³/₁ 1842, въ Завадинцахъ подольской губ. Магистръ теологіи. Авторъ многихъ богословскихъ трудовъ.

* Шадекъ Кароль. Кіевъ. Род. ¹²/₃ 1852, въ Житомирѣ. Унив. Кіевъ, д—ръ медицины. Нѣкоторые болѣе крупныя труды по дерматологіи и сифиллологіи изданы отдѣльно, многіе помѣщались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, на языкахъ: русскомъ, польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и испанскомъ.

Эйсмонтъ Т. М. Кіевъ. Беллетристъ и стихотворецъ.

* Яблоновскій Александръ. Варшава и Кіев. губернія, въ которой родился. Унив. Кіевъ, позже Дерптъ. Спеціальныя изслѣдованія по исторіи югозападной Руси въ формѣ предисловія къ историческимъ матеріаламъ, издаваемымъ въ Варшавѣ подъ общимъ заглавіемъ *Źródła dziejowe*, въ т. V и VI. Письма изъ путешествія по славянскимъ землямъ и по Востоку помѣщала „Gazeta Polska“.

Весьма желательно, чтобы аналогическія выборки и дополненія были сдѣланы для своихъ районовъ, къмъ либо болѣе насъ свѣдущимъ въ мѣстныхъ дѣлахъ,—въ краѣ сѣверозападномъ, въ Новороссіи и въ особенности въ восточной Галиціи.

Ив. Новицкій.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Кіевлянинъ 129—159. 129 Новіпки Владимірскаго собора.

132. Двадцати-семи миліонный кладъ. Перепечатка изъ «Новостей» ст. Д. И. Эварницкаго.

134. Народныя училища кіевскаго учебнаго округа. II.

137. Иванъ Купало. Упомянуется о нѣкоторыхъ южно-русскихъ народныхъ обычаяхъ, связанныхъ съ этимъ днемъ.

139. Перепечатка изъ «Черн. Губ. Вѣд.» объ открытіи на соборной площади подземныхъ ходовъ.

140. Краткая рецензія на книгу Н. О. Бѣляшевскаго «Монетные клады кіевской губ.»

142. Некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

143. Замятка о раскопкахъ проф. Н. П. Кондакова въ Херсонесѣ.

146. Раскопки, производимыя на соборной площади въ г. Черниговѣ.

149. Библиографическая замятка о книгѣ Е. Н. Дверницкаго: Памятники древняго православія въ г. Владиміръ-Волинскомъ.

152. Перепечатка изъ № 7 «Кіевской Старины» разсказовъ о бывшемъ курскомъ губернаторѣ Денѣ.

153. Корреспонденція изъ с. Носачева, черкаскаго у. кіевск. губ. о находкѣ польскихъ серебряныхъ монетъ XVI—XVII ст.

— Корреспонденція изъ м. Семиполокъ, остерскаго у. черниг. губ. о находкѣ 494 штукъ мѣдныхъ и серебряныхъ польскихъ монетъ разной величины съ изображеніемъ короля Сигизмунда.

Кіевское Слово №№ 698—728. 698. Двадцати-семи миліонный кладъ. Перепечатка изъ «Новостей» ст. Д. И. Эварницкаго.

— Перепечатка изъ «Одеск. Л.» сообщенія, что Д. И. Эварницкимъ найдено въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, большое войсковое запорожское знамя, съ рисунками запорожцевъ, до 20 фигуръ, въ ихъ оригинальномъ вооруженіи и одеждѣ.

— Перепечатка изъ 5—6 № «Кіевской Старины» афишъ черниг. театра.

700. Современные униаты и іезуиты. Изложеніе содержанія разсказа Мирона «Чума» (Кіевск. Стар., 5—6). Н. В—цкаго (окончаніе).

701. Корресп. изъ с. Вороновиць подольск. губ. о празднованіи 50-лѣтія воссоединенія униатовъ.

708. Замятка о находкѣ на берегу р. Буга, на земляхъ м. Лодыжина, гайсинск. у. под. г., клада изъ старинныхъ серебряныхъ вещей съ гербамя польскихъ фамилій и монетъ.

711. Некрологъ С. С. Гогоцкаго, бывшаго профессора университета св. Владимира и кіевск. дух. академіи.

713. Краткая рецензія на брошюру Гульдмана «Слѣпые въ каменецъ-подольской губ.».

714. Замѣтка о роскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ окрестностяхъ м. Котовки, новомосковского у. скатериносл. губ.

717. Археологическія раскопки въ Черняговѣ. Перепеч. изъ «Черн. Губ. Вѣдомостей».

720. Корреспонденція изъ с. Гульчи, волянск. г., острожск. у. Сообщаются свѣдѣнія о горѣ св. Николая—мѣстѣ, пользующимся большимъ уваженіемъ у простыхъ жителей.

722. Перепечатка изъ № 7 «Кіевск. Старины» разсказа о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

724. Объ археологическихъ раскопкахъ. Циркуляръ археологич. комиссіи губернаторамъ о правѣ производства раскопокъ на общественныхъ и казенныхъ земляхъ.

Волянъ №№ 98 — 115. 98, 100, 103, 106, 108 и 111. «Надъ Горыню», географическое и этнографическое описаніе мѣстности по р. Горыни.

100. Опредѣленіе и посланіе св. Синода о празднованіи 8 іюля 1889 г. дня 50-лѣтія воссоединенія униатовъ съ православіемъ.

— Рѣчь по поводу этого событія, сказанная кіевскимъ митрополитомъ Платономъ въ виленскомъ кафедральномъ соборѣ въ день празднованія.

104. Воспомяніе о дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ.

Волянскія Епархіальныя Вѣдомости. 16—20. 16—18. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волянск. епархіи. Г. Дубно. Дубенскій у. с. Аршичинъ, с. Коблянъ, с. Ивань, с. Мятинъ, с. Каменица, с. Подлужье, с. Носовица, с. Судобичи, с. Плоска, с. Семидубы.

— Чешскія школы въ поселкахъ чешскихъ д. Крошнѣ и с. Высокомъ, житомирскаго уѣзда.

17. Некрологи М. В. Юзефовича и прот. Борецкаго.

18. Слово въ день памяти преосв. Виталія, бывшаго епископа острожскаго, вполсѣдствіи еп. могилевскаго, въ мірѣ В. Гречулевича. Я....

Помятки по преосв. Виталіѣ въ волянск. женск. епарх. училищѣ 14 мая 1889 года.

Празднованіе 50-лѣтія воссоединенія униатовъ съ православіемъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ и Житомирѣ.

19. Торжество 50-лѣтія воссоединенія униатовъ съ православною церковью въ г. Кременцѣ.

19—20. Историко-статистическое описаніе церквей и приходоѡ волынско-й епархіи. С. Подборцы, с. Погорьльцы, с. Ратчинь, с. Страковъ, с. Студянка, с. Шелетинь.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 24—28. 24, 25. О томъ, какъ подготавливалась и совершалась унія зап.-русской правосл. церкви съ римскою.

24, 27. Историч. свѣдѣнія о Каменцѡ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ, въ связи съ гражд. и церковною жизнью Подоліи.

26. Празднованіе въ г. Каменцѡ 50-лѣтія возсоединенія униатовъ съ правосл. церковью.

Два письменныхъ документа XVIII вѣка. Документы взяты изъ архива Николаевской церкви г. Балты и содержатъ: 1-й — распоряженіе архіеп. екатеринославскаго Амвросія о воспоминаніи на отпустахъ и др. моленіяхъ «св. кн. Владиміра и 5 священномучениковъ, въ Херсонѡ епископствовавшихъ» и 2-й указъ того же Амвросія о неурядкахъ при богослуженіи.

27. Торжественный актъ въ подольской дух. семинаріи, по поводу 50-лѣтія возсоединенія униатовъ.

Къ 50-лѣтію возсоединенія западно-русскихъ униатовъ.

28. Адресъ кiev. дух. академіи послучаю 50-лѣтія возсоединенія униатовъ.

М. Китайгородъ, ушницкаго уѣзда.

Преосв. Варлаамъ, еп. минскій и туровскій. (Некрологъ).

Одесскій Вѣстникъ №№ 148—183. 149. Ярмарка (очеркъ ярм. въ Балтѡ). А. Л—чь.

152. По вопросу о регулированіи движенія рабочихъ. А. Русова. О необходимости точнаго изученія миграцій населенія.

156. Двадцатисеми-милліонный кладъ. Д. И. Эварницкаго (перепечатка изъ «Новостей»).

157. Переселенцы въ Одессѡ (въ Приморскую область). Н. Л.

163. Сидоръ Макаровичъ Притыка (очеркъ). Переводъ съ малорусскаго. — «Малюнки справжнего житья». Т. Певный. Библиогр. замѣтка.

175. Некрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

178. Объ урегулированіи рыболовства на Днѣпрѡ и Днѣстрѡ. А. Браупера.

180. Рецензіи на іюльскую книжку «Кiev. Старины» и на книгу В. П. Науменка «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи».

Одесскій Листокъ 53—180. 153. Праздн. 50-лѣтія возсоединенія униатовъ.

156. Перепечатка изъ «Новостей» записи о кладѡ, зарытомъ запорожцами. Краткая замѣтка о книгѡ С. Филиппова «по Крыму».

157. Землевладѣльческая производительность херсонской губ.

166. Замѣтка о раскопкахъ проф. Н. П. Кондакова в г. Косцюшко-Валюжанича въ Херсонѡ.

179. Запѣтка о раскопкахъ. Д. И. Эварницкаго, близъ м. Котовки, екатериносл. губерніи.

Таврическія Епархіальныя Вѣдомости 8—12. 12. О необходимости лѣсныхъ насажденій въ таврическихъ степяхъ.

Крымъ №№ 68—79. 68. Рецензія на книгу г. Филиппова «по Крыму». М. 1889 г.

Перепечатка изъ «Рус. Вѣств.» письма императора Наполеона I къ Меншикову по поводу неудачнаго исхода экспедиціи на Евнаторію.

69. Запѣтка г. Ф. Р. «О крѣпостяхъ скифскаго царя Спилура, Палакія и Хабайяхъ».

70. Разборъ книги: «Путеводитель по Крыму» Сосногоровой и Караулова. Изд. 5-е, переработанное гг. Головкинымъ и Вернеромъ. М. 1889 г.

Кубанскія Обл. Вѣдомости №№ 23—27. 23, 24. Старое рыболовство черноморскихъ казаковъ II. Въ Черноморіи (Окончаніе). П. П. Короленка.

27. Историческіе документы запорожскаго сѣчеваго архива. Предисловіе Е. Фелицына и 2 документа изъ собранія А. А. Скальковскаго: 1-й отъ 23 дек. 1763 г. постановленіе войсковой рады относительно порядковъ внутренняго благоустройства въ запорожскомъ войскѣ, 2-й «Меморіалъ, какъ при слѣдованіи къ очаковской сторонѣ и подъ Бѣлагородъ войска запорожскаго партій происходило. Учиенъ 1769 г. октября 11 дня».

Воронежскія Епарх. Вѣдомости №№ 12—13. 12. Воскресепская церковь въ сл. Сагунахъ и священно-церковно-служители. Г. Яковлева.

13. Св. и праведная вел. княгиня русская Ольга (переводъ на русское нарѣчіе изъ Четій—Минеи, жит. 2, іюля 11 дня).

Южный Край №№ 2886—2924. 2901. Сообщеніе о разрѣшеніи драматической цензурой съ исключеньями слѣдующихъ новыхъ малорусскихъ піесъ: «Не помогутъ и чары, якъ хто кому не до пары» драма въ 5 дѣйствіяхъ съ пѣніемъ Н. Янчука, «Перепелъ або такы добылась шовковой юпки» комедія съ куплетами Іосифа Захарченка, «Писня въ лыпцяхъ» дивертисментъ-водевиль въ трехъ картинахъ М. Л. Кропивницкаго.

2915. Запѣтка о раскольникахъ и сектантахъ въ харьковской губерніи. Общее число укловяющихся отъ православія въ губерніи—6302 души мужчинъ и женщинъ. Изъ раскольниковъ имѣются поповцы (въ старобѣльскомъ уѣздѣ) безоповцы, приемлющіе бракъ (въ купянскомъ уѣздѣ), не приемлющіе брака (въ волчанскомъ уѣздѣ) и скопцы. Сектанты шалопуты и штундисты числятся въ двухъ уѣздахъ: купянскомъ (110 душъ) и богодуховскомъ (31). Нѣкоторые признаки сектантскаго движенія стали обнаруживаться и въ другихъ мѣстахъ губерніи. Въ трехъ уѣздахъ лебедицкомъ, валковскомъ и ахтырскомъ раскольниковъ не считается вовсе. Въ коренномъ малороссійскомъ населеніи раскольниковъ пѣтъ совсѣмъ.

2924. Изъ Харьковской театральной старины. Историческій очеркъ балета въ Харьковѣ 1780—1880 гг. Фельетонъ Н. Ч. Авторъ рассказываетъ о первыхъ опытахъ балета въ Харьковѣ, съ артистами изъ крѣпостныхъ людей разныхъ любителей, которыми эти любители потомъ торговали, переходить къ космополитическимъ труппамъ Штейна и Млотковскаго (въ 20—40-хъ годахъ) и перечисляетъ появленія въ балетныхъ харьковскихъ спектакляхъ столичныхъ извѣстностей. Здѣсь есть эпизодъ объ извѣстномъ украинскомъ актерѣ Соленикѣ, подвизавшемся тоже въ балетѣ во время приѣзда танцовщицы Богдановой. Богданова импровизовала съ комикомъ Солеянкомъ интермедію «L' Academie de douze или Возвращеніе Сильфиды въ Парижъ», въ которой молодая танцовщица держитъ у старика Тальони экзамень, начинающійся съ самыхъ легкихъ па и кончающійся болеро, который Богданова исполняла съ своимъ отцомъ. Соленикъ въ этой одноактной пьесѣ полькировалъ и пѣлъ французскій романсъ, не будучи большимъ искусникомъ ни въ томъ ни въ другомъ.

Курскій Листокъ №№ 67—81. 67, 68. Курская сторона. Ростислава Маркова. Очеркъ исторіи Курскаго края (продолженіе, начало въ № 59).

67. Винокуреніе и табачное производство въ курской губ.

80. Архивныя выписки. Н. Н. О волненіяхъ крестьянъ въ грайворонск. уѣздѣ курск. губ., при введеніи положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Черниговскія Епарх. Извѣстія №№ 11—12. 11, Біографія преосвящ. Аванасія, еп. новгородъ-сѣверскаго, уроженца полт. губ., воспитанника кіев. дух. академіи, 30 лѣтъ прослужившаго при учебныхъ заведеніяхъ г. Кишинева.

12. Состояніе стародубскаго раскола въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVIII ст. М. Доброгаева. (Окончаніе).

Черниговскія Губ. Вѣдомости. №№ 43—57. 43—53. Изъ архива графа Г. А. Милорадовича. 18 документовъ 1 четв. XVIII в. на имѣнія Полуботка.

45. Разсказъ старожиловъ. Пребываніе императора Александра I въ Черниговѣ. А. Тящинскаго.

48. Актъ въ чернигов. духовн. училищѣ въ день празднованія 50-лѣтія воссоединенія уніатовъ.

51. Перепечатка изъ «Прав. Вѣстн.» замѣтки о фрескахъ Кіево-Софійскаго собора.

52—54. Раскопки, производимыя на соборной площади въ г. Черниговѣ. А. Верзилова. Вслѣдствіе провала обнаружилось жерло каменнаго склепа. Раскопки обнаружили конусообразный склепъ съ правильными кирпичными сводами глубиною въ 2 саж., діаметръ основанія 3 1/2 арш., склепъ заваленъ мусоромъ. По очисткѣ обнаружился 4 подземныхъ хода съ кирпичными

сводами, расположенные крестообразно, съ ншиами по бокамъ, одинъ изъ нихъ заканчивается камерой. Авторъ полагаетъ, что это погребъ для склада боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ на случай осады. По формѣ и кладкѣ кирпича овъ относитъ сооруженіе ихъ къ XVII или нач. XVIII в.

54. Извѣстіе о находкѣ въ м. Семиполкахъ остер. у. 494 штукъ польскихъ мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ разной величины съ изображеніемъ короля Сигизмунда.

57. Къ исторіи края. Легенда о происхожденіи названія м. Салтыкова-Дѣвица, черниг. у. А. Чубатаго. Названіе происходитъ будто бы отъ озера въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ мѣстечка; въ этомъ озерѣ утонула дочь какого то Салтыкова. Названіе болота близъ с. Ковчяна (черниг. у.) *Твань* также происходитъ, по преданію, оттого, что здѣсь утонулъ сынъ помѣщаницы.

Минскій Листокъ №№ 45—51. 45. Корреспонденція изъ г. Вильно въ «Нов. Время» по вопросу о подготовкѣ кочвы къ соединенію уніатовъ съ православіемъ въ 1839 г., съ указаніемъ на лица, принимавшія участіе въ этомъ дѣлѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается проектъ возстановленія митрополіи въ Вильно.

47. Статья г. А. Слупскаго: «Унія въ Минскѣ» (окончаніе) въ которой изображается дѣятельность горожанъ въ защиту православія.

Литовскія Епарх. Вѣд. №№ 24—26. 24—25. Торжество 50 лѣтія воссоединенія уніатовъ съ православною церковью 8 іюня въ г. Вильнѣ и рѣчи, по этому случаю произнесенныя.

26. Рѣчи по поводу 50-лѣтія воссоединенія уніатовъ.

Варшавскій Дневникъ №№ 130—149. 139. Сообщение о брошюрѣ г. Н. Леопардова по поводу креста, которымъ благословилъ игумень Сергій князя Дмитрія Донскаго 27 авг. 1380 г. предъ войной съ Мамаемъ; крестъ хранится въ музеѣ кіевской духовной академіи.

Сообщеніе о возстановленіи древняго вѣшшаго вида Софійскаго собора и открытіи новыхъ фресокъ.

139, 141, 149. Библиографич. замѣтка о «Памятной книжкѣ, калишской, петроковской и люблинской губерній за 1889 годъ».

141—143, 147. Описаніе торжества воссоединенія уніатовъ съ православіемъ 8 іюля 1889 г. въ Вильно; въ описаніи указаны всѣ народныя изданія по поводу праздника, вышедшія къ юбилею.

Червоная Русь №№ 114, 115, 117, 118, 124, 125, 127. По пути изъ Петрограда. Динабургъ. Вильна. Пл.

117. Памятники глубокой древности. О находкѣ скелетовъ около ц. въ Рогатинѣ.

120. Библиографическія замѣтки о вышедшихъ №№ «Страхопуда», «Бесѣды», «Новаго Галичанина» и «Учителя» и брошюры И. Г. Наумовича «Пятидесятилѣтіе воссоединенія уніатовъ».

- 123.** Возвращеніє Бѣлороссіи къ православію 1839 г. Истор. очеркъ.
- 126.** Перепечатка изъ «Нов. Врем.» о причинѣ, вызвавшей возсоединеніе униатовъ въ 1839 г.
- 128.** Празднованіе 50-лѣтія возсоединенія униатовъ въ Вильнѣ.
- 133, 134.** Волинскіи славяне въ Парижѣ.
- 133.** Библиографическія замѣтки о № 9—10 «Русской Правды» и Сборникѣ портретовъ духовныхъ дѣятелей эпохи возсоединенія униатовъ, изд. въ Вильнѣ прот. І. Котовичемъ.
- 136.** Замѣтки о 1 вып. 2-го тома «Галицко-русской библиографіи», изд. И. Е. Левицкимъ и о № 12 журнала «Листокъ».
- 139.** Замѣтка о Литературномъ сборникѣ, изд. галицко-русскою матицею за 1889 годъ.
- 140.** Замѣтка о № 13 «Страхопуда» и № 13 «Новаго Галичанина».
- 142.** Замѣтка о переводѣ Одиссеи Гомера на малорусское нарѣчіе Петромъ Байдою (Нящинскимъ).
- Краткій векрологъ проф. С. С. Гогоцкаго.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

- Александровъ В.* Писня про Гарбуза. Рослинный эпосъ по народній темѣ. Хар. 1889. 16 стр.
- Ашкаренко Г. А.* Конотопська вильма. Хвантастычна кумедія у 5 діяхъ и 8 одинахъ (зъ оповиданія Квитки). Кременчугъ 1889. 8 д. 90 стр.
- Блюмъ Э.* Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Мысли и замѣчанія. Ревель 1889 г. 8 д. 8 стр.
- Васильковъ М. О.,* врачъ. Медицинскій и санитарный отчетъ по тираспольскому у. херсон. г. за 1887 г. Херсонъ 1889. 8 д. 1+86 стр.+3 диаграммы.
- Гашикевичъ М. И.,* врачъ. Очеркъ санитарной дѣятельности въ г. Херсонѣ въ 1888 г. Херсонъ 1889. 8 д. II+145 стр.+1 табл.
- 243 засѣданіе императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 27 марта 1889 г. Од. 8 д. 8 стр.
- Добржыцкій Г.* д-ръ. Славута. Климатическая лѣсная станція и кумысолѣчебное заведеніе. Варшава. 1889. 8 д. 116+111 стр.
- Dobrzycki H.* d-r. Slawuta, klimatyczna stacyja leśna oraz zakład kumysowy. Warszawa. 1889. 8 д. 106+4 стр.
- Довгоязыка Хвеська. Опов. Выд. С. Гомолинскаго. Къивь. 1889. 16 д. 24 стр.
- Ежегодникъ дохвицкаго общества сельскихъ хозяевъ. 188⁶/₇ годъ, 1889. 8 д. 100 стр.+5 табл.

Заводъ Ф. А. Терещенка кiev. губ. и уѣзда въ с. Красовкѣ. М. 1889. 8 д. 7+8 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могоилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. кн. Н. Мецкерскаго и М. Веревкина. Вып. 17. Витебскъ 1888. 4 д. III+415+XVII+6 стр.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченныя изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могоилевской, хранящихся въ централ. архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. архиваріуса М. Веревкина. Вып. 18. Витебскъ 1888. 4 д. VIII+492+XLI стр.

Клоссовскій А. проф. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи. Од. 1889. 8 д. 144 стр.+1 рис. +3 табл. +3 черт. +2 карты.

Клоссовскій А. проф. Фенологическія наблюденія, произведенныя на юго-западѣ Россіи въ 1888 г. Одесса. 1889. 8 д. 24 стр.+3 табл.

Котляревскій И. П. Москаль Чаривныкъ. Малорос. опера въ 1 дѣйствіи. Дешевая бібліотека № 82. Изд. А. Суворина Спб. 12 д. 43 стр.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Малорос. опера въ 2 дѣйств. Изд. А. С. Суворина. (Деш. бібліотека № 83). Спб. 12 д. 59 стр.

Кубанское казацье войско. 1696—1888. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ, изд. подъ ред. Е. Фелицына. Краткій историч. очеркъ кубан. каз. войска Ф. Щербины. Съ портр. и видами. Воронежъ. 1888. 8 д. 438+2 стр. и 1 планъ.

Левицкій И. Чортяча спокуса. Выд. 2 С. Гомолинскаго. К. 1889 16 д. 80 стр.

Левицкій О. И. Очерки стариннаго быта Воляни и Украины. I. Пасквиль и судъ. От. изъ «Кіев. Ст.» Кіевъ 1889. 8 д. 32 стр.

Макаровъ М. Днѣпровскій лиманъ и рѣка Бугъ. Руководство для плаванія. Изд. 2. Николаевъ. 1889. 8 д. 1+72 стр.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ. т. III. Александрійскій уѣздъ (стат.-экономич. описаніе уѣзда). Сост. статистич. отд. при херсон. губ. зем. управѣ. Херсонъ. 1889. 8 д. IV+III+385+152 стр. + 2 карты.

Мачтетъ Гр Бѣлая панна. Поэма въ прозѣ. М. 1889. 12 д. 143 стр.

Моргулисъ Ю. А. Сакскія грязи. Путеводитель для ѣдущихъ лѣчиться въ Саки. Симферополь 1889. 16 д. 31 стр.+1 рис.

Москвичъ Г. Практическій путеводитель по Крыму. Изд. 2-е. Ялта. 1889. 16 д. 16+XXX+280+144 стр.

Отчетъ и труды одесскаго отдѣла имп. рос. общ. садоводства за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 1+73+89 стр.

Отчетъ одесской городской публичной бібліотеки за 1888 г. Од. 8д. 11 стр.

Отчетъ одесской еврейской городской больницы и лиманскаго ея отдѣленія за 1888 г. Изд. попечителями больницы Г. Люлька, Б. Вургафтомъ и С. Пурицемъ. Од. 1889. 8 д. 55+4 стр.

Отчетъ одесской филантропической коммисіи за 1888 годъ. Од. 1889. 8 д. XII+222+II стр. и 4 плана.

Отчетъ о дѣятельности аккерманскаго отдѣла имп.; російск. общ. садоводства за 1888 годъ. Аккерманъ. 1889. 8 д. 38 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета общества взаимнаго вспомошествованія учителей евреевъ новоросійск. края и бессараб. губ. за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 46 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета одесскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1887/8 ак. годъ. Од. 1889. 8 д. 45 стр.

Памятная книжка херсонскаго городского общественнаго управленія. 1887 г. Херсонъ. 1889. 8 д. VIII+78+5 стр.+1 табл.

Певный Т. Малюки справжняго життя. У Петербурзи. 1889. 12 д. 59 стр.

П. Л. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. От. изъ «Кіев. Стар.» К. 1889. 8 д. 16 стр.+2 плана.

Путеводитель по Крыму (Сосногоровой и Караулова). Изд. 5, переработ. Н. Головкинскимъ и К. Вернеромъ. М. 1889. 8 д. II+XII+99+391+XI стр.

Рашкевичъ М. П. Медицинскій и санитарный отчетъ по херсонскому уѣзду за 1888 г. Херсонъ 1889. 8 д. 104 стр.+3 табл.

Рашковскій Н. С. Одесса, какъ центръ лѣчебныхъ купаній. Од. 1889. 8 д. 79+2 стр.

Сторожевскій Б. Н. «Вся Одесса за 20 коп.» Путеводитель по городу и справ. книжка для прїѣзжихъ. Од. 1889. 16 д. 159 стр.

Стрѣльбицкій И. Пятидесятилѣтіе воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ (1839—1889) Вильна. 1889. 8 д. 61 стр.

Текстъ русской правды на основаніи 4 списковъ разныхъ редакцій, изд. Н. Калачовъ. Изд. 4-е. Спб. 1889. 8 д. VI+51+III стр.+1 табл.

Труды одесской энтомологической коммисіи. Исслѣдованія и экскурсіи въ бессараб., екатеринос., полтав., таврич. и херсон. губ., въ обл. войска донскаго, въ кубан. и терск. обл. въ 1889 г. Докладъ IX областному съѣзду П. А. Забаринскаго Од. 1889. 8 д. 16 стр.+2 табл.

Труды одесской энтомологической коммисіи. Отчетъ Т. А. Забаринскаго. Х. Од. 1889. 8 д. 16 стр.

Уваровъ М. Санитарное положеніе херсонской губ. Вып. 1. Движеніе населенія херсонск. губ. Херсонъ. 1889. 8 д. 49 стр.+7 табл.

Успенскій О. Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря въ IX и X вв. Отт. изъ «Кіев. Стар.» К. 1889. 8 д. 42 стр.+1 карта.

Уставъ историко-филологическаго общества при имп. новороссійскомъ университетѣ. Од. 1889. 8 д. 7 стр.

Ододоровъ И. Ф. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. Од. 1889. 8 д. 15 стр.

Филипповъ С. По Крыму М. 1889. 8 д. 469 стр.

Chlebowski i Walewski. Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 113. Warszawa 1889. 4 д. Стр. съ 321 по 400.

Chlebowski B. и Walewski W. Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 114. Tom X. Warszawa 1889. 8 л. 401—480 стр.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 3-я. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. К. 1889. 8 д. III+54+114+96 стр.

Якимовичъ Ф. И. Одесскіе лиманы, какъ лѣчебное средство. Од. 1889. 8 д. IV+1+98 стр.+1 табл.+2 карты.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Августъ, 1889 г.

	СТР.
I. Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. IV—V. (Окончаніе). Проф. Ив. Малышевскаго	325—353
II. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (Этнографическій очеркъ). I—II. М. К. Васильева	354—376
III. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. М. И. Лилеева	377—401
IV. Культурныя переживанія. LI—LVII. Проф. Н. Ѳ. Сумцова	378—427
V. На «Вовчомъ хуторѣ». Дмитрія Марновича	427—435
VI. Воспоминанія М. К. Чалаго	436—467
VII. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. А. А.	468—490
VIII. Нечистая сила. (Повѣсть). IV. (Окончаніе). Н. М.	491—514
IX. Документы Извѣстія и Запѣтки. Нѣсколько чертъ быта дябировскихъ лоцмановъ. Л. П. Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ. Хр. П. Ящуржинскаго . Изъ воспоминаній о быломъ. (Со словъ рассказчика). Л.*** Къ исторіи Глушковской фабрики. Сообщ. Н. А. Добротворскій . Варіантъ пѣсни о Кармелюкѣ. Пѣсня сахарно-заводская. Малороссійская губернія. П. Китицына . Странное слово. В. Б. Десятилѣтіе каневской публичной бібліотеки (1878—1887 года). В. Гаврыша	515—549
X. Для справокъ	550—552
XI. Библіографія. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г. А. Степовича . Кіево-Златоверхо-Михайловскій монас-	

тырь. Историческій очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. **П. Голубовскаго**. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина**. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889. г. **И. Каманина**. Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 г. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава. 1889. **И. Новицкаго**. Обзорѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. . . . . 553—584

Приложенія: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.

2) Алфавитный указатель личныхъ именъ къ наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

Иллюстрированная политико-литерат., худож. и ремесленная, еженедельная.

ВЪ ЭКСТРЕННЫХЪ СЛУЧАЯХЪ ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ.

Прилагаются Парижскія моды и лучшіе переводные повѣсти и романы.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою на годъ. . . 5 р. — к.
на полгода . . . . . 3 р. — к.
на четверть года . . . . . 1 р. 60 к.
на одинъ мѣсяць . . . . . — р. 60 к.
За границу на годъ 7 р., на полгода. . . 3 р. 50 к.

Безъ пересылки и доставки на годъ **4** руб.

3—3 *Адресъ редакціи:* Москва, Никитскій бульварь, д. Гатцука.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

ОБЗОРЪ ФОНЕТИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ МАЛОРУССКОЙ РѢЧИ.

В. НАУМЕНКО. Цѣна 60 к.

Складъ изданія у автора: Кіевъ, Кузнечная ул., д. № 14.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая ПОВѢСТЬ Григорія Мачгета

„БѢЛАЯ ПАННА“

Цѣна 75 коп.

Изд. А. А. Карцева. Складъ въ Москвѣ, Фурасовскій пер., книжн. маг. А. Карцева.

Того же автора:

„ПО БѢЛУ СВѢТУ“

Очерки американской жизни. Цѣна 1 р. 50 к. Изд. А. Карцева. Складъ тамъ же.

ВО ВСѢХЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

С.-Петербургга, Москвы, Одессы, Харькова и Тифлиса

ПРОДАЕТСЯ

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ СПРАВОЧНОЙ КНИГИ
СТАРОЖИЛА

КАВКАЗЪ.

Часть I. Общій очеркъ. Населенные пункты и дороги.
Цѣна 35 коп., съ картой Кавказск. края—60 коп.

Тамъ же продаются слѣдующіе выпуски той же книги:
„Историческій очеркъ“, цѣна 20 коп.; „Населеніе, происхожде-
ніе его, языкъ и пр.“, цѣна 20 коп.; „Литература и театр“,
цѣна 15 коп.; „Учрежденія и законы“, цѣна 15 коп.; „Сель-
ское хозяйство, промышленность и торговля“, цѣна 15 коп.

Объявленія для помѣщенія въ справочной книгѣ можно
адресовать: въ Тифлисъ, Барятинская ул., д. № 8. Со-
ставителю справочной книги „Кавказъ“.

сказано, что на войнѣ отъ врага должно ожидать и храбрости, и хитрости. Такимъ образомъ наши всегда брали верхъ надъ переконцами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тѣ употребляли хитрость, коварство и стратегическія уловки.

Жизнь татаръ, которою они гордятся, первобытная, пастушеская, подобна жизни патріарховъ во время золотого вѣка, когда среди пастырей стадъ избирались вожди народовъ, цари и пророки, какъ сказала одинъ изъ нихъ: „Поляя мя Господь отъ овецъ“¹⁾. Такъ живутъ татары понинѣ, слѣдуя за своими стадами и переходя съ ними съ одного поля на другое. Они не имѣютъ ни изгородей, ни домовъ, только передвижныя палатки изъ прутьевъ и камыша, покрытыя толстымъ войлокомъ и снабженныя рогожами и циновками изъ водорослей; усадивъ въ нихъ женъ и дѣтей, они возятъ ихъ съ собою на возахъ. Землю, даже самую плодородную, они не обрабатываютъ, довольствуясь тѣмъ, что она сама приноситъ, т. е. травую, служащую кормомъ для скота. Такимъ образомъ они, согласно совѣту Соломона, питаются однимъ молокомъ безъ хлѣба и плодовъ; они трезвы и воздержанны тѣмъ болѣе, что по закону воспрещается имъ пить вино и ѣсть свинину. Хотя они питаются мясомъ другихъ животныхъ, даже лошадинымъ, но у себя дома употребляютъ въ пищу только издохшихъ или издыхающихъ животныхъ, щадя здоровыхъ изъ желанія сохранить свои стада, ибо въ стадахъ заключается все ихъ имущество.

Татары не владѣютъ никакою частною недвижимою собственностью, кромѣ колодцовъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ сообщамъ многимъ членамъ одного рода. Они мало заботятся и о движимомъ имуществѣ, которое состоитъ исключительно изъ немногочисленныхъ предметовъ домашней утвари, необходимой для повседневнаго обихода, верховой ѣзды и военнаго дѣла; только къ послѣднему они довольно внимательны, заниматься же другими житейскими дѣлами и промыслами считаютъ дѣломъ недостойнымъ свободныхъ людей и нарушающимъ ихъ законъ, который предписываетъ пропаганду исключительно

¹⁾ Амосъ. Гл. VII, ст. 15.

силою оружія.—При такой дикости они болѣе всего почитаютъ умѣренность и воздержаніе и живутъ все безъ роскоши, но и вѣдѣ крайней нищеты, подобно тому, какъ сказано въ священномъ писаніи: „во всемъ и во всѣхъ навыкохъ и насыщаются, и алкаютъ, и избыточествовати, и лишаются“ ¹⁾, а также „иже многое, не преумножилъ есть, и иже малое, не умалилъ“ ²⁾. Такъ и теперь у этихъ варваровъ нѣтъ богатыхъ, которые бы задыхались отъ пресыщенія, и немущихъ, которые бы гибли отъ голода и холода; несмотря на ихъ бѣдность и скудость средствъ, никто не проситъ милостыни. У нихъ такъ же рѣдко встрѣчается расточитель, какъ и голодающій, нѣтъ ни нищихъ, ни обманщиковъ, ни лживыхъ свидѣтелей, ни клятвопреступниковъ, ни воровъ или разбойниковъ; потому у нихъ нѣтъ надобности беспокоиться объ охранѣ своего имущества, ни носить оружіе въ собственной странѣ для защиты своей личности. Считается дѣломъ недѣльнымъ и недозволеннымъ имѣть при себѣ оружіе во время путешествія въ собственной странѣ; ибо у себя они свято соблюдаютъ миръ и справедливость, отдавая каждому сполна все принадлежащее ему, не отсчитывая въ пользу чиновниковъ десятины или другаго какого либо побора.

Должность судьи эти иновѣрцы считаютъ источникомъ не нареканій, но признательности, она у нихъ относится къ функціямъ не мірянъ, а духовенства и исполняется священниками, называемыми кади, которые приготовляются къ ней изученіемъ правилъ религіи и приносятъ особую присягу. При томъ въ судьи избираются такіа лица, которыя сами менѣе всего заинтересованы мірскими дѣлами, по которымъ имъ предстоитъ судить другихъ. Для того, чтобы правосудіе могло дѣйствовать успѣшнѣе, судопроизводство вообще не допускаетъ проволочекъ крючкотворцевъ и не подлежитъ вліянію наговоровъ клеветниковъ. Такъ, если обвиненный, пытаясь избѣгнуть суда, не является тотчасъ послѣ того, какъ истецъ позвалъ

¹⁾ Посланіе къ Филипп. гл. IV, ст. 12.

²⁾ Посланіе 2-ое къ Римляне. гл. VIII, ст. 15.

его къ суду прикосновеніемъ къ краямъ его одежды, то онъ немедленно подлежитъ наказанію, какъ если бы обвиненіе было вполне доказано; онъ получаетъ установленное закономъ количество палочныхъ ударовъ. Въ судѣ не могутъ быть лично истцами, ни свидѣтелями лица, которыя не знаютъ закона въ необходимой мѣрѣ для того, чтобы защищаться, или же лица, когда либо замѣченныя въ употребленіи вина, или уличенныя въ другихъ порокахъ. Суду кадіевъ подчиняются люди знатные и вельможи наравнѣ съ простолюдинами безъ всякаго отличія, и вообще для всѣхъ установленъ одинъ общій законъ, за исключеніемъ верховнаго вождя, котораго величіе они считаютъ выше человѣческаго достоинства. Вообще они стараются сохранить равенство между собою употребленіемъ одинаковой одежды и пищи и считаютъ непристойностью и беззаконіемъ, достойнымъ тѣлеснаго наказанія, если кто либо пытается отличиться отъ народа одеждою, поясомъ, шапкою или прическою, отступающими отъ древняго обычая предковъ. — Также считается неприличнымъ принимать пищу отдѣльно, не раздѣляя ее со всѣми присутствующими; хозяинъ тоже не долженъ брать себѣ часть пищи прежде, чѣмъ она будетъ предложена всѣмъ; при этомъ ее крошатъ въ мелкіе куски и тщательно перемѣшиваютъ для того, чтобы каждый изъ присутствующихъ пользовался равнымъ ея качествомъ. Въ пути у нихъ также всѣ дорожные запасы общіе и они очень усердно, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются услужить старикамъ и больнымъ. Дома они всякому гостю, даже незнакому страннику, предлагаютъ даромъ пищу и постель, впрочемъ вдали отъ собственной спальни.

Однако въ другихъ отношеніяхъ татары менѣе цивилизованы: такъ, они считаютъ совершенно неприличнымъ показывать своихъ женщинъ гостямъ, друзьямъ и даже самымъ любимымъ собесѣдникамъ, они держатъ несчастныхъ въ заперти, въ укромныхъ покояхъ, не допускаютъ ихъ не только въ общество гостей, но даже въ храмы и вовсе не выпускаютъ на улицу, вваливая на нихъ, впрочемъ съ ихъ же согласія, всю работу портняжескую и сапожную. Между тѣмъ сами они не удовлетворяются единоженствомъ, но хвалятся тѣмъ, что по обычаю древнихъ людей и съ разрѣшенія своего закона, имѣ-

ють каждый по четыре жены и сверхъ того при каждой женѣ по десяти наложницъ. Желая быть мужьями образцовыми, они выбираютъ невѣсты не по богатству и не по красотѣ, но женятся, не видѣвъ даже въ лицо невѣсты, а только собравши свѣдѣнія объ ея характерѣ и нравахъ; они не пренебрегаютъ вступать въ бракъ со своими новольницами, захваченными въ плѣнъ или купленными. Вслѣдствіе такого выбора жены ихъ постоянны, послушны, живутъ во взаимномъ согласіи и равнодушны, ради привязанности къ мужу, къ его наложницамъ; при томъ онѣ до того цѣломудренны, что о преступномъ нарушеніи брачныхъ обязанностей не бываетъ никогда и помину; прелюбодѣяніе считается уголовнымъ преступленіемъ и подлежитъ карѣ смертью.

Варвары эти сознають, что для всякаго народа нѣтъ ничего полезнѣе храбрости и военной дисциплины и что храбрость пріобрѣтается привычкою къ лишеніямъ; поэтому они чуждаются изнѣженности и роскоши, и съ дѣтства приготавливаются къ военному дѣлу суровымъ образомъ жизни и привычкою къ верховой ѣздѣ. Они садятся на копя отъ колыбели и не перестаютъ наѣздничать до дряхлой старости. Употребленіе повозокъ презирають даже старцы и больные, избѣгая изнѣженности и щадя лошадей; послѣднихъ они берегутъ до такой степени, что даже ихъ князья внутри отечества ѣздятъ одни, между тѣмъ какъ за границу ихъ сопровождаютъ сотни верховыхъ слугъ. Знатныя женщины даже тогда, когда отправляются въ царскій дворецъ, запертыя въ крытыхъ экипажахъ и сіяющія внутри ихъ блескомъ дорогихъ камней, не стыдятся ѣхать заложивши въ коляску одного вола или двухъ, если она слишкомъ велика. Общественное мнѣніе считаетъ дѣломъ неприличнымъ и незаконнымъ закладывать въ экипажъ лошадь, хотя бы самую плохую, даже тогда, если кто имѣетъ на конюшнѣ хотя бы тысячу лошадей.

Вообще жизнь татаръ мрачна и сурова, за исключеніемъ царей, которые живутъ роскошно среди всеобщей умѣренности своего народа. Такъ, современный царь перекопекій, предоставивъ сыновьямъ военныя дѣла, самъ охотно предается удовольствіямъ среди садовъ своихъ

жень. Особенно славится одинъ садъ красотою мѣстоположенія, постройками, уходомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ и деревьевъ, изящно расположенныхъ на подобіе шахматной доски. Въ этомъ раю своемъ онъ принимаетъ гостей, даетъ богатые пиры, хотя самъ, словно желая выказать отвращеніе и презрѣніе къ богатствамъ, употребляетъ для пияци лишь деревянную и глиняную посуду; тѣмъ не менѣе онъ возлежитъ на золотистыхъ подушкахъ, опираетъ локти и ноги на серебряный столъ, обремененный разными яствами и золотыми чашами, украшенными дорогими каменьями, и наслаждается мелодією гуслей, кимваловъ, бубновъ и арфъ, какъ бы желая заявить, что пустыя развлечения доставляютъ ему наслажденіе и что онъ считаетъ умѣстнымъ свободно забавляться ими среди всеобщей воздержности своего народа.

Татарскіе народы живутъ умѣренно по словамъ св. писанія: „Не пійте вина вы и сынове ваши до вѣка. И храмняъ да не соградите и сѣмене не сѣйте, и виноградъ да не будетъ вамъ; но въ куцахъ да живете вся дни живота вашего: да поживете дни многи на земли, на ней же обитаете вы“¹⁾. Такимъ образомъ они живутъ на землѣ многіе дни свободные, не отягощенные и всегда безопасны отъ крайней гибели, ибо, презрѣвъ роскошь, не владѣя недвижимымъ имуществомъ, подверженнымъ разграбленію, они все свое имущество увозятъ вмѣстѣ съ собою при всякомъ передвиженіи; ведя жизнь кочевую, наѣздническую, они приобрѣтаютъ только движимое имущество: стада и рабовъ, которые слѣдуютъ за ними.

Хотя перекопцы, кромѣ многочисленныхъ стадъ, держатъ при себѣ и захваченныхъ въ плѣнъ рабовъ, но послѣднихъ у нихъ гораздо больше, чѣмъ стадъ, и потому они снабжаютъ ими и другія страны; къ нимъ приходятъ многочисленные корабли съ того берега Чернаго моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей и возвращаются, нагруженные рабами.

Такъ какъ всѣ ихъ рынки и гавани славятся этимъ товаромъ, который у нихъ всегда находится и для себя, и для продажи, и

---

¹⁾ Иеремія. Глава XXXV, стихъ 7.

для залога, и для подарковъ, то каждый изъ нихъ, хотя бы простой всадникъ, даже если не имѣеть наличныхъ рабовъ, то предполагая, что онъ всегда имѣеть возможность добыть извѣстное ихъ количество, обязывается по контракту любому изъ своихъ кредиторовъ отсчитать въ опредѣленный срокъ, въ уплату за оружіе, одежду или коней, условленное количество живыхъ людей нашей крови. И подобнаго рода обѣщанія ихъ исполняются точно, какъ если бы они на скотныхъ дворахъ имѣли постоянный запасъ нашихъ плѣнниковъ.

Неудивительно поэтому, что одинъ еврей, занимающійся сборомъ пошлинъ у помянутыхъ выше единственныхъ воротъ, ведущихъ въ Таврику, и видѣвшій постоянно безчисленное множество нашихъ людей, угоняемыхъ туда, спрашивалъ у насъ: осталось ли еще сколько нибудь людей въ нашей странѣ, или ихъ уже совсѣмъ нѣтъ? а также, откуда берется такое ихъ множество? Такъ эти грабители имѣють всегда достаточно рабовъ не только для торговли съ иноземцами, но и для удовлетворенія у себя дома своей жестокости или прихоти.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, въ особенности болѣе сильные мужчины, или подвергаются кастраціи, или же имъ отрѣзываютъ уши и ноздри, клеймятъ ихъ на щекахъ и на лбу и, заковавъ въ цуга и кандалы, заставляютъ томиться днемъ на работахъ, а на ночь запирають въ темницу; они принуждены довольствоваться скудною пищею, состоящею изъ мяса падали, гнилаго, покрытаго червями и вселяющаго отвращеніе даже собакамъ.

Болѣе молодыя женщины служатъ для удовлетворенія страсти, нѣкоторыхъ заставляютъ развлекать гостей на пиршествахъ, выучивъ ихъ искусно играть на арфѣ и плясать; наиболѣе красивыхъ плѣнницъ, особенно принадлежащихъ къ благороднымъ нашимъ семействамъ, отводятъ къ хану, въ вышеупомянутый его рай¹⁾.

Въ обращеніи ихъ съ рабами можно наблюдать слѣдующіе приемы: когда ихъ выводятъ на продажу, то ведутъ этихъ несчаст-

¹⁾ Adductantur Thalasio et paradisiocolae illi.

ныхъ на площадь, сковавъ ихъ за шеи гуськомъ по десяти словно журавлей, расположившихся для полета; продають ихъ съ аукціона десятками подъ руководствомъ оцѣнщика, который громко выкрикиваетъ похвалы: что это рабы новыя, еще не испорченныя, не хитрыя, изъ земли королевской, а не московской (ибо московское племя, какъ лживое и коварное, низко цѣнится на невольничьемъ рынкѣ).

Вообще этотъ товаръ оцѣнивается въ Тавридѣ весьма тщательно и за дорогую цѣну покупается иностранцами купцами, которые потомъ перепродаютъ его народамъ болѣе отдаленнымъ и дикимъ: сарацинамъ, персамъ, индусамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассирийцамъ. Всѣ они съ жадностью приобрѣтають плѣнницъ отсюда, на которыхъ послѣ женятся, впрочемъ безъ насилія и принужденія, но согласно правилу, предписанному свыше Господомъ въ книгѣ Второзаконія (гл. 21)¹⁾.

Такъ и теперь любимѣйшая жена турецкаго императора и мать его старшаго сына и наследника была нѣкогда похищена въ нашей странѣ²⁾; да и перекопскій ханъ Сахыбъ-Гирей рожденъ отъ христіанки и самъ нынѣ женатъ на христіанкѣ. Равно и всѣ министры этихъ тирановъ, ихъ свнухи, секретари и свѣдущіе люди, а также воины, особенно янычары³⁾, которые съ дѣтства обучаются военному искусству и военной дисциплинѣ, и изъ числа которыхъ

¹⁾ „Аще же изыдеши на брань противу врагомъ твоимъ, и предасть я Господь Богъ твой въ руки твои, плѣниши плѣвъ отъ нихъ. И оузриши въ плѣвъ жену добру обличеюмъ, и возлюбиши ю, и поймеша ю себѣ въ жену. И введеша ю внутрь въ домъ твой, и да обрѣши главу ея, и да обрѣжеша ногти ея. И да совлечеши ризы плѣнныя съ нея, и да сядеть въ дому твоємъ, и да плачется отца своего и матери своея мѣсяць дней; и по семь выйдеши къ ней, и совокупиши ся съ нею, и будетъ тебѣ жена“, (Стихъ 10—13).

²⁾ Авторъ упоминаетъ о женѣ султана Сулеймана—Хурремъ, иначе называемой Роксоланою (т. е. русскою), имѣвшей большое вліяніе на мужа и его политику. Роксолана была похищена татарами въ городѣ Рогатинѣ, въ нынѣшней Галиціи, гдѣ отецъ ея былъ священникомъ (Петрушевичъ, Сводная лѣтопись, стр. 511; Смирновъ, Крымское ханство, стр. 425).

³⁾ Ханъ Сахыбъ-Гирей завелъ на подобіе янычаръ милицію, набираемую изъ военно-плѣнныхъ рабовъ, называемую капы-кулу, предводители которой образовали корпорацію, имѣвшую большое вліяніе на политическія дѣла ханства (Смирновъ, *ibid.*, стр. 414).

потомъ назначаются вожди и начальники, происходятъ изъ нашей христіанской крови.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, при покупкѣ рабовъ не только осматриваютъ ихъ наружныя члены и зубы, наблюдая, чтобы послѣдніе не были рѣдкіи или испорчены, но изслѣдуютъ и сокровеннѣйшія части тѣла. Если гдѣ либо окажется бородавка, наростъ, рубецъ или другаго рода скрытый порокъ или недостатокъ, то покупка возвращается продавцу обратно.

Несмотря на такую осмотрительность покупателейъ, хитрымъ работорогвамъ и барышникамъ удается иногда обмануть ихъ поддѣльными приманками. Отборныхъ мальчиковъ и дѣвушекъ они не выводятъ на продажу просто, но предварительно хорошо отвармливаютъ ихъ, одѣваютъ въ шелкъ, натираютъ косметиками и подкрашиваютъ пурпуромъ и сюрьюмою, чтобы привлечь покупателей и получить большую цѣну. Иногда красивыя и цѣломудренныя дѣвицы продаются на вѣсъ золота. Красивыя рабыни тотчасъ послѣ покупки часто перепродаются за большую цѣну, лучше разукрашенныя ради барыша.

Торгъ невольниками производится во всѣхъ городахъ полуострова, преимущественно же въ Кафѣ. Случается тамъ, что цѣлыя толпы несчастныхъ закупленныхъ рабовъ гонятъ изъ рынка прямо на корабли, ибо городъ лежитъ у весьма удобной приморской гавани и, вслѣдствіе своего положенія, можетъ быть названъ не городомъ, а скорѣе ненасытною и мерзкою пучиною, поглощающею вашу кровь.

Однажды, когда эти ссыльные остановились на берегу въ ожиданіи отправки на судно и увидѣли насъ среди зрителей, опечалонныхъ ихъ судьбою, тогда одинъ изъ нихъ, мой землякъ и знакомый, словно вызванный грустнымъ выраженіемъ лицъ нашихъ, сказалъ отъ имени всѣхъ, глядя на меня:

„Любезный братъ! нечего уже вамъ печалиться о насъ, увозимыхъ изгнанникахъ; хотя намъ предстоитъ путь горькій и печальный, хотя, оставивъ дорогую родную землю, мы отправляемся туда, откуда никогда уже не возвратимся, и чѣмъ дальше будемъ

увезены отъ границъ отечества, тѣмъ больше съ каждымъ днемъ будемъ тосковать по родинѣ, но намъ нужно съ твердостью переносить нашу неизбѣжную участь. При томъ насъ много товарищей вмѣстѣ, тѣ же, которые остаются здѣсь, въ Тавридѣ, подвергаются не лучшей участи: они покрыты клеймами, поколоты, лица ихъ обезображены; и дома не лучшей конецъ испытали наши близкіе, какъ это намъ хорошо извѣстно: мы видали, какъ ихъ убивали, обезглавливали, разбрасывали ихъ отрубленные члены и головы; жестокий врагъ ради гаданія бросалъ ихъ трепещущія сердца въ огонь, вырывалъ ихъ легкія и обнажалъ внутренности, собиралъ ихъ желчь для приготовления мазей.

Для насъ, впрочемъ, было бы гораздо лучше, если бы такая жестокая участь постигла и насъ; претерпѣвъ ее сразу, мы бы пали у нашихъ родныхъ пепелищъ, тамъ, гдѣ витають тѣни нашихъ отцовъ, не отторгнутые отъ обрядовъ нашей вѣры и отъ гробницъ нашихъ предковъ; мы были бы гораздо счастливѣе, чѣмъ теперь, если бы тѣла наши, хотя изуродованныя, были тамъ растерзаны и пожраны хищными звѣрями; но такъ какъ неумолимая судьба не дозволила намъ подвергнуться такой участи, сохранивъ насъ для болѣе продолжительныхъ бѣдствій, то мы должны подчиниться ей и не оставлять жизни безъ ея воли. Ваша горестъ и сожалѣніе о нашей судьбѣ напрасны. Скорѣе мы должны опасаться за васъ, чтобы васъ не постигла та же участь, чтобы вамъ не пришлось также когда нибудь вступитъ на эти уносящіе насъ корабли; чтобы, наконецъ, весь нашъ народъ не исчезъ, теряя ежедневно все большее и большее количество своихъ членовъ. Этого серьезно слѣдуетъ опасаться, если вы будете упорно сохранять тѣ пагубныя нравы, которые теперь неустанно ведутъ васъ къ гибели. Итакъ, если ты сохранилъ сколько нибудь любви къ отечеству, вѣрности къ государю, или по крайней мѣрѣ страха Господня, ты долженъ открыть государю и тѣмъ, къ кому это относится, всю силу угрожающей опасности, какъ ты уразумѣлъ ее теперь, увидѣвъ состояніе, въ которомъ находятся здѣсь наши люди. Ты долженъ это сдѣлать если не изъ другихъ побужденій, то ради преданности твоей вѣрѣ

и любви къ Богу, именемъ котораго закликаемъ тебя мы, несчастные, только теперь оцѣнившие по достоинству значеніе родины и свободы. Пусть дорогое отечество получить отъ насъ хоть это послѣднее доказательство преданности“.

Сказавъ это и глубоко вздыхая, онъ былъ увлеченъ на корабль, куда входилъ его десятокъ, крѣпко скованный цѣпью; вскорѣ флотъ исчезъ въ морѣ, оставивъ намъ лишь сказанное завѣщаніе.

(Конецъ перваго отрывка).

Сокращеніе втораго отрывка.

Силы москвитянъ и татаръ значительно меньше литовскихъ, но они превосходятъ литовцевъ дѣятельностью, умѣренностью, воздержаніемъ, храбростью и другими добродѣтелями, составляющими основу государственной силы. Татарамъ добродѣтели эти приносятъ ту выгоду, что они пользуются множествомъ отнятаго у насъ имущества и задабриваются ежегодно подарками вашего величества, получая ихъ будто въ качествѣ друзей и союзниковъ, съ которыми и прежде литовцы заключали договоры; они привычны къ верховой ѣздѣ, ведутъ войны безъ обозовъ, владѣютъ множествомъ табунныхъ лошадей, но не имѣютъ укрѣпленныхъ городовъ. Москвитяне каждую весну получаютъ изъ татарской Ногайской орды много тысячъ лошадей, годныхъ для войны, въ обмѣнъ за одежду и другіе дешевые предметы. Намъ же оракійскіе турки присылаютъ за дорогую цѣну лошадей самой плохой породы, старыхъ, изнуренныхъ работою, страдающихъ внутренними болѣзнями, потому что законъ ихъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе продавать христіанамъ здоровыхъ лошадей и оружіе. Предки наши довольствовались собственными лошадьми, выхощенными дома, но были всегда готовы къ походу, имѣя все оружіе въ исправности: копыя, щиты, панцири, а также мѣшки, наполненные мукою. Теперь же героини литовскія ѣдутъ въ храмъ или на балъ въ каретахъ, т. е. всячихъ экипажахъ, запряженныхъ шестерикомъ или восьмерикомъ лошадей, между тѣмъ какъ въ то же время скинъ угоняетъ безнаказанно столько же

людей, связанныхъ ремнями; за то у татаръ, несмотря на обиліе коней, не дозволяется даже царицѣ запрягать лошадь въ повозку.

Турки и другіе сарадины, посѣщая по пяти разъ въ день храмы для молитвы, разуваются и обмываютъ холодною водою даже сокровенные свои члены, но они, равно какъ и татары, москвитяне, ливонцы и пруссаки, изъ бережливости носятъ подолгу одно и то же платье, между тѣмъ какъ мы стараемся имѣть одежды дорогія и разнообразныя.

Татары носятъ длинныя туники безъ складокъ и оборокъ, легкія и удобныя для верховой ѣзды и сраженій; колпаки у нихъ бѣлые, остроконечные, сдѣланы не для парада; во время битвы отъ ихъ высоты и блеска татары имѣютъ болѣе представительный и грозный для враговъ видъ, хотя и не имѣютъ обыкновенія надѣвать шлемы. Этотъ пріемъ усвоили себѣ и москвитяне—они дѣлаютъ шапки изъ войлока, сбитаго изъ овечьей шерсти, которыя стоятъ грошъ, часто моются и служатъ очень долго. Хотя москвитяне имѣютъ множество соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, но обыкновенно сами дорогихъ соболей не носятъ—они отсылаютъ этотъ нѣжный мѣхъ изнѣженнымъ литовцамъ и получаютъ за него золото, а сами украшаютъ опушки своихъ войлочныхъ шапокъ золотыми блисками и драгоценными камнями, которыхъ не портятъ, подобно мѣхамъ, ни сырость, ни солнце, ни моль.

(Конецъ втораго отрывка).

Сокращеніе отрывка третьей книги.

(Москвитяне) до такой степени воздерживаются отъ употребленія пряностей, что даже при изготовленіи пасхальныхъ яствъ довольствуются слѣдующими приправами: грязноватою солью, горчицею, чеснокомъ, лукомъ и другими плодами собственной земли; такъ поступаютъ не только простолюдины, но и вельможи, даже самъ великій князь, отнявшій у насъ много крѣпостей, которыхъ онъ, величаясь, насчитываетъ семьдесятъ три. На царскихъ пирахъ ставятъ на столъ отдѣльно въ солонкахъ, среди золотыхъ сосудовъ

и туземныхъ блюдъ, немного неваренаго перцу, но къ нему никто не прикасается. Между тѣмъ литовцы питаются дорогими иноземными яствами и пьютъ разнообразныя вина, отчего происходятъ различныя болѣзни.

Подобно москвитянамъ, и татары, и турки, хотя владѣютъ областями, производящими вино, но сами его не пьютъ, а продаютъ христіанамъ, получая за него средства для веденія войны, такъ какъ они убѣждены, что исполняютъ волю Господню, если какимы бы то ни было образомъ истребляютъ христіанскую кровь. Перекопскіе татары тоже избѣгаютъ употребленія пряностей и пьютъ только молоко и колодезную воду, которая, впрочемъ, на всемъ протяженіи таврической степи рѣдко встрѣчается безъ горькаго вкуса и еще рѣже чистая, развѣ только въ такомъ случаѣ, если она добыта на большой глубинѣ изъ нѣдръ земли.

И наши предки также избѣгали иноземныхъ яствъ и напитковъ; трезвые и воздержные, они полагали всю славу въ военномъ дѣлѣ, все удовольствіе въ оружіи, коняхъ, большомъ количествѣ слугъ и вообще во всемъ, что проявляло твердость и храбрость, необходимыя для успѣшнаго веденія войны. Они не только отражали нападенія сосѣднихъ народовъ, но раздвинули свои предѣлы отъ одного моря до другаго и враги называли ихъ „Храбрая Литва“¹⁾. Теперь же въ городахъ литовскихъ самыя многочисленныя заводы — это бровары и винницы. Литовцы возятъ съ собою пиво и водку и въ военные походы и даже тогда, когда съѣзжаются, чтобы присутствовать при богослуженіи. Они такъ привыкаютъ къ этимъ напиткамъ дома, что если во время похода случится пить воду, они, вслѣдствіе непривычья, гибнутъ отъ поноса и диссентеріи. Крестьяне, не радѣя о земледѣліи, собираются въ корчмахъ, пьянствуютъ тамъ день и ночь, забавляясь пляскою ученыхъ медвѣдей подъ звуки волынки. Растративъ такимъ образомъ свои средства, они испытываютъ голодъ и затѣмъ обращаются къ воровству и разбою. Это случается такъ часто, что въ каждой литовской области въ

¹⁾ Въ текстѣ: *Chrobra Litwa, id est ferox Lituania.*

теченіи мѣсяца подвергается смертной казни за названныя преступленія болѣе людей, чѣмъ въ сто или двѣсти лѣтъ въ областяхъ Московіи и Татаріи, въ которыхъ воспрещено пьянство. Дѣйствительно, у татаръ всякій, кто только отвѣдаетъ вина, подвергается наказанію 80-ю палочными ударами и штрафу въ 80 монетъ. Въ Московіи же нигдѣ нѣтъ кабаковъ и если у любого домовладѣльца найдутъ хоть каплю горячаго напитка, жилище его разоряютъ, имущество конфискуютъ, домашнихъ и даже сосѣдей подвергаютъ тѣлесному наказанію, а самого хозяина пожизненно заключаютъ въ тюрьму¹⁾; съ сосѣдами поступаютъ такъ жестоко потому, что считаютъ ихъ знающими о мерзкомъ преступленіи и потому какъ бы зараженными его язвою. Между тѣмъ какъ наши люди подвергаются гибели не отъ начальства, а отъ невоздержанія и отъ схватокъ, возникающихъ во время пьянства. День у насъ начинается питьемъ водки; еще лежа въ кровати, кричатъ: „вина, вина!“ и затѣмъ пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на улицахъ, на площадяхъ, даже на дорогахъ; омраченные напиткомъ, они не способны ни къ какому занятію и могутъ только спать; при томъ, кто разъ привыкъ къ этому излишеству, въ томъ страсть къ пьянству постоянно возрастаетъ. Ни іудои, ни сарацины не допускаютъ кого либо изъ своего народа къ гибели отъ нищеты, такъ сильна въ ихъ средѣ любовь къ ближнему. Ни одинъ сарацинъ не смѣетъ отвѣдать куска пищи, не раздробивъ ее предварительно и не смѣшавъ, для того, чтобы каждому изъ присутствующихъ досталась пища въ равномъ количествѣ.

Такъ какъ москвитяне воздерживаются отъ пьянства, то города ихъ славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различныя издѣлія; они снабжаютъ насъ деревянными чашками и посохами, служащими для опоры немощнымъ старикамъ и пьянымъ, также сѣдлами, саблями, конскою сбруею и разнаго рода оружіемъ, получая за эти предметы наше золото.

---

¹⁾ Очевидно, авторъ ошибается и строгія фискальныя мѣры, принимавшіяся для пресѣченія незаконнаго корчемства, считаетъ мѣрами, направленными противъ употребленія горячихъ напитковъ.

Прежде москвитяне находились въ такомъ рабствѣ у заволжскихъ татаръ, что, кромя другихъ признаковъ покорности, князь ихъ долженъ былъ выходить за городъ на встрѣчу каждому посланнику хана и сборщику податей, ежегодно пріѣзжавшему въ Москву, и пѣшій провожалъ его во дворець, держа въ рукахъ поводъ его лошади. Посоль садился на княжескій столъ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство. Поэтому ханы заволжскіе и происшедшіе отъ нихъ переконскіе понинѣ называютъ московскаго князя своимъ холопомъ ¹⁾. Но теперь они не имѣютъ на это основанія, такъ какъ в. к. Іоаннъ, дѣдъ нынѣ царствующаго Іоанна Васильевича, освободилъ себя и свой народъ отъ ихъ тиранніи, послѣ того какъ обратилъ народъ къ трезвости, повсемѣстно воспретивъ кабаки. — Сверхъ того онъ распространилъ свои владѣнія, подчинивъ себѣ Рязань, Тверь, Суздаль, Волокъ ²⁾ и другіе соедѣніе удѣлы. Онъ же отнялъ и присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ литовскія провинціи: Новгородъ, Псковъ, Сѣверщину и другія въ то время, когда Казимиръ, король польскій и великій князь литовскій, воевалъ въ Пруссіи съ крестоносцами, защищая границы своего королевства, а народъ нашъ погрузился въ роскошь. Этотъ великій князь причтенъ своими къ числу святыхъ подвижниковъ, какъ монархъ, освободившій и расширившій свое отечество. Столицу свою онъ украсилъ крѣпостью, выстроенною изъ кирпича, а свой дворець каменными изваяніями, подобными Фидіевымъ, и позолотилъ въ немъ нѣкоторые куполы часовень. Подобно ему и его сынъ, Василій, соблюдая трезвость и строгую дисциплину нравовъ, присоединилъ къ своему наслѣдству укрѣпленный городъ Смоленскъ, отнятый у насъ 31 іюля 1514 г. коварствомъ Михаила Глинскаго. — Послѣ того онъ увеличилъ свою столицу Москву, построивъ близъ нея слободу Налевки трудами нашихъ наемныхъ солдатъ, и далъ ей имя, которое должно служить укоромъ для нашего народа, склон-

¹⁾ Въ текстѣ: „appellant suum cholop, id est rusticum“.

²⁾ Въ текстѣ „Volodow“; мы полагаемъ, что авторъ имѣлъ въ виду вологдаискій удѣлъ, котораго князь, Борисъ Васильевичъ, отрекся отъ наслѣдства въ пользу брата.

наго къ пьянству, — имя заимствованное отъ слова „налей“, что значить „infunde“¹⁾. — Точно также сынъ его, нынѣ царствующій, хотя уступилъ намъ одну крѣпость, за то выстроилъ въ нашихъ предѣлахъ три крѣпости: Себежъ, Велижъ и Заволочье. Татарамъ, рабомъ которыхъ онъ былъ нѣкогда, теперь ни въ чемъ не уступаетъ, потому что заботится о трезвости своего народа; онъ отстаиваетъ свободу не мягкими тканями и не блестящимъ золотомъ, а желѣзомъ; своихъ подданныхъ онъ держитъ всегда вооруженными и постоянно снабжаетъ крѣпости гарнизоны, онъ не выпрашиваетъ мира, но, подражая нашему герою Витовту, отражаетъ силу силою, искусство искусствомъ, воздержанію и трезвости татаръ противопоставляетъ воздержаніе и трезвость своего народа.

Сокращеніе четвертаго отрывка.

Правосудіе также у татаръ выше, чѣмъ у насъ, ибо они всякому немедленно возвращаютъ все, что ему принадлежитъ, между тѣмъ какъ у насъ судья получаетъ десятую часть стоимости иска истца, ни въ чемъ неповиннаго; эту плату судѣ, называемую „пересудъ“, должно вносить немедленно на судѣ. Если же тяжба ведется хотя бы за малѣйшій клочекъ ноземельной собственности, то платятъ судѣ не десятую часть, а сто грошей (стоимостью въ 2¹/₂ нѣмецкихъ крейцеровъ каждый), хотя бы спорная земля стояла меньше этой суммы; если же стоимость ея больше, такъ что десятина превышаетъ сто грошей, то судья дополучаетъ эту десятину.

Въ дѣлахъ за личныя оскорбленія и всякаго рода насилія, хотя бы даже вымышленныя, судья получаетъ съ подсудимаго такую

¹⁾ Подобный разсказъ, хотя съ нѣсколькими иными объясненіемъ, мы встречаемъ у Герберштейна (*Regum moscoviticarum commentarii*); при описаніи города Москвы, здѣсь сказано: „Недалеко отъ города за рѣкою показываютъ слободу, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali, что на нихъ измѣнъ значить „infunde“, потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ прочимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщенія съ остальными, для того чтобы не соблазнили ихъ, живя виждѣ“.

же сумму въ качествѣ штрафа, какую присудить въ вознагражденіе потерпѣвшему; поэтому, заботясь объ увеличеніи своего имущества, онъ покровительствуетъ даже явной клеветѣ и за незначительное даже оскорбленіе присуждаетъ въ пользу мужчинъ по 20 копъ грошей, въ пользу женщинъ по 40 копъ, а за вещественные убытки, какіе бы ни показалъ клеветникъ, подкрѣпивъ обвиненіе ложною присягою, — сотни и тысячи копъ грошей, хотя бы все имущество истца не стоило и одной копы. Наказаніе за убійство назначается не по божественному закону, предписывающему взымать кровь за кровь, а замѣняется денежною пенею, разумѣется съ десятиною въ пользу судьи. Вслѣдствіе этого нерѣдко случаются даже отцеубійства. Если добросердечный истецъ, выигравши дѣло, смягчится просьбою отвѣтчика, и проститъ его, то судья все таки взыщетъ деньги: съ одного штрафа, съ другаго десятину.

Судья беретъ десятину также за утвержденіе сдѣлокъ и договоровъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ получаетъ не десятую долю, а все, что будетъ захвачено у кого либо воровское или отнятое у разбойника; этотъ доходъ его называется „лицо“. Если же воръ или его обличитель должны будутъ перенести украденную вещь къ другому судѣ, то первый получаетъ сумму, равную ея стоимости, такъ что у насъ отыскивающей украденную вещь принужденъ израсходовать въ пользу чиновниковъ больше, чѣмъ она стоитъ. Въ виду этого многіе не осмѣливаются заводить тяжбы, когда у нихъ воровски или насиліемъ угоняютъ рабочій скотъ. Воръ, пойманный даже во время совершенія преступленія, не подлежитъ суду той мѣстности, въ которой совершилъ преступленіе или былъ пойманъ, но послѣ многихъ изворотовъ отводится для суда къ своему господину, въ домъ котораго онъ нерѣдко носилъ краденое; вслѣдствіи этого кражи совершаются безнаказанно. У сосѣдей нашихъ татаръ и москвитянъ, право суда надъ подданными вельможъ и дворянъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ принадлежитъ не частному лицу, а государственному чиновнику, человѣку трезвому и живущему на глазахъ у всѣхъ, между тѣмъ какъ наши производятъ судъ каждый въ одиночку, въ пьяномъ видѣ, и удаливъ посредниковъ и свидѣ-

телей; такимъ образомъ они могутъ дѣлать все, что имъ угодно. Кромѣ пени за преступленіи, предѣдатель суда получаетъ у насъ 12 грошей за каждую скотину, которую кто либо приведетъ въ конюшню присутственнаго мѣста, объявивши ее пригильною; такую же плату получаетъ съ каждаго человѣка, заключеннаго, хотя бы и безвинно, въ тюрьму, утверждая, что эта плата слѣдуетъ ему по закону, за право пользованія государственною конюшнею и темницею. Точно также и слуга судьи, исполнитель его приговоровъ, получаетъ десятую часть стоимости иска даже тогда, когда нѣтъ нужды въ судебномъ разбирательствѣ; онъ беретъ десятую часть уплачиваемаго долга, представляемаго для уплаты въ судъ, хотя бы дѣло было совершенно чисто и безспорно. Судебный писарь получаетъ также десятину за составленіе рѣшенія и сверхъ того требуетъ вознагражденія за всякое свое дѣйствіе: такъ, онъ беретъ по 4 гроша только за приложеніе печати къ повзу, хотя бы весь искъ не превышалъ стоимостью одного гроша. Для того, чтобы увеличить судебныя издержки, требуются по каждому дѣлу два повза, снабженные печатями и подписью писаря; если же тотъ занятъ другими дѣлами, то случается часто, что обвиняемый успѣваетъ скрыться до полученія повза, такъ какъ для него естественно искать спасенія въ бѣгствѣ. Другой чиновникъ, подчиненный судѣ, — „вижъ“, обязанность котораго состоитъ въ объявленіи обвиняемому срока суда, получаетъ даже по самому маловажному дѣлу 40 грошей, если онъ служитъ при воеводѣ, 30 при подвоеводѣ и 100, если онъ вижъ королевскій, или выдаетъ себя за такового. Третій чиновникъ, называемый „дѣтскій“, который призываетъ повзомъ обвиняемаго и приводитъ его въ судъ, получаетъ отъ 100 до 50 или по меньшей мѣрѣ 30 грошей. Въ свою очередь столько же взыскиваетъ судебный служитель, который во время тяжбы отригается для призыва или опроса свидѣтелей, для осмотра поля или луга, истоптаннаго или потравленнаго чужимъ скотомъ или инаго менѣ важнаго убытка. Если бѣдный человѣкъ не имѣетъ потребнаго для этихъ расходовъ количества денегъ, то у него грабятъ скотъ. Не менѣ стѣснительно то обстоятельство, что если бѣдному человѣку

необходимо позвать на судъ вельможу, то онъ ни за какую плату не можетъ найти себѣ повѣреннаго. Еще болѣе несправедливо то, что если у меня есть болѣе знатный сосѣдъ, хотя бы владѣющій частью общаго со мною села, то онъ подсуденъ другому вѣдомству и вчать съ нимъ тяжбу гораздо труднѣе, чѣмъ со мною. Право пользоваться апелляціею у насъ отнято посредствомъ наложенія громаднаго штрафа, установленнаго въ литовскомъ статутѣ (глава VI, параграфъ 1) ¹⁾. — Въ тяжбахъ съ вельможами не допускаются поручительства, которыя служатъ оружіемъ и какъ бы щитомъ, назначеннымъ для охраненія бѣдныхъ. Къ тому же всякій допускается въ свидѣтели во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ межовыхъ, и всякому вполне довѣряютъ безъ присяги; поэтому многіе возвели лжесвидѣтельство въ промыселъ, изъ котораго живутъ. Мы не имѣемъ общественныхъ книгъ или актовъ для записи въ нихъ купчихъ крѣпостей и оныя совершаются въ видѣ частныхъ документовъ. Обвиняемый, хотя бы онъ явно похитилъ чужую собственность или совершилъ насиліе, привлекается къ суду не раньше, какъ по истеченіи мѣсячнаго срока со времени выдачи позова. Если у меня похитятъ скотину, стоимостью въ 50 или 100 грошей во время самыхъ снѣжныхъ полевыхъ работъ, то я не могу привлечь къ суду похитителя прежде, чѣмъ заплачу составителю позова и его служителю полную стоимость похищенной скотины, хотя впоследствии мнѣ не только не уплатятъ моихъ издержекъ, но и обвиняемаго въ похищеніи не дозволятъ привлечь къ суду раньше, какъ по истеченіи мѣсяца. Такимъ образомъ пострадавшій или отказывающійся отъ всего въ пользу грабителя, или старается взыскать съ него свой убытокъ силою или обманомъ. — Во время изданія литовскихъ законовъ быкъ стоилъ 50 грошей, корова 30, но теперь эти цѣны значительно повысились.

¹⁾ Въ первой редакціи литовскаго статута, на которую авторъ ссылается въ указанномъ параграфѣ, сказано, что всякій, недовольный приговоромъ суда, можетъ перенести дѣло по апеллаціи въ высшую инстанцію, т. е. отъ судьи къ воеводѣ и отъ воеводы къ сейму; но если апеллаціи окажется несостоятельною, то принесшій ее подвергается штрафу въ 12 копѣ грошей. По расчету Чацкого, копа грошей въ половинѣ XVI столѣтія равнялась стоимости 19 золотыхъ, т. е. за несостоящуюся апеллацію взыскивается штрафъ въ 228 золотыхъ.

Въ другихъ областяхъ, принадлежащихъ польскому королю, ни обвиняемый не пользуется такими проволочками, ни позовъ не сопряженъ съ такими издержками: судебному служителю за призывъ обвиняемаго въ судъ¹⁾ платится только полъ гроша, а королевская позовная грамота имѣеть силу безъ подписи писаря и потому стоитъ не такъ дорого; даже по распоряженію короля Сигизмунда, помѣщенному въ польскомъ Петровскомъ статутѣ 1511 года, позы приказано выдавать даромъ¹⁾. Точно также и судья, даже при самомъ крупномъ искѣ, получаетъ не десятую долю, а довольствуется двумя или самое большее четырьмя грошами низшаго достоинства, которые стоятъ 8 крейцеровъ нѣмецкихъ. Между тѣмъ какъ у насъ, благодаря обычаю взыскивать по три раза двойныя десятины со стоимости спорной вещи, судья становится судьей собственнаго дѣла и, словно пойманный на удочку этою приманкою, всегда стремится къ осужденію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда юридическія основанія сторонъ не ясны. Даже законы язычниковъ запрещаютъ торговать правосудіемъ, у насъ же обычай этотъ развился недавно, благодаря безнравственной привычкѣ вельможъ примѣнять законы къ своимъ выгодамъ; по ихъ толкованію никто не долженъ владѣть такимъ имуществомъ, которое не приносило бы пользы чиновникамъ.—Такъ напримѣръ, если кто либо враждующій со мною, или желающій доставить выгоду судѣѣ, похитить мои деньги или откажется возвратить занятую или отданную ему на сохраненіе сумму, или захватить мою землю, я не буду имѣть возможности возвратить всего этого, пока не уплачу сперва судѣѣ и его подчиненнымъ различныхъ десятинъ и другихъ значительныхъ поборовъ, на уплату которыхъ я истрачу вскорѣ всѣ свои средства, если этотъ искренній другъ судьи продѣлаетъ со мною то же вторично. Если лицо, подосланное судьей, возьметъ у меня золото, серебро или другія

¹⁾ Въ постановленіяхъ Петровскаго сейма 1511 г., въ параграфѣ подъ заглавіемъ: „*Taxa literarum cancellariae postrae Regiae*“ сказано: „Для того, чтобы поданные наши не подвергались несправедливымъ притѣсненіямъ писарей въ нашей канцеляріи, постановляемъ, чтобы впредь позы выдавались бесплатно.“—*Volumina legum*, т. I, стр. 170.

цѣнныя вещи и возникнетъ дѣло о воровствѣ или насиліи, то всѣ эти вещи будутъ захвачены и окажутся въ рукахъ судьи. Вотъ, свѣтлѣйшій монархъ, каково правосудіе въ твоёмъ наслѣдственномъ государствѣ, вотъ какъ обезпечена священнымъ закономъ собственность гражданъ! Хотя изъ числа вельможъ два воеводы, помѣщенные не вдалекѣ другъ отъ друга ¹⁾, завѣдываютъ высшимъ судомъ въ цѣлой Литвѣ, но они не въ состояніи разсмотрѣть всѣхъ тяжбъ многочисленнаго населенія столь обширныхъ областей тѣмъ болѣе, что на нихъ возложены другія государственныя заботы, какъ это видно изъ самаго ихъ титула „воевода“, т. е. военачальникъ. Обремененные многочисленными общественными и частными обязанностями они только въ праздничные дни т. е. тогда, когда меѣе заняты другими дѣлами, могутъ разсматривать тяжбы. Весьма важныя неудобства представляеть и то обстоятельство, что они не имѣютъ опредѣленнаго мѣста судебныхъ засѣданій. Нерѣдко обиженные за 50 миль приходять искать правосудія и несчастные люди эти принуждены отъ предѣловъ Жмуди и Ливоніи до границъ Мазовіи или Московіи странствовать въ погонѣ за своимъ законнымъ судьей. Притомъ мы имѣемъ ежегодно 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы проводимъ, ревностно преслѣдуя наши тяжбы дѣла.

Упомянутые воеводы имѣютъ намѣстниковъ, которые, заботясь о тѣлесномъ своемъ благосостояніи, обыкновенно творять судъ среди шума пиршествъ; они мало свѣдуши въ судопроизводствѣ, но очень исправно взимають свой „пересудъ“.

Москвитяно хвалятся, что заимствовали у насъ Витовтовы законы, которые мы сами теперь оставили. У татаръ же они заимствовали оружіе, одежду и обычай отправляться въ военныя походы безъ обозовъ, нагруженныхъ иноземными яствами и напитками ²⁾.

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду воеводъ: виленькаго и трокасаго.

²⁾ Въ концѣ четвертаго отрывка и въ началѣ пятаго особенно рѣзко замѣчается несвязность и отрывочность разсказа. Рядомъ стоятъ фразы, совершенно не связанныя между собою содержаніемъ и трактующія о различныхъ предметахъ. Непослѣдовательность эта противорѣчитъ весьма связному способу изложенія и

Сокращеніе пятаго отрывка.

Москвитяне, разгнѣвавшись на кого либо изъ своихъ, проклинають его пожеланіемъ, чтобы онъ обратился въ римскую или польскую вѣру—до того вѣра эта имъ ненавистна.

Къ несчастью, мы не имѣемъ школъ для преподаванія наукъ. Мы изучаемъ московскіе письменные памятники, которые и не древни, и не заключаютъ въ себя ничего такого, что побуждало бы къ доблести; русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. итальянцамъ, ибо мы приходимъ отъ итальянской крови.

Итальянское происхожденіе наше явствуетъ какъ изъ характера нашего языка—полулатинскаго, такъ и изъ существованія у насъ древнихъ римскихъ обычаевъ, которые не такъ давно вышли изъ употребленія, таковы были обычаи: сожиганіе покойниковъ, гаданіе, ворожба и другіе предразсудки, сохранившіеся понинѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности культъ Эскулана, который почитается подъ видомъ змѣи, подобно тому какъ почитался въ Римѣ, куда онъ переселился изъ Эпидавра въ образъ змѣи. Почитаются также священные пенаты, души предковъ, домашнія божества, привидѣнія, также горы, пещеры, озера и роуца.—Но водою крещенія совершенно потушенъ и вѣчный огонь, который поддерживался по обычаю римлянъ и евреевъ для сожиганія жертвъ.—Въ литовскомъ языкѣ слово огонь (ugnis) почти тождественно съ латинскимъ (ignis), но сверхъ того есть много словъ общихъ въ обоихъ языкахъ¹⁾.

логической послѣдовательности мысли въ другихъ отрывкахъ разсказа Михайла Литвина: произошла она вѣроятно вслѣдствіи небрежности приемовъ Грассера, который, сокращая текстъ подлинника, по временамъ выбиралъ фразы часто механически, не заботясь о сохраненіи связности разсказа.

¹⁾ Въ доказательство близкаго родства латинскаго языка съ литовскимъ авторъ приводитъ 74 латинскія слова, утверждая, что они точно также звучатъ и въ литовскомъ языкѣ. Дѣйствительно, большинство этихъ словъ ясно происходятъ въ обоихъ языкахъ отъ общаго корня. Только 8 или 9 изъ числа ихъ въ нынѣшнемъ литовскомъ языкѣ совсѣмъ не сходны съ латинскими, но можетъ быть употребляемыми нинѣ слова принадлежатъ къ числу такихъ, которыя образовались или вошли въ употребленіе позже, вытѣснивъ слова, существовавшія еще въ XVI ст. Впрочемъ авторъ, желая нагляднѣе доказать близкое родство двухъ сличаемыхъ языковъ, прибѣгаетъ во многихъ случаяхъ къ такому приему, что цитируетъ латинскія слова

Наши предки, граждане и воины римскіе, пришли въ эти страны, посланные изъ Рима въ колоніи для защиты границъ отъ скиѣскихъ племенъ; или, какъ утверждаетъ другое болѣе достовѣрное мнѣніе, они были занесены сюда морскою бурей во время Юлія Цезаря. Дѣйствительно, по словамъ Люція Флора, когда Юлій Цезарь побѣдилъ германцевъ въ Галліи и потомъ, подчинивъ себѣ ближайшую часть Германіи и переправившись черезъ Рейнь, направился черезъ Океанъ въ Британію, то переправа его была не вполне удачна и флотъ его былъ разсѣянъ бурей. Тогда именно, какъ полагаютъ, корабли нашихъ предковъ были принесены волнами

не въ простыхъ, а въ производныхъ формахъ: въ косвенныхъ падежахъ именъ существительныхъ, въ причастныхъ отглагольныхъ формахъ: въ повелительномъ наклоненіи и т. п.—Для повѣренъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, мы приводимъ названныя имъ латинскія слова вмѣстѣ съ соответственными имъ словами современнаго литовскаго языка; послѣднія были намъ обязательно сообщены Р. Ю. Готшелькомъ, частью же заимствованы изъ словаря Куршата (Friedrich Kurschat—Wörterbuch der Littauischen Sprache. Halle 1870).

Латинскія (по М. Литв.).		Литовскія.	Латинскія (по М. Литв.).		Литовскія.
ignis	ugnis	огонь.	oculus	akis	глазь.
unda	wandu	вода.	auris	ausis	ухо.
aër	oras	вздыхъ.	nasus	nosis	носъ.
sol	saule	солнце.	semen	sekla	сѣмя; впро- чемъ лянное сѣмя называ- ется linseme- nien, или впро- сто semenys.
mensis	menis	мѣсяць; въ ді- алектахъ об- ластныхъ me- nesis (Р. Ю. Г.)			
dies	diena	день.	linum	linaĩ	ленъ.
ros	rasa	роса.	camellum	kanape	конопля.
aurore	auzara	заря.	avena	avizos	овесъ.
deus	diewas	богъ.	ovis	awis	овца.
vir	vyras	мужъ.	ansa(рукоють)	ausis	ушко.
tu	tu	ты.	axis	aczis	ось.
tuus	tavas	твой.	rota	ratas	колесо
meus	manas	мой	jugum	jungas	прямо.
suus	savas	свой.	pondus	svargas	вѣсъ; есть на- звание едини- цы вѣса въ 20 фунт. punde- lis. Р. Ю. З.
levis	lenguas	легкій			
vivus	gyvas	живой			
juvenis	jaunas	юный.			
vetustus	vetustis	древній (Р. Ю. Г.)			

къ тому берегу, гдѣ нынѣ находится жмудскій замокъ Плотеля ¹⁾ и здѣсь они высадились на сушу. Да и въ наше время къ тому же берегу приставали какіе то заморскіе корабли ²⁾. Здѣсь наши

collis	kelis	тропинка.	dentis	dantis (оцнст.
cur	kur (значитъ		час.) dantu	
	по литовски		(множ. число) зубъ.	
	гдѣ?).		gentes	gentes . . . . .
lens	lensze	чечевица.		народы.
anguis	angis	змѣя.		(Р. Ю. Г.)
corbis	kurbas	корзина.	sta	stok (отъ sto-
primus	pirmas	первый.	weti).	стой.
unus	wienas	однѣнъ.	sede	sediek (отъ se-
duo	du	два.	deti).	сядъ.
tres	tris	три.	verte	versk (отъ
quatuor	keturi	четыре.	wersti)	переворни, то-
quinque	penkū	пять.		же въ произ-
sex	szeszi	шесть.		водныхъ in-
septem	septini	семь.		verte и per-
noctis	noktis (имен.		aratum	arti . . . . .
	над.)	ночь.	occatum	aketi . . . . .
senis	senis (именит.		satum	seti . . . . .
	над.)	старый.	intractus, pertractus, extractus, immer-	
Съ приведенными латинскими формами				
средняго рода причастій прошедшаго				
времени представляютъ сходство литов-				
скія формы настоящаго времени сосла-				
гательнаго наклоненія, (2-е лицо); artum;				
aketum, setum. (Р. Ю. Г.)				
tractus	trauktas—прич. прош. врем.		tenuis—тонкій, въ современномъ литов-	
	отъ traukti—влечь.		скомъ языкѣ—riomas; но слово tankus	
merctus	merktas—тоже отъ—merk-		ostalosъ въ значеніи—густой (Р. Ю. Г.).	
	kiti погружать.		levir—деверь; во время Мих. Литвина у	
cutus	sintas	siuti—шить.	литовцевъ было слово devir, нынѣ же оно	
versus	versas	versti—опро-	замѣнено словомъ swainis (Курш.)	
		кинуть.	пероз—внукъ—въ современномъ литов.	
то же сходство въ причастіяхъ слож-				
ныхъ глаголовъ приведенныхъ Михай-				
ломъ Лавиномъ.				
¹⁾ Плотеля—мѣстечко ковенской губерніи тельшевскаго уѣзда, на берегу				
озера того же имени; оно лежитъ верстахъ въ 50-ти отъ моря; на одномъ изъ				
острововъ на этомъ озерѣ существовалъ древній замокъ, который уже въ 1585 году,				
по словамъ австраціи, лежалъ въ развалинахъ. (Słownik geograficzny królestwa				
polskiego. т. VIII, стр. 321).				
²⁾ Въ XVI столѣтіи среди польскихъ и литовскихъ писателей прочно				
установилось мнѣніе о томъ, что литовцы произошли отъ римлянъ, будто переселив-				

предки, наскучивъ морскими трудами и опасностями и обремененные множествомъ плѣнныхъ мужескаго и женскаго пола, поселились по военному обычаю, понынѣ сохранившемуся у жмуди, въ шалахахъ у очаговъ. Затѣмъ подвигаясь дальше, они подчинили себѣ сосѣдніе народы: ятвяговъ, а за ними роксолановъ или рутеновъ, которые, наравнѣ съ москвитянами, подчинялись тогда власти заволжскихъ татаръ; чиновники послѣднихъ, называемые баскаками, управляли русскими замками. Отсюда они были изгнаны нашими предками италами, которые впоследствии стали называться литалами и, наконецъ, литуанами, т. е. литовцами. Благодаря врожденной своей храбрости они освободили русскія племена, области и замки отъ ига татаръ и ихъ баскаковъ и расширили свои владѣнія отъ жмудскаго моря, называемаго Балтійскимъ, до Понта Евксинскаго и устья Борисеена, а также до границъ другой римской колоніи—Валахій; они заняли Волянь, Подоліе, земли кіевскую и сѣверскую и стени до предѣловъ Тавриды и до Тованской переправы на Днѣпръ; къ

шихся на жмудское Поморье. Особенно настойчиво проводить эту гипотезу, въ первой половинѣ XVI ст. Михайло Литвинъ и безымянный авторъ лѣтописи такъ называемой Быховца. Оба они, повидимому, заимствовали гипотезу отъ Длугоша, который основывалъ свое предположеніе на нѣкоторомъ родствѣ языковъ латинскаго и литовскаго, на сходствѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. (Звѣсь громопержецъ и Перкунасъ, Эскулапъ и почитаніе змѣй литовцами, существованіе священныхъ роць, сожиганіе мертвыхъ и т. п.), на сближенія названій: Roma и Romowe (главное литовское святилище), Itali, Litali и Lituani и т. д.—(Joannis Dlugossi. Historiae polonicae libri XII; книга II годъ 997 годомъ и книга X годъ 1387 г.)—Занимая гипотезу у Длугоша и стараясь подѣржнать ее новыми доказательствами, его литовскіе послѣдователи не вполне согласны съ нимъ относительно времени и обстоятельствъ, при которыхъ римская колонія переселилась изъ Италіи въ Литву; Длугошъ высказываетъ предположеніе, что часть римлянъ или вообще латинцевъ бѣжала въ Литву вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ Суллы и Марія или Помпея и Цезаря. Михайло Литвинъ старается точнѣе обозначить время и весьма опредѣленно указываетъ на часть флота Юлія Цезаря, будто унесенную бурей отъ береговъ Британіи въ Балтійское море, между тѣмъ какъ составитель лѣтописи Быховца относитъ выселеніе римской колоніи изъ Италіи въ Литву къ тому времени, когда была основана Венеція, т. е. ко времени разоренія сѣверной Италіи нашествіемъ гунновъ. Считаемо излишнимъ останавливаться на анахронизмахъ Михайла Литвина, по словамъ котораго римскіе колонисты, попавшіе будто въ Литву при Юлія Цезарѣ, застали этотъ край во власти золотоординскихъ баскаковъ и т. и. неточностяхъ.

съверу они заняли Вязьму, Дорогобужь, Бѣдую, Торопецъ, Луки, Псковъ, Новгородъ и вообще все провинціи и замки, лежащія по сю сторону крѣпости Можайска, ближайшей къ московской столицѣ. Разширивши такимъ образомъ свои владѣнія, благодаря своей храбрости, они получили для своего князя Миндовга, принявшаго святое крещеніе, королевскій титулъ и корону. По смерти этого короля, и королевскій титулъ, и христіанство были оставлены, пока снова сосѣдній съ нами христіанскій польскій народъ не пригласилъ въ 1380 году царствовавшаго здѣсь благополучно блаженной памяти прадѣда вашего величества, Владислава, называемаго по литовски Ягайломъ, возвратиться къ христіанству и принять королевское достоинство для того, чтобы совокупная доблесть двухъ сосѣднихъ народовъ, стала еще крѣпче въ борьбѣ съ общимъ врагомъ христіанскаго имени.

Въ нашу страну началъ стекаться изъ другихъ областей самый скверный изъ всехъ народовъ—іудей, уже сильно размножившійся во всехъ городахъ Волыни, Подолія и другихъ плодородныхъ областей; это народъ вѣроломный, хитрый, склонный къ клеветѣ, онъ поддѣлываетъ у насъ товары, монету, документы и печати, на всехъ рынкахъ отымаетъ у христіанъ средства къ жизни, занимается исключительно обманомъ и клеветою. Это самый скверный народъ халдейскаго племени, по свидѣтельству священнаго писанія, онъ развратенъ, грѣховенъ, вѣроломенъ, негоденъ и коваренъ.

Сокращеніе шестаго отрывка.

Татары превосходятъ насъ не только воздержаніемъ и благо-разуміемъ, но и любовью къ ближнему. Въ сношеніяхъ между собою они сохраняютъ сознание солидарности и взаимно помогаютъ другъ другу. Они справедливо поступаютъ съ рабами, хотя эти послѣдніе бывають у нихъ всегда иноземцы, прибрѣтенные путемъ войны или покулки, и не удерживають ихъ въ рабствѣ долѣ семи

лѣтъ, согласно предписанію библии (Исходъ, глава 21)¹⁾. А мы держимъ въ безсрочномъ рабствѣ людей, добытыхъ не на войнѣ и не куплею, не иноземцевъ, но людей одной съ нами народности и вѣроисповѣданія, закабаленныхъ вслѣдствіе сиротства, нищеты, или брака съ рабынею. Мы злоупотребляемъ нашею властью надъ ними: мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ законнаго суда, по случайному подозрѣнію. Напротивъ того, у татаръ и москвитянъ ни одному чиновнику, кромѣ главныхъ судій въ столицахъ, не дозволяется убивать человѣка даже въ случаѣ очевиднаго преступленія; между тѣмъ какъ у насъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ произносятся смертные приговоры. Притомъ мы взимаемъ подати для защиты государства только отъ подданныхъ нашихъ: въ городахъ отъ коморниковъ, въ селахъ отъ бѣднѣйшихъ хлѣбонашцевъ, оставляя землевладѣльцевъ свободными отъ податей, несмотря на то, что они получаютъ значительные доходы со своихъ обширныхъ помѣстій, пашень, луговъ, пастбищъ, садовъ, огородовъ, лѣсовъ, рощъ, пасѣвъ, отъ охоты, корчемъ, заводовъ, ярмарокъ, мытъ, перевозовъ, мостовыхъ, съ озеръ, прудовъ, рѣкъ, рыбной ловли, мельницъ, отъ стада и отъ труда рабовъ и рабынь. Гораздо успѣшнѣе шли бы военныя дѣла и собирались нужныя для нихъ подати, взимаемыя теперь поголовно, если бы приведено было къ концу предпринятое измѣреніе всѣхъ полей, принадлежащихъ какъ дворянамъ, такъ и посполитымъ людямъ; ибо въ такомъ случаѣ каждый платилъ бы тѣмъ больше налоговъ, чѣмъ большимъ количествомъ поля онъ владѣеть.

Сокращеніе седьмаго отрывка.

Татары постоянно держатъ своихъ женщинъ взаперти, тогда какъ наши жены расхаживаютъ праздно по домамъ, принимаютъ участіе въ обществѣ мужчинъ и носятъ почти мужескую одежду; отъ этого развиваются страсти. Татары заботятся о томъ, чтобы

¹⁾ Стихъ 2-й: „Аще стяжеша раба ваража, шесть лѣтъ да поработаетъ тебѣ, въ седмое же лѣто отпустивши его свободна туне“.

заселить землю, созданную для того, чтобы служить жилищемъ для людей, и умножить родъ человѣческой во славу Божию; имѣя въ виду, что не каждая женщина плодovита, что не во всякое время мѣсяца способна къ супружеству и зачатію, что разъ зачавши не должно соприкасаться съ мужемъ, ибо жена берется не для удовлетворенія страсти, а ради приобрѣтенія потомства и что она можетъ зачать даже болѣе одного младенца сразу, какъ это видно изъ примѣра Тамари и Ревекки; въ виду всѣхъ этихъ причинъ татары, высоко цѣня мужескую силу и не желая растрачивать ее безъ нужды, слѣдую указаніямъ природы и похвальному обычаю древнихъ людей, явствующему изъ библіи, имѣютъ каждый по нѣсколько женъ. Отъ этихъ браковъ они приобрѣтаютъ болѣе силъ противъ насъ, имѣютъ большее число сыновей и родственниковъ; чѣмъ больше у нихъ женъ, тѣмъ больше они ими любимы и супружества ихъ тѣмъ счастливѣе; они не ищутъ ни большаго приданаго за невѣстами, ни красоты, ни знатности рода, такъ что даже высшіе сановники берутъ женъ изъ числа кулленныхъ ими невольницъ.

Между тѣмъ наши, поступая противно обычаямъ древнихъ святыхъ людей, слѣдую внушеніямъ животной природы (да не оскорбятъ этими словами благочестивые слушатели) подходятъ иногда многіе къ одной женщинѣ, не разчитывая получить отъ такой связи ни родства, ни дружбы, ни потомства и не боясь Бога; они ищутъ приданаго и красоты, которою гордятся женщины и посредствомъ которой привлекаютъ и подчиняютъ себѣ мужей; женщины заботятся не столько о своей непорочности, сколько о богатствѣ и красотѣ, поэтому они и сочиняютъ ложную молву о своей зажиточности и красятъ себѣ лицо. Эти нравы особенно развились среди нашего народа послѣ обнародованія извѣстнаго законоположенія литовскаго статута (Раздѣлъ IV, артикуль 7), по смыслу котораго въ приданое дочерямъ назначается опредѣленная доля наслѣдства¹⁾. Послѣ

¹⁾ Въ двухъ первыхъ редакціяхъ статута названный артикуль гласитъ: „Сколько приданаго назначитъ отецъ одной дочери, столько же должны получать и остальные. А по смерти отца четвертая часть его имущества должна отойти въ пользу дочерей, будетъ ли у него одна дочь или нѣсколько“.

этого женщины сдѣлались надменными, начали пренебрегать добродѣтелью, оказались строптивыми по отношенію къ опекунамъ, родителямъ и мужьямъ и стали готовить преждевременную смерть долго живущимъ.

Благодаря обычаю многоженства сосѣди наши, перекопскіе татары, которыхъ такъ много погибаетъ въ войнахъ съ нами, постоянно возрождаются снова. Не такъ давно въ войскѣ Осламу-султана красовался среди его вассаловъ отрядъ, состоявшій изъ сорока родныхъ братьевъ, это были крѣпкіе люди, сыновья нѣкогого Омельдеша, случайно родившіеся въ одинъ годъ, въ теченіи одного мѣсяца отъ его жены и наложницъ. И въ нашей странѣ, на берегу рѣки Ваки ¹⁾ есть многолюдное татарское село, издавна называемое селомъ сорока татаръ, т. е. сорока братьевъ. Существующій у татаръ обычай покупки невѣсты былъ нѣкогда и у израильянъ, какъ видно изъ книги Бытія (глава 29) и изъ 1-й книги Царствъ (глава 18) ²⁾.—И у нашего народа уплачивали нѣкогда за невѣсту ея родителямъ условленную цѣну, которая у жмудиновъ называлась *крено*. Теперь же мы сами себя продаемъ женамъ за приданое и дѣлаемся ихъ рабами, отыскивая себѣ знатное родство.

Ни татарѣ, ни москвитяне не даютъ воли своимъ женамъ. У нихъ есть поговорка: „кто даетъ свободу женѣ, тотъ отнимаетъ ее у себя“. Ихъ женщины не имѣютъ личной правоспособности, между тѣмъ какъ у насъ ниня господствуютъ надъ многими мужчинами, владѣя селами, городами и волостями, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія потомственно. Объятыя страстью господствовать онѣ живутъ разнузданно подъ видомъ дѣвства или вдовства; обременя-

¹⁾ Рѣка Вака, правый притокъ Вилин, протекаетъ по трокскому уѣзду, виленской губерніи. На берегу этой рѣки в. к. Витовтъ поселилъ въ началѣ XV ст. плѣнныхъ татаръ, даровавши имъ земли и дворянскія права и возложивши на нихъ обязанность военной службы.

²⁾ Книга Бытія, гл. 29, ст. 20. „И работа Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ“.

Книга I Царствъ, гл. 18, ст. 27. „Возста Давидъ и иде самъ и мужи его съ нимъ и оуби отъ ццолеменикъ двѣсти мужей и принесе краеобрѣзанія ихъ царю и вдаде я ему, и бысть вѣтъ царя и вдаде ему царь Мелхоу дщерь свою въ жену“.

ютъ своихъ подданныхъ, однихъ преслѣдуя ненавистью, другихъ возвышая и истошая слѣпою любовью. Какъ сказано въ Екклѣзіастѣ (гл. VII, ст. 27): „реку: горчайшу мнѣ смерти жену“ и точно, нѣтъ ничего злѣе ея гнѣва.

Хотя власть женщины позорна даже внутри частнаго дома, тѣмъ не менѣе онѣ начальствуютъ у насъ въ крѣпостяхъ даже пограничныхъ съ предѣлами московскими, турецкими, татарскими и молдавскими, которые должно было бы поручать только мужамъ великой храбрости. Не напрасно предки вашего величества не дозволяли женщинамъ получать крѣпости по наслѣдству и располагали въ такихъ случаяхъ браками наслѣдницъ по своему, а не по ихъ усмотрѣнію, выбирая имъ въ мужья людей, знаменитыхъ не богатствомъ и не знатностью рода, но прославившихъ себя пролитіемъ какъ своей, такъ и непріятельской крови. Эти богатырскія жены отдавались въ замужество даже за отличившихся на войнѣ пастуховъ, которые назывались *Саконь* и *Сунгайлонь*.

Сокращеніе осьмага отрывка.

Многіе, даже изъ простаго народа, прельстившись этими наградами, дѣлались хорошими воинами; съ ихъ помощью предки вашего величества широко раздвинули предѣлы своихъ владѣній, такъ что еще понинѣ можно наблюдать слѣды ихъ завоеваній въ Тавридѣ, въ Московіи и другихъ странахъ. И понинѣ именами Гедымина и Витовта называются тамъ нѣкоторыя укрѣпленія, холмы, колодцы, мосты, дороги, рвы, городища и стѣны, разгромленныя впоследствии пушками туземцевъ, или разрушенныя оружіемъ самихъ литовцевъ. Тогда наша молодежь не коснѣла въ бездѣйствіи и праздности, но прилежно упражнялась въ военномъ дѣлѣ, по примѣру своихъ предковъ римлянъ; для объявленія войны они не выжидали ни тяжелой обиды отъ врага, ни удобной лѣтней погоды, но вчинали войну за маловажное, даже частное оскорбленіе, нанесенное подданнымъ нашего государства. Не разъ они, уже къ празднику св. Пасхи достигали Москвы, столицы московскаго княжества и тамъ

заключали договоры со смирившимся непрітелемъ. Теперь же намъ страшень московскій князь, такъ какъ онъ непрерывно упражняетъ свой народъ въ военномъ искусствѣ, не дозволяетъ никому по долгу оставаться дома, но посылаетъ всѣхъ поочередно охранять границы государства. Враги наши татары осуждаютъ нашу надменную безопасность и насмѣхаются надъ нами, погруженными въ сонъ послѣ пиршествъ, слѣдующею распространенною у нихъ бранною поговоркою: „ты спишь, Ивакъ! а я долженъ трудиться—вязать тебя“.—Въ настоящее время нашихъ воиновъ больше гибнетъ въ корчмахъ отъ взаимныхъ убійствъ, чѣмъ отъ непрітелей, такъ часто опустошающихъ наше отечество. Они могли бы вести болѣе успѣшную борьбу, если бы отправлялись для упражненія въ военномъ дѣлѣ въ степи, на границахъ Подолии и Кіевщины и вступали тамъ въ состязаніе съ трезвымъ и предприимчивымъ врагомъ; тогда они вскорѣ изъ новобранцевъ превратились бы въ опытныхъ воиновъ и многіе могли бы достигнуть повышенія; не нужно было бы искать внѣ отечества лицъ, способныхъ завять обязанности полководцевъ.

Предки вашего величества не пренебрегали своими подданными, которые естественно и по необходимости должны были храбро сражаться и умирать для защиты законовъ и отечества. И двоюродный братъ вашего величества, венгерскій король Людовикъ, если бы предпочелъ иностранцамъ своихъ единоземцевъ, не подвергся бы презрѣнію во время похода, не былъ бы оставленъ въ битвѣ и растоптанъ во время бѣгства ¹⁾. Дѣдъ его и вашего величества, блаженной памяти король Казиміръ испыталъ вѣрность своихъ подданныхъ въ битвѣ съ крестоносцами у Хойницы въ Пруссіи, въ которой онъ исполнилъ

---

¹⁾ Сигизмундъ Августъ Сигизмундовичъ и венгерскій король Людовикъ II Владиславовичъ были внуками Казиміра Ягайловича; Людовика II (1516—1526) венгерцы упрекали въ томъ, что онъ окружилъ себя иностранцами: поляками, чехами, моравянами и сilesцами, исключительно довѣрлся имъ и устранилъ отъ двора венгерцевъ. Во время нашествія турокъ на Венгрію въ 1526 г. венгерскіе магнаты относились къ королю съ пренебреженіемъ, не повиновались его приказаніямъ и противодѣйствовали его планамъ. Кампанія закончилась битвою у Могача, 29 августа 1526 г., въ которой венгерская армія была уничтожена; спасаясь бѣгствомъ, король завязъ въ болотѣ и былъ раздавленъ массою безпорядочно толпившихся бѣглецовъ.

долгъ хорошаго воина и вождя. Когда войско его пришло въ разстройство и самъ онъ изнемогалъ отъ трудовъ и тяжести оружія на раненомъ конѣ, его тотчасъ заслонили густыми рядами войны нашего народа, подали ему другаго коня и, пробившись сквозь ряды враговъ, избавили отъ предстоявшей опасности ¹⁾.

Слѣдуя этому правилу, москвитяне никогда не упражняютъ у себя въ военномъ дѣлѣ и не обогащаютъ своими деньгами иностранцевъ, которые во всякое время могутъ оставить страну, а стараются поощрять своихъ единосемцевъ къ усердной и постоянной службѣ, заботясь не столько объ уплатѣ имъ жалованья, сколько объ увеличеніи ихъ наслѣдственныхъ помѣстій.

Въ настоящее время войны нашего постояннаго войска, охраняющаго границы, хотя щедро награждаются помѣстьями, освобождены отъ всякихъ повинностей и податей и пользуются разными другими привилегіями военнаго сословія, но пренебрегаютъ этими льготами и предоставляютъ и военныя упражненія, и защиту отечества перебѣжчикамъ москвитянамъ и татарамъ. Поэтому то мы и принуждены уплачивать ежегодно подарки царю нереконскому. Между тѣмъ наша литовская и жмудская молодежь была бы пригодна для войны, какъ влѣдствіе вражденной храбрости, такъ и по крѣпости тѣлосложенія и стойкости нрава. Однако наши правители не обращаютъ вниманія на то, что государство ослабѣваетъ отъ праздности и что для юношей здоровѣе служить въ войскѣ, нежели оставаться дома.

---

¹⁾ Битва у Хойницъ происходила 18 сентября 1454 г.; влѣдствіе неопытности польскихъ полководцевъ и охватившей войско паники поляки потерпѣли крупное пораженіе. Король Казиміръ, тщетно пытавшійся остановить бѣгущихъ, былъ окруженъ врагами; его съ большимъ трудомъ снаси литовцы, окружившіе его густою толпою и рѣшившіеся, по предложенію Олехна Судимонтовича, умереть, защищая его; имъ удалось пробиться сквозь ряды крестоносцевъ, но при этомъ всѣ, за исключеніемъ шести человекъ, пали въ битвѣ. Въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ раненый конь короля завязъ въ болотѣ, между тѣмъ враги приближались, тогда нѣкто Богданъ Воль (родовачальникъ знатнаго влослѣдствіи рода Воловичей) передалъ королю своего коня, а самъ, по поясъ увязши въ тинѣ, разсыпалъ вокругъ себя всѣ стрѣлы изъ колчана и посиѣшными, но мѣткими выстрѣлами изъ лука успѣлъ удержатъ погоню. (Gołembowski—Dzieje Polski za panowania Jagiellonów т. III, стр. 102—104. Лѣтопись Быховца стр. 59).

Отрывокъ девятый.

Въ Литвѣ одно лицо занимаетъ по десяти должностей, тѣмъ самымъ устраняя другихъ отъ ихъ исполненія; московскій же князь соблюдаетъ равенство между своими, не предоставляя одному лицу многихъ должностей. Управление одною крѣпостью и то лишь на одинъ, много на два года поручается совмѣстно двумъ воеводамъ и двумъ дьякамъ, дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы бояре, по-опираемые надеждою на полученіе воеводства, ровностиѣ служили своему князю и чтобы воеводы мягче относились къ подчиненнымъ, въ виду предстоящаго имъ отчета и суда. Ибо чиновникъ, осужденный за взятки, обязанъ сражаться въ поединкѣ съ пострадавшимъ, хотя бы тотъ былъ и простаго званія; хотя обвиненному и дозволяется подставить вмѣсто себя другое лицо на поединокъ, но если замѣститель его будетъ побѣжденъ, то пеню платитъ самъ обвиненный. Вслѣдствіе этого при дворѣ не такъ часто слышатся жалобы на притѣсенія.

Разсудительность этого варвара не менѣе проявляется и въ веденіи хозяйства; онъ до такой степени не пренебрегаетъ ничѣмъ, что продаетъ *полову*, сѣно и солому; на пирахъ его выставляютъ большія золотыя и серебряныя чаши, которыя называютъ соломенными¹⁾, потому что тѣ приобрѣтены за деньги, вырученныя за продаванную солому. — Осторожная раздача воеводствъ приноситъ еще ту пользу, что тѣ, кого князь посылаетъ защищать предѣлы своего государства, исполнять общественныя дѣла, или отправлять самыя дальнія посольства, выполняютъ всѣ эти порученія не на полученныя отъ князя средства а на собственный счетъ и, если исполнять все согласно волѣ и намѣреніямъ князя, то вмѣсто жалованья получаютъ въ награду не деньги, а должности, о которыхъ было сказано выше. Подобный обычай существовалъ у римлянъ, какъ это видно изъ словъ евангелиста Луки, въ дѣянїяхъ апостоловъ

¹⁾ Трудно угадать, какой терминъ имѣлъ въ виду авторъ, говоря о соломенныхъ чашахъ; можетъ быть, это ошибка, основанная на неправильномъ толкованіи слова „соломка“.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

къ „Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 года“¹⁾.

А.

Абрамовичъ Ив., ат. сот. волын. 205.
Абрамовскій Корн., в. т. 194, 204.
Авеселовскій Ив., кз. черниг. 197.
Адамовичъ Пот., актуариусъ 77.
Александровичъ Алексѣй, свящ. церкви
Никольск. лубен. 134.
Александровичъ Ив., абш. подк. 53, 58.
Александровичъ Ив., ас. полк. 9.
Александровичъ Ив., суд. гр. прил. 30,
35, 227, 239.
Александровичъ Ив., суд. полк. прил.
238, 241.
Алексѣевъ Алексѣй, прапорщ. 240.
Алексѣевъ Мих., влк. свящ. Никол.
лубен. церкви 134.
Алексѣй Михайловичъ, царь 4, 6, 24,
25, 28, 68, 79, 88, 102, 105,
110, 138, 142, 148, 152, 158,
167, 175, 178, 181.
Андреевъ Григ., поном. лубен. Троиц.
церкви 137.
Андреевъ Иванъ, волторнисть в. муз.
135, 137.

Андріевскій Прок., квартирм. сот. по-
гарек. 222.
Андрузскій Григ., возный оспап. 288.
Андрущенко Троф., пов. сот. перво-
варвинс. 162, 242.
Анна Іоанновна, имп-ца 5, 17, 24,
26, 39, 41, 42, 44, 47, 159.
Антоненко Лукьянъ, кз. козелец. 211.
Антоненко Пав., кз. с. стол. 149, 208.
Антроповъ Степ., мѣщ. старод. 112.
Апостоль Дан., гетм. 25, 26, 91, 92,
109, 110, 143.
Артеменко Андр., мѣщ. козелец. 212.
Артеменко Дан., мѣщ. козел. 212.
Афанасьевъ Андр., з. т. 54.
Афанасьевъ Ив., циліарикъ полк. 136.

Б.

Бабичъ Дем., прил. полк. канц. 241.
Бабичъ Оникѣй, кз. с. кysel. 149, 207.
Бабичъ, поруч. 280, 281.
Базил(і)евичъ Гр., з. т. 193, 203.
Базилевичъ Петръ, актуариусъ 77.
Базилевскій Гр., суд. зем. 64, 69.

¹⁾ Такъ какъ документы печатались не съ подлинниковъ, а съ копій, то нерѣдко одно и то же имя въ разныхъ мѣстахъ пишется различно, въ указателѣ такіа различія указаны въ скобкахъ или, если различны и начальныя буквы, то при каждомъ такомъ имени сдѣланы соотвѣтственныя указанія. Приводимъ главнѣйшія сокращенія: абш.—абшитованный; ас.—асаултъ; атм.—атаманъ; арт.—артиллерія; бурм.—бурмистръ; б.—бунчуковый; в.—войсковой; вз.—возный; ген.—генеральный; гр.—городскій; зем.—земскій; з.—значковый; канц.—канцеляристь; кз.—козакъ; ком.—коморникъ; комп.—компанейскій; лавн.—лавникъ; мщ.—мѣщанинъ; пис.—писарь; пов.—повѣтовый; подк.—подкоморій, подкоморскій; подс.—подсудокъ; полк.—полковоій; сотн.—сотникъ; сот.—сотенный; суд.—судья; т.—товарищъ; хрж.—хоружій; цехм.—цехмистръ.

- Бакланъ, обоз. пов. иванец. 240.
 Бакуринскій Андр., в. т. 193, 203.
 Бакуринскій Ив., в. т. 194, 204.
 Бакуринскій Яковъ, регистр. 187.
 Балтій Сид., мѣщ. прилуц. 232.
 Барабашъ Ѳедоръ, кз. лубенск. 136.
 Барановскій Степ., суд. полк. кiev. 210, 246, 251, 253, 254.
 Баришавецъ Дан., райца черниг. 199.
 Баско Тар., мѣщ. прилуц. 232, 236.
 Батло Якимъ, мѣщ. прилуц. 233.
 Бахчевскій Ив., в. канц. 246, 251, 256.
 Бедауровъ Ив., отст. капит. новосерб. гус. эскадр. 230.
 Безбородко Алдръ, б. т. 192, 203.
 Безбородко Андрей Яковл. суд. ген. 192, 200, 201, 202, 247, 248, 249, 250, 258, 259.
 Безуглый Ант., мѣщ. прилуц. 236.
 Белашъ (Бѣлашъ) Гр., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
 Белей, возн. пов. погар. 225.
 Белону(о)жка Ивавъ, кз. сот. полк. черниг. 149, 207.
 Белый Андрей, кз. лубен. 135.
 Береженко (Бережный) Лаз., мѣщ. прилуц. 232, 236.
 Бережный Наз., кз. лубен. 135.
 Бишковъ Алдръ Ильичъ, маршалъ ком. составл. уложенія 178.
 Билявскій Яковъ, райца черниг. 197.
 Бичокъ Григ., мѣщ. черниг. 198.
 Бобиръ Ром., сотн. столинск. 204.
 Бобровскій Дм., хрж. корибутов. 31, 36.
 Богаевскій Юрій, в. т. 65, 70.
 Богданенко Пав., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
 Богдановичъ Андрей, в. т. 66.
 Богдановичъ Гр., в. т. 66, 70.
 Богдановичъ Иванъ, в. т. 66, 70, 286, 287.
 Богдановичъ Іоаннъ, свящ., намѣстн. лубен. 134.
 Богдановъ Никиф., канц. лубен. полк. канц. 60.
 Богодѣвъ Троф., з. т. 193.
 Богомулецъ Карпъ, в. т. 211.
 Бо(у)гушъ Сид., кз. сот. люб. 150, 209.
 Божко Андрей, возн. сот. яблон. 54, 60.
 Божко Дем., мѣщ. прилуц. 234.
 Божко Ив., кз. лубен. 137.
 Болянский Сем., в. т. 65.
 Бондаръ Ив., кз. лубен. 137.
 Бондаръ Ковдр., мѣщ. козелец. 212.
 Бордадимъ Ив., райца черниг. 196.
 Бордаковскій Матв., в. т. 9.
 Бордаковскій Степ., з. т. 9.
 Бордиковский Ав., мѣщ. старод. 112.
 Борецкій Зян., обоз. полк. кiev. 211.
 Борисенко Ѳедоръ, кз. сот. вибельск. 149, 207.
 Боровиковскій Алексѣй, з. т. 66.
 Бородуха Севаст., абш. в. канц. 205.
 Борсукъ Андрей, кз. сот. городн. 150, 210.
 Борсукъ Вас., кз. сот. городн. 150, 210.
 Боршиговецъ Никита, мѣщ. лубен. 135.
 Борщъ Гр., мѣщ. прилуц. 236.
 Бочко Моисей, канц. черн. магистр. 88.
 Бояриновъ Иванъ, кз. сот. городниц. 150, 209.
 Брагинецъ Троф., б. бурм. козелец. 211.
 Брагинецъ Ѳедоръ, кз. козелец. 211.
 Брагинецъ Яковъ, в. канц. 9.
 Бразоль Вас., сотн. грунскій 65, 70.
 Брезкунъ Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
 Брезкунъ Ром., кз. стародуб. 112.
 Брехушъ Сав., кз. сот. любец. 150, 209.
 Брижаха Гр., мѣщ. лубен. 135, 263.
 Брижаха Дан., кз. лубен. 136, 137.
 Брижаха Кирило, кз. лубен. 136, 137.
 Бривзоха Сав., мѣщ. прилуц. 235.
 Британовскій Сем., в. т. 31, 35.
 Броварникъ Макс., мѣщ. козелец. 212.
 Бровка Лев., мѣщ. козелец. 212.
 Брожко Ѳедоръ, райца козелец. 211.
 Брюховецкій Ив. Март., гетм. 90.
 Бубликъ Гр., бурм. черн. 197, 200.
 Бубликъ Яковъ, з. т. 195, 204.
 Бубликъ Ѳедоръ, з. т. 194, 204.
 Бужинскій Гр., в. т. 65, 70.
 Булавкинъ Вас., в. т. 193, 203.
 Булавкинъ Ив., б. т. 203.
 Булахъ Каленикъ, кз. лубен. 136.
 Булагъ (см. Чумакъ) Ив., кз. сот. полк. черниг. 207.
 Булюба(о)шъ Мих., полк. лубен. хрж. 53, 58.
 Булюба(о)шъ Ѳед., пис. зем. пов. лубен. 53, 58.

Бутей(в)ко Дан., мѣщ. прил. 232, 235.
 Бутенко Остапъ, в. т. 31, 35.
 Бутенко Сем., в. т. 31, 35.
 Бутовичъ Дан., в. т. 8.
 Бутовичъ Ив., в. т. 195, 204.
 Бутовичъ Ив., сотн. зеньков. 65.
 Бутовичъ Лукьянъ, сотн. зеньк. 65.
 Бутовичъ Степ., б. т. 195, 204.
 Буцкій Ив., в. т. 67, 70.
 Буявинскій Ив., возн. сот. глухов. 77.
 Бѣленченко Ив., старш. полк. канц. гадап. полка 65, 70.
 Бѣлецкій Гр., атам. краснокол. 31, 36.
 Бѣлецкій Ив., ас. красноколяд. 31, 36.
 Бѣлецкій Ив., в. т. 31, 35.
 Бѣлецкій Ром., в. т. 31, 35.
 Бѣлецкій-Носенко Никиф. полк. ас. прилуц. 30, 35, 238.
 Бѣлячевскій Юсифъ, кз. гор. ромен. 135.
 Бѣлоузь Петръ, хрж. полк. артил. 240, 241.
 Бѣлуха Дм., б. т. 66.
 Бѣлуха Петръ, в. т. 66.
 Бѣльскій Ив., цехм. кравец. глухов. 77.

В.

Вакуленко Гр., мѣщ. прил. 236.
 Вакуленко Степ., мѣщ. прилуц. 233.
 Валковский Клим., адвокатъ 77.
 Васенко Лаврентій, канц. полк. лубен. канцел. 55, 60.
 Василенко Андрей, кз. сот. сребран. 161, 241.
 Василенко Ив., в. т. 9.
 Васильевъ Авр., мѣщ. прилуц. 233.
 Васильевъ Кондр., кз. город. лубен. 134.
 Васильевъ Оедоръ, хрж. сот. иваниц. 31, 36.
 Васковичъ Лаз., мѣщ. стародуб. 112.
 Ващенко Ант., райца козелец. 211.
 Векличъ Оед., мѣщ. прилуц. 232.
 Велентѣй Лука, в. канц. 77.
 Величко Евт., з. т. 55.
 Величко Яковъ, суд. зем. пов. прилуц. 30, 34, 239, 243.
 Велѣнскій Гр., в. т. 216.
 Вербицкій Макс., кз. лубен. 137.
 Вербицкій Николай, нотаріусъ 77.
 Вечарка Мих., з. т. 66.

Винда Никиф., в. канц. 77.
 Винникъ Лук., кз. лубен. 136.
 Витолтъ, вел. кн. литов. 170.
 Вишньовскій Исид., возн. сот. хорол. 66.
 Владиславъ IV, кор. польск. 79.
 Владиславъ-Ягелло, кор. польск., вел. кн. литов. 25.
 Власенко Илья, мѣщ. прил. 232, 236.
 Власовъ Никиф., кз. лубен. 136.
 Власовъ Никола, кз. лубен. 136.
 Власѣка Оома, мѣщ. прилуц. 235.
 Вовкъ Вас., мѣщ. прилуц. 232.
 Война Оедоръ, суд. зем. пов. зеньков. 67, 287.
 Войтенко Влась, в. т. 31, 35.
 Войтенко Петръ, в. т. 54, 59.
 Войцеховичъ Гр., в. т. 195, 204.
 Войцехъ Андрей, з. т. 77.
 Воливачъ Ив., в. т. 66.
 Волошинъ Ив., з. т. 282.
 Волчанскій Никиф., канц. полк. лубен. канц. 55.
 Воробей Карпъ, мѣщ. козелец. 212.
 Вынникъ Степ., мѣщ. лубен. 136.
 Вышньнскій Сем., з. т. 9.
 Вѣтвицкій Григорій, в. полк. муз. довбышь 136.

Г.

Гавриленко Никиф., кз. сот. повурниц. 150, 210.
 Гавриловъ, ротм. 280, 281.
 Гайдукъ Демьянъ, сотн. ромен. 53, 59.
 Галаганъ Ив., б. т. 238.
 Галичинъ Яковъ, канц. лубен. гр. суда 55, 60.
 Галущенко Лукьянъ, мѣщ. лубен. 136.
 Галтѣрь Пав., мѣщ. прилуц. 134.
 Гамалія Ив., в. т. 54, 59.
 Гамалія Иос., б. т. 54.
 Гамалѣя Мих., сынъ б. т. 54.
 Гаменда Илья, мѣщ. стародуб. 113.
 Гамзуль Алексѣй, мѣщ. старод. 112.
 Ганнотенко Хар., мѣщ. луб. 136, 264.
 Гапеевъ Влась, мѣщ. старод. 112.
 Гафмарешъ Петръ, лавн. старод. 112.
 Гвоздикъ Вас., кз. сот. вибельск. 149, 207.
 Геевскій Ив., в. т. 66.
 Гейваровскій Андроникъ, в. канц. 9.

- Герасимовъ Петръ, в. т. 76.
 Гервасій, еп. переясл. 257, 259.
 Гергель Вас., канц. 54, 55, 59.
 Гергель Пав., канц. полк. луб. канц. 60.
 Гершунъ Лука, в. т. 66.
 Гета Григ., мѣщ. прилуц. 232, 235.
 Гета Макс., бурм. прилуц. 232, 235.
 Гетинъ зять Оедоръ, мѣщ. прил. 234.
 Гегунъ Макс., пис. сот. погарск. 222.
 Гиркало Кондр., кз. гор. ромен. 135.
 Гла(о)мазда Ив., сотн. (?) 194, 204.
 Глянскій Вас., мѣщ. черниг. 198.
 Глянскій Дм., мѣщ. прилуц. 236.
 Глянскій Иги., райца черниг. 199.
 Глянскій Осипъ, мѣщ. черниг. 199.
 Глоба Ив., з. т. 66.
 Глоба Ив., мѣщ. прилуц. 232, 235.
 Глоба Илья, мѣщ. прилуц. 233.
 Глоба Юс. мѣщ. прилуц. 233.
 Глоба Степ., кз. сот. сосниц. 149, 209.
 Глуздъ Наз., б. войтъ козелец. 211.
 Глухій Оедоръ, кз. лубен. 135.
 Глушенко Григорій, кз. сот. городниц. 150, 209.
 Голенковскій Пав., в. т. 31.
 Голецъ Петръ, канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
 Головатый Пав., в. суд. 292.
 Головоко Юсифъ, кз. сот. монастырск. 161, 242.
 Головокъ Евф., мѣщ. черниг. 199.
 Голѣвецъ Сав., в. т. 31, 35.
 Гончаренко, сотникъ сорочинск. 284, 285, 288, 289.
 Гончаръ Алексѣй, мѣщ. стародуб. 112.
 Гончаръ Карпъ, мѣщ. любец. 263.
 Гончаръ Кондр., мѣщ. люб. 136, 264.
 Горбъ Клям., кз. лубен. 137.
 Горбъ Никита, мѣщ. лубен. 135, 263.
 Горгѣль Сам., мѣщ. козелец. 212.
 Горковский Дем., мѣщ. глухов. 77.
 Горкушенко Сав. мѣщ. любец. 263.
 Горленко Гр., подком. пов. иванпц. 30.
 Горленко Гр., б. т. 239.
 Горленко Петръ, б. т. 30, 34, 238, 239, 241.
 Горленко, полк. полт. 290.
 Горленко Оедоръ, мѣщ. прилуц. 234.
 Горошенко Анд., мѣщ. прилуц. 232.
 Горошенко Арт., мѣщ. прилуц. 234.
 Горошенко Лук., мѣщ. прилуц. 233.
 Госскій Ежел., з. т. 9.
 Грабаръ Ив. Оед., райца погар. 88, 220.
 Гра(я)бовець Сем., кз. сот. седнев. 148, 206.
 Г(Д)ранковскій Евф., пис. черняг. магистр. 88, 197.
 Гребянка Дем., кз. сот. седн. 148, 207.
 Грекосъ Андрей, отст. прапорщ. 240.
 Грембецкій Вас., з. т. 196, 198.
 Гречановскій Ив., кз. погар. 222.
 Гривовець см. Гривовець.
 Грибъ Дем., райца черниг. 199.
 Грибъ Ив., райца черниг. 199.
 Григоріевъ Сем., кз. п. попом. лубен. соб. церкви 137.
 Григоровичъ Адръ, в. канц. 76.
 Григоровичъ Петръ, б. т. 196.
 Григоровичъ-Курсановичъ Петръ, б. т. 205.
 Григоровскій Оедоръ, в. канц. 77.
 Григорьевъ Оедоръ, в. т. 31, 35.
 Гриневичъ Евт., мѣщ. любец. 137, 275.
 Гриніевичъ Фил., з. т. 211.
 Гряко Евт., мѣщ. лубен. 263.
 Гряченко Ив., кз. лубен. 135.
 Грященко Дан., мѣщ. черниг. 197.
 Грященко Млх., кз. сот. вол. 150, 209.
 Гряченко Петръ, мѣщ. черниг. 197.
 Грозинскій Петръ, в. т., войтъ стародуб. 110.
 Грова Ив., мѣщ. прил. 232, 235.
 Грова Ив., мщ. прил. 233, 235.
 Грудницкій (на стр. 55, 231 и 234
 Груднѣцкій, на стр. Грудница) Млх., з. т., гол. прилуц., 31, 35, 228, 231, 234.
 Губскій Вас., мѣщ. прилуц. 232.
 Губскій Ив., мѣщ. прилуц. 232, 235.
 Губскій Сам., мѣщ. прилуц. 232, 235.
 Губскій Тяж., мѣщ. прил. 232, 235.
 Губчиць Вас., б. т. 219.
 Гудовичъ, ген.-м. 279, 283.
 Гузь Яковъ, кз. сот. полк. черняг. 149, 207.
 Гуленицкій (на стр. 240 Гулецько) Ив., в. канц. 240, 241.
 Гуленко(въ)Ив., воз. пов. прилуц. 30, 35.
 Гурамовъ кн. Дав., поруч. 67.
 Гурскій Ант., полк. канц. 203.

Гурскій Гавр., з. т. 192, 203.
Гуторъ Вас., кз. сот. городн. 150, 209.

Д.

- Давидовичъ Алдръ, сот. в. канц. 8, 77.
Данплевскій Ив., райца черпиг. 197.
Данилевскій Левъ, полк. миргор. хрж. 65.
Даниловичъ Ив., в. т. 194, 204.
Даняловъ Кир., кз. козелец. 211.
Даниловъ Юрій, кз. 76.
Даничъ Ив., з. т. 194, 204.
Данчичъ Троф., абшит. атам. сребран. 31, 36.
Данковский Яковъ, в. т. 54, 59.
Дараганъ Кл., кз. сот. журавн. 162, 242.
Даченко Фил., бурм. прилуц. 232, 235.
Дацъй Макс., мѣщ. прилуц. 136, 263.
Дачевскій (на стр. 53 Рвачевскій) Род., ас. полк. лубен. 53, 58.
Дебогоръ-Мокрѣвичъ Алдръ, б. т. 203.
Дебогоръ-Мокрѣвичъ Пав., б. т. 203.
Дебогоря-Мокрѣвичъ Степанъ, войск. канц. 203.
Дебогоря - Мокрѣвичъ Оедоръ, войск. канц. 203.
Дежененко Ив., мѣщ. прилуц. 237.
Демядовскій Емел., з. т. 195, 204.
Демяновичъ Кир., в. т. 66.
Демяновъ Март., мѣщ. червиг. 197.
Деиченко Яковъ, мѣщ. глухов. 77.
Деибовскій Леонъ, з. т. 112.
Денисенко Никита, кз. прилуц. 234.
Денисенко Ром., мѣщ. прилуц. 232.
Денисенко Оедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дергунъ Андрей, в. канц. 77.
Дергунъ Сергѣй, суд. зем. пов. глухов. 8, 76, 191.
Деръй Андрей, кз. город. ромен. 135.
Дехтенко Тих., воз. опошан. 66.
Джева(я)г(л)а Яковъ, воз. град. прилуц. 30, 35, 234.
Джигель Зѣн., цехм. калачниц. прилуц. 222.
Джигѣль Мпр., мѣщ. прилуц. 233.
Джура Матв., мѣщ. погар. 224.
Джура Филм., сот. ат. погар. 222.
Дзекало Гр., кз. лубен. 135.
Дзювкевичъ Георгій, сотн. бѣлоус. 196, 205.
Дзюба Макс., б. бурм. козелец. 211.
Дирка Пав., кз. лубен. 137.
Діаковский Андрей, в. т. 211.
Діаковский Юсифъ, б. т. 8.
Дмитренко Мих., мѣщ. козелец. 212.
Дмитренко Парф., мѣщ. козелец. 212.
Дмитріевъ Коз., мѣщ. стародуб. 112.
Добрицкій Ив., возн. подком. суд. нов. менск. 205.
Довгаль Лавр., сынъ б. т. 204.
Довгаль Яковъ, з. т. 194, 204.
Доморка Мих., з. т. 196, 198.
Донецъ Ив. в. т. 31, 36.
Дорошенко Степ., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.
Дранковский (см. Гранковский) Евф., пас. магистр. черняг. 197.
Драчевскій Вас., воз. сот. сянив. 194, 204.
Дрипаненко Гр., мѣщ. лубен. 136.
Дроботко Кир., мѣщ. прилуц. 233.
Дроботко Оедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дубовикъ Гр., сотн. городн. 195, 204.
Дубовикъ Ив., кз. сорочин. 285.
Дубскій Степ., канц. полк. прилуц. 31, 36.
Дуда Ив., кз. козелец. 211.
Дудка Гр., мѣщ. прилуц. 233, 234.
Дудка Куз., мѣщ. прилуц. 233.
Дудка Пав., мѣщ. прилуц. 237.
Дудка Петръ, мѣщ. прилуц. 232.
Дундаръ Гр., кз. сот. слаб. 149, 207.
Дунявъ - Борковский Вас., б. т. 61, 205, 218, 287.
Дунявъ-Борковский Мих., суд. зем. пов. червиг. 192, 203.
Дѣгтарь Дем., кз. гор. лубен. 135.
Дѣгтарь Наз., кз. лубен. 135.
Диченокъ Сем., кз. сот. вибельск. 149, 207.

Е.

- Евдокимовъ Іоаннъ, дьяк. соб. лубен. церкви 134.
Евсѣевъ Сем., в. канц. 76.
Евтифѣевъ Оедос., лавв. стародуб. 112.
Евфиміевъ Матв., возн. пов. ромен. 54, 59
Екатерина II Алекс., имп. упоминается почти на каждой страницѣ.
Елисавета Петровна, имп. 7, 25, 26,

27, 34, 39, 44, 49, 51, 91, 96,
97, 99, 105.

Елисеєвъ Герас., бурм. и гол. старо-
дуб. 213.

Енко Григ., купецъ 197.

Енко Мих., бурм. черниг. 196.

Енко Николай, мѣщ. любец. 263.

Ерковскій Ив., з. т. 204.

Ермолаевичъ Дем., войтъ стародуб. 104.
111.

Ж.

Жаданъ Оедоръ, з. т. 54, 59.

Жадько Оедоръ, сотн. зеньков. 65.

Жайворонковъ Авт. ст. в. канц. 8, 77.

Ждановичъ Вас., в. т. 193, 203.

Ждановичъ Вас., з. т. 195, 204.

Желѣзникъ Оома, райца черниг. 198.

Желѣзный Ив., кз. лубен. 137.

Желѣзскій Сав., гобойствъ в. муз. 137.

Животкевичъ Леонт., мщ. старод. 112.

Жила Иосифъ, сотн. варвин. 30, 35.

Жовтобруховъ Григ., сотн. ямпол. 8.

Жуковскій Дм., в. т. 54, 59.

Жуковскій Ив., в. канц. 54, 59.

Жуковскій Макс., б. т. 53, 58.

Жуковскій Оед., в. т. 9.

Журавль Григ., мѣщ. прилуц. 235.

Журманъ Илья Вас., ген. суд. 188,
220, 223.

Жученко Вас., сотн. 64, 70.

Жученко Кир., з. т. 66, 70.

З.

Забѣла Зах., полк. 2 комп. полка 36,
250, 251, 259.

Забѣла Петръ, б. т. 9.

Забѣла Прок., в. т. 8.

Загалскій Ив., з. т. 195, 204.

Заецъ Дор., кз. с. киселев. 149, 207.

Зайка Макс., кз. лубен. 137.

Зайкевичъ (на стр. 60 Задкевичъ)
Прок., пис. сот. перволуб. 55, 60.

Зайковскій Илья, комор. пов. глухов. 9.

Зайченко Григ. мѣщ. лубен. 263.

Зайченко Пав., кз. лубен. 137.

Занковскій (Зеньковскій) Иванъ стн.
сторосанжар. 66, 70.

Зан(ь)ковскій Оедоръ, б. т. 65, 69.

Запара Пав., в. т. 31, 36.

Запорожскій Андрей, подк. лубен. град.
суда 136.

Запорожскій Ив., з. т. 55, 60, 272.

Зарудный Вас., абш. в. т. 54, 59.

Зарудный Григ., в. т. 54, 59.

Зарудный Яковъ, подсуд. 65, 70.

Засульскій Степ., з. т. 54, 59.

Збанъ Герас., кз. сот. седнев. 148, 206.

Збинець Ман., мѣщ. черниг. 198.

Згурскій Яковъ, кз. сот. полк. черн.
149, 207.

Здоръ Корн., райца черниг. 198.

Здоръ Яковъ, почтал. черниг. 198.

Зеленскій Матв., кз. сот. менск. 149, 208.

Зеленскій Пав., сотн. рашевск. 65.

Злотниковъ Тим., мѣщ. стародуб. 113.

Значко Макс., в. т. 53, 59.

Значко Троф., сотн. полк. лубен. 53, 59.

Золотарь Ив., мѣщ. черниг. 198.

Золотарь Сем. мѣщ. черниг. 197.

Зубаха Ив., воз. сот. кролевец. 9.

Зубъ Григ. воз. красноколяд. 30, 35.

Зѣнецъ Никиф., мѣщ. лубен. 263.

И.

Иванецко Гр., з. т. 54, 59, 133, 270.

Иваненко (на стр. 54 Сахненко) Емел.,
з. т. 54, 59.

Иванецко (Ивановъ) Стеф., кз. красно-
коляд. 162, 242.

Иванина Петръ, з. т. 194.

Ивановъ Викита, райца стародуб. 112.

Ивановъ Степ., кз. комышан. 288, 291.

Ивановъ Яковъ, писецъ полк. лубен.
канц. 136.

Ивасенко Оедоръ, хрж. сот. сосниц. 205.

Ивахненко Пав., з. т. 54, 59.

Игнатіевъ Дем. (также Игнатовичъ)
см. Многогрѣшный.

Игнатовъ Гавр., в. т. 54, 59.

Илленко Гавр., кз. сот. роисск. 150, 209.

Ильченко Петръ, кз. (мѣщ.?) лубен.
137, 263.

Илченко Степ., мѣщ. лубен. 136, 263.

Инспекторенко Никита, райца черн.
197.

Исаенко Дм., кз. ирклеев. 252, 258.

Искрипкій Петръ, суд. зем. стародуб.
215, 216, 218.

Ищенко Ив., кз. лубенск. 135.

И.

- Иакимовичъ Андрей, пис. пол. черниг.
196, 205.
Иакимовичъ Степ. з. т. 196.
Иарковский Ив., з. т. 195.
Иоакимовъ Ѳеодоръ, свящ. 134.
Иоаннъ Алексѣевичъ, царь 28, 79.

ИЖ.

- Калембеть Леонтій, в. т. 31.
Калениченко Ѳеодоръ, мщ. козелец. 212.
Камординъ Ив., кз. сот. ромен. 135.
Каневскій Петръ, в. т., ас. полк. комп.
192, 203.
Каневскій Сем. пис. зем. пов. прилуц.
30, 35, 239.
Каневскій Степ., пис. зем. пов. чер-
нигов. 203.
Капчиеловъ Матв., капит. 67.
Кануста Евф., ас. сот. перволюб. 55.
60, 134.
Караццъ Дм., возн. подком. пов. черниг.
193, 203.
Карбанъ Илья, кз. лубен. 137
Карпенко Сем., кз. с. понорнец. 150,
210.
Карпя(ы)чъ Степ., пис. прил. град.
суда 31, 36, 239.
Карпѣка Дм., канц. секр. 8, 77, 187.
Карунникъ Вас., коз. город. лубен. 134.
Карунникъ Ковдр. кз. лубен. 136.
Касапъ Николай, б. в. суд. 292.
Касенковъ Никита, подк. прил. 30, 35.
Касяновъ Макс., кз. лубен. 134.
Катериничъ Сем., пис. полк. кiev. 246,
251, 253, 255.
Кафаровъ Мак., вахм. 67.
Кашенюкъ Ив., мѣш. стародуб. 113.
Квятка Степ., кз. стародуб. 112.
Келлеръ Петръ-Адольфъ, полк. лѣк. 108.
Кея (Нея) Ив., кз. сот. седнев. 148,
206.
Кибалчичъ Някпф., свящ. Троицк. по-
гар. ц. 220.
Кибалчичъ Ром. мѣш. стародуб. 112.
Киболкинъ Ром. мѣш. старод. 112.
Кикюлка Онис., кз. лубен. 137.
Кипоренко Дем., кз. сот. понорн. 150,
210.
Киприановъ Ост., почтал. черниг. 193.

- Киренко Дм., кз. лубен. 137.
Кириковъ Мих., в. т. 65.
Кириковъ Петръ, сотн. ковалюв. 65.
Кириковъ Степ., в. т. 65.
Кириленко Дм., м. лубен. 136, 264.
Кириленко Март., кз. лубен. 137.
Кирьоловъ Іосифъ. з. т. 66.
Киричевскій Ив., канц. полк. лубен.
канц. 55, 60.
Кирьченко Гр., з. т. 65.
Киряченко Гр., мѣш. лубен. 263.
Кисель Гр., возн. прилуц. 30, 35.
Кисель Яковъ, полк. ас. 30, 35.
Кислій Ив., кз. сот. березен. 149, 208.
Кислай (Кисли) Степ., тов. ген. арт.
54, 59.
Кишкипъ, полковн., чл. в. ген. канц.
284.
Кіевскій Макс., пушкарь 197.
Кладкевичъ Ив., з. т. 194, 204.
Клеха Пав., мѣш. прилуц. 233, 234.
Клюковъ Пав., з. т. 54, 60.
Квиль Яковъ, ас. полк. прилуц. 238.
Княжиковскій Сид., з. т. 204.
Княж(з)иковскій Влад., сынъ з. т.
195, 204.
Кобъ Ив., полк. лѣк. 108.
Ковалевскій Вас., пис. пол. гадяч. 65, 70.
Ковалевскій Ив., в. т. 53, 59.
Коваленко Матв., кз. сот. роисск. 150.
Коваленко Якимъ, кз. сот. роисск. 209.
Коваль Карпъ, кз. лубен. 136.
Коваль Кондр., в. т. 31.
Коваль Сав., кз. лубен. 137.
Коваль Ѳеодоръ, кз. лубен. 135.
Кованько Ив., в. т. 64, 69.
Кованько Матв., в. т. 66.
Ковнеръ Ѳед., мѣш. лубен. 135, 263.
Коворотвій Гавр., кз. сот. менск. 149,
208.
Ковтувъ Вас., кз. сот. полк. черниг.
149, 207.
Кодинець Ив., сотн. 65.
Козаковъ Алексѣй, кз. сот. полк. при-
луц. 161, 242.
Козачинскій Григ., в. канц. 77.
Козачковскій Ѳеодоръ, отст. полк. суд.
289.
Козелскій, маіоръ, 281.
Козинскій Вас., пехм. шев. прилуц. 232.

- Козловскій Маркъ, подпоруч. 77.
 Ко(у)зѣвскій Мих., в. канцел. 194, 204.
 Койданъ Ив., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
 Коленко Андр., кз. сот. сосниц. 149, 209.
 Кол(н)енко Гр., в. т. 194, 204.
 Колесникъ Алексѣй, райца прилуц. 232, 234.
 Кологривый Гр., ас. ген. в. артвл. 8, 77.
 Колодка Федоръ з. т. 195, 204.
 Колодѣвъ Ив., возн. сот. волын. 193, 203.
 Коломѣйченко Исакъ, мѣщ. черниг. 197.
 Колужинець Пав., мѣщ. райца черниг. 197.
 Колужинець Петръ, мѣщ. черниг. 199.
 Колчевскій Дан., воз. пов. мевск. 194, 204.
 Коляденко Гр., мѣщ. прилуц. 233.
 Коляденко Пав., мѣщ. прилуц. 233.
 Коменокъ Яковъ, мѣщ. стародуб. 112.
 Комеръ Федоръ, мѣщ. лубен. 136.
 Кондратенко Андрей, в. т. 31, 35.
 Кондратенко Кир., мѣщ. прилуц. 237.
 Кондратенко Осипъ, в. т. 31, 35.
 Кондрат(ч)енко Осипъ, кз. гор. лубен. 134, 135.
 Ковіовскій Кир., кз. прилуц. 237.
 Ковіовскій Корн., в. т. 31, 35.
 Константиновичъ Вас., воз. сот. слабин. 195, 204.
 Константиновичъ Вас., в. канц. 77.
 Константиновичъ Николай, городничій черниг. 196.
 Коржевскій Ант., з. т. 54, 60.
 Коржъ Емел., кз. сот. роисск. 150, 209.
 Коржъ Ив., мѣщ. прилуц. 232, 236.
 Корятко Игн., мѣщ. черниг. 197.
 Корявевичъ Пав., атм. полк. луб. 54, 59.
 Корявевичъ Сем., в. канц. 54, 59.
 Корявевичъ Яковъ, пис. полк. лубен. 53, 58.
 Кориѣвъ Кондр., пис. сот. черниг. 197.
 Коробовскій Федоръ, лавн. стародуб. 112.
 Корсунъ Григ., в. т. 54, 59.
 Корсунъ Мих., в. т. 240, 241.
 Корсунъ Петръ, в. канц. 54.
 Косачъ Стеф., б. т. 219, 224.
 Косенко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
 Костенскій Яковъ, протоп. опошнян. 288.
 Кострубъ Дм кз. сот. поноринц. 150, 210.
 Котеленець Арт., мщ. прилуц. 233, 236.
 Котеленець Никиф. мѣщ. прилуц. 232.
 Котляревскій Вас., пис. протоп. лубен. 272.
 Котляревскій Зах., адвокат. 77.
 Котляревскій Мих., кз. сот. березен. 149, 208.
 Котляренко Ив., кз. луб. 137.
 Котляръ Федоръ, мщ. прилуц. 232, 234.
 Козанѣя Федоръ, в. т. 9.
 Козанъ Яковъ, кз. гор. лубен. 135.
 Кошаръ Андрей, кз. лубен. 134.
 Кочубей Вас., подком. 8.
 Кочубей Пав., подком. пов. полтав. 64, 69, 286, 287.
 Кочубей Сем., ген. обоз. 62, 188, 278, 280, 281, 282, 285, 286, 289, 290, 291.
 Кошуба Стеф., кз. погар. 222.
 Кравецъ Ден., кз. город. ромен. 135.
 Кравецъ Ден., мѣщ. черниг. 199.
 Кравецъ Яковъ, кз. лубен. 137.
 Кра(о)пивка Андрей, кз. гор. лубен. 135.
 Красняковский Гр., в. канц. секр. 77.
 Красовскій Дан., ат. город. 211.
 Красовскій Ив., з. т. 194, 204.
 Красовскій Яковъ, в. т. 192, 203.
 Крачевскій Вас., в. т. 195, 204.
 Крашанчукъ Ив., б. бургом. возел. 211.
 Кривеленко Вас., кз. лубен. 137.
 Кривенко Сем., цехм. ткац. прил. 232.
 Крижановскій Ант., бриг. и полк. гадяц. 56, 65, 268, 270, 271, 276, 278, 283.
 Крикученко Андрей, кз. лубен. 137.
 Крикуновскій Филовъ, кз. город. луб. 134.
 Крикунь Сем., кз. лубен. 137.
 Крипяца Алексѣй, мѣщ. стародуб. 112.
 Криштофовичъ Тим., сот. сенчан. 53, 59.
 Кроха Марко, кз. ст. менск. 149, 208.
 Крошмахъ Дан., гоноистъ войск. муз. 135.
 Крошмаль Зѣн., кз. лубен. 136.
 Крупянскій Игн., воз. козелец. 211.
 Крупянскій Яковъ, сот. роисск. 192, 203.
 Круте(ф)въ Ив., бурм. черниг. 78, 198, 200.
 Кужильный Вас., кз. сот. роисск. 150, 209.

Кузька Ив., кз. сот. сосниц. 149, 209.
 Кузьянскій Аван., кз. сот. городниц.
 150, 210.
 Кулешовъ Ив., в. канц. 77.
 Кулябка Вас., подк. пов. ромен. 8.
 Кулябка Ив., полк. лубен. 46, 53,
 58, 260, 261, 264, 265, 267.
 Кулябка Ив., суд. зем. пов. лубен. 53, 58.
 Кулябка Пав., сот. светинск. 53, 59.
 Кулябка Стеф., б. т. 8.
 Кулябка Яковъ, б. т. 53, 56, 268,
 271, 277.
 Кункевичъ Алексѣй, райца старод. 112.
 Куриленко Андрей, в. т. 31, 35.
 Курначъ Пав., мѣщ. лубен. 135.
 Кузаръ Клр., кз. лубен. 137.
 Куцевичъ Ив., в. т. 65.
 Куценко Сид, мѣщ. прилуп. 237.
 Куць Ив., мѣщ. прилуц. 232.
 Кучаръ Левъ, воз. сот. перволюб. 277.

Л.

Лагода Гр., комори. пов. козелец. 211.
 Ладонка Яковъ, мѣщ. черниг. 199.
 Ладуха Гр., лѣщ. старод. 6. 112.
 Лазаревичъ Яковъ, хрж. сот. яинпольс. 9.
 Лазоренко Вас., мѣщ. лубен. 137, 264.
 Лазоренко Петръ, кз. город. лубен. 134.
 Лазаренко Арт., б. бурм. козелец. 211.
 Лазашенко Евг., кз. лубен. 136.
 Лапоть Коз., б. бурм. козелец. 211.
 Лапченко Сав., мѣщ. козелец. 212.
 Лапшукъ Стеф., мѣщ. прилуц. 235.
 Лашинскій Петръ, б. т. 30, 34.
 Лебединець Оед., кз. лубен. 136.
 Левенець Тим., б. т. 65, 69.
 Левенець Оед., в. т. 67, 70.
 Левенець Оед., подком. 64, 69.
 Левенець Оед. Ив., влк. свящ. лубен.
 собор. ц. 134.
 Левченко Карпъ, мѣщ. лубен. 136.
 Лемѣшченко Вас., мѣщ. козелец. 212.
 Леонтьевъ Стеф., райца черниг. 198.
 Лепеха Ив., мѣщ. прилуц. 232.
 Лепецъ Пав., кз. прилуц. 236.
 Лепунъ Вас., з. т. 222.
 Лесевичъ Дан., сотн. ковалюв. 65.
 Лестуха Петръ, мѣщ. козелец. 212.
 Лизогубъ Гр., б. т. 192, 203.
 Лизогубъ Конст., б. т. 192, 203.

Лизогубъ Петръ, в. канц. 194.
 Лизогубъ Сем. 203.
 Лизогубъ Як., б. т. 192, 203.
 Лимаръ Яковъ, кз. лубен. 136.
 Лисенекій Петръ, з. т. 194, 204.
 Лисенко Ив., ат. кур. сот. иванянк.
 161, 241, 242, 245.
 Лисенко Ив., мѣщ. лубен. 135, 263,
 Лисявскій Сем., в. канц. 194.
 Литвиновъ (Литвиненко) Карпъ, кз.
 сот. березен. 149, 208.
 Литвиненко Ив., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
 Литвиненко Юсифъ, з. т. 65.
 Литвинъ Мопс., кз. лубен. 136.
 Литовченко Мих. кз. лубен. 136.
 Лиховенкій (см. Меховецкій), абш. з.
 т. 241.
 Лобода Гр., мѣщ. прилуц. 232.
 Лодошный Фил., мѣщ. прилуц. 232.
 Лоза Яковъ, кз. лубен. 136.
 Ломѣковский Пав., суд. зем. пов. менск.
 193, 203.
 Лопата Илья, райца черниг. 198.
 Лопатень Вас., мѣщ. черниг. 198.
 Лопатень Яковъ, мѣщ. черниг. 200.
 Луговскій Пав., з. т. 54, 60.
 Лукашевичъ Вас., сотн. второлохвиц.
 53, 59.
 Лукомскій Степ., абш. полк. обоз. при-
 луц. 239.
 Лукьяновичъ Стеф., подс. зем. пов. ро-
 мен. 53, 58,
 Лукьяненко Ив., цехм. ковал. черниг.
 198.
 Луневскій Алексѣй, кз. сот. сянйав. 208.
 Лупшунъ Степ., (см. Лапшукъ), мѣщ.
 прилуц. 232.
 Луста Мих., пис. зем. пов. остерск. 253.
 Лутай Степ., суд. зем. пов. остерск. 211.
 Луцкій (см. Муцкій) Гр., кз. сот. ви-
 бельск. 207.
 Лучицкій Дм., в. т. 9.
 Лѣневичъ Корн., пис. зем. пов. мен-
 ск. 194, 204.
 Лѣнко Карпъ, мѣщ. лубен. 135, 263.
 Лѣнко Наз., кз. лубен. 137.
 Лѣщянецъ Яковъ, кз. сот. вибельск.
 149, 207.
 Любне(ѣ)цкій Петръ, канцел. лубен.
 полк. канц. 55, 60, 141.

- Лявровскій Корн., канц. маг. черн. 198.
Ляховичъ, суд. полк. мирг. 284.
Ляшевка Дм., мѣщ. старод. 112.
- М.**
- Магеровскій Вас., в. т. 53, 59.
Мазаракій Андрей, б. т. 30, 34.
Мазаракій Ив., в. т. 30, 35.
Мазепа Ив., гетм. 13, 116, 165, 175.
Мазепа Пав., кз. лубен. 135.
Мизепенко Дор., кз. лубен. 137.
Майборода Мих., з. т. 54, 60, 134.
Макаренко Андрей, кз. лубен. 136.
Макаренко Ив., волторн. в. муз. 136.
Макаренко Никиф., хрж. сот. перво-
лубен. 134.
Макаренко Тим., кз. лубен. 136.
Макковскій Фед., б. т. 8.
Маковскій Дм., в. канц. 9.
Макотринъ Ив., райца черниг. 199.
Максименко Сем., в. т. 67, 70.
Максимовичъ Ив., з. т. 54, 59.
Максимовичъ Петръ, в. канц. 193, 204.
Максимовичъ Петръ, з. т. 9.
Максимовичъ Петръ, подсуд. зем. пов.
иванипк. 29, 34, 228, 230, 243.
Максимовичъ Якимъ, ас. полк. лубен.
53, 58.
Максимовичъ Федоръ, подсуд. зем. пов.
лубен. 53, 58.
Макуха Степ., цехм. калачниц. глу-
хов. 77.
Малаховъ Вас., райца черниг. 198.
Малаховъ Фед., мѣщ. черниг. 198.
Малеча Мих., трубачъ в. муз. 135.
Малкевскій Ив., сотн. лукомск. 53, 59.
Мамля Гр., кз. черниг. 198.
Мамля Николай, мѣщ. черниг. 198.
Мамжось Гр., в. т. 54, 59.
Мамжось Ив., в. т. 53, 59.
Манко Вас., з. т. 54, 59.
Манько Ив., сотн. полк. гадяц. 65.
Мануйловъ Пантел., мѣщ. козелец. 212.
Марачевскій Мих., канц. полк. черниг.
197.
Маркевичъ Андр., подком. пов. прилуц.
30, 34, 238.
Маркевичъ Ив., в. т. 192, 203.
Маркевичъ Конст., б. т. 239.
Марковичъ Ив., б. т. 239.
Марке(о)вичъ Мих., в. т. 31, 35.
Марковичъ Наумъ, воз. пов. гадяц.
66, 70.
Марковскій Андрей, канц., секр. 77.
Марковскій Федоръ, хрж. полк. прилуц.
30, 35, 238.
Марченко Андрей, атам. сот. усти-
вицк. 66.
Марченко Вас., старш. канц. 66, 70.
Масло Юсифъ, сотн. сребран. 30, 35.
Масло Троф., атам. сребран. 31, 36.
Масюковъ Прок., сотн. веприяк. 65.
Матроз(с)ъ Фед., з. т. 54, 59.
Матусъ Ив., мѣщ. черниг. 199.
Матяй (Мамяшъ?) Якимъ, канц. лубен.
гр. суда 55, 60.
Мац(шен)ко Евф., в. канц. 30, 35.
Маценко Кир., мѣщ. прилуц. 232, 234.
Маценко Прок., мѣщ. прилуц. 233,
234.
Мацко Ден., кз. лубен. 135.
Мацко Стеф., кз. лубен. 135.
Медвѣдець Власть, коморн. пов. оста-
пов. 65.
Медведовъ Вас., райца черниг. 197.
Медвѣдовъ Дор., мѣщ. стародуб. 112.
Медушевскій Кир., в. т. 193.
Мельникъ Федоръ, мѣщ. черниг. 199.
Меняйленко Степ., мѣщ. прилуц. 236.
Меховенцкій (см. также Тиховенцкій), з.
т. 240.
Милорадовичъ Андрей, полк. сѣвск.
пѣх. полка 188, 292.
Милорадовичъ Петръ, полк. 205, 206,
210.
Милорадовичъ Сем., б. т. 65.
Миницкій Ив., сотн. красноколядинск.
30, 35.
Минячъ Ив., з. т. 194, 204.
Минячъ Ром., кз. сот. березен. 208.
Мирецъ Вас., воз. сот. снетин. 55.
Мироненко Иг., мѣщ. прилуц. 233.
Миронча Омел., мѣщ. козелец. 212.
Мирочникъ Андрей, мѣщ. козелец. 212.
Миръвельтумановъ кн., отст. сек.-май-
оръ грузин. гус. полка 230.
Мисанъ Никита, мѣщ. лубен. 136, 263.
Мисановъ зять Ничпоръ, мѣщ. лу-
бен. 136, 263.
Мисюра Ив., кз. сорочин. 285.

Митаревскій Твм. мѣщ. черниг. 200.
 Митаревскій Оедотъ, райца черниг. 199,
 200.
 Миткевичъ Андрей, подком. остер. пов.
 211, 246, 251, 254, 255.
 Михайловичъ Іоаннъ, вяк. свящ. соб.
 лубен. ц. 134.
 Михайловскій Гр., канц. 211.
 Михайловскій Сем., сотн. камышан. 66,
 70.
 Михайловъ Вас., кз. лубен. 136.
 Михно Вас., в. т. 195, 204.
 Михно Оедоръ, в. т. 194, 203.
 Мишковъ Ив., кз. стародуб. 112.
 Мишура Оедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
 Мищенко Зах., кз. сот. снѣяв. 149, 208.
 Мищенко Пав., кз. лубен. 269.
 Многогрѣшный Дем. Игн., гетм. 4, 13,
 16, 90, 142, 158, 175.
 Могилниковъ Сем., квартирм. 136.
 Моглянскій (на стр. 70 Пошлянскій)
 Вас., в. т. 65, 70.
 Мокрениць Оедоръ, кз. черниг. 197.
 Мокрѣвичъ (см. Дебогорѣя М.) Пав.,
 б. т. 192.
 Мокрѣвичъ (см. Дебогорѣя М.) Степ.,
 в. канц. 192.
 Мокрѣвичъ (см. Дебогорѣя М.) Оедоръ,
 в. канц. 192.
 Момотенко Гр., кз. лубен. 135, 137.
 Молдавцовъ Дем., капит. 66.
 Молодченко Яковъ, цехм. шевск. глу-
 хов. 77.
 Молчановскій Ив., канц. полк. черниг.
 197.
 Молчановскій Ос., кз. черниг. 197.
 Молявка Ив., в. т. 193, 203.
 Моренець Авт., мѣщ. прилуц. 232.
 Морозовъ Ив., канц. полк. черниг. 197.
 Морозъ Ив., з. т. 193, 203.
 Москалцовъ Макс., з. т. 195, 204.
 Московъ Оед., обоз. полк. (полтав.?) 66.
 Мосценанъ Оедоръ, мѣщ. прилуц. 232.
 Мошикъ Ив., кз. сот. второварвин. 161,
 241.
 Музика Арт., кз. лубен. 137.
 Музика Вас., кз. лубен. 137.
 Музыка Авр., мѣщ. прилуц. 235.
 Музыка Гр., мѣщ. прилуц. 237.
 Музыка Дан., мѣщ. прилуц. 232.

Муренець Арт., кз. лубен. 137.
 Муцкій (см. Луцкій) Гр., кз. сот. ви-
 бельск. 149.
 Мѣницкій см. Минацкій.
 Мякота Троф., кз. черниг. 198.

И.

Наболонскій Стеф., кз. черниг. 198.
 Навроцкій Мих., ас. полк. гадяц. 65, 70.
 Навроцкій Яковъ, атам. третьеоношан.
 сот. 65.
 Надохъ Ив., мѣщ. козелец. 212.
 Назаренко Вас., кз. прилуц. 234.
 Назаренко Ив., мѣщ. прилуц. 232.
 Назаровичъ (Назарскій) Яковъ, возн.
 пов. лубен. 54, 59.
 Назарскій Петръ, в. т., войтъ лубен.
 260, 261, 262, 263, 264, 267,
 268, 270, 271, 273, 274, 275.
 Наметникъ Ив., мѣщ. глухов. 77.
 Нандза Якимъ, в. т. 76.
 Насека Илья, мѣщ. стародуб. 113.
 Неня (см. Кеня) Ив., кз. сот. седнев. 148
 Нестеренко Ост., мѣщ. черн. 199.
 Нестеровскій Ив., атам. кур. 211.
 Нетребенко Андрей, мѣщ. прилуц. 236.
 Нефель (Нехведъ) Ант., райца прилуц.
 232, 235.
 Нефель (Нехведъ) Гр., мѣщ. прилуц.
 233, 235.
 Нефель (Нехведъ) Дем., мѣщ. прилуц.
 233, 235.
 Нехаевскій Ив., ас. сот. городниц. 205.
 Нечаевъ Іосифъ, мѣщ. стародуб. 112.
 Нечай Кир., в. т. 31, 35.
 Нидинъ Сяд., мѣщ. прилуц. 232.
 Никифоровъ Авис., в. канц. 77.
 Николаевъ Ив., кз. сот. снѣяв. 149,
 208.
 Николаевъ Христоф., кз. черниг. 199.
 Николаенко Зѣн., мѣщ. лубен. 135.
 Николаенко Олефѣръ, кз. лубен. 137.
 Никонъ Вас., б. войтъ козелец. 211.
 Ничипоренко Ос., мѣщ. прилуц. 237.
 Новицкій Андрей, б. т. 53, 58.
 Новицкій Петръ, б. т. 53, 58.
 Носенко Ив., мѣщ. прилуц. 234.
 Носовскій Корн., абш. з. т. 240.
 Нудга Троф., з. т. 211.
 Нудженко Степ., мѣщ. козелец. 212.

Нивіевъ Яковъ, капит. 67.
Нѣжинецъ Моис., кз. гор. лубен. 134.
Нѣ(е)мецъ Дан., атам. перво-лубен. сот.
55, 60.

O.

Обережокъ Петръ, кз. лубен. 135.
Оболонскій Дем., б. т. 8, 76.
Оврашенко Кл., з. т. 66.
Огаревъ Николай, полк. старооск. пѣх.
полка 188, 259, 260, 264, 267,
268, 269, 270, 271, 273, 274,
275, 276.
Огроновичъ Вас., подсуд. зем. пов.
прилуц. 30, 35, 239.
Огрововичъ Гр., б. т. 53, 58.
Огроновичъ Гр., в. т. 54, 59.
Огроновичъ Ив., абш. подком. 53, 58.
Огроновичъ Пав., абш. хрж. полк. лу-
бен. 53, 58.
Огроновичъ Яковъ, б. т. 53, 58.
Огроновичъ Яковъ, обоз. полк. прилуц.
30, 34, 238.
Одердоша Фил., мѣщ. прилуц. 236.
Оджа Фодоръ, мѣщ. прилуц. 237.
Одшиляевъ Яковъ, капит. 67.
Олдаховскій Ив., в. канц. 77.
Олѣйникъ Гавр., цехм. гончар. глухов.
77.
Олѣйникъ Ив., кз. гор. ромен. 135.
Олѣйникъ Сав., кз. гор. ромен. 135.
Олѣйникъ Сем., кз. сот. менск. 149,
208.
Олѣйниченко Илья, мѣщ. козелен. 212.
Онисямовъ Алексѣй, цехм. кравен. при-
луц. 232, 235.
Ониславскій Ив., воз. нов. (?) 211.
Онисянко Гр., атам. второ-лубен. сот.
55, 60, 272.
Онисянко Пав., мѣщ. прилуц. 236.
Оповасенко Пав., мѣщ. прилуц. 233.
Орловскій Ив., гобойств. в. муз. 137.
Орбовскій Петръ, кз. лубен. 137.
Орбченко Олѣфѣръ, кз. гор. лубен. 134.
Осадшій Стеф., кз. сот. понорниц. 150,
210.
Осецкій (на стр. 59 Совецкій) Гр., з.
т. ген. арт. 54, 59.
Остроградскій Андрей, подком. пов. оста-
пов. 65.

Остроградскій Николай, сотн. 65, 69.
Остроградскій Пав., подк. пов. мир-
гор. 65, 69.
Орощенко Фодоръ, мѣщ. глухов. 77.
Охлей Яковъ, мѣщ. глухов. 77.
Охрѣменко Гр., мѣщ. прилуц. 232, 233.
Охрѣменко Кир., мѣщ. прилуц. 233.
Охрѣменко Ост., кз. сот. столян. 149,
208.
Охрѣменко Фодоръ, мѣщ. прилуц. 236.
Охрѣменковъ зять Вас., кз. лубен. 137.

II.

Павел(ь)ковъ Ив., з. т. 65, 70.
Павленко Гр., мѣщ. прилуц. 236.
Павленко Ром., кз. сот. бѣлоус. 149,
207.
Павловскій Ив., воз. подком. пов. глу-
хов. 9.
Павловскій Ив., з. т. 55.
Павловскій Мих., б. т. 204.
Павловъ Лукьяпъ, абш. пѣвч. 77.
Падалка Троф., кз. сот. менск. 149,
208.
Палѣй Кир., кз. сот. бѣлоус. 149, 207.
Палюха Вас., мѣщ. прилуц. 232.
Палюха Игн., мѣщ. прилуц. 233.
Пам(а)филенко Кл., кз. сот. вибел. 149,
207.
Панапатенко Авкс., воз. сот. городниц.
195, 204.
Панко (Панченко) Ив., бурм. лубен.
261, 263, 264, 265, 266, 275.
Пан(в)ловскій Мих., б. т. 194.
Парпура Ив., кз. город. ромен. 135.
Пархомовъ Ив., ас. прилуц. полк. ар-
тил. 31, 36, 239.
Пасенко Петръ, коморн. пов. остер. 211.
Пасенко Стеф., подс. пов. козелен. 211.
Пасько Ив., кз. лубен. 136.
Патѣкъ Евф., кз. лубен. 135.
Пашкевичъ Кондр., пис. магист. ста-
родуб. 112.
Пашенко Ив., з. т. 65.
Пашенко Тим., в. т. 65.
Пашенковъ Наз., в. т. 65.
Пашенковъ Ром., в. т. 65.
Певинскій Фодоръ, атам. сот. яресков. 66.
Певликъ Макс., атам. кур. гор. погар.
222.

- Иедь (см. Пудъ) Мих., кз. сот. менск. 208.
 Пелешукъ Ив., мѣщ. прилуц. 236.
 Песскій Ив., пис. сот. остерск. 251, 255.
 Передеріенко Вас., мѣщ. лубен. 263.
 Передеріюка Вас., мѣщ. лубен. 136.
 Песоцкій Ив., пис. зем. пов. погар. 222, 224.
 Песоцкій Кл., войтъ погар. 224.
 Петрошевичъ Вас., хрж. черн. полк. 196, 205.
 Петрашевичъ Емел., в. канц., атам. великобуд. 67, 70.
 Петренко Евф. 211.
 Петриковецъ Уст., бурм. козелец. 211.
 Петриковецъ Яковъ, б. бурм. козелец. 211.
 Петрикъ Макс., кз. гор. лубен. 135.
 Петрила Вас., мѣщ. стародуб. 112.
 Петровскій Гр., з. т. 194.
 Петровский Гр., коморн. пов. менск. 204.
 Петровъ Ив., кз. сот. волын. 150, 209.
 Петровъ Ив., кз. лубен. 135.
 Петровъ Кондр., мѣщ. глух. 77.
 Петруша Матв., кз. сот. полк. лубен. 161, 242.
 Петрушинецъ Куз., кз. сот. роисск. 150, 209.
 Петрушинецъ Мих., мѣщ. черниг. 197.
 Петръ I, имп. 6, 20, 24, 25, 28, 46, 51, 79, 94, 97, 115, 118, 139, 143, 158, 177, 181.
 Петръ II, имп. 24, 25.
 Пиляпенко Макс., кз. сот. столин. 149, 208.
 Пиляпенко Сем., воз. 65.
 Пиляповичъ Пав., кз. сот. лобец. 150, 209.
 Пищимукъ Лука, ст. канц. миргор. п. 289.
 Плакса Мих., воз. иваниц. 30, 35.
 Плакса Федоръ, мѣщ. черниг. 197.
 Пляска Вас., кз. сот. монастыр. 162, 242.
 Плохута Гр., абш. атам. черниг. 196, 198, 205.
 Плохута Яковъ, з. т. 196.
 Плохута Фед., атам. гор. черниг. 196, 198, 205.
 Плутка Гр., мѣщ. козелец. 212.
 Погорѣлый Алексѣй, мѣщ. прилуц. 235.
 Подгорный Ив., кз. гор. луб. 134.
 Поддубинъ Вас., мщ. черниг. 199.
 Поддубный Маркъ, подканц. лубен. полк. канц. 136, 137.
 Поджарка Федось, мѣщ. стародуб. 112.
 Подовскій Гр., в. т. 31.
 Поле(ѣ)тпка Гр. 276, 277.
 Полетяка Стеф., сотн. констант. 53.
 Полешодъ Ег., мѣщ. стародуб. 113.
 Поливода Евдок., цехм. шевс. черниг. 198.
 Полома Яковъ, в. т. 31, 35.
 Полонѣцкій Вас., в. т. 194.
 Полторацкій Ив., б. т. 194, 204.
 Полунѣй Мих., з. т. 54, 59, 134.
 Полѣзинскій Гр., з. т. 211.
 Полѣй (см. Палѣй).
 Полянка Юсифъ, з. т. 54, 59.
 Понасъ Гр., в. т. 222.
 Понасъ Гр., войтъ погар. 223, 224, 226.
 Поплавскій Федоръ, кз. сот. волын. 150, 209.
 Поповичъ Ив., кз. лубен. 135.
 Попольскій Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
 Портновъ Стеф. 197.
 Постволь Федоръ, атам. город. козелец. 211.
 Постол(ь)никъ Дм., бурм. лубен. 135, 263, 264, 268, 272, 275.
 Постолнякъ Петръ, мѣщ. стародуб. 112.
 Посудевскій Ив., сотн. лубец. 193, 203.
 Посудевскій Петръ, сотн. полк. черн. 205.
 Потапенко Адр., з. т. 9.
 Потапенко Аван., сотн. яресков. 66.
 Потапенко Ив., кз. второварвин. сот. 161, 241.
 Пошевя Герас., з. т. 211.
 Пошлявскій см. Могиланскій.
 Приваловъ (Приваль) Ден., гол. погар. 220, 221, 222, 225, 226.
 Приказный Пант., з. т. 66.
 Приступенко Кондр., мѣщ. прилуц. 236.
 Причвина Хар., мѣщ. прилуц. 232.
 Прожига Дм., канц. черниг. ковс. 197.
 Прожика Федоръ, абш. сотн. 112.
 Прокоповичъ Степ., в. т., почтм. прилуц. 30, 35, 240.

Прохоровъ Іоаннъ, вик. свящ. лубен.
Троиц. ц. 134.
Приблуда Гр., в. т. 8.
Пудъ (см. Педь) Мих., кз. сот. менск.
149.
Пухирь Гр., мѣщ. лубен. 137, 264.
Пухнатый Николай, мѣщ. козелец. 212.
Пухнатый Ѳедоръ, мѣщ. козелец. 212.
Пухнатый Яковъ, мѣщ. козелец. 212.
Пушкаревъ Ив., кз. погарск. 222.
Пѣкуль Макс., кз. лубен. 135.
Пѣсоцкій Ив., в. канц. 77.
Пятигорскій Петръ, канц. полк. при-
луц. 31, 36, 239, 243.

Р.

Рабка см. Рыбка.
Работенко Ив., кз. лубен. 135.
Рабуза см. Рябуза.
Радецкій Леонтій, з. т. 211.
Радичъ Ѳедоръ, з. т. 195, 199, 204.
Радишевичъ Вас., воз. пов. иваниц.
30, 35.
Радченко Корн., кз. лубен. 135.
Разумовскій гр. Алексѣй Гр. 253, 258.
Разумовскій гр. Кир. Гр., гетм. 44,
48, 50, 63, 67, 80, 96, 100,
128, 130, 141, 278.
Разумовскій Петръ, полк. вѣжин. 190.
Райпольскій Ив., сынъ в. т. 149, 193,
203.
Райпольскій Никита, в. т. 149, 193.
Раковичъ Зах., б. т. 30, 34.
Раковичъ Лавр., б. т. 30, 34.
Ракъ Никита, райца черниг. 198.
Рашевскій Ив., полк. канц. 194.
Рашевскій Іосифъ, б. т. 192, 203.
Рашевскій Степ., в. канц. 194.
Рвачевскій Ред. (на стр. 58 Дачевскій),
ас. полк. лубен. 53.
Ребій Ром., райца черниг. 199.
Ребій Сем., мѣщ. черниг. 199.
Рева Гр., з. т. 54, 60.
Ревуцкій Ѳедоръ, бурм. глухов. 76.
Редка Яковъ, кз. сот. волын. 150, 209.
Редченко Вас., кз. сот. городниц. 150,
210.
Редька Ост. атам. сот. куземын. 65.
Рекало Фил., мѣщ. прилуц. 236.
Рыбка Дан., кз. лубен. 137.
Рыбка Ив., кз. лубен. 136.
Рыбка Корн., кз. лубен. 137.
Рыбчанъ зять Андрей, кз. лубен. 136.
Ряжный Гр., мѣщ. прилуц. 232.
Римарь Авдр., кз. черниг. 197.
Римарь Ив., мѣщ. черниг. 199.
Римарь Никола, мѣщ. лубен. 135.
Римша Ѳедоръ, сотн. седнев. 205.
Рогуля Гр., пис. гор. полтав. 287.
Родзянка Вас., б. т. 66, 69.
Родзянка Ив., подком. 66, 69.
Родзянка Ив., сотн. хорольс. 66, 70.
Родзянка Іерем., обоз. полк. миргород.
66, 69.
Родянскій Дан., бурм. стародуб. 101,
213.
Родионовъ Алексѣй, з. т. и почтм.
глух. 77.
Рож(н)овскій Мих., в. т. 30, 35.
Рожченко Тим., кз. прилуц. 234.
Романецъ Сав., кз. сот. киселев. 149,
207.
Романовичъ Ив., абш. полк. суд. при-
луц. 30, 35, 244.
Романовичъ Петръ, кз. сот. ичанс. 156,
163, 231, 241, 245.
Романовичъ Петръ, кз. сот. монасты-
рис. 30, 35.
Романскій Алексѣй, воз. сот. остапов. 65.
Роменскій Мих., з. т. 66.
Ростургуй Петръ, райца стародуб. 112.
Рубановъ Петръ, з. т. 66.
Рубанъ Ив., кз. сот. перво-варвин.
162, 242.
Рубанъ Ром., кз. лубен. 137.
Рублевскій Власть, ас. полк. лубен. артил.
55, 60, 134.
Рудъ Андрей, мѣщ. лубен. 135, 264.
Рудъ Кир., мѣщ. лубен. 275.
Румянцевъ гр. П. А. 5, 8, 20, 40,
43, 48, 50, 56, 61, 76, 79, 99,
108, 113, 121, 122, 185, 187,
188, 190, 191, 200, 205, 212,
213, 215, 218, 219, 221, 223,
226, 228, 230, 231, 233, 237,
242, 245, 246, 248, 249, 250,
259, 260, 263, 264, 268, 269,
270, 271, 272, 273, 274, 275,
276, 278, 280, 282, 285, 286,
290, 292.

Рустановичъ Яковъ, подсуд. зем. пов. золотонш. 250.

Рыжій Гр., мѣщ. прилуц. 235.

Рѣпчанскій Гр., з. т. 54, 59.

Ря(а)буха Гр., мѣщ. лубен. 135, 264.

Рябуха Сав., мѣщ. лубен. 263.

С.

Савицкій Гр., пис. зем. пов. ромен. 53, 58.

Савицкій Дан., кз. сот. понорн. 149, 150, 210.

Савицкій Ѳед., кз. сот. любец. 150, 209.

Савичъ Ив., воз. сот. любец. 195, 204.

Савлукъ Аван., канц. лубен. гр. суда 55, 60.

Савченко Якимъ, кз. сот. столин. 149, 208.

Садовенко Бор., з. т. 211.

Сакало Моис., райца козелец. 211.

Сакуль Ос., кз. сот. иваниц. 162, 242.

Саливановичъ (см. Селивановъ) Конст., з. т. 203.

Салимовскій Ив., з. т. 55.

Салко Ив., кз. лубен. 137.

Салко Панась, кз. лубен. 135.

Салогубъ Коз., в. т. 31, 35.

Салогубъ Макс., в. т. 31, 35.

Салогубъ Степ., в. т. 31, 35.

Самарскій Степ., воз. град. 30, 35.

Самойловичъ Ив., гетм. 4, 13, 25, 165, 175.

Самойловскій Пав., гол. лубен. 54, 270.

Самоненко Дан., кз. сот. седнев. 148, 206.

Самохвалъ Андрей, канц. зем. суда ромен. пов. 55, 60.

Самуйловичъ Алексѣй, воз. кур. сот. пов. лубен. 55.

Самуйловскій Ив., канц. лубен. град. суда 55, 60.

Самусь Ив., мѣщ. козелец. 212.

Савковскій Ив., райца черниг. 199.

Сарафіоновъ Ив., райца черниг. 199.

Сахненко Емел., з. т. 54 (см. Иваненко).

Сахновскій Гр., полк. суд. 66, 69.

Сахновскій Ив., ас. полк. черниг. 193, 203.

Сахновскій Ив., обоз. полк. черн. 192, 196, 203.

Сахновскій Іоакимъ, сотн. березен. 193, 203.

Сахновскій Іосифъ, в. т. 193, 203.

Сахновскій Пав., воз. сот. березен. 193, 203.

Сахновскій Пав., сот. менск. 193, 203.

Сахновскій Пант., в. т. 193, 203.

Сахновскій Петръ, сотн. горошин. 53, 59.

Сахновскій Степ., в. т. 192, 203.

Свечка Петръ, канц. полк. лубен. канц. 55, 60.

Свислоцкій Андрей, мѣщ. черниг. 198.

Свѣрскій Ѳедоръ, суд. зем. пов. иваниц. и сотн. и ваниц. 30, 34, 243, 244.

Свѣтенко Пав., кз. лубен. 136.

Свѣтъ Март., кз. лубен. 137.

Свѣтъ Пав., сотн. глииск. 53, 59.

Севастьяновичъ Матв., в. канц. 30, 35.

Сезоновичъ Серг., з. т. 251, 257.

Селастеникъ Якимъ, з. т. 54, 59.

Селивановъ (см. Саливановичъ) Конст., з. т. 193.

Семека Алексѣй, хрж. сот. погар. 222.

Семеновъ Ос., канц. полк. лубен. канц. 55, 60.

Семеновъ Фил., канц. суда гор. лубен. 55.

Семеновъ Ѳедоръ 197.

Семко Ден., мѣщ. прилуц. 232, 236.

Семко Ив., мѣщ. прилуц. 232.

Сенюта Мих., з. т. 195, 204.

Сенюта Тим., суд. полк. 205.

Сербиновичъ Ив., в. т. 193, 203.

Сергиенко Ант., канц. 236.

Серде(ю)ченко Моис., кз. менск. 139.

Сердюковъ Ив., пис. сот. кролевец. 9.

Сивуненко Ив., мѣщ. лубен. 136.

Сивуненко Никола, кз. лубен. 137.

Сивунъ Арт., мѣщ. лубен. 135.

Сигизмундъ-Августъ, кор. польск. 5, 11, 12, 18, 25, 57, 144, 168.

Сигизмундъ I, кор. пол. 25.

Сигизмундъ III, кор. пол. 79, 101, 110.

Сидоренко Ант., кз. лубен. 135.

Сидоренко Ив., кз. сот. менск. 149, 208.

Сидоровъ Стеф., кз. сенчан. 137.

Сидорскій Андрей, городничій лубен. 55, 60, 134.

Сядор(н)скій Герас., канц. суда град. лубен. 55, 60.

- Сяли(Ъ)чь Ант., в. т. 195, 204.
 Сильвестръ, свящ. останов. 288.
 Сильченокъ Дан., мѣщ. погар. 222.
 Сивѣличенко Степ., мѣщ. козелец. 212.
 Ситенскій Юсифъ, обоз. полк. гаѣяц. 65, 70.
 Сятеяскій Ѳеодоръ, сотн. полк. гаѣяц. 65, 70.
 Скаржинскій Мих., сотн. 2 лубен. полк. сотни. 53, 59.
 Скиба Юсифъ, воз. сот. яресков. 66.
 Скиба Сем., мѣщ. прилуц. 236.
 Скопецъ Сем., мѣщ. стародуб. 112.
 Скоропадскій, гетм. 25, 91, 92, 104, 109, 110, 116, 118, 148, 157.
 Скоропадскій Ив., ас. ген. 3, 9, 23, 33, 71, 191, 202, 230, 239, 240.
 Скрипчинскій, протоіерей переясл. 257.
 Скрѣль Яковъ, кз. сот. сосниц. 149, 209.
 Скуевскій Макс., з. т. 211.
 Славскій Алдръ, атам. глух. 77.
 Слесарь Марко, мѣщ. стародуб. 112.
 Слива Якимъ, мѣщ. прилуц. 234.
 Слышевскій Прок., ат. сот. сосниц. 205.
 Слѣсарь Мих., кз. черниг. 198.
 Слюзь Пав., кнц. суда зем. пов. лубен. 55, 60.
 Слюзь Сем., в. т. 54, 59.
 Слюсаренко Троф., кз. лубен. 136.
 Смаль Сем., кз. сот. менск. 149, 208.
 Соболевскій Влад., сотн. погар. 222.
 Соболевскій Гр., в. т. 222, 224, 225.
 Соболевскій Сем., сотн. погар. 90.
 Советскій (см. Осецкій) Гр., з. т. ген. арт. 59.
 Соколовскій Николай, в. т. 193, 203.
 Соколовскій Ром., в. канц. 30, 35.
 Соколовскій Яковъ, в. т. 66.
 Соколовъ Прок., гус. прапорщ. 199.
 Сокоцкій Ювъ, з. т. 196.
 Сологовъ кн. Пав., поруч. 67.
 Солодкій Троф., кз. гор. лубен. 134.
 Солодовникъ Гр., кз. гор. лубен. 134.
 Солодовникъ Якимъ, мѣщ. стародуб. 112.
 Солодовникъ Яцко, кз. лубен. 137.
 Соломаха Ант., з. т. 31, 36, 240.
 Соломаха Корн., з. т. 31, 35.
 Соломаха Мих., з. т. 31, 35.
 Соломаха Моис., мѣщ. прилуц. 232, 235.
 Соломаха Николай, з. т. 31, 35, 234.
 Соломинникъ Прок., кз. сот. менск. 149, 208.
 Соловина Алдръ, подком. козелец пов. 246, 251, 255.
 Соловина Ив., сотн. остерск. 246, 251, 255.
 Сопуненко Андрей, кз. лубен. 136.
 Сопунъ Степ., кз. лубен. 135.
 Сорока Алексѣй, кз. сот. переволоч. 161, 242.
 Сорока Гр., з. т. 222, 224.
 Сорока, свящ. погар. 224.
 Сосницкій Тер., мѣщ. черниг. 198.
 Софроно Ив., мѣщ. стародуб. 112.
 Софроно Степ., мѣщ. стародуб. 112.
 Софья Алексѣевна, правительница 28.
 Спасибо Степ., мѣщ. стародуб. 112.
 Спасибо Тер., мѣщ. стародуб. 112.
 Спичкій Гр., кз. корыбутов. 242.
 Сподянь Пав., кс. лубен. 137.
 Ставецкій Ив., подсуд. зем. пов. зеньковс. 66.
 Ставе(н)цкій Ѳеодоръ, ас. полк. гаѣяц. 65, 70.
 Ставицкій Ив., пис. зем. пов. гаѣяц. 65, 70.
 Стадникъ Сем., мѣщ. черниг. 199.
 Стаинскій Вас., воз. пов. черниг. 196.
 Стаинскій Сем., пис. суда грод. черниг. 196, 205.
 Станиславскій Серг., полк. перм. караб. полка 290.
 Стани(Ъ)славскій Сем., кз. ст. берез. 149, 208.
 Станко Сав., мщ. прл. 233, 235.
 Станѣславскій Емел., вз. ст. сосн. 194, 204.
 Станѣславскій Прок., райца черн. 199.
 Стасюкъ Коз., кз. сот. берез. 149, 208.
 Стаховичъ Пегръ, б. т. 193, 203.
 Стаховскій Тим., ат. гор. прл. 31, 36, 240.
 Стаховскій Ѳеодоръ, абш. ст. ат. 240.
 Стебленскій Игн., мщ. пгр. 222.
 Стельмахъ Ив., мщ. лбн. 136.
 Стенановичъ Корн., в. кнц. 66.
 Степуренко Прок., мщ. прл. 234.
 Стефановичъ Вас., сд. плк. лбн. 53, 58.
 Стефановскій Ив., кмр. пв. чрнг. 196.

Стодола Алексѣй, мш. чрнг. 197.
 Стодолѣвскій Ив., вз. ст. рояс. 194.
 Стороженко Алдръ, в. т. 30, 35.
 Стороженко Гр., в. т. 30, 35.
 Стороженко Дав., мш. прлц. 236.
 Стороженко Нкф., мш. прл. 232, 236.
 Стражевскій Фодоръ, вз. ст. коропс. 8.
 Стремоуховъ Мих., пр.-маіоръ борисог-
 лѣб. дрг. п. 188, 226, 228, 231,
 233, 237, 238, 245.
 Струленко Гавр., мш. прл. 233.
 Струль Дм., мш. прл. 233.
 Сукнѣцкій Дм., ат. ст. городн. 205.
 Сурмило Фодоръ, кз. с. слабин. 149, 207.
 Сурченко Кир., войтъ пгр. 88, 89.
 Сучакъ Ив., мш. прл. 236.
 Сученко Макс., кз. гор. ромен. 135.
 Сушко Степ., кз. лѣн. 135.
 Сушевскій Андрей, мш. лѣн. 263.
 Сылевичъ Алексѣй, б. т. 8.

Т.

Табататзевъ Ег., поруч. 67.
 Тарабаненко Дан., мш. прл. 234.
 Тарара Ив., кз., ичан. 161, 241.
 Тарасевичъ Гавр., мш. чернг. 200.
 Тарасевичъ Дем., абн. пис. ст. берез.
 205.
 Тарасе(о)вичъ Ив., мш. прл. 232, 235.
 Тарасовичъ Някиф., мш. прилуц. 233.
 Тарасенко Зах., в. т. 31, 36.
 Тарасенко Ост., кз. лѣн. 135.
 Тарасовъ Фод., в. т. 9.
 Тарновскій Ив., стн. варвин. 30, 35.
 Тарновскій Петръ, стн. жорав. 30, 35.
 Терентенко Дан., в. т. 66.
 Терентенко Фод., мш. прл. 232.
 Терентѣй Мусѣй, мш. прл. 232.
 Терентѣй Фодоръ, мѣщ. прил. 236.
 Терехно Степ., кз. ст. ролеск. 209.
 Терлецкій Вас., капит. 229.
 Теряѣцкій Емел., кз. сот. перевол.
 161, 242.
 Тегухъ Моис., кз. сот. красноколад.
 162, 242.
 Тимофѣевъ, з. т. 256.
 Тимофѣевъ Маркъ, вз. второ-миргор.
 с. 288.
 Тимошевскій Вас., в. т. 31, 35.
 Титовичъ Тим., ат. с. вибельс. 205.

Тихоновичъ Пав., з. т. 195, 204.
 Тищенко Гр., мш. прлц. 233.
 Тищенко Макс., мш. прл. 233.
 Тищенко Сем., жит. прл. 232.
 Тищенко Яковъ, кнцл. дубен. гр. суда
 55, 60.
 Товстолѣсъ Гр., з. т. 194, 204.
 Товстолѣсъ Ив., в. т. 194, 204.
 Товстопякъ Фод., мш. прл. 232.
 Тошара Степ., б. т. 248, 250, 251,
 257, 259.
 Тренбачъ Фома, з. т. 54, 60.
 Тризна Авдр., стн. вибел. 192.
 Тризна Николай, б. т. 195, 204.
 Тризна Яковъ, в. канц. 195, 204.
 Трилѣскій Гр., кз. гор. лѣн. 135.
 Трипольскій Ив., стн. куземин. 65.
 Трифоновскій Ив., в. кнц. 30, 35.
 Трифоновскій Яковъ, в. т. 30, 35.
 Тропина Фод., в. т. 30, 35.
 Троцкій Тим., в. т. 30, 35.
 Троцкій Ив., в. т. 31, 35.
 Трошянскій Авдр., в. т. 66.
 Трояновскій Ив., воз. второкомыш. 66.
 Трусевичъ Гр., в. т. 8.
 Трусевичъ Ив., в. т. 194.
 Трусевичъ Мих., б. т. 8.
 Туманскій, ген. пис. 188.
 Тумарскій Вас. прсл. прдв. шлх. 246,
 251, 252, 259.
 Туманскій Ос., кол. ас. 8.
 Туранскій Ив., б. т. 8.
 Турокъ Юсифъ, пос. ст. пгр. 225.
 Тухареловъ Николай, вахм. 67.
 Тымченко Ив., з. т. 65.
 Тымченко Дан., з. т. 66.

У.

Уманецъ Вас., в. т. 8.
 Уманецъ Макс., в. канц. 77.
 Уманецъ Сем., стн. глх. 77, 188, 190,
 191.
 Уманецъ Фил., з. т. 9.
 Умѣвъ Никита, хрж. плк. прл. 30, 35,
 238, 241.
 Усаха Фод., мѣщ. козелец. 212.
 Устименко Пав., кз. лѣн. 135.
 Устименко Тим., кз. лѣн. 135.
 Устименко Яковъ, кз. лѣн. 135.
 Устименко Фод., кз. лѣн. 135.

Устымовичъ Андрей, пис. зем. 65, 70.
Уточка Оед., мщ. козелец. 212.

Фасовець Стен., кнц. полк. черн. 205.
Федоренко Вас., в. т. 31, 35.
Федоренко Гр., ас. корибутов. 31, 36.
Федоровичъ Ант., вз. корибутов. 30, 35.
Федоровскій Андрей, вз. грод. 30, 35.
Федоровскій Ив., з. т. 9.
Федоровъ Пав., кз. город. ромел. 135.
Федорченко, кз. ст. сосницк. 209.
Федосенко Стеф., кз. ст. сосниц. 149.
Федосовъ Ив., з. т. 192, 203.
Фесенко Ив., мщ. лбн. 136, 263.
Филоновичъ Евф., в. т. 8.
Филоновичъ Лук., з. т. 9.
Филько Гавр., мщ. стародуб. 113.
Фоменко Ив., мщ. прлц. 232.

Хапенко Николай, ген. хрж. 90.
Харченко Алексѣй, з. т. 195, 204.
Харченко Алексѣй, мщ. прлц. 232, 234.
Харченко Гр., кз. ст. березен. 149, 208.
Харченко Гр., мщ. прлц. 236.
Харченко Петръ, вз. сребран. 30, 35.
Харченко Прок., мщ. прлц. 233, 235,
Харченко Оед., кз. сот. сребран. 161.
241.
Хведоренко Оома, мщ. лбн. 135, 264.
Хвененко Гр., мщ. прлц. 232.
Хитрик(н)ъ Сем., мщ. прлц. 232, 236.
Хилчевскій Оед., абш. полк. лбн. хрж.
53, 58.
Хлоновъ Кир., столыникъ 89.
Хлѣбовскій Ив., райца черниг. 198.
Хлѣбовскій Яковъ, мщ. чряг. 197.
Хмельникъ Гр., мщ. глх. 77.
Хме(ѣ)льницкій Богд., гетм. 24, 25,
34, 37, 40, 48, 57, 68, 90, 138,
140, 142, 148, 151, 152, 153,
157, 158, 160, 165, 174, 178, 182.
Хме(ѣ)льницкій Юрій, гетм. 25, 157.
Хованскій кп. Юрій, плк. 216, 217.
Холоднякъ Макс., мщ. лбн. 137, 264.
Холоднякъ Пав., пис. рат. лбн. 135,
261, 264, 265, 266.
Холодовскій Ром., з. т. 65.
Холодь Гр., армашъ 234.

Хоменко Ив., мщ. прлц. 235.
Хорошковатый Макс., мщ. лбн. 263.
Худыня Ив., мщ. стародуб. 112.
Худыня Сем., лавн. стародуб. 112.

Цалабанъ Гавр., мщ. стародуб. 112.
Цехановичъ Героимъ, ревизоръ 1625
г. 79, 80.
Циба Андрей, ас. ст. второлубн. 55, 60.
Циганенко Вас., кз. лбн. 137.
Ця(ы)ганелко Оед., з. т. 54, 60.
Цябаластый Илья, кз. прлц. 234.
Цурка Петръ, з. т. 66.
Цѣпакъ Ив., мщ. прлц. 233, 235.

Чайка Арт., кз. лбн. 135.
Чайка Ив., мщ. козелец. 212.
Чаленко Оед., мщ. прлц. 232.
Чарнуцкій Ив., в. кнц. 77.
Чарышковъ Петръ, в. т., войтъ полт.
66.
Чарнышъ Ив., пис. полк. миргор. 65, 70.
Черевачъ Никиф., кз. сот. городниц.
150, 210.
Черепаха Никиф., ат. гор. 67.
Чернискій Вас., кнц. полк. чряг. 205.
Черницкій Алексѣй, стн. яблон. 53,
59.
Чернышевъ Лука, кз. ст. корибутов
162, 163, 242.
Чернявскій Мих., в. т. 240, 241.
Чернякъ Ив., з. т. 66.
Чернякъ Стен., з. т. 66.
Чеснокъ Коандр., ас. 31, 36.
Черномурецъ Гр., мщ. прлц. 235.
Че(о)рному(о)рецъ Ив., мщ. прлц. 233,
234.
Чечуй Петръ, мщ. стародуб. 112.
Чижъ Игн., кз. лбн. 137.
Чиквойдзевъ Сем., сек.-майоръ 67.
Чикисенко Гр., кз. лбн. 135.
Чивчикъ Оед., кз. сот. сосниц. 149.
209.
Чи(е)черинъ Ник., сиб. гн.-полцм. 227.
Чичикало Яковъ, кз. прлц. 234.
Чуйко Макс., мщ. прлц. 232, 236.
Чумаковъ Гр., мщ. стародуб. 113.
Чумаковъ Сем., мщ. стародуб. 112-

Чумакъ (см. Булгакъ) Ив., кз. ст. полк. чрнг. 149.

III.

Шабловскій Андрей, войтъ стародуб. 102.
 Шаповаль Пав., мщ. прлц. 232, 235.
 Шапочникъ Конст., мщ. прлц. 236.
 Шапочникъ Сем., кз. лбн. 134.
 Шапочникъ Оед., кз. лбн. 136.
 Шарко Дан., мбщ. прлц. 233.
 Шарко Сем., мщ. прлц. 233, 235.
 Шарой Никиф., войтъ чрнг. 198, 200.
 Шаршановичъ Евф., з. т. 193, 205.
 Шаршановичъ Ив., стн. киселев. 205.
 Шаховскій кн., г.-лт. 27.
 Шахрай Ив., хрж. ст. 211.
 Швець Николай, мщ. прлц. 236.
 Швець Серг., кз. лбн. 137.
 Шевель Пав., кз. ст. седнев. 148, 206.
 Шемпуковъ Мойсей, в. кнц. 77.
 Шеневскій Ив., мщ. козелец. 212.
 Шеелявый Дан., вз. ст. чигрия-дуб-ров. 54, 60.
 Шепелявый Макс., мщ. прлц. 234.
 Шептуха Кононъ, кз. козелец. 211.
 Шереметь Юсифъ, почтал. чрнг. 198.
 Шяленко Ром., мщ. прлц. 237.
 Шяло Дан., кз. ст. слабин. 149, 207.
 Шямка Алдръ, з. т. 134.
 Шимковъ, ат. сорочин. 284.
 Шярай Мих., подк. пов. стародуб. 105, 106.
 Шярай Спир., войтъ стародуб. 104, 105.
 Широградскій Ав., райца чрнг. 199, 203.
 Шахуцкій Ив., ас. чрн. полк. артил. 193, 203.
 Шахуцкій Степ., хрж. сот. роисск. 195, 204.
 Шахуцкій Яковъ, абп. ас. чрн. плк. арт. 193, 203.
 Шяшка Алдръ, з. т. 54, 59.
 Шкляревичъ Ав., суд. зем. пов. ромен. 53, 58.
 Шкляренкоъ Горд., мщ. чрнг. 197.
 Шкурка Кал., мщ. чрнг. 199.
 Шкурка Зах., вз. ст. богац. 65.
 Шлякевичъ Дан., з. т. 9.
 Шлякъ Никита, в. т. 30, 35, 240.
 Шнурчевскій Вас., в. т. 30, 35.
 Шнурчевскій полк. пис. 238.

Шостакъ Ив., з. т. 54, 60.
 Шостакъ Илья, стн. лютењс. 66, 70.
 Штацкій Оед., кз. чрнг. 197.
 Шуба Мих., в. т. 192, 203.
 Шуенко Корн., в. т. 31, 35.
 Шулячевскій Конст., ком. пов. ромен. 134, 272.
 Шумовскій Макс., кз. чрнг. 198.
 Шумъ Матв., суд. зем. пов. козелец. 211.
 Шумъ Пав., з. т. 211.
 Шупикъ Мяна, кз. ст. седнев. 148, 207.
 Шутенко Илья, ст. потоц. 66.

III.

Щербакъ Ив., мщ. чрнг. 197.
 Щербакъ Макс., стн. первопрят. 53, 59.
 Щербановичъ Гр., мщ. стародуб. 112.
 Щока (Щочка) Игн., хрж. полк. лбн. арт. 55, 60, 134, 272.

Ю.

Юзефовичъ, з. т. 256.
 Юни(ѣ)цкій Петръ, в. т. 195, 204.
 Юр(с?)кевичъ Ант., в. т. 240.
 Юркевичъ Ив., влд. полк. черниг. 205.
 Юркевичъ Петръ, хрж. ген. в. арт. 8.
 Юрченко Ив., мщ. козелец. 212.
 Юрченко Юско, дехм. ковал. прлц. 232.
 Юс(р?)кевичъ Ант., в. т. 30, 35.
 Ющенко Стеф., з. т. 134.

Я.

Ягелло, кор. пол., в. к. лит. 170.
 Ягельне(ѣ)цкій Ив., пис. плк. прлц. 231, 238, 239, 241.
 Якименко Макс., кз. журав. 162, 242.
 Якименко Тим., кз. лбн. 134.
 Якимовичъ Андр., см. Іакимовичъ.
 Якимовичъ Ер., пис. ст. сосниц. 205.
 Якимовъ Оед., мщ. прлц. 232, 235.
 Яковенко Ив., в. т. 66.
 Яковенко Пав., в. т. 66.
 Яковенко Яковъ, хрж. ст. ромен. 55, 60.
 Яковенко Оома, мщ. лбн. 263.
 Яковлевъ Гавр., в. т. 31, 35.
 Яковлевъ Пав., кз. носов. 251, 259.
 Яковлевъ Яковъ, в. кнц. 77.
 Яловець Ив., мщ. козелец. 212.

Яновскій Андрей, пис. ген. в. арт. 9.
 Яновскій Кондр., ат. сот. 55.
 Яновскій Серг., ат. 2 полк. гадац. ст.
 66, 70.
 Яновскій Якимъ, пртп. полт. 287, 288.
 Янъ-Казимиръ, кор. пол. 79.
 Яременко Гр., мщ. прлц. 233.
 Яременко Сав., цехм. рѣзн. прлц. 232.
 Яремовъ Сав., мщ. прилуц. 232, 235.
 Ярмаковъ Оед., пис. сот. иваниц. 31, 36.
 Ярмакъ Авт., мщ. прлц. 232.

Ярмакъ Оед., мщ. прл. 236.
 Ярмаченко Лук., мщ. прлц. 233.
 Яроховскій Алдръ, пис. маг. козел. 212.
 Ярошенко Кл., кз. ст. роисск. 150,
 209.
 Ярошенко Мих., кз. лбн. 135.
 Ятрилокатовъ Яковъ, мщ. старолуб. 113.
 Яценко Макс., в. квц. 77.
 Яценко Оома, мщ. лбн. 136, 263.
 Яценко Вас., кз. ст. роисск. 150, 209.
 Яценко Ив., кз. ст. синяв. 149, 208.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Отдѣльно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Судимовскій Архивъ. Семейныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8^о. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. Н. Житцкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левницкаго. Соціанство въ Польшѣ и Югозан. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. п. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ гусударствѣ въ концѣ XVI в. и уніа, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 кн. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4^о и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго**.—Судъ и казнь Григорія Самойловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неудавш. поэта). **Г. А. Мачета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лулулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петкевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка**.—Воспоминаніи **Н. И. Усковой** о **Т. Г. Шевченкѣ**, съ прим. **М. Чалаго**, **Н. Зарянки**.—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листь архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. К.**—Памяти **Ѳ. Г. Лебедннца**. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**. Очерки изъ исторіи кiev. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуни или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старин. быта Волини и Украины. **О. И. Левицкаго**. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Ѳ. И. Успенскаго**. Нашаденіе гайдамаковъ на карантины въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. **М. С. Щепкинъ**, какъ артистъ и человекъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два намѣстника. **А. Е. Рекрутчина** въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева**. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Марневича**. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній по Малороссіи **Акад. К. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржновскаго**. **Ѳома Падурра**. (Критическій очеркъ). **Равиты**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. **П. А. Лашкарева**, **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**, **П. Л.**, **И. С. Листовскаго**, **А. Л.**, **В. А.**, **П. Т.**, **Мирона**, **К. В. Болсуновскаго**, **Ив. Манжуры**, **И. Бѣньковскаго**, **О. Л.**, **W.**, **Н. М.**, **М. К. Чалаго**, проф. **Н. И. Петрова**, **Хр. П. Яцуржинскаго**, **А. А. Савича**, **В. П. Науменка**, **А. Ш.**, **Н. Н. Оглоблина**, **Я. П. Новицкаго**, **Н. Д. Н.**, **В. С. Познанскаго**, **А. С. Л.**, **Г.**, **Вл. Лискоронскаго**, **А. Андр.**, **Г. Залюбовскаго** **И. Зозули**, **Н. Ѳ. Добротворскаго**, **Н. В. Шугурова**, **М. А. Комарова**, **Ю. Тиховскаго**, **И. Ж.**, **Ѳ. Каминскаго**, проф. **И. Г. Карнинскаго**, **М. К. Васильева**, **А. Лобко**, **Н. Б.**, **Ан. Залѣскаго**, **И. А. Л—во**, **П. В. Дворжецкаго-Богдановича**, **Л. П.**, **Л*****, **П. Китицына**, **В. Б.**, **В. Гаврыша**, **Ю. Д. Талько-Гринцевича**, **Кравченка**, **П. Г.**

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. **М. Толстому**. Сообщ. проф. **А. И. Марневичъ**.

Въ отдѣлѣ «Библиографіи» помѣщены рецензіи: **И. М. Каманина**, **А. Л.**, **В. А.**, **Н. Л.**, **Н. Г.**, **Амаргола**, **А. І. Степовича**, **О. Л.**, **П. В. Голубовскаго**, **Н. Т.**, **Н. В.**, **Г. З.**, **А. М.**, **А. Р.**, **П. Л.**, проф. **Ѳ. Г. Мищенко**, проф. **Н. И. Петрова**, **Н. В. Шугурова**, **Ц. Г. Неймана**, **И. Л—ка**, **В. П. Науменка**, **Ив. П. Новицкаго**, **Ѳ. Н.**

Приложеніе: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе **В. Ти-**

КІЕВСКАЯ СТАРШИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
СЕНТЯБРЬ.

Годъ восьмой.

ТОМЪ XXVI.

1889 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. Аквд. К. А. Трутовскаго (съ 5 рис. его же). (585—596).
- II. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ (Окончаніе). М. И. Лилсева. (597—614).
- III. Реврутчина въ малорусской пѣснѣ (Этнографическій очеркъ). III. (Окончаніе). М. К. Васильева. (615—630).
- IV. Культурныя переживанія. LVIII—LXXI. Проф. Н. Ѡ Сумцова. (631—652).
- V. Лирики. Валеріана Боржковскаго. (653—708).
- VI. Воспоминанія М. К. Чалаго. (709—726).
- VII. Гома Падурра. (Критическій очеркъ). Ф. Равити. (727—751).
- VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Замѣтка о саранчѣ, бывшей въ Кіевѣ въ 1861 г.: Бориса Познайскаго. Поѣздка въ Кирилівку. (Замѣтка къ біографіи Т. Г. Шевченка). Ю. Д. Талько-Гришцевича. Легенда о „Петровомъ батогѣ“. Ив. Манджура. У гуцуловъ. Къ біографіи Тимофея Цыцуря. Сообщилъ Н. Ѡ. Изъ народныхъ разсказовъ о предвѣстіяхъ дѣтяхъ. Кравченка. Польскій театръ въ Каменцѣ въ 1860—61 гг. 800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ. П. Г. (752—780).
- IX. Для справокъ. (780).
- X. Емблеографія. Анты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранныя и изданныя археографическою комиссіею. Томъ четырнадцатый (дополненіе къ III тому). Ив. Н. Иванъ Манджура. Степовы думы та спивы. В. Г. J. Topolnicki. Móra do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской академіи наукъ) исправл. и дополненное по новѣйшимъ изслѣд. Ц. Неймана. Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія) составилъ священникъ Павелъ Авонскій. 1889 Его же: Православныя святѣи города Мисна. 1889. И. Камашина. Casopis Musea království českého 1888. Выпускъ III—IV. А. Степовича. Обзорніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книжки, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю Россіи. (781—810).

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Мемуары, касающіяся исторіи ю. Россіи.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ «Кіевской Старины» 1889 года помѣщены слѣдующія статьи: Воспоминанія **М. К. Чалаго**.—Судъ и казни Григорія Самойловича **А. А. Востокова**.—Культурныя переживанія. Проф. **Н. Θ. Сумцова**.—Бѣлая Панна. (Изъ воспом. неужавш. поэта). **Г. А. Мачгета**—Русскія колоніи въ Добруджѣ. **Лупулеску**.—Сельскія недоразумѣнія, пов. **Петевича**, пер. съ польскаго. **К. М.**—Научное значеніе западно-русской исторіи. Проф. **И. А. Линниченка**.—Воспоминанія **Н. И. Усковой** о **Т. Г. Шевченкѣ**, съ прим. **М. Чалаго**, **Н. Зарянки**.—Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **П. Левицкаго**.—Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**—На Сыръ-Дарѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). **Н. Д. Н.**—Особенности статистическаго изслѣдованія курской губ. **Сф. Н.**—Памяти **Θ. Г. Лебедничева**. Проф. **Н. Θ. Сумцова**. Очерки изъ исторіи кiev. дух. акад. за XVIII ст. Проф. **С. Т. Голубева**. Колонизація Новорос. края и первые шаги его по пути культуры. Проф. **Д. И. Багалѣя** Остатки церквей на развалинахъ древн. Корсуни или Херсонеса. **П. Л.** Воспоминанія **М. К. Чалаго**. Очерки старины быта Волини и Украины. **О. И. Левицкаго**. Іоаннъ Вишенскій. **Мирона**. Нечистая сила, повѣсть **Остои**, пер. съ пол. **К. М.** Византійскія владѣнія на сѣв. бер. Чернаго моря. Проф. **Θ. И. Успенскаго**. Нашеденіе гайдамаковъ на карантинѣ въ Ягодной Долинѣ въ 1750 г. **А. Полницкаго**. Кіевское гор. управленіе въ 1786 г. **Н. В. Молчановскаго**. Чума, разск. **Мирона**. Старая Брацлавщина и ея люди. **Ц. Г. Неймана**. **М. С. Щепкинъ**, какъ артистъ и человекъ **В. Ермилова**. Происхожденіе русск. великой кн. Ольги св. Проф. **И. И. Малышевскаго**. Русалка. (Этнограф. разсказъ). **Ганны Барвинокъ**. Два намѣстника. **А. Е. Рекрутчина** въ малорусск. пѣснѣ. (Этнограф. очеркъ). **М. К. Васильева**. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. **М. И. Лилеева**. На «Вовчомъ хуторѣ». **Дмитрія Марневича**. Страницка изъ прошлаго г. Переяслава. **А. А.** Изъ воспоминаній по Малороссіи **Анад. Н. А. Трутовскаго**. Лирники. **Валеріана Боржковскаго**. **Θома Падурра**. (Критическій очеркъ). **Равиты**.

Въ отдѣлѣ «Документовъ, извѣстій и замѣтокъ» помѣщены сообщенія: проф. **П. А. Лашкарева**, **Н. Θ. Бѣляшевскаго**, **П. Л.**, **И. С. Листовскаго**, **А. Л.**, **В. А.**, **П. Т.**, **Мирона**, **К. В. Болсуновскаго**, **Ив. Манжуры**, **И. Бѣньковскаго**, **О. Л.**, **W.**, **Н. М.**, **М. К. Чалаго**, проф. **Н. И. Петрова**, **Хр. П. Яцуржинскаго**, **А. А. Савича**, **В. П. Науменка**, **А. Ш.**, **Н. Н. Оглоблина**, **Я. П. Новицкаго**, **Н. Д. Н.**, **В. С. Познанскаго**, **А. С. Л.**, **Г.**, **Вл. Ляскоронскаго**, **А. Андр.**, **Г. Залюбовскаго** **И. Зозули**, **Н. Θ. Добротворскаго**, **Н. В. Шугурова**, **М. А. Комарова**, **Ю. Тиховскаго**, **И. Ж.**, **Θ. Каминскаго**, проф. **И. Г. Карпинскаго**, **М. К. Васильева**, **А. Лобко**, **Н. Б.**, **Ан. Залѣскаго**, **И. А. Л—ко**, **П. В. Дворжецкаго-Богдановича**, **Л. П.**, **Л*****, **П. Китицына**, **В. Б.**, **В. Гаврыша**, **Ю. Д. Талько-Гринцевича**, **Кравченка**, **П. Г.**

Для справокъ. Столбцы, прии. гр. **М. Толстому**. Сообщ. проф. **А. И. Марневичъ**.

Въ отдѣлѣ «Библиографіи» помѣщены рецензіи: **И. М. Каманина**, **А. Л.**, **В. А.**, **Н. Л.**, **Н. Г.**, **Амартола**, **А. І. Стеновича**, **О. Л.**, **П. В. Голубовскаго**, **Н. Т.**, **Н. Б.**, **Г. З.**, **А. М.**, **А. Р.**, **П. Л.**, проф. **Θ. Г. Миценка**, проф. **Н. И. Петрова**, **Н. В. Шугурова**, **Ц. Г. Неймана**, **И. Л—ка**, **В. П. Науменка**, **Ив. П. Новицкаго**, **Θ. Н.**

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе **В. Типинскаго** къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова**.—

Дозволено цензур. Київъ, 31-го Августа 1889 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXVI.

Сентябрь.

1889 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4

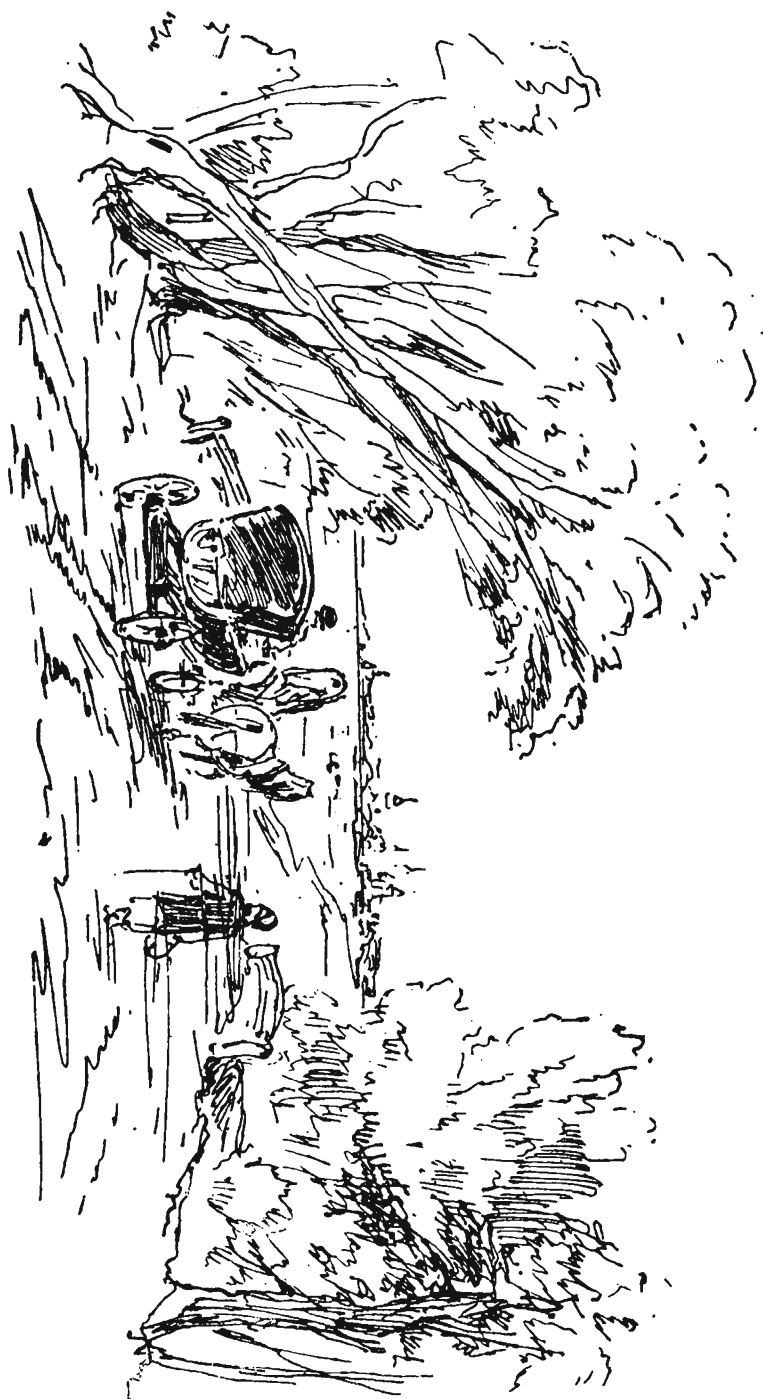

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОЪЗДКАХЪ ПО МАЛОРОССІИ.

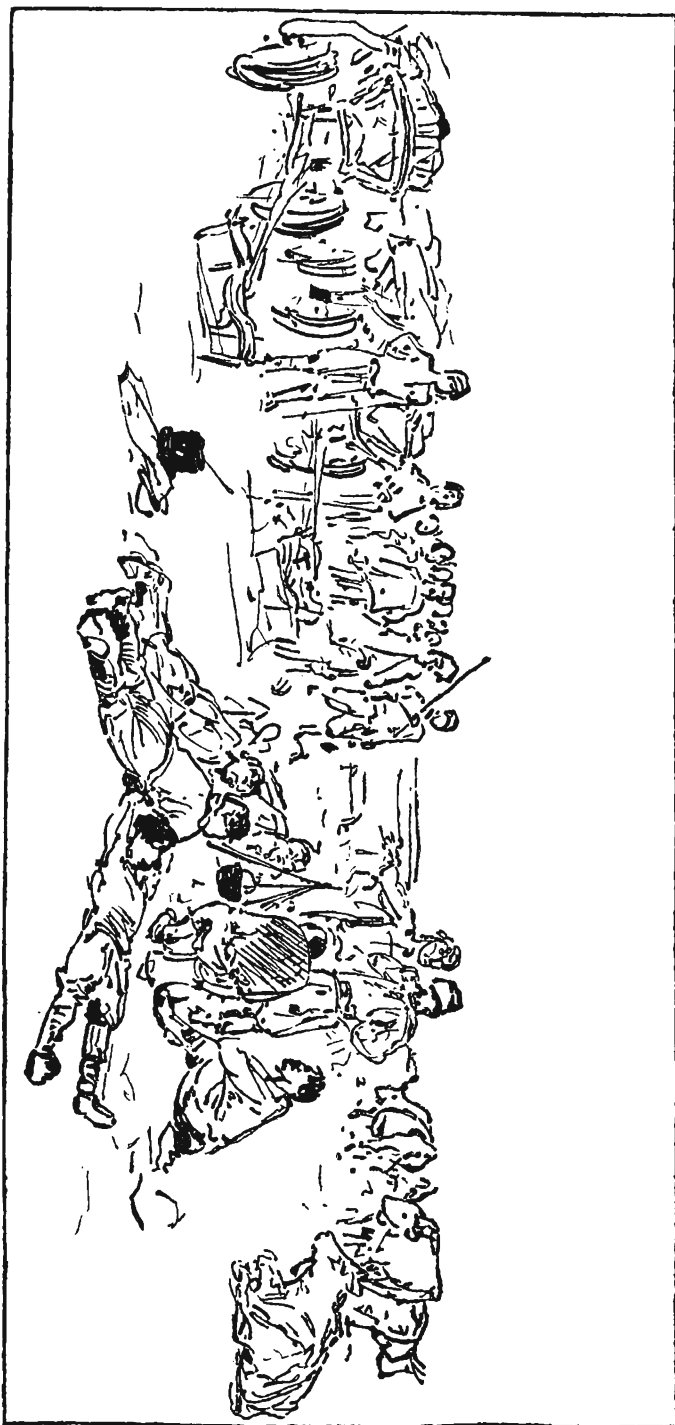
Съ отраднѣмъ чувствомъ мысленно переносюсь въ прошлое, въ 50-е и 60-е года, вспоминаю свои поѣздки по Малороссіи съ художественной цѣлью,—когда въ этомъ чудесномъ краѣ существовали довольство, простота и радушіе, когда хранились еще въ народѣ старыя патріархальныя обычаи и своеобразныя, живописныя костюмы, существовало чумачество и когда на каждомъ шагу можно было встрѣтить слѣпота бандуриста, воспѣвавшаго прошлое своей родины въ думахъ и пѣсняхъ, а затѣмъ переходившаго къ удалой веселой пѣснѣ, подъ звуки которой съ невыразимымъ увлеченіемъ молодежь пускалась въ бѣшеный плясъ, а на лицахъ стариковъ и старухъ появлялась веселая улыбка. Все было такъ красиво и чувствовалось, что народу, строго хранившему свои обычаи и вѣковыя завѣты, несмотря ни на что, жилось все таки хорошо и привольно. Малороссійскія деревни и хутора производили чарующее впечатлѣніе, а внутренность бѣлыхъ хатъ поражала чистотою и опрятностью. И теперь, конечно, въ Малороссіи много сохранилось отъ прежняго, но многое и утрачено. Старинныя чудесныя пѣсни вытѣснены солдатскими или еще хуже—фабричными, бабы и дивчата, вмѣсто живописныхъ плахъ и корсетовъ, надѣли уродливо сшитыя платья и „пѣльты“,—мужчины надѣли поддевки и картузы, вмѣсто бѣлыхъ свитъ и шапокъ, а бандуру замѣнила гармонія. Только въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, куда еще не достигла такая „цивилизациа“, сохранилось кое что отъ старины.

Повѣздки свои я обыкновенно совершалъ на своихъ лошадахъ, въ тарантасѣ, ѣхалъ не спѣша, останавливаясь въ мѣстахъ, гдѣ находилъ чтонибудь интересное. Случалось, ночью я встрѣчалъ таборъ чумаковъ, остановившихся на ночлегъ,—мѣсяцъ ярко освѣщаль множество *хуръ* (подводъ), вдали паслись волы, вокругъ костра лежали и сидѣли чумаки, варили кулишъ. Костеръ ярко освѣщаль близлежащихъ чумаковъ, слабѣе были освѣщены возы еще слабѣе пасущіеся волы и затѣмъ все тонуло въ ночной мглѣ. Чумаки или отправлялись въ Крымъ за солью, или возвращались оттуда. Во всякомъ таборѣ былъ непременно хоръ и одинъ изъ чумаковъ выбирался въ регенты. И эти чудныя пѣсни, исполнявшіяся большею частію баритонными голосами, и эти живописныя картины—дѣйствовали такъ обаятельно на душу.

Присаживался я къ костру и чумаки всегда радушно предлагали мнѣ раздѣлить съ ними трапезу и угощали горилкой,—и какая чудесная тогда была водка!

Если я узнавалъ, что въ какомъ нибудь городѣ или селѣ была ярмарка, то непременно направлялся въ этотъ городокъ или село—и всякій разъ находилъ множество интересныхъ сценъ и типовъ. Въ одну изъ такихъ повѣздокъ я направился въ г. Гадячъ, полтавской губ., гдѣ долженствовала открыться ярмарка 29 іюня „на Петра“. За нѣсколько верстъ передъ городомъ мнѣ стали попадаться пѣшіе и конные жители окрестныхъ селъ. Все это стремилось въ городъ продавать, покупать, погулять и потолкаться среди народа. Медленно тащились возы, запряженные большею частію волами, и нагруженные бабами и дивчатами съ веселыми лицами,—мужики большею частію шли около возовъ, покрикивая на воловъ. Дорога была песчаная, по сторонамъ тянулся невысокій лѣсъ, въ концѣ его дорога упиралась въ рѣку Пселъ, а за рѣкой на горѣ показался весь утопающій въ зелени Гадячъ. Видъ былъ очень красивый, но гармонія его нарушалась только возвышавшимся среди города безобразнымъ зданіемъ острога. Взобравшись на гору, мы съ трудомъ пробрались чрезъ толпу народа, между возовъ и палатокъ, до постоялаго двора, гдѣ я нашелъ просторную, чистую комнату. Стѣны ея были чисто выбѣлены мѣломъ, скамьи и столъ вымыты, а на толетой балкѣ огромными буквами были написаны какія то изреченія изъ св. писанія.

Поѣвши отличнаго борщу и еще чего то, я тотчасъ же отправился бродить по ярмаркѣ и сдѣлавши нѣсколько шаговъ, наткнулся на прелестную сцену: малорусская дѣвушка, поразительной красоты,—что то объясняла мимикой стоящей передъ ней бабѣ (она оказалась глухо-нѣмой); всѣ ея движенія были такъ натурально красивы, что я долго не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, мнѣ ужасно захотѣлось нарисовать лицо этой дѣвушки, но какъ я не упрашивалъ ее, предлагая хорошую плату, она ни за что не согласилась мнѣ позировать.—Около насъ образовалась кучка народа, и жида накинудись съ бранью на мою красавицу за то, что она не согласилась на мое предложеніе, и дивились, какъ это она не польстилась на предлагаемыя ей деньги.

Нагулявшись вдоволь по ярмаркѣ, накупивъ себѣ костюмовъ, я зашелъ на свою квартиру, гдѣ и зачертилъ въ свой альбомъ видѣнныя мною сцены. Затѣмъ, захвативъ съ собою альбомъ, я отправился на окраины города. Городъ былъ окруженъ гористою мѣстностью, покрытою лѣсомъ, въ ярахъ текли ручейки, тамъ и сямъ были разбросаны хатки, окруженныя маленькими садами, около хатокъ были насажены цвѣты: мальва, георгины

и вился королевъ цвѣтъ,—а внизъ, къ ручью бѣжали узенькія дорожки. Кругомъ была тишина невозмутимая, такъ какъ всѣ обитатели этихъ хатъ отправились на ярмарку. Ничто не мѣшало мнѣ сидѣть, разглядывать окружающую меня природу—и чертить въ альбомъ. Одна изъ хатокъ привлекла особенно мое вниманіе, и я сталъ ее срисовывать. Черезъ нѣсколько времени въ воротахъ показалась баба, удивленно посмотрѣла на меня, и тотчасъ же скрылась. Затѣмъ эта баба, сидя верхомъ на лошади, выѣхала со двора и стремглавъ куда то поскакала. Потомъ я узналъ, что она отправилась къ своему мужу, на пасику, чтобы сообщить ему, что „якійсь то панъ“ сидитъ противъ ихъ хаты, и пишетъ, и нѣтъ ли тутъ „якого лыха“.

Окончивъ рисунокъ, я направился обратно на свою квартиру. Проходя мимо воротъ какого то двора, я увидалъ, что, опершись на ворота, стояла какая то полная женщина, повидимому мѣщанка, такъ какъ она была одѣта въ платье и волосы ея были зачесаны „у пучку“. Особа эта обратилась ко мнѣ съ словами: „Здраствуйте, будте здоровы!“—Отвѣтивъ на ее привѣтствіе поклономъ, я хотѣлъ идти далѣе,—но она снова обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Что се вы дѣлаете?“ Я отвѣтилъ, что гуляю, рисую.—„На що же вы—это рисуете?“ , снова спросила она меня. Я отвѣчалъ, что такъ мнѣ надо,—и хотѣлъ идти. Но не тутъ то было. Особа стала меня упрашивать зайти къ ней въ хату, отдохнуть и закусить. Я долго отказывался, но она просила такъ любезно и настойчиво, что я наконецъ согласился зайти, имѣя при этомъ въ виду найти что нибудь интересное во внутренней обстановкѣ жилища. Когда я вошелъ въ домъ, то увидѣлъ тамъ какого то господина въ виць-мундирѣ, шагавшаго по комнатѣ и курившаго изъ длиннѣйшаго чубука, пыхтя и пуская клубы дыма. При моемъ появленіи, господинъ какъ то подозрительно взглянулъ на меня, почти не поклонился, и продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Хозяйка, поставивши на столъ, покрытый чистой скатертью, пироги, колбасы, огурцы, паляницы и графинчикъ водки, стала усердно угощать меня, болтая безъ умолку. Чиновникъ все пыхтѣлъ, дымилъ, и по временамъ бросалъ на меня свирѣпыя взгляды. Черезъ нѣсколько времени, онъ какъ то разомъ остановился

противъ меня, и хриплымъ голосомъ спросилъ, чѣмъ это я занимаюсь, и что это за книжка, которую я принесъ съ собою. Я отвѣчалъ ему тоже, что и хозяйкѣ, продолжая съ аппетитомъ уплетать колбасу, пирогъ и огурцы. „А есть ли у васъ, милостивый государь, паспортъ?“ еще болѣе свирѣпо спросилъ меня, чиновникъ. Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ меня, такъ что я даже поперхнулся. Паспорта у меня не было. Въ тѣ времена, о которыхъ пишу, было проще и на ѣздившихъ на своихъ лошадяхъ помѣщиковъ не обращали большаго вниманія, но все же при поѣздкѣ въ сосѣднія губерніи всякій обязанъ былъ брать какой нибудь видъ. Для меня стало ясно, что этотъ чиновникъ, вѣроятно служащій въ полиціи, имѣлъ виду, въ случаѣ если у меня паспорта не окажется, получить отъ меня въ свою пользу какую нибудь сумму. Я былъ смущенъ, но все же сказалъ ему, что показывать свой видъ я не обязанъ всякому—и не знаю, кто онъ такой и имѣетъ ли онъ право дѣлать мнѣ такіе вопросы. Господинъ возражалъ мнѣ, что много шатается всякаго народу, подозрительныя бываютъ, и поджигатели, и всякія темныя личности, и что всякій гражданинъ обязанъ содѣйствовать правительству въ поимкѣ вредныхъ людей и пр., и наконецъ сталъ указывать мнѣ тѣ печальныя послѣдствія, которымъ подвергается всякій путешественникъ, не имѣющій при себѣ никакого вида. Я довольно храбро сказалъ ему, что паспорта не покажу и прошу его не мѣшаться не въ свое дѣло. Однако въ душѣ я сталъ очень беспокоиться какъ бы не вышло какой нибудь непріятности. Но вдругъ я вспомнилъ, что въ моемъ альбомѣ, случайно былъ мой заграничный паспортъ, въ который была завернута рисовальная бумага, и мнѣ пришло въ голову воспользоваться этимъ документомъ въ моемъ критическомъ положеніи. Въ то время заграничные паспорта были большаго размѣра, на цѣломъ листѣ писчей бумагѣ на одной половинѣ было напечатано на русскомъ языкѣ, а на другой на нѣмецкомъ, имя, фамилія и все что слѣдуетъ.—Идея воспользоваться этимъ видомъ меня очень ободрила, и я тотчасъ переѣнилъ тонъ изъ смиреннаго въ вызывающій.— „Что вы ко мнѣ придираетесь“, сказалъ я ему, „я можетъ быть командированъ начальствомъ и исполняю какое нибудь важное

порученіе“. Но мой чиновникъ нисколько не смутился, и мои слова не произвели на него никакого впечатлѣнія; съ усмѣшкой онъ возразилъ мнѣ, что лица, посылаемыя начальствомъ, ѣздятъ въ каретѣ и о пріѣздѣ ихъ въ данное мѣсто знаютъ заранѣе,— что ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ мѣстные чиновники и что они не бродятъ по захолустьямъ, съ какими то книжками—можетъ быть недозволенными.—„Ну, хорошо“ сказалъ я ему, „я вамъ покажу часть своего паспорта, ту часть, гдѣ значится мое званіе и фамилія, а другую часть, гдѣ обозначено порученное мнѣ дѣло, я вамъ показать не могу—это секретъ“; при этомъ я сунулъ ему подъ носъ сперва то мѣсто, гдѣ значилась моя фамилія, а затѣмъ другое, гдѣ была огромная печать. Печать эта такъ поразила моего преслѣдователя, что онъ тотчасъ перемѣнилъ со мною обращеніе сдѣлался любезенъ, извинялся и принялся угощать меня вмѣстѣ съ хозяйкой. Но, несмотря на такой, повидимому благопріятный, исходъ изъ затруднительнаго положенія, я поспѣшилъ распрощаться съ хозяйкой, отправился на свою квартиру, немедленно велѣлъ запрягать лошадей и уѣхалъ изъ Гадяча, чѣмъ, можетъ быть, избѣгнулъ непріятности посидѣть подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не разъяснилась бы моя благонамѣренность.

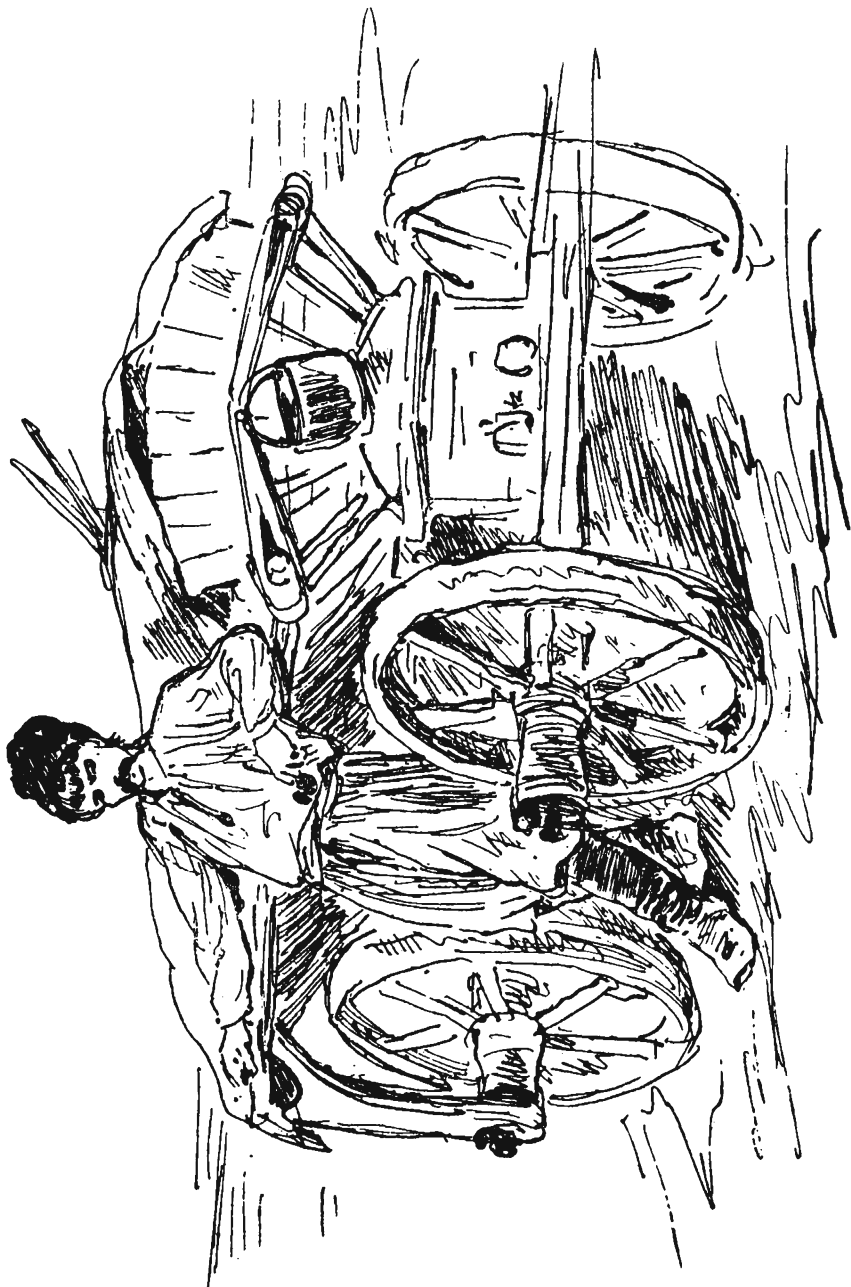
Иногда, въ лѣтнее время, я проживалъ у моей сестры, близъ г. Сумъ, харьковской губ., въ д. Ольшанкѣ. Деревня эта расположена въ живописной мѣстности, на берегу р. Пели. Усадьба выстроена на площадкѣ, среди вѣковаго лѣса, на нѣкоторой возвышенности, у подножія которой находится другая усадьба, окруженная прудами,—а за прудами опять стоитъ вѣковой лѣсъ. Въ полуверстѣ отъ усадьбы, высятся мѣловыя горы, изъ которыхъ добывается мѣлъ, и въ построенныхъ здѣсь же заводахъ выжигается известка (вапна). Такъ какъ въ сосѣднихъ уѣздахъ полтавской и черниговской губерній, известковыхъ заводовъ не было (нѣтъ и теперь), то изъ этихъ уѣздовъ, съ весны наѣзжала масса чумаковъ, за известью. Нѣкоторымъ приходилось долго ожидать очереди, чтобы забрать известь,—и тогда они располагались цѣлымъ таборомъ близъ заводовъ, и пускали своихъ воловъ пастись на обширномъ лугу близъ Пели. Какой интересный матеріалъ представляли эти чумаки, волю, возы—и

какіе интересные типы попадались на каждомъ шагу! Высокій, стройный, загорѣлый, съ важной осанкой, въ широчайшихъ шароварахъ, пропитанныхъ дегтемъ, чумаки такъ и просился на полотно.—Я конечно всегда обращался къ такому чумаку съ просьбой позволить нарисовать его; но не такъ то скоро можно было добиться его согласія позировать. Недовѣрчиво относился онъ къ моей просьбѣ, и долго допытывался отъ меня, зачѣмъ, да почему пришла охота рисовать. Не очень то соблазняло его и обѣщаніе заплатить за то, что онъ посидитъ передо мной—и когда наконецъ онъ соглашался исполнить мое желаніе, то рѣдко бралъ за это плату, но за то непремѣнно требовалъ, чтобы я съ нимъ выпилъ „по чарци горилки“. Не разъ мнѣ случалось слышать отъ чумака, когда онъ собирался выпить чарку—слѣдующую поговорку: „чарко моя, чупурушко, я тебе выпью, моя душко, я тебе выпью та не вылью; я съ тобою, чарочко, погуляю якъ билая рыбочка по Дунаю“—и затѣмъ „бувайте здоровы, хай вамъ легенько згадається“.

Случалось, что я приглашалъ чумака въ домъ, также съ цѣлю рисовать его, и подмѣтить его жесты, движенія, въ то время, когда онъ будетъ разговаривать.—Входилъ онъ, обыкновенно въ комнату важно, на лицѣ его не выражалось удивленія при видѣ непривычной для него обстановки, садился на стулъ или диванъ совершенно свободно, и какъ будто не обращалъ ни на что никакого вниманія. Сестра моя и зять старались занять его разговоромъ, а я въ это время располагался гдѣ нибудь поодаль и рисовалъ.—Чумаки, повидимому, и не замѣчалъ, что я его рисую, а между тѣмъ онъ все видѣлъ,—и когда я оканчивалъ рисунокъ, то онъ обыкновенно обращался ко мнѣ съ словами: „хиба я не бачивъ шо ты робивъ, а ну, покажъ, якъ ты мене намалювавъ“.

Однажды, приглашенный такимъ образомъ чумаки цѣлый вечеръ занималъ насъ разказами, и что это были за разказы! сколько тутъ было неподражаемаго юмора и картинности въ описаніяхъ!—Еслибы возможно было эти разговоры стенографировать, то они составили бы драгоцѣнный матеріалъ народнаго творчества, и талантливыхъ импровизацій — но увы, все это пропадало безслѣдно. У Марка-Вовчка въ его „Народныхъ опо-

виданяхъ“ есть изъ чумацкаго быта нѣсколько разказовъ, напоминающимъ тѣ разказы, которые мнѣ приходилось слышать изъ устъ чумаковъ.

Разъ, когда я бродилъ по чумацкому табору, вниманіе мое было привлечено нѣсколькими хурами (возами), рѣзко отличавшимися отъ прочихъ,—возы эти были крупнѣе другихъ, нѣкоторыя части ихъ были украшены рѣзбой и покрашены; ярмо также было покрыто рѣзбой. Облокотившись на возъ стоялъ высокій статный чумакъ, въ синихъ шароварахъ и высокой барашковой шапкѣ. — Ужасно захотѣлось мнѣ его нарисовать—такъ онъ былъ весь живописенъ по своей позѣ; я подошелъ къ чумаку, поздоровался;—онъ, неизмѣняя своей позы, приподнялъ шапку и отвѣтилъ мнѣ легкимъ поклономъ; на мою просьбу—постоять въ той позѣ, пока я его нарисую, онъ отвѣтилъ;— „чому жъ, можно—малой, колы хочешъ“—когда я усѣлся, и сталъ набрасывать рисунокъ въ альбомъ,—чумакъ обратился ко мнѣ со словами: „а я такій же панъ, якъ и ты, дарма, шо чумакою“. — Я выразилъ удивленіе и спросилъ, что же заставило его чумаковать. „Да такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, люблю; дома сидѣть наскучаетъ,—да и много всякой погани между людей,—а тутъ идешъ много верстъ степью повидишь Крымъ, наберешъ соли—и назадъ. Хорошо весной на вольномъ воздухѣ и въ широкихъ степяхъ! нѣтъ бабъ—и вздоровъ меньше“. — Все время, пока я рисовалъ его, онъ рассказывалъ мнѣ про свои поѣздки съ большимъ увлеченіемъ.—Мнѣ говорили, что это былъ не единственный примѣръ чумака-пана (изъ мелкопомѣстныхъ).

К. Трутовскій.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РАСКОЛА ВЪ СТАРОДУБЬѢ.

(Окончаніе ¹⁾).

Упоминаемый Ив. Алексѣевымъ указъ царевны Софьи Алексѣевны къ черниговскому архіерею и стародубскому полковнику Самойловичу, вслѣдствіе котораго раскольники были вытѣснены изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими слободъ, неизвѣстенъ. О немъ упоминаетъ только Ив. Алексѣевъ. По его словамъ, «Софья Алексѣевна пріимши скипетръ царства великороссійскаго» и услышавши о населеніи стародубскихъ слободъ, повелѣла послать указъ къ поименованнымъ властямъ, чтобы они «забѣглие народы, или ласкою, или прещеніемъ градскимъ къ новымъ догматамъ приводили». Раскольники разбѣжались, и только немногіе «къ новодогматствованію приступиша», которые не захотѣли лишиться «стяжанія и домовъ». Попытка снова возвратиться на облюбованныя уже мѣста, по прошествіи нѣкотораго времени, когда повидимому «зѣлость гоненія» стихла, также не имѣла успѣха; потому что «наки отъ того же Симеона гоненіе наста». Въ актахъ «протокула» стародубскаго за 1683 г. мы еще видимъ въ Понуровкѣ двухъ войтовъ изъ раскольниковъ: Ивана Ѳеодорова и Ивана Ларіонова ²⁾). Происхожденіе упомянутаго указа, въ существованіи котораго врядъ ли и можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, можетъ быть объяснено слѣдующими уже несомнѣнно достовѣрными историческими данными.

Извѣстно, что стрѣлецкіе бунты по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича были вмѣстѣ и раскольничьими бунтами, такъ какъ имѣлось въ виду «и патріарха и властей поставить, кого изберутъ

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 8, августъ.

²⁾ Черниг. губ. вѣдом. 1852 г. №№ 10, 22. Ср. Ист.-ст. оп. черн. еп. VII, стр. 81.

народомъ, которые бѣ старыя книги любили¹⁾. Это соединенное движеніе стрѣльцовъ и раскольниковъ отозвалось и въ Малороссіи. Русскіе торговые люди производили въ ней тревогу своими разсказами о стрѣлецкихъ возстаніяхъ и расправѣ съ боярами. Пошли и въ Малороссіи толки о томъ, чтобы подняться народу и обобратъ значныхъ старшинъ и орандарей, возбудившихъ противъ себя народную ненависть. Были и весьма злонамѣренные толки со стороны русскихъ людей. Путивльскій купецъ Бѣляевъ распускалъ слухи въ городѣ Конотопѣ, что подъ Путивлемъ останутся тайно царскія войска и будутъ рубить старшинъ козацкихъ. Толки эти своевременно однакоже дошли до гетмана Самойловича: онъ написалъ къ народу успокоительный универсалъ и сообщилъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи боярину Василью Васильевичу Голицыну. Между прочимъ онъ писалъ: «Досадны намъ зѣло неразумныхъ людей великороссійскихъ слова бездѣльные, что межъ народомъ нашимъ нерозмысленно вносятся расколь, толкуя вездѣ черни тотъ случай, который въ царствующемъ градѣ Москвѣ по допущенію Божию великимъ людемъ учинился, и поведеніе инако изворачивая подкидаютъ допущенія той же черни, чтобы и здѣсь надъ нами, надъ старшиною, отъ чего Боже сохрани, учинили вредительство; а дѣется то отъ путивльцевъ и отъ иныхъ горожанъ людей торговыхъ». По донесенію его изъ Москвы данъ былъ указъ боярину Петру Ивановичу Хованскому, начальствовавшему бѣлгородскимъ краемъ—подтвердить торговымъ людямъ, чтобы они подъ опасеніемъ смертной казни не смѣли разсѣвать въ народѣ пустыхъ рѣчей. Это было въ 1682 г.²⁾

Московскія стрѣлецкія и раскольническія движенія отзывались особенно между стрѣльцами Кіева, Переяслава, Чернигова и Батурина. Въ описяхъ столбцовъ кіевского повѣтыя за 190—200 гг., составленныхъ въ концѣ XVII в. подъячими малороссійскаго приказа, находятся прямыя указанія на это. Вотъ эти указанія.

«191 г. Отписка изъ Сѣвска Леонтія Неплюева и подъ отпискою гетманскій листъ о посылкѣ подъячаго Василія Баутина въ Кіевъ съ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ».

«Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подъячій Василій Баутинъ посылалъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль».

¹⁾ Записки Желябужскаго съ 1682 г. по 2-е іюля 1709 г. Спб. 1840. стр. 11.

²⁾ А. М. И. Д., св. 59. Письмо Самойловича въ рус. переводѣ, отъ 8-го августа. Универсалъ отъ 16 го іюня 1682 г., въ Акт. зап. Россіи, V, 168.

«Распросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подъячаго Василия били».

«Великихъ государей грамота въ Кіевѣ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подъячей Василій Баутинъ, изъ села Воздвиженскаго, о измѣнѣ князя Ивана и сына его Андрея Хованскаго, будучи онъ въ Кіевѣ тое грамоту объявилъ и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ разныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойные слова говорили и подъячаго били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, и за то генералу-порутчику, и полковникамъ, и ипжнихъ чиновъ начальнымъ людямъ, и рейтарамъ, и солдатамъ, и стрѣльцамъ указъ сказанъ, чтобъ они къ той штотости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы были челомъ великимъ государемъ, чтобъ въ той винѣ ихъ великіе государи простили, а воровъ и заводчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указа, а въ винахъ они прощены» (л. 46—47)¹).

Правительство приняло свои мѣры противъ мятежныхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ. Шакловитый, новый начальникъ стрѣльцовъ послѣ казни Хованскаго, пришелъ къ мысли перебрать всѣ стрѣлецкіе полки, удалить кремльничковъ и оставить въ Москвѣ только такихъ, на которыхъ можно было положиться. Стрѣльцы сомнительной вѣрности, «пьяницы, и зерщники, и всякому злему дѣлу пуціе заводчики и раскольники», исподоволь были переведены въ украинные города. вмѣстѣ съ рассылкой по городамъ эти мятежные стрѣльцы разносили по государству и адъ раскола и духъ мятежа²). Не мало ихъ потомъ и на всегда поселилось въ стародубскихъ раскольничьихъ слободахъ.

Еще вѣче было поступлено съ раскольниками и ихъ предводителемъ попомъ Никитой Пустосвятомъ. Всѣ «неистовые отцы» были перехватаны и выданы властямъ, а Никита Пустосвятъ заплатилъ даже жизнію: казненъ главы отсѣченіемъ. Другіе взяты были на патріаршій дворъ съ ихъ книгами и тетрадами, рассажены по рознь и подвергнуты увѣщаніямъ, отъ смерти же были избавлены

¹) Кіевскій столъ разряднаго приказа: ст. Н. Н. Оглоблина. Ср. Розыск. дѣло о Федорѣ Шакловитомъ. Изд. арх. ком. т. I. 467—468.

²) Докладная выписка 25 декабря 192 г. въ сказаніи Медвѣдева. Тоже и царскій указъ отъ 30 дек. 1683 г. съ боярскимъ приговоромъ объ удаленіи изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковъ въ Аятахъ арх. эксп. IV, № 280.

Хованскимъ, по настоянію котораго отданы были только архіереямъ подъ крѣпкія начала въ смиреніе: «зане не покаяшася отъ злобъ своихъ». Такимъ образомъ дѣятельность была совершенно парализована въ столицѣ; раскольники присмирѣли и не могли явно ходить по улицамъ царствующаго града, а нѣкоторые должны были даже оставить Москву, скрываться по другимъ мѣстамъ, градамъ и весямъ, тайно распространяя свои прелести¹⁾.

Успокоивъ волненія въ столицѣ, правительство принялось и за областныя проявленія смутъ, руководясь при этомъ преданіями московскаго государства. Прежде всего посланы были грамоты воеводамъ, чтобъ они поставили крѣпкіе караулы и заставы на перевогахъ «и въ иныхъ причинныхъ мѣстехъ», ловили и разспрашивали на крѣпко бѣжавшихъ съ Москвы стрѣльцовъ, про ихъ товарищей и поновощиковъ, а отписки присылали въ приказъ. «Сентября въ разныхъ числѣхъ бѣжали съ Москвы изъ разныхъ полковъ надворной пѣхоты многіе люди невѣдомо для чего; а для тайного проходу надѣвають на себя деревенскихъ мужиковъ кафтаны сермяжныя и иное такое жъ платье, чтобъ ихъ не узнали... Правительство заботилось, чтобы областные жители не вѣрили никакимъ распускаемымъ «прелестнымъ и смутнымъ» словамъ и письмамъ, а властямъ предоставлялось право «то лихое дѣло искоренять по своему разсмотрѣнію». 30 го ноября 1683 г. правительство издало указъ—не пропускать безъ проѣзжихъ грамотъ въ малороссійскіе города духовнаго и мірскаго чина людей по калужской и тульской дорогамъ²⁾.

Вскорѣ послѣ окончанія раскольничьяго бунта Никиты Пустосята, т. е. послѣ 5 го іюля 1682 года, былъ принятъ рядъ энергическихъ мѣръ церковною и гражданскою властями, находившимися тогда въ полной солидарности, и прямо противъ раскола, распространявшагося тогда уже далеко и по областямъ. Въ царскихъ указахъ по этому поводу воеводамъ и приказнымъ людямъ ставилось на видъ, чтобы они сыскивали церковныхъ мятежниковъ по городамъ, пригородамъ и уѣздамъ и приводили ихъ въ приказы духовныхъ дѣлъ для вразумленія, употребляя при этомъ, въ случаѣ протеста, и служилыхъ людей; кромѣ того повелѣвалось: тѣхъ изъ мятежниковъ, которые останутся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, пытатъ на-

¹⁾ Увѣтъ, л. 70. Зап. Медвѣдева, стр. 29—30. Зап. Крекшина, стр. 44. Собр. Госуд. гр. IV, № 152, стр. 461.

²⁾ Собр. госуд. грам. IV, № 160; Доп. къ Авт. ист. X, №№ 55 и 59; Авт. эксп. IV, № 279; П. С. З. II, №№ 1002 и 1053.

крѣпко, бить на козлѣ кнутами и даже казнить смертію—жечь; а тѣхъ, которые покаются, хотя и отпускать на свободу, но не иначе, какъ «съ поручными записями, чтобы имъ впредь расколу не чинить, и поручникомъ того за ними смотрѣть; а буде они явятся въ прежней мерзости, а поручники того смотрѣть за ними не стануть и въ томъ на нихъ извѣщать не будутъ, и за то имъ быть въ смертной казни, а поручникамъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякаго милосердія. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіереямъ повелѣвалось, чтобы они по всей Россіи старались разыскивать раскольниковъ и предавать ихъ суду. Епископы съ своей стороны разсылали грамоты, чтобы строго слѣдить и записывать, кто ходитъ къ Божіей церкви; отъ нихъ «велѣно приходскимъ попомъ присылать въ судный приказъ росписи за рукамп», это именно противникъ церковный, не бываетъ у исповѣди. А если священники имянныхъ списковъ давать не учнутъ, быть отлученными вѣчно отъ священства; а раскольникамъ быть «въ ссылѣ по монастырямъ и въ заточеніи подъ крѣпкимъ началомъ, доколѣ они отъ упрямства своего отстануть и принесутъ истинное покаяніе и раскольничать престануть¹⁾. Мѣры эти завершены статьями 1685-го года, по которымъ раскольниковъ, какъ враговъ церкви и государства, велѣно было розыскивать, ловить и жечь съ ихъ жилищами; даже раскаяніе и нежеланіе болѣе находиться въ рѣдахъ раскола не сопровождалось освобожденіемъ отъ наказанія: раскаявшіеся ссылались въ большіе монастыри и содержались тамъ въ великомъ береженіи, за крѣпкимъ карауломъ, подъ надзоромъ искусныхъ старцевъ, и выпускались только послѣ достаточнаго удостовѣренія въ томъ, что они оставили безповоротно раскольническую прелесть. Кто перекрещивалъ другихъ, хотя бы послѣ и раскаялся, подлежалъ смертной казни; подлежали смертной казни безъ всякаго милосердія и проповѣдывавшіе самосожженіе. Наказаніе постигало и тѣхъ, которые или перекрещивались по увлеченію и винились въ томъ безъ всякаго противности, или оказывались вообще виновными въ церковной противности, въ недавнемъ времени и при допросахъ показывали, что они то дѣлали по невѣдѣнію, или по какому либо принужденію: таковыхъ подвергали бѣшенію кнутомъ и отсылаѣ ко архіереямъ. Кнутъ, ссылка въ *дальніе города* грозила и тѣмъ, которые тайно держались раскольнической прелести; на мѣ-

¹⁾ Рукоп. солов. биб. № 20, стр. 329—330. Царская грамота отъ 14 ноября 1682 г. въ Исг. Акт. V, № 100.

ствахъ своего невольнаго водворенія они подвергались строгому надзору тамошнихъ воеводъ и приказныхъ людей, обязанныхъ доносить о всякихъ ихъ противностяхъ великимъ государямъ. Кнутъ и батоги грозили и намѣреннымъ покровителямъ раскола и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые какимъ бы то ни было образомъ содѣйствовали раскольникамъ и ихъ дѣлу. Принимавшіе на поруки противниковъ церкви и не дожившіе о неоставленіи ими упорства церкви подвергались денежной пени въ размѣрѣ 50 руб., а въ случаѣ несостоятельности — ссылкѣ; заявленіе о невѣденіи упорства не освобождало отъ наложенія наказанія на поручителей. Имѣніе раскольниковъ какъ казенныхъ и сосланныхъ, такъ равно и имѣніе ихъ поручителей, ссылаемыхъ по несостоятельности, отписывалось на государей и продавалось по оцѣнкѣ. Таковы по существу указанныя статьи 1685 года противъ раскольниковъ. Въстѣ съ тѣмъ, въ силу соборнаго опредѣленія 1681 года и царскихъ указовъ, въ свое время не приведенныхъ въ дѣйствіе, епархіальныя власти стали теперь требовать отъ воеводъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ выдачи раскольниковъ и приведенія ихъ въ духовныя приказы для расправы съ ними, подвергая ихъ или увѣщанію и монастырскому смиренію, по мѣрѣ вины, или предавали гражданскому суду. Такимъ образомъ какъ гражданская, такъ и церковная власть руководились въ своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ принципомъ смиренія раскольниковъ «прещеніемъ и наказаніемъ». При такихъ условіяхъ раскольникамъ оставался одинъ исходъ: бѣжать на окраины, гдѣ надзоръ за ними все таки былъ слабѣе, или за рубежъ, что раскольники и дѣлали: они появились на всѣхъ окраинахъ государства, даже въ Сибири, и за рубежами — польскимъ и шведскимъ, пробираясь даже въ Турцію. При страшныхъ преслѣдованіяхъ раскольники двинулись на окраины и за рубежъ цѣлыми толпами; оставшіеся въ Россіи сожигались цѣлыми сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ ¹⁾. Преслѣдованіе это доходило до страшныхъ размѣровъ, если вѣрить вполне раскольничьимъ показаніямъ. Въ одномъ раскольничьемъ рукописномъ синодикѣ между прочимъ отмѣчено: «Въ Пальѣ Островѣ скончавшихся 1687 г. марта 24, — инока Игнатія, инока Матвѣя... и иже съ ними 2700; на Березовѣ на Волгѣ скончавшихся въ 1687 г. августа 9 инока Германа, инока Ефрема, Оотинія, Евфимія и всѣхъ иже съ ними скончавшихся 1500». Рукоп. В. М. Ундольскаго, № 161, л. 41—44.

¹⁾ См. Ав. ист. № 93. 100—101, 117 и др.

Въ это время эмигрировали не только стрѣльцы и раскольники, но и боярскіе рабы и холопы, такъ какъ стрѣльцкіе бунты имѣли такое же направленіе и возбуждены были одной причиною, какъ и бунты въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Какъ тогда, такъ и теперь была провозглашена свобода боярскимъ людямъ. Это было опасное для государства движеніе, потому что крѣпостное право прямо вытекало изъ развитія силы московскаго государства, и, чтобы сломить его учрежденія, нужно было побороть и уничтожить эту силу. Вотъ почему правительство постаралось энергически прекратить попытки къ свободѣ боярскихъ людей и уничтожить слѣды возникшихъ стремленій (П. С. Зак. 11, № 992). Строгія мѣры правительства въ этомъ отношеніи заставили, конечно, многихъ холоповъ спасаться бѣгствомъ отъ навазанія, какъ видно изъ многихъ строгихъ постановленій относительно бѣглыхъ. Какъ велико было это эмиграціонное движеніе, можно судить по тому, что въ одномъ сѣвскомъ уѣздѣ съ 1682 года «предъ прежнимъ прибыло близко тысячи дворовъ» какъ свидѣтельствовалъ въ своихъ челобитныхъ въ 1690 г. бывший сѣвскій воевода, именовавшій себя и намѣстникомъ стародубскимъ, Леонтій Романовичъ Неплюевъ. Эти бѣглые холопы, какъ въ это время, такъ и въ послѣдующее, до самой отмены крѣпостнаго права, доставляли наибольшій контингентъ для усиленія и укрѣпленія раскола на русскихъ окраинахъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ 1682 г. масса замѣшанныхъ въ московскихъ смутахъ лицъ была сослана въ Малороссію. Въ 1683 г. тотъ же сѣвскій воевода Неплюевъ, по общему совѣту съ гетманомъ Самойловичемъ, въ бытность свою въ Москвѣ, представлялъ царевнѣ, чтобы сосланные въ Малороссію въ 1682 г. снова были возвращены и награждены, «потому что то разграбленіе и ссылки воспріяли безвинно, послѣ того изъ ссылки многіе къ Москвѣ взяты», какъ онъ высказывался въ своихъ челобитныхъ 1690 г. ¹⁾.

Естественно, стало быть, что московскія смуты временъ царевны Софьи Алексѣевны, какъ и послѣдующія конца XVII вѣка, дали значительный контингентъ новыхъ поселенцевъ для Малороссіи и повели къ образованію новыхъ раскольничьихъ слободъ. Такъ, въ 1687 г. поселена была слобода *Воронокъ* или по тогдашней малороссійской терминологіи *Воронецъ* на грунтахъ войсковыхъ товарищей Якова и сына

¹⁾ Розыск. дѣла о Федорѣ Шавловитомъ и его сообщникахъ. Изд. археогр. ком. Спб. 1875. т. I. 462, 470. т II. 539, 580—581, 585—588.

Федора Рубцовъ, осадчимъ которой былъ великороссіянинъ Игнатій Волкъ, какъ сказано въ румянцевской описи. Въ 1691 году поселена была другая слобода *Деменка*, при р. Деменкѣ, на земляхъ тростанскихъ, по разрѣшенію стародубскаго полковника Михаила Андреевича Миклашевскаго; осадчимъ ея былъ Тимошей Максимовъ. Въ самомъ концѣ XVII вѣка основаны еще двѣ слободы: одна на грунтахъ бунчуковаго товарища Ивана Лаврентьевича Борозды, при небольшой рѣчкѣ Туросиѣ, въ 50 в. отъ г. Стародуба, это столь извѣстные нынѣ въ промышленномъ отношеніи *Клиницы*; другая, на земляхъ гетмана Ивана Степановича Мазепы, въ черниговскомъ полку, въ лѣсистой мѣстности надъ рѣкою Дибромъ, — *Радуль*.

Въ самомъ началѣ XVIII в., въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и отрицательнаго отношенія къ старорусскимъ обычаямъ и преданіямъ, появилось, или, по выраженію того времени, «осѣло» до десятка такихъ раскольническихъ поселеній. Въ 1700 г., по румянцевской описи, осажена была слобода *Лужокъ*, нынѣшніе *Лужки*, при озерѣ Черемошкѣ, на брахловскихъ грунтахъ Игнатія Ильича Рубца (СХVII, вѣдом. войта Фотія Томилина). Въ первой четверти XVIII в. она называлась еще слободкой *Залужьемъ* (Обозр. рум. оп. Мал. IV, 675). Къ тому же времени относится заселеніе двухъ слободъ *Зыбкой* и *Злышки*.

О заселеніи Зыбкой (теперешняго г. *Новозыбкова*) имѣются слѣдующія данныя. Въ 1701 году выданъ былъ полковникомъ Миклашевскимъ фундушевый листъ и высланы были «левнія особы для отведенья и ограниченья на тую слободу грунту, аби тоей слободѣ поселенія было безъ обиди людской и помежныхъ селець». 29 го іюня 1702 г., регентъ войсковой канцеляріи Василій Чуйкевичъ именемъ гетмана Мазепы подтвердилъ произведенное посланными полковникомъ и мѣстными «старинными людьми» ограниченіе назначенныхъ грунтовъ подъ поселеніе, съ тѣмъ, чтобы «Анастѣ Зѣнченкоу и потомъ его, подданіе его тожъ и помежныхъ селець жители въ опредѣленномъ грунтѣ слобожаномъ не важилъ перешкоди чинити и насилія, а зѣсобна тѣже и слобожани же би не шкодили дереву бортному въ грунтахъ тахъ Анасановихъ Зѣнченковихъ, яко и помежныхъ селець вступу не имѣли, перешкоди жадной и наименшой шкоди не чинили, подъ виною рублей двохъ сотъ на ясневелможного добродѣя положенного». Въмѣстѣ съ тѣмъ Чуйкевичъ обязывалъ слобожанъ, «подъ вышеписаную виною неотступкою, аби Зыбкой жители слободскіе столько дуброви, гдѣ ся Зѣнченку подобаетъ у его

грунтѣ, виробили, роспахали и вигновили, якъ широкостю поле отеханное Зѣнченково сягаеть, зъ которого засѣвъ теперешній озимій забрать Зѣнченку позволяемъ волно, безъ жадной отъ москалей перешкиди, до которого по знятію посѣву южъ Зѣнченко вѣчно неповиненъ будетъ и потомки его интересоваться и никто съ таможенныхъ помижныхъ селець жителей вступу въ тое мити неволенъ подь вшеписанной зарукой» ¹⁾).

Эта новая слобода, по тогдашнему административному раздѣленію, была поселена въ сотнѣ топальской, «на урочищи Зыбкой, между тростянскими и иными сельцами помежными, надъ рѣчкою Корною, у вершинѣ, на дубровѣ», около стариннаго села *Людковщины*. Она была осажена «къ помочи мѣской» и для поселенія ея были посланы «старинные люди изъ сосѣднихъ селъ».

Есть основаніе относить начало поселенія слободы Зыбкой, какъ и Лужковъ, къ болѣе раннему времени, чѣмъ 1700—1701-й годы. Если вѣрить показаніямъ обывателей—старожиловъ слободы Зыбкой, даннымъ румянцевскимъ ревизорамъ въ 1767-мъ году, относительно времени поселенія ихъ дѣдовъ и отцовъ, то начало поселенія этой слободы нужно относить къ 90-мъ или даже 80-мъ годамъ XVII в. Такъ, братья Гридины показывали, что дѣдъ ихъ «природной» каширскаго уѣзда, крестьянинъ дворцовой жерковской волости, д. Авуловой, «пришоль въ слободу Зыбкую тому нынѣ 70 лѣтъ». Тоже говорили дѣти Тимоѣя Каріова, Евсей и Самсонъ Карповы, равно Никифоръ Ларіоновъ Карповъ, хорошо помня, что первыхъ дѣдъ, а второго отецъ вышли изъ деревни Спѣсивцовой, рыльскаго уѣзда, будучи крестьянами помѣщика Аванасія Григорьева Спѣсивцева. Братья Уколовы (4) показывали, что дѣдъ ихъ, будучи посацкимъ человѣкомъ г. Одоева, пришелъ тому назадъ 71 годъ; дѣти Якова Молчанова (3) въ свою очередь показывали, что отецъ ихъ, будучи уроженцемъ ярославскаго уѣзда с. Сеславки, Спасскаго монастыря крестьяниномъ, пришелъ 72 года тому назадъ; къ тому же времени относили поселеніе своего дѣда братья Костерины, Ѳедоръ и Степанъ, по отцу Ларіоновы, занимавшіеся во время румянцевской описи въ слободѣ «обученіемъ грамотѣ дѣтей и отъ того пропитаніе имѣвшіе» а Трифонъ Васильевъ Стариковъ—своего отца. Дѣдъ первыхъ былъ дворцовымъ крестьяниномъ костромскаго уѣзда, даниловской волости д. Салова, донинѣ

¹⁾ Листъ полковничій 1701 г. напечатанъ въ Истор.-стат. опис. черн. еп. кв. II. Стр. 199—200. Подтвердительный листъ войсковой канцеляріи регента Чуйкевича въ Обзор. рум. ол. Малор. IV, 681—682.

существующей, а отецъ послѣднаго — дворцовымъ крестьяниномъ Верхней слободки г. Брянска. Гаврило Карповъ, 65 лѣтъ, сынъ перваго слободскаго бурмистра извѣстнаго Еремы Карпова, находившагося въ перепискѣ съ кievскими губернаторами князьями—Д. М. Голицынымъ и Ив. Юрьевичемъ Трубецкимъ, и самъ бурмистръ въ концѣ 30-хъ, 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XVIII в. послѣ отца, показалъ, что отецъ его вышелъ въ слободу Зыбкую 79 лѣтъ назадъ и былъ крестьяниномъ упомянутаго помѣщика Спѣсивцева. А Корнѣй Перфильевъ Карповъ, 70 лѣтъ, показалъ, что отецъ его былъ тоже крестьяниномъ Спѣсивцева и вышелъ тому назадъ 81 годъ¹⁾.

Указанія эти отчасти подтверждаются и другими данными. Въ числѣ рукописей московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ, въ собраніи В. М. Ундольскаго, есть весьма замѣчательная рукопись подъ № 436: святцы и пасхалія, на 280 л., въ 8-ку, писанная скорописью XVII в. Самая пасхалія писана въ 1623 году; но въ концѣ ея есть нѣсколько позднѣйшихъ замѣчаній путеводнаго характера, слѣдланнхъ раскольниками относительно поволжскихъ и стародубскихъ ихъ поселеній, собственно о томъ, какъ до нихъ добраться. Эти замѣчанія писаны или въ самомъ концѣ XVII в. или въ самомъ началѣ XVIII в. В. М. Ундольскій по почерку относитъ ихъ къ XVII в. Изъ поволжскихъ раскольничьихъ поселеній упоминаются здѣсь извѣстные раскольничьи тамошніе починки—Березовъ и Ларіоновъ, а изъ стародубскихъ только слобода Зыбкая. Именно тамъ сказано: «Прицаметовать: ѣхать по дорогѣ отъ Городца до Москвы, а отъ Москвы до Калуги, ко Ивану Стефанову Кадмину, отъ Калуги до Брянска, а отъ Брянска въ Черкасской городокъ, на Почопъ, а отъ Почена во Стародубъ, а въ Стародубѣ вопрошать Цыгановыхъ Ивана, и онъ бы возвѣстилъ о Василии Петровѣ Костеринныхъ и о деревни ихъ, Зыпковѣ». Въ Компутахъ 1723 г. въ числѣ обывателей слободы Зыбкой мы встрѣчаемъ только Ивана Петрова Костерина и сына его Ларіона; Василия Петрова уже очевидно не было въ то время въ живыхъ, если не считать его въ числѣ «обылей» подъ именемъ Василя Петрова, но безъ обозначенія фамиліи²⁾.

Относительно болѣе ранняго поселенія слободы Лужковъ говорятъ нѣкоторыя показанія лужковскихъ обывателей данными румян-

¹⁾ Румянцев. опись, CXVI, вѣдом. войта слоб. Зыбкой. лл. 4—6, 34—35, 48, 62, 64, 67—68, 71—72. Ср. также лл. 86 об., 90, 94 об., 97 об., 140, 147 об. и др.

²⁾ Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго М. 1870. № 436, ст. 325. Компутъ старод. полка 1723 г., л. 583.

цевскимъ ревизорамъ. Такъ, вдова Пелагея Дмитриева, 60 л. показала, что мужъ ея пришелъ въ Лужки тому назадъ 71 годъ. Андрей Леонтьевъ, 31 года, показалъ, что дѣдъ его, по происхожденію дворцовой крестьянинъ костромскаго уѣзда, с. Данилова, сошелъ отсюда 79 лѣтъ назадъ, а отецъ его въ слободѣ Лужкахъ и родился. Еще болѣе отодвигаетъ назадъ начало поселенія Лужковъ показаніе 84 лѣтнаго старца Дмитрія Ефремова Потемкина, показавшаго, что отецъ его, посацкій города Бѣлева, сошелъ тому назадъ въ Лужки 81 годъ ¹⁾.

Злынка была поселена въ денисовскихъ и лысовскихъ грунтахъ, по общему съ обѣихъ сторонъ злынковцевъ съ денисовцами и лысовцами согласію, и въ 1702 г. называлась еще «новозачавшейся слободкой».

Съ 1703 г. началось заселеніе раскольниками слободы *Тимошкина Перевоза*, по листу отъ 3-го іюня полковника Миклашевскаго, дозволившаго осадчому Тимофею Максиму, бывшему осадчому деменковскому, имѣть хуторъ на р. Ипути и содержать паромъ, съ тѣмъ, что поселенцы будутъ жить три года безплатно. Тимошкинъ Перевозъ поселенъ на тростанскихъ земляхъ, и какъ Зыбка, «ку помочи мѣсту», подъ условіемъ заселенія отведенныхъ урочищъ «заграничными людьми» ²⁾.

Въ 1704 году Тимошкинъ Перевозъ съ слободами Зыбкою, Деменкою и Злынкою отданы универсаломъ гетмана Мазепы во владѣніе полковнику Миклашевскому. См. экстрактъ, учиненный въ кiev. губ. канц., по дѣлу о спорныхъ земляхъ между раскольниками сл. Деменки и Тимошкина Перевоза 1776 г., въ связкахъ кiev. центр. архива.

Шведское нашествіе на Украину не остановило ни дальнѣйшаго притока сюда великорусскаго населенія, ни образованія новыхъ слободъ. Въ 1708 г., по разрѣшенію полковника Скоропадскаго, на чолховскихъ грунтахъ, «въ помощь волости чолховской», осажена слобода *Климова*, названная такъ по имени осадчаго «зъ заграници зашлого Клима Ермолаевича» которому поставлялось условіемъ при заселеніи слободы «осажовати людей... не тутешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ», съ предоставленіемъ «воли» на семь лѣтъ. На

¹⁾ Румянц. оп. Вѣдомость войта Томила, дд. 4, 5, 16, 18—19 и 23 и др.

²⁾ Ист.-стат. опис. черн. еп. кн. VII, 199.—Отдѣлочная книга чолховской волости: Лазаревскій, II, стр. 451. Въ войтовской вѣд. 1767 г. сказано, что Злынка осажена въ ранговомъ грунтѣ полковниковъ стародубскихъ. CXVI. Ср. обзор. рум. оп. IV, 708. Ист.-ст. оп. черн. еп. I, 126. Ср. Зап. о жизни протоіер. Верховскаго. Спб. 1877 г. стр. 927. Лазаревскій, II, 453.

первыхъ порахъ она называлась и *Песочанской* слободкой по р. Песочной. Въ слѣдующемъ году образовалось еще двѣ слободы: *Чуровичи* и *Городище*.

Раскольничья слобода Чуровичи, правильнѣе, согласно болѣе древнему прозванію того Хвоевскаго или Фоевскаго урочища, на которомъ поселились раскольники, *Щуровичи*, заселилась раскольниками, вышедшими изъ Польши. Сотникъ стародубскій Иванъ Марковичъ Чернолузскій, на земляхъ котораго они первоначально поселились, писалъ 11-го апрѣля 1709 г.: «Вамъ войтови хвоевскому зъ мужиками чиню видно симъ моимъ писаніемъ ижъ любо поселилися були слобожане по першомъ моемъ благоволенію и позволенію нижей Хвоевичъ на бору при млинку нашомъ. Однакъ теперъ донесъ мнѣ панъ Потапъ Гуляницкій, осадчій ихъ, же оніе слобожане на него роищуть и не хотять на бору ведля млинка жити, але хотять расходитись въ прежніе свои жилища за границу; що онъ жъ панъ Потапъ Гуляницкій просилъ мене всиловне, же имъ позволить осистн на Чуровичахъ, а именно на логу прозиваемомъ Довгомъ, а же би не распускати ихъ инову за границу. Теди уважившися, же вы въ тотъ куть дубровы не здолѣете пахать, а и у отчнѣ Куршеновцѣ васъ кривдять, то позволяя имъ на вышепомянутомъ логу сѣсти и дуброву раздѣрять и пахать по самыя рубежи и границу куршановскую и по границу и рубежи чолховскіе, а отъ вашего боку и чуровского поля по Старинскій логъ; а далей отъ Старинского логу не мають и на пядь за логъ удиратися—деклярую. А пожнѣ тіе жъ бабинскіе на Истровци имъ попускаю, а больше нигдѣ невинни встручатися, развѣ гдѣ въ ограниченю на своей дубровѣ и нпзинѣ кто скочетъ собѣ росчистити и косити; а до Ваги и Цати (рѣчки) въ сѣнокосахъ жадного и найменшого не будутъ мѣти вступу. Тимъ васъ уиевнюю, що абисте моей воли и сему указу не були спречними..., того жадаю и зичу всѣмъ вамъ отъ Господа добраго здоровья. Стародубъ, року, дня и мѣсяца вышенисанного. Иоаннъ Чернолузскій сотникъ полковій Стародубовскій». Универсаломъ отъ 23-го іюня 1709 г. гетманъ Скоропадскій дозволилъ сотнику Чернолузскому «слободу въ грунтахъ хвоевскихъ, на урочищи прозиваемомъ Щуровичи, по мѣри грунтовъ, биле би то то було безъ кривди сусѣдскихъ грунтовъ, осадити». Замѣтимъ встати, что самъ Чернолузскій только въ 1707 г. выпросилъ себѣ село Фоевичи у гетмана Мазепы, какъ свидѣтельствоеть универсалъ послѣдняго отъ 9-го января того года ¹⁾).

¹⁾ Обзор. Рум. оп. IV, 687, Ист.-ст. оп. черн. еп. VII, 237—238.

Слобода *Городище*, при р. Деменѣ, поселена была на земляхъ стародубскаго полковника Лукьяна Жоравки; осадчимъ ея былъ Борись Поляковъ, вышедшій сначала въ Польшу изъ козельскаго уѣзда, крестьянинъ Иосифо-Волоколамскаго монастыря, какъ и позднѣйшіе поселенцы здѣсь Бѣлокопытовы. Въ 1767 г. эта слобода называлась уже хуторомъ и была причислена къ слободѣ Деменкѣ ¹⁾).

Въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. на территоріи стародубскаго полка осажено еще три слободы. Это, во первыхъ, слобода *Ардонъ Чернецкая*, иногда въ актахъ — *Ордонъ, Ерденка*, по рѣчкѣ Ерденеѣ, поселенная въ 1711 г. на земляхъ Кіево-Печерской лавры, съ разрѣшенія архимандрита Аванасія Миславскаго. Осадчимъ ея былъ Никифоръ Пантелеймоновъ сынъ Шаровъ «съ товариствомъ раскольническихъ слободъ жителями стародубскаго полку», пришедшій изъ княжества литовскаго. Поселенцамъ дано было льготы на 8 лѣтъ, съ условіемъ, «по докончанію тѣхъ восьми лѣтъ, поклону дать до обители святопечерской, денегъ золотихъ сто доброй монеты, пудъ меду и лисицу» ²⁾).

Въ 1712 г., въ свободномъ государевомъ лѣсу Ходятинѣ, какъ сказано въ румянцевской описи (т. LXXXII), осажена слобода *Млынка*, иногда называемая въ актахъ *Гляжой*, при рѣчкѣ Млынкѣ, Лукою Ивановымъ Куколевымъ отъ имени значковаго товарища Андрея Яковлева, у котораго потомъ скоро была отобрана однимъ изъ прикащиковъ князя А. Д. Меншикова. Наконецъ, въ 1714 году поселена послѣдняя раскольничья слобода въ Стародубѣ — *Свяцкая*, на земляхъ Кіево-Печерской лавры, при рѣчкѣ Очесѣ, съ разрѣшенія упомянутаго архимандрита Миславскаго. Осадчимъ этой слободы былъ нѣкто «Іоакимъ Ивановичъ съ товариствомъ своимъ..., бывшими жителями мѣстечка Халчи, держави великаго князства литовскаго», вышедшими оттуда «ради великихъ своихъ кривдъ и бѣдъ незносныхъ», съ правомъ «слободы» на 6 лѣтъ и обычными поклонными деньгами, пудомъ меда и лисицей ³⁾).

Кромѣ того, въ 1706 г. поселена была одна слобода въ черниговскомъ полку, на земляхъ черниговскаго Троице-Ильинскаго монастыря, *Добрянка* при рр. Добрянкѣ и Немилнѣ. Въ осадномъ листѣ

¹⁾ Въ Computахъ 1723 г. *Городище* называется слободою, какъ и въ другихъ документахъ того времени. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. рос. имп. т. IV, стр. 167.

²⁾ Лазаревскій: II, 457—461.

³⁾ *Ibidem.* II, 461—463. Ис.-ст. опис. черн. еп. кв. 1, 127.

на заселеніе этой слободы точно и опредѣленно изложены условія поселенія, почему мы и приведемъ его цѣликомъ. Здѣсь мы именно читаемъ: «Варлаамъ Васильевичъ, православный архимандритъ Святотроицкій Ильинскій черниговскій. Позволивше мы заведенной быти слободѣ на грунтѣ монастыря нашего..., за Горностаевкою, селомъ нашимъ монастырскимъ, пану Онисиму Феодоровичу и зъ его товарищи, людемъ великороссійскимъ, которому изъ нихъ всякому застаючому осѣсти господареву пляцу ку мешканью на сорокъ сажень заняти позволяемъ, и на томъ занятомъ себѣ пляцу, чотори годи свободно, безо всякого датку жити и для своего пожитку, якъ поля розробляти ку паханью, такъ тежъ и сѣножати заимовати, не возвращаемъ. По чотырехъ засѣ годахъ, всякъ тамъ застаючій господарь отъ своего пляцу, на якомъ маеть зоставати, долженъ будетъ на всякъ годъ податку къ святой обители по три копы давати; а за тымъ даткомъ свободны уже отъ всякой панщины мають быти. Року 1706, апрѣля 1»¹⁾).

Дальнѣйшій ростъ раскольничьихъ поселеній въ стародубскихъ и черниговскихъ предѣлахъ былъ остановленъ резолюціей Петра I, на представленіи кіевскаго губернатора князя Дм. Мих. Голицына о томъ, что «въ стародубскомъ уѣздѣ поселены слободы великороссійскаго народа раскольники и комисарь пишетъ, что въ оныя слободы ѣхать опасенъ, дабы не разбѣжались за границу». Дѣло было такъ. Преслѣдуя издавна въ государственныхъ интересахъ побѣги «всякаго чина людей великороссійскаго народа», правительство при Петрѣ Великомъ обратило серьезное вниманіе и на Малороссію, издавна также наполнявшуюся разными великороссійскими выходцами, и, между прочимъ, встрѣтилось здѣсь съ фактомъ значительнаго поселенія раскольниковъ на земляхъ разныхъ малороссійскихъ владѣльцевъ. По поводу указа Петра Великаго на имя князя Голицына отъ 12-го марта 1714 г., повелѣвавшаго ловить чрезъ нарочныхъ комиссаровъ бѣглыхъ людей великороссійскаго народа, скрывавшихся по городамъ и селамъ гетманщины и слободской Украины, послѣдній, чрезъ полковника кіевскаго гарнизона Григорія Ергольскаго и другихъ назначенныхъ для того лицъ, собралъ подробныя свѣдѣнія о великороссійскихъ насельникахъ Малороссіи и о результатахъ разслѣдованія представилъ докладъ на усмотрѣніе государя. Оказалось, что въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ на земляхъ гетмана

¹⁾ Обзор. рум. оп. Мал. I, 73—74.

Скоропадскаго и другихъ владѣльцевъ, а равно на магистратскихъ и монастырскихъ земляхъ расселилось значительное количество великороссійскихъ людей, и въ томъ числѣ 16 раскольничьихъ слободъ, всего 377 дворовъ. Относительно раскольниковъ государь повелѣлъ 28-го февраля 1715 года не настаивать на возвращеніи ихъ на прежнее жителство, а лишь положить ихъ въ оладь. Въ слѣдующемъ 1716 г. князь Голицынъ сдѣлалъ распоряженіе, на основаніи именнаго царскаго указа, чтобы поселившимся въ Малой Россіи раскольникамъ никто обидъ не чинилъ и никакими дѣлами ихъ не вѣдалъ, и во владѣніи грунтовъ, которыми они владѣли, никто не интересовался, подъ опасеніемъ штрафа, а жить имъ раскольникамъ на тѣхъ грунтахъ, на которыхъ они жили, и землями, и всякими угодыми владѣть тѣмъ, которыми они владѣли, невозбранно. Такимъ образомъ стародубскіе и черниговскіе раскольники сдѣлались совершенно независимыми отъ власти малороссійскихъ владѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ и были причислены къ вѣдомству кіевской губернской канцеляріи ¹⁾. Владѣльцы, само собою понятно, недовольные этой правительственной мѣрой по устройству раскольниковъ, стали всячески притѣснять и вытѣснять этихъ невыгодныхъ теперь для нихъ великороссійскихъ поселенцевъ, которыхъ сначала такъ охотно принимали и «закликали» на перебой другъ передъ другомъ, давая имъ всевозможныя льготы, нерѣдко въ ущербъ мѣстнымъ посполитымъ. И имъ удалось, вопреки распоряженію князя Голицына, или подчинить себѣ, или вытѣснить раскольниковъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили смѣшанно съ малоруссами и бѣлоруссами, хотя и эти послѣдніе были въ большинствѣ включены въ опись полковника Ергольскаго ²⁾. Кіевская губернская канцелярія до конца своего существованія вѣдала только 16 раскольническихъ слободъ. Кіево-Печерской лаврѣ удалось даже въ 1741 г. отчасти возвратити и старыхъ «подданныхъ» и земли, занятыя раскольничьими слободами.

Несмотря однако на то, что съ 1715 года новыхъ раскольничьихъ слободъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ не заводилось, притокъ сюда раскольниковъ не сокращался, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливался вплоть до конца XVIII в. и даже до отмены крѣпостнаго права. Во время описи полковника Ергольскаго во всѣхъ 16 слободахъ было только 377 дворовъ, и всѣхъ рас-

¹⁾ П. С. З. №№ 2889 и 8365.

²⁾ Компюты по стародуб. полю 1723 г. лл. 431, 479, 681. Ср. Обзор. рум. оп. Мал. IV, 481—482, 516. Дневн. Н. Ханенка, стр. 119.

кольниковъ въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ числилось всего 3112 человекъ¹⁾. По переписи 1723 года въ одномъ стародубскомъ полку было уже 373 двора грунтовыхъ, 159 бобыльскихъ хатъ и 50 пустыхъ. По румянцевской описи 1767 года было 713 дворовъ, 767 бобыльскихъ хатъ и 565 пустыхъ дворовъ и хатъ; а въ 1781 г., когда передъ открытіемъ намѣстничества, по распоряженію графа П. А. Румянцева сдѣлано было статистическое описаніе Малороссіи, число раскольничьихъ дворовъ, бобыльскихъ и бездворныхъ хатъ въ 16 стародубскихъ слободахъ выразилось уже въ слѣдующихъ цифрахъ: 2101 дв., 3188 х. и 397 бездворныхъ хатъ или келей. Въ частности, въ отпискахъ волостной конторы въ кіевскую губернскую канцелярію за вторую половину 1759 г., «сколько въ которой слободѣ мужеска и женска пола душъ имѣется», приведены слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ населенія въ слободахъ за первую половину XVIII в. «По переписи полковника Ергольскаго муж. пола 2110, женск. 2005 (въ 14 слободахъ, бывшихъ въ вѣдѣніи конторы). А обоихъ половъ капитана Брянчанинова: муж. 862, жен. 782; майора Павлова: муж. 471, жен. 416. Итого прежнихъ переписей: муж. 3443, жен. 3203. Вышедшихъ изъ за границы: муж. 2455, жен. 1808. Перешедшихъ зъ слободъ кіевопечерской лавры: муж. 203, жен. 145. Вновь родившихся: муж. 112, жен. 79. Итого прибылыхъ: муж. 2770, жен. 2032; а обоихъ половъ 4802. Умершихъ: муж. 53, жен. 30; бѣжавшихъ: муж. 54, жен. 30; итого бѣжавшихъ и умершихъ 167. Всего прежде поселившихся обоихъ половъ 11,281» (Дѣла переселенческія въ связкахъ кіев. центр. архива).

Все нами вышесказанное, по вопросу о времени происхожденія стародубскихъ раскольничьихъ слободъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная попомъ Кузьмою въ Сѣверщину, по сказанію Ив. Алексѣева, не была первою раскольничьею колоніею на земляхъ стародубскаго полка. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства. Поселеніе этихъ послѣднихъ нужно относить къ концу шестидесятыхъ или къ началу семидесятыхъ годовъ XVII в.,

¹⁾ П. С. З. Т. VII. № 4553. Всѣ эти 3112 человекъ, кромѣ 1519 р. общихъ государственныхъ повинностей, за принадлежность къ расколу особыхъ денегъ не платили. Срав. Оп. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. правит. син. т. IV, № 33/289, стр. 131.

а колонію московскихъ раскольниковъ съ попомъ Кузьмою во главѣ— къ концу семидесятыхъ годовъ.

2) На первыхъ же порахъ поселенія раскольниковъ въ стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей—свѣтской и духовной, и послѣдняя, въ лицѣ знаменитаго мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соответственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней.

3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, были направлены сюда стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою Вольскимъ (1678—1680 г.) и поселены здѣсь при посредствѣ курковскаго куреннаго атамана или волостнаго сотника Ломаки. Весьма вѣроятно, что и Понуровка, какъ раскольниковъ слобода, первоначально входила въ составъ магистратскихъ селъ, какъ и Курковичи до 1730 г., пока не завладѣлъ ею полковникъ—гетманичъ С. И. Самойловичъ, при которомъ раскольники были удалены отсюда, какъ и изъ другихъ мѣстъ, населенныхъ ими, по сказанію Ив. Алексѣева.

4) Удаленіе раскольниковъ изъ Понуровки и другихъ заселенныхъ ими мѣстъ въ стародубскомъ полку находилось въ связи съ стрѣleckими и раскольниковыми движеніями въ Москвѣ при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, такъ какъ эти движенія находили откликъ и въ колоніи московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, наприм. на Дону, и среди стрѣльцовъ, находившихся въ малороссійскихъ городахъ, и грозили безпорядками въ самой Малороссіи, тогда еще далеко не успокоенной.

5) Удаленіе это не было однако общимъ, а частнымъ, такъ какъ оно, повидимому, коснулось только тѣхъ раскольниковъ, которые жили на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, находившихся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи высшей полковой власти вмѣстѣ съ жившими на нихъ поселенцами. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы раскольники были удалены съ земель частныхъ владѣльцевъ.

6) Поселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ на первыхъ порахъ было немногочисленно и стало усиливаться со времени стрѣleckихъ и раскольниковыхъ движеній, при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и послѣдующихъ конца XVII в., а особенно въ эпоху преобразовательной дѣятельности Петра Великаго.

7) Не прекратилось переселеніе раскольниковъ въ Стародубьѣ и послѣ 1715 г., когда нельзя уже было больше заводить новыхъ

слободъ ни на полковыхъ и магистратскихъ земляхъ, ни на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, а, напротивъ того, все болѣе и болѣе усиливалось, какъ съ очевидностію доказываютъ статистическія данныя четырехъ переписей Малороссіи и другія данныя XVIII в.: 1718, 1723, 1767 и 1781 гг. Фактъ этотъ, въ свою очередь, можетъ до извѣстной степени объяснить намъ и развитіе торговой и промышленной дѣятельности у стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ и образованіе ими новыхъ раскольничьихъ поселеній въ предѣлахъ южной и западной Россіи, Новороссіи и Бессарабіи, и даже за предѣлами Россіи — въ Австріи и Турціи.

М. Лилеевъ.

РЕКРУТЧИНА ВЪ МАЛУРУССКОЙ ПѢСНѢ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ причинъ, которыя вызывали констатированное на основаніи пѣсенъ отношеніе къ рекрутчинѣ со стороны крестьянской молодежи.

Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, ближайшей и непосредственной причиной является фактъ разлуки рекрута съ семьей—съ ненькой, съ сестрами, братьями и съ „мыленькою“.

Мы не будемъ касаться тѣхъ рекрутскихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражена вся горечь разлуки для сблизившихся молодыхъ людей; эти пѣсни по своему характеру мало отличаются отъ пѣсенъ, носящихъ названіе пѣсенъ „про коханья“. Въ нихъ высказывается полная безнадежность на то, чтобы когда нибудь удалось дѣвушкамъ связать свою судьбу съ судьбой „козаченька“, взятаго въ рекруты — „зъ жовнирського закоханья ничего не буде“ (*Чуб. V. 986, 989. Голов. I. 146. № 20*).

Дѣвушки жалуются на то, что цвѣтъ украинской молодежи ушелъ отъ нихъ, благодаря рекрутчинѣ:

Та що було liebe, мые,	Пишли наши женихы въ вѣйсько;
Шопляло зъ водою;	Сестро Фебло, сестро Фебло,
А що було гыде, брыдке,	Пишли наши женихы въ пекло:
Говорыть зо мною (<i>Куч. 564</i>).	Остались свинопасы,
Сестро Присько, сестро Присько,	Отто будутъ женихы наши.

(Зал. вѣдь Азгеріаномъ).

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ № 8, августъ.

Много горя несеть за собой разлука парубка съ семьей:

Плачуть мамы за сынамы

А молоди дивчатонька

Молодцы за мужамы,

За кавальерамы (*Купч.* 564, 575).

Но больше всёхъ „завдае соби жалю“, убивается мать; „не за единымъ некрутыкомъ матинка вливаетъ“, не за однимъ „маты ридна плаче“, „плаче рыдае“, „съ плачу ажъ валяется“; она же „ненька-старенька“ „журиться“, она, эта любвеобильная „мату-сенька“, „гука на сына“: „верныся назадъ!“

Съ своей стороны, рекрутъ больше всего жалѣеть о матери:

Не жаль мени дориженькы, що закурылася,

А жаль мени моеи ненькы, що зажурилася

(*Чуб.* V. 968. *Голов.* I. 137 № 10 № 3. У *Pauli* II. 50 № 8 мать замѣлена— „дивчыновкой“; см. также *Pauli* II. 50, 51).

Рѣже „доповняють слизьмы моря“ „отець—маты“.

Сестерь также печалить фактъ разлуки:

Дви ридны сестры учулы, заплакали (*Купч.* 565. *Де-Вол.* 98)

Или сестрыця одна

И та ходыть, журыться, (говорятся въ другой пѣснѣ. *Чуб.* V. 977).

Вотъ картина общей печали:

Плаче батько, плаче маты, шей сестрыця ридненькаа,

А братыкы соколонькы кони запрягають,

Та въ далеку дориженьку выпровожають,

Дрибненькымы слизонькымы дорижку поливають (*Чуб.* V. 992).

„Некрутъ“ съ своей стороны „журиться“:

Бидна-жь моя головонька, шей чужая сторона,

Ни батька, ни матуси, ни ридненькой сеструси,

Нема кому встаты, на ученни пробуждаты (*Чуб.* V. 983).

Бывали, повидимому, случаи, когда семьянинъ долженъ былъ бросать семью, дѣтей и идти „у неволю“. Человѣкъ сознавалъ, что въ лицѣ его семья теряетъ единственнаго защитника, правда, безправнаго, крѣпостнаго, но готоваго, тѣмъ не менѣе, рѣшиться на все, если бы пришлось отстоять поруганную честь дочери; записанный въ солдаты, онъ сознавалъ, что дѣти его остаются въ полной зависимости отъ пана, что они остались пану на „поталу“:

Ой взяли козака въ солдаты,

Остаюця на вѣкы сыртыкы;

За нимъ плаче та старая маты;

Остаюця панамъ на поталу,

Не плачь, маты, бо ты вже старая,

А я пиду служыты государю;

Нехай плаче жинка молодая.

Остаються панамъ на поругу,

Ой у жыкы та дрибныи диткы,

А я пиду у вичнюю службу.

Браты будутъ на худоби жыты,
А я буду цареви служыты;

Браты будутъ дитками вѣшатысь,
А я буду слезами вымыватысь
(Чуб. V, 990).

Изъ рекрутскихъ пѣсень явствуетъ, что украинецъ сознавалъ себя членомъ общества, громады, и какъ таковой, имѣлъ вѣкторыя нравственныя обязанности въ отношеніи этой громады, чувствовалъ нравственную связь съ ней; эту связь рекрутъ долженъ былъ разорвать; онъ считалъ необходимымъ „зачекаты“ и попросить прощенія за все, въ чемъ онъ провинился передъ обществомъ; не сдѣлай онъ этого, его мучила бы совѣсть:

Прихавъ пидь корпомку,
Низенько склонывся:
„Прощай, прощай, вся громада,
Може съ кымъ сварывся!

Сварывся, не сварывся,
И сварытысь не буду,
А вже жь бо я, вся громада,
Вже жь я тутъ не буду.

(Чуб. V. 994. *Голов.* III. 99 № 17) или

Та помандрувавъ зъ села козакъ молоденькый,
Якъ мандрувавъ, шапочку знявъ, низенько вклонывся:
Прощайте, сусидонькы, може зъ кымъ сварывся;
Та хочъ сварывся, не сварывся, абы попростывся,
Ой якъ выйшовъ на бытый шляхъ, тай слизеньками вымыся.
Ой поливайте суху доризеньку, щобъ не курылася,
Ой розважайте мою неньку, щобъ не журылася.
Не спомыняйте худымъ словомъ, щобъ не журывся,
А спомыняйте добрымъ словомъ, щобъ я веселывся (Чуб. V. 968) ¹⁾.

Уѣзжая, рекрутъ прощается и со всей обстановкой, къ которой онъ съ дѣтства привыкъ:

Бувайте здоровы,
Кедрови пороги,
Куда прокожались
Мои били ноги;

Кажуть все покидаты,
Кажуть присягаты,
За димъ, за родину
Кажуть забувати
(Чуб. V. 992. *Кучм.* 561—62).

Съ солдатчиной связывалось рѣзкое измѣненіе всего строя жизни хлѣбороба; трудъ земледѣльца замѣнялся муштрой, жизнь среди природы—жизнью казарменной; этотъ фактъ игралъ важную роль въ дѣлѣ отношенія молодежи къ рекрутчинѣ; въ пѣсняхъ рекрутъ и молодыхъ солдатъ часто проглядываетъ тяготѣніе къ земледѣльческому труду вмѣстѣ съ другими видами труда, сопровождающими первый:

¹⁾ У *Голов.* III. 98 № 17. вм. „сусидонькы“ и „громада“—„рядимъ братья“.

Уже жь некруть и проспався,
У барабаны винь убрався.
А лучше жь мени за товаромъ,
А нияж тепера зь барабаномъ;

А лучше жь мени за вивцями,
А нияж тепера зь муныцями;
А лучше жь мени ципомъ бухать,
А нияж тепера муштру слухать

(Зап. вь чигирин. у. кiev. г.).

или: Лучче бь мени воливь пасты,
Нияж тепера зь коня впасть!
Лучче бь мени погоньты,

Нияж зь панамы говорьты!
Лучче бь мени зь грабельками,
Нияж тепера зь шабельками.

(Максим. 160. № 22)

Овцы мой биленькйи,
Шовевои вонны.

Кто вась буде, овцы, пасты,
Коль я йду до войны? (Де-Вол. 107)

Ой загьну, моя маты, загьну,

Вже жь свои сьры бычкы на выкы покьну (Чуб. V. 974)

Горюеть рекруть. Вь буковинской пѣснѣ съ горькой иронией уподобляет молодой рекруть атрибуты новаго своего положенія орудіямъ и обстановкѣ, сопровождающимъ земледѣльческой трудъ:

Журлася маты мноу,
Шо не буду я кгазюу:
Ой мау я вь царя плужокъ—
Черезь плечи карабынокъ;
Ой мау я вь царя нывку

Вь чьстимъ поли моголку
Карабынцями выорана,
А кульками засіяна,
Билымъ тиломъ зволочена,
Кровцевь сполывана (Купч. 579)

Разставаясь съ привычной одушевленной и неодушевленной обстановкой, рекруть видѣль передь собой вь перспективѣ „чужьну“, „чужу сторону“; вь украинскихъ рекрутскихъ пѣсняхъ „чужьна“ именуется „московщиной“ (Чуб. V. 969, 982, 997. Максим. 143 № 12.); вь пѣсняхъ угорскихъ „чужиной“ является иногда Италия, „таліанскій край“ (Де-Вол. 106. Купч. 577).

Представленіе „чужьны“ обще какъ рекрутскимъ, такъ и чумацкимъ и козацкимъ пѣснямъ. Тамъ на „чужьни“ говоритъ парубокъ.—

Меня зьме головоьку дрибенькый дощкь,
А роще терновый хошькь,
А прыглядьт зелена лещина (Чуб. V. 1001).

Ой есть у поли а чорная хмара.

Зь тей хмары дрибный дощкь хвоще,

Ой винь же мни головку сподоще

(Чуб. V. 1002. Максим. 138 № 1; у Рудч. Чумацк. пѣсни, 227).

Непривѣтливъ чужой край:

На чужій стороны называтьмуть мене заволокою,
Скажуть мени ричку плысты шьрожу, гьлубоку;

А ни переплнсты, а ни втовуты,
Прыйдетесь молодому на чужини згннуты.

(Чуб. V. 1000, 1006. Рудч. Чумацк. п., 213).

Буковинцу не нравится Италія, ему „тяжко жыты“ тамъ (Кунц. 577); въ другой пѣснѣ, записанной въ чигиринск. уѣздѣ кievск. губ. „чужа сторона“ и пребываніе въ ней рисуются такъ:

Ой з-за горы чорна хмара встала,	За Дунаемъ гирко въ свити жыты,
То жь не хмара—молоди гусары,	А шей гирше шабелькамы быты.
Молодымы въ салдаты забралы,	За Дунаемъ гирше, якъ дрова рубаты:—
А забравши за Дунай заслалы.	Не знатыме ни отець, ни маты.

„Нема въ свити, якъ своя краина“, „свій край, якъ рай, а чужа краина, якъ домовына“ говоритъ украинская „приказка“.

Особенно боится парубокъ умереть „на чужини“; сама смерть въ далекомъ краю представляется ему иной—онъ не умереть, но загинетъ:

Государске плаття взявше, на вѣки загнну;
Ой загнну, моя маты, загнну,
Вже свою родыночку на вѣки покыну (Чуб. V. 974.).

Некому будетъ при этомъ и заплакать по загинувшей душѣ:

Въ чыстимъ поли, тамъ гайворонъ кряче,
Той за мною надъ гробомъ заплаче (Голов. I. 136 № 8, 138 № 12;
Ш. 86 № 1, 87 № 2, 89 № 4).

Становится понятнымъ, почему—

Закурылася быта доривенька на вси тракты йдучы,
Ой заплакали хлопци-новобранци у Московщину йдучы (Чуб. V. 969).

Причина тому, что проводы рекрута носили въ прежнее время чисто погребальный характеръ, лежитъ въ сознаниі, что ушедшій въ солдаты почти навсегда погибалъ, какъ членъ семьи; рекрутчина вела за собой „на вѣки разлуку“; во многихъ пѣсняхъ высказывается отсутствіе всякой надежды на возвращеніе. (Голов. I 137, 138 № 9, 10, 11; Макс. 138 № 1, Pauli II. 53):

Возьмы вдово, писку жменью,	Колы писокъ въ гору зйде,
Розсыпъ писокъ по Дунаю;	Тоди сынъ твій зъ вйска прйде.

(Pauli II, 54, 59).

Непомѣрно долгій срокъ службы, военныя дѣйствія, обусловливали такую безнадежность.

Но если иногда рекруту и удавалось возвратиться—то онъ возвращался измѣненный до неузнаваемости какъ физически, такъ и нравственно.

Въ пѣсняхъ часто изображается встрѣча матери съ сыномъ-солдатомъ, при чемъ мать положительно не узнаетъ сына (*Чуб. V. 970. Кунч. 576*); такъ сильно отразилась солдатчина на его физическомъ „я“, но еще чаще и съ большею силою вліяла она, въ дурную сторону на его нравственное „я“.

Человѣкъ попадалъ въ среду, которая имѣла тенденцію выработать изъ него совершенно другую личность; даже теперь, при сравнительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ, и то человѣкъ, побывавшій въ военной службѣ, сильно мѣняется: возвратившись въ деревню, „москаль“ смотритъ на своихъ односельчанъ свысока, какъ человѣкъ бывалый вкусившій плодъ городской цивилизаціи; міросозерцаніе его обогатилось достаточной дозой новыхъ элементовъ.

„Ухватившій московскои юшки“ (*Номисъ. Прыказки. 59. 2927*), какъ выражается народъ, стремится уже говорить по русски, а не „по хохлацки“; терминологія его мѣняется: прежде, бывало, онъ говорилъ — „люды засіялы“, а теперь — „мужики засѣяли“; жену свою называлъ бы Ганною, Ганнусею, а теперь — Анютою; пѣсни поетъ солдатскія и городскія — первыя въ воинственномъ духѣ, вторыя въ духѣ литературныхъ романсовъ, отличающіяся циничною развязностью ¹⁾. „Скоро взявъ сумку, тай за чортову думку“ (*Номисъ. 22. 974*) — такъ констатируетъ на-

¹⁾ Вотъ два образца такихъ пѣсень:

Ты, матушка наша, цариця,
Ты пазволь намъ днвекъ погулять,
По трахтирамъ тольки, по бульнарамъ,
Да шо по питейнымъ по домамъ;
Какъ мы служили, горюшка ни знаемъ,
Да день ученье провожаемъ;
Девъ ученье, ночь маневры,
Ну вѣтъ когда отдохнуть.
Ужъ мы съ туркомъ лыходѣмъ все
дружно живемъ,
Перейшли мы черезъ Дунай, призо-
пѣли питухы
Распроклали басурманы намъ покою
ни дали.

(Зап. въ м. Ровномъ. елисаветгр. у.).

или: По утру я рано встану,

(Зап. отъ „дивчатъ“ (!!) въ м. Ровномъ елисаветгрд. у. херс. губ.)

По утру часовъ у семъ.
Вдругъ хазяйка ка мнѣ входить,
Таки рѣчи лаварить:
„Пожалуйте, сударь деньги,
А зъ квартири прочь долой!“
— Будуть деньги разочтемся
Какъ ни будутъ, такъ найдемъ!
Закурю я наширосу
Какъ сишу въ питейный домъ.
Семъ катлетковъ, семъ (сѣбмъ)
капфектовъ,
Лучче кохвію палюсь.
За послѣдню найду въ погрибъ,
Тамъ я пьяной накатусь.
Друзья мои ныциенни.

Ни могу я зъ вами жыть!“ и т. д.

родъ внутреннее измѣненіе, совершающееся въ парубкѣ, подъ вліяніемъ солдатчины. Какъ въ литературѣ художественной изображался неоднократно, по почину Основьяненка, типъ москаля въ его отношеніи къ деревнѣ, семьѣ, такъ и въ народной поэзіи мы можемъ найти обильный матеріалъ, характеризующій этотъ типъ. „Москаль“ въ преставленіи народа—типъ отрицательный: „видъ москаля полы врижъ, та тикай“. „Москаль“ вмѣстѣ съ чортомъ „на льхо понадылысь“; вступать въ какія бы то ни было отношенія съ солдатомъ не стѣбитъ—онъ чловѣкъ хитрый, коварный и неблагодарный; въ случаѣ чего онъ не помилуетъ; слезы его не трогаютъ—„москаль на слезы не вдаря“; москаль любитъ красть, лгать, сквернословить; это чловѣкъ, у котораго „на грошь аммуниціи, а на десять амбиціи“; онъ капризенъ; самованіе москаля даетъ поводъ для скептическаго отношенія даже къ доброму чловѣку—„хочъ добрый чоловикъ, та москаль“. „Драгунська совисть“ вошла въ поговорку (*Номисъ*. 18—19. 800—853, 63, 3170). Таковъ взглядъ народа на солдата, какимъ онъ составилъ въ прошлое время. Москаль являлся чловѣкомъ чуждымъ деревнѣ, какъ и она чужда ему; въ этомъ то и лежитъ причина драматизма разлуки.

Изъ цитированныхъ до сихъ поръ рекрутскихъ пѣсень, видно, что солдатская служба и неволя были синонимами въ представленіи народа. Взятый въ рекруты уже не могъ располагать собой ни въ личной жизни, ни въ дѣлѣ военныхъ предприятий, гдѣ онъ рисковалъ своею жизнью. Сѣтованіе на то, что свою волю приходится подчинить чужой, высказано, между прочимъ, въ весьма распространенной рекрутской пѣснѣ, которую нужно отнести, по времени ея сложенія, къ моменту замѣны старшихъ устоевъ жизни украинскаго селянина новыми:

Надлетяли галки чорноперкы,	А вы, хлопци новобранци,
Намъ все поле укрыли;	Вернитесь до дому.
Ой вы хлопци, хлопци новобранци	Рады жъ мы въ гору лудбытыся,
Намъ жалю паробыли.	Но насъ туманъ не пускае.
Ой, вы, галкы чорноперкы,	Ради жъ мы ся вернуты
Тай лудбытыся у гору,	Насъ государь не пускае.

(*Чуб.* Г. 969. *Рилі* II. 47. *Голов.* I. 133, 134 № 3, 4; III, 99 № 18, III № 31).

А по другимъ пѣснямъ не пускають новобранцевъ „охвыцеры“ (*Чуб.* V. 977), „царьская маты“ (*Чуб.* V. 995) или „еднопальская дочь“ (*Чуб.* V. 999)

Щыбка—ры́ка въ мори гулае доволи,
Вдовынъ сынъ въ вѣйську, та нема ему воли (*Чуб. V. 1001, 1000 Куч. 567*),
такъ говорить пѣсня.

Перспектива военной жизни печальная; въ буковинской пѣснѣ поется такъ:

Ой вы паны, паны,	Та будемъ ихъ кровье
Та вы капитаны!	Птахи наповаты...
Де жь напихъ синивъ	Поведемо вашихъ синивъ
Теперь поведете?	Въ чужый край стояты!
Поведемо ихъ всихъ	Въ чужый край стояты
Й а въ чыстее поле.	Съ туркомъ вовзаты,
Загатымо нымы	А псы ти турецьки
Глыбокое море.	Будуть ихъ поидаты,
Та будемъ ихъ мясомъ	Нышыты, выгубляты,
Звирье годуваты,	Въ море загозаты (<i>Куч. 562—563</i>).

Въ украинской пѣснѣ—на вопросъ матери: „сыны мои соколаята, де васъ шукаты?“ они отвѣчаютъ:

Въ стѣну пры дольни, наша ридна маты;
Ой тамъ будутъ нашою кровью мори доповняты,
Ой тамъ будутъ нашимъ бильнымъ тиломъ орлы годуваты,
Ой тамъ будутъ нашими костями землю управляты (*Чуб. V. 1004*).
Тамъ я буду, моя маты,
Горемъ горюваты,
Своимъ тиломъ билесеньнымъ орливъ годуваты,
Чубомъ кучерявымъ стѣны устеляты,
Своею кровью червоною ричомъ доповняты (*Чуб. V. 991. Де-Вол. 107. Макс. 155 № 19. Pauli II, 48, № 5*).

„Москаль—казенна вещь“—говорится въ приказкѣ;

Государю веселытыся,	Государю на радочку
Тоби, сыку, все журытыся	А тоби сыну на досадочку (<i>Голов. 145 № 18</i>)

Всѣ эти жалобы на неприглядность солдатской жизни, на ея невзгоды относятся къ солдатчинѣ вообще; но въ нашемъ рукописномъ матеріалѣ, есть пѣсня, въ которой высказано недовольство, вызванное совершенно частными историческими причинами: въ пѣснѣ этой упоминается о тяжелыхъ работахъ, на которыя посылались новобранцы изъ Украины; можно догадываться, что она сложилась въ XVIII столѣтїи, въ вѣкъ работъ по прорытію каналовъ, въ пору заложенія Петербурга и проч.:

Ой зъ-за горы, братци, зъ-за крутой	По переду идуть городяны,
Чорнъ хмара выступае;	А по бовахъ та идуть копытаны,
Тожь не хмара, тожь, братци, команда—	Середь полку та бьють барабаны.
Сорокъ тысячъ, братци, язъ одна;	Воны бьють же, та бьють—выбывають.

Насъ недавно на службу забрали,	Оттуть же намъ, братца, помыраты,
Въ чужу сторону заразь погналы,	Не знатые ни отецъ, ни маты.
Заставылы насъ землю копаты,	Тилько знатые ясна шебелька
Кругомъ цара городъ обсыпаты;	Приниматые сыра земляека.

(Зап. отъ парня изъ Александровки, бахмутскаго уѣзда, екатери. губ.).

Въ виду сказаннаго понятны полныя отчаянiя слова слѣдующей пѣсни:

Иды жъ, мій сыночку, повлонься да найстаршимъ братямъ,
 Дадуть тоби, мій сыночку, государское шмаття.
 Вольвъ бы я билъ камень излупаты,
 Нижь маю государске шмаття вбраты.
 Ой я билъ камень излупаю, стану—выдочыну,
 Государске шмаття вберу—навикы загыну (Чуб. V. 976, 992, 993).

Таково общее представленiе новобранцевъ о предстоящемъ.

Будучи уже солдатомъ, „парубокъ“ сталкивался съ частными сторонами солдатской жизни, дѣлавшими её тяжелою и невыносимою. Большое вниманiе въ рекрутскихъ пѣсняхъ обращается на физическое наказанiе; собственно говоря, народъ, занесшiй въ свои мемуары—пѣсни свою скорбь и горе, вызванныя отсутствиемъ гуманности, возмущается не самымъ физическимъ наказанiемъ, которое въ его глазахъ есть явленiе вполне правомѣрное, согласное съ вѣковой юридической практикой народа, а злоупотребленiемъ въ примѣненiи его, возмущается отсутствиемъ нормъ, личнымъ произволомъ, несогласнымъ съ простымъ здравымъ смысломъ:

Вы, стари солдаты, що въ васъ били руки,
 Не бийте насъ, не лайте насъ—навчить насъ науки,
 Бо мы въ свого пана того не робылы,
 Но сялы тай оралы, за плугомъ ходылы (Чуб. V. 996. Купч. 567).

Неприглядной рисуется солдатская жизнь въ другой пѣснѣ:

Зайды, сынку, хоць на годынку	Мои браття все въ кумахъ,
Най тоби змыю головоньку!	А я, молодой, все на часахъ.
—Будуть насъ промываты,	Мои браття та все пье,
А що—раиня по сто палокъ даваты!	А зъ мене молодого кривава ричка иде.

(Чуб. V. 984).

Будуть быты, катуваты,
 Никому ся жалуваты (Чуб. V 998)

предвидить рекрутъ. Въ пѣснѣ, записанной подъ Аккерманомъ, жалуется молодой солдатъ на то, что—

По три раза на ученiе ведутъ.
 Начальныкы по сто палочекъ дають.

Провзволь и страданія такъ невыносимы, что молодой солдатъ въ отчаяніи, обращаясь къ матери, говорить:

Волила бы съ на, моя стара маты,   Нияъ я маю, такий молоденькый,
Малымъ поховаты,   По сто палокъ на день браты.
(Голов. Ш. 103. № 22).

Непріятность положенія усиливается еще тѣмъ, что солдатъ не участвуетъ сознательно во всѣхъ этихъ „муштрахъ“ и ученіяхъ; онъ все это считаетъ ничего не стоящимъ дѣломъ:

А въ салдатушкахъ худо жыты, тяжело,   По три денежки въ день жалованья иде,
А роботы ничего!   По сто палочокъ у спывушку кладе.
(Чуб. V. 1011)¹⁾.

Не только физическое наказаніе, а и брань оскорбляла чувство достоинства украинца; такъ, въ одной пѣснѣ высказана жалоба на то, что „командыры безъ прычынонькы бранять“ (Чуб. V. 977). Вообще солдатская жизнь „проклятая“, „распроклятая“, „гире злыднованія“ (Чуб. V. 1009, 1010) „Козаченько“, сдѣлавшійся солдатомъ, не можетъ не заплакать подъ давленіемъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій новой жизни:

Ой пойду я та на муштеръ   Ой прийду я на кватерю
Та помуштруюся.   Слезамы выиуся (Де-Вол. 109)²⁾

Въ другой пѣснѣ, записанной на Украинѣ (въ чигирин. у. кievск. губ.), горе „козаченька“ выливается почти въ тѣхъ же словахъ: ему, козаченьку, прійдется „журитыся“ и „слизонькамы вымыватыся“. Въ галицкихъ и буковинскихъ пѣсняхъ находимъ указаніе еще, на одно неудобство солдатской жизни, а именно— на недостатокъ пищи. Въ весьма распространенной въ Австріи пѣснѣ рекруты спрашиваютъ „цисарыка“:

Та на що насъ, цисарыку,   Въ магазінахъ хлиба нема,
Вербуешъ, вербуешъ?   Чымъ насъ нагодуешъ?

¹⁾ Еще о томъ же: Охъ у салдатахъ намъ прегорькое життє:

Ой ны сіють, ны орють,
Ой по три хунты въ сутки хлиба намъ дають,
Ой по сто палокъ намъ на плечушка кладуть (bis)
Охвыцеры намъ шей плакаты ны дають.

(Вар. запис. въ м. Ровномъ, елисаветград. у. херс. губ.).

²⁾ Варіантъ: Що три браты до церковци идуть,
А у мене дрибны слезы льють;
Що три браты изъ церковци идуть,
А у мене дрибни слезы льють.

(Зап. въ чигирин. у. кievск. губ.).

—Буду я васъ годувати,
Ячминковъ полововъ,
Та буду я васъ гонаты
Цысарсковъ дороговъ (*Кунч.* 566).

—Я васъ буду выправляты
На царя, на нѣмца,
Уже бы вамъ побродыты
Въ кирвидколявца (*Де-Вол.* 108¹).

въ другой пѣснѣ на вопросъ новобранцевъ отвѣчаютъ такъ:

Не бойтеса, хлопци,
Чысарского гладу,
Сѣють вамъ пшеницу
Коло Бѣлограду.

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ,
Война на немъ стоить;
Не одного хлопця
Головка заболить.

(*Голов.* I. 151 № 28. III, 131 № 65. *Де-Вол.* 107, *Лешко* 674).

Въ пѣсняхъ австрійскихъ малоруссовъ мы встрѣчаемъ сѣтованія на то, что тотъ рискъ и трудъ, которыхъ исполнена солдатская жизнь, не достаточно вознаграждается:

Гей въ цысара тяжка служба,
А мала заплаата,
Не одному жовнирови
Головочка стата.

Та не одинъ жовниръ плаче,
Та не одинъ туже,
Що винъ бидный цысареви
За дарма такъ служе (*Кунч.* 567, 575).

Или: Буду въ цысаря служыты, въ цысари дуфаты,

Таве ми дасть лудняччо, шо ме ся лескаты;

На видслужи ми вырядыть, отъ ягъ козу хрому,

Добре сдере, драгтаве дасть, тогда йды до дому. (*Голов.* III. 114 № 37).

Хлѣборобу и съ экономической точки зрѣнія солдатская жизнь кажется незавидной:

Що въ солдата за подоба—

За плечыма вся худоба:

И торбынка зъ сухарыма.

И муныца зъ патронама,

И манерка зъ водою

Салдата служыть зъ бидою (*Чуб.* V. 970²),

незавидна жизнь „жовнеря“—

Бо въ жовнеря нема хаты,

Нужда беда его маты (*Голов.* I. 149 № 24).

¹) У *Головацкаго* на тотъ же вопросъ предложенный рекрутами, „цысарь“ отвѣчаетъ:

Не бійтеса, парубочкы,
Вы богаты сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазыны:
Едынъ сына, едынъ сына,
А другій половы,

Третій вивса, третій вивса,
Четвертый соломы.
Буду я васъ годувати
Синонь, та полововъ,
А буду васъ высылаты
Цысарсковъ дороговъ.

(*Голов.* III. 112 № 35).

²) Варіантъ:

Дурна дивка, дурна глуповата,
Шо вповала на салдата;
А въ салдата все богатство

Шо сумечка съ сухарыма,
Манирочка изъ водою,
Жывы дѣвка все зъ бидою.

(*Гимковка.* Александр. у. херс. губ. зап. А. А. Иличевской).

„Нимецьке плаття“, „государске шмаття“, „карабинокъ“ и прочіе воинскіе атрибуты не только, повидимому, не прельщали украинскую молодежь, но наоборотъ, возбуждали въ ней отвращеніе, какъ вещественные знаки новыхъ отношеній (Чуб. V. 976, 992, 993; Голов. I. 136—137 № 9, 10 и III, 116 № 40).

О вліяніи рекрутчины на народную жизнь вообще говорить пѣсня, приведенная у Головацкаго; пѣсня эта ставитъ въ причинную связь съ рекрутчиной обѣдненіе „Польшы“ т. е. Галиціи:

Ой цсарю, цсароньку, въ тебе шалка срибна,
Кобьсь збихавъ, подивывся яка Польша бидна!
Ой чому же Польша бидна? Бо ляхы зидрали,
Шо смо малы по корови, й то жьды забрали;
Жьды взяли по корови, цсарь бере диты,

Не маемо, пане брате, що въ Польшы сидиты (Голов. II. 332, № 469. „Кіевская Старина“ 1887 г. III, стр. 437, вариантъ).

Указаніе на значеніе рекрутчины въ экономической жизни находимъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Вывязжали паны
За новыи млыны;
Дывувались воны,
Що чьи-жь то ланы

Позаростувани,
Не поскошувани?
Це-жь того вдозыченка,
Що въ походи журуться

У Купчанки приведена буковинская пѣсня, обрисовывающая общее значеніе рекрутчины для Буковины и „Лядчины“ т. е. Галиціи; пѣсня говоритъ, что въ Буковинѣ и Лядчинѣ стало „дуже тошно“ и „дуже гирко“, а все потому, что:

„Шо було не чувати,
Теперь то выдаты:

Веде батько свого сына
До рекрутивъ виддаты“ (Купч. 583).

Какъ велико было значеніе рекрутчины въ жизни украинскаго селянина, видно изъ исторической пѣсни о Мазепѣ и Паліѣ (Основа 1862 г. 8, 27). Въ этой пѣснѣ герой правобережной Украины, инициаторъ въ дѣлѣ возстановленія козачества на польской сторонѣ Днѣпра, — козачества не шляхетскаго, которое стремился насадить Мазепа, а демократическаго, Семень Палій, вызванный царемъ Петромъ изъ Сибири въ виду открывшейся съ измѣнной Мазепы невинности Палія, ставитъ царю въ условіе уничтожить рекрутчину, подушное и всякія другія подати; въ такомъ лишь случаѣ Палій соглашался „звояваты плута Мазепу“; такимъ образомъ свое самое задушевное желаніе народъ вложилъ въ уста своего героя:

Ой не хочу я, велькъ свить государь,
Велькой платы браты,
Тилько не подозволяйте изъ Украины
До вьку некрутивъ браты.

А ни некрутивъ, а ни подушного,
А ниякои платы,
То могу я плута Мазену
Заразы звоюваты.

Упомянемъ еще о бурлацкой пѣснѣ, приведенной въ „Основѣ“ за 1862 г. Май, стр. 99; въ ней говорится о томъ, что—

Мынула са та бурлаченькамъ
(Та) по-за Дономъ воля.
Було шумно по чуланахъ ¹⁾,
Теперь стало тихо;
Було добре та по-за Дономъ,
А теперь стало лихо.
Парувалы та бурлаченькы
Все воля рябы,
Малювалы бурлаченькы
Все воля ноны
Та наихалы реведоны ²⁾

Бурлакъ у службу браты;
. А що будемъ, мылее браття,
Думаты-гадаты?
Та куды-жь будемъ, та мылее
браття,
Будемо писаться?
Запшымось у панськое
Будемъ пашинь знаты.
Запшымось у казенное—
Будемъ податы даваты
Та й у службу будуть браты.

Какъ видимъ, бурлаки въ виду рекрутчины готовы прици-
саться къ помѣщику, т. е. закрѣпостить себя, чтобы избѣжать
ненавистой „службы“.

Изъ всей массы рекрутскихъ пѣсень, пѣкоторыя рѣзко вы-
дѣляются своимъ противорѣчьемъ общему содержанию рекрутской
поэзии. Солдатская жизнь представляется въ нихъ болѣе выгод-
ной и завидной, чѣмъ крестьянская. Въ одной—сынъ, на пред-
ложеніе матери спрятать его, говорить:

Не треба, моя мамцю, не треба ховаты,
Буду зъ Москвитыны червонци слаты.

(Чуб. V. 982. *Голов.* I. 135 № 6 — „изъ Туреччыны“).

Въ другой молодой солдатъ заявляетъ:

А въ нашего царя-государя да все добре служыты,
Есть що исти й пыты, хороше, хороше ходыты.

Та ничымъ ся журыты. (Чуб. V. 999. *Голов.* I. 148 № 23).

Вѣроятно, слова эти могли принадлежать какому нибудь
гультаю-бурлакѣ, бездомному свитальцу, которому не о чемъ жа-
лѣть и для котораго военная служба дѣйствительно могла ка-
заться заманчивѣе бездомной, холодной и голодной жизни на
волѣ; „за димъ, за родыну“ ему не приходилось „забуваты“;
это предположеніе подтверждается слѣдующей пѣсней:

¹⁾ Чуланы—„хливы такъ язь дома по-за Дономъ“.

²⁾ Реведоны или ревизоны—ревизоры.

Ой знати, знати рыбку-щыбку меже судавами,
 Ой знати, знати хозяйского сына меже бурлавами:
 Хозяйскій сынъ плаче и рыдае
 И за димъ думку мае,
 А бурлачевько пье, гуляе,

Въ сопилочку грае шо за димъ не думае (*Чуб.* V. 998. варіан. А, Б, Г, Д)

въ вариантѣ (Б) говорится:

Ой сыдять бурлаки, та кинецъ стола, та въ сопилку грають,
 А хозяйскій сынъ стовть коло порога, сердце зъ жалю умирае.

Наконецъ, бывали случаи, что военная служба представлялась болѣе сносной, нежели „панщина“:

Ой волю я, пане-брате, цысарю служыты,
 Нижъ я маю вражимъ ляхамъ панщину робыты (*Голов.* II. 296 № 274)

Просматривая рекрутскія пѣсни, приходится удивляться тому, что наряду съ указаніемъ на причины, возбуждающія антипатію къ военной службѣ, почти нѣтъ указаній на существованіе тѣхъ положительныхъ причинъ, которыя, наоборотъ, заставляли бы личность иначе относиться къ рекрутчинѣ; мы не находимъ въ пѣсняхъ сознанія необходимости каждому члену общества быть готовымъ къ защитѣ своей родины и отечества; это тѣмъ болѣе удивительно, если принять во вниманіе ту борьбу, которую народъ вель по собственному почину впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій со своими внѣшними и внутренними врагами. Это явленіе можно объяснить себѣ не иначе какъ тѣмъ положеніемъ, въ которое стало народное сознаніе и чувство, на родные интересы по отношенію къ новымъ началамъ и порядкамъ, которые вносились на Украинѣ, вслѣдъ за „возсоединеніемъ“, въ народную жизнь вообще и въ военную организацію въ частности, и непониманіемъ необходимости этихъ началъ и порядковъ. Изъ всей массы рекрутскихъ пѣсень лишь въ слѣдующихъ двухъ проскальзываетъ затерявшееся чувство долга. Обращаясь къ плачущей матери, рекрутъ говоритъ:

Ой стій, маты, тай не рыдай,	Вы, молоди, родылися,
Слизьмы моря не доповнай,	Государю судылися;
Слизьмы моря не доповнышъ,	Въ государя війська много,
Сына зъ війська не выкупышъ.	Хорошого, молодого (<i>Чуб.</i> V. 994).

Въ другой пѣснѣ „отець-маты“ говоритъ „своему дытяти“:

Сыну жъ мій, сыну, я жъ тебе родыла
 Соби на славу, царю на подставу. (*Чуб.* V. 1005).

И такъ на основаніи пѣсенъ малорусскаго народа, живущаго въ Австріи и Россіи, можетъ быть констатированъ фактъ отрицательнаго отношенія этого народа къ рекрутчинѣ конца прошлаго и первой половины настоящаго столѣтія, до времени проведенія въ жизнь великихъ внутреннихъ реформъ, основанныхъ на началахъ гуманности и справедливости. Это отрицательное отношеніе выражалось то въ формѣ пассивнаго протеста, бѣгствомъ отъ рекрутчины, то въ формѣ враждебныхъ пожеланій виновникамъ, въ глазахъ народа, его несчастья, то въ формѣ тихой печали и скорби въ виду непреодолимости обстоятельствъ.

Причины такого отношенія также усматриваются въ этомъ зеркалѣ души народной, въ народной поэзіи.

Приходилось разрывать органическую связь съ семьей, съ громадой; приходилось лишаться той привычной неодушевленной остановки, которая, подобно одушевленной средѣ, участвовала въ развитіи оригинальнаго внутренняго склада малоросса; приходилось переноситься въ новую сферу, находящуюся въ большомъ контрастѣ съ прежней; переходъ отъ прежней жизни къ новой былъ далеко не послѣдователенъ, и, стало быть, естественно предполагалъ страданіе субъекта; къ этому присоединились частныя условія набора и военной службы: произволь, царившій при отдачѣ въ рекруты, полная невозможность располагать собой, физическія наказанія, оскорбленія, голодовки и проч.

Въ пѣсняхъ мы замѣчаемъ отсутствіе пониманія малорусскимъ селяниномъ цѣлей, во имя которыхъ существовала солдатская служба, отсутствіе пониманія связи между народными интересами и тѣми причинами, ради которыхъ производился наборъ, отсутствіе всякихъ нравственныхъ побужденій къ несенію повинности; наоборотъ, въ пѣсняхъ констатируется фактъ противорѣчія между интересами рекрутъ и тѣхъ, кто принуждаетъ ихъ рисковать и жертвовать собой; австрійскіе малоруссы не могли видѣть смысла, не могли имѣть нравственнаго или матеріальнаго интереса въ войнахъ, напр. съ Франціей или Италіей, на которыя влекла ихъ Австрія; принимая это во вниманіе намъ станетъ понятно, почему народъ—творецъ такой военной общины какъ запорожская Сѣчь, авторъ великой эпопеи козацкой,

какъ бы трусливо избѣгалъ войны, плакалъ, считая неволею „касарню“, гдѣ онъ принималъ, такъ сказать, посвященіе въ военное званіе; во время козацкихъ и другихъ народныхъ движеній ясно сознавалась ихъ цѣль, существовали слѣдовательно нравственные мотивы борьбы съ внѣшними или внутренними врагами.

Отсутствіе права оставлять военную службу по своей волѣ—одно изъ правъ, которымъ располагалъ каждый членъ запорожскаго товарищества,—и непомерно долгій срокъ службы еще увеличивали тяжесть солдатчины.

Въ настоящее время многія изъ помянутыхъ причинъ исчезли, благодаря культурному прогрессу европейскихъ государствъ, и въ частности Россіи. Несеніе воинской повинности правильно нормировано, упразднены физическія наказанія, смягчены формы стихійно давившей дисциплины, уничтожавшей даже тотъ минимумъ сознанія солдатомъ своего человѣческаго достоинства, какой былъ возможенъ при крѣпостномъ строѣ; сокращенъ срокъ службы, благодаря чему стало возможнымъ возвращеніе человѣка, не только физическое, но и нравственное, на родину, въ село, въ трудъ; наконецъ,—что главное,—на мѣсто прежняго принципа сословныхъ привилегій при отбываніи воинской повинности, былъ внесенъ принципъ демократическій—въ формѣ всеобщей воинской повинности.

Всеобщая воинская повинность, въ связи съ широкимъ народнымъ образованіемъ, возведетъ рекрутчину изъ повинности въ долгъ гражданина.

М. Н. Васильевъ.

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.¹⁾

58.

„Водить тополю“.

Въ „Замѣчаніяхъ“ Сементовскаго о праздникахъ у малорос-сіянь, напечатанныхъ въ XI т. „Маяка“ 1843 г., говорится: „въ полтавской губерніи въ Духовъ день водятъ тополю. Дѣвушки, собравшись, выбираютъ изъ своей среды одну, которая должна представлять тополю. Она, поднявъ руки вверхъ, соединяетъ ихъ надъ головою; на руки ей навѣшиваютъ мониста, ленты, платки такъ, что голова вовсе невидна изъ подъ этихъ украшеній; грудь и станъ также завѣшиваются разноцвѣтными плахтами; чаще, чтобы избавить „тополю“ отъ необходимости постоянно держать руки поднятыми, прикрѣпляютъ у ея плечъ двѣ палочки и надъ ея головой связываютъ ихъ подъ острымъ угломъ. Убранъ такимъ образомъ „тополю“, дѣвушки водятъ ее по селу и по полю, причемъ домохозяйева ихъ угощаютъ, а „тополя“ при этомъ низко кланяется. При этомъ дѣвушки поютъ пѣсню „Стояла тополя та посередъ поля“ и пр. Пѣсня эта напечатана въ числѣ купальскихъ въ IV т. Рус. простонар. празд. Снегирева (стр. 47) съ помѣткой, что доставлена изъ Харькова профессоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ. въ 1 кн. „Очерковъ Россіи“ Пасека, съ небольшими измѣненіями у Чубинскаго III, 194, 205, 207, 210, 214. Повидимому, купальскій обрядъ въ данномъ случаѣ перешелъ на Духовъ день; но самыя пѣсни, относящіяся къ нему, удержались на своемъ мѣстѣ.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 8, Августъ.

Въ такомъ случаѣ „тополя“ служить олицетвореніемъ Купалы, что въ большинствѣ случаевъ выражается лишь куклой. Какъ бы то ни было украинская „тополя“ имѣетъ близкихъ родственницъ въ сербскихъ, болгарскихъ и греческихъ додолѣ, дюдюлѣ, пеперугѣ. Въ старой Сербіи „додола“ — разукрашенная цвѣтами дѣвушка, православная сербка, иногда цыганка. Она въ сопровожденіи подругъ ходитъ изъ дома въ домъ, причемъ на додолу льютъ воду, а дѣвушки поютъ при этомъ пѣсни съ пожеланіемъ дождя и урожая (*Ястребовъ*, 167). Болгарская дюдюль или пеперуга, дѣвушка 15 лѣтъ, украшенная цвѣтами, ходитъ по домамъ во время засухи, и на нее льютъ воду. Сопровождающіе ее юноши и дѣвушки поютъ: „отлетала пеперуга отъ орача на орача, отъ копача, на копача, да зароситъ ситна роса берикетна (плодоносная) и по поле и по море, да сѣ родитъ вино-жито“ (*Аванасъевъ*, II, 176). Можно указать еще на новогреческій обычай водить во время засухи ребенка лѣтъ восьми или десяти, голаго, убраннаго цвѣтами, который называется пирперуна. Хозяйки выливаютъ на него воду и дарятъ деньги (ib. 177). Въ румынской пѣснѣ: „Папалуга! взойди на небо, отвори ворота и пошли дождь, чтобы хорошо росли хлѣба (ib., 177)“. „По нашему мнѣнію, говоритъ Аванасъевъ, додола... изображаетъ богиню весны или что тоже богиню громовницу, шествующихъ надъ полями и нивами со свитою полногрудыхъ нимфъ“... (ib., 174). Мнѣніе это раздѣляетъ и О. Миллеръ (*Опытъ*, I, 52). Принимая во вниманіе, что додола и пеперуга встрѣчаются преимущественно у балканскихъ славянъ, подвергавшихся въ древности сильному вліянію грековъ и римлянъ, предварительно желательно навести справки въ повѣрьяхъ и ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ, къ чему приводятъ кое-какіе намеки въ пѣсняхъ и обрядахъ румынъ и новогрековъ, и лишь въ случаѣ полной безуспѣшности поисковъ въ этомъ направленіи, можно удовлетвориться широкимъ объясненіемъ вожденія додолы, даннымъ учеными мифологической школы. Объясненіе это можно принять въ томъ ограниченномъ смыслѣ, что „вожденіе тополя“ входило въ разрядъ весеннихъ праздниковъ, обычныхъ какъ въ славянскомъ мѣрѣ, такъ и среди романскихъ и германскихъ народовъ ¹⁾.

¹⁾ Подробное изложеніе швейцарскихъ весеннихъ праздниковъ съ сожженіемъ соломеннаго чучела зимы, съ примѣрной борьбой парней и дѣвицъ (штур-

59.

Игра въ короля

записана въ разныхъ мѣстахъ южной Руси Ходаковскимъ, Чубинскимъ, П. В. Ивановымъ и другими этнографами. Наибольше архаичная форма этой игры отмѣчена въ 30-хъ годахъ Ходаковскимъ подъ названіемъ Царица. Въ рукописномъ сборникѣ П. В. Иванова игра крестьянскихъ дѣтей купянскаго уѣзда на вариантѣ Ходаковского указываетъ лишь пѣсенка „царютина королекъ“; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, напр. вездѣ у Чубинскаго, является исключительно король. Игра въ царицы, по свидѣтельству Ходаковского, состояла въ слѣдующемъ: красивую замужнюю женщину усаживали лѣтомъ на холмѣ или камнѣ, зимою въ хатѣ. Ее окружалъ дворъ и дѣвицы невѣсты. Къ царицѣ подходили отъ парубковъ посольства просить невѣсты. Послы спрашивали при этомъ, умѣтъ ли дѣвушка хлѣбъ печь, прясть и т. п. Дѣвушка изъ скромности отвѣчала отрицательно; но царица приказывала ей исполнить работу; тогда она оказывалась хорошей работницей и выходила изъ ряда. Предварительно царица, однако, спрашивала парубка, умѣтъ ли онъ косить, орать, молотить, и женихъ долженъ былъ на дѣлѣ доказать свое умѣніе (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, 46). Въ другихъ вариантахъ игры дѣвушка-король выбираетъ себѣ невѣсту и уводитъ ее, причемъ вниманіе короля обращаютъ на „панчишки шовкови, черевички козлови“; „король иде—земля гуде“ (*Чубинскій*, III, 42—46). Въ игрѣ отражаются воспоминанія народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вмѣшивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хоровахъ, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія или сословія. Воспоминанія такого рода могли перейти въ дѣтскую игру, какъ многовѣковое преданіе, переходившее отъ старшаго поколѣнія къ младшему въ формѣ историческихъ сказаній, пѣсней, анекдотовъ. Съ теченіемъ времени исчезли даже и сказанія этого рода, но удержалось, такъ сказать, механическое воспроизведеніе ихъ въ игрѣ.

момъ ерѣпости любви) и т. п. играми и обрядами см. въ соч. *Rochholz, Tell und Gessler in Sage u. Geschichte*, 1877, 3—20. Прим. авт.

Игра въ кугиклы.

Въ селѣ Кошовѣ черниговской губерніи сохранилась любопытная игра дѣвушекъ въ кугиклы. Она начинается съ перваго сѣва гречихи, съ Кулинокъ, т. е. дня св. муч. Акилины, 13 іюня. Въ игрѣ этой участвуютъ только дѣвушки и жены молодухи, неимѣющія еще дѣтей. Общество ихъ дѣлится на три или четыре партіи. Въ первой партіи у каждой дѣвушки четыре дудочки изъ тростника, во второй—по три, въ третьей по двѣ и въ четвертой по одной. Партіи одна за другою идутъ тихимъ шагомъ по селу и играютъ на дудочкахъ, выводы не больше четырехъ отъ верха внизъ или три ноты къ низу и четвертую къ верху (*Архiep. Филаретъ, Ист.-ст. опис. черниг. еп., VII, 152*).

Врядъ ли можно сомнѣваться, что здѣсь въ формѣ игры повторяется то, что нѣкогда имѣло серьезное значеніе. Повидимому, мы имѣемъ въ кугиклахъ воспоминаніе о древней козацкой походной музыкѣ, а можетъ быть, даже о военной музыкѣ болѣе равняго времени, до монгольскаго нашествія. Въ древней Руси передъ выступленіемъ въ походъ трубили (*Соловьевъ, Ист. Рос., I, 221*). Въ Словѣ о полку Игоревѣ „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ“. Въ XVI ст. въ Московскомъ государствѣ за передовымъ полкомъ шель большой полкъ съ множествомъ трубачей и литаврщиковъ, которые били въ литавры и трубили въ трубы. По словамъ Корба, эта музыка скорѣе могла навести уныніе, чѣмъ возбудить воинственное одушевленіе (*Ключевскій, Моск. госуд. 89*). Подобнаго рода музыка была и у малороссійскихъ козаковъ; но такъ какъ въ нее входили свирѣли, то общій тонъ ея, вѣроятно, былъ еще болѣе заунывный. Въ думѣ про Ѳедора Безроднаго конца XVI или XVII ст. козаки, похоронивъ Ѳедора, „у суремки жадбно выхваляли“ (*Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣс. I, 249*).

Подобный архаичный характеръ, вредѣ кугиклы, имѣетъ музыка галицкихъ горскихъ пастуховъ, во время выгона стадъ на полонины. Впереди идетъ пастухъ-напередовецъ, въ черной мазанкѣ (въ маслѣ и сажѣ вываренной рубашкѣ), по бокамъ и сзади ледѣни, или парубки работники, въ сопровожденіи овчарскихъ собакъ, под-

гоняють скотъ. Ватагъ и старшій пастухъ заключаютъ шествіе съ навьюченными мѣдными котлами и деревянной посудой лошадыми. Сурмы засурмятъ, трубы затрубятъ, и весь таборъ пастуховъ, сопровождаемый игрой на сопѣлкахъ и веселыми пѣснями, идетъ тихимъ шагомъ по извилистымъ дорогамъ и горнымъ тропинкамъ на карпатскія возвышенности или полонины (*Головацкій*, Нар. пѣс., I, 698).

61.

Игра въ воротаря.

встрѣчается въ юго-западной Россіи (*Чубинскій*, III. 39, *Антоновичъ и Драгомановъ*, I. 39) и въ Галиціи (ib. 40; *Kolberg*, Rokucie I. 173). Играющіе дѣлятся на два хора, изъ которыхъ одинъ, представляется, сидитъ въ городѣ, а другой проситъ привратника воротаря пустить въ городъ. Этотъ второй хоръ несетъ дань, серебро и золото, или медь, или дитя. Въ подляскихъ вариантахъ пѣсни упоминается князь Романъ; гг. издатели „Историч. пѣс. малор. народа“ высказали мнѣніе, что пѣсни и игра въ Воротаря или Володаря относятся къ Роману Мстиславичу галицкому. Данники пѣсень—древніе обитатели Подлясіи ятвяги, въ землѣ которыхъ Романъ владѣлъ городами, входивъ въ которые должны были крѣпко оберегаться воротарями; часть ятвяговъ была у Романа въ подданствѣ и платила ему дань (*Антоновичъ и Драгомановъ*, I. 42). Н. И. Костомаровъ не видитъ основаній для такого приуроченія. „Пѣсня о воротарѣ, говоритъ онъ, безусловно глубокой древности, и крошечный ребенокъ.. въ ней, вѣроятно, обозначалъ символическое изображеніе наступающаго земледѣльческаго года“. А. А. Потебня думаетъ, что въ малорусской пѣснѣ могло сохраниться имя русскаго князя XII вѣка; но что для объясненія самой игры эта черта несущественна. Въ сходной сербской игрѣ говорится не о людяхъ князя Романа, а о войскѣ Стефана бана изъ Цареграда. Болѣе важными А. А. Потебня считаетъ тѣ черты малорусской игры, которыя допускаютъ мифологическое объясненіе. Заключая отъ другихъ весеннихъ игръ, можно ожидать, что и здѣсь мифологическія черты, буде онѣ есть, приурочены къ сватанью и браку, причемъ слово

„мидиное дитя“ могло обозначать не „крошечнаго ребенка“, а младшую дочь или просто дѣвушку, какъ малорусское слово дивча. Такъ какъ золотое яблочко, золотое яичко, золотой перстень есть образы солнца, то и дитя (дѣвица), которое ими играетъ, есть солнце. Справки, вызываемыя другими чертами разсматриваемой игры, каковы вѣнокъ, ворота, медь, дѣлаютъ возможнымъ предположеніе, что первоначальная сцена этой игры есть небо, что дѣйствіе, происходящее на ней, имѣетъ отношеніе къ восходу или закату солнца и вмѣстѣ съ тѣмъ къ браку (*Потебля*, Объяс. малор. нѣс. I, 55—127).

62.

К о с т р у б о н ь к о .

Игра Кострубонько извѣстна въ Галиціи (*Kolb*. I. 158), юго-западной Россіи (*Чубинскій* III, 77), въ б. слободской Украинѣ, именно, въ купянск. у. подъ названіемъ Кострома (*Ивановъ*, рукоп. сб.) и подъ тѣмъ же названіемъ въ разныхъ мѣстахъ Великороссіи (*Сахар.*, *Тереженко*, и др. сб.). Одна изъ играющихъ дѣвушекъ, стоящая въ кругѣ, спрашиваетъ, „чи не бачили вы мого Кострубонька“, и въ отвѣтъ ей говорятъ: „пишовъ у поле ораты“. Она показываетъ видъ, что плачетъ, а хороводъ поддерживаетъ ее пѣсней: „бидна моя головонько, нещасливая годыночко; щожъ бо я наробыла, що Коструба не злюбила; прійды, прійды Кострубочку, стану съ тобой до плюбочку“. Притворный плачь повторяется затѣмъ при словахъ, что Кострубъ пошелъ сѣять, лежитъ нездоровъ, а послѣ словъ, что его похоронили, дѣвушки принимаютъ веселый видъ, хлопаютъ въ ладоши, топчутъ ногами (*Чубинскій*, III. 77). Въ старобѣльскомъ уѣздѣ въ Кострому играютъ дѣти (*Ивановъ*). Въ Муромѣ Кострому торжественно хоронятъ въ первое воскресенье послѣ Троицына дня; въ пензенской и симбирской губерніяхъ въ Духовъ день дѣвки, выбравъ изъ своей среды одну, называютъ Костромой, наряжаютъ, несутъ къ рѣкѣ и здѣсь обливаютъ другъ друга водой (*Сахаровъ*, Рус. простон. празд. I, 183). Уже Аванасьевъ высказалъ мнѣніе о мнелогическомъ значеніи Коструба и въ объясненіи игры Кострубонько, между прочимъ, указалъ на сходный древне-

греческій весенній праздникъ Адониса, во время котораго носили изображеніе умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву или топили изображеніе Адониса въ водѣ (Поэт. возр. III, 762), и на старинный праздникъ Ярилы въ Малороссіи, когда бабы оплакивали соломенную куклу Ярилы, сдѣланную со всеѣми принадлежностями мужскаго пола (ib. 727). Все это различныя формы олицетворенія весенняго или лѣтняго солнца въ однихъ случаяхъ, или похороны ненавистной зимы въ другихъ вариантахъ игры.

63.

Кулачки

существуютъ изстари, и О. Э. Миллеръ усматриваетъ въ нихъ остатокъ религіозно-обрядовой борьбы, символически означавшей борьбу зимы съ лѣтомъ (Опытъ I, 44), что, однако, весьма сомнительно. Повидимому, это остатокъ того первобытнаго соціального порядка, когда близкимъ человѣкомъ считался только тотъ, кто жилъ подъ одной кровлей и ѣлъ изъ одной посуды, или ближайшій сосѣдъ, уличанинъ, односелець, и всеѣ посторонніе считались чужими людьми, относительно которыхъ позволительно воровство и убійство. Изъ того же узкаго понятія объ обществѣ идутъ презрительныя краевыя клички по пустычнымъ признакамъ или ничтожнымъ случаямъ, въ родѣ Кромь—воры, орловцы—головоломы, харьковцы—чемоданники (по вражѣ чемодана у какого то высокооставленнаго лица) и пр. т. п.

Въ отдаленную старину въ Россіи, кулачныя и палочныя бои происходили чаще всего зимою на льду. Охотники собирались партіями и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ они бросались одна на другую съ криками; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла (XIII в.), вошедшемъ въ Кормчую, какъ постоянный церковный законъ: участники кулачныхъ боевъ изгонялись изъ церквей, а убитые

въ кулачныхъ бояхъ считались проклятыми „и въ сей вѣкъ, и въ будущій“. „Аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія отъ нихъ не принимать, рекше просфурь и кутіи, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ“ (*Костомаровъ*, Очеркъ жизни великор. нар. 91). Иногда и гражданская власть высказывалась противъ кулачныхъ боевъ. Такъ, гетманъ Скоропадскій въ 1719 г. издалъ универсалъ противъ кулачныхъ боевъ и вечерницъ... „звыкли и на кулачные бои, говоритъ Скоропадскій о народѣ, черезъ которые многіе здорова, а иншіе лишаются и жизни, що все зъ образю (оскорбленіемъ) Божою дѣтся“ (*Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черн. еп. V. 205).

Въ Малороссіи кулачки происходили преимущественно на Рождество Христово между жителями разныхъ улицъ или городскихъ предмѣстій. Въ Переяславѣ кулачки происходили на рѣкѣ Альтѣ между Заильтицею и Спасчиной, лежащими на противоположныхъ берегахъ рѣки. Къ спасчанамъ присоединялись „козы“ (семинаристы), а заальтяне сплошь состояли изъ „чимбарей“ или кожевниковъ („*Кіев. Стар.*“ 1887, VI, 485). Въ Харьковѣ дрались хилдонгорцы съ основьянами или москалевцами.

Героическія времена кулачекъ миновали. Теперь кулачные бои встрѣчаются изрѣдка въ селахъ или на окраинахъ города. Во многихъ селахъ кобеляцкаго уѣзда съ перваго дня Рождества царубки и женатые мужчины раздѣляются на два лагеря; большею частію силы распредѣляются поровну или центръ села ведетъ бой съ хуторянами. Сельскіе старосты по возможности умѣряютъ страсти; но кулачники все же успѣваютъ завязать бой и къ вечеру „Крещенья“ доводятъ его до самыхъ бурныхъ сценъ, и многіе изъ участниковъ возвращаются домой съ подбитыми глазами, съ помятыми боками и разбитымъ носомъ. Есть въ нѣкоторыхъ деревняхъ особенные любители кулачнаго боя; они обыкновенно покупаютъ два—три ведра водки одной изъ сторонъ, и тогда бой идетъ съ особымъ азартомъ (Харьк. Губ. Вѣд. 1888, № 337).

Отъ взрослыхъ кулачки перешли къ дѣтямъ. Лѣтъ двадцать назадъ кулачки были въ Харьковѣ среди гимназистовъ весной или осенью въ Карповскомъ саду въ яру. Три харьковскія гимназіи различались тогда по форменнымъ картузамъ гимназистовъ, именно

по кантику, при общемъ красномъ околышкѣ. У гимназистовъ 1-ой гимназіи былъ красный кантикъ, и они назывались красильщиками; у гимназистовъ второй гимназіи, „щекатуровъ“, бѣлый кантикъ, а у гимназистовъ третьей гимназіи, „синяго мяса“, синій кантикъ. Послѣднихъ было мало, и они рѣдко являлись на кулачки; но „красильщики“ и „щекатуры“ усердно ратоборствовали въ теплые весенніе вечера, вдали отъ бдительнаго ока начальства. Въ настоящее время кулачки встрѣчаются лишь среди уличныхъ мальчишекъ.

Игра въ кулачки бытовала въ старину и у другихъ европейскихъ народовъ. Въ Англіи въ XV и XVI ст. любимымъ увеселеніемъ на праздникахъ была драка на палкахъ. Въ XVIII ст. въ Англіи еще обычны были кулачные бои (*Спенсеръ*, *Описат. социол.* 166, 179).

64.

П а ц и.

Пацы — малорусское названіе великорусской игры въ бабки; иначе она называется ладышки, сашки. Игра эта весьма распространена въ Великороссіи и довольно обычна среди дѣтей въ Малороссіи. Бабки бывають чаще всего костяныя, изъ копытныхъ костей рога-таго скота или поросятъ, иногда изъ свинца или изъ дерева. Играють двое и больше. Видовъ игры довольно много. Играють „по колу“, т. е. ставятъ по одной бабкѣ, „на конь“ по ровному числу паръ, „съ приставкою“ и пр. т. п. Игра въ кости встрѣчается у многихъ народовъ сѣверной и восточной Россіи (самоѣдовъ, мордвы и др.), грузинъ, армянъ, киргизъ. Игры въ бабки подробно описаны въ соч. *Покровскаго* „Дѣтскія игры“ с. 318—341. Здѣсь указано распространеніе игръ этого рода у разныхъ народовъ и преимущественно у народа русскаго, различныя формы и названія бабокъ и самой игры. О малороссійскихъ играхъ этого рода находится здѣсь сравнительно мало сообщеній; именно игра въ кости называется бабками (кубан. обл.); юръ — бабка спинкой вверхъ. Въ черниговской губ. играютъ въ бабки и зимою, на льду рѣки. Изъ малорусскихъ формъ игры здѣсь приведены „рачки“ (кубан. обл.), „пюцки“ (тамъ же),

ходокъ или задочка (т. же). Древность игры въ бабки отърывается изъ археологическихъ могильныхъ раскопокъ. Въ двухъ черниговскихъ курганахъ, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ въ 1872 и 1873 г. и считаемыхъ могилами славяно-русскихъ князей послѣдняго столѣтія язычества въ Россіи, найдены, между прочимъ, игральныя косточки, представляющія собою бабки, или естественныя бараньи косточки. Подобныя же косточки найдены были затѣмъ проф. Самоквасовымъ въ каневск. у. кievск. губ. въ одномъ курганѣ, относимомъ къ скифской эпохѣ, ко времени Рождества Христова (*Покровский*, 71). У римлянъ игра въ бабки *tali* (отъ *talus* — игральная бабка или игральная кость) была азартной игрой. Сначала *tali* были естественныя кости отъ суставовъ ногъ животныхъ; но потомъ ихъ изготовляли изъ разнаго матеріала, причемъ каждая кость имѣла четыре стороны, отмѣченныя цифрами: 1, 3, 4, 6. Въ игрѣ употребляли 4 *tali*. Играли въ *tali* взрослые (*Уэлькенсъ*, Др.-рим. жизнь, 93).

65.

Глиняныя свистульки

можно видѣть на сельскихъ ярмаркахъ, вмѣстѣ съ горшками, глечиками и другими гончарными издѣліями. Онѣ извѣстны какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Россіи. Приготавливаютъ ихъ въ видѣ животныхъ, барановъ, лошадей, кошекъ, собакъ, или въ видѣ солдатиковъ. Простѣйшій родъ свистулекъ такого рода есть подобіе птицы безъ ногъ, полой внутри. Въ хвостѣ этой птицы дѣлаютъ два отверстія, изъ коихъ одно, целевидное, находится въ самой серединѣ хвоста, а другое недалеко отъ него снизу. Для извлеченія звука изъ свистульки, хвостъ ея берутъ въ ротъ и дуютъ. Чтобы разнообразить звукъ, продѣлываютъ еще два отверстія въ спинкѣ игрушки, которыя во время свиста закрываютъ и открываютъ пальцами, по мѣрѣ надобности. Продаются эти свистульки дешево, въ вятской губ. три на копѣйку, въ тверской двѣ на три копѣйки, въ харьк. по копѣйкѣ за штуку и т. д. (*Покровский*, Дѣт. игры, 76). Уже простота свистулекъ говоритъ объ ихъ древности. При раскопкѣ

могилъ въ предѣлахъ б. сарайской орды вблизи г. Царева, могилъ XIV вѣка, найдены глиняныя свистульки въ видѣ птичекъ, какія въ ходу и у насъ теперь, сдѣланныя изъ хорошей глины очень чисто (ib. 70). Въ могилѣ Самтаврскаго кладбища подъ г. Миче-томъ (на Кавказѣ), насыпанной не позже IV вѣка христіанской эпохи, найдена, между прочимъ, терракотовая игрушка въ видѣ маленькаго голубя, въ пустой внутренности котораго помѣщенъ какой то предметъ, производящій звукъ при сотрясеніи игрушки (ib. 71).

66.

С о п и л к а

дѣлается изъ дерева, имѣющаго мягкую сердцевину, бузины, ивы, черемухи. Сердцевина эта вывертывается вонъ тоненькой палочкой или выжигается раскаленной проволокой. Одинъ конецъ дудки срѣзывается наискось, и близь отверстія отщепляется тоненькій язычекъ и затѣмъ по длинѣ дудки прорѣзывается отъ 4 до 8 отверстій. Иногда такія дудки дѣлають изъ камыша, ягела, коровки. Подобнаго рода сопилки встрѣчаются у осетинскихъ пастуховъ (*Кокіевъ*, въ Сборн. матер. Дашк. музея I, 87), грузинъ (*Покровскій*, Дѣт. игры, 81) и др. народовъ. Грузинскія тростниковыя дудки „ствири“ дѣлаются такъ же, какъ и въ Россіи. Грузинскія сопилки изъ бузины, подобныя украинскимъ, такъ называемыя саламури, пользуются большою любовью населенія. Ихъ украшаютъ рѣзбою, бережно хранятъ въ футлярѣ и часто по завѣщанію оставляютъ кому нибудь въ наслѣдство. Приставивъ къ губамъ саламури, дуютъ въ него умѣючи, не переводя дыханія, причемъ этотъ простой инструментъ, по словамъ народной пѣсни, издаетъ „голосъ сладкій, ублажающій, всѣ горести уничтожающій“ (*Покровскій*, 80). И среди малороссовъ встрѣчаются отличные музыканты на сопилкѣ, преимущественно изъ пастуховъ. Они умѣютъ извлекать изъ сопилки мягкіе и ласкающіе звуки. Въ древности сопилка имѣла болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ теперь, и различалось нѣсколько ихъ видовъ. Въ „Лексиконѣ“ Памвы Беринды 1627 г. слово свирѣль пояснено: „пищалка, музыка невеличкая, московская и тыжъ греческая, свѣтѣлка пастырская“.

Форма московской свирѣли неизвѣстна въ точности. „Греческая“ свирѣль состояла изъ семи сложѣнныхъ врядъ дудокъ, сдѣланныхъ наискось такъ, что послѣдній стволъ былъ вдвое менѣе перваго; на ней играли, пробѣгая губами отверстія дудокъ, издававшихъ различные тоны (*Михневичъ*, Очеркъ ист. музыки, 88). Сопилка, повидимому, входила въ древнее время въ число военныхъ музыкальныхъ инструментовъ на югѣ Россіи. Димитрій Самозванецъ ввелъ сиповку, небольшую флейточку въ родѣ сопилки, въ московское войско (ib. 87). Сопѣль встрѣчается въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ письменности въ значеніи греч. авлосъ, лат. tibia, сопѣць—авлетесъ tibicen, сопѣти въ значеніи дудѣть, въ спискѣ Амаргола XVI в. „долгими сопѣльми пѣти и сопѣти“ (*Востоковъ*, Словарь, 182) Дудки въ видѣ лошадокъ были находимы въ европейскихъ гробницахъ языческой эпохи (*Покровский*, 79). На глубокую древность сопилки указываетъ еще встрѣчающееся у многихъ европейскихъ народовъ сказаніе о томъ, что на могилѣ убитаго или убитой выросло дерево или камышь, изъ котораго дѣлають сопилку, и эта сопилка, помимо воли играющаго, вѣщаетъ шіру о преступленіи (см. *Кулиша*, Зап. о юж. Россіи II, 20—23; *Аотмасьева*, Народ. рус. сказки VI, 25; VIII, 314, *Grahmann*, *Abergl aus Böhmen*, 87).

По малорусскимъ народнымъ повѣрьямъ звукъ сопилки любятъ русалки. Галицкіе горцы говорятъ, что майки (русалки) иногда берутъ на свои игрища овчарей, чтобы имъ играли на сопилкѣ; такъ, одного овчаря нашли сидѣвшимъ на камнѣ, причѣмъ подъ ногами его камень былъ пробитъ по косточку отъ битья мѣры (*Срезневскій*, въ Маякѣ 1843, XI, Мат. 52).

Свирѣль—любимый инструментъ хорватскихъ и сербскихъ пастуховъ. Хорватскій чабанъ поетъ *imam od srebra sviralu, pa ja svirim za bielim ovcam, to se znade da sam ćobanine*“ (*Кунаѣ*, въ *Rad jugosl. akad.*, кн. XLI, 21). Въ хорватскихъ пѣсняхъ обычно выраженіе, что у пастуха за поясомъ золотая или серебряная свирѣль. Въ Болгаріи на свадьбахъ „свирби свирѣтъ“ (ib. 24). Большое сходство съ галицко-русскимъ рассказомъ о наклонности русалокъ слушать игру на сопилкѣ овчарей представляетъ хорватская сказка о томъ, какъ присташи воли къ одному пастуху, который „svirao u sviralu, prebirao je, prevrtao i priželjkonaо na svirali kao lastavica

на *proljeptom suncu*“ (игралъ такъ разнообразно и жалостно, какъ ласточка на весеннемъ солнцѣ), много лѣтъ пытались подчинить себѣ бѣднаго Станка и, какъ вѣдьмы, довели его до преждевременной кончины (*Кухаѣ*, 29).

67—69.

Бандура. Къ исторіи южнорусскихъ бандуристовъ. Къ вопросу о происхожденіи думы о смерти козака бандуриста.

Слово бандура встрѣчается, кромѣ малороссовъ, еще у болгаръ, чеховъ, поляковъ; извѣстно было грекамъ и римлянамъ (*Будил.* § 262, 20; *Miklos.*, Fremdw. 4). Слово кобза встрѣчается у разныхъ тюрко-татарскихъ народовъ, турокъ, венгровъ и др. (*Miklos.* 26). Повидимому, въ Украину первоначально зашла западная бандура, и затѣмъ она могла получить добавочное названіе кобзы, по сходству съ татарскимъ музыкальнымъ инструментомъ. Въ старинныхъ украинскихъ думахъ кобза играетъ большую роль, доказательство, что южнорусскіе пѣвцы издавна на ней уже „играли выгравали“ мелодіи родныхъ пѣсень. Устройство кобзы и ея музыкальное значеніе подробно объяснены въ статьѣ Н. В. Лисенка „Характеристика музык. особенностей малор. думъ и пѣсень, исполняемыхъ кобзаремъ Вересаемъ“, напеч. въ I т. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ.

Слово бандура, кромѣ значенія струннаго инструмента, имѣло иногда и другіе, напр., у хорватовъ пандурица=signalpfeife, свирѣль. Въ слав. переводѣ Малалы пандура переведено словомъ: свирѣць (*Весел.*, въ 32 т. Зап. А. Н. 161). Древніе греки звали бандуру, какъ восточный (ассирійскій) музыкальный струнный инструментъ; западные народы, начиная отъ испанцевъ (*bandurria*), италянцевъ (*mandola*), французовъ (*mandaire*) и до славянъ включительно, пользовались бандурой, какъ народнымъ, жонглерскимъ инструментомъ. Вѣроятно, еще греческіе мимы играли на бандурѣ; по крайней мѣрѣ, въ синаксарѣ на 3 февраля мимъ называется пандуромъ; у Малалы пандуры являются въ качествѣ музыкантовъ (*ib.* 161).

Въ любопытномъ изслѣдованіи Кугача о южнославянской музыкѣ, напечатанномъ въ *Rad jugosl. akad. znanosti i imjetnosti* 1877 г.,

приведено нѣсколько фактовъ изъ исторіи южныхъ славянъ, фактовъ, бросающихъ нѣкоторый свѣтъ на древнѣйшую исторію южнорусской бандуры, о чемъ въ южнорусской письменности и поэзіи нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Уже Миладиновъ въ сборникѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ указалъ, что болгарскіе цари имѣли цѣлое войско пандуровъ или, точнѣе, такъ называлась передняя колонна войска, вѣроятно, состоявшая изъ музыкантовъ. Какъ шведскіе скалды пользовались большимъ уваженіемъ при королевскомъ дворѣ, такъ, повидному, и пандуры играли видную роль при княжескомъ дворѣ; но такъ какъ пандуры участвовали во внутреннихъ волненіяхъ и заговорахъ, то князья потеряли къ нимъ довѣріе и стали считать ихъ вранольниками. Общественное положеніе пандуровъ понизилось, и многіе изъ нихъ обратились въ бездомныхъ скитальцевъ музыкантовъ и даже въ разбойниковъ. Въ половинѣ XVIII ст. баронъ Тренкъ собралъ въ Славоніи пандуровъ, они считались лучшими музыкантами въ войскѣ; причемъ музыка ихъ называлась *turska*, а потомъ *evgorska glasba*. Точно неизвѣстно, какіе инструменты давали эту музыку; но почти навѣрно можно сказать, что въ ихъ числѣ была и бандура. Любопытно, что Тренкъ, человекъ высокообразованный по своему времени (зналъ 7 языковъ), въ своей автобіографіи вездѣ пишетъ *banduri* вмѣсто *panduri*. Заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что бандуры Тренка отличались особымъ костюмомъ, длиннымъ краснымъ плащомъ, или кобенякомъ (*duga crvena sabanica*). И въ старославянскомъ языкѣ словомъ *паньдаоуръ* обозначалась *vestis quaedam*, напр., въ фразѣ: „по велицѣхъ мѣстехъ у коихъ се приносе многоцѣне велике чисте свите разлике, пардаури, хамуже хаздеи“ (*Книга*, въ Rad. Т. 39, с. 96—98).

Древніе украинскіе кобзари очень напоминаютъ южнославянскихъ пандуровъ. Это свободолюбивые воинственные музыканты, болшею частью изъ безсемейныхъ удалцовъ запорожцевъ. На встрѣчающихся изображеніяхъ запорожца, играющаго на бандурѣ, находится пояснительный стихъ: „струны мои золоты! заграйте мени стыха, ачей козакъ—нетяжище позабуде лыха“ (*Кулишъ*, Зап. о Ю. Р. I, 192). И тутъ запорожецъ отвѣчаетъ южнославянскому пандуру, также горемычному нетяжищѣ. Если сходныя историческія событія порождаютъ сходныя слѣдствія, то не менѣе вѣрно и дру-

гое положеніе, что возможность вліянiя обуславливается сходствомъ культурныхъ условій, и пандуры могли въ силу этого положенiя оказать вліаніе на южнорусское казачество, преимущественно запорожцевъ.

Заговоривъ о сходствѣ южнославянскихъ пандуровъ съ южно-русскими бандуристами, мы кстати укажемъ здѣсь еще на сходство превосходной думы о смѣрти козака—бандуриста съ одной герцеговинской пѣснью про больного Іову и тамбуру. Дума гласить:

1. Ой на татарскихъ поляхъ
2. На козацкихъ шляхахъ
3. Не вовки сироманци квілять—проквіляють,
4. Не орли чернокрыльцы клеочуть и пидъ небесами літають:
5. То сидить на могилѣ козакъ старесенькій,
6. Якъ голубонько сивесенькій,
7. У кобзу грае—выгравае, голосно співае...
8. Кинь біля его постріляный, порубаный,
9. Ратище поламоне, пихвы безъ шаблі булатной,
10. У ладивниці ни однисенького побою,
11. Тільки и засталась ему бандура подорожная
12. Та у глибокій кишени люлька—бурунька,
13. Та тютюну пивъ папушки...

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поетъ: „Гей вы, братцы, паны молодцы, козаки запорожцы! гдѣ вы обрѣтаетесь? какъ поживаете? Возвращаетесь ли вы къ матери Сѣчѣ, побиваете ли ляховъ, загоняете ли татаръ въ полонь? Когда бы помочь мнѣ Богъ расправитъ старыя ноги и поспѣтъ за вами, то можетъ быть я былъ бы въ силахъ заиграть и громко зацѣтъ вамъ при концѣ жизни. Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука христіанская.

31. Ато пропаде моя кобза ни за собаку
32. Лежатыме сама собі у степу, вывернувши угору с...у!
33. А вже мене старенькому безъ кобзы пропадаты,
34. Не зможу и по степахъ чвалаты,
35. Будуть мене вовки сироманци зустріваты,
36. Будуть дидомъ за обидомъ коня мого заидаты.
37. Кобзо жъ моя, дружино вирная,
38. Бандуро моя малеваная!
39. Дежъ мені тебе диты?
40. А чи у чистому степу спалыты?
41. И попялецъ по витру пустыты?

42. А чи на могилы положить?
 43. Нехай буйный витьеръ по степахъ пролітае,
 44. Струни твои зачинае,
 45. Смутнесенько, жалибнесенько грае—выгравае.
 46. То може подорожни козаки бигтнуть близенько,
 47. Почують, що ты граешъ жалибненько,
 48. Привернуть до могилы... (*Кулишъ*, Зап. о Ю. Р. I, 185).

Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и словахъ замѣтна искусственная редакціонная отдѣлка; такъ, стихи 8—13 возбуждаютъ нѣкоторое подозрѣніе въ поддѣлкѣ или расширеніи простаго основнаго мотива. Въ нѣсколькихъ строкахъ обрисовано все запорожское вооруженіе, что необычно коротко для народной пѣсни, притомъ въ другихъ думахъ не упоминаются ни ратище, ни пыхва, ни ладивница, а почти исключительно конь и сабля. Обращеніе козака—бандуриста къ запорожцамъ мѣстами также возбуждаетъ недовѣріе... Народнымъ духомъ и складомъ отличаются тѣ мѣста думы, гдѣ говорится о козѣ и старикѣ кобзарѣ.

Стихи 1—7, 46—48 встрѣчаются и въ другихъ думахъ (про бѣгство трехъ братьевъ, про Федора Безроднаго), какъ общее высокохудожественное мѣсто, украшающій *locus communis*. Выдѣливъ съ нѣкоторой вѣроятностью собственно народную или болѣе типичную часть думы о козакѣ бандуристѣ, приведемъ теперь герцеговинскую пѣсню про „*Bolan Iovo i tambura*“, какъ нѣкоторый комментарий къ украинской думѣ и, можетъ быть, ея источникъ, или одинъ изъ вариантовъ ея сербскаго оригинала.

Na polju se al—čador vijaše,
 Pod njim Iovo bolan bolovaše;
 Više njega tambura stajaše.
 Bolan Iovo iz trave govori:
 Tamburico, moja dangubico!
 Komeću te ostaviti pustu?
 Da bih tebe ostavio majci,
 U mene je ostarala majka;
 Da bih tebe ostavio seki,
 Seka će se udat za dragoga,
 Pa će drugi s tobom tamburati,
 Mojoj majci rane vrijedjati;
 Da bih tebe ljubi ostavio,
 Moja ljuba mlada i zelena,

Ona će se udat za drugoga,
 Pa će drugi s tobom tamburati,
 Mojoj majci jade zadavati.
 Nego ću je sa mnom ukopati;
 Kad ja trunem, nek i ona trune.

(*Кубац*, въ Rad. т. 39 с. 85).

(т. е. На полѣ развѣвается—стоитъ алый шатеръ; въ немъ лежитъ больной Іово; его бандура виситъ надъ нимъ, и больной Іово говоритъ: Бандура, мое время препровожденіе danguba —буквально: пагуба дня, т. е. трата времени въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ), кому тебя оставить? Оставилъ бы я тебя матери—она стара, сестрѣ—сестра выйдетъ замужъ, и мужъ ея игрой на тебѣ будетъ растревлять у моей матери рану сердца. возлюбленной—она молода, выйдетъ замужъ, и мужъ ея игрой на бандурѣ будетъ „завдавать жалю“ моей матери. Пусть же тебя закопаютъ со мною, и когда я буду гнить въ землѣ, то и бандура моя также).

Въ малорусской думѣ нѣтъ семейнаго начала сербской пѣсни. Козаку-ветягѣ, вѣроятно изъ бездомныхъ запорожцевъ, не въ лицу было вспоминать о сестрѣ или милой, но отношеніе къ бандурѣ козака и къ тамбурѣ Іова почти тождественно; для обоихъ бандура дружина вѣрная, и въ думѣ она исключаетъ даже мысль о возможности другой „дружины“; оба озабочены, кому оставить бандуру послѣ смерти, „де жѣ мини тебе диты?“ „kome cu te ostaviti pustu?“ Козакъ рѣшаетъ оставить бандуру на своей могилѣ, Іово хочетъ взять ее съ собой въ самую могилу.

Таковъ основной сюжетъ украинской думы и сербской пѣсни объ умирающемъ бандуристѣ; но обработка ихъ весьма различна, и если даже допустить, что украинцы заимствовали основной мотивъ думы отъ южныхъ славянъ, то при всемъ томъ дума отличается оригинальнымъ характеромъ, глубокой гуманностью и художественной прелестью. Уже одна та подробность, что Іово эгоистично беретъ тамбуру въ могилу, а козакъ оставляетъ ее на могилѣ, гдѣ стеной вѣтеръ безконечно долго будетъ разыгрывать на ней чудныя мелодіи, придаетъ украинской думѣ необыкновенную поэтическую силу.

Та черта, что козакъ и Іово задумываются надъ вопросомъ, кому достанется послѣ ихъ смерти бандура, не можетъ быть при-

нана исключительно поэтическимъ мотивомъ. Уже самое существованіе такого мотива въ пѣсняхъ служитъ косвеннымъ доказательствомъ существованія его въ бытовой жизни, какъ обыденнаго факта. У всѣхъ народовъ дорожатъ хорошимъ музыкальнымъ инструментомъ, особенно если хранится память о талантливомъ музыкантѣ, игравшемъ на немъ. Говоря о сопиляѣ, мы замѣтили уже, что грузины дорожатъ своимъ духовымъ инструментомъ саламури, украшаютъ его, хранятъ въ футлярѣ и передаютъ въ наслѣдство по завѣщанію. Повидимому, такъ же любовно относился въ старину малороссъ къ бандурѣ, сербъ къ тамбуру или гусямъ,—что видно уже изъ пѣсенныхъ выраженій: „кобза моя, дружина вѣрная, бандуро моя малеваная“, „пишанъ кафанъ“ (болг.), „srebna svirala, na njoj ima šesdeset limova polak zlatnich, polak srebrnijeh“ (серб.), „sedeffi tambura“ (хорват., перламутровая тамбура). Въ сербской пѣснѣ вила держитъ въ правой рукѣ тамбуру съ золотыми струнами, въ лѣвой гусли изъ шамшитоваго дерева, украшенныя дорогими камнями, и смычокъ съ серебряной пуговкой и позолоченнымъ волоскомъ“ (*gudalo s pucnjom posrebrenim pritegnuto s vlasim pozlascenim*, *Киваѣ*, 85). Въ этихъ выраженіяхъ скрывается указаніе на обычай украшать музыкальные инструменты золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, по крайней мѣрѣ, рѣзьбой или раскраской.

70.

Ц и м б а л ы.

Цимбалами называется протонародный фортеціано. Натягиваютъ на рамку металлическіе струны, по которымъ ударяютъ стальной палочкой или надѣтымъ на палецъ стальнымъ наперестекомъ. Игра на цимбалахъ сопровождается или пѣніемъ или какимъ либо духовымъ инструментомъ. Въ Малороссіи изстари большой извѣстностью пользуется „троиста музыка“, состоящая изъ скрипки, баса¹⁾ и цимбалъ (*Закревскій*, Стар. банд. 575) или изъ скрипки, бубна и цимбалъ (*Чубинскій*, VII, 450). Въ харьковской губ. записано

¹⁾ Басъ вродѣ большой скрипки, отъ италіан. слова basso; басокъ—струна.

выраженіе: „Ой заграйте цимбалы, щобъ нижечки дрижало“ (*Номисъ*, § 12518). Звукъ цимбалъ сильный и пріятный.

Уже греки и римляне употребляли цимбалы (у грековъ кимваль, у римлянъ cymbalium); но у нихъ инструментъ этотъ былъ не струнный, какъ у славянъ, а состоялъ изъ двухъ мѣдныхъ полукружій, которыми били одно о другое. На цимбалы у нихъ по устройству былъ похожъ псалтеріумъ; у ассирійцевъ и евреевъ подобный инструментъ назывался набель, у китайцевъ кинъ. Въ старославянскихъ памятникахъ часто упоминается кимваль. Затѣмъ слово цимбалы встрѣчается у чеховъ, поляковъ, словенцевъ, литовцевъ. (*Кухаі*, въ *Rad* т. 39, с. 106). Мало по маду цимбалы выходятъ изъ употребленія какъ въ Малороссіи, такъ и въ другихъ славянскихъ странахъ. Въ старину, еще недавнюю, всѣ южные славяне пользовались цимбалами; но теперь цимбалы работаютъ только въ Хорватіи и Воевнѣ. Въ Болгаріи, Сербіи, Далмаціи, Славоніи народъ уже забылъ про нихъ. Кугачъ думаетъ, что народъ въ этихъ мѣстахъ бросилъ цимбалы потому, что ими овладѣли цыгане, и славяне не захотѣли равняться съ этими номадами; но цимбалы заброшены и въ Малороссіи, гдѣ объясненіе это неприложимо, такъ какъ южнорусскіе цыгане не усвоили этого инструмента. Притомъ, какъ малороссіяне, такъ и другіе славяне относятся къ цыганамъ весьма благодушно.

71.

Г у с л и.

Слово гусли встрѣчается всѣхъ славянъ (*Будиловичъ*, Первоб. слав. § 202). Въ виду того, что слова этого нѣтъ ни въ санскритѣ, ни въ литовскомъ, что оно имѣетъ вполне славянскій характеръ, Кугачъ полагаетъ, что гусли изобрѣтены славянами, по отдѣленіи ихъ отъ другихъ индоевропейскихъ народовъ, но до раздѣленія на вѣтви, приблизительно въ IV вѣкѣ (*Rad*, т. 38, с. 44). Греческій писатель Теофилактъ говоритъ, что въ 592 году были взяты греческими воинами три славянина съ гуслими (*хидара*, откуда гитара, цитра). Пресвитеръ болгарскій Козьма въ концѣ IX вѣка въ сочиненіи о богомилской ереси жаловался: „каки су то христіани, кои зъ гуслими,

и плесканіемъ, и пѣснями бѣсовскими вино пють и срештамъ и сномъ и всакому ученіу сотонину вѣрують“. По словами арабскаго писателя начала X вѣка Ибнъ-Фоцлана у руссовъ были разнаго рода лютни, гусли и свирѣли. Въ памятникахъ древней славянской письменности часто упоминаются гусли и производныя отъ нихъ слова, гѣсль, гѣсльнъ (въ житіи Θεодосія Печерскаго, Нестора) „гѣсли Божія“ (XII в.), „состроивъ и златы гоусли“ (ib. 59). Въ домонгольской Руси, повидимому, гусли были въ большемъ употребленіи; объ нихъ упоминается, между прочимъ, и въ былинахъ древняго склада напр. въ былинахъ про Добрыню, Ставра, Садка. Во фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора гусли попали, можетъ быть, потому, что художникъ, воспроизводя музыкальныя инструменты въ византійскомъ циркѣ, находился отчасти подъ вліяніемъ мѣстной бытовой дѣйствительности. Гусли имѣютъ видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами; ихъ можно настраивать высоко и низко. Въ Малороссіи долгое время играли на гусяхъ, преимущественно духовныя лица, по преданію о царѣ Давидѣ, любившемъ играть на гусяхъ. Въ пятидесятыхъ годахъ гусли можно было еще найти въ домахъ священниковъ; въ 1853 г. П. А. Кулишъ встрѣтилъ однажды этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпаго пѣвца-нищаго въ золотоношскомъ уѣздѣ полтавской губерніи (*Зап. о юж. Руси* I, 189). Въ послѣднее время въ Малороссіи трудно уже найти гусли, и мнѣ лично приходилось только слышать похвальные отзывы о нихъ старыхъ людей.

Встрѣчающіяся въ великорусскихъ былинахъ „гусли яворчаты“ (въ былинахъ о Садкѣ, о Добрынѣ), вѣроятно, южнорусскаго происхожденія. Яворъ (*platanus orientalis*) не растетъ на сѣверѣ. Любопытно, что въ старинныхъ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается то же выраженіе: „gusle javogove“. Эпитетъ „яворчатый, яворовый“ показываетъ, что гусли дѣлались преимущественно изъ явора.

Гусли сохранились у южныхъ славянъ. Въ Сербіи, Сръмѣ, Босніи и Герцеговинѣ почти во всякой хатѣ можно найти гусли; на нихъ играютъ молодые и старыя, мужчины и женщины, духовныя и свѣтскія, люди богатые, нищіе, гайдуки. У серба гусли „дружина вирная“, которой онъ впервые передаетъ свое горе или радость. Безъ гуслей не обходится ни одинъ праздникъ, ни одна игра; при

содѣйствіи ихъ народъ сохраняетъ свои историческія преданія и пѣсни. Чтобы дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкли къ гусямъ, имъ даютъ въ руки игрушечныя гусли (huslice). О гусяхъ часто говорятъ сербскія народныя пѣсни и лучшіе сербскіе поэты, напр., Мажураничъ, Гундуличъ, Петровичъ Нѣвошъ. Подобно тому, какъ малорусскіе кобзари распѣвали цумы речитативомъ, и сербскіе гусяры сопровождаютъ игру на гусяхъ такимъ же разиѣреннымъ, спокойнымъ и величественнымъ приѣвомъ. Веселыхъ, тѣмъ болѣе плясовыхъ пѣсенъ почти никогда не играютъ на гусяхъ. Въ Славоніи гусяры, подобно нашимъ лирикамъ, называются слѣпцами (sljepci), потому что большею частью дѣйствительно бывають изъ числа слѣпыхъ, и самыя гусли называются здѣсь уже *sljepačke gusle*. Гусяровъ народъ охотно слушаетъ и даетъ имъ болѣе вознагражденія, чѣмъ другимъ музыкантамъ. Почти во всякомъ сербекомъ селѣ есть мастера, изготовляющіе гусли, и инструментъ этотъ всегда можно дешево купить на базарѣ. Иногда украшаютъ ихъ рѣзбой, бисеромъ, дорогими камнями; смычекъ украшаютъ перламутромъ, зеркальными стеклышками и т. п. Дорогія старинныя гусли высоко цѣнятся, особенно если онѣ имѣють символическія древнія нарѣзки. Одинъ гусярь завѣщалъ такія гусли своему сыну со словами, что пока онъ будетъ имѣть ихъ, до тѣхъ поръ ему никто не можетъ нанести какого либо вреда, и послѣдній, хотя не понималъ значенія таинственныхъ нарѣзокъ на гусяхъ, берегъ ихъ до глубокой старости, какъ талисманъ (*Kuhac*, въ Rad, т. 38, с. 6).

Малороссіяне могутъ въ этомъ отношеніи позавидовать сербамъ, которые имѣють въ гусяхъ твердую опору для художественно-поэтического консерватизма и потому до сихъ поръ „кохаются въ ридныхъ пѣсняхъ“. Потеря бандуры и гуслей—важная потеря, и обусловлена она несомнѣнно тѣми глубокими измѣненіями всего общественнаго строя, какія имѣли мѣсто въ южной Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ запорожцевъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гусямъ, которыя были присвоены особамъ духовнаго сана и тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для свѣтской поэзіи. Но затѣмъ мало по малу произошелъ разрывъ между народомъ и ин-

теллигенціей, сначала свѣтской, потомъ духовной, а вмѣстѣ съ тѣмъ сначала была заброшена бандура, а потомъ и гусли. Свѣтская интеллигенція и духовенство немного потеряли, если судить по музыкальному достоинству этихъ инструментовъ, и въ то же время много, если принять во вниманіе ихъ общедоступность и дешевизну.. Но какъ бы то ни было тутъ явилась сначала гитара, теперь также почти заброшенная, затѣмъ скрипка, флють-гармонія, фортепіано, рояль. По господствовавшей модѣ обученіе дѣвушекъ игрѣ на фортепіано сдѣлалось какъ бы обязательнымъ во всѣхъ мало мальски достаточныхъ семействахъ. Масса простаго народа, вполне лишенная культурнаго воздѣйствія лучшихъ людей страны, передовыхъ классовъ общества, при неблагопріятныхъ бытовыхъ условіяхъ, не пошла впередъ по части поэтическаго музыкальнаго развитія, а отсутствіе прогресса здѣсь немедленно переходитъ въ регрессъ, и потому простой народъ остался лишь при самомъ простомъ музыкальномъ инструментѣ сопилкѣ и сохранилъ еще лиру въ ограниченномъ видѣ слѣпецкаго инструмента. Въ послѣднее время вмѣсто древнихъ бандуры и гуслей, дававшихъ музыкальное удовлетвореніе лучшимъ сторонамъ души, въ деревенскій обиходъ стала входить дешевая гармоника, визгливая, безтолково-шумная, въ звукахъ которой слышно что то пошлое, пьяное и развратное.

Н. Ѡ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИРНИКИ.

Давно уже обратилъ на себя вниманіе этнографовъ по своему немалому значенію въ исторической и современной жизни Малоросіи классъ сельскаго общества—кобзари и лирники.

До недавняго времени, сколько мнѣ извѣстно, вниманіе было обращено больше всего на репертуаръ кобзарей (лирниковъ въ позднѣйшее время). Знаніе же бытовой стороны тѣхъ и другихъ подвигается впередъ весьма медленно. Такая медленность, кромѣ другихъ причинъ, мнѣ кажется, происходитъ еще отъ того, что классъ этотъ живетъ своею особою корпоративною жизнію, пронибнуть въ которую постороннему человѣку въ высшей степени трудно; и сколько не трудилось этнографовъ, однако еще нельзя сказать, чтобы у насъ подъ руками были всѣ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы вполне освѣтить жизнь и роль кобзарей и лирниковъ въ современной и исторической жизни.

Для того, чтобы показать, какъ трудно въ данномъ случаѣ изученіе, укажу на такой крупный фактъ, какъ существованіе лирничкаго языка, о которомъ появились свѣдѣнія только полтора года тому назадъ въ галицкомъ журналѣ «Зоря».

Въ виду такой трудности необходимо пользоваться малѣйшими фактами, которые по мѣрѣ накопленія могутъ способствовать къ освѣщенію этого класса людей.

Предлагаемые мною этнографическіе матеріалы — результатъ моихъ наблюденій надъ лирниками въ разныхъ мѣстахъ Подолія.

Встрѣчаться съ лирниками скорѣе всего можно на ярмаркахъ и на «отпустахъ». Особенно выдающіеся «отпусты» бываютъ: въ Браиловѣ на Троицу и на Петра и Павла, въ Летичевѣ на Ягодну (20 июня), Карлашевкѣ (за Днѣстромъ, противъ Могилева), Мядавѣ, Мурафѣ, Голодькахъ, Улановѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Дома лирниковъ можно застать начиная съ Пасхи и до осени, въ другое время года они по большей части странствуютъ по чужимъ селамъ.

О мѣстѣ жительства ихъ можно узнать отъ самихъ же лирниковъ, такъ какъ они знаютъ другъ-друга на большомъ разстояніи. Привожу здѣсь списокъ лирниковъ, продиктованный мнѣ лирникомъ изъ м. Мизякова Александромъ. Винницкій уѣздъ: Браиловъ—Назаръ Юзвинъ—Юхремъ; Глинскъ—Адамъ; Кустовцы—Петро; Ксаверовка—Василь; Винница—Дорохтей Карнаухій (безъ уха)¹⁾; Малые хутора—Мыхалко Порхонюкъ; Калиновка—Романъ; Ольхова—Франко (лядський, молятся по польски и по русски); Межировъ—Антонъ, Меліонъ; Демидовка—Демьянъ; Кудовцы—Онохрей; Шиковъ—Ныконъ; Яновъ—Андрей Зоря; Томашиполь—Дмытро; Журавно—Павло и Антонъ; Гулевцы—Иванъ; Потокъ—Левко; Щитка—Олекса Гайдай; Шершни—Михалко; Быскибка—Олекса. Литинскій уѣздъ: Литинъ—Павло; Вонячинъ—Михалко; Микулинцы—Артемонъ Коцюба; Балинъ—Давидъ; Дашковцы—Мусій Шуга; Почапинцы—Семень; Багряновцы—Юхтымъ; Мальчевцы—Шымко; Широкая гребля—Михалко.

Нѣкоторые изъ этихъ лирниковъ мнѣ лично извѣстны, но о нихъ скажу нѣсколько словъ ниже.

Лирниковъ нужно строго отличать отъ другихъ нищихъ. У нихъ больше солидности, степенности, чѣмъ у остальныхъ нищихъ, но главнымъ образомъ они отличаются отъ нихъ какъ инструментомъ—лирой и репертуаромъ своихъ пѣсенъ, такъ и тѣмъ, что представляютъ собою отдѣльный классъ въ народѣ, для вступленія въ который требуются особыя условія. Недостаточно нищему слѣпцу купить лиру, чтобы быть лирникомъ, но онъ долженъ прежде приобрести право носить ее, долженъ вступить въ «лирництво». За самовольное ношеніе лиры дѣды—лирники строго наказываютъ—бьютъ виновныхъ и унпчожаютъ лиру.

Желающій быть лирникомъ обязанъ идти въ науку къ старому лирнику, у котораго въ продолженіи 3 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ изучаетъ лирницкій языкъ, молитвы, игру на лирѣ и пѣніе религиозно-нравственныхъ, сатирическихъ и другихъ пѣсенъ. Нужно замѣтить, что учить лирницкимъ пѣснямъ имѣетъ право только лирникъ. Учитель по отношенію къ ученикамъ является «хазяиномъ», и они называютъ

¹⁾ Миколаевський москаль, дуже любить випити—навіть лиру пропиває. Багато знає лирницькихъ пісень.

его «дядькомъ» и «господинъ хазяинъ». За обученіе онъ получаетъ отъ учениковъ въ качествѣ вознагражденія только то, что они уснѣютъ выпросить; а для этой цѣли посылаетъ ихъ по селамъ, причемъ каждому изъ нихъ нанимаетъ на свой счетъ поводыря.

Въ началѣ обученія ученикъ, кромѣ пѣсень, необходимыхъ для него, какъ для будущаго лирика, выучиваетъ еще слѣдующую, которую специально употребляетъ для выпрашивания милостыни. Онъ входитъ въ хату какого-нибудь хозяина, становится на колѣни, или, какъ говорятъ, «кленчытъ» и, пригинаясь къ землѣ, поетъ:

Же Сынъ то Божый, мамцю,
 Же Духъ то Святый, квитю,
 Въ вашому дому пробувае,
 Вамъ у помичъ стае.

Же мылая моя, мамко,
 Же мылый то, отче,
 Возлюбленныце Божа,
 Наслидныце Хрыстова!

Такъ маюче, моя мамко,
 Такъ маюче, моя квитю,
 Пры серци сокрушеннимъ,
 Пры дому благословеннимъ

Сорочечку, моя мамцю,
 Сорочечку, моя квитю,
 Альбо штанци на мое то гришне
 тило

На прыкрываніе.

Прыкрыйте, моя мамцю,
 Прычыстыте, моя квитю,
 И отъ калу, и отъ броду,
 Якъ самъ Господъ прыкрывае:

Древо лыстомъ—борою,
 А землю травую,
 А сонце луною,
 А воду тмлою,
 А рыбу лускою,
 Небо оболокамы,

А птыцю пырамы,
 А горы скаламы.

А птыцю пырамы,
 А горы скаламы,
 А брегы пискамы,
 Небо оболокамы.

На цимъ-то, мамцю, свити жывше-
 нежывшы

На цимъ-то, мамцю, свити жывше-
 нежывшы,

Хрысту руци склавшы,
 Богу й духъ отдавши!

Спамятайтежъ, моя мамцю,
 Спамятайтежъ вы цего,
 Що свить, небо й земля его!
 Штыры дошкы дубовыны,
 Сажень земли-сыровыны!

Не просюжъ васъ, моя мамцю,
 Не просюжъ васъ, моя квитю,
 Ави сребла, ави злата, ави шаты
 дорогіи

Ни маеты таковіи.

Тилько просю-возрыдаю
 Нызенькымъ уклономъ,
 Ангельскымъ Божымъ словомъ
 Эменія Сусъ-Хрыстова.

Такъ маюче, моя мамцю,

Такъ маюче, моя квитю,
 Полотенця й злотыкъ
 На божюу хвалу—
 На сорочечку собырану.
 То я буду, моя мамцю,
 По билымъ свити прохожаты,
 Злотыкъ до злотыка собыраты,
 А за васъ Господа благаты.
 Такъ маюче, моя мамцю,
 Такъ маюче, моя квитю,
 Прадивця съ куколокъ пару
 На Божюу хвалу—
 На сорочечку собырану.
 То я буду, моя мамцю,
 То я буду, моя квитю,
 По билому свити прохожаты,
 Куколка до куколкы собыраты,
 А за васъ Господа благаты.
 А цей то, мамцю, свить
 Такъ, якъ макввъ цвить
 Тождь винъ процвитае,
 Нихто его не збырае:
 Сыра-земля пожырае.
 Такъ маюче, моя мамцю,
 Такъ маюче, моя квитю,
 Рушнычокъ, альбо хустыночку
 На протыраніе Хрыстове.
 То я буду, моя мамцю,
 То я буду, моя квитю,

Болезни оченькы протыраты,
 А за васъ Господа благаты:
 За здоровья мамцю мыле,
 За жытя дочасне.
 Такъ маюче, моя мамцю,
 Такъ маюче, моя квитю,
 Грошыкыивъ и съ пару
 На Божюу хвалу—
 На свытеку собырану.
 А зимыжь то холодни!
 То я буду, моя мамцю,
 Душу свою прыгриваты
 А за васъ, якъ день, такъ ничъ,
 Господа благаты¹⁾
 Невыдастеса, моя мамко,
 Невыдастеса, моя любко,
 Не субожаєте, моя квитю,
 И не субожаєте, моя квитю!
 И не укаль той укынете,
 И не подъ нози востончете—
 Свой души царствіе,
 Свой души царствіе возслидуєте.
 Возлюбылысь-те, мамцю, Господа
 на неби,
 Возлюбить же, мамцю, ныщого
 на земли,
 Не велика жъ то буде трата,
 Тплько буде отъ Господа Бога
 заплата.

¹⁾ Передъ Пасхой вставляются еще слѣдующіе куплеты:

Такъ маюче, моя мамцю,
 Ячюкъ ись пару,
 На Божюу хвалу,
 Ради свять Божественныхъ,
 На свячяива Хрестове.
 То я буду, моя мамцю,
 То я буду, моя квитю,
 Ячяа спожывати,
 А за васъ Господа благаты.

Такъ маюче, моя мамцю,
 Такъ маюче, моя квитю,
 Мушкыи зъ мысочку
 На насочку собырану.
 То я буду, моя мамцю,
 Мушкыю собыраты
 Рады свитыхъ Божественныхъ
 спожывати,
 А за васъ Господа благаты.

Заплатыть вамъ Господь зъ най-	Идну рызу мала
высшого неба,	На три части паювала.
Де души и тилу наилучше потреба.)	А першую, мамцю, рызу,
Не будьтежь, мамцю, таковїи,	А першую, мамцю рызу
Не будьтежь хрестіане таковїи.	Святому Василию на заслону дала,
Якъ той богатый Иліонъ бувавъ,	А другою рызу ныщыхъ пры-
Що срибла й злата до постаткахъ	крывала.
мавъ,	Же третюю, мамцю, рызу
Винъ на церкви й костелы не дававъ	Же третюю, мамцю, рызу,
Але будьте, мамцю, таковїи,	На церевы й костелы отдадала,
Якъ Марія Дѣва бувала:	А соби царствіе возслідувала.

Славимо тебѣ Госнода Бога молимъ за упокой всѣхъ сродниковъ умершыхъ, унысанныхъ, не унысанныхъ, у гробахъ соночывшихся; помяны Господы у царствїи небесного, у покою вѣчного, у раю свѣтлого. Помяны Господы пры вечирняхъ, пры правечирняхъ, пры всинопняхъ, пры ютреняхъ и пры службахъ Божыхъ помяны ихъ Господы до Царствїя небеснаго, до покою вѣчного, до раю свѣтлого, де вси святи упочывають де ангельску пѣснь спивають. Спасеть васъ Госнодь и помылуеть, даруетъ счастья, здравїя, спасенїя и многа лѣта отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

Нужно замѣтить, что, становиться на колѣни можетъ только ученикъ,—настоящїй же лирникъ этого не сдѣлаетъ, считая это униженїемъ для себя.

Когда весь курсъ ученїя пройденъ ¹⁾, учитель собираетъ дѣдовъ, и ученикъ подвергается экзамену. Выдержавъ это испытанїе, онъ получаетъ «везвилку» и становится настоящимъ лирникомъ ²⁾.

Экзаменъ и полученїе «везвилки» происходитъ слѣдующимъ образомъ. Когда приглашенные дѣды соберутся, тогда ученикъ входитъ въ хату, падаетъ въ ноги учителю и цѣлуетъ ихъ два раза, а третїй разъ руку, остальныхъ дѣдовъ цѣлуетъ только въ руку, и выражаетъ просьбу, чтобы они позволили ему быть лирникомъ, чтобы дали «везвилку». Потомъ угощаетъ ихъ водкой, которой беретъ около $\frac{1}{2}$ ведра,

¹⁾ Нужно замѣтить, что учитель не выучиваетъ ученика всѣми пѣснями, которыя самъ знаетъ и ученикъ, по выходѣ изъ науки, самъ заботится о пополненїи своего репертуара, или какъ говорятъ, „доходить разуму“.

²⁾ Простой дѣдъ изъ Мизяковской слободки Андрей Полищукъ для того, чтобы быть принятымъ въ компанїю дѣдовъ—лирниковъ, долженъ былъ брать „везвилку“, которая въ данномъ случаѣ состояла въ томъ, что онъ купилъ имъ водки.

вообще смотря по своему состоянію. Сначала самъ выпьетъ, потомъ дастъ три рюмки учителю, а затѣмъ угощеніе остальныхъ дѣдовъ идетъ по очереди. Послѣ этой выпивки начинается экзаменъ: ученикъ поетъ выученныя пѣсни, играетъ на лирѣ и читаетъ молитвы. По окончаніи экзамена, одинъ изъ старыхъ дѣдовъ, по большей части самъ учитель, даетъ ученику хлѣбъ. Тотъ отрѣзываетъ съ трехъ сторонъ «цилушки», посыпаетъ одну солью и прячетъ ее за пазуху. Взятіе этой «цилушки» называется «взяты везвилку» и считается самымъ важнымъ, такъ какъ послѣ этого ученикъ становится уже настоящимъ лирникомъ и никто не имѣетъ права отнять или разбить ему лиру.

Давъ ученику хлѣбъ, дѣды высказываютъ ему всякія пожеланія: «дай тобі Боже, щобъ ты бувъ здоровый, якъ вода, а богатый, якъ земля; щобъ тобі зъ воды й зъ росы йшло»... и отпускаютъ его: «гряды во имя Господне».

Лиру онъ получаетъ или сейчасъ, или потомъ. При этомъ происходитъ слѣдующая церемонія. Учитель вѣшаетъ ее сначала на себя, потомъ поднимаетъ полу своей свитки—ученикъ накрываетъ лиру своей полкой; учитель снимаетъ ремень съ своей шеи и накладываетъ его на шею ученику. Такимъ образомъ лира передана. Наконецъ учитель благословляетъ молодого лирника, бросаетъ ему въ лиру на счастье нѣсколько монетъ и отпускаетъ его на самостоятельную жизнь.

Между этими новыми лирниками и ихъ бывшими учителями связь не прекращается. По заведенному издавна обычаю, они, изъ уваженія къ своимъ учителямъ, должны ежегодно носить имъ накупнѣ Рождества «вечеру», а на Пасху—«балачъ».

Молодые лирники относятся къ старымъ съ уваженіемъ и должны ихъ во всемъ слушаться. Если молодой лирникъ въ чемъ нибудь провинится, то старые, когда соберутся на «отпустѣ» или на ярмаркѣ, распросивъ свидѣтелей, какъ было дѣло, по своему суду справляются съ виновнымъ. Въ виду такихъ преслѣдованій «молодой лирникъ, какъ говоритъ отецъ лирника А. Зори, больше боицца старого лирника, ніжъ старшины або врадника».

Между старыми лирниками есть пользующіеся особеннымъ почетомъ. Къ таковымъ принадлежитъ Никонъ въ Шиковѣ и Павло въ Литинѣ. Но происходитъ ли это старшинство отъ ихъ выбора въ старшіе или же отъ того, что они сами собою выдѣляются въ своей средѣ, несмотря на всѣ мои старанія, узнать мнѣ не удалось.

Интересенъ обычай дѣдовъ отдавать другъ-другу «день-добри».

При обыкновенной встрѣчѣ они привѣтствуютъ одинъ другаго: «кудень клевый, лебію!» — «аби тоби кудень клевищый!» — что равносильно: «день добрый! — дай Боже здоровья!» Но встрѣчаясь на «отпустахъ» или на ярмаркахъ, они отдають «день — добри». Пришедшій говоритъ: «позволь, Отче небесный, поклониться усимъ святымъ (возможно полный перечень святыхъ) и праздникамъ не мынающимъ (тоже полный перечень праздниковъ). Що, брацци, живъ? здоровъ у руци, у нози? крикий? моцній?»... и разспрашиваетъ про жизнь, хозяйство и проч., наконецъ высказываетъ пожеланіе: «шасты Боже на «соборъ» (отпустъ) или на ярмарокъ». Другой на это отвѣчаетъ: «спасибо, спасибо» и въ свою очередь отдаетъ ему «день добри». «День добри, брацци, мое: позволь, Отче небесный, поклониться усимъ святымъ» и прочее въ томъ порядкѣ, какъ сказалъ и первый. Отдаваніе «день — добри» тянется очень долго и тяготитъ дѣдовъ; поэтому они стараются сократить его. (При экзаменѣ же они требуютъ отъ учениковъ точнаго знанія его). Послѣ этого привѣтствія иной разъ кто нибудь изъ нихъ спрашиваетъ: «а хто, брацци, борцу запарыть?» или «козу звелычае?» То и другое означаетъ выпивку. Если у вопрошаемаго нѣтъ денегъ, то говоритъ: «не могу запарыты, бо тиста нема» (денегъ нѣтъ).

Къ числу великихъ лирницкихъ секретовъ относится ихъ языкъ. О существованіи его даже изъ врестьянъ рѣдкій знаетъ. Четыре года тому назадъ мнѣ удалось напасть на слѣдъ его. Открылъ мнѣ этотъ языкъ мизяковскій лирникъ Александръ. Большею частію отъ него, а немного отъ «жебрущаго» дѣда изъ Мизяковской слободы Андрея Полищука, мнѣ удалось составить словарь (не обладающій, кажется, возможной полнотой). Сообщили мнѣ слова подъ величайшимъ секретомъ, съ просьбою не говорить объ открывателѣ дѣдамъ, такъ какъ ему за это здорово придется поплатиться. Составлять словарь пришлось въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Для того же, чтобы не впасть въ ошибку, я весь словарь провѣрилъ нѣсколько разъ.

Относительно лирницаго языка (называютъ его «лебійскимъ»¹⁾, лобурской мовою) нужно сказать, что онъ ревниво охраняется дѣдами только по традиціи. Они говорятъ на немъ, когда никого нѣтъ, или такъ тихо, что никто не услышитъ ихъ; слѣдовательно, употребляютъ его при такихъ обстоятельствахъ, когда могутъ говорить обыкновеннымъ нарѣчіемъ.

¹⁾ „Лебійской“ — отъ слова „лебій“ дѣдъ.

О причинѣ и времени возникновенія его отъ дѣдовъ я ничего не зналъ. Между старыми лирниками, можетъ быть и есть преданіе объ этомъ. Въ галицкомъ журналѣ «Зоря», въ статьѣ «Дѣдовска (жебрацка) мова» г. Викторинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «походить она, якъ каже Павло (бывній поводиры, отъ котораго г. Викторинъ записалъ ее), зъ часовъ панщины. Дѣдами, каже, бували тодѣ не сами старцѣ, калѣки, немочни; дѣдами перебирались и здорови селяне, що втѣкали одъ пановъ, щобъ бути вольными». Эти мнимые дѣды мстили своимъ панамъ. «Отъ же ти дѣды змовляються на що недобре, то звычайно ради бы увѣнитися, щобы ихъ хто не подслухавъ, або подслухавши, бодай не заразы порозумѣвъ усе. Одъ того певно пошло, що попридумували багато словъ, зрозумѣлыхъ хиба имъ самимъ, а переплетаючи ними звычайну бесѣду, чинили ей перазумѣлю сумѣшкою»¹⁾.

Справедливы ли эти слова о причинѣ и времени возникновенія дѣдовскаго языка, но знаю.

Употребляются слова этого языка по правиламъ малорусской рѣчи.

Тяжела вообще жизнь слѣпца. Кромѣ того, что онъ лишентъ счастья видѣть окружающій его міръ, пользоваться тѣми дарами природы, какіе находятся въ распоряженіи человѣка со зрѣніемъ, онъ по необходимости долженъ еще просить на свое пропитаніе и нерѣдко переноситъ голодъ, холодъ и униженіе. Горькое сожалѣніе слѣпца о своей участи и тяжкая жизнь его хорошо обрисованы въ записанной мною «жебранкѣ»:

Добродители мылостывіи,
 Доброточкы праведни,
 Отцеви Богу спасительни!
 А простритъ же вы руку даящую,
 Подайтежь, мамцю, що мылость ваша
 Подайтежь на Отче нашъ святой, на обмоленіе,
 Свои души на спасеніе.
 Ахъ майтежь, моя мамцю, жалість надо мною,
 Надъ моею ныщотою,
 Надъ моимъ то калыцтвомъ довичнимъ.
 Не бачу жъ я, мамцю, якъ праведне сонечко сяе.
 Не бачу жъ, моя квитю, якъ день божій мынае;
 Не бачу, мамцю, якъ вечерокъ, моя квитю, прымеркае.

¹⁾ „Дѣдовска (жебрацка) мова“. „Зоря“ Липня 1886, число 13 и 14, стр. 237.

А заслоныло жъ мени оченьы заслоныло,
 Яеъ влыновымъ лыстомъ застелыло...
 Якъ быжъ то я, мамцю, свить Божій выдавъ,
 Тобъ я дорижокъ и стежечокъ той не засидавъ.
 Воливъ бы я, мамцю, въ сыри то земли гныты
 Нижъ бы, моя квитию, по билимъ свити ходыты.
 Воливъ бы я, мамцю, въ матерыни утробы зогныты,
 Нижъ мавъ бы на свить народытысь.
 Воливъ бы бъ я, мамцю, заробыты,
 Воливъ бы бъ я, квитию, заслужыты
 Гирка моя, мамцю, зароба
 Нудна моя, квитию, заслуга.

«Жебранку» эту часто приходится слышать, но не всегда въ одинаковой формѣ: иногда обращеніе бычаеъ до «дядечка», часто слышатся новые куплеты, а нѣкоторые совсѣмъ отсутствуютъ. Однажды въ Браиловѣ мнѣ пришлось слышать отъ слѣпой нищей длинный и прекрасный вариантъ этой «жебранки», въ сравненіи съ которымъ приводимый здѣсь кажется небольшимъ обрывкомъ.

Всѣ нищїе поддерживались и поддерживаются крестьянствомъ. Крестьяне жертвуютъ имъ не съ брезгливымъ и гордымъ презрѣніемъ, а со смиреніемъ и дѣлаютъ это какъ что то обыкновенное и должное. Кромѣ заведеннаго издавна обычая, тутъ дѣйствуетъ еще нравственное побужденіе, которое прекрасно охарактеризовалъ дѣдъ Янко ¹⁾ изъ Юзефовки, приселка м. Шаргорода. «Насъ есть багато бидныхъ; хто жъ дужный, той пидтрымуе биднищого: самъ купуе муку, а тоби дасть крумку хлиба. Оттакъ жыемо: Богъ дасть тому, а торине того— дай тому, а той дасть тому... та такъ и пидтрымуемось».

Не касаясь той высокой дѣятельности лирницкихъ предшественниковъ—кобзарей, этихъ малорусскихъ бардовъ, укажу на дѣятельность лирниковъ, которая поддается непосредственному наблюденію.

Пѣсни сатирическія и юмористическія лирники поютъ гдѣ нибудь на веселой оказіи, но на «отпустѣ», на ярмаркѣ или же переходы изъ хаты въ хату, поютъ они пѣсни духовныя и нравоучительныя; и не одному, конечно, приходилось наблюдать то сильное впечатлѣніе, какое производятъ эти послѣднія на крестьянъ. Описывается

¹⁾ Дѣдъ этотъ представляетъ собою большой интересъ для этнографа, такъ какъ обладаетъ замѣчательною фантазією. Отъ него и про „вететни“ и про что угодно можно узнать.

ли, напр., что ожидаетъ грѣшниковъ и что праведниковъ, каковы мученія первыхъ и блаженная жизнь послѣднихъ; описывается ли ненормальная общественная и семейная жизнь, напр. дурныя отношенія мужа и жены, родителей съ дѣтьми, дѣтей между собою, горькая жизнь сироты у мачихи, вражда сосѣдей и т. п.—все это оказываетъ глубокое вліяніе на слушателей, и не одинъ, конечно, примѣняетъ подходящее къ себѣ. При этомъ заунывное пѣніе и игра на лирѣ еще болѣе приводятъ слушателя въ грустное расположеніе духа; глаза его устремлены или на пѣвца, или въ пространство и нерѣдко появляются на нихъ слезы.

Въ м. Шаргородѣ разъ, послѣ такого пѣнія, стоявшій возлѣ меня пожилой крестьянинъ, съ которымъ я завязалъ разговоръ по поводу слышаннаго, сказалъ: «оттакъ треба добре поступати, щобъ пити направо, а не наливо. Може воно й справди такъ буде, якъ оци старци сивають?... Може ци старци вчени, то це й знають?»..

Наблюдать вліяніе лирниковъ на крестьянъ и вообще ихъ взаимныя отношенія ¹⁾ лучше всего можно на «отпустахъ». На ярмаркѣ крестьяне—народъ занятой: всякъ сиѣшитъ продать—купить и уѣхать домой; поэтому и не всякому возможно удѣлить время на слушаніе лирника. На «отпустѣ» же наоборотъ: сходятся сюда или съ цѣлю религиозною (исповѣдаются, пріобщаются), или ради развлечения (особенно изъ молодежи), или же для покупки мониста, платковъ и т. п. и имѣютъ полную возможность послушать «божественныхъ пѣсенъ».

Въ настоящемъ году мнѣ пришлось быть на «отпустѣ» въ Браиловѣ. «Отпустъ» бываетъ въ женскомъ монастырѣ и въ костелѣ. Стеченіе сюда народу и лирниковъ бываетъ большое. Послѣднихъ здѣсь было 15 душъ. Часть ихъ была въ мѣстечкѣ (около костела не было ни одного лирника), а часть на полѣ, на дорогахъ предъ Браиловымъ. Со стороны полустанка ихъ было 3. Первымъ, кого я здѣсь встрѣтилъ, былъ лирникъ изъ м. Зинькова Бернацкій. Прошу его спѣть «панщины». «А на шождъ вона вамъ? ни, я ии не вмію». Я этому не повѣрилъ (потомъ я узналъ, что онъ дѣйствительно поетъ ее) и просилъ спѣть Николая. Возлѣ насъ остановились послушать пѣсню и богомольцы изъ импольскаго уѣзда. Изъ нихъ кто далъ лирнику ломоть хлѣба, кто пирогъ, а кто коуфйку. Крестьяне съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ пѣнію. Въ это время

¹⁾ Къ уясненію взгляда крестьянъ на лирниковъ нужно замѣтить, что крестьяне называютъ ихъ „людьми Вожами“.

проѣзжали мимо насъ какія то дамы и съ насмѣшкою посмотрѣли въ нашу сторону.

-- Смѣцця, а не знае того, говорить мнѣ въ полголоса старячекъ крестьянинъ, що цей слипецъ може въ сто разъ достойнищый въ Бога видѣтн ей и видѣтн насъ!..

Пѣсна кончена. Идемъ дальше.

— Ото якый красныи чоловикъ, говорить сочувственно «слодыца», щобъ то самому заробыты та щей другому дати, мусыть у другихъ просыты.

Завожу разговоръ о дѣдахъ со старичкомъ; о нихъ онъ высоко мнѣня.

— А хто по вашому мылосерднщый до лирника? спрашиваю его.

— Та вже жъ мужыкъ. А хѣба дидъ навчыть чому небудь злому? Заробляючы хлѣбъ, спивае божественни пѣсни, люде его слухають и може яке серце здригнецца и схаменецца...

Въ самомъ Браиловѣ какъ въ мѣстечкѣ, такъ и около монастыря богомольцевъ была масса, думаю тысячъ 10. Движеніе толпы непрерывное. Въ оградѣ монастырской вокругъ стѣнъ группами (по селамъ) отдыхалъ народъ. Отъ воротъ до монастыря въ два ряда «сыдухи» продають рыбу, хлѣбъ, бублики, конфекты и т. п.

Лирники разбросаны по всему подворью. Возлѣ каждого густая толпа слушателей, всѣхъ возрастовъ и половъ крестьянъ; нѣкоторые изъ нихъ для большаго удобства садятся тутъ же на землѣ около лирника. Въ кружкѣ царить тишина, кой когда нарушаемая тѣмъ или инымъ замѣчаніемъ слушателя. Если кто закажетъ пѣсню, то платитъ 3 коп. Но по окончаніи пѣнія и очень часто во время его жертвуютъ и другіе: кто дастъ копѣйку, кто калачикъ. Послушавъ одного лирника, направляются къ другому; ихъ мѣсто занимають новые пришельцы. (Если лирникъ просидитъ нѣкоторое время безъ слушателей, то переходитъ на другое мѣсто). Я замѣтилъ одного «парубка», который переходилъ отъ одного лирника къ другому.

— А сподобалысь вамъ оци пѣсни? спрашиваю его.

— А якъ же, сподобалысь. Цилыхъ 12 часовъ стоявъ бы та слухавъ ихъ. Якъ то жаль, що въ насъ, коло Шайгорода, нема лирныкнвѣ.

Братъ на брата ворогуе,

Сестра на сестру чары готуе...

поеть лирникъ.

— А хѣба жъ то нема такъ на свити, якъ оце дидъ спивае?... слышится въ толпѣ.

Подхожу къ слѣдующей группѣ и слышу рыданіе, которое по временамъ то усиливается, то переходитъ въ всхлипываніе. Тутъ были большею частію слушательницы—взрослыя и юныя дивчата. Кто знаетъ—можетъ быть здѣсь были и сироты, про горькую долю которыхъ пѣлъ лирникъ:

Хочь сирота робыть, робота ій ни зацо—

Все говорыть мачуха: сирота лядащо.

Здѣсь же остановились послушать пѣсню и двѣ панны, но незамѣтно было, чтобы «спритка» произвела на нихъ впечатлѣніе, и улыбающіяся ихъ фізіономіи представляли собою рѣзкій контрастъ остальной картинѣ...

Въ другой группѣ крестьянинъ просить лирника спѣть преодобнаго Ивы, но дѣдъ его не знаетъ.

— Отъ уже пятѣхъ вытавсь, и никто не вмѣ, а давно вже я его чувъ. То заспивайте жъ, диду, Почаевської Божои Матери, но тилько такъ, якъ у кнызи напысано.

— Оттожъ то й беда для насъ, що де хто понаучувався зъ кныжокъ, тай хлибъ одъ насъ одбыва...

Въ оградѣ монастырской, кромѣ лирниковъ, было много и другихъ нищихъ. Тамъ, около воротъ сидитъ калѣка, положивъ предъ собою на тряпочкѣ почернѣвшія кости ногъ своихъ и просить Христа—ради; тутъ же благообразной наружности слѣпой старецъ «вычытуе» акаенсты; просятъ милостыню—«добродители мылостывіи»... слышится съ разныхъ сторонъ. Слѣпыя нищенки держались группами и пѣли то «жебранку», то 12 пятницъ.

Были здѣсь и такіе, что читали акаенсты по книгѣ. Имъ точно такъ же какъ и другимъ нищимъ жертвовали богомольцы. Меня особенно заинтересовалъ одинъ такой старикъ. Съ очками на носу, онъ цѣлый день на одномъ мѣстѣ читалъ псалтырь. Около него, какъ и возлѣ всякаго нищаго, была «торба» съ милостыней. Но, видно, нѣкоторое время онъ не получалъ подавій; поэтому съ горя обратился къ прохожимъ:

Дайте, мылостывіи хрестіане

Дайте, що мылость ваша,

Дайте, хоць по шыи дайте

И за те спасыби скажу—

То буду знаты, що не даромъ стоявъ...

Подхожу къ лирнику. Вокругъ него слушатели. Пѣлъ онъ «Олексея». По окончаніи пѣсни, прислушиваюсь къ разговору.

— Добре зробылы, що не просылы спиваты, бо я не спивавъ бы, говоритъ лирникъ.

Разспрашиваю. Бабы объясняютъ мнѣ, что онѣ совѣтовали «хлопцямъ» сложиться на 5 коп. и послушать Коновченка, но лирникъ отказался пѣть его.

— Хочъ ця пьсня дуже гарна, але диды спивають їй по праздникахъ, то що... объясняетъ мнѣ сосѣдъ.

Потомъ я разспрашивалъ лирника Зорю о причинѣ этого отказа. Онъ объяснилъ мнѣ его тѣмъ, что, вѣрно, самъ лирникъ не умѣлъ пѣть его, такъ какъ пѣсню про «цанцину» и Коновченка лирники, въ виду запрещеній со стороны монахинь, не поють только въ оградѣ монастырской. По словамъ Зори, Коновченка во время праздниковъ заставляють пѣть почти во всякой хатѣ.

Думу эту впервые пришлось услышать отъ крестьянъ. Поють ее въ Дашковцахъ, Мизяковскихъ хуторахъ и въ Гущинцахъ. Въ Дашковцахъ я записалъ незначительный вариантъ ея отъ старика крестьянина Романа Гедзя, большого любителя пѣсенъ. Поють эту думу даже «дивчата». Присутствовавшая при записываніи одна женщина сказала: «моя дивка тилько штыры разы прослухала цю пьсню тай уже всю спивае».

Полный и интересный вариантъ Коновченка я записалъ отъ крестьянина с. Гуцинецъ, калѣки Александра Димныча, по прозванію «Плазуна». Отъ него же я приобрѣлъ и нѣкоторыя другія лирничкія пѣсни. Знаніе ихъ Димнычемъ объясняется тѣмъ, что онъ, какъ мастеръ дѣлать скринки, лиры ¹⁾, бываетъ въ частыхъ сношеніяхъ съ лирниками и отъ нихъ выучился этимъ пѣснямъ.

Изъ извѣстныхъ мнѣ лирниковъ я имѣлъ больше возможности наблюдать мизяковского лирника Александра. Онъ особливо интересенъ тѣмъ, что не слѣпъ и обладаетъ хорошимъ зрѣніемъ. Нужно замѣтить, что существуютъ, хотя какъ рѣдкое исключеніе, и «выдючи» лирники,—какъ Семень въ Почапинцахъ и Мина изъ кievской губ. (говорятъ, что они немного видятъ). Но были у Александра особыя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ онъ пошелъ въ диды. Въ малолѣтствѣ остался онъ сиротой и попалъ въ опеку къ дядкѣ. Тотъ отдалъ его въ повѣдари, и съ этого времени начинается жизнь его среди лирниковъ, жизнь скитаній по бѣлому свѣту. Страсть къ

¹⁾ За лиры онъ получаетъ отъ 2-хъ до 3 рублей.

странствованію, къ перемѣнѣ впечатлѣній настолькоъ въ немъ укоренилась, что приводы въ свое село по этапу, стараніе полиціи водворить его на мѣстѣ жительства, подѣйствовать на него не могли: сегодня приведутъ, а чрезъ день—два онъ опять уже странствуетъ. Бывалъ онъ когда то и на работахъ, но придетъ пора, онъ затоскуетъ и опять пойдетъ въ «съвиты». Въ настоящее время ходить за милостыней ему никто не препятствуетъ, только въ своемъ селѣ десятскіе съ сотскимъ иной разъ высказываютъ по этому поводу желаніе полакомиться водкой на его счетъ. «Хиба я кони краду, чы коморы розбиваю, що вони до мене чипляюця? До жыдивъ большъ у нихъ мылосердія, чымъ до хрыстіянына» ... жалуется онъ на нихъ.

Поводаремъ Александръ былъ у слѣдующихъ лирниковъ: у Мусія Шугы изъ Дашковецъ, у Юхрема изъ Юзвина, у Юхтыма изъ Багриновецъ, у Габра изъ Грузького Майдана, у Демьяна изъ Демидовки, у Зозули изъ Браилова, у Назара изъ Могилевки и у Онысьба изъ Раженъ.

Ходить же самостоятельно за милостыней сталъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сначала ходилъ со слѣпымъ мальчикомъ, а послѣ женитьбы со слѣпой женой. Самъ онъ по чужимъ селамъ играетъ роль еле видащаго, а иногда и совсѣмъ слѣпого. Представляется же такимъ въ совершенствѣ: съ глазами, пущенными подъ лобъ (видны только бѣлки) онъ можетъ простоять цѣлый день; длинные волосы, всклокоченная борода и ухватки дѣлаютъ изъ него неузнаваемого дѣда. Сознаніе того, что обманывая такимъ образомъ, онъ поступаетъ дурно, въ немъ мало развито. Онъ до того не стѣсняется, что даже рассказываетъ, какъ представляется слѣпымъ, какъ просить и т. п.

Крестьяне, конечно, не одобряютъ того, что онъ при полной возможности быть хорошимъ работникомъ пошелъ въ диды, но зная, что у него, какъ говорится, нѣтъ ни кола, ни двора, зная, что онъ такъ втянулся въ эту жизнь, что оставить ее не можетъ, они мирятся съ этимъ и говорятъ: «такъ ему Богъ давъ», «то вже такой таланъ его». Вслѣдствіе такого отношенія къ нему, они очень много способствовали его женитьбѣ (случившейся 6 лѣтъ тому назадъ) на старой, слѣпой дѣвѣ. Дѣвушка эта до выхода замужъ сильно бѣдствовала. Для облегченія ея участи крестьяне и подговорили Александра жениться на ней. Вообще они относятся къ нему не съ враждой или злобой, но добродушно, а подчасъ и съ ироніей. По своимъ личнымъ качествамъ онъ слыветъ за добраго малаго. Зовутъ его или сами заходятъ къ нему послушать «божественныхъ писень» (голосъ у него

недурной). На крестьбинахъ или при другой веселой оказіи онъ сыграетъ имъ «доскочыстой» или споетъ что нибудь забавное. Собрутся ли «дивчата» и «парубки» на «улицю» и злѣсь его лира иной разъ станеть «въ прыгоди». Но бываетъ, что молодежь и подтрунитъ надъ нимъ. По разсказу его, въ Гушинцахъ, сосѣднемъ селѣ, надъ нимъ такъ пошутили. «Въ одной хати заставъ я парубкивъ и дивчаты, заспивавъ имъ божественной и йшовъ уже изъ хаты, такъ дивчата й пытающа: «чы не даты вамъ, диду, мукыци?» — «Спасыби. Дайте, якъ мылость ваша». Воны скорійшъ до коморы, вынесли мыску муки, дай всыпалы мени въ торбу—а шельмы й не засміюца! Потимъ, колы я до теи муки, а то поцилъ!»

Сами же лирники не одобряютъ того, что онъ пошелъ въ диды, но если и разрѣшаютъ ему быть лирникомъ, то только потому, что онъ съ малолѣтства служилъ поводаремъ у разныхъ лирниковъ почти даромъ.

Съ женою своею Александръ живетъ въ согласіи, слушается ея, покупаетъ ей все необходимое и даже даетъ ей прятать деньги—что дѣлаеть въ виду своей склонности выпить. Если онъ трезвъ, то жена въ это время имѣеть полное вліяніе на него и онъ даже побаивантса ея; если же пьянъ, то уже жена его боится, такъ какъ онъ можетъ и поколотить ее.

Живуть они у одного крестьянина, за квартиру ничего не платятъ, только зимой кой-когда купать дровъ да за мойку бѣлья даютъ 2 руб. въ годъ. Кромѣ того жена Александра оказываетъ хозяевамъ ту услугу, что иной разъ понанчить ихъ дѣтей.

Александръ ходитъ съ ней только по ближайшимъ селамъ, въ дальнія ея не беретъ. Ходитъ онъ въ Мизяковскихъ хуторахъ, Майданѣ Супруновскомъ, Супруновѣ, Пеньковѣ, Дашковцахъ, Лукашевкѣ, Ксаверовкѣ, Якушинцахъ, Стрижовкѣ, Лавровкѣ, Медвѣдкѣ, Павловѣ, Калиновкѣ, Яновѣ, Гушинцахъ, Байковкѣ, Багриновцахъ, Вонячинѣ, Кривошіяхъ, Хуторахъ, Воронинцахъ, Улановѣ и друг.; бывалъ онъ и въ дальнихъ селахъ, какъ Ярошенка, Бырлинцы, Копайгородъ, Лядова; былъ два раза и въ Кіевѣ.

Выпрошенныхъ припасовъ всегда хватаетъ ему на прожитіе,—иной разъ и продасть еще что нибудь изъ нихъ. Водится у него и кофѣйка. Самый лучшій сборъ бываетъ на «отпустѣ» въ день отъ 20 коп. до 1 руб. Въ послѣднее время онъ началъ зарабатывать молотью хлѣба у крестьянъ.

Полнымъ лирникомъ Александръ считаться не можетъ, такъ какъ не получилъ еще «везвилки». Въ виду этого онъ ходитъ съ лирою

только въ ближайшихъ селахъ, за что сосѣдніе лирники его не преслѣдуютъ. До полученія «везилки» ему еще осталось два—три мѣсяца. Будучи поваремъ онъ учился пѣснямъ у разныхъ лирниковъ, но въ послѣднее время учителемъ его состоялъ Андрей Зоря.

Учить же другихъ онъ не имѣетъ права, но недавно онъ рискнулъ выучить «жебранкѣ» одного слѣпаго мальчика изъ Мизяковскихъ хуторовъ и вывести его въ Браиловъ. Лирники предъявили къ нему претензію и ему пришлось бы круто, если бы онъ во время не удралъ отъ нихъ. Потомъ, когда онъ былъ въ ихъ компаніи, они экзаменовали его: спрашивали молитвы, «день добри» и заставляли пѣть и играть на лирѣ. Затѣмъ посоветовали ему еще доучиться («розуму дойти»), «покорытись» комунибудь хоть на два мѣсяца и преждевременно не брать учениковъ.

Александръ довольно общителенъ. Благодаря ему мнѣ пришлось добыть нѣкоторыя свѣдѣнія о лирникахъ. Такъ, между прочимъ, говорилъ онъ о томъ, какъ лирники, поклонники Бахуса, заботятся о хорошемъ мнѣніи о нихъ крестьянъ: «якъ тилько лирники заходятъ въ коршму пыты, то вышлютъ на сторожу одного поводаря, щобъ знаты, якъ хто буде иты: щобъ не сказали люде, що старци Божи пьянствуютъ». Отъ него я узналъ обрядъ посвященія, который въ общемъ провѣрилъ у Зори, «день добри» (тоже провѣренное), пѣсню «якъ кленчатъ», «жебранку», и нѣкоторыя другія.

Лирникъ Андрей Зоря. Не разъ мнѣ приходилось слышать хорошіе отзывы о лирникѣ Зорѣ, хвалили его какъ хорошаго пѣвца и музыканта. Зоря средняго роста и съ виду еще совсѣмъ молодой безъ усовъ и бороды. Настоящая его фамилія Довгалюкъ. Зоря—прозвище.

Первыя мои посѣщенія къ нему были не совсѣмъ удачны—все не приходилось застать его дома. Живетъ онъ въ м. Яновѣ на «Царській гори», у своего отца. Отецъ его (по прозванію—Редько) удѣлилъ ему половину дома и третью часть огорода—поля еще не даетъ. Хозяйство у нихъ, какъ и у всякаго крестьянина—хозяина средней руки. Предъ Пасхой на ихъ куткѣ былъ пожаръ, сильно повредившій ихъ домъ и уничтожившій всѣ постройки. Исправленіе дома обошлось Зорѣ и старику по 40 рублей.

У Зори, кромѣ отца, есть еще мать, сестра, братъ, жена и сынъ. Отецъ его словоохотливъ и откровененъ. Пошли у насъ съ нимъ разговоры о житьѣ-бытьѣ и о его сынѣ. О немъ онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

«Андрей саме тоди родився, якъ ходылы на варту зъ списама—цебъ то въ мягежъ. Бувъ и я якось на тій варті. Прыбигае( ) ене су-

сида дай каже, щобъ я ишовъ до дому, бо гости маю—давъ мени Богъ сына Андрея. Я шей тоди увидивъ, що винъ слипый буде. Якось потымъ, черезъ килька ровивъ, якъ стоялы у насъ москалы, одынъ пидхвель й каже мени, щобъ я визъ сына до одного дохтора назвавъ и мисце. И що той дохторъ такъ зробить, що ему очи одкрыюця. Збыраюсь ото ихаты, збиваю копійку, захожу въ волость, щобъ то бумагу взаты, а нашъ цырулныкъ жыдъ клинеця передъ мною и передъ волоснымъ, що никто вже Андрееви не поможе, бо то такъ ему зъ рода. «Потратытесь, каже, и ничо съ того не буде—готовъ голову свою даты въ закладъ.» Думавъ я, думавъ тай заставсъ дома. Чы зле зробивъ, чы добре Богъ его зна»...

«Якъ Андрей идрисъ, почалы мы зъ жинкою водыты его по церквахъ, монастырахъ та костелахъ—де тилько чулы якый чудотворный образъ. Но трохы помогло ему въ нашому, Янивському костели. Зачавъ ксендзъ даваты свяченой воды, щобъ ии на платынкахъ прикладаты до очей; зачалы мы тее робыты та молытысь до Матери Божой, вона й видерыла трохы ему вика и появилась слеза. Писля цего ему стало лучче. Вывожу его якось на двиръ—блясъ сонця такъ и вдарывъ ему въ очи. «Що це, тату, таке ясне?—Це, сыну, праведне сонечко сие. А якъ ничъ, то винъ каже, що темно. Якъ-же побачывъ блясъ мисяця, то й пытаеця: «а це що блящыть?»—Це, сыну, мисяць свитыть. Теперъ вже добре знае, колы, день, колы ничъ».

Йдутъ лига, отъ и прышла пора подуматы що робыты зъ Андреемъ. Дочку вже, слава Богу, выдавъ замужъ и отдилывъ ии зъ зятемъ, а все що остаеця, все це достаеця по мов смерти Андрееви и менчому мому сынкови. Щожъ думаю соби, буде винъ дурно сыдиты, якъ неможе хазайнуваты, нехай ынчымъ способомъ працюе. Видавъ его въ науку до пыкивського лирныка Ныкона. Той мени каже, що визме мого Андрея на 3 годы й 3 мисяци. Що я не допросывсь, щобъ скорийшъ выпускавъ его, ничого не помогло. «Не могу, каже: якъ здавна заведено, нехай такъ и остаеця». Вывчывъ винъ скоро, розумомъ Богъ его не обдильвъ. Не маю що жалкуваты: поведенія винъ добраго, не пьяныця, людей шануе и его люде шанують. Отъ, якъ здыбаюсь зъ якимъ чоловикомъ зъ другого села, та якъ начне мени его хвалыты, то мени такъ мыло це слухать (а перше не признавалысь такъ до мене!»).

«Потимъ пидойшла пора и женыты его. Теперъ въ него вже й дытынка е и стараеця винъ для своей симби. А старатысь мусыть, бо й для симби й для поводара треба. Поводаръ бере дохидъ (бѣлье,

одежду и обувь) и 6—10 карбованцивъ въ рикъ. Та ще, якъ лучыця добрый, а то часомъ прыдасця таке ледащо, що вкраде и обмане».

— А такъ не буває, щобъ дидь-лирныкъ вкравъ?

«Межы дидами за це трудно, а буває воно межъ поводарамы—вся беда на ныхъ! Въ Браилови на отпусти одынъ поводарь-сынъ тогожъ лирныка, що водывъ—вкравъ кашкета, то лирныкъ, батько его, попросывъ, щобъ протягли сынка дай всыпавъ ему гарачыхъ для науки... А безъ поводара слящевы трудно обійтысь, хоць мій Андрей може и самъ зайты куда завгодно. Разъ прыходять до мене лирныкъ—йшли вони въ Калынивку на ярмарокъ—тай просятъ, щобъ и Андрей йшовъ зъ ними. Пишовъ винъ. Пидъ вечеръ попросходылысь диды зъ торговыци, а Андрея й забулцъ взяты съ собою. Бачыть винъ, що самъ zostавсь и никому его весты, вставъ дай пишовъ до дому. Черезъ села зъ Калынивкы йде дорога до Пыкова, а есть поворотка и въ Янивъ. Поворотку ту винъ якось и промынувъ. Не хтилось ему назадъ вертатысь, отъ винъ и пишовъ въ Пыкивъ, а зъ видтыль и прыхавъ до дому».

Я высказаль удивленіе, что его сынъ изучилъ такую длинную дорогу.

«Що-то це. А отъ рокивъ 30 тому назадъ бувъ у насъ въ Янови старый лирныкъ Юхремъ, дакъ винъ човномъ издывъ по рици, ятири наставлявъ и рыбу ловывъ. Наставыть ятира, а потимъ прыиде до него. А вйде въ лисъ, то всяку птыцю знае. Винъ бачте, ослипъ на 18 року, то ему зъ малку все це було звисно.

Хорошее мнѣніе старика-отца о своемъ сынѣ потомъ вполнѣ подтвердилось, когда я узналъ его. Хотя онъ еще молодъ, но уже установился и развитъ не по лѣтамъ.

Въ настоящее время между дѣдами ходить молва, что имъ воспретяты ходить по міру и засадять въ богадѣлни. Это ихъ страшитъ и очень волнуетъ. Привожу здѣсь мнѣніе Зори, высказанное по этому поводу.

— Богъ его зна на що то запрещають намъ за мылостынею ходыты. Перше хоць за пашпорты пытались, а теперь прямо кажутъ: не ходы. Того ярмарку въ Калынивци врадникъ цилый день гонывъ насъ: «выберайтесь, каже, звитце», тай годи (Богъ его зна чого ему хочецця!) «У васъ е общество, нехай воно васъ отрымуетъ». А хиба насъ воно не отрымуетъ? Тилько не одно село, а багацько силъ. Неможужъ я но въ свому сели за мылостынею ходыты, тоди зовсимъ проававъ бы, бо мылостыня якъ стрила—кого скоче, того вдарытъ. Якъ намъ буде воспрещено ходыты, то не буде съ чого й жыты. Ску-

дова будемо пытаты тѣлеса свои? Гонимъ бы насъ, якъ бы мы бы-
лись або що... Бувае часомъ такой дидъ, що впецця, а звисно:
пьяный чоловікъ свичкы не поставыть, тилько звалыть; тай выхо-
дыть, якъ то кажуть: паршыва вивця все стадо портыть. Но не
всижъ таки!

— Ходыть чутка, що ныщоту будуть браты въ богадѣльни. А хйба
видъ тыхъ богадѣльнъ намъ лучше буде въ свити жыты? Тымъ
тилько добре буде, хто буде завидуваты тымы богадѣльнямы (добре
кшени понабывають), а намъ ще гиршъ буде, якъ було. Запрутъ
тебе туды, якъ горобця въ клітку, сыды тай цвиринькай... Якъ же
мы ходымо по свити, то спиваемъ про Божество та молымосъ за
мыръ Богу—за те насъ и годують!

Репертуаръ Зори состоить изъ 42 пѣсень и одного акаѳиста.
По словамъ Зори, его учитель, лирникъ Никонъ, знаетъ 47 пѣсень
и 3 акаѳиста, а одинъ изъ лирниковъ с. Журавнаго знаетъ 120 пѣ-
сень. Самъ Зоря предпочитаетъ пѣсни религіозно-нравственныя, та-
кихъ же, какъ «геща» и т. п. недолюбливаетъ.

Отъ него я записалъ интересный вариантъ «панщины». Про-
читавъ ее, далеко не получаяшъ того впечатлѣнія, какое бываетъ при
пѣніи ея лирникомъ. Глубокій юморъ, безпощадная и сильная иро-
нія мстятъ бывшимъ панамъ за рабство, за пощираніе челоувѣческихъ
правъ и достоинства. При пѣніи ея присутствовали крестьяне. У
стариковъ ова будила воспоминанія о пережитомъ горѣ, о подневоль-
ной работѣ, о розгахъ, о всевозможныхъ несправедливостяхъ и т. п.
прелестяхъ крѣпостной зависимости. Со слезами они слушали ее и
во многихъ мѣстахъ комментировали. Даже дѣти 9—10 лѣтъ и тѣ
по адресу панщины посылали проклятія.

— Ходыть чутка, що паны назадъ хотять панщину вернуты.--Ну,
ну, було та мывуло!... слышится разговоръ.

«Панщину» поютъ не одни только лирники, поютъ ее и осталь-
ные крестьяне. Кромѣ «панщины» я записалъ у Зори еще другія
пѣсни, приводимыя ниже.

Лирникъ Никонъ. Большой интересъ представлялъ собою для
меня пиковской лирникъ Никонъ. Часто мнѣ приходилось слышать
хорошіе отзывы о немъ крестьянъ, но для меня особенно интересно
было то, что о немъ высокаго мѣнія сами лирники, какъ Зоря и
Александръ. По словамъ послѣдняго, Никонъ у лирниковъ вродѣ
начальника, пмѣеть большое вліяніе на нихъ и «внйъ ходыть не
такъ, якъ мы, а такъ, якъ дякъ».

Домъ Никона—обыкновенная просторная крестьянская хата. Жилое помѣщеніе раздѣляется на двѣ части: первая большая комната, а другая поменьше—кухня. Вокругъ стѣнъ лавки, а вмѣсто «полу» кровать. На стѣнахъ, какъ водится, много иконъ и на крючкѣ, многозначущая для Александра мизяковского, «чемерка».

Семья у Никона небольшая: жена лѣтъ 45 и четверо дѣтей—двѣ дочки и два сына. Старшую дочь онъ уже выдалъ замужъ за хозяина, меньшая еще невѣста; старшій сынъ учится у кузнеца, а меньшій еще дома.

Самъ лирникъ человѣкъ еще не старъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, русый съ небольшой жидкой бородкой и низко опущенными на лобъ длинными волосами, производитъ довольно пріятное впечатлѣніе. Лицо у него выразительное: видна твердость, энергія и умъ. Поговоривъ съ нимъ, я увидѣлъ, что онъ очень развитъ и что кругъ его понятій, въ сравненіи съ другими лирниками, гораздо шире. Онъ имѣетъ понятіе о книгопечатаніи, о типографіи; по его словамъ, типографія прежде находилась въ Почаевѣ, а потомъ была перенесена въ Кіевъ. На жизнь и людей смотритъ съ точки зрѣнія религіи и справедливости¹⁾. Въ разговорѣ употребляетъ массу текстовъ и поговорокъ. Съ большою любовью относится къ своимъ пѣснямъ. Творцами пѣсенъ религіозно-нравственныхъ онъ считаетъ святыхъ и апостоловъ.

Меня интересовало, какъ онъ смотритъ на дѣятельность лирниковъ; поэтому, заговоривъ съ нимъ о томъ или иномъ трудѣ людей, я спросилъ какъ онъ смотритъ на трудъ лирниковъ. На это онъ сказалъ, что Иисусъ Христосъ для проповѣдыванія своего ученія избралъ учениковъ и 12 апостоловъ, а по вознесеніи своемъ оставилъ для этого хромыхъ и слѣпыхъ²⁾.

Относительно лирниковъ Никонъ замѣтилъ, что между ними есть всякій народъ и что «есть и такъій, що перелепече писню скорійшъ, абы мылостыню взяти, а есть и такъій, що цего не зробить, бо це гришно. Вже мени най Богъ простыть, а яѣть часомъ писня довга, а я зморанный, то въ идни хати почну, а въ другій скинчу».

¹⁾ Я того мнѣнія, что, производя вліяніе на общество пѣснями духовными и моральными, лирники (лучшіе, конечно, представители этого класса, такъ какъ и здѣсь есть люди и людишки) и сами находятся подъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ.

²⁾ Взглядъ этотъ отчасти аналогиченъ со взглядомъ вобзара Андрея Шута. „По его поватіямъ нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели“. Зап. о южн. Рос. Кулиша, стр. 45.

Затѣмъ онъ снялъ «струментъ» и предложилъ послушать что-нибудь. «Оцеи вы десь певне не чулы?» и заигралъ Николая кievскаго.

Заговорили про думу «Коновченко». Онъ съ удовольствіемъ говорилъ о ней, всю исторію называлъ правдивой. Когда же жена сказала, что это выдумки дѣдовъ, онъ съ сердцемъ отвѣтилъ: «эхъ, бабы, вы то й есть татары, туркы—босурмане, колы цему не ймете виры!» Коновченка по его словамъ заставляють пѣть родители непокорныхъ дѣтей («выплачуцця добре»), а особенно предпочитаютъ его «парубки», которымъ очередь идти въ солдаты.

— А вы, диду, знаете що то таке бандура, чулы якъ вона грае?¹⁾

— Колысь въ Києви чувъ. Бувъ въ нашій компаніи кобзарь. Отъ винъ начавъ до себе запрохаты, щобъ послухалы думу, но надійшовъ якысь панъ, дай каже людямъ: «ходить та послухайте лучше божественну писню—то буде, якъ бы вы молитву слухалы, а якъ за це дасте що старцеви то буде якъ бы на молитвы дано»... То народъ такъ и одхлынувъ одъ кобзаря.

Затѣмъ я просилъ Никона спѣть Коновченка. Оказалось, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, это тотъ же самый варіантъ, что и у Димныча. Здѣсь, впрочемъ, были мѣста, которыхъ не было въ варіантѣ Димныча. Я хотѣлъ записать всю думу, но Никонъ отказался отъ этого и продиктовалъ только нехватаящія мѣста. Потомъ я записанное у него прочелъ Димнычу и оказалось, что Димнычъ когда то самъ это пѣлъ, но забылъ. Никонъ отнесся къ записыванію очень подозрительно, все спрашивалъ нѣтъ ли «якого указа» и не выйдетъ ли «що недобре съ цего?»...

Такое недовѣріе съ его стороны, какъ лирика и какъ человека вліятельнаго въ своей средѣ, было вполне понятно. Кромѣ того, много способствовало его недовѣрію и то, что кромѣ грамотныхъ крестьянъ у него еще никто не записывалъ. Долго мнѣ приходилось убѣждать его, что здѣсь не кроется никакого подвоха. Затѣмъ я записалъ у него еще псалму свят. Василю.

Самъ Никонъ учился въ Хмельникѣ и у него уже было 6 учениковъ, въ томъ числѣ и Зоря. О послѣднемъ онъ отзывался очень

¹⁾ Сколько мнѣ не приходилось въ подольской губ. разспрашивать стариковъ-крестьянъ о томъ нѣтъ ли преданій, когда появилась здѣсь лира—я ничего не могъ узнать. Про бандуристовъ же они (тѣ, которыхъ я разспрашивалъ) и понятія не имѣютъ. Впрочемъ въ Гушинецахъ, винницеаго уѣзда, одинъ крестьянинъ такъ сказалъ: „кобзари—то лирники. Тилько воно по русьскы выходить—кобзарь, а по простому—лирникъ“.

хорошо и хвалилъ его игру. Объ Александрѣ мизяковскомъ замѣтилъ что ему бы онъ не совѣтовалъ идти въ диды, но ужъ если непремѣнно желаетъ того, то ему во всякомъ случаѣ нужно «покорытись» кому нибудь хоть на два, на три мѣсяца.

Нѣтъ уже теперь такихъ лирницкихъ школъ, какъ бывали прежде. Еще лѣтъ 30 тому назадъ, по словамъ крестьянъ, была такая школа въ Махновеѣ, кіевской губ., учителемъ состоялъ въ ней старый лирникъ. Учениковъ было до двухъ десятковъ и изъ выпущенныхъ изъ этой школы молодыхъ лирниковъ нѣсколько (по объятельству) помощниковъ.

Никонъ, имѣя учениковъ, рѣдко самъ ходитъ за милостыней въ дальнія села, а по большей части ограничивается ближайшими, за то ужъ часто предпринимаетъ путешествія на «отпуста», какъ въ Браиловъ, Легичевъ, Лядову, Карлашовку, а также и въ Кіевъ.

Лирникъ Мусій Шуга. Напослѣдокъ скажу нѣсколько словъ о дашковскомъ лирникѣ Шугѣ. Встрѣчаться съ нимъ мнѣ приходилось часто, но застать дома ни разу. Поэтому ограничусь только тѣми свѣдѣніями, какія почерпнуты мною изъ разговора съ его односельчаниномъ-крестьяниномъ. Шуга ослѣпъ, будучи уже «парубкомъ»; въ настоящее время ему лѣтъ подъ 40, онъ женатъ, но дѣтей не имѣетъ. Живетъ онъ въ маленькой хаткѣ, около которой есть и огородъ, данный ему обществомъ. На мой вопросъ, есть ли у Шуги поле, крестьянинъ отвѣтилъ: «а нашожь воно ему? хiba винъ буде працювати коло него? Е въ него торба, зъ ней винъ и жые». Затѣмъ по разсказу выходитъ, что онъ «не пьяница, чоловьяга добрый, позычае безъ процентивъ людямъ гроши—рубливъ 100 вже выни ему». Всякую монету и ассигнацію узнаетъ отлично. Когда то, во время перехода чрезъ Дашковцывойскъ, удостоился онъ играть въ веселой офицерской компаніи. Подъ скрипъ его лиры офицеры протанцовали всю ночь, а за труды уплатили ему 3 руб.

Поводаря беретъ онъ только въ дальнюю дорогу, какъ на «отпуста» куда нибудь, но въ Винницу (16 верстъ) и въ Винницѣ ходитъ самъ.

Шуга учился въ Быскибкѣ у лирника Олексы. Лирникъ этотъ уже старъ и, какъ говорится, стоитъ одною ногою въ могилѣ, столь много поглотившей уже такихъ хранителей и носителей народной поэзіи. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ въ Глинскѣ 110 лѣтній лирникъ. Умирають сѣдые головы, и весьма жаль, что умирають вмѣстѣ съ ними и тѣ преданія, какія ими хранятся, а мо-

жеть быть и произведенія поэзіи, какъ много уже пропало такимъ образомъ историческихъ думъ, пѣсенъ и т. п.; жаль также и вырботаннаго долгимъ опытомъ ихъ міросозерцанія. Изучивъ духовную ихъ жизнь, ихъ взгляды на явленія жизни, на общество, на самихъ себя, на свою дѣятельность и т. п., а также отношенія ихъ къ обществу и общества къ нимъ—этимъ самымъ можно было бы способствовать освѣщенію значенія ихъ (лирниковъ), а также и кобзарей въ жизни малорусскаго народа.

Относительно приводимаго ниже лирницькаго репертуара считаю нужнымъ замѣтить, что мною помѣщены или пѣсни, неизвѣстныя въ печати, какъ пѣсня «икъ кленчать», жебранка», «прыказаня», «жытіе», «Іосифъ», «суха бабва», или же представляющія собою интересные варианты, какъ «Коновченко», «панщина», пс. св. Василю, «бѣда» и другія.

1.

КОНОВЧЕНКО ¹⁾

А въ городи, городи, въ городи Черкеси
Тамъ була ненька-старенька на прованіе Грыцьха,
А по своему мужови той Коновчыха.
Мала вона сына Ивася идынчыка,
На прованіе мужа своего той Коновченка.
Тожь вона его годувала и доглядала,
До старости своей на чужи стараткы не давала,
Тожь то вона славы й потишенькы надіяла.
Ставь сынъ, Ивась Коновченко, подроцаты
И ставь лыцырську, козацьку науку пониматы
И згѣрда та слышна до ненькы одповидаты:
*) «Ненько моя, ненько старенькая!
Ой часъ-пора мени охвицырськой, лыцырськой, козацькой славы и
памяты тай доказаты».

¹⁾ Здѣсь же привожу мѣста Коновченка, записанныя мною у лирника Никона

*) „Годи та годи, ненько старенькая, пры тобы пробуваты,
Шля мени подоба съ козацькымъ вѣйськомъ погуляты,
Счастія та доли строхуваты
И охвицырськой, лыцырськой славы та памяты доказаты“.

*) «Сынужь мій, Ивасю Коновченку, дитя мое молоде,
 Не треба тобі охвицьрської, лыцьрської, козацької славы и памяти
 пониматы,
 Но вчыся ты въ чыстимъ поли на хлибъ та на силь роботаты.
 Есть у тебе, сыну мій, штыры волы половыхъ й пара коней вороныхъ,
 Плужокъ зъ срибла та злота солятый» .
 Ставь Ивась Коновченко згорда та спышна до ненькы промовляты:
 «Якъ же и буду въ чыстимъ поли на хлибъ та на силь роботаты,
 Дороги сахваны на чепіяхъ продыраты
 И сахьянови чобиткы за плугомъ доптаты,
 То будуть иты козаки молодіи, выслуженькы війсковіи,
 То будуть на мене нарикаты,
 Бабіемъ, чыпіемъ, козіемъ незвычайно называты.
 А якъ же я буду охвицьрської, лыцьрської, козацької славы—па-
 мяты, пониматы
 То буду я одъ государя честы й славы надіяты» .

***) Ивась Коновченко штыры волы половыхъ й пару коней вороныхъ
 Все жъ тее въ поли покыдавъ,
 Самъ до дому прыманджавъ,
 На тры замкы комору розбывае,

*) „Сынужь мій, Ивасю Коновченку, дитя мое молоде
 Не вчыся ты пизно лягаты, а рано вставаты,
 Но вчыся ты въ чыстимъ поли на хлибъ да на силь роботаты
 Будуть иты козаченькы молодіи, выслуженькы войсковіи,
 удешь до себе да на хлибъ, да на силь запрохаты
 Будуть тебе Ивасемъ Коновченкомъ, хозьяномъ, называты“.

***) А въ неділю барзо рано вси дзвоны дзвонять;
 Ненька старенька до церковци выхождае,
 На тры замкы комору замыкае,
 Бо вона дуже добре знае,
 Що сына свого, Иваса Коновченка, дома не застае.
 Скоро ставъ Филевныкъ полковныкъ въ Черкесъ городъ уизжаты,
 Корогвыцю розываты и въ барабанъ выбываты
 И до себе охотныкыи на охоту вызываты;
 „Цукерныкы, гуралныкы, пывовари,
 Выновеурныкы й майданныкы!
 Хто не хоче пры отцеви пры неньци прыбуваты,
 Прому до себе доли та счастья строхуваты
 Лыцьрської, охвицьрської, козацької славы да памяти доказаты“,
 Скоро Ивась Коновченко тое услыхавъ,
 Заразъ въ поли пару коней вороныхъ й штыры волы половыхъ покыдавъ.

Семелитню одежу доставає,
 А отця свого печатью приклавше,
 Сахвянови чобиткы въ руки взявше
 Той пихотою за вѣйськомъ поманджавше.

*) Ненька старенька съ церковци йдучи якъ увыдала,
 Що на тры замкы комора розбыта,

Тожъ то плаче-умливає

Горко свого сына, Иваси Коновченка, проклинає:

«Щобъ тебе, сыну мій, кули не стрілялы, шабли не рубалы,

Но щобъ тебе, сыну, середь турецькою долины матерыни слезы каралы.

Бо ненька старенькая годувала й кровь прольвала

Щей въ неділю до схиць сонця плакала

Тожъ то вона плакала-рыдала,

***) Про те вона въ своему серцю сокрушеніє мала.

Черезь городъ, черезь Черкешчыну идуть козаки молодіи, выслу-
 женькы вѣйсковіи

«Чы не моглибъ вы хвильку заждаты,

Щобъ до мого сына писемце напысаты?»

Нехай мій сынъ, Ивасъ Коновченко, по билимъ съвити, по жовтимъ камини

Нижокъ не збыває, здоровля не терає,

Нехай винъ съ туркомъ, съ черкесомъ хоць разъ погуляє».

Взяла вона штыры волю половыхъ й пару коней вороныхъ,

Плужокъ зъ срибла та злота солятый,

То всежъ тое вона спрдала

И 100 золотыхъ монетъ доклала,

А своему сынови, Ивасеви Коновченкови, коныченька вторгувала

Козаки молодіи заждали

И писемце спысалы,

*) Скоро невѣжа старенька съ церковци прийшла до дому тое вздрила
 Упала на землю тай умлила.

***) Ходяй же вона лає-проклинає,

Такы вона въ своему серцю мылосердіє має.

Взяла тіи пару коней вороныхъ й штыры волю половыхъ

И плужокъ зъ срибла та злота солятый

Повела до Янцеля комаривського,

До орендара билоцеркивського,

То всежъ тее спрдала

И 100 золотыхъ монетъ доклала,

А своему синови, Ивасеви Коновченкови, коныченька вторгувала

Черезь городъ, черезь Черкешчыну...

И вороного коня въ руки взяли,
 И Ивасеви Коновченкови до рукъ дали.
 Ставь Ивась Коновченко на конька сядаты
 Та нисемце чытаты и горко плаваты:
 «Не суды жъ мени, Боже, тутъ помыраты,
 Суды жъ мени, Боже, до дому достаты,
 То жъ то я буду знаты, якъ риднюю мамку шануваты»
 Ивась Коновченко ставъ на конька сядаты,
 Полковныкивъ вызываты
 Тай съ черкесомъ, съ татаромъ, съ туркомъ на медь-вино выизжаты
 700 звоювавъ, а 800 на арканъ звязавъ,
 А до своего вѣйска живцемъ прымчавъ.
 Ставь Ивась Коновченко другой разъ на конька сядаты,
 На наметъ выизжаты,
 Полковныкивъ вызываты.
 Полковныки ему отвичають:
 «Ивасю Коновченку, барыню молодой, охотныку прыкоханий!
 Мы не можемо тебе поныжаты,
 Но вельмо тебе за старшыну обибраты,
 Но не довазуемо тоби побольше горкого трунку вжываты,
 Бо козаць пьяный славы не докаже,
 Но всю зброю козацькую потеряе».
 «Якъ же не буду побольше горкого трунку вжываты,
 То я не буду съ татаромъ, туркомъ, черкесомъ-босурманомъ той ниць
 воюваты;
 А якъ же я буду побольше горкого трунку вжываты,
 То я буду съ татаромъ, туркомъ, съ черкесомъ-босурманомъ на прахъ-
 прахомъ воюваты
 Ивась Коновченко 800 звоювавъ, а 900 на арканъ забравъ
 И до своего вѣйска тай живцемъ прымчавъ.
 Ставь Ивась Коновченко, барынь молодой, охотныкъ прыкоханий
 Третій разъ на конька сядаты
 И на медь-вино выизжаты,
 Не по козацьки, не по лыцырськи зброю трыматы.
 Кинь головку клонить, до него говоритъ:
 «Ивасю Коновченку, барыню молодой, прыкоханий!
 Якъ же ты будешъ побольше горкого трунку вжываты,
 То вже ты не будешъ ись татаромъ, туркомъ, черкесомъ-босурманомъ
 той ниць воюваты,

Бо вже моя не може «магаты».

Ивась Коновченко коня не послухавъ,
Якъ ударывъ по пидъ сперса шпорама,
То передъ вѣйска всего впередъ поихавъ.
Туркы, татары-босурманы тее постереглы
Тай стали его кулями стріялыты, шаблямы рубаты.

Але кули его не стріяють, шабли не рубають,
Но матчыны слезы середъ вѣйска карають—
Ивась Коновченко полковныкывъ просыть:

«Прошу васъ здѣймить мене съ коныченъеа

Стыха помаленька;

Прошу, васъ, здѣймить и турецькыкъ жартывъ не вразить,

Мой мамци правды не кажить,

Якою я смертію помырать буду».

Полевныкы знялы съ коныченъеа

Стыха помаленька

Ивася Коновченка.

*) Козаки молодіи зійшлыся на турецку долину,

Выкопалы на Ивася Коновченка шаблямы мугулу.

Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну идутъ козаки молодіи, выслу-
женъкы войсковіи.

Ненька старенька сълонилась, стала просыты:

«Козаки молодіи, выслуженъкы войсковіи

Скажить мени неодминную правду,

Чы е мій сынъ, Ивась Коновченко, у вѣську живый та здоровый?»

«Тоби маты не журыться,

Тоби маты веселыться,

Вземъ твій сынъ въ Туреччыни оженывся

Взявъ соби туркыню,

Горду та пышну монархыню,

Ни съ кымъ не стоить, не говорить,

Хоць передъ якимъ монахомъ **) головки не сълоныть»

«Хвалю Бога, невесткы дождала,

Тожь буду маты пры старости литъ де головку прыслоныты».

*) Полевныкы дуже добре за него дбали,

Шаблямы доль ковалы и прыдолеама выгыдали

И зъ музыею—валелею у черкешьки долини поховали.

**) Монархомъ.

(Залисано отъ лирн. Никона изъ Пикова).

Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну иде другый полкъ вѣйска
 Ненька-старенька склоньлась, горько плаче-умливае
 И за своего сына, Ивася Коновченка, козакивъ пытае:
 «Козаченькы молодїи, выслуженькы вѣйськовїи,
 Скажыть мени неодминную правду,
 Чы е мїй сынъ, Ивасъ Коновченко, живый та здоровый?»
 «Тоби, маты, не журыться,
 Тоби, маты, веселыться,
 Вжежъ твїй сынъ, Ивасъ Коновченко, въ Туреччыни оженився,
 Взявъ соби турькыню,
 Горду та пышну монархыню,
 Ни съ кимъ не стоять, не говорыть,
 Хоць передъ якимъ монахомъ головки не склоныть».
 Черезъ городъ, черезъ Черкешчыну третїй полкъ иде,
 А впередъ козакъ иде,
 Вороного коня веде.
 Кинь чорнымъ сукномъ обшытый плаче, врунае,
 Що за слизьмы свита не выдае,
 Що одъ Ивася Коновченка здоровья не мае.
 Ненька старенька склоньлась, стала просыты:
 «Козаченькы молодїи, выслуженькы вѣйськовїи!
 Скажыть мени ыменную правду
 Чы е мїй сынъ живый та здоровый?»
 «Тобы, маты, не журыться,
 Тоби, маты, Богу помолыться:
 Вжежъ твїй сынъ въ Туреччыни положывся,
 Взявъ соби мугылку,
 Що сонце не грїе, що витерь не вїе,
 А переказувавъ до мамкы
 Нехай тоби сердце не мліе».
 Ненька старенька трыдневый обидь справляла,
 Козакамъ молодымъ бочкы зъ медомъ и выномъ за браму выкатала,
 Козакивъ молодыхъ напувала.
 Козакы молодїи пылы та гулялы,
 А Ивася Коновченка во вїкы вїковъ прославлялы;
 Зъ пушовъ, зъ гармативъ стрїлялы,
 Ажъ по ярахъ по долынахъ дымы стоялы,
 Яеъ Ивася Коновченка на вїгы прославлялы.

(Зап. отъ А. Димныча изъ с. Гушинець)

2.

ПАНЦЫНА.

А летіла зозуленька та стала куваты:
Збериця вы, вся громада, шось маю казаты.
Позъяздылысь комисары, стали голосыты:
Вернысь, вернысь, панцынонько, нема съ кымъ робыты.
Позъяздылысь мыврови та стали судыты:
Не будете люде добри панцыны робыты.
Мы не вміємо косыты, наши жинкы жаты,
Хиба пидемъ въ холодогъ тай будемъ лежаты.
Мы не вміємо косыты, наши, жинкы прасты,
Хиба пидемъ въ воноводы, навчымося красты.
А суббота назадъ себе панцыноньку гнала,
Якъ загнала въ темный лись, тамъ вона пропала.
Якъ загнала за граныцю, тилько шапкы выдко,
Осталыся голодрыгы, дывытыся гыдко.
Вы, хлопцы, вы молодци сйдайте на чотыры верхы,
Зажените панцыноньку у пуци та въ нетры.
Выйшла пани, выйшла пани на затильни двери,
Вернысь, вернысь, панцынонько, хоць намъ до вечери.
Не вернуся, не вернуся, бо ничка невыдна,
Вы жъ мене, вражи ляхы, прогналы, я съ того не вынна.
Чомъ ты, зоро, не свитыла, якъ панцына була?
А теперь ты засвитыла, панцына мынула.
Наши соцьбен и старосты люблять водку пыты,
Ходять рано по пидъ виена: «идить молотыты».
Сыдыть дидычъ пидъ хатою, ноги за плечыма,
Сыдыть воши коныцями съ чорными очыма.
Летивъ орель съ чужыхъ сторинъ тай истурбувався,
Якъ улетивъ въ польськый край тай издывувався.
А дежъ тін дворы та палацы, що тута стоялы?
(Колысь булы дворы та палацы, що тута стоялы)
Теперь тін дворы жыды позаймалы.

Колысь було у тыхъ дворахъ висимнадцять комисаривъ,
 Висимнадцять комисаривъ, а штыры пидданиыхъ.
 Летыть пава, летыть пава, середъ мора впаала,
 А щобъ тая панцынонька на вика пропала.
 Колысь же то ти паны малы ласку,
 Що здіймалы съ чоловикивъ штаны, а зъ жиннокъ запаску,
 Колысь було панамъ добре—отъ якъ карбувалы:
 Молодіи молодыци панивъ обіймалы.
 Моляцца вы Богу, люде добри, до святой хвитуры,
 Подурувавъ панъ айця, подаруе куры.
 Дай Боже здоровья нашій царыци,
 Выкушыла съ панцынонькы наши молодыци.
 Дай Боже здоровья нашому царови,
 Що выкушывъ съ панцынонькы наши хозяеве.
 Зъ нашимъ царомъ Александромъ не такъ воюваты,
 Якъ выгнавъ у чысте поле, то въ лисъ не втикаты.
 Пошлы вражы лишкы та рубаты стосы,
 Погубылы черевычкы, самы прыйшли боси.
 Дай же Боже здровья шей царивнымъ дитямъ,
 Що вони намъ позволялы въ коршми посыдыты:
 Въ коршми посыдыты тай шей погуляты.
 Вже не прыйде осаула на панщыну гнаты.
 Ахъ летила зозулечка та по надъ нови села,
 А прынесла всій громади радость и веселье.
 Ахъ летила зозуленька, сила на ломаци,
 Выбачайте, люде добри, вже панщына въ...

(Зап. отъ лири. изъ м. Янова А. Зоря).

3.

ПРАВДА и НЕПРАВДА.

Когда горе, горе на цимъ свити жыты,
 А броть Боже смерти—буде Богъ судыты.
 Якъ чоловикъ здоровъ, всякый его любить;
 Якъ лыха годына, родына одступыты.

Якъ чоловікъ здоровъ, то любить чужина;
Якъ лыха годына, одреклась родына.

Ой якъ тяжко, важко каминня лупаты,
Ой такъ тяжко, важко дитей годуваты.

Бо старая ненька диткы годувала,
Диткы годувала, noci не доспала.

Nочи недоспала, то кровъ пролывала,
То кровъ пролывала, диткы й годувала.

А тепера диткы на те не вважають,
Беруть отца-неньку идъ ноги вныжають.

Бо теперь на съвити така вийшла кара,
Що по всему съвити то вже есть неправда.

Бо тепера правда стоить край порога,
А тая неправда сыдыть кинецъ стола.

✓ Бо тепера правду бьють та ругають,
А тую неправду трункомъ напувають.

Бо тепера правда сыдыть у темныци,
А тая неправда у панивъ въ свитлыци.

Бо тепера правда скрызъ закрыта,
Тилько есть прымита на хрести прыбыта.

Ой, Сусе жъ нашъ, Сусе, Сусе назараньськый,
Помылуй, пожалуй весь мыръ хрестіянськый.

Ой, Сусе жъ нашъ, Сусе, Сусе провозванный,
Помылуй, пожалуй весь мыръ православный!

(Зап. отъ А. Дьямича изъ Гуцинецъ).

4.

ЖЫТІЕ ¹⁾.

Жытіе мое

Въ съвити жыючы

Въ съвити горкое.

Биду терлючы,

Прожывъ я свій вѣкъ,

Молоде лыце

Якъ не чоловікъ.

Слезамы льюче.

¹⁾ Якъ лежить у лярныивъ яка туга на серци, то вони посадають въ кружокъ тай спивають оцю нисню.

Куды я иду,
То все на биду.

Де войны бьюцца,
Тамъ слезы льюцца.

Корабель въ води,
А всей у биди.

Якъ сосна въ пску,
Такъ сердце въ тоску.

Оставляюжь я мырь,
А самъ пиду въ монастырь.

Тамъ я буду жыть
Щей Бога мольть.

Костей обсушу
И въ гробъ уложу.

Братіе мое
Прыйдутъ до мене.

Охъ, тутъ, брате, мый
Суда Божого жды.

(Зап. отъ лирн. изъ м. Мизякова
Александра).

5.

ПРЫКАЗАНЯ.

Православни хрестіане,
Послухайте прыказаня,
Що намъ нанъ Богъ прыказуе,
Дила наши заказуе.

А первое, аби вмилы,
Въ чыныхъ Боговъ не вирылы.
Чародѣйницамъ не дай виры,
Не чыны бисамъ офиры.

Клятва Божа, то другое—
Заказуе Богъ намъ тое.
Вичной кары не мынае,
Хто напрасно прысагае.

А третее: не свичъ хвальшыво,
Жый изъ людмы справедлыво;
Не натягай ни на кого,
Кыдай злости, бійся Бога.

Четвертое, абы знали,
День-недплю святкувалы.
Въ церкву ходы и молыся,
Богу молысь, не лынся.

А пятое: шты отца,
Шануй матирь.
Хто отца й матирь пошануе,
Богъ ему вика вдаруе.

А шестое: не забывай
Люцькой кривли не розльвай;
Кровъ помстыцца—йде до Бога,
Лише не каличъ никого.

А седмое: бережыся,
Съ чужымъ мужомъ не любыся,
Введешъ въ пекло чоловика—
Звидты не выйдешъ до вика.

А восьмое: не вкрадь ничого
И не подмовляй никого
И безъ убожон надежды,
И не чыны жоднои крадежды.

Девятое: абы въ дому
Не чынывъ кривды никому,
Любы его, якъ самъ себе,
Дилай добро, дасть Богъ тебѣ.

Десятое: не пожадай,
 Съ чужой женой не засидай;
 Не прыводь іи у грихы,
 Кыдай бисовсьіи втихы.

Послѣдній намъ той часъ буде,
 Восплачутся вси люде.
 Будемъ слезы прольваты,
 Самы себе прокляматы.

(Зап. отъ лири. Зора).

6.

СЫРИТКА.

Дывная годына на сьвѣти настала:
 Не идна сыритка безъ мамкы й zostалась.
 Зосталыся диткы безъ ридной мамы,
 Будуть бидуваты, горко горуваты.
 Отець пару знайде, буде въ пари жыты,
 Несчасни сыроты идуць пречъ служыты.
 Ой ишла сыритка по сьвѣти блуваты,
 Стрытывъ іи Господь, ставъ іи пытаты:
 «Куда йдешъ, сыритко?» -- «Мамунци шуваты».
 Верныся, сыритко, бо далеко зайдешъ,
 Тыжъ своеи мамкы повикы не найдешъ,
 Бо твоя мамунця на высойій горѣ,
 А въ Господа Бога, тило спочывае въ гроби.
 А ишла сыритка на той гробъ плакаты,
 Обизвалась зъ гроба іи ридныя маты:
 «А хтожъ то тамъ плаче на моему гроби?»
 — «Тожъ то я, мамунцю, прыймиць мене къ соби».
 «Колы тутъ, сыритко, ни исты, ни пыты,
 Такъ прывольвъ Госнодь въ сыри земли гныты.
 Насыпалы земли, шо вже я не встану,
 Оченькы затьмыло, шо й на сьвѣтѣ не гляну.
 Насыпалы земли ажъ на мои груды,
 Увидымся, сыритко, на страшному суди.
 Ахъ, якъ горко, тяжко неба сонцю достаты,
 А ще горше, тяжше тебе къ соби взаты.
 Пишла бъ ты, сыритко, мачухы зпросыла,
 Щобъ измылувалась, сорочечку сшыла».

— «Водыла бѣ я, мамко, врозь зъ тобою гныты
Нижъ чужая маты сорочечку шыты».

А чужа маты сорочки не шыла,
Несчасну сыритку на смерть нарадыла,
Пишла по сусидахъ иі обсудыла:

«Сырота лядащо, нехоче робыты,
Тилько опомынаецца сорочечку шыты».

Хоць сырота робыть, робота іі ни защо.
Все гаворять люде: сырота лядащо.

Хоць сырота робыть, робота іі не мыла,
Все гаворать люде: сырота линыва.

Хоць сырота робыть, до земли надае—
Все гаворять люде: сырота не дбае.

«Пишлабѣ ты, сыритко, мачухы спросыла.
Щобѣ измылувалася, головоньку змыла».

А злая мачуха головки не змыла—
Горкымы словамы здоровья вмалыла.

Не могла сыритка на серци зносыты,
Ажъ стала Господеви щыренько молытысь:

«Ахъ, Господы Воже, Спасъ, мылость твою,
Приймы душу-тило, де мамунця моя».

Ахъ изиславъ Господь а анголы зъ неба,
Же взяли сыритку до ясного неба.

Посадылы іі а въ чести та въ хвали,
А въ Господа Бога на правіи трони.

Радуйся, сыритко, ты въ чести та въ хвали,
Остаецца злая мачуха въ некельному огни.

Ахъ изиславъ Господь двоухъ проклятыхъ съ пельла
По злюю мачуху шей по тило іі.

А взяли мачуху та строго-высоко,
А вынулы въ пельло такъ борзо глубоко.

А плавай, мачухо, одъ додна до додна
Чогожъ ты була на сыритъ не добра?

А плавай, мачухо, шей маешъ кншты,
Отожъ тоби кара за сыроты дшты.

«А я ихъ не была, а ни катувала—
 Черезъ чужи диты въ пекло вслидувала.
 Хочъ бы я ихъ была, то на зле не вчыла—
 Черезъ чужи диты шей въ пекли смажылась.
 А я ихъ не была, ани катувала
 Горькымы словамы здоровья вмалыла» .
 Царствуй же, сыритко, въ неби со святымы,
 А злая мачуха въ пекли съ проклятымы.
 Будешъ ты, сыритко, Бога выхвалиты
 Буде жъ тебе Госнодь завжды ратуваты.
 Котріи бильшеньки, то пишы службыты,
 Котріи маленьки прощацы на вики;
 Плачуть безирестанни, не можуть пробуты
 Безъ отца, безъ неньы, не можуть забуты.
 Ба вже рикъ мынае, мамы не выдаты—
 Ахъ, якъ горько-тяжко въ сьвити прожываты!
 Честь Богу на хвалу,
 А хрестіянмъ на здоровья!

(Зап. отъ лирн. Александра).

7.

ОЛЕКСѢЙ.

Въ славному городи, а у Юрусалыми
 Тамъ царь ходыть, Господа просыть.
 Задзвоннылы дзвоны а въ недилю рано,
 Дай мни, Боже, хоць едыно чадо.
 Давъ ему Богъ сына Олексѣя,
 Назвавъ его Божымъ чоловѣкомъ.
 Звеливъ отецъ симъ литъ родуваты,
 А на восьмый у школы отдаты,
 А на восьмый у школы отдаты,
 А въ двадцять годъ бракъ получаты.
 Ой якъ у Бога великая сыла
 Дружыть отецъ по неволи сына.

Одруживше сказавъ ему жыты,
 А винъ пишовъ у иуци блудыты.
 Блуждавъ же винъ симъ литъ не пивше, не пывше,
 Прышовъ въ свій домъ, якъ земля счорнивше.
 Его отецъ знае не признае,
 Въ своимъ доми за старця прыймае,
 Въ свому дому за старця прыймае,
 Сребла й злата ему въ руци дае.
 Сребла й злата ему въ руци дае,
 Олексѣи, своего сына и приномынае,
 Якъ ты, старче, можешъ мого сына знаты,
 Велю тоби целію збудуваты.
 Веливъ отецъ целію збудуваты,
 Исты й пыты ему доношаты.
 А винъ того не вѣдавъ и не виывавъ,
 Всежъ то тое на ныщыхъ роздававъ.
 Прышовъ той часъ, що Олексѣю треба выраты,
 Ставъ Олексѣи жытія пысаты.
 Дайте, слугы, ажъ до отца знаты,
 Нехай градыть жытія чытаты.
 Отець градыть жытія чытае,
 Зъ велького жалю умливае.
 «Ахъ, горкый мій, горкый сввите,
 Олексѣю, ты рожовый квите!
 Чомъ ты мени прежде не признався;
 Тобъ ты бувъ у свому дому не поневирався.
 Лучшебъ було тоби царствуваты,
 А ты пишовъ у иуци блуваты.
 Дайте, слугы, ажъ до матки знаты
 Нехай градыть жытія чытаты.
 Матка градыть, жытія чытае,
 Зъ велького жалю умливае.
 Ахъ, горкый мій, горкый мій сввите,
 Олексію, ты рожовый квите!

Чомъ ты мени прежде не признався
 Тобъ ты бувъ у свому доми не поневирався.
 Лучше було тоби царствуваты,
 А ты пишовъ у пуци блуваты».

Дайте, слугы, ажъ до жоны знаты
 Нехай градыть жытія читаты.
 Жона градыть, жытія читае,
 Зъ велького жалю умливае.

«Ахъ муже мій, Олексію муже,
 Якъ мы въ сьвити жылы,
 Що мы жадного плода не створылы?
 Мени твого плода треба й не треба,
 А но треба штыры дошчы, сажень земли, спасенія зъ неба».

Олексія у дылу пускають,
 Вирную дружыну на смерть наражають.

«Кожна птыця соби пару мае,
 Кожна матка дитымы утишае,
 А я бидна зъ жалю умливаю.
 Кожна птыця соби пару мае,
 Кожне древо паросты пускае:
 Плодне древо у раю прыймають,
 А бесплодне мечемъ высикають».

Дай намъ, Боже, въ сему мыру жыты,
 Олексія въ Тройци прославыты.

(Зап. отъ лири. А. Зори).

8.

ГРЫГОРІЙ.

Святый Григорій, котрый народжений
 Зъ брата изъ сестры сложенной.
 Царевичъ зъ царевною Григорія сплodyлы
 И два фунта сребла и злата уложылы,
 И въ карабель забылы, и на море пустылы.

Поилывъ корабель на острови ставше.
 Выйшовъ священникъ надъ море моляще,

Ввидивъ лодку на мори стояще
И, споймавшє лодку, дытя охрестылы.

И въ монастыри дытя охрестылы,
И въ монастыри Грыгоріи выкормыли,
И до розуму довели.

Довивше до розума, въ карабель забылы
И на море пустылы.

Поплывъ карабель ажъ до маты,
А тамъ непріятель на матку напавс.

И святой Грыгорій непріятели побидывъ.
Матка за мужа сына повелила
И зъ имъ бракъ получила,
Большая въ съвити грѣшница зостала.

Получывше законъ, всегда винъ бувъ смутный.
Матка объ этомъ не знала
Отъ, якъ узнала, то горько плакала:
Яка я въ съвити грѣшница.

Я тебе, сыну, зъ риднимъ братомъ сплodyла,
Я съ тобою, сыну, законъ получила
Большая въ съвити грѣшница.

Стій, матко, не плачь—я пойду исъбаты,
Дебъ ты ти души испасаты.

Выйшовъ надъ море, рыбака спросывше
Нѣтъ ли яскыни на мори?
Взявъ его рыбака завизъ у яскыню.

Пошлюбывъ Грыгорій жыты у пустыни,
Ключъ у море бросаще.

Крыгнулы ангелы а съ правого краю,
Крыгнувъ священникъ на вратахъ стояще:
Де святой Грыгорій въ яскыни молящій
Грихы свои создае?

А ты рыбака шуку-рыбу испіймалы
И въ той шуци-рыби и той ключъ нашедше,
Де святой Грыгорій въ яскыни молящій
Грихы свои создае.

Вы мени рыбаки молитву перебылы
 Сто трыдцять литъ, якъ въ тѣхъ яскыни молящій,
 А ты глаголешъ, що ще й нескончавшый
 Молитвы Господней!

(Зап. отъ лярв. А. Зори).

9.

І О С И Ф Ъ.

Ахъ ты, Господи мой, ахъ ты, Боже мой!
 Развѣ я тебѣ (?) ты владѣтелю мой.
 Ахъ ты, Господи мой и Создателю мой
 Всѣхъ благихъ щедротъ и подателю мой
 Ахъ, когда бѣ я мавъ, якъ восточникъ слезъ,
 Тебѣ же я плакавъ, якъ у день, такъ у ночь.
 Якъ у день, такъ у ночь, а въ своему во грѣси,
 А въ своему во грѣси и во бѣдности.
 Було въ отца Якова а дванадцять сыновъ,
 Не було молодца—прекрасного Іосипа.
 Сонце и мисяць все продмнылося,
 Іосифови брати не поклонылися.
 А пойдемо, брати, а въ чистое поле
 Назнемо, братти, а дванадцять сноповъ.
 Которому снопу колось похылыться,
 То мы тому брату вси поклонимся.
 Іосиповому снопу колось похылывся,
 Іосипови братти вси поклонылися.
 Старшый братъ продававъ, то зубамы скреготнѣвъ,
 То зубамы скреготавъ горше лютого звѣра.
 Братія его запродали его,
 А въ пну сторону—въ Египетську землю;
 Въ Египетську землю, а въ Катару прокляту
 Да невѣрному царю Фараонскому.
 Отче, отче, отче Якове, чы не зависно тебѣ,
 Чы не зависно тебѣ про твое сыновья?

Чы не звисно тебѣ про твое сыновья,
 Про твое сыновья—про прекраснаго Іосипа?
 Писавъ быбъ псалтырь а къ своему отцу
 А къ своему отцу, отцу Якову:
 Изъ ми рызы знылы, то у кровь вмарали,
 Тай отцу повѣли, що звѣри роздрали.
 А хтобъ мени давъ яко голубыцу,
 Яко голубыцу возлитающую.
 Яко голубыцу возлитающую,
 А своему отцу возвищающую:
 А трава мурава, то одежа моя;
 А писокъ сочыци—то постели моя;
 Стины земли—то сусиды мои;
 Билый камень на мени—то то братія мои;
 Билый камень на мени—то то братія мои,
 Идять тило робакы—то то друзія мои;
 А сыраи земля—то то маты моя
 Ахъ прыймыжъ ты мене на вичнее жытіе!
 Царствуй Іосифе, царствуй во вѣкы
 Царствуй во вѣкы, со свитымы на вѣкы.

(Зап. отъ лярн. А. Зорн).

10.

ПСАЛЪМА СВ. ВАСИЛІЮ.

Вослывайся благодать изъ устѣ твоихъ, отче,
 Якъ былъ еси пастыромъ добрымъ, Василию святой!
 Ты вчылъ еси словесныя овцы вѣрувати въ Бога-Тройцу,
 Въ Тройцу елину.

Когда демонъ за жену Евладіи записавъ,
 Той часъ святой Василиій опрочъ бѣсовъ одогнавъ.
 Плаче-болыть Кесарія, вельмы молыть Василя,
 Дабы бѣсовъ одогнавъ.

Молю тебе, Василию, отче щедротливый,
 Возмилуйси надо мною, будь ми мылостыгивый!
 Записався мій мужъ Люцынеру некельному
 А своею кривлею.

Возглаголыть Василій: «о чловѣче муже,
Бійся Бога, Евладію, согришывь дуже:
Бога-Отца упустывьсь, Духа Святого прогнивывьсь,
Сына Божого».

Замкнувь святый Василій Евладіа дома,
А самъ нишовъ молыться икъ Господу Богу:
«Помылуй мя, Боже-Отче,
Съ цего свита, Ты мій творче,
Пощады души»!

Рече демонъ: «Василію, не вчыны намъ пакосты,
Бо винъ же намъ занывався съ цего свита-сладосты
А ты одъ насъ одбыраешъ,
Души его намъ не даешъ,
Яко мужа нашего.

Славословять, ипсню спивають,
Опрочь бѣсы втывають,
Назадъ зашысы вертають,
Окномъ въ церкву выкладають,
На Евладіа нарикають,
Вельмы его проклинають,
Яко слугу своего.

«Кайся, чловиче, гриховъ, покуты держыся
Же своему Сотворителю слезамы молыся,
Дабы тебе врази не вхопылы
И въ огнь вѣчный не вкынулы,
Бо тамъ будешъ гориты».

Возмылуйся, Боже надо мною
Чымъ согришывъ предъ тобою?
Возмылуйся, Боже, надо мною,
Чымъ не достоинъ предъ тобою,
Сотворытелю и Спасытелю мой!

(Зап. отъ лирн. Никона)

11.

ПСАЛЪМЫ СТРАСТИ.

Гробъ жыдовской затворенный,   Збыралыся Христа вбыты,
Жывоть Христа огнущеный.   Мусіаша й прославыты.

Былы Хреста й роспыналы,	— «Охъ, Сынужъ мій возлюбленный
Тернивъ Хрестось за насъ раны;	Про що же Ты умыраешъ,
Тернивъ раны, тернивъ муки	Тило свое пресвятое
Черезъ еврейскія руки.	На муки отдаешъ?
Ведуть Хреста ажъ на гору	А мы Хреста восхваляймо
До Пылатоваго двору.	Алилуйя засниваймо.
Пылатъ руцы умывае,	Алилуйя, алилуйя,
Атонъ Хреста й роспынае,	Слава, Хрысте, твой страсти.
Руцы й нозы прыбывае,	Слава, Хрысте, твой страсти,
Сына Божого не знае.	Сохранай насъ одъ напасти.
Бильша matka въ храсолива	Сохранай насъ одъ болѣсти,
Стоять въ край хреста смутлива	Не дай мыромъ всимъ пропасти.
И на хреста поглядае,	(Зап. отъ лири. Александра).
Слизьмы умывае.	

12.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Когда часъ прыходыть, страшный судъ наступыть,
 А вже прыблыжыся: хочъ ридного брата теперь стережыся.
 Хочъ винъ братъ ридній, то винъ тебе зрадыть,
 Ани въ славу, ани въ счастья винъ тебе спровадыть.
 Когда часъ прыходыть, страшный судъ наступыть—
 А хто добре вчыныть, до царства доступыть.
 А кайся гришныку, дайся до покуты,
 Перестанъ гришыты, ---можешъ въ неби быты.
 Якъ же ты не зможешъ покуты прыныты,
 Изгынешъ на вкпн шей будешъ проклятый.
 Прыверныцци душа до своего тила,
 Же той часъ правыцци гришныкъ своего дила.
 Якъ затрубыть ангель а въ ангельску трубу:
 Уставайте, мертви, до страшного суду.
 Бо предъ страшнымъ судомъ буде земля гориты,
 А жыви то й мертви будемъ вси выдыты.
 Якъ зирвуцци витра такъ барзо буйвнї, ?
 А высохнуть рики, хочъ яки быстрїи.

А сойдець Анцыхрестъ на цей съвить съ смолою,
Же той часть не буде жодного напою.
Винъ назвецця Богомъ, винъ назвецця Богомъ,
Не пийте смолы, не йдите до него.
А же стане ангель а съ правого краю,
Не пытайте смолы—пидете до раю.
Якъ зирвуцця витра а барзо буйніи,
Ахъ изнысуть горы; горы зъ долынами стануть вси уривни.
Же погныють кости, же погныють кости
Передъ страшнымъ судомъ стануть вси въ цилости.
Якъ зирвуцця витра такъ сыльно буйніи.
Якъ же спаруть дощи такъ барзо тушніи,
Такъ барзо тушніи, такъ барзо вогнени.
А погорать въ поли все травы зелени;
А погорать скоты, а погорать скоты,
Страхъ выльыый буде щей не бувъ никола.
Ахъ же й сребло й злато той буде блыщаты,
А скалы каминни той будуть лупаты.
Же церкви й костелы то й будуть двыжаты—
Хочъ яви муря не будуть стояты.
Ще й тамъ на долини Сачватія люде,
А все прыательство вытатыся буде.
А отецъ изъ сыномъ розлученный буде,
А де сынъ заслужыть тамъ отецъ не буде.
А matka зъ дочкою разлучена буде
Ахъ, идна до пекла, друга въ раю буде.
А братъ изъ сестрою, що злее вчынылы,
А вичнее некло соби услидылы.
А мужъ изъ жоною несовѣтно жые,
Идно на другого непрыизнь готуе.
Сусидъ на сусиду барзо ворогуе,
Идно на другого непрыизнь готуе.
Ахъ, на вики виковъ, ахъ на вики виковъ,
Теперь той проклятый, що бувъ чоловикомъ!

(Зап. отъ лирн. Александра).

12 ПЯТНЫЦЬ.

Востаньтежъ вы, хрестіане, тай послушайте
 Есть у нашего племенника напа рыньськего
 Есть у кныгахъ напысано на дванадцять пятныць.
 Есть первая, велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ первой недѣли велького посту тай на хведорову.
 Хтожъ тую пятныцю испостуе нсъ постами тай зъ молитвами,
 Той чоловікъ сохранный буде отъ нарожденія отъ полоу.
 Богъ его спасеть тай помылуваетъ.
 Есть другая велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ Благовѣщенія Хрыстового Хрыста Бога нашего.
 Хтожъ тую пятныцю испостуе нсъ постами тай зъ молитвами
 Той чоловікъ сохранный буде и одъ вогню, одъ пожару
 Богъ его спасеть тай помылуваетъ.
 Есть третья велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ Воскресенія Хрыстового Хрыста Бога нашего.
 Хтожъ тую пятныцю постувать буде нсъ постами тай зъ молитвами
 Той чоловікъ сохранный буде и одъ гриховъ Богуявленія
 Богъ его спасеть тай помылуваетъ.
 Четвертая велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ Рыгорія Хрыстового Хрыста Бога нашего.
 Хтожъ тую пятныцю постувать буде нсъ постами тай зъ молитвами,
 Той чоловікъ сохранный буде и одъ звѣра зъидельного
 Богъ его спасеть тай помылуваетъ.
 Есть пятая велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ Вознесенія Хрыстового, Хрыста Бога нашего
 Хтожъ тую пятныцю постувать буде нсъ постами тай зъ молитвами,
 Той чоловікъ сохранный буде одъ болѣзни, одъ смутости
 Богъ его спасеть тай помылуваетъ.
 Есть шестая велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ Тройци нероздѣльной.
 Хтожъ тую пятныцю постувать буде нсъ постами тай зъ молитвами,
 Той чоловікъ сохранный буде а одъ мѣча гостренного, одъ напоу
 смертельного, одъ наглои смерти,
 Богъ его спасеть тай помылуваетъ.
 Седмая велькая, возбранная въ году пятныця,
 Що противъ Пречыстои Божой Матери Успѣнія.

Хтожь тую пятныцю постувать буде исъ постами тай зъ молитвами,
Той чоловікъ сохраненный буде и одъ воды, топлянныка
Богъ его спасеть тай помылуваетъ.

Есть восьмая великая, возбранная въ году пятныця,
Що противъ Честной главы снеловенія,

Хтожь тую пятныцю постувать буде исъ постами тай зъ молитвами,
Той чоловікъ сохраненный буде и одъ хрыбры струсенной
Богъ его спасеть тай помылуваетъ.

Девятая великая, возбранная въ году пятныця,

Що противъ Честнаго Креста Оздвиженія,

Хтожь тую пятныцю постувать буде исъ постами тай зъ молитвами,
Той чоловікъ сохраненный буде и одъ гаду лютого осисающо,
Богъ его спасеть тай помылуваетъ.

Десятая великая, возбранная въ году пятныця,

Що противъ Михаила Архистрата судоправедного.

Хтожь тую пятныцю постувать буде,

Исъ постами тай зъ молитвами

Той чоловікъ сохраненный буде,

А на суди винъ праведный буде,

И одъ граду, и одъ тучи, одъ залыву

Богъ его спасеть тай помылуваетъ.

Одынадцятая великая, возбранная въ году пятныця,

Що противъ Рождества Хрестового Хреста Бога нашего,

Хтожь тую пятныцю постувать буде

Исъ постами тай зъ молитвами,

Той чоловікъ сохраненный буде,

А въ дорози, на худоби, одъ прыпадку, одъ морозу лютенного

Богъ его спасеть тай помылуваетъ.

Дванадцятая великая, возбранная въ году пятныця,

Що противъ Ивана Хрестителя, Хреста Бога нашего,

Хтожь тую пятныцю постувать буде

Исъ постами тай зъ молитвами,

Той чоловікъ сохраненный буде

Отъ наругы, отъ напасты

Богъ ему не дасть пропасты

Богъ его спасеть тай помылуваетъ.

Ахъ вы люде, вы хрестіане,

Мы цыхъ дванадцать пятныць тай не спостуемо,

Али мужъ изъ жоною несовѣтно жыють,

Народыцца межы нмы чадо — не простой вниъ буде,
 Альбо воръ, альбо катъ надъ нашымы хрестіянмы вниъ разбойныкъ буде.
 Тін души сповидуе ащо пятинкы,
 Прычащасе що недилонькы
 Али самъ Господь Богъ,
 Али самъ Сусъ-Хрестосъ.

(Зап. отъ лирн. Алесавдра).

14.

СУХА БАБКА.

Захотила стара бабка	—Ой, бабусю, бабусю,
Сыльне богатиты,	Що будешъ робыты?
Посадыла куроцята,	Якъ прынде дидъ изъ лиса,
Щобъ вывела диты.	Буде бабу быты.
Ще жъ бо не съвить, ще жъ бо не	А прыхавъ дидъ изъ лиса
съвить,	До своёго дому,
Ще жъ бо не съвитае,	Пытаецця своей бабкы
А вже баба куроцята	Про свою худобу.
На двирь выганяе.	—Ой, дидусю, дидусю,
А выгнала стара баба	Не вынна я буду:
Куроцята пасты,	Я выгнала на двирь пасты,
Сама сила пидъ прызьбою	Наврочылы люде.
Кужельну прасты.	А выскочывъ дидъ на двирь
Хмарка йде, хмарка йде,	Та вхопывъ прытыку,
Дощыкъ накрапае,	Побывъ бабу, поломывъ,
А вже бабка куроцята	До самого пышу.
До хаты зганяе.	—Бодай тоби, дидусю,
А ще жъ не догнала—	Права ручка всохла:
Трое надтоптала,	Побывъ мене, поломывъ
На четверте спиткнулася,	Мало я не здохла.
А на пяте внала:	—Бодай тоби, дидусю,
Вся праця пронала.	Головка облизла:
Сила бабка на пичи	Побывъ мене, поломывъ,
Тай борщыкъ хлеще,	Що й съ печи не злизла.
А куроця пидъ поломъ	Сяла бабка пидъ прыпичкомъ,
Тай до бабкы шенче:	А дъ у затдииву,

Якъ погляне дидь на бабку—
Щей краща за дивку.

—А вберыся, бабусю,
Въ зеленее зиля,
Нехай же я поведу
Хоць разъ на весилля.

Захотила вража баба
Сыльне молиты,
Натыкала за холявы
Зеленой руты.

Взявъ дидь бабку за ручку
Попидь чесну вроду,
Вывивъ іи на мистоць—
Шелепъ къ чорту въ воду.

—Оттуть, бабко, кайся,
Оттуть не лйкайся,
Оттуть бигуча водыця,
Оттуть вымывайся.

А що баба блысне,
То дидь дручкомъ свысне.
Булькотала, булькотала,
Бо вже ракомъ стала.

А ставъ дидь на мости
Та въ долони плеще:
Хвалю Бога, втопивъ бабу,
Оженюся я ще.

А йде дидь до дому
Та троачка риже,

А якъ гляне назадъ себе—
Баба зъ воды лизе.

Взявъ дидь бабку за ручку,
Завивъ іи у свитлыцю,
Поважавъ, якъ самъ знавъ,
Перву молодыцю—
Якъ ся дидь оглядивъ,
Къ чорту не годыця.

Взявъ дидь бабку за ручку
Та повивъ іи въ садъ—волючій
выноградъ.

—Оттуть, бабко, кайся,
По цимъ выногради
Хоць разъ покачайся.

Ой мисяця осабра
Прышала пороша,
Тымъ дидь бабку полюбывъ,
Що бабка хороша:

И слипа, и крива,
Щей безъ руки правой.
Ой, ще жъ бо я не выдавъ
Такой бабки бравой.

А дидь бабку спорадивъ,
На прыпичку посадивъ,
Справывъ іи кожушокъ,
То съ кыцекъ, то съ поцекъ,
Абы баби кожушокъ.

—Ой дывыся, бабусю,
Якъ то красно въ всжуси.
(Зал. отъ А. Димныча).

15.

Т Е Щ А.

—Добрый вечеръ, пане дяче,
Давно въ тебе була.

8*

Дячекъ молоденькій
 На підпрозьбу здався:
 И скорчывся, и зморщывся
 На Пазыну вбрався.—

Чоловиекъ розигнався,
 Въ одвирокъ затывся,
 Якъ упавъ, зубы слявъ
 Тай но спамятався.

Ой ты, чоловіче,
 Чы ты де й увывся?
 Самъ же ты не тямышьъ,
 За кымъ ты гонывся.

Війшовъ чоловіеъ у хату
 Тай у тарилку хлечче,
 Якысь дидько тутъ сыдивъ,
 Тилько миспе теңле.

Війшовъ чоловіеъ у хату
 Та въ жинкы пытае:
 Моя любя, моя Пазю,
 Що за гости маешъ?

Мени не казаты,
 Тоби не пытаты,
 Щобъ я мала лижко
 На соби прыняты.

Пишовъ чоловіеъ до жинчыноу
 маты

Жинку прыскаржаты.
 Не мала що теща яку справу
 выдаты,
 Зачала его по я . . . . ., по шу-
 лечкахъ тай вытынаты,

Надъ ричкою, надъ вербою
 Тамъ его прывязала:
 —Оттуть, зятю, кайся
 Трава зелененька — трохи понасесся
 Быстренькая водыченька —
 Трошечкы наібесся.

—Ой, мамонько, тещенько, голу-
 бонько,

Я жъ тоби не забуду,
 Не на будень день, на святу не-
 дилю
 Запросю жъ я тебе тай на ха-
 лазію.

—Спасыби, батеньку,
 Ай простыби, зяченьку,
 А не маю въ чимъ,
 Не маю пры чимъ,
 Ой дуга у лиси,
 А хамуть у стриси,
 А чопокъ у крану,
 А хто купыть, то й ему.

А кобыла въ стани,
 А кобыла въ станп,
 А вижекы на лыши
 Ще й тиі не звыты.

Ой, мамонько, тещенько, голу-
 бонько!

Якъ зачавъ зять тещи пры-
 быратысь,
 То забывъ іи таргана замись
 кабана,

А забывъ іи вопъ тай на славный
 тлустый борщъ.

Торишнёго року
 Тай у косовыцю
 Заризавъ зять тещи
 Тай чорну ягныцю.

Заризавъ зять квочку,
 Заризавъ зять квочку
 Тай насолывъ мяса
 Поввисиньку бочку.
 Забывъ зять блоху
 Тай на славную юху.

—Тагы, мамонько,
Тагы тещенько,
Тагы не одкажыся
Тагы до мене въ гости прыбырыся.

Пишла теща въ село
Позычаты всего.
Идну кату мынула,
И другу мынула,
А въ трети псы зачула
Тай тую мынула,
А четверту покимъ найшла,
Тай въ головку зайшла.

Пишла на долину,
Пишла на долину
Тай вырвала ажъ тры лыпушыни,
Пошыла ажъ тры хвартушыни.

Обсмыкалася, обтыкалася
То спереду расно,
То спереду расно,
А зъ заду, якъ чортъ, страшно.

Обсмыкалася, обтыкалася,
Якъ чортъ, у гости вбралась
И спереду любо,
А зъ заду, якъ чортъ, грубо.

А такъ зять тещею зрадувався,
Якъ чортъ душею.

Зачавъ зять тещу угощаты,
Обернувъ зять тещу до стины
очыма,

Щобъ же моя теща,
Щей мухы личыла.

Наличыла тысячу,
Наличыла и двисти,
А вже мои тещи
Пора даты исты.

А першый росиль—
Тай носомъ объ стиль,

А другу обтравку
Тай носомъ объ лавку.

А якъ зачавъ зять тещу угощаты
Тай мусила ему
Викномъ двери одказаты
Тай мусила . . . . .
тай застрагаты.

Ой, Грыцю, Грыцю,
Позычъ тушыцю,
Будемо тесаты
Самогражныцю й гузыцю.
Зачала утываты,
Де гусы не залитають,
Де трискы не засакають.
Пытаецця ии дидокъ: де ты бувала?
Що ты тамъ чувала?

—Ой ты, старый псе, псе
Болай ты казывается,
Чого жъ ты до мене,
До мене вчыпывся?

А що курка кыркене,
А що курка кыркене,
То вже теща на пичи
Тай получе кыркене.

Ой, що витерь загуде—
Думае теща, зять иде
Похмилля несе, гей!
Ой щобъ я мала симъ дочокъ
За такого скурвого зятя не дала бъ
ой, ей, ей!

Ой, мамонько, голубонько,
Зять иде, похмилля несе.
Ой, выйшла теща
Дала ему симъ рубливъ срибныхъ,
Послала его на торгъ торгуваты,
Хмелю кудуваты,
Щобъ винъ кувывъ хмелю
Тай наробывъ пыва,

Щобъ же моя теща
Руки—ноги мыла

А пишовъ винъ на торгъ торгувати
Хмелю купувати,
А не купивъ хмелю,
Накупивъ ячменю
За симъ рубливъ срибныхъ
Повнисеньку жменю

Та не наробивъ пыва,
А наробивъ дыва,
Щобъ моя теща
Руки—ноги мыла

А пишовъ на торгъ торгувати,
Козы продавати.

(Зап. отъ лири. Александра)..

16.

Б И Д А.

Ой надъ моремъ глубокомъ
Стоить теренъ высокій,
А съ нидь того терена
Выйшла беда молода.
Мала беда невелычка
Вчепылася чоловичка.
—Де ты, бидо, вродылась,
Що до мене вчепылась?
—А въ Кремянци родылась,
А въ Хмелныку хрестылась,
А въ Тыврови изросла,
А въ шумъ замужь пишла.
У Винныци шлюбъ брала,
А въ Кракови прысягала.
Въ Бардычови по торзи
Издуть беда на кози.
Тамъ цыгане кони минялы,
Свою биду пизналы.

Былы биду хвайдамы
—Не йды, бидо, за намы.
Нема биди якъ симъ литъ,
Славна беда на весь съвить.
Одъ Кракова до Кракова
Всюды беда иднакова,
Отъ Кремянця до Кремянця
Нема биди нигде кинци.
Пишла беда до мелныка,
Далы биди вареныка.
А якъ пишла до Кырыла,
То вже своихъ наварыла.
А якъ пишла до Матвія,
То вже зовсимъ збогатила.
А якъ пишла до Петра,
Чуть живенька утнула
Пишла беда до Демяна,
Звиты вийшла тропкы пыва.

А якъ пишла до Мыкыты,
Заставылы ложки мыты,
А якъ пишла до Параскы,
Заставылы кужель прасты.

Пишла беда до шевця,
Вкрала соби реминця,
Сила беда на стильци,
Поморщыла постильци,
Сама соби дывуецця,
Що ништо такъ не взуецця.

Сила беда пидъ плотомъ
Зашывае рану дротомъ.
Пишла беда до школы,
Былы биду доволы.
А якъ пишла до поша,
Былы биду, якъ снопа,
Былы, былы, волочылы
Щей въ помыяхъ намочылы.

Пшла беда до Денуса,
Звидты вона выйшла лыса.
А якъ пишла до Кырыла,
Звидты вона носомъ рыла.

Пишла беда до млына,
Далы биди кишъ муки.
А якъ пишла у Сумянецъ,
Заслужыла симъ кишъ яецъ,
Пидъ цервею въ Кремянцю
Дала старцямъ по яйцю.

Пишла беда въ Мугыливъ
Та купыла симъ волывъ.
Ходыть беда за Днестромъ
За воламы зъ весломъ.

А якъ пишла у Одессъ,
Ажъ тамъ беда сиродалась,
Ажъ тамъ беда сиродалась,
На атласы сиромоглась.

А якъ пишла у Бендеръ,
Якыйсь биду бисъ обдеръ,

Бо Бендеры зъ бидою знакоми,
На атласы лакоми,
И атласы одыялы,
И биди прочуханкы далы.

Пишла беда у Сумивци
Пасла вона симъ литъ вивци,
А якъ пишла по плату,
Ажъ у крайню хату,
Тамъ биди заплаатылы:
Кокюбою обстрочылы,
Лопатою облагалы,
На будущый рикъ запрохалы.

Бигла беда на мистоць,
Спотенулася на лыстоць,
Впала къ чорту пидъ мистоць.
Тягнуть биду съ пидъ моста,
А вже беда безъ хвоста.

Идутъ люде зъ брусамы,
Взялы биду на санн,
Та повезлы до волохъ,
Проминялы на горохъ,
А Волохы калялысь,
Що гороху збавылысь:
—Вы соби биду возьмыть,
А намъ горохъ верныть.

Пшла беда въ Сокилецъ,
Ажъ тамъ биди ставъ кинецъ,
Ажъ тамъ беда вмерла,
Щей ноги задерла.

Десь узався Даныло,
Забывъ биду у барыло,
Та хтивъ ін намочыть,
Та въ Бардычивъ одтацыть.
Тамъ бувъ зъ биды добрый квасъ,
Та не було тилько насъ.

Десь узався Прокошъ
И той биду въ морду хлепъ.
Десь узався Танасъ

•И той биду за лобъ трась.
 Десь узався Мартынъ —
 И той бидою объ тынь.
 Десь узалася Хрыстына,
 За бидою голосыла.
 А прынеслы чорты Марту,
 Поставыла водкы кварту.

Катерына мимо йшла
 И та сорочку прынесла.
 Десь узалася Марына
 За биду оченашъ изговорила.
 Биди на безголовья,
 А намъ на здоровья.
 (Зап. отъ А. Димныча).

СЛОВАРЬ.

Альмо — молоко.
 Арбутка — гусь.
 Алюшныкъ — сельдь.
 Аврѣдыты — врать.
 Авлѣдныкъ — пастухъ.
 Авлѣда — корова.
 Явлѣдъ — волъ.
 Явлыдыня — теленокъ.
 Бараі — иконы.
 Батій — ба.
 Бахтій — тесть.
 Барвѣтъ — волоса.
 Батѣзныкъ — веревка.
 Забатѣзнытысь — повѣситься.
 Забатѣзныый — завязанный.
 Бармусъ — шуба.
 Баныты — курить.
 Баклунъ — табакъ.
 Балѣйка — гѣба.
 Бетлѣты — быть.
 Забетлѣтысь — забыть.
 Бецѣкъ — солдатъ.
 Ботень — борщъ.
 Ботнѣкъ — буракъ.
 Босѣвныый — босой.
 Бѣкша — «кваша».
 Бурбѣль — ячмень.
 Бі вже — уже.
 Бі винъ — онъ.
 Бі ему — ему.
 Бі мы — мы.
 Бі ты — ты.
 Бі твѣй — твой.
 Бі цей — этотъ.
 Би шó би тамъ? — что тамъ?
 Варнага — курпца.
 Вандзбрыты — водить.

Вывандзбрыты — вывести.
 Повандзбрыныкъ — поводырь.
 Веслѣя — солома.
 Вѣслѣюко — яблоко.
 Веслѣшныця — яблоня.
 Вѣлыты — хотѣть.
 Муньковѣлю — а хочу.
 Вѣлотъ — конь.
 Волотѣца — кобылица.
 Вовчѣкъ — пиво.
 Востѣрка — дорога.
 Вихрѣ — сѣно.
 Влипѣты — смотрѣть.
 Влишѣшныый — зрячий.
 Всѣськи — все.
 Вѣзитаты — выпросить.
 Вѣлѣксамыты — вылѣзть.
 Встѣшчуваты — вставать.
 Гаврѣшъ — горохъ.
 Гаврѣшныкъ — бобъ.
 Гаврѣшныця — фасоль.
 Гальѣмый — большой.
 Гардуѣаты — ѣхать.
 Гѣлустъ — соль.
 Гертѣка — водка.
 Гертѣшныкъ — шинкаръ.
 Гѣдзь — жидъ.
 Гудзѣвка — жидовка.
 Гудзенѣ — жиденокъ.
 Дѣлька — вода.
 Вдѣлѣчытысь — утонуть.
 Дѣлѣшныкъ — паромъ.
 Дѣрмонѣты — рвать.
 Дѣрмонѣка, дѣрмонѣа — дыра.
 Дѣргѣшныця — мельница.
 Докурѣгонѣты — догнать.
 Досадѣмка — досада.

Дѣкончыкъ—десятсвѣй.
 Дулясыты — палить, горѣть.
 Дулясныкъ — огонь.
 Дулясный — теплый.
 Духомка — дупа.
 Дѣхныты — дать.
 Отдѣхныты — отдать.
 Епыть — есть.
 Жоклія — рюма.
 Закаплонныты — запереть.
 Закаплонныкъ — замокъ.
 Закаплонныца — сундукъ.
 Захарбѣля — сумѧ, «торба».
 Захарбѣяныкъ — мѣшокъ.
 Звертій — поясъ, ужъ, гадюка.
 Зиврѧ — ведро.
 Зиврѧ — окно.
 Зиврѧ — глаза.
 Зиткѧ — рожь.
 Зитѧты — просить.
 Зитѧты пѧтеръ — молиться Богу.
 Зитѧмыты — жить.
 Злобуськѧты — словить.
 Зрѣтыты — сбросить.
 Ібнусъ — сынъ.
 Ібнуска — дочь.
 Ібрый — старый.
 Ібруста — староста.
 Каврій — панъ.
 Каврійка — нани.
 Кадрѧ — цѣнька.
 Кѧня, вапѣлія — шинокъ.
 Камѣха — шапка.
 Каравѧна — дѣвушка.
 Карабѣльна — ложка.
 Катрѧты — хоронить.
 Покатрѧты — похоронить.
 Скятрѧтысъ — спрятаться.
 Кѣмьть — ночь.
 Кемитѧты — почевать.
 Кѧчыты — сидѣть.
 Начѧчѣтель — начальникъ.
 Гальѧмый начѧчѣтель — становой приставъ.
 Кѧлипный — слѣпой.
 Квитѧ — ийцо.
 Рѣпсане китѧ — писанка.
 Клѣвый — добрый.
 Клѣво — хорошо.
 Неклѣвый — недобрый, злой.

Неклѣво — не хорошо.
 Клѣвѧтыты — работать.
 Клѣматыты — воровать.
 Климѣта — воровство.
 Климѣтныкъ — воръ.
 Клѣса — церковь.
 Клѣсныкъ — крестьянъ.
 Клѣжыты — ложить.
 Поклѣжытысы — лежать.
 Поклѣжныца — постель, «лав-
 ба».
 Ковѣсто — тѣсто.
 Ковѣзныкъ — кузнецъ.
 Ковѣзныца — кузница.
 Кѧвтуръ — горшокъ.
 Кѧвтурныца — кувшинъ.
 Комрѣй — брюхо.
 Кѧнто? — что это.
 Авѧнтоль? — а чтожь?
 Кѧрхъ — попь.
 Корхѣна — попадьа.
 Корхѣныкъ — поповычъ.
 Кѧтинъ — возъ.
 Красѣнка — кровь.
 Крѣксаты — кричать.
 Крѣмъ — грѣхъ.
 Крѣмѣшны — грѣшны.
 Крѣсо — мясо.
 Сѣводне крѣсо — «гыжы».
 Крутылѧ — колесо.
 Кѣвечеръ — вечеръ.
 Кѣвестѣяне — христіане.
 Кѣдень — день.
 Кудѧвныкъ — колоколь.
 Кудѧвныты — звонить.
 Кѣзавтра — завтра.
 Кѣлаты, кѧпсаты — бить.
 Кулѣшныца — ружье.
 Кулѣшныкъ — стрѣлокъ.
 Закулаты — убить.
 Покулаты — побить.
 Кѧсая — драка.
 Кулѣбаты — любить.
 Кѧльба — женщина легкаго пове-
 денія.
 Кѣнсо — хлѣбъ.
 Кухтѣй — бѣдный.
 Курдѣмилъ — дядя.
 Курдѣмилъка — тетка.
 Курѣлаты — варить.

Курга—лира.
 Кургаты—играть.
 Курратысь—играться.
 Курашныкъ—музыкантъ.
 Куматокъ—кусокъ.
 Куматочокъ—кусочекъ.
 Кутыга—комора.
 Кусмóрыты—кусать.
 Кусмóрныкы—зубы.
 Кучéрба—вчера.
 Къндыкъ—годъ.
 Кърыты—пить.
 Кырака—пьяница.
 Укыраный—пьяный.
 Кырха—свинья.
 Кырхуня—поросенокъ.
 Кырхушныкъ—хлѣвъ.
 Лавда—голова.
 Ланюсъ—ляхъ.
 Лебій—дѣлъ.
 Лекша—каша.
 Лекшунныця—ступа.
 Ленуха—капуста.
 Ликóрыты—лѣчить.
 Ликорныкъ—докторъ.
 Литрыты—считать.
 Лпнó—ясно.
 Лопóтыты—молотить.
 Лопóтня—рига.
 Лопóтныкъ—молотныкъ.
 Лоскотырó—полотно, холстъ.
 Лохатысь—смѣяться.
 Лыга—волкъ.
 Макохтій—мѣсяць.
 Манатка—рубаха.
 Манатя—бѣлье.
 Манькó—я.
 Манейськый—нашъ.
 Маныця—мать.
 Матлйка—трубка, пашироска.
 Махлычыты—рѣзать.
 Махлычъ—ножь.
 Вѣмыхлычыты—вырѣзать.
 Махлычныкъ—косарь.
 Махлуваты терыгу—копать землю.
 Мекрйй—малый.
 Мекрѣнькый—маленькый.
 Мѣхли—овцы.
 Мóгень—котъ.
 Мбздырь—человѣкъ.

Моргуля—недѣля.
 Морзныкъ—чеснокъ.
 Морзуля—лузь.
 Милясь—медь.
 Милясныця—пасѣка.
 Милясныкъ—улей.
 Омелясныкъ—сахаръ.
 Мйньчыты—имѣть.
 Мутлаха—нюхат. табакъ.
 Мургомъ—бѣгомъ.
 Накаторськый—сотскый.
 Направошыты—исправигъ.
 Правóшыты—править.
 Насыкы—панталоны.
 Нѣхтыты—найти.
 Обнѣхтыты—обыскать.
 Наукóрытысь—научиться.
 Наукóрныкъ—учитель.
 Нѣмпыть—вѣтъ.
 Новѣвныый—новый.
 Óбокы—салогн.
 Óбрукы—дрова.
 Óбрутенъ—голубъ.
 Одчыпóрыты—отцѣпить.
 Онѣлыты—купить.
 Пропулыты—продать.
 Оксымъ—лѣсъ.
 Осныякъ—гной.
 Ошарныкъ—ярмарка.
 Пандиваты—падать, «кленчыты».
 Пасóрыты—части.
 Пастикляты—подождать.
 Пбсо—много.
 Помйнчыты—минуть.
 Покрывóшныця—«покрытка»
 Порúтыты—бросить.
 Плавутень—индюкъ.
 Плиный—бѣлый.
 Плинчыты—мыть.
 Плихтй—плечи.
 Плыксыты—плакать.
 Пваты—идти.
 Псáлыты—пѣть.
 Псáльня—пѣсня.
 Псáльныкъ—дьякъ.
 Псáлка—рыба.
 Псуль—мужск. пол. орг.
 Пундйй—пирогъ.
 Пухтавка—«пампушка».
 Прыюхныты—принять.

- Пíхтыты — нюхать.
 Пикóта — рогъ.
 Безпикóтный — безрогий.
 Ра́ха — женщина, «молодыца».
 Рахтíй — дождь.
 Рéпсаты — читать.
 Рéпсани — книга.
 Рéпсныкъ — акаѳистъ.
 Рызáвка — кукуруза
 Рутáвка — рука.
 Рутáвныця — перчатка.
 Сабаснíй — самъ.
 Сэвяска — гречиха.
 Свíтомка — свѣтъ.
 Свяхтá — праздники.
 Сиверь — снѣгъ.
 Сивы́риты мерзнуть.
 Сиверныця — зима.
 Сíводный — холодный.
 Сíводно — холодно.
 Сивгородъ — городъ.
 Сивраты — знать.
 Сивраныця — колодезь.
 Скакóмыты — прыгать.
 Скаканы́ты — сказать.
 Сванты́тысь — взбѣситься,
 Скерэ́тныкъ — урядныкъ.
 Скелы́ха — сука.
 Скъпъ, ски́ця — собака.
 Скы́тыты — уходить.
 Скительня — миска.
 Скителныкъ — рубль.
 Скрыпотá — дверь.
 Одскрыпотáты — отворить.
 Скумы́ты — умѣть.
 Слугóныты — служить.
 Слугóма — служба.
 Слугóнныця — служанка.
 Слукóма — ухо.
 Слýchтыты — слышать.
 Соботва — суббота.
 Ставрэ́ныты — варенки.
 Ставрóхы — кресты́ны.
 Савро́шыны — молитвыны.
 Ставы́нычыкъ — «половнычыкъ».
 Стéблюкъ — ягода.
 Стéблюшныця — вишня.
 Стéпуръ — печь.
 Стеклáты — ждать.
 Стóтень — богачъ.
 Строи́ля — поле.
 Сты́ль, сты́зь — задъ.
 Сты́чыты — стоять.
 Сурáськый — красивый.
 Сухмóрыты — сушить.
 Сухмай — сухари.
 Ся́нко — солнце.
 Ся́няга — свичка.
 Тагáныты — нести.
 Таргасá — колбаса.
 Теры́га — земля.
 Теры́жныкъ — картофель.
 Терна́вка — слива.
 Терпелю́къ — «нарубокъ».
 Трасóмыты — тристи.
 Трасóмныця — лихорадка.
 Трусны́къ — сито.
 Трепелы́й — добрый.
 Трóнты — кушать.
 Тры́йка — обѣдъ.
 Труны́ты — болѣть.
 Трóняшный — больной.
 Нетрóняшный — здоровый.
 Туха — женск. пол. орг.
 Тыры́въ — сыръ.
 Утухмóрыты — задавить.
 Хаза́ — хата.
 Похáзныкъ — хозяинъ.
 Похáзныця — хозяйка.
 Хáлы — мертвецъ, погребеніе.
 Хáлыты — умирать.
 Ханджувáты — ходить.
 Халó — калъ.
 Халисáты — цѣловать.
 Хвесь — Богъ.
 Хвесь манейськый — ей богу.
 Хведнй — дитя.
 Хвелóстка — платокъ.
 Хвэ́рть, тэмыхъ — черть.
 Хвирть — дворъ.
 Херáне — люди.
 Хобнй — деньги.
 Ходуха — нога.
 Хóры — село.
 Хруста́вка — грушка.
 Хы́зыты — испражняться.
 Цесó — просо, пшено.
 Цилы́тный — цѣлый.
 Цуба — баба.
 Цы́за — вошь.

Чаныты — лять.
 Начаныты — налить.
 Счанываты — сливать.
 Чуживный — чужой.
 Шандракъ — цыганъ.
 Шалеко — далеко.
 Шатёрныця — молитва.
 Шатёрныкъ — «отпустъ».
 Шкұтытысь — бояться.
 Шлягаты — случать.
 Шлягунъ — ловеласъ.
 Шмурный — глухой.
 Зшмурыты — сойти съ ума.
 Шало́то — грязь.
 Шоловина — половина.
 Шпарута — обходъ, «варта».

Штаве́ра — бракъ.
 Шулиця — «вацапы».
 Шулиця — полиция.
 Шулицейскый — полицейскый.
 Шусто — мѣстечко.
 Яндрусъ — бракъ.
 Яндруска — сестра.
 Яныга — свадьба.
 Янычыня — сватанье.
 Янычытысь — свататься.
 Яперыты — бракъ.
 Зяперыты — взять.
 Наяперыты — набрать.
 Яршына — старшина.
 Яшкурныця — пшеница.
 Яшпурка — булка.

Мѣстныя назв. селъ и мѣстечекъ.

Кресныйкъ — Сальникъ.
 Моргунивь — Сопруновъ.
 Мургаливка — Павловка.

Мурганьвици — Дашковцы.
 Шайливъ — Браиловъ.

Числительныя.

1 — іонъ.
 2 — двеня.
 3 — скера.
 4 — сисара.
 5 — пентза.
 6 — шандра.
 7 — тймара.
 8 — витймара, висимтыня.
 9 — дивора.
 10 — дикона.
 11 — дикона й іонъ.
 12 — дикона п двеня.
 13 — дикона й скера.
 14 — дикона й сисара.
 15 — дикона й пентза.
 16 — дикона й шандра.
 17 — дикона й тймара.
 18 — дикона й витймара.

19 — дикона й дивора.
 20 — двеня диконъ.
 21 — двеня дикона й іонъ.
 30 — скера диконъ.
 40 — сисара диконъ.
 1-й — іонный, ютный.
 2-й — двенешный.
 3-й — скеретный.
 1 рубль — (іонъ) скителный.
 2 рубли — двеня скителывъ.
 3 рубля — скера скителывъ.
 $\frac{1}{2}$ — шоловина.
 1 коп. — двеня хобни (два гроша).
 2 коп. — сисара хобни.
 15 коп. — русанъ плынй.
 20 коп. — сисарка, сисара диконъ хобнйвъ.

Валеріанъ Боржковскій.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго ¹⁾.

5. Университетъ.

(1840 — 1844).

Von der Wiege bis zur Bahre
Sind die schönsten die Studentejahre!
(Изъ студенч. пѣсни).

Путевыя впечатлѣнія и вступительный экзамень.

Возница нашъ Терентій оказался большимъ весельчакомъ и юмористомъ; но какъ ни усердствовалъ онъ, чтобы развеселить меня въ первый день нашего путешествія, его забавныя шутки и остроумныя анекдоты не въ состояніи были разбить мою тугу. Болтовня его была мнѣ противна.

Перешагнувъ предѣль, отдѣлявшій меня втеченіе двадцати лѣтъ отъ всего, что находилось за чертою Новгородъ-Сѣверска, я впервые почувствовалъ себя одинокимъ, впервые сознательно отнесся къ своему прошлому. Безконочными вереницами толпились въ душѣ тѣни минувшаго: понесенныя мною утраты, угнетавшая меня нужда, семейныя драмы и огорченія... Вспомнились мнѣ и мои крохотныя удовольствія и впервые испытанное мною сердечное влеченіе къ той,

¹⁾ См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 8, августъ.

которую я такъ скоро увижу опять, ровно черезъ два года; но увижу не дѣвочкой-подросткомъ, но женщиной развитой, способной оцѣнить высокое чувство первой юношеской любви. По мѣрѣ удаленія отъ родины и приближенія къ Сваромью, незамѣтно стали исчезать одинъ за другимъ носившіеся передо мной образы надолго покинутыхъ мною лицъ, уступая мѣсто одному, завладѣвшему веѣмъ существомъ моимъ ненаглядному образу.

Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, не представляли ничего привлекательнаго. Все тѣ же бѣдные города, похожіе на села, за исключеніемъ развѣ одной особенности—желтыхъ тюремныхъ замковъ, построенныхъ по одному плану во всѣхъ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи, однимъ и тѣмъ же жидомъ—подрядчикомъ Быховскимъ.

— Видишь, Терентій, какія палаты для вашего брата—мужика выстроены, обратился къ возницѣ, самъ едва избѣжавшій тюрьмы, мой спутникъ.

— Де вже нашему брату—мужику у такихъ хоромахъ житы—воны мабутъ для цанивъ збудованы, отвѣтилъ ему Терентій.

Попадались по пути бѣдныя деревушки и мѣстечки, огороды съ табакомъ, поля, уже на половину обнаженныя отъ высокой колосистой ржи. За Чернигомъ начался лѣсъ, мы въѣхали въ остерскій уѣздъ. Въ лѣсу попадались на встрѣчу мизерныя деревушки, прежде населенныя монастырскими, а нынѣ казенными крестьянами¹⁾. Послѣ секуляризаціи лаврскихъ имѣній, во владѣніи монаховъ остались одни озера да пруды. Положеніе крестьянъ при новыхъ порядкахъ значительно измѣнилось, но не къ лучшему. Въ прежніе годы они невозбранно занимались лѣсными промыслами, уничтожая цѣлыя десятины лѣсу и расчищая обнаженныя мѣста подъ запашку; теперь казенные лѣсничіе, соблюдая государственный интересъ, (и своего притомъ не забывая), разными карательными мѣрами прекратили, повидимому, безобразное истребленіе лѣсовъ, поставивъ крестьянъ въ безвыходное положеніе: лѣсничій налагаетъ штрафы и предастъ порубщиковъ суду, а окружной съ помощниками правятъ подати, которыхъ заработать негдѣ. Пока еще

¹⁾ Еще въ XVI столѣтіи большая часть остерскаго повѣта принадлежала Кіево-Печерской лаврѣ.

на привольныхъ лугахъ днѣпровскихъ красовались исполинскіе дубы и осокоры, бѣдняги кое какъ перебивались: повалить столѣтнее дерево, наколеть дровъ да и свезеть Днѣпромъ въ Кіевъ. Выручивъ такимъ способомъ десять-пятнадцать рублей, крестьянинъ удовлетворялъ первѣйшимъ своимъ нуждамъ до слѣдующей осени. Но когда луга обнажились отъ деревьевъ, когда рѣки и озера стали мельчать отъ засухи, положеніе ихъ стало по истинѣ критическимъ. Сравнительно съ прежними годами, народонаселеніе увеличилось почти въ два раза, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла и нужда до ужасающихъ размѣровъ. Еще ближайшія къ Кіеву села кое какъ перебиваются: то копицу сѣна, то рыбы пудъ продать, то наплететь изъ лозы корзины, то наймется дрова возить съ пристани: все таки человѣку есть возможность зашибить копійчину; живущіе же въ лѣсной глуши, въ разныхъ наименованій Гутахъ — бѣдствуютъ страшно.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

По дорогѣ мы завернули къ одной „малодушной“ барынѣ, знакомой лѣсничаго, въ особѣ которой, къ моему удивленію, я нашелъ поразительное сходство съ гоголевской тетужкой Василисой Кашперовой, въ повѣсти „Иванъ Федоровичъ Шпонька“. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ бессмертный юмористъ многія черты изъ соз-

данныхъ имъ типовъ заимствовалъ въ такой именно глуши, въ какой мы теперь очутились. Женщина исполинскаго роста и соразмѣрной оному толщины, съ ухарскими манерами и зычнымъ голосомъ, Уляна Максимовна годилась бы въ гвардію Фридриха Прусскаго. Она казалась еще массивнѣе въ своихъ крохотныхъ комнатахъ. Домъ, вѣроятно, построенъ очень давно, когда она была еще такой крошкой, которую теперешняя Уляна Максимовна могла бы спрятать въ свой неизмѣримый карманъ стараго капота, вмѣстѣ съ гремучею связкой ключей. Поздоровавшись съ нами и приготовивши наскоро аичницу, чтобы заморить червяка, она отправилась на кухню готовить обѣдъ, а мы, позавтракавши, пошли, для возбужденія аппетита, прогуляться.

Село, куда мы пріѣхали, называется Мѣксимъ, рѣчка, на которой оно находится—Мѣксимъ, сельскій батюшка, от. Максимъ, родителя хозяйки звали также Максимомъ; половина почти населенія носила это излюбленное имя. Тутъ же не вдалькѣ протекаетъ и моя родимая Десна, на свиданіе съ которой я и поспѣшилъ. Купаясь въ ея прозрачныхъ струяхъ, я вообразилъ себя дома, подъ Замокъ, на оболонь. Потомъ мы сѣли въ лодку и переправились на другой берегъ рѣки. Мнѣ живо представилось приволье и широкій просторъ новгородсѣверскихъ луговъ, гдѣ протекли лучшіе годы моей жизни. Тамъ, свободный, какъ вѣтеръ, вырвавшись изъ душной темницы „чистилища“, я разгуливалъ на волѣ, забывая все на свѣтѣ—и свои домашнія злыдни и грозную линейку Якова Яковловича и его противную „ариметичку“. Только тогда я былъ счастливъ, когда засаленныя тетради и безтолковые учебники смѣнялись ружьемъ и удочкой. Наука была для меня тогда мукой. Недаромъ у насъ сложилась школьная поговорка, характеризующая нашихъ непризванныхъ педагоговъ: попечитель — пече, смотритель — смотреть, учитель—мучить, а не учить. Значить, куда ни повернись—всюду бѣда.

Пробѣгавшись на лугу и вторично освѣжившись купаньемъ, мы къ великому утѣшенію хлѣбосолки-хозяйки, обѣдали съ волчьимъ аппетитомъ. За то обѣдъ, обѣдъ!—объяденіе! За неимѣніемъ въ селѣ говядины, пострадала домашняя птица и дичь, которой въ Максимѣ было такое обиліе, что крестьяне, не зная цѣны убитой

и пойманной силками дичи, часто варили борщъ съ бекасами и дупелями, отчего истый охотникъ-гастрономъ непременно упалъ бы въ обморокъ, пораженный такою профанаціей кулинарнаго искусства. Послѣ обѣда мы вышли изъ душной комнаты на дворъ, подъ навѣсъ. Неугомонная Уляна Максимовна *roug la bonne bouche*, угостила насъ преоригинальнымъ концертомъ: покликавъ съ улицы замарашку мальчика, лѣтъ 14, она заставила его пѣть пѣсни самаго непристойнаго содержанія; между тѣмъ какъ тутъ же находились и ея собственныя дѣти: два мальчика и дѣвочка, которой было не менѣе 15 лѣтъ. Какъ видно, мамаша готовила будущему своему зятю второе изданіе собственной персоны — женщину гренадера, заглашая въ ней съ дѣтскихъ лѣтъ врожденное каждой женщинѣ чувство стыдливости.

Когда спала жара, Терентій напомнилъ намъ, что пора ѣхать, и мы распрощались съ Максимомъ и съ самой Улянкой Максимовной.— На другой день передъ закатомъ солнца, я въ первый разъ увидалъ Днѣпръ. Хотя и зналъ я изъ географіи о существованіи на земномъ шарѣ несравненно большихъ рѣкъ, но такъ какъ я ихъ не видалъ, то нашъ староденный Днипро сильно поразилъ меня своимъ величественнымъ видомъ. Для меня, по крайней мѣрѣ въ то время, гипербола Гоголя казалась вполне естественной: взглянувши на него впервые, невольно воскликнешь: „пышный! тебѣ нѣтъ равной рѣки въ мірѣ!“ И какую мизерною рѣченкой показалась въ моихъ глазахъ родимая Десна, въ сравненіи съ старымъ Днѣпромъ. „У, какая страшная пучина, глотающая людей какъ мухъ!“ У, какъ быстро текутъ синія воды его страшно и подойти, не только выкупаться въ нихъ.

Налюбовавшись съ высокаго берега величественною картиною Днѣпра, при солнечномъ закатѣ, ярко освѣтившемъ зеркальную его поверхность багровыми лучами, мы пошелли дальше — и къ вечеру въѣхали въ сельцо Сваромье, резиденцію лѣсничаго. Къ великому моему удовольствію, село раскинулось на самомъ берегу Днѣпра, значить, будетъ довольно времени наглядѣться на него, а теперь займемся кузиной.

Какъ пышно развернулся и разцвѣлъ этотъ полевой цвѣтокъ, подъ вліяніемъ освѣжительнаго воздуха днѣпровскихъ луговъ и лѣсовъ!

Совершенно деревенская простота домашней обстановки жилища лѣсничаго еще болѣе отѣняли прелесть этого созданія. Съ перваго взгляда на нее я былъ пораженъ и очарованъ. Пылкое чувство первой юношеской любви, казалось, заглушшее въ самомъ зародышѣ, втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ моей трудовой жизни, охватило все существо мое. Страшный вулканъ, клокотавшій въ груди Амалать-Бека, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ душѣ моей въ минуту роковой встрѣчи съ нею.

Тогдашнее молодое поколѣніе воспитывало свое чувство преимущественно на повѣстяхъ Марлинскаго: для насъ онѣ составляли кодексъ любви—*ars amandi* нашего времени. Мы—юноши старались подражать пламеннымъ героямъ романиста, если не въ жизни, то въ любовныхъ посланіяхъ къ своимъ богинямъ, за то съ глазу на глазъ съ ними, въ интимныхъ бесѣдахъ, мы были до глупости застѣнчивы и стыдливы. Даже, если случалось читать въ слухъ, въ присутствіи возлюбленной, страстное признаніе какого нибудь героя, „съ цѣлой Африкой любви“, то и тутъ бывало спасуешь и краснѣя пропустишь самое пикантное мѣсто любовной чепухи. О, мы были не то, что нынѣшніе безстыжіе Базаровы и Волоховы: о такихъ хищникахъ и губителяхъ невинности „благородныхъ барышень“ у насъ не было и слышно. Воспитанные на балладахъ Жуковскаго, мы до мозга костей проникались романтизмомъ. смотрѣли на „дѣву“, какъ на божество, любя ее чисто платонически; мечтали при лунѣ и писали стихи при сальной свѣчкѣ.

Но такъ какъ о всякомъ смертномъ можно сказать то же, что сказалъ влюбленный Фаустъ о Мефистофелѣ: *Du spottgeburt von Dreck und Feuer*, то идеальная любовь нашихъ романтиковъ не исключала собой и чисто плотскихъ попользованій: стыдливый романтизмъ часто шель рука объ руку съ самымъ необузданнымъ развратомъ: „иной, высшій даже сердцемъ челоуѣкъ, съ умомъ высокимъ, начиналъ съ идеала Мадонны, а кончалъ идеаломъ садомскимъ¹⁾“.

Такое явленіе не ново. То же самое было и въ средніе вѣка не только съ нашими недодѣланными рыцарями, но и съ настоящими. Каждый изъ нихъ, какъ извѣстно, имѣлъ свою даму, любя ее чи-

¹⁾ Писатель 40-хъ годовъ — Достоевскій.

сто платонически, но эта „царица его сердца“ нисколько не мѣшала ему имѣть въ одно и тоже время цѣлый гаремъ женщинъ, надъ которыми онъ, въ свою очередь, царилъ безгранично. Въ то самое время, когда Петрарка въ своихъ сонетахъ повѣдалъ всему міру о глубокомъ отчаяніи, испытываемомъ имъ оттого, что Лаура не удостоиваетъ его взглядомъ, онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ другою женщиной, которая сонетовъ его не читала, но была матерью нѣсколькихъ его дѣтей. При такомъ видимомъ сходствѣ нашихъ селадоновъ съ рыцарями, между тѣми и другими огромная разница. У рыцарей существовало, по крайней мѣрѣ, фиктивное уваженіе къ женщинѣ въ образѣ „дѣвы“ или „дамы“, за которую они ломали копья на турнирахъ, у насъ и того не было:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злѣбъ, ни любви...

Въ отношеніяхъ своихъ къ прекрасному полу мы приближаемся больше къ востоку, чѣмъ къ западу. И въ самомъ дѣлѣ, походили мы, хоть въ какомънибудь отношеніи, на рыцарей? Развѣ на донъ-Кихота. Донъ-Кихотовъ у насъ дѣйствительно было довольно, но они съ настоящимъ донъ-Кихотомъ все таки мало имѣютъ общаго.

Благороднѣйшій Ламанчскій чудакъ-энтузіастъ, натура страстная и геніальная. Проникнутый до мозга костей идеєю правды, общественнаго блага и любви, онъ ясно сознавалъ великость своихъ благородныхъ стремленій и, если потерпѣлъ неудачу въ погонѣ за идеалами, то это случилось только потому, что онъ немножко запоздалъ съ своими услугами человечеству, за что и былъ осмѣянъ безпощаднымъ Сервантесомъ, хотя въ своихъ восторженныхъ рѣчахъ и безкорыстныхъ стремленіяхъ донъ-Кихотъ столько же достоинъ смѣха, сколько и самый геніальный умъ при столкновеніи съ пошлымъ житейскимъ такъ называемымъ „здравымъ смысломъ“, которому выпренные полеты генія всегда казались и будутъ казаться безуміемъ. Непонятый современниками геній, въ глазахъ близорукой толпы, тотъ же донкихотствующій чудакъ, съ тою лишь разницею, что донъ-Кихотъ задумалъ воскресить отжившую идею рыцарства, и, стараясь настоящему навязать прошедшее, настолько же опоздалъ явиться въ свѣтъ, насколько непризнанный геній постигъ своимъ рожденіемъ. Возвышаясь цѣлою головою надъ толпой, и слѣд., видя

дальше ея, геній стремится къ тому, чтобы приблизить настоящее къ отдаленному будущему, до котораго толпѣ пришлось бы ползти черепашьимъ шагомъ еще цѣлое столѣтіе.

И Сократъ, и Галилей, и Гусь заплатили жизнію за то, что слишкомъ забѣжали впередъ большинства своихъ современниковъ. Какъ много людей сгорѣло на кострахъ за то, что позднѣе было признано истиной!... Справедливо замѣтилъ кто то, что „исторія есть скорбный листъ многихъ задавленныхъ идей, многихъ умершихъ учевій, когда они возникали въ средѣ, неподготовленной къ принятію ихъ“.

Но... виновать, кажется, я ужъ черезчуръ зарепортовался...

Какъ ни очаровательна была мѣстность Сваромья, съ его поэтическимъ кладбищемъ, на высококомъ берегу Днѣпра, осѣненномъ соснами; какъ ни сладко было мечтать тамъ, декламируя куплеты изъ „Сельскаго кладбища“ Жуковскаго; какъ, наконецъ, ни крѣпки были цѣпи, приковывавшія меня къ очаровательной кузинѣ,—но я, новый Одиссей, долженъ былъ, съ болью сердца, порвать эти цѣпи и оставивъ чертоги волшебницы Цирцеи, продолжать неоконченное странствіе.

Такъ какъ ближайшій и удобнѣйшій путь до Кіева лежалъ по Днѣпру, то мнѣ предложили лодку, съ 14 лѣтнимъ гребцомъ, рассчитывая на мое собственное искусство править судномъ, въ чемъ я, прирѣчный житель, хорошо напрактиковался въ дѣтствѣ. Въ день моего выѣзда утро было великолѣпное. Я былъ готовъ въ минуту. Оборы недолгіе: поставивъ сундучекъ свой въ лодку, я могъ воскликнуть вмѣстѣ съ философомъ: *omnia mea mecum porto!* Все семейство лѣсничаго вышло на берегъ проводить меня. Отчаливъ лодку, я какъ то машинально и не хотя дѣйствовалъ весломъ, непрерывно оглядываясь на покинутый берегъ. Но вотъ, обогнувши Лысую гору, Днѣпръ круто повернулъ влѣво—и Сваромье скрылось за горою. Пославъ своей Полинѣ послѣдній вздохъ, я со всѣхъ силъ налегъ на весло и утлый мой челнокъ помчался какъ птица.

Въ Межигорьѣ нужно было сдѣлать привалъ. Лѣсничій поручилъ завезти туда письмо къ любезному своему куму Ивану Марковичу Нечипоренку, который принялъ меня чрезвычайно радушно и угостилъ завтракомъ. Это былъ одинъ изъ числа чиновниковъ, завѣдывавшихъ императорскою фаянсовой фабрикой. Всѣ они полу-

чали приличное содержаніе и жили припѣваючи, ровно ничего не дѣлая. Получала ли казна какой нибудь доходъ отъ фабричныхъ издѣлій—не знаю; что же касается фабричной администраціи, то она не могла пожаловаться на недостатки.

Подъ Вышгородомъ насъ застигла гроза. Подулъ сѣверный вѣтеръ и Днѣпръ изъ синяго сдѣлался сизымъ— „Страшенъ тогда Днѣпръ! и нѣтъ ему равной рѣки въ мірѣ. Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали“ (Гоголь).

Мы съ Грицкомъ поспѣшили пристать къ берегу, вытащили на берегъ лодку и опрокинувъ ее такъ, что бы вѣтеръ дулъ намъ сзади, расположились въ своей импровизированной юртѣ съ большимъ комфортомъ. Я даже былъ отчасти радъ случившейся остановкѣ: до вечера было еще далеко, а тутъ представлялся прекрасный случай поглядѣть вблизи на разсердившагося старика, потрясавшаго въ безсильной злобѣ на укрывшихся отъ его гнѣва пловцовъ своими сѣдыми кудрями—волнами, которыя съ ужаснымъ ревомъ, какъ бѣшенныя, вспрыгивали на крутой берегъ, орошая насъ своими брызгами.

Струсившій было не на шутку Гриць, очутившись въ совершенной безопасности, да еще съ добрымъ кольцомъ колбасы да двумя пирогами, мало по малу пришелъ въ себя и до того расхрабрился, что даже сталъ напѣвать себѣ подъ носъ веселую пѣсеньку. Лѣтняя гроза проходитъ скоро. Вѣтеръ быстро разогналъ нависшія тучи и солнце засіяло съ новымъ блескомъ. Волны скоро улеглись и успокоились; поверхность Днѣпра еще незадолго до того словно изрытая исполинскимъ плугомъ, опять стала гладкою и прозрачною. Мы вылѣзли изъ своей засады, спустили на рѣку лодку и дружно принялись за весла. При яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца, предо мною открылась великолѣпная картина Златоглаваго „пращура русскихъ городовъ“. Кто желаетъ видѣть Кіевъ во всей его красѣ, тотъ пусть смотреть на него со стороны Днѣпра. Не одинъ я, не видавшій до того ничего лучшаго, но и люди, объѣхавшіе Россію и половину Европы, утверждаютъ, что они не встрѣчали ничего живописнѣе Кіева: не сомнѣваюсь, что они смотрѣли на него именно съ сѣверо-восточной стороны изъ-за Днѣпра.

Къ городу мы пристали на Оболонь, противъ бурсы, гдѣ обыкновенно останавливались тогда заднѣпряне съ своими дубами, нагруженными дровами или сѣномъ. Такъ какъ день клонился къ вечеру, то такихъ дубовъ мы встрѣтили довольно подѣ Вышгородомъ, уже возвращавшимися порожнякомъ домой противъ теченія. Тянулись они весьма медленно, такъ что напр. сваромцы и тарасовцы или почевали на половинѣ дороги, или, работая всю ночь, только на другой день къ обѣду успѣвали вернуться. Оставивъ Гриця на лодкѣ стеречь сундукъ, я вышелъ на берегъ и не зналъ, куда мнѣ направить стопы свои. „Э, подумаль я, коли, по пословицѣ, языкъ доводитъ до Кіева, то въ Кіевѣ доведеть и до университета“. Пропедши двѣ-три улицы, и поровнявшись съ Братскимъ монастыремъ, я увидалъ много народу, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ по праздничному, какъ будто куда то спѣшившихъ все по одному направлению—по Александровской улицѣ. По справкамъ оказалось, что они спѣшили въ Царскій садъ на гулянье. По случаю воскресенья въ этотъ день тамъ играла музыка, пошелъ и я туда. Гуляла тогда публика главнымъ образомъ въ верхнемъ саду, по большой аллеѣ, заканчивавшейся бесѣдкой, изъ которой открывался восхитительный видъ на Заднѣпровье. Эта часть сада въ настоящее время отошла къ Царскому дворцу, а для публичныхъ ея гуляній предназначена нижняя часть его, въ котловинѣ, заключенной между горъ, гдѣ, по инициативѣ генераль-губернатора Анненкова, въ 60-хъ годахъ, устроено Шато-де-Флеръ, съ лѣтнимъ театромъ и вокзаломъ. Сюда собирается теперь кіевская публика, невысокой впрочемъ пробы, не съ цѣлю насладиться красотами природы, а подышать воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ керосина и фейерверочнымъ смраднымъ чадомъ, да позабавиться зрѣлищами, извращающими природу. Для первоначальнаго устройства Шато жадный къ наживѣ антрепренеръ, съ согласія городской думы, вырубилъ почти всю нижнюю часть сада. Подъ сѣкирой этого вандала—нѣнца пали и стройныя вѣсковы тополи, краса нашей украинской природы, и сотни фруктовыхъ деревьевъ. Исчезли и великолѣпныя клумбы цвѣтовъ; погибла безслѣдно и памятная всѣмъ намъ „аллея влюбленныхъ“, укрывавшая во время оно не одну стыдливую парочку отъ нескромныхъ взглядовъ гуляющихъ. Правда, нынѣшнія посѣтительницы шумнаго Шато вовсе не

нуждаются въ такомъ таинственномъ убѣжищѣ для своихъ rendez vous: онѣ открыто, при газовомъ освѣщеніи пьютъ коньякъ и шампанское и отплясываютъ канканъ, къ великому соблазну учащейся молодежи, преждевременно вкушающей отъ запретнаго плода Вакха и Венеры.

Въ саду между гуляющими я увидѣлъ много студентовъ; они прохаживались группами и громко разговаривали, но знакомаго между ними никого не замѣтилъ. Поворотивъ въ одну изъ боковыхъ аллей, я наконецъ встрѣтилъ тамъ студента Долинскаго. Хотя мы и мало были знакомы, но довольно было уже и того, что учились въ одномъ и томъ же заведеніи, чтобы, встрѣтаясь въ чужомъ городѣ, не разговариваться по дружески. Корпоративный духъ товарищества сближаетъ молодежь, располагая и обязывая ихъ ко взаимнымъ услугамъ. Отъ Долинскаго я узналъ квартиру нашихъ сѣверянъ Кулиша и Чуйкевича. Неразлучные друзья, уроженцы м. Воронежа, глуховскаго уѣзда, жили на Графской переулѣ, позади извѣстнаго въ то время магазина Фянке. Замѣтивъ съ первыхъ моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ городѣ могли обмануть, добрый мой землякъ Пантелеймонъ Александровичъ, отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змѣя“, повѣсть, которую онъ писалъ тогда для „Кіевлянина“, (альманахъ, издаваемый Максимовичемъ), успѣшилъ одѣться и отправился со мной нанять извозчика для перевозки за свѣтло моего скарба съ Подола. Приѣхавъ на пристань и распростившись съ Грицемъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день по утру мы съ Кулишемъ отправились искать квартиру. Небогатое студенчество ютилось тогда большею частію на Провальѣ, небольшомъ фольваркѣ, находившемся противъ университета, при спускѣ къ Днѣпру и состоявшемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ то мы и нашли квартиру за 25 рубл. асс. въ мѣсяцъ, съ обѣдомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья. Хозяйка моя была бѣдная чиновница, промышленная студентами, а мужъ ея въ то же время проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь на Кавказѣ.

Пант. Ал. Кулишъ, будучи еще гимназистомъ, пріобрѣлъ между товарищами репутацію „сочинителя“ и искуснаго рисовальщика ак-

варелью. Его рассказы изъ быта воронежскихъ обывателей, читанные имъ въ кругу товарищей до прихода учителя, предвѣщали въ немъ будущаго украинскаго бытописателя. Но искусство не уживалось съ наукой: Пант. Ал—чъ оставилъ гимназію въ 1837 году, окончивъ только 5 классовъ. Слѣдующіе затѣмъ два года проведены имъ въ должности домашняго учителя и потомъ въ канцеляріи нѣжинскаго лицея въ качествѣ писца. 15 іюля 1839 года былъ вновь открытъ университетъ, послѣ временнаго его закрытія, и Кулишъ, хотя и выдержалъ вступительный экзамень, но какъ не окончившій полнаго гимназическаго курса былъ зачисленъ лишь вольнослушателемъ. Находясь въ такомъ неопредѣленномъ состояніи и не будучи обеспеченъ матеріально, онъ вовсе не посѣщалъ лекцій и скоро оставилъ университетъ.

Дня черезъ три послѣ моего прибытія въ Кіевъ привалила шумная толпа черниговцевъ, изъ коихъ трое оказались моими товарищами по новгородъ-сѣверскому уѣздному училищу, гдѣ они начали свое ученіе, но по обстоятельствамъ перешли въ Черниговъ, то были Т. И. Пристюкъ, Сережа Левицкій и Н. И. Сбитневъ. Всѣ они поселились у той же чиновницы на Провальѣ. Всѣ мы, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали педеля съ повѣсткой о явкѣ къ экзамену, а между тѣмъ не зѣвали и просматривали учебники. Наконецъ насъ потребовали въ первый комитетъ.

Экзаменовъ, правду сказать, я не боялся; математика только немножко смущала; но такъ какъ у меня было рекомендательное письмо къ профессору Дьяченку отъ его университетскаго товарища, нашего словесника Коконко, то и математика была обеспечена. При всемъ томъ, мнѣ становилось иногда жутко, при могущей послѣдовать неудачѣ. Вопросъ состоялъ не въ томъ, выдержи ли я экзамень или нѣтъ, а въ томъ, поступлю ли на казенное содержаніе или останусь на улицѣ. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣла вся моя будущность. Отдавши половину изъ привезенныхъ денегъ хозяйкѣ впередъ за мѣсяць, я остался при 25 рубляхъ асс. въ годъ, безъ малѣйшей надежды на манну небесную, которая падаетъ другимъ въ видѣ серебряныхъ рублей.

Первые два комитета прошли благополучно. Остался еще одинъ съ ужасной для меня математикой. Наканунѣ экзамена я понесъ

письмо къ профессору, который, пробѣжавъ его наскоро, сказалъ, что онъ будетъ экзаменовать меня строже другихъ, потому что меня рекомендуютъ, какъ отличнаго ученика. Такимъ образомъ, почтенный пріятель мой, вѣрный своему наклонному характеру, и тутъ подгадиль, оказавъ мнѣ медвѣжью услугу. Н. А. Дьяченко сдержалъ свое благородное слово: пробралъ меня на обѣ корей по всѣмъ отдѣламъ математики и поставилъ превеликую единицу, которая хотя и не попрешествовала поступить мнѣ на словесный факультетъ, но лишила права быть принятымъ въ институтъ казеннокошныхъ студентовъ. вмѣсто меня былъ принятъ сынъ черниговскаго инспектора Сбитневъ, хотя онъ и не лучше меня сдалъ экзамень и могъ бы прожить на свои средства, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Идучи, повѣся носъ, изъ университета, я неожиданно встрѣтилъ на улицѣ Матвѣя Альбертовича, пріѣхавшаго въ Кіевъ хлопотать о перемѣщеніи.

— А какъ ты держалъ физику? спросилъ онъ.

— Физику то вашу я выдержалъ отлично, да съ математикой случилась бѣда—провалился!

— Очевидно! воскликнулъ физикъ, бо Осыпъ Григорѣвичъ дурны—самъ ничего не умѣеть.

Оно то, пожалуй, и правда, да мнѣ то отъ того было не легче, что убѣдился горькимъ опытомъ въ справедливости такого мнѣнія о моемъ наставникѣ Бенче, который ровно никого ничему не научалъ во всю свою 35 лѣтнюю службу.

Потерпѣвъ жестокое пораженіе, я не пошелъ даже обѣдать на квартиру, а купивши пятикопѣечную булку, и подкрѣпивши свои силы, пошелъ черезъ Царскій садъ на Подоль—искать сваромцевъ, чтобы узнать, нѣтъ ли вѣсточки изъ за Днѣпра. Въ своемъ безвыходномъ положеніи я не искалъ утѣшенія въ сочувствіи новыхъ товарищей. Веселые и счастливые, выскочили они изъ университета и пустились бѣжать на Провалье, выдѣлывая по улицѣ, на удивленіе извощикамъ, преуморительные козлиные прыжки. Зналъ я, что, по случаю окончанія экзаменовъ, въ квартирѣ у насъ затѣвается кутежь, но я не могъ въ немъ участвовать: мнѣ хотѣлось плакать, а не веселиться.

Мѣсяць въ деревнѣ.

Юность, юность! ты, какъ восходящее солнце, весь міръ обливаешь розовымъ свѣтомъ!...
Писскъ.

Спустившись къ Днѣпру, я посиѣшилъ на Оболонь и къ великой радости нашель тамъ самого хозяина того дома, гдѣ жилъ лѣсничій, да еще съ письмомъ отъ кузины. Ей было извѣстно, когда у меня оканчивались экзамены и вотъ она къ этому именно дню и прислала свои драгоценныя строки, на синей бумажкѣ:

„Папенька и маменька уѣхали въ Новгородокъ, а я одна съ братьями осталась дома и страшно скучаю. Ежели вы окончили свои экзамены, то приѣзжайте въ Сваромье студентомъ“ и проч.

Не чуя подъ собою ногъ, прибѣжалъ я на квартиру, захватить кое что изъ бѣлья и въ тотъ же день отправился въ путь, не столько впрочемъ для того, чтобы разсѣять скуку кузины, сколько для того, чтобы раздѣлить съ ней свое собственное горе. Кромѣ того, выѣздъ изъ Кіева до начала лекцій былъ необходимъ и въ финансовомъ отношеніи: съ 25 рублевой бумажкой въ карманѣ проживешь не долго. Этою, такъ сказать, карманною причиною я мотивировалъ внезапный свой отъѣздъ предъ товарищами. Никому не сказалъ я настоящей причины моего бѣгства за Днѣпръ никому не довѣрилъ тайны своего сердца: *procul teneatis, profani!*

Черезъ часъ я уже былъ на дубѣ и преусердно работалъ весломъ и шестомъ, какъ осужденный на галеры — Я сторалъ нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй увидѣться съ кузиной и торопиль гребцовъ, которыхъ всего то и было двое: хозяинъ Тиминъ да его 13 лѣтняя дочурка Прися. Надъ моею посиѣшностью хромоногий мой Харонъ изподтишка подтрунивалъ, съ свойственнымъ малороссу юморомъ. Всеі мои усилія ускорить медленный ходъ тяжелаго судна остались бесполезными. Выбившись наконецъ изъ силъ, я бросилъ весло и завалился спать. Влеченіе двухъ послѣднихъ недѣль, во время экзаменовъ, я спалъ очень мало и потому чувствовалъ сильное изнеоженіе. Крѣпкій и здоровый сонъ на свѣжемъ воздухѣ, на солнечномъ припекѣ, подкрѣпилъ мои силы. Не доѣзжая Межиторья, Тиминъ сдѣлалъ привалъ. Бѣдняжка дѣвочка, работая безпрерывно

шестомъ, до того изнемогла, что какъ только выпустила изъ рукъ свое орудіе, тотчасъ же и уснула. Собираясь разложить огонь, суровый хохоль не переставалъ ворчать на спящую Присю, на которой лежала обязанность „попукать дровецъ“, т. е. насобирать валявшейся на берегу сухой лозы и щепокъ. Пожалѣвъ бѣдняжку, которая такъ сладко спала, раскинувшись на песчаномъ берегу, я предложилъ хозяину свои услуги и натаскалъ ему цѣлую кучу хворосту. Костеръ нашъ запылалъ великолѣпно, отражаясь на темномъ фонѣ рѣки, какъ въ зеркалѣ. Мы возлежали и курили молча, пока носибетъ „кантопля“, зарытая въ золу. Десятка два картофелинъ да небольшая тарань, поджаренная на угольяхъ, составили для троихъ насъ весь ужинъ. Тутъ же, у потухающаго костра, мы и заснули. Чуть лишь стало „благословляться на свить“, мы уже были за работой. Чѣмъ ближе подѣзжали къ Сваромью, тѣмъ дружище налегалъ и на весло, несмотря на мучившую меня боль отъ мозолей на обѣихъ рукахъ, отвыкшихъ за два послѣдніе года возни съ перомъ отъ такой мускульной работы.

Кузина вышла на встрѣчу съ двумя мальчиками далеко за село. Мальчуганы попросились къ Тимошу на дуба, а мы съ ней пошли по берегу. Какъ ни медленно подвигался дубъ противъ теченія, но мы шли еще медленнѣе, дорожа каждой минутой свиданія, несмотря на то, что свиданіе это должно было продлиться цѣлый мѣсяць.

Описывать подробно, день за днемъ, пребываніе мое въ Сваромь въ продолженіе сего блаженнаго мѣсяца, было бы съ моей стороны крайне рискованно, во первыхъ потому, что трудно и почти невозможно чрезъ 50 почти лѣтъ воспроизвести тѣ впечатлѣнія, которыя испытывалъ я на двадцатомъ году своей жизни; во вторыхъ, если бы инѣ и удалась такая смѣлая попытка, то едва ли моя сердечная хроника заинтересовала бы когонибудь хоть настолько, чтобы дочитать ее до конца. Любовь всегда смѣшна, если о ней рассказываютъ, замѣтилъ кто то. Если сердечная исповѣдь страдальца Данта—*la vita nuova*—чаруетъ наше воображеніе и трогаетъ чувство поэтически-художественнымъ изображеніемъ первой любви поэта, то это не потому, чтобы творецъ „Божественной комедіи“ чувствовалъ какимънибудь особеннымъ образомъ, или любилъ такъ,

какъ никто любить не въ состояніи: любовь есть чувство общечеловѣческое; она въ сущности была всегда одна и та же у всѣхъ людей:

Das ist eine alte Geschichte,
Aber sie ist immer neu,
Und veni sie just passiret,
Dem bricht sie Herz entzwei (Heine).

Сила любви не зависитъ ни отъ взаимности, ни отъ достоинства любимаго предмета, все дѣло въ воспріимчивости нашей собственной души и въ ея способности сильно чувствовать. Въ „Новой жизни“ Данта мы восхищаемся, — помимо содержанія, помимо, такъ сказать, фактической стороны его поэтической исповѣди, — художественной формой, въ которую воплотилъ онъ свою сердечную исповѣдь. Но кто же отважится идти по стопамъ великаго поэта?

У всякаго смертнаго, одареннаго отъ природы сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, есть безъ сомнѣнія, своя сердечная тайна. но не у всякаго достанетъ духу исповѣдать ее предъ челоуѣки. Есть люди, которые желали бы забыть свое прошлое,

И съ отвращеніемъ читая жизнь свою,

подобно мрачному пѣвцу Британіи, враждебно относятся ко всему, что напоминаетъ имъ о прежнихъ страданіяхъ: это разочарованные жизнію люди. Другіе, напротивъ, при воспоминаніи о своихъ молодыхъ годахъ, таютъ отъ блаженства и до сѣдыхъ волосъ остаются вѣрными своимъ юношескимъ утопіямъ это — неисправимые романтики:

Они переживаютъ вновь
Былыя радости, протекшія страданья,
Давно погасшую любовь.

Средину между этими двумя крайностями занимаютъ люди, которые относятся къ своему прошлому совершенно объективно: не придавая особенной важности впервые пробудившемуся чувству къ первой, случайно встрѣтившейся въ жизни молодой и красивой женщиѣ, они смотрятъ на любовь, какъ на непреложный законъ природы, какъ на магнитную силу, влекущую одинъ полю къ другому. Въ ихъ глазахъ предметъ ихъ страсти не божество, по и не демонъ: l'homme n'est ni bête, ni ange, говоритъ Паскаль. Заплативъ дань юности немалымъ количествомъ de jolies folies и пришедши въ зрѣ-

лѣй возрастъ, они отрезвляются и совершенно спокойно могутъ вспоминать свое прошлое, не питая къ нему „ни злобы, ни любви“, какъ будто все случившееся съ ними было не съ ними, а съ кѣмънибудь другимъ. Это, по моему мнѣнію самыя счастливыя натуры. Но... къ сожалѣнію, я „не изъ ихъ числа“.

Потерпѣвъ неудачу, относительно поступленія на казенное содержаніе, я сознавалъ, что душевное мое настроеніе требуетъ нравственной поддержки, для того, чтобы совершенно не пасть духомъ и не побѣжать съ поля жизненной битвы при первой такъ сказать, авангардной стычкѣ съ непріателемъ. Поддержку эту я и нашель въ кузинѣ. Горячее участіе, принятое ею въ моей судьбѣ, сочувствіе моему горю и заботливость о моемъ душевномъ спокойствіи облегчали мои страданія, утомивъ на время тревожныя опасенія за будущее. Не желая отравлять кратковременнаго счастья въ настоящемъ, я вовсе пересталъ думать о будущемъ. Изъ многого множества стиховъ, посвященныхъ воспоминанію объ этихъ блаженныхъ минутахъ, почти ничего не сохранилось.

Въ послѣднихъ числахъ августа возвратились изъ путешествія лѣсничій съ лѣсничихой и узнавши, что я живу въ Сваромьѣ около мѣсяца, какъ то изумленно посмотрѣли на меня и испуганно на дочь, чѣмъ привели насъ въ большое замѣшательство: мы обое, какъ говорится, спекли рака. Но, произведши секретно слѣдствіе, т. е. допросивши мальчиковъ, съ которыми я иногда, для вида, яко бы занимался, служанку, остававшуюся дома и хозяевъ, жившихъ тутъ же въ одномъ дворѣ—совершенно успокоились. Повидимому, все обстояло благополучно. Ночеваль я постоянно то въ клунѣ на снопахъ, то въ шалашѣ на баштанѣ; приходилъ утромъ часовъ въ 6 къ чаю и заставалъ кухню за самоваромъ совершенно одѣтой. Послѣ чаю мы обыкновенно читали романы и поэмы, преимущественно Марлинскаго и Пушкина; обѣдали рано, по деревенски, послѣ обѣда шли на баштанъ, выбирали тамъ для прохлады лучшій арбузъ и лакомились имъ въ шалашѣ. Этою послѣднею статьею лѣсничій остался недоволенъ: много ужъ черезчуръ мы истребили арбузовъ, почти половина которыхъ передъ отъѣздомъ была имъ помѣчена, кому какой предназначался: куму Нечипоренку, от. Іліодору, губернскому лѣсничему Вальтеру, ревизору Шульгину и т. д. Недосчитавшись нѣско-

торыхъ изъ помѣченныхъ, лѣсничій очошь сердился. Въ свое оправданіе, мы ссылались на воровство, отъ котораго трудно было уберечь такой лакомый фруктъ—все равно что „горохъ при дорожи, хто йде той скубне“ (стихотвор. Гулака Артемовскаго). А въ то лѣто, какъ будто намъ на искушеніе, арбузы уродились превосходные, какъ же было не соблазниться ими въ жаркіе дни, когда сверхъ того, неутолимый внутренній жаръ располагалъ насъ къ такому прохладительному десерту?

Просидѣвши жару въ шаланѣ или же подъ соснами на кладбищѣ, мы, при закатѣ солнца, совершали прогулку по высокому берегу Днѣпра, катались на лодкѣ или удили рыбу. Поздно возвратившись съ прогулки, пили чай и расходились. Что жъ тутъ предосудительнаго могъ замѣтить самый строгій соглядатай въ нашихъ отношеніяхъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а мнѣ пришло время оставить эти прогулки и плыть въ Кіевъ. Стряхнувши съ себя лѣнь и нѣгу, я рѣшился вступитъ въ борьбу съ враждебными обстоятельствами и биться до послѣдняго издыханія: или на щитѣ, или со щитомъ!

Пріѣхавши въ городъ, я уже не засталъ на своей квартирѣ ни одного черниговца и ни одной изъ своихъ книгъ и другихъ вещей. Чиновница моя не только не считала себя отвѣтственной за пропавшее имущество, но даже требовала съ меня 12 рубл. за квартиру, которая въ мое отсутствіе числилась за мною. Дѣло въ томъ, что незадолго до моего возвращенія, съ Кавказа прибылъ ея благовѣрный, горьчайшій пьяница, который поразогналъ всѣхъ квартирантовъ и успѣлъ въ нѣсколько дней позакладывать въ кабакъ все, что ни попалося ему на глаза. Пострадали и мои вещи. Вслѣдствіе такого подлаго нахальства со стороны моей хозяйки и денного грабежа кавказскаго разбойника, я остался съ 12 рублями асс. въ карманѣ, безъ книгъ, даже безъ бѣлья, которымъ, съ такою заботливостью, снабжала меня на дорогу моя матушка. Осталось у меня почти только то, что я успѣлъ захватить съ собой, уѣзжая въ Сваромье. Сундукъ, правда, уцѣлѣлъ, но нечего было туда прятать. Всѣ мои соквартиранты—черниговцы устроились отлично: одни поступили на казенное содержаніе, другіе нашли выгодныя кондичіи; одинъ я, какъ оглашенный, бродилъ по стогнамъ богоспасаемаго града, ища себѣ пріюта.

М. Н. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Р О М А   Л А Д У Р Р А .

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Очень немногіе изъ польскихъ писателей пріобрѣли такую извѣстность среди читающей публики, какою пользовался Тома или, какъ онъ самъ называлъ себя, Тымко Падурра, челоуѣкъ, неотличившійся на литературномъ поприщѣ ничѣмъ особеннымъ: произведеніями его увлекались читатели Украины, Подолии и Волыни, и не объ одномъ изъ авторовъ не написано столько общихъ мѣстъ, къ счастію краткихъ по изложенію, сколько ихъ было написано о Падуррѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которымъ суждено было прославиться еще при жизни и при жизни же быть забытыми: нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Падурры, слава его имени и произведеній исчезла безслѣдно.

Однако популярность, которую пріобрѣлъ Падурра, не могла не имѣть своихъ причинъ, своихъ основаній; нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ сьумѣлъ затронуть чувствительную струну, если не всего современнаго ему общества, то, по крайней мѣрѣ, части его и части выдающейся, достаточно сильной, способной своею отзывчивостью на призывъ пѣвца дикой необузданной свободы упрочить за нимъ хотя бы мимолетную славу. Дѣйствительно, это было такъ. Славу очень часто пріобрѣтають люди, которые, не возвышаясь надъ уровнемъ посредственности, умѣють приноровиться къ господствующимъ понятіямъ того общества, среди котораго живутъ, или произвести сильное впечатлѣніе на современниковъ. Послѣдующія поколѣнія, передавъ суду суровой критики мысли и поступки такихъ людей, забываютъ о нихъ. Къ числу людей, пользовавшихся такою мимолетною славою, принадлежалъ и Падурра. Именемъ его, нынѣ уже забытымъ, мы

озаглавливаемъ настоящій очеркъ въ томъ убѣжденіи, что, знакомя читателя съ личностью этого поэта, пользовавшагося, въ свое время славою, намъ легче будетъ характеризовать извѣстный историческій моментъ, удастся, по крайней мѣрѣ бѣгло, изобразить мысли, чувства и дѣла современнаго поэту общества.

Кто же такой былъ Падурра? Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ вкратцѣ, насколько это необходимо для того, чтобы исправить ложное ходячее мнѣніе о поэтѣ, составленное по ошибочнымъ свѣдѣніямъ объ его жизни. Самымъ богатымъ запасомъ данныхъ для біографіи Падурры мы обизаны В. Пржиборовскому, который, послѣ смерти поэта, 20 октября 1871 года въ Казатинѣ, бердичевского уѣзда, расположенномъ недалеко отъ Махновки и Бердичева, обратился къ другу его, Маріану Васютинскому, (въ домѣ котораго поэтъ въ послѣднее время проживалъ и скончался), съ просьбою сообщить свѣдѣнія о Падуррѣ, необходимыя ему, для критической оцѣнки литературной дѣятельности умершаго поэта. Васютинскій исполнилъ эту просьбу; Пржиборовскій же далеко не выполнилъ задачи, взятую имъ на себя, написавъ не разборъ произведеній Падурры, но похвальное слово ему, которое, свидѣтельствуя о добрыхъ намѣреніяхъ автора, въ то же самое время обнаруживаетъ въ немъ совершеннѣйшее незнаніе того духа, которымъ была пронизана дѣятельность Падурры, какъ народнаго пѣвца (какимъ, по мнѣнію автора, былъ поэтъ), равно и того слоя общества, среди котораго поэтъ жилъ и прославился.

Несмотря на это, заслуга Пржиборовскаго заключается уже въ томъ, что, собравъ извѣстное количество достовѣрныхъ біографическихкихъ фактовъ, онъ далъ возможность имѣть изображеніе Падурры не фантастическое, основанное на тѣхъ сказкахъ, которыя о немъ разсказываютъ, но согласное съ дѣйствительностью. Изъ рукописи Васютинскаго, послужившей матеріаломъ для Пржиборовскаго и помѣщенной въ журналѣ «Biblioteka Warszawska» (1872 г., т. IV, книжка 12, подъ заглавіемъ *Тома Падурра*), прежде всего можно извлечь достовѣрныя хронологическія данныя, переданныя читающей публикѣ въ искаженномъ видѣ К. Вл. Войццикомъ въ его исторіи польской литературы.

Родиною Падурры была Польша. Отмѣчаемъ фактъ единственно въ виду того, что Падурра, писавшій на малорусскомъ языкѣ, не принадлежалъ вовсе ни по происхожденію своему, ни по духу къ малороссійскому племени. Родоначальникомъ Падуррѣ, по словамъ

Васютинскаго, былъ нѣкто Янъ, «закарпатскій славянинъ», прибывшій въ Польшу въ концѣ царствованія короля Владислава IV и поступившій въ военную службу, въ отрядъ чужестранныхъ солдатъ. Женившись на Маріи Падурра-Слупецкой, онъ поселился въ Польшѣ навсегда и имѣлъ въ числѣ потомковъ: *Іоакима*, намѣстника гусарь кн. Димитрія Вишневецкаго, павшаго въ сраженіи подъ Подгайцами; *Оому*, приверженца Эмерика Текели, умершаго въ турецкомъ плѣну, въ Константинополѣ; *Петра*, поручика кавалерійскаго отряда Іосифа Потоцкаго, убитаго козаками при осадѣ Бѣлой-Церкви; *Павла*, участвовавшаго въ Барской конфедераціи и сложившаго свою голову въ 1768 году въ сраженіи подъ Салихою.

Шляхетское достоинство первый изъ Падурръ приобрѣлъ Іоакимъ Ерчакъ Падурра (по гербу Сасъ), поручикъ короля Яна III Собѣскаго; въ 1680 году онъ купилъ деревню *Майданъ*, въ русскомъ воеводствѣ, которую сынъ его, Теодоръ, въ 1712 году продалъ трембовельскому чашнику Шептицкому за 15 тыс. червонныхъ золотыхъ, о чемъ имѣется актъ въ актахъ луцкихъ. Оттуда же, безъ сомнѣнія, можно бы было извлечь болѣе подробныя свѣдѣнія объ упомянутомъ выше Майданѣ; по извѣстію же о томъ, что онъ находился въ русскомъ воеводствѣ, невозможно сказать ничего опредѣленнаго: Майдановъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ прежняго русскаго воеводства, и въ настоящее время имѣется очень много.

Около половины XVIII столѣтія Падурры поселились въ Украинѣ, избравъ для жительства нынѣшній липовецкій уѣздъ. Продавъ часть деревни въ Березовкѣ (авторъ замѣтки не опредѣляетъ точнѣе мѣстоположенія, Березовокъ же существуетъ не менѣе Майдановъ), Іоакимъ Падурра поселился въ деревнѣ *Сошанскъ*, принадлежавшей нѣкогда кн. Любомирскимъ, находившейся, по всей вѣроятности, вблизи нынѣшняго *Самородка* и *Синарной* (нынѣ Свиарна), составляющей часть вльинецкаго имѣнія кн. Сангушковъ. Какъ вся мелкопомѣстная шляхта, Падурры занимались здѣсь земледѣліемъ, безъ сомнѣнія, отстаивая по временамъ на сеймикахъ права Любомирскихъ и Сангушковъ. Отъ этихъ то Падурръ произошелъ и *Янъ* Падурра, отецъ *Оомы*, получившій въ 1790 году, по окончаніи образованія въ одномъ изъ іезуитскихъ училищъ, отъ короля Станислава Августа дипломъ на званіе *кожорника* или присяжнаго землѣбра. Въ какомъ именно іезуитскомъ училищѣ обучался Янъ неизвѣстно; изъ замѣтки Васютинскаго знаемъ только, что онъ въ томъ же 1790 году уже проживалъ въ *Ильницяхъ*, занимался измѣре-

ніемъ полей и за заслуги свои въ этомъ дѣлѣ получилъ отъ князя воеводы Геронима Сангушка въ пожизненное владѣніе небольшой домъ съ пахатною землею, расположенный въ предмѣстьи м. Ильинець, у *Литвиновой* мельницы, на берегу рѣки, протекающей отъ этой мельницы и впадающей въ такъ называвшійся *Каменный* прудъ. Измѣривъ Тетіевщизну (м. Тетевъ, нынѣ таращанскаго уѣзда, смежнаго съ липовецкимъ, а не Темещизна, какъ ошибочно передаетъ Приборовскій), Янъ Падурра былъ назначенъ брацлавскимъ коморникомъ и получилъ поздравительное письмо отъ Оомы Островскаго.

Въ этомъ то домикѣ, въ которомъ внослѣдствіи родился Оома, князь воевода Сангушко принималъ въ 1786 году короля Станислава Августа, возвращавшагося изъ поѣздки въ Каневъ, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ. Въ 1801 году, 21 декабря, отъ *Анели*, урожденной *Панковской* (по гербу Задора) изъ Плоцка, родился Оома. Спустя 80 лѣтъ послѣ упомянутаго посѣщенія домика послѣднимъ польскимъ королемъ, возвращавшимся изъ Канева разочарованнымъ въ своихъ ожиданіяхъ, и чрезъ 65 лѣтъ со дня своего рожденія (21 декабря 1801 г.), Оома случайно посѣтилъ Ильинцы. Моментъ этотъ, полный какого то торжественно-печальнаго настроенія, Васютинскій такъ изображаетъ въ своей замѣткѣ: «въ 1866 г., проѣзжая вмѣстѣ съ Падуррою, посѣтили мы эту мѣстность, расположенную въ настоящее время за Коловротомъ, по лѣвую сторону отъ дороги изъ Ильинець въ Дашевъ. Мы нашли домикъ совершенно разрушеннымъ, березовый лѣсокъ истребленнымъ; какой то дряхлый старикъ бродилъ по немъ, собирая сухія вѣтви. Здѣсь то по странному стеченію обстоятельствъ произошла встрѣча *пана со слугою*. Оказалось, что старикъ, еще мальчикомъ, былъ въ услуженіи у отца Оомы. Усѣвшисъ на памятникъ-камень, нѣмомъ свидѣтелѣ бесѣды послѣдняго польскаго короля съ послѣднимъ воеводою, Оома вступилъ въ разговоръ со старикомъ. Послѣдній вскорѣ удалился со связкою сухихъ вѣтокъ; поэтъ заплакалъ. Наступилъ вечеръ. Изъ находящагося вблизи костела раздался звонъ, призывавшій къ молитвѣ: «*Ave Maria*», въ звукахъ его слышалось: «*requiescat*» столькимъ людямъ, дѣяніямъ, ожиданіямъ... Странная судьба постигаетъ часто и мѣстности, и предметы, и людей...».

Въ 1822 году, послѣ смерти отца, семейство Падурръ поселилось въ *Мианць*, вблизи Махариня, Махновки и Бѣлиловки (бердичевскаго уѣзда), взявъ эту деревню въ арендное содержаніе отъ Пшилускаго. По окончаніи контрактнаго срока, приблизительно въ

1830 году, Падурры приобрѣли въ Махновѣ небольшой домъ, въ которомъ стали жить, имѣя во главѣ семьи старшаго изъ братьевъ *Иосифа*, человѣка образованнаго, окончившаго въ 1817 году виленскій университетъ. Капиталь, бывшій у нихъ въ рукахъ, за оставленіемъ аренды, былъ помѣщенъ въ банкирской конторѣ Гальперина въ Бердичевѣ и впоследствии, когда этотъ извѣстный въ свое время на Украинѣ банкиръ обанкротился, весь пропалъ. Изъ членовъ семьи Өома умеръ послѣднимъ.

Первоначальное научное и нравственное образованіе Падурра получилъ частью въ родительскомъ домѣ, частью въ приходскомъ илинецкомъ училищѣ, въ которомъ одновременно съ нимъ обучался и Северинъ Гоцинскій. Выучившись здѣсь прислуживать во время обѣдни, мальчики часто исполняли обязанности прислужниковъ въ мѣстномъ костелѣ; посѣтивъ въ 1866 году этотъ храмъ, Падурра съ радостнымъ волненіемъ осматривалъ ту же самую кадильницу, которую ребенкомъ употреблялъ во время костельной службы. Когда мальчики стали подростать, родители помѣстили и того и другаго въ винницкое училище, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ они воспитывались вмѣстѣ. Затѣмъ отецъ Гоцинскаго, переѣхавъ на жительство въ Лещиновку, вблизи Умани, отдалъ сына въ ученіе базилианамъ, въ то время какъ Өома продолжалъ оставаться въ училищѣ въ Винницѣ, гдѣ въ 1820 г. окончилъ полный курсъ ученія. Свѣдѣніе это о времени пребыванія Падурры въ училищѣ важно тѣмъ, что даетъ возможность проверить и исправить ни на чемъ не основанные рассказы о предпринятомъ будто бы Падуррою одновременно съ эмиромъ Ржевусскимъ путешествіи на востокъ, гдѣ, говорятъ, онъ находился съ 1817 по 1820. годъ, т. е. какъ разъ въ то время, когда въ дѣйствительности онъ ставался еще въ училищѣ. Когда Падурра окончилъ курсъ наукъ въ винницкомъ училищѣ, визитаторъ школъ Вележинскій, замѣтивъ въ немъ способности и прилежаніе къ наукамъ, отпраляясь въ обычную свою поѣзду для посѣщенія и осмотра учебныхъ заведеній, взялъ его съ собою въ качествѣ секретаря. Пространствовавъ вмѣстѣ съ визитаторомъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, Падурра прибылъ наконецъ въ *Кременецъ*, въ извѣстный въ свое время лицей, основанный стараніями Чацкаго, записался въ число его воспитанниковъ и въ 1825 году окончилъ полный курсъ ученія. Въ лицей, по словамъ Люціана Семенскаго, онъ изучалъ исторію и писалъ стихотворенія и *думы*. Въ польской литературѣ въ то время зарождался романтизмъ: въ средѣ писателей, равно какъ и среди образованной

части общества, господствовали два направленія мысли: и то, и другое полное мечтательности, хотя уже отрѣшившееся отъ формъ сентиментальной идилліи съ переодѣваніями въ костюмы XVIII в. и напыщеннаго французскаго классицизма. Представителемъ перваго направленія былъ Байронъ, втораго—Оссіанъ, о которомъ высокопарно писалъ Л. Семеновскій, что онъ своими «*полусонными* и фантастическими повѣстями *пробуждалъ дремлющія событія* туманнаго прошедшаго». Люди, одаренные болѣе живымъ, болѣе сильнымъ чувствомъ, или считавшіе себя одаренными такимъ чувствомъ слѣдовали Байрону, люди съ темпераментомъ болѣе созерцательнымъ, съ оттѣнкомъ меланхолической мечтательности являлись приверженцамъ Оссіана.

«Если Мицкевичъ и Словацкій, Гоццинскій и Мальчевскій, говоритъ Л. Семеновскій, не могли избѣгнуть подводныхъ скалъ байроновскаго направленія, то какимъ образомъ могъ Падурра, хотя и одаренный талантомъ, талантомъ самостоятельнымъ и *отечественнымъ* (какой же это талантъ?), но все таки стоящій ниже ихъ, устоять, не дать захватить себя этому все увлекающему за собою теченію? Байронъ и Оссіанъ дали ему литературное образованіе; до конца своей жизни онъ читалъ ихъ съ большою охотою». Къ этому слѣдовало бы прибавить, что упомянутые выше поэты, хотя и натолкнулись на подводные камни байронизма, все таки сумѣли проникнуть въ океанъ истинной поэзіи, потому что они были люди выдающіеся, одаренные истиннымъ талантомъ; Падурра же, какъ ни стремительно порывался всю жизнь подняться высоко, не имѣлъ въ этомъ никакого успѣха. Напротивъ того, онъ занялъ среди писателей гораздо низшее мѣсто, нежели то, на которое могъ бы стать по своимъ способностямъ. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ то же самое почти время, когда юный Падурра поступилъ въ число воспитанниковъ кременецкаго лицей, возвратился изъ путешествія по пустынямъ востока *Нежда* Вацлавъ Ржевускій, прославившійся впоследствии подъ именемъ *Эмира Тагъ-Эль-Факеръ-Абъ-Эль-Нишана*. Какимъ образомъ и гдѣ именно познакомился Падурра съ эмиромъ, не знаемъ, во всякомъ случаѣ знакомство это ведетъ свое начало задолго до 1830 г., относится, по всей вѣроятности, ко времени окончанія Падурроу ученія, такъ какъ въ это время онъ уже часто встрѣчается въ обществѣ Ржевускаго, даже вблизи Дашева, гдѣ, по словамъ мѣстныхъ преданій, какъ подъ историческимъ Гузовомъ, «кровь смѣшалась со словомъ».

Во время пребыванія въ кременецкомъ лицей Падурра не усвоилъ себѣ основательныхъ знаній, которыхъ, даже при всемъ своемъ стараніи, никогда не проявилъ впоследствии, тѣмъ не менѣе успѣлъ въ теченіи этого времени заручиться тѣми внѣшними признаками. тѣмъ лоскомъ благовоспитаннаго человѣка, которые въ то время считались еще плодами строго научнаго образованія и благодаря которымъ онъ усвоилъ себѣ тотъ сентиментально свободный образъ мыслей относительно славянофильскихъ идей, съ которымъ не разставался даже послѣ уроковъ братства подѣ Дашевомъ, какъ это видно изъ примѣчанія къ «Украинкамъ», изданнымъ въ Варшавѣ въ 1844 году. Время существованія кременецкаго лицея и вилнскаго университета составляетъ для польскаго общества, жившаго въ Украинѣ, можно сказать, свѣтлую эпоху: всѣ умственные силы его, какъ бы пробужденныя отъ продолжительнаго отдыха, стали дѣйствовать: одновременно появилось нѣсколько личностей, прославившихся впоследствии, которые сообщаясь другими содѣйствовали къ образованію эпохи самой славной, самой богатой въ исторіи польской литературы, славной и богатой не количествомъ печатныхъ произведеній, но силою проявившагося въ нихъ творчества. Богданъ Залѣскій, Гоцинскій, М. Грабовскій, нѣсколько позже Гроза, Т. Олизаровскій, до того Мальчевскій—всѣ эти писатели появились въ свѣтъ почти въ одно время, какъ бы подѣ вліяніемъ какой то невидимой силы. Эпоха борьбы, ожиданій, неудачъ, самообольщенія, которою польское общество закончило XVIII столѣтіе, общая кичущая дѣятельность, лихорадочное настроеніе умовъ, какъ бы по наслѣдству, перешли къ послѣдующимъ поколѣніямъ, сосредоточившись въ извѣстныхъ личностяхъ. Духъ свободы, плодъ французской революціи, сталъ воодушевителемъ, двигателемъ и польскаго общества. Среди неопредѣленныхъ стремленій нарождающихся поколѣній, время отъ времени проявлялась болѣе осмысленная, болѣе осязательная мысль отдѣльныхъ личностей о необходимости направить свою дѣятельность къ изученію своей родины и народа.

Первымъ проповѣдникомъ этой идеи былъ Зоріанъ Доленга Ходаковскій, дѣятельность котораго, нужно сознаться, не была понята въ Польшѣ. Онъ принужденъ былъ обратиться за помощью къ русскому правительству, которое, давъ ему пособіе, приобрѣло послѣ его смерти всѣ его литературныя произведенія¹⁾. Ими впоследствии пользовались

---

¹⁾ Сборникъ пѣсенъ приобрѣтенъ отъ вдовы Ходаковской покойнымъ М. А. Максимовичемъ.

русскіе писатели, какъ матеріаломъ для своихъ изслѣдованій. Впрочемъ и польскіе писатели въ поэзіи и жизни народа, его преданіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, въ его взглядахъ на природу и ея явленія стали усматривать неисчерпаемыя сокровища поэтического матеріала и исключительно поэтического.

Отсюда понятно, почему польскіе писатели, даже эстетики, какъ Грабовскій, изъ народной среды для своихъ произведеній брали матеріалъ исключительно поэтической; богатствомъ и яркостью красокъ, суровостью, составляющею какъ бы основу и фонъ для картинъ народнаго быта, и въ то же время задушевностью, которою при всей своей суровости отличалась жизнь козаковъ, эти писатели оживляли изнѣженную, надушенную, напудренную, напыщенную поэзію и вообще литературу Польши. Исторія, этнографія, естествознаніе, народная словесность были оставлены ими въ сторонѣ: мы говоримъ о представителяхъ возникшей тогда такъ называемой украинской школы поэзіи. Удивляться этому нечего, если принять во вниманіе, что народная жизнь ни съ одной изъ упомянутыхъ нами сторонъ въ то время не была еще обработана. Общее вниманіе прежде всего было привлечено тѣмъ, что рѣзче бросалось въ глаза всякому, а именно особаго рода *красками*. Поэтому то и названіе *украинская школа*, даваемое Грабовскимъ цѣлой извѣстной группѣ польскихъ поэтовъ, должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что писатели эти внесли въ область польской литературы особыя, отличныя отъ имѣвшихся въ ней *краски*, новый *колоритъ*, своеобразныя небеса, солнце, всю природу, цвѣта, другія лица и характеры, другую обстановку. Грабовскій, болѣе другихъ одаренный эстетическимъ чувствомъ, первый замѣтилъ это. Особаго рода краски, подобно тому, какъ въ Италіи въ XV в. создали отдѣльную въ живописи *венеціанскую* школу, въ Польшѣ образовали въ поэзіи новую *украинскую школу*.

Романтизмъ, переходя въ область народной жизни, направлялъ въ ея сторону и умственные силы польскаго общества, и такъ какъ Украину населялъ народъ другаго племени, то по естественному ходу вещей на него преимущественно стали обращать вниманіе. Пусть мы, поляки, ослѣпленные враждою, вели съ этимъ народомъ кровавую борьбу, все таки мы и работали сообща съ нимъ въ его же пользу, населяя безлюдныя украинскія степи, а общность труда во всякомъ случаѣ порождаетъ извѣстную связь между трудящимися. Сталкиваясь на томъ и другомъ поприщѣ взаимной борьбы и общаго труда, мы должны были познакомиться и съ внутреннею, духовною жизнью ма-

лороссійскаго народа, по крайней мѣрѣ настолько, насколько та была доступна нашему взору, насколько позволили намъ покровы недовѣрія и непріязни со стороны малороссовъ, скрывавшіе ее отъ насъ. Знакомство наше съ этою жизнью, насколько оно зависѣло отъ насъ самихъ, было, если такъ можно выразиться, *панское*, касалось тѣхъ ея сторонъ, которыя не оскорбляли нашего эстетическаго чувства и, не находя удовлетворенія послѣднему въ дѣйствительности, въ современности, ограничивалось прошлымъ; такое знакомство съ жизнью народа не требовало сближенія съ самимъ народомъ и въ то же время давало возможность брать изъ его прошедшаго богатый матеріалъ для поэтическихъ произведеній. Поэты въ этомъ случаѣ слѣдовали изреченію Гете, которое послужило Мицкевичу девизомъ: «was in Unsterblichkeit soll bleiben, mus in Leben untergehen». Минувшее воспѣвали, не говоря уже о менѣе извѣстныхъ писателяхъ, поэты: Мальчевскій, Гоцинскій, Богданъ Залѣскій, даже Гроза и Олизаровскій, прозаики: М. Грабовскій и др. Романтизмъ, родоначальникомъ котораго считается Мицкевичъ (въ балладахъ), смѣнило подъ вліяніемъ его же развившееся направленіе въ поэзіи, поддерживаемое страстностью Зоріана Ходаковскаго, направленіе, вполне согласное съ романтизмомъ, касавшееся прошедшаго и въ то же время указывавшее на новый источникъ поэзіи—жизнь народную. Повторяемъ: всѣ увлекались прошлымъ. Одинъ только Ал. Гроза не убоился брать для своихъ произведеній сюжеты изъ дѣйствительной, современной ему жизни (*О душахъ покойниковъ*, *Мартынь* и др.).

Общаго увлеченія не избѣжалъ и Падурра, какъ поэтъ, онъ пошелъ за другими торною дорогою, съ тѣмъ однако громаднымъ различіемъ, что обстоятельства, поставившія его въ особенныя условія, безусловно подчинили его себѣ, деспотически завладѣли его поэтическимъ воображеніемъ, направили его въ одну сторону, обезсилили, слѣдали рабомъ прихотей чудака магната, удостонавшаго поэта своею дружбою. Падурра сталъ не народнымъ пѣвцомъ (нѣтъ сомнѣнія, что поневолѣ), не носителемъ преданій, не проповѣдникомъ высшихъ идей, но поэтомъ, воспѣвающимъ ту полную странностей и разгула жизнь, которою жили въ домѣ друга его эмира. А жизнь эта, какъ ни блистала своею внѣшностью, въ сущности была пустою, безсодержательною, безцѣльною, не могла удовлетворить потребностей высшихъ умовъ, не была въ состояніи образовать около себя партіи, собирала вокругъ себя лишь отдѣльныя личности, жаждущія отличиться, возвыситься, прославиться, личности, которыя не могли занять мѣста

среди мыслящаго общества. Падурра не обладалъ эстетическимъ чувствомъ, не былъ мыслителемъ настолько, чтобы возвыситься надъ уровнемъ *красивой по внѣшности, но въ то же время, безсодержательной* среды, которая его окружала, остался навсегда, правда своеобразною, но тѣмъ не менѣе посредственностью въ то время когда другіе опередили его на поприщѣ возвышенной мысли. Своеобразіе и извѣстность Падурры легко объясняются тѣмъ, что онъ писалъ на малорусскомъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы языкъ его произведеній былъ польскій, критики не обратили бы на него никакого вниманія или, по высшей мѣрѣ, причислили бы его къ разряду второстепенныхъ подражателей Б. Залѣскаго. Не новизна темы, новизна языка, выражавшаго польскія идеи, дѣлала для многихъ увлекательными стихотворенія Падурры, извѣстность, которою онъ пользовался, не выходила изъ предѣловъ шляхетской, часто магнатской среды, къ которой принадлежалъ эмиръ Ржевускій. Не критика, не заслуги, не искусство, не вдохновеніе, не гениальность, не талантъ доставили Падуррѣ популярность: приобрѣлъ онъ ее благодаря своему меценату эмиру, у котораго жилъ, который возилъ его съ собою по Украинѣ, Волыни и Подоліи, гдѣ панскіе лизоблюды и окрестная шляхта, съѣзжавшаяся на обѣды и балы къ Ржевускимъ, Сапѣгамъ (въ Константиновѣ и Славутѣ), Любомирскимъ, восхищались поэтомъ не потому, что онъ имъ казался дѣйствительно достойнымъ удивленія, но потому, что имъ восхищались эмиръ, авторитетность котораго въ данномъ случаѣ заступала эстетическое чувство; впрочемъ, о послѣднемъ не можетъ быть здѣсь и рѣчи, на него никто изъ описываемаго общества не считалъ нужнымъ обращать вниманія, извѣстное выраженіе Мицкевича: «гопъ, гопъ! цуль, цуль!», которымъ поэтъ характеризовалъ крикливость украинскихъ стихоплетовъ, вполне примѣнимо къ упомянутымъ цѣнителямъ таланта Падурры. Не удивительно, что пылкій, полный поэтическаго настроенія юноша, сблизившись съ такимъ чудачкомъ—мечтателемъ, какимъ былъ эмиръ, привязался къ нему всецѣло. Въ какую обстановку онъ попалъ, поселившись у своего новаго друга, видимъ изъ описанія Л. Семенскаго въ его сочиненіи «Вацлавъ Ржевускій и его приключенія въ Аравіи»: «фантастическая восточная одежда, говоритъ онъ, образъ жизни, рѣзко отличающійся отъ обыденной жизни, какою жили шляхта и паны, выдающаяся красота и сила лошадей—все это привлекало вниманіе всей провинціи. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ эмиру гости: увидѣть его, осмотрѣть его домъ, полюбоваться его кобылицами и жереб-

нами; съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ, присущимъ нашимъ деревенскимъ обывателямъ, они слушали рассказы объ арабскихъ приключеніяхъ, которые эмиръ умѣло дополнялъ бедуинскими пѣснями, ловкимъ метаніемъ копія, трудными упражненіями съ джигитомъ, верховою ѣздою по образцу сыновъ пустыни. Способъ, какимъ онъ обращался съ лошадьми, одежда его и вооруженіе были новинкою для его сосѣдей, онъ же объяснялъ все съ подробностями, указывая на практическое примѣненіе каждой частности, о малѣйшей вещи умѣлъ рассказать что либо любопытное и этимъ приводилъ слушателей въ восторгъ и удивленіе. Все въ эмировомъ домѣ интересовало и забавляло, подобно каждой новинкѣ; болѣе всего занимательною являлась личность самаго эмира, въ особенности для женщинъ, терявшихъ головы при видѣ чудака, въ сравненіи къ которымъ казались ничтожными герои романовъ и который стоялъ выше самыхъ образцовыхъ провинціальныхъ рыцарей. Эмиръ былъ увлекательнымъ собесѣдникомъ; развлекалъ гостей анекдотами, пѣлъ, тѣшилъ своеобразною верховою ѣздою, *удивлялъ знаніями* (какими же?), впрочемъ нерѣдко давая разговору сентиментальное и *чуждое* (?) направленіе, наводилъ на слушателей невыносимую свуку.

Жизнь, какъ видимъ, велась разгульная, веселая, ничѣмъ не стѣсняемая, поражающая зрителей необычайностью происшествій, приключившихся съ героемъ, который былъ ея центромъ. Эмиръ являлся въ сѣніи славы героя авантюриста, въ роли, болѣе доступной чувствамъ, и поэтому легче воспринимаемой людьми, одаренными пылкимъ воображеніемъ. Онъ былъ какъ бы продолженіемъ ряда польскихъ авантюристовъ XVIII в. и если не приобрѣлъ такой извѣстности, какую пользовался Беніовскій, то единственно потому, что исчезновеніе его произошло также быстро, какъ появленіе. Въ домѣ эмира всѣ забавлялись и... только, искали сильныхъ впечатлѣній, измышляли странности, способныя удовлетворить разыгравшееся воображеніе. Попавъ въ этотъ водоворотъ жизни, Падурра сжился съ нимъ не столько душою, сколько юношескимъ пыломъ, соединеннымъ съ врожденною ему склонностью къ мечтательности. Не общность характеровъ сблизила Падурру съ Ржевускимъ, но общая обоимъ мечтательность. Восхищенный эмиромъ, «онъ написалъ, говоритъ Пржиборовскій, въ подражаніе «Фарису» Мицкевича *думу* въ формѣ оды или кассыды послѣдняго». Жаль, очень жаль, что эта *ода* или *кассида* и вмѣстѣ съ тѣмъ *дума*, написанная въ подражаніе «Фарису», не сохранилась. Вотъ—такъ была бы головоломная работа, разобрать

эту думу (съ эпическо-лирическимъ содержаніемъ), написанную въ формѣ оды!...

Подъ живымъ еще впечатлѣніемъ жизни, проведенной въ Аравіи, жизни, полной дикой свободы, эмиръ не могъ продолжительное время довольствоваться поклоненіемъ прекраснаго пола и игрою въ лошади, его безпокойный духъ требовалъ большаго, полюбивъ славу, онъ не могъ жить одними воспоминаніями о прожитыхъ имъ впечатлѣніяхъ и сталъ стремиться въ Украинѣ найти Аравію; поиски эти были непродолжительны, они вскорѣ увѣнчались успѣхомъ: искомое онъ нашелъ въ преданіяхъ козачества.

Жизнь козаковъ отличалась такимъ удалствомъ, молодечествомъ, имѣла въ себѣ столько поэзіи и въ то же время реальности, соединила въ себѣ столько противорѣчій, что способна была удовлетворить самый требовательный, самый избалованный эстетическій вкусъ. Изъ нея В. Залѣскій заимствовалъ свою *думу о гетманѣ Косинскомъ*, Гоцинскій — *Швачку и Орлика изъ Каневского замка*.

Въ непродолжительное время домъ эмира преобразился: наполнился козаками (конечно, не настоящими, а приспособленными къ этой цѣли); арабскія лошади, сбруя, вооруженіе стали служить декораціями для новой картины. Эмиръ сталъ исполнять роль малороссійскаго гетмана: быть можетъ, воображенію его представлялись Зборовскій, Косинскій, Кишка... Какъ бы тамъ ни было, въ самомъ центрѣ Украины потекла новая жизнь, жизнь полная необузданнаго разгула, представлявшая собою смѣсь шляхетскаго задора съ козацкимъ молодечествомъ и преобразовавшаяся въ послѣдствіи въ самое обыкновенное безчинство, память о которомъ живетъ въ Украинѣ и въ настоящее время.

Такимъ образомъ произошло непонятное съ перваго взгляда явленіе: польское общество на Украинѣ, всѣми силами старавшееся подавить историческое козачество и въ концѣ концовъ успѣвшее въ этомъ, когда отъ истощенія силъ и само пало, 70 лѣтъ спустя, одѣвъ трупъ побѣжденнаго врага въ козацкую одежду, забавлялось имъ, забавлялось мечтами, что трупъ этотъ въ широкихъ шароварахъ, синихъ полушубанахъ, съ *«оселедцемъ»*, вернется къ жизни на нашу славу. Въ домѣ эмира пошла новая жизнь: лошади, *козацкая* дружина, готовая броситься въ огонь и воду по одному слову пана, говорить, увлекаться, Пришибидоровскій, поѣздки верхами по степямъ въ тихую ясную ночь, съ бедуинскимъ копьемъ, султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ, въ бѣломъ эмировомъ плащѣ, быть можетъ, дѣломъ руть какого нибудь

Берки или Сруля изъ Ольгополя или Балты,—вотъ обстановка, среди которой жилъ эмиръ и его пріятель Падурра». Подобныя прогулки, совершаемыя при обыкновенныхъ условіяхъ, въ обыкновенной одеждѣ, безъ сомнѣнія, могли быть очень пріятными, совершаемыя же съ переоцѣваніемъ въ фантастическіе костюмы, являлись ничѣмъ инымъ, какъ маскараднымъ шествіемъ масляницы, направлявшимся не на Corso, quai des Anges или Piazza di San-Marco, но въ украинскія степи. *Козацкая* дружина, представлявшаяся издали эффектною, подобно тому какъ и въ настоящее время панскій кучеръ, одѣтый козакомъ, приводитъ въ удивленіе варшавскаго простака-обывателя, стремящагося подъ видомъ посѣщенія богатыхъ магнатскихъ библиотекъ, вкусить отъ блюдъ изысканной панской кухни,—при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывалась состоявшею изъ самыхъ обыкновенныхъ *жюкеевъ*, *лакеевъ*, одѣтыхъ по козацки, которые, если и имѣли готовность по приказанію пана идти въ огонь и въ воду, то единственно потому, что, будучи крѣпостными, не были отвѣтственными за послѣдствія даваемыхъ имъ распоряженій, твердо были убѣждены въ томъ, что въ случаѣ возникновенія уголовныхъ дѣлъ, найдутъ у своего пана покровительство и защиту. Они были люди, совершенно равнодушно относящіеся къ магнатскимъ выходкамъ, руководившіеся въ своихъ дѣйствіяхъ пословицею: «скачы, враже, якъ панъ каже». Понятно, что о внутренней связи въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Эти самые козаки, существовавшіе еще лѣтъ 30--40 тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ жизнь польскаго общества постепенно вошла въ болѣе узкія рамки, ступшевались совершенно: стали отчасти работниками въ полѣ и въ огородахъ, отчасти въ качествѣ *наемныхъ козачковъ* служителями при панскихъ дѣтяхъ или у перерѣдлыхъ дѣвъ, желающихъ тѣмъ указать на свое происхожденіе изъ Украины. «Среди вышеупомянутой *козацкой дружины*, пишетъ Семенскій, былъ другъ эмира поэтъ Өома Падурра, слагавшій очень удачныя думы на малорусскомъ языкѣ, былъ также Виторгъ, торбанистъ, который сочинялъ къ нимъ ноты и пѣлъ .. за нимъ иѣли хоромъ козаки (конечно, вѣрные девизу: «скачы, враже, якъ панъ каже»), вѣрные товарищи пана». Рассказчикъ, желая придать этимъ словамъ характеръ чего то необычайнаго, допустилъ ошибку, прямо вытекающую изъ незнанія народной поэзіи: *думы*—иѣсни эпическія—не *хоровыя*, поются народомъ не *хоромъ*, а *речетативомъ*.

Итакъ, Падурра жилъ въ домѣ эмира въ качествѣ придворнаго поэта. Вотъ, что говорить о немъ въ стихахъ менѣе его извѣстный,

но болѣе талантливый Олизаровскій: «онъ (Падурра) не могъ похвататься крѣпкимъ здоровьемъ, но былъ ловокъ, какъ угорь, съ быстротою его трудно сравнятся облакамъ, лошадей любилъ, какъ дитя; когда онъ сядетъ на *коверь* по серединѣ комнаты съ козаками, станетъ перебирать умѣлою рукою струны торбана, истребиннымъ взглядомъ пробѣжитъ по лицамъ козаковъ, сердце твое пусть не старается охладиться, не охладится: удары по струнамъ рукъ двѣнадцати человѣкъ упадутъ на тебя, подобно падающей на траву росѣ; дума заговоритъ посредствомъ твоего собственнаго сердца». Ясно, что эмиръ забавлялся составленіемъ *украинскаго хора*, совершенно несогласнаго съ духомъ малороссійскаго народа, который, какъ мы замѣтили выше, не поетъ хоромъ думъ и думокъ, примѣняя хоровой способъ пѣнія только къ пѣснямъ обряднымъ, относящимся къ извѣстнымъ случаямъ жизни, рѣдко къ пѣснямъ любовнаго содержанія, подобно тому, какъ не поютъ хоромъ пѣсенъ и *кобзари*, аккомпанируя сами себѣ. Такимъ образомъ, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что эмиръ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ, руководясь исключительно панскою прихотью. Пусть восторженность, мечтательность, въ соединеніи съ поступками, выходящими изъ ряда обыкновеннаго, увлекательны, сильно вліяютъ на окружающихъ, воспаляютъ умы, приводятъ въ восхищеніе слушателей и зрителей, людей даже болѣе спокойнаго темперамента, тѣмъ не менѣе не теряютъ своего настоящаго значенія; то, что забавляло пановъ, не оказывало никакого вліянія на народъ, игравшій въ панскихъ забавахъ, подобно мнимымъ козакамъ, пассивную роль декораций. Въ то время, когда въ залахъ магнатскаго дома торбанисты, расцѣпившись на коврахъ, наигрывали псевдонародные напѣвы, которымъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ вторили мнимые козаки, пѣсню, въ которой хромали и размѣръ, и риѣмы, внѣ дома крѣпостные люди по прежнему въ потѣ лица трудились «для пана», по прежнему розги и ногайки чинили судъ и расправу или, говоря по тогдашнему, «учили уму-разуму» братьевъ и сестеръ тѣхъ же самыхъ случайныхъ пѣвцовъ-козаковъ. Такъ въ обществѣ, сосредоточивавшемся около эмира, съ непонятнымъ легкомысліемъ строились воздушные замки. Разгулявшимся и облѣпившимся своимъ собесѣдникамъ Падурра поетъ:

Ne bijtesia, ladzki dity

Pyite vyno u stoła—

Teper można wam sedity

• Jak pod kryłom anheła!

Эта *козацкая пльсь*, названная такъ развѣ въ насмѣшку, пронеслась вдаль, вдоль береговъ Дуная, всюду, гдѣ другой мечтатель Садкыъ-паша, слѣдуя эмиру, старался осуществить мечту объ установленіи шляхетскаго козачества; ею же, лѣтъ 25 тому назадъ, поборники этой самой идеи убаюкивали «ляцкихъ дѣтей».

Вотъ бѣглая характеристика тѣхъ внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ психическихъ условій, искусственно созданныхъ извѣстною частью украинскаго общества, которые увлекли многихъ въ водоворотъ свойственныхъ имъ и легко объясняемыхъ ими мечтаній, среди которыхъ жилъ и которымъ подчинялся Падурра. Каждый поэтъ, какъ дитя современнаго ему общества, или живетъ его жизнью, или опережаетъ его. Падурра, какъ человѣкъ посредственнаго таланта и меньшаго умственнаго развитія, не въ состояніи былъ стать выше окружающей его обстановки, удовлетворяя же потребностямъ мысли, стремящейся къ дѣлу, не довольствовался трудомъ тихимъ, спокойнымъ, искалъ необыкновеннаго, что и нашелъ въ козацествѣ, и то въ части его далеко не лучшей.

Переходимъ къ повѣствованію о дальнѣйшей судьбѣ поэта съ тѣмъ, чтобы закончить настоящій очеркъ бѣглымъ критическимъ обзоромъ его литературныхъ произведеній. Въ жизни Падурры замѣчается одна особенная черта, еще до послѣдняго времени общая многимъ полякамъ, именно стремленіе жить на счетъ другихъ, чтобы не сказать, быть лизоблюдомъ. Поэтическіи его произведенія, какъ ни хвалятъ ихъ за легкость, свободу, независимость мысли, на самомъ дѣлѣ лишены той истинной свободы духа, которая стремится быть въ тиши, спокойствіи, въ собственномъ укромномъ уголкѣ, однимъ словомъ быть выраженіемъ никому не подчиненной, ни отъ чего независимой мысли. Падурра—не Янъ изъ Чарнолѣся (Кохановскій), для котораго поэзія выше богатствъ и почестей; не Мицкевичъ, сочиняющій «Пана Тадеуша» на чердакѣ, не имѣя чѣмъ заплатить за обѣдъ; не Словацкій, одиноко живущій въ маленькой комнатѣ, часто нетопленной, дѣлящій свои грустные мысли съ одной только матерью, не одинъ изъ тѣхъ истинныхъ поэтовъ, изъ которыхъ cadaго съ радостью и съ честью готовъ былъ бы принять въ своемъ домѣ первый встрѣчный польскій магнатъ. Падурра имѣетъ другой взглядъ на вещи: онъ проживаетъ въ Константиновѣ у Ржевуской, въ Умани у Потоцкихъ, въ Ружинѣ у Любомирскихъ, въ Саврани у эмира, наконецъ, въ Казатинѣ у Васютинскаго. Живетъ нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, годы, десятки лѣтъ! Онъ не свободный

пѣвецъ, онъ играетъ только роль поэта, принуждаетъ себя быть жививчивымъ, соглашается съ мнѣніемъ всякаго, своимъ образомъ жизни даетъ намъ право предполагать (не мы сами дѣлаемъ это предположеніе), что его поэтическое вдохновеніе чаще всего беретъ начало отъ изысканныхъ блюдъ и дорогихъ винъ панскаго стола. Эмиръ возитъ его съ собою, какъ бы на показъ, къ сосѣдямъ, представляетъ его имъ, какъ своего друга и поэта; этого ему достаточно, извѣстность среди помѣщиковъ уѣзда его вполне удовлетворяетъ.

Вообще жизнь Падурры чрезвычайно подвижна, не усидчива; онъ не отличается большими природными способностями, но любознателенъ, жаждетъ впечатлѣній, знаній, науки. Совершаетъ поѣздки въ Сѣчь, знакомится съ митрополитомъ Евгеніемъ Волховитиновымъ, интересовавшимся Україною, ея археологією и исторією. Съ исчезновеніемъ безъ вѣсти эмира, Паддурра поселяется въ Махновеѣ, но не надолго: въ 1840 г. онъ проживаетъ уже въ Пивовѣ у Борейки.

Первый сборникъ его произведеній изданъ въ 1842 г. во Львовѣ Кастаномъ Яблонскимъ подъ заглавіемъ «Pienia Tomasza Padurru». (in 12—стр. 98), безъ предварительнаго разрѣшенія со стороны автора и въ числѣ стихотвореній другихъ поэтовъ. Изданіемъ этимъ Падурра остался крайне недоволенъ и это, по всей вѣроятности, побудило его приступить къ собственному изданію, которое вышло въ свѣтъ въ Варшавѣ въ 1844 году. Въ немъ, а именно въ примѣчаніи къ *Козацкой пѣсни*, обращаясь къ львовскому издателю, онъ заявляетъ, что никому не поручалъ и никого не уполномочивалъ издавать свои стихотворенія, тѣмъ менѣе съ добавленіемъ къ нимъ произведеній другихъ авторовъ. Варшавское изданіе вышло у Густава Глюксберга (улица Міодова, 1844 г. in 8, стр. 195) подъ заглавіемъ «Ukrainky, z nutoju Tymka Padurru» и съ посвященіемъ «Na cześć Romanowi z Koszuru i pamiatka naszymi lit młodych».

Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ: *пѣсни*, (для которыхъ Карлъ Липинскій, популярный въ свое время на Украинѣ музыкантъ, написалъ ноты), небольшую поэму «Hostyna и Iwoni» и эпическій отрывокъ «Roman z Koszuru». Васютинскій, въ упоминаемой нами выше замѣткѣ, а за нимъ и Пржиборовскій, утверждаютъ, что Падурра, поселившись въ Махновеѣ, пересталъ писать *думки* (т. е. по настоящему пѣсни) и принялся за сочиненія ббльшихъ размѣровъ, будто бы написалъ поэму «Kudak» и перевелъ на малорусскій языкъ «Конрада Валенрода» и Байрона. Однако эти произведенія не появились въ свѣтъ, такъ какъ были похищены въ 1848 году за границу, «о чемъ, говоритъ

Васютинскій, поэтъ скорбѣлъ въ теченіи всей жизни и не могъ вспоминать безъ сердечной боли». Очень можетъ быть, что эти утерянныя сочиненія, въ особенности поэма «Кудакъ», содержаніемъ которой, какъ говорятъ, послужила трагическая борьба Хмельницкаго за крѣпостцу, бывшую больнымъ мѣстомъ для гетмана и татаръ, какъ болѣе обширное по объему произведеніе, представила бы болѣе матеріала для критической оцѣнки литературной дѣятельности Падурры и его поэтическаго дарованія.

Въ настоящее же время намъ дана возможность судить объ этомъ лишь по его «Украинкамъ». Польскіе критики, мало знакомые или, вѣрнѣе сказать, незнакомые вовсе съ этнографіею и словесностью малороссійскаго народа, ошибочно причисляли Өму Падурру къ числу народныхъ украинскихъ поэтовъ. Удивляться этому нечего.

Въ то время, когда писали Семенскій, Польш, даже Пржиборовскій, изученіе народной жизни, знаніе народа переживало еще младенческой возрастъ. Изъ этой области въ польской литературѣ имѣлись только сборники *Жыоты Паули* и *Вацлава* изъ *Олеска*, въ русской—страдающіе отсутствіемъ критики труды *кн. Цертелева*, сборники *Срезневскаго* и *Максимовича*. Гораздо позже появившіеся «Труды югозападнаго отдѣла русскаго географическаго общества», «Записки о южной Руси» Кулиша дали возможность ближе познакомиться съ народною поэзіею Малороссіи, а сочиненія по этому предмету *Антоновича* и *Дригоманова*, въ Польшѣ *Неймана* и *Кольберга* позволили вполне оцѣнить силу народнаго творчества.

Пусть Пржиборовскій пишетъ, что «Падурра сочинялъ много думъ и пѣсенъ, настолько родныхъ, настолько близкихъ народу, что ихъ читали на расхватъ переписывали, пѣли», пусть Васютинскій заявляетъ, что «Виттортъ или, какъ произносятъ другіе, Видортъ распространялъ ихъ по Украинѣ, среди народа, подобно бросаемымъ въ землю золотымъ зернамъ»,—пѣсни Падурры не были народными пѣснями. Пѣла ихъ, восхищаясь, шляхта, игравшая въ козаковъ, изучали дворовые люди, эконоы и писаря, народъ не пѣлъ ихъ никогда, всегда оставался къ нимъ равнодушнымъ, онѣ были для него чуждыми и размѣромъ, и формою, и рѣчью, и, прежде всего, содержаніемъ, духомъ. Говорить такъ намъ даетъ право то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ сборниковъ, изданныхъ собирателями народныхъ пѣсенъ за послѣдніе 10 лѣтъ, не находимъ не только ни одной пѣсни, но даже ни одной строфы, сочиненной Падуррою, а также и то, что пѣсни его не вошли въ число тѣхъ, которыя поютъ *бандуристы* (кобзари). Усматривать въ сказанномъ натяжку, тенденціозность не

возможно: если и допустить, что польскіе ученые упустили изъ виду включить ихъ въ число народныхъ пѣсенъ, то сдѣлать это, безъ сомнѣнія, не преминули бы русскіе собиратели народной поэзіи; между тѣмъ ни въ *Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа*, ни въ сборникахъ *Чубинскаго* пѣсни Падурры не встрѣчаются вовсе.

Критикъ «Tygodnika Petersburgskiego» (кажется, Тышинскій) въ свое время отзывался о Падуррѣ весьма сдержанно, оцѣнивъ его по заслугамъ; онъ даже усомнился въ его знаніи малороссійскаго языка и отъазалъ ему въ правѣ называться поэтомъ. Оцѣнка эта вскорѣ была забыта, какъ скоро забытъ былъ самъ поэтъ Сангупками, Любомирскими, Потоцкими, увѣровавшими въ талантъ его со словъ эмира; людьми, смѣнившими эмира въ разгулъ, принявшемъ у нихъ болѣе грубую форму, Падурра провозглашенъ былъ гениемъ. Однимъ только абсолютнымъ незнаніемъ словесности малороссійскаго народа и прирожденною склонностью къ мечтательности возможно объяснить, почему В. Поль, человекъ образа жизни одинаковаго съ Падуррою, въ «*Запискахъ о польской литературѣ XIX в.*» написалъ столько странныхъ общихъ мѣстъ объ этомъ поэтѣ. Приводимъ его подлинныя слова:

«Всякому извѣстенъ, говоритъ онъ, камертонъ, по которому настраивается фортепіано. Даетъ онъ одинъ только тонъ, одну ноту, однако согласно съ нимъ регулируется всякій, какого бы ни былъ размѣра, оркестръ: ни одна торжественная месса, ни одна возвышенная молитва въ костелѣ не совершаются безъ этой ноты, безъ этого тона; *такимъ камертономъ для нашей новой литературы являются поэтическія произведенія, думы Падурры.* Онъ вывелъ насъ на новую стезю въ литературѣ. Гениальность его состоитъ въ томъ, что, исходя изъ чисто лирическаго чувства, онъ умѣетъ переходить къ *исторической думѣ—задатку* (развѣ только задатку?) эпической поэзіи. Музыкальная гамма очень мала, коротка, мала и гамма его слова, однако всякій слушаетъ ее съ охотою. Только послѣ Падурры могли явиться Залѣскій и другіе. Когда историческая дума займетъ въ литературѣ первенствующее мѣсто, когда будетъ нераздѣльно связана съ музыкою и составитъ одно цѣлое съ жизнью, мы сознаемъ заслуги Падурры въ этомъ дѣлѣ, сознаемъ не только одни мы, но и всѣ славяне: его простыя пѣсни и думы имѣютъ въ польской литературѣ значеніе поэтическихъ произведеній Гезіода». Вотъ такъ сумбуръ въ полномъ смыслѣ слова! Сумбуръ, по истинѣ, гениальный, поэтическіе взгляды, несогласные съ истиною, дѣйствительностью! Поневолѣ спро-

сишь: откуда въ сужденіяхъ такого выдающагося писателя, какимъ во всякомъ случаѣ былъ В. Польш, подобная поверхностность? Отвѣтить не трудно: В. Польш и Падурра родственны другъ другу по духу, схожи по характеру: и тотъ и другой прежде всего шляхтичи-мечтатели. Говоримъ это не изъ приверженности къ крайнему демократизму, въ чемъ не одинъ захочетъ, пожалуй, обвинить насъ, о писателяхъ судимъ мы по ихъ произведеніямъ. Польш—поэтъ-археологъ, лично знакомый съ нѣкоторыми изъ шляхты бывшей польской Рѣчи Посполитой,—по ихъ образцу изображалъ историческую шляхту; Падурра представлялъ историческое козачество по образцу украинской шляхты. И тотъ и другой слагали пѣсни, разныя по формѣ, но одинаковыя по духу. Повторяемъ, причина, почему В. Польш такъ странно судилъ о Падуррѣ, заключается въ томъ, что знакомство его съ жизнью малороссійскаго народа было поверхностно, было же такимъ, какъ мы уже указали, по неимѣнію источниковъ, по которымъ онъ могъ бы изучить эту жизнь вполнѣ. Къ тому же онъ былъ человѣкомъ, фантастически засматривающимся на все родное, гордящимся историческою славою отчизны, которая закрывала собою все остальное, представлявшееся ему поэтому какъ бы въ туманѣ. Онъ былъ, наконецъ, однимъ изъ тысячи тѣхъ людей, которые, будучи хорошо знакомы съ иностранною литературою, не знаютъ основательно словесности родственныхъ народовъ. Отсюда произошло, что Польш, схвативъ тонкимъ чутьемъ артиста все являвшееся въ произведеніяхъ Падурры новымъ, отличнымъ отъ плодовъ пера прочихъ стихоплетовъ, ошибочно приписалъ таланту поэта то, что вытекало лишь изъ духа и формы украинской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего восхищался Польш умѣніемъ Падурры переходить изъ лирическаго тона въ повѣствовательный, тѣмъ, что собственно не было вовсе умѣніемъ поэта, а свойствомъ малороссійскихъ пѣсенъ. Такое соединеніе лирическаго элемента съ эпическимъ встрѣчается у Падурры всего на всего три раза: въ поэмахъ *Hostyna* и *Iwoni* и *Roman z Koszygu* и въ пѣснѣ *Kosak* (два первыхъ произведенія озаглавлены авторомъ словомъ *дума*, которое однако не можетъ быть примѣнено къ нимъ въ настоящемъ значеніи: *думъ* въ такой формѣ народъ не пѣлъ никогда. Здѣсь кстати упомянемъ, что хотя въ настоящее время есть за Днѣпромъ нѣсколько кобзарей, но изъ нихъ одинъ только Остапъ Вересай можетъ считаться истиннымъ бандуристомъ). *Дума объ Остафѣи Дашкевичъ* ни по формѣ своей, ни по содержанію не можетъ быть отнесена къ произведеніямъ козацкаго эпоса. Во избѣженіе обвиненія

въ голословности высказаннаго нами мнѣнія о томъ, что достоинства, приписываемыя Полеми Падуррѣ, должны быть отнесены къ свойству украинской поэзіи, проводимъ слѣдующія стихи Падурры:

Tychsze Dunaju koty szumni chwyli;
 Zdrimalyś witry po morie hłubym
 Z pid chmary misiać, jak ptach na mohyli
 Tużit bezsonnyj w nebesnyj pustyni.
 (Hostyna u Iwoni).

Nicz była temna, witer z nyw szyrokich
 Z lystiam w dołyny, kotyw czorni chmary.
 (Roman z Koszyry).

Начало народныхъ историческихъ пѣсней:

Oj z nyzu, z nyzu, z morskocho limanu
 Bujnyj witer powiwaje,
 Proklatyj Mazera Palija Semena
 Na benket zazywaje.
 (Semen Palij i Mazera, 30).

Oj wesna krasna, oj wesna krasna,
 Iz strich woda kapłe,
 Oj łyboń tobi Taraseńku
 Ta mandriwońka pachne.
 (Pisnia pro karu Taraseńka, 84).

Итакъ, Падурра не «вывелъ насъ на новую стезю въ поэзіи», но указалъ намъ ее издали съ одной только стороны, со стороны впрочемъ, если не лучшей, то во всякомъ случаѣ очень привлекательной. Но вѣдь дорогу эту показалъ намъ также и Б. Залѣвскій, показалъ въ болѣе звучной, болѣе эстетической формѣ и къ тому же на родномъ языкѣ. Не Падурра вручилъ намъ тотъ «вамертонъ», который былъ способенъ дать должное направленіе поэзіи, поставляя ее въ непосредственную связь съ дѣйствительностью, съ историческими фактами общечеловѣческой жизни; не къ Падуррѣ мы обратимъ благодарные взоры тогда, когда поэзія станетъ по прежнему составлять одно цѣлое съ музыкою. Пусть въ его приведеніяхъ слышится мѣстами ровный, спокойный, возвышенный тонъ Гезіода, поэзія не въ нихъ найдетъ возрожденіе, найдетъ его въ истинно-народныхъ украинскихъ думахъ, имъ она возродится, имъ пріобрѣтетъ величіе Гомера, музыкальность, спокойствіе, простоту стиха его безсмертныхъ произведеній.

Пржиборовскій въ своемъ сочиненіи говоритъ, что кромѣ *думъ* (всегда то же самое неправильное названіе!), напечатанныхъ въ «Укра-

инкаль», въ Малороссіи пользуются извѣстностью (среди кого? въ какомъ сборникѣ пѣсенъ? чѣмъ доказано, что это произведенія Падурры, а не другаго какого нибудь поэта?) слѣдующія сочиненія Падурры: на малороссійскомъ языкѣ: *Лирникъ, Запорожець, Реестровый, Чарноморець, Рухавка, Пвеець, Рожинскій, Барабашъ, Сърко, Тетеря, Мурашко, Мазена, Гордіенко, къ Гетману, къ Днѣпру, Украина*; на польскомъ языкѣ: *Фантазія, Преображеніе, Воспоминаніе, къ Эмиру, Фатима, къ М . . . . , къ Веснѣ, Гробъ Д. К. С., Городъ, Чапля, къ долинь Сханаръ, Послѣдняя мысль Т. З.* Очень жаль, что Пржиборовскій, которому, безъ сомнѣнія, было пзвѣстно по крайней мѣрѣ около половины названныхъ сочиненій, не познакомилъ насъ съ ними. По нимъ можно бы было лучше оцѣнить поэта. Теперь же мы принуждены съ Полемъ сказать о Падуррѣ, что «гамма его слова очень мала, коротка», прибавивъ, что дѣятельность его, какъ поэта, сводится къ восхваленію пановъ (эмиръ, Романъ зъ Коширы) и къ восторженному изображенію самой непривлекательной стороны въ жизни козаковъ, къ изображенію ихъ въ видѣ воплощеннаго мальчишества и самохвальства, отъ которыхъ они были такъ далеки, какъ люди, отличавшіеся истиннымъ мужествомъ (Козагъ, Лисовщикъ и др.).

Если критикъ *Tygodnik'a Pétersburgsk'аго* не вполне основательно лишаетъ Падурру названія поэта, то нисколько не ошибается, называя его человѣкомъ посредственнаго таланта и весьма малаго эстетическаго чувства. Природа скупо одарила его въ этомъ отношеніи: онъ былъ человѣкомъ крайне чувствительнымъ, мечтателемъ, отчасти фантастикомъ; быстротою ума не отличался, мыслить, чувствовалъ, восторгался не самостоятельно, стать выше окружающей среды онъ не сумѣлъ никогда. Одно только козачество, и то имъ самимъ выдуманное, имѣло для него смыслъ и значеніе, мысль и пѣснь его (если исключимъ славянофильство) не касалась другаго предмета даже мимоходомъ.

Объ отсутствіи въ Падуррѣ эстетическаго чувства и вообще любви къ тишинѣ, спокойствію, ясно свидѣтельствуетъ общее направленіе всѣхъ его произведеній. Въ то время, когда Залѣскій, воспѣвая тѣхъ же козаковъ, эстетически впечатлительною, истинно прекрасною душою, далекою отъ всего того, что было непривлекательнаго въ жизни козачества, воспроизводилъ геройскихъ защитниковъ родины, защитниковъ семьи, изображалъ ихъ среди южной природы, подъ яснымъ теплымъ небомъ, Падурра рисовалъ своихъ героевъ среди пожаровъ и потоковъ крови. Для перваго существовало козачество XVI

и половины XVII в., второй воспѣвалъ времена Хмельницкаго, колѣвщины, гайдамачины, представлялъ образы и лица, несогласныя съ дѣйствительностью, болѣе еще, — его пѣсни, страдая совершеннымъ отсутствіемъ истины въ изображеніи характеровъ, очень часто переходятъ въ каррикатуры: козаки, воспѣваемые въ нихъ, похожи на тѣ картонныя пестро размалеванныя дѣтскія игрушки, которыя съ помощью шнура произвольно приводятся въ движеніе, дѣйствуютъ безъ всякой цѣли, единственно по желанію Падурры.

Послушаемъ одну изъ нихъ:

Tiażko teper łebediowi
Zadrimaty z berehamy ¹⁾
Rewut chwyli na Dniprowi
Pid żyliznymy stowpamy
Ałe (?) nasz kozak ne trus
Schopyw szablu, burku zduw,
Podywywsia, skrutyw wus,
Siw na czajku, taj dmuchnuw.

Какъ видно, все здѣсь происходитъ безъ всякаго основанія, «зъ *доброю дыва*», какъ говорятъ малороссы; для соблюденія риемы употребляется: трусъ—вусъ и подобное сочетаніе повторяется часто.

Ни одинъ изъ польскихъ и малороссійскихъ поэтовъ, даже тѣхъ, которые писали въ возбужденіи страстей, не воспѣвали разбойничества съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ изображалъ его Падурра; если тѣ считали геройскимъ подвигомъ рѣзню ляховъ, то послѣдній представлялъ своихъ героевъ, проливающими человѣческую кровь просто изъ любви къ искусству. Козакъ Падурры не человѣкъ, преслѣдующій *какую либо цѣль* (какова бы она ни была), жертвующій для нея собственной жизнью и жизнью другихъ, а просто какой то воплощенный демонъ.

De pokaże mstywa twar
Krasiat zemlu, krasiat wody
Krowli ryczki i pożar.

Кажется, трудно написать о человѣкѣ что либо болѣе отвратительное; а между тѣмъ поэтъ хочетъ насъ увѣрить, что такой козакъ
Tylko sławi bje pokłon.

Подобныя типы непонятны намъ по отсутствію всякихъ психологическихъ данныхъ; не понимаемъ, какъ можно усмотрѣть героевъ

¹⁾ Выраженіе, не имѣющее никакого смысла. Связи между первою и второю строфою также нѣтъ никакой.

въ людяхъ, наслаждающихся пролитіемъ крови, пожарами, разбоемъ, грабежемъ, не преслѣдующихъ при этомъ никакой цѣли.

Независимо отъ этого герою, изображаемые Падуррою (Лисовщикъ, Сычовыкъ), полны самохвальства, забавляются словопреніями, они просто жалкіе болтуны, далекіе отъ истинно мужественныхъ людей, отвага которыхъ не знаетъ предѣловъ. Въ изображеніи ихъ такъ и чувствуется фальшивый тонъ, заказное одушевленіе, поддѣльное чувство. Неужели можетъ служить признакомъ геройство, напр.,

Bułaty ¹⁾ rzu ne z czaty,
Lysz pjut z teplych żył?

Однако Падурра увлекается подобными людьми, изоцряя свои силы въ изображеніи героевъ коливщины: съ тоскою, смѣшанною съ безпредѣльнымъ уваженіемъ, восклицаетъ:

Bez chmar zora wschodyt' z mora
A ty spysz Sicz?
Cziż mrak wikiw steżky posiw ²⁾,
Szczo tobi nesły poklon?

Таковы его взгляды на козаковъ и козачество. Одинъ только разъ Падурра выражается по народному (Handzia z Samary).

Jak ta meni woda myła
Z zelenoho brodu!
Jak w nij rybka, tak ja żyła
Jak brała mi wodu.

Стихи эти, какъ видимъ, болѣе пѣвучи, просты, плавны.

Обыкновенная форма въ произведеніяхъ Падурры — восьмистопные стихи, чередующіеся съ семистопными, съ римами черезъ стихъ, или же въ половинѣ перваго стиха.

Szcze toj witer powiwaje,
Szczo buńczuki kołysaw;
Szcze pył sokił z chmar zmitaje,
Szczo z pid kopyt wylitaw.
или Bétlem Habar rozbyw tabor
Windobona *w trus* ³⁾

Стихи первой формы у Падурры болѣе удачны: при составленіи ихъ ему не приходилось преодолевать столько трудностей, со сколь-

¹⁾ Слово, вовсе не употребляемое въ народномъ малороссійскомъ языкѣ.

²⁾ Т. е. завладѣль, засѣяль, — сокращенная форма, также почти вовсе не употребляемая.

³⁾ Слово, произвольно образованное для соблюденія рими.

ими онъ долженъ былъ считаться, приравливая малороссійскую рѣчь къ формѣ втораго образца, изъ желанія соблюсти которую онъ употреблялъ натянутыя выраженія, дѣлалъ преувеличенныя сравненія, пользовался устарѣлыми словами, мало употребительными въ народной рѣчи, образовывалъ новыя слова и выраженія, не соотвѣтствующія ея духу.

De sia wprosym, to wynosym
 W łyciach *spadkiw* dań;
 Wid kul z moriw, mid strił z horiw
 Tylko w *twar* nam hłań?

Поляку трудно понять, что хочетъ выразить въ этихъ стихахъ авторъ, малороссу—просто невозможно.

Такая натяжка въ словахъ и выраженіяхъ, неприятно дѣйствующая на слухъ каждаго, мало мальски знакомаго съ малорусскимъ языкомъ, умалняетъ достоинство даже тѣхъ произведеній Падурры, которыя написаны подъ вліянемъ истиннаго поэтическаго вдохновенія.

Вообще о Падуррѣ можно сказать, что онъ былъ непризнаннымъ артистомъ, избравшимъ подъ вліяніемъ темперамента ложный путь для своей дѣятельности; онъ былъ живописцемъ спокойнаго меланхолическаго настроенія, мечтателемъ, гуманистомъ, изображавшимъ по странному стеченію обстоятельствъ, которымъ вполне подчинился, необыкновенныя приключенія, кровопролитныя войны, битвы. Поэтому форма и содержаніе его произведеній неестественны, проблески таланта и истиннаго вдохновенія видны въ нихъ лишь мѣстами, именно тамъ, гдѣ поэтъ является самимъ собою, свободнымъ отъ всякаго посторонняго вліянія; частности хороши, способны увлечь читателя образностью, свѣжестью красокъ, общее—не отдѣлано, страдаетъ отсутствіемъ согласія формы съ содержаніемъ.

Говоря о поэтическомъ дарованіи Падурры, слѣдуетъ замѣтить, что судить о немъ должно не по его кривливымъ, разгульнымъ пѣснямъ, но по *думамъ*. Въ нихъ онъ чаще является естественнымъ и употребляетъ форму 11-ти стопнаго стиха, болѣе соотвѣтствующую спокойному, простому, правдивому выраженію мыслей. Въ этихъ же самыхъ думахъ проглядываетъ и главный недостатокъ Падурры, какъ поэта,—отсутствіе всякаго дѣйствія, пластики. Герои его произведеній туманны, какіе то великаны, о которыхъ не знаемъ, кто они были, какъ чувствовали и мыслили, подобно неяснымъ видѣніямъ, быстро проходятъ они предъ глазами читателя, блеснутъ на минуту какъ бы при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ, и затѣмъ также быстро исчеза-

ютъ, не оставляя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда; образы, если хотите, эффектны, но не реальны, неполны, неясны. Несмотря на это, думы Падурры имѣютъ много общаго съ народною малороссійскою историческою пѣснью, въ нихъ то же смѣшеніе лирическаго элемента съ эпическимъ, тѣ же обращенія, сравненія, то же настроеніе; являясь выраженіемъ ничѣмъ нестѣсняемой мысли поэта, онѣ не чужды эпическаго спокойствія, а также и лирической искренности. Болѣе другихъ удачна въ этомъ смыслѣ поэма «*Hostyna u Jwoni*»; восхваляемая многими дума «*Roman z Koshyru*» страдаетъ отсутствіемъ дѣйствія, законченности, составляетъ скорѣе отрывокъ. Помѣченная «*Антошны на Воляни*» (имѣніе Сангушковь) и воспѣвающая шляхту XVI в., который, по выраженію поэта,

Maw wtodi muziw, muzi czést u swita
A Polszcza sławni i roskiszni dity!

поэма эта очень подозрительна въ смыслѣ искренности. Эти хвалебные «диты» вели между собою постоянныя распри, старались заполучить побольше подарковъ, торунскимъ статутомъ, законами, запрещающими мужику защищаться передъ судомъ, лишали меньшую братью всякой свободы.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ языкѣ произведеній Падурры. Говорить, что Падурра вовсе не зналъ малороссійскаго языка, могутъ только люди, мало съ нимъ знакомые или вовсе его не знающіе. Пусть онъ часто уродовалъ до безобразія этотъ языкъ употребленіемъ въ своихъ стихотвореніяхъ новыхъ или малоупотребительныхъ словъ, все таки тамъ, гдѣ онъ писалъ, не стѣняясь соблюденіемъ искусственной, несоотвѣтствующей духу народной рѣчи формы, онъ выражался языкомъ звучнымъ, красивымъ и гармоническимъ.

Не взирая на это, духъ произведеній Падурры, мысли, изложенныя въ нихъ, свидѣтельствуютъ, что поэтъ не былъ прирожденнымъ малороссомъ, и объясняютъ достаточно, почему его пѣсни не вошли въ число тѣхъ, которыя поетъ угранскій народъ.

Ф. Равита.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г.

Въ началѣ іюля 1860 года съ парохода, на которомъ мы плыли изъ Никополя въ Херсонъ, не доѣзжая Каховки и Берислава, видно было, какъ надъ камышами плавней взвивалось большое облако дыма. Всѣ пассажиры удивлялись, какимъ это образомъ такъ сильно горитъ сырой зеленый камышъ.

Оказалось, что это вовсе не дымъ, а облако саранчи, которое то взвивалось вверхъ, то разстигалось чуть чуть выше камышевыхъ махалокъ. Подплывъ ближе, мы увидали большія пространства камыша совершенно объѣденными: все зеленое съѣдено, и торчали только обнаженные стебли. Въ то же время облако саранчи переносилось черезъ Днѣпръ и на палубу парохода падало ее очень много: она билась объ трубу и снасти, и задыхалась въ дыму.

Тутъ то впервые и пришлось мнѣ увидеть это злое вредное насѣкомое. Это обыкновенный полевой коникъ сѣро-коричневаго цвѣта, съ испещренными черными пятнышками крыльями, но по величинѣ оно гораздо больше коника—приблизительно около трехъ дюймовъ. Послѣ уже, въ кіевской губерніи, мнѣ пришлось узнать, что черные пятнышки на крыльяхъ, имѣющія отдаленное подобіе какихъ то письменъ, означаютъ надпись на еврейскомъ языкѣ. *Азъ есмь сарана, одъ Бога послана; мени не сіянь, не орать, тильки йисты та с...* Кто и какимъ образомъ дешифрировалъ эту надпись, разумѣется, я не знаю, да вѣроятно и никто не знаетъ, но что это вѣрно прочитано, такъ въ этомъ ручались старики, которые слышали про это тоже отъ вѣрныхъ людей.

Проходя изъ Херсона далѣе на Перекопъ къ Крыму до Симферополя, а послѣ изъ Одессы въ бобринецкій ¹⁾ уѣздъ по степямъ, мы

¹⁾ Теперь его не существуетъ, а вмѣсто его елисаветградскій.

видѣли много саранчи. Особенно въ Крыму. Ежедневно на обширномъ горизонтѣ просторной, ровной, какъ билліардная доска, крымской степи мы видѣли въ различныхъ направленіяхъ передвигающіяся тучи саранчи. Она была въ то время въ періодѣ летанія, и носилась свободно по степямъ, выѣдая недовыжженные солнцемъ остатки степной растительности. Въ томъ году изъ Крыма выходили въ Турцію татары и, какъ мало заинтересованные мѣстнымъ урожаемъ, не пстреляли этого бича степной растительности.

Видѣлъ я много саранчи, но ни разу не пришлось видѣть такой ея массы, чтобы она, какъ это я слышала много разъ отъ разныхъ рассказчиковъ, заслоняла собою солнце и день превращала въ ночь. Случалось не разъ, что цѣлая туча саранчи перелетала черезъ насъ. Дѣйствительно, это были цѣлыя тучи, несшіяся въ теченіи четверти часа и болѣе и разумѣется, дѣлающія на землѣ тѣнь, но все же таки не превращавшія дня въ ночь. Обыкновенно при пролетѣ ея много падаетъ, и если летитъ низко, то убивается обо всѣ встрѣчныя препятствія: непріятно бьется въ человѣка, заставляя фыркать и прыгать ушами лошадь, кучами надааетъ около верстовыхъ и телеграфныхъ столбовъ. Усѣвшаяся такая туча саранчи издали блещетъ, какъ что то металлическое, вишетъ и издавала тѣхій трескъ. Этотъ трескъ слышенъ былъ и во время лета ея. Сидѣла она слоємъ отъ вершка до трехъ, и замѣчательно: проѣзжающая по такой настилкѣ повозка очень немного давила ее; какъ брызги воды, вспархивала саранча около колесъ экипажа и копытъ лошадей.

Въ профиль туча саранчи имѣла такой видъ: длинное облако въ переднему по направленію лета концу болѣе темное и въ заднему все болѣе и болѣе свѣтлѣющее. Передняя часть тучи была и толще; немного отступя отъ краю она имѣла къ низу опущенный сосокъ, особенно темный. Чѣмъ ниже къ землѣ была туча, тѣмъ больше и темнѣе былъ этотъ сосокъ. Это объясняется тѣмъ, что летящія впереди насѣкомыя прискиваютъ удобное для кормленія мѣсто и поэтому столпливаются. Чѣмъ ниже къ землѣ, тѣмъ болѣе сгущается напоромъ насѣкомыхъ этотъ сосокъ-щупъ тучи. Непомѣщающіяся въ щупѣ особи образуютъ самый передній конецъ тучи.

Эта самая саранча, видѣнная мною въ Крыму и Херсонщинѣ, къ зимѣ достигла и кievской губерніи, идѣ мнѣ пришлось видѣть и истреблять уже новое ея поколѣніе весною 1861 года. Нужно полагать, что изъ всей массы саранчи, взлетѣвшей въ степяхъ Крыма, очень немного достигло Кіевщины, а то бы съ нею не раздѣла-

лись такъ дешево. Вѣроятно много саранчи пожрано птицею, летающею на встрѣчу ей осенью, много истреблено ея также и людьми, значительно гуще живущими въ кievской губерніи. Лютая зима съ 1860 на 1861 годъ также не мало повліяла на уничтоженіе положенныхъ въ землю яичекъ.

Но тѣмъ не менѣе весной 1861 года саранча вывелась (вылупилась) во многихъ мѣстахъ кievской губерніи и въ томъ числѣ и въ каневскомъ уѣздѣ, гдѣ мнѣ пришлось лично участвовать въ истребленіи ея.

Для незнающихъ я позволяю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о рожденіи, ростѣ и смерти саранчи. Она, какъ и всякое насекомое, выводится—(вылупливается)—изъ яичка-вкринки, положенной самкою въ землю и своевременно согрѣтой какъ солнцемъ, такъ и теплой землей. На первыхъ порахъ жизни саранча имѣетъ видъ маленькой мошки, совершенно черной. Такой маленькой, что только при помощи увеличительнаго стекла можно различить въ этомъ существѣ складъ коника. Но растеть она довольно быстро: уже на второй, на третій день увеличивается до возможности ясно видѣть въ ней крѣпкія скоки и челюсти. По мѣрѣ возрастанія саранча тернетъ свой темный цвѣтъ, и все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ. Сначала показываются на ней темно-красныя цвѣта различныхъ частей, послѣ они переходятъ въ темно-коричневые и такъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается сѣро-коричневой съ блестящими прозрачными крыльями, испещренными, какъ я уже говорилъ, черными пятнышками. Крылья эти у саранчи отростаютъ не сразу, а только мѣсяца черезъ два ея жизни. До того времени она передвигается, какъ всѣ насекомыя—скакуны, скачками при помощи крѣпкихъ скоковъ. Все это время ее называютъ *пльшею* и она бываетъ до нельзя прожорлива. Ёсть очень много и постоянно, какъ бы исполняя написанное на ея крыльяхъ назначеніе. Разумѣется, что и количество потребной для нея пищи, а также и пространство, занимаемое ею, увеличиваются соразмѣрно ея возрастанію. Въ этотъ то періодъ ея жизни легче всего ее истреблять, что становится уже несравненно труднѣе тогда, когда она станетъ летать. Окрылвшаяся, она подымается съ земли и переносится вышеописанными тучами съ мѣста на мѣсто, питаясь и истребляя растительность только во время отдыха, присѣста. Въ августѣ вполне развившаяся саранча оплодотворяется: самцы сейчасъ же умираютъ, а самки гибнутъ только при родахъ. Онѣ ввертываются заднею частію тѣла въ землю и выпускаютъ изъ себя цѣлую капсулю до 1½

двойма длины и до 3 линий толщины игры (яичекъ). Тутъ же она и умираетъ. Для спуска игры саранчѣ нужно найти такую почву, которая бы не была тверда и давала возможность ввертѣться заду самки и въ то же время не настолько рыхлую, чтобы вѣтромъ и дождемъ легко обнажалась положенная въ землю капсюль. Самая благоприятная для сего почва—это яровое поле: вспаханное съ весны, оно не отвердѣло окончательно и въ то же время не такъ рыхло, какъ засѣянный въ августѣ озими. Поэтому то саранча весною вывелась исключительно на толокахъ, т. е. на тѣхъ поляхъ, гдѣ въ прошлое лѣто была арина.

Починъ въ дѣлѣ принятія мѣръ къ истребленію выведшейся въ кievской губерніи въ 1861 году саранчи всецѣло принадлежитъ администраціи, обратившей на это вниманіе по заявленіямъ землевладельцевъ помѣщиковъ. Крестьяне въ этомъ почти не принимали участія, во первыхъ по своему невѣдѣнію, и во вторыхъ по своей безгласности: въ 1861 они только съ весны сдѣлались свободными. Но за то самое истребленіе саранчи было исключительно дѣломъ крестьянъ, когда имъ власти предержавшія указали на эту угрожающую ихъ и всего края благосостоянію саранчу. Явились особые чиновники, вѣдающіе дѣло истребленія саранчи, явились наставленія и инструкціи, явилось не мало и проектовъ, не осуществившихся на практикѣ. Самое же главное дѣло было обращеніе вниманія народонаселенія на саранчу и требованіе поголовнаго участія въ истребленіи ея.

И.... мы начали истреблять и истребили. Время было самое подходящее. Послѣ того, какъ обсѣялся, дѣла было мало и тутъ то и принялись за саранчу.

Приказано было слѣдить за ея появленіемъ, немедленно доносить по начальству и принимать мѣры къ уничтоженію ея. При ограниченности земельныхъ надѣловъ легко удавалось напасть на выводки. На толокѣ, совмѣстной въ то время панской и громадской, пастухи въ маѣ увидели *багато чорненькой кузкы*. Это и была саранча.

Обыкновенно староста черезъ разосланныхъ десятниковъ съ вечера *загадувавъ* собираться всѣмъ отъ мала до велика на указанное поле и приносить съ собою бабамъ, дѣвкамъ и дѣтямъ вѣники, а мужчинамъ заступы. Съ утра собирались довольно дружно всѣ вызываемые, сметали *кузку* въ неглубокіе ровики и заханывали. Дѣла всего было на полдня.

Но это только на первыхъ порахъ. Послѣ досмотрѣлись, что закопанная саранча вылѣзала изъ земли. Тогда порѣшили въ такихъ

же ровникахъ толочь ее на мязгу *довбнями*, затупленными кольями, а то и топтать сапогами. Это шло довольно успѣшно и главное было весьма существенно. Всѣ другіе рекомендованные способы не годились.

Такъ, напримѣръ, совѣтовали замѣченную кучку саранчи съ вечера настилать соломою, тонкимъ слоемъ, на которую она вылѣзала ночевать, а утромъ эту солому зажигать со всѣхъ сторонъ. Но оказывалось, что тонкій слой соломы за ночь отсырѣвалъ отъ росы и плохо горѣлъ, а какъ просыхалъ, саранча сходила съ него.

Тогда мы солому употребляли уже иначе: настлали впереди хода саранчи валъ и, подогнавъ ее къ валу, зажигали солому. Солома моментально вспыхивала, но сожигала саранчи немного. Вотъ если бы тогда былъ въ ходу веросинъ.

Послѣ кто то предписалъ дѣлать такъ: подь бороны накладывать вѣтвей и волочить по саранчѣ. Ничего не выходило, саранча замѣтывалась въ пыль и оставалась жива и здорова.

Самое основательное все таки оставалось сметать въ ровникъ и толочь ее.

Но это сметаніе давалось не такъ легко, какъ кажется; представьте себѣ десятину приблизительно поля, совершенно обнаженнаго отъ растительности, сожранной саранчею, съ сухою сыпучею землею—пылью. Извольте подмести такую площадь, выместъ изъ пыли массу комашекъ, ростомъ не превосходящихъ ростъ обыкновенной мухи, и при томъ разскакивающихъ въ стороны, перепрыгивающихъ черезъ самые ровники. Чтобы нагляднѣе представить себѣ всю трудность этой работы, возьмитесь согнать въ одно мѣсто часто встрѣчающихся на поляхъ мелкихъ кузнечиковъ. Разница будетъ состоять только въ томъ, что саранчи гораздо больше. Какъ ее ни мести, все таки остается назади много. Мелки обыкновенно становясь сплошною стѣною, плечо съ плечомъ, обхватывая по возможности все пространство, занимаемое выводкомъ. Особенно трудно было начинать эту гонку, пока вѣники не наметали валикъ саранчи—тогда уже дѣло шло легче, ибо валикъ самъ собою забиралъ попутныхъ насѣкомыхъ. Ровникъ копали недалеко впереди метельщиковъ, чтобы поскорѣе подавить подметенную саранчу, а послѣ принимались за сгонку остальной. Давилъ на мязгу, такъ, чтобы въ ровникахъ образовалась грязь. Дѣтей часто тошнило отъ вони, которая по ихъ росту была ощутительнѣе. Но разъ мнѣ пришлось самому испытать тошноту, когда я вскопалъ въ попавшійся на пути ровникъ, куда намели слой саранчи четверти въ полторы толщиною. Вѣтеръ во рву не разносилъ вони саранчи-

ной мязги и мой носъ вполне ощутилъ этотъ отвратительный запахъ. Свиньи обыкновенно много пожирали саранчи, но птицъ около нея не помню. Можетъ быть это происходило отъ того, что они боялись людей. На Кавказѣ водится особый видъ сворца (*Pastor roseus по Брэмю*), который цѣлыми стадами преслѣдуетъ и истребляетъ саранчу. Сворецъ этотъ по расположенію окраски совершенно похожъ на обыкновенную ворону, но только все то, что у вороны сѣро, у розоваго сворца нѣжно розоваго цвѣта. Голова же, концы крыльевъ и хвостъ черные. Ростомъ онъ съ обыкновеннаго шпака. Я видѣлъ его на Кавказѣ и разъ одинъ небольшое стадо, очевидно случайно залетѣвшее, въ воронежской губерніи на границѣ бобровскаго и богучарскаго уѣздовъ.

Однако съ уничтоженіемъ саранчи мы провозились всю весну и даже іюнь мѣсяцъ, т. е. почти до той поры, когда она уже взлетѣла. Но въ іюнѣ мы занимались ею уже гораздо меньше, такъ какъ и ее уменьшилось.

Весело бывало на этихъ сборищахъ: работа не тяжелая по размѣрамъ употребляемаго физическаго труда; послѣ первыхъ чуть не ежедневныхъ сборовъ стали собираться только въ небольшіе праздники да въ воскресенья послѣ обѣда; пѣсни, смѣхъ, шутки... Сколько пѣсенъ мною было услышано и записано въ это время!

Особенно памятно мнѣ послѣднее такое сборище. Кто то дозналъ, что на опушкѣ лѣса—(на узлиску)—Богатиривщины показалась саранча. Порѣшили собраться на другой день туда, такъ какъ въ тотъ день когда получено было это извѣстіе, былъ праздникъ Петра и Павла и розговины, а на слѣдующій день праздникъ былъ меньшій—Соборъ 12 апостоловъ, или, какъ на Украинѣ его называютъ—Полупетра. Собрались рано, пообедавши. Дѣйствительно, на толокѣ подъ лѣсомъ нашли небольшой выводокъ уже круиной, вотъ вотъ готовой къ лету саранчи. Дружно согнали мы ее въ готовый, недавно почищенный ровъ—окопъ и всю передушили. Вся работа кончилась часамъ къ 5 дня, послѣ чего всѣ остались полудновать въ лѣсу, въ тѣни деревь. Начались обычные хи-хи, смѣхи, въ лѣсу слышалось пѣніе разбредшихся дивчатъ, аукали разбѣжавшіяся и играющія въ прятки дѣти. Кѣмъ то упрощенный Иванъ Музыка прихватилъ съ собою скрыпку, а Пыльцъ сбѣгалъ за бубномъ и составилось цѣлое гулянье. Дивчата, несмотря на звуки музыки и бубонъ, что то долго не выходили изъ чащи. Наконецъ, онѣ показались всей гурьбой въ вѣнкахъ изъ лѣсныхъ цвѣтовъ, съ пѣснями. Посреди нихъ вы-

плясывала какая то совершенно красная фигура, которую мнѣ называли *пыта*. Это была дѣвушка, вилотную обвернутая красными плетеными поясами, такъ что у нея оставались обнаженными только ступни ногъ. Каждая нога обвернута была особо, какъ бы одѣтая въ трико, а руки, вытянутыя вверхъ, обмотаны вмѣстѣ съ головою и на концѣ высилась кисть изъ концовъ поясовъ. Вся фигура, сгибающаяся только въ тазу, вертѣлась и плясала и довольно похожа была на фѣлос. Мнѣ тогда показалось, что это было ничто иное, какъ изображеніе Пріапа. Пора года была подходящая, да при томъ же нѣкоторыя молодицы стали срамить дѣвокъ, а только наша сельская законодательница обрядовъ, Янчиха, поддержала ихъ словами:

— «Щожь! Воно такъ годьтыця! Це по стариньому! Така вже на це пора!

Но тѣмъ не менѣе въ село эта *пыта* не вошла. Я сначала думалъ, что стѣсняются по старой памяти наличности въ селѣ пановъ, но на мои вопросы мнѣ объяснили, что *пытъ* въ село идти не *юдытьця*, и что она можетъ быть только въ полѣ и лѣсу...

Веселье молодежи съ танцами и пѣснями продолжалось далеко въ ночь. Но обрядовыхъ пѣсенъ, какія бы я не преминулъ записать, тогда уже не было.

Этимъ мы и покончили съ преслѣдованіемъ саранчи пѣшей. Летучей было немного: показывающіяся иногда облачка далеко не достигали такихъ размѣровъ, какія я видѣлъ въ Крыму. Если такое облачко и опускалось когда на посѣвъ, то было сейчасъ же сгоняемо. Разъ только саранча, усѣвшаяся на посѣвъ, въ теченіи минутъ десяти сразу съѣла его болѣе десятины. Отлетѣла она на югъ или пропала отъ раннихъ заморозковъ—не знаю, но въ 1862 году ея уже не было у насъ.

Борисъ Познанскій.

П о ѣ з д к а в ѣ К и р и л о в к у ¹⁾.

(Замѣтка къ біографіи Т. Г. Шевченка).

Много еще пройдетъ времени, пока народный украинскій поэтъ будетъ имѣть свою полную біографію. Только послѣ изученія мелкихъ фактовъ изъ его жизни, равно какъ и особенностей самой семьи, изъ которой онъ произошелъ, на что обыкновенно мало обращаютъ

¹⁾ Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ газетѣ „Новое Время“ была напечатана замѣтка М. А. Кретьмера, въ которой обращалось вниманіе на бѣдственную

вниманія, можно будетъ воспроизвести духовный образъ этого чело-
вѣка съ его добродѣтелями и недостатками, уразумѣть его твор-
чество, объяснить себѣ его симпатіи и антипатіи, а подѣ часъ и
пристрастія, понять его безграничную любовь къ своему народу и
ненависть къ его угнетателямъ, и ту горечь, которой была исполнена
вся жизнь его и которая звучитъ въ его пѣсняхъ. Весьма удачно
и мѣтко охарактеризовалъ жизнь Тараса въ прощальныхъ словахъ
своихъ Богданъ Залѣскій, послѣдній изъ талантливыхъ представи-
телей извѣстной польско-украинской школы. Обращаясь къ нему,
Залѣскій говоритъ:

„Tarasie, współpiewco mój kozaczy,
Twój żywot był krótki, lecz wielce twardy
Z trójziela nassałeś się rozpaczy
I nienawiści i ludzkiej wzgardy“.

Большое село Кириловку, звенигородскаго уѣзда (свыше 3 ты-
сячи жителей), я зналъ давно какъ мѣсто рожденія Т. Г. Шевченка, по-
ближе же познакомился съ этимъ селомъ, равно какъ и съ семьєю поэта,
только въ послѣднее время. Въ каждомъ почти селѣ, среди многихъ
поселянскихъ семействъ, существуетъ одинъ или нѣсколько родовъ,
болѣе разросшихся, чѣмъ другіе, и составляющихъ какъ бы коренное
населеніе, придающее особенный отпечатокъ всему населенію села.
Коренными старожилами Кириловки считается родъ Шевченковъ.
Нѣкогда предки ихъ составляли, по всей вѣроятности, населеніе ко-
ролевщизны, къ которой принадлежала и сама Кириловка, входя въ
составъ лысанскаго староства и раздѣляя его судьбы, а впоследствии,
послѣ присоединенія къ Россіи, они перешли, вмѣстѣ съ приобрѣтен-
ною землею, какъ крѣпостные, Энгельгардтамъ, а отъ нихъ на нѣкото-
рое время къ Фліорковскимъ.

Желая познакомиться съ семьєю Т. Г., я однажды, проѣзжая по
дорогѣ изъ Звенигородки въ Ольшану, рѣшился сдѣлать кругъ въ
нѣсколько верстъ и направилъ мой путь черезъ Кириловку, чтобы
побывать въ ней. День былъ іюльскій, знойный, хотя полдень уже
давно миновалъ, однако солнце грѣло еще немилосердно, а пыль.

положеніе семьи племянницы Т. Г. Шевченка, Ирины Никитичны Ковтуновой
Почитателями памяти покойнаго поэта была собрана въ пользу этой семьи нѣ-
которая сумма денегъ, переданная по назначенію чрезъ д-ра Ю. Д. Талько-Грин-
цевича, который обязательно сообщилъ намъ печатаемую замѣтку о своей поѣздкѣ
въ Кириловку. Собранными пожертвованіями, однако, далеко не обезпечивается
участь многочисленной и почти неспособной къ труду семьи, и всякая дальнѣйшая
помощь окажется весьма и весьма нелишней.—Ред.

поднимаемая вѣтромъ, носилась густыми столбами по воздуху. Въ кириловской сельской расправѣ я узналъ, гдѣ хата родной племянницы поэта, Ярины, по мужу Ковтуновой, и направился прежде всего къ ней, гдѣ былъ весьма радушно принятъ. Ярина, женщина роста ниже средняго, лѣтъ 48, худощавая, оказалась дочерью старшаго брата Тараса, Никиты. Она болѣе всѣхъ Шевченковъ напоминаетъ собою поэта. Ея смуглое, худощавое лицо съ запавшими выразительными темными глазами, высматривающими немного изъ подлобья, придаютъ ей унылый видъ. У нея 10 дѣтей, изъ коихъ 7 человекъ слѣпыхъ. По рассказамъ матери, родились они всѣ здоровыми и лишь на 7-мъ году жизни развилась у нихъ слѣпота. Старшему сыну, слѣпому, лѣтъ 28, меньшей лѣтъ 5-ти неизвѣстно, будетъ ли изъять изъ общей почти болѣзни въ семействѣ. Я съ любопытствомъ присматривался къ глазамъ слѣпыхъ дѣтей, оставшихся дома, ибо остальные были на полевыхъ работахъ (слѣпота мало мѣшаетъ имъ заниматься физическимъ трудомъ) и нашелъ у нихъ жидкую катаракту хрусталика. Двумъ другимъ, какъ мнѣ передала мать, въ прошломъ году была совершена на одномъ глазу операція—экстракція катаракты—въ университетской клиникѣ въ Кіевѣ. Дѣти не имѣютъ умнаго выраженія лица своей матери, напротивъ лица у нихъ менѣе выразительны и мало осмысленны, а значительное развитіе наружнаго косоглазія придаетъ имъ видъ разсѣянности и невнимательности. Развитіе помутнѣнія хрусталика происходитъ вслѣдствіе плохаго его питанія, что осложняется сильною степенью наружнаго косоглазія въ зависимости отъ болѣзни рефракціи, а именно значительной дальнорзости. Помутнѣніе хрусталика и дальнорзость оказывается наслѣдственною болѣзнью въ семействѣ Шевченковъ. Меньшая сестра Тараса, Маруся, страдала глазами, можетъ быть этою же самою болѣзнью. Во второмъ поколѣніи одинъ изъ сыновей брата поэта, Іосифа, а именно Иванъ, который приходится двоюроднымъ Ковтуновой, страдаетъ этою болѣзнью, а въ третьемъ поколѣніи дѣти Ковтуновой и сынъ ея роднаго брата Прокопа. У брата же его, тоже при общей золотухѣ, воспаленіе праваго колѣннаго сустава и значительно выраженное косогласіе. Чтобы собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ остальныхъ членахъ рода Шевченковъ, я отправился въ хату брата Ярины, Петра, но по ошибкѣ пошелъ къ двоюродному его брату того же имени, а тамъ мнѣ указали того, кого я искалъ. Самого хозяина я засталъ работающимъ въ клунѣ около хлѣба. Узнавши цѣль моего пріѣзда, Петро принялъ меня ласково и сталъ указывать все то, что относилось бо-

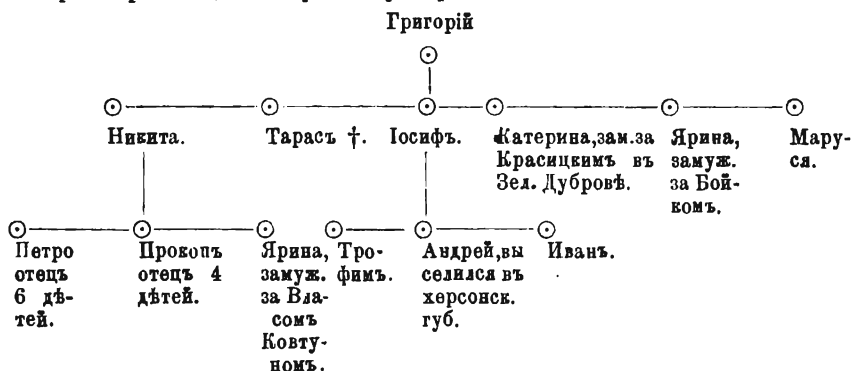

лѣе или менѣе къ Тарасу или къ его семейству. Петро роста средняго, хорошо сложенъ, лѣтъ 42, ничѣмъ не напоминаетъ свою сестру Ярину и извѣстный типъ Шевченковъ. Волосы у него русые, цвѣтъ лица бѣлый, глаза свѣтло-голубые, лицо въ общемъ веселое и открытое. Судя по порядочно выстроенной хатѣ и другимъ хозяйственнымъ постройкамъ, я пришелъ къ заключенію, что Петро принадлежитъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ Кириловки. Петро повелъ меня въ смежную съ нимъ усадьбу брата своего Прокопа, который, по его словамъ, матеріально было оправился, служа погонщикомъ во время послѣдней турецкой войны, но деньги потомъ онъ растратилъ и «опять находится въ бѣдности». «Тутъ», сказалъ Петро, указывая мнѣ рукою, «грунтъ» брата, наша «батькивщина», на мѣстѣ погребѣ стояла нѣкогда хата, въ которой родились не только мы всѣ, но и наши отцы, и дѣды, и въ ней «родывсь на свить Божій и самъ Тарасъ». Изъ матеріала, оставшагося послѣ разбора старой хаты, Прокопъ рядомъ съ ней построилъ новую хату. Я съ любопытствомъ осматривалъ мѣсто рождения поэта, гдѣ складывались первые его понятія, желая запечатлѣть это мѣсто въ своей памяти. Но не на чемъ было тутъ остановиться глазамъ. Ничего я не нашелъ тутъ такого, что бы могло напомнить мнѣ прежнее жилище; кругомъ поросли молодыя вишни, и только за хатой обрывистый яръ со старыми деревьями, которыя могли пережить Тараса и быть свидѣтелями его первыхъ поэтическихъ грезъ и стремленій въ невѣдомый для него въ то время міръ надеждъ и упованія. А теперь тутъ глушь и однообразіе, какъ на всей безиредѣльной украинской степи!

Мы скоро вернулись въ хату Петра и сѣли на ея «прызбѣ». Хозяинъ много рассказывалъ и сожалѣлъ о несчастномъ и бѣдственномъ положеніи своей сестры Ярины, то опять возвращался къ воспоминаніямъ своей молодости, какъ его «Тарасъ гладилъ по головкѣ», потомъ представилъ мнѣ мать свою, симпатичную старушку, жену Никиты, невѣстку, жену Прокопа и ея 4 дѣтей, изъ которыхъ двое, какъ выше я упоминалъ, калѣки, и наконецъ своихъ шестерыхъ дѣтей. Прежде было у него еще двое, но они померли отъ такой же болѣзни, какъ и двое дѣтей сестры Ярины, насколько могъ понять изъ рассказовъ, отъ болѣзни мозга.

Большіе нѣкогда лѣса въ окрестностяхъ Кириловки пріучили Шевченковъ съ давнихъ временъ къ занятію стельмашествомъ т. е. колодействомъ. Этимъ занимался дѣдъ ихъ Григорій и его сыновья, занятіе этимъ ремесломъ досталось въ удѣлъ и Петру, какъ и совре-

менному имъ поколѣнію. Старшій братъ Тараса, Никита, былъ какъ бы опекуномъ въ семьѣ и заботился по своему и о Тарасѣ. Кромѣ него, у поэта былъ еще меньшій братъ Іосифъ, отъ котораго осталось потомство — три сына, одинъ изъ которыхъ, Андрей, переселился на жительство въ херсонскую губернію, и три сестры: Катерина, замужемъ за Красицкимъ въ сосѣднемъ съ Кириловкой селѣ Зеленой Дубровѣ (звенигородскаго уѣзда), мать многочисленной семьи, Ярина за Бойкомъ, выселившимся въ херсонскую губернію, и Маруся самая меньшая, умершая дѣвушкою, любимая сестра поэта. Отъ самаго старшаго брата поэта Никиты остались, какъ я раньше сказалъ, трое дѣтей: Петро, Прокопъ и Ярина. Вотъ краткая родословная вѣтви Шевченковъ, изъ которой происходитъ Тарасъ Григорьевичъ:

Въ родѣ Шевченковъ выдаются, какъ я замѣтилъ, два особенныхъ антропологическихъ типа. Одинъ изъ нихъ представляетъ смуглое лицо, темные глаза и волосы, небольшой ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе, у другаго, напротивъ, тѣло бѣлое, волосы темнорусые, но глаза ясно-голубые, ростъ выше, тѣлосложеніе болѣе умѣренное. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, а во многомъ я могъ убѣдиться лично, въ родѣ Шевченковъ явно выступаетъ наследственность съ невропатическими вліяніями. Случаи мозговыхъ болѣзней въ дѣтствѣ, у значительнаго числа членовъ семейства болѣзнь рефракцій дальнорзоркость съ расходящимся косоглазіемъ, значительное расстройство при плохомъ питаніи хрусталика къ образованію его помутненія въ раннемъ дѣтствѣ.

Чтобы больше мнѣ удѣлить свѣдѣній и воспоминаній о Тарасѣ, Петро велѣлъ своей женѣ принести изъ кладовой спрятанныя тамъ бумаги, изъ которыхъ вынулъ одну на четверти листа, исписанную мелкимъ почеркомъ, и подалъ мнѣ, предлагая прочесть, чего самъ онъ не можетъ сдѣлать по безграмотности. Это было письмо Т. Г.,

написанное изъ С.-Петербурга 20 марта 1840 года, къ Никитѣ. Тарасъ въ немъ благодаритъ брата за то, что онъ писалъ къ нему на родномъ языкѣ, на которомъ они начали первый разъ думать и говорить, далѣе пишетъ, что на его просьбу присылаетъ ему 50 рублей ассигнаціями, но не занимаетъ, ибо братъ брату можетъ только дарить. Упоминаетъ подробно о всей своей семьѣ и разсираниваетъ о каждомъ изъ ея членовъ отдѣльно, посылая всѣмъ имъ сердечный привѣтъ. Въ припискѣ поэтъ посылаетъ горячій поцѣлуй Ивану Станиславовичу Дымовскому. Иванъ Станиславовичъ, какъ мнѣ объяснилъ Петро, былъ управляющимъ въ имѣніи, когда Тарасъ былъ взятъ, въ качествѣ мальчика для прислуги, въ его домъ и отъ него онъ получилъ собственно первыя начала элементарныхъ знаній. «Что же случилось съ Дымовскимъ?» спросилъ я съ любопытствомъ. «Дымовскій добрый человекъ», отвѣтилъ мнѣ Петро, «былъ старымъ холостякомъ, любилъ хорошо пожить и умеръ въ крайней бѣдности въ богодѣльнѣ при лысянскомъ костелѣ (звенигородскаго у.) въ 1860 году». На двухъ наружныхъ страничкахъ бумаги было набросано нѣсколько рисунковъ, головъ разныхъ типовъ, слѣданныхъ рукою не совсѣмъ опытнаго живописца. Зная впередъ, что Петро не дастъ мнѣ на домъ письма Тараса для его скопированія, такъ какъ оно составляетъ дорогое для него сокровище, гордость его среди односельчанъ, свидѣтельствуя, что изъ ихъ семьи вышелъ народный украинскій поэтъ, я пытался переписать его на мѣстѣ, но солнце было уже на закатѣ и сумерки наступали, почему я долженъ былъ распрощаться съ гостепріимными хозяевами и поспѣшить съ выѣздомъ.

Ю. Д. Тально-Грынцевичъ.

Легенда о „Петровомъ батогѣ“.

Съ первыхъ чиселъ іюня въ нашихъ степяхъ, да и вездѣ по Украинѣ, зацвѣтаетъ довольно оригинальное растеніе—это *цикорій* ботаники, или *Петровъ батогъ* (*Cichorium intybus* L.) въ просторѣчій. Принадлежитъ оно къ сем. сложноцвѣтныхъ и представляетъ изъ себя почти безлиственный, довольно крѣпкій и мало вѣтвистый стебель, при томъ, какъ говорится, «хвеській», т. е. при взмахиваніи имъ издающій нѣкоторое подобіе того свиста, какой слышится при взмахиваніи хлыстомъ. Любитъ оно опушки лѣсовъ, межи, открытыя полянки садковъ и тучины, не особенно сырыя левады. Особенно

роскошно оно развивается на послѣднихъ, гдѣ при благоприятныхъ условіяхъ достигаетъ болѣе двухъаршинной высоты.

Утромъ, какъ только солнце станетъ «въ пивъ дерева» и уже хорошо «обиздріе», т. е. угрѣетъ, и начнетъ спадать роса, на хлыстообразномъ стеблѣ цикорія появляются свѣтлосинія, величиною въ мѣдный пятакъ, звѣзды цвѣтовъ, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ фонѣ густой зелени самага растенія. Но вотъ только солнце повернуло съ зенита—какъ эти яркія, до послѣдней минуты свѣжія, цвѣточныя звѣзды свертываются, закрываются и растеніе до слѣдующаго утра остается оголеннымъ, какъ бы осиротѣлымъ. Разъ закрывшійся цвѣтокъ—болѣе не раскрывается, онъ умираетъ, за то съ новымъ солнцемъ расцвѣтаетъ его сосѣдъ и такъ послѣдовательно одна особь можетъ цвѣсти въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, все же растеніе цвѣтетъ до сентября.

Совпаденіе времени цвѣтенія цикорія съ самою жаркою порою лѣта, когда воздухъ накаляется до того, что можно видѣть его волнообразное движеніе, такъ наз. «югу», а также и совпаденіе раскрытія его цвѣтка по спаденіи росы съ временемъ—когда чабанъ «руша» свою отару «на пашу», и закрытія цвѣтка съ порою, когда овцы стоятъ у водопоа «на тырли», не могло не обратить на себя вниманія народной наблюдательности и породило пастушескую легенду, которую и передаю въ той діалогической формѣ, въ какой мнѣ удалось ее выспросить.

— А це—Петривъ батигъ,—указаль мнѣ мой спутникъ на цикорій.

— Якій батигъ?

— А шо святой Петро вивци пасе.

— Яки вивци?

— А верблюды жъ! Вони колысь були Адамовы, та якъ Адамъ согрншывъ, Богъ узавъ тай отдавъ ихъ святому Петрови.

— Якъ же винъ ихъ пасе?

— Та якъ и усяку скотыну. Отце прыдывитя колы ранкомъ: якъ тилко сонечко обиздріе, обжене росу, заразъ квиточки на ему (цикоріи) и порозвертаются, а якъ стане вже зъ обидъ звертаты, такъ де и динутся, уси у бульбашечкы позгортуются, та такъ ажъ до другого дня—ниде ни одніеи и не заглядышь. Це, бачъ, верблюды, якъ и вивци, росы боятса, а якъ вона вже опаде—то чабанъ руша вивци и св. Петро руша, а якъ стане вже сонечко на обидъ, почнуть квиточки на ему закрыватся, чабанъ стае на тырло и св.

Петро на тырло. Та тилко чабанъ иноди и до пивночи пасе, а св. Петро вже ажъ до другого дня стоить.

— И бачивъ це хто?

— Бачыты якъ слидъ — ниhto не бачывъ, бо дежъ такы намъ гришнымъ та святе дило увичъ знаты, а примита есть. Онъ дывится якъ юга по степу *воздухъ* хвыляе; це жъ—якъ пылюга за отарою встае — такъ и ци хвылькы у *воздуси* мрюють—де св. Петро зъ верблюдамы пройде, бо винъ жене ихъ по *воздуси* десь далеко.

Гдѣ это тырло, какъ велико стадо и т. п. —я не могъ допытаться.

Очевидно—легенда эта—сколокъ съ великой, все болѣе и болѣе вымирающей, дошедшей до насъ только въ отрывкахъ, эпопей о хожденіи Бога и св. Петра по землѣ. Должно полагать, первоначальная редакція легенды была та,—что Богъ, вручая овецъ—верблюдовъ Адаму или Петру, далъ имъ въ Петровомъ батогѣ указателя—когда именно нужно ихъ «рушать на пашу» и становиться съ ними у водоной на тырло. Впрочемъ это наше личное предположеніе.

Зап. въ окартинославской губ.

Ив. Манжура.

У гуцуловъ ¹⁾.

... Единственное средство доспроситься чегонибудь отъ гуцула—ни о чемъ его не спрашивать. Не разъ сидѣлъ я у костра на *половинѣ* и упорно молчалъ. Это надоѣдало, наконецъ, гуцуламъ, и они первые заводили разговоръ съ обычнаго вопроса: «А вы сами, паночку, звидѣиль?».—«Здалека, отвѣчалъ я, з-пидъ руского царя».

— Мой! Ге, ге, мой ты! Здалека... здалека, замѣчали вполголоса собесѣдники а затѣмъ обыкновенно продолжали спрашивать: А якъ тамъ у васъ? Що чуваты?—Я начиналъ передавать имъ разныя подробности о бытѣ подолянъ и украинцевъ, о хозяйственныхъ условіяхъ, о цѣнахъ на землю, на скоть, на хлѣбъ...

— Эхъ! То у насъ иначе! перебивалъ обыкновенно ктонибудь изъ слушателей, и начинались рассказы о мѣстной жизни, чего мнѣ и нужно было.

¹⁾ Въ 31 № еженедѣльника „Крај“ помѣщено письмо за подписью „Enigma“, озаглавленное „Wśród Huculów“. Это—замѣтки туриста, побывавшаго на охотѣ въ Карпатахъ, въ области гуцуловъ. Научнаго значенія, конечно, онѣ имѣть не могутъ, но считаемъ целиннымъ познакомить читателей съ ними, какъ съ результа-

Племя гуцуловъ говоритъ малорусскимъ языкомъ, но съ отмѣнами, и до такой степени испещреннымъ примѣсю чужихъ словъ, что даже человекъ, отлично говорящій на языкѣ Шевченка и Кулиша, долженъ посвятить нѣсколько дней на ознакомленіе со спеціально гуцульскими выраженіями, чтобы понимать мѣстную рѣчь и самому быть понятымъ собесѣдниками. Въ сущности это дѣло нетрудное, и за недѣлю пребыванія здѣсь я отлично приучился къ мѣстнымъ особенностямъ говора.

Происхожденіе гуцуловъ составляетъ пока предметъ спора между нашими этнографами. Мнѣнія на этотъ счетъ очень различны, и существуетъ даже предположеніе, будто родоначальниками ихъ были татары Джингисъ хана одинъ изъ отрядовъ которыхъ заблудился въ этихъ горахъ на возвратномъ пути изъ Венгріи и остался здѣсь навсегда. Мнѣ кажется, что такія крайнія теоріи лишены всякаго основанія, и гуцулы представляютъ собою конгломератъ русиновъ и волоховъ, съ примѣсю разнаго рода бѣглецовъ изъ сосѣднихъ странъ. Это своего рода запорожская Сѣчь въ горахъ. Преданія объ украинскихъ гайдамакахъ и балканскихъ гайдукахъ одинаково глубоко хранятся въ памяти здѣшняго населенія.

Разбойничество недавно еще составляло главное и самое почетное занятіе гуцуловъ. Любимый герой здѣшнихъ легендъ и рассказовъ—Добошъ, разбойникъ, убитый въ половинѣ прошлаго вѣка; но народъ и понынѣ поетъ о немъ пѣсни и съ уваженіемъ поминаетъ его.

— Для бѣдныхъ бувъ мылосердный, говорятъ про него гуцулы, рабовавъ пно богатычивъ, панивъ и купцивъ.

Разбойничество продолжало процвѣтать и послѣ смерти Добоша, но лишлось уже прежняго обаянія геройства. Австрійское правительство не могло искоренить его сразу, только въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія правосудіе всею тяжестью обрушилось на карпатскихъ «легиней». Дюжинами вѣшали «оурышковъ» на базарныхъ площадяхъ Станиславова и Коломыи. Въ Надворной мнѣ показывали мѣсто, гдѣ въ одинъ день, по приговору полевого суда, было повѣшено въ 1842 г. тридцать четыре разбойника. Вскорѣ послѣ того учреждены были молодецкія команды жандармовъ, которыя положили конецъ здѣшнему разбойничеству. Тогда легины стали убѣгать въ Балканскія горы и приставали къ тамошнимъ гай-

---

томъ непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью галицкихъ горцевъ, оставляя на отвѣтственности автора фактическую ихъ достовѣрность.—Ред.

дукамъ. Недавно еще случалось слышать, какъ старый гуцулъ съ гордостью говорилъ объ убѣжавшемъ сынѣ:

— Путерный лекгинь, зъ буйности пишовъ въ охоту на Балканъ, т. е. по избытку удали пошелъ добрый молодець.

Но теперь закрылся и этотъ выходъ, болгарское правительство обращается съ героями гайдучества точно такъ же, какъ обращалось раньше австрійское съ карпатскими «опрышками». Минуло доброе старое время, надо приниматься за трудъ. Но не легко сдѣлать это гуцулу, который представляетъ собою олицетворенную лѣнь. Только послѣдній бѣднякъ и въ послѣдней крайности рѣшается запречься въ работу. Да и тогда онъ предпочитаетъ лѣтомъ спуститься въ равнины и тамъ бродить за заработкомъ, чѣмъ поискать его у себя дома. Я съ изумленіемъ убѣдился, что гуцулы, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ степяхъ Бессарабіи или въ лѣсахъ Волыни, довольствовались тамъ гораздо меньшей рабочей платой, чѣмъ какую могли бы получить на мѣстѣ, при рубкѣ лѣса или въ горныхъ лѣсопильняхъ.

За гуцула работаетъ его женщина, работаетъ усердно, и если бы не она, то всему племени пришлось бы хоть съ голоду помирать. Гуцульская женщина представляетъ типъ совершенно отличный отъ русинскихъ крестьянокъ другихъ мѣстностей. Никогда не знала она крѣпостной зависимости и всегда держитъ себя госпожею. Она работаетъ, но только на себя и на своихъ дѣтей. Найти въ горахъ женскую прислугу нѣтъ почти никакой возможности; лѣсные чиновники и лѣсничіе принуждены нанимать женщинъ всегда изъ долинъ. Гуцулка иногда идетъ въ батрачки, но только къ другой гуцулкѣ же, богатой газдынѣ, а отношенія между напимательницей и батрачкой такія же (?), какія бывали между знатнымъ паномъ временъ Рѣчи-Посполитой и его «дворянами».

Трудолюбіе гуцульскихъ женщинъ омрачается многими недостатками въ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, гуцулка не бываетъ вѣрна въ супружествѣ. Невѣрна по принципу. Ни въ одной области, гдѣ живутъ русины, не господствуетъ въ такой степени прелюбодѣніе, и едва ли есть хоть одинъ случай, чтобы гуцулка сохранила супружескую вѣрность. Главныя причины такой ненормальности семейнаго быта заключаются, по всей вѣроятности, въ бродяжнической жизни мужей и въ обычай поздней женитьбы. Гуцулъ почти никогда не женится ранѣе тридцатилѣтнаго возраста. На каждомъ шагѣ встрѣчаются «лекгини» (холостые парни), гонящіеся за любовными приключеніями.

— То вже никакше не може бути... всьмий гуцуль мусить мати любку, а всяка гуцулка любаса...

Женщина, у которой никогда не было любовника, становится предметом насмѣшекъ, и онѣ тщательно стараются этого избѣгнуть. Впрочемъ, контингентъ «любасовъ» пополняется не изъ одной только среды гуцульскихъ паробковъ: такъ называемая интеллигенція принимаетъ въ немъ тоже видное участіе. Мнѣ рассказывали про одного прославленнаго лѣсничаго государственныхъ имуществъ, который довелъ число своихъ любовницъ до внушительной цифры девяносто девяти и только когда сталъ ухаживать за собою, то ревнивый гуцуль, прежній ея любасъ, застрѣлил его «зъ запроваженого криса»¹⁾.

Изъ сказаннаго выше никакъ не слѣдуетъ выводить ошибочнаго заключенія, будто средняя гуцулка наружностью своей напоминаетъ идеальную личность поэтовъ, хоть бы и украинскихъ. Ни чуточки. Правда, между ними не въ рѣдкость смазливый лица, но и отъ первѣйшей красавицы преотвратительно несетъ прогорклымъ жиромъ и потомъ, почти всѣ онѣ, вдобавокъ, постоянно сосутъ коротенькія трубочки съ непереносимымъ венгерскимъ табакомъ. Для туристовъ, которые бы захотѣли испытать разнообразіе ощущеній, — получить которыя, впрочемъ, очень нетрудно, — добавлю предостереженіе, что по статистическимъ даннымъ изъ всѣхъ австровенгерскихъ провинцій въ мѣстахъ обитанія гуцуловъ чаще всѣхъ другихъ обнаруживаются случаи болѣзней, которую только старикъ Рей изъ Нагловицъ имѣлъ когда то право называть безъ обиняковъ полнымъ именемъ.

Хозяйство гуцуловъ почти исключительно пастушеское. Только около хатъ, въ особенности въ долинахъ и по берегамъ рѣкъ, бываютъ у него клочки огородовъ, гдѣ сажаютъ картофель и другіи овощи. Но доходъ приносятъ имъ только «полонины», на которыхъ содержатъ значительныя стада лошадей, рогатаго скота и овецъ. Усадьбы располагаются по склонамъ горъ, строятся прочно и съ удобствами, комнаты просторны и высоки, снабжены окнами, полами и дымовыми трубами, а конюшни и хлѣвы старательно охранены отъ вѣтра. Въ горахъ, на полонинахъ, гдѣ гуцулы проводятъ все лѣто при стадахъ, они устраиваютъ жилища, называемыя колыбами или стаями. Это на

¹⁾ Запроваженный крисъ — наговорное ружье. Мнѣ имѣлъ случай осмотрѣть такой заколдованный самопадъ. Въ ложѣ его имѣется выемка, и въ ней три косточки: одна изъ медвѣдя, другая изъ жида, происхожденія третьей ни за что не хотѣлъ объяснить мнѣ гуцуль. Полагать надо, что происходитъ она „зъ лашка“...

скорую руку поставленные шалаши, въ которыхъ никогда не угасаетъ огонь, по гуцульски вагра, а стелющійся по всему шалашу дымъ дѣлаетъ пребываніе въ немъ нестерпимымъ. Кромѣ огня въ колыбѣ пылаютъ еще повсюду костры около скотскихъ загоновъ, въ видѣ охраны отъ медвѣдей. Ради защиты отъ этого зловреднаго хищника вооружаются старыми ружьями и пистолетами, ватаги, бовчари и вивчари ¹⁾). Чаще всего однако изъ всего этого мало проку: медвѣдь ухитряется обмануть бдительность пастуховъ и схватить добычу. При мнѣ, на незначительномъ протяженіи въ теченіи недѣли произошло до десятка случаевъ похищенія скота медвѣдями. Охота на этого пузана въ здѣшнихъ условіяхъ затруднительна до крайности. Однажды ночевали мы въ долинѣ на берегу Черемоша, какъ вдругъ приходятъ люди съ полонинѣ и докладываютъ, что «на Скуповой полонинѣ медвѣдь убилъ быка!» Карбакаемъ туда, — больше десяти верстъ самой непроходимой дороги. Устраиваемъ засады вокругъ принады, т. е. зарѣзанной скотины, такъ какъ медвѣдь обыкновенно возвращается къ своей добычѣ. Ждемъ часъ, другой. — нѣтъ ничего. Вуйко ²⁾), должно быть, почуялъ засаду и не явился къ полднику. Вотъ уже восьмой день, какъ мы сидимъ здѣсь, охотимся каждый день, но до сихъ поръ убить только одинъ полуторагодовалый медвѣженокъ, да и того выслѣдилъ и застрѣлялъ за собственный счетъ Мыкола, одинъ изъ сопровождающихъ насъ гуцуловъ.

Лѣнь гуцуловъ въ отношеніи охоты просто возмутительна. Медвѣди постоянно наносятъ имъ огромный вредъ, но когда мы захотѣли устроить правильную облаву, то не могли достигнуть этого никакими средствами. Несмотря на предлагаемую имъ значительную плату, гуцулы не захотѣли «трудиться по горахъ». Въ товарищи, въ охотники-стрѣлки, они напрашиваются сами; но тутъ совсѣмъ съ ними бѣда, потому что невозможно заставить ихъ подчиняться правиламъ охоты: расползаются во всѣ стороны, такъ что ежеминутно приходится бояться, какъ бы, стрѣляя по звѣрю, не попасть въ гуцула.

Бичъ этого бѣднаго, непредусмотрительнаго и лѣниваго населенія составляютъ жида. Въ здѣшнія горы собираются подонки еврейскаго населенія изъ всей Галиціи. Они сносятъ всевозможныя униженія отъ гуцуловъ, но за то, пользуясь ихъ слабыми сторонами, выманиваютъ у нихъ и скотъ, и землю. Уже теперь самые плодородные сады по долинамъ, самыя богатыя пастбища въ полонинахъ, — все

¹⁾ Ватага — главный пастухъ; бовчаръ — волопасъ; вивчаръ — овецій пастухъ.

²⁾ Вуйко — то же, что Мишка, обычное мѣстное названіе медвѣдя.

это въ еврейскихъ рукахъ. Со времени введенія закона о лихвѣ зло нѣсколько уменьшилось, въ особенности потому, что суды въ Коссовѣ и въ Кутахъ настойчиво преслѣдуютъ извѣстныхъ ростовщиковъ, и многіе изъ нихъ усидѣли уже понасть на казенное содержаніе, въ тюрьму.

Скажу въ заключеніе, что каждый, кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ этой любопытной разновидностью русинскаго племени, не останется въ накладѣ, посѣтивъ гуцульскій край, и съ удовольствіемъ можетъ провести здѣсь нѣсколько недѣль лѣтнаго сезона.

Къ біографіи Тимофея Цыцуря.

Помѣщаемый ниже документъ освѣщаетъ позднѣйшую судьбу переяславскаго полковника Тимофея Цыцуря, котораго южнорусскія лѣтописи чаще называютъ Цюцюрюю. Во время переговоровъ Выговскаго съ поляками, результатомъ которыхъ было заключеніе т. наз. «гадяцкихъ пактовъ» 1659 г., Цыцуря состоялъ въ должности полковника переяславскаго, а къ затѣямъ Выговскаго относился несочувственно. Послѣ конотопской битвы, въ которой москвитяне подъ начальствомъ воеводъ, князей Трубецкаго и Пожарскаго, потерпѣли жесточайшее пораженіе, какъ только Выговскій отошелъ на правую сторону Днѣпра, въ Чигиринѣ, Цыцуря задумалъ поднять возстаніе противъ поляковъ, которые появились на Украинѣ, хотя и въ незначительномъ числѣ, въ качествѣ союзниковъ Выговскаго, а региментаремъ находившихся здѣсь хоругвей квартянаго войска былъ главный сотрудникъ Выговскаго по заключенію гадяцкаго договора, извѣстный Юрій Непирячъ. Цыцурюю, впрочемъ, руководила не столько преданность московской сторонѣ, сколько расчеты своекорыстные. По крайней мѣрѣ лѣтопись современника, т. назыв. «Самовидца», рассказываетъ объ этомъ такъ:

«Того жъ (1659) року полковникъ переясловскій Цюцюря, *хотячи себѣ гетманства*, съ поради протопопа нѣжинскаго Максима и Васюти козака (т. е. Золотаренка), изъ собою присягнися въ полѣ, зачалъ новую рѣчь, до будучи старшимъ въ городѣ Переясловѣ, которихъ знаючи козаковъ значнихъ, до себе зазавши въ алкѣрѣ поодинцемъ, казалъ повязати, а напотомъ и позабивати на смерть».

Во время всыхнувшего затѣмъ возстанія погибъ, между прочимъ, и Юрій Немиричъ, убитый подъ селомъ Свидовцемъ ¹⁾, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, отрядомъ, который напалъ на Немирича, предводительствовалъ самъ Цыцура. Въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ его съ полкомъ при войскѣ боярина Шереметева, во время его гибельнаго похода противъ поляковъ, въ союзѣ съ новымъ гетманомъ, Юраской Хмельницкимъ. Когда послѣдній, во время встрѣчи съ поляками подъ Чудновомъ, передался на польскую сторону, то и Цыцура, находившійся не въ войскѣ гетмана, а, какъ сказано, при бояринѣ, рѣшился тоже послѣдовать за Хмельницкимъ и присоединился къ нему, пробившись сквозь татарское войско, «що», по замѣчанію лѣтописца, «не безъ шкоды козаконъ было, бо иныхъ татаре пошарнали, а иныхъ и въ неволю побрали». Эта то измѣна и была, повидимому, потому поставлена Цыцурѣ въ вину и послужила причиною ссылки его въ Сибирь. Послѣдній фактъ до сихъ поръ вовсе не былъ извѣстенъ, а подробностей, какъ и когда именно попался Цыцура въ руки москвитянъ и когда былъ сосланъ, мы не знаемъ и до сихъ поръ. Тѣмъ интереснѣе документъ, сообщенный намъ г. Н. О., такъ какъ онъ констатируетъ самый фактъ ссылки Цыцуры. — *Ред.*

*Челобитная переяславскаго полковника Тимофея Цыцуры, 1667 г.
20 августа.*

«Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ бѣдной и безпомошной и винной изъ Сибири изъ Томсково города ссыльной холопъ вашъ Переяславской полковникъ Тимошеа *Цыцура*: служилъ я холопъ вашъ вамъ, великимъ государемъ, со всемъ полкомъ своимъ 13 лѣтъ, вѣрою и правдою, и многихъ невѣрныхъ тотаръ и ляховъ побивалъ, которые наступали на православленную христіанскую вѣру, и измѣнника Ивашка *Вьювскаго* изъ Малыя Росіи выгналъ и всю Малую Росію очистивши съ войскомъ Запороскимъ подъ вашу государеву царскую высокую руку подвелъ. А что надо мною холопомъ вашимъ учинился грѣхъ мой предъ Господомъ Богомъ и вина моя предъ вами, великими государями, — подъ *Чудновымъ*, съ вашимъ, великихъ государей, зъ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ *Шереметевымъ* — въ томъ судить Богъ Юрья *Хмельницково*, что вамъ, великимъ государемъ, измѣнилъ и вашего государева боярина и насъ всѣхъ въ невѣрные руки въ полонъ от-

¹⁾ Теперь въ козелецкомъ уѣздѣ, а на мѣстѣ гибели Немирича у истоковъ Супоя, находится часовня, носящая имя „Побыванка“, къ которой ежегодно совершается крестный ходъ въ „десятую пятницу“; сколько нибудь опредѣленнаго преданія о событіи, въ память котораго, повидимому, часовня устроена, въ мѣстномъ населеніи не сохранилось.

дать. А нынѣ, государи, надо всѣми грѣшными ссыльными литовскими людьми Божія милость возсіяла и ваше, великихъ государей, царское жалованье: велѣно по вашей, великихъ государей, грамотѣ изъ Томского города всѣхъ отпустить къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ. И по вашему, великихъ государей, указу всѣ ссыльные люди изъ Томского города отпущены, только и бѣдной холопъ вашъ оставленъ. Милосердый и великій государь царь... и государь благовѣрный царевичъ и великій князь Алексѣй Алексѣевичъ... (выпускаю, какъ и въ началѣ челобитной, остальные воззванія къ Федору, Симеону и Ивану Алексѣевичамъ). . пожалуйста меня холопа своего—велите, государи, меня бѣдного изъ Томского взять къ Москвѣ, а сию мою челобитную велите, государи, своему государеву стольнику и воеводѣ Никитѣ Андрѣевичу *Вельяминову* да дядю Василью *Шпилкину* подѣ отпискою послать къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ. Царь государь и благовѣрные царевичи смилуйтеся!»—«Къ сей челобитной вмѣсто Тимошки Цыцуря по ево велѣнью Мишка Бухѣвѣвъ руку приложилъ». (Моск. А—въ М—ва Юст.: *Сибирскаго приказа* столбецъ № 536).

Челобитная, присланная при «отпискѣ» томскаго воеводы, получена въ Москвѣ 30 генваря 1668 г. Никакого приговора нѣтъ ни на челобитной, ни на отпискѣ. Не сохранилось и отвѣтной грамоты Вельяминову.

Сообщилъ Н. О.

Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось быть въ с. Старо-Петровской, (бывш. крѣпостца на Азовскомъ морѣ) маріупольскаго уѣзда.

Какъ то, помню, на «поседенькахъ», когда переговоры обо всемъ, рѣчь незамѣтно перешла на тему—«про видемъ».

Говорили много и каждый старался доказать—«що видьмы е, але самъ нхто ихъ не бачывъ».

Но въ заключеніе всѣхъ этихъ дебатовъ заговорилъ Грыцько Сибирный, молчавшій до той поры. Онъ, что называется, обрѣзалъ всѣхъ:

— Яки тамъ у чорта видьмы? Коны самъ не бачывъ, то и не кажы, що воны е. Одынъ, пьяный, набреше, а другой давай ему патакагы! Я зроду не бачывъ видьмы и доти не повирю, покы свонымы очыма не побачу! А ось зо мною була беда, такъ цѣго не дай Бигъ нпкому. Бо де жъ такы?—мигъ спасти душу загублену— и не зробывъ. Хочъ, правда, и не знавъ я цего ранишь.

Ото, знаете, поихалы мы, зъ старшымъ моимъ братомъ Хвехваномъ зъ Петровської у Ростовъ, бо треба було де яки дила справыты. На другу ничъ ночувалы у Таирози, а раненько запрягли

конената, тай поихалы черезъ городъ, прямуючы на ростовськый шляхъ. За городомъ бувъ мистъ, черезъ яръ, на цему жъ такы шляху. Тилькы що мы почалы перейиздыты черезъ него, колы це зразу, щось якъ загуде, наче выхоръ зхопывся и, буцимъ зъ земли, выросла попереду коней дивка: чорна, зъ страшенымы вогненымы очыма и въ одній засмальцеваній сорочци.

Ничого не кажучы, вона схопыла за поводы, тай не пуска коней.

Братъ киньмы правывъ, а я седывъ у задку. Якъ учысте братъ по коняхъ, якъ гукне!—А вони—ни пяди! Стоять соби, наче то й не ихъ поганяють. Бачу я, що щось воно не такъ: схопывся швиденько зъ визка, узывъ ии за плечы, тай одвивъ у бикъ; а кони тоди вже пишлы.

Якъ уже братъ одъихавъ трохы, то й я догнавъ его. Ще я не сивъ и на визка, а дивка вже зновъ передъ киньмы, та й не пуска ихъ: стоить соби, наче вона вже давно тамъ стояла. Я зъ серцемъ видхватавъ ии, повалывъ, тай держу колиномъ, шокы братъ зновъ не видъйде. Глянувъ я на неи, а въ неи слезы такъ и льютьця и видно, що на серци въ неи е якась велыка печаль. Жаль мене страшеныый узывъ.

Одъихавъ братъ мо зъ гони, я зновъ пустывъ ии, а самъ побигъ на вздогонкы за визкомъ. Але не вспивъ я зробыты й двохъ ступнивъ, якъ вона выхромъ пролетила попередъ мене и въ одну мыть зновъ стала передъ киньмы, тай не пуска. Боже нашъ, кажу, чого Тоби одъ насъ треба? Роспытую ии, а вона мовчытъ. Братъ не выдержавъ, тай ударывъ ии зъ серцемъ и злнстыю повалывъ на землю; а вона якъ заголосо, то наче душу твою шматуе на сто кускивъ! Вона голосе, а въ насъ обохъ слезы ричкою бижать зъ очей. И теперь, якъ показую, то ажъ морозъ мене по кожи дере. Наче бачу ии передъ своими очыма.

Я бувъ соби здоровый парубчакъ и никого, здавалось, у свити не боявсь; а тоди, хочъ насъ и двое було, але обое доброго труса справылы!

Хочъ бы жъ вона пручалась, а то—лежытъ, якъ ягнятко, та трусытъця.

Не знаю вже, чы довгобъ мы зъ нею бычувалысь, чы ни? Та на наше щастя на мисту показалысь повозкы.

Якъ побачыла вона ихъ, якъ схопытъця, та рванетьця зъ усией сылы, и зныкла у бальци, за витромъ.

Ихалы вирмяшкы (армяне). Пидъихалы вони до насъ, тай сміютьця.

— «А шо, пытають, злякалысь?»

— Злякалысь бы й вы, колы бь така прытычына зкоилась!—вид-
мовляемо. А воны намъ на це таку штуку розказалы:

— Це вже давно було, лить може сто тому, якъ на цему
мисти, де темеръ стоить городъ, жылы соби чоловикъ зъ жинкою й
у ныхъ була тилько одна дочка, и та дочка у чомусь дуже провы-
нылась передъ батькамы, ну, воны ии й проклялы. Зъ того часу
вона зныкла зъ дому; а куды подилась?—не видномо. И тилько че-
резъ симъ лить пился того показалась вона у перве отутъ саме
одному парубкови.

Довго винъ бычувався зъ нею, а якъ побачыла вона, що хтось
другий иде, то и зновъ зныкла. Пился того, выбига вона завше и
ривно черезъ симъ литъ, и тилькы по одному разу, та ще до того,
кто вперве иде по цему шляху, и щобъ бувъ винъ чоловикъ не-
вынний. Кожный бычуетьця зъ нею доти, покы хто другой не пока-
жытьця такый, що вже бувавъ на цему шляху. И отъ що дивно:
никто не догадаетьця надиты на неи, вешасну, хреста; а колыбъ хто
зробывъ це, то вона повинна упасть на землю и былась бы доти,
докы не выйде зъ неи нечыста сыла, а дали вона зробылась бы
справжью дивкою, бо тоди зняли бь зъ неи прокленъ батькивський.

Кравченко.

Польскій театръ въ Каменцѣ 1860—61 гг.

По поводу смерти польскаго писателя, уроженца подольской
губерніи, Петра Яксы-Быковскаго д—ръ Антоній I. (Ролле) помѣстилъ
въ газетѣ «Wiek» (№ 147) краткое воспоминаніе о немъ, какъ ди-
ректоръ польской театральной труппы въ Каменцѣ. Передаемъ со-
держаніе этой статейки.

Существовавшій здѣсь ранѣе польскій театръ закрылся было,
вслѣдствіе смерти прежняго антрепренера, но губернской предводитель
дворянства Янъ Сулятицкій исходатайствовалъ у кн. Васильчикова
разрѣшеніе возобновить польскія представленія въ Каменцѣ. При-
глашенный по избранію дворянства въ почетные директоры труппы,
Быковскій управлялъ ею въ теченіе четырехъ сезоновъ,—двухъ осен-
нихъ, двухъ зимнихъ,—до окончательнаго закрытія здѣсь польскаго
театра ¹⁾. Новый директоръ энергично принялся за дѣло, усилъ по-

¹⁾ По этимъ указаніямъ мы и опредѣляемъ дату, выставленную въ заголовѣ.

ставить до 130 спектаклей, репертуаръ которыхъ составляли по преимуществу: Фредро, Корженіовскій, Мольеръ въ переводахъ Ковальскаго, Словацкій, Кондратовичъ, въ придачу шла куча водевилей, заимствованныхъ съ варшавской сцены, а также переволныя пьесы, которымъ старались придавать мѣстный колоритъ съ помощью соотвѣтственныхъ вставокъ. Онѣ вызывали обыкновенно всеобщій смѣхъ, и именно панъ Петръ отличался умѣньемъ вставлять самыя веселыя прибавки. Сентиментальныя сцены не удавались ему вовсе, хотя онъ и имѣлъ къ нимъ большую охоту, а въ любительскихъ спектакляхъ всегда выбиралъ для себя любовныя роли, которыя ему не шли нисколько. Во всякомъ случаѣ, для провинціальной сцены онъ сдѣлалъ много. Организованная имъ труппа состояла изъ сорока слишкомъ лицъ, въ томъ числѣ около 10 актрисъ и до 15 актеровъ на первыя, остальные—на второстепенныя роли. Изъ числа выдающихся персонажей можно упомянуть: супруговъ Экеръ, впоследствии умершихъ въ Краковѣ, ихъ дочь Леонтину Паржницкую, которая играла потомъ въ Познани, супруговъ Бачинскихъ, ставшихъ впоследствии во главѣ товарищества, устраивавшаго русинскіе спектакли въ Галиціи, по именамъ—Станислава и Эмилию, урожденную Лютомскую.

Я потому выписалъ дѣвичью фамилію Бачинской, что она раньше уже пользовалась извѣстностью на кievской сценѣ, какъ выдающаяся при томъ же красавица. Университетская молодежь влюблялась въ нее чуть не поголовно, конечно, совершенно платонически, такъ какъ м-ле Эмилиа отличалась безукоризненнѣйшей нравственностью, а съ другой стороны, при ней находилась неотступно старая тетюшка. Ахъ, эта тетюшка,—настоящій церберъ!... Впрочемъ, это не мѣшало пылкимъ поклонникамъ осыпать Лютомскую на сценѣ цвѣтами, выражать свой восторгъ криками во всю силу груди, и общее увлеченіе ею было такъ сильно, что когда мнѣ однажды случилось отозваться неодобрительно о ея игрѣ, то одинъ изъ товарищей принялъ это за личное оскорбленіе и вызвалъ меня на дуэль. Дѣло уладилось только благодаря вмѣшательству присутствовавшихъ, но бѣдняга «циклопъ»,—таково было прозвище моего противника, криваго на одинъ глазъ,—въ качествѣ горячаго заступника м-ле Эмилии, до самаго окончанія курса продолжалъ относиться ко мнѣ холодно.

Изъ прочихъ членовъ труппы—Янковскій съ дочерью и дѣвица Каролина Лукашевичъ появились потомъ на русской сценѣ въ Кишиневѣ, Одессѣ и Саратовѣ; послѣдняя даже составила себѣ извѣстность, какъ очень способная актриса. Къ составу каменецкой труппы

принадлежалъ и г. Эмиль Борковскій, впоследствии редакторъ юмористической газеты «Szczutek» въ Краковѣ; оркестромъ дирижировалъ Грюнвальдъ, и т. д.,—всѣхъ именъ перечислять не стану, многія не удержались въ памяти, а мое собраніе афишъ того времени не полно.

Директоръ Якса-Быковскій отличался необычайной суровостью, съ артистами обращался очень строго, но такъ какъ онъ всегда поступалъ вполне справедливо, а въ выдачѣ жалованья не допускалъ никакихъ проволочекъ, то въ кандидатахъ недостатка не бывало, и ему было изъ чего дѣлать выборъ. Когда труппа прекратила свое существованіе, всѣ прощались съ нимъ со слезами. Когда случилось ему, лѣтъ десять слишкомъ спустя, побывать на короткое время въ Каменцѣ,—наличные ветераны труппы сочли своимъ долгомъ явиться на поклонъ; это были: чуть не восьмидесятилѣтняя старуха изъ второстепенныхъ актрисъ, кассиръ, да вторая скрипка изъ развѣяннаго по свѣту оркестра. Я былъ свидѣтелемъ трогательной сцены ихъ свиданія. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, много говорилось о судьбѣ прочихъ товарищей, а подъ конецъ директоръ вынулъ кошелекъ и оказалъ посильную помощь и впавшей въ нищету актрисѣ, и спившейся съ кругу скрипкѣ. Видимо было, что его увлекли воспоминанія прошлаго, веселое настроеніе духа исчезло, — и не диво, — большая половина знакомыхъ оказывалась уже по кладбищамъ. Театральныя дѣла сильно занимали Быковского до конца жизни. Вѣроятно, онъ оставилъ о нихъ мемуары, такъ какъ не разъ обращался къ содѣйствію и моей памяти, засыпалъ вопросами объ обстоятельствахъ времени, когда онъ былъ директоромъ театра. Нечего и добавлять, что дѣла театра во время директорства Быковского шли отлично, большая половина представлений давала полный сборъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе на представленіи кого либо изъ друзей или знакомыхъ увлекавшійся Якса принималъ за личную обиду. Несмотря на все это, при внезапномъ закрытіи театра образовался крупный дефицитъ, болѣе десятка тысячъ, который былъ покрытъ и. д. губернскаго предводителя, и покрытъ изъ собственныхъ средствъ, такъ какъ разложить убытки на все содержавшее театръ помѣстное дворянство, по обстоятельствамъ, уже потомъ не пришлось.

800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ ¹⁾).

Подъ 1089 годомъ въ лѣтописи стоитъ слѣдующее извѣстіе: «Священа бысть церкви Печерская святыя Богородица монастыря Федосьева Ивановъ митрополитомъ, и Лукою Бѣлогородскимъ епископомъ, и епископомъ Ростовскимъ Исаемъ, и Ивановъ Черниговскимъ епископомъ и Антоньемъ Гурьговскимъ игуменомъ, при благовѣрномъ князѣ Всеволодѣ державному Руския земля и чадома его, Володимера и Ростислава, воеводство держащу Кіевской тысящи Яневи, игуменьство держащу Ивану» ²⁾). Такимъ образомъ въ настоящемъ году минуло ровно 800 лѣтъ со времени этого событія.

Конечно, самъ по себѣ такой фактъ, какъ освященіе, хотя бы и главной, монастырской церкви не представляетъ ничего выдающагося въ исторіи народа, но не нужно забывать, что это событіе связано съ началомъ процвѣтанія той обители, которая сослужила великую службу землѣ русской въ дѣлѣ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія. Кіевъ съ Кіево-Печерской лаврой были колыбелью нашего просвѣщенія, мѣстомъ, откуда выходили пионеры цивилизаціи на необъятныя пространства, занятыя русско-славянскими племенами. Говорить подробно о заслугахъ Кіево-Печерской обители предъ русской землей значило бы повторять то, что извѣстно всякому образованному русскому человѣку. Поэтому мы хотимъ лишь напомнить нашимъ читателямъ въ немногихъ словахъ исторію созданія церкви Успенія Пресвятой Богородицы, главной церкви Кіево-Печерскаго монастыря, 800-лѣтній юбилей которой праздновался 14 августа настоящаго 1889 года.

Перенесенная на гору, гдѣ теперь она и находится, обитель начала быстро процвѣтать. Братія возымѣла намѣреніе выстроить новую каменную церковь вмѣсто прежней деревянной. Это предпріятіе встрѣтило, какъ видно, большое сочувствіе въ кіевскомъ обще-

¹⁾ 14 августа текущаго года, въ день празднованія 800-лѣтія Великой лаврской церкви, поздняя литургія была совершена высокопреосвященнымъ Платономъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, затѣмъ изъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ прошли вѣстныя ходы чрезъ живыя ворота до Великой лаврской церкви. Послѣ литургіи, у гроба пр. Θεодосія отслуженъ былъ молебень. Сообщая теперь вратскую историческую справку о созданіи церкви Успенія пресв. Богородицы, отсылаемъ интересующихся исторіею Печерской обители къ статьѣ г. П. Л. (Кіевская Старина 1885 г.).

²⁾ Ипатьев. лѣтопись. Слб. 1871 г., стр. 145—146.

ствѣ того времени, но крайней мѣрѣ, въ высшемъ, потому что на построеніе храма явились жертвователи какъ въ лицѣ самого кіевскаго князя, такъ и среди его дружинниковъ. Въ это время великимъ княземъ кіевскимъ былъ Святославъ, сынъ Ярослава Мудраго, не задолго предъ этимъ выгнавшій изъ Кіева своего брата Изяслава, который принужденъ былъ бѣжать за границу ¹⁾. Раньше Святославъ княжилъ въ Черниговѣ. Отношенія новаго князя къ монастырю были весьма теплыя, даже несмотря на то, что св. Θεодосій вначалѣ сильно протестовалъ противъ захвата кіевскаго стола Святославомъ. Послѣдній понималъ огромное вліяніе св. Θεодосія и его обители на современное общество и старался всѣми силами примирить его съ собой. Сначала св. Θεодосій писалъ къ Святославу посланія, обличалъ его при свиданіяхъ, запретилъ поминать его при богослуженіи, готовился даже, когда ему пригрозили, къ ссылке, но затѣмъ примирился съ княземъ, часто посѣщалъ его, не переставая уговаривать помириться съ братомъ Изяславомъ, наконецъ, по желанію братіи, разрѣшилъ поминать его въ церкви, хотя и послѣ Изяслава. Пригрозивъ было св. Θεодосію ссылкой, Святославъ одумался, принималъ его съ большою честью, всю вину складывалъ на брата и этимъ вполнѣ достигъ нужныхъ ему результатовъ ²⁾. Между тѣмъ еще гораздо раньше Святославъ сблизился съ св. Антоніемъ. Во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, было много недовольныхъ имъ, которые спасались отъ его преслѣдованій въ Черниговъ къ Святославу ³⁾. Въ числѣ гонимыхъ оказался и св. Антоній. Изгнанный изъ Кіева Изяславомъ, онъ нашелъ радушный пріемъ у Святослава въ Черниговѣ ⁴⁾. Такимъ образомъ, существовали старыя добрыя отношенія между бывшимъ черниговскимъ княземъ и Кіево-Печерскимъ монастыремъ. Поэтому, желаніе братіи создать церковь могло найти у Святослава полное сочувствіе. Святославъ подарилъ монастырю мѣсто и пожертвовалъ 100 гривенъ золота ⁵⁾. Другимъ крупнымъ, извѣстнымъ исторіи, жертвователемъ явился иностранецъ, сынъ одного скандинавскаго конунга, Шимонъ, принявшій православіе съ именемъ Си-

¹⁾ Ипатьев. лѣтоп. Сиб. 1871 г. стр. 128; Лаврентьев. лѣтоп. Сиб. 1872 г. стр. 182.

²⁾ Житіе св. Θεодосія въ Учен. Запискахъ Имп. Ак. Н., кв. II, вып. 2, стр. 179, 176--178.

³⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. II, стр. 16

⁴⁾ Ипатьев. лѣтоп. стр. 136; Лаврентьев. лѣтоп. стр. 188.

⁵⁾ Кіево-Печерскій патерикъ, перев. Викторовой, Кіевъ 1870 г., стр. 62; Учен. Зап. Имп. Ак. Н., т. II, вып. 2, стр. 179.

мона, и сынъ его Георгій. Это былъ племянникъ знаменитаго Якуна, который принималъ участіе въ борьбѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Ярославомъ Мудрымъ, какъ союзникъ послѣдняго. Шимонъ, изгнанный изъ отечества своимъ дядей, пришелъ на службу къ Ярославу въ Кіевъ ¹⁾). Благодаря этимъ, а вѣроятно, и другимъ жертвователямъ, постройка церкви была обезпечена, и въ 1073 году произошло ея заложеніе. Самъ князь Святославъ началъ своими руками копать ровъ и измѣрилъ величину церкви. Закладку совершалъ епископъ Михаилъ, такъ какъ митрополитъ Георгій былъ въ то время въ отсутствіи въ Константинополѣ ²⁾). Для постройки церкви были выписаны изъ Византіи архитекторы. Они принесли съ собою мусію (мозаику), которой и отдѣляли алтарь ³⁾). Несмотря на все усердіе архитекторовъ и строителей, при чемъ св. Феодосій самъ лично съ братіей работалъ надъ постройкой, послѣдняя шла довольно медленно. По кончинѣ святыхъ Антонія и Феодосія, изъ которыхъ первый преставился въ 1072 году, а второй въ 1074 году, работы, можно думать, совсѣмъ прекратились на нѣкоторое время, а при жизни св. Феодосія было выведено едва ли немного болѣе фундамента. О приостановкѣ работъ можно думать на основаніи извѣстія лѣтописи, что въ 1075 году «почата бысть церкви Печерская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ: изъ основанья бо Феодосій почта, а на основаньи Стефанъ почта ⁴⁾». Игуменъ Стефанъ, преемникъ св. Феодосія, началъ ревностно продолжать созиданіе храма. Черезъ три года, при чемъ лѣтопись обозначаетъ даже день, 1-го іюля 1078 года, церковь была совершенно выстроена ⁵⁾). Для украшенія ея внутри были вызваны изъ Византіи живописцы, явившіеся въ лавру уже при игуменѣ Никонѣ ⁶⁾). Какъ долго производились въ церкви внутреннія работы, — на это нѣтъ никакпхъ указаній, но въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, т. е., отъ 1078 до 1089 года церковь не была освящена. Наконецъ, при преемникѣ Никона, скончавшагося въ 1088 году ⁷⁾, игуменъ Иванъ, совершилось торжественное освященіе готовой уже вполне церкви, о чемъ и занесено было въ лѣтопись извѣстіе, приведенное нами въ началѣ нашей замѣтки.

П. Г.

¹⁾ Патерикъ стр. 59—69.

²⁾ Ипатьев. лѣтоп. стр. 128—129.

³⁾ Патерикъ, стр. 69 и слѣд.

⁴⁾ Ипатьев. лѣтопись, стр. 139.

⁵⁾ „ . . . и кончена бысть на третье лѣто, мѣсяца іюля въ 1 день“. (Ibidem).

⁶⁾ Патерикъ, стр. 73.

⁷⁾ Ипатьев. лѣтоп., стр. 145.

Д л я с п р а в о к ъ.

— Изъ литературныхъ нравовъ. Въ № 4810 „Новаго Времени“ напечатанъ фельетонъ, озаглавленный „Подводная Сѣчь“—современная украинская легенда, за подписью г. Дмитрія Сильчевскаго. Статейка эта, выдаваемая за оригинальное произведеііе, есть ничто иное, какъ буквальный, хоть и плохой, переводъ разсказа Ив. Нечуя (И. С. Левицкаго) „Запорожцы“, помѣщеннаго въ кіевскомъ изданіи повѣстей Левицкаго, вышедшемъ въ 1874 г., а потомъ напечатаннаго и отдѣльной брошюрой. Конецъ разсказа отброшенъ и имена дѣйствующихъ лицъ замѣнены другими. Вотъ и всѣ проявленія творчества г. Сильчевскаго въ этой цѣлкомъ украденной, а не украинской легендѣ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. Томъ четырнадцатый (Дополненіе къ III тому). Спб. 1889, въ 4-ю долю, стр. 902+39.

Настоящій томъ актовъ, носящій еще частное заглавіе «Присоединеніе Бѣлоруссіи» «1654—1655», составляетъ, подобно изданному ранѣе подъ тою же редакціею Г. Ѳ. Карпова тому десятому, дополненіе къ актамъ эпохи Богдана Хмельницкаго, помѣщеннымъ Н. И. Костомаровымъ въ III томѣ того же изданія. Собственно говоря, дополнительнымъ онъ является въ гораздо меньшей степени, чѣмъ былъ т. X, относившійся исключительно къ Малороссіи: матеріаль же настоящаго тома во многомъ вполне самостоятеленъ и представляетъ массу совершенно новыхъ данныхъ относительно завоеванія въ указанныхъ годахъ Бѣлоруссіи,—терминъ «присоединеніе», употребленный г. Карповымъ, представляется въ данномъ случаѣ не вполне удачнымъ, такъ какъ обладаніе Россіею нынѣшнимъ сѣверо-западнымъ краемъ оказалось тогда очень кратковременнымъ, онъ вскорѣ былъ возвращенъ Польшѣ еще на столѣтіе слишкомъ, и только одинъ Смоленскъ съ областью остался съ той еще поры въ неразрывной связи съ государствомъ русскимъ. По терминологіи, съ правильностью которой мы здѣсь не соглашаемся, и французы въ 1812 г., занявъ рядъ русскихъ областей вплоть до самой Москвы и организовавъ повсюду собственное управленіе, могли бы назвать это словомъ «annexion», тогда какъ на дѣлѣ здѣсь была только «conquête» и «occupation».

Какъ бы мы впрочемъ ни назвали результаты этого побѣдоноснаго похода московскихъ войскъ до самой столицы великаго княжества литовскаго, и даже далѣе, въ чисто литовскія области (въ

чемъ вторая неточность частнаго заглавія), — самая фактическая сторона его до сихъ поръ была извѣстна мало, а въ исторической литературѣ разработана еще меньше. Ни специальный историкъ эпохи, Костомаровъ, ни общій, Соловьевъ, не даютъ о немъ подробныхъ указаній: первый ограничивается уоминавіемъ о немъ вскользь, и при томъ не по документамъ, а по источникамъ литературнымъ, такъ какъ болѣе частной задачей его было изслѣдованіе дѣйствій Б. Хмельницкаго и его козаковъ въ предѣлахъ Россіи южной; второй же, хотя и говоритъ на основаніи архивныхъ данныхъ, но могъ воспользоваться ими только отчасти и долженъ былъ при этомъ строго сообразоваться съ общимъ планомъ своего труда и соразмѣрностью его частей. Что касается самихъ матеріаловъ, то они до сихъ поръ имѣлись въ разбросанномъ видѣ, — въ томъ же третьемъ томѣ актовъ, въ виленскомъ «Археографическомъ Сборникѣ», въ нѣкоторыхъ томахъ позднѣйшихъ изданій виленской археогр. комиссіи, въ «Бѣлорусскомъ архивѣ древнихъ грамотъ» и т. под.; единственное болѣе цѣльное и очень интересное собраніе документовъ 1654 г., относящихся къ осадѣ и взятію Смоленска, находится въ изданіи виленской *археологической* комиссіи 1858 г., существовавшей очень недолго и усилившей выпустить только одинъ томъ своихъ трудовъ, съ русскимъ и польскимъ en regard текстомъ предисловія, который составляетъ теперь библиографическую рѣдкость. Настоящій томъ, извлеченный г. Карповымъ изъ архивовъ, представляетъ богатое собраніе матеріала, строго отграниченное относительно времени и мѣста дѣйствій, для изслѣдованія которыхъ оно даетъ прочный фундаментъ. Такое изслѣдованіе, во всемъ его объемѣ, не можетъ входить въ задачу нашего журнала; но мы имѣемъ въ виду вскорѣ помѣстить сводъ тѣхъ новыхъ данныхъ изъ настоящихъ актовъ, которые касаются дѣйствій въ Бѣлоруссіи двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса козаковъ, который былъ посланъ сюда Хмельницкимъ, подъ начальствомъ наказнаго гетмана Ивана Золотаренка, для диверсій съ юга и облегченія операцій главной русской арміи, наступавшей съ сѣверовостока, отъ Москвы, тогда какъ самъ Хмельницкій, съ московскимъ вспомогательнымъ корпусомъ Бутурлина, наступалъ на западъ отъ Кіева, ко Львову и Замостью.

Въ настоящей рецензіи ограничимся указаніемъ изъ XIV тома «Актовъ» нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, доселѣ документально неизвѣстныхъ, которыя не могутъ найти себѣ мѣста въ упомянутой предполагаемой статьѣ, по ихъ болѣе частному характеру или же потому, что онѣ имѣютъ ближайшее значеніе для исторіи

Малороссіи, а не относятся къ дѣятельности козачества въ Бѣлоруссіи.

Изъ числа такихъ фактовъ отмѣтимъ прежде всего нѣсколько относящихся до дипломатическихъ сношеній Хмельницкаго, который онъ, какъ извѣстно, продолжалъ и послѣ переяславской присяги въ качествѣ самостоятельнаго владѣтеля Украины, не всегда уже извѣщая о нихъ въ Москву, если предметъ и характеръ переговоровъ расходился съ ея интересами и стремленіями, какъ напримѣръ это уже выяснено Костомаровымъ относительно позднѣйшихъ его сношеній съ Крымомъ и особенно Турціею. Въ настоящемъ томѣ находимъ новыя подробности о посольствахъ къ нему изъ Крыма, отъ донцовъ, отъ ногайцевъ, отъ господарей волошскаго (т. е. молдавскаго), мутьянскаго (т. е. валашскаго), и, между прочимъ, отъ «сербскихъ капитановъ». Листъ ихъ извлеченъ изъ дѣлъ архива министерства юстиціи, содержаніе которыхъ ранѣе вовсе не было извѣстно (дѣла архива м. иностр. дѣлъ болѣе знакомы изслѣдователямъ по описямъ Бантыша-Каменскаго), и потому находимъ нелпшнимъ привести его вполнѣ, въ виду его интереса для исторіи русско-славянскихъ отношеній вообще. Это собственно вѣрительная грамота присланнаго къ Хмельницкому капитана Ивана Юрьева, о которомъ московскій посоль въ Украинну Ржевскій сообщаетъ (ст. 40—42), что тотъ прибылъ просить помощи сербамъ, возставшимъ тогда противъ турокъ. Лично Ржевскому капитанъ рассказывалъ, что сербы за такую помощь «у гетмана во всякомъ послушенствѣ быть готовы». Сербы, по его словамъ, въ ту пору отъ турецкаго царя отложились, потому что онъ «сербскіе земли князей велѣлъ побить до смерти болши сорока человекъ... И собрався около Дунаю, турокъ многихъ побили в города поймали и разорили, и селестрейской паша, боясь ихъ, отъ Дунаю выступилъ въ далніе мѣста, и хотить де Сербіи противъ турецкаго стоять и съ ними битца. А въ сборѣ де сербскаго войска болши сорока тысячъ, а начальные у нихъ нынѣ люди выбраны капитаны и тѣ де капитаны о какихъ дѣлѣхъ у нихъ бываетъ дума, сходятца вмѣстѣ и думаютъ и въ войску всякую росправу дѣлають». Далѣе Юрьевъ (очевидно Джурджевичъ) рассказывалъ о побѣдахъ надъ турками венеціанъ и сообщилъ нѣсколько подробностей о недавнемъ успѣшномъ набѣгѣ донцовъ подъ Цареградъ, изъ чего видно, что сербы тогда уже очень внимательно слѣдили за русско-турецкими отношеніями и столкновеніями. Изъ письма сербовъ видно, что въ то же время они послали и на Москву патріарха своего Гаврі-

пла, а Хмельницкаго титулуютъ величествомъ и называютъ именемъ Хмеля, которое въ другихъ документахъ не встрѣчается, а сохранилось только въ народныхъ пѣсняхъ. Вотъ самое письмо (стр. 61—62¹⁾).

„Пресвѣтлый и благородный, Богомъ избранный паве Богдане Хмель, гетмане его царского величества всего войска запорожского, благодѣтелю нашъ. Мы всѣ Серби есма православной христіанской вѣры Христовой, видимъ православіе вашей милости, и повелѣніе Божіе отъ радости великія не можемъ молчати и престати. Пишемъ до вашего пресвѣтлаго величества царского (sic) и вѣдомо чинимъ, что сей человекъ капитанъ есть изъ земли нашея сербскіе, рода великаго и добраго, отъ котораго рода есть Богомъ избранный Гавриль архіенископъ, патриархъ сербскій, которой и нынѣ есть у его царского величества на Москвѣ отъ сѣхъ сродниехъ его. За котораго просимъ в. м—ти и посылаемъ его до в. м—ти мы всѣ братья наши Серби и капитаны, какъ великіе такъ и малые, что человекъ сей есть потребный и разсудный до войска. На побѣду на невѣрныхъ иноплеменики и на всѣхъ непріятелей нашихъ, которые гонятъ насъ и вѣру нашу православную, да побѣдиши, даждь Боже даждь, да и намъ поможеша избавиться отъ узъ діавольскихъ. За котораго просимъ м—ти в., чтобъ ему во всемъ вѣриль. Какъ будетъ воля Божія и в. м—ти, гетмана войска запорожского, сотвори его какимъ полковникомъ, да и мы всѣ поклонимся благородію твоему и поидемъ на поганые языки, да избавимъ всю братію отъ поганыхъ, по повелѣнію Божію. И наки просимъ и печалуемся. Капитанъ Мирка, великій. Вашего величества гетманского послѣдніе раби Серби въ Мутьявскіе земли“.

Настоящій документъ, конечно, сообщенъ былъ Ржевскому Иваномъ Выговскимъ, который снабжалъ его списками и даже подлинниками разныхъ дипломатическихъ бумагъ. Если двоедушничалъ въ своихъ сношеніяхъ самъ гетманъ, изъ видовъ обще-дипломатическихъ, то его министръ иностранныхъ дѣлъ вель такія же сношенія и на собственную руку, изъ видовъ уже прямо личныхъ. Ржевскій, ранѣе оффиціального пріема его гетманомъ, видѣлся съ В—мъ и между прочимъ спросилъ по секрету, передать ли ему присланные царемъ подарки при гетманѣ, или безъ его вѣдома, на что получилъ отвѣтъ: «на жалованьѣ челомъ бью, а возьму то государево жалованье безъ гетмана, инымъ временемъ» (15). Впрочемъ, подарки за доставленіе вѣстей были тогда,—да и тогда ли только,—дѣломъ обычнымъ. Жалованья послано съ послами: гетману 40 соболей во 100 рублей, писарю 40 же соб. въ 70 р., «да для роздачи государевыхъ дѣлъ послано соболей парами на 50 рублей; и будетъ кому доветца отъ государева дѣла что дати, и имъ давати изъ тѣхъ запасныхъ соболей, а кому имнемъ и отъ какова дѣла что дадутъ, и имъ то

¹⁾ Измѣняемъ расстановку знаковъ, которая въ чтеніи г. Карпова совершенно затемняетъ смыслъ.

записывати особою статьею». (9—10). Этотъ пріемъ практиковался постоянно. Такъ, напр., еще въ 1650 г. посоль Унковскій, послѣ официальныхъ сообщеній ему отъ Хмельницкаго, «потомъ провѣдывалъ у писарей и у другихъ знатныхъ людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавскаго, тайно (и конечно не задаромъ), такъ ли его гетманская правда, какъ онъ сказывалъ ему» (Соловьевъ т. X, 284, по изд. 1860). Въ величайшей тайнѣ тогда же спосился съ Москвою и Выговскій, «только бѣ это, говорилъ онъ въ 1651 г. послу Богданову, никому не было извѣстно, потому что если узнаетъ объ этомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, то ему писарю не миновать наказанья» (тамъ же, 291). Понятно, что подобныя услуги, сопряженныя съ большимъ рискомъ, не дешево и оплачивались; когда въ 1653 г. посланецъ Ѳомины отвозилъ Выговскому доставленныя имъ въ Москву подлинныя грамоты турецкаго султана и другія письма, то съ нимъ было послано 40 соболей и три пары добрыхъ; но на официальномъ пріемѣ гетману Ѳомины подать отъ государя 40 соболей да двѣ пары добрыхъ, значить меньше, чѣмъ Выговскому, которому при гетманѣ явно дана только пара соболей» (тамъ же, 315). Такія же сношенія, помимо гетмана, были у него и съ другими странами; о нихъ онъ самъ рассказывалъ, напр. Ржевскому, въ увѣренности, что тотъ его не можетъ выдать, чтобы чѣмъ лучше засвидѣтельствовать свое усердіе къ Москвѣ, да встать и своимъ услугамъ поднять цѣну; онъ упоминаетъ, что гетманъ Радзивилъ въ письмѣ къ нему общалъ у короля упрости, «да и самъ король его за службу пожалуетъ, учинить его у себя великимъ сенаторомъ и дать ему кievское воеводство» (наст. томъ, 42), что сбылось только гораздо позже. Когда былъ у гетмана молдавскій посоль Строеско, то Выговскій говорилъ и съ нимъ «тайнымъ обычаемъ, чтобы имъ межъ себя ссылка держать почасту о всякихъ вѣстяхъ на обѣ стороны; а для пересылки договорились поставить на границѣ съ обѣ стороны Дѣстра почты» (38). Едва ли это не первое по времени упоминаніе объ учрежденіи правильнаго почтоваго сообщенія въ предѣлахъ русскаго государства, которые именно въ эту пору, въ 1654, хотя только въ видѣ власти сюзеренной, распространялись до границъ Подолія.

Въ настоящемъ томѣ «Актовъ» встрѣчается много личностей, занимавшихъ видныя мѣста въ козачествѣ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ вовсе, или извѣстныхъ очень мало, или не подъ тѣми же буквально именами. Размѣры рецензій не позволяютъ намъ на нихъ останавливаться теперь же, удобнѣе будетъ сдѣлать это въ особыхъ замѣт-

кахъ. Равно о составѣ козачества въ смыслѣ территориальнаго распределенія сообщимъ новыя данныя позже, когда будемъ говорить о дѣйствіяхъ арміи Золотаренка въ Бѣлороссіи.

Пока отмѣтимъ только еще одинъ весьма важный и любопытный фактъ, что захватъ козачьими старшинами обширныхъ имѣній, на основаніи царскаго пожалованья, начинается съ *первыхъ же годовъ* по присоединеніи Малороссіи къ государству московскому, и въ настоящемъ томѣ находимъ немалое число указаній на такія раздачи обще-козацкой территоріи. Воспользовались ими преимущественно, вслѣдствіе близости къ государю, старшины бѣлорусской Золотаренковой арміи: самъ онъ получилъ Батуринь, Борзну, Глуховъ, брата его Василій—Новые-Млыны и Мену, протопопъ Максимъ Филимоновъ, будущій епископъ Меодій, —с. Ушню надъ Десною съ мельницами, стародубскій полковникъ Онкѣенко—Сосницу и т. д.

Возвратимся еще къ предисловію г. Карпова и къ двумъ его утвержденіямъ, съ которыми согласиться не можемъ. Первое изъ нихъ (стр. III) представляетъ просто фактическую невѣрность. «По отношенію къ исторіи поземельныхъ владѣній бѣлорусской шляхты, замѣчаетъ г. Карповъ, между прочимъ интересно то, что *старья* шляхетскія маестности большею частью носятъ *названія ихъ владѣльцевъ*: маестность князей Головчинскихъ—Головчино, князей Соколинскихъ—Соколна, Киркоръ (т. е. Киркоровъ)—Киркоры, Сущевскихъ—Суца и т. п.». Замѣчаніе это вѣрно только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда предокъ владѣльцевъ былъ первымъ поселенцемъ извѣстной мѣстности; ихъ нетрудно отличить даже по грамматической формѣ: названіе такого владѣнія характеризуется множественнымъ числомъ, произведеннымъ отъ фамиліи существительной формы прямо или патронимически, какъ отчество. Изъ приведенныхъ четырехъ примѣровъ сюда подходятъ только одинъ,—отъ имени лица «Киркоръ»,—село «Киркоры», могло бы быть и «Киркоровичи». Но когда существительная форма, наоборотъ, принадлежитъ имени мѣстности, а фамилія имѣетъ форму прилагательную, то послѣдняя произошла отъ первой, т. е. какъ разъ обратно тому, что утверждаетъ почтенный редакторъ настоящаго тома. И это вовсе не бѣлорусская особенность, то же самое находимъ и въ великой Россіи, и въ Малороссіи, и въ Польшѣ. Такъ, напр., почти всѣ позднѣйшія княжескія фамиліи изъ Рюриковичей и Гедиминовичей имѣютъ форму притяжательныхъ и произошли отъ тѣхъ имѣній, которыя составляли нѣкогда ихъ удѣлы. Изъ первыхъ именно произошли, между прочимъ, удѣльные

князья Друцкіе, по владѣнію Друцкомъ, которые в послѣдствіи распались на три вѣтви, опять таки по владѣніямъ: Др.-Горскіе (отъ Горь), Др.-Любецкіе (отъ Любеча) и Др.-Соколинскіе отъ Соколы, а не обратно, какъ это показалось г. Карпову. Признаться, отъ изслѣдователя западнорусской исторіи по документамъ, и при томъ архивнымъ, такой ошибки ожидать было трудно.

Другой пунктъ нашего разногласія гораздо важнѣе, такъ какъ относится ко взгляду г. Карпова на предметъ его настоящаго труда. Онъ не могъ не остановиться на различіи формъ, въ какихъ выразилось подчиненіе Алексѣю Михайловичу Малороссіи, а съ другой стороны Бѣлоруссіи. «Жители Малой Россіи, какъ онъ справедливо замѣтилъ, прося о подтвержденіи своихъ прежнихъ правъ и привилегій, имѣли у себя признаваемыхъ представителей власти въ лицѣ гетмана войска запорожскаго и кіевскаго митрополита; съ ними или по ихъ уполномочію съ депутатами отъ городовъ и сословія правительство вело переговоры о внутреннихъ дѣлахъ Малороссіи».

Единственно въ отсутствіи такихъ представителей въ Бѣлоруссіи видитъ г. Карповъ причину, по которой здѣсь никакихъ «переговоровъ» не было. Не вѣрнѣе ли будетъ заключить, что договорная форма подчиненія Малороссіи завсѣла не отъ того только, что было съ кѣмъ договариваться? Можно думать, что и въ Бѣлоруссіи нашлось бы кому вести переговоры, если бы только этотъ край находился въ 1654 г. въ одинаковомъ положеніи съ Малороссіей. Послѣдняя почти шесть лѣтъ боролась за свою свободу единственно собственными силами, иногда при помощи татаръ, но только въ качествѣ ея самою приобрѣтенныхъ союзниковъ. Успѣшность борьбы бывала по временамъ далеко не одинакова. Подъ Зборовымъ было одно, послѣ Берестечка совсѣмъ другое. Но даже и тогда сила возставшаго народа оказывалась настолько значительной, что представители самого польскаго государства, котораго Хмельницкій былъ только подданнымъ, видѣли себя вынужденными заключить договоръ съ нимъ.

Очевидно, что въ тотъ моментъ, когда южно-русскій народъ, одержавъ рѣшительный успѣхъ, обратился къ протекторату Москвы, не договариваться съ нимъ она *не могла*.

Въ Бѣлоруссіи не было и тѣни чего либо подобнаго. Если и были отдѣльныя попытки возстанія въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, въ самомъ началѣ войны, на Полѣсьи сѣверскомъ, могилевскомъ, и вплоть до самаго Пинска, то онѣ представляются только отраженіемъ происходившаго далѣе къ югу. Всенароднаго возстанія въ Бѣлоруссіи не

было, а отдѣльныя попытки на первыхъ же порахъ безъ особенныхъ усилій были подавлены. Такимъ образомъ, въ моментъ, когда двинулась въ Бѣлоруссію московская рать, она вступала въ непріятельскую страну, а каждый городъ подчинялся въ отдѣльности, сдаваясь непосредственно «на имя государево». Права и привилегіи подтверждались и здѣсь, но уже только въ видѣ «пожалованья», потому что съ побѣдителемъ не договариваются. И вовсе не по отсутствію какого нибудь «представительства», какъ полагаетъ почтенный редакторъ разбираемаго тома. Конечно, это нисколько ни умаляетъ его заслуги, какъ трудолюбиваго изыскателя весьма важныхъ для науки матеріаловъ.

Ив. Н.

Иванъ Манджура. Степовы думы та співи. Спб. 1889 г.—37 стр.

Имя автора этой книжки извѣстно всѣмъ знакомымъ съ малороссійскими этнографическими сборниками послѣдняго времени. Г. Манджура одинъ изъ ревностнѣйшихъ нашихъ собирателей произведеній народной устной словесности. Дѣятельность такого собирателя, требующая непремѣнно тѣснаго общенія съ народомъ, — хорошая школа какъ для изученія живой народной рѣчи, такъ и для усвоенія духа народнаго творчества. Опытъ самостоятельнаго сочинительства, съ которымъ выступаетъ теперь г. Манджура, и носить на себѣ слѣды такой школы. И знанье жизни сельскаго народа, и знанье языка имъ созданнаго у автора есть. Книжка его стиховъ этимъ и выдѣляется изъ книгъ и книжницъ этого рода, выходившихъ за послѣдніе годы.

Нося такъ сказать этнографическій отгѣнокъ, стихи г. Манджуры, кромѣ нѣсколькихъ субъективныхъ пьесъ, воспроизводятъ явленья и типы сельской жизни. Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, сообщаетъ стихамъ автора характеръ реальности, а отсутствіе дѣланности и фальши заставляегъ видѣть въ его сборникѣ все таки пріятное явленіе, несмотря на общую тусклость впечатлѣнія, зависящаго ужъ отъ степени литературной способности автора.

Лучшія пьесы въ книжкѣ—самыя несложныя, самыя простыя, дающія одну какую нибудь картинку, одинъ обликъ. Таковы стихотворенія «Зъ охрестамп» (молитва о дождѣ), «На пасици», «Бурлака» (напоминающій «тпны» Щоголева), «Бджолы», «Дивчача думка о Покрови» (навѣянная народными пѣснями, съ цѣлыми строчками изъ

нихъ) и еще двѣ три. Другія носятъ какой то сухой, разсудочный характеръ. Мотивы стихотвореній дѣйствительно близки къ мотивамъ будничной деревенской жизни. Засуха, неурожай, градъ,—все это точно составляетъ заботу и мысль селянина, но не въ этомъ выражается жизнь его души. У г. Манджуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета земской управы или доклада статистическаго бюро, напр. въ пьесѣ «Градъ»:

Ни жукъ, ни ховряхъ а ни мухи погани
Цей рикъ не зробили потали,
Ще къ тому въ маеви на сходы зарани
Три дощыны добри умалы.

или въ стихотвореніи «на степу п у хати».

Перевельсь огороды ни на що,
Даетса у помку имъ рикъ цей зима!
Ни буряка, ни капусты нема,
Навить немае мисочка картопли;
Лень незійшовъ, погорили конопля...

Въ пьесѣ «Бджолы», отличающейся агрономическимъ, дѣловымъ характеромъ, въ нѣсколькихъ куплетахъ описывается вредъ, наносимый пчеламъ птицею «золотая щурка»... Прекрасное знаніе авторомъ языка не удерживаетъ его однако отъ употребленія странныхъ, какъ бы выдуманныхъ словъ. Таковы слова: тьминуватый (темноватый?), насущныкъ (насущенный хлѣбъ), трудныкъ, (труженикъ), подзорять (подглядать), встрѣчающіяся у него. Никто не увѣритъ насъ также, чтобъ выраженіе *зъ тыхъ поръ* не было буквальнымъ переводомъ великорусскаго. Всѣ эти погрѣшности у г. Манджуры, правда, на перечетъ, тогда какъ у другихъ новѣйшихъ малороссійскихъ сочинителей такимъ грѣхамъ нѣтъ числа. Размѣры стиховъ «Степовыхъ думъ» не всегда счастливы. Трудно выдумать что нибудь болѣе неуклюжее въ этомъ смыслѣ какъ пьеса «Старець»:

Вже чужи его оланували
Помижъ пими ридного мени нема,
И вони мене не привытали,
Бо сиритство имъ мое тяжке дарма.

Есть размѣры взятые у другихъ поэтовъ, напр. у Некрасова, въ характерномъ стихѣ котораго написана пьеса «Нечесна».

Внимательное въ общемъ отношеніе писателя къ дѣлу невольно обращаетъ вниманіе на комическія вещи, проскользнувшія въ книгѣ. Таково начало пьесы «Писня»:

Въ лмчакахъ вязовыхъ
У святини дравій,

Несу чорны бровы
Я свай коханій

Намѣреніе автора ясно, но выражено такъ неуклюже, что звучитъ смѣшной двусмысленностью. Стихотворенію «Минуле», посвященному какой то особѣ, предшествуетъ наивный эпитафъ — «Nonni soit qui mal y pense» ...

«Ренегатъ» — единственная въ книжѣ большая пьеса, гдѣ авторъ вышелъ изъ рамокъ картинки и, на основѣ народнаго преданія, написалъ балладу. Мотивъ ея — покаяніе ренегата подѣ вліаніемъ впечатлѣній дѣтства и молодости — взятъ удачно и, — что еще лучше, — въ исполненіи есть строфы поэтичныя. Таковы въ особенности прекрасныя строфы 14 — 16, рисующія пробужденіе степи весной и чувства степныхъ удальцовъ.

Помѣщенные въ концѣ книги коротенькія «Басни» написаны на мотивы народныхъ анекдотовъ, поэтому онѣ не такъ скучны, какъ обыкновенно, и мало подходятъ подѣ шаблонъ этого несноснѣйшаго изъ видовъ поэзіи.

В. Г.

J. Topolnicki. Mapa do dziejów Polski. Второе издание (съ помощью краковской Академіи Наукъ), исправленное и дополненное по новымъ изслѣдованіямъ. — Львовъ 1888 г.

На обложкѣ, кромѣ вышеозначеннаго заглавія, перечислены еще источники, по которымъ г. Топольницкій составилъ свою историческую карту польскаго государства, а именно: Аббертранди, Баляискій, Болланъ, Бѣлѣвскій, Каро, Хшановскій, Ходзько, Г. де Ланнуа; Глищинскій, Лелевель, Морачевскій (?), Павинскій, Репель, Сарницкій, Шуйскій, Шайноха, Вротновскій, Р. Цанони. По солидному заглавію, а еще болѣе по многообѣщающему арсеналу, съ которымъ взялся за дѣло авторъ, можно было ожидать серьезнаго пособия для изученія исторіи развитія и упадка польскаго государства. На дѣлѣ же оказывается, что обложка вовсе не соотвѣтствуетъ содержанію труда г. Топольницкаго. Это маленькая карта въ ничтожномъ масштабѣ, принятомъ для школьныхъ обще-географическихъ атласовъ, отпечатанная въ одной изъ вѣнскихъ фотолизитографій довольно грубо и нечисто. — Она до того испещрена мельчайшими подписями, разнообразными условными знаками, подчасъ неудоборазличаемыми, и датами, что просто рыбится въ глазахъ при стараніи отыскать мѣстность. Пользоваться картою поэтому весьма затруднительно и не-

удобно. Такъ какъ назначеніе карты, а исторической въ частности, служить пособіемъ, облегчающимъ научное изслѣдованіе, то техническая сторона изданія такой карты несомнѣнно играетъ не второстепенную роль. Съ этой стороны карту г. Тополицкаго приходится признавать изданіемъ безусловно неудачнымъ.

Что касается содержанія, то оно далеко не сложно и не богато, несмотря на страшную пестроту. Это польское государство въ границахъ 1770 г. съ подраздѣленіемъ на Литву и Корону и съ уваженіемъ границъ воеводствъ. Изъ числа населенныхъ мѣстъ указаны главнѣйшіе города воеводскіе и повѣтовые, крѣпости и примѣчательныя села по битвамъ и другимъ событіямъ. — Дальше отмѣчены важнѣйшія между большими центрами дороги, не всѣ татарскіе шляхи и переправы, годы событій и больше почти ничего. — Кто бы захотѣлъ искать здѣсь Польши Мечислава I, Польши удѣльнаго періода, Польши Владислава Локетка и т. д., тотъ ошибется, какъ и я ошибся; ничего подобнаго здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Да и не было бы возможности нанести все это на такой маленькой картѣ, для которой и наличный матеріалъ оказался слишкомъ сложнымъ. — Есть впрочемъ еще одна граница Польши, означенная на картѣ однообразной крупной гранью, подъ названіемъ «давняя граница». Она захватываетъ въ область Польши съ запада почти всю западную Пруссію, всю Саксонію, Богемію и Моравію; съ юга Молдавію и Валахію, весь Новороссійскій край, Крымскій полуостровъ за исключеніемъ южнаго берега, и половину Азовскаго моря; съ востока, начиная отъ Таганрога, граница идетъ прямо на сѣверъ, захватываетъ Чугуевъ, Курскъ, Брянскъ, Вязьму, Тверь, затѣмъ по Волгѣ идетъ до Мологи, гдѣ оставляя Волгу, идетъ далѣе на сѣверъ. — Что эта граница изъ себя изображаетъ, трудно догадаться. Надо полагать и самъ авторъ не сдумалъ бы подыскать эпохи, въ которую польское государство имѣло бы такія обширныя владѣнія. Вѣроятно, граница эта въ разныхъ мѣстахъ относится къ разнымъ эпохамъ. Но съ другой стороны я не могу догадаться, почему къ польскимъ областямъ причислена Тверь, Псковъ и Великій Новгородъ съ его огромными землями. Не потому ли, что былъ періодъ времени, когда въ этихъ странахъ проявлялось иногда вліяніе литовское (но не польское)? Что общаго съ границей Польши имѣетъ Крымъ и Азовское море? Кромѣ этого, въ картѣ есть масса мелкихъ погрѣшностей, доказывающихъ отсутствіе всякой системы при изданіи ея. Есть много надписей или безсодержательныхъ, или невужныхъ, въ

въ родѣ напр. Волинь, Подоліе, Украина и тутъ же «Казаччина» безъ объясненія значенія этихъ терминовъ въ разное время. На среднемъ теченіи Дона подпсано: «нѣкогда половцы». Почему тоже не подпсано въ Приднѣпровьи; почему не показать массы другихъ народцевъ, прошедшихъ нѣкогда по южной Руси?—Указавъ главнѣйшіе недостатки, низводящіе трудъ г. Топольницкаго на степень совершенно неудачнаго, я не стану утруждать читателя разборомъ мелочей и если считаю нужнымъ дать объ этой картѣ отзывъ, то только въ надеждѣ предупредить другихъ, дабы не впади въ заблужденіе, въ которое меня ввело заглавіе на обложкѣ.

Ц. Нейманъ.

Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій рассказъ для народнаго чтенія). Составилъ минскаго кафедральнаго собора священникъ Павелъ Авоискій. Минскъ. 1889 г. Ею же: Православныя святыни города Минска. Минскъ. 1889.

Первая изъ названныхъ книжекъ написана къ пятидесятилѣтію воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. Авторъ ведетъ свой рассказъ отъ самаго «основанія Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ единой святой церкви»; говоря далѣе о появленіи ересей и расколовъ, онъ переходитъ къ вопросу о раздѣленіи церкви, причинамъ раздѣленія и дальнѣйшимъ отступленіямъ римскаго епископа отъ ученія Христова; авторъ затѣмъ касается распространенія христіанства въ Россіи, судьбы западно-русскаго народа до и послѣ люблинской уніи, столкновенія католицизма съ православіемъ, и возникшей мысли объ уніи церковной, говоритъ о роли іезуитовъ въ дѣлѣ уніи, о дѣятельности епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя, о желаніяхъ лучшихъ западно-русскихъ православныхъ людей, указываетъ на значеніе православныхъ западно-русскихъ братствъ въ борьбѣ за православіе и, наконецъ, излагаетъ самый актъ уніи—брестскій соборъ; время, послѣдовавшее за сѣмъ, обрисовано чрезвычайно неясно и самые важные факты борьбы между православными и униатами сообщаются весьма кратко; подробнѣе становится изложеніе въ концѣ, когда авторъ говоритъ о положеніи униатовъ послѣ смерти Екатерины II и при императорахъ Павлѣ и Александрѣ I; мѣры же, принимавшіяся въ царствованіе императора Николая I, разсмотрѣны особенно подробно и личность главнаго дѣ-

ателя этого періода, митрополита Іосифа Сѣмашка, очерчена весьма живо, какъ и совершенное имъ дѣло воссоединенія униатовъ. Изъ изложеннаго содержанія видно, что авторъ обзрѣваетъ всю исторію униі, отъ ея возникновенія и до прекращенія; но какъ мы уже замѣтили, не всѣ періоды этой исторіи изложены съ одинаковой подробностью; именно, XVII и XVIII вѣка не охарактеризованы достаточно точно; авторъ упускаетъ изъ вида, какъ отдѣльные фазисы борьбы, такъ и постепенное распространеніе униі по территоріи западной Россіи; онъ не представляетъ примѣровъ (исключая Кунцевича) борьбы горожанъ и крестьянъ съ унией, ничего не говоритъ о порожденныхъ ею козацкихъ и гайдамацкихъ движеніяхъ, о значеніи униі для судьбы польскаго государства; тѣмъ не менѣе книжка о. Аѳонскаго обладаетъ и достоинствами, дѣлающими ее пригодною для народнаго чтенія: она не обременена большимъ количествомъ фактовъ, а тѣ, которые выдвинуты, представлены рельефно въ своихъ характерныхъ особенностяхъ, такъ что каждый грамотный, не знакомый съ исторіей, съ пользоу прочтетъ эту книжку.

Вторая книжка съ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Православныя святыни города Минска» касается всего лишь двухъ мѣстностиныхъ иконъ Божіей Матери: Минской и Крупецкой. Съ каждой изъ иконъ соединяются историческія воспоминанія объ униі, о борьбѣ съ ней православія; эти иконы служили въ этой борьбѣ знаменемъ, подъ которымъ собирались всѣ преданные православію борцы. Минской иконѣ Божіей Матери авторъ приписываетъ глубокую древность, безусловно принимая преданіе, что она рисована св. евангелистомъ Лукою, принесена св. Владиміромъ изъ Корсуны и во время одного изъ татарскихъ нападений на Кіевъ была ограблена и брошена въ Двѣпръ, идя вверхъ по которому прибыла въ Минскъ; при этомъ авторъ основывается на лѣтописи; но лѣтописи, какъ извѣстно, рѣшительно ничего не говорятъ объ этомъ; объ иконѣ Божіей Матери, писанной евангелистомъ Лукою, сообщается только, что она находилась въ Вышгородѣ, откуда взята была кн. Андреемъ Боголюбскимъ во Владимірь и затѣмъ подъ именемъ Владимірской перенесена въ Москву, гдѣ и понынѣ хранится въ Успенскомъ соборѣ; другія ссылки автора еще менѣе убѣдительны, какъ принадлежащія болѣе позднему времени и основанныя на устномъ преданіи.

И. Каманинъ.

Časopis Musea království českého. 1888 г. Выпускъ III—IV. Прага.

Россіи и русскимъ книгамъ посвящены въ этой книгѣ слѣдующія статьи и замѣтки: «Рабочій хоръ южнорусскій» изъ путевыхъ записокъ по Россіи Людв. Кубы, «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе П. Владимірова». (Оцѣнка), и «Осетинскіе этюды, Всеволода Миллера. Москва 1887 г.» (Оцѣнка), «50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. А. Павлова». (Оцѣнка). Г. Людвигъ Куба извѣстенъ нѣсколько и у насъ своимъ изданіемъ «Slovanstvo ve svých zřevěch», гдѣ предложено любителямъ довольно обширное собраніе пѣсенъ всѣхъ славянскихъ племенъ какъ въ фортепьянномъ переложеніи, такъ и для пѣнія. Русскимъ пѣснямъ ¹⁾ посвящена шестая книга этого изданія, заключающая въ себѣ 130 пѣсенъ малорусскихъ, 130 великорусскихъ и 15 бѣлорусскихъ. Значительная часть этихъ пѣсенъ, особенно малорусскихъ, записана издателемъ, при содѣйствіи пишущаго эти строки, въ двукратную бытность его въ Россіи.

Результатомъ пребыванія г. Кубы въ Россіи было между прочимъ изученіе имъ рабочаго южнорусскаго хора, т. е. тѣхъ пѣсенъ, какія поются въ южнорусскихъ городахъ, каковы Нѣжинъ, Полтава, рабочими, преимущественно столярами. Изученіе это выразилось въ указанной статьѣ, снабженной значительнымъ количествомъ нотныхъ примѣровъ и хоровыхъ пѣсенъ, записанныхъ авторомъ отъ столяровъ. Автора удивляетъ способность русскаго народа къ хоровому пѣнію, замѣченная имъ вездѣ на Руси и нигдѣ на западѣ не являющаяся съ такою силою и своеобразностію. Своеобразность эта заключается именно въ полномъ просторѣ для творчества каждаго изъ участниковъ хора, такъ что о наиболѣе чистомъ русскомъ хорѣ можно сказать: сколько пѣвцевъ, столько и самостоятельныхъ напѣвовъ. Строй русскихъ хоровыхъ пѣсенъ, по замѣчанію автора, въ высокой степени *контрапунктиченъ*, и безсмертные мастера контрапункта Бахъ и Гендель, по его словамъ, «преклонились бы конечно предъ великимъ

¹⁾ Оцѣнку русскихъ выпусковъ, изд. Кубы, см. въ „Извѣстіяхъ Петербургскаго Славянскаго общества“ 1888 г. № 2, но и за прежніе годы въ разныхъ №№. Изданіе это, въ сожалѣнію, мало распространено у насъ, несмотря на всю его дешевизну (1 р. за каждые 3 выпуска). Весь русскій отдѣлъ „Slovanstva“ можно приобрести за 5 гульденовъ и 60 крейцеровъ, а въ изданіи переплетѣ за 6 гульденовъ и 40 крейцеровъ. Адресъ: Böhmen (Čechy) Ludv. Kubě v Poděbradech.

геніемъ великорусскаго народа. Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что русскій хоръ въ высокой степени демократиченъ по своему строю, въ противоположность аристократическому характеру построения хоро-выхъ пѣсь въ западной Европѣ, гдѣ главное значеніе имѣеть лишь одинъ голосъ, всѣ же прочіе лишь сопровождаютъ его, служатъ ему, такъ сказать, только аккомпаниментомъ. Изъ объясненій, даваемыхъ авторомъ по этому поводу, обнаруживается его достаточное знакомство съ лучшими русскими пособіями по данному предмету и сборниками, каковы Мельгунова, Пальчикова и др. Онъ особенно останавливается на томъ значеніи, какое имѣлъ для музыкальнаго развитія русскаго народа характеръ православнаго церковнаго богослуженія, гдѣ, за недонущеніемъ музыкальныхъ орудій, главная роль выпадаетъ на долю пѣвцевъ. Несомнѣнно, что въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать главнаго объясненія того явленія, что въ то время, какъ на западѣ процвѣла особенно инструментальная музыка и одностасная вокальная, на Руси преимущественное развитіе выпало на долю многоголоснаго пѣнія, хора, на что ушли всѣ музыкальныя силы народа. Мнѣніе г. Капустина о томъ вліяніи, какое имѣлъ на построение русской хоровой пѣсни общинный бытъ народа, также небезвѣстно автору, хотя онъ и не остановился съ должнымъ вниманіемъ на этомъ мнѣніи.

Южнорусскій хоръ теперь не имѣеть, по замѣчанію г. Кубы, той чистоты и своеобразности, какъ сѣвернорусскій: на немъ отразилось уже вліяніе западноевропейской музыки и пѣсни и того посредствующаго, промежуточнаго положенія, какое занимаетъ Малая Русь и ея народъ между Великою Русью съ одной стороны и славянами западной Европы съ другой; а славяне эти, какъ извѣстно, давно уже подъ вліяніемъ западноевропейской культуры утратили многія изъ своихъ исконныхъ славянскихъ особенностей, еще присущихъ въ значительной мѣрѣ русскому народу. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это, и въ южнорусской хоровой пѣснѣ еще замѣчается немало чудныхъ своеобразныхъ красоть, особенно по сравненію ея съ обычнымъ формально правильнымъ и симметрично построеннымъ западноевропейскимъ хоромъ. Нельзя достаточно надивиться тому восторгу, съ какимъ г. Куба, въ качествѣ западнаго славянина, относится къ русскому хору, къ удивительнымъ музыкальнымъ способностямъ русскаго народа. Онъ словно съ трудомъ можетъ понять, какъ это чудныя контрапунктческія вещи создаются людьми, никогда не учившимися музыкальной грамматикѣ, вообще музыкально необразован-

выми. Не менѣе удивительна для него и необычайная склонность въ пѣнію русскаго человѣка, поющаго на всякомъ мѣстѣ, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, сросшагося, такъ сказать, съ пѣснію. Сравнивая записанные г. Кубою полтавскіе хоры, у насъ, впрочемъ, общеизвѣстные (напр. Ой у поли озеречко, Ой гаю мій гаю и др.) съ нѣжинскими, мы замѣчаемъ, что выборъ первыхъ, въ смыслѣ народности, гораздо удачнѣе, чѣмъ вторыхъ, большая часть которыхъ великорусскаго происхожденія. Объясняется это, конечно, болѣею пестротою и смѣсю населенія Нѣжина, сравнительно съ болѣе чистою, въ этнографическомъ отношеніи, Полтавою, что опять таки въ свою очередь является слѣдствіемъ большаго торговаго значенія перваго изъ этихъ городовъ.

Для русскихъ читателей статьи г. Кубы не представляетъ какихъ нибудь особенно новыхъ данныхъ, для нихъ она можетъ быть любопытна въ томъ однако отношеніи, что еще разъ показываетъ, до какой степени глубоко интересуются на западѣ своеобразными особенностями русской жизни, и искусства, литературы, которымъ, повидимому, суждено внести новые, свѣжіе элементы въ содержаніе старой западно-европейской культуры и тѣмъ заплатить за полученное отъ нея взаймы при Петрѣ Великомъ.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г. №№ 5—8. Мелкія замѣтки къ былинамъ. А. Веселовскаго (№ 5, стр. 32—46). Это составляетъ продолженіе замѣтокъ, начатыхъ авторомъ уже давно (послѣднія замѣтки см. въ 1888 г. № 5). Въ настоящей статьѣ находимъ замѣтки: 1) Владиміръ—богатырь; 2) Киевскія пещеры; 3) Былина объ Иванѣ Годиновичѣ; 4) Жидовинъ—богатырь; 5) Къ сербской легендѣ о Константинѣ Великомъ, гдѣ между прочимъ приводится легенда о Семенѣ Паліѣ.

Къ вопросу о составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Е. Замысловскаго (№ 5, стр. 47—54). Замѣтка касается вопроса о томъ, могутъ ли точныя лѣтописныя записи о событіяхъ, случившихся въ другихъ городахъ, свидѣтельствовать несомнѣнно о томъ, что онѣ взяты изъ мѣстныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ.

Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. П. Бобровскаго. №№ 6—8; продолженіе слѣдуетъ). Эта обширная работа автора, продолженіе которой появится въ слѣдующихъ книжкахъ,

представляетъ изслѣдованіе вопроса о состояніи и положеніи греко-уніатской церкви послѣ раздѣла Польши и за весь періодъ царствованія Александра I. До сихъ поръ напечатано только четыре главы: 1) Протесты бѣлаго духовенства въ концѣ прошлаго вѣка; 2) Ираклій Лисовскій и его реформы въ уніатской церкви (№ 6, стр. 282—338); 3) Греко-уніатская церковь подъ управленіемъ А. Н. Голицына. Митрополиты Григорій (Кохановичъ) и Іоасафъ (Булгакъ). Усиленіе базилианъ и протесты брестскаго капитула (№ 7, стр. 20—56); 4) Состояніе греко-уніатской церкви въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи (№ 8, стр. 259—304).

Въ отдѣлѣ критики и бібліографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. *Михаила Ясинскаго*. Статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 5, стр. 231—233); 2) *П. Брянцевъ*. Исторія литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Статья *К. Бестужева-Рюмина*. (№ 6, стр. 492—505); 3) *Д. Багалъй*. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Актовая рѣчь (№ 6, стр. 512); 4) *Д. Анучинъ*. О задачахъ русской этнографіи (№ 6, стр. 512—514); 5) Сочиненія *А. Котляревскаго*. Статья *К. Бестужева-Рюмина* (№ 7, стр. 157—167); 6) *Н. Карпьевъ*. Историческій очеркъ польскаго сейма. Статья *Евг. Бьлова*. (№ 7, стр. 190—199); 7) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга 3-я (№ 7, стр. 201—202).

Вѣстн. Евр. 1889 г. №№ 5—8. Польскія реформы XVIII вѣка. *Н. Карпьева* (№ 5, стр. 5—65; № 6, стр. 550—620). Эта обширная статья, находящаяся въ ближайшей связи съ другимъ изслѣдованіемъ автора «Паденіе Польши въ исторической литературѣ», представляетъ интересную картину той борьбы, которая велась представителями разныхъ партій въ Польшѣ незадолго до полного паденія ея изъ за введенія нѣкоторыхъ кардинальных реформъ, клонившихся къ поддержанію расшатаннаго государства.

Обзоръ русскихъ изученій славянства. А. Пытина. (№ 5, стр. 169—213; № 6, стр. 625—664) и продолженіе этой статьи подъ заглавіемъ «Русское славяновѣдѣніе въ XIX стол.» (№ 7, стр. 238—274; № 8, стр. 683—728). Статья, начатая въ № 4 текущаго года, знакомитъ съ положеніемъ изученія и разумѣнія славянства въ Россіи въ 18-мъ вѣкѣ, а затѣмъ характеризуетъ представителей уже вполне научнаго славяновѣдѣнія у насъ въ 1-ой половинѣ 19 вѣка. Здѣсь, между прочимъ, представляетъ интересъ выписка изъ предисловія къ «Сравнительнымъ словарямъ всѣхъ языковъ и нарѣчій» о малороссійскомъ нарѣчій (№ 6, стр. 655—666), а также характеристика описаній путешествій въ славянскія земли *Д. Бантыша-Каменскаго*, *Ф. Лубяновскаго* и *В. Броневскаго* (№ 7).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1889 г. № 2. Въ отдѣлѣ библиографіи помѣщена замѣтка о первомъ томѣ сочиненій *А. Котляревскаго* (стр. 283—284).

Филологическія Записки 1889 г. № 2. Памяти И. П. Котляревскаго по случаю 50-лѣтней годовщины со дня его смерти. С. Браиловскаго. (стр. 19—33). Это—рефератъ, прочитанный въ одномъ изъ собраній членовъ нѣжинскаго музыкально-драматическаго общества.

Русская Мысль 1889 г. №№ 4—7. Въ отдѣлѣ библиографіи помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Кобзарь Т. Г. Шевченка; (№ 5, стр. 185); 2) «Кіевская Старина» сентябрь 1888 г.—мартъ 1889 г. (№ 5, стр. 222); 3) *Евгеньевская волость, тираспольскаго уезда, херсонск. губ.* (№ 6, стр. 237); 4) *Багалъй. Заселеніе харьковскаго края* и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. (№ 7, стр. 287); 5) *Записки Императ. русскаго археолог. общ. Т. IV, выт. I.* Говорится о статьѣ г. *Лоннинова* «Древній храмъ св. Богородицы въ г. Владимірѣ-Волинскомъ» (№ 7, стр. 289).

Русская Старина №№ 5—8. 5. Литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ 1839—1844 гг. Сообщилъ г. Ж—нѣ.

5, 6. М. К. Бобровскій. 1784—1848 гг. Историко-біографическій очеркъ. Сост. П. О. Бобровскій. (Окончаніе).

5. Краткая рецензія на «Кубанское казачье войско».

6—8. Дневникъ А. В. Никитенка, 1828—1829 гг.

6. Оеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Очеркъ къ его біографіи. Сообщ. проф. Н. О. Сумцовъ.

— Россія на Черномъ морѣ и въ Палестинѣ въ 1856—1860 гг. Очеркъ М.

7. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера 1808—1858 гг. Сообщ. А. Лопатинскій.

7, 8. Друзья и знакомые Н. В. Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шеврокъ.

Историческій Вѣстникъ №№ 5—8. 5. Возобновленіе черниговскаго кафедральнаго собора.

— Нѣсколько словъ о происхожденіи названія «Воынь». Вл. Боцяновскаго.

— А. Н. Дельсаль. А. Стоянова. По поводу «Историч. записки о немировской гимназіи» г. Стрибульскаго нѣсколько словъ въ защиту покойнаго директора этой гимназіи Дельсалья.

6. Отношенія Гоголя къ матери. А. М. Черницкой.

— Рецензія на книгу Н. В. Стороженка «Западно-русскіе провинціальныя сеймики во 2 половинѣ XVII в.» Н. С. К.

— Рецензія на книгу В. Г. Дружинина «Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.» С.

7. Рецензія на: 1) Сочиненія А. А. Котлыревскаго т. I. Е. П. 2) 50-лѣтіе возсоединенія съ православной церковью зап.-русскихъ униатовъ. И. Чистовича.—50-лѣтіе возсоединенія съ правосл. церковью зап.-русскихъ униатовъ. Соборныя дѣянія и торжественныя служенія въ 1839 г.—50-лѣтіе возсоединенія съ правосл. церковью зап.-русскихъ униатовъ. Историч. очеркъ прот. I. Наумовича.—Семь проповѣдей синодал. члена, митроп. литов. и вилен. Іосифа, говоренныя при важнѣйшихъ случаяхъ служенія и о греко-униатской церкви въ западномъ краѣ Россіи, воспоминанія архіеп. Антонія. М. Г—цкаго. 3) Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изсл. Мих. Ясинскаго. В. З. 4) Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца кн. 2-я. А—ва. 5) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныя черниговскимъ статистич. отдѣленіемъ при губ. зем. управѣ. Т. XV и послѣдній. Кролевецкій уѣздъ. Сост. П. П. Червинскій. Б. Г.

— Некрологъ М. В. Юзефовича.

8. Рецензія на: 1) Исторія литовскаго государства П. Брянцева, Н. П. 2) Владиміръ св., какъ политическій дѣятель, изсл. Завитневича. А—ва, 3) Кубанское казачье войско. В. П. 4) Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресв. Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси. Соч. Вл. Сахарова. Д. А.

— Полувѣковой юбилей уни.

— Мономахова церковь.

— Новонайденныя въ Кіевѣ византійско-русскія перегородчатыя эмали XII в.

— Некрологъ С. С. Гогоцкаго.

Стѣрный Вѣстникъ №№ 5—8. 7. Рецензія на «Бѣлую панну» Г. А. Мачета.

8. Херсонское дворянство и херсонская губ. въ 1862 г. П. Зеленаго.

Восходъ №№ 5—8. 8. Рецензія на «Кіев. Старину» 1888 г.

Недѣльная хроника Восхода 17—32.

20. Отчетъ о бердичевской талмудь—торѣ за 1888 г. (Корресп.).

24. Замятка по поводу рецензіи въ «Эконом. Журналѣ» на книгу г. Никитина «Еврей—Земледѣльцы».

Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія №№ 3—6. 4—6. Св. А. *Гиляревскій*. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ В. Г. Барскій.

4. Нѣкоторыя замѣтки въ журнальномъ обзорѣни.

Странникъ №№ 5—8. 5, 6, 7. Святый равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель Руси. И. П. Матченка (окончаніе).

5. Римская пропаганда, ея исторія и современное состояніе. Проф. архим. Никодима Милашъ.

— Романъ Кузьмина. Разсказъ изъ галицко-русской жизни. X—XI. Порт. И. Г. Наумовича.

5. Хроника епархіальной жизни. Православное общество сестеръ м. Тынной подольск. епархіи. Открытіе церковныхъ бібліотекъ духовенствомъ одного изъ благочинивъ полтавской епархіи и дѣятельность въ этомъ направленіи екатеринославскаго комитета о православіи (5). Дѣятельность холмскаго братства. (6, 7). Противосектантскія бібліотеки екатеринославской епархіи (8).

5—8. Обзоръ журналовъ. Ко дню 50-лѣтія воссоединенія униатовъ (5). 50-лѣтіе воссоединенія униатовъ въ современной печати. (6—7). Митр. Филаретъ въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ. Записки бывшаго повстанца униата (8).

5. Рецензія на книгу Шмурло «Митр. Евгений».

6, 7. Пятидесятилѣтіе воссоединенія униатовъ.

— Изданія, посвященныя исторіи униі и воссоединенія униатовъ.

8. Въ защиту Иннокентія архіеп. херсонскаго, противъ клеветы и нареканий на него. Пис. въ ред. И. У. Палимпсестова. По поводу записокъ Мурзакевича. («Рус. Ст.»).

Христіанское Чтеніе №№ 5—8. 5, 6. П. І. Бобровскаго. Подготовка реформъ въ русской греко-униат. церкви (1803—1817). Отвѣтъ проф. М. Кояловичу.

— Библіограф. зам. «Высокопреосв. Филаретъ въ схимонашествѣ Θεодосій (Амфітеатровъ) митрополитъ кievскій и галицкій и его время». Составилъ архимандритъ Сергій (Василевскій). 3 тома. Каз. 1888 г.—Н. Б.

Церковный Вѣстникъ №№ 17—28. 19. Забѣтки *Кояловича* въ отвѣтъ Бобровскому на его забѣтку (Хр. Чт. № 5 и 6). О воссоединенія униатовъ.

20, 22. Историческое значеніе воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ въ 1839 г. и естественныя особенности празднованія 50-лѣтія. Проф. М. Кояловича.

24. Забѣтки о напечатанныхъ въ 4 книжкѣ «Кiev. Старинны» статьяхъ: П. Л. «Остатки древнихъ церквей на развалинахъ Корсуни», С. Т. Голубева «Очерки изъ исторіи кiev. дух. академіи» и Н. И. Петрова «Очерки путешествія въ сѣв.-зап. край».

— Корреспонденція изъ Вильны о празднованія 50-лѣтія воссоединенія униатовъ.

Труды кievской духовной академіи №№ 5—8. 5—7. *Н. И. Петровъ*. Извѣстія церковно-археологическаго общества при кievской духовной академіи.

6. Бесѣда въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея со времени воссоединенія униатовъ съ правосл. церковью. Высокопр. митроп. Платона.

— Адресъ кievск. дух. академіи литовской церкви по случаю воссоединенія униатовъ съ правосл. церковью.

— Археологическія забѣтки. I. О древнемъ фресковомъ изображеніи св. равноапостольнаго кн. Владиміра во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (отвѣтъ П. Л.—у). II. Византійско-русскія перегородчатая эмалы.

- Письма митр. Евгенія. Сообщ. Полетаевъ.
- 8.** Къ матеріаламъ для біографіи преосвященнаго Иннокентія херсонскаго. Сообщ. И. Стрѣльбицкій.
- Русскій Паломникъ №№ 23—33.** 23. Краткій некрологъ преосв. Варлаама, еп. минскаго.
- 24.** Полоцкій Софійскій соборъ (съ рис.).
- Портретъ митрополита Іосифа Сѣмашка.
- 25.** Историческое прошлое м. Ржищева и его Спасо-Преображенскаго монастыря. Свящ. С. Бройковскаго (съ рис. ржищевской церкви).
- 26.** Антоній Зубко, архіеп. минскій (съ порт.).
- 28.** Василій Лужинскій, архіеп. полоцкій и витебскій (съ портретомъ).
- 29.** Протоіерей П. Л. Весинъ—одинъ изъ дѣятелей по воссоединенію униатовъ. (Съ портретомъ).
- День въ Печерской лаврѣ (изъ дневника паломника на 900-лѣтній юбилей крещенія Руси). Съ 4 рис. Д. Гречишникава.
- Переяславскій соборъ (замѣтка).
- 30.** Реставрація Кіево-Софійскаго собора (замѣтка).
- 31—32.** Святія горы. Съ рис. Святогорскаго монастыря, пизумск. у. харьк. губ. (Переп. изъ Южн. Края).
- Русское Судоходство №№ 80—95.** 80—81. Городскіе сборы въ портахъ Чернаго и Азовскаго морей.
- Рыбпромышленная выставка 1889 г. (Черное и Азовское моря) Н. Крылова.
- 82.** Изъ прошлаго (учрежденіе Черноморской компаніи) В. Т.
- Изъ Ростова на Дону.
- 86.** Наше судоходство (Черное море).
- 87.** Изъ прошлаго (черноморская торговля).
- Наше судоходство (одесскій портъ).
- 94, 95.** Наше судоходство (Черное море).
- Сѣверъ №№ 15—33.** 17. Ялта, съ картины проф. Лагоріо.
- 22.** Дорога въ Китаевъ, съ картины В. Д. Орловскаго.
- 23.** Вишни поспѣли. Рис. К. А. Трутовскаго.
- 24.** Бахчисарай, съ карт. Кондратенка.
- Недѣля №№ 18—31.** 23. Предстоящее бѣдствіе.
- 24.** Рабочія шатанія.
- 25.** Пожары городовъ.
- Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ»: изъ Чернигова о земскихъ выборахъ; изъ Одессы объ учрежденіи комиссіи подъ предсѣдательствомъ временнаго генералъ-губернатора по вопросу объ урегулированіи рыбной ловли въ устьяхъ Днѣпра, Днѣстра, Буга, Дона и на побережьѣ Чернаго моря.

26. Переселенческій проектъ.

27. Забытое дѣло.

28. Въ отдѣлѣ «Разныя извѣстїи». Различіе въ судьбѣ переселенческихъ партій.

«Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ» изъ кобелякского уѣзда полтавской губерніи о трудахъ очереднаго земскаго собранія.

29. «Народное образованіе»: «Первая сельская общественная бібліотека», въ с. Марковскомъ, лебединскаго уѣзда, харьк. губ.

Въ отдѣлѣ «Экономическія замѣтки»: О регулированіи рыболовства на днѣпровск., бугск., березан. и днѣстр. лиманахъ.

30. Въ томъ же отдѣлѣ: «Печальныя свѣдѣнія о переселенцахъ».

Въ отдѣлѣ «Намъ пишутъ», изъ Верхне-Днѣпровска, екатеринославск. губерніи по вопросу о проектѣ передачи сельскихъ школъ во вѣдѣніе духовенства.

31. «Земское городское самоуправленіе»: Земская колонія душевно-больныхъ въ Херсонѣ.

Въ отдѣлѣ «Экономическія извѣстія»: Воскрешеніе чумачества на югѣ Россіи; Переселенцы на арестантскомъ положеніи.

Съ сѣвера на югъ.

Кіевлянинъ №№ 160—180. 161. Корреспонденція изъ м. Гощи, острожск. у. волын. губ. О раскопкахъ кургановъ въ іюлѣ сего года на фермѣ Агатовкѣ при с. Томаховѣ, произведенныхъ Т. В. Кибальчичемъ, и о церкви Архистратига Михаила въ м. Гощѣ (построена 1639 г.).

162. Корреспонденція изъ м. Аннополя острож. у. волынск. г. О церкви с. Глинниковъ, древней мѣстнотчимою иконѣ св. Николая, мѣстномъ обычаѣ приносить въ церковь на панихиды коровье масло и о церкви с. Малый Скнитъ.

163. Замѣтка о книгѣ «Кіево-Златоверхо-Михайловскій монастырь».

— Коневодство въ харьковской губ.

165. Перепечатка изъ «Крым. Вѣстн.» о существовавшей въ прошломъ столѣтіи въ Крыму ротѣ амазонокъ.

166. Восьмисотлѣтіе Великой церкви Кіево-Печерской лавры и перечень древнѣйшихъ храмовъ въ Россіи (XI—XVI вв.).

— О находкѣ въ Кіевѣ на ул. Нижній Валъ польскихъ серебряныхъ монетъ XVII вѣка.

168. Кіевскія наводненія прежнихъ временъ.

169. Историческая справва о поврежденіяхъ кіевскихъ храмовъ молніею.

169, 170. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Историч. очеркъ. Перепечатка изъ «Елисаветгр. Вѣстн.».

170. Залежи фосфоритовъ въ воронежск. губ.

- 174.** О пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ ровенскаго реальнаго училища.
— Корреспонденція изъ м. Слауты волинск. губ. О дворцѣ Сангушковъ, мѣстной церкви и лѣчебныхъ заведеніяхъ.
- 178.** Восьмисотлѣтіе Великой лаврской церкви. Историческій очеркъ.
- 179.** Слово по случаю 800-лѣтія Великой лаврской церкви, произнесенное протоіереемъ М. Д. Златоверховниковымъ.
- 180.** Списокъ кievскихъ генераль-губернаторовъ.
- Кievское Слово №№ 729—749.** 729. Краткій некрологъ гр. Ядвиги Ржевусской, писавшей подъ псевдонимомъ Лелива.
- 731, 732.** О расширеніи метеорологической сѣти юго-западной Россіи.
- 734.** Корреспонденція изъ Остра черн. г. О раскопкахъ.
- 745.** Библиографическая замѣтка о имѣющемъ скоро выйти въ свѣтъ изданіи П. Н. Батюшкова «Литва и Бѣлоруссія».
- 746.** Біографическія свѣдѣнія о ген.-ад. О. О. Радецкомъ.
— Перепечатка изъ № 8 «Кievск. Стар» воспоминаній М. К. Чалаго о К. Д. Ушинскомъ.
- 747.** Праздникъ въ Лаврѣ 14 августа.
- 748.** Кievскіе генераль-губернаторы. (Списокъ ихъ; есть ошибки).
- Волинскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 21—23.** 21—23. Историко-статистическое описаніе церковей и приходовъ волинской епархіи. С. Хорушань, с. Головчинцы, 1-й благочиннической округъ дубенск. у.: с. Бударажъ, с. Пѣвче, с. Буца, с. Бѣлашевъ, м. Варковичи, с. Бѣлобережье, с. Дермань, с. Жарновъ, с. Збытинъ, с. Княгининъ, с. Кувинъ, с. Уѣзды.
- 21.** Нѣсколько мыслей по поводу воссоединенія съ православною церковью чеховъ въ с. Волковыяхъ дубенск. у.
— Годичный актъ въ волинскомъ женскомъ енарх. училищѣ.
— Уніаты въ австрійской имперіи.
— С. С. Гогоцкій (некрологъ).
- 22.** Церковное торжество по случаю 50-лѣтія со времени воссоединенія уніатовъ съ православною церковью въ м. Домбровицѣ, ровенск. уѣзда.
- 23.** Отчетъ о дѣятельности Св.-Владимірскаго православнаго братства въ г. Владиміръ-Волинскомъ за 1888 г. и опись предметовъ, поступившихъ въ древлехранилище братства.
— Библиографич. замѣтка о книгѣ Е. Н. Дверницкаго «Памятники древняго православія въ г. Владиміръ-Волинскомъ».
- Волинь №№ 116—140.** 122. Передовая статья по поводу 25-лѣтія существованія газеты «Кievлянинъ».
- 126.** Перепечатка изъ іюльск. книжки «Кievск. Старины» воспоминаній г. Дворжицкаго-Богдановича о курскомъ губернаторѣ Денѣ.

Подольскія Епарх. Вѣдомости №№ 29—32 29. Воспоминаніе о митрополитѣ Іосифѣ Сѣмашкѣ.

— Празднованіе IV округомъ каменецкаго у. 50 лѣтія воссоединенія униатовъ.

— С. С. Гогоцкій (некрологъ). Переп. изъ «Кіевл.».

30. Отвѣтъ впр. Алексія архіеп. литовскаго на привѣтственную телеграмму пр. Доната еп. подольскаго по случаю 50 лѣтія воссоединенія униатовъ.

— Празднованіе 50-лѣтія воссоединенія униатовъ въ с. Малой Косницѣ, ямпольскаго уѣзда.

— Историч. свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнію Подолія.

— Реставрація Кіево-Софійскаго собора.

31. Посѣщеніе преосв. Димитріемъ еп. балтскимъ г. Балты и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, сель и мѣстечекъ подольск. епархіи въ 1888 г.

— Празднованіе V округомъ проскуривскаго у. 50-лѣтія воссоединенія униатовъ.

— Эпизодъ изъ временъ воссоединенія униатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Прот. Н. Михневича.

32. Проповѣди, произнесенныя во время празднованія въ м. Немировѣ 50 лѣтія воссоединенія униатовъ.

Черниговскія Епарх. Извѣстія 13—15. 13. Сказаніе о смерти блж. Константина митроп. кіевского, въ Черниговѣ скончавшагося. (Изъ Четы-Миней, іюня 5).

— Рѣчь къ празднованію въ черниговскомъ дух. училищѣ 8 іюля 1889 г. 50-лѣтняго юбилея воссоединенія униатовъ. М. Михайловскаго.

14, 15. Краткій очеркъ исторіи литовской церковной униі, пути проведенія и состояніе ея отъ начала до воссоединенія униатовъ 1839 г.

Черниговскія Губ. Вѣдомости 58—65. 60, 62, 65. Къ исторіи края. Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. IV. Глуховскій уѣздъ. 1. Кулябка. 2. Туманскій. 3. Гудовичъ. 4. Паульсонъ. 5. Жайворонковъ. 6. Иваненко. 7. Миклашевскій. 8. Омеляновичъ. 9. Борковский. 10. Миклашевская. 11. Фененко. 12. Карпѣка. 13. Уманецъ Ф. 14. Папаримскій. 15. Уманецъ Вас. 16. Халкиданскій. 17. Митяшевичъ. 18. Шликевичъ. 19. Миклашевская М. 20. Александровичъ. 21. Мирковский. 22. Вивда. 23. Высокій. 24. Адамовичъ. 25. Уманецъ Ив. 26. Товстоногъ. 27. Троцкий. 28. Высокій Як. 29. Коробкина. 30. Войцехъ. 31. Полонскій. 32. Базилевичъ Вас. 33. Делѣянсъ. 34. Пуранскій. 35. Константиновичъ. 36. Романовская. 37. Козловскій. 38. Карновичъ. 39. Коротковъ. 40. Шапочниковъ. 41. Ефремовскій. 42. Дубровскій. 43. Гудима-Мосепзовскій. 44. Яновъ. 45. Вивда Дем. 46. Даниловъ. 47. Рѣшетянскій. 48. Кулѣшевъ. 49. Кобасъ. 50. Соляниковъ. 51. Дорошенко Лук. 52. Нарбутъ. 53. Дорошенко Мих. 54. Василенко.

55. Галяховскій. 56. Лазаревичъ Яковъ. 57. Лазаревичи Гавр. и Коз. 58. Зарубинъ.

63. Корреспонденція изъ Остра о поискахъ клада и о мѣстныхъ памятникахъ древности (переп. изъ Кіевского Слова).

Земскій Сборникъ Черниговской губ. №№ 3—4. 3, 4. Первые шаги шелководства въ черниговской губ. С. Лисенка.

— Въ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіяхъ очереднаго губ. земскаго собранія 1888 г. пренія по вопросу о перенесеніи въ Черниговъ мощей св. князя Михаила черниговскаго.

Полтавскія Епарх. Вѣдомости №№ 14—15. 14. Рѣчь по поводу 50-лѣтія воссоединенія униатовъ прот. Терлецаго.

Одесскій Вѣстникъ №№ 184—200. 184. Къ исторіи одесскаго мѣстнаго отдѣленія Краснаго креста.

185. Путеводитель по Крыму, Сосногоровой и Караулова (рецензія).

187, 191. Къ исторіи елисаветградскаго «Общества распространенія ремеслъ и грамотности».

188. Памятникъ ген.-ад. Дрентельну (корресп. изъ Кіева).

189. Некрологъ мѣстнаго литератора Конст. Вас. Ханацкаго.

190. Объ открытіи въ Одессѣ съ 30 авг. новой еженедѣльной газеты «Школьное обозрѣніе».

191. Къ исторіи «Общества попечительства о женскомъ образованіи въ г. Екатеринославѣ».

192. Школы въ одесскомъ уѣздѣ (статистическій обзоръ).

195. Роль литературы въ политикѣ славянъ (по поводу раздора и полемики галицко-русскихъ партій).

196. О возрожденіи въ южной Россіи чумачества (по поводу статьи «Русск. Курьера»).

— Изъ одесской старины. В. Яковлева.

— Отчетъ о первомъ представленіи драмы Кукольника «Азовское сидѣнье».

198. Къ исторіи «Николаевского общества для устройства ночлежныхъ пріютовъ».

199. О десятичникахъ въ херсонской губерніи.

Одесскій Листокъ 1889 г. №№ 114—136. 114. Перечатано изъ «Новостей» извѣстіе о томъ, что въ екатериносл. губ. у одного изъ землевладельцевъ имѣется цѣлая коллекція предметовъ, употреблявшихся запорожскими козаками.

121. Извѣстіе о раскопкѣ г. Эварницкимъ кургана въ д. Богодаръ, александровск. уѣз. екатериносл. губ.

131. То же извѣстіе, нѣсколько подробнѣе изложенное.

136. Перепечатано изъ ст. проф. Багал'я («Кіевская Старина» 1889 г. № № 5—6) объ основаніи города Одессы.

Елисаветградскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 94—180. 94. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. Очень коротенькій историческій очеркъ.

Легенда о Петрѣ В. Перепечатка изъ Черниг. Губ. Вѣдомостей.

95. О спектакляхъ товарищества малорусскихъ артистовъ въ Елисаветградѣ. Статья *Подорожняю.*

96. Страничка изъ исторіи театра галицкихъ малороссовъ. Перепечатано изъ «Зари» 1885 г.

101. Кое что изъ сравнительной антропология славянъ. Это—продолженіе статьи, напечатанной равьше (последняя стат. см. въ № 59). Продолжается въ №№ 109-мъ, 112-мъ.

103. Крапанки и писанки на Воляни. Стат. *Д. Г.—скаю.*

114. По поводу программы, составленной комиссіей собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ.

117. Перепечатка изъ статьи г. Эварницкаго «Переправа черезъ Днѣпровскіе пороги» (Историч. Вѣстн. 1888 г. № 1), гдѣ разсказывается о гонкѣ плотовъ плотовщиками—бѣлоруссами.

121. Письмо ректора императ. хар. университета съ приглашеніемъ къ пожертвованію на постановку памятника В. Н. Каразину.

123. Древнія типографіи на Воляни. Перепечатка изъ Вол. Губ. Вѣд.

130. Отзывъ о піесѣ г-жи Шабельской «Пидъ Ивана Купала».

131. Кое что къ археологической картѣ херсонской губ. Стат. сельскаго учителя *А. Мажно.* Продолжается въ №№ 148-мъ, 162-мъ, 166-мъ.

137. Омелько Каторжный. Разск. *Дж. Марковича.* Это переводъ съ малорусскаго яз.; оригиналъ помѣщенъ въ сборникѣ «Степь» Спб. 1886 г.

142. Къ вопросу о сооруженіи памятника Каразину. Стат. *Ю. П.—аю.*

174. Печать о Малороссіи. Статья, знакомящая съ отзывомъ иностранцевъ о малорусскихъ пѣсняхъ.

175 На Вовчомъ Хуторѣ. Разказъ *Дж. Марковича.* Перепечатано изъ «Кіевск. Стар.» 1889 г. № 8.

179. Старинныя украинскія пѣсни въ болгарскомъ селѣ. Стат. *Нетяи.*

Сборникъ Херсонскаго Земства № 4. 4. Въ отдѣлѣ «Дѣятельность херсонскаго земства» нѣкоторыя свѣдѣнія о хлѣбной торговлѣ и состояніи сельскаго хозяйства въ херсонской губерніи.

4, 5. Статистика движенія населенія въ херсонской г. въ 1887 г. *М. Уварова.*

— Объ археологической картѣ херсонской губерніи *В. Ястребова.*

— Въ Приложеніяхъ: Статистическое описаніе тираспольскаго (отд. III и IV) и аваньскаго (отд. I.) уѣздовъ.

5. О состояніи народныхъ школъ въ Херсонѣ и на подгородныхъ хуторахъ въ 1888 г.

— Статистич. описаніе херсонскаго и тираспольскаго уѣздовъ.

6. Обь организаціи физико-географическихъ изслѣдованій на юго-западѣ Россіи. А. Клоссовскаго.

— Статистич. описаніе херсонскаго уѣзда.

7. Фенологическія наблюденія, произведенныя на юго-западѣ Россіи въ 1888 г. Проф. А. Клоссовскаго.

— Статистич. описаніе ананьевскаго уѣзда.

Кишиневскія Епарх. Вѣдомости №№ 14—15. 14, 15. Преосв. Варлаамъ, еп. минскій и туровскій.

Крымъ №№ 80—94. 81. Воспоминаніе о полезной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ князя Потемкина-Таврическаго по поводу предстоящаго столѣтія его кончины (1791 г.) и мнѣніе о необходимости постановки ему памятника въ Симферополѣ.

87. Перепечатка изъ іюл. книжки «Кіев. Старинны» воспоминаній г. Дворжицкаго-Богдановича о курскомъ губернаторѣ Девѣ.

92. Замѣтка о проектѣ проф. А. Клоссовскаго относительно организаціи физико-географическихъ изслѣдованій на югѣ Россіи.

— Замѣтка обь археологическихъ раскопкахъ подъ наблюденіемъ П. Варсоболюка въ Херсонесѣ и обь открытыхъ развалинахъ нѣсколькихъ древнихъ храмовъ.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 14—15. 14. Торжество столѣтія приходскаго храма въ слоб. Прогорѣлой, богучарскаго уѣзда.

— Образцовая школа при воронежской семинаріи.

Донская Рѣчь №№ 84—89. Пропавшіе акты по исторіи Дона. Сизякина.

Кубанскія Областныя Вѣдомости №№ 28—31. 28, 29. Историческіе документы запорожскаго сѣчеваго архива. 1) Указъ Сената отъ 11 іюня 1745 г. кошевому атаману Василю Григорьевичу и всему войску запорожскому о томъ, чтобы запорожцы для рыбныхъ ловель на кубанской сторонѣ моря въ непринадлежащіе Россіи мѣста не вѣзжали и обидъ кубанцамъ не чинили; 2) Инструкція, данная кошевымъ атаманомъ Якимомъ Игнатовичемъ въ 1754 г. войсковому эсауду, полковнику Петру Кальнишевскому обь искорененіи недобрыхъ сыновъ, злодѣевъ между войскомъ запорожскимъ; 3) Указъ отъ 7 іюня 1744 г. кiev. ген.-губернатору Леонтьеву обь отношеніяхъ къ полякамъ въ задѣланныхъ поселеніяхъ; 4) Ордеръ гетмана К. Разумовскаго кошевому атаману о мѣрахъ противъ разбойниковъ и о присылкѣ обвиняемыхъ въ разбоѣ въ Глуховъ; 4) «Милостивое слово» имп. Елизаветы гетману Разумовскому отъ 19 сентября 1759 года по поводу жалобъ крымскаго хана на обиды и разбои запорожцевъ.

80. Къ вопросу о рыболовныхъ мѣстахъ, принадлежавшихъ кн. Потемкину-Таврическому въ Черноморіи. П. П. Короленка.

Курскій Листокъ №№ 82—95. 82, 85. Первые шаги курскаго губернскаго земства по народному образованію. Богдановича.

89. Мѣстные и отхожіе промыслы.

90. Участіе земства въ открытіи курскаго реальнаго училища. П. Богдановича.

91. Въ окрестностяхъ Коренной пустыни.

Орловскій Вѣстникъ №№ 87—104. 87. Болховъ. Краткій истор. очеркъ. Прибавленіе къ № 97. Въ отдѣлѣ «Замѣтки» о возрожденіи чумачества на югѣ Россіи.

104. Въ отдѣлѣ «Дневникъ» О переселенческомъ движеніи.

Минскій Листокъ №№ 53—62. № 54.—Замѣтка о предстоящемъ празднованіи въ 1893 году столѣтія присоединенія Подолія къ Россіи и о предпринимаемомъ по этому поводу изданіи историческихъ матеріаловъ.

Литовскія Епарх. Вѣдомости №№ 27—31, № 27—28.—Телеграммы и адреса по поводу 50-лѣтія воссоединенія униатовъ.

29—30. Рѣчи, сказанныя въ г. Вильнѣ 8 іюня 1889 г. по поводу 50-лѣтія воссоединенія униатовъ.

— Церковище Евьевскаго православнаго монастыря во имя Успенія «Святыхъ Пречистыхъ». И. С.

Варшавскій Дневникъ №№ 150—178. № 155.—Статья Вавэса: «Фабричная промышленность царства Польскаго» (окончаніе въ №№ 156 и 160).

157.—Разборъ «Памятной книжки Плоцкой губерніи на 1889-й годъ», съ извлеченіемъ данныхъ о состояніи губерніи.

163.—Замѣтка о древностяхъ Херсонеса и о раскопкахъ.

164. Корреспонденція изъ мѣст. Корца (новоградъ-волинскаго уѣзда), въ которой излагается исторія этого мѣстечка.

172.—Разборъ книги: «Głos z ludu w kwestii polskiej Napisał chłop. Warszawa. 1889», содержащей въ себѣ историко-политическое обозрѣніе Польши съ XVI вѣка (окончаніе въ № 174).

Червоная Русь №№ 143—160. 143. Краткая замѣтка о брошюрѣ Стрѣльбцака «50-лѣтіе воссоединенія бѣлорусскихъ униатовъ».

150. Промышленные школы въ Галичинѣ.

151 Литература и искусство. Краткіе отзывы о № 6 «Науки», № 14 «Новаго Галичанина», № 11—12 «Русской Правды» и о статьѣ К. Э. Франдоза въ Neue freie Presse о малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

151—154, 157—160. Чужіе стихи въ Галичинѣ. По поводу книги В. Левицкаго «Nasze, czy obce żywioly».

156. Эмиграція изъ Галичивы.

-- Литература и искусство. Краткія замѣтки о № VII—VIII Русской Библиотеки и о Календарѣ Общества Качковского.

Зоря № 9, 10, 13 и 14. Черезъ що баба Макрина богомилкою стала.—
О. Катренка.

9. Новобранчикъ — поэма Ю. Федьковича.

9—14. Стефанъ Качала—политично суспильна студія — Ом. Калитовскаго.

9—14. Исторія литературы русской.—Ом. Огоновскаго. Пер. новый. 1. Кирило Тополя, 2. Иванъ Озаркевичъ, 3. Рудольфъ Махъ, 4. Игнатій Якимовичъ. Краткій списокъ писателей, оставившихъ послѣ себя драматическія произведенія, и списокъ нѣкоторыхъ драмъ, написанныхъ на малороссійскомъ языкѣ. Періодъ новый. Б. Проза: а) повѣсти 1. Григорій Квѣтка-Основяненко.

9—14. О археологично-библіографичной выставкѣ Ставропигійскаго института—П. Скобельскаго.

— Ще о товариствѣ им. Шевченка.

9—11. Въ справѣ видносинъ украинцѣвъ до російской литературы.

— Библіографични звѣстки. О *góralach ruskich w Galicyi*. Орлеанська дѣва. Кіевская Старина № 2 и 3. 1889, Ognisko, г. № 1. Енько Какъ и откуда добывается шелкъ. Русины въ *Revue Britanique*. «Кіевская Старина» № 4 1889 г. I. Франко Смерть Каина. Огоновскаго Грамматика руського языка. Селцкаго Жите св. Ивана Золотоустого.

11. Оряся. Разск. М. Максименковой.

12. Чубатый. Начеркъ Вячеслава Потапенка.

— Пригородне село. Очеркъ М. Сиромахи.

13—14. Чума. I. Франка.

— Бѣла Павна. Переводъ повѣсти Г. А. Мачтета.

— Записки въ Служебнику, печатаніиъ 1666 року.

— Библіографични звѣстки. 11. Исторія литературы русской. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Ч. II. Галицко-русская бібліографія за 1888 г. Составилъ Ив. Ем. Левицкій. 12. Учитель, органъ руского тов. педагогичного, число 1. 13—14. Иванъ Манджура. Степови думы та спивы. Де два цилуються, третій губъ не протягай. Водевиль Г. М. Бораковскаго. Галицко русская бібліографія XIX ст. Вып. VIII. Кіевская Старина 5—6.

Gazeta Polska №№ 40—140. 40, 41. Рецензія на книгу: «Историческая замѣтка о 75-лѣтіи витебской гимназіи», составленную учителемъ гимназіи Сапуновымъ.

93 Въ статкѣ «Путешествіе по Жмуди» описываются нѣкоторые тамошніе обряды свадебные и похоронные. За нѣсколько дней до свадьбы товарищи жениха стараются похитить невѣсту, являясь переодѣтыми: то подъ видомъ нищихъ, то подъ видомъ забредшихъ случайно прохожихъ; иногда даже облакаютъ

въ шкуры животныхъ. При похоронахъ гробъ съ покойникомъ ставятъ на телѣгу и всѣ сопровождающіе размѣщаются на немъ другъ возлѣ друга такъ, что со стороны гробъ не замѣтенъ; затѣмъ съ пѣніемъ похоронныхъ пѣсней ѣдутъ на кладбище.

120. Сообщается объ открытіи въ Варшавѣ этнографическаго музея, среди коллекцій котораго видное мѣсто занимаетъ альбомъ подольскихъ и бессарабскихъ типовъ, подаренный музею г. Греймомъ изъ Каменецъ-Подольска.

126. Некрологъ писателя Петра Яксы-Быковскаго.

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи.

Вейнбергъ Л. В. Распространеніе христіанства на Украинѣ (Краткій историч. очеркъ, составлен. по неизд. документамъ). Изслѣдованіе. Воронежъ. 1889. 8 д. 80 стр.

Воскресенскій В. Медико-санитарный очеркъ Лукьяновки, предмѣстья г. Киева. К. 1889. 16 д. 27 стр.

244 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 16 мая 1889 г. Од. 8 д. 5 стр.

Житіе и творенія св. Дмитрія митрополита ростовскаго. М. 8 д. 127 стр.

Котляревскій И. П. Енеида, перелицеванная на малороссійскій языкъ. (Деш. библ. № 84) Изд. А. Суворина Сиб. 12 д. 273.

Лазаревскій Ал. Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря (1682—1775) (Оттискъ изъ «Кіев. Старинны») К. 1889. 8 д. 40 стр.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. 8 д. 90+III стр.

Отзывы нѣкоторыхъ газетъ о бывшемъ полтавскомъ губернаторѣ Е. О. Янковскомъ. Полтава. 1889. 8 д. 19 стр.

Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ за 1888 г. Од. 1889. 8 д. 150+24+14+15 стр.+2 табл.

Отчетъ распорядительнаго комитета одесск. общества для устройства девевыхъ ночлежныхъ пріютовъ за 1888—89 г. Од. 1889. 8 д. 35 стр.

Сапуновъ А. Историческія судьбы полоцкой епархіи съ древнѣйшихъ временъ до пол. XIX в. 8 д. 170 стр.

Святловскій Е. В. Земская медицина въ черниговской губ. въ 1886 г. Черниговъ. 1889. 8 д. 38 стр. + 1 карта.

Смилка И. На Кубани. Оповідання. Харьковъ 1889. 16 д. 27 стр.

Смилка И. На півночі. Оповідання. Харьковъ. 1889. 16 д. 30 стр.

Тарасенко И. На Украини. Вирши, писни и переспявы. 1889. Кіевъ, 16 д. 79+IV стр.

Цепть Н. Дачи въ окрестностяхъ Чернигова. Черниговскіе дачники. К. 1889, 16 д. II+5 стр.

Яворченко Д. Екатеринославъ. (Старое и новое). Ред. и изд. А. И. Егорова. Екатеринославъ. 1889. 8 д. 16 стр.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Сентябрь, 1889 г.

	СТР.
I. Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи Анад. К. А. Трутовскаго. (съ 5 рис. его же)	585—596
II. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. (Окончаніе). М. И. Лилеева.	597—614
III. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (Этнографическій очеркъ). III. (Окончаніе). М. Н. Васильева	615—630
IV. Культурныя переживанія. LVIII—LXXI. Проф. Н. Ѳ. Сумцова.	631—652
V. Лирники. Валеріана Боржковскаго.	653—708
VI. Воспоминанія М. Н. Чалаго.	709—726
VII. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). Ф. Равиты . .	727—751
VIII. Документы, Извѣстія и Запѣтки. Запѣтка о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г. Бориса Познанскаго. Поѣздка въ Кирилівку. (Запѣтка къ біографіи Т. Г. Шевченка. Ю. Д. Тально-Гринцевича. Легенда о «Петровомъ батогѣ». Ив. Манджуры. У гуцуловъ. Къ біографіи Тимофея Цыцуры. Сообщилъ Н. О. Кравченна. Польскій театръ въ Каменцѣ въ 1860—61 гг. 800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ. П. Г.	752—780
X. Дя справокъ.	780
X. Библіографія. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и издавныя археографическою комиссіею. Томъ четырнадцатый (дополненіе къ III тому). Ив. Н. Иванъ Манджура.	

- Степовы думы та спивы. **В. Г. Ж. Topolnicki.** Mара do dzijów Polski. Второе издание (съ помощью краковской академіи наукъ) исправл. и дополненное по новѣйшимъ изслѣд. **Ц. Неймана.** Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій разсказъ для народнаго чтенія) составилъ священникъ Павелъ Аѳонскій. 1889. Его же: Православныя святыни города Минска. 1889. **И. Наманина.** Casopis Musea království českého. 1888. Выпускъ III—IV. **А. Степовича.** Обзорѣніе газетъ и журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи. . . . . 781—810
- Приложеніе: 1) Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи.
-

СО ДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXVI 1889 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

	СТР.
I. Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. Проф. И. И. Малышевскаго.	1—27, 325—353
II. Культурныя переживанія. Профессора Н. Ѳ. Сумцова.	28—40, 378—427, 631—654
III. Кіевское городское управленіе въ 1786 г. III. (Окончаніе). Н. В. Молчановскаго.	47—63
IV. Русалка. (Этнографич. разсказъ). Ганны Барвинокъ. . .	64—109
V. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Проф. Д. И. Багалтя.	110—148
VI. Воспоминанія М. К. Чалаго.	149—187, 456—467, 709—726
VII. Нечистая сила. (Повѣсть). Переводъ съ польскаго. К. М.	188—220, 461—514
VIII. Два намѣстника. А. Е.	221—231
IX. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (Этнографическій очеркъ). М. К. Васильева.	354—376, 615, 640
X. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубѣ. М. И. Лилеева.	377—401, 597—614
XI. На «Вовчомъ хуторѣ». Дмитрія Марновича.	427—435
XII. Страничка изъ прошлаго г. Переяслава. А. А.	468—490
XIII. Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. Акад. К. А. Трутовскаго.	585—596
XIV. Лирныя. Валеріана Боржиковскаго.	653—708
XV. Ѳома Падурра. (Критическій очеркъ). Ф. Равиты.	727—751

- XVI. Документы Извѣстія и Замѣтки. Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. **А. Лобко**. Изъ бумагъ **К. А. Лохвицкаго**. **Н. Н. Оглоблина**. Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра дела-Флиза **Н. Б.** Церковная старина пирятинскаго уѣзда. **Ап. Залѣскаго**. Жалоба новомлинскаго сотника на новомлинскаго намѣстника. Сообщилъ **И. А. Л—но**. Воспоминанія о бывшемъ курскомъ губернаторѣ **Денѣ**. Сообщилъ **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ**. Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 г. **Маріе —евича**. Владиміръ-Волынское братства. **О. Л.** Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. **Л. П.** Народный праздникъ св. мучениковъ **Маккавеевъ** **Хр. П. Ящуржинскаго**. Изъ воспоминаній о быломъ. (Со словъ рассказчика). **Л.***** Къ исторіи Глушковской фабрики. Сообщ. **Н. А. Добротворскій**. Вариантъ пѣсни о **Кармелюкѣ**. Пѣсня сахарно-заводская. Малороссійская губернія. **П. Кнителица**. Странное слово. **В. Б.** Десятилѣтіе каневской публичной библиотеки (1878—1887 года). **В. Гаврыша**. Замѣтка о саранчѣ, бывшей въ **Кіевщинѣ** въ 1861 г. **Бориса Познанскаго**. Поѣздка въ **Кириловку**. (Замѣтка къ біографіи **Т. Г. Шевченка**). **Ю. Д. Талько-Гринцевича**. Легенда о «**Петровомъ батогѣ**». **Ив. Манджуры**. У гудуловъ. Къ біографіи **Тимофея Цыцуры**. Сообщилъ **Н. О.** Изъ народныхъ рассказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ. **Кравченна**. Польскій театръ въ **Каменцѣ** въ 1860—61 гг. 800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ **Кіево-Печерской лаврѣ**. **П. Г.** . . . . . 232—292, 515—549, 752—780
- XVII. Для справокъ. . . . . 291—292, 550—552, 780
- XVIII. Библиографія. **Лучицкій И.** Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1839. **Ив. Новицкаго**. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Вып. 6, 1888 г. Вып. 7, 1889. **А. Степовича**. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его куль-

турнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ 17 января 1889 г. Проф. Д. И. Багалъемъ. Харьковъ. 1889 г. **И. Каманина**. Н. Н. Любавичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава. 1889 г. **И. Каманина**. Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городского общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ, съ 1872 по 1888 г. Кременчугъ. 1889 г. **Ө. Н.** Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ томъ 47: Сочиненія А. А. Котляревскаго т. I. Спб. 1889 г. **А. Степовича**. Кіево Златоверхо-Михайловскій монастырь. Историч. очеркъ отъ основанія его до настоящаго времени. Изданіе означеннаго монастыря. Кіевъ. 1889 года. **П. Голубовскаго**. Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Исслѣдованіе кандидата правъ Михаила Ясинскаго. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина**. Богданъ Хмельницкій въ войнахъ съ поляками. По «Исторіи козаковъ» Чарновскаго составилъ П. И. Музыкантовъ. Кіевъ. 1889 г. **И. Каманина**. Ruch, kalendarz encyklopedyczny na 1889 г. Wydawnictwo Przeglądu Tygodniowego. Варшава. 1889. **И. Новицкаго**. Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею. Томъ четырнадцатый (дополненіе къ III тому). **Ив. Н. Иванъ** Манджура. Степовы думы та спивы. **В. Г. J. Topolnicki**. Мара do dziejów Polski. Второе изданіе (съ помощью краковской академіи наукъ) испр. и дополненное по новѣйшимъ изслѣд. **Ц. Неймана**. Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историческій рассказъ для народнаго чтенія) составилъ священникъ Павелъ Аѳонскій. 1889. Его же: Православныя святцыи города Минска. 1889. **И. Каманина**. Casopis Musea královstvi českého. 1888. Выпускъ III—IV. **А. Степовича**. Обзорніе газетъ и

IV

СТР.

журналовъ за 1889 годъ. Книги, вышедшія въ
концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю.
Россіи.. . . . . 293—324, 552—584, 781—810

Приложенія: 1) Мемуары, касающіяся исторіи ю. Россіи.

2) Алфавитный указатель личныхъ именъ къ наказамъ
малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

гл. 24, гдѣ говорится: „Дѣла же лѣтѣи окончавшесѣа, пріять измѣненію Феликсъ Поркіа Фиста“ (ст. 27). У насъ, напротивъ, тѣ, кто посылаются куда либо, еще прежде чѣмъ окажутъ заслуги, получаютъ много денегъ изъ казны, хотя по большей части возвращаются ничего не сдѣлавши, но причинивши значительныя притѣвленія тѣмъ, черезъ владѣнія которыхъ пролегалъ ихъ путь, и разоривши ихъ требованіемъ доставки лошадей; эта повинность у насъ называется *подвода*. Въ Москвитинѣ только говецъ, нуждающійся въ очень сильной вѣдѣ по государственнымъ дѣламъ, можетъ такимъ способомъ пользоваться лошадьми. Эти гонцы, благодаря быстрой вѣдѣ и частой переѣвѣ усталыхъ лошадей (которыя содержатся съ этою цѣлью быстрыя и здоровыя во многихъ мѣстахъ), чрезвычайно скоро сообщаютъ извѣстія. Напротивъ того въ Литвѣ канцелярія вашего величества весьма щедро раздаетъ дипломы на право пользованія такою вѣдою; и нередко подводы расходуются для перевозки частнаго имущества придворныхъ, а потому, вѣдѣніи ихъ недостатка, мы безъ оповѣщенія подвергаемся нападению враговъ, своимъ появленіемъ предупреждающихъ извѣстіе о ихъ появленіи, посланное отъ границы. Не такъ давно еще освобождены были отъ этой повинности лица, издавна получившія помѣстья съ обязательствомъ доставлять подводы на всѣхъ путяхъ отъ границъ московскихъ, татарскихъ и турецкихъ въ нашу столицу Вильно. Эти давныя имъ привилегіи слѣдовало бы уничтожить, какъ вредныя для государственныхъ интересовъ.

У насъ очень много московскихъ перебѣжчиковъ, которые, развѣдавши наши дѣла, средства и финансы и изучивъ наши нравы, потомъ свободно возвращаются въ свою страну, а пока находятся здѣсь, тайно передаютъ своимъ наши планы. У татаръ они отдаются въ рабство, у ливонцевъ предаются смерти, хотя москвитане и не отторгли у нихъ никакой области и связаны съ ними трактатомъ вѣчнаго мира и соедѣской дружбы; притомъ совершившій такое убійство кромѣ имущества убитаго получаетъ еще денежную награду отъ правительства, потому что ливонцы повинуются поученію Исуса сына Сирахова: „Но ими вѣры врагу твоему во вѣки...“

не постави его при себѣ, да не когда, взринувъ ты, станеть на иѣствѣ твоемъ“ (Гл. XII, ст. 10—12). Если бы и мы слѣдовали этому правилу, то не утратили бы Сѣверской области и замковъ, вмѣстѣ съ которыми отъ насъ отпали Можайскъ и Вязьма¹⁾. Города эти были бѣдны, когда поступили къ намъ, а отъ насъ отошли богатые и усиленные цѣлыми областями, которыя были поручены ихъ управленію.

Народъ московскій хитрый и вѣроломный, неискренній и непостоянный; возвратившись въ свое отечество, люди эти становятся вождями и самоувѣренно опустошаютъ наши области. Въ числѣ московскихъ перебѣзчиковъ, которые въ темныя ночи убивали людей въ Вильнѣ и освобождали изъ темницы своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, былъ одинъ священникъ, который, добывая тайно изъ королевской канцеляріи копии договоровъ, рѣшеній и протоколовъ совѣщаній, посылалъ ихъ своему князю; другой купилъ для употребленія при чародѣйствѣ св. причастіе, сохраненное иѣдкою дѣвцею при исполненіи этого таинства. Когда сгорѣло Вильно въ 1529 году, эти прощрливые и преступные люди тотчасъ донесли о томъ своему князю. Тогда въ соборной церкви св. Станислава, крытой свинцомъ съ позолоченными куполами, украшенной многими золотыми и серебряными сосудами и драгоценными камнями, сгорѣло около 300 старинныхъ знаменъ, добытыхъ во время побѣдъ, одержанныхъ надъ русскими, москвитянами, иѣмцами и другими народами, а также 12 новыхъ знаменъ, повѣшенныхъ тамъ послѣ побѣды, одержанной надъ москвитянами у Орши 8-го сентября въ день рождества Богородицы 1514 года, въ которой было убито и взято въ плѣнъ 80,000 человекъ. Хитрый великій князь объявлялъ награды тѣмъ перебѣзчикамъ, которые пожелають возвратиться, хотя бы это были люди неважные и бесполезные: рабу обѣщаль свободу, человекъ простаго знанія—дворянство, несостоятельному

¹⁾ Въ текстѣ городъ этотъ названъ *Ozomatitz*; вслѣдствіи несогласія историческихъ событій, мы полагаемъ, что подъ этимъ именемъ, видимо искаженнымъ, должно разумѣть Вязьму (въ окрестности которой протекаетъ рѣка Осма), которую въ 1494 году овладѣлъ полководецъ Іоанна III, князь Данилъ Васильевичъ Щекя.

должнику—прощеніе долга, преступнику—избавленіе отъ законной отвѣтственности.

Намъ принадлежитъ знаменитый замокъ и городъ Кіевъ, который, подобно другимъ крѣпостямъ, содержится небрежно, хотя съ кіевскихъ высотъ видны многія области, какъ гласитъ русская поговорка. Онъ занимаетъ первостепенное мѣсто среди другихъ замковъ и областей и расположенъ надъ рѣкою на границѣ степи, и Полѣсьи. Почва кіевской области до того плодородна и удобна для обработки, что нива, вспаханная только разъ паромъ быковъ, даетъ обильнѣйшій урожай; даже невоздѣланныя поля производятъ растенія, питающія людей своими корнями и стволами. Здѣсь растутъ деревья, дающія разнообразныя яблчные плоды, воздѣлывается винная лоза, дающая большія кисти винограда, и мѣстами, на склонахъ, встрѣчается дикій виноградъ. Старые дубы и буки, въ которыхъ отъ ветхости образовались дупла, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, отличающимися прекраснымъ цвѣтомъ и вкусомъ.—Дикихъ звѣрей: зубровъ, дикихъ лошадей и оленей такое множество въ лѣсахъ и на поляхъ, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо, по причинѣ большого его изобилія, бросаютъ, за исключеніемъ филейныхъ частей; ланями и дикими кабанами совсѣмъ гнушаются. Дикія козы въ такомъ огромномъ количествѣ перебѣгаютъ зимою изъ степей въ лѣса и лѣтомъ обратно въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ ихъ до тысячи въ годъ. По берегамъ рѣкъ во множествѣ встрѣчаются поселенія бобровъ. Птиць такое поразительное множество, что весною мальчики наполняютъ цѣлыя лодки яйцами дикихъ утокъ, гусей, журавлей и лебедей, а потомъ ихъ итенцами наполняютъ итичники. Орляты запираютъ въ клѣтки ради ихъ перьевъ, которыя прикрѣпляютъ къ стрѣламъ. Собакъ кормятъ мясомъ дикихъ звѣрей и рыбою, такъ какъ рѣки изобилуютъ всевропатнымъ количествомъ осетровъ и другихъ большихъ рыбъ, поднимающихся изъ моря вверхъ по рѣкамъ въ прѣсную воду. Поэтому многія рѣки называются золотыми, особенно Припять, которая въ одномъ мѣстѣ вблизи

Мозыря, при устьи рѣки Тура¹⁾, съ накопленіемъ снѣжной воды изъ источниковъ ежегодно, въ началѣ марта, валозияется такимъ множествомъ рыбы, что брошенное въ нее копье ущемляется и стоять отвѣсно, словно водруженное въ землю—такъ густо сбивается тамъ рыба. Я бы не повѣрилъ этому, если бы самъ не видалъ зачастую, какъ оттуда непрерывно черпали рыбу и наполняли ею въ одинъ день до 1000 возовъ, принадлежавшихъ пріѣзжимъ купцамъ, которые ежегодно съѣзжаются къ этому времени.

Борисоенъ самый большая и обильная рѣка въ этой странѣ, по ней доставляютъ въ Кіевъ безмѣрное количество рыбы и другихъ товаровъ. Съ востока выше Кіева съ нею соединяются: Десна, Сеймъ и другія рѣки, вытекающія изъ Сѣверщины и Московіи. Съ сѣверозапада и юга въ Борисоенъ впадаютъ: Сожь, Березина, Припять, Словення, Ушь, Тетеревъ, Ирпень, воды которыхъ увеличиваются притоками, каковы: Вехра, Провля, Инуть, Друть, Бобръ, Титва, Птичь, Случь, Оросъ, Стырь, Горынь, Пина²⁾.—Кромѣ того много другихъ рѣкъ вливается въ Днѣпръ сверху и снизу, вытекая изъ Литвы, Руси, Волыни и Московіи. По всѣмъ этимъ рѣкамъ сплавляютъ въ Кіевъ рыбу, мясо, вѣха, медъ, а также

¹⁾ Очевидно въ текстѣ сдѣлана ошибка или въ опредѣленіи мѣстности, или въ имени рѣки, если подъ именемъ Тура слѣдуетъ разумѣть притокъ Припяти Турію, то мѣстность указана неверно, такъ какъ Турія впадаетъ въ Припять почти у ея верховья—въ коньской уѣздѣ волынской губ., слѣдовательно очень далеко отъ Мозыря. Если же мѣстность въ текстѣ указана вѣрно, то ошибка произошла въ названіи рѣки; вблизи Мозыря впадаютъ въ Припять три болѣе значительныхъ притока: Словення, Птичь и Уборть, можетъ быть авторъ ими послѣдней замѣнилъ въ Туръ.

²⁾ Имена многихъ рѣкъ значительно измѣнены въ текстѣ, такъ Словення, Ушь, Ирпень, Провля, Птичь въ латинскомъ текстѣ написаны такъ: Slogz znia, Ussa, Kriew, Provasz, Pczit. Что такое Титва, мы не могли догадаться; судя по мѣсту, какое занимаетъ въ перечнѣ эта рѣка, можно предположить, что это притокъ Припяти—Пина.—Сверхъ того въ перечнѣ вкралась географическія ошибки: Сеймъ Словення и Ушь названы въ числѣ притоковъ Днѣпра, между тѣмъ какъ первый впадаетъ въ Десну, а двѣ другія въ Припять; за то р. Друть, притокъ Днѣпра, помѣщена въ числѣ притоковъ Сожи и Березины. Изъ числа перечисленныхъ второстепенныхъ притоковъ впадаютъ въ Сожь: Вехра, Провля и Инуть; въ Березину—Бобръ; въ Припять—Пина (?) Птичь (съ притокомъ Оросомъ), Случь (сѣверная), Пина (при посредствѣ Ячмиди), Стырь, Горынь, Словення и Ушь.

соль изъ таврическихъ лимановъ, называемыхъ Качибеевыми¹⁾, гдѣ нагрузка солью цѣлаго корабля стоитъ 10 стрѣль.

Борисоенъ представляетъ удобство для защиты всѣхъ областей нашего величества отъ набѣговъ татаръ, потому что плаваніе по немъ ниже Черкасъ затрудняется одиннадцатью порогами, выѣющими особня имена и залогающими поперегъ рѣки въ видѣ острыхъ и черовныхъ утесовъ, такъ что переправа черезъ нихъ возможна только на судахъ разгруженныхъ; сверхъ того, вслѣдствіи характера береговъ, покрытыхъ высокими, отвѣсными скалами, затрудненъ самый доступъ въ рѣкѣ и переправа черезъ нее возможна ниже Черкасъ только въ немногихъ мѣстахъ, называемыхъ: Кременчугъ, Ускы, Гербедеевъ Рогъ, Мишурипъ, Кичкасъ, Таванъ, Бургуиъ, Тягния и Очаковъ. Если бы въ этихъ мѣстахъ расположить хотя небольшія флотиліи, то онѣ могли бы преградить переправу самымъ численнѣйшимъ татарскимъ войскамъ, потому что татары обыкновенно переправляются безъ лодокъ, держась за лошадей, безъ оружія и нагіе, ихъ легко могли бы прогнать вооруженные люди, выѣхавши на встрѣчу въ лодкахъ изъ за островковъ, камышей и кустовъ лозы.

Насколько нашъ Борисоенъ удобенъ для перекопцевъ лѣтомъ, настолько онъ выгоденъ для нихъ зимою, потому что тогда, съ прекращеніемъ судоходства, они съ полною безопасностью пасутъ свои стада за рвомъ на островахъ и среди лозовыхъ зарослей на этой рѣкѣ; они называютъ ее текущею медомъ и молокомъ, потому что рѣка эта въ верхнемъ своемъ теченіи пролегаетъ по странамъ лѣсамъ, богатнѣйшимъ пчелами, а въ нижнемъ по степямъ, обильнѣйшимъ пастбищами, и потому доставляетъ въ изобиліи медъ и молоко жителямъ своего побережья; эти соображенія побуждаютъ татаръ заботиться о сохраненіи мира и союза съ владѣльцемъ Борисоена, великимъ княземъ литовскимъ. Рѣка эта отъ верховья своего до устья протекаетъ по старымъ литовскимъ владѣніямъ у городовъ, которые я осматривалъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Дубровна,

¹⁾ Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду Хаджибейскій лиманъ, лежащій вблизи восточней Одессы.

Орши, Могилева, Рогачева, Выхова, Рѣчицы, Любеча, Чернобыля, Кіева, Канева, Черкасъ и Данева или Очакова, у котораго Днѣпръ впадаетъ въ море, раздѣлившись на 12 гирлъ, сливающихся дальше въ одинъ лиманъ. Недалекъ отсюда находится устье Днѣстра, называемое Видовиць (озеромъ) по имени поэта Овидія, который былъ сосланъ, какъ полагаютъ, на этотъ берегъ Повта. Нѣкоторые полагаютъ также, что Иліювь или Троя находилась на кіевской землѣ, среди ея плодородныхъ полей и пріятныхъ рощъ. Тамъ видны ея слѣды въ существующихъ помнѣхъ развалинахъ, — сводахъ, подземельяхъ, высланныхъ мраморомъ, полахъ и остаткахъ большихъ стѣвъ. Мѣсто это, еще недавно пустынное, но весьма удобное для поселенія, называется Торговица ¹⁾).

Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо нѣтъ пути болѣе обычнаго, какъ древняя, давно проложенная и хорошо извѣстная дорога, ведущая изъ черноморскаго порта, города Кафи, черезъ ворота Таврики, на таванскій перевозъ на Днѣпрѣ, а отсюда стѣнью въ Кіевъ; по этой дорогѣ отправляютъ изъ Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи и Сиріи на сѣверъ въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію и Данію всѣ восточные товары, какъ то: дорогіе каменья, шелкъ и шелковыя ткани, ладанъ, благовонія, шафранъ, перецъ и другіи пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляютъ отряды, иногда въ тысячу человѣкъ, называемые *караванами*, и сопровождаютъ обозы, состоящіе изъ многочисленныхъ нагруженныхъ возовъ и навьюченныхъ верблюдовъ. Прежде эти караваны платили значительную пошлину предкамъ вашего величества, при переправѣ черезъ Борисоень у Таганки; тамъ и помнѣхъ сохранилось въ цѣлости каменное зданіе со сводами, которое и наши, и татары, и греки называютъ Витовтовою банею ²⁾, и рассказываютъ, что въ немъ жилъ нѣкогда мытникъ великаго

¹⁾ Торговица — мѣстечко кіевской губерніи, уманскаго уѣзда, на р. Синюхѣ, на границѣ херсонской губерніи и уѣзда.

²⁾ Въ текстѣ Vitordium (sic) balneum. — Таганью называется одинъ изъ днѣпровскихъ острововъ, лежащій противъ мѣстечка Таганки (херсонской губерніи и уѣзда).

квѣжства литовскаго, собиравшій пошлину; если же кто не улачивалъ пошлины, или захваченъ былъ въ прелюбодѣяніи, того наказывали въ Кіевѣ конфискаціею всего имущества; законъ этотъ, называемый *осмьничествомъ* ¹⁾, былъ постановленъ въ видахъ обуздаванія сарацинской похотливости и соблюдался въ теченіи многихъ столѣтій, но въ послѣднее время началъ приходить въ забвеніе.

Если же купцы, избѣгая двухъ переправъ черезъ Борисовень и не желая платить пошлины вашему величеству, оставляютъ старую дорогу, пролегающую черезъ владѣнія вашего величества и отъ таврическихъ воротъ сворачиваютъ внизъ, а затѣмъ направляются по непроходимымъ степямъ въ Московію черезъ Путивль, или возвращаются этимъ путемъ, то часто случается, что ихъ грабятъ разбойники, скитающіеся въ тѣхъ мѣстахъ.

При проходѣ каравана значительные доходы извлекаютъ кіевскіе жители: воеводы, мытники, купцы, мѣнялы, лодочники, извозчики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало понимѣнія чужихъ жалобъ, ни со стороны москвичей, ни турокъ, ни татаръ. Кіевляне пользуются выгодами отъ каравановъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, проходя зимою черезъ степи, обиваются съ пути и гибнутъ подъ снѣжными заносами.

Въ невзрачныхъ кіевскихъ хатахъ встрѣчается не только достатокъ, но даже изобиліе плодовъ, овощей, меду, мяса и рыбы; сверхъ того, вслѣдствіи вышеуказанныхъ причинъ, овѣ до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоценными

¹⁾ Осмьникъ былъ чиновникъ, назначавшійся кіевскимъ воеводою для сбора пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ Кіевъ; сверхъ того на его обязанности лежало наблюденіе за общественнымъ благочиніемъ. Въ уставной грамотѣ, выданной городу Кіеву в. к. Александромъ Невзмировичемъ отъ 14 мая 1499 г., точно опредѣлены обязанности осмьниковъ и размѣры взимаемыхъ ими пошлинъ; здѣсь имъ встрѣчаемъ постановленіе, являющее подтвержденіе извѣстія Михаила Лыгина: „Когда осмьникъ воеводѣ заставитъ котораго мѣщанина, або купца, а либо воеводу христіанина въ бѣдѣмъ головами нечестивы рѣчи дѣлати, или намѣстнику митрополитому съ того врозная рѣчи, а воеводѣ съ того внии вѣна грошей; а коли застанеть осмьникъ въ таковыхъ рѣчахъ гости: турчина, або татарина, а либо армянина, тогда воеводѣ съ таково внии дванадцать колъ грошей“.—(Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи т. I, стр. 194).

камнями, собольими и другими мѣхами и приносами, что мѣ самому случалось видѣть шелькъ, обходившейся дешевле, нежели въ Вильнѣ ленъ, и перецъ дешевле соли.

Кіевъ славится стеченіемъ народонаселенія на его землѣ; на Борисовѣ и его притокахъ расположены многочисленные города и села, жители которыхъ съ дѣтства привычны къ плаванію, судоходству, рыбной ловлѣ и охотѣ; многіе изъ нихъ, убѣгая отъ родительской власти, труда, рабства, наказаній, долговъ и другихъ непріятностей, или же просто отыскивая болѣе выгодный заработокъ и лучшую мѣстность, собираются въ Кіевщину особенно весною. Познакомившись съ удобствами жизни въ низовыхъ городахъ, они никогда уже не возвращаются къ своимъ, вскорѣ пріобрѣтаютъ опытность и храбрость и знакомятся съ опасностями, охотясь на медвѣдей и зубровъ. Потому въ этой странѣ весьма легко набрать хорошихъ воиновъ.

Кіевъ былъ вѣкогда столицею русскихъ и московскихъ князей; здѣсь они приняли христіанство и теперь еще въ Кіевѣ сохранились древнія церкви, великолѣпно выстроенныя изъ полированного мрамора и другихъ иноземныхъ матеріаловъ и крытыя свинцомъ и мѣдью, выны съ позолоченными куполами; есть также богатѣйшіе монастыри. Особенно славится монастырь, посвященный пресвятой Дѣвѣ Маріи; въ его подземныхъ галлерейхъ и пещерахъ находятся многочисленныя гробницы, въ которыхъ сохраняются мощи сухія и нетлѣнныя; онѣ пользуются большимъ уваженіемъ у русскаго народа, который признаетъ ихъ святыми. — Такъ какъ установилось мнѣніе, что души погребенныхъ здѣсь лицъ удостоиваются спасенія, то всѣ болѣе значительно дворяне, даже изъ отдаленныхъ мѣстностей, хлопочуть о томъ, чтобы быть здѣсь похороненными, расточая съ этою цѣлью большія средства на пожертвованія и вклады. Московскій князь собираетъ ежегодно значительные доходы съ тѣхъ имѣній этого монастыря, которыя оточили въ его владѣнія; но онъ медлитъ возвратитъ ихъ монастырю, потому что самъ страстно желаетъ овладѣть этимъ городомъ, утверждая, что онъ потомокъ наследственнаго кіевского князя Владиміра; не мѣже скорбѣть и

его подданные о томъ, что не владѣютъ этою древнею столицею своихъ вѣнценосцевъ и средоточіемъ своей святини.

При всѣхъ указанныхъ выгодахъ этого города есть и въкото- рыхъ неудобства; жители не безопасны отъ татаръ, которые произ- водятъ набѣги на границы, хотя и не пытаются завоевать города. Пріѣзжіе подвергаются опаснымъ лихорадкамъ, происходящимъ отъ дневнаго сна и отъ излишняго употребленія рыбы и плодовъ, а лошади болѣютъ отъ травы, зараженной разливами рыбообильнаго Борисовна. Поѣвны часто истребляются саранчею, прилетающею изъ приморскихъ странъ. Въ лѣсахъ и по берегамъ водъ зарождаются, преимущественно въ началѣ юня, подобныя пчелинымъ роямъ различ- ныхъ насѣкомыхъ, питающихся кровью: оводовъ, комаровъ и мухъ.

Сокращеніе десятаго отрывка.

Татары, турки и другіе сарацины имѣютъ общую религію или законъ, напоминающій іудейство и несторіанскую ересь: они исповѣ- дываютъ единого Бога, Христа признаютъ лишь святымъ пророкомъ и верховнымъ судьей міра, рожденнымъ отъ пречистой Дѣвы, но не вѣрятъ къ Христовы страсти. Они соблюдаютъ обрѣзаніе, но производятъ его въ зрѣломъ возрастѣ, въ которомъ былъ обрѣзанъ ихъ патріархъ Измаиль. Утверждаютъ, что это ученіе возникло въ арабскохъ городѣ Меккѣ, около 600 года христіанской эры, по почину евреевъ, переселившихся туда послѣ разрушенія Іерусалима, и влѣдствіи казни нѣкоего негоднаго монаха и отступника Сергія, дѣйствовавшаго во вредъ христіанству. Распространителемъ ученія былъ нѣкій безумецъ арабъ, человекъ весьма хитрый, сдѣлавшійся изъ возница мужемъ и господиномъ богатой жены; онъ стремился къ верховной власти надъ единоземцами, но, не достигнувъ этой цѣли, провозгласилъ себя вѣстникомъ и пророкомъ Господнимъ, въ чемъ и убѣдилъ арабовъ язычникомъ. Законъ этотъ, который они считаютъ своимъ долгомъ распространять оружіемъ, до того велѣтъ, что полагаетъ высшее благо и наслажденіе въ удовольствіяхъ, кото- рыми будто бы будутъ пользоваться блаженные въ будущей жизни

посредствомъ вкуса, осязанія и другихъ ви́шнихъ чувствъ. Коси́я въ столь скотскомъ зиблужденіи, эти варвары кичатся однако, будто они превосходятъ насъ любовью къ Богу и бляжнему и дѣлами, угодными величію Божію, утверждаютъ, что за это Господь милостивъ къ нимъ и, по человѣческому легкомыслію, надѣются, что Онъ будетъ все больше и больше увеличивать ихъ благосостояніе. Насъ же, христіанъ, вслѣдствіи крайняго нашего перадѣнія о дѣлахъ божественныхъ, а также объидъ и несправедливостей, которыя мы причиняемъ другъ другу, они порицають, осѣиваютъ, называютъ незаконными варварами, носящими только имя Христова, но не исполняющими его закона, предвѣщаютъ намъ гибель и считаютъ недостойными своего общества.

Они свято соблюдаютъ правосудіе, неунышно стараются о распространеніи своего вѣроученія, день начинаютъ и оканчиваютъ молитвою; молятся ежедневно утромъ, вечеромъ и по полудни, отъ исполненія этой обязанности не позволяютъ отвлекать себя по какому бы то ни было дѣлу и не возлагаютъ молитвы на однихъ священниковъ. Послѣдніе хотя и существуютъ у нихъ для совершенія богослуженія и толкованія закона, но какъ духовныя, такъ в міринѣ, каждый за себя насидиѣ и сообща въ публичныхъ собраніяхъ исповѣдуютъ Бога. Всегда трезвые, обмывъ члены очистительною водою, они, согласно священному писавію, почитаютъ святою ту землю, на которой бесѣдуютъ съ Богомъ, и простираются на ней, не употребляя въ храмахъ никакихъ сѣдалищъ. Во время молитвы прибѣгаютъ къ извѣстнымъ, предписаннымъ закономъ звачамъ и тѣлодвиженіямъ: простирають руки къ небу, преклоняють колѣна, стибаясь до земли, припадають къ ней лицомъ, всѣмъ сердцемъ и и всѣми членами творить молитву, въ которой повторяють немногія слова, преимущественно слѣдующія: „Единому безсмертному Богу, Создателю неба и земли, кромѣ котораго нѣтъ иного Бога, честь и слава во вѣки вѣковъ“.

Съ молитвою они соединяють постъ и смиряють себя по цѣлымъ днимъ не только голодомъ и жаждою, но и воздержаніемъ отъ всякой непристойной работы и слова; они до глубокой ночи

хлопочуть только о дѣлахъ богоугодныхъ. потому вѣшаютъ пищу не въ изнѣстствѣ, но только для возстановленія силъ. Они смѣются надъ нашими постами, но сопряженными ни съ голодомъ, ни съ жаждою, ни съ тепломъ, ни съ размысленіемъ о божественныхъ предметахъ, ни съ бдѣніемъ, ни съ молитвою.

Они щедры въ раздачѣ милостыни, не допускаютъ никого изъ своихъ нищенствовать или погибать отъ голода и холода. Оказывая благотворенія, они поступаютъ разсудительно: не подаютъ тѣмъ, которые употребили бы ихъ милостыню для удовольствонія обжорства или роскоши, но помогаютъ бѣднымъ, больнымъ, странникамъ, ученикамъ, изучающимъ науки и ихъ религіозные обряды.

Исслѣдованіе божественныхъ тайнъ они считаютъ незаконнымъ и кощунствомъ. Они гнушаются нашею дерзостью и называютъ дѣломъ аспидскимъ то, что нѣкоторые изъ насъ разсуждаютъ на нирахъ о судахъ и тайнахъ божественныхъ, все употребляя имя Божье. Татары смѣются надъ нашими духовными и пророками, осуждаютъ храмы за ихъ утварь, сѣдалища, алтари и иконы, за изображеніе Бога въ возрастѣ близкомъ къ старости и изображенія красивыхъ женщинъ, возбуждающихъ страсти; смѣются надъ тѣмъ, что мы во время богослуженія улаждаемъ свой слухъ трубами, органами, гармоніями, заслушающими слова молитвы, между тѣмъ какъ естественно наши органы молчатъ.

Ихъ духовныя лица не грѣшатъ ни скупою, ни честолюбіемъ, они не предаются удовольствіямъ, не заботятся о приобретеніи похвѣстій и совсѣмъ не вмѣшиваются въ мірскія дѣла; они умеренны, кротки, скромны, ревностны въ исполненіи своихъ обязанностей и заняты исключительно дѣлами вѣры и толкованіемъ закона.

Нашихъ священниковъ порицаютъ не только язычники, но и сосѣди наши русскіе за то, что они пьютъ вино, составляющее предметъ роскоши, ѣдятъ мясо и не женятся, хотя чувствуютъ желаніе производить себѣ подобныхъ; но никто не можетъ быть воздержнымъ безъ особой въ этомъ отношеніи милости Божьей; такъ отъ женитбы воздерживаются греческіе монахи, живущіе въ безбрачій, что же касается священниковъ, то они въ древности

имѣли жень, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ священнаго писанія: Левитъ глава 21, ст. 3, Эздры гл. 9, Давида гл. 14, Іезекііля гл. 44, Баруха гл. 6, евангеліе отъ Луки гл. 1, ст. 10, 18, посланіе къ Титу I.

Если бы и наши теперь поступали также, воздерживаясь три дня передъ совершеніемъ свхаристіи, то жили бы благочестивѣе, чѣмъ въ этомъ мнимоъ безбрачій; они изнѣжены пиршествами, постоянно сгораютъ страстью и держатъ наложницъ, т. е. по словамъ Софоніи „скверняютъ святая“. Однако мы возлагаемъ на этихъ наемниковъ обязанность хвалить Господа, которую находимъ обременительною для себя, а они между тѣмъ скорѣе раздражаютъ Бога своими развратными нравами, чѣмъ умиляютъ его; эту обязанность, возложенную на нихъ мірянами, они въ свою очередь слагаютъ на небрежныхъ викарїевъ, а сами предаются праздности и роскоши и, поѣдая трудъ народа, подобно тому какъ трутни поѣдаютъ медъ ичель, они пируютъ, роскошно одѣваются, легкомысленно добиваются духовныхъ должностей, нѣсколькихъ совмѣстно, не достигнувъ еще совершеннаго возраста и не испытавши своихъ способностей, и потомъ погружаются въ мірскія, непристойныя для нихъ дѣла.

Нѣкогда священникамъ не дозволено было владѣть частью земли имѣтѣ съ народомъ Божиимъ и они пользовались только десятинами; но наши не довольствуются десятинами, подаяніями за отпущеніе грѣховъ и разными другими доходами, которые взимаютъ съ богатыхъ и бѣдныхъ, съ новорожденныхъ, заключающихъ браки, большихъ, умирающихъ и мертвыхъ; владѣя богатыми помѣстьями, они стремятся завѣдывать управленіемъ нѣсколькихъ церквей совмѣстно, во вредъ обществу и противно праву и здравому смыслу, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ не живутъ при тѣхъ церквяхъ, въ которыхъ вошли непрзванные, по словамъ Господа нашего, не въ дверь, но какъ тати и разбойники. Самые церкви они отдаютъ на откупъ мірянамъ, торговцамъ, развратникамъ, такъ что многіе изъ нихъ никогда и не видали своихъ приходскихъ монастырей.—Если бы кто отъ границъ Польши до всей Литвы, Жмуди и Руси осхотрѣлъ все церкви, изъ которыхъ каждая могла

бы своими доходами прокормить иѣсколькихъ священниковъ, онъ не нашель бы ни одной такой, при которой пастыръ живетъ постоянно, или по крайней мѣрѣ часто посѣщаетъ ее; потому и колеблется вѣра пасомыхъ, охладѣваетъ любовь къ Богу и останавливается прославленіе его имени.

Но я не хочу навлекать на себя вражды священниковъ, которымъ мы должны повиноваться; и безъ того я задѣлъ слишкомъ много общественныхъ группъ. Довольно того, что я указалъ условія, исправивши которыя мы будемъ жить счастливѣе на славу нашего королевскаго величества, особенно же во славу Возжію.

К О Н Е Ц Ъ .

Извлеченіе изъ записокъ Блеза де Виженеръ.

(1573).

На избирательномъ сеймѣ, состоявшемъ въ Варшавѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1573 года, въ король польскіе избранъ былъ Генрихъ Валуа герцогъ Анжу, братъ французскаго короля Карла IX, (впоследствии Генрихъ III). Для ознакомленія новаго короля съ государствомъ, въ управленіе которымъ онъ долженъ былъ вступить немедленно, необходимо было составить по мѣрѣ возможности обстоятельную записку. Составленіе ея было поручено Блезу де Виженеръ, который весьма быстро исполнилъ возложенное на него порученіе. Уже въ іюль 1573 года обширная записка, составленная Виженеромъ, поступила въ печать, какъ это видно изъ королевской привилегіи, данной его издателю Жану Ришеру, владѣльцу университетской типографіи въ Парижѣ. — Сочиненіе это, изданное in 4-to, носитъ слѣдующее заглавіе: „La description du Royaume de Pologne et pays adjacens, avec les statuts, constitutions, moeurs, et façons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigenère, secrétaire de feu Monseigneur le Duc de Nivernois. A Paris, chez Jean Richr libraire, rue saint Jean de Latran, à l'enseigne de l'arbre Verdoyant, 1573. Avec privilège du roi“.

Книга состоитъ, кромѣ выходнаго листа, изъ напечатана королевская привилегія, изъ 94 печатныхъ листковъ (188 страницъ) текста. Въ началѣ помѣщено, въ видѣ предисловія, общее описаніе польскаго государства, въ которомъ авторъ опредѣляетъ его границы: „отъ Одера на рубежѣ Бранденбургіи до славной

рѣки Борисена и отъ береговъ Понта Евксинскаго, до котораго простираются крайнія части Подолія. — до Сѣвернаго океана у береговъ Помераніи, Пруссіи, Жмуди и Ливоніи“. Затѣмъ авторъ говоритъ о численности населенія, о значительныхъ военныхъ силахъ, доставляемыхъ дворянскимъ ополченіемъ, старается опредѣлить главныя черты народнаго характера жителей, отмѣчаетъ плодородіе почвы, важнѣйшія ея произведенія и важнѣйшія статьи выѣшней торговли; при изобиліи продуктовъ, доставляемыхъ почвою, онъ указываетъ только на недостатокъ вина, которое не производится въ Польшѣ „за исключеніемъ только Руси и Подолія“. Глава эта заканчивается обширною похвалою заслугамъ, краснорѣчію и дипломатическому такту Іоанна Монтелюка, епископа виленьскаго, который, въ качествѣ французскаго посланника на избирательномъ сеймѣ, успѣлъ склонить польскихъ дворянъ къ выбору въ короли Генриха Валуа. Затѣмъ сочиненіе раздѣлено на отдѣльныя главы, изъ которыхъ двѣнадцать посвящены болѣе подробному описанію отдѣльныхъ областей польскаго государства; главы эти слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: великая и малая Польша, Русь (Червоная), Воляня, Подоліе, Мазовія, Буявія, Литва, (въ приложеніи къ описанію этой области мы находимъ подробное описаніе зубра, тура и лося), Жмудь, Ливонія, Пруссія и Померанія, Силезія, Валахія.

Далѣе слѣдуютъ четырнадцать главъ, посвященныхъ описанію государственнаго устройства Польши; эти главы носятъ слѣдующія заглавія: о штатахъ королевства, о епископахъ, о воеводахъ, о кастелянахъ, о старостахъ, о судьяхъ, о канцлерѣ и подканцлерѣ, о подкоморіяхъ, о маршалахъ, о сеймахъ, о порядкѣ избранія королей, о военномъ дѣлѣ, о финансахъ, о монетѣ. — Затѣмъ идутъ двѣ обширныя главы: о татарахъ и московскомъ государствѣ и наконецъ сочиненіе заканчивается перечисленіемъ маршрутовъ и путей, ведущихъ изъ Парижа въ Польшу, а также соединяющихъ между собою важнѣйшіе города польскаго государства.

Къ тексту сочиненія приложены: карта польскаго государства, генеалогическая таблица рода Гедымина, и рисунки, изображающіе тура, лося и охоту на зубра.

Сочиненіе Виженера даетъ понятіе о той суммѣ свѣдѣній, относящихся къ восточной половинѣ Европы, какою обладали на западѣ лица, спеціально занимавшіеся изученіемъ восточно-европейскихъ отношеній. При составленіи даннаго сочиненія авторъ имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Польши и нѣсколько болѣе общія, но довольно вѣрныя свѣдѣнія о географіи, этнографіи и производительности страны; за то его историческія данныя въ большинствѣ случаевъ являются или совершенно ошибочными или сбивчивыми.

Изъ записокъ Виженера мы представляемъ въ переводѣ только тѣ немногія главы, которыя относятся къ описанію южной Руси.

К. М.

Русь (Червоная).

Южная Русь, составляющая часть всей Руси, о которой будетъ сказано подробнѣе въ отдѣльной главѣ, простирается вдоль Сирматскихъ горъ, которыя мѣстные жители называютъ Татрами и которыя защищаютъ ее съ юга до самой рѣки Днѣстра у предѣловъ Валахіи. Граница эта представляетъ наибольшую ширину этой области, ибо спускаясь по направленію къ Малой Польшѣ и слѣдуя по теченію рѣки Буга, отдѣляющаго Русь съ востока отъ Волыни, территория ея постепенно суживается на подобіе щита, вершина котораго оканчивается ниже Люблина и люблинской земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся предѣлы Литвы, Мазовіи и Волыни. Въ этой провинціи много прекрасныхъ городовъ, изъ нихъ главный Львовъ, гдѣ находится и кафедрa архіепископа. Край этотъ весьма хорошъ, очень плодороденъ, хорошо населенъ и былъ бы еще многоязыченъ, если бы не набѣги и вторженія татаръ, которые по большей части и не выходятъ отсюда. Впрочемъ на границахъ Подолія и Волыни, въ направленіи Каменца, Дунаевецъ и Вишнева содержатся обыкновенно хорошіе и крѣпкіе гарнизоны съ цѣлью задерживать ихъ. Въ содержаніи этихъ гарнизоновъ участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ всѣ сословія государства безъ всякаго исключенія, даже придворные

чины великаго князя, соотвѣтственно такѣ, установленной съ этою цѣлью королемъ Сигизмудомъ I, въ Быдгощи въ 1520 году ¹⁾.

Первый изъ князей польскихъ, нападавшихъ на Русь, о которомъ можно говорить съ достовѣрностью и съ точнымъ обозначеніемъ времени, былъ Болеславъ I, христіанскій король; въ 1008 году онъ выигралъ два большія сраженія противъ Ярослава, взявъ городъ Кіевъ, столицу всѣхъ провинцій, носившихъ въ то время имя Руси и подчинявшихся ея господству, и поручилъ его охрану Святополку, брату Ярослава. Десять лѣтъ спустя онъ одержалъ еще одну крупную побѣду надъ Ярославомъ. Затѣмъ его сынъ и наследникъ Мечиславъ окончательно смирилъ послѣдняго. Но во время междуцарствія въ малолѣтство Казимира I русскіе имѣли возможность освободиться отъ ига и подчиненія полякамъ и причинить имъ много бѣдствій и урона въ ихъ собственной землѣ. Тѣмъ не менѣе все это было улажено посредствомъ женитьбы Казимира на сестрѣ вышеупомянутаго Ярослава въ 1042 года ²⁾. Такимъ образомъ все пребывало въ покоѣ до времени его сына, Болеслава II, который былъ самымъ предприимчивымъ изъ польскихъ королей по отношенію къ Руси; ибо въ 1074 году онъ силою захватилъ Кіевъ, Перемышль и Луцкъ и вообще всю страну, которую обложили большими даними и валогами. Здѣсь онъ провелъ большую часть своего царствованія, благодаря удовольствіямъ и наслажденіямъ, какія находили здѣсь.

Но та Русь, о которой мы намѣрены говорить, не простирается такъ далеко, такъ какъ Волынская земля, окаймленная по ту сторону рѣкою Случью, отдѣляетъ ее отъ Кіевской земли, которая простирается до рѣки Борисовна на востокъ и которую впоследствии овладѣли москвитяне вмѣстѣ съ провинціею Сѣверскою,

¹⁾ Свѣдѣніе это не точно. Въ быдгошской конституціи 1520 года мы встрѣчаемъ лишь общія постановленія относительно порядка мобилизаціи дворянскаго ополченія въ Польшѣ, но въ ней нѣтъ специальныхъ мѣръ относительно защиты границъ Руси отъ татаръ (*Voluntaria legum* т. I, стр. 177, fol. 392—393).

²⁾ Марія-Доброгидъза, дочь Владимира св. отдава Ярославоу въ замужество за Казимира. (Карамзинъ II, 33; Погодинъ — Пислядваніи, замѣч. и лекціи V т., 212 стр.).

Смоленскомъ и другими, входившими въ составъ великаго княжества литовскаго. Оправившись за смертью Болеслава русскіе князья притянули Польшу много неприятностей и тревогъ, а тѣмъ самымъ навлекли много зла и разоренія и на собственную страну, такъ какъ Болеславъ Кривоустый, раздраженный дерзостью Ярополка и другихъ русскихъ князей, разгромилъ край изъ конца въ конецъ около 1135 года. А въ 1205 году Лешко Бѣлый одержалъ большую побѣду при Завихостѣ надъ галицкимъ княземъ Романомъ, который самъ погибъ въ битвѣ и все его войско разсѣяно.

Впослѣдствіи ¹⁾ здѣсь начали появляться татары и отсюда проникли въ Польшу, Силезію и Венгрію, гдѣ совершали жестокости, которыя можно видѣть въ жизнеописаніи Болеслава Студливаго, въ царствованіе котораго въ 1241 году, они подчинили себѣ большую половину Руси. Такъ что въ 1258 году князья Левъ и Романъ сопровождали ихъ во время набѣга, который они совершили на Польшу. Отецъ ихъ Давидъ Романовичъ ²⁾, устранивши всѣхъ прочихъ соперниковъ, сдѣлался какъ бы монархомъ и единственнымъ властелиномъ этой южной Руси, а въ 1262 году получилъ королевскій титулъ отъ папскаго легата. Но непосредственно велѣвъ за этимъ онъ, вопреки своимъ обѣщаніямъ, принялся вмѣстѣ съ другими русскими производить многія опустошенія и разоренія въ польскихъ провинціяхъ. Раздраженный этимъ Болеславъ три или четыре года спустя одержалъ надъ ними большую побѣду ³⁾, такъ что они съ тѣхъ поръ не смѣли пошевельнуться, ни сказать слова до 1277 года, когда Левъ, основатель (какъ говорятъ) города Львова, вступилъ съ большимъ войскомъ въ люблинскую землю и прошелъ дальше въ Сандомирію, гдѣ былъ разбитъ и 8,000 изъ его людей остались на мѣстѣ.

¹⁾ Въ текстѣ приведена совершенно ошибочная дата перваго появленія татаръ на Русь—1211 годъ.

²⁾ Авторъ сѣмивываетъ Романа Даниловича съ Романомъ Мстиславичемъ и въ силу того Давидъ считаетъ сыномъ перваго изъ нихъ; эта генеалогическая путаница исправлена въ переводѣ.

³⁾ Коронація Давида канскимъ легатомъ происходила въ Дротчинѣ не въ 1262, а въ 1255 году. Неудачный походъ на Польшу былъ предпринятъ не Давидомъ, а сыномъ его Шарлемъ черезъ два года послѣ смерти отца въ 1266 году.

Впрочемъ, уже въ 1285 году они снова возвратились вѣстѣ съ татарами, которые захватили въ плѣнъ безчисленное множество народа и предали ихъ смерти на русской границѣ, за исключеніемъ 20,000 дѣвицъ, которыхъ увели съ собою; въ награду своимъ союзникамъ татары отравили всѣ ихъ рѣки у источниковъ, отчего большинство русскихъ погибло. Въ 1302 году они опять появились въ Сандомирѣ и захватили тамъ богатую добычу, но на обратномъ пути поляки разбили ихъ близъ Люблина и возвратили подъ свою власть эту крѣпость 57 лѣтъ спустя послѣ того, какъ русскіе заняли ее. Наконецъ въ 1342 году Казимиръ Великій взялъ Львовъ и непосредственно вельдъ на тѣхъ Перемишль, Савокъ, Галичъ, Теробовлю, Любачевъ и весь остальной край до самаго Каменца, находящагося на окраинахъ Подолія; съ тѣхъ поръ онъ низвелъ Русь, о которой здѣсь говорится, на степень провинція, подчиненной польскому королевству, какою она остается и въ настоящее время. Затѣмъ Владиславъ сынъ Ягайла въ 1435 году¹⁾, при самомъ началѣ своего царствованія, уравнивалъ дворянство Руси и Подолія съ польскимъ для того, чтобы отымѣ оно пользовалось тѣми же правами и привилегіями и составляло одинъ народъ.

Что касается ихъ вѣроисповѣданія, то съ 980 года всѣ русскіе приняли христіанство, хотя и по греческому обряду, которое большинство изъ нихъ исповѣдываютъ и понынѣ, какъ ни стараются они скрывать это. Однако же они были обращены въ католическую вѣру еще со времени Казимира Великаго, который первый учредилъ епископскую кафедру во Львовѣ, въ 1361 году. Его преемникъ Людовикъ прибавилъ къ ней впоследствии двѣ другія: въ Перемишль и Владимірѣ и установилъ митрополичью кафедру въ Галичѣ, откуда она была впоследствии перенесена во Львовъ, а епископская переведена изъ Львова въ Каменецъ.

Жители Руси во всѣ времена были сильно преданы магіи, колдовству и другимъ ужаснымъ чародѣйствамъ. И даже въ 1431

¹⁾ Авторъ вѣроятно имѣетъ въ виду Едлинскій Статутъ Владислава Ягайловича, изданный въ 1433 году (Volumina legum I, 40, fol. 89—95).

году, когда Владиславъ Ягайло очень тѣсно осадилъ городъ Луцкъ, русскіе, захвативши въ плѣнъ нѣсколько поляковъ во время вылазки, принесли въ жертву прекраснаго молодого человѣка въ виду всего войска на городской стѣнѣ, разрѣзали ему горло и всѣ главные вожди пили по глотку горячей крови въ то время, какъ несчастный еще дышалъ. Затѣмъ, распоровши ему животъ, вынули внутренности и сердца, сложили въ большую жаровню, наполненную горящими угольями, и пошли окуривать всѣ закоулки крѣпости, примѣшая къ выходившему изъ нея дыму извѣстныя чары и магическія слова. Они были убѣждены, что при помощи этихъ волшебствъ освободятся отъ осады¹⁾.

Главный городъ страны—Львовъ, резиденція архіепископа, затѣмъ въ ней есть города: Перемишль, Кросно, Савонокъ, Ярославъ, Праворскъ, Ланцутъ, Косовъ, Стрый, Березовье (Бжозовъ).

В о л ы н ь.

Еслибы не рѣка Бугъ, отдѣляющая эту провинцію на восточной ея границѣ, то не было бы нужды давать ей особое названіе. Это одинъ народъ съ червоноруссами; у нихъ тотъ же языкъ, тѣ же нравы и обычаи. Поэтому все, что говорилось въ предыдущей главѣ о Болеславѣ II, покорившемъ Русь, должно распространяться и на весь остальной край, до рѣки Борисена, до которой простирались его завоеванія въ эту сторону. Но завоеванія Казимира Великаго не шли дальше рѣки Случи, такъ какъ, подчинивши подъ свою власть сперва южную Русь въ 1342 году, онъ уже въ 1349 овладѣлъ Луцкомъ, Владиміромъ, Холмомъ и всею остальною Волынью, которую въ то время узурпировали сыновья Гедымина, Любартъ и Кейстутъ, и которою они тотчасъ же снова овладѣли. Казиміръ

¹⁾ Эта вѣдѣная сказка вѣроятно была сочинена поляками въ укоръ литовцамъ-лявчишкамъ, входившимъ въ составъ гарнизона, защищавшаго Луцкъ отъ Ягайла; авторъ, по неопытному недоразумѣнію, вмѣняетъ эти странныя, будто бы магическія, дѣйствія жителямъ Червонной Руси, которыхъ не принимавшимъ участія ни въ осадѣ, ни въ защитѣ Луцка.

вторично отнял ее въ 1351 году и взялъ въ плѣнъ Любарта, который успѣлъ бѣжать и, собравши наскоро кое-какія силы, еще разъ водворился въ край до 1365 года, когда Базмиръ окончательно отнял у него Волынь и отдалъ Александру, сыну Коріята, оставивъ Любарту только Луцкъ и Владиміръ для того, чтобы держать его въ постоянномъ повиновеніи. Но въ 1382 году, за смертью Людовика, короля венгерскаго и польскаго, венгры, составлявшіе гарнизоны въ городахъ, продали ихъ за деньги Любарту. Съ того же времени эта провинція оставалась за Литвою приблизительно до 1432 года, когда Владиславъ Ягайло отнял ее у брата своего Свидригайла и отдалъ стародубскому князю Сигизмунду подъ условіемъ, что послѣ его смерти она должна возвратиться къ коронѣ. Такъ и случилось, когда Сигизмундъ былъ убитъ княземъ Иваномъ Чарторыйскимъ въ 1438 году, и съ того времени эта провинція принадлежать Польшѣ¹⁾.

Въ настоящее время это прекрасная и плодородная страна, обильная, подобно Литвѣ и Червонной Руси; оторганія ея округлены и ограничены съ востока рѣкою Случью, съ запада Бугомъ, южною стороною она прелегаетъ къ Руси близъ Вишневецъ, а сѣверная тянется вдоль Литвы. Главный городъ Луцкъ, другіе менѣе значительные: Владиміръ, Холмъ, Брестъ, Велькъ, Олеско, Кременецъ. Городло, Лопатинъ, Ратно и нѣкоторые другіе города и замки²⁾.

П о д о л и е.

Среди всѣхъ польскихъ владѣній болѣе другихъ подвержена опасности и разореніямъ подольская земля, представляющая открытый про-

¹⁾ Слѣдствіи автора въ этомъ отношеніи не точны: Волынь входила въ составъ великаго княжества литовскаго до люблинскаго сейма 1569 года и только на этомъ сеймѣ была отторгнута поляками. Въ 1432 году Ягайло отдалъ Сигизмунду Кейстутовичу не одну Волынь, а передалъ ему въ управленіе все великое княжество литовское. Сигизмундъ Кейстутовичъ былъ убитъ заговорщиками въ Трокахъ въ 1440 году.

²⁾ Виженеръ составилъ перечень польскихъ городовъ, основываясь на историческихъ данныхъ; въ современную ему эпоху далеко не всѣ названные имъ

ходъ, какъ бы мостъ для татаръ изъ Перекопа (или какъ его называютъ обыкновенно—Херсонеса Таврическаго), которые совершенно свободно проникаютъ этимъ путемъ на Волны, въ Червоную Русь, въ Литву и даже Польшу, если обстоятельства тому благоприятствуютъ. Это гѣмъ удобнѣе, что на пространствѣ всей этой провинціи, обнимающей около 120 миль въ длину и 20 или 30 въ ширину, нѣтъ ни одной поперечной рѣки, которая могла бы преградить или затруднить имъ путь. Да если бы даже и были такія рѣки, то вѣдь извѣстно насколько и самъ этотъ вредоносный народъ, и его лошади искусно переходятъ ихъ вплавь, или же на плотахъ, изготовляемыхъ тутъ же на мѣстѣ изъ шестовъ и бревенъ съ помощью древесныхъ вѣтвей; сюда помѣщаютъ татары свои одежды, а въ случаѣ надобности женщинъ и дѣтей, затѣмъ привязываютъ эти плоты къ хвостамъ лошадей, которыя и переправляютъ ихъ на другой берегъ. Впрочемъ, извѣстную часть года татары избавлены и отъ такого труда, такъ какъ сильныя морозы, сковывающіе льдомъ всѣ рѣки, повсюду открываютъ для нихъ путь гораздо болѣе удобный зимою, нежели лѣтомъ.

Вотъ причина, сдѣлавшая необитаемыми многія страны и даже подольскій край, который безъ этого былъ бы несомнѣнно самымъ лучшимъ и самымъ плодороднымъ въ ряду всѣхъ другихъ, находящихся подъ властью Польши, такъ какъ почва здѣсь производитъ повсемѣстно виноградъ и шелкъ безъ особнхъ заботъ со стороны человека. Мѣстныя жители не нуждались бы въ привозныхъ винахъ, еслибы сужбли найти средства оградить себя отъ татарскихъ вторженій. Впрочемъ, это было бы для нихъ чрезвычайно затруднительно, частью вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ подробнѣе въ главѣ о

города находились въ предѣлахъ Волны, хотя въ болѣе отдаленное время дѣйствительно принадлежали къ этой области. Въ концѣ XVI столѣтія Белъ и Брестъ были главными центрами отдѣльныхъ воеводствъ. Холмъ считался главнымъ городомъ холмской земли, входившей въ составъ русскаго воеводства, къ этой же землѣ находилось и Ратно; Олеско и Лопатынъ принадлежали также къ русскому воеводству, а Городло къ белскому. Такимъ образомъ изъ числа названныхъ городовъ только Луцкъ, Владимиръ, Кременецъ и Вышневецъ действительно находились на Волны.

татарахъ, частью же и потому, что со времени стычки между ними и подольскимъ дворянствомъ въ 1438 году, въ царствованіе Казимира Ягайловича, когда подольское ополченіе почти все было разбито и истреблено¹⁾, дворяне не рѣшались уже возвратиться въ край и мало по малу провинція эта опустѣла и обезлюдѣла вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ и вторженій со стороны татаръ не только переконскихъ, но и заволжскихъ, гораздо болѣе отдаленныхъ. Въ 1469 году, во времена Казимира III, эти послѣдніе перешли рѣку Борисовъ подъ предводительствомъ своего царя Маняка, разсѣялись по всей Литвѣ, Валахіи и Подоліи, повсюду причиняя многія бѣдствія и увели въ плѣнъ безчисленное множество народа. Они возвратились еще разъ въ 1474 году подъ начальствомъ Андора, сына Эцигера, и несмотря на то, что ихъ было не болѣе семи тысячъ, все таки успѣли ограбить край въ пространствѣ болѣе ста миль въ длину и тридцати въ ширину до городовъ: Каменца, Галича и Дунаевецъ и еще дальше, захвативши болѣе 40,000 плѣнныхъ²⁾ и все это вслѣдствіе небрежности вышеупомянутаго Казимира, который забавлялся въ это время какими то приготовлениями къ войнѣ съ Силезією. Въ 1494 году, въ царствованіе его

¹⁾ Подъ 1438 годомъ Длугошъ описываетъ набѣгъ Шейхъ Ахмета на Подоліе, которое подверглось полнѣйшему опустошенію; дворяне подольскіе, погнавшіеся за татарами, были разбиты на голову и многія знатныя лица погибли въ битвѣ, въ томъ числѣ подольскій староста Михайлъ Вучалкій. Длугошъ знаетъ лично одного изъ участниковъ этой битвы, Яна Влодковича, герба Судима. (Histog. Polon. lib. XI).

²⁾ Оба татарскіе набѣга: 1469 и 1474 гг. описаны подробно у Длугоша и Мартина Бѣльскаго. Виженеръ вѣроятно заимствовалъ разсказъ отъ Длугоша, со словъ котораго онъ считаетъ первый изъ этихъ набѣговъ нападениемъ заволжскихъ татаръ, но, сокращая повѣствованіе Длугоша, онъ опустилъ подробности, точнѣе опредѣляющую составъ валадавшей на Подоліе орды въ 1469 году. Длугошъ говоритъ, что это было многочисленное татарское войско, составившееся изъ Волгою изъ бѣлцевъ, разбойниковъ и кыпчакскихъ, скопище, называемое по татарски козаками¹⁾. Трудно опредѣлить, кто былъ предводитель этого скопища, называемый у Длугоша и Виженера ханомъ Манякомъ.—Около этого времени въ числѣ крымскихъ бекговъ имъ истребленъ бекъ Мамака, то самостоятельно, то по порученію Менгли-Гирея сменившася въ я. к. московскимъ и занимавшаго впоследствии должность татарскаго тумена (консула) въ Кафѣ.

Относительно набѣга 1474 года можно утверждать навѣрно, что онъ былъ предпринятъ крымцами подъ начальствомъ ихъ муринъ Айдара, сына Эцигера. Длу-

сына, короля Яна Альберта, вторглись перекопскіе татары и разбили на голову близъ вишневецкаго замка всѣхъ поляковъ, гнавшихся за ними съ цѣлью отбить захваченную ими добычу¹⁾.

Турки явились впервые правдоподобно въ 1476 году и произвели большое разореніе. Но во всякомъ случаѣ мирныя и союзныя отношенія, установившіяся съ того времени между польскими королями и османскими дворомъ, удерживали ихъ отъ дальѣйшихъ вторженій. Но вообще эта несчастная страна подвержена жестокостямъ восточныхъ варваровъ, подобно скаль, открытой для морскихъ волнъ, и было бы чрезвычайно трудно гарантировать ей безопасность и заселить ее заново.

Что касается происхожденія здѣшнихъ жителей, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они, подобно прочимъ, принадлежатъ къ славяно-русскому племени; такъ какъ я языкъ ихъ, и явыи, и обычаи почти тождественны съ таковыми же на Червонной Руси, Волыни и Литвѣ, но подчинились они полякамъ развѣ со времени Казимира Великаго, который, завоевавши около 1342 года земли перемышльскую, сандоцкую, галицкую, тербовельскую и любачевскую, прошелъ до Камениа и дальше черезъ цѣлое Подоліе. Впослѣдствіи Владиславъ Ягайло отдалъ его въ 1394 году на правахъ леннаго владѣнія своему двоюродному брату, который еще сверхъ того захватилъ силою города: Кавевъ²⁾ и Черкассы на рѣкѣ Борисенѣ или Днѣпрѣ. Но уже въ 1396 году тотъ же Ягайло отдалъ въ залогъ этотъ ленъ краковскому воеводѣ Спытку изъ Мельштына за суму въ 6,250 червонцевъ. Затѣмъ выкупили Подольскую землю у его дѣтей въ 1403 году, чтобы отдать сво-

---

гошъ указываетъ на то, что мурза предпринялъ набѣгъ безъ разрѣшенія хана и что о сборѣхъ его въ походъ заблаговременно зналъ киевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ, нѣтъ развѣ тѣсно извѣщавшій короля Казимира о грозившей опасности и просившій помощи для ея отраженія. Притомъ М. Бѣльскій указываетъ на то, что орда перенравилась черезъ Днѣстръ у Таванъ.—(Дзугомъ *Histor. Polon. lib. XIII*; М. Bielski—*Kronika Polska*, стр. 462. Смартковъ.—*Крымское ханство*, стр. 255, 256, 265).

¹⁾ См. у М. Бѣльскаго, стр. 482.

²⁾ Въ подлинникѣ *Zescominie*.

ему брату Свидригайлу, у котораго отнялъ ее уже въ 1405 г. за его неповиновеніе и дурное поведеніе и передалъ Петру Влодку изъ Харбиновичъ; отобралъ и отъ него въ 1411 году и вторично вручалъ тому же Видовуду ¹⁾, который и провладѣлъ ею до конца жизни; умеръ онъ въ 1431 году болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Итакъ, эта жалкая и несчастная подольская земля, отвоеванная у татаръ Казиміромъ II, укрѣпившимъ ее нѣсколькими замками, каковы: Каменецъ, Хотинъ, Цекиновка, Бакота, Межибожь и другіе, по смерти его перешла къ венгерскому королю Людовику, наследовавшему послѣ него польскую корону, затѣмъ досталась Ягайлу, терзавшему ее, какъ вы видѣли, но со времени этого послѣдлаго не подвергалась больше ни передачамъ, ни отчужденіямъ и могла бы воспользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ или хоть передышкою, если бы не татарскіе набѣги. Говорятъ, что почва этой страны настолько хороша и плодородна, что если оставить нѣ полѣ плугъ, то онъ въ теченіи двухъ или трехъ дней до того зарастаетъ травою, что отыскать трудно. Край изобилуетъ медомъ и воскомъ и могъ бы прокормить огромное количество стадъ, если бы возможно было разводить ихъ.

Главный городъ Каменецъ, въ которомъ находится епископъ, но городъ этотъ скорѣе можетъ быть причисленъ въ Червонной Русі, такъ какъ лежитъ на самой ея границѣ, вдали отъ опасности; онъ отстоитъ на 120 большихъ миль отъ Чернаго моря.

¹⁾ Подобно другимъ историческимъ даннымъ, свидѣнія Виженера о Подоліи довольно сбивчивы. Страна эта не была завоевана поляками при Казиміръ Великомъ въ 1342 г., но отнята у татаръ Ольгердомъ въ 1362 году, затѣмъ состояла въ управленіи князей Коріятовичей, получившихъ ее отъ Ольгерда въ ленное владѣніе. Въ 1393 г. Витовтъ за неповиновеніе сѣстилъ Федора Коріятовича и управлялъ страной посредствомъ старостъ; въ 1396 г., нуждаясь въ деньгахъ, онъ отдалъ въ залогъ западную половину Подоліи королю Ягайлу за сумму въ 20,000 червонцевъ, а тотъ перепродалъ ее за ту же сумму богатому напольскому магнату, Снитку изъ Мельшнва; послѣдній налъ въ битвѣ на берегахъ Ворскли въ 1399 г. Выступивъ Подоліе у наследниковъ Снитка, король передалъ его Свидригайлу въ 1400 г. Но въ 1404, вслѣдствіе лѣнны Свидригайла, заключившаго противъ него договоръ съ крестоносцами, отнялъ у него Подоліе и началъ управлять областью посредствомъ старостъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ, по словамъ Длугоши, Петръ Влодекъ изъ Харбиновичъ. Въ 1411 г. Витовтъ возвратилъ занятую у короля сумму,

которое составляет южную границу Подолія и съ береговъ котораго врываются татары. Съ востока и сѣвера подольская земля ограничена рѣкою Бугомъ, вливающимся въ Борисовень у крѣпости Дашева (Очаковъ); западную границу составляетъ Днѣстръ, отдѣляющій этотъ край отъ Валахін, и только незначительное пространство на сѣверо-западѣ прямо прижимается къ Червонной Руси, въ окрестности упомянутого города Каменца.

Впрочемъ вся страна принадлежитъ къ каменецкой епархіи и каменецкому воеводству. Воевода засѣдаетъ въ сенатѣ непосредственно передъ воеводою белзскимъ.

Туръ, зубръ и лось.

Urus, называемый туземцами туромъ, есть собственно порода дикаго быка, но онъ несравненно крупнѣе домашняго и среди всѣхъ животныхъ уступаетъ только одному слону. Вся его шерсть чернаго цвѣта и только вдоль хребта протекаетъ бѣловатая полоса. Водятся они на границахъ Мазовіи и Литвы и то лишь въ нѣкоторыхъ селахъ, жителямъ которыхъ вѣнчается въ обязанности охранять ихъ въ особнхъ отдѣлахъ пуши, обнесенныхъ деревянными оградами на подобіе парковъ, такъ чтобы они не могли бродить по лѣсамъ подобно другому звѣрю. Туры могутъ соединяться съ домашними коровами, но въ такомъ случаѣ они уже не допускаются себѣ подобными въ общее стадо, ихъ изгоняють съ большою настойчивостью и даже иногда убиваютъ до смерти. Телята, которыя происходятъ отъ такого смѣшенія, недолговѣчны. Мясо тура не хуже и не лучше говядины, больше всего цѣнится его кожа; изъ нея выдѣлываются прекрасные пояса, о которыхъ рассказываютъ, будто они имѣютъ свойство облегчать роды.

получилъ обратно Подольскую землю и назначалъ въ ней старостъ. Послѣ его смерти въ 1431 г. польскіе дворяне посредствомъ хитрости овладѣли каменецкимъ замкомъ и присоединили западное Подоліе къ Польшѣ. (Stadnicki—Synowie Gedymina I, 36, 89, 90. Дзугомъ. Histor. Polon. liber XI).

Вообще описаніе тура, составленное Геснеромъ, крайне ошибочно; онъ смѣшалъ тура съ зубромъ и отличительныя черты одного приписалъ другому.

Бизонъ, котораго литовцы называютъ зубромъ, животное дикое и свирѣлое; виѣшніе покровы зубра напоминаютъ льва, но въ отличіе онъ имѣетъ у подбородка большую длинную бороду; голова его невелика, глаза большіе, огненные, взглядъ косой и свирѣбный, лобъ широкій, рога огромныя и такъ раскинуты, что въ промежуткѣ между ихъ концами могли бы уѣбтаться три полновѣсные человѣка. На спинѣ помѣщается высокій горбъ дрошадера или верблюда, покрытый длинною, волнистою шерстью. Мунстеръ ошибался, принимая эти качества лосю.

Желающіе охотиться на зубра должны обладать легкостью, ловкостью и смѣлостью, такъ какъ эти животные горды и свирѣбы, не щадятъ своихъ противниковъ, будутъ ли то люди, собаки, лошади или другіи животныя. Они до того дикы, что нѣтъ никакой возможности приручить ихъ даже въ такихъ случаяхъ, если удастся овладѣть ими въ самомъ раннемъ возрастѣ. Поймать ихъ живьемъ можно только въ западнѣ, т. е. яму, прикрытую вѣтвями и листьями, какіи устраиваютъ въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ они пасутся.

Желая развлечься охотою на зубра, выбираютъ мѣстность, изрѣдка поросшую деревьями такой толцины, чтобы можно было быстро обѣгать вокругъ ствола и чтобы онъ вполне прикрывалъ собою тѣло человѣка. Расположившись по мѣстамъ за деревьями, охотники начинаютъ выгонять звѣри криками, звукомъ роговъ, а также при помощи собакъ. Замѣтивъ охотника зубръ съ яростью бросается на него, но охотникъ прячется за дерево и оттуда старается нанести ему удары рогатиною. Ярость животного усиливается отъ полученныхъ ранъ, оно пытается захватить охотника языкомъ, до такой степени жесткимъ, цѣпкимъ и бугорчатымъ, что если удается зубру достать хоть край одежды, онъ немедленно притягиваетъ человѣка, не смотря на сопротивленіе, и терзаетъ на части. Если охотникъ, бѣгающій вокругъ дерева изнемогаетъ въ борьбѣ, ему стоитъ только бросить въ сторону шапку или кусокъ краснаго сукна и животное тотчасъ

же набрасывается на этот предмет, торопясь его въ клочки ударами копытъ и роговъ, а тѣмъ временемъ охотникъ имѣетъ возможность вдохнуть и собраться съ силами. Тогда другой охотникъ, стоящій вблизи, желая принять участіе въ развлеченіи и отозвать звѣря въ свою сторону, повторяетъ два-три раза возгласъ: лу, лу, лу! Зубръ немедленно бросается къ новому противнику и такимъ образомъ охотники сивниютъ другъ друга, пока не убьютъ звѣря. Охота непрѣменно должна окончиться его смертью, такъ какъ зубръ, разъ навалившіи на человѣка, не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ двухъ противниковъ не останется на мѣстѣ.

Нѣмцы называютъ словомъ „Ellend“ животное, которое по латини называется *Alces*, полякамъ же и литовцамъ извѣстно подъ именемъ *лося* или *новада*. Но поляки совершенно ошибочно принимаютъ его за дякаго осла, на котораго онъ не похожъ ничѣмъ кромѣ ушей; ноги его двукопытны и почти совсѣмъ подобны оленьимъ, но значительно больше, такъ какъ нога лося почти равняется ногѣ быка. Рога его скорѣе напоминаютъ рога ланіела (*ceruus dama*); они раскинуты и приплюснуты въ видѣ ладони, глаже оленьихъ, мѣсто бугорчаты и испещрены бороздками чѣмъ у послѣдняго; ихъ вѣтви короче и прямѣе и цѣлый рогъ почти бѣлаго цвѣта. Лось имѣетъ довольно длинную шерсть, уши подобные ослинымъ, какъ сказано выше, и большой зубъ, висящій у шеи, морда его безобразно длинная, а верхняя губа такъ сильно выдвигается впередъ, что онъ принужденъ грызть траву пятаемъ назадъ.

Цезарь, Плиній и Павзаній писали о немъ много, но поверхностно, не ознакомившись съ нимъ, какъ это сдѣлалъ и Альбертъ Великій, несмотря на то, что жилъ значительно позже ихъ.

Слово *Ellend* на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ несчастье и дѣйствительно животное это весьма достойно сожалѣнія, если правда, что оно подвергается ежедневно припадкамъ падучей болѣзни, какъ это говорятъ о немъ. Зато его копыта обладаютъ цѣлебнымъ свойствомъ противъ той же болѣзни, если носить ихъ на шеѣ, или въ видѣ кольца на пальцѣ, а также если принимать ихъ внутрь. Животное это отличается чрезвычайною быстротою бѣга, причеиъ ско-

ростью и продолжительностью превосходить оленя; лось бѣжитъ не галопомъ, какъ другіе, но рысью и скачетъ. Если его взять живьемъ, онъ тотчасъ же издыхаетъ, какъ бы ни были ничтожны полученные имъ поврежденія; вслѣдствія этого онъ очень боязливъ, даже гораздо пугливѣ дикой козы. Однако, если удастся овладѣть очень молодыми особями, то ихъ можно приручить. Кожу его выдѣлываютъ, подобно буйволу, но въ издѣліяхъ она отличается большою крѣпостью и упругостью.

Дальше въ текстѣ слѣдуетъ описаніе города Вильно и 18 главъ, посвященныхъ большею частью внутреннему устройству и администраціи польскаго королевства, но не имѣющихъ прямого отношенія къ южно-русскимъ землямъ. Изъ главы 27-й „о войнѣ“ помѣщаемъ нѣкоторые извлеченія, представляющія существенный интересъ, опуская субъективные разсужденія автора о происхожденіи войны вообще, о ея цѣляхъ, задачахъ и приемахъ, обуславливающихъ успѣхъ.

Устройство военного дѣла въ Польшѣ.

Въ силу своихъ старинныхъ правъ дворяне, которые одни среди всѣхъ сословій носятъ оружіе въ Польшѣ, обязаны къ военной службѣ только внутри страны и на границахъ, не выходя изъ предѣловъ государства. Поэтому, если бы король пожелалъ вести ихъ дальше, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ съ ихъ согласія и за особую плату. Сверхъ того онъ обязанъ вносить выкупъ за каждаго дворянина, взятаго въ плѣнъ, а также уплачивать имъ стоимость всѣхъ утраченныхъ ими заковъ. При всемъ томъ они чрезвычайно рѣдко выступаютъ въ битву со всѣми своими силами сразу, откладываютъ генеральное сраженіе до послѣдней возможности и, даже въ случаѣ крайней необходимости, никогда не выводятъ сразу всѣхъ своихъ людей, не оставивъ нѣкотораго подкрѣпленія, къ которому можно прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ.

Поэтому главная армія никогда не подымается раньше, чѣмъ будутъ собраны предварительно частныя ополченія въ обычномъ пунктѣ

для каждой провинціи, а именно: для холмской земли въ Грубешовѣ, для белзской въ Бужскѣ, для перемышльской въ Моцискѣ, для подольской въ Камонцѣ, для саянцкой въ Санокѣ, для львовской въ Вишнѣ и для галицкой въ Тереховлѣ. Всѣ дворяне, обязанные участвовать въ походѣ, должны присутствовать на этихъ сборахъ и жѣсткий всевода производить имъ смотръ. Если кто изъ нихъ склается больнымъ, воевода отправляется къ нему съ тремя или четырьмя лицами изъ дворянъ, чтобы представить отчетъ королю. Это служитъ извиненіемъ и оправданіемъ для неявившихся, но во всякомъ случаѣ каждый долженъ предварительно подтвердить вѣтвою свое заявленіе о болѣзни за поручительствомъ четырехъ другихъ дворянъ. Но въ случаѣ, если бы подобное заявленіе оказалось ложнымъ, король имѣетъ право лишить уклоняющагося всѣхъ его владѣній какъ личныхъ, такъ и наслѣдственныхъ, и передать ихъ другому, потому что никто не вправе отказываться отъ участія въ войнѣ за исключеніемъ больныхъ, стариковъ и тѣхъ, кто удерживается по необходимости исполненіемъ какихъ либо общественныхъ должностей: подстаросты городовыхъ судовъ и коменданты пограничныхъ крѣпостей, которыя обыкновенно не поручаются лицамъ, владѣющимъ большими доходами для того, чтобы тѣмъ самымъ не уменьшать количества войска. Всѣ же прочіе обязаны присутствовать лично, или же участвовать въ размѣрѣ своего имущества, каждый въ своей области. Впрочемъ, если кто имѣетъ брата или сына, по лѣтамъ способнаго носить оружіе, то можетъ послать его вмѣсто себя подъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній не владѣлъ отдѣльною поземельною собственностью и не состоялъ при дворѣ короля или какого нибудь принца или вельжожи. Если кто владѣетъ помѣстьями въ различныхъ воеводствахъ, то личность его приязана къ его обычному мѣсту жительства, но всѣмъ же остальнымъ онъ обязанъ участвовать опредѣленнымъ количествомъ вооруженныхъ воиновъ: такъ какъ всякій дворянинъ, владѣющій землями (жалованными или наслѣдственными), помѣстьями, селами, мѣстечками и замками, безусловно обязанъ лично присутствовать въ ополченіи съ такимъ количествомъ людей и лошадей, какое соответствуетъ количеству извлекаемыхъ ими доходовъ. Также

точно поступаютъ турки по отношенію къ такъ называемымъ тима-ріотамъ. Эти собственники не получаютъ никакого вознагражденія и принуждены сами нести всё расходы, но за то и не обязаны выходить за предѣлы государства противъ своей воли или бесплатно.

Прочіе воины, не владѣющіе доходными статьями, содержатся на суммы, получаемыя отъ податей и налоговъ, обыкновенно налагаемыхъ въ такихъ случаяхъ на каждый моргъ пахатной земли и на частные дома въ городахъ. Затѣмъ существуетъ еще контрибуція, доставляемая духовенствомъ, купцами, вдовами, евреями и др. Всѣ лица, занимающія какою нибудь торговлею въ укрѣпленныхъ городахъ, (тѣмъ болѣе, что въ деревняхъ никакой торговли нѣтъ) обязаны доставлять по одному конному и вооруженному воину, если имущество ихъ достигаетъ стоимости въ 1,000 червонцевъ. Имѣющіе 500 червонцевъ доставляютъ одного пѣшаго, тѣ же, кто имѣеть меньше или больше, соединяются по нѣсколько домовъ вмѣстѣ, пока не составитя одна изъ требуемыхъ суммъ. Войты, бурмистры и райцы каждаго города обязаны строго слѣдить за правильнымъ исполненіемъ этой повинности, между тѣмъ какъ воеводы, кастеляны и тѣ, на кого угодно будетъ королю возложить это дѣло, должны созывать этихъ людей, удостовѣряться въ томъ, находятся ли сами они и ихъ вооруженія въ надлежащей исправности, и затѣмъ разсылать ихъ въ разные мѣста по своему усмотрѣнію.

Что касается духовенства и церковныхъ земель, то они облагаются такою же повинностью и доставляемые ими солдаты имѣютъ собственныхъ вождей и начальниковъ, равно какъ и солдаты, доставляемые вдовами, малолѣтними и больными, пославшими другихъ вмѣсто себя; всѣ они составляютъ особые отряды. Наконецъ и самое духовенство, даже епископы не избавлены отъ обязанности лично участвовать въ войнѣ, когда представится въ томъ необходимость, или же, когда самъ король выступаетъ въ походъ. Сверхъ того города, получающіе 1,000 червонцевъ дохода съ общаго имущества, обязаны доставлять по 10 конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей; получающіе 500 червонцевъ доставляютъ 5 человекъ, т. е. по одному всаднику за каждые 100 червонцевъ. Евреи несутъ эту по-

винность наравнѣ съ купцами, равно какъ и земледѣльцы, за исключеніемъ огородниковъ.

Вообще, когда подымается посполитное руженіе, король обыкновенно участвуетъ въ немъ лично, если только не удерживаетъ его болѣзнь или другое препятствіе. Если военныя дѣйствія происходятъ въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, то онъ отправляется на постъ самый важный и опасный, посылая на другіе воеводъ, кастелянковъ, или иныхъ лицъ по своему усмотрѣнію. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда король самъ присутствуетъ въ арміи, на ряду съ нимъ бываетъ самовникъ, который завѣдываетъ всѣмъ военнымъ дѣломъ—это гетманъ. Онъ располагаетъ лагерь, размѣщаетъ въ немъ войско, распорядится продовольствіемъ и боевыми припасами, распредѣляетъ гауптвахты, караулы и шикеты, направляетъ въ битву тѣ или другіе отряды войскъ по своему усмотрѣнію и устанавливаетъ окончательный планъ битвы. Назначаетъ его король вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ, равно какъ и другихъ военачальниковъ, называемыхъ *поручниками* ¹⁾, которыхъ они выбираютъ изъ лицъ самыхъ способныхъ въ каждомъ воеводствѣ.

Но если бы случайно такихъ лицъ въ воеводствѣ не оказалось, или же они не пожелали бы принять этой должности, то король вмѣстѣ съ гетманомъ назначаютъ ихъ изъ другого воеводства, причемъ жалованье имъ, въ размѣрѣ 100 золотыхъ за каждыя 10 лошадей для каждой хоругви, состоящей изъ 200 всадниковъ, уплачивается изъ суммъ того воеводства, войсками котораго они предводительствуютъ. Но за то при всѣхъ переходахъ и передвиженіяхъ поручники обязаны зорко слѣдить за вѣрными ему командами для того, чтобы солдаты не предавались грабежамъ, не взимали съ жителей никакихъ поборовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ одинъ является отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ причиненные убытки. Поэтому каждый изъ нихъ обыкновенно удерживаетъ нѣкоторую часть жалованья своихъ солдатъ и такимъ

¹⁾ Въ устройствѣ польскаго войска начальники отдѣльныхъ частей носили титулъ полковниковъ; поручниками назывались младшіе офицеры, заступавшіе мѣсто ротмистра въ его отсутствіе. Ротмистръ начальствовалъ хоругвями, количество которыхъ въ полку было неопредѣлено и достигало иногда двухъ, даже трехъ десятковъ. Авторъ очевидно ошибается, приписывая поручникамъ такое важное значеніе.

Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. П. В. Владимірова. — Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви. — Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева. — Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. А. М. Лазаревскаго. — Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. В. Б. Антоновича. — Портретъ М. С. Щенкина въ роли Чулуруна.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка М. К. Чалаго. 1882 г. Кіевъ. Цѣна 1 р. за перес. 14 к. (вм. 2 р.).

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полякъ Стародубскій. Кіевъ 1888—89 XVI+470+XXX стр. Цѣна три рубля съ пересылкою. Огладѣно второй выпускъ цѣна одинъ рубль съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Фамиліи бумажы Сулимиъ, Скорупы и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Ч. 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алонза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и ушія, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій. Монетныя клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Ц. 2 р., 2 вк. 2 р. 25. За перес. прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Сѣзда. 2 тома in 4^о и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старини“.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельными изслѣдованіи по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще; что составляютъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служатъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе наѣты и не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго, рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Подписка на „Кіевскую Старину“ въ 1889 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 6 руб., на мѣстѣ 5 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. по 1 р.

Редакторъ-издатель А. С. Лашевичъ.
